

ЭДУАРД КОЛЧИНСКИЙ

ТАК ВСПОМИНАЕТСЯ...

Нестор-История
Санкт-Петербург
2014

УДК 929.5
ББК 20г
К60

Редакторы
С.И. Зенкевич, С.В. Ретунская

Колчинский Э.И.

К60 Так вспоминается... — СПб. : Нестор-История, 2014. — 572 с., ил.
ISBN 978-5-4469-0411-2

Автор, историк и философ науки, рассказывает о своем жизненном и творческом пути, о друзьях и близких, о реализованных и нереализованных планах, о международных контактах и путешествиях. Рассказ ведется на фоне социально-политических событий с начала 1950-х гг. вплоть до современности.

**УДК 929.5
ББК 20г**

Kolchinsky E.I.

So I remember... — Saint Petersburg : Nestor-History, 2014. — 572 p.

The author, historian and philosopher of science, narrates about his course of life and creative development, friends and relatives, about his realized and unrealized plans, international contacts and journeys. The story is related against the backdrop of social and political events from the beginning of the 1950s. till the present.

ISBN 978-5-4469-0411-2

© Э.И. Колчинский, 2014
© СПбФ ИИЕТ РАН, 2014
© Издательство «Нестор-История», 2014

А прошлое, как ящер, вползает в настоящее
В. Шенталинский

...Убедительность, с которой повествование
представляет свою картину реальности,
достигается за счёт сокрытия значительной доли
этой самой реальности
У. Кронон

НЕПРЕОДОЛИМАЯ СУБЪЕКТИВНОСТЬ МЕМУАРОВ (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

Никогда не думал, что соберусь писать воспоминания. С отрочества относился к ним со скепсисом, хотя рано убедился в том, что в них можно почерпнуть сведения, отличающиеся от привычных версий событий. Кажется, в 1956 г. мой отец привез с какого-то всесоюзного совещания, то ли строителей, то ли железнодорожников, в Кремле книгу воспоминаний о В. И. Ленине. Еще не было известно, что вверху взяли курс на разоблачение культа личности И. В. Сталина. К удивлению читателей, среди авторов и упоминаемых ими друзей Ленина встречались фамилии тех, кого клеймили как непримиримых врагов, предателей советской власти и партии большевиков. В частности, рассказ Н. К. Крупской об обеде с Н. И. Бухариным в их доме 30 августа 1918 г., перед поездкой Ленина на завод Михельсона, полностью противоречил фильму «Ленин в 1918 году», в котором Бухарин был одним из главных организаторов совершенного там покушения. Много неожиданного можно было прочитать и на страницах воспоминаний полуопального руководителя Военно-революционного комитета в дни Октябрьской революции Н. И. Подвойского, коменданта Московского Кремля в годы Гражданской войны П. Д. Малькова и др.

Интеллигенция в 1950–1960-х гг. зачитывалась мемуарами И. Г. Эренбурга «Люди, годы, жизнь», которые расценивали как предтечу грядущих реформ. Позднее в моду вошли похожие друг на друга сочинения полководцев Великой Отечественной войны Г. К. Жукова, И. С. Конева, К. К. Рокоссовского, С. М. Штеменко и т. п., из которых, однако, все-таки можно было узнать малоизвестные сведения и детали, отличавшиеся от канонизированной истории о начале, ходе и жертвах войны. Каждому было понятно, что в большинстве случаев мемуары готовили профессиональные журналисты, сами мемуары подвергались жесткой цензуре и самоцензуре, а их выход согласовывался на самом верху. Но и здесь контроль давал сбой. В частности, огромной популярностью пользовались мемуары генерала армии А. В. Горбатова «Годы и войны» (1965), о котором сам И. В. Сталин сказал: «Да, так-то Горбатов. Горбатова только могила исправит». Его откровенные рассказы о методах НКВД в 1937–1941 гг. по выбиванию необходимых признаний производили шокирующее впечатление и до сих пор кажутся чем-то необыкновенным в годы происходившей тогда политики замалчивания или даже отрицания сталинских репрессий.

Стойкий скептицизм к этому жанру у меня возник после прочтения купленных в Ростове-на-Дону в 1959 г. «Мемуаров» Ш. М. Галейрана. К моему удивлению, текст знаменитого французского политика и дипломата, служившего многим сменявшимся режимам от Людовика XVI до короля Луи-Филиппа, успевавшего каждый раз не только предвидеть падение очередного правителя, но и предать его в пользу идущего на смену, был занудный, лживый и бессодержательный. А ведь его

автор считался одним из самых утонченных и умных людей своего времени, узнав о смерти которого современники, воспринимавшие Талейрана как человека, не делавшего ничего просто так, иронизировали: «Талейран умер. Интересно, для чего это ему понадобилось?».

Разочарование этими мемуарами скрашивал блестящий очерк Е. В. Тарле о Талейране. Благодаря ему я понял, что «отец дипломатии» и в мемуарах остался верен самому себе: обманывая всех при жизни, он старался обмануть читателя и после смерти. Поэтому он без тени смущения оправдывал себя во всем и обвинял власти, преданные им в разные годы, во всех ошибках и смертных грехах: они якобы вынудили его ради спасения Франции поочередно предавать роялистов, жирондистов, Директорию, Наполеона I, Александра I, Людовика XVIII. Удивительно, что при этом Талейрану удавалось более 20 лет оставаться одной из ключевых фигур менявшихся режимов.

Не меньшее разочарование у меня вызывали и воспоминания других политиков. Некоторые из них были, конечно, гораздо интересней и содержательней мемуаров Талейрана. Однако почти у всех мемуаристов-политиков я встречал не столько стремление поведать о пережитом и происшедшем, сколько, как говорится, проявить остроумие на лестнице: свести счеты с врагами и обидчиками, воздать славу друзьям, близким родственникам и покровителям, заодно поведать миру о чистоте своих помыслов, благородстве деяний и достижениях. Встречались воспоминания, где ярко выражено одно из этих намерений, и тогда они воспринимались мною или как злобный пасквиль, или как некая слащавая патока. Особенно пугала неискоренимая субъективность мемуаров. «Врут, как очевидцы», — это можно было сказать практически про любые из них. (Поэтому правильнее было бы мне назвать свои воспоминания «Еще одно лжесвидетельство»...)

Со временем выяснилось, что в не меньшей мере этим недостатком грешат и воспоминания ученых, профессиональная деятельность которых, казалось бы, должна была приучить их авторов к честности и объективности. Большой переполох в научном сообществе в годы зрелого брежневизма вызвала книга известного генетика, возглавлявшего в те годы Институт общей генетики АН СССР, — Н. П. Дубинина «Вечное движение» (1973). Книга, изданная в Политиздате, была явно стимулирована кем-то вверху как ответ на публикации Ж. А. Медведева «Подъем и крах Т. Д. Лысенко» и М. А. Поповского «Дело академика Н. И. Вавилова», вышедшие в Англии и США. Дубинин не ограничился выполнением социального заказа, т. е. оправданием создателя мичуринской биологии путем деполитизации и деидеологизации феномена лысенкоизма и сведения борьбы с ним к обычным научным разногласиям. Значительная часть книги была заполнена самовосхвалениями автора и его критическими выпадами против коллег, в том числе и учителей (что вообще считается недопустимым в научном сообществе) Н. К. Кольцова, А. С. Серебровского и т. д., традиционно недолюбливаемых властями именно за отказ безоговорочно подчиниться партийному диктату и принять бредни народного академика за научное откровение.

Естественно, биологи и историки науки, увидев в книге стремление реабилитировать как лысенкоизм, так и саму партийную политику в отношении генетики и дарвинизма, прореагировали на книгу отрицательно. Ее стали именовать «Вечным самовывдвижением», вспоминая всегдашние карьеристские устремления автора и его борьбу не только с научными противниками, но и с единомышленниками,

которые воспринимались им как конкуренты. Многие взялись за перо, во все редакции посыпались разгромные рецензии, которые редколлегии не могли публиковать, так как нельзя было критиковать книги, вышедшие в Политиздате.

Но к тому времени в стране был уже накоплен опыт подготовки и распространения андеграундной литературы. Многие рецензии стали перепечатываться и распространяться по неофициальным социальным сетям, а наиболее удачные и остроумные пересказываться. Одну из таких анонимных рецензий-карикатур мы с моим коллегой Я. М. Галлом так активно пропагандировали, что в Ленинграде нас записали в ее авторы. Только впоследствии мы узнали, что ее сочинил популяционный генетик, а впоследствии историк и философ науки М. Д. Голубовский. Воспоминания Н. П. Дубинина превратили его в своего рода изгоя в академическом сообществе. Ему отныне каждое лыко ставили в строку и в конечном счете добились освобождения с поста директора академического института. Среди других причин его снятия немалую роль играла и крайняя его субъективность в оценке трагических событий в истории отечественной биологии и ее героев.

Со временем мне стала очевидной ошибочность негативного отношения к мемуарам. Более того, их субъективность из недостатка в моих глазах стала превращаться в достоинство. Произошло это в конце 1980-х гг., когда я брал интервью у ключевых участников борьбы с лысенкоистами в 1930–1960-х гг. (В. Я. Александрова, В. С. Кирпичникова, Д. В. Лебедева, Ю. И. Полянского) и у других ученых, деятельность которых разворачивалась в этот период (А. Д. Александрова, М. М. Голлербаха, Е. И. Лукина, А. М. Уголева и др.). Обнаружилось, что встречающиеся в ответах и рассказах ошибки в датах, в описании событий и их последовательности, в оценке позиций участников, в том числе порой и собственных, — это отнюдь не результат обдуманного намерения ввести меня, а значит, и будущего читателя в заблуждение, а результат присущего человечеству свойства воспринимать и подправлять реальность в выгодном для себя свете. И чем более двусмысленным было поведение того или иного повествователя в тот или иной период, тем больше был угол искажения. Выяснилось, что сам критерий объективности неуместен при оценке этого жанра, а попытки подкрепить свои воспоминания всякого рода документами, будь то вырезки из газет, характеристики, отзывы, письма, дневниковые записи, нередко вносят дополнительные трудности при реконструкции прошлого.

При неизбежной фальсификации подавляющего числа документов того времени ссылки и цитаты не столько служат обоснованию рассказа, сколько свидетельствуют о внутренней неуверенности автора в правильности своих реминисценций. Ведь на протяжении нескольких десятилетий думали одно, говорили другое, писали третье. Поэтому сейчас трудно воспроизвести, что же было на самом деле и что искренне считал и говорил тогда рассказчик. В годы тоталитарного террора только с самыми близкими людьми решались на откровенность, и то только дома, на диване и шепотом, как сказала мне в одном интервью директор и главный редактор Лениздата в годы войны Ф. И. Кричевская, получившая в начале 1950-х 25 лет лагерей. И даже подобная осторожность не гарантировала от репрессии, так как предавали не только друзья, но и ближайшие родственники: мужья, жены, родители, дети. Не зря в те годы родилась фраза: «Порядочный человек — это тот, кто делает подлости без удовольствия». Нельзя забывать и огромную субъективность в выборе

документов, которые сами по себе являются лишь текстами эпохи, требующими прочтения и интерпретации в ее социально-культурном и языковом контексте.

Сравнивая многочисленные мемуары по истории отечественной биологии, я начинал понимать, что наиболее полезны труды, где автор рассказывает о пережитом с позиций сегодняшнего дня, не пытаясь представить себя в роли носителя конечной исторической истины. Чем больше субъективность мемуаров, тем больше их ценность, так как мемуары, хотя и рассказывают о людях, годах и событиях, но не столько воскрешают забытые имена и факты, сколько раскрывают духовно-нравственный мир повествователя через восприятие пережитых им событий.

Решающим в осознании этого требования к мемуарной литературе стал разговор весной 1989 г. с Ю. И. Полянским, незадолго до того закончившим рукопись «Годы прожитые» и попросившим меня дать рецензию. Воспоминания и по стилю, и по содержанию были блестящими, я их «проглотил» быстро. Помимо официального отзыва я в разговоре указал Юрию Ивановичу на ряд ошибок в датах, последовательности событий, должностях упоминаемых лиц, названиях учреждений и т. д. Он согласился с замечаниями и предложил из рецензента превратиться в редактора. Мне трудно было отказать человеку, которого я считал одним из своих учителей и который на протяжении более чем двадцати лет помогал мне. К счастью, Ю. И. Полянский понял доводы, согласно которым я как редактор-историк только испорчу книгу, превратив ее из свидетельства участника прошлых событий в выхолощенный текст с выверенными датами и оценками событий, базирующимися не на личных воспоминаниях, а на литературных и архивных источниках.

Юрий Иванович не дождался выхода в свет своих мемуаров, которые подготовила к печати его верная ученица и коллега Т. В. Бейер. Но на сегодняшний день это один из лучших образцов мемуарной литературы по истории отечественной биологии. В каждом его предложении чувствуется уникальность пережитого рассказчиком. Восприятие прошлых событий преломлено через его богатый жизненный опыт от Первой мировой войны до распада государства.

У читателя этих мемуаров, естественно, могут возникнуть вопросы: «А зачем браться за написание мемуаров, если автору заведомо известна их неискоренимая субъективность? А вообще, кто автор такой, чтобы в гордыне полагать, что его жизненный опыт и оценки прошлых событий представляют какую-либо ценность? Да и его возраст не столь уж велик, чтобы претендовать на какой-либо опыт, отличный от переживаний ровесников, которые не нуждаются в прочтениях рассказов других о пережитых ими событиях. Титулов, наград и премий не так уж много!» Всякий задавший эти и подобные вопросы будет прав.

Их задавал я сам себе, а также некоторым младшим коллегам, которые, выслушав очередной мой рассказ об увиденном, пережитом и услышанном, уверяли, что все это интересно, так как якобы проливает свет на закулисную историю науки, раскрывает историческую антропологию научного сообщества и т. п. Но ведь кто скажет правду в таком деликатном деле? В силу необратимого течения времени мне все чаще доводится говорить, чем слушать, на различного рода юбилейных вечерах и конференциях о встречах, общении, сотрудничестве, а иногда и дружбе с людьми, известными научной общественности, оказавшими влияние на облик ленинградско-петербургской биологии в 1960–1990-х гг. Многочисленные беседы и интервью с непосредственными участниками борьбы с лысенкоистами позволили лучше

представить ее сложную историю. Становились очевидными многие мифы, сложившиеся в истории науки. Особенно важны для меня были беседы разных лет (будь то специальные интервью или короткий обмен мнениями по данному вопросу), когда моими собеседниками были А. Д. Александров, В. Я. Александров, Н. Н. Воронцов, М. М. Голлербах, И. С. Даревский, А. В. Иванов, Л. З. Кайданов, М. М. Камшилов, И. И. Канаев, В. С. Кирпичников, Ф. И. Кричевская, Е. И. Лукин, Ю. В. Наточин, К. Л. Паавер, В. О. Самойлов, Л. Н. Серавин, Я. И. Старобогатов, Т. Я. Сутт, Л. П. Татаринев, Л. А. Фирсов, А. Г. Юсуфов, Е. С. Якушевский, М. Г. Ярошевский и др. Судьба дала мне уникальную возможность в течение многих лет сотрудничать с К. М. Завадским, Д. В. Лебедевым и Ю. И. Полянским, что сказалось на многих моих научных взглядах и на трудах. В 1984–1991 гг. мне довелось еженедельно вести долгие беседы с А. М. Уголевым, благодаря которым я смог выяснить для себя не только важные моменты в истории советской биологии, но и лучше, как мне сейчас кажется, понять ее этос и особенности академического сообщества в целом и биологического в частности. Последняя четверть века была ознаменована публикациями воспоминаний биологов (Г. И. Абелев, Ю. Ф. Богданов, В. Я. Александров, С. М. Гершензон, Л. А. Пирузян, Е. М. Крепс, Т. С. Ростовцева, М. П. Солнцева, В. А. Струнников, Н. В. Тимофеев-Ресовский и др.). Однако ещё далеко до полного понимания событий прошлых эпох и их ключевых механизмов, а также важных аспектов взаимоотношений биологического сообщества, научного общества в целом и власти, которые претерпевали коренные изменения на наших глазах.

Однако мои воспоминания отнюдь не ограничиваются историей отечественной биологии. После окончания Ленинградского университета я десятки лет работал в Ленинградском университете на философском, геологическом и биолого-почвенном факультетах почасовиком или совместителем, читая разного рода историко-научные, философско-методологические и биологические курсы. Это дало мне возможность наблюдать университет немножко со стороны и понять, почему любимая моя альма-матер сейчас не входит в число даже 600 лучших университетов мира, хотя в нем немало блестящих профессоров, хранящих традиции славного прошлого. Знакомые мне академические и университетские сообщества философов и биологов представляют собой пусть и весьма разнообразные, но в то же время единые социальные образования, в которых отразились противоречия эпохи перехода от настроений, надежд, чаяний и разочарований первой половины 1960-х гг. до примерно той же гаммы чувств в 1990-х гг.

Философский факультет в частности и философское сообщество Ленинграда-Санкт-Петербурга в целом на протяжении всего этого времени всегда были максимально идеологизированы и политизированы. Его члены нередко имели прямой выход на властные структуры, и в их истории была представлена, хотя порою и в гротескных формах, важная часть интеллектуальной истории страны и города, в особенности проявившаяся в массовом отказе от прежних ценностей и даже целых мировоззрений в пользу их полных антиподов. Среди ярких обличителей советской философии оказалось немало тех, кто свою научную карьеру выстроил, пропагандируя решения партийных съездов и труды классиков марксизма. Столь массовый и скорый идеологический переворот всего философского сообщества огромной страны, претендующей на самобытное место в современном культурном мировом развитии, представляется явлением, требующим всестороннего обсуждения.

Однако, насколько мне известно, ни в специальных научных трудах, ни в воспоминаниях философов нет даже внятной постановки вопроса о том, почему это произошло и что предшествовало подобному массовому ренегатству. Не выяснено, был ли столь мощный адаптационный синдром отечественной философии к новым социально-политическим и экономическим условиям результатом его крайней политической ангажированности на протяжении XIX–XX вв. или закономерным результатом некой моральной и интеллектуальной ущербности большинства выбравших эту стезю. Именно на это делают упор ряд рефлексирующих философов, окончивших ЛГУ в те же годы. Создается впечатление, что образцом для их воспоминаний служил финал популярного в наши дни анекдота: все в дерьме, а я один в белом. Неинтересны мне и их рассказы о том, кто, с кем, когда и каким образом, унижающие, на мой взгляд, не женщин, а авторов, претендующих на некий интеллектуальный эстетизм, да ещё порой православного розлива.

К сожалению, и в мемуарах наших учителей, предельно честного и рыцарственного Моисея Самойловича Кагана, а также высокомерного Игоря Семеновича Кона, происходящее рассматривается сквозь призму социально-психологических характеристик ряда действующих лиц, названных приверженцами официальной идеологии и конформистами. На мой взгляд, это не совсем так или, точнее, совсем не так. Вспоминая учебу и работу на факультете в 60–70-х гг. прошлого столетия, я прихожу к выводу, что уже тогда значительная часть студенчества и профессорско-преподавательского состава страдала от идеологического единомыслия и пыталась выйти за пределы марксизма.

Не менее важными мне кажутся годы, проведенные на Урале, где современникам пришлось пережить масштабный период ломки прежних стереотипов, вызванных десталинизацией и формированием критического отношения к официальным обещаниям и постановлениям. И в школе, и в годы работы в изыскательской партии, в путешествиях по стране приходилось убеждаться в том, что позиции коммунистического режима не столь прочны, как уверяли средства массовой пропаганды. Даже в партийно-административных кругах областного масштаба, связанных с решением глобальных экономических, промышленных и сельскохозяйственных задач, зрело недовольство существующим положением. В последние несколько лет я не раз встречался со многими своими бывшими одноклассниками и с удивлением увидел, что подавляющее большинство, в том числе те, жизнь которых не улучшилась в постсоветский период, восприняли происходящее как неизбежный ход событий. В годы же детства и юности я удивлялся, почему они пассивно реагируют на некоторые мои филиппики; теперь же понимаю, что многие из них были детьми тех, кто не по собственной воле оказался на Урале, и это приучило их к молчанию.

Не менее поучительным оказалось осознание того, как мало мы знали друг о друге и насколько по-разному воспринимали происходящее вокруг. Так, меня удивила реакция одной из самых ярких девушек, отличниц и умниц нашего класса Тамары Меламед на мое интервью, в котором говорилось, что в 1950-х примерно 95% домов в Челябинске были деревянные. Она с удивлением спросила, где мне удалось увидеть такие дома. Оказалось, что из детства, отрочества и юности она запомнила только несколько кварталов, в которых жила она и ее ближайшие друзья, а также улицы, вдоль которых она ходила в школу, на занятия английским языком и музыкой. В памяти не осталось даже то, что противоположная сторона улицы, на которой

стояла наша школа, полностью была застроена деревянными домами, часть которых была как раз через дорогу, и она их видела каждый день.

Но и моя память оказалась столь же избирательной. Я начисто забыл о том, что в 10-м классе, когда я оставался, пожалуй, единственным некомсомольцем, чем портил школьные показатели, мои одноклассники, отнюдь не карьеристы и не зубрилы, не хотели принять меня в комсомол, хотя им рекомендовали так сделать учителя, чтобы не портить мне анкету. Как рассказал Витя Гохфельд спустя 45 лет, они были шокированы моими вольными политическими высказываниями на комсомольском бюро. Причем особенно важно, что не содержанием высказываний, а тем, что они были произнесены там, где все должно было выглядеть безукоризненно с формальной точки зрения. Естественно, тем самым я мог подвести людей, принимавших решение. Странно, что я об этом забыл, а Витя Гохфельд помнил и рассказал, как бы несколько извиняясь за свои тогдашние колебания.

Что касается воспоминаний как средства самовыражения и увековечивания себя, то для меня это слабая мотивация. Я знаю, как ненадежен этот путь, вызывающий массу толков, пересудов и обид. Мне не известны случаи, чтобы мемуары увеличивали число друзей, а вот количество врагов порою возрастало многократно. Моя судьба сложилась так, что удалось напечатать практически все, что я хотел сказать. Кто интересовался исследуемыми мной проблемами, мог ознакомиться с их изложением в сотнях работ. Поэтому увековечивать себя мемуарами неразумно и рискованно. Хорошо бы написать мемуары так, чтобы, не лукавя, назвать их «Без похвалбы и поношений», но, когда пишешь о себе и об окружающих, трудно сохранить объективность.

Недавно мне пришлось встретить такое определение человека: «Человек есть животное, рассказывающее истории». Автор этого определения Грэм Свифт считает, что куда бы человек ни отправлялся, что бы он ни делал, ему хочется оставить не хаотические следы своей деятельности и тем более не пустое пространство, не позволяющее понять, а для чего же все это было. Поэтому все мы стремимся застолбить прошлое утешительными вешками и флажками рассказов и непрерывно рассказываем истории, точнее непрерывно их сочиняем. Ведь воспоминание — это не возвращение в прошлое и даже не попытка воспроизвести его в настоящем, вернув образы ушедших людей. Воспоминание — это не только наше настоящее, воспоминание — это скорее попытка прорыва в будущее, последняя надежда сохранить себя в памяти потомков таким, каким тебе хотелось бы выглядеть. У человека, как и у страны, не все потеряно, пока есть история, которую хотелось бы иметь и за которую не стыдно. Ведь в этом мире все борются за правду, но правда у каждого своя.

В своих мемуарах я хотел бы рассказать прежде всего о людях, которые, несмотря на не очень простые условия жизни, растили детей, дружили, помогали друг другу, строили дома, учили подрастающее поколение и по возможности честно исполняли свой долг на земле. И таких людей, вопреки широко культивируемому сейчас мнению, было большинство. Конечно, как говорил Михаил Булгаков, квартирный вопрос или ненормальные условия жизни многих из них испортили. Но мой опыт многократного пребывания в разных странах благополучного Запада, а также Японии, Индии и Китае убедил, что нет существенных отличий в общечеловеческих качествах и поступках. И это естественно. Ведь никогда и нигде для

большинства людей не существовало идеальных условий жизни. Почти все и всегда должны были вести тяжелую борьбу за выживание свое и своих детей. Тем не менее на протяжении сотен тысяч лет человечеству удается сохранить такие качества, как верность, честность, альтруизм, взаимопомощь, доброта, трудолюбие и т. п.

Не желая идеализировать ни прошлое, ни настоящее, я не собираюсь следовать распространенной моде тотального очернительства «совков». Меня раздражают не только воспоминания, но и книги с претензией на историческую достоверность, в которых автор следует суждениям гоголевского героя: мол, нет в городе порядочных людей, кроме судьи, да и тот подлец. Представляются непродуктивными попытки изображать прошлое, впрочем, как и настоящее, в черно-белых красках. Ввиду многомерности реальности должны существовать разнообразные направления в воспроизведении ее когнитивных, социально-психологических, социально-антропологических, идеолого-политических, экономических, институциональных, семантических, семиотических и символических аспектов. Открывшиеся два десятилетия тому назад архивы способствовали разрушению многих мифов о социалистической эпохе. Это породило у многих авторов стремление изображать весь советский период лишь в черных или серых тонах, забывая о блестящих достижениях советской науки и промышленности, обеспечивавших СССР прочное второе место в мировой экономике, высоком качестве среднего и высшего образования в стране, о массовом строительстве жилья, о ликвидации голода и т. д. Как я уже говорил, не прельщают меня и рассказы о том, что ниже пояса, и не в силу ханжеского лицемерия. Вопреки шуткам перестройки, секс в СССР, конечно, был, но в нашем кругу было не принято говорить об «этом». Кому интересно узнать, кто, с кем, когда и в какой обстановке, может не открывать эту книгу. В ней этого нет.

На самом деле стремление увидеть прошлое только сквозь черные очки или дальтонизм при описании процессов недавнего прошлого науки порождают такие же мифы, как и недавно господствовавшая легенда о новой исторической общности людей, днем и ночью думавших о том, как бы поскорее выполнить исторические решения очередного съезда КПСС и что-то там соорудить, построить, завершить, водрузить, задуть, собрать, преодолеть и т. п. Изображение прошлого в черных тонах обычно декларируют как объективный анализ, призванный преодолеть якобы насквозь идеологизованную и политизированную советскую гуманитарную литературу, в том числе и такую ее часть, как воспоминания. Мне представляется бессмысленным вопрос, кто больше, а кто меньше политически и идеологически ангажирован был в недавнем прошлом, кто и чем занимался до перестройки, кто и от кого получал деньги, кто, когда и за сколько менял свои убеждения. Оставим эти темы для средств массовой информации, а также некоторым отечественным историкам науки, вынужденным отрабатывать свой тяжелый эмигрантский хлеб.

Многолетний опыт общения с рядом видных советских биологов, сыгравших огромную роль в борьбе с лысенковщиной и в преодолении её последствий, убедил меня в том, что среди них было немало бескорыстных искателей истины. Все они были яркими личностями, не похожими друг на друга. Каждый имел собственную мотивацию и стратегию поведения, которые нередко менялись не столько от социально-культурного контекста, сколько от эволюции самих научных взглядов. В силу профессиональных занятий мне известно, что всякое историческое исследование предполагает изучение огромного комплекса источников: архивных, литературных,

устных и т. д., на базе которых строятся более или менее обоснованные реконструкции и делаются выводы.

В последние годы стали доступны многие партийные и государственные архивы, в том числе ЦК ВКП(б), НКВД и т. д., которые позволяют лучше понять многие пусковые механизмы в истории советской науки. Но смотреть на прошлое только через воспоминания, стенограммы партийных собраний, служебных записок или протоколов допросов арестованных, на мой взгляд, дело бесперспективное, так как всякий раз необходима тщательная проверка на истинность этих свидетельств в силу изначальной фальсифицированности архивного материала, авторами которого, увы, тоже были люди. При всей противоречивости и многогранности истории советской науки в ней сохранялась нацеленность на приобретение нового знания. И подлинный, неофициальный успех здесь приходил только к талантливому, целеустремленному и удачливому человеку, преданному своему делу. В противном случае СССР не смог бы конкурировать с США в области военных технологий и в освоении космоса.

Изображение всех советских ученых как занимавшихся научной практикой только ради финансирования, поиска патронажа среди властей предержавших, выстраивания социальных сетей, создания собственных школ как мафиозных группировок, построения «научных империй» и т. д. оставляет без ответа главные вопросы: «Для чего они это делали?», «Что они сделали?», «Как они это сделали?», «Почему у них были столь различные результаты?» и «Насколько их результаты соответствовали уровню мировой науки?» Без ответа на эти вопросы любые воспоминания о научной деятельности теряют смысл, как бессмысленна военная история без сражений, история литературы без художественных произведений и т. д. В итоге мы имеем не столько нейтралистский анализ или объективистскую картину прошлого, сколько сверхсубъективный мир автора, конструирующего всех своих героев по своему образу и подобию.

Воспоминания, снабженные массой подробностей из личной жизни своих коллег и родственников, трудно назвать проникновением в прошлое, как и исторические романы В. Пикуля «Пером и шпагой», «Битва железных канцлеров» и др., столь популярные в 1970–1980-х гг. В них все государственные деятели Российской империи XVIII–XIX вв. включая императоров, цариц, канцлеров, полководцев, офицеров, выглядели удивительно однообразно: пьяницы, воры, скандалисты, развратники и развратницы, хамы, дураки и т. д. На мой взгляд, следует в воспоминаниях соблюдать принцип нейтральности, избегая по возможности морализирования и пафоса, использовать все цвета радуги и их оттенки при реконструкции нашего прошлого, впрочем, как и настоящего, рассматривая его в целом как один из способов общественного устройства. Его специфика выражалась в стремлении государства контролировать все сферы жизнедеятельности человека, чтобы с максимальной эффективностью для себя использовать имеющиеся ресурсы для развития экономической и военной мощи, для идеологического оправдания собственной внутренней политики, для повышения международного престижа.

Конечно, правящая элита в СССР старалась не только поставить все сферы духовного производства под свой контроль, но воспитать особую разновидность интеллигенции, разделявшую её мораль, планы и мировоззрение. Со своей стороны народ, оказавшийся в условиях, когда только государство предоставляло средства

к существованию, вынужден был искать особые формы взаимоотношений с властями и обществом. Достигнуть взаимопонимания оказалось не столь трудно, так как «советизация» протекала в стране, где сильно были развиты мечты о царстве всеобщей социальной справедливости и равенстве, а также о мессианской роли России в мировой истории. Это и было то основное, что предопределило ее путь на протяжении нескольких столетий, но наиболее трагические события выпали на плечи наших родителей.

Некоторые из моих друзей, которым я давал читать воспоминания, чтобы проверить возможную реакцию читателей, правильно отметили, что в художественном отношении заключительная часть напоминает отчет о проделанной научной работе, и предлагали её сократить. В целом я был согласен с ними, однако после долгих колебаний не стал следовать совету. Дело в том, что в этой части сказано о последних двух десятилетиях моей жизни, во время которой история науки, включая организационную и административную деятельность, заслонила практически все. Порой я спал по три–четыре часа в сутки, работая над очередной книгой или коллективной монографией. Умолчать об этом, а также о коллегах и иностранных друзьях, с которыми я взаимодействовал в этот период, я посчитал неправильным.

Толчком к написанию этих мемуаров послужило интервью, взятое у меня в феврале 2004 г. Г. И. Смагиной и Т. И. Юсуповой и расшифрованное П. В. Кузьминым. После операции у меня и интервьюеров как-то не дошли руки довести его до печати. Но само интервью прочитали моя одноклассница Т. В. Меламед и братья, Я. И. Колчинский и Р. Ф. Брандесов, сделав ряд замечаний. В какой-то мере оно было использовано мною в подготовке письменных ответов на вопросы выдающегося украинского историка В. Н. Оноприенко в книге «Призвание». Ознакомившись с интервью, издатели, С. Э. Эрлих и Е. Ф. Качанова, несколько лет уговаривали меня превратить его в полноценные мемуары.

По ходу написания воспоминаний кое-какие детали из прошлого, прежде всего фамилии учителей и преподавателей, помогли мне уточнить одноклассники и однокурсники: Вадик Алесковский, Сережа Барькин, Витя Гохфельд, Ира Дуркина, Галя Егорова, Люда Мацына, Мила Комарова, Юрий Курочкин, Вова Крепышев, Толя Михеев, Володя Носов, Люда Овчинникова, Фима Ольштейн, Володя Рольщиков, Люда Сверчкова, Володя Симкин, Лена Смолина, Игорь Шмерлинг. Архивные сведения о некоторых родных мне сообщила моя двоюродная племянница Майя Ридовна Брандесова, а сведения о ее деде, М. Я. Колчинском, я нашел в Центральном государственном архиве историко-политической документации. Уже когда воспоминания были готовы, я прочитал мамин дневник за 1949–1951 гг. и обнаружил некоторые расхождения с тем, что вспоминается мне, и с тем, что она потом рассказывала. Но менять ничего не стал, так как это бы противоречило названию книги.

В полном виде с воспоминаниями впервые ознакомился редактор журнала «Политическая концептология» В. П. Макаренко и выбрал несколько глав для публикации. Елена Федоровна Качанова также прочитала их полностью и предложила публиковать как можно скорее в издательстве «Нестор-История». Она контролировала все стадии процесса редакционной подготовки, способствовала улучшению текста и более рациональному размещению фотографий. Моя жена — Наталия Викторовна Колчинская — внимательно прочитала текст, исправила наиболее

одиозные ошибки и дала добро на публикацию. Блестящий стилист и тонкий знаток русской классической литературы, профессиональный редактор, кандидат филологических наук Светлана Игоревна Зенкевич, как всегда, тщательно и придирчиво неоднократно прочитала рукопись, исправляя ошибки, неудачные выражения, убирая некоторые наиболее смачные, полужаргонные слова. Мой главный помощник по сектору Анатолий Всеволодович Полевой и заведующая библиотекой СПбФ ИИЕТ РАН Светлана Владимировна Ретунская выполнили огромный объем работы по составлению и проверке библиографии моих трудов, а также основных дат моей жизни по архивным документам и отчетам Филиала. Татьяна Ивановна Юсупова, составившая большой электронный архив Филиала, помогла мне уточнить многие детали. Ценные документы мне предоставила и заведующая нашим архивом Татьяна Юрьевна Феклова. Разумные советы по поводу иллюстраций я получил также от А.В. Родионовой.

Им всем я искренне благодарен, как благодарен и А. В. Балужкину, И. Л. Безбородко, Л. Я. Боркину, М. Д. Голубовскому и В. А. Драгавцеву за ценные комментарии по отдельным разделам рукописи. Без их помощи и моральной поддержки эта книга никогда бы не увидела свет. Ну а за её недостатки я готов отвечать сам.

ИСТОКИ И ВЗРОСЛЕНИЕ

ПРОБЛЕМА НАЧАЛА, ИЛИ МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Сейчас модно знать свои корни. Через 70 лет советской власти вдруг оказалось, что почти у всех предки князья, графы, дворяне, на худой случай купцы или промышленники. Непонятно, куда смотрели «органы» в борьбе с классовыми врагами. Несколько лет тому назад я встретил однофамилицу одного из фаворитов Екатерины II и узнал от нее, что он как-то вписывается в ее родословную. Возможно, это и так, хотя не исключен и некий семейный миф. Для меня самым удивительным оказалась то, что дама таким образом в прошлом искала основание для самоидентификации и обоснования жизненного кредо. От природы она обладала критичным умом и сильным характером, несмотря на все жизненные перипетии, не сломалась и, как она любит говорить, прожила не во лжи.

Недавно я прочитал, что в 1990-х гг. за 1000–1500 долларов можно было выправить любой документ о высоком происхождении, будь то от Рюрика или от Чингисхана. Изготавливаемые родословные снабжались ссылками на записи в церковно-приходских книгах и выписками из архивных документов, якобы сохранившихся с тех времен. Если бы участникам Куликовской битвы и Ледового побоища полагались льготы, то наверняка соответствующие органы смогли бы подготовить необходимые документы.

Несколько лет назад, когда мне исполнилось 60 лет и сотрудники убедили меня в необходимости отметить событие по всем академическим правилам со вступительной лекцией юбиляра, я решил ее также начать с выяснения родословной. К тому времени массовое изготовление родословных прекратилось, да и цены на них наверняка существенно подросли. Поэтому я не стал искать мифических родственников, а начал с рассуждения о том, что у меня были две бабушки и два дедушки, четыре прабабушки и четыре прадедушки, восемь прапрабабушек и восемь прадедушек и т. д.

Я остановился на 30-м поколении, где число предков в соответствии с геометрической прогрессией насчитывало уже миллиарды. Если по всем расчетам экологических историков, археологов и этнографов в то время, т. е. где-то в XIII в., все население Земли насчитывало 200 миллионов человек, то каждый живший в не столь уж отдаленные от нас времена мог бы быть по крайней мере 5–10 раз моим предком. На этом мне показался бессмысленным дальнейший рассказ о моей родословной, так как достаточно было бы просто читать всемирную историю человечества, так как она вся о деяниях моих предков. Но если кого-то подобная аргументация не убеждает, то я прошу верующих вспомнить о том, что они все потомки библейских Адама и Евы, живших около 7 тысяч лет тому назад, а неверующих — потомки опять же генетической Евы, но жившей в Восточной Африке примерно 150–180 тысяч лет назад. Существование единых африканских праматери и праотца однозначно

подтверждается сравнительным анализом цитоплазматических наследственных элементов человека и Y-хромосомы.

Я не случайно остановился ретроспективно на 30-м поколении, время которого совпадало с созданием Чингисханом и его потомками могучей империи от Тихого океана до Карпатских гор. Именно тогда уроженец бассейна р. Онона, обеспокоенный ростом сепаратистских движений на огромной евроазиатской территории, укрепляя вертикаль власти, провел антитеррористические операции в ряде областей Центральной Азии и восстановил величие Империи гуннов. 15 лет спустя его внук, оказывая братскую помощь дружеским славянским государствам, страдавшим от коррупции и клановых разборок местных олигархов, ввел ограниченный контингент войск на территорию ряда восточноевропейских княжеств и установил мир, покой и единую налоговую систему этой империи, наследником которой и стало четыре века спустя Московское царство Алексея Михайловича, провозглашенное в начале XVIII в. Российской империей.

Современная терминология была использована не случайно. Если оставить в стороне естественное желание съерничать в день шестидесятилетия, она отображает непреложный исторический факт: «рыжебородый бич неба батыр Чингисхан» в исторически обозримом прошлом создал огромную евроазиатскую державу, а ее преемницей стала Российская империя, в пределах которой я могу отыскать реальные корни моих предков, но только во второй половине XIX в.

Моя родословная проста. По советским меркам, у родителей были «идеальные анкетные данные» по социальному происхождению, воплощение «союза» рабочего класса, крестьянства и трудового ремесленничества. Но «красное колесо» проехало и по ним.

Одна ветвь со стороны матери и бабушки — это бывшие астраханские крестьяне Ивашинниковы, которые в середине XIX в. переехали на Дальний Восток и в 1866 г. основали село Никольское, ставшее позднее городом Никольском-Уссурийским. Первоначально село насчитывало 20 домов, и туда заходили тигры, так как еще не находились под охраной первых лиц государства. Сейчас это город Уссурийск с населением свыше 150 тысяч. К сожалению, я там не был, но старший брат Юля посетил вместе с бабушкой этот город в начале 1970-х гг. и удостоверялся, что в местном краеведческом музее хранятся фотографии моего прапрадеда с братьями как основателей города. Очень интересно бабуся, как мы всегда звали нашу бабушку, рассказывала, точнее пересказывала, воспоминания своего деда о том, как он с братьями ехал через всю страну несколько тысяч верст на новую родину. А уехали они потому, что переселенцев освобождали на 25 лет от армии, а он и его братья и сестры не хотели, чтобы сыновья стали «пушечным мясом». Моему прадедушке было тогда шесть лет. Так что «косили» от армии еще при царе-батюшке.

Путь на Дальний Восток занял несколько лет. Зимой ехали на лошадях, гнали с собой скот. Летом останавливались, сажали, собирали урожай, косили, продавали часть собранного урожая, а что не могли продать — брали с собой и ехали следующую зиму. И так три года. Фотография моего прапрадеда Антона Ивашинникова, на которого, как все меня уверяли на работе, я очень похож, всегда стоит передо мной вместе с фотографиями моих родителей, бабуси, умершего старшего брата и выпускной фотографией нашего 10-го класса.

Я люблю всматриваться в лицо моего прапрадеда, стремясь понять, какая же сила вынудила их все бросить и отправиться на край света. Вообще, я всегда считал и продолжаю считать сельскохозяйственный труд не только самым тяжелым, но и самым нужным для процветания любой страны. Жаль, что именно крестьяне со времен Киевской Руси жили во все времена хуже всех. Простите за высокопарность, но чувствую связь поколений, и голос крови сильно говорит во мне. Там же стоит семейная фотография моего прадеда Андрея Антоновича Ивашиинникова, у которого было девять детей от двух жен, а в третьем браке детей не было. И на фотографии некоторые его внуки старше своих дядей и теток. Почти все его дети выжили, стали крепкими крестьянами. Семья была дружная. Все много трудились и создавали благополучие собственными руками. Земля там была плодородная, хороший климат. У прадеда было три больших хороших дома, из них два каменных. Свой дом имел и его старший сын Никифор, у которого также было шесть детей. На той же улице, называемой Николаевской, стояли дома двоюродных братьев и сестер прадеда. Кстати, все они отличались долголетием и многие прожили более 90 лет.

Бабуся, Анастасия Андреевна, родилась в 1891 г. Она была третьей среди детей прадеда от первого брака и с раннего детства помогала нянчить младших, затем окончила три класса церковно-приходской школы, учительские курсы и стала народной учительницей. На фотографии тех лет крестьянская девушка выглядит не менее благородно, чем выпускницы Бестужевских курсов. Была она человеком исключительной доброты и врожденной интеллигентности. Великая труженица, которая умела делать буквально все. Благодаря ей мы в послевоенные годы всеобщей нищеты и хронического дефицита всегда были со вкусом одеты. На старой машинке «Зингер», купленной еще до революции, она из старых вещей и железнодожного обмундирования моих родителей шила нам изящные брючки, курточки, рубашечки т. д. Она была талантливой рукодельницей, делала салфетки, вышивала, прекрасно готовила. Никогда в рот не брала спиртного.

Мой дедушка Павел Федорович Бойко сватался за нее еще в 1908 г., но прадед не дал благославления, надо было поднимать младших братьев и сестер, да и плохо знали жениха, недавно приехавшего с Украины. Но, видно, им было суждено быть вместе. Вышла она за него, когда он овдовел, — пожалела двух его малолетних дочерей, которые приходились ей двоюродными племянницами. На этот раз благословение дал и отец, сказав, что надо поднимать сирот. По их рассказам, они долго даже не знали, что мать им неродная, так как бабуся никак не отличала их от двух собственных дочерей. Всю жизнь она посвятила близким, помогла моей маме воспитать четырех детей, старалась для всех сделать что-нибудь хорошее. Была спокойна, рассудительна, с очень трезвым умом и прекрасным чувством юмора. Для нее человек всегда и при любых обстоятельствах должен был трудиться.

Её муж Павел Федорович Бойко родился в 1892 г., т. е. был на год младше жены; по происхождению он украинец из Киевской губернии, местечка Володарко, расположенном на реке Рось, правом притоке Днепра. Там до сих пор живут многие мои троюродные и четвероюродные братья. Его отец и мать родились еще крепостными. Сам он батрачил с юности и в 14 лет, не выдержав беспросветного труда, уехал на Дальний Восток, возможно, из-за участия в крестьянских волнениях 1906 г. Несколько тысяч километров он проехал как бродяга или под вагонами, или на крыше вагона. Начал работать кочегаром, затем помощником машиниста. Во времена

Гражданской войны участвовал в партизанском движении против японцев. Благодаря находчивости моей бабушки чудом избежал ареста, который, скорее всего, закончился бы для него в паровозной топке. После присоединения Дальневосточной республики к СССР был послан на два года на учебу в Москву. Вернувшись, вскоре переехал с семьей в Хабаровск, а затем в Калугу, откуда его часто командировывали в Среднюю Азию и на Кавказ для борьбы с басмачами.

После окончания в 1936 г. Транспортной академии им. И. В. Сталина, находившейся в Ленинграде на Петроградской стороне, он был направлен начальником отделения дороги на Северном Кавказе в Минеральных Водах. Там 23 мая 1937 г. его арестовали и расстреляли. Об этом мне стало известно недавно из списков жертв сталинских репрессий. Ранее я базировался на официальном сообщении о его смерти в 1943 г. от туберкулеза в лагере. Видимо, «славные» органы безопасности уже тогда знали, что творят преступления, и замечали следы. Я никогда не верил этому официальному сообщению и оказался прав. Получить сведения о дате суда и расстрела, о месте захоронения пока не удалось. Правопреемники преступных организаций после короткого периода страха и видимого раскаяния в 1990-х гг. сейчас вновь предпочитают отмалчиваться на запросы.

«К счастью» для жены и четырех дочек, они не успели переехать к нему из Ленинграда, где поселились во время его учебы в ЛИИЖТ. Это их спасло. Их не выслали как родственников «врага народа». В Ленинграде, где репрессии были всегда беспощадны, план по искоренению родственников вредителей, видимо, к тому времени уже был перевыполнен. Но из двух комнат, которые они занимали в коммунальной квартире на Лиговском проспекте, им оставили только одну. Исключили из комсомола и старшую сестру Люсю, которая пыталась как-то дать ход письму своего отца (моего деда) на имя И. В. Сталина, написанному на папиросной бумаге и доставленному бабушке каким-то неизвестным человеком. В письме дед заявлял о своей невинности и о зверском обращении с арестованными. Из-за всех этих переживаний мать плохо сдала сессию, и ее должны были лишить стипендии, что фактически означало невозможность продолжить учебу. Но мать пошла к ректору, рассказала о трагедии, и тот приказал стипендию сохранить. Это тоже важный штрих времени.

Говорят, дед был добрым, справедливым человеком, помогал людям, большую часть своей карьеры прожил на партийном минимуме. Он спас от голодной смерти во время коллективизации и Голодомора многих родных, устроив их на работу в городе. По маминым воспоминаниям, любил песню: «Судьба играет человеком... то вознесет его высоко, то в бездну бросит без стыда». Так с ним и случилось. Сын крепостного, он стал крупным железнодорожным начальником и сгинул в сталинских лагерях той системы, в создании которой участвовал, наивно веря в построение светлого бесклассового общества. Его реабилитации добилась дочь Июлиана Бойко (тетя Люся) в 1956 г. Тогда бабушке, проработавшей всю жизнь, дали пенсию, целых 330 рублей (33 после реформы 1961 г.). До этого она не имела прав на нее как вдова «врага народа».

Надо сказать, что во время коллективизации выслали всех бабушкиных братьев и сестер вместе с семьями — видимо, Дальний Восток строителям счастливого будущего казался «землей обетованной» для трудового крестьянства. Но они все жили, так как, привыкшие к тяжелой работе, на новом месте быстро вырубали лес,

поставили дома, завели хозяйства. Бабушке повезло в тот раз — она с мужем жила в Калуге. Ужасной была судьба прадеда: воспитал столько детей, имел крепкое хозяйство, кормил, в буквальном смысле этого слова, десятки людей, а умер с голоду в сарае, куда его выселили после раскулачивания. Его не выслали вместе с детьми, «уважили старость». С голоду также умерли многие мои двоюродные тети и дяди, а также братья и сестры деда с украинской стороны. Сейчас политики стремятся использовать Голодомор для разжигания межнациональной ненависти, что весьма прискорбно. В русских деревнях умерло не меньше несчастных, но как объяснить это украинцам, для которых, впрочем, как и для русских, главным инициатором уничтожения собственного народа была столица России Москва. В 1988–1990 гг. я записал воспоминания некоторых, чудом тогда выживших. Никогда не забуду рассказ моей двоюродной тети Кати — украинской крестьянки — добрейшего человека, настоящей труженицы. Она была среди тех, кого спас мой дед, взяв ее под видом своей домработницы в город. В ее повествовании есть эпизод, как она в начале 1933 г. чудом спаслась от того, чтобы ее не съели соседи по селу, когда она приехала навестить мать.

В годы войны связи с родственниками с украинской стороны были потеряны, с чем тетя Катя, благодарная моему деду и бабушке за спасение в Голодомор, не смирилась и продолжала искать. В начале 1970-х гг. она приехала в Ленинград и, приложив немало труда, разыскала своих двоюродных сестер — моих теток, не раз поменявших к тому времени место жительства, а через них и мою бабушку. Её тетя Катя называла своей второй мамой и спасительницей. После этого она несколько раз приезжала повидаться, всегда с целым ворохом всяких украинских домашних изделий, с неизменными салом, колбасами и горилкой собственного изготовления. Я, кстати, тогда увлекался изготовлением вина из черной смородины, которое она одобрила.

Во время командировок в Киев я несколько раз посещал ее уютный маленький дом в районе дачи Калачева, где они с мужем Гришей умудрились в городе вести приусадебное хозяйство, снабжая продуктами не только себя, своих детей, но и многочисленную киевскую родню. Оба они стали жертвами чернобыльской катастрофы, умерли от рака через несколько лет после неё, буквально друг за другом. С их замечательными детьми, моими троюродными братом Николаем и сестрой Лидой, я виделся последний раз в 1990 г. и потерял с ними связи после распада Советского Союза, о чём всегда сожалел. Правда, один из потомков брата деда, мой троюродный брат Анатолий Богдан, разыскал меня уже после перестройки, и мы подружились. У него сильно развиты родственные чувства, и от него я много узнал о моих близких по крови на Украине. Но в наши дни троюродные братья — это все-таки очень далекие родственники, когда и родных-то не видишь десятилетиями.

У матери было три сестры; самую старшую, тетю Лиду, проживавшую в Закарпатье, я никогда не видел, а с ее детьми — двоюродными братьями Жорой и Сашей — познакомился в юности. Две другие, тетя Люся и тетя Рая, были бездетными и всю жизнь тяготели к нашей семье.

К сожалению, я практически ничего не знаю и, видимо, никогда не узнаю об обширной родне моей бабушки. Пока бабушка была жива, она переписывалась со своими многочисленными братьями и сестрами. Но мне удалось пообщаться с немногими из них. Дядя Сева был чуть старше моей матери, его родители в годы

коллективизации попали в число лишенцев. Тем не менее карьера его сложилась удачно. Он был членом Приморского крайкома партии, руководителем краевой торговли, но не нажил никаких состояний и богатств. В 1982 г. я побывал в его квартире во Владивостоке. По питерским масштабам, она была более чем скромна. По кратким встречам с ним в Москве, Ленинграде и Челябинске у меня сложилось впечатление о нем как о добром, приветливом и трудолюбивом человеке. Мы с ним долго обменивались поздравительными открытками. У его брата Володи, моего двоюродного дяди, я побывал в 1963 г. в Самарканде и тоже встретил там теплый прием и замечательных троюродных брата и сестру, но, увы, и с ними потерял связь.

О родословной отца я знаю еще меньше, чем о материнской. Я не застал в живых ни его мать, ни отца. В последнее время в Интернете мне часто встречается фамилия Колчинский, а об одной ветви мне пришлось прочитать целую статью. Все они активно участвовали в революционном движении и впоследствии были репрессированы как бывшие эсэры и меньшевики. Наиболее известен из них эсперантист Виктор Колчинский, опубликовавший в 1924 г. брошюру «А. Б. В. безнационализма». В жизни встретился только один однофамилец, да и того я заинтересовал сугубо с утилитарной точки зрения. Недавно Александр Колчинский составил список всех известных Колчинских, года три тому назад в нём было более 700 человек. Скорее всего, это всё потомки еврейской ветви, корни которой в Польше.

В Польше были еще некие Колчинские, принадлежавшие к гербу Рогалей, откуда происходит и род моего учителя К. М. Завадского. Были дворянские и купеческие династии Колчинских. Краеведческий музей в Коломне располагается в комплексе зданий купеческой усадьбы Колчинских на территории Коломенского Кремля. А. А. Колчинский служил помощником инспектора в Павловском военном училище, потом, возможно, он же был подполковником оперативного отдела Ставки, а в Гражданскую войну занимал видные посты в Добровольческой армии с «Ледяного» похода, а в ноябре 1920 г. эмигрировал, затем служил в Конго. Умер в Брюсселе в 1965 г. Близкий родственник генерала Л. Г. Корнилова, Колчинский стал душеприказчиком А. И. Деникина, подписав в 1942 г. его завещание. Были еще выходцы из казачьей станицы Колчинской на реке Яик, а какая-то дружина Колчинская входила в Особую Маньчжурскую дивизию армии Колчака. Но все они вряд ли имеют какое-то отношение к моей семье.

Отец происходил из бедной еврейской семьи. Дед Яков Абрамович Колчинский, сапожник, как все сапожники, был без сапог, т. е. полунищим, хотя работал с утра до поздней ночи. У него было шестеро детей. Отец рассказывал, что иногда яблоко они делили одно на шесть человек, а ведь жили на юге у моря, в Керчи. Дети по очереди носили башмаки, когда учились в школе. Жили они в подвале. Бабушка Мария была портнихой. Умерла она от тифа в Гражданскую войну, когда отцу было два года. У него было три брата (Александр, Моисей, Залман) и две сестры (Мирра и Рахиль). Дядей своих я никогда не видел, Александр был сердечником и умер в 37 лет, Моисей был расстрелян в 1938 г. по одному из последних сталинских списков, а Залман (дядя Зяма) пал под Сталинградом в 1942 г.

О его гибели я узнал в 1963 г., когда путешествовал по Средней Азии и в каждом городе пытался, по просьбе отца, найти его следы. Последним местом, откуда отец получил от него письмо еще до войны, был г. Ургенч в Узбекистане. Там я встретил людей, работавших с дядей Зямой и провожавших его в армию. Куда девалась

семья — жена-узбечка и двое его детей, никто не знал. На этом мои изыскания закончились. Дети дяди Моисея — Инна и Рид. Последний сыграл огромную роль в моей жизни. Он был в числе тех, кто, прочитав одно из моих интервью, настойчиво рекомендовал его опубликовать как содержащее интересные сведения о Челябинске и о философском факультете ЛГУ. Но прошло более 10 лет, прежде чем я последовал его совету.

Отца в детстве примерно до 10 лет воспитывала старшая сестра Мирра и улица. В школе он почти не учился. Большую часть времени проводил у моря, в постоянных разборках, выясняя, кто самый сильный, кто самый смелый, кто лучше всех плавает, кто глубже всех ныряет и т. д. В целом это полухулиганское воспитание в те годы было не таким уж плохим. Оно готовило к реальной жизни, приучая быть храбрым, самостоятельным, настойчивым, так как слабому приходилось плохо. Отец в те годы, когда я его знал, никого не боялся, умел в нужный момент принимать волевые решения и брать ответственность на себя, обладал быстрой реакцией на меняющиеся обстоятельства. Но порой он был склонен к бесконечным рефлексиям о прошлых поступках и высказываниях. Это выделяло его из среды того времени, когда жили в основном сегодняшним днем. Его незаурядные способности, дружелюбие, общительность, остроумие, щедрость притягивали к нему людей.

Семья отца была полностью обрусевшая, он ни одного слова не знал ни на идиш, ни на иврите. Да и в юности именовал себя Игорем, правда, впоследствии не захотел официально изменить имя. Так и жил с двумя именами: мама, бабушка и ее дочери звали его Игорем, а родственники с его стороны — Изей. Это вызывало у нас в детстве удивление. Впоследствии из уважения к отцу я и мои братья также не сменили отчество, хотя ощущали себя всегда принадлежащими к русской культуре, и поначалу мне бывало обидно, что некоторые из упертых антисемитов не желали меня признавать таковым. Сейчас мне это безразлично, ненавижу любой национализм, хотя порой великорусские шовинистские высказывания в виде шутки себе позволяю. Но это на уровне быта, а так я твердо уверен в том, что все нации равны и человечество делится только на плохих и хороших людей, хотя критерии деления у каждого свои.

Керчь, до гитлеровских и сталинских чисток, была подлинным Вавилоном. Ее население с античных времен было многонациональным. Там жили греки, итальянцы, турки, татары, евреи, таты, караимы, русские, украинцы и т. д. Насколько я могу судить, они жили дружно. Воистину здесь не было «ни эллина, ни иудея». Был просто человек. Старшие братья отца Александр и Моисей в годы Гражданской войны участвовали в борьбе против оккупантов-союзников и белых. В местном краеведческом музее в 1960-х гг. повесили фотографии родных и двоюродных братьев отца как руководителей подполья и сгинувших в годы Большого террора. Сейчас эти фотографии, наверно, сняли.

В начале 1930-х гг. отец, пережив вместе с дедом Яковом Абрамовичем в Керчи голод, уехал в Ленинград. К тому времени дядя Моисей стал здесь заведующим культурно-агитационным отделом Октябрьского райкома партии. Его первая жена Эсфирь Наумовна Родкина, как и Моисей Яковлевич, окончила Коммунистический университет им. Зиновьева, а также Институт красной профессуры. Затем она была на разных партийных должностях, в том числе инструктора обкома ВКП(б), который возглавлял в то время С. М. Киров, преподавала в Ленинградском институте

истории философии. Недавно я узнал, что дядя Моисей был связан с Н. И. Вавиловым, возглавлявшим Всесоюзный институт растениеводства, который находился в Октябрьском районе. Дядя Моисей Яковлевич даже участвовал в защите Вавилова от травли в 1931 г.

После убийства С. М. Кирова его послали в Сибирь на шахту парторгом, а затем расстреляли в Новосибирске «за участие в подготовке убийства С. М. Кирова и за связь с английской разведкой». Последнее обвинение возникло из-за того, что его вторая жена, дивная красавица Галя, окончила Институт иностранных языков и знала английский. Их дочь Инна впоследствии вышла замуж за сына одного из сталинских министров, ставшего крупным морским начальником. С ней мы общались редко, а ее сына я видел только один раз, когда он был совсем мальчиком. Сейчас он профессор физики в каком-то американском университете. Мир тесен, и случайно от своего врача-кардиолога, профессора Бориса Марковича Липовецкого, я узнал, что у моей сестры и ее сына также гиперхолестеринемия, генетически обусловленная болезнь.

Сын дяди Моисея от первого брака Рид с детства был одним из самых близких мне людей, в значительной степени определившим мою жизнь. В Ленинграде отец первоначально поселился у тети Мирры, которая к этому времени вышла замуж за ленинградца и имела сына Фрида. Другая сестра, тетя Рахиль, уехала в Ленинград вслед за своим женихом Г. М. Тетеревым, студентом Горного института, ставшим крупным геологом, причастным ко многим открытиям, в том числе и Соколовско-Сарбайского месторождения. Он одним из первых предсказал громадные месторождения нефти в Казахстане.

Отцу, уличному мальчику из провинции, Ленинград понравился, и хотя к 7-му классу он практически ничего не знал, благодаря способностям, прежде всего в области точных наук, быстро догнал, а вскоре обогнал своих одноклассников. Легко поступил в ЛИИЖТ, где встретил мою маму. По ее рассказам, у него была феноменальная память, он никогда ничего не записывал на лекциях, а во время сессий, помогая своим однокурсникам, среди которых, кстати, был и будущий первый секретарь Ленинградского обкома партии В. С. Толстиков, читал им, практически слово в слово, лекции по математике, физике и ряду инженерных специальностей. Профессора настоятельно советовали ему перевестись в университет, стать математиком, но ему это было ни к чему, он не очень понимал, что такое наука и для чего она нужна. Потом он, правда, не раз жалел, что их не послушался.

Родители окончили институт в июне 1941 г. Защита дипломов состоялась через несколько дней после начала войны. Еще до этого они получили распределение на Урал, куда и выехали незадолго до начала блокады, забрав бабушку с собой. Первый год было очень тяжело. Пока не дали казенные кровати с досками, спали на полу, ели на чемоданах. Вещей для обмена на продукты не было. Ели картофельные очистки, которые бабушка молола и делала из них лепешки. Весной из блокадного Ленинграда привезли мамину сестру тетю Люсю и Марка Наумовича — мужа сестры отца — тети Мирры, и пришлось всем жертвовать ради того, чтобы их выводить. С ними жила и вторая мамина сестра тетя Рая, которая только что схоронила своего молодого мужа, умершего в армии. Но бабушка на следующий год завела огород на пустынной территории, которую им выделили в 15 км от дома, где они жили. Туда она почти каждый день ходила пешком, полола, рыхлила, поливала и на

удивление всем на бесплодной земле вырастила богатый урожай. Вскоре отца перевели в Карталы, и там им предоставили возможность завести настоящее подсобное хозяйство с коровами, овцами, свиньями, курами, утками. Все это содержала главным образом бабушка. Благодаря ей я никогда не знал, что такое голод.

«Уличные» университеты отца и борьба с мещанством при советской власти приучили с презрением относиться к достатку, уюту, собственности. К спартанскому мироощущению, возможно, его подвигала и судьба родных и двоюродных братьев. Некоторые из них погибли на фронтах Отечественной войны, а тем, кто успел сделать блестящую карьеру при советской власти (комдивам, комбригам, секретарям райкомов, губкомов и даже республиканских ЦК, правда комсомола), не довелось в ней участвовать. Все они погибли в сталинских репрессиях. Когда отцу на комсомольском собрании в ЛИИЖТ предложили выступить с осуждением старшего брата, он отказался, сказав, что не может поверить в его вину, пока ему не предоставят доказательства. Его исключили из комсомола за недоверие к «славным чекистам». Был готов приказ на отчисление из института. Но Моисей Яковлевич, как я говорил, попал в один из последних списков, подписанных И. В. Сталиным и В. М. Молотовым 10 июня 1938 г. Вскоре сняли Н. И. Ежова, наступила «либерализация» по Берии, уже «сын за отца не отвечал», а брат тем более. Приказ отменили. Отца оставили в покое и дали окончить институт.

Челяба — разговорно-простонародное название г. Челябинск, где я вырос и который считаю родным. По одной из версий, этот топоним восходит к существовавшему здесь башкирскому поселению Селеби, что значит «царевич», «образованный», «могучий» и т. д. На поле Куликовом соперником Пересвета был Челубей.

Но родился я в Карталах. Это и сейчас небольшой город с населением менее 40 тысяч человек на реке Карталы-Аят в степях Южного Урала на полпути между Челябинском и Магнитогорском. Я его не помню. После школы, работая в изыскательской партии, я там бывал, но никакие чувства не проснулись во мне около дома в Карталах, в котором я прожил три года. Из ранних воспоминаний я не знаю, что относится к Челябинску, а что к Карталам. Например, караван верблюдов, на которых сидели какие-то необычные люди, видимо казахи, скорее всего, я видел в Карталах. Ведь Карталы располагались на их бывшей территории. Правда, караваны верблюдов доходили и до Челябинска. Не случайно верблюд расположен на его гербе. В 1947 г. отца назначили начальником строительного участка в Челябинске, где я прожил до 1964 г. Фактически его я считаю своим родным городом.

Челябинск, основанный в 1736 г. как маленькая сторожевая крепость на восточном склоне Уральских гор в 200 км южнее г. Екатеринбурга на реке Миасс, долгое время оставался провинциальным уездным городом. Улица, застроенная стандартными купеческими домами, где сейчас расположили главную достопримечательность города — пешеходную улицу, на которой как-то В. В. Путин пил пиво, была короткая, несколько сотен метров. Бурно город стал расти, когда недалеко от центра была построена станция Транссибирской магистрали, появились промышленные предприятия, вокруг них рабочие слободы. В Гражданскую войну город несколько раз переходил из рук в руки, и многие жители ещё помнили, как зверствовали в рабочих слободах колчаковцы и казаки генерала А. И. Дутова. Увы, тогда мы еще не знали, что подлинный патриот России не может обойтись без массовых расстрелов, виселиц и порок. Таковы были любимые герои российской истории: Иван Грозный, Петр I, Николай I, Александр III, И. В. Сталин и др. Они умели делать народ счастливым и преисполненным гордости за любимую Родину. А кто не хотел быть счастливым, тех пытали огнем, колесовали, вздергивали на виселицах, били палками или обращали в лагерную пыль. Мы можем гордиться своими великими правителями. На самом деле так поступать их заставляла не любовь к родине, а животный страх за собственное существование, который каждый из них не раз проявлял в критические моменты.

Когда в начале 1930-х гг. Сталин «форпост индустриальный бесстрашно двинул на восток», индустриализация пришла и в Челябинск. Ценой гибели многих заключенных и непосильным трудом вольнонаемных был создан один из первенцев

«сталинских пятилеток» — Челябинский тракторный завод (ЧТЗ) и некоторые другие крупные предприятия. В итоге население выросло до 200 тысяч человек. Другим гигантом города стал Металлургический завод (ЧМЗ), построенный в ударные сроки в первые годы войны. При этом погибло более 50 тысяч заключенных и рабочих трудармии. Сейчас на месте их захоронений сооружен мемориальный комплекс — католический костел и стела с Христом. Во время войны в город были эвакуированы десятки заводов с европейской части страны, многие там и остались вместе с приехавшими с ними рабочими и инженерами. В итоге город стал крупным центром металлургии, машиностроения и металлообработки.

Во времена моего раннего детства там проживало около 500 тысяч человек. Город был очень разбросан, с высокой концентрацией населения вокруг заводов-гигантов — ЧТЗ, ЧМЗ, Челябинского электрометаллургического завода, Трубопрокатного, Калибровочного, Радиозавода и т. д. Все они были окутаны клубами дыма, а вокруг Цинкового и Лакокрасочного заводов атмосфера была сизо-желтая, а запах столь резкий, что трудно было дышать, и, проезжая, люди закрывали окна и зажимали рот. В обиходе различные части города назывались по заводам, и связь между ними была минимальная. Так, до ЧМЗ надо было ехать на трамвае более часу, примерно 20 км. Между заводскими агломерациями нередко были большие пустоты. Каменных домов было мало, чуть больше в центре, на ЧТЗ, ЧГРЭС и ЧМЗ. Немного было и добротных деревянных домов дореволюционной постройки. Зато везде были разного рода «Шанхай», «Колупаевки», «Мухоморовки», «Кирсарай», поселки внутри города, где люди десятилетиями жили в бараках, старых вагонах, халупах и даже землянках. Лишь с конца 1950-х гг. началось массовое строительство. Все это порождало крайнюю нищету и высокую преступность в городе.

Было две церкви: каменная в Заречье и деревянная на вокзале, разобранная во времена хрущевской антирелигиозной кампании. В других бывших каменных храмах были размещены краеведческий музей и планетарий. Только сейчас их реставрировали, возвратив прежний вид, установили кресты на куполах, и они засверкали так, как блистали до революции.

Основным видом городского транспорта был трамвай, связывающий все районы города, он был забит, но транспортной проблемы не было. Основная масса жила вблизи работы. 4–5 остановок до работы — считалось очень далеко. В начале 1950-х пустили первую линию троллейбуса, и пацаны любили кататься на коньках, прицепившись к нему, а то и на колбасе. Автобусы, по-моему, появились позднее. Машин было мало, особенно легковых, а в очередях на них стояли десятилетиями. Велосипеды были далеко не у всех, а мотоциклы, а потом и мопеды считались роскошью. Владельцам частных машин было нелегко, так как родственники, друзья и знакомые часто обращались с просьбой о помощи, а отказывать было не принято, можно было прослыть индивидуалистом и жлобом. На первых порах преобладали трофейные машины, затем появились первые «Москвичи» и, наконец, «Победы». В городе было всего три «ЗИМа», на которых, говорили, ездили первый секретарь обкома, директор ЧМЗ и батюшка. Число личных машин резко возросло в 1956 г. Хрущев начал кампанию по ликвидации персональных машин, которые было предложено выкупить начальству в рассрочку с учетом амортизации. Отец не захотел этого делать и вместо персональной «Победы» стал ездить на «ГАЗ-69», легковом автомобиле повышенной проходимости. Он

оказался более удобным в повседневной деятельности, и отец в дальнейшем отказывался от легковушки, когда борьба с персональными машинами закончилась и их стали многим возвращать.

Наряду с отечественными полуторками, в том числе и с дровами в качестве топлива, встречались американские студебекеры, полученные по ленд-лизу. Позднее появились двухтонные «ГАЗы» и трехтонные «ЗИСы». Все они часто глохли, и приходилось подолгу крутить, чтобы завести. Асфальтированных улиц было мало, встречалась булыжная брусчатка, выложенная пленными немцами. Они же построили в городе немало двухэтажных деревянных домов, стоящих и по сей день. Остальные улицы в дождь превращались в труднопроходимые болота, в которых нередко застревали машины, а для прохожих сбивали деревянные тротуары. Машины застревали и за городом, и постоянно приходилось помогать шофёру, откапывать колеса, то подкладывать под них ветки, то просто толкать машину. Зимой и в грязь на колеса грузовых машин надевали цепи, что сказывалось на их скорости и управляемости. Нередко на вытаскивание машин из грязи уходила едва ли не большая часть поездки. Не меньше сложностей было зимой. Снега всегда было очень много, а после метели железнодорожный и городской транспорт замирал. Тогда всех взрослых мобилизовывали на снегоуборку. Основной транспорт был гужевой. На лошадях возили не только товары (зимой на саниах, а летом на телегах), были еще и пассажирские брочки. Правда, они как-то быстро исчезли.

В детстве город выглядел грязно и неопрятно даже в центре, не говоря уже о разного рода «Шанхаях» и барачных поселках. Но и в благополучных районах, где из многих домов были выселены прежние владельцы, а новые жильцы рассматривали их как временное прибежище и не ремонтировали, целые кварталы приходили в ветхость. Да и как-то не принято было заботиться о жилье, считалось, что раз оно ведомственное, то пусть государство заботится о нём. Жильцы ограничивались побелкой потолка и стен. Материалы для ремонта можно было выписать только на производстве. В итоге много домов было покосившихся, по окна вросших в землю. Под стать им были заборы, полуповаленные, составленные из досок разных видов и размеров.

Летом пыль, зной, грязь, мухи, зелени мало, из деревьев только тополя, масса кустарников акации, цветы и стручки которой мы пожирали в огромном количестве. Из стручков делали также свистульки. В грозу обожали носиться под дождем, промокая до трусов. Правда, летом они чаще всего были единственной одеждой. Осень наступала рано и быстро. Небо было темное, все в полыханиях молний, с холодными дождями, сильными ветрами. В такую погоду из дома выходить не хотелось. Иное дело зимы. Они были холодные и снежные. Нам приходилось огромными деревянными лопатами очищать от снега проезжую часть дороги и территорию перед домом, делать дорожки во дворе. В итоге зимой везде были огромные сугробы до 2 м высотой, в которые мы прыгали с крыш домов, за что нас наказывали. Оттепели были редки, а весна начиналась внезапно и дружно в 20-х числах марта. После таяния снегов обнажались груды накопившегося за зиму мусора, золы, экскрементов бродячих собак, а порой и прохожих — нравы тогда были просты, а общественных туалетов не было. Весь город покрывался потоками ручьев и целых рек, и наша задача была их чистить, чтобы обеспечить ток талых вод со двора. Их потоки были столь мощны и глубоки, что я однажды чуть не утонул в одном из них прямо перед

домом, так как бабушка заговорила с почтальоном. К середине апреля практически все, как правило, было кончено, а вскоре появлялась первая трава.

В жестко закономерной череде сезонов в зоне резко континентального климата, когда зима была зимой, а лето летом, виделась какая-то высшая мудрость природы, не подвластной людям. Правда, с утра до вечера радио вопило: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у неё наша задача». Но видно было, что природные стихии уж точно не подчиняются властям.

Водопровод был в немногих домах, воду брали в колонках, которые иногда стояли далеко. Грунтовые воды залегали глубоко, породы были скалистые, и колодцев я не помню. Воды для полива было мало, и на огородах выращивали стандартный ассортимент овощей: тыкву, свеклу, репу, брюкву, морковь, огурцы, лук, чеснок. Щавель, укроп, петрушка и сельдерей долго выглядели экзотикой, а тем более помидоры, которые, кроме нас, никто по соседству не выращивал. Кроме малины и яблонь ранеток, не было никаких ягодных кустарников и фруктовых растений. Даже садовая земляника была диковинкой. Считалось, зачем ее выращивать, если летом на вырубках за несколько часов мы лесную, более ароматную, собирали ведрами.

Культурно-развлекательных заведений в городе было немного: филармония, драматический и кукольный театры, а с 1955 г. Театр оперы и балета им. М. И. Глинки с молодежной труппой. На зиму в город на несколько месяцев приезжал цирк, посещение которого надолго оставалось в памяти. Освещенная арена, гремущая музыка, клоуны и, конечно, дрессировщик с экзотическими зверями — одно из самых ярких впечатлений моего детства. Под влиянием одного из таких посещений в 6 лет у меня появилась мечта быть дрессировщиком, и я с увлечением дрессировал своих старших братьев и младшую сестру. Как ни странно, они подчинялись и играли зверей. На лето приезжал зверинец, в котором зверей держали в узких клетках, а бедный верблюд стоял под таким низким навесом, прячась от холодного дождя, что его горб наполовину был согнут. При многих заводах были дворцы культуры, где действовали бесплатные кружки, спортивные секции. Но у старших детей, как правило, не было времени на досуг — надо было зарабатывать на жизнь. Далеко не все получали даже семилетнее образование. С середины 1950-х гг. строительство подобных центров культуры, а также стадионов, новых школ пошло интенсивно.

В начале 1950-х гг. на месте бывшего кладбища, расположенного в центре города между зданием Управления Южно-Уральской дороги и главным кинотеатром города им. А. С. Пушкина, стали копать фундаменты под каменные дома. Недалеко была наша школа, и в начальных классах мы бегали смотреть, как экскаваторами разрыывают могилы, а полуистлевшие гробы и кости грузят в самосвалы. Вечерами, когда работа затихала, мы пробирались на площадку и собирали разбросанные части скелетов; особенно ценились черепа, но мы не брезговали и другими останками. Этими трофеями мы потом хвастались друг перед другом, менялись и т. д. Сейчас трудно поверить, что это могло происходить в цивилизованном государстве, но таков был дух времени, не ценившего самих людей, а тем более их бранные останки. Не удивительно, что у моих сверстников это варварство не то что забыто, но большинством вспоминается с трудом. Не хочется вспоминать, что наши дома стоят на костях, а мы были причастны к святотатству.

С юга к городу примыкал огромный сосновый массив, часть которого была огорожена и названа Парком культуры и отдыха, вход в который вначале был платным,

как и в Горсад, расположенный в центре города, — одно из главных мест тусовок полублатной публики, особенно на танцевальной площадке и в бильярдной. Там же был и каток, на который собиралась обычная молодежь. Там же зарождались первые романы. Летом по вечерам в Горсад лучше было ходить группами, иначе быть битым. Позже, во второй половине 1950-х гг., как и во всех городах, появился Бродвей. Им стал Спартак — главная улица в центре, переименованная вскоре в улицу Ленина. Точнее, было два Бродвея — главный, где доминировали бригады содействия милиции (бригадмил) и якобы стилиаги, и просто Бродвей, где собирались обычно старшекласники и студенты, но где были свои «авторитеты». К их числу какое-то время относился и я, впрочем, без особых подвигов и заслуг со своей стороны, так как особым мастерством в драках не прославился.

За время работы на Детской железной дороге у меня появилось много приятелей из разных районов Челябинска, где, считалось, живет одна шпана и хулиган хулиганом погоняет. Во всяком случае, пацаны из центра ходить в эти районы опасались, так как редко кто мог оттуда вернуться непобитым. О моей дружбе с ребятами из неблагополучных районов было известно другим юным железнодорожникам из нашей школы, что придавало мне некий ореол способности в случае разборок привлечь какие-то могучие силы отпетой шпаны. Кроме того, среди моих друзей были одни из самых авторитетных в то время обитателей нашего района: Коля Соколов (Сокол) и Аркадий Малешин (Аркан), что сразу создавало своего рода защитный пояс вокруг меня. Они же ценили меня за то, что, по их мнению, я не ведал страха и никогда в самых опасных ситуациях никого не бросал. На самом деле страх был, только страх показаться трусом был ещё сильнее. Однажды это меня чуть не погубило из-за инцидента, происшедшего во время разборок с забредшими на Малый Бродвей бригадильцами, который закончился без драки. Увидев Аркана, который был чемпионом РСФСР по боксу среди юношей, они ретировались на свою сторону Бродвея. Привыкшие безнаказанно избивать каждого, кто им не нравился, они не могли пережить подобного унижения. И, встретив меня во время гуляний на площади 7 ноября 1959 г., они предложили пойти «поговорить» в соседний сквер. Их было пятеро, я один, но, зная некоторых из них лично, я надеялся, что все закончится в худшем случае обменом ударами, как это было принято в подобных случаях. Все случилось по-иному. Как только мы оказались в безлюдном месте, один из них сзади сбил меня с ног, и они стали меня избивать ногами по голове, я потерял сознание. Сколько они меня били и сколько я пролежал, я не помню, но, когда очнулся, они уже были далеко. Как сейчас перед глазами стоит картина: пустынная дорожка, засыпанная девственно чистом снегом, выпавшим только что, а в лунном свете удаляются фигуры моих обидчиков.

С трудом я поднялся, дошел до своего двора. И еще долго сидел там в беседке с ребятами со двора, отвергая их советы немедленно пойти и расправиться, понимая, что с подонками, связанными с милицией, лучше этого не делать. Родители мои были в отъезде, и к помощи я прибегнуть не мог, да и не стал бы, так как прибегать к официальным каналам в подобных случаях было «западло». Бедная бабуся три дня не отходила от меня, меняя мокрые полотенца. На молодых заживает быстро, как на собаке. Через три дня практически не осталось и следа, но вот память у меня с тех стала портиться. Часть из избивших меня вскоре села, другим тоже пришлось несладко. В итоге история способствовала росту моего личного авторитета. Мир

живет мифами, а в этом возрасте особенно. Позднее при каких-то разборках мне приходилось слышать: «Ты Колчака знаешь, я ему скажу, он тебе даст». Иначе говоря, меня мной же и стращали. Миф этот оказался долговечным, я подобное слышал, когда уже несколько лет жил в Ленинграде и давно отошел от увлечений молодости. Вероятно, «кликуха» была удачной и легко запоминалась.

Хождение в магазины было одной из моих главных обязанностей с детства. С хлебом было плохо до 1953 г. Очередь занимали за 2–3 часа до его привоза. Мы, пацаны-малолетки, изнывали в ожидании, играли, убегали, а потом не всегда можно было доказать, что ты здесь стоял. В одни руки давали ограниченное количество буханок черного и пшеничного хлеба, который был необыкновенно вкусный, ароматный; впоследствии мне такой хлеб приходилось есть только в деревне, в Костромской области. Муку до 1954 г. продавали только перед праздниками, в одни руки, по-моему, давали только два килограмма, и очередь надо было занимать с вечера, что запрещалось. Периодически приходил милиционер и разгонял собравшихся, а потом оказывалось, что существовало несколько очередей, записанных в разное время, и, естественно, споры, драки. Надо было доказать, что вместе с тобой стояли братья и соседи. Как обстояло с молочными продуктами, сказать не могу. У нас до 1956 г. они были свои, а потом уже до конца 1970-х гг. их можно было купить в магазине в неограниченном количестве. Но, видимо, раньше их не было в магазинах, так как некоторые соседки покупали молоко у бабушки, и не всем хватало.

Вот с яйцами и маслом всегда было напряженно, и их обычно родители привозили из командировок. Мяса же в магазинах я вообще не помню, а в специализированном местном магазине иногда торговали субпродуктами: почками, сердцем, легкими. Помню, перед столетним юбилеем В. И. Ленина завезли «деликатес» — коровье вымя, а неблагодарный народ не мог оценить заботу и возмущался: мол, что за коровы пошли с одним выменем. Правда, на рынках мясо было, а до середины 1950-х гг. оно стоило даже дешевле, чем в государственных магазинах. В центральном магазине можно было купить красную рыбу и красную икру за смешную цену — 30 рублей, но, видимо, для многих, и эта сумма была недоступна, ведь зарплаты в городе начинались с 200 рублей, а выше — это считалось неплохими заработками. В деревнях же не платили ничего. Мама с многолетним стажем и дипломом инженера, редким в те годы, работая в Управлении железной дороги, получала около 1000 рублей. Хорошо платили шахтерам, но гибли они со страшной скоростью. Относительно высокие заработки были у металлургов, но жаждавших работать в этом аду было не так уж много.

Для того чтобы эти цифры были понятнее, назову по памяти некоторые цены в период 1954–1960 гг., т. е. до хрущевской денежной реформы, когда закупки в продуктовых магазинах входили в мои обязанности: 1 кг хлеба стоил 2 рубля, мяса — 16 рублей, масла — 21 рубль, сахара — 9 рублей 40 копеек, сметаны — 15 рублей, колбасы вареной — 17 рублей и т. д., литр молока и других молочных продуктов — 3 рубля. Водка, «сучок», «сивуха» и т. д. стоила 21 рубль 20 копеек, «Московская» за 23 рубля 70 копеек считалась роскошью, и немногие могли её себе позволить. С 30 рублей начинались различные марки коньяка, но их практически никто не пил, считалось, что они пахнут клопами; различные портвейны, кагоры и т. д. стоили 12–16 рублей. Папиросы начинались с 45 копеек: «Дымок», «Бокс», «Спорт» и заканчивались «Беломором» — 2 рубля 20 копеек, а дальше баснословно дорогой

«Казбек» — 3 рубля 50 копеек, сигареты «Тройка» с золотой полоской 4 рубля, а махорочные сигареты 60 копеек. Но не все могли себе и это позволить и крутили из газет самокрутки. До 1950 г. цены были гораздо выше, но в период 1948–1953 гг. они снижались каждый год 1 марта в среднем на 10–20 %, кроме того, тогда же происходило сезонное снижение цен на молочные продукты. Последнее снижение произошло 1 апреля, то ли 1953, то ли 1954 г. И люди любили подчеркивать: вот при Сталине жизнь становилась все лучше, цены каждый год снижали, — забывая, что в 1947 г. перед отменой карточек эти цены были увеличены одним махом в несколько раз, а затем их и стали снижать.

Тем не менее в столовой можно было пообедать за три рубля (суп, котлеты и кисель), кое-где хлеб и квашеную капусту давали бесплатно. В немногочисленных кафе цены были не намного выше. В ресторане на 20–30 рублей можно было хорошо выпить и закусить. Кстати, насчет выпивки. Хотя водка продавалась в розлив и без наценки практически в каждом киоске, а в дни рождения и в праздники было принято собираться и крепко выпивать, пьянство не носило масштабного характера, так как все должны были работать, а недисциплинированность считалась уголовным преступлением. Законодательной власти тогда было не до культуры питания, которой ныне озабочены депутаты всех уровней, повышая акцизы на спиртное.

Досуг тогда был примерно одинаковый у всех, кого я знал в раннем детстве. Родители в воскресенье выезжали с сотрудниками за город на пикники в лесу, у речки или у озера, а иногда собирались в городском парке. Новый год встречали в складчину, оставляя детей с бабушками или на попечении соседей. Отмечали также дни рождения, 1-е Мая и 7-е Ноября. За столом было принято петь, танцевали под патефон и аккордеон, плясали под гармошку. В итоге: «выпьешь ты немного, станешь у порога, пол начнешь топтать под патефон». Среди песен в компании в начале 1950-х гг. встречались официозы типа того, что сыны России ей «верны и Сталину любимому», что «золотыми буквами мы пишем всесоюзный сталинский закон» и что неизвестна ни одна другая страна, где «так вольно дышит человек». Причем пели искренне, в том числе и те, от которых я позднее узнал, что они всегда ненавидели Сталина. То ли стадный инстинкт сказывался в тот момент, то ли музыка заглушала подлинные чувства. Но тем не менее доминировали песни о рябине кудрявой, бродяге, переплывшем Байкал, замерзшем в степи ямщике, кочегаре, вышедшем на палубу, которой уж нет, и т. д. Затем всякие официальные песни исчезли из частного репертуара, их можно было услышать только по радио и на концертах.

Большая часть населения не очень полагалась на государственное снабжение, при домах у многих были огороды, держали кур, гусей, индюков, а если была возможность, и свиней. Проживавшие в немногочисленных каменных домах старались посадить хотя бы картошку, для этого на производстве выделяли землю и по возможности обеспечивали транспортом для коллективных выездов. Также совместно на грузовиках выезжали в лес для сбора ягод, грибов, а иногда ловли раков и рыбы. Озера и реки вокруг Челябинска кишели ими. За час-два на озерах Кисегач или Чебаркуль любой мог собрать ведро раков. Они водились даже на реке Миасс, которая была уже загрязнена бытовыми и промышленными стоками. Молочные продукты покупали у соседей, хотя держать коров в городе, конечно, было очень тяжело.

Одним из главных источников снабжения были рынки, из которых я знал тогда два: Центральный и Зеленый. Последний был в Заречье и по тем временам считался

очень далеким. Туда надо было идти минут двадцать. На рынке, казалось, можно было купить все, кроме хлеба и водки, на которые была монополия. стакан мелкой лесной опьяняюще пахнущей клубники стоил 50 копеек, остальные ягоды 1–3 рубля. Ее мы сами собирали ведрами во время коллективных выездов на грузовиках на природу, на свежие вырубки. Брат Юля предпочитал собирать клубнику лежа, так ее было много. С позиций сегодняшнего дня особенно удивительными кажутся грузовики, полные рыбы, в основном карасей, распродаваемых по низкой цене, 3–4 руб. за килограмм. Вообще, рынки процветали, так как задавленные налогами крестьяне вынуждены были торговать продуктами, произведенными в личных хозяйствах.

Иногда ездили в деревни закупать продукты, где колхозники готовы были за копейки продавать все, что производили после работ на колхозных полях. Там царила жуткая нищета. Во многих домах, кроме лохмотья на лавках и картошки в подполе, ничего не было, так как всю живность и даже плодовые деревья облагали налогами. В деревне практически не было мужчин, а случайно уцелевшие в войне, как правило, были искалечены. Всю тяжесть изнурительного крестьянского труда несли женщины и подростки, которые затем уходили в армию, а после завершения службы почти поголовно оставались в городах. В армию шли с радостью. Для большинства мужчин она была фактически единственной возможностью спастись от крепостного рабства советской деревни. О городской жизни мечтали и остальные, но их насильно удерживали на селе, у них не было даже паспортов. Во второй половине 1950-х гг. вышло послабление. Экстенсивная индустриализация требовала рабочих рук, труд заключенных оказался неэффективным. Деревенская молодежь хлынула в город. Местные власти старались им всячески мешать, а пропагандисты отговорить, воспевая прелести труда в коллективном хозяйстве. В 1964 г. бездарный роман О. Гончара «Тронки», призывавший молодежь не покидать село, даже получил Ленинскую премию, победив в конкурсе повесть А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» — бестселлер тех времен, одобренный самим Н. С. Хрущевым. Такова цена многих премий.

Основную часть населения Челябинска составляли ссыльные, переселенцы, эвакуированные. Коренных жителей было немного, в основном башкиры и татары, да и то преимущественно в сельской местности. Они соблюдали национальные традиции. Когда возникали какие-то бытовые стычки, мои товарищи с Мельзавода говорили: «Зачем татары приехали сюда?», по наивности считая коренными жителями Урала денационализированное русскоязычное население, оказавшееся здесь, как я сейчас понимаю, чаще всего в результате страшных трагедий, разломавших их судьбы. Много было высланных немцев, которые жили компактно, в районах, прилегавших к ЧТЗ и ЧМЗ. Бывшие ленинградцы, эвакуированные в годы войны, прежде всего с Кировским заводом, также остались здесь в большом количестве, составляя основной контингент, посещавший театры. Вместе с эвакуированными рабочими и инженерами Харьковского тракторного завода они влились в состав ЧТЗ.

И здесь я позволю себе небольшое нарушение хронологии. Впоследствии мне не раз приходилось сталкиваться с аналогичной невинностью в вопросах о коренных и приезжих народах. Однажды меня попросили выступить с сообщением о вкладе евреев в российскую науку на вечере, посвященном Иерусалимскому университету.

Я долго пытался увильнуть, так как считаю подобные проблемы надуманными, ведь судьбы еврейских ученых в России ничем особенно не отличались от судеб представителей других национальностей. Однако организатор этого мероприятия, кстати чистокровный русский, много делал полезного для петербургской науки, не раз помогал мне, да к тому же я его знал со студенческих лет как порядочного и умного человека. Передо мной с приветственным словом выступал один из вице-губернаторов Санкт-Петербурга, кстати, также мне давно известный и уважаемый мной человек. Тем не менее я не смог пропустить его высказывание о том, что Санкт-Петербург всегда был и остается интернациональным городом, в котором и сейчас проживает более 500 тысяч человек некоренной национальности. В начале своего доклада я сказал, что с подобными высказываниями надо быть поосторожнее, так как из них следует, что в нашем городе проживает более 4 миллионов угро-финнов, которые еще во времена Пушкина считались коренными жителями Петербургской губернии. Увы, на земле нет коренных народов. Даже Адам и Ева пришли сюда, будучи выгнаны из рая. Думаю, если бы мы это поняли, то мир и покой воцарились бы на земле. Но нам, потомкам агрессивных обезьян, видимо, не дано обрести эту истину, и мы обречены лить потоки крови за «исконные земли». Современная Украина тому пример.

Большая часть подростков после семилетки шли в ПТУ или на работу. Десятилетнее образование, которое до середины 1950-х гг. было платным, не многие могли себе позволить, а высшее образование долго казалось недостижимой мечтой. На инженерных должностях мастеров, прорабов, механиков, архитекторов еще долго сидели практики, имевшие порою 5–7 классов образования, что, впрочем, не мешало им быть прекрасными специалистами.

По главной улице Челябинска — Спартак, на которой мы жили в маленьком доме и по которой ходили коровы, до середины 1950-х гг. ежедневно колоннами шли грузовики, сопровождаемые автоматчиками, отделенными от остальных в кузове железной решеткой. Мы спрашивали взрослых, кто это такие, но они предпочитали отмалчиваться. Народ жил очень бедно. До середины 1950-х основная часть жителей города ходила в фуфайках, кирзовых сапогах (хромовые считались шиком и роскошью), в валенках или в форменной одежде. Вообще, в моих детских впечатлениях преобладают серый и черный цвета в одежде у большинства населения, темно-синий зимой и белый летом — в форме железнодорожников, а также защитный цвет гимнастеров и темно-зеленый цвет военных мундиров. Выделялись синие фуражки сотрудников МВД.

У детей, старше меня, редко были отцы. Послевоенная безотцовщина. Многие из них голодали и с детских лет промышляли воровством. К 4-му классу кое-кто из моих одноклассников уже имел ходку в детские колонии. В старших классах я подружился с ребятами с Мельзавода. Почти все их старшие братья имели судимости. Тюрьма и лагерь для них были своеобразными университетами жизни, своего рода экзаменами на зрелость, более неизбежными и строгими, чем армия. «Срока» им тогда давали огромные — по 10–15 лет за украденные часы. Но преступность от этого долго не становилась меньшей.

Поздно вечером ходить было опасно, были грабежи, случались и убийства. Дети вне школы были предоставлены самим себе, а вечерами большинство кучковалось на улице. В транспорте были активны карманники, но иногда с ними расправлялись жестко, выбрасывая на полном ходу под колеса проходящей машины. Но и устра-

ивавшие самосуд рисковали: как правило, карманник был не один, и можно было поймать «перо (финку) в бок» или «бритвой по глазам» — половину лезвия зажимали между двумя пальцами, так что нападение было совершенно неожиданным для жертвы. Но мужики, многие из которых прошли фронт, не слишком боялись. Естественно, в подобных условиях культивировалась «блатная» романтика с ее неизбежной оппозиционностью властям. Не случайно в песне тех лет звучало: «И ревели, стонала Челябинка — пересыльная, злая тюрьма».

С появлением бригады (БСМ — бригады содействия милиции), наводившего порядок незаконными методами, избивая задержанных, стихийное хулиганство пошло на убыль. Они формировались из якобы направляемых комсомольцев. На самом деле туда шли юноши, занимавшие невысокий статус в классе, в школе, во дворе, и бригады им был нужен для самоутверждения. В бригадах оказывались лица, имевшие склонность хватать людей, выкручивать руки, выворачивать карманы, обыскивать, грабить пьяных, тащить в пикет, избивать задержанных и т. д. Милиция в подобных действиях не участвовала, не вмешиваясь, пока не поднимался скандал из-за того, что ретивые молодцы избивали до полусмерти человека со связями. В конечном счете, самих бригадильцев сажали. На смену им приходили такие же полубандитские, хулиганские формирования, действовавшие под прикрытием комсомола и милиции. Бригадильцы не пользовались уважением, ходили кучами, били также соборно, всей бригадой. Помню строки переделанного танца: «Бэсэмэ, Бэсэмэ — в кучу, жулик один, а их миллион». Но вот настоящих авторитетов они, как правило, не трогали, зная, что могут нарваться на выстрел или нож.

Затем появились народные дружины, в рейды которых отряжали с работы, давая отгулы, но все равно участвовали в них неохотно, ведь сотрудничество с правоохранительными органами не приветствовалось. За исключением участковых милиционеров, которых действительно знал свой участок и к которым часто обращались для решения возникавших проблем, к остальным милиционерам относились с опаской, именуя «ментами», «мусорами». Но их тогда было немного. В народные дружины посылали взрослых людей, с нормальным содержанием адреналина в крови, и об эксцессах с их участием не было слышно. Несколько раз пришлось и мне дежурить вместе с руководителями Дорпроекта. Не помню ничего чрезвычайного, кроме услышанных рассказов о Челябинске в военные годы, которые были крайне интересны. Один раз пришлось участвовать в ночной облаве, разыскивая по подвалам, чердакам, заброшенным домам бичей (бывший интеллигентный человек) и бомжей (без определенного места жительства). Был очень удивлен, как много в городе живет на улице людей без прописки, не работавших, считавшихся тогда туеядцами и подлежащих тюремному заключению на срок от 3 до 5 лет.

С улицы часть хулиганствующей молодежи ушла не только из-за карательных мер: открывались вечерние школы, строились новые кинотеатры, создавались спортивные секции, улучшались жилищные условия. Все больше людей заканчивали среднюю школу, поступали в один из четырех институтов, традиционных для любого областного центра тех времен: педагогический, сельскохозяйственный и медицинский, а также политехнический. В силу разных причин коллективы преподавателей были сильными, хотя кандидатов, не говоря уже о докторов, можно было пересчитать по пальцам. Сыграла положительную роль и кампания «исправленному верить», призывавшая брать на поруки коллектива оступившихся первый раз

и помогать вышедшим на свободу. В какой-то степени она помогла вернуться к нормальной жизни тем, кто оказался на зоне или в тюрьме по молодости или в силу несчастливого стечения обстоятельств. Среди моих знакомых и даже друзей были такие, кто попал в тюрьму из-за драк.

В послевоенное десятилетие было много нищих, они сидели на всех перекрестках центральных улиц, на вокзале, ходили по вагонам и домам, довольствуясь и куском хлеба. Бабушка и мать всегда посылали нас дать что-нибудь, приговаривая: «От сумы да от тюрьмы не зарекайтесь», — возможно, вспоминали судьбу деда. К дому приходили кустари-рабочие, предлагая вставить стекло, наточить ножи, ножницы, запаять кастрюлю, купить старые вещи, старые кости, макулатуру и т. д. Переполах вносили фургоны, в которых отлавливали бродячих собак. Вокруг «собачников» собиравались толпы пацанов, старавшихся спасти своих уличных любимцев.

Много было будок сапожников и чистильщиков обуви, которые сидели и в морозные дни. Цыгане еще продолжали вести кочевую жизнь, и их таборы нередко можно было встретить вокруг города. По слухам, они занимались казнокрадством, воровством вещей и даже якобы маленьких детей. Но лично я видел их только за привычным гаданием и обдуриванием тех, кто сам был готов, чтобы его дурили. Свято место пусто не бывает. Теперь дурением с утра до вечера занимаются центральное радио и телевизионные каналы типа «РЕН». Прогресс налицо. Мужчины же в таборах занимались кустарным промысловым делом: ковали, паяли, лечили скот и т. д. После указа о переходе к оседлой жизни они стали набирать ссуды и для строительства домов получали материалы, которые сразу продавали и откочевывали в соседние области, где повторяли ту же операцию. Все это знали, но вынуждены были помогать цыганам, якобы выражавшим желание покончить с кочевой жизнью. В противном случае это могло быть истолковано как неисполнение партийно-правительственных постановлений.

Впоследствии я всегда удивлялся, сталкиваясь с тоской о порядке при «хозяйне» И. В. Сталине. Конечно, коррупции не было, так как «руководящие кадры» тасовались. Проверенных людей, прежде чем расстрелять, бросали с одного «фронта» (сельскохозяйственный, строительный и т. д.) на другой, переводили в другие области. Преступные группировки чиновничества не успевали организоваться. Но, судя по барахолкам, воровство на производстве не было изжито, а воровство в сфере торговли процветало, хотя продавцов действительно часто сажали. Общее ощущение того времени — чувство разорения, нищеты и тотального беспорядка. Кучи мусора на пустырях в центре города, хаос на строительных площадках и многолетние долгострои, свалки в цехах и на заводских территориях, нерегулярное движение поездов, с опозданиями, исчисляемыми сутками, разговоры об авариях на железной дороге, в шахтах и на заводах с десятками и сотнями жертв, об опрокинутых в кюветы грузовиках, а то и самосвалах, с пассажирами в кузове (сам не раз так ездил, хотя это было категорически запрещено) и т. д. И постоянные разговоры о том, что нужен настоящий хозяин как на производстве, так и в стране в целом. Таковым хозяином Сталина народ явно не считал. Таким его воспринимали лишь обслуживающий персонал на дачах и охранники. По закону термодинамики высокий уровень организации жизни и обустройства обитателей Кремля был достигнут за счет дезорганизации всей страны, хаоса и нищеты многомиллионного населения. О негативном отношении населения к Сталину свидетельствует и то, как фронтовики Челябинска встретили Г. К. Жукова, направленного командовать Уральским военным округом.

По рассказам моего двоюродного брата Рида, Жукова, приехавшего в Челябинск без всякой свиты, фронтовики встретили на вокзале, взяли на руки и несли около 2 км до Облвоенкомата. Это явно было не только проявлением всенародной любви к полководцу-победителю, но и протестом против его преследования властями.

Со второй половины 1950-х гг. жизнь стала заметно улучшаться. Подросли и начали работать мальчишки и девочки, выросшие без отцов. В 1953 г. прошла «Ворошиловская амнистия», как у Владимира Высоцкого, «освободили раньше на пять лет, и подпись Ворошилов, Георгадзе». За отнятые годы урки платили по полной, но не властям, а простым людям. В известном фильме «Холодное лето пятьдесят третьего...» описаны теневая сторона и жуткие последствия этого «человеколюбия к социально близким». Действительно, кривая преступности резко поползла вверх, но рецидивистов и убийц быстро отловили, а вот на свободе остались миллионы тех, кто попал в зону за колосок ржи, подобранной на колхозном поле, или за выкопанную там же кастрюлю брошенной и мороженой картошки. Вскоре начали возвращаться и политические заключенные и ссыльные. Приехала в Челябинск мать моего двоюродного брата Рида, но вскоре уехала в Москву. Затем началась демобилизация кадровых военных. Хрущев, заполучив водородную бомбу и ракетное оружие, решился на резкое сокращение Советской армии. К производительному труду возвращались сотни тысяч, если не миллионы дисциплинированных, активных мужчин. В те годы армия не вызывала у молодежи такого ужаса, как в наши дни, а для некоторых условия срочной службы были даже лучше, чем на гражданке, во всяком случае не приходилось голодать.

Особое значение имел провозглашенный Г. М. Маленковым курс на преимущественное развитие промышленности группы «Б», т. е. предприятий легкой и пищевой промышленности, и отмену многих видов налогов на сельскохозяйственные продукты, давшую передышку колхозникам. Народ заговорил: «Пришел Маленков, поедем с медком». Придумано ли это пропагандистами, поверил ли народ всерьез, что партия одумалась, понравилась ли игра слов, не знаю. Но помню, как радовался народ, когда Маленков в 1954 г. приехал в Челябинск, дал разгон в каких-то магазинах, куда неожиданно заявился, а после его отъезда многое появилось в продаже. Маленков был единственным из руководителей страны, о котором я в повседневной жизни никогда ничего не слышал плохого. В народе долго жило сожаление, что он правил так недолго. Правда, в памяти народной не осталось, что при Маленкове в печати появились понятия «культ личности», «мирное сосуществование», «коллективное руководство», «система коллективной информации» и др., авторство которых позднее приписали Н. С. Хрущеву.

Последнего тоже вначале восприняли положительно. Но вскоре он бросился догонять США по производству «мяса, молока и масла» на душу населения. Поскольку он считал, что личное подворье отвлекает горожан и жителей села от достижений этой цели на колхозных фермах, стали притеснять тех, кто пытался производить для себя продукты животноводства. В городах вообще запретили держать скот, трудно стало доставать корм для кур и гусей, а в деревнях перестали выделять угодья для пастбища и покоса. Стремясь поскорее отрапортовать о достигнутых успехах, руководство области и города вынуждено было стимулировать забой скота, под нож пускили даже табуны лошадей, оставшихся основной силой в колхозах.

После смерти Сталина стали давать по 4–6 соток вблизи города, где можно было построить маленький садовый домик, больше похожий на сарайку, из старого

материала, и строго по плану разбить сад и огород. Первое соблюдали, так как желавших построить что-то приличное безжалостно исключали, а вот заставить людей и на своем участке трудиться строго по плану не удалось. Вскоре во многих семьях продукция с этих крошечных садов-огородов стала существенным подспорьем в питании, с избытком снабжая зеленью, овощами и фруктами летом и позволяя делать существенные запасы на зиму. Создавалось впечатление, что только за их счет как-то и удастся решать продовольственные проблемы. Хрущеву это не нравилось, так как труд по вечерам и выходным отвлекал людей от строительства коммунизма на общественном производстве и способствовал сохранению частнособственнических настроений. Периодически инициировались газетные кампании, которые осуждали огородников, не позволявших разворовывать свои огороды и устраивавших самопалы и коллективную самоохрану. Но местное начальство понимало, что без этих садов-огородов прокормить народ невозможно, да и само обычно имело участки в тех же коллективных товариществах. Среди них я знал секретарей обкомов, горкомов и райкомов, руководителей исполкомов различного уровня. А государственная, так называемая обкомовская, дача на озере Смольном чаще всего пустовала.

Вообще, после того как стало известно о решениях XX съезда партии, стало все больше заметно, что авторитет власти в народе не слишком велик. Люди, почувствовав себя свободнее, открыто выражали недовольство. Над газетами и радио потешались. Хотя всем был известен тезис о кино как важнейшем «из всех искусств», его познавательного-пропагандистская эффективность была сугубо отрицательной. Выражение «как в кино» было синонимом высшего неправдоподобия. Вместе с тем в кино ходили охотно, погружаясь в его сказочный мир. До 5-го класса любил в кино ходить я, предпочитая патриотические фильмы, посвященные великим полководцам и флотоводцам.

И млад, и стар, коммунисты и беспартийные рассказывали антисоветские анекдоты. В ходу были различные частушки и стишки типа «О Гагарин, ты могуч и летаешь выше куч, полетишь как на орбиту, захвати с собой Никиту...» — и далее в нецензурных выражениях объяснялось, для чего это надо: чтобы тот перестал, мягко говоря, пудрить мозги рабочему классу. Из детских впечатлений запомнился первый вариант подпольной поэмы Александра Трифоновича Твардовского, попавший в наш дом в середине 1950-х гг., что свидетельствовало о ее широком хождении. Помню, что все были убеждены: это подделка, — так она расходилась с классическим образом и самого Василия Теркина, и его прославленного и, казалось, облаканного властями автора. Но самый главный для меня авторитет в области литературы двоюродный брат Рид сказал: «Так написать мог только сам Твардовский. Его, как Пушкина, подделать невозможно». Вскоре главу «Так это было» из поэмы «За далью даль» я выучил наизусть. На всю жизнь врезались строчки:

А вы, что ныне норовите
Вернуть былую благодать,
Так вы уж Сталина зовите —
Он Богом был — он может встать.

В становлении моего мировоззрения стихи Твардовского были важнее, чем романы и повести его тезки Солженицына.

Увеличивающийся при Хрущеве сонм друзей и Героев Советского Союза на разных континентах также не вселял оптимизма. Народ потешался над всякими очередными кампаниями, мало кто верил, что «нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме». Последний виделся некой линией горизонта, удаляющейся по мере приближения. При появлении Хрущева в документальной хронике, которая шла перед каждым фильмом, зал разражался хохотом, свистом. Однажды я сидел у одного из своих школьных друзей, когда пришел сосед и попросил позвонить по телефону. Ему разрешили. Оказалось, что сосед звонил в милицию, чтобы донести на каких-то пьяных, ругающих партию, власть и лично Н. С. Хрущева. Он был очень возмущен тем, что дежурный, поблагодарив его за бдительность, издевательски попросил лично доставить антисоветчиков в отделение, так как нет свободных милиционеров.

В 10-м классе я вместе со всей школой участвовал в первомайской демонстрации. Как положено, во время прохождения мимо трибун нас приветствовали различными лозунгами типа «Слава КПСС!», «Да здравствуют советские учителя!», «Металлурги, ваша сила в плавках!» и т. п. Когда наша школа покинула площадь, но продолжала еще двигаться в общей колонне, я, пародируя услышанное, начал бросать лозунги: вначале «Да здравствует школа 121!», «Ученики, глубже овладейте формулами тригонометрии и физики!» и т. д., которые радостно подхватывала вся колонна, разогретая солнцем, нахождением в общей колонне. Возбужденный всеобщим вниманием, я перешел на политические темы и заорал: «Касавубу не в дугу!», «Чомбе кирпичом!» Эти деятели Конго, сыгравшие решающую роль в гибели Патриса Лумумбы, тогда ежедневно клеймились по радио и в газетах. Услышав дружное «ура» со стороны сверстников, я совсем потерял чувство реальности и прокричал: «Хрущев на Украину!» и «Хрущев на скамью подсудимых!» На этот раз, помнится, «ура» прозвучало намного тише, и я остановился.

Учителя шли рядом с нами, и никто из них мне тогда ничего не сказал. Но уже третьего мая меня потащили к директору школы, где возмущенная учительница физкультуры, которая, кстати, знала меня чуть ли не с 5-го класса и, в принципе, относилась ко мне неплохо, докладывала директору о моей антисоветской выходке, не осмеливаясь, однако, повторить мои лозунги о Хрущеве. Директор Ольга Александровна Зубринская, которая шла в нескольких шагах от меня и не могла не заметить моей выходки, вдруг обратилась ко мне с вопросом, действительно ли я скандировал антисоветские лозунги. К тому времени я уже понимал возможные последствия происшедшего и сказал, что здесь какое-то недоразумение. На самом деле я требовал наказания для наймитов бельгийского империализма и подлых убийц из Африки. Неожиданно для меня директор удовлетворилась ответом и сказала доносчице: «Вот видите, он ничего недозволенного не говорил». Далее, не обращая внимания на возмущенные комментарии жалобщицы со скрытой угрозой (типа «вы не могли этого не слышать»), директор попеняла мне за несдержанность во время демонстрации и отпустила с богом. Сейчас я понимаю, что она поступила мудро, не привлекая внимания к школе со стороны и на корню пресекая возможность разборок происшедшего. В то же время тогда в ее облике и поведении я ощутил также сочувствие, а может, даже согласие с моими призывами. Возможно, она со скепсисом относилась к хрущевским выходкам. Во всяком случае, в школе я только от нескольких учителей слышал «правоверные», по советским меркам, речи.

Даже на первый взгляд полезные начинания типа отмены обязательной подписки на займы, в результате чего часть вычитаемой ранее зарплаты стала оставаться, вызывали недовольство. Все хотели, чтобы ранее изъятые по займам деньги вернули сегодня, а не через двадцать лет, когда вроде уже они будут не нужны при коммунизме. В городе развернулось массовое строительство, стали постепенно ликвидироваться наиболее ужасные трущобы, бараки, города из вагончиков. Но жилья по-прежнему не хватало. Многие, оказавшиеся в квартирах с удобствами, где не надо было рубить дрова, топить печи, копать огород, ухаживать за домашними животными, не знали, чем заниматься. Мужики начали пить. Постепенно пьянство захватывало все более широкие слои. Пенсия также не очень обрадовала людей, у большинства она тогда была мизерная, а людей порою против их воли отправляли на «заслуженный отдых». Вообще в повседневной жизни мы не ощущали «нерушимость блока коммунистов и беспартийных». Да и сами коммунисты были не прочь в неофициальной обстановке поругать власть. И для этого были серьезные основания.

К концу 1950-х после краткого периода относительной доступности основных продуктов прилавки на рынках и в магазинах стали пустеть. Даже при низких доходах большинство населения не могло истратить деньги, покупая самые необходимые товары. Начался рост цен на рынках. Скрытую инфляцию попытались сбить 20%-ным повышением цен на водку, вино и коньячные изделия в 1957 г., якобы для борьбы с пьянством, и деноминацией рубля в 1961 г., т.е. округлением ценников в сторону увеличения. Все повторяли стихи, написанные кем-то на памятнике Ленину на площади Революции, в самом центре города: «Володя проснись, с Никитой разберись, водка уже стоит 27, а масла и мяса нет совсем». Летом 1962 г. официально повысили розничные цены в магазинах на мясные и молочные продукты. Это привело к открытому недовольству и закончилось расстрелом протестовавших рабочих в Новочеркасске. Чуть раньше в Карагандинской области забастовали шахтеры. Для их успокоения, по слухам, из Челябинска был послан десантный полк, а заодно и председатель совнархоза обкома М. С. Соломенцев, ставший впоследствии членом Политбюро ЦК КПСС и председателем Совета министров РСФСР.

Не спасали от надвигавшегося голода и распаханнные на юге области целинные и залежные земли, а приехавшие на их освоение комсомольцы быстро почувствовали себя никому не нужными. Неурожай 1962 г. окончательно похоронил надежду на решение сельскохозяйственной проблемы за счет внутренних ресурсов. Хлеб какое-то время можно было купить только по месту жительства и в ограниченном объеме, в рыбных магазинах начали продавать только головы и хвосты рыб, а из мясопродуктов в специализированных магазинах осталась только неоновая вывеска «Мясо». Периодически приезжая в Челябинск из Ленинграда, я видел, как стремительно пустеют полки магазинов и растет число продуктов, отпускаемых по талонам, нормативы которых становились смехотворными, да и те надо было умудриться отovarить, отстояв огромную очередь. И это было задолго до того, как М. С. Горбачев, которого сейчас все клянут за развал страны, провозгласил перестройку.

Дешевая китайская одежда и обувь, заполнившая прилавки магазинов в начале 1950-х гг., вскоре приелась, а затем и ее не стало. Исчезли и товары из социалистических стран Восточной Европы. Все время возникал дефицит самых обычных товаров — бритв, носков, перчаток, я уж не говорю о радиолax, телевизорах,

холодильниках, мебели. Их обычно доставали по блату или после многолетнего стояния в каких-то очередях по записям и талонам, которыми также торговали зарождающиеся бизнесмены. Каждый раз, когда я летел в Челябинск, старался прихватить мяса, масла. Иногда вдруг дефицитом становилось крепленое вино, и не привыкшие к сухим винам челябинцы всю ругали власти за то, что приходилось пить «кислятину», а затем и она становилась дефицитом. По мере того как зрел «развитой социализм», а страна приближалась к дате, записанной в программе КПСС как начало коммунизма, дефицитом становилось всё. А народ иронизировал, что подошли к завершению построения коммунизма: «Деньги ещё есть, но купить на них уже ничего нельзя». Все больше товаров отпускалось с заднего входа в магазин. Народ понял, что коммунизм наступит тогда, когда у каждого советского человека в каждом магазине или на складе будет знакомый человек. Работа в торговле, которую мы презирали в юности, стала престижной, а продавщицы — желанными невестами и любовницами.

В 1976 г. накануне 1 мая я оказался в Челябинске. К тому времени полки магазинов в городе уже сильно опустели и трудно было что-то купить к празднику. Отец раньше всегда отказывался закупать продукты с заднего хода, а здесь, желая меня угостить, предложил сходить с ним вместе за продуктовыми наборами. Их раздавали в столовой Управления Южно-Уральской дороги, вход в которую был со двора. Когда мы с отцом вошли, там стояла очередь из начальников служб (локомотивных, вагонных, связи и т. д.). Каждый из них управлял предприятиями, разбросанными на обширной территории, примерно 1500 км с запада на восток и 600 км с севера на юг, и организовывал работу десятков тысяч железнодорожников. В их петлицах были одна или две большие (генеральские) звезды. Вызывали по списку, по нему же выдавали дефицитные продукты. Отцу полагалось 2 кг мяса, палка колбасы полутвердого копчения, банка красной икры, банка шпрот, полкило шоколадных конфет и ещё что-то. Все поместилось в небольшой сумке. На обратном пути отец сказал: «Запомни, Эдик, что в условиях победившего социализма и на 60-м году советской власти генералы производства имеют право с заднего входа зайти в столовую и купить к праздничному столу два килограмма мяса». Невозможно передать сквозившее в голосе чувство презрения к властям, заставлявшим их, крупных организаторов производства, испытывать подобные унижения. Ещё тяжелее приходилось тем, кому к праздникам не предлагали и такие наборы, а квартиры приходилось ждать многие десятилетия.

«ОПОРНЫЙ КРАЙ ДЕРЖАВЫ»

Однако недовольство властью не выходило за рамки бытовых разговоров, анекдотов, стишков, песенок. Добывание хлеба насущного, выращивание и воспитание детей, проблемы жилья, как и должно быть, занимали людей больше всего. Но производство также было важной частью их жизни. Челябинск был городом дымящих труб и суровых мужчин. Все мы помнили, что наш город был в годы войны «Танкоградом», что он расположен на Урале, «опорном крае державы», что без нашей стали и наших танков Т-34, КВ и ИС исход войны был бы другим. С 1-го класса мы учили стихотворение «Кто эти танки нам послал? Славный Сталинский Урал». И это была правда. Практически все наши заводы были оборонные. И мы гордились, что труд наших земляков обеспечил победу в схватке с фашистами и не дает возможности американцам напасть на СССР, и даже тем, что в случае атомной войны один из первых ударов будет нанесен по нашему родному городу. Город был закрыт для иностранцев, кроме китайцев.

Китайцев мы, школьники, искренне считали нашими союзниками и хором пели «Русский с китайцем братья навек». Модно было переписываться с китайцами, в 4-м классе я тоже обменялся несколькими письмами с китайским сверстником, благо тогда они все учили русский язык. Интересно, что президент Международного конгресса по истории науки в Пекине в 2005 г. и бывший директор Института истории естествознания АН КНР Лю Дун сказал мне, что в школьные годы переписывался с девочкой из Челябинска, и мы сразу почувствовали общее в нашем детстве. Тогда еще не было принято считать, какой из народов за счет кого живет. Мы были глобальными интернационалистами. И злоключения бедной «райской птички с черными яичками» (Поля Робсона), которого американские «изверги» не выпускали петть за границу, переживали острее, чем невзгоды миллионов соотечественников, маявшихся в лагерях. Позднее то же повторилось с американской правозащитницей Анджелой Дэвис, превращенной нашей пропагандой в символ борьбы за права заключенных в США. У нас такого символа до 1970-х гг. не было. Да и сейчас нет и не предвидится. Трудно назвать таковыми М. Ходорковского или “Pussy Riot”.

В детстве мы любили петть «Варяг», песни военных лет и революционные песни, а также русские народные. Необходимым элементом нашего репертуара был и «блатной» фольклор, с него позднее начинал и Владимир Высоцкий. С середины 1950-х у части молодежи популярным становился осуждаемый властями джаз, а затем особенно буги-вуги и рок-н-ролл. Дирекция школы строго следила, чтобы эта зараза, как и узкие цветные брюки, не тревожила невинные души. Принесенные на вечер пластинки директор лично строго проверяла на предмет крамолы, прежде чем разрешить пронести в радиорубку на вечерах. Но ее обманывали, наклеивая на пластинки с Элвисом Пресли какой-нибудь «Школьный вальс» или

«На сопках Маньчжурии». Когда обман выяснялся, вечер порой прерывался ненадолго, но иногда все сходило с рук. В целом учителя были опытными педагогами и чувствовали меру давления на нас.

Кое-что мы знали и о Челябинске-40, о комбинате «Маяк» и о том, что там делали. Я даже знал об атомном взрыве в сентябре 1957 г. О сути «полярного сияния», как его именовали в газетах, мне позднее рассказал мой друг и сосед по «Камчатке» в 8-м классе Коля Соколов. Его отец, секретарь обкома партии, видимо, тоже не знал точно все, что произошло, так как дома говорил, что взорвался атомный реактор.

Вообще, это удивительное мироощущение. В условиях нищеты и презрения к правительству существовала гордость за страну и за народ, победивший страшного врага в смертельной схватке, уважение к фронтовикам, которые к тому же по привычке еще ничего и никого не боялись. Удивительно и наше умение отличить их от «штабных крыс», увешанных орденами. Правда, справедливости ради надо сказать, что отрочество и юность моя выпали на один из самых счастливых периодов в истории страны, когда недолго, в течение нескольких лет, существенно улучшалась жизнь людей. Это было связано с преодолением самых тяжелых последствий войны и отказом от массовых репрессий. Мы не были равнодушны к тому, что происходило в городе. Гордились новыми улицами, зданиями институтов, кинотеатров, театров. В городе был сооружен один из лучших в стране вокзалов. Интенсивно строились школы, больницы, дворцы культуры. Закладывались новые скверы, возникали памятники, фонтаны. И мы радовались этим изменениям, видя в этом символ счастливого будущего. Местные отцы города еще боялись пилить бюджеты. Сталинские репрессии помнили все. И все знали, что всякое правило написано кровью.

В городе по-настоящему ценили тех, кто умел работать, в том числе и организаторов производства. Некоторое время после войны большинство предприятий возглавляли люди, которые, не жалея ни себя, ни других, смогли воочию превратить Урал в «опорный край державы». Среди них наиболее известным в те годы был директор ЧТЗ, бывший ленинградец, легендарный И. М. Зальцман, благодаря которому Челябинск в годы войны неофициально называли Танкоградом. Про него говорили, что никто не умел делать так хорошо танки, но никто хуже его не мог вписаться в мирную жизнь Танкограда. В 3-м классе из-за воспаления слезной железы мне пришлось несколько дней пролежать во взрослой больнице Тракторозаводского района и услышать много интересного о деятельности организатора Танкограда и по совместительству наркома танковой промышленности, обеспечивавшего Красную армию огромным количеством новейших танков. Впоследствии, в разгар антисемитской кампании и «ленинградского дела», генерала-майора И. М. Зальцмана — Героя Социалистического Труда и лауреата Сталинской премии — сняли с должности директора ЧТЗ, исключили из партии и сослали обычным мастером с мизерным окладом в провинциальный г. Муром Владимирской области. Его недоброжелатели говорили, что «криком и матом нельзя командовать наркоматом». Бывшие же рабочие, вспоминая, как он, порой матерясь и размахивая пистолетом, добивался невозможного, оценивали эффективность стиля его управления иначе. По их рассказам, именно железная воля и беспощадность в сочетании с заботой о простом человеке, его питании, жилье, одежде дали уникальный результат: город,

не выпустивший до войны ни одного танка, за два года превратился в крупнейшего в мире поставщика новейших танков в требуемом объеме. Тогда я впервые заметил, как сильна в народе тоска по барину, жесткому, но справедливому и болеющему за порученное ему дело.

В годы войны здесь трудилось и немало других руководителей промышленности, от которых военное время потребовало в короткое время и с минимальными ресурсами сделать невозможное — обеспечить фронт всем необходимым, чтобы спасти войну, проигранную политическим и военным руководством в 1941 г. И они сделали то, что ретроспективно сейчас кажется чудом. В какой степени этому чуду способствовали трудовые армии и репрессии против недисциплинированных тружеников, судить не берусь. Но знаю, что труд из-под палки неэффективен.

Вспоминаются многочисленные рассказы о начальнике Южно-Уральской железной дороги Леониде Петровиче Малькевиче, возглавившем ее в возрасте 27 лет накануне войны. Говорят, он был высокого роста, широкоплечий и красивый, демократичный в общении с подчиненными, заботившийся о них. Под его руководством был проведен комплекс мероприятий, обеспечивших первоочередное и беспрепятственное движение поездов, осуществлено развитие ряда узлов и станций, строительство новых. Он поддержал предложение машиниста депо Челябинск П. А. Агафонова и организовал для фронта паровозные колонны; 22 колонны были созданы в депо Курган, Троицк и ряде других крупных железнодорожных узлов. Южно-Уральские железнодорожники строили бронепоезда, поезда-бани и санитарные поезда. Из железнодорожников были сформированы два военно-эксплуатационных отделения по 2,5 тысячи человек. И вот по приказу Сталина его в сентябре 1942 г. сняли и отдали под трибунал за задержку какого-то стратегически важного груза. Тогдашний первый секретарь Челябинского обкома ВКП(б), впоследствии бессменный министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев, несмотря на сталинский гнев, дал Малькевичу свой самолет, и тот смог вылететь в Москву. Там ему организовали прием у Сталина, который, выслушав Малькевича, смягчился и ограничился освобождением от должности и назначением на другую железную дорогу. Впоследствии выяснилось, что без Малькевича в Челябинске дела пошли намного хуже, и два года спустя Сталин вновь назначил его начальником Южно-Уральской железной дороги. И уже в 2006 г. в железнодорожном музее я еще раз с удовольствием услышал историю, как Малькевич, прибыв на станцию Кропачево, с которой со стороны Москвы начиналась вверенная ему дорога, потребовал у удивленного начальника станции допустить его к селектору и сообщил всем, что вновь приступил к исполнению своих обязанностей. Отсюда он через некоторое время ушел на повышение в Москву, стал заместителем министра путей сообщения и, говорят, был и там на месте. Но брежневской «элите» такие люди уже были не нужны. Ей уже было на все наплевать.

Челябинск, впрочем, как и многие города Урала и Сибири, где ковалась победа, давал высококвалифицированные кадры крупных организаторов промышленности и строительства для всей страны, в том числе и для министерств и ведомств. Благодаря им обеспечивался быстрый рост экономики в первые послевоенные десятилетия. Труд, план любой ценой, создание новых предприятий, новых домен, мостов, железнодорожных путей и т. п. — все это было важной стороной жизни города, как простых людей, так и организаторов производства. Строителей и железнодорожников

я знал лучше всего, так как мои родители были связаны со строительством на железной дороге, а отец почти четверть века возглавлял Дорожно-строительный монтажный трест Южно-Уральской железной дороги.

Некоторые из этих людей или бывали в нашем доме, или были родителями моих друзей, с другими я познакомился во время работы в изыскательской партии, третьи были со мной откровенны после того, как оказались на пенсии. О многом узнавал из рассказов старших еще в детстве. Производственная жизнь с ее повседневными трудностями, сложностями и глупыми ограничениями, в том числе и политико-идеологического характера, часто проявлялась в разговорах старших. Всегда критически был настроен мой отец. Его наиболее близкий друг Михаил Дмитриевич Захаров также был достаточно откровенным в нашем доме, — и когда я учился в школе, а он занимал высокие должности в городе, и впоследствии, когда я работал в изыскательской партии в Дорожной проектной конторе Южно-Уральской железной дороги (Дорпроект), которую он возглавлял после несколько неожиданного завершения советско-партийной карьеры.

Захаров был на 11 лет старше моего отца. В 1941 г. он уже был начальником Дорпроекта, а отец — начинающим инженером, которому дали комнату в том же доме, где жил Захаров. Анкета его была безупречна. По происхождению Михаил Дмитриевич был из крестьян, начал трудиться в Москве рабочим-строителем, закончил курсы десятников железнодорожного строительства, Свердловский строительный техникум путей сообщения и уже после войны Тбилисский институт железнодорожного транспорта. Как и у многих в те годы, его карьера была стремительна. Техник-изыскатель и старший инженер-проектировщик, уже в 30 лет он возглавил проектную контору Южно-Уральской железной дороги и в годы войны проявил себя крепким руководителем, умел подбирать способных инженеров и организовывать их работу. В 1954 г. его «избрали» вторым секретарем Железнодорожного райкома партии. Захарову не хотелось относительно спокойную работу в Дорпроекте менять на партийную, где никогда не знаешь, когда, за что и как придется отвечать. Писал он в ЦК с просьбой оставить его в Дорпроекте, но ему пригрозили, что отберут партбилет, и он смирился. Будучи здравомыслящим и порядочным человеком, Захаров на новом месте проявил себя хорошо и быстро дошел до второго секретаря Челябинского горкома партии. Но с первым секретарем они из-за чего-то не поладили, и тот его спровадил на пост председателя Челябинского горисполкома, с обязанностями которого Захаров также неплохо справлялся. В течение нескольких лет город успешно развивался и благоустривался, так как Захаров уделял особое внимание социальной сфере и строительству. Особых благ он не обрел, кроме стандартной трехкомнатной квартиры, в которой проживал со своей женой Марией Александровной, очень скромной и доброй женщиной, сыном и дочерью.

В январе 1961 г. его по настоянию все того же секретаря горкома направили как бы на повышение, назначив председателем партийного контроля Челябинской и Курганской областей. Реально это было наказанием, так как отныне у Захарова в распоряжении было только восемь контролеров, да к тому же предписание исполнять сложные функции контроля, где он должен был решать задачи со многими неизвестными: кого, когда, как и в какой степени контролировать. Непосредственной причиной подобного «повышения» стала попытка Захарова помешать принять по плану 1961 г. жилые дома, строительство которых не было полностью завершено.

Жить в них можно было, но не было проведено благоустройство прилегающих территорий, не заасфальтированы подъезды к домам. В общем, ситуация обычная. Строители клялись, что «как только, так сразу», т.е. как только погода позволит, то сразу же они все сделают. Председатель горисполкома знал цену подобных обещаний, ведь жалобы жильцов, вначале счастливых, что наконец-то получили квартиры, а потом требующих ликвидировать недоделки, шли к нему. А строители, закрывшие объект, выбравшие все фонды и получившие премии, будут от недоделанных объектов бегать, как черт от ладана. Но победила точка зрения первого секретаря горкома: главное, чтобы жильцы Новый год встретили в новых квартирах, построенных для них советской властью.

Сообщение об этом инциденте было напечатано в газете «Известия» и попало на глаза Н. С. Хрущеву, который в это время, не догнав Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения, начинал очередную кампанию, на сей раз по искоренению очковтирательства. Его решения, как всегда, были импульсивными и необдуманными. 21 марта 1961 г. вызвали в секретариат ЦК КПСС партийное и советское руководство Челябинской области. Неудачную линию защиты выбрал первый секретарь горкома партии К. Н. Воронин, заявивший, что они действительно виноваты в приеме домов без заасфальтированных дорожек, но это обычная практика, а вот в г. Горьком принято несколько сотен тысяч квадратных метров в домах, в которых не было даже крыш. Ему ответил Ф. Р. Козлов, ведущий заседание, что «бесчестный человек ведет себя бесчестно и в высшем органе партии, в секретариате ЦК КПСС». В результате К. Н. Воронина исключили из партии. Первый секретарь Челябинского обкома партии, член ЦК КПСС Н. В. Лаптев был освобожден от работы в связи с болезнью. Из-за его болезни сняли с должностей все высшее руководство области и города, кого с партийными выговорами, а у кого отняли и партийный билет. Досталось и Захарову, его с выговором сняли с должности, на которую он только что был назначен, на этот раз за то, что не до конца сопротивлялся незаконным требованиям горкома принять незавершенные дома.

Буквально через несколько дней после заседания секретариата ЦК КПСС Захаров был в гостях у нас, и весь вечер разговор крутился вокруг произошедшего. К моему удивлению, Захаров был не очень расстроен, допуская, видимо, и возможность худшего исхода дела. Он считал себя попавшим под «колесо истории» и оставшимся, к счастью, живым. Вскоре я понял причины такого отношения к краху партийной карьеры. В Казахской ССР расстреляли двух секретарей обкома партии за подобные «прегрешения». К нам же первым секретарем обкома прислали из Москвы М. Т. Ефремова, который до того возглавлял Куйбышевский обком КПСС. В Челябинске он проработал недолго, вскоре уехал в Горький, где и принимали дома без крыши, а затем был назначен заместителем председателя Совета Министров СССР, а вскоре и отправлен на дипломатическую работу. Подобными «ротациями» и «укреплениями» кадров очковтирательство не только не изживалось, но и расцветало все ярче, приняв вскоре грандиозный размах в эпоху брежневского развитого социализма.

В эйфории собственной непогрешимости центральная власть допустила ещё одну ошибку. Заседание секретариата ЦК КПСС произошло в разгар избирательной кампании по выборам депутатов Верховного Совета РСФСР. Накануне по городу и области прошли собрания трудовых коллективов, на которых единодушно

были выдвинуты лица, вскоре снятые со своих должностей и исключенные из партии. Пришлось в пожарном порядке проводить новые собрания по их отзыву и выдвижению новых кандидатур. Ясно, что подобные акции центральных властей не вызвали популярности не только у простых людей, но и у властей предрежущих в областном масштабе.

Вообще, меня всегда удивляло, как власть может не понимать, что она должна защищать своих сторонников и представителей. Все было наоборот, она карала всех направо и налево. В 1959 г. сняли с поста секретаря обкома отца моего друга Коли Соколова. В их семье было две дочери и три сына. Я часто бывал в их трехкомнатной квартире, которая была не больше нашей, а обстановка почти нищенская. Какой-то чуть ли не дореволюционный шкаф, примитивная и бедная мебель, табуретки вместо стульев. Позднее мне не раз приходилось разговаривать с отставным секретарем обкома, ответственным когда-то за сельское хозяйство области. Это был, безусловно, честный, порядочный человек, который на своем посту делал все возможное, чтобы поднять производство сельскохозяйственной продукции, мотаясь по области и работая без выходных. Но то, что ему удалось когда-то сделать в масштабе своего района в первые годы после смерти Сталина, уже не получалось на новом месте. В итоге его освобождения от должности грубо, с матом потребовал работавший ранее в Челябинске А. Б. Аристов, ставший двумя годами ранее членом Президиума, секретарем ЦК КПСС и хотевший на это место посадить своего человека. Через год сняли и его, но дело от этого лучше не пошло. И подобных примеров грубых, обидных и незаслуженных освобождений от должностей людей, преданных своему делу, умевших работать, по большому счету ничего фактически не получавших за свой труд, кроме персональной машины для служебных разъездов, я мог бы привести много. Естественно, это не способствовало укреплению строя или росту популярности его даже у тех, в обязанности которых входило его защищать. Несправедливые наказания не имеют воспитательного значения. Напротив, они развращают остальных, показывая, что лучше не высовываться и ничего не делать. Жаль, что этого не могут понять наши руководители.

СЕМЕЙНЫЕ ГНЕЗДА

Семья — главное в жизни человека, особенно в детстве. И все усилия и программы по воспитанию человека и гражданина обречены на провал, если у ребенка нет дома, если он лишен родительской ласки и в детстве не ощутит в полной мере заботы о себе и, в свою очередь, не будет приучен заботиться о других. Мне повезло. В тяжелое послевоенное время я рос в полноценной семье, по тем временам это далеко не всем удавалось. У меня были бабушка, правда одна, оба родителя, два брата и сестра: всего семь человек. Как и большинство моих сверстников, я не знал дедушек (один умер за год до войны, другого расстреляли в 1937 г.), а многие дяди и тети погибли во время войны или сгинули в ГУЛАГе.

Вначале мы жили на центральной улице города, носящей имя Спартака, позднее ее переименовали в улицу Ленина. Так она и сейчас называется. Дом был деревянный, когда-то частный, потом хозяина сослали, дом национализировали, сделали ведомственным. Обычная история в советских городах. Нашей семье его предоставили как служебное жилье. Был он размером 64 кв. м, т. е. 8 на 8, кухня и три комнаты, все смежные и одинаковые размером по 16 кв. м, туалет на улице в нескольких десятках метров от дома. У нас было два сарая с сеновалами, где держали корову, свиней, птицу, а также хранили дрова и уголь. Одна комната была чем-то вроде гостиной, в другой спали родители и младшая сестра, а в третьей — бабушка и мы, трое братьев. Комната родителей и детская были соединены проемом, который загораживали шкапами с двух сторон, но звуковой изоляции не было. Летом мы обычно спали на сеновале. Иногда зимой кто-то из нас перебирался на полати в кухню, но там надо было быть начеку, чтобы не свалиться с высоты 3 м. Иногда там спали няни-домработницы, периодически появлявшиеся в нашем доме. Долгое время жила молодая деревенская девушка из деревни Нюра, которая приехала с нами из Карталы. Ее я плохо помню, кроме того, что, не выговаривая долго «н» и «р», пояснял каждый раз: «Юля, которая ходит за водой», чтобы отличить ее от моего брата «Юли, который ходит в школу». Потом ей сделали паспорт и устроили на работу. Впоследствии она изредка приходила в гости. Позднее находить домработниц стало все труднее и труднее, немногим хотелось идти в дом, где было столько детей и огромное хозяйство. Я помню только одну, которая согласилась помогать по хозяйству за угол, питание и небольшие деньги, работая при этом кочегаром в котельной Управления дороги.

По нынешним временам обстановка в доме была примитивная: железные, как я сейчас подозреваю, выданные на производстве, кровати, порванные пружины которых скрепляли проволокой, дощатые столы, табуретки и лавка на кухне. Если приходили гости и мест не хватало, на табуретки клали доски. Из мебели два самодельных шкафа, а также изготовленные столярами с отцовской работы книжный шкаф

и буфет. Самым ценным предметом была ковровая дорожка 5 м длиной и 1 м шириной, которую отец как-то привез из Москвы. Она соединяла столовую и спальню родителей. Поскольку пол был холодный, мы любили валяться на ней, играя в шахматы, шашки, «чапая», «уголки». Вообще первый набор мебели родители купили уже на новой квартире в 1966 г., скопив 1000 рублей по страховке.

Летом в доме было жарко, зимой — холодно, по утрам на дверях и по углам выступал иней, хотя печи топили два раза в день, разогревая дверцы порой докрасна. Приходилось колоть дрова, носить уголь, следить за огнем, а затем выгрести и выносить золу. Крыша в доме протекала, и ее постоянно ремонтировали, часто переукладывали плиту. Почти каждый год делали косметический ремонт, штукатурили, белили потолки, стены, красили полы. Тогда не клеили обои и каждый раз на стенах делали разные накаты, а поверху по трафарету расписывали картинки. Делали это обычно перемещенные из Бессарабии маляры. Дом на короткий срок становился подобием дворца, но в условиях резкого перепада температур все быстро начинало отваливаться, крошиться, линять, и ежегодно приходилось повторять все заново, на несколько недель парализуя нормальную жизнь в доме. На зиму вставляли двойные рамы, между рамами укладывали вату, ею же затыкали щели, которые замазывали специальным составом, так называемой замазкой. В сильные морозы от окон все равно шел холод. К тому же стекла часто бились, а так как достать новые было нелегко, дырки или забивались фанерой, или составлялись из кусочков стекла.

До 1953 г. водопровода не было, за водой приходилось ходить через два перекрестка. Обычно это делала мама и мои старшие братья, но что-то в ведерках, используя маленькое коромысло или на санках, доставлял и я. Особенно скверно было зимой в 20-, а то и 30-градусный мороз. Правда, иногда воду привозил на лошади водовоз, тогда все бочки, ведра, корыта в доме заполнялись до краев. В них иногда оказывались мыши, пытавшиеся как-то спастись от кошки. Еду обычно готовили на печке, точнее на плите, но летом, когда было очень жарко, пытались готовить на электрических плитках, но они часто перегорали, и тогда на керогазе, который ужасно коптил. Электричество также часто выключали, и в доме всегда был запас свечей, при которых мы умудрялись читать и писать. Иногда выручали китайские фонарики — пожалуй, единственное произведенное в КНР, что не сразу выходило из строя.

Хотя наш дом был буквально в 800–900 м от центральной площади, вокруг было море деревянных домов, а недалеко бараки и какой-то жуткий «Шанхай». Правда, рядом был Челябинский политехнический институт, размещавшийся в типовой четырехэтажной школе. Во время избирательной кампании там был агитпункт. Об эффективности агитационной работы я судить не берусь, но, насколько помню, «избирателей» старше 10–12 лет я там не встречал. В нашем дворе был еще один дом, состоящий из общей кухни и двух комнат, в каждой из которых жило по семье, в одной пять человек, в другой — два. В пределах этого пространства прошло мое раннее детство и первые школьные годы. Кроме нас, четверых Колчинских, там были еще два мальчика и одна девочка. С детьми из других дворов мы общались мало, среди них царили безотцовщина, хулиганство, драки, игры на деньги в очко, в чикю. Но мы также были далеко не ангелы и кое-чему могли научить это «хулиганье». Впрочем, мы все тогда уже всё знали. Это про наше поколение Аркадий Райкин говорил: «Пить, курить, общаться с женщинами и ругаться матом я научился

раньше, чем говорить». С детьми за пределами двора я контактировал мало по другой причине. До 8–10 лет семерых детей с разницей в несколько лет достаточно для общения. Иногда к нам приходили школьные друзья, а также дети друзей родителей, приезжали двоюродные братья и сестра. В общем было весело.

Метрах в сорока от дома на углу переулка Могильнякова был маленький магазин, в котором практически ничего не было, тем не менее его грабили несколько раз. На ночь ворота во двор крепко закрывались на засов, а во двор спускалась крупная злобная дворняга Пират, которая на цепи, прикрепленной проволокой, контролировала двор. Днем Пират сидел на короткой цепи в будке, и детям запрещали к нему подходить. Однажды он исчез, а вместо него появилась небольшая, веселая и добрая коричневая дворняжка Чита. Она охотно играла с нами, но считала своим долгом облаивать всех чужих, а при случае цапала их. Правда, делала она это только в пределах двора, который считала своей вотчиной. Вскоре к ней присоединился щенок восточноевропейской овчарки Акбар, подаренный нам другом отца Владимиром Дашевским, которому соседи по коммунальной квартире запретили держать собаку. Акбар быстро сообразил, что главный в доме отец, и не особенно нас слушал. Кроме самых простых команд, он ничему не научился и, хотя жил в доме, днем вместе с Читой предпочитал носиться по двору, облаивая прохожих. Супа для него специально не варили, и он привык подбегать за нами всякие вкусные вещи, порою выпрашивая их у стола. Обожал свежие яйца, за кражу которых из гнезд его наказывали. Тогда он разработал следующую тактику. Отыскав отложенное курицей яйцо, нес его в зубах в дом, якобы для передачи хозяевам. Когда кто-то из нас протягивал руку, чтобы взять яйцо, пес ронял его, яйцо разбивалось, и тогда пес, взглянув виновато, что, мол, ничего не поделаешь, с удовольствием пожирал его. Была в доме еще кошка, которая воистину гуляла сама по себе, будучи привязана к дому, а не к хозяевам. Днем она обычно спала, а ночью охотилась, и очень успешно. Ни крыс, ни мышей в доме в целом не было. Мать кошку не любила, но очень ценила, так как панически боялась крыс и мышей.

Восемь окон, четыре с улицы и четыре со двора, обязательно закрывали ставнями с болтами, вырвать которые было сложно. Выходившая на улицу дверь террасы была заделана железной решеткой. Тем не менее пару раз ночью пытались залезть в наш дом, рубя двери и ставни. Кажется, спас телефон, бывший в те годы редкостью. По нему вызвали наряд милиции. Наутро стражи порядка с собаками пытались выйти на след, но не смогли этого сделать из-за того, что грабители, уходя, раскидали медные царские монеты. Эти монеты мы еще долго хранили. По словам бабушкиных подруг, с наступлением темноты милиционеры побаивались заходить в переулок Могильнякова в 30 м от нашего дома. Там была какая-то «воровская малина». Мужчины в соседних дворах хоть и выпивали, но, кроме одного, его звали Степка-растрепка, не были пьяницами. Этот Степан иногда устраивал дебоши, бил жену, стекла, соседей, дрался и с милиционерами, но почему-то его каждый раз выпускали. Видно, не было закона об охране самих блюстителей правопорядка, которых сейчас власть самоотверженно защищает от пенсионеров, девушек и т. д.

У нас было настоящее хозяйство с коровой и телятами, овцами, свиньями, курами, утками, за которыми надо было ухаживать, кормить, чистить сараи. Корове варили картошку, давали барду и сено, которым были забиты две стайки. Когда сено

привозили, взрослые подавали его наверх, а мы растаскивали по всему сеновалу. Весной после отела коровы теленок несколько дней жил на кухне, и мы поили его молоком из тазика, давая сосать палец, как вымя. Там же какое-то время обитали купленные на откорм поросята, а также первые дни после вылупления цыплята, утята, которых нас научили кормить мелко нарубленными яйцами. Курицы были пестрые, каждый выбирал какого-то своего цыпленка, которому как бы покровительствовал далее. Но потом их резали, как и остальных. С тех пор брат Яша не мог есть кур, ему это казалось каким-то кощунством. Утки у нас были белые, пекинские, резко отличавшиеся от соседских. Почему-то не принято было держать гусей и индюков — возможно, из-за того, что они норовили уйти на улицу, где могли смешаться с соседскими, а тогда неизбежны разборки.

Был огород в несколько соток. На зиму два подпола забивали картошкой, свеклой, морковкой. Засаливали две бочки огурцов и закатывали несколько десятилитровых банок с солеными помидорами. Обязательно на зиму заготавливали две-три десятиведерные бочки капусты, для шинкования которой нанимали женщин, всегда ищущих возможность подзаработать. В начале зимы приходилось колоть телянка, свиней. Для этого обычно приглашали дядю Володю Румянцева, жизнерадостного коренастого толстяка, что по тем временам было редкостью, прошедшего всю войну на передовой без единого ранения. Он и его товарищи приносили набор длинных ножей и паяльную лампу. Работа была непростая и требовала умения. Жертву надо было уложить с первого удара, иначе она могла покалечить. Нам не позволяли наблюдать убийство, но при разделке туш, когда стали постарше, мы присутствовали. Дядя Володя первым делом выпивал ковш крови. В 3-м классе налил и мне стакан. Не желая казаться маленьким, я его опрокинул без удовольствия. Желания стать вампиром у меня не появилось. Зато вкус жаркого из мяса только что зарезанного телянка или поросенка до сих пор у меня во рту, и ничего вкуснее я не ел с тех пор. Даже дичь, добытая на охоте, или уха из свежельвленной рыбы не идут с ним в сравнение. Часть мяса надо было сдать в виде продовольственного налога, а оставшееся мясо засаливали и держали до начала весны. Оно не портилось, так как зимы были холодные. Иногда летом коптили окорока. Для этого разбирали печную трубу, в которую вывешивали окорока, но топили не печь, а буржуйку, железные колена которой подвели к этой трубе, топили опилками, дающими много дыма. Коптили более двух суток. Уток и кур, которых выращивали каждый год около сотни, резала бабушка. Ни мать, ни отец не могли на это решиться. Она же их ощипывала и разделывала для сохранения на зиму, а из пуха делали подушки и перины.

Бабушка была главным лицом в доме. Только она знала, что, когда и где сажать и убирать, как заготавливать и хранить, кого и чем кормить и т.д. Особенно она преуспела в выращивании цветов, что тогда было редкостью, и посмотреть на них приходили часто соседи и сослуживцы родителей. Рассадой цветов она торговала на рынке, так как пенсию долгое время не получала. Впоследствии, когда цветоводством в Челябинске стали увлекаться многие, она по-прежнему оставалась лидером, получая различные призы и грамоты за выращенные цветы.

Несмотря на свое учительское прошлое, бабушка осталась крестьянкой. Бездельников она органически не терпела и всех нас приучала трудиться с юных лет. Ей по мере сил и возможностей помогала мама, но она могла это делать только после работы или в выходные. Благодаря им мы не знали, что такое голод в послевоенное

десятилетие, и никогда в дальнейшем не питались такими доброкачественными продуктами: свежим мясом, парным молоком, овощами с грядки. Бабушка готовила очень вкусно. Фирменными блюдами были щи, борщ, рассольник, куриный суп, тушеная квашеная капуста, жареная картошка, различные каши с уткой, курой, телятиной, свиной, иногда вареники, чаще всего с творогом, но практиковались также с картофелем, капустой, ягодами. Часто пекли блины, оладьи, а на праздники — пироги, пирожки, разнообразные торты. По тортам и пирожным специализировалась и достигла блестящих успехов мать.

Иногда привозили раков или речную рыбу, которая была вкусной, но очень костистой. Есть ее надо было осторожно, но все равно кости часто застревали в горле и возникали проблемы с их извлечением. Зимой всей семьей делали пельмени, а под Новый год к их изготовлению подключался даже отец. Лепили их тысячами, а потом замораживали, клали в мешки и ели иногда до весны. Летом обычными блюдами становились зеленые щи, окрошка, позднее стали делать холодный борщ из маринада свеклы или кефира. По воскресеньям культивировали семейные завтраки: варили ячменный кофе с молоком, ставили селедку, вареную колбасу к свежотваренной картошке. Эти завтраки запомнились как праздничные. За столом всегда было весело, так как шутка, юмор и смех были постоянным фоном происходящего в доме.

До середины 1950-х гг. мы покупали в магазине только хлеб, соль, сахар и обувь. Одежду нам тоже шила в основном бабушка. Поскольку родители всегда работали, а тогда не существовало восьмичасового рабочего дня и был только один выходной в неделю, а перерыв длился строго один час, нам, детям, для помощи бабушке приходилось с самого раннего детства копать, полоть, поливать, носить воду и уголь, рубить дрова, убирать дом, топить печку, счищать снег с дороги и тропинки перед домом. А это было нелегко. Снега выпадало много, зимы были холодные. Во дворе и перед домом лежали огромные сугробы.

Корову я стал пасти в шесть лет. Моим старшим братьям пришлось заняться этим еще раньше. Пастбище было недалеко на осушенном болоте, в зоне интенсивного железнодорожного движения. В наши обязанности входило нарвать еще мешок травы корове на утро и на вечер. Тащить мы его не могли, поэтому пытались водрузить на корову, а та, неблагодарная, норовила сбросить. Иногда мы помогали на сенокосе сгребать траву, ворошить и сушить сено. Но обычно сено покупали, а нам поручалось утаптывать его при погрузке на лошадь или машину. Делать это надо было энергично, но осторожно, чтобы не упасть. Затем мы наверху, лежа на спине, вопреки всяческим правилам безопасности, ехали домой. И задолго до прочтения Канта поняли, что звездное небо над головой — это таинственное чудо, и о нем мы постоянно говорили с братьями и знали многие созвездия, а Большую Медведицу и Полярную звезду находили с ходу. Не меньший интерес в нас вызывали и фазы луны, на которой мы отчетливо видели тени Авеля и Каина. В том, что она населена, мы ни на минуту не сомневались, так же как и в марсианах, венерянах и обитателях других планет.

Каждый год мы сажали 10–15 соток картошки, забота о ее прополке, окучивании и копке также ложилась на нас. В 1954 г. мама, предвидя скорый отъезд из этого дома, взяла участок в садоводстве, в 4 км от вокзала, куда периодически приходилось добираться пешком. Под руководством бабушки мы быстро разбили прекрасный

сад и огород, не зная затем порою, куда девать урожай. До 6-го класса я любил там работать. Потом у меня появились другие интересы. В сад-огород я ездил все реже, из-за чего были конфликты с матерью. Она, помня мой прежний энтузиазм, не могла понять, как можно разлюбить сад.

Чтобы покормить всех перед работой и школой, бабушка вставала рано. Затапливала печь, доила корову, готовила завтрак и обед. Вечером эстафету перенимала мать.

Бабушка держала нас в строгости. У родителей не были приняты физические наказания, ограничивались обычно тем, что ставили нас в угол. Подобный либерализм она не одобряла, говоря не раз, что пороть надо, пока еще лежат поперек лавки, а когда вдоль, будет уже поздно. Один из наших соседей наказывал сына почти каждый день. Прислушиваясь к истошным крикам истязаемого, бабушка удовлетворенно приговаривала: вот молодцы — заботятся о будущем сына, а вот из нас, мол, оболтусы растут. Сама всерьез нас не наказывала, могла дать подзатыльник, отшлепать, поставить в угол, запереть в чулан или слегка выпороть ремнем, резиновой трубкой и т. д. Мы на неё никогда не обижались: понимали, что за дело. Ведь чего только не вытворяли! Безнадзорная и полуннадзорная ватага мальчишек — громадная разрушительная сила. Так, однажды меня послали за хлебом, дали 25 рублей. В ожидании, пока привезут хлеб, я, играя с другими детьми, зарыл ассигнацию в песок, а потом не мог найти, вот тогда мне досталось на орехи по полной. Пороли, как помнится, резиновым жгутом. Бабушка была быстра и находчива в нашем укрощении. Однажды средний брат, которому было пять или шесть лет, спасаясь от врачей, залез на шкаф. Пока врачи уговаривали его спуститься, опасаясь, что он свалится, бабуся соорудила лассо, ловко заарканила непослушного, как мустанга, и сдернула вниз.

Как только ей представлялась свободная минута, она читала художественную литературу или помогала нам готовить уроки, но только если мы просили о помощи. Последнее было редко, так как в рвении к школьным занятиям мы с первых классов не были замечены, к нескладным урокам относились спокойно, как и к плохим оценкам. Бабушка была буквально переполнена разного рода пословицами, поговорками, которые вставляла при каждом случае. Терпеть не могла бабские пересуды и очень злилась, когда приходили соседки на «беседки», отвлекаящие от дел, стараясь вежливо увернуться от слишком затянувшейся беседы. Вообще я не помню, чтобы она с кем-то ссорилась или ругалась. Никогда не повышала голос, а если слышала, что-то кто-то из родителей кричал, бормотала под нос, мол, чего дурак (дура) орет. Всегда поддерживала ровные отношения с моим отцом, который называл ее мамой, а она его Игорем. Не вмешивалась в их разборки с матерью, даже если ссора затягивалась на недели и в доме воцарялось молчание.

Бабушка обожала играть в карты (в дурака, пятьсот одно, короля, тысячу и т. д.). С удовольствием резалась с нами, обучив предварительно всем тонкостям игры. Не упускала также случая поиграть в лото, сопровождая каждое объявленное число присказками, типа: «двадцать один — приехал господин», «семьдесят восемь — милости просим», «одиннадцать — барабанные палочки». Никогда мне не приходилось слышать от неё никакого грубого слова, а тем более мата. А вот наши присказки в лото были не столь безобидны. Хотя в социалистическом строительстве она потеряла отца, мужа и на старости лет оказалась практически полностью зависима

от дочерей, из ее уст я не слышал ни одного худого слова в адрес власти, не любила она и наше зубоскальство по поводу партии и правительства, а также антисоветские анекдоты. Вряд ли такая осторожность была воспитана репрессиями — скорее, это понимание того, что всякая власть не от Бога и «плетью обуха не перешибешь». Не зря Т. Гоббс назвал государство Левиафаном.

Иногда зимой бабушка, забирая с собой мою младшую сестру, уезжала на два-три месяца в Ленинград, где была постоянно прописана. Без неё было очень нелегко, все шло кувырком, и как справлялась с хозяйством мать, я до сих пор не могу себе представить. Поэтому дня ее возвращения ждали с нетерпением, а приезд становился подлинным праздником. В Челябинске с внуками бабушка, видимо, чувствовала себя лучше, что вызывало ревность со стороны ее других дочерей. Главное, что ее влекло, — это чувство востребованности и нужности детям.

В январе 1956 г., когда мы с мамой и средним братом Яшей были в Ленинграде, отец получил трехкомнатную квартиру в большом пятиэтажном доме, который строил их трест. Отдельная квартира с паровым отоплением и горячей водой, в центре города тогда казалась роскошью, хотя, по нынешним меркам, она, конечно, была мала для семи человек, принадлежащих к трем поколениям, в том числе троих подростков и первоклассницы-девочки. Первоначально мы расселились примерно в том же порядке; только средний брат стал спать на диване в столовой, а старший за ширмой в коридоре. Довольно быстро он женился, ушел жить к жене, и за ширму перебрался я. Уроки же я готовил или в столовой, или в бабушкиной комнате, где она жила вдвоем с внучкой, а после отъезда ее на учебу в Ленинград — одна в отдельной комнате. Дом не был еще малогабаритным. В нём, к удовольствию матери, не способной ничего выбрасывать, были две вместительные кладовки. Одна была полностью забита консервами, соленьями, вареньями, сушеными сухофруктами, а также закупленными впрок в громадном количестве сахаром, крупами, макаронами и т. д. Мать, пережившая голод во время войны, не могла жить без запасов. Кроме того, много овощей и фруктов находилось в коллективном хранилище в саду-огороде. Картошка также по-прежнему была своя.

Дом наш находился напротив главного кинотеатра города. Основные окна выходили на улицу Цвиллинга, названную так в честь бывшего первого председателя Челябинского совета депутатов трудящихся, зарубленного колчаковцами. Там был маленький сквер с памятником ему. Вообще город помнил зверства армии А. В. Колчака, которого никто тогда не считал патриотом и защитником отечества, а считали марионеткой белочехов и душегубом. Прямо под окнами была трамвайная остановка; выглянув из окна кухни и увидев подходящий к ней трамвай, еще можно было запереть дверь, выбежать из подъезда и вскочить на подножку. До вокзала добиралась за 7–10 минут, а до сада-огорода — за полчаса.

Несколько лет домом еще заведовала бабушка, но круг забот у нее резко сократился. Она чаще стала уезжать в Ленинград, чтобы обновлять доверенность на получение пенсии. В Закарпатье жила ее старшая приемная дочь тетя Лида. В конце 1950-х гг. она тяжело и долго болела. Бабушка много времени проводила там, выхаживая ее и помогая в хозяйстве. После кончины Лиды смертельно больным оказался ее муж, дядя Коля, и снова бабушка оказалась там, присматривая за моим двоюродным братом Сашей. И так до смерти зятя в 1964 г. Затем основное время она жила в Челябинске, приезжая в Ленинград все реже и реже. Сил было меньше,

возраст приближался к семидесяти пяти. Жизнь становилась проще. Магазины заполнялись ширпотребом. Шить из старья костюмы и куртки внукам не имело смысла, да на взрослых она и не могла шить. Была другая мода. В доме появился баллонный газ. Мы стали постарше, и угроза, что устроим пожар, уменьшилась. Но она продолжала находить себе новые занятия. Увидев, что много пропадает ягод и фруктов, она, хоть никогда не брала в рот спиртного, научилась сама и научила мать делать вино, которое затем для многих стало желанным подарком и которое очень любил отец.

В доме менялась обстановка. На деньги, вырученные от продажи коровы, мама осуществила давнюю мечту — купила пианино, но средний брат Яша, у которого был неплохой слух, учиться не захотел, а нас со старшим братом учить было бесполезно. Сестра также не поступила в музыкальную школу, несколько лет прозямалась с частной учительницей, но без особого рвения, и пианино, как это было во многих семьях, осталось только украшением. Более полезным стало приобретение стиральной машины, которая запускалась в ход раз в один-два месяца. Стирка с многократным полосканием затягивалась на день-два, но всю работу делали мы с мамой. Вскоре появился телевизор, и бабушка все чаще стала его смотреть, особенно ее увлекали спортивные соревнования — футбольные и хоккейные турниры на звание чемпионов мира и Европы. Хорошо помню, как мы с ней вдвоем посмотрели все демонстрировавшиеся матчи футбольного чемпионата в Англии в 1966 г., некоторые из них кончались в 3 часа ночи по местному времени. Ее все больше тянуло поговорить с нами на философские темы, она любила вспоминать детство. Стала любить ездить и ходить в гости. Пока позволяли силы, каждый день гуляла в ближайшем сквере вблизи нашего дома.

В доме все большую роль начинала играть мать. Дом теперь находился рядом с Управлением Южно-Уральской железной дороги, где они работали вместе с отцом в разных службах. Им можно было за пять минут до начала работы выйти и прийти вовремя. Обедали они дома.

Двор нового дома не стал для меня родным. Приученный общаться вне школы с братьями и ближайшими соседями, я не мог себя заставить выйти во двор, завести новых друзей. Моими напарниками были одноклассники, а затем вскоре многочисленные друзья юных железнодорожников. Не воспринимаю я сейчас и городскую квартиру как родовое гнездо. В подростковом возрасте дом начинает тяготить, тянет на улицу, к сверстникам, но контакты я заводил с трудом, хотя тех, кто считал меня другом, было много. Не прижилась на новой квартире и наша кошка. Несколько раз она уходила в старый дом, ее возвращали, но в конце концов она исчезла. Трудно было привыкнуть к новым условиям и Акбару. Выросший на воле пес страдал в новой квартире, новая пища его не устраивала, а мясо и молоко в прежнем количестве мы ему не могли дать. В итоге он все время был полуголодный и злой. Его не приучили к вычесыванию и мытью, и он постоянно линял, оставляя всюду клоки шерсти. Привыкший облаивать прохожих в прежнем доме, здесь он сотрясал дом непрерывным лаем, а на прогулках приходил в возбуждение от любого прохожего. С тех пор я дал себе слово, что никогда не буду держать собаку в городской квартире.

После школы я работал в изыскательской партии, часто выезжал в командировки и редко бывал в Челябинске. Поэтому детство, ощущение беззаботности

и защищенности ассоциируется прежде всего с домом на Спартаке, который вскоре снесли подобно другим деревянным домам вокруг, включая и местную достопримечательность — маленький домик недалеко от нас с мемориальной доской, что в этом доме в 1905 г. останавливался Я. М. Свердлов. Когда мне хочется вернуться в детство, я вспоминаю улицу неказистых деревянных домов, занесенных снегом, и особый, ни с чем не сравнимый запах дыма от печей, протапливаемых дровами. Кажется, что в таком доме, где рядом был огород и всякая живность, я и мои дети были бы более счастливыми. Но, увы, как известно, билета в детство нет. Однако я благодарен судьбе, что на заре жизни мне выпал счастливый удел. И в этом огромная заслуга бабуси, которая, как мне казалось, любила меня особо и всегда оставалась для меня недостижимым идеалом человека.

ПОКОЛЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ

Как я уже говорил, отец был железнодорожным строителем, в 35 лет стал начальником Дорожного строительного-монтажного треста Южно-Уральской железной дороги, который не раз оказывался лучшим среди всех железнодорожных трестов Советского Союза. Тем не менее его карьера остановилась на этой должности. И дело здесь не только в его национальности. Он не любил дружить с начальством, держался в стороне от партийных и советских функционеров. Даже когда его друг М. Д. Захаров стал председателем горисполкома, он практически перестал с ним общаться, боясь, что кто-то заподозрит его в неискренности и желании подлизнуться к начальству. Их прежние тесные отношения восстановились только тогда, когда Захаров вернулся в Управление дороги. Возможно, отец понимал предел своего карьерного роста в условиях скрытого антисемитизма, хотя в Челябинске он не был замечен, или, точнее, почти отсутствовал. Как говорил сам отец, на планерках у начальника дороги иногда было непонятно, что это — производственное совещание или синагога, так как или начальник каждой службы, или его заместитель были евреями. Со временем их число в руководящем звене уменьшилось, а затем и сошло на нет. Никого не снимали по пятому пункту, но евреев уже и не назначали.

В начале 1953 г., я, вернувшись после двухмесячных скитаний по инфекционным больницам (отец тоже был дома после паратифа), заметил какую-то непонятную тревогу родителей в связи с сообщениями о «врачах-отравителях». Может, до них доходили слухи о предстоящих погромах и выселении всех евреев на восток. Но этого не случилось, хотя моему однокласснику Вадику Алесковскому какой-то «патриот» сломал сапогом нос, отомстив так за «планы» евреев убить Сталина. Тогда все время слышалась дразнилка: «Жид, жид по веревочке бежит. Веревочка лопнула, жида прихлопнула». Но меня она не касалась, так как внешне на еврея я не был похож, а вычислять процент крови школьников никто не учил, как и не рассказывали о «пагубности» межрасовых скрещиваний. Позднее среди моих друзей были явные антисемиты, которые не одобряли мою дружбу с Вадиком Алесковским и с Сашей Берковичем, который был старше меня на два класса.

Отец оказался прекрасным организатором строительства. Трест, которым он руководил почти 25 лет практически до самой смерти, строил по всей Южно-Уральской дороге. Отец готов был работать днем и ночью. Ему звонили, часто из других городов, по ночам, вызывали в любое время суток, если где-то случались какие-то ЧП. Казалось, что в многотысячном коллективе треста он единственный, кто знает «все и всех» и готов за все отвечать. Память о нём как о бескорыстном труженике до сих пор живет в городе, хотя его нет уже около полувека. И дома, построенные при его участии, мне всегда кажутся важнее моих книг. Но жизнь его как начальника не была медом.

Тогда еще не додумались до того, что всякая критика должностного лица является клеветой или террористической деятельностью, как это пытаются утвердить на законодательном уровне некоторые депутаты Государственной думы — поборники суверенной демократии. Напротив, всячески поощрялось бичевание недостатков у всех, кроме высших должностных лиц. Руководителей партии и правительства не мог критиковать никто, но центральные органы печати с их позволения могли критиковать руководителей областных партийных органов управления, областные газеты не могли критиковать областное начальство, но критика работников районного масштаба поощрялась и т. д. Южно-Уральская железная дорога также выпускала газету «Призыв», которая никогда не трогала руководство дороги, но острее-нело критиковала других, за что ее звали «Брехунчик». После какого-то очередного Пленума ЦК КПСС, потребовавшего помогать селу, отцу поручили построить коровник, при этом денег не дали, фондов не выделили, а план по другим объектам не уменьшили. Всем было понятно, что из ничего ничего построить нельзя, так как закон М. В. Ломоносова тогда знали наизусть. Но в газете кто-то посчитал, что отец манкирует решением обкома, и напечатали критическую заметку, снабдив карикатурой, на которой были изображены коровы под падающим снегом, и стихами: «Сто коров, мыча с тоской, пришли к Колчинскому в Дорстрой, обещал он новый дом построить до метелицы, ну а дело-то пока не мычит не телится». На критику надо было реагировать, обком вкатил отцу выговор, который было принято снимать через год. Но тот, считая себя наказанным несправедливо, об этом не попросил. Тогда отдел строительства обкома стал настаивать, чтобы отец обратился с такой просьбой, угрожая, что в противном случае снимет его с должности. Но и это не помогло, и в течение более чем 15 лет отец работал со строгим партийным выговором. В мае 1979 г., когда отец уже умер, я рассказал эту историю бывшему начальнику крупного строительного треста Южуралтрансстрой А. И. Логинову, который сказал мне, что руководители промышленности и строительства носили партийные выговоры с гордостью, как воины шрамы.

Как-то отец рассказал, что утром на работу ему лично звонил первый секретарь обкома партии, возмущенный тем, что накануне, когда он ехал на обкомовскую дачу, его «ЗИМ» обогнал грузовик, принадлежащий тресту, которым руководил отец. Пораженный такой наглостью, лидер области пустился в погоню, из-за чего уехал от дачи на несколько километров. К разочарованию лидера, водитель был трезв и ни в чем обвинить его нельзя было. Отцу настойчиво рекомендовали провести с «провинившимся» водителем беседу о недопустимости обгона правительственных машин. Отец, конечно, пообещал, но в своем кругу возмущался комчванством партайгеноссе области.

В молодые годы отец любил застолье, а крепко выпив, пел. У него был хороший слух и неплохой голос. Он плясал, балагурил. В конце 1940-х — 1950-х гг. по воскресеньям приняты были коллективные выезды в лес за грибами, ягодами, а иногда и просто на пикник на речку или озеро. Здесь отдыхали вместе рабочие, служащие, инженеры, руководители. Вместе ели и пили. По дороге, если застревала машина, то все мужчины ее вытаскивали. Там я встречал немало участников войны, в том числе и тех, кому посчастливилось ее пройти от первого до последнего выстрела. Среди них был ближайший друг моих родителей главный инженер одного из строительных участков Владимир Дашевский, шофер Иван Гармилов, рабочий Володя

Румянцев и др. Что характерно, они никогда не рассказывали о войне. Вообще, тогда в неофициальной обстановке не было принято вспоминать о ней. Люди старались забыть, что они делали и что с ними делали во время войны.

У нас в семье никогда не было деления людей ни по национальностям, ни по социальному положению. И за столом собирались друзья и сослуживцы разных специальностей. И всегда были песни, танцы. Нас, детей, также сажали вместе с взрослыми, наливая чуть-чуть подкрашенной водки. Мы также ходили в гости ко многим, что позволяло мне с детства усваивать навыки разных культур. Однажды дядя Ваня Гармилов, дети которого обязательно приезжали к нам в новогодние каникулы, привез нас на новогодний праздник, устроенный для детей в его доме, и помню, как я был поражен, насколько их обряды и игры отличаются от привитых нам стереотипов. Они веселились так, как было принято среди крестьян дореволюционной России во время Рождества, Крещения и т. д.

Когда обычай работать сверхурочно и по выходным прошел, отец явно заскучал, не зная, чем заняться в свободное время. Если его трест строил что-то в Челябинске, он становился внештатным прорабом объекта и ходил туда почти каждое утро и каждый вечер, обучая молодежь, как планировать и организовывать работу. Обожал досрочные сдачи объектов. К нему неплохо относились рабочие, так как он заботился о них и ещё во время войны убедился, что необходимо создать подчиненным хотя бы самые элементарные условия для питания и сна. В нем они видели хозяина, болеющего за трест. В общении с рабочими и инженерами был демократичен, не было у него никого чванства, которое, увы, порою встречалось тогда у начальников, выбившихся «из грязи в князи».

Особенно доверительные отношения у него были с шофером Иваном Гармиловым, который прошел на полуторке всю войну и был, как говорится, водителем от бога. Вел машину идеально в любом состоянии, а ведь асфальта тогда в городе почти не было — одни ямы, ухабы, грязь. Пьянство за рулем не считалось смертным грехом, а было признаком некоего удалства. Порою дядя Ваня, вернувшись издалека и осторожно въехав в наш узкий двор, вываливался из кабины. Его мы звали дядей Ваней, он катал нас на машине и был для нас одним из членов семьи — настоящей «палочкой-выручалочкой», так как отец, строивший дома, станции, больницы и т. д., сам не мог забить гвоздь. По просьбе матери дядя Ваня готов был ехать куда угодно, и не только по служебным, но и по личным, домашним делам, например в сад-огород, искупаться и т. д. Отцу это не нравилось, и он не раз выговаривал матери за просьбы дать машину. По большому счету, отец был бессребреником и переживал, что, мать, используя служебную машину в личных целях, злоупотребляет его положением. Мать ему резко возражала, указывая, что жены других начальников на служебных машинах ездят в магазины, парикмахерские, кино, а она просит только ради детей, и то потому, что отца почти не бывает дома. В общем, у жен всегда свой взгляд.

Отношение отца к идеям социализма было сложным. С одной стороны, он был настроен критически к происходящему и к высшим государственным мужам. Мать рассказывала, что еще в декабре 1934 г., увидев Сталина, стоящего перед гробом С. М. Кирова в Ленинграде, он сказал, что через две недели после смерти Сталин будет забыт. Если это правда, то он угадал почти точно. Забывать стали даже раньше. 15 марта 1953 г., т. е. через 10 дней после смерти Сталина, передавали сообщение

о заседании Верховного Совета, и родители почему-то радовались, что о «нем» почти не упоминают. Правда, отец никогда не принижал роль Сталина в Великой Отечественной войне, но считал его ответственным за дискредитацию идеалов социализма, которые казались ему вполне осуществимыми, так как сам он к жизни относился по-спартански. «Уличные» университеты приучили его с презрением относиться к достатку, уюту, собственности. Маленький домик в саду-огороде размером 3 на 2,5 м мы построили последние в садоводстве, только в конце третьего года, т. е. в 1956 г. Но так ни родители, ни последующие владельцы этого домика, мой брат и его сын, не удосужились провести туда электричество.

К спартанскому мироощущению, возможно, его подвигли судьбы родных и двоюродных братьев, погибших на фронтах Отечественной войны и в сталинских застенках или расстрелянных нацистами. Лишь одного удалось мне встретить — дядю Моню Когана, племянника матери отца. Сам он выжил, хотя прошел войну с первого до последнего дня в пехоте, одиннадцать раз был ранен. Вернулся в Керчь, где были расстреляны все оставшиеся родственники-евреи. Первую жену-татарку немцы пощадил, выжили и маленькие дети. Но затем ее, видимо, выслали в 1944 г., когда он на фронте защищал Родину. Сына Вилю, названного в честь Ленина, и дочь Светлану он нашел в детдоме, узнав сына по врожденной седой пряди волос. Кстати, у меня в детстве была такая же. Вернувшись с фронта, дядя Моня женился на простой и очень душевной русской женщине, ставшей для детей второй матерью. Он стал председателем колхоза, по его рассказам успешного, но был арестован в разгар борьбы с космополитизмом и оправдан вскоре после смерти Сталина. При этом до конца жизни он оставался убежденным сталинистом, сваливая все преступления режима, включая расстрелы родных братьев, на действия врагов, пробравшихся в руководство НКВД. С презрением относился ко всякой собственности. Жил у моря в глиняном доме с земляным полом. В его саду, на земле, где плодоносила даже палка, росло лишь одно персиковое дерево. Туалетом во дворе служила яма, огороженная глиняной стенкой без крыши. Ему ничего не надо было.

У отца удивительным образом сочетались свойства сильного, волевого руководителя с «маниловщиной» в личной жизни. В нерабочее время он любил рассуждать, как было бы хорошо съездить в турпоездку за границу, в отпуск к морю, построить дом или садовый домик, переехать в другой город, начать изучать иностранные языки и т. д. Эти раздумья завершались ничем. Заговаривал он и о возвращении в Ленинград. Как железнодорожник, да к тому же номенклатурный работник, сразу после войны он не был волен распоряжаться своей судьбой, а потом четверо детей, которых трудно прокормить без подсобного хозяйства, друзья, коллеги, корни, пущенные на Урале. Да и с возрастом он стал тяжел на подъем, рано начались инфаркты. У него была реальная возможность получить аналогичную должность в Ленинграде через Министерство путей сообщения. Сохранилась и надежда, что обком, возглавлявшийся В. С. Толстиковым, который был его однокурсником и жена которого в студенческие годы была подругой моей матери, не будет возражать. Вот этот план был, на мой взгляд, реален. Толстиков охотно помогал своим однокурсникам, к тому времени многие из них были устроены им в Ленинграде на хороших местах. Однако отец не стал ничего предпринимать для перевода в Ленинград.

Решения отец всегда принимал в последнюю минуту. В повседневной жизни они не всегда были точны и хорошо продуманы. В конце 1940-х — начале 1950-х гг.

каждый вызов в Москву грозил неизвестностью: вернешься с щитом, на щите или пойдешь по этапу. Собирали, как в дальний путь, с обязательным застольем перед отъездом и проводами всей семьей. Отец обычно в последний момент вскакивал на подножку уходящего поезда, держа трубку в руках, подражая, видимо, киношному Сталину в фильме «Оборона Царицына». Однажды это чуть не закончилось плохо. Его вызвали в Москву для назначения начальником треста. Сообщение пришло неожиданно, и выезжать надо было срочно. Пришлось собираться в быстром темпе, готовить документы, закупать продукты. Ведь вагонов-ресторанов не было, а ехать надо было двое суток. Служебная машина стояла несколько часов на проезжей части улицы напротив дома, что было тогда не положено. И, когда вышли, чтобы отправиться к поезду, машина исчезла. Дядя Ваня сразу сообразил, что ее увели гаишники из отделения, находившегося недалеко от дома. Он бегом помчался туда, оставил под залог все документы, соврав, что должен отвезти начальника, вызванного в Кремль, к поезду, а потом вернется для объяснений. Втиснув отца в уходящий поезд, он зашел к нам, заел какими-то пряностями алкогольный запах и пошел в ГАИ вырывать оставленные документы, что ему удалось. Конечно, это было возможным только во времена, когда водители и гаишники знали друг друга в лицо.

В нашем воспитании отец практически не участвовал, предоставив матери и бабушке решать все бытовые проблемы, за исключением чисто финансовых, в том смысле, что его зарплата и премии были основным источником существования в семье. Его никогда не интересовало, как они тратятся, во что одеты и обуты дети, есть ли на завтра что-то поесть. Выросший фактически вне семьи и воспитанный улицей, он не был примерным семьянином, точнее у него был ослаблен инстинкт семьи. Мама говорила, что когда выходила замуж, многие ей завидовали, что за евреем она будет жить хорошо. Потом ее сестра тетя Рая сетовала, что он по-русски безалаберен и расточителен. До середины 1950-х гг. я его редко видел дома. Он уходил рано и приходил поздно. Иногда, правда, приезжал обедать. Но во время обеда читал газеты и на нас внимания не обращал. Иногда вдруг ночью появлялся с компанией коллег, которые начинали петь и плясать, а из-за отсутствия музыкальных инструментов выбивать такт и мелодию крышками от кастрюль, на тазах, ложками и т. д. Последнее у него хорошо получалось, как сейчас вижу его выбивающим ложками на стаканах мелодию песни: «Осыпаются листья, значит, кончилось лето, улети все птички, а с ними и я». Его друг с уникальным музыкальным слухом главный инженер Дорпроекта Яков Михайлович Израильев при этом носом вел партию кларнета. Отец обожал купаться и прыгать с вышки. Уже в солидном возрасте, далеко за пятьдесят, не довольствовался пятиметровой высотой и под восторг молодежи, полагавшей, что дед рехнулся, взбирался на перила вышки, чтобы добавить еще полметра высоты. В воде он чувствовал себя как рыба, мог часами плавать или просто лежать на спине.

Вскоре после смерти И. В. Сталина, который работал по ночам и заставлял всю страну большую часть ночи проводить на службе, доказывая свое рвение, «ночные бдения» прекратились. Вышло даже специальное постановление, подписанное Г. М. Маленковым, запрещающее людям быть на службе в ночное время. И отец вечера и выходные стал проводить дома. Он пытался чем-то заняться, увлекаясь периодически то учебой на пианино, то чтением книг, которые, надо сказать, читал внимательно и все прочитанное фактически знал досконально, требуя того же

и от меня. Как сейчас помню стыд от того, что я, пересказывая братьям повесть Василия Яна, не смог точно сказать, кем же избрали Батюя перед походом на восток. Но зато до сих пор не забыл, что его нарекли джихангиром, т. е. Повелителем Вселенной. Понятно, что с таким титулом Батый был обречен или омыть распаленных коней «в последних последнего моря водах», как звучало в гимне воинов Чингисхана, или погибнуть от рук своих воинов. Это вам не какой-то министр, нареченный в армии «табуреткинским».

Отец особенно любил играть в шахматы, и по мере подрастания каждый из нас становился его основным партнером. Я по сравнению со своими сверстниками играл неплохо, но намного слабее отца и поэтому не представлял для него особого интереса. Но братья сражались с ним почти на равных, за что он их уважал. Любил он также демонстрировать нам свои знания по математике, помогая решать самые сложные задачи и требуя точных определений, знания формул, теорем. Но к нашим успехам в школе, точнее к отсутствию оных, относился без эмоций, вяло реагировал на периодические жалобы из школ.

Ко мне он долгое время относился достаточно безразлично, а если удостаивал своим вниманием, то разговаривал обычно иронично. Возможно, его утомляли мои бесконечные монологи и фантазии. Я комплексовал от этого, не понимая, что это вообще стиль его поведения. Заметил он меня где-то в классе в четвертом, когда у меня прорезался интерес к истории, а мои знания событий, политдеятелей, биографий и т. д. стали забавлять его гостей, которым было странно, что подобные вещи могут кого-то интересовать, тем более мальчика. Сам отец историю изучал только в школе, начав с французской революции, да и то бригадным методом, когда отвечал один, а оценку ставили всей бригаде. Поскольку в бригаде он был ответствен за физику и математику, то знал лишь некоторые исторические события по романам и фильмам, к которым относился серьезно, стараясь по ним уловить суть прошлого. Оказалось, что он явно склонен к историософии, к политике. По мере того как бесконечные вопросы строительства (фундамент, кирпич, раствор, кран и т. д.) становились для него обыденными, все больше его занимали события в мире. Начиная с осени 1956 г., т. е. с волнений в Польше, Венгрии и нападения Англии, Франции и Израиля на Египет, он часто обсуждал со мной политические события как в стране, так и за рубежом, давая им собственные интерпретации, отличавшиеся от официальных.

Вообще события в Венгрии и Польше и на Ближнем Востоке в 1956 г. имели большое значение для изменения политического сознания советских граждан. Всем было ясно, что наши союзники спят и видят, как бы поскорее сбежать из социалистического рая, а рассказы о зверском подавлении танками волнений в Будапеште не вписывались в представления о братской помощи. Никто не сомневался и в том, что ни поляки, ни венгры этого нам не простят и при первом удобном случае постараются отомстить. Быстро редели ряды коммунистических партий Италии и Франции, где, казалось, коммунисты еще недавно имели шансы прийти к власти. В Третью мировую войну, в неизбежности которой никто не сомневался, мы должны были войти только с братским Китаем, военный потенциал которого котировался не так уж высоко.

Со временем подобные беседы стали обычными, так как в семье только мы вдвоем тщательно прочитывали выписываемые газеты — 5–10 наименований. Многие суждения отца были для меня неожиданными в те годы, а затем, усвоив их,

я шеголял среди сверстников свободомыслием и скептическим отношением к происходящему. Я научился видеть в политических событиях, в том числе и в истории КПСС, борьбу за власть, прикрываемую высокопарными рассуждениями о благе народа и страны. В то же время профессиональный долг и общественные идеалы для моего отца не были пустым звуком. Он искренне стремился жить и работать так, чтобы страна богатела, а люди жили лучше. В июне 1959 г. от него я впервые узнал, что конфликт СССР и КНР неизбежен, так как две великие державы не могут долго быть в дружбе. Тогда я усомнился в его прозорливости. Ежедневно по общей радиосети еще передавали программы китайского радио, и только через два года в газетах стали появляться статьи о разногласиях с Китаем, а в 1966 г. разразилась «культурная революция» и «вечный брат и союзник» превратился в заклятого врага.

Когда я вступил в подростковый период, потянулся к улице, к блатной романтике. Мать перестала справляться со мной, отец несколько раз наставлял на путь истинный, и это оказалось эффективно. Обнаружив в 7-м классе у меня в кармане кастет и нагайку, он этой же нагайкой меня отхлестал, запретил по вечерам выходить на улицу и бесцельно шляться по ней. Когда за компанию с Колькой Соколовым, которого за хулиганство перевели в другой класс, я забрал документы из школы, он снова вмешался. Поздравив с завершением среднего образования, дал взбучку и заставил вернуться в школу. При этом каждый раз его педагогические приемы были разнообразны: один раз это была разыгранная сцена семейного суда надо мной, в другой — «наказание» в виде покупки какой-то нужной мне вещи. Наш классный руководитель пытался привлекать его несколько раз для искоренения моей грубости и недисциплинированности и даже однажды пригласил на собрание, где надеялся продемонстрировать ему коллективную проработку меня со стороны класса, обличая меня в том, что я на уроках демонстративно ничего не делаю, на «камчатке» сижу разваливаясь и периодически комментирую слова учителей. Но класс отнесся холодно к затее Якова Дмитрича, никто осуждать меня не рвался, и отец не стал принимать воспитательных мер. После того как классный руководитель написал в парторганизацию по месту работы, что отец плохо воспитывает сына и письмо стало предметом публичного обсуждения на партсобрании Управления железной дороги, папа перестал реагировать на жалобы учителей. Единственное, что он посоветовал мне: «Эдик, всегда произноси молитву: дай Бог мне подумать, прежде чем я открою рот».

Он был один из немногих, кто поддержал мое намерение изменить семейную традицию и стать философом, а не строителем, и хотя смутно представлял, что такое философия, но верил что это интереснее, чем кирпич, раствор, бетон, известь, пиломатериалы, планы, отчеты, фонды и т. д., и так каждый день. Впрочем, я и сейчас, защитив по философии докторскую диссертацию и заседая почти 20 лет в Специализированном совете, не могу точно сказать, что же такое философия и для чего она нужна. Но твердо знаю, что столь огромное количество дипломированных философов стране не только не нужно, но и вредно. Отец материально помогал мне, когда я готовился к поступлению в университет и во время учебы. И даже пытался прочитать мои первые печатные работы, показывая их моим одноклассникам. По их рассказам, он честно признавался, что ничего не понимает, но явно гордился мной.

В детстве и молодости отец, видимо, очень наголодался, поэтому, приезжая к нам с сестрой в Ленинград, прежде всего хотел как-то нас накормить. Водил в кафе,

рестораны. К концу жизни, разочаровавшись в людях, резко сузил круг знакомств, предпочитая общаться с детьми. Радовался, когда я приезжал погостить, и обязательно вез меня в знаменитый ресторан «Русские пельмени», где можно было отведать пельменей разных видов, в том числе из медвежатины и оленей. Теперь на обед туда надо записываться чуть ли не за месяц вперед, и я там не был более 20 лет.

Болезнь рано настигла его, в 42 года он перенес обширный инфаркт, проболел более восьми месяцев, затем все время мучился астматическим бронхитом. Лечиться он не любил, лекарства принимал неохотно, врачам не особенно доверял. Внимательно штудировал медицинские статьи в БСЭ и шеголял перед врачами знаниями о строении и работе сердечно-сосудистой системы. Его инженерно-математический ум не мог смириться с тем, что нельзя рассчитать, как она будет вести себя в ближайшем будущем. В краткие периоды относительного здоровья он попивал болгарский коньяк, угощал им моих друзей, объясняя его пользу в качестве сосудорасширяющего средства. Любил повторять шутку, что главное не давать сосудам сужаться и вовремя добавлять.

Затем начались новые инфаркты. В 59 лет он оставил должность начальника треста, для него специально учредили пост главного технолога, но вскоре был инсульт, во время которого я приехал на два дня, чтобы его увидеть, а через несколько месяцев его не стало. Он умер, не дожив до шестидесяти лет две недели, так же как его отец. Провожали его тысячи людей, многие приехали из других городов (Оренбурга, Кургана, Петропавловска) и станций, хотя он уже был на пенсии по инвалидности. Многие из выступавших говорили, что ушел последний из эпохи волевых и всецело преданных делу руководителей. Действительно, трест вскоре покатился вниз, начались коррекции планов, очковтирательство, чехарда начальников. Похоронили его на главном кладбище города, на самом почетном участке. Сейчас рядом с ним лежат уже трое других членов нашей семьи: мама, бабушка и старший брат Юля. Когда я бываю на родине, обязательно прихожу к их могилам, мысленно говорю с ушедшими и сожалею, что не придется лежать рядом.

Нам не довелось увидеть ни одного брата отца, а с его сестрами мы общались много, особенно со старшей, тетей Миррой, воспитывавшей его в раннем детстве и приютившей в первое время в Ленинграде. Она была женщиной энергичной и предприимчивой. Ее муж дядя Мотя умер вскоре после войны от ранения, полученного на Ленинградском фронте. Ей пришлось воспитывать сына Фридика (1934 г. рождения) и дочь Галю, которая была старше меня на 11 месяцев. Тетя была инвалидом III группы, так как в молодости перенесла туберкулез. Тем не менее сумела дать обоим детям высшее образование, а потом еще помогала дочери воспитать внука, ставшего математиком. Она и ее дети иногда гостили у нас в Челябинске. Тетя Мирра по возможности помогала родственникам, в том числе и мне. Я жил у нее, когда учился на первом курсе университета, так как не хотел тратить время на дорогу в Старый Петергоф, где находилось общежитие. В дальнейшем встречи с тетей Миррой и ее детьми становились все реже и реже. И здесь моя беспорная вина.

Другая сестра отца, красавица тетя Рахиль, с молодости покорила сердце сына рыбака Георгия Миновича Тетерева, которого мы звали дядя Гриша, и последовала за ним в Ленинград. Он оказался талантливым и удачливым поисковиком, участвовал в эксплуатации золотых приисков Джетыгара в Майканине, а также в разработке нефтяных месторождений между Уралом и Волгой, что в те годы было столь же важно для страны, как современная разработка нефтяных и газовых месторождений Сибири. В начале

1950 г. его назначили командовать Северо-Казахстанским геологоразведочным управлением, на территории которого находилось знаменитое Соколовско-Сарбайское месторождение. Должность, по-видимому, была крупная, так как в 1954 г. он ездил на новом «ЗИМе». Ему удалось так организовать работу, что впоследствии открытия новых месторождений посыпались как из рога изобилия: там были и алмазы, и золото и т. д., а вместе с тем и высокие правительственные награды. Лично он был причастен к открытиям Краснооктябрьского бокситового, Качарского и Алешинского железорудных месторождений, проводил тематические работы по составлению прогнозных карт на железо, золото и т. д. Тогда не было принято, чтобы руководители производства занимались наукой, тем не менее он написал и защитил в Свердловске диссертацию, став кандидатом геолого-минералогических наук, редактором и автором XXXIV тома «Геология СССР» (1971–1985). Подготовил и докторскую диссертацию, в которой обосновал наличие огромных месторождений нефти в Казахстане, но ему не поверили и к защите не допустили. Позднее стало известно, что Тетерев был прав. Но к тому времени центробежные силы в СССР стали столь сильны, что предсказанные им месторождения оказались за пределами российского суверенитета.

Дядя Гриша был масштабный руководитель сталинской и хрущевской эпох, более жесткий, чем отец. Он не любил рассуждать о политике и обычно с похвалой отзывался об очередном находящемся у власти руководителе. В то же время он не испугался дружбы с родственниками репрессированных. Был щедрым человеком, мог снять со стены и подарить дорогому гостю понравившийся ковер или десятки томов БСЭ. Увидя мой интерес к истории, он сказал, что подарит десятитомное собрание Е. В. Тарле, если я стану гуманитарием. И слово сдержал, когда я поступил в аспирантуру ИИЕТ. Судьба распорядилась так, что именно я стал первым лауреатом премии Е. В. Тарле, учрежденной в Санкт-Петербурге в 2013 г. Прямо с руки он подарил брату столь дефицитные в годы часы. Иногда дядя Гриша сражался с нами, пацанами, на шпагах, в качестве которых мы использовали дранки для штукатурки, играл с нами в волейбол, футбол.

С семьей дяди Гриши мы были дружны долгое время, их дети приезжали гостить к нам, а мы — к ним в Кустанай. В Москву, в Свердловск, на отдых в Крым или на Кавказ и даже в Алма-Ату дядя Гриша, тетя Рахиль и их дети ездили через Челябинск, всегда останавливались у нас на несколько дней, и эти встречи были радостными для детей, а у родителей выливались в длительные, многодневные застолья, вызывавшие порой нарекания жен. У дяди Гриши был своеобразный юмор. Когда тетя Рахиль однажды стала его корить, требуя больше не пить и пропустить очередной тост, он сказал: «Конечно, пропущу» и опрокинул в рот рюмку. До сих пор помню и люблю рассказывать услышанный от него анекдот о том, как выясняли, почему начальство часто умирает. Поставленный эксперимент на «рядовых и руководящих мышах» дал однозначный результат: руководящие мыши дохли чаще, так как им два раза в день показывали кошку. Его самого дважды снимали с высоких должностей. Стрессовые ситуации он все чаще и чаще снимал выпивкой. Как я уже говорил, судьба не щадила эту семью, подробнее о наших взаимоотношениях с братьями Тетеревыми, я скажу в следующем разделе.

Мать моя в молодости была высокая стройная женщина, занималась спортом, художественной самодеятельностью. Наполовину русская, наполовину украинка, хохотушка, певунья, она обожала общаться с людьми, ходить в гости и принимать гостей. К их приему готовилась задолго и любила, чтобы стол ломился от разных

блюд. Гостей она не угощала, а буквально потчевала. Всегда была в центре любой компании, зажигательно пела, танцевала, декламировала, слегка кокетничала. Была прямым и даже прямолинейным человеком, всегда стремилась поступать по совести, возмущалась правителями, забывшими свой долг служить людям.

Очень любила детей и сожалела, что вырастила только четверых. Причем материнство воспринимала не только как личную потребность, но как патриотический долг. Не раз говорила: осознав, что если она не может сделать что-то более значительное для страны, то решила родить и воспитать для Родины побольше детей. Этот демографический порыв, видимо, притушила бабуся, уставшая нянчить и растить внуков. К счастью, была достигнута исконная цель, четвертой наконец-то родилась долгожданная дочь Марина. Потом мама сожалела, что рано остановилась, говорила, что парочку могла бы ещё воспитать. В какой-то степени ей это удалось. Она участвовала в воспитании детей своего второго сына Яши, особенно внука Максима. Настя, дочка Марины, жила у нее до 10 лет и была очень к ней привязана. Очень переживала, что не могла наблюдать, как растут большинство ее внуков, так как я и старший брат Юля жили в других городах.

У мамы был сильно развит инстинкт родственных чувств, она старалась со всеми поддерживать связи, находила пропавших родных. Благодаря ей не потерялись и родственники отца, с которыми она успела познакомиться до войны. К каждому празднику писала сотни поздравлений, по-детски радовалась, получая не меньше в ответ. Любила писать длинные подробные письма, обижалась, что мы с братьями не отвечали тем же, а ограничивались в лучшем случае лишь телефонными звонками. Но утешала себя тем, что «ее внуки отомстят за неё». И она оказалась права. Счастлива была тем, что дочка Марина относилась к ней с благоговением, а оставшийся в Челябинске сын Яша был всегда заботлив и внимателен.

Сколько я ее помню, у нее не было свободного времени. Вне работы она трудилась дома или в саду: стирала, готовила, гладила, косила, копала, поливала, полола, прививала и др. За исключением Нового года старалась брать нас с собой, идя в гости. Тогда это было принято — чуть ли не всей семьей ходить на день рождения к взрослым. С нами была все свободное от работы время: показывала врачам, навещала в больницах, ходила на родительские собрания, купала, что было очень не просто в доме, где воду надо было носить из колонки. Если по какой-то причине немогла оставить нас дома, то брала на работу, и там мы часами листали журнал «Крокодил» за многие годы. Юмор там был, конечно, специфический, но все же юмор, который явно шел на пользу, уча не принимать всерьез различные политические клише типа «кровавый режим Тито» или «американские поджигатели войны». Как сейчас помню типичную бессмыслицу:

Шито-брито, шито-крыто.
Едет в самолете Тито.
Долетел до Уолл-стрита,
Дальше, некуда идти-то.

Вскоре выяснилось, что Тито отнюдь не фашист, а герой югославского Сопротивления, но затем опять что-то не заладилось и начали рисовать на него карикатуры за ревизионизм.

В молодости мама много читала и следила за нашим развитием: покупала книги, приносила их и из библиотеки, выписывала разные журналы по возрасту, например «Юный техник», «Наука и жизнь», подписывалась на модные литературные журналы. Все это я штудировал от корки до корки. Наши школьные дела находились у нее под контролем, она ходила на родительские собрания, на которых, к сожалению, слышала одно и то же: способные, энергичные, но недисциплинированные, неприлежные, своевольные, вольномыслящие. Особенно много неприятностей я ей доставлял в старших классах, так как у меня была всегда твердая оценка за поведение — тройка. Только в конце каждого года ее переправляли на четверку, иначе надо было исключать из школы. Тройка обычно была у меня и по прилежанию. Не знаю, есть ли сейчас в школьных табелях столь странные предметы. Впоследствии она говорила, что её голова в основном поседела из-за меня. Мои метания она не очень понимала, но никогда не злоупотребляла нотациями, считая, что личный пример — лучший учитель.

Ей всегда надо было о ком-то заботиться, кого-то опекать, кому-то помогать, чаще всего абсолютно бескорыстно. Иногда это были посторонние люди, молодые девушки, начинающие специалисты, которым она сочувствовала, что им трудно без мам. Вообще была сентиментальной. Мечтала стать или артисткой, и явно имела таланты к этому, да к тому же неплохо рисовала, или агрономом, но её отец сказал: «...Стране нужны инженеры, а не артисты. Поступай в Железнодорожный институт». И она не посмела ослушаться.

Поскольку она была трудоголиком, то и здесь обрела себя, обожая свою работу. Большую часть времени отслужила в Управлении Южно-Уральской железной дороги. Отец среди прочих объектов строил больницы, детские сады, ясли, а мать долгое время проработала во Врачебно-санитарной службе Южно-Уральской железной дороги, затем в Службе зданий и сооружений, т.е. была заказчиком этих объектов. Ее как самого придирчивого приемщика включали в комиссии по приему объектов, построенных отцом. Она была требовательна, носила даже зеркало, чтобы посмотреть, как покрашено за трубой. Было интересно слушать, как они ругались после подобных приемок, обычно 31 декабря, буквально накануне Нового года. Отец говорил: «Вот ты всегда нас критикуешь, ты нам оценки снижаешь, в итоге без премии рабочие остаются...», а она отвечала: «Я никогда не соглашусь на четверку при низком качестве. Я писала на вас жалобы и буду писать...» Увы, была очень принципиальная, даже в ущерб собственному бюджету, так как без премий в этих случаях оставался и отец. Её любили на всей Южно-Уральской железной дороге, особенно в Челябинске, где она прожила 62 года и откуда ни за что не хотела уезжать в Ленинград, который также очень любила как город своего детства и юности. На её похороны, а она умерла в октябре 2003 г. в возрасте 86 лет, пришло много народу, в том числе и мои школьные друзья.

Как и ее мать, бабуся, она не могла сидеть без дела. При этом обязательно пела с энтузиазмом комсомолки 1930-х гг., чем повергала в изумление моих друзей. Причем пела независимо от настроения. В детстве, когда мы ездили с ней на озеро Смольное купаться или в сад-огород, из машины, к удивлению прохожих, неслись песни, хотя мы со старшим братом Юлей были совершенно лишены слуха, да и голоса тоже. Вообще она была художественно одаренной натурой, неплохо рисовала, прекрасно вышивала, вязала. В условиях дефицита «развитого социализма» практически все ее дети, внуки, племянники носили вещи, связанные ею. А какие

елочные игрушки в детстве мы делали вместе с ней! К нам в новогодние праздники ходили, как в музей, чтобы подивиться на сделанных ею из скорлупы яиц, картона, лоскутов и цветной бумаги разных зверюшек, птичек, звезд, гирлянды и т.д. Когда бабушка уже не могла шить, мама выучилась и портновскому мастерству.

До старости лет увлекалась фото. После нее остались десятки альбомов. В 1975 г. ей довелось съездить в турпоездку на теплоходе по Средиземному морю. Это было одно из самых ярких впечатлений ее жизни, о котором она рассказывала с воодушевлением до конца своих дней. Вообще любила путешествовать, ходить на экскурсии, все услышанное записывала и потом рассказывала. Любила с выражением и эмоциями декламировать стихи, репертуар которых, правда, почти не менялся. Обожала свой сад-огород. Весной все подоконники были заставлены всякими ящиками с рассадой, а полки — мешками семян разных лет. Выращивала такой урожай, что не только раздавала по родственникам и знакомым, но ведрами несла яблоки, груши и сливы в детские дома. А заготовок варенья, солений и прочего, хранящихся по всей городской квартире, хватило бы на много лет вперед.

При всей своей занятости домом и основной работой она не отказывалась и от общественной деятельности, и ее даже избирали депутатом городского совета, к чему она относилась с максимальной серьезностью, стараясь как-то помочь своим избирателям. Сейчас, сравнивая ее деятельность как депутата, которая исполнялась исключительно на общественных началах, с работой многих нынешних представителей законодательной власти, я могу сказать только одно: «Богатыри — не вы». При этом мать была начисто лишена каких-то карьеристских побуждений и личной корысти. На неоднократные предложения вступить в партию она отказывалась, мотивируя это тем, что считает себя недостойной. На самом деле она никогда не могла простить властям убиение своего отца.

Ее старшая сестра по отцу — Июлиана Павловна Бойко, тетя Люся, окончила Ленинградский автодорожный институт и почти всю жизнь провела в Ленинграде, занимаясь проектированием дорог. Видимо, она была хорошим специалистом, так как ее привлекали к работе до глубокой старости даже в годы реформ, когда и молодые не всегда могли найти работу. Ее жених погиб во время репрессий, и она осталась одинокой. Она была очень педантичной и поэтому у нас в гостях, в безалаберной, шумной атмосфере, не могла долго выдерживать. По большому счету, тетя Люся была добрым человеком, но страшно любила читать нотации и требовала от окружающих какого-то особого внимания к себе за то, что она ленинградка и перенесла блокаду. Основную часть своей материнской любви она перенесла на моего ровесника двоюродного брата Сашу и его семью.

Своеобразным человеком была младшая сестра мамы тетя Рая. По ее словам, она единственная пострадала от ареста отца. Ее исключили из Ленинградского техникума железнодорожного транспорта им. Ф. Э. Дзержинского, и она долго не могла устроиться на работу. Приютила ее железнодорожная почта, и она всю жизнь проработала там, разъезжая с почтовым вагоном по всей стране и побывав в самых отдаленных ее уголках. Несколько раз она выходила замуж, но быстро развелась, так как любила всегда и всеми командовать. Первого мужа она схоронила во время войны, последовав за ним в армию: он скончался от дизентерии, а ей пришлось быстро комиссоваться, так как к ней приставал комиссар, угрожавший в случае отказа послать в штрафной батальон. Спас командир, посоветовав для де-

мобилизации придумать какую-то болезнь. Урезонить любвеобильного политука командир не мог.

Тетя Рая была очень энергичным и практичным человеком, лучше всех моих родственников понимавшим реалии жизни. Работник связи, она знала силу личных связей в условиях социализма. Во всех городах и весях у нее были друзья и знакомые, которым она помогала и которые помогали ей. Все время она обращалась ко мне с просьбами, что-то отправить или, наоборот, получить, кого-то встретить или проводить. Обожала дни своего рождения, благо это совпадало с 7 ноября, днем Великой Октябрьской революции. В ее небольшой комнате в коммунальной квартире собирались громадные компании. Готовилась она к празднику за несколько месяцев вперед, привозя продукты из разных концов страны: от Дальнего Востока до Карпат. В итоге стол был всегда уставлен дефицитными продуктами и изысканными блюдами. У нее постоянно гостили родственники, друзья, знакомые и родственники знакомых. Кого-то она через многочисленных друзей и родственников устраивала в больницы, записывала на приемы врачей. Искренне не могла понять, почему мать не пользуется положением отца и своими возможностями. Она же, оказываясь в Челябинске и ссылаясь на родство с Колчинскими, не упускала случая сделать операцию, вставить зубы, достать какой-то дефицит, сделать заготовки.

Из-за разводов она несколько раз была вынуждена заниматься обменом жилплощади и всегда, не прибегая к помощи посредников, составляла в итоге такие многоходовые варианты, что, не доплачивая ни копейки, всегда улучшала условия. Она помогла одному из своих мужей вырастить и вывести в люди пасынка Юру Кузьмина. Помогла прописаться в Ленинграде, устроиться на работу и получить служебную прописку моей сестре, сделала областную прописку мне и моему двоюродному брату Саше и наверняка еще десяткам, сотням других людей оказывала важнейшие услуги, определявшие их судьбы. В первые постперестроечные годы тетя Рая каким-то образом, оказалась в списках евреев, добилась регулярной помощи от еврейских фондов и удивлялась, почему я не использую подобные возможности. Если бы социализм рухнул раньше, она наверняка бы стала крупным и удачливым бизнесменом. В ней была природная предпринимательская жилка.

Сейчас принято посмеиваться над этим поколением, считая его оболваненным советской пропагандой и потратившим жизнь ради достижения несбывшихся ценностей. Я с этим не согласен. Во-первых, созданное их трудом было и остается фундаментом современного общества, который нынешнее поколение имеет шанс окончательно разрушить, так как в основном проедает то, что они накопили. Во-вторых, они не были наивны и простодушны, хорошо понимали происходящее вокруг, которое отнюдь не идеализировали. Помнили убиенных властями родных и близких. Но они не забывали, как их родители жили до революции. Это сейчас всем вешают на уши лапшу о процветавшей царской России. Они же знали, что СССР — это их страна и что советская власть дала им возможность вырваться из «идиотизма» деревенской жизни, получить образование, стать инженерами. И поэтому они любили страну, а строю были верны, надеясь, что со временем все наладится. С уходом этого поколения с авансены советская власть была обречена. Из руководителей страны М. С. Горбачев был первый, кто это понял. За это его проклинают, хотя он еще дешево отделался. Ведь, как заметил мудрый Владимир Высоцкий: «...ясновидцев — впрочем, как и очевидцев — во все века сжигали люди на кострах».

«ТРИ ТАНКИСТА, ТРИ ЛЮБИМЫХ СЫНА»

В нашей семье было четверо детей — три брата и сестра. Как говорила мать про нас, братьев: «три танкиста, три любимых сына». Между собой мы говорили: «Три танкиста съели машиниста, а четвертый скушал паровоз». С тех пор как мне исполнилось три года, установилась традиция: вначале мать сама периодически водила нас, а потом заставляла фотографироваться. Последний раз сфотографировались, когда мне было уже 55 лет. Увы, больше таких фотографий не будет. Мы с братьями (старшим Юлей и средним Яшей) и сестрой Мариной в детстве были очень дружны.

Я был младший среди братьев и потом говаривал, что у отца было три сына: двое старших — строители, а третий — философ. Вообще, иметь старших братьев — это редкая удача. Разница в годах была не столь велика — 5 и 2 года, так что периодически бывали общие интересы. В моем случае покровительство братьев было просто необходимым. Получилось так, что из-за полного отсутствия у меня музыкального слуха и каких-то особенностей восприятия услышанного я поздно начал правильно говорить. И хотя, по рассказам матери, я не переставал бормотать что-то с утра до вечера, немногие взрослые могли разобрать, о чем я говорю, а братья понимали и служили переводчиками. Более того, они поощряли мою склонность к разного рода сочинительствам, а фантазировать, по-видимому, я был горазд, постоянно придумывая какие-то сказки. Из дневника матери я узнал, что я ежедневно придумывал по несколько новых сказок. По ее словам, старший брат Юля, когда его посылали делать какую-либо нудную работу: колоть дрова, чистить коровник, обычно говорил: «Пойдем, Эдька, болтать будешь». И я с удовольствием шел, усаживался где-нибудь на стоге сена или куче дров и рассказывал очередную свою сказку типа «Сто солдат и один петух». Запас этих сказок, говорят, был неисчерпаем. Кстати, сказки я и сейчас люблю, предпочитая любую книгу народных сказок самым толстым и солидным трудам. По дневниковым записям мамы, уже в пять лет я интересовался международной политикой и якобы даже здраво рассуждал по этому поводу.

Конечно, были некоторые неудобства оттого, что ты младший, так как бесполезно было пытаться стать первым. Иногда старшие братья и поколачивали слегка, остужая мой темперамент, но и я не боялся набрасываться на них с кулаками, зная, что сильно не поколотят, а характер свой покажешь. В свои разборки мы не посвящали родителей. Задолго до прочтения «Детства» М. Горького я хорошо усвоил, что «доносчику первый кнут». В целом долгое время было ощущение, что ты все время находишься под надежной защитой. Братья мои никогда не бросали меня в беде и всегда выручали, невзирая на опасность для самих себя. А шпаны, как я сказал, тогда было много. Но она уважала моих братьев, особенно старшего — Юлю.

Юля — человек уникальных способностей, редкой смелости, неплохой спортсмен. Был чемпионом города по бегу на короткие дистанции. Потом пробовал себя в гребле, штанге, что ему совсем было нельзя, так как он страдал врожденным пороком сердца (видимо, отцовская наследственность). Человек огромной физической силы, не мог спокойно наблюдать, чтобы кого-то обижали, бросался спасать любого незнакомого. Однажды, когда мы жили уже в квартире, я вдруг проснулся, услышав дикий крик брата, который полураздетым выскочил на улицу; мы с Яшей бросились за ним. Но, когда подбежали, уже было кончено. Он один разогнал группу (человек десять) каких-то подонков, забивавших ногами парня у памятника Цвиллинга. Если бы не его вмешательство, парень едва ли бы выжил. Юля обладал прекрасной памятью, но учиться особенно не любил, жил за счет природных способностей. Как сейчас помню, вместо подушки под голову клал учебник, объясняя, что во время сна содержание книги переходит в голову. Балагур, направо налево сыпал остротами, шутками, прибаутками. Был вспыльчив, но быстро отходил.

Он родился в Ленинграде и до двух лет жил в коммунальной квартире в Перцовском доме на Лиговке с бабушкой и тетями, а мать каждый день после занятий приезжала, так как жила с отцом в общежитии. Когда началась война, вышел приказ всех детей эвакуировать за город, и бабушка с тетей Люсей уже собрали ему вещи, подготовили медальон, в котором записали все сведения о нем, но мама наотрез отказалась отпустить сына, сказав, что если ей суждено погибнуть, то пусть он погибнет вместе с ней, а не мучается сиротой. Возможно, материнский инстинкт подсказал верное решение. Вывезенные за город попали под бомбежку, были брошены и почти все погибли. В Челябинске он оказался с родителями и бабушкой в два с половиной года и пошел в ясли. Хотя все были тогда голодные, он, оставаясь часто один в пустой комнате, никогда не взял со стола без спроса ни кусочка сахара или хлеба. В Каргалах ему буквально с четырех лет пришлось пасти корову и овец, а потом и заготавливать им корм на вечер. Да и после на него приходился основной круг забот по хозяйству, но он особенно не унывал, умело подключая нас, когда это было возможно.

Второй брат Яша — очень верный товарищ, спокойный, молчаливый, недоверчивый ко всем чужим. Он также был лишен чувства страха, с утра до вечера лазал по крышам дома, сараек, откуда падал и, поплакав, снова начинал лазать и снова падал. Всегда очень бережно относился к бабушке и маме, старался всячески помочь. Когда мать его вынашивала, она недоедала, а родив, через две недели должна была сдать в ясли, так как во время войны декретные отпуска были отменены. Поэтому они с Юлием были болезненными, часто отдыхали в туберкулезном профилактическом санатории, а иногда и учились там. Он всегда заботился обо мне, оберегая по возможности от всякого рода неприятностей. Таким образом, в детстве я всегда знал, что у меня есть старшие братья, которые в обиду не дадут.

Сестра Марина, младше меня на четыре года, особенно желанная после трех сыновей, немножко была избалована, но росла вместе с нами, бегала в мальчишеских штанах, лазала по заборам, играла в футбол, дралась. Я помню, когда она пошла в школу, мама говорила мне: «Ну ты смотри, чтобы ее не обижали..» И вот я выглядываю из окошка, а Марина с ранцем наперевес разгоняет своих одноклассников-мальчишек. Умела постоять за себя, была прирожденным лидером, любила командовать, но в то же время заботиться о ближних. Всем вкусненьким, что ей

перепадало как младшей, она делилась с бабушкой и с нами. Мы были очень разными, и дружба не мешала нам сохранять индивидуальность. Не было между нами жесткой иерархической субординации по возрасту. Каждый имел шанс стать лидером в том или ином начинании.

Нас, братьев, порой троих, на весь день отвозили за город, где надо было без взрослых полоть, окучивать или копать картошку, посаженную в Шагале или Синеглазово, в 5–10 км от Челябинска, и оставляли там на самый день. И хотя это было нелегко, нам нравилось оказаться без взрослых в поле, в пестрящем разноцветии лугов и опушек леса с сотнями поющих, стрекочущих, пищущих, чирикающих, каркающих, квакающих и т. д. насекомых, лягушек, птиц и животных. Особенно упоительно было наблюдать за движением облаков или за тогда еще диковинными реактивными самолетами.

Во дворе рос также соседский мальчик Юра Ласьков, который был на два года старше Юли. У его матери, замечательной, скромной и доброй женщины Антонины Князевой, были еще сын и дочь, но свекровь, имевшая свой дом и хозяйство, вынудила сына развестись с неполюбившейся невесткой. На суде только Юра выразил желание уйти с матерью из общего дома. Жили они очень бедно, но она сумела дать сыну высшее образование. Почти все свободное время он проводил с нами, и дружба его с Юлей продолжалась всю жизнь. В соседней комнате с ними жила также семья Киселевич. С их сыном Борисом мы были почти одногодки и до школы также много играли вместе. Потом они уехали, вместо них поселился работавший в тресте отца начальник отдела кадров с женой, тещей, сыном и дочерью. Там шли все время какие-то скандалы, скорее всего, он был антисемитом, и дружба с ними как-то не задалась.

Родился я 16 сентября 1944 г. Наш дом в Карталах находился недалеко от станции, через которую шли поезда с возвращавшимися с войны солдатами, и, возможно, тогда в память мне запала мелодия марша «Прощание славянки», который на всю жизнь стал любимым маршем. Будь моя воля, именно этот марш я сделал бы гимном России. Из самого раннего детства остались очень смутные воспоминания о товарном вагоне с коровой, овцами домашними птицами, в котором мы, очевидно, переезжали из Карталы в Челябинск, когда мне было примерно два с половиной или три года. Прочитав недавно дневник матери, я с удивлением увидел, что мои воспоминания о вагоне верны. Вскоре я без спроса ушел за ворота, переполошив весь дом, меня отловили уже в центре города, и я смутно помню шум по этому поводу. Понятен и испуг родителей, в 1947 г. был страшный голод, и ходили рассказы о пирожках с начинкой из человеческого мяса. Весной 1948 г., когда мама ждала рождения сестры, она взяла меня в Ленинград, где мы остановились у тети Люси. В памяти всплывают какие-то отрывочные картинки: посещение кукольного театра, телега с автомобильными шинами. Хотя я был очень общителен, даже чересчур — мог бросить мать и уйти с любым прохожим или, к ее ужасу, залезть в поезде на полку к любому грязному мужику, с тётёй Люсей почему-то я долго не хотел здороваться и разговаривать. В городе еще не были ликвидированы следы войны. Вернулись мы в Челябинск в разгар весны, и мои братья как раз мастерили скворечник.

Вообще я с детства создавал проблемы, особенно после того, как родилась сестра и я перестал быть самым младшим. Я мечтал уехать из семьи, чтобы все потом пожалели. Однажды у меня появилось желание уехать вместе с бездетными соседями,

которые меня баловали и в шутку предлагали стать их сыном. Я же это воспринимал всерьез и в пять лет горько рыдал за сараем, убедившись, что они уехали без меня. Конечно, подобная склонность к предательству не нравилась моим родителям.

Хотя я родился в 1944 г., когда родители прочно обосновались в Карталах и голодное время осталось позади, рос в первые годы болезненным ребенком, переболев всеми детскими инфекционными болезнями. А свободное от них время развлекал ангиной и воспалением легких. Однажды маме даже сказали: будьте готовы к худшему, до утра вряд ли доживет. И успокоили: не убивайтесь, он ведь у вас третий. Но на мать эти доводы не подействовали. Не знаю, что она делала, но из рук Косой вырвала. Позднее с трудом доставали только что появившийся пенициллин, который кололи по три ампулы в день. Окреп я только после 1955 г., когда пробыл два месяца в санатории «Кисегач», рядом с озером Чебаркуль и Ильменским заповедником.

Конечно, положение третьего брата имело некоторые недостатки и иногда порождало обиды, ощущение несправедливости происходящего, хотя зависти к братьям, насколько помню, не испытывал. Летом 1953 г. братья сначала были в профилактическом противотуберкулезном санатории. Потом Яша уехал с родителями на море, дядя Гриша и тетя Рахиль взяли Юлю в Керчь, а меня оставили «на хозяйство»: пасти корову, кормить кур, поливать огород. В последний момент отец спохватился, что это не совсем правильно, но билеты были выписаны, прокомпостированы, да и кто-то должен был помогать бабушке. К тому же Яша уже был достаточно серьезен, дисциплинирован и с сильно развитым чувством долга, а со мной у мамы уже были проблемы. Через три года, заглаживая свою прежнюю ошибку, мама летом взяла нас на Черное море в Феодосию. И вскоре ей пришлось пожалеть о своем опрометчивом решении. Ввиду рано наступившего пубертатного периода у меня в полной мере развился дух противоречия. Я мог уйти без разрешения к морю или отправиться один за город в горы. Просьбы сходить в магазин или на рынок стал считать унижительными, целыми днями мог не разговаривать и т. д.

До этого зимой мы с мамой и Яшей ездили в Ленинград на зимние каникулы. Город на Неве произвел на меня ошеломляющее впечатление. Его прекрасные широкие улицы, замечательные музеи, по которым можно бродить месяцами, магазины, напоминавшие сказки о коммунистическом завтра, ярко освещенный Кировский (Мариинский) театр, где мы слушали оперу «Садко», заставили меня уже тогда задуматься, что Челябинск, конечно, хорош, но неплохо было бы пожить и в таком городе, как Ленинград. Яша оставался верен своей малой родине и на вопрос дяди Севы, помогавшего нам в Москве во время пересадки, как нам понравился Ленинград, пренебрежительно ответил: «Ничего городишко». Яша верен Челябинску и по сей день, много сделал для его улучшения, гордился и продолжает гордиться тем, что город становится уютнее, удобнее и краше. Почти каждый раз, когда мы с женой бываем в Челябинске, он предлагает нам машину, чтобы мы могли воочию убедиться, как похорошела столица Южного Урала. Но Ленинград он также любит, считает красивейшим городом в мире и периодически, хотя и очень редко, приезжает в гости.

Как я уже говорил, нас с детства привлекали к труду по хозяйству и в огороде, посылали в магазин. Ежедневно каждый из нас должен был убирать в комнате, мыть полы, а перед большими праздниками и цветы, которыми были уставлены

все подоконники. С шести лет я помогал пасти корову, а с семи уже сам ее водил на «пастбище», которое было в самом городе, примерно в полукilометре от дома, на недавно осушенном болоте. Тина еще сохранилась во многих местах, и надо было следить, чтобы корова туда не попала. Вокруг были дороги, по которым шли грузовики с заключенными, тягачи с тракторами, а также несколько железнодорожных линий, подходящих с разных направлений к вокзалу. К счастью, они находились на высоких насыпях, и почти всегда можно было отследить, когда корова или тележок начинали туда забираться. Тем не менее несколько раз возникала опасность, что они попадут под поезд. Но догнать их было невозможно, и я не раз с ужасом наблюдал, как глупая корова мчится рядом с путем, по которому ее нагоняет поезд, и думал: не дай бог, она решит перебежать путь. Один раз она, правда, меня спасла: неожиданно-негаданно, задрвав хвост, побежала под железнодорожный мост и встала как вкопанная. Все попытки заставить ее выйти были бесполезны, а через несколько минут пошел жуткий град, отдельные льдинки были с куриное яйцо. Потом говорили, что были человеческие жертвы.

Мы хорошо разбирались в типах паровозов — от дореволюционных «овечек» до новейших «ФД» (Феликс Дзержинский) и «ИС» (Иосиф Сталин). Перед станцией товарные поезда нередко останавливались, и тогда мы из букс старались незаметно вытащить концы (промасленные тряпки) для костра. Занятие это было опасное, в случае, если бы нас поймали, не сдобровать бы и нашим родителям. Это могли расценить как настоящее вредительство. Ведь без этих концов, смазывавших оси, буксы могли загореться на полном ходу поезда. Другие ребята подкапывали картошку, посаженную кем-то около железнодорожных линий, и иногда угощали нас.

Там же мы приучились регулярно курить, а первый раз я закурил в шесть лет. Бабушка с Мариной уехала в Ленинград, Юля вернулся из школы, достал из кармана пачку «Беломора» и дал нам всем закурить, показав, как это делается. Затем пришли соседские мальчики, и началась травля анекдотов, а заодно и обучение ненормативной лексике. К школе я был хорошо «подготовлен», так как подобные занятия в дальнейшем стали обычными. Мы курили чай, собирали чинарики (окурки), рассказывали друг другу похабные анекдоты, учились сквернословию. Ретроспективно я не могу понять, как случилось, что мы не сожгли дом, ведь иногда нами овладевало безумное желание делать то, что — мы даже тогда понимали — делать ни в коем случае нельзя. Мы учились крутить во рту бритвы, засовывали в рот горящие свечи и спички, разводили маленькие костры посредине деревянного дома.

Запомнился один день подобных подвигов. С утра начали кидаться друг в друга зажженными спичками, да так, что загорелась Яшина меховая шапка. Ее залили водой и положили на просушку в духовку. Затем начали обливаться водой по всему дому и устроили жуткую грязь. Пресыщенные этим, пошли на веранду топором рубить лед в корыте, которое в итоге продырявили. Юля пошел давать корм корове, забыл закрыть бочку с бардой, и туда угодил петух. Вечером ему в виде наказания приказали зарубить петуха, который был полудохлый после многочасового пребывания в барде, в холодном сарае. Юля от ужаса закрыл глаза, ударил топором неточно, петух с полуотрубленной головой вскочил и попытался бежать, брата стало рвать. Все было ужасно. Перед приходом мамы мы спохватились, подтерли полы, что-то куда-то засунули. Вначале она ничего не заметила, пока из духовки

не повалил дым от положенной на просушку меховой шапки, которую мы забыли вытащить, потом обнаружила прорубленное корыто, раскиданные везде обгорелые спички. Постепенно, осознав масштаб содеянного нами и угрозы для нас и нашего дома, мать бросилась на кровать и зарыдала. Мы окружили ее и пытались как-то успокоить, обещая никогда ничего подобного не делать.

И обещание держали, такого не делали, но придумывали что-то другое. Катались на колбасе трамвая, прыгали на полном ходу с его подножек, а затем и поездов, прицеплялись к троллейбусу, чтобы прокатиться на коньках. Под впечатлением увиденного в цирке я сооружал дома пирамиды из столов, табуреток и маленького стульчика, на которые, изображая дрессировщика, кнутом загонял братьев и соседей, а на самый верх усаживал крошечную сестру, не думая, что с ней будет, если она свалится. Ради шутки могли друг друга столкнуть в подпол и запереть на некоторое время, со смехом прислушиваясь, как несчастный — не раз это бывал я, — оказавшийся в полной темноте, стучится в пол.

Обычен и такой случай. Возвращаюсь из школы в 4-м классе, а брат и сестра подобрали какую-то бездомную больную собаку и обсуждают, где бы ее спрятать, чтобы вылечить и сделать служебной. Тайком относим на сеновал, но ночью ее начинает рвать, она скулит, и на это начинают реагировать наши собаки Акбар и Чита. Понимая, что своеволие скоро откроется, принимаем решение отнести найденыша на прежнее место за ворота. Никто не хочет этого делать, и собаку отношу я. Очутившись на земле и понимая, что лафа кончилась, она прокусывает мне руку. Что такое укус бешеной собаки и какие могут быть последствия, нам говорили не раз. Приходится рассказывать маме, а затем врачам о подломе пса, ни за что ни про что укусившем меня, мирно идущего по улице. Никто, конечно, не верит, так как по характеру укуса такого не могло быть, и предполагают, что я замахнулся на нее или попытался погладить. С раскаянием признаешься в содеянном и получаешь противостолбнячный укол, а затем ещё сорок болезненных уколов в живот ежедневно, ради которых приходится тащиться к черту на кулички. Чтобы не тратить зря время по дороге, на ходу читаешь книгу и чуть не попадаешь под машину.

С раннего лета до поздней осени мы предпочитали бегать босиком. Ноги и руки были всегда грязные, в цыпках, ссадинах, царапинах и синяках. Заставить их мыть перед сном было бесполезно. Однажды это попыталась сделать гостившая тетька Люся, но ее мы урезонили тем, что нам вроде и ни к чему всякие причуды ленинградской культуры. С крыш дома и сараев мы не раз срывались, а иногда специально прыгали, правда в сугробы, а ведь высота дома была более 4 м. К одежде относились равнодушно, могли пойти в школу с дырками на штанах сзади, вместо пальто предпочитали старые шинели, последнюю я, кажется, перестал носить только в 10-м классе.

Уроки тоже особого энтузиазма не вызывали, кроме некоторых любимых предметов, но на них времени много не требовалось, так как достаточно было прочитать один раз. Устные домашние задания никогда не готовили, а за письменные садились или перед сном, или перед самым уходом в школу, если учились во вторую смену. Я был в привилегированном положении, так как в случае необходимости всегда мог получить необходимую консультацию от бабушки и братьев. Правда, они за меня никогда не решали задачи по математике.

Песни слушали по патефону, который надо было заводить осторожно, чтобы не сломать пружину. Популярны были различные вальсы: «На сопках Маньчжурии», «Амурские волны», и марши. Кроме официальных пластинок были записи Александра Вертинского «на костях», т. е. на старых рентгеновских пленках. По радио иногда звучали песни Л. Утесова, М. Бернеса, которых, по слухам, не очень жаловали власти. Любили передачи Льва Мирова и Марка Новицкого, Марии Мироновой и Александра Менакера, Тарапуньки (Ефима Березина) и Штепселя (Юрия Тимошенко), но особенно любили Аркадия Райкина, крылатые выражения которого уже тогда широко вошли в обиход. Жизнь разнообразили избирательные кампании, во время которых по вечерам на агитационных участках в школе и в Политехническом институте бесплатно крутили революционные фильмы «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Человек с ружьем», «Мы из Кронштада» и, конечно, нестареющую киноленту «Чапаев», стимулировавшую бесконечные игры в войну. Вообще, Василий Иванович Чапаев был очень популярен в городе; по школам ходил В. В. Козлов, бывший шофер Чапаева, и мы горды были тем, что видим того, кто видел Чапаева. У людей в детстве легко возникает чувство причастности к великому.

Среди фильмов в кинопрокате особенно популярны были «Тарзан» и «Робин Гуд». Первые три серии «Тарзана» смотрели по много раз, имена героев стали нарицательными. Мы качались на верёвках, протяжно кричали, как Тарзан, лазили по заборам, стреляли из луков. Нам импонировали идеи свободы, независимости, торжества личности в дикой природе. Расистская и колонизаторская суть фильма оставалась нами не распознанной. Также всем хотелось походить на Робин Гуда. У нас были стрелы, сражались мы рейками для штукатурки. Лук разломал отец после того, как стрелой с наконечником из консервной банки я «удачно» попал в грудь старшего брата. К счастью, из-за непрофессионализма изготовления наконечник пробил не более 1 см, но кровь текла обильно. А вот фехтование чуть не закончилось несчастьем для пришедшего в гости сверстника, конец рейки сделал глубокую рану буквально в 2–3 мм от глаза. На этот раз с подобными играми было покончено навсегда. Пугач и рогатка остались единственным оружием, которое, правда, тоже надо было прятать от родителей.

Различные исторические фильмы «Адмирал Ушаков», «Корабли штурмуют бастионы» способствовали развитию патриотического чувства, но не поддавались игровому освоению. Другое дело «Чапай», «Александр Пархоменко», «Звезда», «Подвиг разведчика» и другие. После них мы повоевали всласть. А тачанка, составленная из табуреток, у нас в доме вообще не разбиралась. Разрекламированный фильм «Кубанские казаки» не пользовался особой популярностью; по-моему, тогда я впервые услышал выражение «Как в кино», т. е. высшая степень неправдоподобия. Не понравились и китайские фильмы, хлынувшие на экраны в начале 1950-х гг. Даже нам, младшим школьникам, был понятен их примитивизм, а вот индийские фильмы, начиная с «Бродяги», многим нравились. Но на него я и не попал, хотя кинотеатр был напротив дома, примерно в 100 метрах. С 6-го класса я практически не ходил в кино.

Меня больше интересовал театр, особенно открывшийся Театр оперы и балета им. М. И. Глинки. Я по несколько раз прослушал оперы основного репертуара, чем удивлял в старших классах моих учителей. На балет я тоже ходил часто, но, по совести говоря, большим поклонником его не был. Скорее, для понта, да к тому же

был предлог вечером уйти из дома. Все-таки любовь к балету для Челябинска того времени была необычна. На спектакли ходили в основном бывшие ленинградцы. Зал наполнялся полностью, только когда приезжала какая-то знаменитость. Мне нравился сам театр, а балет пробуждал эротические переживания. В памяти всплывали строки популярной среди нас песни: «Плюнь в глаза тому, кто обвиняет нас с тобою в пьянстве и разврате. Он или дурак, или не знает, Алёша, что такое женщина в кровати». Мы пытались убедить себя и друг друга в том, что уже взрослые и все знаем. Но первые опыты на этом фронте оставляли, скорее, чувство разочарования, порождая, скорее, цинизм и как бы подтверждая другие строки этой песни о том, «что любовь бывает только в сказке». К счастью, для меня последнее оказалось неправдой.

Трудно, забыть впечатление от «Карнавальная ночь» с Людмилой Гурченко и Игорем Ильинским в главных ролях. Фильм смотрели по несколько раз, многие его шутки стали расхожими, а песни выучивали наизусть, переделывая на свой, порою неприличный, лад. И конечно, вступая в пубертатный период, мои сверстники были поголовно влюблены в тонкую, как у осы, талию Гурченко. Благодаря родителям и учительнице литературы Людмиле Сергеевне я не пропустил фильмы «Сорок первый», «Летят журавли», «Баллада о солдате», которые и тогда произвели на меня огромное впечатление, представив неизвестные стороны Гражданской и Великой Отечественной войн. Именно в 1956–1957 гг. мне впервые удалось познакомиться с настоящим киноискусством. К сожалению, в старших классах я ходил в кино редко, и многое пропущенное в те годы пришлось добирать значительно позже по советам моих новых университетских друзей, прежде всего Илмара Башко, благодаря которому я узнал специфику послевоенного польского, итальянского и японского кино.

Мы все трое много читали, а память помогала запоминать почти все. Дома была неплохая по тем временам, а тем более по масштабам Челябинска библиотека. Много книг приносили из библиотеки на работе родители, а затем мы сами записались в библиотеку и взятые книги проглатывали мгновенно. Читали мы с Яшей везде — за едой, на пастбище, на сеновале, на полатах, сидя на заборе, а то и оседлав двери, а иногда и втиснув половину тела в духовку. Благодаря братьям я раньше стал читать серьезную литературу. Читал и детскую классику: А. Гайдара (кто тогда знал, каким Плохишем окажется его внук), сказки П. П. Бажова, Фенимора Купера, Майн Рида, Дж. Свифта, Д. Дефо, А. Конан Дойля, затем повести и романы А. С. Пушкина, А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева и, конечно, Н. В. Гоголя. Многие сцены из «Тараса Бульбы» знал наизусть, так же как и из «Бориса Годунова» А. С. Пушкина. Рано выучил много стихов Н. А. Некрасова, М. Ю. Лермонтова, В. В. Маяковского и сыпал цитатами из них направо и налево. Старался поразить сверстников стихами полузапрещенного и казавшегося тогда приклатненным Сергея Есенина. А вскоре я добрался до весьма недетских сказок «Тысяча и одна ночь» в восьми томах, многочисленных романов Л. Фейхтвангера и Э. Золя, Апулея и даже Дж. Боккаччо. Тогда еще не было Государственной думы и некому было озаботиться половым воспитанием подростков. Конечно, «Метаморфозы» Апулея и «Декамерон» Боккаччо родители прятали, но что в доме можно спрятать от подростка, оставленного на целый день без надзора старших. По двухтомной хрестоматии изучал античную драматургию и поэзию, также далеко не детские, особенно «Дафнис и Хлоя».

Читал Библию, а также её пародиста Лео Таксиля. Но не смог стать ни верующим, ни атеистом. Уже, возможно, смутно предчувствовал, что есть вещи, недоступные нашему пониманию.

К тому времени у нас у каждого начиналась собственная жизнь, и мы становились все более и более разными. Я с болезненной страстностью в 7–9-м классах отстаивал свою независимость, изображая блатнягу, курил, попивал, носил кепку-блин, белый шарф и ходил с поднятым воротником, пытался научиться играть на гитаре, грубил бабушке и матери. Братьям моим это явно не нравилось. В их защите я уже не нуждался, давно привык сам решать возникавшие на улице проблемы. Занимался немножко боксом, дружил с авторитетными ребятами, изображал из себя «крутого». У каждого из нас был уже собственный круг друзей, хотя с Яшей мы еще долго работали вместе на Детской железной дороге, где он также примкнул к возглавлявшейся мною спаянной группе юношей и девушек. Юля поступил в институт, где были уже совсем недетские интересы, проблемы. Яше пришлось учиться во время очередной хрущевской придури, когда студенты на первых двух курсах должны были работать, чтобы якобы глубже познакомиться с производством. Фактически это был бесплатный труд, когда после восьмичасового рабочего дня приходилось учиться. А я после школы стал часто уезжать в командировки.

Собирались мы вместе нечасто: по семейным праздникам или в саду-огороде. Но мы оставались дружны, и родители были счастливы в те часы, когда, подкалывая друг друга и перебрасываясь шутками, прибаутками, анекдотами и цитатками, мы сидели все вместе за столом. От нас не отставала сестра. У неё всегда было прекрасное чувство юмора, и за словом она никогда в карман не лезла. Как и я, она обожала анекдоты, особенно политические. Вот тогда-то мать и говорила: как жаль, что родила только четверых, надо было еще хотя бы двоих. В день моего 17-летия мы с утра втроем копали картошку, которая была посажена примерно в километре от нашего домика в саду-огороде. Предполагалось, что придет машина, которая поможет отвезти урожай. По какой-то причине она не пришла, и мы, не желая тратить время на хождение взад-вперед, решили на плечах оттащить мешки с картошкой. Сходить выпало по три раза каждому, и мать вечером очень гордилась, что вырастила трех мужиков. Горд был и я, что не отстал от них. Ведь Юля славился своей звериной силой и мог в азарте поднять и закинуть в кузов трехтонки электромотор, который до этого не могли погрузить шестеро солдат.

Юля рано женился, играли две свадьбы, комсомольскую и в доме невесты, Люси Огородниковой, также студентки строительного факультета, с гармошкой и плясками вприсядку. Тогда я попробовал самогон, и мне он до сих пор кажется лучше казенной водки. Вскоре у них родилась дочь Леночка — наша всеобщая любимица. Молодой отец должен был искать заработки, чтобы содержать семью. Ушел с 4-го курса, устроился прорабом на стройке дома своими силами, где будущие жильцы должны были отработать 800 часов. Звучало, как все у Хрущева, красиво, на деле же оборачивалось глупостью, так как все равно приходилось нанимать профессиональных строителей, которые имели возможность калымить только по вечерам. А будущие жильцы могли выполнять только роль разнорабочих и подсобников. Не все из них были пригодны для этого по состоянию здоровья и за четыре рубля в час нанимали подростков, которые могли работать в удобное для них время. Так я оказался в подчинении брата, но он мне спуска не давал. И первые 500 рублей,

заработанные мной, были добыты потом. Там я научился работать на бетономешалке, быть стропальщиком, подсобником у каменщиков, кричать «вира» и «майна». Там же меня однажды крановщица чуть не сбросила с грузом на груды строительного мусора с третьего этажа. Спасло то, что в последний момент я бросился навстречу неуклонно приближающемуся грузу и повис на стропях. Так получил очередной урок, как важно на производстве соблюдать технику безопасности. Здесь, как в пра-вилах альпинизма и дорожного движения, каждый пункт написан кровью.

Заработав квартиру, Юля несколько лет искал себя. То ехал в деревню строить фермы и поднимать сельское хозяйство, то работал а Южуралтрансстройтресте по сооружению новых подъездных путей, то трудился в Челябинске во Вторчермете. В 27 лет, после нескольких лет работы на гражданке, ушел в армию, чтобы крепить обороноспособность страны. Сдал построенную им квартиру в Челябинске, уехал в Верхнюю Салду, где получил со временем трехкомнатную квартиру, прожил там более 25 лет. Был ультрапатриотом, писал рапорты, чтобы его направили на границу с Китаем, где, предполагал, скоро начнутся боевые действия, рвался на войну в Афганистан. Был ярым сталинистом и врагом американского империализма, на почве чего у нас постоянно были ожесточенные споры. Сейчас я должен признать правоту его пророчества, что всякие уступки США окончатся отторжением Прибалтики, Закавказья и Западной Украины. Даже он не мог тогда предположить, что из-за неумения соблюдать исконные геополитические интересы развалится вся страна.

Работал Юля самоотверженно, был прирожденный организатор и специалист широкого профиля, досконально знал все детали жилищного и промышленного строительства, в чем я не раз убеждался. Выполнял и перевыполнял планы. Но дослужился только до майора. Считал себя ответственным за все на свете. До конца жизни не мог пройти мимо, если кого-то обижали. Вмешивался во все происходящее вокруг, невзирая на возможные неприятности и даже угрозы для жизни. Возмущался тем, что все меньше и меньше людей хотят добросовестно работать, а также беспределом в армии. Было странно услышать в 1989 г. от него, добровольно ушедшего в армию, совет моему сыну: «Денис, сделай все возможное, чтобы не оказаться в армии. Лучше тюрьма». Один раз чуть не был исключен из партии, якобы за антисоветские высказывания. Так была оценена его критика. В общем, к армейской жизни он приспособился плохо, оставаясь, скорее, гражданским строителем в войсках. Кроме работы главной страстью его жизни были автомобили; тяжело переживал, когда в 1978 г. украли новые «жигули», которые ему помог купить отец. Машину, конечно, не нашли, так как украдена она была, возможно, не без участия милиции. На это подозрение наводили ее абсурдные действия. Попытался организовать даже личный поиск.

В начале 1990-х гг. Юля демобилизовался и вернулся в Челябинск и, будучи хорошим строителем, быстро вписался в производственную жизнь, зарекомендовал себя блестящим специалистом, которых к тому времени было уже немного. Хотя он сильно болел, сумел заработать на квартиру и для себя, и для дочери, переехавшей из Верхней Салды в Челябинск с двумя детьми, Игорем и Машей, сейчас уже взрослыми. После окончания социологического факультета в Челябинск приехала и вторая Юлина дочь Вероника, которая сейчас растит Сашеньку. Рабочие его любили, на похоронах некоторые даже плакали, говорили, что именно благодаря

ему они пережили самое тяжелое время лихих 1990-х. После отца он старался выполнять роль главы клана. У него две дочери. Лена — спокойная и рассудительная, всегда хорошо училась. Вначале пошла по стопам отца, работала строителем, а потом стала бухгалтером. Другая дочь, Вероника, — кандидат социологических наук.

Яша единственный из нас, кто никогда не колебался при выборе жизненного пути. С раннего детства хотел быть строителем и с первых лет работы зарекомендовал себя как грамотный инженер, способный к внедрению новых технологий. Но в партию вступать отказался и особой карьеры при советской власти не сделал. Сейчас у него собственная небольшая фирма, «крыш» нет, но его ценят заказчики за безупречную репутацию, верность обязательствам и высокое качество работ. Недавно был признан лучшим строителем Челябинска, а Заслуженный строитель РФ он уже давно. С женой Лидой они построили крепкую семью. Двое их детей, Максим и Маша, пошли по стопам отца. У Яши два внука, Иван и Яша, и одна внучка Катенька.

Сестра Марина с детства с пониманием относилась к моему намерению учиться в городе юности наших родителей и вслед за мной захотела учиться в Ленинграде, хотя в Челябинске у нее была масса друзей. Она сейчас работает и живет в Санкт-Петербурге, часто звонит мне. Хотя она любит меня учить уму-разуму, из-за чего мы часто спорим, а наши взгляды на многое стали со временем диаметрально противоположными, мы остаемся с ней близкими людьми. Была она программистом, работала в НИИ, но после пятидесяти нашла себя в рекламе. У нее дочь Анастасия, у которой сын Саша и дочь Маша. В последнем поколении на пять правнуков приходится только две правнучки. С мужем, Григорием Берлиным, Марина обожает путешествовать и забывает мою электронную почту фотографиями из разных стран.

ДВОЮРОДНЫЕ БРАТЯ И СЕСТРЫ

В семьях, в которых выросли мои родители, в соотношении преобладали девочки, т. е. у отца было три брата и две сестры, а у матери — три сестры, т. е. соотношение 1 : 2. Причем мне не пришлось увидеть ни одного родного дяди. В нашем поколении все было наоборот. В общей сложности было 11 двоюродных братьев и 3 сестры, и ещё одна умерла в детстве. Случайное ли это стечение обстоятельств или какие-то неизвестные демографические механизмы стремились исправить дисбаланс полов, искусственно созданный в нашей стране двумя мировыми и гражданской войнами, а также бесконечной войной сталинского режима против собственного народа, остается для меня загадкой. Но от полусознательной оценки демографической ситуации в стране в годы детства осталось ощущение массового преобладания женщин среди взрослых и некоторый дефицит девочек в нашем поколении. Интересно, что в поколении моих детей и племянников снова другая пропорция — 7 мальчиков и 11 девочек. Как обстоит дело в поколении внуков, судить еще рано, одним уже за тридцать, а другие только начинают жизненный путь, да и не всех я знаю. Судя по всему, вновь преобладают мальчики.

Помимо нас много детей было у тети Рахили и дяди Гриши Тетеревых — пятеро. Но жизнь не щадила «Тетеревов», как мы их называли. Дочь умерла во время войны. Родители тосковали о ней и всю оставшуюся жизнь мечтали о дочке. Четвертый сын родился, когда тетя Рахиль была уже, по меркам того времени, не молода, ближе к сорока. Сыновья все пошли по стопам отца, стали горняками и геологами. Все они были красивые, веселые, компанейские. Романтики, с детства бредившие экспедициями, двое старших сыновей Юра и Толя, а также младший Володя окончили Ленинградский горный институт.

Сын Юра, красавец, умница, спортсмен и любимец всех, кто с ним общался, был значительно старше, но был весьма демократичен и держался с нами как с равными. Учась в Ленинграде, он всегда делал пересадку в Челябинске по дороге в Кустанай. Его заезды к нам всегда были праздником, особенно для отца, который, по язвительным репликам матери, любил его больше собственных детей. Но и ей импонировал его свободный, независимый характер, смелость, умение постоять за себя и за близких. На моих глазах он в чужом городе не побоялся отобрать у каких-то прибалтненых ножи, да еще и накостылять им по полной. Не всегда все кончалось благополучно. Однажды на него напали ссыльные чеченцы в Казахстане и нанесли несколько ножевых ран, с трудом удалось его отбить. Он уехал по распределению в Туву. Последний раз я его видел в декабре 1958 г., он летел в Кустанай со своим двухлетним сыном Олегом и застрял в аэропорту. Тогда вылета самолета приходилось ждать порой сутками. Ожидал вылет и он в маленьком, не приспособленном для этого здании аэропорта, который находился в 23 км от города. Юру с сыном разместили

в комнате матери и ребенка. Услышав его голос, я сразу бросил все, и мы с ним провели почти сутки вместе. Приезжали повидаться с ним также Юля и мама.

Юра заразил меня рассказами о Туве, о конных походах, об охоте, и я загорелся желанием на следующее лето поехать к нему в экспедицию. Он всячески это приветствовал, но выяснилось, что у меня еще нет паспорта, а беспаспортных в пограничную зону не пускали. Договорились, что я приеду «как только, так сразу».

Но этому не суждено было сбыться. Меньше чем через год, в возрасте 25 лет, его не стало. По официальной версии, он покончил жизнь самоубийством. Его родителям и моему отцу кто-то наговорил, что его убили. Была ли вторая версия верной или это обычная сплетня, судить не мне. Но и сейчас передо мной стоит красивый коренастый молодой человек в унтах и полушубке с ребенком на руках, с которым я по заснеженному полю иду к самолету-«кукурузнику». Хорошо помню последние слова прощания с надеждой на скорую встречу в горах хребта Танну-Ола. Как-то уже после его смерти меня по географии вызвали отвечать про Сибирь, я рассказывал с таким вдохновением, что учительница смотрела на меня удивленно и даже класс, обычно не прислушивавшийся к чужим ответам, притих. Спустя много лет секцию истории геологии в Санкт-Петербургском отделении Национального комитета истории науки и техники возглавил профессор Горного института А. Х. Кагарманов. Оказалось, что он учился вместе с Юрой, и мне было приятно узнать, что наши впечатления о Юре совпадали. Жена Юры Люся вернулась вскоре с сыном Олегом в Ленинград и воспитала его хорошим человеком, но, к сожалению, я встретился с ним только раз в жизни, обменялись адресами, договорились встретиться. Увы, как обычно в нашей жизни, не удалось.

Мне довелось все-таки побывать в геологической партии с Тетеревым, правда, со вторым братом, с Толей. Он был ровесник Яши, а третий брат, Валя, был на несколько месяцев младше меня, и в силу возрастной близости у нас в целом была одна компания. В каникулы было принято ездить в гости друг другу, и я хорошо помню Кустанай тех лет. Почти сплошь деревянный, грязный, пыльный городок на реке Тобол. Приток могучего Иртыша здесь был мелководен и несудоходен. Тетеревы жили в каменном четырехкомнатном доме на высоком берегу Тобола, на огороженной территории, где было еще несколько домов геологов. Были мы там с Яшей в 1956 г., когда первый и последний раз «битва за хлеб» на целинных землях увенчалась успехом. Днем и ночью через мост шли машины, доверху груженные золотистым зерном, который, как потом оказалось, некуда было девать, так как вовремя не построили элеваторы. Потом их построили, но заполнять пришлось уже закупленным зерном. Удивляло еще и то, что в городе, да и самой области, расположенных на севере Казахстана, не было ни одного казаха. По слухам, «титульная нация» здесь была представлена лишь первым секретарем обкома, да и тот якобы не имел реальной власти, а основные вопросы решал второй секретарь обкома. В общем, как в упраздненной тогда Карело-Финской ССР, где после войны оказалось только два «финна» — фининспектор и Финкельштейн. Тем не менее национальные отношения не были совсем безоблачны, и мне приходилось слышать жалобы на некомпетентные распоряжения из Алма-Аты, тогдашней столицы Казахской ССР. Об их обоснованности судить не могу, а антиказахские анекдоты ничем не отличались от других шовинистических или националистических злобствований, хотя и имели свой колорит.

В 1971 г. мне вновь довелось побывать в Кустанае, где казахов по-прежнему было мало, но появился некий национальный колорит, правда только в виде мантов в кафе. Работал я там на буровой вышке в экспедиции, возглавляемой Толей Теревым, с которым мы в юности дружили и часто встречались в Ленинграде. Мне пришлось гулять на его свадьбе. Это был мужественный, честный, добрый, открытый, смелый, трудолюбивый и на редкость чистый человек. Он рано научился играть на гитаре, что сразу делало его центром и любимцем любой компании. Толя поступил в Горный институт, откуда был на год отчислен за какое-то прегрешение. Чтоб не загреметь в армию, уехал за полярный круг, в Туруханский край, где при «царях бывал товарищ Сталин». Затем восстановился. К тому времени я поступил в университет, и мы около трех лет одновременно учились в Ленинграде, часто встречаясь на различных семейных праздниках или в пивных барах. И эти встречи всегда были радостны. Затем он колесил по стране, искал уран и другие металлы для Родины, быстро стал начальником партии, затем экспедиции. Был убежденным патриотом, но в партию, по-моему, так и не вступил, хотя по должности вроде бы и полагалось.

В начале 1970-х Толя оказался снова в Кустанае, куда и пригласил меня поработать в свою лучшую бригаду бурильщиков. Для меня это была возможность подзаработать денег во время каникул, так как аспирантской стипендии хватало только, чтобы не голодать, а на одежду, книги и прочее надо было искать дополнительные доходы. Это я не делал в течение учебного года, чтобы не отвлекаться от учебы и подготовки диссертации. Вообще мой последующий опыт с учениками подсказывает, что работа в аспирантуре требует максимальной концентрации сил, а всякое отвлечение на поиски хлеба насущного губительно. Буровая вышка стояла в степи, в 30 км от города, куда нас возили на машине на дежурства. Бурили круглосуточно, смена 12 часов. Большую часть времени я был предоставлен самому себе, так как за работой наблюдал мастер. До меня они добурились до глубины примерно 600 м, за смену проходили ещё метр-полтора. За время дежурства раз или два поднимали и раскручивали штанги, вернее это делал механизм.

Моя задача состояла в том, чтобы при подъеме подхватить слегка освобожденные штанги длиной метров 15–25, точно не помню, и несколько сотен килограммов каждая и поставить так, чтобы они стояли ровно и потом их можно было вновь накрутить друг на друга. С непривычки это делать было тяжело, требовалась не только физическая сила, но и сноровка. Особенно было тяжело во время ветра, верх вышки не был зашит досками, и пружинистые штанги вырывались из рук. Если зазеваешься хоть на доли секунды, можно было в лучшем случае остаться без ступни. Поэтому за время подъема или спуска, длившихся 1,5–2 часа, выматывался порой больше, чем за обычный восьмичасовой день. Но платили за такой труд огромные по тем временам деньги — 500 рублей.

Более месяца я прожил у Толи. Его жена и дочка Вероника были в отпуске, и мы вели холостяцкий образ жизни, спрыснутый, что стало тогда уже обыденным и привычным, спиртными возлияниями в свободное время. У Толи была огромная коллекция магнитофонных записей авторских песен Булата Окуджавы, Александра Галича, Вилли Токарева, особенно Владимира Высоцкого, которого мы с ним обожали, и полулегальная музыка с утра до вечера гремела в доме. Потом его направили в Карелию, а в начале 1980-х гг. он появился в Ленинградской области.

Ему дали квартиру в Саблино, но там он не жил, сначала снимал комнату, а затем выменял две комнаты на мансардном этаже дома на Фонтанке, где любил из окна выходить покурить на крышу. Геолого-поисковые работы все больше принимали стационарный характер, в экспедиции он выезжал редко и затосковал. Встречались мы не часто, у него был свой семейный круг общения, у меня — свой. Но в редкие часы общения мы были рады друг другу. К сожалению, Толя не нашел своего места в годы перестройки, хотя зарабатывал неплохо на буровой машине, стал крепко пить и умер в 1995 г. Его жена Нина, великая труженица и прекрасная женщина, несмотря на тяжелые операции на головном мозге, помогла дочери Веронике вырастить двух детей.

Валя, как и я, был третий сын в семье Тетеревых и, возможно, был заражен сходной жаждой самоутверждения. Он немножко заикался и любил слегка приврать, что служило поводом для насмешек, однако они вскоре прекратились. Валя занялся боксом и быстро стал чемпионом области и одним из лучших боксеров республики. В институт ему не удалось поступить до армии, хотя мы с ним год ходили на подготовительные курсы Политехнического института в Челябинске, куда он специально приехал жить и работать. Потом служил в армии, рано женился на однокласснице, с которой дружил чуть ли не со второго класса (пожизненная верность избранницам была семейной чертой Тетеревых). Закончил техникум и работал на горных предприятиях г. Рудного. Валя также умер молодым от рака головного мозга. Его приемная дочь вместе с мужем должна была бежать из «дружеского» независимого Казахстана и благодаря Яше поселилась в Челябинске.

Младший Тетерев, Володя, был баловень семьи. После института сразу поехал в Кустанай, где ему был обеспечен быстрый рост. Унаследовав от отца огромную четырехкомнатную квартиру, обменял ее на несколько комнат в перенаселенной коммуналке в Ленинграде. В дикие годы начала 1990-х гг. пытался заняться бизнесом: его кидали, он кидал, «поставили на счетчик», затем схватили, посадили на цепь, с которой он как-то сбежал. Угрожали расправиться с семьей, но, к счастью для них, он в то время был в разводе с женой, пощадили. Хотя, скорее, посчитали, вряд ли через них нанесут какой-то моральный ущерб Володе. Он долго где-то скрывался. В конечном счете вспомнил, что мать у него еврейка, хотя до этого крестился и носил большой золотой крест, отбыл в Израиль и сейчас бурит в пустыне скважины для воды. Поначалу иногда звонил, говорил, что, в принципе, в Израиле жить можно, но слишком много евреев. Что ж, национализм — это не убеждение и тем более не любовь к своему народу, а способ самоутверждения для определенного типа людей. У него двое детей, которых я только один раз видел на похоронах Толи и которые вместе с ним эмигрировали.

В Израиле умер и сын тети Мирры Фридик. Он был самым старшим среди остальных двоюродных братьев и сестер и отличался от всех нас. За исключением четырех лет эвакуации в годы войны, Фридик детство и молодость провёл в Ленинграде. Как я уже говорил, его отец умер от ранения, полученного под Ленинградом. Жизнь в Ленинграде в послевоенное время была нелегкая: полуголодное существование, коммунальная квартира, сырой нездоровый климат, ужасная атмосфера в условиях печного отопления и прочее наложили отпечаток на его облик. В отличие от Колчинских и Тетеревых, где каждый был «кровь с молоком», не ниже 1 м 75 см, Фридик был невысокого роста и отнюдь не богатырского телосложения

и не очень уверен в себе. Как все питерцы, он любил поговорить о новинках литературы и культуры. На нас, детей «дикой Челябины», это не производило особого впечатления. Правда, услышав однажды, как я разучиваю в 4-м классе часть стихотворения для коллективного представления, некий «шедевр» типа «под громкий гул орудий в Смольном склонился Ленин над листом декрета», Фридрих дал мне ценный совет произносить его без пафоса и чрезмерного ударения, а просто в духе а ля Сергей Юрский. Интересно он рассказывал о новом прочтении Г. А. Товстоноговым пьесы «Горе от ума» в Большом драматическом театре.

Нам, выросшим в обстановке превалирования производственных интересов над частными, было непонятно его прохладное отношение к службе. Дипломная практика на шахте в Кузбассе свелась у него лишь к снятию копий с уже готовых проектов. После окончания Горного института его распределили в какой-то ленинградский проектный институт, где ему, скорее всего, было бы суждено всю жизнь просидеть рядовым проектировщиком, травящим анекдоты в курилке и десятилетиями ожидающим повышения зарплаты. Но Хрущеву пришла идея ускорить строительство коммунизма путем переселения сотен проектных и научно-исследовательских институтов на периферию. Институт, где работал Фридик, перевели в г. Сталинск, переименованный вскоре в Новокузнецк. Не все захотели покидать Ленинград, а Фридик поехал, так как устал от жизни в одной комнате с молодой женой и ребенком, а также матерью и сестрой-подростком. На новом месте он стал ГИПом (главный автор проекта) и уважаемым человеком, получил квартиру, собрал великолепную библиотеку, увлеченно занялся самодеятельностью. Через 10 лет вернулся в Ленинград, некоторое время жил у матери, затем снова женился. У него обнаружили рак легкого, операция не дала эффекта. Он эмигрировал, надеясь, что в Израиле медицина сильнее. Прожил еще несколько лет. Последний раз я видел его в 1973 г., случайно попав на его 40-летие.

С его сестрой Галкой мы в детстве были дружны. Она была старше меня на один год, но пошла в школу позже, так что наши интересы развивались синхронно. Впервые она приехала к нам в Челябинск в 1954 г. В отличие от брата она не была «питерским» снобом, а «своя в доску». Лазила с нами по сеновалам, ходила пасти корову, пробовала курить. Она была всегда способная, разумная, умела найти правильные решения в жизни. В свое время защитила кандидатскую диссертацию по строительству, работала в НИИ, с началом перестройки, когда отраслевую науку развалили, стала бухгалтером. К сожалению, последние десятилетия, особенно после смерти ее мамы в 1994 г., мы встречаемся только на похоронах и перезваниваемся также только в связи с этим. Хотя каждый раз убиваемся: да как же так, да почему же мы не можем найти время и т. д.

У мамы было только два племянника — сыновья тети Лиды. Старший Жора окончил институт в Москве и остался там. Само имя Жора в те годы было нарицательным, так именовали обычно «молодую плесень» в фельетонах, клеймивших всех, кто в чем-то не соответствовал официальному стандарту комсомольца. Ему, правда, мало кто соответствовал. Но Жора удостоился чести стать героем фельетона в главном сатирическом журнале Советского Союза «Крокодил». Он не хотел ехать по распределению, в чем ему помогал какой-то несознательный директор московского института, якобы ценивший его в основном за звание мастера спорта по шахматам. Но все как-то обошлось, оргвыводов не последовало, со временем он получил

комнату, а затем и квартиру. Он был старше меня на 12 лет, но, когда мы впервые с ним встретились в Москве, я делал там пересадку, мне не было ещё 16 лет, мы с ним общались на равных и даже распили «маленькую», т. е. 250-граммовую чекушку. По его рекомендации на обратном пути я остановился на несколько дней у старушки, у которой он снимал угол в студенческие годы. Я несколько дней бродил по Москве, знакомясь с ее достопримечательностями, которые в отличие от ленинградских не слишком затронули мою душу. Впоследствии мы встречались изредка во время моих командировок в Москву, обменивались поздравительными открытками по случаю Нового года. С исчезновением этого обычая связи прервались. И о его смерти мне даже не сообщили.

Его брат Саша был старше меня на полтора месяца. В детстве нам не пришлось встретиться, но слухи о нем как неисправимом хулигане, с 11 лет угоняющем чужие машины, доносили до нас тетушки. Первый раз я его увидел, по-моему, в 1963 г. К тому времени его родители умерли, защищать его было некому, и после какого-то очередного художества он должен был срочно покинуть Мукачево в Закарпатье и уехать работать в Западную Сибирь. Поезд проходил мимо Челябинска, стоянка была минут двадцать, и мама, которая также никогда не видела родного племянника и наслышанная о его «подвигах», попросила меня сопровождать её на станцию. Я охотно согласился, так как у меня в детстве сильно сказывался голос крови, да и хотелось взглянуть на грозного хулигана. К моему удивлению, он оказался совсем не велик, да и выглядел скорее растерянным, а точнее потерянным. В Сибири ему скоро стало несладко в рабочем общежитии, и тетя Рая пригласила его в Ленинград, помогла с пропиской и поселила в квартире, где жила с мужем и пасынком Юрой Кузьминым. Отсюда он вскоре и ушел в армию, куда его уже провожало много друзей. Вероятно, в нём была какая-то не совсем очевидная для меня изюминка. Саша обладал таинственной способностью притягивать друзей, особенно девочек.

Вернувшись в Ленинград, он пошел служить в милицию ради прописки и жилья, получил юридическое образование, даже начал быстро расти в чинах и званиях, но работа ему явно была не по душе, и через какое-то время он уволился из органов. К тому времени он женился на Ире, нашей дальней родственнице из Харькова. Она, казалось, самой судьбой была создана для дома и семьи. Ира — прекрасная мать, хозяйка, очень добрый и порядочный человек. У неё с Сашей два сына-инженера, Коля и Сережа, пошли внуки. Долгое время мы с Сашей при встрече часто пикировались, его взгляды были лабильны, а во мне сильно развит дух противоречия. К тому же он любил и умел подкалывать, чем порой доводил меня до бешенства. Особенно раздражали его утверждения о полном опровержении теории Ч. Дарвина, о ненужности и бесполезности науки и т. д. Со временем мы постарели, жажда самоутверждения у обоих утихла, и мы с огромным удовольствием периодически встречаемся семьями.

Благодаря ему я близко познакомился с одним из своих троюродных братьев по деду с материнской стороны, Анатолием Богданом. Выросший в украинском селе, он закончил физический факультет Московского университета, женился на финке, живет в Хельсинки. У него двое детей. Судя по всему, он неплохой профессионал, работал в США и в Финляндии, публикуется в престижных международных журналах. У него оказалось обостренное чувство родственности, усиленное ностальгией. Поддавшись как-то на его приглашение погостить в Хельсинки, мы

с женой провели там две чудесные недели в постоянных беседах и разговорах. При этом было так легко, как будто мы знали друг друга всю жизнь. Сейчас он работает в Австрии.

Особую роль в моей судьбе сыграл двоюродный брат Рид Федорович Брандесов. Сын Моисея Колчинского и Эсфири Наумовны Родкиной, он носил фамилию и отчество своего отчима, Федора Алексеевича Брандесова — секретаря Ново-Воронцовского райкома ВКП(б) в Одесской области, также расстрелянного в 1938 г. Мать Рида тогда работала директором Областной школы пропагандистов в Одессе и заведующей отдела жалоб в областной прокуратуре. Ее арестовали в 1937 г. как жену изменника родины, но поскольку она опротестовала это обвинение, указав на свою самостоятельную партийную работу, то обвинение переквалифицировали в контрреволюционную деятельность, осудив ее за принадлежность к зиновьевской оппозиции и отправив в Карлаг в Казахстане, где Родкина пробыла до 1946 г. После освобождения из лагеря она была определена на поселение в г. Степняк Акмолинской области; в 1949 г. ее вновь арестовали и без предъявления обвинения сослали в Вишневский район Акмолинской области. В 1954 г. с нее сняли судимость. Она приехала в Челябинск и некоторое время работала медстатистом во 2-й дорожной больнице Южно-Уральской железной дороги, куда ее, вероятно, устроила моя мать. Несколько раз я видел Эсфирь Наумовну в доме Рида. В 55 лет это была измученная и истощенная женщина, выглядевшая гораздо старше своих лет. В 55 лет она и умерла, не дожив до полной реабилитации.

Рид в 12 лет оказался в детском доме, откуда его взяла тетя Мирра. Оставшись рано без отца, а затем и без матери, он явно тяготел к моему отцу, который всегда был для него авторитетом. Во время первого года блокады он потерял всех оставшихся в Ленинграде родственников и в марте 1942 г. ушел добровольцем на флот. По возрасту он ещё не подходил, но сказал, что документы пропали во время бомбежки, и прибавил себе почти полтора года. Был радистом-разведчиком, имел несколько боевых наград, в том числе орден Отечественной войны за то, что запеленговал вражескую подводную лодку, севшую на мель и потопленную нашей авиацией, а также медалями «За оборону Ленинграда», «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и др. Рассказывал, как был удивлен тем, что в Латвии их не встречали как освободителей, а, напротив, подчеркивали, что до войны жили хорошо. В Латвии ему открылся и богатый мир литературы русской эмиграции (хотя этими книгами они порой топили буржуйки).

После победы Рид служил мичманом в подразделении разведотдела Балтийского флота до 1950 г. Демобилизовался, так как почувствовал, что начали интересовать его пропавшими документами по причине того, что во время отпуска он навестил мать. Его уговаривали остаться на флоте, обещали дать лейтенантский чин, но он уже был сыт морской романтикой, хотя и умел заражать нас ею. Претил ему и дух формализма и жесткой дисциплины, все усиливавшийся на флоте.

В Челябинске он появился в августе 1951 г., очаровав всех нас, его младших братьев. Участник войны, грудь в орденах, молодой, веселый, приветливый. Он был очень талантливый, литературно и музыкально одаренный человек, прекрасно пел, плясал. Я сразу забыл про свое желание быть дрессировщиком и стал мечтать о море. Мои фантазии он поддерживал, но рекомендовал стать офицером, а я хотел начать простым матросом. Мичманку, подаренную им где-то в 4-м классе, я носил

несколько лет, пока она не превратилась в ключья, а мои мечты о будущем стали связываться с работой на железной дороге.

В Челябинске он жил вначале в бараке, а затем в одной комнате двухэтажного деревянного дома на окраине города вместе с тещей, женой и грудным ребенком. Только в декабре 1961 г. он получил двухкомнатную «хрущевку», простояв несколько лет под № 1 в очереди, хотя ему как участнику войны полагалось получать вне очереди. Если бы не энергия его жены, стоять бы ему ещё много лет, так как человек он был скромный и не умел ничего требовать. Он работал и учился на дневном отделении Педагогического института, окончил его с красным дипломом. Его распределили учителем русского языка и литературы в школу № 10. Кстати, одним из его учеников был сын М. С. Соломенцева, что никак не сказывалось ни на его поведении, ни на отношении к нему. Я не помню, как его звали, но однажды мы с ним оказались в очень узкой и теплой компании в Колупаевке. Он вел себя безукоризненно, несмотря на высокое положение отца.

Возвращаюсь к Риду. Ребята его обожали, затем он перешел преподавателем в Педагогический институт, защитил в Ленинграде диссертацию и стал одним из лучших институтских преподавателей Челябинска. Его любило не одно поколение студентов. Он разработал собственную методику преподавания литературы. По ней он и написал диссертацию, которую признали новым научным направлением, названным эстодидактикой. После защиты ему предлагали переехать в Ленинград. Но ему также не хотелось после сорока лет менять налаженный быт. Он был очень начитан и образован, следил за всеми новинками литературы, имел свой взгляд и суждения по многим вопросам. Несмотря на разницу в годах, а он старше меня на двадцать лет, он всегда разговаривал с братишками, так он нас называл, на равных, говорил за жизнь, умел без обид и оскорблений показать свое неудовлетворение. Я всегда очень прислушивался к его мнению.

Когда позднее я стал задумываться о выборе профессии и перспектива пойти по стопам отца казалась наиболее разумной, он был чуть ли не единственным, кто часто говорил: «Ну да, кирпичи, раствор, известка — это все хорошо, ну ты же прирожденный историк, зачем тебе все это нужно? Поезжай в Ленинград, все-таки, может, что и получится...» Кстати, отец, как я уже говорил, тоже был не против, чтобы я изменил семейным традициям, во всяком случае, был за то, чтобы я учился не в Челябинске. И под влиянием их высказываний я решил ехать в Ленинград. Рид предложил мне помощь в подготовке к экзамену по русскому языку и литературе. У меня был ужасный почерк. Мы начали с того, что взяли тетрадки для 2-го класса и я заново учился прописи, и вскоре у меня выработался нормальный почерк. Его система в литературе была строго формализована и позволяла анализировать любое произведение по схеме «ЭОЛ», т. е. эпоха, общество, литература, и «ТИКОЯЖ» — соответственно тема, идея, композиция, образ, язык, жанр. Были свои схематизации и по каждому из этих разделов, а также подходам к анализу слов, предложений и т. д. Благодаря этому я приобрел на время безукоризненную грамотность, а задачи по структуре предложений щелкал как орешки. Наизусть знал все правила орфографии и синтаксиса.

Подготовка к литературе шла тоже основательно. Заново перечитал все произведения, включенные в школьную программу. Знал много стихов. Когда я сдавал литературу и русский язык устно, экзаменаторы были явно удивлены моей системой ответа.

До последних дней жизни Рида, а он умер 6 января 2008 г., я поддерживал с ним контакт, дарил свои книги. Когда бывал в Челябинске, я обязательно навещал его новую семью: жену Маргариту и дочь Майю, талантливую поэтессу, работающую сейчас литруком в театре. Для меня по-прежнему были важны его суждения. И о книге воспоминаний я стал задумываться всерьез, когда он, прочитав в одном из моих интервью рассказ о Челябинске, сказал: «Эдька, это обязательно надо печатать». Тешу себя надеждой, что он не ошибся.

К сожалению, я мало что знаю о бесчисленных моих троюродных братьях и сестрах, а если с кем-то и контактировал, то только в течение короткого времени. Знаю, что они были рассеяны по всем республикам, краям и областям СССР и в их жилах намешано много разных кровей. У всех у них был разный жизненный путь и разные судьбы, но что-то связывало общее, позволявшее сразу почувствовать родственную душу. Думаю, что новая историческая общность не совсем фикция. Во всяком случае, в рамках ее люди были человечнее. А в трех поколениях моих родственников в полной мере отразилась ужасная история нашей страны в XX в. и представлены все социальные слои и все профессии. В этом я воочию убедился, насчитав в списках жертв политических репрессий 11 Ивашильниковых, осужденных или расстрелянных и реабилитированных полвека спустя. Они никогда политикой не занимались, были простыми малограмотными людьми: крестьянами, кочегарами, рыбаками, мотористами, домохозяйками. Несомненно, все они мои родственники, так как все с Дальнего Востока, в основном из Уссурийска.

«ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ ЧУДЕСНЫЕ?»

В школу я идти не хотел и отвечал на все расписываемые мамой прелести образования: «А что там делать? Вот Яша был хороший мальчик до школы, а во что превратился?» Тем не менее мне купили портфель, бабушка нарезала цветы, а мама отвела в школу. В класс нас повела женщина средних лет Лидия Ивановна Лукашина, видимо из эвакуированных, так как жила она при школе. В течение часа учительница на разные лады твердила фразу: «Первый раз в первый класс», а затем распустила по домам. На следующий день я ожидал, что она встретит нас со словами «Второй раз в первый класс», но ошибся, началось писание палочек, кружочков и прочих ненавистных для меня вещей, ибо правописание всегда было моим бичом. Не пошло у меня вначале и с чтением. Я по-прежнему картавил, шепелявил, неправильно ставил ударение, одноклассники смеялись, а это не прибавляло мне любви к школе. Выявилось, что при чтении и при письме я автоматически меняю буквы. Теперь говорят, что «болезнь» такая есть (дисграфия) или особенность развития, передающаяся по наследству, но тогда о ней не знали. Читая по буквам слово «сыр», на вопрос «Что получилось?» я радостно отвечал: «Арбуз». Как стали ставить оценки, посыпались двойки, о которых, возвращаясь домой и кидая портфель в угол, я радостно и с гордостью сообщал: «Бабушка, двойка».

Мать, схватившись за голову, пошла к учительнице за советом, не лучше ли меня пока забрать из школы и подержать ещё годик дома, тем более что нескольких дней не хватало до семи лет. Но на фоне некоторых других я выглядел, видимо, не так уж плохо, и учительница посоветовала пока этого не делать. В итоге я выучил букварь в срок и научился читать, что, как оказалось, не всем моим одноклассникам удалось. Трудности у них возникали в третьем и даже в пятом классе. С «Родной речью» во втором полугодии уже было все в порядке. Пока основное внимание уделяли чистописанию, у меня не было никаких шансов на успех в классе, но с обучением счету, простейшим арифметическим действиям и решениям примеров и задач я даже стал выбиваться в первые ряды по этому предмету, так как считал быстро в уме и охотно подсказывал. Со временем я легко перемножал четырех- и пятизначные числа. Во всяком случае, на второй год меня не оставили. В положенный срок я стал второклассником, и даже без занятий на лето, чем был изрядно удивлен и всю дорогу после последнего урока размышлял, к чему бы это. Надо сказать, что школа была расположена далеко от дома, не меньше 1 км. Нужно было не раз переходить дорогу, но ни меня, ни большинство других детей никто в школу не провожал и не забирал из нее.

В отличие от всех школ того времени наша 58-я почему-то была смешанная. Девчонок, правда, было всего 7–8 из пятидесяти, и были они — за исключением Галки Шкуро, в которую я, помнится, был тайно влюблен, но позже, в 3-м классе, когда

сидел с ней за одной партой, — какие-то замученные. Позднее мне пришлось работать с ней в Дорпроекте, и я убедился, что, видимо, у меня в детстве был неплохой вкус: она была стройна, улыбочива и с классическими чертами лица. В целом прекрасная половина, составлявшая лишь шестую часть класса, явно не оказывала облагораживающего воздействия на мужской контингент, среди которого выделялись «особо усидчивые», т. е. отсидевшие в 1-м классе по два или три года. Часть из второгодников явно приворовывала по мелочам, все время пропадали какие-то резинки, карандаши, ручки, а то и пирожки. Дисциплина была аховая, хотя Лидия Ивановна оказалась скорой на расправу: хватала за шиворот провинившегося и толкала вперед так, что он головой открывал дверь. Практиковались и подзатыльники, и удары линейкой по рукам. Сейчас это вызывает ужас. Но тогда никто не возражал, понимая, что за дело. О ювенильной юстиции еще не помышляли, принимая как должное, если, говоря словами Аркадия Райкина, какой-то «Сидоров-старший драл Сидорова-младшего как сидорову козу». Особенно учительница нервничала, когда какой-то шутник подрисовал к портретам И. В. Сталина и В. И. Ленина в букваре усы и бороды. Как она его ругала и стращала всякими карами! Но дальше этого не пошло.

Оказалось скоро, что хотя я был далеко не самый хулиганистый, но у парты постоять во время урока или даже быть выгнанным из класса приходилось уже в первый год обучения. Но нарушал я дисциплину не столько из вредности, сколько для того, чтобы показать остальным, что я тоже крутой. Не помню, чтобы мне попадало от Лидии Ивановны. Только один раз она за шиворот вытащила меня из-под парты и выставила за дверь школы, и я с тоской заглядывал в окно — класс был на первом этаже, — не решаясь раньше времени идти домой.

Ученики жили в деревянных домах или в коммунальных квартирах, расположенных поблизости нескольких каменных зданий. Школа не считалась лучшей. В районе гремели тогда две железнодорожные школы: 1-я женская и 2-я мужская. Мужская школа располагалась около вокзала, там было царство шпаны. К тому же в 58-й учились мои братья. Многие одноклассники знали друг друга до школы и кучковались главным образом по месту жительства: плехановские, керосиновские, тимиразевские. У меня не было клана, но меня не трогали. Я был далеко не самый слабый, да к тому же у меня были старшие братья. А вот обидную по тем временам кличку Колчак мне прилепили сразу. И если кто-то хотел меня крепко и сильно обидеть, то говорили «Колчак Чапаева убил». В 4-м классе я даже горько разрыдался, когда учительница рассказывала о Колчаке, а класс, глядя на меня, смеялся. На перемене учителя, утешая меня, говорили: Колчак, мол, еще ничего; бывают хуже фамилии, например Троцкий или Бухарин. Но вскоре смеяться надо мной перестали. К кличке я привык, она сама по себе была не лучше и не хуже других, производных от фамилий: Крепыш, Сима, Алиса, Гапон и т. д.

Хуже было, если ты не соответствовал требованиям, предъявляемым тогдашним негласным «кодексом чести» ученика. Страшнее всего было прослыть ябедой и доносчиком. Помню, у нас был отличник Боря Г., который на неизменный вопрос учительницы: «Кто это сделал?» — вставал и честно отвечал, называя фамилию виновного, а иногда и по собственной инициативе сообщал о не замеченном ею проступке. Его предупреждали, что так делать нехорошо. Но он явно не внимал увещаниям и не желал жить «по понятиям». И «суд» свершился. В начале 2-го класса большая толпа одноклассников гнала его до дома, и каждый хотел стукнуть. Как сейчас

помню животный страх на его лице. Потом были разбирательства, угрозы со стороны учителей и родителей, которые испугались, что с их детьми будет то же самое. Но мы не выдали, кто зачинщик. Правда, я этого не знал и в расправе не участвовал. Уже тогда не любил быть в толпе, да и мне было его жалко, хотя его вина была для меня очевидной. Но Боря, по-моему, больше никогда не ябедничал и стал вполне нормальным компанейским парнем, хотя и оставался отличником, давал списывать. В пионерлагере пару раз я слышал, как по ночам устраивали «темную» ябедам.

Несколько слов о пионерии и пионерских лагерях. С 1-го класса учительница нас уверяла, что только лучшие из лучших будут удостоены чести стать пионерами, а после этого какая у них будет замечательная и интересная жизнь. Во 2-м классе, когда принимали первых пионеров (октябрят тогда ещё не было), я, естественно, не был избран и чувствовал некий дискомфорт обойденного. Но в 3-м классе в пионеры зачислили всех оставшихся гуртом, кроме самых отпетых хулиганов и воришек, отправленных из школы в колонии. Ничего интересного в пионерских мероприятиях я не находил, обсуждение вопросов успеваемости по русскому на звене и совете отряда меня не вдохновляло, и в числе пионерских активистов я никогда не был: к самодеятельности не привлекали из-за дефектов в произношении; музыкального слуха не было; спортивными талантами я не блистал.

После 1-го класса меня отправили на три недели в пионерский лагерь, где было скучно и одиноко, особенно в выходные дни, когда ко многим детям приезжали родители. Коллективные чтения книг, сбор колосков на колхозных полях, хождения колоннами, бой барабанов, пионерские линейки, массовый прием пищи меня раздражали и утомляли. Не нравилось мне и чрезмерное внимание к национальности в 1952 г. Я представился украинцем по национальности матери, но украинцы приветствовались в нашем отряде еще меньше, чем евреи и татары. Хуже всего было немцам. Лишенный братской опеки, я чаще обычного получал подзатыльники от старших ребят. Вообще неофициальная иерархия здесь выстраивалась строго по возрастному и силовому признаку. Жаловаться в те годы было неприлично, и, вернувшись домой, я стал расписывать прелести «лагерной» жизни. Доверчивые родители, желая продлить мои радости, в пожарном порядке достали мне и Яше путевки на следующую смену. Пришлось «мотать второй срок» по собственной глупости. Лагерь Яше также не понравился, но мне стало гораздо лучше, так как он умел постоять и за себя, и за меня, я уже не помню каких-то обид во вторую смену, а может, сработал эффект привыкания, да и я стал уже кем-то вроде старожилы.

Через год меня с соседом Юрой Ласьковым отправили в пионерский лагерь «Золотая сопка» под Троицк, примерно в 100 км от Челябинска. Здесь было гораздо лучше, так как рядом была река и нас время от времени водили купаться. Часто мы ходили также в лес, где собирали грибы и ягоды. В последний раз, пожалуй, видели степь перед ее распашкой во время освоения целинных земель. Перед глазами стоит красота ковыля, перекатывающиеся по всему полю шары ковыльных цветов. Мы добывали кротов, сурков, заливая норы водой, ловили змей. Для некоторых ребят звериные шкуры и кожа змей были средством заработать какие-то копейки. Они их добывали в больших количествах. Контингент был разновозрастной, от 8 до 15 лет, но дифференциация шла главным образом по месту жительства, т. е. троицкие, магнитогорские, карталинские, челябинские и т. д. кучковались отдельно. Я не придавал этому значения, дружил с теми, кто мне больше нравился. В итоге оказался

не со своими. Сыграло роль, может, и то, что старший меня на семь лет Юра Ласьков примкнул к троицким, их было больше, и они верховодили. Недовольные взгляды земляков-челябинцев я не замечал. Расплата наступила в день отъезда. Троицкие уехали раньше всех, и началась расправа с отступниками. Так утверждался местный патриотизм. Мне, правда, всего пару раз дали по шее, так как за меня заступились челябинцы моего отряда в благодарность за сказки и истории, которыми я пичкал их вечерами после отбоя, когда нас загоняли в постель, а сна ещё не было ни в одном глазу.

Когда я был во 2-м классе, в школе назначили нового директора Филиппа Кузьмича, бывшего фронтовика, который решил установить дисциплину. У него нос был перебит на фронте, и он рыскал по школе как некая хищная птица, выискивающая нарушителей. Скорее всего, у него не было никакого педагогического образования. Ходил по классам во время уроков, увидев провинившихся, вел в кабинет для беседы, а потом вызывал родителей. При мне позвонил и отцу на работу. Особо недисциплинированных отправляли в колонию. Этого держиморду возненавидела вся школа. Несколько раз ему по ночам били окна в школьной квартире, и в конечном счете он ушел или «его ушли» с должности. Все мои одноклассники помнят неприличный стишок о нем: «Как Филиппу Кузьмичу, в ... вставили свечу, Ты гори, гори, свеча, у Филиппа Кузьмича». В общем, с детьми, даже с самыми маленькими, надо быть очень аккуратным. Сугубо дисциплинарными методами многого не добьешься.

Лидия Ивановна была неплохая учительница, скорее всего, просто уставшая и измученная жизнью. Она много работала внеурочно с отстающими, занималась с учениками разными видами художественной самодеятельности, готовила к показательным выступлениям, водила на экскурсии, не особенно вникала в политико-воспитательную работу, формально вела патриотическое воспитание. Кругом была нищета, и не все верили в счастливое детство и не готовы были благодарить Сталина за него. Запечатлелись исковерканные слова гимна: «Союз нерушимый, сижу под машиной и лопаю кашу за Родину нашу...», которые во 2-м классе все запоминали быстрее и с большим энтузиазмом, чем подлинные слова гимна. Особенно нравились слова: «Артиллеристы, Сталин дал приказ! Ходить нам в школу в неделю только раз...». Много было просто голодных. Вначале бабушка давала мне с собой молоко, яйцо, кусок хлеба, но скоро я отказался брать, так как не мог есть, видя голодные глаза, и раздавал, а на всех не хватало.

При каждом удобном случае я старался школу пропустить. Отмена занятий из-за мороза, что случалось часто, воспринималась как манна небесная. Если становилось совсем невмоготу идти в школу, старался изобразить из себя больного, что было легко, так как насморк и кашель никогда не проходили. Но проклятый градусник не поднимался выше 37°. Братья научили, как пощелкиванием можно поднять показатели. Делать это надо было осторожно, так чтобы не повисить их больше, чем на один градус, и не разбить градусник. В противном случае обман мог быть раскрыт. Я добился в этом плане столь больших успехов, что явно перестарался. В 3-м классе встревоженные врачи, не видя никаких симптомов болезни при высокой температуре, положили меня на двухнедельное обследование, что мне не очень понравилось. Потом они решили, что меня мучают глисты, и стали давать средства для их изгнания. Это уж мне совсем не понравилось, и я постарался заверить их

в полном выздоровлении и подробно рассказал, какой огромный клубок аскарид вышел из меня. Они ахали, сочувствовали, радовались чудесному исцелению и выписали меня из больницы. Хотя, скорее всего, они, зная мои фантазии, не поверили ни одному моему слову, а слабительное дали, чтобы отучить меня симулировать.

Каникул же в Новый год и в конце марта ожидали как пришествия мессии. Особенно интересны были приготовления к Новому году. Как я говорил, мама была художественно одаренной. Вместе с нами она делала игрушки из бумаги, ваты, тряпочек. Очень сложно было их изготавливать из куриных яиц. Через мелкий прокол надо было высосать белок и желток, а потом раскрасить скорлупу и наклеить уши, клюв, глаза. На сделанные нами игрушки — птиц, зверюшек, домики, звезды, фонарики — ходили смотреть мамнины подружки с детьми. Всегда великолепными были елки или пихты, только что срубленные и отдающие потрясающий аромат свежести по мере оттаивания в жарко натопленной комнате. Сам же Новый год был довольно скучноват, так как мать с отцом считали, что встречать Новый год дома к несчастью, — и обычно уходили в гости в складчину или вообще уезжали. Их отсутствие, правда, скрашивали подарки, обязательно приготовленные мамой и разложенные заранее под елку.

Первые три года я школу не любил, но и во время каникул особенно нечем было заняться. На улице было холодно, на лыжах я катался только около дома, а на коньках почему-то так и не научился. Оставались карты, лото, шахматы, шашки, «чапай» и т. д., во что мы сражались с братьями. Разнообразили каникулы лишь новогодние общественные елки с концертами, хороводами и подарками, казавшимися нам царскими, с мандаринами, конфетами, печеньем и вафлями. Лучшие елки были во дворце ЧТЗ, и туда надо было ехать на троллейбусе несколько остановок. Помню, что спектакли на елках были идеологически выдержанные, там доставалось и американским поджигателям войны, и звучала алилуйя мудрому советскому правительству, заботящемуся о счастье народа. Я понимал, что в школе и во дворце деды Морозы не настоящие, но был уверен, что есть и реальный Дед Мороз. С этой верой я расстался только в 4-м классе. Вообще я очень долго увлекался сказками, вызывая недоумение некоторых одноклассников, давно перешедших к чтению серьезных книг про войну, шпионов и бандитов. А вот они-то мне никогда не нравились — до военной прозы 1960–1980-х гг.

Одним из самых ярких впечатлений детства стала смерть И. В. Сталина, изблуженный сюжет современных фильмов. О его болезни по большому секрету сказал Яша 4 марта, когда я вернулся из школы, а он должен был идти во вторую смену. Был солнечный день, начинало таять, надо было счищать снег с крыши дома, а мы сидели на крыше и горестно молчали. Затем сообщения о состоянии Сталина стали ежедневно передавать по радио. И наконец, 6 марта 1953 г. в 8 часов утра после привычного «Гимна Советского Союза» последовало официальное сообщение о том, что накануне поздним вечером вождь скончался. Зарыдала мама. Позднее, узнав, что она всю жизнь его ненавидела, я не раз спрашивал, почему она плакала. И был удивлен ответу, что она так привыкла к нему, что, казалось, мир без него существовать не сможет. Вот так диктаторы приучают нас быть счастливыми в рабстве. Возможно, я ошибаюсь, но уже в то утро гимн впервые звучал без слов. А в нём были строки: «Нас вырастил Сталин — на верность народу, на труд и на подвиг он нас вдохновил!».

Когда я вернулся из школы, по радио передавали траурную музыку, прерываемую официальными сообщениями, и впервые прозвучала оратория «Слава борцам, что за счастье вставали». В новом варианте гимна 1977 г. ушли и упомянутые строчки, и куплет о нашей миролюбивости: «Захватчиков подлых с дороги сметем! Мы в битвах решаем судьбу поколений, мы к славе Отчизну свою поведём!». Видно, их убрали в связи с провозглашенной концепцией мирного сосуществования двух лагерей.

Тогда мне казалось, что я присутствую при каком-то уникальном историческом событии, и я потом в течение нескольких лет собирал газеты, вырезки, иллюстрации из журналов. Один чемодан их до сих пор хранится у меня на антресолях. До сих пор помню несколько стихов, опубликованных в те годы. К моему удивлению, народ как-то предпочитал на эту тему не говорить, заплаканных лиц учителей я не помню. А Лидия Ивановна об этом заговорила только на четвертом уроке, когда мы, придя в себя, забыв о смерти «лучшего нашего друга и учителя», стали ходить на головах. Тогда она и пристыдила нас: вот, мол, все прогрессивное человечество в скорби и замерло в горе, а вы, негодяи, как всегда, изгаляетесь на уроках.

После обеда шофер дядя Ваня привез траурный флаг, был, видимо, приказ вывесить его над всеми частными домами. Я пытался ему втолковать, какое горе нас постигло, он не отрицал, но почему-то не спешил разделить эту скорбь. Скорее всего, он также был из выселенцев. Потом были, конечно, линейки, посещения траурной комнаты, декорированной в красно-черные цвета, но все как-то шло формально, не соответствуя нагнетаемому газетами и радио трагизму, выраженному в строчках какого-то поэта, которые я почему-то запомнил на всю жизнь, но которые я позднее никогда не встречал:

Вздрогнул мир, узнав об этом горе.
Зарыдали в скорби провода.
Имя, всем народам дорогое,
Перестало биться навсегда.

Хотя стихотворение кончалось вполне оптимистически, как и положено было в соответствии с канонами соцреализма:

Но великий гений не угас.
Сталин сквозь грядущие столетия,
Учит нас и вдохновляет нас.

Теперь я знаю, сколь ненадежны любые прогнозы. А с авторитарными правителями почти всегда получается как раз наоборот тому, что им пророчили при жизни толпы журналистов и инженеров человеческих душ. Их преемники стараются как можно быстрее от них отмежеваться. 9 марта мы слушали по радио репортаж с митинга на Красной площади, а затем залпы артиллерийского салюта. А за окном пять минут гудели паровозы и заводы. По-моему, Л. П. Берия закончил речь словами: «Под знаменем Ленина-Сталина, под руководством Маленкова — вперед к победе коммунизма». Но этих слов я не нашел в опубликованных текстах. Интересно, ошибся ли я?

Через несколько месяцев мой сосед Боря Киселевич опять же шепотом сказал, что арестован Берия. Разговоров на эту тему я дома не слышал, хотя мне помнится,

что куплет: «Берия, Берия — вышел из доверия. А товарищ Маленков — надавал ему пинков! Не хотел он жить в Кремле, пусть гниет теперь в земле» я услышал до публикации в декабре подробного сообщения о суде над Берия и его расстреле.

Итак, с марта 1953 г. я точно увлекся историей, собирал иллюстрации о революции, целенаправленно искал исторические романы, старался просмотреть все исторические фильмы. Важную роль в моем образовании сыграл каким-то чудом сохранившийся в доме дореволюционный учебник по российской истории без обложки. Его я проштудировал до знакомства с официальными учебниками по истории, и отличался он тем, что в нём цари и императоры, выглядели пристойно и носили благородные прозвища «святой», «кроткий», «освободитель» и т.д. Не было никаких «палкиных» и «кровавых», и я понял, что существует две истории, причем неофициальная казалась мне более живой и симпатичной. Так появилось первое собственное инакомыслие. Не раз перечитывал я адаптированные изложения мифов Древней Греции, книги для школьников «Древний Восток», «Древняя Греция», «Древний Рим», романы «Чингисхан», «Батый», «К последнему морю», «Князь Серебряный», «Каменный пояс», «России верные сыны», «Денис Давыдов» и многие другие.

У меня появился круг внешкольного общения с некоторыми одноклассниками. Среди них были в основном те, кто жил около меня в районе Спартака, и нас объединяли совместные дороги в школу и игры в свободное время. Но были среди них и те, экзотикой для которых была моя пастьба коровы или гуляние по улицам с овчаркой. Домашние собаки тогда были редкостью. Это были мальчики, которые не были зубрилами и активистами, но и не входили в число хулиганов, отличались самостоятельностью, дружелюбием, любознательностью. Они не любили драться, но умели постоять за себя. Среди них выделялись Боря Корб и Володя Крепышев, жившие в двухэтажном доме рядом с 1-й школой, дружившие друг с другом чуть ли не с яслей. С ними хотели дружить многие мальчики в нашем классе. Завязыванию моих отношений с ними способствовало и то, что старший брат Юля дружил со старшими ребятами с их двора (Володей Лаптевым и Геннадием Крепышевым) и пользовался там большим уважением.

Начались и изменения в жизни. Хлеб стали продавать без очереди, и его можно было купить в любом магазине, в продаже появились различного вида батоны, французская булка, сайка. Даже мука стала обычным товаром. С отменой продовольственного налога мы перестали по утрам относить молоко, сметану, масло и яйца на сдаточные пункты.

ПЕРВАЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ

К счастью для меня, в 1954 г., когда было ликвидировано раздельное обучение мальчиков девочек и началось «великое переселение народов», т. е. перевод мальчиков в женские школы, а девочек, наоборот, в мужские, я попал в лучшую тогда в Челябинске школу — 1-ю железнодорожную, расположенную на улице Ленина, переименованной позднее в улицу Свободы. Эта была одна из немногих заасфальтированных улиц, соединяющая центр города с вокзалом. Одна сторона улицы, на которой стояла школа, была застроена каменными, преимущественно четырехэтажными, домами. Там был и асфальтовый тротуар. На другой, как и повсюду, стояли деревянные дома, в основном дореволюционной постройки. Ещё в 10-м классе мы переходили дорогу и усаживались покурить на лавочки перед ними, заставляя нервничать их обитателей. Проезжая часть дороги от тротуаров была ограждена густыми зарослями акаций, которые подрезали каждый год, но они быстро отрастали.

В школе был сильный состав преподавателей, а возглавляла ее, как я говорил, немолодая, очень мудрая женщина Ольга Александровна Зубринская, которая в дни праздников надевала ордена и медали, в том числе и боевые. Только недавно я узнал, что она активно участвовала в партизанском движении в Белоруссии, подрывала вражеские составы, уничтожала немецкие гарнизоны. От нее самой мы ничего не слышали о героическом прошлом, хотя в школу приходили в День Победы и 23 февраля участники войны. Она была строга, сдержанна, но человечна. Понимала, как легко сломать человеку жизнь и как сложно потом ее исправить. И старалась сохранить ученика в школе до последней возможности, иногда даже вопреки его желаниям. У нее не было таких наказаний, как исключение из школы на несколько дней, к минимуму было сведено и второгодничество.

Я уже рассказывал, как она прикрыла мой более чем серьезный антисоветский поступок на Первомайской демонстрации. В том же 10-м классе трое моих друзей Боря Корб, Володя Крепышев и Володя Симкин были задержаны комсомольским патрулем в сквере с бутылкой крепленого вина. Их доставили в обком комсомола, засняли на пленку и показали по местному телевидению в рубрике «Они позорят наш город», так как они собирались предаться распитию спиртных напитков в публичном месте, в то время когда вся сознательная молодежь только и думает, как поскорее что-то выполнить и перевыполнить ради скорейшего прихода коммунизма. По тем временам показ по телевидению в подобном ракурсе однозначно оценивался как позорное пятно на репутации школы. После передачи ребят стали таскать на проработку в школьную администрацию. Неизвестно, как директор официально отреагировала на телевизионную передачу, но ребят, по словам Володи Симкина, она упрекнула только в том, почему они сразу не сообщили о задержании, лишив ее

возможности предотвратить огласку. Предполагаю, что она столь же вдумчиво и деликатно вела себя в педагогическом коллективе, который был стабилен.

Были и другие обстоятельства, способствовавшие концентрации хороших педагогов в нашей школе. Школа не подчинялась горно, была ведомственной, железнодорожной. За нее были ответственны люди, с которых могли спросить железнодорожные руководители разного масштаба, дети которых чаще всего учились в этой же школе. Им же поручалось курирование школы; в частности, одно из управлений треста, начальником которого был отец, ежегодно проводило косметический ремонт школы, кто-то чинил парты и другую мебель, кто-то отвечал за производственные мастерские, кто-то по заказу школы изготавливал учебные пособия и т. д.

Почти все каменные дома в центре города, в которых жила значительная часть городского начальства и интеллигенции, относились к нашему микрорайону, и было много детей из благополучных семей, на которых легче воздействовать, чем на прошедших уличное воспитание. Принадлежность школы к железной дороге давала и социальные привилегии: бесплатный проезд в любой конец СССР раз в год, право на ведомственную поликлинику и больницу, входившие в число лучших в городе, право на квартиру в интенсивно возводимых железнодорожных домах и т. д. Но главным стимулом учительского труда был его высокий социальный престиж. Несмотря на низкие зарплаты, учитель оставался уважаемым человеком, который мог требовать, распекал, наказывал, невзирая на то, чей ребенок стоит перед ним, а в случае необходимости находить управу и на родителей. И требования учителя были законом для них.

Благодаря этим обстоятельствам несколько лет я с удовольствием ходил в школу, и, глядя в прошлое, могу честно и без иронии сказать: «Детские годы чудесные». Огромная заслуга в этом прежде всего нашей учительницы в 4-м классе Евгении Лукиничны Матушевич, которая отвечала стандартам идеальной учительницы, всю жизнь посвятившей детям. Своих детей у нее не было. Поэтому мужа она также привлекала к нашему воспитанию: водила нас в музеи, кино, на экскурсии, организовывала родителей для создания кружков, готовила концерты, спектакли. Она первая заинтересовала меня художественной самодеятельностью. Отец одного из наших одноклассников, Геры Роя, был директором Железнодорожного техникума и организовал для нас кружок радистов-телеграфистов, в который мы ходили несколько лет, овладевая этими популярными тогда специальностями. Там же для нас работала стрелковая секция, которую посещали очень многие, а для Вадика Алесковского, Бори Корба, Коли Романова и других она открыла дорогу в большой спорт. Они потом ездили на чемпионаты РСФСР и СССР, имели высокие спортивные разряды.

Нас, пришедших из 58-й школы, влили в класс, который Евгения Лукинична вела уже три года. Её воспитанницы приняли нас доброжелательно, так как были дружным, сплоченным классом. Мне они казались очень красивыми в своих нарядных и хорошо отглаженных фартуках. Активистки и отличницы возглавляли звенья, совет отряда и даже совет дружины школы. Хотя они все учились хорошо и старательно, но не зазнавались, давали списывать, помогали при ответах, при случае подсказывали. Среди них в то время я замечал Наташу Басову, Галю Дунскую, Галю Егорову, Люду Зайчикову, Галю Куликову, Лялю Макашину, Тамару Меламед, Риту Мельникову, Лену Смолину, и особенно яркую Милу Комарову, с большими черными косами, завязанными калачами. Сразу же я отметил Наташу Старкевич,

так как её родители тогда часто бывали у нас в гостях. И в дальнейшем я всегда относился к ней с теплотой и с симпатией, ценя ее прекрасный характер, доброту и ум. К сожалению, в конце января 2014 г. она умерла, открыв скорбный список потерь среди девочек нашего класса. После окончания школы я ее не встречал, но мне не раз говорили, что у нее прекрасный муж и хорошие дети. Приятно, когда счастье выпадает на долю хороших людей.

Не могу точно сказать, были ли уже в 4-м классе или появились позже Люда Алашеева, Валя Брянская, Ира Дуркина, Люда Овчинникова, Галя Талашманова, но со временем они заняли также прочное место в моей памяти. Позднее я узнал, что вне школы некоторым девчонкам нашего класса приходилось драться с мальчишками, но в нашем классе, насколько я осведомлен, подобного не было. Единственным знаком внимания могло быть подергивание за косичку где-то классе в пятом, но я отважился на это лишь раз, получив от Гали Куликовой гневную отповедь, так что навсегда зарекся делать что-нибудь подобное. Никто из нас не позволял себе нецензурные выражения в присутствии одноклассниц, хотя матом я, как и большинство моих сверстников, с юных лет владел виртуозно.

Вместе с тем существовала и некоторая разобщенность: девочки жили своей жизнью, мальчики — своей. Вне школы большинство расходились по разным компаниям. Мне не известен ни один случай взаимной симпатии в классе, завершившийся в дальнейшем браком. Напротив, нередко чувства мальчиков к главным красавицам класса не находили отклика. Тем не менее они считали нас своими и морально поддерживали в случае конфликтов с ребятами из других классов. Помню, в 5-м классе в наш класс перевели трех великовозрастных второгодников, одному из них было почти 16 лет, а нам только исполнилось по 12. Естественно, они решили показать, кто хозяин, и однажды на свободном уроке решили наподдавать Боре Корбу. Но мы вмешались и так оглушили главного из них, что потом они вели себя смиренно и подобных попыток не предпринимали. С тех пор всякий появлявшийся в классе новичок не пытался утвердиться только силой, хотя, конечно, сила и смелость всегда играли немалую роль.

Моральным центром нашего класса, к которому тяготели многие мальчики, и в этой школе были Борис Корб и Вова Крепышев. К ним тянулись я, Володя Симкин и Коля Романов. До 8-го класса в нашу компанию входил Рудик Антипин, самый сильный, но и самый добродушный среди нас. Вадика Алесковского, дружившего с Володей Рольщиковым, все уважали за острый ум, язвительность и высоко развитое чувство собственного достоинства. Появившихся немного позднее Витю Гохфельда и Юру Курочкина ценили за успехи в математике и за готовность дать списать отстающим. Прилежны были Сергей Барыкин, Толя Глазунов и Гера Рой, но они также были вполне независимы от учителей. Боря Дидилев рано потерял мать: начал зарабатывать на жизнь, ремонтировал радиоприемники и первые телевизоры, поэтому не проявлял особого прилежания в учебе, но все сочувствовали ему и помогали с домашним заданием. Всего год в нашем классе учился Марк Харалдин, но, пораженные его неординарными математическими способностями и глубоким интересом к физике, мы считаем его своим.

Все уважали и поддерживали друг друга, я не помню каких-то изгоев в классе. Даже Валера Крутнев, отсидевший срок в детской колонии, а потом после шестого класса вновь попавший туда, чувствовал себя в классе комфортно. Наша главная

отличница и красавица Тамара Меламед позволяла ему носить свой портфель и провожать домой, ходила с ним на каток. Ефим Ольштейн, чья традиционная игра на скрипке на школьных концертах вызывала иронические замечания, учился с нами с 4-го по 7-й класс и впоследствии не раз говорил, что наш класс был лучшим в его жизни.

В 4-м классе 21 декабря 1954 г., в день рождения И. В. Сталина, я сделал свой первый «научный» доклад. В течение целого урока, к удивлению учительницы, пионервожатой и класса я рассказывал одноклассникам биографию великого вождя. И они меня слушали не шелохнувшись. Мой следующий «доклад» осенью 1955 г. был посвящен великому преобразователю природы И. В. Мичурину. Он как бы приобщил меня к истории биологии в лысенковской интерпретации. Этот доклад я сделал в детской городской библиотеке на какой-то конференции читателей. Так я стал желанным для взрослых лектором, а занятие историей биологии было предопределено с детства. Тогда же я пристрастился к регулярному чтению газет, к прослушиванию голосов «из-за бугра», если их, конечно, не глушили. Хорошо помню эффект неопубликованной, но всем известной речи Н. С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда партии о культе личности Сталина, которую в Челябинске народ встретил достаточно спокойно. Видимо, бывшие ссыльные, переселенцы, дети репрессированных не питали особой любви к корифею всех времен и народов. Я же с тех пор воспринимал Сталина как личного врага, полагая долгое время, что он предал идеалы революции.

С 5-го класса предметы вели разные преподаватели, каждый со своим характером, особенностями и восприятием учеников, среди которых ими выделялись любимые и противные. Аналогично и учителя делились учениками на уважаемых и неуважаемых. Деления эти очень субъективны. У учащихся они определяются тем, насколько интересен им предмет. Для учителей главное, чтобы ученик не создавал проблем. В связи с этим у меня всегда были прекрасные отношения с биологами, историками, географами и литераторами. Ни один из этих предметов не предполагал письменных домашних заданий, достаточно было в перемену посмотреть три-пять минут учебник, чтобы получить пятерку.

Классным руководителем с 5-го до 7-го класса у нас была Людмила Сергеевна Вилленева, преподававшая литературу и явно мне благоволившая. Мать возвращалась с родительских собраний без гнева, хотя по поведению и прилежанию в четверти стали появляться четверки и тройки. Учительница литературы в старших классах Нина Константинова Зыкова хорошо знала и интересно преподавала свой предмет. При этом она была строга и умела двумя-тремя словами или даже взглядом меня урезонить, а умела и поощрить. Всегда устраивала разбор сочинений на уроках, а лучшие призраивала в периодической печати. Так, в 8-м классе в «Известиях» было опубликовано сочинение Тамары Меламед о сотрудничестве нашего класса с бригадой коммунистического труда.

В целом к ней мы относились с уважением и к сочинениям готовились. К содержанию моих работ у неё особых претензий не было, но подводили почерк и грамотность. К тому же я всегда готов был принять участие в читательской конференции, без подсказки сформулировать свое мнение, что со временем стало у неё порождать сомнения, а не скажу ли я что-нибудь не то. Хотя я не занимался в драмкружке, но откликнулся на её просьбы где-то что-то продекламировать или сыграть

какую-либо роль, обычно отрицательного героя: Гришку Отрепьева в «Борисе Годунове», бухгалтера в чеховском «Юбилее», белого офицера, начинающего хулигана в пьесе А. Г. Медынского, и т. д. Говорят, неплохо получалось. Мать, услышав от учителей положительные отзывы, хмыкала и говорила, что ему, мол, и не надо играть грубияна, он по жизни такой.

Что же касается истории, то учителя здесь традиционно были сильны, предмет излагали четко, без излишней демагогии. Им нравилось, что в школьный материал я обычно напихивал дополнительные имена, даты, цифры и т. д. В старших классах ввели еженедельную обязательную политинформацию и поручали это сделать кому-либо из учеников, которых я охотно консультировал на переменах, а в случае необходимости, к радости остальных, мог на целый урок закатить лекцию о войне в Лаосе или Камбодже или оккупации США и Англией Ливана и Ирака. Перед уроком истории я всем желающим рассказывал последние известия, которые требовались от всех отвечавших урок по истории. Из учителей-историков лучше всего помню Аллу Константиновну Малкову, которая была у нас в 8-м и 9-м классе. В детстве она потеряла ноги, и на работу ее приводил, а затем отводил обратно отец. Нам было жаль ее, и в целом мы вели себя на уроках прилично, да и она знала и любила свой предмет, а профессионалов ученики, как правило, уважают.

Сложнее было с биологией. Ботанику и зоологию до 7-го класса преподавала Фаина Петровна, тоже хорошо знавшая свой предмет. Но почему-то на ее уроках принято было ходить на головах, она периодически пыталась навести дисциплину, неожиданно стучала стулом об пол или резко ладонью по столу. После этого раздавался ее протяжный крик по возрастающей: «Кол-чин-ский», а затем беглая скороговорка тихим голосом: «Гадкий, мерзкий, отвратительный мальчишка!» — и громopodobное завершение: «Вон из класса!» Обычно это следовало после того, как она обнаруживала, что я играю в карты на уроке или начинаю взрывать пистоны. На следующий урок я возвращался с повинной, осознав свою оплошность, и мир восстанавливался. Фаина Петровна была добрый человек. К тому же ежегодно школа должна была направлять учащихся на слет юннатов в Дом культуры железнодорожников. Кроме меня, вроде, и некого было посылать, а участвовать школа должна была. Я же доподлинно знал, что индюки не мечут икру, а тыквы не растут на деревьях, даже умел проводить прививки деревьев. У сменившей ее Елены Денисовны Новиковой, молодой, красивой и мягкой женщины, дисциплина в классе не улучшилась, но она на многое закрывала глаза, так как во время субботников я с воодушевлением сажал выделенные на класс деревья или вскапывал огород.

Несмотря на твердую пятерку по биологическим предметам, к счастью для себя, я в старших классах не учил изложенную в учебниках мичуринскую биологию и советский творческий дарвинизм не слишком затуманил мой юношеский ум. Но мне понятно, почему вроде грамотные биологи, включая даже некоторых генетиков, проповедуют лысенковскую бредятину в качестве новейшего последнего слова науки и окончательного опровержения дарвинизма. Согласно механизму импринтинга, усвоенное в детстве вытравить невозможно.

Я не представлял особого интереса для преподавателей рисования и черчения Зои Федоровны Куделенской и Владимира Ивановича по кличке Мономах. Это были очень интересные люди. Зоя Федоровна имела опыт работы на производстве и понимала, что, когда потребуется читать чертежи, мы научимся и не стоит нас

мучить по предмету, который далеко не каждому потребуется в жизни. Мономах же ушел на войну сразу после открытия нашей школы, в 1941 г., и на своем участке фронта был первый, кто связкой гранат подорвал танк. Пройдя всю войну от звонка до звонка и не получив должной награды, он философски относился к жизни, учил только тех, кто хотел учиться, и не принуждал остальных. Надо сказать, мы его уважали, и на уроках самые отчаянные хулиганы вели себя тихо. Нам он никогда не рассказывал о войне. Вообще те, кто был на передовой, о войне не любили рассказывать. Военные воспоминания зачастую удел тех, кто сидел в штабах и жертвовал главным образом чужими жизнями.

Начиная с 6-го класса мы проходили обучение в слесарной и плотницкой мастерских, которые были неплохо оборудованы. Помимо основного слесарного и столярного инструмента там были сверлильный, токарный и фрезерный станки. Некоторые ученики не собирались идти в 8-й класс и старались как можно больше навыков получить на этих уроках. Остальные же занимались, чем хотели. Это было время, когда мы, как в песне Высоцкого, «рискнули из напильников делать ножи». Пытался финку сделать и я, но не сумел, однако все же ее достал и какое-то время, выходя из дома, совал за голенище хромового сапога. Часами учился ее метать. К счастью, все-таки хватило ума поскорее ее сплавить. Тогда она шла как холодное оружие, за хранение которого могли дать от 3 до 5 лет. Кастет и нагайку, я уже говорил, отобрал и выбросил на помойку отец.

К сожалению, у всех нас не блестяще обстояли дела с немецким языком, который после Отечественной войны никто не хотел учить. По слухам, наша учительница Лидия Тимофеевна Бродская была из поволжских немцев, сосланных на Урал. Правда это или нет, я не знаю, но язык она знала великолепно и, конечно, могла бы многому научить. Но увы, нам это не надо было. Почти все собирались в технические вузы, где на вступительных экзаменах иностранного языка не было. Пожалуй, только Меламед собиралась специализироваться по филологии и учила даже английский, но она также не любила немецкий язык, который у нее, как у большинства моих сверстников, вызывал только негативные эмоции. Лидия Тимофеевна, видимо, немало пострадавшая в жизни, уходила от конфликтов, и мы буквально издевались над ней, вступая в дискуссию, писать или не писать контрольные, а если писать, то по какой теме. Не устраивала нас ее манера ставить оценки. Например, «Колчинский, вставал и ходил по классу, за это единица». Сменившая ее в 7-м классе молодая и очень симпатичная учительница (к сожалению, фамилию ее я не помню) вскоре ушла в отпуск, и до 9-го класса у нас вновь была Лидия Тимофеевна. Когда пришло осознание, что язык знать надо, время ушло и догонять класс было тяжело. Братья мои учили английский, а знания отца и матери, изучавших немецкий в школе и институте, ограничивались фразой: «Die Katze wartet». Пришлось встать на путь списывания и подсказок, а когда просили задать вопрос отвечающему, нагло спрашивал: «Wie heißt du?» или «Wie alt sind Sie?», большая часть класса хихикала, стоявший у доски легко отвечал, учительница была довольна, можно, вроде, крестик против моей фамилии поставить, что участвовал в работе, а большего она от меня не ожидала.

К ее и к своему удивлению, я легко сдал выпускной экзамен на четверку, так как отрывок из газеты о Ю. А. Гагарине я перевел легко и без труда отбарабанил выученный к экзаменам текст по теме «Семья». Как я понимаю, могли поставить

и пять, но это было бы несправедливо по отношению к некоторым другим, прилежно штудировавшим немецкий учебник много лет и знавшим язык гораздо лучше меня. Мои одноклассники помнят мои школьные «успехи» в немецком и до сих пор удивляются, что я достаточно свободно читаю и перевожу с немецкого и английского. Они все забыли иностранный, включая и тех, кто мечтал учиться в Институте иностранных языков, но не решился покинуть Челябинск. И это жаль, ведь основы умения понимать особенности чужого языка и перевода я получил все-таки в нашей школе. Можно представить, как хорошо многие из них знали бы немецкий язык, если бы он хоть как-то был полезен в жизни.

Сложнее складывались мои отношения с точными науками. Хуже всего обстояло дело с химией. В семилетке ее нам невятно преподавала какая-то учительница, ни имени, ни лица которой я не могу вспомнить. В средней школе учительницей химии была Александра Михайловна Рольщикова, прекрасный специалист и очень душевный человек. Ее сын Володя Рольщиков, как и я, увлекался историей и политикой, и из-за этого она, видимо, и ко мне не была достаточно требовательной. Кроме того, все эти валентности, щелочи, кислоты, закиси, окислы, гидриды и ангидриды казались мне собачьей чушью. Я представить не мог, что буду заниматься эволюцией биосферы и биогеохимией. Не увлекали меня и опыты на уроках химии, когда, к радости присутствовавших, что-то взрывалось, возгоралось, испарялось, синело, краснело и т. д. Провозглашенный Н. С. Хрущевым неоновый лозунг «Коммунизм — это Советская власть плюс электрификация всей страны и химизация народного хозяйства», закигавшийся каждый вечер на здании Челябэнерго в центре города рядом с нашим домом, я в 1960 г. кощунственно переименовал с одобрения одноклассников: «Советская власть — это коммунизм минус химизация и электрификация».

Тем не менее я имел твердую тройку, и Александра Михайловна без колебаний допустила меня к выпускному экзамену. На его подготовку было дано три дня, что я считал достаточным, чтобы выучить весь учебник. И здесь неожиданно произошла осечка. Оказалась, что химия не похожа на остальные предметы, ее нельзя выучить с кондачка. И тогда я ограничился подготовкой только двух билетов о теории Периодической системы Д. И. Менделеева и теории химического строения А. М. Бутлерова. Так мне подсказал внутренний голос, и на сей раз не обманул. Именно Бутлеров попался, и члены комиссии во главе с О. А. Зубринской, уверовав в мои знания, даже попросили меня повторить не до конца удавшийся опыт, что было вторым пунктом билета, но Александра Михайловна не настаивала на этом, боясь, что мое невежество неизбежно обнаружится, и убедила остальных членов комиссии, что мне достаточно и четверки.

Сходная картина была и с физикой. В 6-м и 7-м классах ее преподавала учительница, которую вся школа звала Кисой и не уважала из-за незнания ею предмета. С 8-го класса пришла очень сильный и принципиальный преподаватель Маргарита Ивановна, которой в конце концов надоели мои поверхностные знания, и в 9-м классе она не пожелала мне ставить удовлетворительно за год, а заставила сдать летом заново весь материал за предыдущие годы. И в течение месяца я должен был несколько раз отвечать ей разделы по механике, оптике, молекулярной физике и даже решать какие-то задачи. Зачтя курс, она спросила, какого черта я валяю дурака и не делаю уроки по физике, если для меня это не составляет труда.

На мои объяснения, что я, возможно, буду историком, она ответила, что, зная физику, я могу стать и историком, и инженером, а вот зная только историю, я никогда не стану инженером. Этот совет я хорошо запомнил на всю жизнь и уже в университете на философском факультете много внимания уделял естественным и точным наукам.

Особые отношения у меня всегда были с математикой. Долгое время у меня не было никаких проблем с предметом, и до 8-го класса, пока преподавала очень крупная, спокойная и уверенная в себе женщина Анна Антоновна Кириллова, которую слушали ученики, я был твердый «хорошист». Но уже к концу 7-го класса мне надоело делать домашние задания, хотя экзамен по математике я сдал на «отлично». В 8-м классе у меня для всех предметов осталась лишь одна тетрадь, которую я сворачивал в трубочку и носил во внутреннем кармане шинели. У меня началась чехарда оценок. Если объясняли какую-то новую тему и тут же предлагали по объясненной форме решать примеры и задачи, то у меня все получалось, так же как и устные ответы у доски. Со временем надоедало выполнять по одной и той форме в течение долгого времени бесконечные вычисления по алгебре и тригонометрии, где любая пропущенная или не там поставленная запятая вела к неверному ответу. Я скатывался на тройки и на двойки, которые затем компенсировались оценками по новой теме. К тому же с середины 8-го класса я обосновался на «камчатке» и при зрении минус 6 многое не видел на доске.

Наш классный руководитель и преподаватель математики Яков Дмитриевич Савельев долго не мог понять особенности моих взаимоотношений с математикой и пытался заниматься со мной дополнительно. Учитель он был от природы, милостью Божьей, и умел за два-три занятия выявить все слабые места в знаниях и ликвидировать их. Но мое отношение к нему было непростым, и на его предложения о помощи я чаще отвечал отказом. Особенно после того, как он рассказал маме, что якобы видел меня в компании каких-то гуляющих девушек, что было неправдой. Не поверила мама ему и в том, что я дружу с настоящими бандитами. Моих друзей она знала, они бывали в нашем доме. Не воспринимала она всерьез и его сентенции о морали и нравственности после того, как, увидев в нашей гостиной репродукцию картины Карла Брюллова «Итальянский полдень», он осуждающе спросил: «Чему может научить такая картина?»

Тогда комсомольцы должны были помогать отстающим. Сергею Барыкину поручили помогать мне. Сережа был пунктуальным и самым дисциплинированным мальчиком в классе. По его воспоминаниям, он пришел ко мне домой, предложив вместе готовить уроки. Но вскоре выяснилось, что я понимаю материал не хуже его, а задачи решаю быстрее и лучше. И он признался Якову Дмитриевичу, что ему, во всяком случае, нечему меня учить. Я начисто забыл эту историю и был удивлен, когда Сережа рассказал мне ее почти через 50 лет. Во втором полугодии 10-го класса я наконец взялся за ум, пересел на первую парту и к выпускным экзаменам был прилично подготовлен, чтобы уже самому помогать моим друзьям по математике. Уроки мы часто делали с Борей Корбом. Отец тогда после инфаркта был на больничном и в случае сложностей приходил к нам на помощь. На философском же факультете Ленинградского университета, где учились и золотые медалисты, окончившие техникумы, у меня не было конкурентов по математике, хотя, конечно, как я понял позднее, не так уж сложно стать первым математиком среди философов или

первым философом среди математиков. Вот быть первым в своем сообществе — это действительно успех.

В средней школе классы были не очень большие, не более 30 человек, и в них остались лишь те, кто мог одолеть достаточно сложную программу. Наш класс сильно дифференцировался по успеваемости и прилежанию, интересам, пристрастиям, хотя большинство собирались поступать в наш Политехнический институт, так как инженерная специальность была наиболее престижной. Несколько человек с детства хотели стать врачами. В Сельскохозяйственный и Педагогический институты, как правило, поступали самые слабые, которым ни на что другое нельзя было рассчитывать. В итоге тотальной инженеризации не все остались довольны своим выбором, хотя все стали неплохими специалистами. К 8-му классу мое отношение к школе, преподавателям и даже одноклассникам изменилось.

Числясь в разряде способных, но ленивых, я не стремился к хорошим оценкам, а основное время тратил на специфическое самообразование. В 1955 г. дядя Гриша Тетерев подарил моим родителям 2-е издание БСЭ. Мне запомнились слова отца, что тот, кто прочитает все тома энциклопедии, станет одним из самых образованных и умных людей мира. В своем уме мало кто сомневается, а вот насчет образованности я не был уверен. Поэтому почти сразу погрузился в разглядывание иллюстраций и чтение томов. Конечно же, я не собирался штудировать их все, но чтение исторических, литературоведческих, экономических, географических, искусствоведческих, биологических и медицинских статей стало одним из моих основных занятий. В этом возрасте память как губка, и я был переполнен разнообразными сведениями из разных областей, но эти знания были весьма не упорядоченные и не систематизированные. В общем, как и положено философу, я знал обо всем, но ничего о конкретном.

Родители постоянно выписывали литературные журналы, такие как «Юность», «Новый мир», «Иностранная литература», которые тогда считались не вполне благонадежными, а также научно-популярные журналы: «Наука и жизнь», «Юный техник», «Техника молодежи», «Вокруг света», «Природа», которые я рано прочитывал от корки до корки. К книгам по истории России со временем прибавились труды по истории дипломатии и партии. Особенное впечатление производили молодые писатели и поэты А. Кузнецов, В. Аксенов, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, а также А. Т. Твардовский. Тогда верхом объективности и смелости казались поэтические строчки: «Когда кремлевскими стенами, живой от жизни окружен, как грозный дух он был над нами, — иных не знали мы имен». Задолго до публикации поэмы «Теркин на том свете» в 1963 г. в газете «Известия» я слышал об этом произведении. Его машинописный вариант в 1955 г. показал дядя Гриша Тетерев, ехавший из Москвы в Кустанай.

Много и других стихов ходило в рукописях. После знакомства с этими стихами мне, как и Евтушенко, не хотелось «задрать штаны, бежать вослед за этим комсомолом» и в то же время приходилось соглашаться с Андреем Вознесенским: «Не надо околичностей, не надо чушь молоть. Мы — дети культа личности, мы кровь его и плоть». Все эти стихи выучивались мною на память и читались так часто, что сверстники иногда думали, что я их сам написал, а приписываю из осторожности великим мира сего. Но мне удавалось их разубедить, так как я стихи вообще никогда не писал, а только ради хохмы кое-что рифмовал, достаточно бездарно. Тем не менее я до сих пор не знаю автора замечательного стихотворения:

Без траурных флагов на башнях казенных,
 Без поминальных речей и свечей
 Россия простила невинно казенных,
 Казенных простила и их палачей.

Их, видно, о муках молчать попросили
 И выдали справку об их невинне,
 И вот побрели мертвецы по России,
 Чтоб с нами общаться уже не во сне.

Оплачем? Оплатим ли эти потери?
 Ужели же нету таких, кто в долгу
 Пред памятью мертвых? Россия, не верю!
 Прощаю, прощаю, простить не могу.

Это стихотворение я впервые услышал от Рида в 1965 г., а вот когда и как мне в память запали строки «Товарищ Сталин, вы большой ученый», я не помню, но сама эта песня даже в моем исполнении всегда производила большое впечатление на слушателей. Истерику, устроенную Н. С. Хрущевым в дни празднования 41-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции по поводу Бориса Пастернака, хорошо помню, как и негативную реакцию на нее всего моего окружения. К тому времени все, что исходило от первого секретаря и от власти внутри страны, вызывало у народа отторжение и презрение. Не верили ни одному их слову, а Пастернаку сочувствовали.

Наши поэты кичатся тем, что «поэт в России — больше, чем поэт». К сожалению, это так. Начиная с классиков, он порой идеолог, цензор, раб, холуй, доносчик и стукач. Что делать, они хотят кушать, и вкусно. А тут еще им позволили публично обляять более знаменитого. Среди голосов, осуждавших Пастернака, особо отворачивательно звучал не столько вой «верного ленинца» Н. С. Хрущева и «румяного комсомольского вождя» В. С. Семичастного, сколько холуйские повизгивания коллег по поэтическому цеху. Если партийные и комсомольские функционеры делали это по долгу службы, по шаблону и действительно «не читали, но знали», то собратья по перу травили Пастернака талантливо, от души и с удовольствием. И все их запоздалые раскаяния читаешь со стыдом, ибо они и тогда ведали, что творили. Как ведал и тот, кто публично хвастался тем, что выжил за счет того, что вместо него по ошибке расстреляли другого. Слушая по телевидению нравоучения того или иного претендента на роль хранителя лучших традиций российской интеллигенции и зная его поведение в советский период, не раз задавался вопросом: «А должна ли быть совесть у совести народной?» — так как не хотелось бы думать, что каков народ, такова и его совесть.

Как и все тогда, книгу «Доктор Живаго», я не читал, не видел, но почему-то в отличие от всех его осуждавших был уверен, что это талантливое произведение, иначе бы не дали Нобелевскую премию. И как я был разочарован в 1968 г., когда удалось ее прочитать. К удивлению своему, я не нашел в нем ничего такого, ради чего стоило поднимать шум на всю вселенную. За исключением стихов в конце романа, особенно строчек: «А в наши дни и воздух пахнет смертью: открыть окно — что жилы

отворить». На мой непросвещенный взгляд, в этом произведении разум мыслителя явно преобладал над воображением художника. Что касается правды о революции и Гражданской войне, то, конечно же, после «Хождения по мукам» Алексея Толстого, не говоря уже о полностью бездарных сочинениях сталинской эпохи, трактовка Пастернака звучала откровением. Но ведь были повести и рассказы Всеволода Иванова, Исаака Бабеля и других пролетарских писателей, описавших Гражданскую войну сразу по горячим следам и тогда еще не знавших, что скоро так нельзя будет описывать их «героическое» время. От них, а не от Пастернака я впервые узнал, до какой низости и зверства доходили противоборствующие силы. Видно, власти пугал не сам роман, а страх от того, что получится, если каждый сам по себе будет публиковать книги за рубежом, да еще и премии получать. Для чего они тогда все нужны? Понятна и обида собратьев по перу: зря, значит, облизывали власти, ведь самые престижные премии получали другие.

Естественно, подавляющее большинство наших учителей, замученных изнурительной работой на две ставки, бесплатными дополнительными занятиями, классным руководством и воспитанием, проверкой тетрадей, кампаниями по сбору макулатуры и железного лома и т.д., в принципе были не в состоянии знать много из того, что успел прочитать юный шалопай, не желавший делать уроки, но компенсирующий унижения от двоек демонстрацией «невежества» наставников. В школе мне удавалось ставить в тупик не только учителей, но и некоторых профессиональных политиков, политинформаторов и историков партии, так как я всегда работал с «первоисточниками», трудами классиков, газетами прошлых лет, с чудом уцелевшими книгами царского времени и первых лет советской власти. Помню свои длинные дискуссии с секретарем обкома партии Ф. Н. Соколовым как по истории партии, так и по современной политической ситуации. Он был хороший человек и прекрасный специалист в сельском хозяйстве, но в споре чаще всего проигрывал, так как большинство партийных деятелей призыва 1930-х гг. политически было слабо подготовлено. Он даже не понимал, что разделение партийных органов на промышленные и сельскохозяйственные в долгосрочной перспективе — путь к расколу партии и утрате единого партийного руководства. Интересно, осознавал ли это сам инициатор такого деления.

Что же касается других политических и советских деятелей Челябинска, по тем или иным причинам оказывавшихся в доме отца и знавших меня с детских лет, то они, посмеиваясь, предпочитали со мной не связываться. В итоге я был весьма самоуверенный и амбициозный юноша, привыкший на равных говорить со взрослыми по вопросам истории и политики.

В какой-то момент, как сатирический герой Аркадия Райкина, я возмнил: «Зачем мне учиться, если я могу учить других». По времени это совпало с тем периодом созревания, когда рушатся прежние авторитеты, а учителя и вообще старшие превращаются в скучных резонеров, не способных понять порывы юношеской души. Как постоянный читатель журналов «Наука и жизнь» и «Юный техник» я был в курсе общих проблем современной науки, что удавалось далеко не всем учителям, заваленным проверкой тетрадей, классным руководством, воспитательной работой.

В следующем разделе я расскажу, что моим главным увлечением в детстве была Детская железная дорога. Я в течение долгого времени не сомневался ни на минуту, что стану железнодорожником. Если бы у меня было нормальное зрение, я бы,

конечно, поступил в Железнодорожный институт. Ученым, а тем более историком, я никогда не собирался быть. Историк по профессии мог быть только учителем, а сам я этого не хотел, да и мой классный руководитель Яков Дмитриевич не раз советовал мне ни в коем случае не выбирать стезю учителя, приводя много примеров того, как она тяжела и неблагодарна. Занятие историей могло быть только как хобби. Я и сейчас уверен, что долг человека — выращивать хлеб, разводить скот, варить металл, строить дома, лечить людей, т.е. создавать реальные материальные ценности. Так как я не стал железнодорожником, оставался традиционный путь — строительный факультет, но он меня не прельщал. Окончательный выбор жизненного пути был достаточно случаен. Но жизнь почти всех людей кажется прямой только ретроспективно, на самом деле она результат массы случайных решений, поступков, степеней обстоятельств. А в те годы, не решив, кем буду, я метался, грубил матери, беспричинно конфликтовал с учителями, заводился по каждому поводу, а чаще всего без повода.

С 6-го класса занимался в железнодорожном кружке и несколько лет подряд все лето пропадал на Малой Южно-Уральской железной дороге, что отдалило меня от обычного времяпрепровождения старшеклассников. У меня там сложился круг друзей и подруг, которые были на два-три года старше меня, имели более богатый жизненный опыт, так как жили в рабочих кварталах и поселках, были более продвинутыми в плане общения со сверстниками. На этом фоне одноклассники и одноклассницы казались менее зрелыми и не такими интересными. Насколько я помню, я первым среди сверстников стал курить всерьез, а при случае и выпивать. Сама работа на дороге была вполне серьезная, ничем не отличалась от службы взрослых и приучила быть самостоятельным, как и поездки для обмена опытом на другие Малые дороги в Киеве, Харькове, Ростове на Дону. Поэтому я чувствовал себя взрослее большинства одноклассников.

Привыкнув быть лидером среди юных железнодорожников, я периодически начинал выпендриваться, что в нашем классе было не принято и иногда создавало напряжение. В то же время ко мне относились как к своему и многое прощали. У меня оставались друзья в классе, прежде всего Боря Корб и Вадик Алесковский, меня по-прежнему считали способным, но ленивым, возможно, кто-то ценил готовность взять на себя ответственность за коллективные проступки, точнее, вступить в дискуссию с преподавателями в случае коллективного проступка. Помню, в 9-м классе между пятым и шестым уроком мы стали очевидцами почти полного затмения солнца. Естественно, мальчишки постарались почти до конца досмотреть это редкое явление и почти все опоздали на пол-урока истории. Учительницу, как я говорил, мы уважали и за знания, и за мужество, и она к нам относилась доброжелательно. А в этот раз вдруг обиделась, поставила у дверей и написала докладную. Пришлось мне объяснять директору школы, что, мол, уроки истории два раза каждую неделю, а солнечное затмение раз в сто лет и наш выбор вполне понятен.

В другой раз по моему предложению почти все мальчишки класса в прекрасный апрельский день, когда в классе сидеть было невозможно, пошли вместе с пионерами к памятнику В. И. Ленина, пропустив пару уроков. Поднялся шум, классный руководитель клеймил нас за коллективный прогул, напоминал, что делают с саботажниками на производстве, а затем потребовал, чтоб каждый прогульщик покался перед комсомольским собранием за содеянное. Одним из первых пришлось

отвечать мне, я и сказал, что не вижу греха в том, что, когда вся страна торжественно отмечает 90 лет со дня рождения любимого вождя, мы вместо урока математики пошли на торжественный митинг. Яков Дмитриевич, назвав меня политическим демагогом, потерял желание опрашивать остальных, и инцидент был исчерпан.

Вообще, моя развязная манера судить и шутить на политические темы не нравилась некоторым учителям, и периодически мне приходилось оправдываться по этому поводу перед директором и классным руководителем. Как я узнал недавно, Я. Д. Савельев служил в армии А. В. Колчака, и этот изъян в биографии приучил его быть лояльным советским гражданином, демонстрируя приверженность коллективным методам воспитания в духе педагогики Макаренко. Предыдущие классы его обожали не только как чудного математика, но и как старшего друга, способного поддержать оступившегося, скрыть проступок раскаявшегося, сходить в поход, бесплатно подготовить к институту или даже просто поговорить по-мужски с учениками, у большинства из которых не было отцов. С нашим классом ему пришлось труднее. Жизнь становилась иной, коллективистские формы общения и действий теряли свою официальную значимость, в комсомол принимали уже всех, мы уже пережили крах культа личности, все более популярной становилась западная культура, особенно джаз.

Хотя буги-вуги и чарльстон клеймили как порождение разлагающей империалистической культуры, стилиг отламливали и стригли наголо, ребятам в узких голубых и розовых брюках грозили исключением из комсомола, часть нашего класса вне школы старались одеться модно, сами ушивали брюки, и, как недавно на встрече сказали наши одноклассницы, они гордились этими ребятами. Вальсы еще танцевали все, но на школьных вечерах доминировали танго, фокстроты и звучали джазовые мелодии. К тому времени бластная романтика стала тускнеть, доступ к воровским «малинам» ценился все меньше. Более популярными становились вечеринки на квартирах, где танцевали под запрещаемую музыку, и, по слухам, кое-где в полуобнаженном или голом виде. Этим якобы грешила часть «золотой молодежи». Похождения отпрысков некоторых отцов города и области описывали в газетных фельетонах с названием «Плесень», что возбуждало особый интерес к ним. Их сборища назывались почему-то «куба». Я не думаю, что кто-то из нашего класса бывал хоть раз на «кубе», хоть некоторые из мальчиков, жаждавших самоутверждения в 7-м и 8-м классе, рассказывали об этом. Но это было так блекло, так схематично! Сразу было видно, что источником для подобных рассказов были не личные впечатления. Тем не менее был популярным лозунг: «Куба — да! Мамки — нет!». Это вместо официального лозунга: «Куба — да! Янки — нет!».

Комсомольская работа, конечно, велась: были субботники, сбор металлолома, посадки деревьев, но все шло формально, без особого энтузиазма. Желая оживить нас и при помощи взрослых наставников установить дисциплину в классе, Яков Дмитриевич установил контакт с первой в Челябинске бригадой коммунистического труда, организованной в Локомотивном депо. То ли мы должны были шефствовать над ними, помогая в учебе, то ли они должны были приучать нас к радостям рабочих профессий, я сейчас точно не помню. Мы начали ходить в цех, где ремонтировали электровозы «ВЛ 22», и стали помогать в работе и в подготовке домашних задач для учащихся вечерней школы. Они приходили к нам для совместных чаепитий. Меня прикрепили к Валере, молодому прибалтийскому парню из общежития,

а моего друга Колю Соколова — к его приятелю. Видимо, им учителя и начальник цеха посоветовали повлиять на нас по-свойски, неофициально. Мы пожаловались Аркану Малешину, которого знал весь город как чемпиона РСФСР по боксу. После этого «наставники» стали нашими корешами, и мы вместе тайком распивали водку во время чинных чаепитий, призванных привить нам навыки коммунистического быта.

Вообще, вся затея с производственной практикой в 9-м классе, придуманная Н. С. Хрущевым в рамках политехнизации школы, мне не нравилась, хотя многие одноклассники узнавали так некоторые стороны неизвестной для них жизни и с удовольствием пели марш коммунистических бригад «Сегодня мы не на параде, мы к коммунизму на пути». Для меня же работа раз в неделю в лучшей бригаде в Локомотивном депо, которое тогда было одним из лучших предприятий Южно-Уральской железной дороги и возглавлялось Героем Социалистического труда В. П. Глушко, еще раз показала, как далека реальная жизнь от изображаемой в газетах. Условия труда были тяжелыми, производство слабо механизированным, а среди молодежи были пьющие. Мы работали по понедельникам, и мне часто приходилось трудиться без своего наставника, который или отходил после вчерашнего, или его прорабатывали за какие-то проступки, в том числе и пьяные дебоши. Привыкший к вольнице на Малой Южно-Уральской железной дороге, где основная часть работы шла на свежем воздухе, я не любил труд в грязном, запыленном и задымленном помещении. Поскольку мне засчитали работу на Малой дороге за производственную практику, я был лишен «счастья» проходить летнюю практику в этом цехе. Не приобщившись, таким образом, к коммунистическому труду, я остался без удостоверения о присвоении мне 3-го разряда слесаря-ремонтника электровозов.

Но если говорить о коммунистическом отношении к труду всерьез, то его нам продемонстрировал Яков Дмитриевич напоследок. Когда уже все экзамены были сданы, а аттестаты получены, он предложил нашим двум параллельным классам заняться подготовкой к вступительным экзаменам по математике. Со всеми стал заниматься и я, хотя точно еще не решил, в какой институт пойду, и в конечном счете неожиданно уехал в Ленинград. Но все, кто занимался на этих краткосрочных бесплатных курсах, а среди них были и те, кто решил поступать в Политехнический институт в последний момент, успешно выдержали экзамен. Вообще наш класс показал феноменальный результат — все, сдававшие экзамены, поступили.

Я также стал комсомольцем, хотя не отличался образцовым поведением и прилежанием. Уроки как таковые я перестал готовить еще в 7-м классе, ограничиваясь только знаниями, приобретенными на уроке и во время перемен. В комсомол тогда принимали всех, считалось неприличным не состоять в нем, портилась школьная отчетность. Про тех, кто категорически отказывался, говорили: «выпендривается», фактически накладывая на себя ограничения и создавая неприятности окружающим.

В последнее время я часто задумывался о «феномене» нашего 10-го А класса. Ведь сохранились связи почти со всеми одноклассниками. Когда я бываю в Челябинске, я стараюсь повидаться с Володей Крепышевым, Володей Симкиным, Юрой Курочкиным, как и с некоторыми другими друзьями детства и юности. На коллективные встречи с удовольствием приходят почти все оставшиеся в живых одноклассники. К сожалению, среди них нет моего лучшего друга Бори Корба, зарезанного

в начале 2005 г. Увы, убийца отделался условным сроком. Таковы теперь времена. Лет сорок назад его разорвали бы на куски. Не стало и Вадика Алесковского, с которым мне, да и всем другим, всегда было легко и интересно... Приходят и несколько девочек (Ира Дуркина, Галя Егорова, Мила Комарова, Ляля Макашина, Тамара Меламед, Люда Овчинникова), остальные чаще уклоняются. Возможно, хотят остаться в памяти молодыми, не предполагая, что такими мы их и воспринимаем. Мы отнюдь не погружаемся в воспоминания о школьных годах, хотя и это важно, так как узнаешь о себе много нового. Важнее, что даже с теми, кого я не видел более 40 лет, мы поддерживаем разговор так, как будто не было этих лет и мы спокойно обсуждаем разные проблемы, а наши взгляды и оценки в большинстве случаев совпадают. Так произошло с Леной Смолиной, с которой мы несколько раз встречались в Москве.

Причина интереса к каждому из одноклассников тогда и сейчас довольно проста. Мы ценили друг в друге прежде всего личность и индивидуальные способности и не рассматривали друг друга как конкурентов. Бессознательно сопротивляясь попыткам насадить сверху некие стандарты советского ученика и комсомольца, мы старались остаться самими собой и радовались, когда так же поступали другие. Поэтому могли дружить отличница и двоечник, ученик примерного поведения и полухулиган, лирик и физик, спортсмен и слабак. Мы отвергали официальный коллективизм и не завидовали успехам других.

В то время дети партийных функционеров, директоров заводов, рабочих и уборщиц ходили в одни и те школы, сидели за одними партами, отдыхали в одних лагерях, дружили по причине взаимных симпатий, а не от происхождения «предков», а тем более банковских счетов, которых ни у кого не было. И вообще ценились прежде всего твои личные качества. Не особенно были в цене успехи в учебе, добытые зубрежкой, но уважали способных, предприимчивых, смелых, независимых и сильных, осуждали подхалимов перед учителями, били доносчиков, презирали представителей правоохранительных органов, прежде всего чекистов, которых, правда, опасались. Особенно ценились природный ум и начитанность. А читали многие из нас тогда с утра до вечера, и чаще всего это была неплохая литература, так как еще в моде была классика. Детективы и книги про «войнушку» не очень котировались. Мы не терпели взрослых, жаждавших «бдеть» за нами, да у них особенно и не было для этого времени. В общем, наш класс был сложным сообществом и добиться уважения в нем было непросто, хотя в конечном счете это удалось почти всем.

МАЛАЯ ЮЖНО-УРАЛЬСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

У нас была такая традиция — отец и мать работали на большой железной дороге, а все дети работали на детской, на которой на самом деле все было всерьез: тепловоз, паровоз, вагоны, две станции и два километра пути. Наиболее блестящую «карьеру» там сделал я. Брат мой старший забросил это дело рано, средний дошел до начальника смены, а я на третьем году стал председателем Совета Малой Южно-Уральской железной дороги, у которого формально в подчинении были 1200 человек. Заниматься в кружке юного железнодорожника я начал вместе с Яшей, он был в 6-м классе, а я в 4-м. Отходил всю зиму, изучил устройство паровоза, тепловоза, станционного хозяйства, стрелочного поста, знал основные сигналы, выучил наизусть катехизис железнодорожника — ПБЖД — Правила безопасности железнодорожного движения и т. д. И вдруг вышло распоряжение, что можно работать только после 6-го класса, и меня не допустили к дежурствам. Только через год, пройдя вновь годичное обучение, я стал два раза в неделю ходить на службу, где мне очень понравилось. Вскоре я попал на Доску почета. В августе 20 лучших железнодорожников были посланы в Москву на Всемирный фестиваль молодежи. Опытных юных железнодорожников стало не хватать по специальностям второго и третьего года обучения, а я тогда приходил на детскую дорогу каждый день и меня стали назначать на специальности старших годов обучения. Так, уже в 6-м классе я попробовал себя в роли помощника машиниста тепловоза, дежурного по станции, диспетчера и даже машиниста паровоза.

На следующий год я был назначен в первый раз машинистом тепловоза. Пройдя за два летних сезона все железнодорожные специальности от путевого рабочего до диспетчера, я при всякой возможности садился за регулятор тепловоза и водил, наверное, хорошо. Инструктор мне доверял и обычно ездил в задней кабине. Все это мне очень нравилось.

На дороге я провел три полных лета после 6-го, 7-го, 8-го и один месяц после 9-го класса. Там я проводил с утра до вечера все дни, кроме понедельника, который для нас был выходным. Дорога располагалась в огромном сосновом лесопарке. Одна из станций была рядом с главным городским пляжем, куда добраться можно было только на нашем поезде. Поэтому пассажиров в выходные было много. Иногда приходилось отбиваться от пьяных взрослых, жаждущих втиснуться в переполненные вагоны, да еще и без билета. Мы были достаточно самостоятельны в принятии решений.

Коротая время между сменами, я пристрастился к игре в бильярд. Постепенно там стала складываться компания ребят из разных районов Челябинска, что было необычно, так как везде в основном кучковались по территориальному принципу. Большинство из них стали моими друзьями, и мое слово стало иметь большое

значение и для тогдашнего председателя Совета Малой Южно-Уральской дороги Саши Берковича. Ко мне прислушивались и инструкторы, и даже начальник Малой дороги Виктор Михайлович Морозов, которому, правда, не очень нравилось, если кто-то имел авторитет среди ребят. Тем не менее он согласился назначить меня следующим председателем Совета дороги.

У нас подобралась сильная команда. Один из лучших моих друзей тех лет сейчас знаменитый российский кинорежиссер-документалист, лауреат Государственной премии РФ, заслуженный деятель искусств России, создатель более 60 документальных и игровых фильмов, многократный призер российских и международных кинофестивалей. Многие его фильмы признаны классикой отечественного и мирового документального киноискусства. Они хранятся в библиотеке конгресса США, в архиве Гостелерадио на Шаболовке, в архиве Госфильмофонда. Другие ребята были также талантливы. Компания была столь уникальна, что после 10-го класса к нам присоединился мой брат Яша, чуть не пропустив из-за этого свое поступление в институт. Мой заместитель Володя Бредихин впоследствии руководил крупным заводом в Челябинске, но рано умер.

Были среди нас и замечательные девочки — Люда Ольховская и Лида Позднякова. Поскольку почти все остальные были влюблены в Люду, а я не любил массовости, то я симпатизировал Лиде, а она мне. Во всяком случае, так считалось. Наши отношения были достаточно невинны, что было далеко не всегда. Некоторые девочки, находившиеся в сфере нашего влияния, были на два-четыре года старше меня и многое уже знали, хотя, конечно, как и мы, ничего по-настоящему не умели. После работы мы шли на Водную станцию, где рядом с ней, на Мельзаводе, жил Юра Шиллер. Многие его друзья, ценившие меня за анекдоты, стали моими товарищами. У них были лодки, с которых я обожал нырять на середине большого водохранилища или уплывать далеко вверх по реке. Иногда я пытался рыбачить, но рыба ловилась плохо, щук загарпунить мне так и не удалось. А вот купался я вволю.

Работа на транспорте требует безукоризненного соблюдения правил, а любое их нарушение может стать причиной трагедии. Однажды я спасся чудом. Привел состав на станцию «Водная», дал сигнал, чтобы отцепили вагон, тронулся и почувствовал, что пневматический рукав со сжатым воздухом не отключен. Остановился, сказал помощнику сесть на мое место и пошел закрывать кран, встав со стороны платформы. Вдруг обнаружил, что локомотив движется на меня, и перескочить на другую сторону пути, не рискуя быть раздавленным буферами, я уже не мог. Инструктор Кирилл Михайлович был в задней кабине с бледным как мел лицом, ведь в случае несчастного исхода отвечать пришлось бы ему. К счастью, платформа была деревянной на столбах, я принял единственно возможное решение — скатился под нее. Падая, услышал, как там, где я только что стоял, лягнули буфера. Что я сказал и сцепщику вагонов, и своему помощнику, вряд ли смогу когда-нибудь публично повторить. В другой раз стрелочник, поставив стрелку в разрез, дал сигнал паровозу двигаться задом, и, естественно, он сошел с рельс. К счастью, скорость была невелика и локомотив не завалился, но поднимали его ремонтные бригады несколько часов.

Два раза меня как одного из лучших железнодорожников посылали для «обмена опытом» на другие детские дороги в Киев и Харьков (1958 г.) и в Ростов (1959 г.). Группы состояли из 20 человек (поровну мальчиков и девочек). Некоторым было

по 17 лет. Сопровождавший нас инструктор В. В. Конев умел работать с молодежью, не докучал мелочной опекой. Конев давал большую свободу, и мы его не подводили, на провокации местных не поддавались и даже сыграли с ними футбольные матчи. А нам с Юрой Шиллером удалось еще съездить вдвоем в г. Свердловск якобы для помощи организации там Малой дороги. Здесь мы были полностью предоставлены сами себе в течение нескольких дней, что так ценится в пятнадцать лет. В Свердловске мы навестили легендарного советского геолога Степана Дмитриевича Батищева-Тарасова, под руководством которого было открыто Атусуйское железорудное месторождение, ставшее базой для Карагандинского металлургического комбината, а также произведена разведка магнетитов в Тургайском железорудном районе. До 1956 г. он работал главным инженером в Кустанае вместе с моим дядей Г. М. Теревым и не раз гостил у нас в Челябинске.

Работа на Малой Южно-Уральской железной дороге, наверно, была моим главным увлечением детства. Ни с чем не сравнимое ощущение, когда ты ведешь опаздывающий состав и должен в два, а то и в три раза быстрее пройти путь. И хотя вроде знаешь каждый стык, надо быть аккуратным, ведь за спиной несколько сотен человек, высота насыпи достигала двух-трех метров, а кривые железнодорожного пути были довольно крутые, и на них крепко заносило.

Здесь я получил важный опыт налаживать отношения и с подчиненными, и с начальством. Последнее для меня оказалось особенно тяжело, так как моя самостоятельность и независимость нравились далеко не всем. Был инструктор, который систематически настраивал против меня начальника дороги Виктора Михайловича Морозова. Тот, как и большинство руководителей того времени, был вспыльчив и крут. Вскоре в знак протеста против вынесенного им наказания одному из моих друзей я и несколько десятков моих сторонников, ключевых работников, сдали форму за несколько дней до окончания сезона. Некого было назначить на должности машинистов, дежурных по станции, диспетчера. Запахло массовым протестом, что не было нужно начальнику. С помощью пользовавшихся у нас уважением инструкторов, в том числе В. В. Конева, конфликт был улажен, а мой недоброжелатель был отстранен от работы с нами.

Но на следующий год я уже не был председателем Совета, да и на дороге мне стало не так интересно. Большинство моих друзей или уже учились в институте, или готовились к поступлению. Месяц я еще походил, но при первом же замечании в мой адрес одного из инструкторов окончательно сдал форму. Компания наша распалась. Бредихин и Ольховская учились в нашей школе на год старше, и в течение года мы еще довольно часто общались, особенно с Володей, который приходил играть в шахматы. Встречал он у нас и Новый 1960-й год. Но долгие отношения сохранились только с Юрием Шиллером, который с Мельзавода ездил в театральную студию при Телецентре, находившуюся рядом со мной. Он часто забегал, рассказывая о своих планах стать режиссером, а также за помощью по математике. И сейчас мы периодически с ним перезваниваемся. В частности, он для этой книги прислал мне некоторые фотографии тех лет.

Все больше времени я стал проводить с друзьями-одноклассниками, с которыми вместе занимались боксом, сначала в секции, а затем самостоятельно, «на лапах», чаще всего у Бори Корба на квартире. С ним я особенно сблизился в 10 классе. Он был верный и доброжелательный друг. Красавец-великан, по которому сохли

девочки, был с ними застенчив и робок, предпочитая мужские компании. С ним мы часами бродили по вечернему городу, играли в шахматы, занимались математикой. Okрепли наши отношения и с Вадиком Алесковским, который обладал бесподобным чувством юмора.

И еще один урок извлек я из работы на Малой дороге. Существовали планы удлинить дорогу на несколько километров, чтобы подвозить отдыхающих к другим пляжам на реке и тем самым разгрузить Водную станцию. Даже был проведен общегородской субботник, во время которого вчерне бульдозерами, экскаваторами и самосвалами отсыпали насыпь. Потом дело заглохло. Мы же были заинтересованы в скорейшем завершении строительства, так как тогда увеличилось бы количество составов, работа была бы интересней и т.д. Начальник Малой дороги сочинил письмо, которое подписали более десяти юных железнодорожников, включая меня. Письмо было адресовано партийным, советским и комсомольским руководителям области и города. В опубликованном варианте претензии высказывались только в адрес первого секретаря обкома ВЛКСМ, по-моему Марачевского, и председателя горисполкома М. Д. Захарова, как будто именно они не горят рвением продлить путь и гасят трудовой порыв юных железнодорожников.

Мне и моим товарищам поручили сходить к ним, чтобы узнать о принятых мерах. В кабинет первого секретаря обкома ВЛКСМ мы попали легко. Он оказался приятным высоким молодым человеком, который сказал, что у него в аппарате только шесть сотрудников и даже если он выведет их на целый год на постройку дороги, польза от этого будет невелика. Захарова мы дождались с утра у входа в горисполком, благо он на работу ходил пешком. Пригласив нас в просторный, но скромно обставленный кабинет, он популярно объяснил, как в условиях социализма решаются такие вопросы: даются плановые задания, составляются проекты, обсчитываются сметы, назначаются заказчики и подрядчики, выделяются фонды и т.д. Но самое главное, что ничего из этого не входит в компетенцию горисполкома и нас просто подставили газетчики. Поскольку он меня знал с младенчества, то при этом смотрел в основном на меня, и весьма укоризненно. С тех пор я никогда и ни на кого жалоб не писал, а с журналистами стараюсь держать ухо востро. Но все равно за всеми не уследишь.

ПОПЫТКА НЕ ПЫТКА

До последнего выпускного экзамена я окончательно не решил, что делать дальше. История мне по-прежнему нравилась больше других профессий, но быть преподавателем истории я ни за что не хотел. В Железнодорожный институт меня не брали из-за зрения, оставался Политехнический. Даже Вадик Алесковский, мечтавший стать врачом, вынужден был пойти туда. Собрался поступать на строительный факультет и я. Факультет был выбран не только из-за семейных традиций. На уроках профориентации нас часто водили на разные заводы и фабрики, и я не мог представить свою работу в будущем в шумном, грязном, задымленном цехе. Работа инженера-проектировщика, инженера-конструктора еще не ценилась как мужская работа. Мужчина должен был трудиться на производстве, обеспечивать выполнение плана. Но все же я поехал поступать на исторический факультет Ленинградского университета.

Это произошло совершенно случайно, будто какая-то игра в кости. Моя младшая сестра по ошибке, когда ей потребовалось на чём-то написать записку, оторвала от моего аттестата зрелости кусок бумаги. Все мои товарищи пошли подавать документы в институт, а у меня не оказалось аттестата. Я спрашивал маму: «А где мой аттестат?!», она почему-то отмалчивалась. Оказалось, чтобы не расстраивать меня и не рассказывать о проступке Марины, она пошла к директору школы с просьбой восстановить документ, та обещала помочь, но быстро это сделать не могла. Была строгая отчетность. Пока я ждал нового аттестата, друзья уже сдали документы, а я стал снова мучиться вопросом: «Поступать на строительный или не поступать?» Особенно меня беспокоил экзамен по черчению и рисованию, за остальные я был более или менее спокоен, так как только что по всем предметам на выпускных получил пятерки, а в нашей школе это было нелегко. А тем временем я занимался вместе со всеми по математике с Яковом Дмитриевичем, ходил на Водную станцию, а по вечерам часами, до полночи мы бродили по челябинскому Бродвею, распевая песню «Придет война, и снова нас на Запад в вагонах грязных и вонючих повезут. И после первой атомной атаки на поле трупик мой поджаренный найдут!». Там собирались все мальчишки-выпускники, в том числе те, которым родители раньше не позволяли шляться по улицам, и они наслаждались обретенной вместе с аттестатами свободой. Мы не надоели друг другу за десять лет, а с расставанием силы притяжения стали действовать сильнее.

Вдруг 20 июля моя сестра Марина без моего ведома позвонила отцу на работу и сказала: «Мы решили с Эдиком ехать в Ленинград». Я был в то время с друзьями на Водной станции. Прихожу вечером, отец неожиданно говорит: «Я выписал на вас билеты, поедете в Ленинград, Марина сказала, что ты собрался поступать на исторический факультет Ленинградского университета. Даже если не поступишь, то еще раз увидишь этот прекрасный город, может быть, твои метания прекратятся». Я был удивлен, что «без меня меня женили», но махнул рукой, и мы поехали в Ленинград.

О том, что первым экзаменом будет история, я узнал накануне. К выпускному экзамену мы готовили только третью часть истории СССР, охватывавшую события после революции. И за оставшиеся полсуток я штудировал учебники за 8-й и 9-й классы. Застрял на отмене крепостного права в России, так как времени не хватило на остальное. На этот раз внутренний голос меня подвёл.

Один из вопросов касался не просмотренной мной части учебника. Да к тому же мне пришлось отвечать практически без подготовки, так как мой сосед лез ко мне с какими-то вопросами. Я по школьной привычке помогал ему и получил сразу же предупреждение, что нас удалят за разговоры. Терять мне было нечего, но меня спас первый вопрос по XX съезду. Вообще вопросы о съездах, как я позже понял, наиболее неприятны. Школьники и студенты путались в датах съездов, в их «исторических» решениях, похожих друг на друга, как братья-близнецы. Для себя я разработал систему неких реперных точек, отражавших суть происходящего: например, 1-й съезд РСДРП — съезд неудачников, 2-й — съезд склочников и т. д. В итоге все легко запоминалось, и первый вопрос я отчеканил безукоризненно.

Ответ на второй вопрос о начале революционного рабочего движения я начал с зарождения капитализма в России, быстро утомил экзаменаторов, и они задали два дополнительных вопроса, на которые я ответил более или менее правильно, продемонстрировав при этом явно внешкольные знания, почерпнутые мной случайно из книги библиофила Н. П. Смирнова-Сокольского, только что купленной мной и проглоченной одним махом. Именно осведомленность о первых изданиях «Капитала» в России, о которых в учебнике не было ни слова, растрогала экзаменаторов. Потом меня долго расспрашивали, где и у кого я готовился к истории, и были удивлены, что я самоучка. Самое странное, что они что-то слышали о 1-й железнодорожной школе в Челябинске. В итоге поставили «отлично» и, к моему удивлению, пожелали успешной сдачи в дальнейшем. Дело в том, что до того из этой аудитории большинство поступавших выходили с низкими оценками. Я не знаю, случайное это совпадение или сюда спровадили всех, кого по документам решили завалить.

На втором экзамене неожиданностей не было. У меня был очень странный почерк, и по сочинению я получил законную двойку. Экзаменаторы подумали, что я сдал черновик вместо чистового варианта. Мне сказали, что они не смогли прочитать и половины того, что я написал. А я так старался образно описать метель в «Капитанской дочке» как символ предстоящего восстания Емельяна Пугачева! После провала я прожил в Ленинграде еще почти три недели, посетил музеев больше, чем за всю оставшуюся жизнь, когда в основном ходил только в Эрмитаж и Русский музей. Объездил все пригороды и влюбился в город. Тогда в шутку я сформулировал для себя несколько принципов: «Тонуть, так в море, воровать, так миллион, жениться, так на королеве, а учиться — только в Ленинграде». Иначе говоря, учебу в вузе я оценивал как зло, которое можно принять только в таком городе как Ленинград. Поэтому я никогда не расстраивался по поводу своей первой неудачной попытки. Более того, вспоминая свои тогдашние настроения, думаю, что, поступив, вряд ли смог бы удержаться в университете, но по глупости и молодости, а также неумению держать язык за зубами еще и пострадал бы.

Прошло еще три года, прежде чем я собрался снова ехать учиться в Ленинград. Непоступление в вуз грозило армией, ее я не боялся, хотя служить пришлось бы минимум три года. Тогда это воспринималось нормально, мои старшие друзья Юра Соколов и Юра Шиллер отслужили от звонка до звонка, что явно пошло на пользу обоим.

Армия в те времена действительно была для многих школой жизни, взросления, возможностью вырваться из нищеты и деревни, получить нужную специальность. О дедовщине никто не слышал, хотя все знали, что в армии узнаешь, почему фунт лиха. Большинство офицеров и старшин еще имели военный опыт и знали, что глумление над подчиненными или однополчанами кончалось выстрелом в спину во время боя. Нельзя забывать, что мы искренне гордились армией и фронтовики были по-настоящему уважаемые люди. Да они этого и заслуживали, так как вели себя гордо и независимо. В армию меня не взяли из-за сильной близорукости и астигматизма, записав в военном билете, что годен к нестроевой службе только в военное время.

Путь в Ленинград запомнился еще двойным посещением в один день Мавзолея «Ленина-Сталина» в Москве, где мы делали пересадку. Это, как я понимаю, был уникальный случай, потому что очередь организовывалась так, чтобы посещение начиналось и кончалось в определенное время, секунда в секунду, при этом прошли бы все стоявшие в очереди. Для этого в определенный момент доступ в очередь прекращался. Когда мы с Мариной встали, вскоре так и произошло. К концу многочасового стояния внезапно начался ливень, и часть очереди разбежалась. Чтобы обеспечить закрытие в срок при непрекращавшемся потоке дождя, нас направили по второму разу. Тогда я не задумывался над вопросом, этично или неэтично глазеть на мумии, и был рад возможности внимательнее рассмотреть тела усопших вождей. Меня поразили маленькие размеры обоих, а Сталин, изображавшийся на портретах красивым, черноволосым и крепким мужчиной, выглядел седым старичком с красным лицом. Вскоре его вынесли из мавзолея и захоронили у Кремлевской стены.

Это было сделано по решению XXI съезда КПСС, собравшегося якобы для принятия Программы построения коммунизма, но посвятившего большую часть времени шельмованию Сталина, антипартийной группы Г. М. Маленкова, В. М. Молотова, Л. С. Кагановича, к которым, оказалось, примкнул не только Д. Т. Шепилов, но также К. Е. Ворошилов, Н. А. Булганин, М. З. Сабуров, М. Г. Первухин, т. е. практически все руководство партии в 1957 г. Один за другим на трибуны поднимались депутаты, чтобы напомнить о злодеяниях Сталина и его приближенных, согнанных со своих постов новой когортой партийных функционеров. Оставшегося формально у власти «первого красного офицера» К. Е. Ворошилова заставили публично каяться. Картина была отвратительная, поскольку это не было долгожданным покаянием сталинских сатрапов за массовые репрессии, а походило на садомазохистские упражнения властей, которые сами были не безгрешны. В последний день съезда было решено вынести Сталина из мавзолея, и в Челябинске в одну ночь снимали все портреты и многочисленные статуи Сталина, посбивали или замазали его барельефы. В некоторых скульптурах он был изображен с Лениным, которого обычно оставляли. Так, из памятника «Ленин и Сталин на скамейке в Горках» у кинотеатра «Родина» в Заречье срочно удалили Сталина. Ленин остался в гордом одиночестве на половине скамейки, к которой не успели приделать подлокотники. Даже на людей, ненавидевших Сталина, происходившее производило гнусное впечатление. Остро реагировала и молодежь, далекая от политики и воздерживавшаяся от антисоветских высказываний и анекдотов. Теперь травля анекдотов стала непременным атрибутом любых компаний, а знатоки их пользовались особым успехом. В то же время пополз слух, зафиксированный в известных строках: «Говорят, из мавзолея тоже вынесли еврея», ну а в еврейских корнях Берии практически никто не сомневался.

Буквально через полгода после данного партией торжественного обещания народу, что нынешнее поколение будет жить при коммунизме, повысили цены на мясо, масло, молоко и молочные продукты. Неурожай 1962 г. и возвращение к регламентированному распределению хлебобулочных изделий показало цену хрущевских обещаний. В ряде мест прошли волнения, а в Новочеркасске многосуточное противостояние закончилось расстрелом демонстрации. Народ взвыл, но армия оставалась верна власти. Случилось так, что один из моих будущих университетских друзей участвовал в этом расстреле как солдат срочной службы. В те годы он не жалел о соучастии в убийстве, полагая, что протестовавшие сами спровоцировали такой исход дела.

Авторитет главы страны и партии в народе был очень низок. Особенно всех возмутило его поведение в ООН и присвоение звания Героя Советского Союза президенту Египта, которого называли «Гамаль Абдель на всех Насер». Популярны были стихи:

Можно говорить с трибуны матом,
Раздавать подарки вкривь и вкось,
Можно называть Насера братом,
Но давать Героя — это брось.

Интеллектуалы-шестидесятники также были шокированы выходкой Хрущева в Манеже 1 декабря 1962 г., где он обозвал всех молодых художников-авангардистов педерастами, а также его истерическими криками по поводу популярных поэтов Андрея Вознесенского, Евгения Евтушенко, Роберта Рождественского и др. В списках ходили стихи Евтушенко «Поэты русские, друг друга мы браним, Парнас российский дрязгами засеян». Вообще ситуация была абсурдная. С одной стороны, Хрущев благословлял печатание явно антисоветской поэмы А. Т. Твардовского «Теркин на том свете», с другой стороны, вдруг начинал бранить и запрещать политически совершенно нейтральные скульптуры Эрнста Неизвестного. Он явно метался, отвергая попытки обелить Сталина с воплями: «Черного кобеля не отмоешь добела» — и страшась ответственности за то, что у самого, как гласила молва, руки были по локоть в крови во время репрессий на Украине.

В Челябинске антихрущевские настроения если и не культивировались, то и не пресекались. Во всяком случае, я не слышал, чтобы кто-то пострадал. В Москве и Ленинграде, как я узнал позднее, органы были более активны, и ежегодно в ЛГУ, куда я собирался поступать, периодически арестовывали очередную группу «подлинных марксистов». Что было бы со мной, если бы я поступил в Ленинградский университет с подобными настроениями, которые тогда отстаивал с задором неофита, не знаю. Ведь в центре органы сыска были более активны.

Первую попытку десталинизации закончил не Октябрьский пленум ЦК КПСС, снявший Хрущева, ее закончил сам Хрущев. Неприсуждение Александру Солженицыну Ленинской премии в 1964 г. поставило точку в этом процессе. Хрущев был уже не нужен никому: ни сталинистам, ни антисталинистам; ни старым, ни молодым; ни либералам, ни черносотенцам. Поэтому его свержение только по форме было результатом заговора партийных функционеров. Задолго до этого он остался изолированным. От него отвернулись все, за исключением семьи Аджубей, который, конечно, также попал в число евреев. Тем более что легко рифмовалось: «Аджубей — еврей».

Так называл М. Горький годы своего взросления. Для меня ими стали три года работы после школы. Конечно, и раньше мне приходилось быть самостоятельным в течение длительных отрезков времени. Во время работы на Малой Южно-Уральской железной дороге мы сами выполняли все действия по обеспечению движения поездов и их безопасности. Но нам не платили денег, и были еще инструкторы, которые на самом деле за всех нас отвечали. После 9-го класса я отправился в дальнейшее самостоятельное путешествие. Отцу как почетному железнодорожнику полагался в год один железнодорожный билет в любой конец СССР и обратно. Если он им не пользовался, то мог такой билет выписать на одного или двух человек, находящихся у него на иждивении.

Летом 1960 г., когда мне было почти 16 лет, отец выписал билет до Керчи с пересадкой в Москве, и я отправился в Крым, где меня никто не ждал. Большую часть денег на путешествие заработал я сам, часть дали родители. Предполагалось, что на несколько дней я останюсь в Керчи у дяди Мони, а потом объезжу все морское побережье Крыма. По ходу дела пришлось менять планы. Высадившись глубокой ночью на пароме, я обнаружил, что проводник меня не разбудил вовремя и Керчь я проехал. Ожидая на берегу автобус в Керчь, я познакомился с каким-то бродягой чуть старше меня. Он, видимо, почувствовав, что у меня есть деньги, проявил ко мне огромный интерес, рассказывал о морской романтике, предлагал пойти встречать судно, приходящее из-за границы, а затем постараться на него устроиться и т. д.

Польщенный подобным вниманием парня и перспективой морских путешествий, я заколебался, но у меня хватило ума прежде всего доехать до родственников, живущих в Старом Карантине, и оставить там деньги и вещи. Дома была только жена дяди Мони, которая слышала обо мне от сына, проезжавшего через Челябинск, но никогда не видела. Поэтому не стала протестовать против моего желания встречать с незнакомцем какое-то судно. Надо ли говорить, что судно не пришло, вместо этого мы выпили разливного вина, которое продавалось в бочках на каждом углу по 2 рубля за стакан, т. е. не намного дороже кваса, и расстались с моим обещанием новому «другу» встретиться на следующий день в порту, чтобы купить у экипажа заграничные шмотки, которые можно будет выгодно перепродать. Естественно, речь шла о покупке на мои деньги, так как у него их не было. На самом деле фарцовка меня совсем не прельщала, и я решил, что в порту мне лучше не появляться.

Вечером пришел дядя Моня, сразу узнавший во мне Колчинского до того, как я представился, затем его сын Виля. Последний накануне осенью также впервые появился в нашем доме без копейки денег, возвращаясь с целины, где его подчистую

ограбили. Отец купил ему билет и дал денег на дорогу. Виля незадолго до того женился, и вместе с женой они сразу приняли меня в свою компанию. Рада мне была и моя троюродная сестра Светлана, которая старше меня на два года. Но мы казались ровесниками, так как я в юности всегда выглядел намного старше своих лет. Так я неожиданно оказался в кругу дальних родственников, которые встретили меня очень приветливо.

Это, возможно, было связано с тем, что, за исключением сестры дяди Мони, проживавшей в Рязани, и ее семьи, у них после войны не было родных. Три брата дяди Мони, один из которых был первым секретарем комсомола Белоруссии, а два других — комдивом и комбригом, были уничтожены во время сталинских репрессий. Остальных родственников с еврейской стороны добились немцы. Родственников со стороны первой жены выслали в 1944 г. НКВД. Выше я говорил, что сам дядя Мона был арестован в 1952 г. и от осуждения его спасла только смерть Сталина. Тем не менее он был ярый сталинист и в библиотеке держал только 10 томов собрания сочинений Сталина, где буквы были велики, как в букваре. С утра до вечера мы с ним спорили об исторической роли Сталина, пока мне не удалось несколько поколебать его воззрения, прочтя все 10 томов и показав, как великий вождь менял свои взгляды и оценки людей в зависимости от политической конъюнктуры. Эти споры были для меня полезны, так как оппонент был честный, порядочный человек, хотя и сталинист. Ни на кого не донес, никого не посадил и ничего, кроме одиннадцати фронтовых ран, не получил от коммунистического режима, жил полунищим даже по тем временам. Тем не менее он оставался верным идеалам молодости, продолжая их отстаивать во времена, когда они официально осуждались. Для меня тогда оказалось откровением, что политические взгляды и человеческие качества между собой слабо скоррелированы. Оказывается, можно оправдывать страшные преступления, от которых пострадали твои близкие, и при этом быть хорошим человеком. Что-то подобное насчет ногтей и деловых качеств писал А. С. Пушкин. Так школьная программа оборачивалась реальностью.

Не менее полезным было общение с братом Вилей и сестрой Светланой. Сестра работала в магазине и свободное от работы время проводила со мной и с подругой на море, которое было изумительно. На пляже практически никого не было, мы купались вволю в прозрачно чистой воде. А с братом, работавшим шофером, мы проводили вечера. Он только что женился на девушке, выросшей в детдоме, и я видел, как тяжело идет ее адаптация к нормам семейной жизни. Виля каждый день зарабатывал какую-то сумму левыми услугами, но тут же их тратил вечером в столовой, где на розлив продавали водку и вино. Практически каждый день я составлял ему компанию, что льстило мне, но и приучало к регулярной выпивке. Здесь я узнал жизнь, сильно отличную от челябинской, и иную систему ценностей. На юге на жизнь и работу смотрели не так, как на Урале. Здесь люди в основном наслаждались жизнью, не думая о планах и их выполнении. В столь радужной обстановке жажда путешествовать в одиночестве по Крыму у меня пропала. Мы со Светланой только съездили в Тамань, а затем вместе с ней поехали к нашим родственникам в Рязань, которую я мечтал увидеть с детства, зачитываясь повестью про Евпатия Коловрата. Финишем моего путешествия стало самостоятельное трехдневное обследование Москвы, где я уже держался начеку, уклоняясь от всяческих знакомств.

Годом позже, вернувшись из Ленинграда в Челябинск, я узнал, что почти все мои одноклассники поступили в вуз с первой попытки. Это было большой удачей, так как в 1961 г. был последний выпуск 10-го класса и последний раз можно было поступить в институт после школы. Со следующего года выпускным стал 11-й класс, и только 20% мест в институте выделяли для окончивших школу, на остальные 80% мест принимали юношей и девушек, имевших не меньше двух лет производственного стажа или отслуживших армию. Многие абитуриенты, поступившие в институты сразу после школ, должны были первые курсы бесплатно работать на производстве. Задуманная Н. С. Хрущевым политехнизация школ преследовала целую серию политических и экономических целей, главная из которых состояла в том, чтобы с юных лет молодежь знала, что право на высшее образование надо заслужить беспорочным производственным трудом на благо Родины под жестким контролем партийно-комсомольских организаций. Не знал очередной кремлевский мечтатель и зачинатель коммунистического труда, что именно промышленность, стройка и сельское хозяйство с их штурмовщиной, приписками, очковничеством, разгильдяйством, пьянством, мелкими, а то и крупными хищениями и т. д. превращались в главную школу антикоммунизма. Вступавший в жизнь молодой человек, как правило, сталкивался не с сознательными пролетариями, а с уставшими от жутких условий труда и жизни и озлобленными, нередко спивающимися людьми.

Поскольку заводская жизнь меня не прельщала, я начал свою трудовую биографию с должности ученика монтера в ЩЧ-9, дистанции связи и сигнализации Челябинского отделения Южно-Уральской железной дороги. Предполагалось, что меня будут обучать тонкостям профессии телефонного монтера и мастера по ремонту светофоров, автоблокировки, диспетчерской централизации связи, электрической централизации стрелочных переводов и т. д. По идее, специальность была перспективной. Тогда начинали говорить о телеуправлении и автоматике в системах электро- и энергоснабжения, о внедрении вычислительной техники, об оборудовании автоматизированными системами управления сортировочных станций и совершенствовании эксплуатационных работ на основе использования комплексной автоматизированной системы управления перевозками.

Но это было только в перспективах, раскрытых предо мною начальником дистанции Кишкиным, крепким хозяйственником и хорошим организатором. На самом деле им нужен был разнорабочий, мальчик на побегушках при мастерской дистанции, которая, кстати, размещалась во дворе моего дома, что было удобно. Добирался я до работы за 2–3 минуты и никогда не опаздывал, а в обед имел полноценный отдых. В целом там был неплохой коллектив, но работа хаотичная: то густо, а то пусто. Свободное время провоцировало выпивку. Авралы сваливались внезапно, и, как назло, приходилось что-то делать в наиболее неподходящий сезон. Особенно донимали бесконечные отправки на разгрузку вагонов с пришедшей техникой в вечернее, а то и в ночное время и в выходные дни. Однажды я попытался протестовать, что нас с моим напарником как несовершеннолетних нельзя использовать после семичасового рабочего дня в нерабочее время и что лучше послать взрослых рабочих. Но те были друзьями и собутыльниками начальника мастерской, и наш бунт был быстро подавлен. Нам буквально через пять минут принесли согласованное с профкомом предписание, из которого я хорошо понял главный

принцип трудового законодательства при социализме: «Если нельзя, а очень надо, то тогда можно и даже нужно».

Были, конечно, и полезные вещи. Занятие тяжелым физическим трудом способствовало наращиванию физической массы тела. Работа на побегушках подразумевала разнообразные функции, и я вчерне овладевал азами некоторых специальностей, учился работать с основными слесарными и столярными инструментами, постигал приемы рабочей смекалки, как лучше и с наименьшими затратами что-нибудь сделать. Особенно важным было общение с людьми разного возраста, жизненного опыта, образования, взглядов и интеллекта. Среди них были люди с лагерным сроком, а один отсидел более 20 лет, но оказался довольно тихим и слегка даже трусливым мужиком, хотя был гораздо здоровее и крепче меня. К удивлению, я заметил, что при выполнении некоторых заданий старшие прислушиваются к моим рекомендациям и подчиняются мне, несмотря на мое несовершеннолетие. Тогда я не знал, что всегда приятно, если кто-то берет ответственность на себя.

Наиболее ярким впечатлением была поездка в Златоуст за новогодними елками на крытом «ГАЗоне». Поехали мы туда глубокой ночью в сильный мороз. Поскольку в кабине втроем по городу ехать было нельзя, меня отправили в кузов, закрыв какой-то дерюгой. Хотя я был в валенках, в ватных штанах, фуфайке и полушубке, все-таки изрядно промерз, пока мы не выехали за город. Далее я пересел в кабину и помимо тепла наслаждался потрясающим видом Уральских гор, по которым мы ехали от г. Миасса. Я и раньше бывал в этих местах, но только летом, когда было так же красиво, но не было того классического торжественного великолепия поднимающихся к небу тысяч высокорослых елей, пихт и сосен в их белоснежном покрове.

Приехав на место, мы долго оформляли документы, хотя заранее все было согласовано, и я, в Челябинске уже отвыкший от учреждений с печами, с кипятком, от заснеженных дорожек и работников в фуфайках и валенках, с интересом знакомился с жизнью в уральской провинции. Ели мы должны были рубить сами, и, когда уже завершали заготовку, налетел какой-то зелёный патруль. Несмотря на документы нас арестовали, составили протокол и продержали несколько часов. Тогда самовольная порубка трех деревьев могла закончиться тремя годами безусловного заключения. К счастью, разрешение было получено на самом высоком уровне, и наши тюремщики были вынуждены нас отпустить с явным сожалением и с бранью от бессильной злости. Вообще, я заметил, палач всегда сильно расстраивается, если жертва вдруг ускользает из рук. Вернулись в Челябинск поздно ночью. Елки предназначались высокому начальству, но и нам за труды полагалось по одной. Когда я притащил ее в 2 часа ночи, мама сначала была встревожена, но потом потрясена великолепием лесной красавицы, занявшей чуть ли не всю нашу столовую. Ни до, ни после этого у нас не было такой чудесной елки, простоявшей чуть ли не до 8 марта.

Вскоре стало ясно, что образовательный потенциал ЩЧ-9 для меня иссяк. В январе меня и трех других рабочих, двое из которых имели большой лагерный опыт, отправили крыть гараж на окраине города. Работа была простой: прибивать листы железного шифера на обрешетку. Но время было явно неподходящее, стояли 30-градусные морозы. Прибив несколько листов с утра и промерзнув

за полчаса до мозга костей, мы кубарем скатывались вниз, усаживались у буржуйки, отогревались и начинали травить байки. Устав от них, снова залезали наверх и опять вскоре спускались. Потом сбрасывались и отправляли гонца в ближайший магазин для согрева. Далее работа совсем уже не шла, начинало смеркаться, и мы с чувством честно исполненного долга отправлялись по домам. Если денег на водку не было, то наши старшие товарищи чифирили, т.е. пили чай, 50-граммовая пачка которого вываривалась в железной кружке, от чего они балдели и, несмотря на прилив сил, работать не желали. Мои призывы, что так нельзя и неплохо хоть что-то делать, повисали в воздухе. Прошедшие «трудовое воспитание» на зоне к труду на свободе явно не были готовы. За три недели мы прибили несколько десятков листов, и нас стали с матерком журить за низкую производительность труда. Мне это не понравилось, и я стал искать новую работу, тем более что зарплата была низкая — 50 рублей.

К этому времени М. Д. Захаров вернулся в Дорпроект и предложил мне поработать в изыскательской партии. Контора была расположена очень удобно, в соседнем подъезде, даже ближе, чем ШЧ-9. Дорога на службу занимала не больше минуты, что также имело свои плюсы. Правда, в конторе мы находились редко, только во время камеральной обработки полевых съемок. Мы ездили по всей Южно-Уральской дороге, это — северный Казахстан, Башкирия, Южный и Средний Урал, Зауралье, часть Куйбышевской области (всего более 4000 км железнодорожных линий), вели топографические съемки. Южно-Уральская железная дорога была одной из важнейших магистралей СССР, грузопротяженность которой в 3 раза превышала среднесетевую, а на отдельных участках — в 5–7 раз.

За время пребывания в Дорпроекте довелось побывать на сотне станций и других населенных пунктов, где предполагалось какое-то строительство. Редко командировки были долгими, обычно неделя-две, иногда буквально несколько дней. Жить приходилось в разных условиях, хорошо, если попадали в крупные города — Курган, Петропавловск, Магнитогорск, где были большие общежития для железнодорожников и нам давали отдельные комнаты. Удачей было получить отдельную комнату на станции, которую нужно было самому топить и следить, чтобы не закрыть заслонку до того, как прогорят угли. Однажды чуть не угорели, случайно я встал ночью и, теряя сознание от угара, падая, головой открыл входную дверь. На крупных станциях нас иногда помещали в общежитиях паровозных бригад, путейцев, но в общих комнатах по 10–12 человек. Но чаще всего на малых станциях располагались в кабинетах начальников станции, а если его не было, то и у дежурного по станции, в путевских казармах, в домах путевого дорожного мастера, где часто люди, скотина и птица жили в одной комнате, отделенные загородкой, а детей было много, и все мал мала меньше. Помню под Аргаяшем одну такую семью, где один кормилец получал 42 рубля и содержал жену и семерых детей. Летом, чтобы не мешать станционным работникам, мы часто располагались в залах для пассажиров, пустовавших практически круглосуточно, так как поезда останавливались, а то и проходили здесь один-два раза в сутки. Бывало, что спали на сеновалах, а то и под открытым небом. Надо ли говорить, что постельным бельем в течение нескольких дней служили плащ, фуфайка, шуба, брошенные на скамью, а то и на бетонный пол. Подушку заменяла полевая сумка. Несколько раз мы жили в палатках, когда вели

крупномасштабные изыскания под многокилометровые подъездные пути или высоковольтные линии.

Непросто было с питанием. Далеко не везде были столовые, да и магазины имелись не на каждой станции и не в каждой деревне. Ассортимент в них был небогатый, а строго регламентированный хлеб давали не всем. Приходилось выбивать с криком, ссылаясь на важность «правительственных» заданий. Часто покупали молоко, яйца, овощи прямо с огорода у частников. В основном нам везде шли навстречу, оказывали помощь, давали, если нужно, рабочих, так как мы вели изыскания под дома, цеха, депо, подстанции, подъездные и вторые пути, переезды, телефонные и высоковольтные линии, водопроводы и теплотрассы, которые нужны чаще всего тем, кто там жил и работал.

Тогда начинались изыскательские, проектные и строительные работы по линиям Сакмарская—Мурапталово и Красногвардеец—Новоперелюбская, которые должны были завершить формирование границ дороги. Возникали и конфликтные ситуации, и их нужно было уметь улаживать, хотя мы ездили с приказом начальника дороги, предписывавшего всем службам и железнодорожному начальству оказывать нам всякое содействие. Но до начальника дороги далеко, а проблемы надо было решать «здесь и теперь».

Непростой была и сама работа. В любую погоду — в мороз и жару, снег и дождь — мы работали, так как были заинтересованы в скорейшем завершении задания и возвращении домой. К этому стимулировали не только жуткие условия командировочного быта, но и сдельная работа, а также возможность досрочно вернуться, продолжая еще числиться в командировке. Дело в том, что у нас были годовые билеты, дающие право проезда по всей дороге в купейных вагонах и на тормозных площадках товарных поездов, чем мы часто пользовались. Все это заставляло нас тщательно продумывать работу и организовывать ее так, чтобы не терять зря ни одной минуты. А трудились мы с утра и до позднего вечера, точнее почти весь световой день, позволяя себе медленнее работать только в таких городах, как Курган, Петропавловск, Златоуст, Троицк, Карталы, Магнитогорск, Шадринск. Да там это было и необходимо, так как нередко результаты съемки заставляли наносить на городские планшеты в масштабе 1 : 500 или 1 : 1000, которые выборочно проверяли при приеме, и ошибки в расстояниях и размерах зданий не должны были превышать соответственно 10 или 20 см. При выявлении ошибок приходилось всю работу делать заново. В общем работать надо было тщательно. Нивелирный ход, который порою тянули за 10 км, от репера до репера, не должен был превышать формулы: километры, умноженные на корень квадратный из двадцати, т. е. примерно 4 мм на километр, где устанавливалось минимум 6–8 нивелирных стоянок. Еще строже были требования к горизонтальной съемке, а самыми точными теодолитами были 15-секундники.

Тяжело было работать при съемке путей на Транссибирской магистрали от Кропачёво до Исилькуля, который к этому времени был электрифицирован. По нему буквально каждые две-три минуты с ревом пронесился тяжело нагруженный состав. Только успеешь поставить теодолит, чтобы снять кривую по внутренней нитке и засечь 4–5 отметок, как снимай его чуть ли не прямо из-под колес приближающегося состава. Обычно отходили на междупутье, и в этот момент с грохотом мчался состав по другому пути. Если дело было зимой, то в мгновение ока промерзали насквозь,

несмотря на полную зимнюю экипировку, и приходилось идти греться в станционное здание или будку стрелочника. А зимние дни так коротки, да ещё кругом сугробы и открытые степные просторы. Летом тоже было несладко, особенно в жару, которая порою переваливала за сорок градусов при полном безветрии. Работать днем было совершенно невозможно, а ночью от жары не уснешь. Выходили с рассветом, чтобы хотя бы что-то сделать до 10 часов утра.

Эта работа стала моими подлинными «университетами». Как живет простой народ в маленьких населенных пунктах и в медвежьих углах, их реальное мироощущение и отношение к строю я понял только тогда. Встречал немало бывших эков, проводивших в лагерях десятки лет, как правило, ни за что. Хотя и в Челябинске нищеты хватало, но когда каждый день с этим сталкиваешься, совсем иначе ее воспринимаешь. Мне стало ясно, что в ближайшие столетия коммунизма у нас не будет, да и не может быть. Несмотря на все «вертикали власти», большая часть труда уходила в песок. Поражала расхлябанность, некомпетентность всех и вся. В этих условиях самоучка с пятью-семью классами образования не только не уступал, но иногда даже превосходил дипломированных специалистов. Таким самоучкой был старший архитектор Слава Брежнев, работавший здесь с конца 1940-х и прекрасно знавший свое дело.

Иногда для нас специально останавливали поезда там, где пассажирские или не останавливались вообще, или один раз в сутки, а мы ждать не могли, так как нередко выезжали сразу на несколько станций. В некоторых случаях на затяжных и крутых подъемах тяжеловесный поезд, составленный из 60–70 вагонов весом до 3–4 тысяч тонн, не мог остановиться и только притормаживал на короткий период, и мы должны были, уловив момент минимальной скорости, прыгать на ходу с вещами и инструментами. Порой, пропустив платформу, с высокой насыпи летели в снег, зарываясь в многометровые сугробы. Еще опаснее было запрыгивать на тормозную площадку вагона товарняка, идущего со сниженной скоростью 10–15 км в час. Однажды меня так отбросило, что я чуть не угодил под колеса прибывавшего на соседний путь состава.

Сам путь на тормозной площадке, длящийся порою 7–8 часов, был утомителен, а зимой и мучителен. На высокой скорости завихрения воздуха пронизывали насквозь.

Правда, были и веселые моменты. Кражи грузов тогда были очень часты, и станции охранялись военизированной охраной, которую называли «охра». Они же следили, чтобы никто не ездил на товарняках, но рвение было не столь велико, и документы проверяли, только когда наталкивались на нас. Но встречались и более «сознательные» служаки. Однажды в марте мы с Мишей Малых ехали из Кургана. В горловине станции Лебяжья стрелок «охры» заметил нас, ехавших в начале состава, и в огромной шубе и с винтовкой бросился в погоню. Состав был длиной с километр. Догнав наш вагон, стоявший вместе с локомотивом недалеко от выходного светофора, он уже не мог говорить, а только знаком приказал слезать. Мы со злорадством продемонстрировали ему наши билеты с правом проезда на товарных поездах. Никогда не забуду горькое разочарование, отразившееся на его лице: жертвы ускользнули, а с ними, может, и благодарность по службе.

В целом работа мне нравилась. Коллектив был дружный, интеллигентный, как в самом Дорпроекте, так и в изыскательской партии. Молодые люди,

не перешедшие 30-летний рубеж, возглавляли отделы или были ГИПами (главными авторами проектов), вели себя уверенно. Сохранялась перспектива роста и для остальных. Объем проектных работ постоянно увеличивался с ростом промышленного и гражданского строительства. Многие из сотрудников были художественно и музыкально одаренными натурами, был даже один мастер спорта по шахматам — Олег Попов, что по тем временам было редкостью. С некоторыми из них мы, изыскатели, встречались в командировках в областных центрах (Курган, Петропавловск). Они были нацелены на интеллектуальные развлечения. По их совету я посмотрел фильм «Девчата», который, конечно, был очень наивный, но удивительно чистый и веселый. Вместе с ними я попал и на первый фильм Андрея Тарковского «Иваново детство». Со временем этот режиссер стал для меня одним из самых любимых. Уже в аспирантуре его фильм «Андрей Рублев» я смотрел много раз. Думаю, что это лучший фильм, посвященный отечественной истории.

За плечами у молодых инженеров Дорпроекта был опыт студенческих капутников, они писали хорошие стихи, рисовали дружеские шаржи и вообще были щедры на разного рода выдумки и импровизации. Летом мы иногда выезжали на пикники в Уральские горы на озеро. Зимой катались на лыжах или посещали бассейн, где учились подводному плаванию, так как из неосвоенных профсоюзных денег купили акваланги, очень популярные после фильма «Человек-амфибия». В соответствии с существовавшей после «Карнавальная ночи» традицией встречать Новый год со своим коллективом в Дорпроекте также иногда устраивали такие вечера, которые были очень популярны, и мои родители предпочитали ходить к нам. Здесь я встречал 1964 г., и через десятилетия могу твердо сказать, что это самая замечательная и яркая новогодняя ночь в моей жизни. Организаторы сумели каждого присутствующего порадовать стихком, частушкой, рисунком, все было сделано остроумно и с тонким вкусом.

Колоритен был и состав партии, которую возглавлял невысокий и, по тем меркам, очень пожилой человек, около 60 лет, Александр Георгиевич. К стыду, не могу вспомнить его фамилию. Он окончил в Свердловске техникум, еще до войны, а в Тбилиси ускоренные инженерные курсы вместе с М. Д. Захаровым. Его также выдвигали на руководящие работы, но что-то у него не заладилось, он вернулся снова к изысканиям, что было нелегко в его возрасте. Ведь надо было все время ездить по командировкам. Начальником партии он был номинальным, так как целой партией мы ездили редко, только на очень крупные работы, а чаще всего по два-три человека. С первой же нашей совместной поездки в Шадринск он начал учить меня работать с нивелиром, что стало моим стимулом к профессиональному росту. И впоследствии он охотно посвящал меня в тонкости работы, никогда не кричал и не спорил, хотя и не разделял моей страсти к вольным речам. Из командировки он всегда стремился поскорее домой, а в конторе, за камералкой, тосковал по полевым изысканиям.

В первый год предпочитал работать со мной Иван Афанасьевич Хаманько, высокий, очень сильный мужчина с крупными чертами лица, резким, грубым голосом и отрывистым смехом. Несмотря на свои 36 лет, он успел повоевать и отсидеть 8 лет в сталинских лагерях за то, что похвалил американские танки. Благодаря сильному характеру и прекрасным инженерным способностям Хаманько не только выжил,

но быстро стал выполнять геодезические работы на Великих стройках коммунизма. Такого закоренелого антисоветчика я больше никогда не встречал (Новодворская жалкое его подобие). Ненависть к властям сквозила в каждом его слове, в каждом жесте и выражении лица. Даже меня он пугал своей несдержанностью. Самые неприятные вещи говорил в лицо сотрудникам и начальству. Работать с ним было нелегко, если что не так, сразу раздражался грубой бранью, этажность которой при всем моем опыте в этом жанре мне трудно было определить. В то же время он научил меня работать быстро и тщательно. Благодаря ему я освоил теодолит.

Хаманько учился в заочном институте, относился к урокам серьезно. Если позволяли условия, выполнял задания в командировке, страстно желая наверстать упущенное из-за войны и заключения. К работе также относился серьезно и требовал того же от других. Раз мы оказались с ним в Петропавловске в общежитии треста, возглавляемого моим отцом, который тоже туда приехал по своим делам. Хаманько попросился к отцу на работу, отец спросил моей рекомендации, я рассказал о его качествах как работника, умолчав об особенностях характера. Потом отец мне долго припоминал подобную «деликатность». Оказавшись на должности старшего инженера, Хаманько продолжал учиться и поэтому отказывался выполнять какую-либо работу во внеурочное время, хотя по КЗОТу имел ненормированный рабочий день. Грубил своей непосредственной начальнице, обзывал невеждами остальных сотрудников. Начались конфликты, суды, и через несколько лет, получив диплом, он ушел. Затем сменил несколько строительных трестов, нигде подолгу не уживался и всем стал говорить, что лучше всего ему работалось у И. Я. Колчинского и если бы все начальники были такие, как мой отец, то тогда бы и коммунизм можно было построить. Потом, в 1980-х гг., его след затерялся. Видимо, несмотря на свои безусловные интеллектуальные и организаторские способности, он не смог добиться ничего в жизни. И трудно сказать, из-за поломанной судьбы у него оказался такой неуживчивый характер или характер предрешил судьбу.

Со мной работали также Виталий Тарасов и Михаил Малых, которые, несмотря на инженерные должности, также учились и уволились, как только нашли более подходящие места. С их уходом одним из главных в партии стал старший техник Виктор Кондюрин, который был старше меня на шесть лет. Впервые мы с ним съездили в командировку только через полгода после моего устройства в Дорпроект, но быстро нашли общий язык и подружились. Работал он в поле хорошо, на камеральных работах скучал. Любил крепко выпить по окончании работ. С ним мы облазили, наверно, все рестораны на Южно-Уральской железной дороге, а для разнообразия порой ездили на воскресенье погулять в Свердловск. Что касается остальных рабочих, то они часто менялись, были бывшие и будущие зэки, запойные пьяницы и неуравновешенные. Однажды мне чудом удалось отобрать топор у одного рабочего, когда он собрался сзади зарубить Кондюрина. Так что ухо с этой публикой приходилось держать востро — никогда не знали, что от нее ожидать.

Вначале я был рабочим-изыскателем, т. е. носил рейку, рубил просеки. Затем вскоре стал работать с нивелиром и теодолитом. Увидев мое рвение, назначили техником, после старшим техником. Мне поручали все более и более сложные задания. Я еще не получал столько, как мой отец, но намного больше, чем моя мать, так как быстро усовершенствовал систему составления нарядов и убедил начальство

в правильности ее применения. За мое недолгое пребывание в Дорпроекте средняя зарплата сельщиков выросла в 2–2,5 раза. Когда я был в городе, я мог тратить большие по тем временам деньги, посещать рестораны. Для успеха в работе требовался определенный набор личностных качеств, прежде всего трудиться без отдыха и выходных с утра до вечера, когда мы были в поле.

Особенно нравилось, когда мы, хоть и редко, останавливались лагерем в тайге на берегу реки или озера. Запомнилось многодневное пребывание около пруда, огороженного от озера вблизи Вишневогорска в Каслинском районе. В пруду разводили карпов, и буквально за 10 минут мы на удочку натаскивали ведро крупных рыб. Но надо было вовремя заметить сторожа и перебросить удочку из пруда в озеро.

Линия узкоколейки, под которую мы тогда проводили изыскания, вела в какую-то закрытую зону, огороженную колючей проволокой, недалеко от Кыштыма, где находился Челябинск-40. Встречали мы выселенные деревни и заключенные колотцы. Но никто нам не сказал, что эта местность заражена радиоактивными веществами после аварии на комбинате «Маяк».

Вначале был и определенный романтический настрой. Выпив, мы пели: «Топографы почти все белокуры, глаза стального цвета, как вода, топографы такие бедокуры, когда в большие входят города» — и далее по тексту известной песни, в которой, как могли заметить знавшие ее, слово «геологи» мы заменили на «топографы». Мы часто ездили вместе с геологами, жизнь которых была еще тяжелей, так как они должны были не только вручную бурить скважины 5–8 м, но и железные штанги таскать на себе. А в случае скального грунта они вручную копали, точнее долбили, шурфы на 1,5–2 м. Эту работу могли выполнять только несчастные пьяницы, которых нигде не брали на службу, но, как ни странно, они ни разу не сорвали ни одного задания. Может, это было связано с тем, что командовал ими совсем непьющий инженер Волков с опытом геолого-поисковой работы в тайге. Пару раз мне пришлось помогать нашим геологам, а Волков учил меня ориентироваться в глухом лесу.

Последний раз я был в изыскательской партии, когда уже учился в ЛГУ. Меня пригласили провести съемку под высоковольтную линию на участке Михайловский завод—Бердяуш протяженностью около 200 км. Это был наиболее экзотический участок на всей Южно-Уральской железной дороге, расположенный в самом центре Уральских гор, с высокими мостами, насыпями, длинными тоннелями, пересекающий десятки мелководных, но быстрых рек. Индустриализация почти не коснулась этих мест, сохранились семафоры, ручные стрелки, паровозная тяга, дореволюционные станционные постройки, часть станций не была еще электрифицирована. Но работа шла тяжело. Поехавший с нами автор проекта оказался малограмотным инженером, да к тому же ещё амбициозным пьяницей, вообразившим, что он наш руководитель. Прошло некоторое время, чтобы он понял, кто кому подчиняется, после чего с горя запил еще сильнее. Чтобы работа шла быстрее, мы не тащили вещи между станциями, а посылали одного или двух рабочих их перевозить, на что уходило время, а я совершал работу на перегонах между станциями с меньшим количеством рабочих, чем нужно для эффективной съемки. Они, в том числе и мой одноклассник Вадик Алесковский, не имели опыта топографической работы и не горели трудовым энтузиазмом. К тому же не приняли всерьез основную

заповедь всех оказавшихся в русской деревне: никогда не ходи на танцы и не знакомься с местными девчонками, иначе обязательно побьют. Но их никогда раньше не били, и они не вняли моим предупреждениям.

Перевозя инструмент и вещи с одной станции на другую, Алесковский и Еременко познакомились с двумя очень симпатичными девочками, на которых городские парни, конечно, произвели большое впечатление. Девочки были из сельского поселка Ункурда, рассказали, как их лучше найти. Ребята, не сказав мне ни слова о своих намерениях увидеть их еще раз, предложили в выходной день съездить в клуб Ункурды. Тогда в деревнях еще было много молодежи, клуб был основным культурным центром любого населенного пункта, там крутили кино, работали кружки, устраивались танцы. Естественно, шли молодежные разборки. Парни часто дрались между собой, не поделив девушек, но соборно объединялись, чтобы проучить чужаков. Таковыми мы и оказались. Увидев своих недавних знакомых, девушки сразу подошли к нам и сели рядом в зале. Это не понравилось какому-то местному Отелло, и он стал выяснять отношения со своей Дездемоной прямо во время сеанса. Поскольку я попросил его не мешать смотреть фильм, то получил заверения, что уж мне-то живым отсюда не вернуться.

К началу танцев его вспомогательные силы были явно мобилизованы, и я предложил своим подчиненным почетно ретироваться, чтобы не нарываться на неприятности. Они согласились со мной нехотя, так как девочки были подлинные красавицы. Девочки, понимая, к чему дело клонится, пошли провожать до станции. Нас сопровождал также целый эскорт их поклонников в количестве 10–15 человек в возрасте от 14 до 22. На станции мы распрощались с девушками, а пацаны остались, надеясь нам врезаться при посадке в товарный поезд. Мой план был прост: быстро вскочить на площадку прибывавшего товарного поезда и отбиваться от противника, где он лишался главного преимущества — многократного численного превосходства, — а кроме того, они должны были бы атаковать снизу. Но Вадик во всем был нетороплив, отстал, и они его отловили. Пришлось нам с Еременко броситься на вырубку. Деревенские ребята, скорее хотели нас проучить, чем по настоящему избить, поэтому, врезав несколько раз Алесковскому и Еременко, они сконцентрировали все усилия на мне, так как дрался я остервенело. Злости и у них хватало, но дрались они по-деревенски с размахом, и мне удалось многим из них продемонстрировать, что такое по-настоящему поставленный удар. Но отступить они также не могли, здесь была их земля, и исконное чувство соборности и уверенности, что кучей можно бить любого, придавало особую отвагу в избиении толпой чужака. Пустив в ход свинчатку, цепи и палки, им все же удалось свалить меня на землю.

Далее начался театр абсурда — они начали предлагать мировую, видимо, убивать они меня не собирались, а то, что за групповое избиение командировочно из Управления дороги им может крепко попасть, они понимали. У меня же все лицо было сплошным кровавым подтеком, и мириться в таком состоянии я не желал. Понимая, что среди местных правоохранительных органов бесполезно искать справедливого возмездия, я сделал заявление в Челябинске, прямо начальнику линейного отделения милиции Южно-Уральской железной дороги, который пришел в ужас от моего внешнего вида и направил меня к следователю. Следователь долго и подробно снимал показания. Со станции Златоуст

направили специальный милицейский наряд. Моих обидчиков арестовали, дали по 15 суток, а потом посадили в КПЗ для предания суду. Совершеннолетним грозило заключение до пяти лет, требовалось мое заявление в суд. Но синяки быстро сошли, ссадины затянулись, злость и обида прошли, и я отказался от дальнейшего преследования. Не хотелось портить жизнь глупым деревенским отрокам. Тем более я понимал, что, по большому счету, они не виноваты, их так учили. Так делали их деды, отцы и старшие братья — скопом били чужаков, к счастью, не до смерти.

Мне как железнодорожнику раз в год полагался бесплатный билет в любой конец Советского Союза, который можно было несколько раз компостировать, если едешь в одну и ту же сторону. Свой первый билет в феврале 1963 г. я выписал до Баку через Среднюю Азию. Сделав пересадку в Оренбурге, добрался до Ташкента, который сохранял черты средневекового города в старой части около базара со всеми узкими извилистыми улочками с глиняными заборами. Экзотика была везде: верблюды, ослы, арыки, великолепный базар, заваленный свежими и сушеными фруктами, халаты, шкуры зверей, ковры. В чайных на небольших возвышениях, покрытых грязной тканью, прямо в обуви сидели на корточках узбеки и пили зеленый чай, подаваемый в чайниках. Обычно его брали несколько человек, и вначале казалось, что одному мне не осилить чайник. Но чай с дешевыми конфетами шел очень гладко. Меня как жителя Челябинска, где настоящие мясные блюда давали только в ресторане, поразило изобилие, доступность и дешевизна шашлыков. Палочка шашлыка из баранины, приготовленная на стоящих буквально на каждом углу мангалах, стоила 20 копеек. Каждый раз я брал не меньше трех шашлыков, а всего в день съедал их 15–20. С тех пор я обожаю баранину.

Из Ташкента я проследовал в Самарканд, где жил бабушкин племянник дядя Володя, который с ней переписывался и даже как-то прислал большую банку зеленого нюхательного табака для улучшения зрения. Бабушка дала мне письмо, и он, узнав ее руку, после некоторого раздумья пустил меня в дом: его сперва насторожил мой несколько шпанистый вид, да еще не совсем сошедший синяк под глазом. В целом я пробыл у них три дня, а моя троюродная сестра и ее муж с удовольствием показывали мне достопримечательности города Гур-Эмир и площадь Регистан, которые, они сознались, сами давно не видели. Вечером мы оказались в одной очень интернациональной компании, встретившей меня тоже приветливо.

За Самаркандом последовала Бухара, в которой я не смог снять гостиницу, и в тот же день на самолете перелетел в Ургенч, откуда отец получил в 1942 г. последнее письмо от своего брата. Там я и узнал, что его брат погиб под Сталинградом. Сам Ургенч поражал фантастической дешевизной базара. Как сейчас помню, помидоры стоили 10 копеек, виноград — 20 копеек, а ведь это был февраль! Как им удавалось все сохранить в свежем и аппетитном виде, до сих пор удивляюсь. На мои же вопросы о способе хранения звучал один ответ: «Не понимаю». Пожалуй, наиболее впечатляющей во всем турне была поездка в Хиву, где средневековая Средняя Азия сохранилась в первозданном виде. Я не нашел там ни одного современного здания, особенно поражал город-крепость, где располагались дворцы Хивинского хана, увы, без ковров. Кругом туркмены в огромных мохнатых шапках и папахах, бабаи на ослах, невозмутимые, всех презирающие верблюды.

Из Ургенча над пустыней Кара-Кум, хорошо видной с самолета, я перелетел в Ашхабад, там тоже не смог устроиться в гостинице, да и город меня не заинтересовал, он был весь заново отстроен после землетрясения. Пробыв один день в Красноводке, на пароходе перебрался через Каспийское море в Баку. С двумя сверстниками побродил по столице Азербайджана, сменив в управлении или отделении дороги промежуточный пункт, вернулся через Москву в Челябинск. Средняя Азия тогда не входила в состав туристических маршрутов. Из знакомых лишь немногие отважились доехать до Ташкента. Поэтому мой маршрут стал в какой-то степени легендарным, никто не мог понять, как в восемнадцать можно пускаться одному в путешествия по республикам, слывшим вообще небезопасными, а для русских особенно.

Буквально через полгода мне досталась горящая турпутевка по Закавказью от Баку до Гагр. Отправились мы вместе с Виктором Семеновым, кандидатом в мастера спорта по легкой атлетике, сравнительно недавно появившимся в Дорпроекте. Он вырос без отца в спартанских условиях, окончил сельскохозяйственный институт, но больше года не смог проработать в совхозе, так как не захотел издеваться над нищими колхозниками. В Дорпроекте заново начал учиться в строительном институте, закончил его уже в зрелом возрасте, став одним из ведущих сотрудников Дорпроекта, который к тому времени стал научно-исследовательским и проектным институтом, а возглавлял его Волков. Не раз Семенову предлагали начальственные должности, но он каждый раз отказывался, объясняя, что не может идти на сделку с совестью, а без этого, мол, начальником быть нельзя. Мы были с ним, казалось, совершенно разные люди, он за всю жизнь не взял в рот ни капли спиртного, никогда не прекращал занятия спортом. И тем не менее развлекательная поездка сблизила нас, мы поддерживали контакт всю жизнь, а он стал одним из самых близких друзей моих родителей, восхищавшихся его внимательностью и заботой. Со своей стороны он также любил нашу семью и в день смерти матери написал о нашей семье целую трогательную поэму.

Туристические маршруты тогда только начинали входить в практику. Баснословно была цена путевки — мне пришлось уплатить 25 рублей за осмотр Баку, Тбилиси, Лагодехи и т. д., а также за купание в Мингечаурском водохранилище и на лучших пляжах Кавказского побережья в Гаграх и Пицунде, рядом с правительственной дачей Н. С. Хрущева, которая тогда внешне не столь уж тщательно охранялась. Во всех экскурсиях назойливо подчеркивалась мысль о нерушимой дружбе русского и грузинского народов, и внешне создавалось впечатление, что так действительно было. По сравнению с Уралом Закавказье предстало как цветущий и очень дешевый край. Например, с Витей мы зашли в ресторан «Колхида», заказали по шашлыку, бутылку вина и что-то из холодных закусок. Хитрый официант заставил весь стол холодными закусками, добавив, что не хотел, чтобы мы подумали, что он для нас чего-то пожалел. И это пиршество обошлось лишь в 10 рублей. Запомнилось и пребывание на одной базе, где вместо длинного 15-километрового маршрута инструктор предложил погрузиться в грузовик и вместо бессмысленного хождения по крутым склонам и опасным тропам доехать до прекрасной поляны и устроить пикник по-кавказски. Большая часть группы это одобрила, и мы провели прекрасный день с кавказской кухней и чачей, грузинскими тостами и внимательными к женщинам мужчинами.

Последнее было особенно важно. Наша группа состояла из шести мужчин и четырнадцати женщин от 18 до 50 лет. Двое молодых были с женами и страдали, видя такое обилие дам, жаждущих развлечений. Зато цвел староста, ему было лет 50, почти все женщины за тридцать млели от его шуток. Он также старался их всячески развлекать, но был верен одной, объяснив мне, что в противном случае начнутся склоки. И надо же, что именно к его избраннице в Пицунде ночью из Магнитогорска нагрянул ревнивый муж, который, не застав ее в постели, устроил скандал. Но здесь вступила в дело женская солидарность, наутро мужу объяснили, что он по ошибке попал не в ту палату, что жена его святая, а он глупый хулиган, беспричинно устроивший скандал и разбудивший отдохавших женщин. В конечном счете несостоявшемуся Отелло пришлось извиняться перед другими женщинами и униженно просить прощения у своей жены, что она и сделала, помучив благоверного пару дней. Мы же, молодые, разбились по парам только в конце маршрута, так как на базах часто встречалось по несколько групп и выбор был большой.

Мой вновь обретенный друг Витя Семенов был очень спокойный, сугубо положительный человек. Но у него был недостаток всех спортсменов, ему везде нужны были рекорды, ради чего он шёл на нарушение всех правил безопасности на воде. Уже на Мингечаурском водохранилище он, несмотря на запреты, столь часто заплывал за буйки, что взбешенные спасатели, перехватывавшие его в высоких волнах, даже хотели снять с маршрута и отправить домой. Отговорил староста, сказав, что он крупный начальник там, где якобы работал Семенов, и пообещав наказать его по возвращении домой так, что ему больше в голову не придет так расстраивать героических и мужественных азербайджанцев. Другой раз он уговорил меня в Гаграх взять лодку и отправиться в море. Мы ушли так далеко, что дозорные пограничные суда стали приказывать нам вернуться. Вскоре поднялся ветер, началось волнение, и мы вряд ли благополучно причалили бы, если бы навстречу нам не вышли спасатели с пляжа. Они были так счастливы, что все закончилось благополучно, что даже не очень сильно ругались.

Через три года мне, однако, стало ясно, что при всем разнообразии заданий, смене мест и впечатлений изыскательская работа достаточно однообразна: одни и те же операции, одни и те же ситуации. К тому времени возникла какая-то пустота. Друзей все больше поглощали институтские заботы. В те дни, когда я бывал в городе, моими товарищами по вечерам стали братья Коля и Юра Соколовы, последний был на шесть лет меня старше. Их все больше тянуло к выпивке. Бесцельные хождения по улицам теряли смысл. Хотелось вернуться к целенаправленной учебе в среде сверстников. Соколовы меня не понимали. Оба плохо кончили. Колю на работу в Челябинске уже никуда не брали, он вынужден был устроиться в какой-то монтажно-строительный поезд, а там публика была отпетая. Он подстраиваться не умел, и в 1968 г. его зверски убили. Ему не было 25 лет. Скоро не стало и Юры. Жена его оставила, и он застрелился. Жаль, оба были яркие, смелые и неглупые ребята, но вот не смогли найти свой путь в жизни.

Ко мне решение пришло случайно. 2 января 1964 г. к нам приехал, возвращаясь из Туруханского края, Толя Тетерев. Рассказы о Ленинграде вновь забредили душу, и в подпитии я стал всем говорить, что поеду поступать в Ленинград. Потом отказываться как-то было поздно. Начальство меня не хотело отпускать. Я к тому времени фактически был заместителем начальника партии. Выполнял достаточно

сложные и длительные работы, с коллегами и подчиненными в целом ладил. Меня собирались сделать инженером, никто не мог понять, зачем отказываться от больших денег и учиться еще пять лет, а потом начинать все сначала. Предлагали помочь побыстрее получить диплом на заочном отделении. А мне как раз хотелось испытать себя, почувствовать себя в шкуре ленинградского студента, отнюдь не ради диплома.

На мой довод, что меня притягивают гуманитарные науки, Я. М. Израилев, тогдашний главный инженер Дорпороекта, сказал, что именно здесь у меня много свободного времени, я могу заниматься самообразованием, учась заочно. Кроме того, в партии я приобретаю уникальный жизненный опыт, имею возможность изучить все стороны и слои общества, разнообразие типов и затем написать прекрасный роман, который получит премию. Видимо, он имел в виду повесть Сергея Алексеевича Воронина «Две жизни» об изыскательской партии, выдвинутую как раз на Ленинскую премию. В этом его полушутливом предложении скрывалось господствующее тогда понимание секрета литературного успеха: главное — получше изучить жизнь. Так учили, но на самом деле требовали изображать жизнь такой, как она виделась властям. И подавляющая часть писателей СССР независимо от степени таланта и нравственности выполняли этот социальный заказ. Не желавших это делать в Союз писателей не принимали, а раньше их отстреливали еще на подступах к нему. И учителями жизни советские писатели не были, да и не могли стать.

ВЫБОР ПУТИ

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

После рекламы скорого отъезда на учебу в Ленинград снова встал вопрос: «Куда поступать?» Строительный факультет ЛИИЖТ, который окончили мои родители, после нескольких лет постоянного столкновения с организацией реального строительного процесса во время командировок как-то не привлекал. На исторический я не хотел идти, поскольку мне в голову не приходило, что после его окончания можно заняться наукой, а себя в роли учителя я по-прежнему представить не мог. Философский факультет казался привлекательным, манил возможностями проникнуть в закономерности исторического процесса. Да и готовили там преподавателей вузов. Хотя о самой философии я имел самые смутные представления, поддерживал только в руках учебник В. Г. Афанасьева и какую-то книгу по марксистско-ленинской эстетике. В газете «Известия» тогда часто публиковали статьи ректора ЛГУ А. Д. Александрова по всяким философским вопросам естествознания, этики и т. д. Статьи были острые, свежие и интересные, и, возможно, они сыграли окончательную роль в выборе факультета.

На этот раз я усиленно готовился к вступительным экзаменам, уволился с работы, прервав свой стаж, что потом мне пришлось многократно объяснять в автобиографиях. Ведь тогда не работать мог только тунеядец или осужденный. Главное внимание я уделил почерку и русскому языку. Как я говорил, мой двоюродный брат Рид был уникальный педагог, он четыре месяца готовил меня к устному экзамену по русскому языку и литературе, которые мне удалось довольно легко сдать на «пять». Разработанная Ридом система ответа, декламация стихов А. С. Пушкина, Ю. М. Лермонтова и Н. А. Некрасова и особенно свободное использование различных строк и отрывков в ответе произвели на экзаменаторов впечатление моего глубокого интереса к российской поэзии. Тогда я окончательно понял, что устный экзамен — самая сильная сторона во мне как в учащемся. Начиная с 4-го класса у меня проявились способности сдавать устные экзамены на «отлично» даже тем преподавателям, у которых я в течение года с трудом получал тройки. Видимо, адреналин поступал в кровь, мобилизовывались все знания, в том числе почерпнутые мимоходом, речь становилась беглой и энергичной, голос крепчал, врожденная склонность к демагогии проявлялась с наибольшей силой и т. д. На истории тоже не произошло осечки. В итоге я получил две пятерки и одну четверку (за сочинение), что без всяких вопросов было проходным баллом.

Сейчас я понимаю, что удачная сдача — не только результат особых знаний. Философский факультет считался политико-идеологическим, и хотя партийные и комсомольские характеристики для поступления не требовались, но принимались юноши и девушки, имевшие как минимум два года производственного стажа, а члены партии, комсомольские активисты имели преимущество при поступлении.

Первичный отбор проходил во время собеседования. По его результатам ставилась какая-то отметка, влиявшая на ход экзамена. В общезнатье я познакомился с одним абитуриентом, он поступал третий раз и получил на первых двух экзаменах по литературе и русскому также пятерку и четверку. Насчет истории у него сомнений не было, да и у меня тоже. Знал он ее великолепно. Сдавал он ее вместе со мной, и было видно, что его специально валят. И добившись, что он не смог назвать фамилию машиниста на броненосце «Потемкин», удовлетворенно сказали: «Как вы не знаете таких элементарных вещей?» и поставили тройку. Парень опять не поступил.

Мне повезло. Некое подобие такого собеседования — первичного фильтра — выпало на долю будущего действительного члена АПН СССР А. А. Бодалева, по настоящему крупного ученого. Было видно, что для него роль дознавателя неприятна. Услышав от меня демагогическую фразу, что от изучения конкретной истории я решил перейти к познанию закономерностей всемирного исторического процесса, он поспешно что-то произнес о моем глубоком интересе к философии и, задав несколько вопросов биографического характера, отпустил. После окончания экзаменов полагалось еще одно собеседование, которое на этот раз проводили Л. И. Новожилова, будущий заместитель декана, первый секретарь Дзержинского райкома КПСС и директор Русского музея, и какая-то еще женщина. Лариса Ивановна сразу сказала, что мое заявление повеселило всю приемную комиссию, так как я просил принять меня по специальности «исторический мат». Разговор был долгий, со многими неожиданными вопросами о политике, о современных литературных новинках, о биографии и о жизни вообще. Казалось, что меня прощупывают. Все обошлось, обстановка была доброжелательная. Ларисе Ивановне принесли на подпись какую-то бумагу, и она начала ее внимательно читать, прежде чем подписать. Поймав мой удивленный взгляд, она пояснила, что на днях ректор А. Д. Александров выловил заявку от физического факультета, прошедшую все согласования и поступившую к нему на окончательную подпись. В ней шутники-студенты среди всякого оборудования для студотряда на целину просили самолет «Ту-104» вместе с экипажем.

Философский факультет в те годы был не очень большой. Только с нашего курса стали принимать по 100 человек, предыдущий курс насчитывал 50 студентов, а все остальные — только 25. Состоял он из трех отделений: философского, психологического и отделения научного коммунизма, студенты которого сильно различались между собой по образованию, интересам, целям. Занимал он меньше половины третьего этажа на Менделеевской линии, дом 7, остальная часть этажа была занята экономистами. Тогда в моде были физики, быть студентом философского факультета, впрочем, как и сейчас, было не очень престижно. Все еще помнили недавние идеологические погромы, устраивавшиеся от имени единственно верной философии.

Хотя я поступил на факультет после трех лет работы, я был чуть ли не самым младшим на курсе среди мужчин. Доминировали ребята, отслужившие армию. Девочки, за исключением юной кореянки, любимицы курса Наташи Тянь, тоже были старше меня. Было немало членов партии, вступивших в нее еще в армии, другие старались это сделать во время учебы, так как понимали, что без партбилета трудно получить работу. Комсомольцами были почти все, кроме двух или трех студентов. Но мы их сразу дружно приняли. Далее от нас не требовали особой политической

лояльности, активности, более того, на нашем философском отделении они быстро стали казаться неприличными признаками ограниченности или конформизма. Здесь была наибольшая в те годы концентрация молодежи, критически настроенная к существовавшему строю. Не только в частных разговорах, но и на лекциях мы чувствовали себя гораздо свободнее, чем студенты других факультетов.

В общежитии, у сокурсников, которым ты доверял и которые доверяли тебе, всегда можно было взять на день почитать запрещенные книги Б. Пастернака, А. Солженицына и др., первые политические декларации Андрея Дмитриевича Сахарова. Кстати они мне и тогда казались очень наивными. Мы регулярно слушали «Би-би-си», «Свободу», «Свободную Европу», «Голос Америки», «Немецкую волну», которые, однако, отнюдь не воспринимали как истины в последней инстанции. Внимательно следили за новинками литературы, прежде всего в «Новом мире» и «Иностранной литературе», увлекались итальянским, польским и японским кино.

На философском факультете ЛГУ в те годы сильно сказывалась противоречивость хрущевского времени¹. Догматизм и ортодоксия одних профессоров и преподавателей далеко не мирно сосуществовали с жадой перемен и поиском путей обновления другими. С 1959 г. факультет и кафедру диалектического материализма возглавлял Василий Павлович Рожин, присланный из Москвы, где он был проректором МГУ.

Выдвиженец 1930-х гг., внешне он казался ортодоксом, хвастался, что знает наизусть 2500 высказываний классиков марксизма. Но при этом был широко мыслящим руководителем и сыграл важную роль в модернизации философского факультета, добился учреждения новых кафедр и первой в стране вузовской социологической лаборатории. Благодаря ему на факультете стали развиваться новые направления мысли — социология, социальная психология, семантика, семиотика, гносеология и др.

На факультете работали такие великолепные лекторы, как гносеолог Лазарь Осипович Резников, освобожденный из заключения в 1956 г., и его талантливая ученица Мария Семеновна Козлова, ставшая крупным специалистом по логическому позитивизму. Большим авторитетом среди студентов пользовался глубокий знаток мировых религий Михаил Иосифович Шахнович и блестящий эрудит

---

¹ Существует ряд воспоминаний о философском факультете тех лет, написанных преподавателями М. С. Каганом и И. С. Коном, принадлежащими, в общем, к одной из конфликтующих в те годы группировок. Принимаясь за воспоминания 8 лет тому назад, я хотел показать происходящее глазами студента. Когда я уже написал этот раздел, вышли воспоминания моего однокурсника А. Л. Казина «Частицы бытия. Роман с философией» (2013) и учившегося немного позже Г. Л. Тульчинского «Истории по жизни» (2007). И меня поразило, насколько разные наши впечатления. Это и стало одним из поводов для публикации моих воспоминаний. На сайте <http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/> я прочитал интервью крупного социолога и специалиста по эстетике Л. Н. Столовича, который рассказывает о восприятии им происходящего на факультете в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Разница с нашим временем, конечно, огромная. Но даже в той жуткой обстановке идеологических кампаний смогли выжить и стать крупными специалистами такие философы и социологи как сам Л. Н. Столович, Ю. А. Асеев, В. Г. Иванов, Ю. А. Красин, Р. А. Медведев, А. Г. Здравомыслов, О. Ф. Серебрянников, В. А. Ядов. В общем, как всегда, каждый поступает так, как ему прикажет внутренний голос.

в области искусства элегантный Моисей Самойлович Каган, историки немецкой философии Евгений Иванович Водзинский, Борис Владимирович Орнатский, Зоя Михайловна Мелещенко и Моисей Вульфович Эмдин, отсидевший в сталинских лагерях, а затем долгое время работавший банщиком. Кумиром интересовавшихся проблемой развития общества был молодой профессор, высокоэрудированный обладатель двух докторских степеней историк и теоретик социологии Игорь Семенович Кон. Популярны были также основатели эмпирической социологии в СССР Андрей Григорьевич Здравомыслов и Владимир Александрович Ядов, стажировавшийся в 1963–1964 гг. в Англии. Они стремились как-то синтезировать марксизм с парсоновским позитивизмом.

Ректор ЛГУ А. Д. Александров вел в те годы свой философский семинар, состоявший из молодых преподавателей с разных факультетов. Из философов в нём участвовали Юрий Алексеевич Асеев, исключенный из партии и уволенный с факультета за нарушение инструкции «О поведении советских граждан за рубежом», исключительно яркая и обаятельная Светлана Николаевна Иконникова, М. С. Козлова и ее супруг, в то время морской офицер, интересовавшийся философией, Борис Игоревич Козлов, И. С. Кон, В. А. Ядов. На этих семинарах обсуждали проблемы социологии, теории относительности, генетики, эволюционной теории. Характерной чертой всех вышеназванных профессоров было стремление под видом критики буржуазной философии и социологии внедрить в практику обществоведов в СССР новейшие зарубежные концепции. В какой-то степени им это удалось. Они воспитали несколько ярких и высокообразованных специалистов в области гносеологии, истории философии и социологии, создавших позднее собственные школы.

Все это сказывалось на общефакультетском климате. Существовала какая-то раскрепощенность в мышлении, в выступлениях. Мы не были диссидентами, но лояльных к власти было немного, и они старались не засвечиваться. Более ценилось вольнодумство и фрондерство. Я всегда был критически настроен к существовавшему строю и еще в школе часто «богохульствовал», как говорили мои одноклассники. Но о чем мы говорили в Челябинске только в своей компании, а если в ресторане, то шепотом, все это произносилось здесь, на лекциях, в открытую. В первые годы учебы в университетской библиотеке, на полках, в открытом доступе лежали книги З. Фрейда, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, которые, к сожалению, вскоре исчезли, но их еще два-три года можно было купить в букинистическом магазине или взять почитать у товарищей, так как за годы учебы многие из нас составили неплохие библиотеки. К сожалению, к концу учебы старые книги резко подорожали, в их закупке и продаже власть установила жесткий контроль.

Многие курсы, и прежде всего история философии и критика буржуазной философии, сами по себе не могли не породить критической настрои. Лекции и семинарские занятия по истории философии читали люди, увлеченные своим предметом, излагавшие его интересно, творчески, хотя и в очень разной манере — начиная с млеющей от античной философии Веры Яковлевны Комаровой и холодно-сдержанного Евгения Ивановича Водзинского и заканчивая язвительным Михаилом Антоновичем Кисселем, как бы уличавшим самой интонацией своих лекций студентов 5-го курса, что философию как таковую они так и не знают и не понимают, хотя и прочулись пять лет (с чем, в принципе, большинство из нас готовы были

согласиться). М. А. Киссель поведал о сути буржуазной философии, которая оказалась завораживающе интересной. Он раскрыл многообразие ее проблематики и научил анализировать философские произведения по-другому, чем это было принято тогда в литературе.

Было невозможно даже за пять лет уловить все многообразие концепций, как-то разобраться в них и осознать. В этом отношении наиболее последовательным был один из студентов старших курсов Евгений Линьков, изучивший только философию Шеллинга, принесшую ему впоследствии славу оригинального мыслителя у нескольких курсов в 1970-х гг. Мне же немецкая классическая философия всегда была чужда, чтение первоисточников сведено было к минимуму, особенно их русских переводов. К удивлению, я от З. М. Мелещенко получил «отлично» по Гегелю, но скорее ее подкупила моя эмоционально-увлеченная манера отвечать, чем содержание ответа. «Феноменология духа», попавшаяся мне на экзамене, была единственным трудом Гегеля, который я дочитал до конца. Во всяком случае, постоянный переход от одной системы к другой, каждая из которых оказывалась несостоятельной и ошибочной, неизбежно порождает дух критицизма и скептицизма. И в конце трудно было поверить в то, что истину обрели только в марксизме.

Даже на семинарах по истории партии было достаточно интересно, вспыхивали острые дискуссии. Правда, после одной из них наш лектор по истории КПСС Олег Меленьтвич Малышев предупредил меня, что в деканате его расспрашивали о моих вопросах и выступлениях на семинарах. Я обещал больше не умничать и замолк, тем более что на этих семинарах в основном разбирались работы В. И. Ленина, в которых в отличие от некоторых однокурсников я не надеялся найти сокрытую властями правду жизни. Не особенно я сейчас уверен в том, что Малышева вызывали в деканат. Скорее, ему просто не хотелось, чтобы я будоражил публику, создавая проблемы и стимулируя остальных к ненужным дискуссиям. На экзамене мне попались в одном билете две ленинские работы — «Военная программа пролетарской революции» и «О лозунге Соединенных Штатов Европы», которые я не читал, а о первой даже никогда не слышал. Усвоив к тому времени, что лучше нести ахинею, чем молчать, начал фантазировать о первой статье, которая, по моему мнению, должна была относиться ко времени Гражданской войны. Из иронических наводящих вопросов Малышева на мой вдохновенный рассказ о принципах создания Красной армии я понял, что поехал не в ту степь, быстро переориентировался, хронологически связал первую статью со второй, попав на этот раз точно в 1915 г. Малышев поставил мне «отлично», но предупредил, что в дальнейшем попытки выезжать на старом багаже знаний, приобретенном до университета, кончатся плохо: меня обойдут мои более усердные однокурсники, тщательно конспектирующие все труды классиков марксизма-ленинизма. К счастью, он ошибся в своих прогнозах — именно идиосинкразия к их конспектированию помогла мне.

Как ни странно, но курс лекций по истории КПСС Малышев читал интересно, логически продуманно, с некоторой слегка заметной долей сарказма. После Октябрьского пленума ЦК КПСС 1964 г. было опубликовано только сообщение об освобождении по болезни от должностей Н. С. Хрущева, а также о снятии И. Ф. Ильичева и А. И. Аджубея, как говорили злые языки, по болезни Хрущева. Вместо лекции Малышев два часа рассказывал о самом Пленуме и о претензиях в адрес Хрущева. Точен был его ответ на вопрос, почему так скудна обнародованная информация.

«Так ведь речь идет о предсовмине СССР», — сказал он. На следующий год Малышев перешёл на кафедру истории и искусствоведения — как я подразумеваю, избавился от ненавистного ему курса истории СССР.

К тому времени стало известно, что он на самом деле подлинный герой Великой Отечественной войны, что-то вроде позже появившегося Штирлица. Служил в школе Абвера, готовил диверсантов, засылаемых к нам в тыл, а их имена сообщал советской контрразведке. В университете об этом узнали якобы случайно. Кто-то, увидев его, стукнул куда надо, что, дескать, историю КПСС в ЛГУ преподает фашистский гад, офицер Абвера. Срок давности о засекреченных агентах у немцев, видимо, прошел, и органы ответили: «Не волнуйтесь, это не замаскировавшийся враг, а наш человек, герой ГРУ». Когда немцы проверяли Малышева, они его зверски пытали, отпилили полступни, но он ни в чем не сознался. Об этом в дни 20-летия победы над Германией писали в газетах и говорили по радио. Сам Малышев о своих военных подвигах помалкивал и от вопросов на эти темы уходил. Он не требовал от нас проработки документов партийных съездов.

Заседания, семинары на политические темы не практиковались в университете, точнее были не в моде, ведь были семинарские занятия и лекции по научному коммунизму. Но и здесь преподаватели политические штампы произносили насмешливо, даже с какой-то издевкой. Лектор по научному коммунизму Н. М. Кейзеров, который накануне десять месяцев провел во Франции, был очевидцем студенческих волнений и всеобщей забастовки 1968 г., вернулся явно убежденным демократом и либералом. В начале каждой лекции он говорил: «Запишем план лекции», давая в качестве пунктов «дубовые» клише из газетных заголовков типа «Современная революционная ситуация и национально-освободительное движение». Произносил что-то в таком же духе: «В тот момент, когда противостояние коммунизма и империализма достигло наибольшей степени, я был во Франции...» и далее всю лекцию рассказывал, как интересно живет Франция в условиях империализма. Скорее, это были лекции по либерализму, чем по научному коммунизму. Вообще официальная идеология в те годы на занятиях открыто презиралась, и под видом творческого овладения материалом можно было затеять с преподавателем острую дискуссию о целесообразности и цене Октябрьской революции, о противостоянии двух блоков и о реальности конвергенции капитализма и социализма.

Интересными для меня оказались лекции по математике и естествознанию, особенно по химии профессора Р. Б. Добротина и по физике профессора С. Ф. Родионова. Они не имели ничего общего с нынешним издевательством над современной наукой под названием «Современные концепции естествознания». Нередко лекции в этом курсе читают люди, ничего не понимающие в естествознании, а тем более в современном. Особенно завораживающими были лекции Родионова — в хорошо продуманной артистической манере, строго рациональные и с демонстрацией опытов, которые проводили тщательно выдрессированные ассистентки. Перед ним стояла сложная задача — изложить современную физику людям, поверхностно знавшим основы высшей математики, и как-то ему это все же удавалось. Никогда не забуду его ответ на вопрос, что следует почитать для лучшего понимания теории относительности. «Читайте самого Эйнштейна», — ответил профессор со скрытой иронией не только по отношению к спрашивавшему, но и ко

всем популяризаторам науки. Увы, зачет я ему сдавал в основном по А. В. Перышкину, так как С. Э. Фриш и Е. М. Лившиц остались недоступными, хотя некоторые разделы физики я на 1-м курсе пытался штудировать по ним. Но на 2-м курсе это было уже не так увлекательно.

К экзамену по химии я готовился по учебникам Н. Л. Глинки и Л. К. Полинга, с удивлением обнаружив, что химия не столь уж хаотична, как мне казалось в школе. Этим экзаменом началась первая сессия, а я сдавал первый на курсе. Блестящий историк науки Добротин был снисходителен, первый блин не вышел комом. Особенно удивительным стало для меня, что в следующем семестре преподавательница органической химии после сдачи моего зачета пошла даже в деканат просить как-то отметить мои блестящие знания по химии. Если учесть, что на ее лекции я не ходил, а органическую химию учил только двое суток, то ясно, сколь легко было прослыть знатоком естественных наук на философском факультете.

Аналогичная картина сложилась у меня и по математике у Шаповалова. Не вызвала у меня трудностей и математическая логика, которую великолепно читал на 2-м курсе гигант с печальными черными глазами И. Н. Бродский. Он явно ожил, когда на предложение привести хоть одну какую-либо формулу логического вывода я написал все тридцать с чем-то из его же учебного пособия и даже объяснил их смысл. Потом я помогал готовиться к этому экзамену некоторым однокурсникам и обнаружил, что для них этот смысл не был так очевиден. На зачете по кибернетике, которую я самостоятельно тогда изучал по книгам Норберта Винера и Уильяма Эшби, но лекции по которой я не посещал, преподаватель дал какую-то задачу, и я сразу дал ответ, который, как ни странно, оказался правильным. Но он потребовал формулу вывода, а формул я не знал. Тогда он спросил, что такое булево кольцо и был, видимо, потрясен наглостью ответа. Мол, был английский математик Джордж Буль, у него было кольцо, отсюда и пошло — булевы кольца. Но зачет поставил, впрочем, как и всем остальным.

При Рожине на факультете работали И. С. Кон и В. А. Ядов, которые для многих открыли мир буржуазной социологии, немарксистских трактовок личности. И. С. Кон был особенно популярен своими лекциями по сексу. Поскольку, как известно, секса официально в СССР не было, то слушатели страстно хотели узнать, что это за буржуазное наваждение. Незабываемая картина: юные, чистые девушки, привыкшие за лектором каждое слово, высунув язык, конспектировали сведения о стадиях и формах оргазма. Эти лекции Кона проходили в большом зале-амфитиатре исторического факультета, куда набивалось, наверно, человек триста. Сидели на ступеньках, около кафедры, разве что не висели на люстрах. А вот на его лекциях по историческому материализму ажиотажа не было. На это Кон обижался и на экзаменах, по слухам, зверствовал, что не было принято на нашем факультете.

Я старался прочесть основные труды И. С. Кона, особенно по социологии личности. Выделяясь новизной на фоне марксистской ортодоксии, они, тем не менее, скорее закрыли, чем подкрепили мой интерес к историософии. На 1-м курсе я попал на его научный доклад о структуре личности, проходивший в 150-й аудитории. Борис Георгиевич Ананьев громил ролевой подход, указывал на плохое знание физиологии ВВД и психологии. Кон отшутился, что в отличие от тезиса марксизма о том, что познание идет от незнания к знанию, он следует путем от малого незнания

к большому незнанию. Дискуссия не состоялась, и у меня пропало желание заниматься социологией, хотя за работами в этой области я по мере сил стараюсь следить и в наши дни, благо в моем подчинении весьма активная и авторитетная в международном сообществе группа социологов науки, возглавляемая талантливой и яркой Надеждой Алексеевной Ащеуловой. Кроме того, мы много и плодотворно сотрудничаем с директором Института социологии РАН Ириной Ильиничной Елисеевой, а также с ее сотрудницами Еленой Александровной Ивановой и Аллой Владимировной Родионовой. А работы Кона, если попадаются, по-прежнему читаю с удовольствием.

В отличие от Кона, Владимир Александрович Ядов был более либеральным преподавателем, хотя его труды по социологии критиковали не меньше. Особой популярностью пользовались проводимые им в Кяяркику (Эстония) социологические семинары, но исследования по социологии труда казались приземленными и очень далекими от вскрытия исторических законов, интересовавших меня. С моим рабочим стажем заниматься мотивацией труда при социализме не хотелось. Тем не менее многим из студентов уже тогда был понятен масштаб личности В. А. Ядова. 15 лет спустя мне довелось проработать вместе с ним несколько лет, и было приятно убедиться, что студенческие оценки были верны. Весьма интересны и не ортодоксальны были многие пассажи в лекциях Валерия Антоновича Почепко, а Юрий Сергеевич Мелещенко захватывающе читал лекции по такой идеологизированной теме как научно-техническая революция. Его лекции были четкими и очень рационально организованными. Позднее я узнал, что он всю жизнь мечтал стать инженером и сожалел, что это не удалось. Важно, что исторический материализм нам читал не один специалист как единый курс. Скорее, это был цикл лекций, в который каждый преподаватель внес прежде всего свое, оригинальное.

Особой популярностью пользовались лекции по эстетике М. С. Кагана, который в шутку просил не путать его фамилию с пошлой анекдотической фамилией Коган. В свои 50 лет он был очень подтянутый, элегантно одетый и подчеркнута вежливый, подлинный интеллигент и джентльмен, что многим слишком брутальным преподавателям явно не нравилось. Но девушки от него млели. Личностью он был явно творческой. Об оригинальности его вклада в эстетику я судить не берусь, но лекции его привлекали безукоризненностью форм и свободным оперированием примерами из разных сфер искусства. Умело снимал напряжение шуткой, анекдотами, рассказывая которые оставался абсолютно невозмутимым. У Кагана была очень необычная манера приема экзаменов: раздав вопросы, он уходил, а экзаменуемые должны были написать, точнее списать ответ. Вернувшись, он читал подготовленное и, не задавая вопросов, ставил обычно «отлично». Видимо, берег нервную систему от нелепых суждений. А таковых было, видимо, немало. Об одном он сам рассказал. На вопрос «Образ как ячейка художественного произведения» экзаменуемый, видимо отождествив художественный образ с иконой, ответил: «Образ — опиум для народа». Интересны были его рассказы о корреляциях интеллекта исполнителя с видом музыкального инструмента. Больше всего он ценил скрипачей.

Диалектический материализм у нас читали несколько профессоров, в том числе В. П. Тугаринов и В. И. Свидерский, между которыми шли какие-то мало понятные споры. За Свидерским была слава специалиста по пространству

и времени, со взглядами которого считались физики. В наши дни Владимир Иосифович был поглощен соотношением структуры и элементов, требуя от всех освещения этой проблемы. Тугаринов был инициатором ряда направлений в советской философии, но его манера чтения лекций была обескураживающей. Услышав, что «явление — это то, что является», а «сущность — — это то, что существенно», я посчитал излишним их посещение. Единственным, кто блестяще читал лекции по диалектическому материализму, был доцент Вячеслав Григорьевич Иванов. Он же на 3-м курсе вел у нас семинары по диалектическому материализму, и они были великолепными и по форме, и по содержанию. Он специализировался в области философских проблем физики, но отлично знал историю философии и филигранно раскрывал все сложности категорий. На спецкурсах и семинарах Л. О. Резникова, В. А. Штоффа и М. С. Козловой мы узнали о современной гносеологии и методологии, и позитивизм лично для меня стал весьма уважаемым течением.

К тому времени Лазарь Осипович Резников уже был не молод, а годы заключения не пошли на пользу его здоровью. Несколько лет тому назад в делах Отдела науки ЦК КПСС я выяснил, за что его посадили. Оказывается, на его кафедре в Ростовском университете была подготовлена диссертация о случайности и закономерности в истории: тема, стократно защищаемая в те годы, в которой, казалось, нельзя было ничего крамольного сказать. Но соискатель умудрился, доказывая, что вожди пролетариата появляются с железной необходимостью, а что в России ими оказались Ленин и Сталин — это уже случайность. Диссертация прошла на ура, ВАК утвердил, но спустя несколько месяцев кто-то стукнул, и диссертант пошел по этапу как закоренелый враг, а Резников — за проявленную беспечность. Вообще на факультете было несколько человек из репрессированных.

Я назвал только нескольких из своих учителей на первых курсах. Но не хотел бы выделять кого-то особо, ибо все преподаватели факультета воздействовали на студенчество как нечто целое, хотя все были очень разные, делясь на две главные группы: догматиков, к которым относили А. К. Бельха, А. А. Галактионова, В. Я. Ельмеева, П. Ф. Никандрова, и либералов. Мои симпатии были на стороне последних. Но сейчас я понимаю, что деление порой было условно. Многое зависело от возраста, участия в Великой Отечественной войне, от образования. К тому же на идеологические разногласия нередко накладывалась карьеристская мотивация, всегда сильная на факультете, где каждый, привыкнув расправляться с великими философами, считал себя равным им, и никто для него был не указ.

Для моего становления важны были не сами учителя, а дух философского факультета, по тем временам необычный, — дух вольнодумства и демократии. Это всегда отличало ленинградскую философию. Ты мог вступить в диалог с любым преподавателем, а потом пойти с некоторыми из них и крепко выпить коньяка в подвале, в начале Невского проспекта. Заместителем декана философского факультета у нас была Светлана Николаевна Иконникова. Сейчас она крупный профессор, ведущий специалист в области истории, социологии и теории культуры, а тогда молодой доцент, которая не только присутствовала на наших студенческих вечерах, но и лихо отплясывала вместе с нами буги-вуги и чарльстон, за что ее вызывали даже в партком, умело разруливала самые сложные ситуации, пьянки, драки и даже стычки

с чернокожими. К счастью, наши двое африканцев на курсе были тихи и безобидны. По-русски они говорили плохо, и чему они могли научиться, я не знаю, но экзамены сдавали. Правда, их сдавали почти все, и, к моему удивлению, тройки были редкостью. Впрочем, это было также частью общей установки на либеральное отношение к студенчеству.

Политэкономии нам читал Виктор Леонидович Шейнис, впоследствии известный деятель демократического движения, депутат Государственной думы. Читал он хорошо, высказывал немало крамольных по тем временам вещей. Особенно интересно было слушать его анализы политического и экономического положения в африканских странах, например в Нигерии. Но его советам читать «Капитал» К. Маркса я не последовал, ограничился лишь учебником по политэкономии капитализма, который, кстати, был весьма содержателен. Именно за Маркса на экзамене у Шейниса я получил первую четверку за все время обучения, что неожиданно для себя тяжело переживал.

Блестяще и зло читал курс по политэкономии социализма С., гроза студентов, оставлявший традиционно половину 4-го курса без стипендии. Злые языки говорили, что он написал диссертацию о пользе совнархозов и успел ее даже защитить, но вышло постановление о ликвидации совнархозов, и диссертацию не утвердили. Поскольку материал был собран, С. быстро его проинтерпретировал по-новому, доказывая вред совнархозов, и на этот раз его не допустили к защите за отсутствие принципиальности. Он махнул рукой, диссертаций больше не писал и отыгрывался на студентах, которые, конечно, на самом деле не знали ничего. Да и, собственно говоря, негде было узнать, в учебниках по социализму была абсолютная белиберда об отсутствии прибавочной стоимости при социализме и преимуществах социалистической экономики над капитализмом. Мне удалось избежать встречи с ним. Партнеры по преферансу с экономического факультета устроили сдачу экзамена у его ассистента. Вообще с курсами по основным источникам и составным частям марксизма я явно испытывал некоторые сложности. Как раз по ним у меня единственная тройка и четверка в дипломе.

Через много десятилетий я взял в руки труды тех лет некоторых уважаемых мной профессоров и порой был разочарован. Но не следует принижать их заслуги. С тех пор прошло более 40 лет. Для современной науки это целая эпоха. А если учесть, что речь идет все-таки о философии, тесно связанной с социально-политическим строем, который исчез, то было бы наивно сравнивать нынешние и прошлые труды. Тем более что по глубине постановки проблем последние мне и сегодня кажутся предпочтительнее. Достаточно вспомнить классические работы Виктора Александровича Штоффа, открывшего целую эпоху в философском осмыслении проблемы моделирования. То же самое можно сказать практически о каждом из вышеупомянутых профессоров и преподавателей философского факультета. Все они были яркими творческими личностями. Им, а также подавляющему большинству других наших преподавателей я благодарен за то, что их трудами сохранена преемственность философской культуры.

Говоря об учебе на философском факультете, я вспоминаю не столько отдельных его преподавателей, сколько, скорее, его обычаи и нравы, и прежде всего фактически свободное посещение. Мы ходили только на интересные лекции, на других могли присутствовать один или два человека. Лекторы, оказавшиеся в таком

положении, включая и профессоров, а их тогда было мало, себя ценили и не спешили бежать в деканат с требованием принять дисциплинарные меры. В некоторые семестры я посещал буквально один-два курса лекций, а все остальное время занимался тем, чем хотел, посещал лекции по другим специальностям. Много времени на 2-м и 3-м курсах посвятил преферансу, что также считаю важным элементом моей интеллектуальной деятельности в эти годы.

На философском факультете была широко распространена практика досрочной сдачи экзаменов, что позволяло лучше планировать свое время. Некоторые студенты даже на год раньше получили дипломы. Другие, сдав к концу третьего года основные экзамены, оставшееся время целиком посвящали подготовке курсовой и дипломной работ и к концу обучения имели хороший задел для диссертации. Третьи усиленно занимались самообразованием, наверстывая упущенное в молодости, выработывая собственное мировоззрение.

«КАК В СТУДЕНЧЕСКОЙ НАШЕЙ ГУЛЬБЕ...»

Таковыми словами вспоминал наш общежитский быт один из самых неординарных студентов нашего курса Коля Ляпин уже спустя несколько лет после окончания факультета. Он был родом из какого-то нищего рабочего поселка под Воронежем, отслужил армию и долгое время ходил в солдатской форме. Ему никто не помогал, и стипендия была, пожалуй, основным источником его существования. Мы с ним оказались на 1-м курсе в одной группе, и он произвел на меня впечатление вульгарного, плохо воспитанного и не очень образованного человека, говорящего нескладно и порой не знающего элементарных вещей. Тем не менее он умудрялся сдавать почти все экзамены на «отлично» и ему симпатизировали некоторые самые рафинированные девочки-эстетки. Со временем стало ясно, что за грубой, в чем-то неотесанной формой скрывается мечущаяся душа, яро ненавидящая власть и пытающаяся понять суть происходящего с наивной надеждой, что, поняв это, можно будет словом что-то исправить. Позже выяснилось, что Коля с утра до вечера пишет стихи, подражая Маяковскому, и подготовил их целые серии. Вообще эти стихи были антисоветскими от начала до конца, да к тому же пронизанными злобой к любой власти как к народному кровопийце¹. Это был подлинный концентрат ненависти народной к своим насильникам.

Постепенно он стал одной из ключевых фигур нашей компании, считал меня своим близким другом, особенно после того, как я сказал ему, что он настоящий поэт. Это ему многие говорили, но почему-то мое мнение он особенно ценил и даже написал по этому поводу стихотворение, хотя, по большому счету, я никогда по-настоящему не понимал и не понимаю поэзию, хотя стихов знал наизусть много в силу хорошо развитой механической памяти. Коля Ляпин не только писал злобные антисоветские стихи, но и во весь голос пел под гитару «Ох и хитрая ты проститутка, уважаемый наш ЦК». И это еще было самое безобидное. Ходил с гитарой, перевязанной бантом, и пил по-черному, подражая уже Сергею Есенину.

Его песни записывали на пленку, они расходились по всему общежитию и университету. Иногда магнитофон выставляли в окно, и отборная антисоветчина гремела на весь Новоизмайловский проспект. Но как-то обходилось. На 4-м курсе новой замдекана, сменившей Иконникову, надоели подобные демонстрации, и она решила неофициально поговорить с Колей Ляпиным на студенческом вечере. Он, польщенный ее вниманием, выложил ей все свои подборки типа «Москва разгульная», «ЭСЭЭСЭР — тюрьма народная», «Ж... на блюде» и т. п., сдобренные

---

¹ Один из наших одноклассников, Володя Томилов, стал большим поклонником творчества Николая Ляпина, много сделал для его пропаганды, в том числе и в последней книге «Коммунизм как искушение властью» (2013).

обильно феней, а то и матерком. Бедная женщина бледнела, краснела и с трудом прервала поэтический поток. В ближайшую сессию Ляпин получил три двойки и никак не смог их пересдать. Ему грозило исключение, но мы на комсомольском собрании заступились, добились, чтобы пересдать ему разрешили, осудили однокурсников, не желающих помогать такому таланту, и в деканате махнули рукой, посчитав за лучшее не поднимать шум.

Ляпину дали закончить университет, но в характеристике написали, что он рекомендуется на должность лаборанта, т. е. без права преподавать. Он все-таки устроился в вуз где-то на родине, но там столь вольное поведение не поощрялось, его быстро выгнали. Далее он всю жизнь скитался, работал кем придется: то грузчиком, то воспитателем. В конечном счете стал вольным поэтом, известным в андеграунде. Был вхож к некоторым тогдашним знаменитым вольнодумцам, но помощи у них не нашел. Его главная мечта была выпустить сборник стихов. Пару раз ему удалось даже договориться, но в последний момент, практически уже в корректуру, он вставлял такие стихи, что для любого издателя их выпуск был равносильен самоубийству. Погиб он незадолго до начала перестройки под колесами электрички.

Распорядителем его творческого наследия стал Володя Томилов, опубликовав много стихов в периодической печати и в своих книгах. Но их содержание уже перестало быть актуальным, а о форме я судить не могу. Часть этих стихов была посвящена мне, но затем он, видимо, разочаровался в моих гражданских чувствах и написал: «Если ты не творишь, я тебе руки не подам, паразиту...» Под творчеством он в тот момент понимал, что надо писать так, чтобы народ сразу понял, что и как делать, а испуганная власть сама падет. В его поэзии и в суждениях всегда были сложно перемешаны романтика и реальность, чистота и пошлость, ум и наивность и т. д. Его талант остался невостребованным, так как он был крайний нонконформист.

Студенчество философского факультета в те годы поражало разнообразием личностей, как, наверно, ни одно другое учебное заведение. Увы, большинство наших однокурсников, включая меня самого, не понимали, зачем они поступили, кем они будут после окончания, чему их учат и чему надо учиться в первую очередь. И в других вузах такие студенты попадаются, но здесь их было очень много, а культивируемая саморефлексия умножала их число. Многих заворожил буквальный перевод слова «философия» — «любовь к мудрости», и значит, философ — мудрец, а кто ж не хочет быть мудрецом. Но вскоре самые «мудрые» поняли, что вот как раз мудрости научиться нельзя, а словоблудию и пустословию — легко. В разгар споров о предмете и методе философии родился анекдот: предмет философии — пустословие, а метод — словоблудие. Кто-то пришел понять смысл происходящего, а кто-то и жаждал изменить существующее. На каждом курсе рано или поздно оказывались люди, составлявшие программы борьбы за чистоту марксизма-ленинизма и свержение существующего строя.

Встречались карьеристы, надеявшиеся, что философское образование облегчит путь вверх, они в основном концентрировались на отделении научного коммунизма, но и там было немало творческих людей, например очень способный Ляня Челидзе или метавшийся в духовных исканиях Голя Михеев, которого я, правда, узнал лучше уже после окончания университета и который стал моим близким другом. Были среди них и те, кто сначала искренне верил в возможность построения коммунизма. Другие интересовались искусством и хотели изучать эстетику. Немало

на курсе было и просто неглупых и неплохо образованных людей, которые успешно могли и учиться или уже учились в других местах, но там им не понравилась жесткая дисциплина и обыденность специальности, а захотелось чего-то для души, а что из этого получится, они не хотели загадывать.

В какой-то степени таковыми были латгалец Илмар Башко из Риги и ленинградцы Витя Аполлонов, Валера Лапицкий и Игорь Шмерлинг, с которыми мы на 1-м курсе решили создать клуб «БЫК», т. е. «Банда ынтеллигентствующих кустарей», с целью неформального общения и бесед по поводу текущих событий и новинок литературы, театра и кино. Предложение о подготовке программы и выработке принципов организации клуба было отвергнуто, и после моего переезда в общежитие клуб в полном составе не собирался, хотя с Башко мы проводили вместе много времени. Благодаря ему я основательно познакомился с кино и изобразительным искусством. В Ленинграде он проживал на Дерптской улице в комнате старшего брата Раймонда, прописанного в Ленинграде, но находившегося в постоянной командировке в Риге, где у него была семья. У Илмара было удобно собираться, отдельная комната была в те годы редкостью, и порою на 10 кв. м собирались около 20 человек, курящих, пьющих, поющих, танцующих. Когда меня выселили из общежития за конфликт с комендантом, Илмар приютил меня на несколько месяцев. Несколько раз я бывал у него в Риге, довелось мне обрывать вместе с Раймондом в последний путь его отца. Был и он у нас зимой в Челябинске, где, правда, быстро заскучал, так как я сразу тяжело заболел, добравшись до дома.

Илмар вырос в интеллигентной латышской семье, ориентированной на дружбу с Россией. Его отец был депутатом Латышского сейма, принявшего решение о вступлении Латвии в СССР, а мать — любимой ученицей крупного ленинградского экономиста С. И. Тюльпанова, зятя Г. К. Жукова. Ленинград его привлекал как крупнейший культурный центр, который он старался использовать с максимальной эффективностью для самообразования. В отличие от меня он был очень дисциплинирован, лекции аккуратно посещал и записывал. Старался говорить и думать только по-русски, к концу обучения акцент почти не чувствовался, и никаких снисхождений от преподавателей он не получал. Читал обычно лежа, слушая по редкой тогда «Спидоле» в экспортном исполнении зарубежные голоса. Был большой поклонник «Битлз».

На 3-м курсе погибла его мать, врезавшись на полной скорости в бульдозер, стоявший посредине шоссе в глубокой тьме без ограничительных огней. Вскоре скончался отец. Илмар внезапно перестал быть юношей из благополучной семьи. Что-то сломалось и в его отношении к учебе. Он не смог заставить себя написать диплом и в конечном счете уехал, отказавшись пойти на работу в Рижский университет, хотя ректор, живший в том же подъезде и друживший с родителями, буквально умолял его об этом. Убедившись, что будущая работа требует лицемерия, он не пошел на компромисс и предпочел стать строительным рабочим в калымной бригаде. В последний раз я его видел в Риге осенью 1989 г., он почти не изменился, но странно было сознавать, что самый образованный и интеллигентный однокурсник, доброжелательный, прилежный и хорошо воспитанный, отказался от научной и преподавательской карьеры. А ведь он был к тому же красавец, мечта всех девушек философского факультета, но и здесь он не шел на временные компромиссы, мечтая о большой и светлой любви.

Лапицкого и Шмерлинга, как ни странно, объединяли прежде всего способности к любой интеллигентской деятельности. Они учились ровно, легко, в равной степени не боялись ни точных, ни гуманитарных наук, «спикали» по-английски, увлекались преферансом, что больше всего объединяло нас на последних курсах, однако специализировались они оба по диалектическому материализму, что мне было непонятно. Оба окончили университет с красными дипломами, поступили в аспирантуру и в срок защитили диссертации, каждая из которых стала заметным событием в уже набирающем обороты безликом потоке кандидатских и докторских. Валере удалось остаться на факультете и стать одним из наиболее уважаемых профессоров. Он поздно женился на племяннице одного из крупных партийных деятелей, мог сделать большую карьеру, но не захотел отказываться от вольного образа жизни. Он ушел первым из ребят нашего курса, которые были близки мне.

Игорю пришлось сложнее. Он долго не мог устроиться на работу, ему все сочувствовали, но мало кто реально помогал, а некоторые из сочувствовавших даже пакостили. Причем это делали на первый взгляд очень приличные люди, но антисемитизм и честь — две вещи несовместные. В конечном счете ему удалось устроиться в Санитарно-гигиенический институт, где он проработал всю жизнь. К сожалению, его прекрасная диссертация об априорных формах познания так и не получила монографического воплощения, что бесспорно, обеднило отечественную философию. Всю жизнь Шмерлинг остается добрым, заботливым человеком, готовым прийти на помощь. Он женился на однокурснице Люде Сверчковой, получившей также красный диплом, и в молодости я часто бывал в их доме, а сейчас в основном переживаемся..

Хорошие отношения у меня сложились ещё с двумя ленинградцами Витей Павловым и Мишей Борщевским. Оба были намного старше меня, оба имели за плечами разнообразный жизненный опыт. Витя Павлов был блокадник, детдомовец, имел семью и стремился к заработку, посещал занятия очень редко, проводя большую часть на острове Валаам. Все советское и марксистское он не принимал в принципе и в качестве темы диплома выбрал творчество экзотического, эзотерического и мало популярного тогда Э. Гуссерля. Диплом имел большой успех, и его приняли в аспирантуру ленинградских секторов Института философии АН СССР, где менее строго смотрели на беспартийность. Но у него не нашлось времени для написания диссертации. Позже он пытался заняться бизнесом, но, кажется, не преуспел. Лет 20 назад пытался меня заинтересовать какой-то философской системой и исчез окончательно.

Еще раньше были потеряны контакты с несколько пижонистым Мишей Борщевским, который также не тратил попусту времени на ненужные предметы, а сконцентрировался на социологии и быстро защитился у О. И. Шкаратана, одного из начинателей социологии города у нас в стране. Будучи в аспирантуре, я пару раз был у него на даче и в квартире на Трамвайном проспекте. Случайно попал на встречу Нового года на даче родителей его жены, происходившей из семьи директора крупного оборонного НИИ. Встреча запомнилась на всю жизнь, так как неожиданно оказалась почти совсем безалкогольной. Ответственный за доставку этого главного ингредиента праздничного стола в наших широтах разругался с женой и не приехал. Пришлось всю ночь кататься на санках и фанерках с какой-то высокой горы.

Мишина жена тогда только что поступила в аспирантуру психологического факультета и была не слишком уверена в разговорах с нами, Мишиными однокурсниками. Для нее мы были уже сложившимися учеными. Девичью ее фамилию я тогда не знал. Как-то краем уха я слышал, что Мишина жена работает по соседству в Ленинградской части Института этнографии АН СССР ученым секретарем у Р. Ф. Итса. С удивлением я узнал потом от Игоря Шмерлинга, что словоохотливая и острая на язык Галина Старовойтова — это и есть бывшая жена Борщевского.

Сам Миша организовал сектор во вновь созданном Институте социологии и экономики АН СССР (ИСЭП), который сразу был поставлен под строгий контроль обкома КПСС. А там за пятым пунктом следили строго. Не поблагодарив за проделанную работу, его выжили из ИСЭП, и он эмигрировал в Англию. Это давало затем дополнительные поводы недругам Старовойтовой обвинять ее в антипатриотизме. Сейчас очевидно, что антипатриотами были те, кто вынуждал талантливых и образованных людей эмигрировать. Развал Союза — закономерный итог кадровой национальной политики партийного аппарата. А талантливого политика Старовойтову, пользовавшуюся огромной популярностью в Санкт-Петербурге, пародии на мужчин, мнящих себя патриотами, подло убили в подъезде. Насколько я помню, подлинные виновники этого преступления, или, во всяком случае, его вдохновители и покровители, остались безнаказанными.

На 1-м курсе студенты философского факультета жили в общежитии в Старом Петергофе. Вскоре мне стало жалко тратить ежедневно столько времени на дорогу, и я переехал в коммунальную квартиру на пр. Маклина к тете Мирре. В общежитии бывал редко, только по большим праздникам и иногда на танцах. Я плохо знал однокурсников, так как моя койка была в комнате старшекурсников. Некоторое время с нами жил Василий Стрельченко, ставший впоследствии деканом факультета философии человека в ЛГПИ им. А. И. Герцена, но вскоре он ушел в армию. В комнате жили еще два психолога со старших курсов, к сожалению, я забыл их фамилии, но Стрельченко говорил, что они оба стали профессорами. Все трое они спорили с утра до поздней ночи, периодически втягивая и меня в дискуссии, порядком надоевшие мне уже на факультете.

На 2-м курсе я получил место на Мытнинской наб., дом 2, откуда до факультета было меньше 10 минут пешком. В нашей комнате было 7 человек, в остальных примерно столько же. Койки стояли впритык. На соседней койке спал Я. М. Галл, впоследствии мой соавтор по многим работам и сотрудник ЛО ИИЕТ АН СССР. Помимо нас в комнате жили спокойный и молчаливый Юра Роговой и, напротив, очень любившие порассуждать Боря Кругляков и Олег Подлишевский. Но особенно отличался студент младшего курса Сибиченко, которого вскоре сменил наш однокурсник-психолог И. С детства у него были парализованы ноги, но он вырос сильным, смелым и образованным человеком. Его любила одна из самых юных и красивых студенток нашего курса с отделения психологии. Тогда мне казалось это странным. Теперь я понимаю, что для женщин подлинная мужественность часто привлекательнее внешней красоты.

С Сибиченко мы яростно спорили по поводу проходившего тогда процесса Синявского и Даниэля. В отличие от меня, он отстаивал официальную точку зрения. Наши споры не нравились Юре Фурманову, так как отвлекали от занятий. Еще больше раздражала его наша круглосуточная игра в преферанс, почти

не прекращавшаяся в течение трех месяцев. Здесь моими постоянными партнерами были Галл и Подлишевский. Последний был удивительно одаренным к языкам. К тому времени знал уже 6 языков, некоторые из них выучил на моих глазах. Он пользовался большим авторитетом среди студентов и стал первым избранным старостой курса.

Хотя городские и общежитские не очень контактировали между собой на первом курсе, после каникул мы были рады встрече. Окончательно коллектив сложился в совхозе под Рощино, куда нас послали на месяц на уборку картошки. Совместный труд и досуг на свежем воздухе, вечера на кухне, костры и печеная картошка на берегу реки, небольшие спиртные возлияния и танцы, песни под гитару Коли Ляпина — все это способствовало «спеванию и спаиванию» коллектива. Нам надо было выполнять плановые задания, и сачковать было неприлично. Кроме того, неизбежные конфликты с местными и солдатами срочной службы, проявляющими интерес к нашим девочкам, показали сразу, кто есть кто и что от кого можно ожидать. Досрочно сорвавшиеся из деревни, мы попались в электричке за безбилетный проезд с оформлением протокола, который прислали в деканат.

Старшим в нашем отряде был назначен Володя Носов, он же стал его моральным лидером. Бесстрашный спокойный немногословный помор из Карелии со спортивной фигурой и очень надежным характером. Всегда доброжелательный к людям, он легко заводил друзей и приятелей. Был трудолюбив, прилежен в посещении лекций и семинаров, скромнен. Женился на нашей однокурснице Ирине Эйдель, одновременно учившейся на вечернем отделении в Театральном институте. Ирина, защитив диссертацию по истории социологии театра, сосредоточилась на культурологии и стала одним из самых популярных лекторов в нашем городе. О научной карьере Носов, по-видимому, не мечтал, был удивлен, когда научный руководитель, профессор Ю. С. Мелешенко, предложил ему поступить в аспирантуру. Защитил диссертацию. Был замдекана философского факультета, заместителем директора Института повышения квалификации ЛГУ, реорганизованного в Гуманитарный институт СПбГУ, несколько самых тяжелых лет исполнял обязанности директора. Несмотря на уговоры Л. А. Вербицкой, отказался стать директором. Вместе с женой они уехали на постоянное место жительства в Мюнхен, где уже давно обитает их дочь с мужем и двумя сыновьями. У них была уютная двухкомнатная квартира в одном из самых прекрасных городов Европы. В Германии обычно говорят, что немцы делятся на две части: на тех, кто живет в Мюнхене, и на тех, кто мечтает жить в Мюнхене. Но они тосковали без работы. Я не мог понять их ностальгию и желание вернуться назад. Но они вернулись, и вскоре Володя скончался. Это был один из самых светлых людей в моей жизни.

Именно Володе Носову вместе с другими нашими однокурсниками удалось добиться, казалось бы, невозможного и отменить «святая святых» в СССР — посещение военной кафедры студентами нашего курса. Дело в том, что при одиннадцатилетнем образовании и обязательной двухгодичной производственной практике было почти невозможно избежать воинской службы, и кафедра стала не нужна. Подавляющее большинство наших студентов отбарабанили от звонка до звонка по три-четыре года в армии или на флоте. Остались только белобилетники или необученные военнообязанные, не годные к строевой службе. Отмена хрущевских нововведений в образовании сделала необходимым снова ввести военную кафедру

в вузах, чтобы не отправлять новоиспеченных инженеров, врачей, учителей и т. д. на три года срочной службы солдатами после окончания вуза. Вводили военные кафедры, естественно, с 1-го курса. Но в ЛГУ, желая трудоустроить отставников и напомнить бывшим солдатам о том, что Родина их не забыла, кафедру ввели со 2-го курса с летними лагерями после 5-го курса, что ставило под угрозу поступление в аспирантуру, затрудняло устройство на работу. Фактически кафедра не нужна была никому, особенно отслужившим. Все помалкивали, и только студенты нашего факультета решили побороться, что казалось совершенно безумным в то время. Слава Лебедев, Владимир Носов и Игорь Ягодников от имени демобилизованных студентов (а они составляли большинство курса) поехали в Москву и дошли до самых высоких чинов, включая первых заместителей министра обороны и министра образования. Последний уже послал приказ в ЛГУ исключить делегатов за отсутствие патриотизма. Представитель военного ведомства оказался человечней и внял их доводам. Кстати, деканат не спешил выполнять приказ своего министерства. Видя твердую позицию курса и не желая скандала, решили вводить кафедру с 1-го курса. Но бедным нашим девочкам, которые помалкивали, пришлось учиться на медсестер.

Именно Носов со временем стал моим ближайшим другом, с которым мы прошли буквально «огонь и воду», вместе отдыхали, сажали и копали картошку на его даче, шабашили в калымных бригадах в Коми АССР и на берегу Черного моря. Мы гуляли на свадьбах друг друга, отмечали совместно дни рождения, часто встречались и перезванивались. В совместных студенческих вечеринках Носов всегда был старше и разумнее, предотвратив меня и тогда, и после от ряда необдуманных поступков.

После окончания университета он предложил несколько дней провести в его родной деревне на Яндом-озере. Туда надо было добираться на «Ракете» по Онежскому озеру до Великой губы за Кижы и далее три километра пешком по болоту по узкой, выложенной деревьями тропинке, а затем на лодке перебраться в заброшенную деревню. Большинство огромных домов уже развалилось, часть была сожжена дикими туристами, оставался лишь дом, в одной половине которого жил старик со старухой, а вторая половина принадлежала родственникам Носова. Карельская природа напоминала мне Урал, а озеро просто кишело рыбой. За полчаса мы ловили по ведру окушат, лещей, язей и ершей, чего хватало на тройную уху. В дальнейшем мы с ним не раз бывали в Карелии, рыбачили на Онеге и Шот-озере, но первая послеуниверситетская рыбалка помнится лучше всего.

Однажды мы с его двоюродными братьями из Великой губы отправились на рыбалку и за грибами на один из островов Онеги. Там мы вышли на поляну, где волнушки сплошным ковром в несколько рядов покрывали огромную территорию. Подобного изобилия грибов я никогда больше не видел. Вся проблема состояла в том, чтобы нарезать только самые молодые и ароматные грибы, а потом довести их до Петрозаводска. Последнее оказалось нелегко. Из-за тумана «Ракеты» не ходили, и нам пришлось добираться автобусом до Медвежьегорска, а оттуда уже поездом. Здесь не обошлось без приключений. При посадке в вагон пьяный проводник с окровавленными и плохо забинтованными руками кричал: «Не садитесь. В вагоне бешеный лев». Увидев, что мы его не послушали и вошли в вагон, он спрятался в служебное купе и не показывался до самого Петрозаводска. В действительности

по вагону рыскал огромный разъяренный ньюфаундленд, который, как оказалось, и искушал проводника. Володя быстро понял, из-за чего нервничал громадный пес, заговорил с ним, успокоил, накормил, и вскоре они стали большими друзьями. К сожалению, он не мог взять его с собой в Ленинград и отдал кому-то из пассажиров. И в дальнейшем я не раз убеждался, как он любит животных, а они его.

Если с Володией Носовым ассоциируется увенчавшаяся победой борьба за отмену военной кафедры, то живший с ним вместе Володя Томилов, будучи председателем Студенческого совета факультета, был инициатором пересмотра учебных планов на факультете. Кстати сказать, здесь мы, скорее, вред сотворили, поскольку исключили математику, физику, химию, и в итоге марксистская философия все дальше и дальше уходила от современной науки. Но сам успех идущей со стороны студентов инициативы — явление редкое в советской высшей школе 1960-х гг. Как и Ляпин, Володя Томилов был непреклонный противник социалистического строя и занялся историей классической немецкой и русской философии, чтобы показать неизбежное превращение коммунистического идеала в тоталитарную систему. И хотя он был одним из лучших специалистов в области философии XIX в. и автором ряда монографий, ему не дали защитить докторскую диссертацию, а накануне пенсионного возраста выкинули из Томского университета, где он проработал всю жизнь, как только начался закат демократического движения. Но он не сдался и продолжает писать и издавать малыми тиражами книги, разоблачающие тоталитарный режим.

Нельзя не упомянуть еще об одной неординарной попытке Володи Томилова и другого нашего однокурсника Леша Челидзе — убедить комсомольцев философского факультета поддержать инициативу студентов физического факультета и вынести на комсомольской конференции отрицательную оценку деятельности Комитета комсомола ЛГУ, пользующегося правами райкома. Случай немислимый в тот период, бросавший тень и на партийную организацию, и на воспитательную работу в ЛГУ. Для спасения ситуации было объявлено, что конференция не была отчетно-перевыборной, а якобы носила характер подведения итогов. На следующую конференцию отбирали каждого делегата под контролем деканата и партбюро. Особо строгие инструкции были даны по философскому факультету, так как ректор сказал: «Не страшно, если физики занимаются политикой, им скоро это надоест. А вот политиканство философов должно пресекаться на корню». Вопреки давлению комсомольское собрание забаллотировало при избрании делегатов декана факультета В. П. Рожина. В конечном счете ректорат и партбюро ЛГУ добились от делегатов признания работы прежнего Комитета ВЛКСМ удовлетворительной, хотя в новый состав комитета никто из прежнего руководства не попал. Так было удовлетворено и требование недовольных студентов. При распределении Томилову припомнили это бунтарство. Ему не предложили аспирантуру, хотя он, бесспорно, был одним из лучших студентов факультета, а отправили с женой-красавицей Галкой Боярской, нашей однокурсницей с отделения психологии, и двухгодовалой дочкой Мариной в Томск, куда желающих ехать не было.

Бывали и другие случаи, когда делались попытки наказать наших однокурсников явно по политическим мотивам, но мы вставали на защиту, и их оставляли в покое. Правда, это было не всегда. Уже на 5-м курсе выяснилось, что один из студентов с отделения научного коммунизма, известный как ортодоксальный марксист и активный

коммунист, вырезал из газет буквы, склеивал из них обличительные письма и рассылал по инстанциям. Таким образом, он считал себя борцом с режимом, предавшим чистые идеалы коммунизма и погрязшим в казнокрадстве и коррупции. Нам такой способ борьбы показался неэффективным, и мы не стали возмущаться, когда его завалили буквально в последнюю сессию. Ему не дали восстановиться, он устроился на Ленмясокомбинат, стал начальником цеха и через несколько лет жил намного лучше каждого из нас. Но тоска жила в нем, на преподавательскую деятельность философа он смотрел, как на несбывшийся рай. Никто не стал разуверять его в этом.

Однажды, студенты заступились и за меня. С 3-го курса мы жили в первом корпусе будущего общегородского студенческого городка на Новоизмайловском проспекте, где жили студенты ЛГУ и каких-то других вузов. Нам, привыкшим к вольностям университетских общежитий, претили попытки коменданта установить жесткий контроль на входе и строгий распорядок вечерами. Как члену студсовета мне приходилось спорить с комендантом и по поводу проживания семейных пар с детьми в общежитии, которым, конечно, по положению нельзя было там жить, но другого места у них не было. Студенты сами старались как-то выделить им отдельные комнаты, идя на разные обмены и ухищрения.

Увидев меня как-то сильно выпившим, комендант стала мне выговаривать, а я в сердцах пригрозил добиваться освобождения ее с должности. Скорее всего, обошлось бы без последствий, но на грех приехал в тот день с проверкой секретарь партбюро факультета Д., которому разобиженная комендант пожаловалась. Он, услышав мое отчество, приказал меня немедленно выселить. Однако студсовет и комсомольская организация не согласились с этим, доказывая неправомерность выселения студента из общежития. Тогда ректорат поставил вопрос об отчислении меня из университета. Здесь запротестовал деканат, видя, что наказание не соответствует проступку, ведь тогда пришлось бы выселять пол-общежития. К тому же я был одним из главных претендентов на именную стипендию, и деканату не хотелось терять успевающего студента, за которого ходатайствовали некоторые преподаватели, курс и бюро комсомола факультета. В подвешенном состоянии я находился несколько недель. Комендант отобрала у меня постельные принадлежности, но выселить не могла, так как приказ о выселении то издавался, то сразу же отменялся. В конце концов мне это надоело, и я съехал на несколько месяцев жить к Илмару Башко, хотя продолжал быть прописан в общежитии.

В дальнейшем комендант предпочитала меня не задевать, и мы жили с ней мирно.

Закрывала она глаза и на то, что на 5-м курсе я жил в отдельной комнате со своей первой женой — эстонкой, целевой студенткой из Таллина.

Жена была на курс младше меня. Училась на психологическом отделении, которое с 1966 г. стало самостоятельным факультетом. Но селились философы и психологи вместе, часто в одних комнатах. У нас были общие друзья, вечера, а со временем выяснились и общие интересы. К тому же у меня с ней были и схожие характеры, что при условии воспитания в разных культурах впоследствии оказалось чревато взаимонепониманием.

Накануне регистрации нашего брака произошел забавный случай. Когда ее родственники узнали, что мы собрались пожениться в Ленинграде, не устраивая свадьбы, они прислали на разведку какого-то порученца, чтобы ненавязчиво разузнать, что из себя представляет жених. Разведчик оказался не очень умным человеком, да

к тому же лишенным чувства юмора. И, когда он вдруг ни с того ни с сего стал говорить, что я должен осознавать меру ответственности перед семьей, с которой мне предстоит породниться, я ответил, что не совсем понимаю, о чем идет речь, ведь я на самом деле потомок царя Давида. Весь юмор состоит в том, что этот тип передал мои слова родственникам будущей жены так, что они всерьез ее спросили, а не привираю ли я. Кстати, они приехали на регистрацию, а моя мама и тетя Рая настояли, чтобы наше бракосочетание было отмечено, как положено. На многолюдном торжестве, где наряду с нашими родственниками было много наших студенческих друзей, веселились все без различий по национальности.

Конечно, частые компании, танцевальные вечера и песни под гитару были неизменным атрибутом студенческой жизни. В этих компаниях бывали и представительницы прекрасной половины курса, составляющие его пятую часть, но каких-то конфликтов и трагедий по этому поводу не помню. Все они, конечно, были яркие и красивые, с разной степенью и склонности к учебе. Кто-то из них симпатизировал мне, кому-то я. Были и взаимные симпатии, но как-то не сложилось. Но вообще-то о своих увлечениях я узнавал обычно последний. Знаю, как внимательно женщины прислушиваются к тому, что говорят о них, и как непредсказуема их реакция, ограничусь перечислением в алфавитном порядке тех, о ком до этого не писал, но которых вспоминаю сейчас также с теплыми чувствами: Таня Акиндинова, Нонна Богданова, Люба Васильева, Лена Добринская, Люба Иванова, Галя Иващенко, Ира Ищенко, Аза Москаленко, Люда Мацына, Люда Машкова, Ася Поджарова, Зоя Перскевич, Валя Петрова, Тома Савченко, Люда Сверчкова, Галя Соляник, Таня Сенченкова, Люда Турунхаева, Наташа Тян, Таня Уточкина, Элла Шумилова. Наверняка кого-то забыл, а спросить подчас уже не у кого.

В студенческих компаниях мы были очень раскрепощены. Пели, танцевали, флиртовали, особенно по субботам, когда до поздней ночи шли танцы, после которых порой с новыми знакомыми с других факультетов разбредались по лестничным клеткам. Очень популярными были коллективные песнопения, прежде всего гимн якобы студентов философского факультета, который начинался так:

Бей профессоров, они гадюки!
Замутили все они науки,
Циклотроны, позитроны, философские законы —
Очумели мы от этой скуки.
Мы Гегеля и Фихте не читаем.
Мы этих чуваков не уважаем.
Раз читаем, два читаем.
Ничего не понимаем.

Почему-то была очень популярна песня «Солдаты группы “Центр”», хотя вначале еще никто не знал ее автора, а также целая серия полушутливых-полублатных двусмысленных песен, типа:

А потом к ней на кровать
И давай роман читать.
Читал, читал, читал, не дочитал.

Но было и много серьезного в наших студенческих компаниях. Прочные позиции завоевывала авторская песня, которую по радио услышать было нельзя. Шла радикализация пристрастий. Песни Булата Окуджавы и Александра Галича слышались все реже. Их сменили песни Владимира Высоцкого, сперва полублатные-полулирические, приобретая все большую популярность по мере крепнущего мастерства поэта-барда и усиления политической остроты их содержания. Постепенно Высоцкий становился главным нашим кумиром, которому подражали многие.

Была еще одна особенность нашей «студенческой гульбы». Когда мы собирались в своей компании за столом с водочкой, мы продолжали спорить о проблемах эволюционной теории. Моя сестра, которая училась в другом вузе, до сих пор вспоминает, что это было очень удивительно для нее, что мы всегда в основном говорили только о науке.

Нет возможности рассказать о других студентах факультета, каждый из которых был достаточно своеобразной личностью. Например, латышский поэт Ян Рокпелнис, с которым я некоторое время жил в одной комнате, с утра до вечера трудился над шлифовкой своих стихов и переводов. А остальное время слушал голоса из-за «бугра». Женя Рубан появился у нас на 2-м курсе и сразу стал заметен, так как той же осенью стал чемпионом Ленинграда по шахматам. Он был, вероятно, очень талантливый шахматист, так как шахматами почти не занимался. Большую часть времени он посвящал чтению фрейдистской литературы, а также антисоветских сочинений. С ними он охотно знакомил и некоторых из нас, но ни у кого никаких неприятностей на этой почве не возникало. Посадили его уже после окончания университета, часть срока он отбывал в Томске, заходил там в гости к Томиловым.

Были и ребята, не желавшие тратить время на наши бесконечные посиделки и старавшиеся побыстрее окончить курс, чтобы заняться научной работой. Наиболее ярким среди них, наверно, был Валера Лейбин, ставший одним из ведущих психоаналитиков России, автором более 30 популярных книг, в том числе изданных во многих странах. После окончания университета он сразу поступил в аспирантуру Института философии АН СССР, а затем работал в Институте системных исследований АН СССР. Валера непроизвольно вызывал уважение целеустремленностью и трудолюбием, хотя в университете мы общались редко и знал я его в основном как друга моих друзей — Носова, Томилова, Фетисенко. Впоследствии мы не раз встречались в Москве, я бывал в его семье. Если память не изменяет, у него было трое детей, мал мала меньше. К тому времени у меня самого были дети, и я понимал, как тяжело их растить. Но в их доме царили мир и оптимизм.

Легендой курса был кандидат в мастера по вольной борьбе Миша Бениашвили, единственный на курсе, которого мы звали преимущественно по кличке Бен. От природы он был умен, предприимчив, находчив и циничен. До университета Бен работал директором комсомольского магазина и поражал мое воображение, сколько, оказывается, можно было «зарабатывать» за день уже в то время. На свой наивный вопрос: «А попадают ли в торговле честные люди?» — я получил неожиданный ответ: «Есть, но они быстро садятся». Спортсменам при поступлении была зеленая улица, но Бен не смог пройти собеседование и при содействии спортивной кафедры был зачислен на вечерний факультет с правом посещать лекции на дневном отделении. Перевестись затем к нам было уже делом техники, а уж ее Миша знал, как никто на свете. Мне позднее казалось, что сыгранный намного позднее

Калягиным в «Прохиндиаде» герой списан с Миши, хотя последний был высоким, стройным и очень красивым юношей.

Бен на полном серьезе был уверен, что, если бы хоть немного учился, был бы ленинским стипендиатом. Но учиться ему было некогда, он все время кого-то устраивал в институты Ленинграда, кого-то нанимал за деньги сдавать за себя или за них экзамены, оказывал услуги некоторым административным работникам, а возможно, и преподавателям, занимался фарцовкой и т. д. Он мне честно говорил, что за всю жизнь прочитал только две книги, и то не до конца. Тем не менее, начиная со 2-го курса, он почти все экзамены сдавал без проблем, правда в индивидуальном порядке. Он был уверен, что всех и вся можно купить: выпивкой, девочками, шмотками, контактами и т. д. Но, конечно, главной причиной была доброта преподавателей нашего факультета, где по большинству предметов «тройка» была самой низкой оценкой, а пятерки и четверки почти все ставили направо и налево. Были и серьезные осечки, например с В. А. Штоффом. Он у него экзамен не принял. Но Михаил в конечном счете обошелся, но на очень высоком уровне. Его некоторые ответы вошли в студенческий фольклор. Например, на вопрос профессора Нины Александровны Тих, крупнейшего специалиста в области сравнительной психологии, какая форма чувственного познания возникает у него при взгляде на доску, Бен ответил: «Раздражение». Рефлекторное отдергивание собакой ноги после удара током называл ориентировочным рефлексом «что такое?», Аристотеля именовал Аристотели и т. д. Он специализировался по научному атеизму и обещал М. И. Шахновичу написать диплом об особенностях иудаизма в Грузии. На вопрос, умеет ли он читать по-древнееврейски, Бен ответил гордо: «Умею, но ничего не понимаю». Мне иногда казалось, что то же самое он мог сказать на вопрос о чтении русской литературы. Не сразу, но Бен все же получил диплом, и мы полагали, что в дальнейшем ему уготована счастливая жизнь подпольного миллионера, которые тогда уже начали появляться. Но мы ошиблись, несмотря на удачное начало — открытие какой-то престижной спортивной школы, Бен проиграл: его, как теперь говорится, отжали от бизнеса, отобрали в пользу кого-то другого. Сам он одним из первых, ещё в середине 1970-х гг., эмигрировал, по слухам, в Голландию, где якобы тренировал какой-то местный футбольный клуб.

Еще больше мы ошиблись с другим студентом нашего курса, который, напротив, был очень усерден, посещал все лекции, переписывал от начала до конца первоисточники, учил с утра до поздней ночи определения понятий и немецкие слова. Результат этого титанического труда был нулевым. Он мог, например, прочитав по-немецки President Eisenhower, недоуменно сказать, что не может перевести, ведь Eis — лед, а что такое hower, он не смог найти в словаре. Немецкий как раз и стал препятствием в его студенческой карьере. Преподаватели немецкого языка были педантичны. Получить у них зачет можно было, только зная основы грамматики и сдав сотни тысяч знаков. И ни на какие компромиссы они не шли, их нельзя было разжалобить. Насколько я помню, с нашего курса отчисляли только из-за немецкого языка. Но ему удалось перейти на заочное отделение, там требования были попроще. Нечеловеческое усердие и преданность, с которой он смотрел на однокурсников и особенно преподавателей, подкупали и вызывали жалость. Над ним смеялись, потешались, рассказывали анекдоты, десятки раз прогоняли с экзаменов и зачетов, в конце концов самые твердые и принципиальные сдавались и ставили тройки.

Был он намного старше всех нас, совершенно лысый, с редкими зубами, стальными фиксами. На меня он производил впечатление человека с начальным образованием и без коры головного мозга. Тем не менее я постоянно ему помогал в переводах и даже защищал от насмешек некоторых однокурсников, так как был приучен, что над слабыми потешаться нехорошо.

Но после окончания университета выяснилось, что он прекрасно адаптировался в повседневной жизни и знал ее главные пусковые механизмы лучше каждого из нас. Я был удивлен, встретив его в Публичной библиотеке и узнав, что он пишет кандидатскую диссертацию о русских революционных демократах. Мы несколько часов проработали вместе, и я заметил, что сбор материала у него заключался в механическом переписывании каких-то совершенно бесцветных статей 1950-х гг. Но он защитился и, встретив меня через несколько лет, по привычке попросил помочь напечатать книжку, обещая за это ящик коньяка и мешок омуля и кеты. Это было в конце 1970-х гг., все планы утверждались в РИСО, и мне было странно представить, что можно протолкнуть монографию обходным маневром. Но книгу он вскоре опубликовал, а затем и вторую, и, специалисты говорят, вполне профессиональные и неплохие, защитил докторскую, стал профессором, заведующим кафедрой. Я же, периодически встречая его, замечал, что он ничуть не изменился. По-прежнему не мог связать двух слов, ни одно научное суждение в его голове не появлялось, а чужие также не задерживались. Теперь он уже меня расспрашивал, как поехать за рубеж, попасть в архивы США и Канады. Особенно поразил уверенный ответ: «Научусь» на вопросы о необходимости для этого знать хотя бы основы английского языка. Это при известной всему курсу уникальной неспособности запоминать элементарные слова на русском, не говоря уже об иностранном языке.

Я уже не удивлялся, увидев его по телевидению, совсем не изменившимся, в марте 2000 г. среди доверенных лиц кандидата в президенты В. В. Путина. Через пять лет он пришел на мою лекцию по антропогенезу на курсах повышения квалификации на философском факультете. И снова я сразу узнал его. Он просидел два часа, и было видно, что не понял ни слова. Даже имитация интеллектуальной деятельности никак не отражалась на его лице. По слухам, он организовал специализированный совет по защите диссертаций, в который входили мои неглупые однокурсники, отзывавшиеся о нем с уважением. Правда, на тех же курсах одна доцент с его кафедры жаловалась, что он установил аракчеевский режим и прессует всех, кто не поет ему осанну. Но жизнь на кафедрах, особенно провинциальных, имеет свои законы, и вообще редко кто доволен своим шефом. Хотя на память пришли строки из популярной песни Владимира Высоцкого о козле отпущения:

Покажу вам «козью морду»
настоящую в лесу...
Все подохнете без прощенья,
Отпускать грехи кому — это мне решать:
Это я — Козел отпущения!

Скольким таким козлам каждый из нас вольно или невольно дал в дорогу в жизнь! А еще мы удивляемся решениям законодательных и исполнительных органов относительно науки.

Последнее сообщение о своем однокурснике я получил после его кончины. В журнале, который выпускал его институт и в котором он был заместителем главного редактора, вышла статья В. К. Жирова, члена-корреспондента РАН, директора Полярно-альпийского ботанического сада-института, в которой предлагалось отказаться от всей современной биологии и в области охраны природы, экологии, систематики и т. д. и базироваться на сочинениях отцов церкви. Поднялся жуткий скандал. Против статьи выступили и некоторые православные теологи, и, особенно, биологи, недоумевающие, как подобное могло появиться в журнале, включенном в список ВАК по естествознанию. Главный редактор журнала, он же ректор Мурманского государственного технического университета, вынужден был признать публикацию статьи в научном журнале ошибкой, вину за которую возложил на умершего к тому времени моего однокурсника. По словам ректора, именно этот однокурсник настоял на публикации статьи как оригинальной, хотя и дискуссионной. Какие он при этом привел аргументы, можно только догадываться.

Для меня же остаются загадочными мотивы стремления этого человека к научным титулам и званиям. При его уникальном обыденном сознании и понимании жизни он наверняка мог бы добиться большего в любом другом качестве. И еще я не могу поверить, что можно быть профессором математики, не зная, что дважды два четыре. А вот в философии, не зная таких же основ, оказалось можно. Это блестяще доказал мой однокурсник. Его случай уникален в истории человеческой мысли. Воистину Россия — страна чудес в области интеллекта.

Когда писались эти строки, ни Г. Гейне, ни М. Ю. Лермонтов, видимо, и не представляли себе, что на Крайнем Севере одинокая сосна стоять не могла, так как они вообще там не растут. В тундре встречается только береза, да и та кустарничковая, карликовая *Bertula nama*.

В пору моего детства полярная лихорадка утихла. Северный морской путь был освоен. Экспедиция У. Нобиле и челюскинцы были спасены. Обитатели полярной станции № 1 во главе с Папаниным провели 247 дней на дрейфующей льдине в разгар сталинских репрессий и вернулись обратно. Но отзвуки тех героических дел еще жили в кино, воспоминаниях, популярных детских книгах. Во 2-м классе весной мне попала в руки книга капитана ледокольного судна «Седов» В. И. Воронина, которая захватила меня так, что стала первой моей книгой, читаемой на уроке. Наказания Лидии Ивановны не могли оторвать меня от приключений зимовщиков, дрейфовавших несколько лет в арктических широтах. Нас продолжали волновать сообщения о полярных станциях начала 1950-х гг. и первые антарктические экспедиции. Но со временем они стали обыденными, мы повзрослели, героический флер Арктики развеялся.

Он вспыхнул снова в миг, когда однокурсники Володя Носов и Миша Сундушников в начале октября 1966 г. ввалились в общежитие на Ново-Измайловском проспекте, обветренные морским воздухом Арктики, с рюкзаками, полными копченой рыбы муксун и омуль. Казалось, ожили мечты прошлого и передо мной были реальные покорители Крайнего Севера, да к тому же приятели.

Такие знаменательные события принято было отмечать. Быстро организовали стол, принесли водки, пива, и начался пир с экзотической рыбой, которую нельзя было найти в Ленинграде. В разгар вечера, часов в 12 ночи, пришла замечательная идея посмотреть, как горят привезенные с Севера фальшфейеры, представлявшие собой нечто подобное гигантским бенгальским огням. Вышли в коридор и зажгли на лестничной площадке, зрелище было действительно замечательное. Расстроенный тем, что большинство обитателей общежития спят и не могут им насладиться, я решил затушить огонь о пол, но линолеум начал быстро плавиться, и тогда, высоко подняв фальшфейер над головой, подобно Данко с горящим сердцем, как вспоминали позже со смехом мои друзья, я помчался тушить замечательный огонь в унитазе. Фальшфейер, предназначенный для подачи сигналов в сильный дождь, погас с трудом. Насладившись отблесками арктической романтики, мы сели играть в преферанс, но рассказы об Арктике, где есть такие замечательные вещи, как фальшфейер и невиданный копченый омуль, крепко запали в сердце. К тому же студент со старшего курса Валера Михайловский привез аж шкуру белого медведя. Немалую роль играли денежные соображения — за три месяца можно было заработать чистыми

более 500 рублей, что равнялось моей годовой повышенной стипендии. А там мы при этом находились бы на всем готовом. Все заработанные деньги перечислялись в сберкассах в Ленинграде. Очень хорошо продуманная мера, защищавшая от того, что их там же у тебя отберут или что ты сам их пропьешь. Покупали в основном в кредит в самой экспедиции, а потраченное вычиталось из зарплаты. На руки выдавали лишь какую-то мелочь — так называемые полевые.

Благодаря Володе Носову мне удалось договориться с Географическим предприятием, располагавшимся на Московском проспекте, что они возьмут меня летом для дежурства на водомерном посту для наблюдения за уровнем моря во время съемок дна моря Лаптевых. Перед самым отлетом выяснилось, что не хватает людей на водопост, и мне удалось уговорить Борю Фетисенко, который вместе со мной специализировался по биологии, присоединиться. Экспедиция должна была продлиться чуть более трех месяцев. Мы летели в базовый порт Тикси, где зимовали пять гидрографических судов экспедиции, бороздивших летом разные участки моря Лаптевых и ведущих съемки дна с помощью гидроакустических приборов, на которых дежурили курсанты Макаровского арктического училища. В экспедицию входили также геодезисты, гидрологи и гидрографы Географического предприятия. Основная часть команды судов обитала зимой в Ленинграде, в Тикси на зимовку оставалось несколько человек: капитан, боцман, механик, один или два матроса. Остальными матросами были курсанты-практиканты из Макаровского училища. Во время сильной качки они страдали от морской болезни не меньше нас, и старожилы говорили: «Раньше суда были деревянные, зато матросы железные, а теперь суда железные, а матросы даже не деревянные, а г...»

Полет на Ил-18 продолжался около 10 часов с посадкой в Нарым-Яре и Хатанге. Рано утром оказались в аэропорту, находившемся в нескольких километрах от Тикси, куда нас повезли в грузовых машинах. Аэропорт был достаточно вместительный, так как в случае непогоды, которая могла начаться в любую минуту, ждать вылета приходилось по несколько суток. Кругом простиралась бесконечная тундра, которую я видел впервые. Потряс плакат на арке при въезде в Тикси: «Добро пожаловать» — и сразу справа начиналось кладбище. Суда, впаянные в лед, стояли в нескольких сотнях метров от берега, и до них сперва ходили по льду, который стал быстро таять, образовались огромные лужи, затем трещины, и добираться приходилось, перепрыгивая через них или по доскам. Эти временные мостки постоянно перестраивались, льдины сходились, расходились, и надо было быть бдительными. Вскоре на берег стали ходить на моторках, иногда в небольшой шторм, и было неуютно находиться в лодке в фуфайке, а порой и в стеганых штанах, когда со всех сторон летят брызги ледяной воды. С каждым днем становилось все теплее, и матросы шутили: мол, как на юге, постелешь на палубу шубу, расстегнешь фуфачку, и можно загорать. Однажды температура поднялась даже до 16 градусов, обычно было 8–10.

Сам Тикси был небольшой посёлок, раскинувшийся вдоль берега и прижатый к бухте грядой сопок. Это был порт, функционирующий чуть более двух месяцев в году. Через него шел завоз грузов во все полярные станции от Тикси до Анадыря. Чтобы успеть до конца навигации, погрузка и выгрузка шли круглосуточно. Грузчики приезжали на сезон, в основном из Одессы, зарабатывая по 1000 рублей в месяц. Ходили они, подлинные богатыри, всегда бригадами, готовыми дать отпор любому,

кто покусится на них, а тем паче на их деньги. Постоянных жителей было не больше 5 тысяч. Как правило, они так уставали от пьянки за зиму, что к работе были мало пригодны. Основную летнюю работу выполняли приезжие, вкалывали круглый год только на полярках (так назывались постоянные полярные станции), где зимовали каждый год по 10–12 человек, в том числе и на расположенных вблизи Тикси. Обитателям полярков, призванных вести постоянные метеонаблюдения и быть радиомаяками, приходилось тяжелее всего. Для них никто ничего не делал, надо было позаботиться, чтобы в срок завезли провиант, бензин, керосин, успеть запастись дровами, наколоть и нарубить их, наловить и накопить на зиму рыбы, запастись мясом.

Условия жизни были тяжелые. Сильные морозы, иногда целыми днями пурга, такая сильная, что порой люди, выйдя из дома в центре поселка, чтобы навестить соседа, уходили в тундру, и их останки находили только весной, часто разорванные волками и песцами. Кроме какого-то количества молодых специалистов, приехавших по распределению, здесь обитали или бывшие ээки, которым некуда было ехать на материк, или люди, обленившиеся уже так, что к обычной жизни в течение всего года были неспособны. Народ был суров, а по пьянке обидчив, горяч и вспыльчив. Поймать перо в бок, а то и в сердце ничего не стоило. Обиды держались долго.

К работе обитатели Тикси были не приучены, развращены большими деньгами. На берегу сразу шел коэффициент 1,8, на полярке — 2,0, каждые полгода добавлялось по 10%. Через пять лет получался коэффициент 3,0, часто на всем готовом. Отпуск брали раз в три года, уезжали на материк или Большую землю, так называлась остальная часть СССР, чтобы с шиком и размахом растратить заработанное. Но были и такие, кто безвылазно сидел по 10–15 лет, и, возможно, на это были особые причины, но об этом лучше было не спрашивать. Да правду никто из них не сказал бы, а сочинять они были мастера. Особенно жалко было детей, находившихся почти 9 месяцев в году без солнца. Они выглядели, скорее, как бледные спирохеты.

В промтоварном магазине было много товаров, которые на материке были тогда в дефиците, например магнитофонные бобины или цветные фотопленки. Мясо — в основном оленина, стоившая около 80 копеек за килограмм, остальные продукты с северной надбавкой. Главным продуктом был спирт, по моему, 5 рублей 62 копейки за пол-литра 96-градусного. Белоголовая московская водка считалась деликатесом, но предпочитали неразбавленный спирт. Летом был жесткий сухой закон, иначе было нельзя — пропили бы все и остались бы ни с чем в зимовку. Страна слала сюда все в огромном количестве. Потом это терялось, рвалось, ломалось, разбрасывалось. Редко какая малая поломка ремонтировалась. Это делать было некому. Проще было заменить. Как сейчас помню, около гаража тракторов, основного вида транспорта на Севере, стояли сотни, если не тысячи, брошенных машин. Как объясняли местные, больше одного года, точнее 2–3 месяцев летом и ранней осени, трактор не работал, его бросали, так как везти обратно было очень дорого.

Когда мы приехали, нас с Борей Фетисенко первоначально определили на «Иней». Это было одно из пяти судов, построенных примерно за 10 лет до того в Финляндии и приписанных к Тиксинскому гидрографическому предприятию Министерства морского флота. Курсанты и команда занимались расконсервацией судна, вели уборку, красили борта, леера. Хотя судно было нестарым, но после зимовки выглядело очень обветшалым. Нас, рабочих экспедиции, гоняли на берег

на разные работы, очень хаотичные и плохо продуманные. Я, с ШЧ-9 прирученный «плоское катать, а круглое носить», трудился безропотно, а Борю бесило, он начинал всех учить. На него косились, а он, не обращая ни на кого внимания, прежде чем начать что-то делать, раздумывал, как бы рационализировать труд. Это сперва раздражало и меня. А Боря посмеивался и говорил: «Лень — двигатель прогресса». Постепенно мы все больше сближались. Он любил рассуждать, и я был не прочь послушать, тем более что у него был уникальный опыт. Вообще, он один из самых интересных, наивных и чистых людей, которых я встречал. Он был нонконформист и по убеждениям, и по жизни. Долгое время мы были близки, дружили семьями. И всегда было приятно бывать в их загородном доме, в котором царила большая взаимная любовь Бори и его красавицы жены Люды, всегда веселой и оптимистичной.

Навигация открывалась 1 августа, но вдруг стало известно, что в какой-то совхоз в устье р. Лены завезли водку, и сразу начальство приняло решение отправить туда наше судно. Я к тому времени перешел на «Фарватер», а Борю отправили на «Айсберг». Со всех членов экспедиции и команд пяти судов собрали деньги, и мы отправились в путь. Отошли на несколько десятков миль, бросили якорь, спустили два больших катера. Один пошел за водкой, а нас отправили на берег ловить рыбу — кондевку (ряпушку), чем-то напоминающую сельдь. Ее там было немерено. Технология ловли была проста: на лодке заходили в море метров на пятьдесят, потом один конец закругляли и гребли к берегу. Мы, стоя в болотных сапогах в ледяной воде, с трудом вытягивали на берег сеть, где трепыхались сотни, тысячи небольших рыбешек, которых надо было выковыривать из сети. После чего сеть расправляли, и все повторялось снова. Не помню, сколько было заходов, но рыбы наловили много. Ее большую часть, оставшуюся на нашем судне, чистить и солить пришлось почему-то в основном мне. В итоге получились две десятиведерные бочки. Часть рыбы была съедена экипажем, а часть, говорили, ушла в Ленинград начальству.

На следующий вечер вернулись наши оптовики, и судно на всех парах помчалось к Тикси. Что творилось после раздачи заказов, описать трудно. Почти два дня все были вдрабадан пьяны, особенно экипаж. На вахту приходилось выходить даже нам, философам. Помню, в носовом кубрике, нижняя часть которого находится за ватерлинией, сидим на койке, поджав ноги, рассуждаем с Борей об эволюции, а внизу мои соседи-курсанты мутузят друг друга. Я хочу вмешаться и разнять. Боря советует не мешать им и только ногой брезгливо отталкивает тех, кто наваливается на нас. Вдруг слышим дикий крик, выходим на палубу, а корабль стоял около льдины, и видим, что один член экспедиции собирается утопиться в Северном Ледовитом океане, а другой уговаривает его этого не делать. Но первый настаивает, но почему-то не хочет топиться в одежде, аккуратно её снимает и уже не очень решительно ныряет в ледяную воду (4–5 градусов), тут же возвращается к льдине, но не вылезает из воды. Второй интересуется температурой воды и предлагает поплавать подольше. Видимо, из чувства противоречия первый уже не хочет ни топиться, ни плавать, и возвращается на льдину.

Но не всегда так удачно кончалось. Когда запас «горючего» уже почти был исчерпан и работа возобновилась, один из матросов, приехавший из Ленинграда на заработки, красил борта, стоя на доске, прикрепленной к леерам веревкой. Вдруг он потерял равновесие и свалился в воду, пойдя почти сразу на дно. По случайности шла моторная шлюпка с соседнего судна, моторист, как был, в фуфайке, нырнул

за парнем и вытащил. Готовность к самопожертвованию без различий — черта обитателей тех мест. На палубе беднягу почти откачали, но здесь прибежала медсестра — студентка нашего психологического факультета — и сунула зачем-то под нос утопленнику нашатырный спирт. Он только дернулся и отдал Богу душу. Могилу послали долбить двух курсантов из моего кубрика, и хоть часть грунта взрывали, работали они целый день.

Только где-то в 20-х числах июля мы вышли в море и часто попадали в зону сплошных льдов, с трудом пробиваясь к месту съемок. Иногда сутками дрейфовали вместе со льдами, ожидая, когда вынесет на чистую воду. Однажды мы увидели во льдах атомный ледокол «Ленин», который шел довольно быстро, легко раздвигая толстый лед. Почему-то им не отвечали на запрос о местоположении, и наше начальство откликнулось помочь. Затем смекнули: мы им будем давать ориентиры и будем идти за ними, а они, может, дадут нам свежей картошки. Надо сказать, что овощи на Севере почти все были сухие и обычную картошку можно было достать только в конце августа — начале сентября. К несчастью, наше начальство просчиталось. «Фарватер» не поспевал за ледоколом. Раздробленные им льдины были велики, и наше судно с трудом раздвигало их. Мы дали сигнал: «Остановитесь, мы не поспеваем». Они ответили: «Нам некогда, и вас никто не заставлял идти в “фарватере”» (название нашего судна). Это была их шутка. Помню, как мы смотрели вслед быстро удаляющейся громадине, а вокруг нас смыкалось бесконечное ледяное поле. На этот раз мы пробыли во льдах больше недели. Это было красиво, но арктическое лето короткое, и мы должны были выполнить план. Кончался запас пресной воды, надо было экономить топливо. С трудом удалось пристать к какой-то льдине, на которой была талая вода. Часто в полыньях появлялись нерпы. Кто-то из команды бегал по льду, стремясь подстрелить их из винтовки, хотя это было бесполезно, так как нерпы очень осторожные и чуткие, хотя и любопытные.

Когда вышли из ледового плена, зашли на мыс Буор-Хая, где сидела без бензина и керосина наша радиометрическая станция. Пришлось нам на тросах на шлюпке из катера переправлять их на берег, а затем 250-литровые бочки затаскивать на высокий холм, более 30 м. Это была одна из самых тяжелых работ в моей жизни. С тер пор я знаю, что размеренный и с лентой труд северян компенсируется изнурительной авральской работой. Думаю, рабочие из других стран ни за какие деньги не стали бы трудиться так, как работали русские.

День Военно-морского флота я первый и последний раз встречал в море. К нему готовилась вся команда. По заведенному тогда обычаю молодежь подготовила стенгазету, фотографируя некоторых членов экипажа. Охотно позировал кок, обладавший редким умением любой продукт испортить так, что есть его было невозможно. Я, будучи полифагом с детства, молчал, а ребята ворчали и снабдили фотографию подписью: «Намешаю пены, и шабаш, все потом проглотит экипаж». Профессиональная гордость повара была уязвлена, он забастовал, перестал кормить всех. К тому времени обычая вешать бунтарей в море на мачте уже не было, в советское время преимущественно вешали критиканов. Бедных ребят заставили униженно просить прощения у человека, безжалостно травившего их в течение месяца. Но они осознали свою «вину», и баланда нам была обеспечена. Была и польза в плохом коке. Добавки никто не просил, поэтому все были стройные и помощь нашей медсестры не нужна была, так что все выжили. А с прекрасной дамой с психологического

мы в белые ночи часто беседовали о соотношении сознательного и бессознательного у советских покорителей Севера. Бессознательное явно превалировало. В этом я убеждался все больше и больше.

К месту запланированной съемки судно не могло пробиться, и нас решили временно высадить на необитаемый остров Макар в Янском заливе, сменить бывшую там команду с «Инея». Среди них был секретарь факультетской комсомольской организации Валера Михайловский, учившийся на год старше и специализировавшийся в области физики. Их должны были забрать через несколько дней. До этого он настороженно относился ко мне. Несколько дней, проведенных близко, сломили лед недоверия, а затем мы с взаимной симпатией встречались и даже тесно сотрудничали в 1980–1990-х гг. Он был увлечен физикой и писал неплохие статьи. К сожалению, его также уже нет.

Нам сказали, что высаживают нас на неделю, но провизии на всякий случай посоветовали взять на десять дней. Сняли же нас с острова только через двадцать дней. Просили быть бдительными относительно белых медведей, которые могли прибиться с льдиной. Тогда их охрана еще была не столь строгой, и можно было убить медведя, объяснив, что на предупредительные выстрелы он не реагировал и нагло лез в палатку. Мы понимали, что убить таким охотникам, как мы, опасного, сильного и смелого зверя практически невозможно. Нам рекомендовали из палатки лучше не высываться, если медведь пожалует, а если в нее полезет, пнуть из ракетницы так, чтобы шерсть загорелась. Но ракетница была одна, а загорится ли шерсть с первого выстрела, я не был уверен. Фальшфейером же пугать медведя не советовали. Ходила шутка, как лучше всего его убить: поставить перед атакующим зверем лист фанеры, а когда он вцепится в него, быстро заклепать или остричь когти. На самом деле же местный охотник-якут, приезжавший на остров зимой, строил ловушки для медведя из двух рядов вкопанных в землю бревен. Там, где был вход, между бревнами была расположена решетка, также сделанная из бревен. Когда медведь, привлеченный нерпой, забирался в клеть, решетка падала, и охотник почти в упор убивал зверя.

Как опасен белый медведь, я знал. В Тикси встретил человека без скальпа. Несколько лет назад, когда он стоял у нивелира, а его товарищи долбили лунки и измеряли глубину в прибрежной части залива, подкравшийся при всех медведь полюбил его и, играючи, начал возить лапой по волосам. Убить медведя удалось только топором, перерубив хребет, так как пуля непременно попала бы в несчастного. На моих глазах белый медведь несколько десятков метров гнался за только что высаженными топографами. К счастью, они заметили его до того, как шлюпка отошла далеко от берега, и мы выстрелами отогнали его. Уходил он очень неохотно. На острове Макар следов белого медведя было много. Ими был истоптан весь берег. И вечером или ночью, выходя замерять уровень моря, я не раз приставшие к берегу небольшие льдины принимал за притаившегося медведя. Карабин, висевший за спиной, не добавлял мужества. Со временем появилась привычка, и через неделю я и мои товарищи бродили по острову уже с малокалиберной пятизарядной винтовкой, четко осознавая, что медведю она так же опасна, как слону дробина, но тяжелый карабин таскать не хотелось.

Высаживались мы в слабый шторм. В несколько заходов из катера на лодке перетаскивали вещи и промокли насквозь. Быстро разбили каркасную арктическую палатку Шапошникова (КАПШ-1), где могли разместиться несколько раскладушек

и буржуйка. Прежде всего надо было под палатку сбить настил из бревен и досок, которыми был усыпан весь берег. Проблем с топливом не было. Но все деревянное было мокрым. Топить им было тяжело. Надо было брызгать керосином, что легко могло кончиться пожаром. К тому же, когда буржуйка горела, в палатке было жарко и мы вылезали из спальных мешков, обшитых изнутри собачьими шкурами. Но буквально через несколько минут после того, как прогорало, становилось холодно. Удачей было найти гнилушку, чтобы она тлела в течение нескольких часов. Но они часто и гасли.

На посту нас было три человека: Саша Никитин, Олег Клеймёнов и я, самый младший. Поскольку Саша Никитин, лет 35, был явно бывалый, дитя блокады, я вначале поверил ему, что он опытный полярник, якобы даже дважды зимовавший на полярке, что воспринималось как «доктор полярных наук». Олегу Клеймёнову, назначенному старшим водопоста, было за 30, он учился в университете на географическом факультете на год старше и при встрече сразу всем говорил, что был на Памире и Тянь-Шане на практике. Это звучало у него вместо визитной карточки. Я осознавал, что изыскательский опыт на Урале, в Зауралье и Северном Казахстане бледнеет перед их подвигами, помалкивал и сначала редко вылезал со своими советами.

Наша главная задача заключалась в том, чтобы каждые два часа снимать показания с нескольких водомерных реек, уходящих в глубь моря примерно метров на сорок. Их через каждые 5 м мы должны были забить в дно моря во время отлива и установить их уровень относительно временного репера, вкопанного Клейменовым на глубину 1,5–2 м. В зоне вечной мерзлоты для этого был единственный способ: конец трубы нагревался на костре, засовывался в яму, и надо было как можно быстрее и как можно дальше отскочить, так как из трубы вверх на несколько метров выбрасывался фонтан грязи и черной воды. Вскоре низ трубы снова замерзал, а верхняя часть трубы, утрамбованная камнями и галькой, становилась репером, и стояла как забетонированная. Замер уровня коррелировали с данными акустического измерения дна моря Лаптевых на судне, где отметки брали через каждые 20 м. Море Лаптевых очень мелководно, и малейшая возвышенность могла стать непроходимой для судов, поэтому нужно было узнать, каков был уровень воды в момент каждого измерения. А данные о колебании уровня могли дать только мы.

Оба мои напарника не умели обращаться с нивелиром. Поэтому нивелирный ход от временно установленного репера до забитых в море водомерных реек пришлось тянуть мне, а потом проверять каждый раз, когда течением пригоняло ледовое поле и многие из них, а то и все были сдвинуты, поломаны или унесены. Вскоре стало выясняться, что оба напарника делают странные ляпы. Например, на уговорах вытащить сеть при приближающейся буре они со смехом ответили, что никакая буря не утащит сеть, где грузилами служат две пудовые кувалды, и ошиблись. Мы остались без кувалд и потеряли сеть. Вторую сеть утащили у нас льды: они также не захотели снять ее, когда к берегу подходило ледяное поле. С трудом удалось уговорить их и поднять наверх, где была наша палатка, легкую лодку-ледянку и одну бочку бензина. И то после того, как полбочки, находившейся ближе к воде, уже смыло в море. Однажды Саша принес убитую гагу и долго варил её, не слушая нас с Олегом, что это пустая затея, и уверяя, что лично он поужинает с удовольствием. И хотя мы все были голодны, но есть это зловонное создание, пропахшее рыбой, никто не стал, включая самого «удачливого» охотника.

Как-то вечером уже в начале сентября мы с Сашей Никитиным шли вдоль берега. Темнело, и на Севере сверкали и переливались в слоях атмосферы последние лучи заходящего солнца, создававшие закат, резко отличный от привычных для наших широт. Саша пытался меня уверить, что это северное сияние, которое он много раз наблюдал зимой на полярках. Я засомневался, так как вспомнил арктические пейзажи Рокуэлла Кента. Кроме того, во время плавания во льдах я часами ходил по палубе, сидел на корме или баке, лазил по трапам и стоял на мостике, любуясь быстрой сменой небесной расцветки во время вечернего заката, мгновенно переходящего в рассвет. И наконец, как я помнил из школьных учебников, во время северного сияния краски должны колебаться, давать волны и т. д. Мне пришли на память история взрыва на «Маяке» и зарево, объявленное тогда северным сиянием. Чуть позже, как раз в день моего рождения, я вышел из палатки покурить и полюбоваться небом, усыпанным звездами. Словно в подарок заиграло сияние, правда белыми сполохами, накатывавшими друг на друга. У меня не было сомнения, вот оно настоящее северное сияние. Пришлось кликнуть Сашу, и он вынужден был согласиться со мной, добавив что сияние бывает разное. В этом он, конечно, был прав. Но я знал точно, что сияние и закат — разные вещи, однако не стал его разубеждать.

Будучи заядлым спорщиком, я быстро сообразил, что лучше и эффективнее высказывать свою точку зрения так, чтобы она внешне не противоречила другим мнениям, и не указывать на ошибки другого в присутствии третьего. Пребывание на необитаемом острове подобно жизни в замкнутом пространстве, нарастающее раздражение не на ком снять, а неснятая обида и неразряженная злость накапливаются, вызывая все более резкие стычки. Это я знал по изыскательской партии. Опытные полярники не раз говорили, как легко вспыхивает личная неприязнь на Севере. Но я даже представить не мог, что она так быстро переходит в настоящую вражду. Увы, именно это происходило с моими коллегами. Словесная пикировка и споры с целью демонстрации, кто опытнее, привели к взаимному неприятию, а затем и ссорам. Постепенно их ругань стала невыносимой, и я сказал: «Кончайте, мужики. У нас два карабина, ложитесь за сопками и решите, кто из вас прав. В противном случае я пристрелю обоих». Естественно, я имитировал Джека Лондона, но в тот момент был так зол, что готов был выполнить свою угрозу всерьез. Во всяком случае, шокирующая перспектива на этом этапе еще подействовала. С тех пор они перестали пререкаться при встрече, но наговаривали друг на друга, когда кто-то из них оставался со мной в палатке. Я обычно резко реагировал, и вражда хоть не исчезла, но затаилась.

Жизнь каждого из нас была построена следующим образом. Сутки дежуришь, выходя каждые два часа для замера, готовишь пищу. Следующие сутки отдыхаешь, а на трети занимаешься рыбалкой, бродишь по острову, пытаешься охотиться. Моя цель была найти хороший бивень мамонта, остатками которого был усыпан северный склон, спускавшийся к морю. Но все бивни были какие-то расщепленные, больше похожие на расклеившуюся слоеную фанеру. Для меня самым страшным было приготовление пищи, о большинстве блюд я тогда имел смутное представление, да и выданные продукты оставляли желать лучшего. Выход нашлся благодаря обильным дозам красного и черного перца, добавляемого во все блюда, кроме чая и кофе, под предлогом того, что я люблю острое. Каждая ложка обжигала горло, и далее было невозможно разобрать, что недоварено, что переварено, что разварено

и, вообще, из чего приготовлено то или иное блюдо. Тем не менее ничего не приходилось выкидывать, лишь просили следующий раз чуть меньше класть специй. Я обещал, на следующий раз «забывал», и все снова съедалось с кряхтением. Вскоре пища стала стремительно кончатся, и уже все приготовленное сметалось без комментариев.

Когда основные запасы пищи закончились, начался непрерывный шторм, унесший нашу сеть. Со льдами, как я сказал, пропала вторая, а третью нельзя было ставить, так как не из чего было делать грузила. Так мы остались без рыбы, хотя предполагалась, что она будет одним из главных источников питания. Оленины нам дали тоже мало, хранить в палатке ее было опасно, да и могла бы испортиться, поскольку температура была плюсовой, а долбить ледник было тяжело. К тому же предполагалось, что мы набьем местных оленей. Судно ушло в другой район из-за непогоды. Вместо планируемых семи дней мы пробыли на острове Макар 21 день. Быстро кончились хлеб, масло, сахар, консервы и т. д. Были крупы, но при нашем умении и в наших условиях из них все время получалась такая гадость, что ели без аппетита, чтобы лишь утолить чувство голода. Я впервые осознал, как важна сбалансированная еда, начиналась сонливость. Мы все надеялись на удачную охоту. На острове были несметные стаи гусей, нырки, два небольших стада диких оленей, зайцы, песцы, и мы были прекрасно вооружены.

Готовясь к экспедиции, я попросил прислать мне из Челябинска ружье и малокалиберные патроны, которые, как меня предупредил Носов, были в дефиците на Севере. Мой одноклассник Вадик Алесковский прислал более 500 патронов, написав, что ими можно расстрелять всех белых мишек Севера. Нам полагались также карабин, ракетница, фальшфейера, три сети для ловли рыбы. Кроме того, капитан дал свою пятизарядную малокалиберную винтовку и судовой карабин, наказав набить оленей и наловить как можно больше рыбы для команды. Таким образом, экипированы мы были более чем достаточно. При элементарных охотничьих навыках могли бы жить припеваючи, нанося большой ущерб фауне острова, площадь которого была около 60 кв. км. Но как раз охотничьих навыков и не было. В детстве я немного занимался в стрелковой секции и как целиться знал, не знал только, что в бегущего зверя или летящую птицу попасть сложнее, чем в яблочко неподвижной мишени.

Впервые я заподозрил это, когда попытался пристрелить нерп, сопровождавших нас каждый раз, когда мы ходили проверять сети. То ли из любопытства, то ли желая узнать, где наши сети, чтобы полакомиться пойманной нами рыбой, они вдвоем почти всегда плыли за нашей ледянкой в 3–4 м. Их головы торчали, как перископы подводных лодок. Убивать их было бесполезно, они еще не нагуляли жира, а мертвые сразу пошли бы на дно. Когда же из-за жажды мести конкурентам, разгневанным рыб, или из-за слепого охотничьего инстинкта мы стремились их убить, то каждый раз, услышав удар курка, они успевали нырнуть в воду.

Мы не смогли убить ни одного гуся, несмотря на их обилие. Озер там было много, и гуси, увидя приближающего охотника, снимались и перелетали на другое озеро. Устраивать засаду тоже было бесполезно, так как нельзя было предположить, куда они полетят кормиться. Более того, каждый вечер они, как бы издеваясь над нами, пролетали на высоте нескольких десятков метров над нашей палаткой, и мы выскакивали и палили из всего нашего арсенала. Но не добыли ни одного трофея. Хоть

Саша все свободное время проводил в погонях за оленями, но убил время, ноги и, самое главное, потерял морской бинокль, который одолжил мне Фетисенко. Однажды стадо оленей, голов одиннадцать, оказалось недалеко от нашей палатки, а сзади их было большое озеро. Мы были уверены, что они теперь никуда не уйдут, но они, подпустив нас метров на двести, прыгнули в холодную воду и переплыли озеро.

Не смог я застрелить ни одного песца, которые таякали на нас все время из-за любого холмика. Убивать их тоже не имела смысла, ведь их летняя шкурка никуда не годится, да и выделать ее мы бы не смогли. Как-то, разозлившись на напугавшего меня песца, выскочившего из под самых ног и остановившегося, чтобы облаять меня, я дважды выстрелил в наглого зверька, а он продолжал злобно и свирепо лаять. Лишь осознав, что я настроен серьезно, для чего лег и, как учили в стрелковой секции, раздвинул правильно ноги, зверек, гавкнув несколько раз, скрылся за холмом. За все время нам удалось добыть крупного зайца, которого мы сварили и сожрали черный бульон с громадным удовольствием, а также двух небольших нырков, чуть не поубивав друг друга при отстреле несчастных птишек. Ранее, еще под Тикси, на охоте убили из моего ружья влет, помнится, трех куликов, но стрелял не я, в противном случае птицы остались бы целы, а мы — без дичи на ужин.

Местный охотник, чьим охотничьим угодьем становился остров зимой, по всему острову расставил ловушки для песцов на склонах холмов, которые выглядели как распахнутая пасть какого-то гигантского зверя. Центральное место в ловушке занимало бревно, один конец которого упирался в склон, а другой подпирал кол. Со всех сторон была такая система жилок, что зверя, привлеченного приманкой, неизбежно придавливало. Охотник в пасть песцу совал приклад или палку и, когда тот вцеплялся в них, убивал ударом по голове молоточком, который используют невропатологи и который он все время носил за голенищем. За сезон хороший охотник набивал столько песцов, нерп, а иногда и медведей, что мог бы купить несколько «Волг», на которую обычно в СССР копили всю жизнь. Но «Волга» ему в тундре не нужна была. По окончании охотничьего сезона он улетал на материк, чаще всего в Якутск, где, подобно дореволюционным золотоискателям, гулял, сорил деньгами. Через несколько недель возвращался на остров нищим, брал в долг провиант, охотничьи припасы, и все начиналось сначала. На некоторых островах, например Лисьем Носу, где годом раньше провели два месяца мои друзья однокурсники Володя Носов и Миша Сундушников, охотник жил постоянно вместе с женой, что иногда становилось источником конфликтов с мужиками-полярниками. По закону тундры якутки не обязаны хранить честь мужа, а вот за посягательство на жену соседа можно было и поплатиться. Якуты были сильны, ловки, смелы и застуканному полярнику могли изрядно накостылять.

Наконец, нам по радиации приказали готовиться к прибытию судна, увидев которое мы стали собирать вещи. Погода была хорошая, уже светало, море было абсолютно спокойно. Зная, что обещают шторм, мы предполагали, что сразу начнется эвакуация. Но нам пришлось убедиться, что настоящие полярники не любят делать ничего заранее в нормальных условиях. Как у поэта, а он, «мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой». Пока стоял штиль, никто не шевелился на судне, легкий бриз не породил волнения на палубе. Никого не волновало и то, что мы уже свернули палатку и ожидали под открытым небом. И только когда море привычно заревело, как сотня тракторов, накатываясь волна за волной на пологий берег,

десятикратно разламываясь гребнями на мелководе, спустили катер и остановили его метрах в ста от берега. Лодка также не могла подойти намного ближе, пришлось несколько часов вещи таскать по пояс в ледяной волне, сначала в лодку, а затем перегружать в катер. И так раз 6–7. Одно приятно, начальство, главный гидрограф экспедиции, таскал вместе с нами. К сожалению, я не помню его фамилии, но это был настоящий полярник, который всегда был с нами в самых тяжелых трудах. В целом эвакуация с острова Макар запомнилась мне как «мокрое дело».

На судне я получил несколько десятков писем, главным образом от мамы и моей девушки. Обе писали подробно, с массой деталей и лирическими отступлениями, и перечитывание их посланий заполняло многие часы моей арктической одиссеи. До сих пор не могу понять две вещи. Как могла почта столь оперативно и аккуратно работать в те годы, доставляя за тысячи километров в отдаленные уголки Арктики письма с маркой за 7 копеек, и ни одно из них не потерялось, передаваясь, порою многократно, с судна на судно? Почему же так безобразно работают почтовые службы Санкт-Петербурга наших дней? В пределах города письмо «гуляет» две недели и зачастую не находит адресата, пропадая в недрах раздутой системы почтовых чиновников с их огромными простынями-договорами.

Отдыхать на судне не пришлось. Надо было обрабатывать материалы наблюдений, и поручили это делать мне. Море к этому времени в основном освободилось ото льда, но во время шторма качка была сильнее. Из молодых курсантов не все адаптировались к качке, я же большую часть времени до этого проводил на мостике и переносил ее легче. Приходилось некоторых подменять на четырехчасовые вахты.

Вскоре мы подошли к мысу Буор-Хая, где должны были высадиться и пробыть там ещё три недели. Здесь я еще раз убедился в неперемennom законе Арктики: любая работа должна выполняться во время и в условиях, наименее подходящих для ее успешного завершения, с максимальным напряжением людей и с реальной угрозой для жизни.

К Буор-Хая мы подошли поздним вечером 31 августа, в абсолютной темноте, только скользкий луч маяка на мгновение освещал место предполагаемой высадки и быстро уходил налево. Был сильный ветер. Штормило. Шел снег. На палубе находиться было неуютно. Тем не менее решили рассвета не ждать, спустили катер, погрузили в него все имущество, две лодки и помчались к берегу. В этом месте дно было крутое, и берег на метр-полтора возвышался сразу у кромки моря. Даже неопытным полярникам было ясно, что высаживаться будет трудно и опасно, а вещи сгрузить совершенно невозможно. У кого-то появилась «гениальная идея»: от катера, который бросил якорь метрах в сорока от берега, послать лодку с двумя мореманами, которые забьют там штырь и закрепят канат, а дальше, держась за канат, на лодке в несколько этапов переправлять вещи. Мне «повезло». Одним из этих первопроходцев назначили меня, и вместе с моим напарником, действительно опытным моряком, мы попытались подгрести к берегу, но никак не могли грести в ритме и с равными усилиями. Поэтому лодка крутилась, поворачивалась бортом к волне и заливалась. Разозлившись, мой напарник сел на весла один, и, хотя он был очень сильный, закаленный еще в сталинских лагерях, лодка практически не могла сдвинуться с места, так как откатывавшиеся от берега волны относили ее обратно. Наконец самим авторам идеи стало ясно, что высаживаться не только опасно, но невозможно. Нам дали команду прекратить попытки прибиться к берегу, и мы вернулись на борт судна.

К утру ветер неожиданно стих, штормить перестало, выглянуло солнце. И мы высаживались на берег, усыпанный первым арктическим снежком, который оказался недолговечным. Будучи уже опытными полярниками, мы быстро разбили нашу КАПШ-1, установили буржуйку и приступили к регулярному замеру уровня моря. Репер здесь уже был, имелись и водомерные рейки. В отличие от предыдущего местопребывания мыс Буор-Хая по арктическим масштабам был перенаселенной территорией. Здесь постоянно была полярка. Её обитатели летом работали особенно интенсивно: готовились к зимовке, собирали дрова, заготавливали мясо, ловили, сушили и коптили рыбу и т. д.

Примерно в километре от полярки была радиометрическая станция, где на лето размещалась группа из Ленинграда, обеспечивавшая точную привязку гидрографических судов во время съёмки дна. Мы первое время к ним часто ходили, играли в карты, но со временем мне надоели бесконечные рассказы начальника группы о том, какие кругом все подлецы и негодяи и какой он умный и порядочный. Питались они отдельно от полярки. Им удалось за несколько бутылок водки купить у якутов оленей, и у них было вдоволь мяса. Интересно они рассказывали о сделке. Приехали на санях, запряженных оленями, два якута, пастухи-оленоводы, и говорят: «У нас к вам один серьезный вопрос. Водка есть? Мы убили двух олешек недалеко, могли бы обменять». Водка была. Жажда поскорее выпить была столь велика, что они тут же закололи ещё нескольких оленей, считавшихся совхозными. Кстати, дикие и домашние олени часто паслись вместе.

Рядом с поляркой, недалеко от нас, была палатка топографов из Ленинграда, один из которых, к моему удивлению, хорошо знал брата Илмара, Раймонда. Мир оказался столь тесен, что на краю земли, куда уж точно Макар телят не гонял, встречаешь знакомых своего знакомого. Чем занимались топографы, я не помню, так как в основном один из них любил днем играть у нас в шахматы, а второй занимался заготовкой рыбы. Тому же самому основное время посвящали четыре строителя, которых за все время я не видел около сооружаемого ими дома, так как они постоянно куда-то гоняли на тракторе. Мужики они были крутые, за плечами у каждого не по одной ходке на зону. На материк им дорога была заказана. Зимой они пили в Тикси, летом три месяца в году, «трудились» вдумчиво на полярках, строя неведомо что, по загадочной технологии и с почти нулевой производительностью труда. Я был достаточно деликатен и не задавал бестактных вопросов людям, которые были твердо уверены, что за поломанную жизнь и их согласие пребывать здесь, у чёрта на куличках, с ежемесячной зарплатой в 450 рублей это еще недостаточная компенсация. Им не хватало спиртного в любом виде, ради него они были готовы на все. Хотя они питались на полярке, отношения с ее обитателями у них были очень напряженные.

В этом заброшенном Богом клочке земли, где на короткий летний сезон собрались около 30 человек, бушевали шекспировские страсти. Каждый хотел привлечь нас на свою сторону, кроме начальника полярки. Он один воевал против всех, включая своих подчиненных, так как был жадным, неуживчивым, язвительно-подозрительным человеком. Я не понимал, как такого человека вообще могли послать на полярку, да еще поставить начальником. Ведь от характера начальника полярки часто зависело, выживет ли коллектив во время зимовки, или перестреляют друг друга. Особенно не любили начальника строители. Он не давал им сахар для варки браги и не желал кормить гусями, которых, по их рассказам, они же набили палками

во время линьки целые сани на одном из озер в нескольких километрах в глубине материка. На все их вопросы, где же гуси, начальник полярки отвечал: «Улетели».

Увидев наш арсенал, строители сразу предложили отправиться на какое-то озеро и поохотиться всласть. Топографы посоветовали ехать на Гусиное озеро, предполагая, что там добыча будет особо богатая. Естественно, мы согласились и на следующий день, погрузив на сани с большим кузовом нашу лодку-ледянку, отправились с большой группой за добычей. Хотя на санях я в детстве ездил много, но впервые видел, как они шли по земле, оставляя огромный след на почве. Ещё разрушительней был эффект от гусениц трактора, начисто сдиравших растительность и почвенный слой, который, как позднее я узнал, восстанавливается десятилетиями. Добрались до озера с огромным островом посередине. При рассмотрении озера в бинокль оказалось, что это не остров, а огромная стая гусей, которые к берегу плыть не хотели, а когда мы спустили лодку, улетели на другие озера. Разочарованные, мы сварили какую-то похлебку из консервов, но я остался голоден. Все ели из общей миски, что я органически с детства не переносил, и вынужден был сослаться на расстройство желудка, чтобы не подумали, что брезгую.

Однако строители не расстраивались из-за неудачи. Думаю, что сама поездка была для них операцией прикрытия. Вернувшись на мыс Буор-Хая, они залезли в ледник, где начальник хранил гусей, свистнули десяток гусей, половину уступив нам за 5 кг сахара, из которого сварили брагу, и были счастливы несколько дней. Начальнику, обнаружившему покражу, они сказали, что гуси улетели, и он ничего не мог сделать, так как понимал, что вор у вора украл дубину. К нам у него не могло быть претензий, поскольку он понимал, что сами мы за гусями не лазили, но сахар больше нам не продавал и не позволил нам коптить на полярке рыбу.

Рыбалка здесь была более удачной. В более или менее спокойную погоду два раза в сутки, утром и вечером, на лодке мы уходили вдоль берега на запад, где примерно в полутора километрах стояли сети. Надо было не зевать, в противном случае их проверял кто-либо из наших соседей, у которых тоже там стояли сети. В случае удачи попадалось 10–12 штук муксуна или омуля от 300 г до 1, 2 кг. Часть рыбы вместе с мелочью мы выделяли на уху, остальное солили и вялили на открытом воздухе, не достигнув, однако, совершенства. Рыбой в основном занимался я во время дежурства.

Мои товарищи, увидев на мысе неприкрытую борьбу всех против всех, стали реже наговаривать друг на друга, и в нашей палатке воцарились мир и спокойствие. В свободное время мы уходили в тундру, всегда с карабинами, хотя животный страх перед белым медведем прошел. Пытались найти бивни мамонтов, я же любовался удивительной растительностью тундры, изумительными закатами, а иногда и рассветами, через час-полтора. Появлялась порой мысль, как человек мал и бессилен перед лицом суровой природы. Несколько раз ловил себя на мысли о бессмысленности бытия и желании скорейшего успокоения. И только долг перед близкими людьми удерживал от роковых шагов. Мне стали понятнее рассказы наших старших коллег о зимах, проведенных на полярках.

Хорошо сохранившийся кусок бивня мамонта нашел Олег Клеймёнов как раз накануне моего дня рождения. Бивень около 2 м длиной был расщеплен вдоль на две части; лучшую, весом около 10 кг, и притащил Олег, распилил на несколько частей и две дал мне, сантиметров по тридцать длиной. Еще он предлагал мне огромный

зуб мамонта, но я решил, что тащить его в Ленинград не стоит. Сейчас я понимаю, что это были царские подарки. Один кусок я отдал Борису Фетисенко, второй подарил маме, а она передала моему сыну.

Мимо мыса Буор-Хая далеко в море проходили караваны судов. Как-то два сухогруза остановились, подошел катер, и кто-то из командования судна предложил строителям обменять рыбу на водку. Те отправились, прихватив мешок с рыбой. А на борту выяснилось, что просили за бутылку водки по цене 2 рубля 87 копеек десять отборных, как тогда говорили царских, рыб общим весом 7–10 кг. Строители обалдели, начали торговаться, так как обычно обмен шел баш на баш. На судне не уступали, а выпить хотелось, и мешок рыбы они отдали за несколько бутылок водки. Рухнул весь бизнес. Получилось, за глоток алкоголя полярные строители работали все лето, терпя лишения, чтобы верные сыновья партии и морские волки могли получить примерно 1000% прибыли.

Вскоре пришло наше судно, которое доставило и продукты для полярников, остававшихся на зиму, в том числе и спиртное. На этот раз погода была прекрасная, море не шелохнулось, полный штиль. Катер подошел к самому берегу, мы все погрузили сразу. На борту оказалось, что команда судна, за исключением капитана и нескольких курсантов, была абсолютна пьяна. У штурвала стоял сам капитан, на кране работал стармех, командовал погрузкой еле стоящий на ногах второй штурман. Нам пришлось сразу взяться за работу, попытки поднять и включить в работу боцмана были безуспешны. Разбуженный, он заглядывал с палубы в трюм, кричал невпопад «вира» или «майна» и тут же шел спать. Его расталкивали снова, но он, еле держась на ногах, однажды чуть не свалился в трюм, и стало понятно, что лучше оставить его в покое. С грехом пополам закончив погрузку, мы пошли снимать дежурных с других водопостов на Лисьем Носу и на Дунае. И там основную работу пришлось выполнять нам, так как наиболее опытные матросы во главе с боцманом были в запое. Я относился спокойно к подобному расширению обязанностей, а мои коллеги, особенно Саша Никитин, ворчали, не хотели даже чистить посуду, готовить инвентарь к сдаче, заниматься камералкой.

На Дунае почти два месяца пробыл Боря Фетисенко, живя в доме полярной станции и питаясь там же. По его словам, у него сложились напряженные отношения со всеми, так как он с утра до вечера советовал окружающим, что, как и для чего делать, вплоть до правильной сервировки стола и отправления естественных нужд. По большому счету, он был, конечно, прав. Но в чужой монастырь, как говорится, не лезут со своим уставом. А это был совершенно иной мир, ближе даже к преисподней, чем к мирной обители. И доводы разума здесь абсолютно не работали.

Радиометристов с мыса Буор-Хая мы снимали ночью в сильный шторм. Лодка с молодой парой и их вещами опрокинулась. Пару удалось спасти, но все нехитрое имущество погибло, и было больно смотреть на этих молодых и растерянных ребят, оставшихся без всего на Севере в условиях надвигавшейся зимы. Ввиду ЧП решили подождать до утра, когда сняли всех остальных, включая начальника радиометрической станции. А он вдруг решил, что все участники экспедиции, работавшие когда-то на Буор-Хая, должны ему подчиняться, учитывая его преклонный возраст и полярный опыт.

В Тикси мы вернулись, когда сухой закон соблюдался не так уж строго. Большая часть города пила. Шло подведение «итогов» навигации, выливавшееся в пьяные

разборки, кого-то уже зарезали. Начали заводиться и наши матросы. Когда у нас появилась возможность уехать пораньше, мы приложили все усилия для этого. Я лично пошел к начальнику Гидрографической базы и убедил его поступить именно так. Но ответственным за отъезд всех ленинградцев был назначен как раз начальник радиометрической станции с мыса Буор-Хая, а он этому яростно сопротивлялся. Но, как только получили добро, мы, по-моему, с Никитиным, Клейменовым и Фетисенко, а также ещё три курсанта помчались на судно, побросали вещи в рюкзаки, схватили мешки и коробки с рыбой и отбыли на попутке в аэропорт. За спиной осталось кладбище, куда вскоре привезли ещё двух членов нашей команды, включая 58-летнего стармеха, приехавшего на Север заработать побольше пенсию. Он любил объяснить команде, что и как делать.

Полет до Москвы занял более суток, так как часов десять не могли вылететь из Тикси. А потом ночевали в Андерме. В Москве нам удалось сразу зарегистрироваться на ближайший рейс на Ленинград с риском не получить в срок багаж. В последний момент это все-таки удалось — багаж нам выдали, и мы взяли его в салон самолета. Тогда порядки были не столь строги.

В общежитие я добрался один. Боря, по-моему, полетел домой, оставив мне свой ящик рыбы. В общежитии началась гульба. О привезенной рыбе узнали все с нашего факультета. Многие приходили попробовать. Если меня и соседей не было, приятели из других комнат выдавали искомое. Успел я только пару рыб сберечь для Бори и две рыбы послать домой.

Север остался ярчайшим впечатлением моей жизни, открывшим глаза на наше будущее. Громадные людские и материальные ресурсы тратились в условиях абсолютного хаоса, полнейшей бесхозяйственности и тотального пьянства. Спасти ситуацию не могли даже те люди, которые, конечно же, проявляли подлинный героизм, правда, порою в созданных ими самими невыносимых условиях. Тогда я увидел непреодолимое свойство социализма: сначала создавать громадные трудности, чтобы их потом героически преодолевать. При этом ни разу я не услышал каких-то слов из арсенала партийной пропаганды. Идея коммунизма там уже была абсолютно мертва.

НАЧИНАЮЩЕЕСЯ ПРОЗРЕНИЕ

Поворотным пунктом в истории СССР стал, по-моему, 1967 г. Это был год 50-летия советской власти, которое отмечали достаточно пышно и с размахом, но при полном равнодушии населения. Мощные факторы, способствовавшие победе и сохранению советского строя, практически перестали действовать. Дети крестьян и рабочих, получивших благодаря революции образование и интересную работу, уже стали пожилыми людьми, измотанными десятилетиями изнурительной жизни в коммуналках, в условиях постоянного дефицита и ожидания светлого будущего. Даже массовые новоселья в те годы не могли их удовлетворить. Квартиры с низкими потолками, малюсенькой кухней, узкой прихожей, зачастую с совмещенными туалетом и ванной, абсолютным отсутствием звукоизоляции оказались не похожими на ту вожделенную удобную отдельную квартиру-«сталинку», о которой мечтали в коммуналках, бараках, подвалах, вагончиках и землянках.

Если Н. С. Хрущев ещё обещал, что малогабаритки — временное решение проблемы, а лет так через 10–15 мы вновь вернемся к строительству нормальных квартир, то новый триумvirат (Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин, Н. В. Подгорный) об этом уже не заикался. Рост зарплаты в промышленности привел к увеличению покупательной способности у части населения, что привело к дефициту многих товаров даже в столицах, не говоря уже о периферии. Начали формироваться «колбасные» поезда, на которых жители городов и сел, находящиеся в радиусе 1000–1500 км от Москвы, вывозили из нее дефицитные продукты и товары, что вело к нарастанию взаимного недовольства столицы и периферии. Из года в год усиливалась инфляция, что неизбежно вело к ухудшению жизни тех, кого правительство не считало своей главной социальной опорой, т.е. преподавателей высшей и средней школы, врачей, инженеров и т.д. Так, например, зарплата научных сотрудников и вузовских преподавателей не менялась почти 40 лет. Ухудшалось и положение военных.

Исчез и эффект гордости за великую страну, сломавшую хребет Германии и спасшую мир от «коричневой чумы XX в.», а также лидера в области науки и техники. О последствиях доминирования Т. Д. Лысенко в биологии знали все и были уверены, что именно диалектический материализм — главная причина отставания в области биологии, кибернетики, химии. Многие ключевые должности в партийно-правительственных кругах, да и в самой науке, и после снятия Хрущева остались за «лысенкоистами», особенно в ВАСХНИЛ и сельскохозяйственных институтах.

Сторонники генетики и молекулярной биологии должны были самоутверждаться с боями, непрестанно апеллируя к ЦК КПСС. Каждый шаг вперед в науке требовал сложных маневров, поисков покровителей, коллективных писем и т. д. Гибель космонавта В. М. Комарова расценивали как начало наших провалов в космической гонке, где со времен первого спутника и полета Ю. А. Гагарина наше преимущество казалось неоспоримым. Высадка в 1969 г. американских астронавтов на Луну и последовавшие за этим разъяснения, что у нас другая программа и посылать человека на Луну мы не собирались, однозначно звучали как признание отставания. И хотя специалисты знали, что прогресс есть и каждый шаг вперед связан с решением все новых и новых задач и разработкой более прогрессивных технологий, народ, включая интеллигенцию, индифферентно и даже порой враждебно относился к очередным «победам советской науки и техники», рассматривая их чаще всего как бессмысленную трату денег.

На размывание советского патриотизма большое воздействие оказала семидневная война, где крошечный Израиль под руководством министра обороны Моше Даяна, награжденного в 1943 г. орденом Боевого Красного Знамени, наголову разбил могучих арабских союзников, возглавляемых Героем Советского Союза Гамалем Абделем Насером. Последний, правда, строил социализм национал-социалистического толка, но устраивал СССР своим устойчивым антиамериканизмом. Наши войска и кадровые офицеры в тех битвах на Аравийском полуострове не участвовали, но все понимали, что войну проиграли союзные нам режимы, чьи армии были снабжены нашим оружием, а кадры обучены нашими офицерами. И хотя культивировался миф о Моше Даяне как бывшем полковнике Генерального штаба СССР и Герое Советского Союза, появились сомнения, а сильнее ли всех «Красная армия». До этой войны критике и осуждению подвергалась в основном внутренняя политика властей. Теперь все чаще стали говорить о провале внешней политики. Это нашло свое отражение в новой серии политических анекдотов о советской помощи арабским странам, которым якобы предложили кутузовскую тактику: отступить вглубь пустыни и ждать, пока наступит русская зима, а из Москвы пришлют полушубки.

К 50-летию Октября Ленинград был украшен гирляндами, знаменами, транспарантами, портретами членов и кандидатов в члены Политбюро (так снова стали именовать Президиум ЦК КПСС). Гуляя по набережной Невы, я со своей девушкой подошел к крейсеру «Аврора», который перетасили к мосту Лейтенанта Шмидта, откуда он в октябре 1917 г. дал исторический залп. Впоследствии историки доказали, что к моменту выстрела Зимний дворец фактически уже был захвачен, а сигнал к его штурму должен был дать ВРК, разместившийся в Петропавловской крепости, но из-за того, что забыли заранее запастись веревкой, сигнал вовремя не был отдан и штурм начался стихийно. Тем не менее «залп Авроры» в официальной пропаганде был назван началом новой эры. На крейсере принимали в пионеры, его посещение входило в распорядок всех иностранных партийно-правительственных делегаций. Поскольку крейсер обычно стоял в стороне от моих ежедневных маршрутов, мне до этого не приходилось видеть его вблизи. А теперь он оказался недалеко от университета, чтобы, как говорили народные шутники, дать новый залп по новому временному правительству. Нам пришлось наблюдать следующую картину: в морозящий дождь в темноте (было около 8 часов вечера)

к крейсеру подъехала группа машин, из которых вывалилась толпа в штатском с поднятыми воротниками и в надвинутых на глаза шляпах и как-то быстро вскарабкалась по трапу на борт корабля. Было ощущение, что они прячутся и не желают, чтобы их заметили. Народу поглазеть на крейсер пришло много, но мало кто обратил особое внимание на посетителей в штатском. На следующий день я узнал из газет, что был очевидцем посещения крейсера руководителями партии и правительства во главе с Л. И. Брежневым. Эта таинственность, желание остаться незамеченными народом в дни «всенародного праздника» говорит о многом. Властители не заблуждались насчет истинного отношения к себе и не желали ненужных эксцессов.

Судьба распорядилась так, что день рождения моей тети Раи приходился на 7 ноября, и не прийти к ней в этот день означало нанести ей смертельную обиду. Значительную часть ее гостей составляли родственники тогдашнего мужа. Почти все они воевали, поэтому в тогдашних празднествах доминировали песни военных лет, которые большинство гостей исполняли задушевно и с патриотическим подъемом. По просьбе тетушки и ее супруга Леонида Тимофеевича Кузьмина я спел соло «Штрафные батальоны» В. Высоцкого, шокировав тем самым одного из гостей, полковника в отставке, усмотревшего в песне какое-то неуважение к фронтовикам. Я почувствовал себя достаточно неловко, так как никогда в жизни не помышлял о подобном.

Вспыхнул спор, страстность которому придавала солидная доза алкоголя, выпитая всеми присутствующими. Удивительным оказалось то, что мой оппонент остался фактически в одиночестве, а остальным ветеранам песня, даже в моем исполнении, понравилась. А муж тетки шепотом посоветовал не реагировать на упреки, так как негодующий большую часть времени провел в тыловых госпиталях, в боях практически не участвовал и не имел права говорить от имени тех, кто в первых рядах шел в атаку под пулеметами заградотрядов. Теперь об их существовании знают все, но тогда фронтовики предпочитали о них не говорить. Поддержка их в день 50-летия Великой Октябрьской революции кажется мне весьма знаменательной, так как боевые офицеры вспоминали о войне и оценивали ее совсем иначе, чем принято было в официальной пропаганде, делавшей упор на единстве партии и народа как залого победы.

Ввод войск Варшавского договора в столицу Чехословакии, население которой было одним из наиболее расположенных к нам и искренне благодарным за позицию СССР в Мюнхенских соглашениях 1938–1939 гг. и за спасение Праги в мае 1945 г., усилил критический настрой. Войска практически не встретили никакого сопротивления, и гордиться военной победой было неловко. Да и какая победа? Мы потеряли симпатии дружеского народа. В аргументы о необходимости предупредить вторжение Западной Германии верилось с трудом, да и в братскую помощь тоже. До этого была проведена серия встреч руководителей СССР и Чехословакии, где пытались уговорить новых ее руководителей свернуть Пражскую весну и отказаться от построения «социализма с человеческим лицом». Несмотря на скупость официальных сообщений, было ясно — «братьям чехам» выламывают руки. В народном фольклоре отметили, что в составе советской делегации наряду с т. Брежневым, т. Косыгиным, т. Подгорным присутствовал Т-34. Никто не поверил и в существование «группы товарищей», якобы пригласивших войска ГДР,

Венгрии, Польши, СССР и Болгарии для оказания интернациональной помощи. Наоборот, говорили, что единственная цель этой военной группировки — отыскать эту «группу товарищей», что вскоре было сделано, когда Густав Гусак согласился сыграть роль коллаборациониста. Карательный характер операции был ясен всем. Большой популярностью пользовался анекдот, приписываемый молвой директору ИИЕТ АН СССР академику Б. М. Кедрову, который в качестве средства решения проблем Чехословакии предложил «Дуб срубить, Чека оставить». (Дубчек — фамилия тогдашнего первого секретаря Компартии ЧССР, символизировавшего Пражскую весну.)

Конечно, были и те, кто продолжал одобрять подобный экспорт братской помощи. Много лет спустя приемный сын моей тетки Юрий Кузьмин, участвовавший солдатом срочной службы в «братской помощи» Праге, напомнил мне, что в декабре 1968 г. он после демобилизации приехал ко мне в гости, в общежитие, и был удивлен нашим отношением. Ему особенно запомнился мой аргумент, что в гости к друзьям с топором не ходят, а к союзникам на танках не приезжают.

Семидневная война арабов с евреями, вторжение в Чехословакию шли на фоне других мало благоприятных для СССР событий. КНР из ближайшего союзника и «брата навек» превратилась в одного из самых вероятных противников, мечтавших столкнуть США и СССР в термоядерном конфликте, чтобы «с высокой горы наблюдать, как два тигра в долине уничтожают друг друга». Так формулировалась стратегия КНР в передачах пекинского радио, круглосуточно громившего на русском языке советский ревизионизм и американский империализм. В фарватере китайской политики шел и воспитанный нашими спецслужбами президент Северной Кореи Ким Ир Сен. Вместо дружественного нам президента Индонезии Хаджи Ахмеда Сукарно, именуемого часто как брат «Карно», эту страну возглавил генерал Хаджи Мухаммед Сухарто, уничтоживший сотни тысяч коммунистов. Потеряли власть и руководители Ганы (Кваме Нкрума — лауреат Ленинской премии) и Алжира (Бен Белла — очередной Герой Советского Союза). Все меньше на СССР стали ориентироваться лидеры арабских стран — Египта, Сирии и Ирака. Все больше неприятностей и проблем доставляли лидеры социалистических стран в Европе. И хотя только с Албанией полностью были прерваны союзнические отношения, самостоятельную политику стремились проводить Румыния, Польша, Венгрия. Периодически вспыхивали и затухали дискуссии с югославскими коммунистами. Одним из основных критиков политики СССР стали мощные и влиятельные компартии Италии и Франции.

США также переживали не лучшие дни, все больше и больше увязая во Вьетнаме. Тем не менее тотальное наступление коммунизма было остановлено, само движение расколото и победа коммунизма в мировом масштабе откладывалась на неопределенное время. У нас становилось все меньше и меньше союзников, а в друзьях значились лишь те, кого мы подкупали низкими ценами на сырье, промышленными товарами и вооружением, поставляемыми также на наши же деньги. Сейчас мы пытаемся делать то же самое по отношению к странам ближнего зарубежья, но эффекта не больше. Последние события на Украине — тому наглядное подтверждение. В политике так же, как и в реальной жизни, — деньгами любовь не купишь даже у «братского» народа. Вообще после событий в Югославии и Чехословакии надо бы навсегда избавиться от мифов о братских народах,

так как внутривидовая борьба, как и гражданские войны, всегда наиболее жестокие и беспощадные.

Не блестяще складывались дела внутри страны. Отставание по производительности труда неуклонно увеличивалось, как возрастал и разрыв по всем важнейшим показателям жизни и производства с великими державами. Все планы проваливались. С исчезновением страха репрессий исчезли не только стимулы для самоотверженной работы, но и необходимость поиска талантливых и умелых исполнителей. Вместо этого важнее было подобрать и всюду расставить своих людей. И хотя декларировали подбор кадров по деловым и политическим качествам, на самом деле все обстояло иначе. Графы анкет, кумовство и политиканство на фоне все усиливающейся роли партийных органов и спецслужб стали главными факторами служебной карьеры. Стремительно нарастала коррупция в органах власти, главным источником которых вначале была торговля. В этих условиях миллионы молодых активных людей потеряли всякие шансы на карьеру. Всеобщее пьянство и пофигизм становились главными чертами поведения основной части населения.

Суды над Ю. Даниэлем, А. Синявским, А. Гинзбургом окончательно рассорили активную часть творческой интеллигенции с партийными кругами. Многие не хотели довольствоваться ролью «инженеров человеческих душ», творящих по заказу и под контролем властей. Некоторые из этих творцов, созданных в условиях сталинской диктатуры, вкусили дурман общественного признания, вспомнили некрасовский призыв о том, что главное в жизни — быть гражданином, а поэзия сама по себе дело десятое. Еще тверже на этом стояли писатели и поэты призыва 1950–1960-х гг. Правда, многие из них к тому времени оказались за рубежом, так как оттуда было удобнее, да и безопаснее «глаголом жечь сердца людей». Но их книги доходили до желавших услышать. Налаживалась сеть самиздата, а вскоре появилась настоящая антисоветская литература. К ней в те годы относили сочинения А. Д. Сахарова. Его наивные идеи о необходимости конвергенции мира капитализма и социализма с сохранением положительных черт, присущих каждому из них, казались радикальными. Проявив элементарные знания в области радиотехники, каждый при желании мог наладить регулярное прослушивание вражеских радиоголосов, несмотря на периодически возобновлявшееся глушение. В основном тогда передавали произведения А. Е. Солженицына «Раковый корпус», «В круге первом». Он становился кумиром российской интеллигенции. Все это впитывалось студентами нашего факультета.

Из только что напечатанной в журнале «Вопросы философии» блестящей статьи В. П. Макаренко «Решенные вопросы»: повесть М. К. Петрова “Экзамен не состоялся» я понял, насколько всерьез часть философского истеблишмента уже задумывалась об адаптации к новым перспективам мышления, допуская и полный отказ от идеи социализма. Мы, конечно, так далеко не шли. Вместе с тем формирующееся «в трамваях и пивных» общественное мнение заставляло задумываться и нас. Практически ни одни посиделки с водочкой не проходили без споров на эти темы, а к третьему курсу и компании в какой-то степени стали формироваться по общности взглядов. Некоторые, как Витя Павлов, Витя Аполлонов, Илмар Башко, а порой и я, высказывались достаточно остро по этим вопросам на семинарах.

Выбор пути

Деканат по требованию партийных властей вяло пытался как-то на это реагировать. На 5-м курсе был введен спецкурс «Критика современного антикоммунизма», который читала старая коммунистка Зоя Михайловна Мелещенко. До этого она читала нам курс философии Г. В. Ф. Гегеля, и, надо сказать, читала блестяще. Она говаривала: «Гегеля, кроме меня и Лукача, никто не понимает. Лукач — светлая голова! Но свихнулся, ревизионистом стал, в американском посольстве скрылся». Мы хихикали по поводу ее подобных политических сентенций, ходили на головах, что ее страшно бесило. Как-то она набросилась на Колю Ляпина, который никогда не скрывал ненависти к марксизму, и закричала: «Сейчас, когда идеологическая борьба между двумя мирами обострилась до предела, я в 80 лет снова в строю для уничтожения ревизионистов на нашем факультете». На нас дохнуло 1937-м годом.

«ЗАЧЕМ МНЕ ЭМПИРИЧЕСКИ ИЗУЧАТЬ ЧЕРВЯКА?»

Эта фраза, произнесенная Я. М. Галлом на практикуме по зоологии, хорошо отражает умонастроение тех, кто после долгих колебаний выбрал своей специализацией философские проблемы биологии. Каждому из нас приходилось преодолевать некоторые внутренние установки, сформированные предшествующим обучением, понять принципиальное различие между спекулятивным и позитивным знанием.

Когда я поступал на философский факультет, я интересовался историей, международными отношениями и политикой. Философии истории там не было, политикой «занимались» на отделении научного коммунизма. Для меня это было неприемлемо, и я планировал специализироваться по историческому материализму. Затем заинтересовала социология. Но кончилась хрущевская «оттепель», запахло брежневским «развитым социализмом», который все больше походил на неосталинизм. Вновь укреплялась «вертикаль» власти, повеяло новыми «идеологическими чистками» и репрессиями. Прошел суд над Даниэлем и Синявским, начались гонения на А. Т. Твардовского и А. И. Солженицына.

По рассказам моих друзей, членов партии, на партсобраниях оживились ортодоксы. Вместо умницы профессора Н. М. Кейзерова секретарем парторганизации стал Д., считавший, что его главная задача на факультете состоит в борьбе с евреями и позитивистами. «Ушли» с факультета И. С. Кон и В. А. Ядов. С молодыми яркими ассистентами Ю. В. Перовым и Г. Ф. Суныгиным, специалистами по историческому материализму, мы познакомились позже, на семинарских занятиях. К моменту выбора специализации мне стало ясно, что на свободу творчества ни в социологии, ни в философии истории рассчитывать не приходится. А приспособливаться к политико-идеологической конъюнктуре я не хотел, да и понимал, что с моим неумением держать язык за зубами вряд ли дадут долго трудиться на этом поприще. Приходилось вновь определяться, и не хотелось ошибиться. Выбор был не прост, так как подсознательно учитывалась престижность будущей специальности в студенческой среде.

Заповедником эстетствующих юношей и не способных к точным наукам девиц считалась кафедра этики и эстетики. Там работали образованные и блестящие профессора и доценты, в том числе М. С. Каган. На нашем курсе эту кафедру выбрали немало сильных студентов: Таня Акиндинова, Лена Добринская, Леня Казин, Ян Рокпелнис, Ира Эйдель (Носова), Илмар Башко и др. Заниматься там было интересно, многие лекции проходили в Эрмитаже и Русском музее, и при всякой возможности я присоединялся к ним и целые дни проводил, бродя по картинным галереям. Также достаточно серьезно я занимался историей кино и литературоведением. Но роль чеховского профессора Серебрякова, ничего не понимающего в искусстве и всю жизнь пишущего о нем, меня не прельщала. Да и вообще, эстетика считалась «девичьей специальностью».

Примерно такой же репутацией пользовалась специализация научного атеизма, которую возглавлял очень эрудированный и увлеченный профессор Михаил Иосифович Шахнович. Его яркие лекции правильнее было бы назвать курсом по истории мировых религий и религиоведению. Само же название — научный атеизм — ассоциировалось с научным коммунизмом, что было для меня так же неприемлемо. У нас на курсе это поприще избрал только Миша Бениашвили, знаменитый тем, что сдал экзамены, не посетив ни одной лекции, не прочитав ни одной книги и не ответив правильно ни на один вопрос.

История философии считалась уважаемой специальностью. На кафедре работали В. Н. Комарова, Е. И. Водзинский, М. А. Киссель, З. М. Мелещенко. Но до современных философов мы еще не дошли. В момент выбора специальности проходили как раз философии И. Г. Фихте и Ф. В. Й. Шеллинга. Их «ясные, как солнце» сообщения о субъективном или трансцендентальном идеализме воздействовали на мозги студентов, как огонек в Вальпургиеву ночь, который влечет в загадочные дали, а наутро просыпаешься с жуткой головной болью, как после похмелья. Схоластические рассуждения о бытии, небытии и инобытии меня не прельщали, хотя на кафедру пошли также сильные студенты — мои друзья Валера Лейбин и Володя Томилов.

Заоблачная философия диалектического материализма, законы и категории диалектики, их классификации и категории наводили скуку. Иными выглядели модные тогда гносеология и методология науки, за которые ратовали В. А. Штофф, профессор Л. О. Резников и его талантливая ученица Мария Семеновна Козлова. Она вела у нас семинары и умела сделать интересными даже занятия по «Материализму и эмпириокритицизму» В. И. Ленина. В общественной жизни факультета она олицетворяла прогрессивное либеральное начало, чем импонировала многим. Мы ее шутливо звали «наша Диамаша». Козлова «совратила» на занятия гносеологией, наверно, самих сильных студентов нашего курса — Валерия Лапицкого и Игоря Шмерлинга. Они написали под её руководством интересные диссертации. Уговаривала она и меня специализироваться по методологии науки, но мне хотелось оказаться поближе к самой науке.

Хорошую репутацию на факультете имела кафедра логики, и туда пошли многие сильные студенты: Толя Еляков, Олег Подлишевский, Юра Роговой, Женя Рубан, Костя Сергеев. Было известно, что там работают прекрасные специалисты по математической логике И. Н. Бродский и О. Ф. Серебрянников. Но мне не хотелось погружаться в дебри математики, а остальные отрасли логики, на мой взгляд, не слишком далеко ушли от диалектического материализма. Позднее мне пришлось много лет вместе с логиками заседать в специализированном совете по защите кандидатских и докторских диссертаций, и я убедился, что с этой кафедры шли всегда хорошие работы, в наибольшей степени соответствующие научным стандартам. Да и общий уровень ее выпускников был в среднем выше, чем на других кафедрах.

На факультете достаточно успешно шла разработка философских проблем естествознания. Это было удивительно. Хотя в споре физиков и лириков первые явно побеждали, но человек, любивший математику, физику и химию, вряд ли пошел бы на философский факультет. В основном сюда попадали те, у кого в школе с ними были трудности. Тем не менее студенты, выбиравшие философские вопросы естествознания для дальнейшей специализации, более или менее уже знали, что реально представляют собой современные науки. Этому помогало не только неплохое в те

годы школьное образование. На первых двух курсах все будущие философы слушали обширные курсы по общей биологии и эволюционной теории, физиологии высшей нервной деятельности, антропологии, физике, химии, математике, кибернетике, сдавая, порой с большими сложностями, зачеты и экзамены.

В те годы релятивистская и квантовая физика были лидерами естествознания, а ее создатели Н. Бор, Г. Гейзенберг, М. Планк, А. Эйнштейн и другие стремились философски осмыслить воздействие своих открытий на методологию науки и мировоззрение. Профессор философского факультета Владимир Иосифович Свицер своими трудами по пространству и времени завоевал большой авторитет у физиков, которые в годы гонений даже приняли его на работу в Физический институт ЛГУ в начале 1950-х гг. Впоследствии он создал свою школу специалистов по философским вопросам физики (В. П. Бранский, В. Г. Иванов, А. М. Мостепаненко). Методологическими проблемами химии и вопросами моделирования успешно занимался Виктор Александрович Штофф. Заинтересовавшиеся математикой могли продолжить образование в данной области на кафедре логики, где читали лекции крупнейший математик А. А. Марков, затем сменивший его Н. А. Шамин и работали их ученики И. Н. Бродский и О. Ф. Серебрянников. До 1966 г. в состав философского факультета входило также отделение психологии, где работали такие выдающиеся ученые, как Б. Г. Ананьев, А. А. Бодалев, Л. М. Веккер, Б. Ф. Ломов и В. Н. Мясищев.

К этому времени стала модной биология. Ещё в Челябинске из научно-популярных журналов я узнал, что молекулярная генетика не «продажная девка империализма», а передовой край современной науки. Молодой профессор Л. Н. Серавин читал блестящие популярные лекции о простейших, в главном здании университета показывали фильмы о мейозе и митозе. Я купил свежее издание перевода К. Вилли «Биология» и с увлечением штудировал все то, чего не было в нашей средней школе. В те времена уверяли, что материальных носителей наследственности нет, что наследование приобретенных признаков — ведущий механизм эволюции, а что главный закон жизни — единство организма и среды и т. д.

Ну а потом на факультете была такая легендарная личность, как доктор биологических наук, профессор Кирилл Михайлович Завадский¹. Он руководил специализацией «философские вопросы биологии», которая была приписана к кафедре диалектического материализма В. П. Рожина. Мы знали, что к Завадскому попасть тяжело, писать у него сложно, но зато это интересно и престижно, так как соответствует мировой науке. Куратором этой специализации был А. К. Астафьев. Когда началась «вербовка» студентов по кафедрам, он меня долго уговаривал попробовать. Эту специальность выбрал мой сосед по комнате и партнер по преферансу Я. М. Галл. Ну а поскольку передо мной тогда стал вопрос, а не бросить ли вообще философский факультет, я решил попробовать.

В начале 3-го курса я приехал к Завадскому на дачу, где он читал лекции по истории эволюционных идей. Он меня пленил манерой обращения со студентами, искренней заинтересованностью в тех, с кем говорил, широтой мышления, взглядами, эрудицией. С первых занятий он дал перечень тем для курсовых работ,

---

¹ Я посвятил ему специальную книгу: *Колчинский Э. И.* Кирилл Михайлович Завадский. СПб., 2013.

расписывая каждую так, что это создавало представление нахождения на передовом фронте науки и возможности прорыва в ранг бессмертных. Прельщало меня и то, что здесь читали лекции по генетике, экологии, биохимии, физиологии и т. д., так как от абстрактных философских рассуждений меня уже тошнило. На лекциях и лабораторных занятиях (резали лягушек, считали расщепления признаков у дрозофил и т. д.) мы получили знания в объеме первых общеобразовательных курсов биологического факультета. Учителя у нас были превосходные: зоологию читал палеонтолог Л. И. Хозацкий, выделявшийся в те годы своим неизменным военно-морским френчем, ботанику — флорист В. М. Шмидт, физиологию — Никитина, экологию — Н. С. Ростова. Но это было только начало. Далее мы должны были добирать многое самостоятельно. Приходилось штудировать буквально сотни книг.

Особые сложности вызывала эволюционная теория, ведь, как писал Ф. Г. Добржанский К. М. Завадскому в 1974 г., трудно найти хотя бы двух эволюционистов, которые на одну и ту же проблему смотрели бы одинаково. У нас же в стране просто была катастрофа. В течение почти 20 лет под видом дарвинизма печатали идеи Т. Д. Лысенко и его подручных. Мы, получившие основы биологических знаний по школьным учебникам, были весьма чувствительны к рассуждениям о законе единства организма и среды, о переделке наследственности, наследовании приобретенных признаков. Какофония мнений, идей, концепций приводила в отчаяние. Непонятно было, с чего начинать.

Мне повезло: в руки сразу попала книга Дж. Г. Симпсона «Темпы и формы эволюции», вышедшая накануне сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 г. Я ее долго штудировал, и вместе с «Факторами эволюции» И. И. Шмальгаузена они составили фундамент моих первоначальных представлений об эволюции. Шмальгаузена я знал практически наизусть, указывая по памяти даже некоторые страницы. На этом фундаменте укладывались последующие идеи, концепции, заставлявшие перестраивать и уточнять представления. Но без этого фундамента я вряд ли выплыл бы в море литературы по дискуссионным проблемам эволюции. Большую роль в моем эволюционно-биологическом образовании сыграла коллективная монография под редакцией В. И. и Ю. И. Полянских, появившаяся в печати в конце моего 3-го курса, а также первые после долгого перерыва переводные книги Ф. Шепарда («Естественный отбор») и П. Эрлиха и Р. Холма («Процесс эволюции»).

Благодаря им я твердо усвоил, что отбор — это не некая мистическая сила, оставляющая лучших и элиминирующая неприспособленных, а процесс и результат сложного и противоречивого взаимодействия массы факторов. Воспитанному на знаменитом лозунге «Наука — враг случайности» трудно давалось усвоение статистического механизма детерминации, при котором мельчайшее преимущество лишь в среднем могло обеспечить выживание и размножение. Как предыдущему поколению по капле приходилось выжимать из себя раба, так и нашему поколению довелось изживать лысенкоизм, возрождающийся все вновь и вновь в различных облициях под видом критики устаревшего дарвинизма.

Сразу выяснилось, как непросто на этой специализации. Пришло нас девять человек, но уже к первой сессии осталось только пять, а вскоре уже четыре. Ушел даже наш староста Толя Колесников, окончивший до университета зоотехнический техникум и с 1-го курса уверявший всех, что философия парнокопытных — это его призвание. Позднее он обрел себя в критике философии Б. Рассела и стал известным

специалистом по современной западной философии. Сомнения в правильности выбора мучили и меня. За первые два года обучения мы овладели какими-то знаниями, терминами, языком и стилем мышления, которые резко отличались от биологического дискурса. В биологии каждый объект индивидуален, а знание очень конкретно и чаще всего функционирует в форме эмпирического, а не теоретического. Приученные витать в заоблачных высотах, оперируя абстрактными категориями, мы не сразу могли понять, зачем нам изучать червяка, ведь он такой маленький и к тому же можно его представить абстрактно. А для настоящего биолога не то что червяк, а вирус очень большой, а жизнь коротка, чтобы его понять.

В итоге только Боря Фетисенко, Яша Галл, Люда Турунхаева и я прошли свою Голгофу, чтобы по окончании университета перестать быть философами, но и не превратиться в биологов. Мы были чем-то вроде морской свинки: и не свинка, и не морская. Правда, существовала возможность стать хотя бы лучшими биологами среди философов или лучшими философами среди биологов. Но и для этого надо было много трудиться, и я неделями штудировал курс зоологии, а учебник А. Мюнцинга по генетике выучил буквально наизусть, перерешав все приведенные там задачи. Несколько лет мне пришлось даже читать генетику на философском факультете и на курсах повышения квалификации преподавателей дарвинизма. Нелегко было привыкнуть и к практическим занятиям.

К тому времени К. М. Завадский перенёс несколько инфарктов. Будучи профессором ЛГУ, он читал лекции по истории биологии и эволюционной теории, по философским проблемам биологии, руководил курсовыми и дипломными работами, а также аспирантами и докторантами. Первые два года занятия проходили у него на квартире (Большая Разночинная улица Петроградской стороны, 9/13). Тогда там не было станции метро «Чкаловская», и мы ездили на трамвае. Раз в месяц здесь же проходили семинары по эволюционной теории, на которых собирались все ученики Завадского, это давало возможность сразу почувствовать себя причастным к научной школе. На семинарах защищались и курсовые работы. Мы учились рецензировать работы друг друга, задавать вопросы, критиковать. Завадский как раз заканчивал работу над книгой «Вид и видообразование» и давал нам читать некоторые разделы, и мы их нелицеприятно критиковали.

С осени 1967 г. Завадский перешел работать в Ленинградское отделение Института истории естествознания и техники АН СССР, расположенное в Таможенном пер., д. 2, на втором этаже П-образного корпуса сзади главного здания АН СССР в Ленинграде, тогда там помещалось ЛАХУ (Ленинградское административно-хозяйственное управление АН СССР). Здесь он организовал сектор истории и теории эволюционного учения, куда вошли сотрудники и ученики Завадского из ЛГУ. В это время он был руководителем моей курсовой работы на 4-м курсе. Поэтому я иногда приходил сюда, но должен сказать, что у нас отношения с ним не особо складывались. Я был достаточно независимым и при всем уважении к нему всегда имел свою точку зрения, к тому же не мог привыкнуть к его насмешливой манере разговаривать. Но самое главное, у меня были большие трудности с курсовой работой, и я не очень верил в возможность ее успешной защиты в виде диплома.

Еще на третьем курсе Завадский дал на выбор несколько тем курсовых работ. Я. М. Галл выбрал сперва тему «Эволюция эволюции», а я — «Типы взаимодействия живых систем». Чем-то слово «типы» мне не нравилось, а Галл не мог решить,

как подойти к теме «Эволюция эволюции». И мы решили махнуться. Вскоре я понял, что попал из огня в полымя. Кроме одной главы в книге американского генетика А. Шелла, написанной в 1936 г., никто и никогда не использовал сам термин. Кое-какие идеи на этот счет в тезисной форме опубликовал И. И. Шмальгаузен. На 3-м курсе я ещё как-то написал курсовую по его трудам, а на 4-м уже не знал, что мне писать, хотя прочитал много книг. Завадский ничем помочь не мог, ориентировал на анализ взаимоотношения концепций униформизма и катастрофизма в XIX в. в качестве историко-методологического введения, а что дальше делать, видимо, и сам не знал.

Получив за курсовую четверку, я решил уйти со специальности «философские проблемы биологии» и стать историком философии. Для этого была возможность. Я получил распределение в Институт истории АН ЭССР. Там собирались открыть философский сектор, где предполагались и исследования по истории философии. С кадрами у них было плохо, их готовить они могли только в академической системе и собирались меня направить в целевую аспирантуру, если будет рекомендация от факультета. Предварительную рекомендацию могли дать только по результатам учебы и курсовой. Завадский сказал, что подобную рекомендацию даст только в том случае, если диплом будет написан по специальности «философские проблемы биологии», и предложил более понятную тему для диплома о мировоззрении и эволюционных взглядах К. А. Тимирязева. В конце 1930-х гг. он сам писал о нем кандидатскую диссертацию, но по разным причинам не защитил. В качестве руководителя Завадский предложил своего ученика и сотрудника из ЛО ИИЕТ А. М. Миклина, незадолго до того с блеском защитившего диссертацию по критериям прогресса. Понимая, как трудно начать с нуля, чтобы написать отличный диплом (а только в этом случае можно было рассчитывать на рекомендацию в аспирантуру), я согласился. С осени стал читать труды К. А. Тимирязева, которые мне все больше и больше не нравились. Просматривая новые книги и статьи, постоянно прикидывал, что могло бы быть полезно для прежней темы, продолжая собирать материал по «эволюции эволюции».

Неожиданно для меня в ноябре 1968 г. в журнале «Вопросы философии» была опубликована статья очень популярного тогда эколога и эволюциониста С. С. Шварца, посвященная постановке исследуемой мной проблемы. Из прочитанной статьи я увидел, что нахожусь на правильном пути и что в разработке проблемы «эволюции эволюции» продвинулся дальше Шварца, ставшего вскоре академиком. Осознание этого факта ободрило меня. В итоге, читая днем Тимирязева, я вечерами садился писать диплом по эволюции эволюции. Когда я сдал текст на проверку Миклину, тот был доволен, ничего не исправил, кроме нескольких вводных предложений, и предложил печатать в таком виде для защиты. Он всячески расхвалил мой труд Завадскому. Высоко оценил работу и рецензент Алексей Сергеевич Мамзин, также ученик Завадского, подготовивший к этому времени докторскую диссертацию. При защите диплома комиссия поставила оценку «отлично с отличием» и даже обратилась в деканат, нельзя ли официально утвердить такую оценку.

Работа заинтересовала Завадского. Не видя диплома, но зная, что у меня есть шанс получить целевую аспирантуру из Академии наук Эстонии, куда я получил распределение, он предложил писать диссертацию в ЛО ИИЕТ АН СССР. Мое желание сразу переключиться на историю философии было поколеблено. Завадский

убеждал: «Ну ты что, ну зачем ты поедешь в эту Эстонию, как ты там будешь заниматься историей философии, у тебя уже на 50% сделана диссертация, сейчас приедешь, сдашь экзамены, станешь за год кандидатом наук». Завадский говорил справедливо, что там потребуются годы для подготовки и защиты диссертации, а вот что здесь через год гарантированно будет кандидатская, явно лукавил. Но я ему поверил: кто ж не хочет быстро защититься. При этом Завадский полагал, что президентом Академии наук ЭССР по-прежнему является его старый знакомый, член-корреспондент АН СССР селекционист Иоганн Гансович Эйхфельд, возглавлявший в Ленинграде ВИР до начала 1951 г., когда Завадский проводил там с аспирантами занятия по дарвинизму. В письме Завадский писал, что считает целесообразным, чтобы я в краткий срок подготовил диссертацию по философским вопросам биологии, учитывая большой задел для этого в дипломе. А потом АН ЭССР сможет меня использовать так, как посчитает нужным. Оказалось же, что несколькими месяцами ранее был избран новый президент АН ЭССР А. Т. Веймер. Тем не менее благоприятное для меня решение было получено. Но в конечном итоге, проработав в Таллине менее трех месяцев, я вернулся в Ленинград сдавать вступительные экзамены в аспирантуру, и Завадский вновь стал моим руководителем. Тема была predetermined дипломной работой, менять ее не было смысла, раз она была оценена на «отлично с отличием».

Мои коллеги по специализации и друзья Я. М. Галл и Б. А. Фетисенко также остались в рамках школы К. М. Завадского для написания диссертации. Я. М. Галл был принят сотрудником в сектор К. М. Завадского, который определил ему тему так: «Борьба за существование как фактор эволюции». Тема была историко-биологическая, и Галл должен был защищать диссертацию на соискание степени кандидата биологических наук. Боря Фетисенко попал во вновь созданный сектор философских проблем Института философии, возглавлявшийся А. С. Мамзиным. Сектор просуществовал недолго, и он не успел подготовить диссертацию о регрессе, часто увлекаясь другими, как ему казалось, более актуальными темами. В годы перестройки он занялся общественной деятельностью, избирался депутатом районного и муниципального уровня. Неожиданно с ностальгией стал вспоминать советское прошлое, а затем уехал к сыну в США. Там тоже не нашел себя и скоро вернулся. Последние годы мы видимся очень редко, хотя, он бесспорно, один из наиболее достойнейших людей на моем жизненном пути, сохранивший свежесть восприятия и какую-то наивность до зрелых лет.

Людочке Турунхаевой единственной с нашей специализации пришлось уехать из Ленинграда в Читу. К науке она вернулась нескоро, только в 1990 г. подготовила диссертацию по экологии, пригласив меня в качестве рецензента на предзащиту, не предупредив своих коллег, что знает меня. В итоге возникло недоразумение. Они, предполагая, что меня кто-то пригласил, чтобы завалить их Туруханчика, стали резко критиковать работу, признавая в конце, что это частные замечания и труд может быть представлен к защите. Когда очередь дошла до меня, я выразил недоумение по поводу столь повышенной строгости и дал самый положительный отзыв, как мне сказали после, оказавшийся неожиданным для ее критиков. Она также была замечательным человеком, воспоминания о котором согревают душу каждого, кто учился с ней.

Несмотря на все трудности выбранной специализации, связанной с резкой перекалфикацией, я последние 40 лет никогда не жалел о своем выборе. Повезло мне

Выбор пути

и с коллегами, в естественной конкуренции при распределении мы не переходили границы приличия и оканчивали университет друзьями. Получив диплом, только представители нашей специализации собрались в общежитии на Новоизмайловском проспекте, чтобы вместе отпраздновать окончание университета. К нам прикннули и те, кто не смог договориться со своими. При распределении ссорились, причем иногда даже друзья. Кое-кто не мог простить лучшему другу, что именно его оставили в аспирантуре. Особенно резкие столкновения были среди выпускников отделения научного коммунизма. Пятилетнее изучение мудрости и студенческая солидарность для наиболее амбициозных завершились вспышкой яркой конкуренции. Но все проходит, все забывается. Подавляющее большинство из нас с огромным удовольствием встретились через десять лет. Большая роль в консолидации курса в последующие десятилетия принадлежит Люде Мацыне (ныне Родионовой), веселой, жизнерадостной и очень доброжелательной украинке, живущей сейчас в Москве. Благодаря ей я узнаю много о том, что стало с моими однокурсниками, к сожалению, и о потерях. Слава о нашем курсе как о сильном, независимом и солидарном коллективе, добившемся невозможного — отмены военной кафедры и коренного пересмотра учебного плана — долго жила на факультете.

ВХОЖДЕНИЕ В АКАДЕМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ЭСТОНИЗАЦИЯ

Пребывание в Таллинне, куда меня направили по распределению в Институт истории АН ЭССР, где собирались создать сектор философии, было кратковременным.

Директором Института истории АН ЭССР был достаточно молодой и, бесспорно, талантливый историк, вскоре ставший академиком, — Юхан Юханович Кахк. К тому времени он был известен классическими трудами по прибалтийскому крестьянству в период позднего феодализма (XVI–XVIII вв.). Одним из первых в СССР он использовал математические методы в историческом исследовании. Кахк встретил меня приветливо. Он окончил аспирантуру в Ленинграде и с уважением относился к профессуре ЛГУ. При этом в аспирантуре он учился вместе с ученым секретарем ЛО ИИЕТ Г. Е. Павловой, о которой тепло отзывался. Наличие общих знакомых, о которых вспоминаешь с удовольствием, служит хорошим фоном для завязывания доброжелательных отношений.

В то время в возглавлявшемся Ю. Ю. Кахком институте шла интенсивная работа по завершению к изданию трехтомного фундаментального труда «История Эстонской ССР». Издание параллельно готовилось на эстонском и русском языках. Но время было летнее, и Кахк меня работой не загружал, привлекая лишь эпизодически для технической работы как носителя русского языка. Поскольку предполагалось, что в октябре я поеду поступать в целевую аспирантуру в Ленинград, меня не стали подключать ни к какой теме, а дали возможность готовиться к экзаменам, послав, правда, на пару недель вместе с другими молодыми сотрудниками в колхоз. В отличие от известных мне колхозов и совхозов РСФСР, это было крепкое, процветающее хозяйство с домами-особняками, исправной техникой, с полеводством на уровне новейших достижений агротехники. Если под Ленинградом мы жили в полуразвалившемся доме барачного типа, спали на общих нарах, покрытых соломой и истрепанным старым бельем, не имея возможности по-настоящему помыться, то здесь было хорошо. Разместили нас в чистом, уютном общежитии. В большой комнате стояли стол и кровати с белоснежным постельным бельем, имелся душ. Была возможность после работы почитать книгу. Это был только что опубликованный «Краткий очерк теории эволюции» Н. В. Тимофеева-Ресовского, Н. Н. Воронцова и А. В. Яблокова — первый по сути дела современный отечественный учебник по эволюционной теории после долгого господства лысенкоизма.

Работа была хорошо организована, хотя периодически приходилось трудно, когда кидали вилами наверх пудовые кипы спрессованного сена за идущим по полю грузовиком или трактором. Были и длительные перерывы. Эстонцы, большинство из которых были привычны к сельскому труду, работали хорошо и легко, а мне еще предстояло привыкнуть к некоторым операциям. В целом отношения складывались

нормальные, но я был единственный человек, совершенно не понимавший по-эстонски. Когда они травили анекдоты и просто оживленно разговаривали, чувствовал себя не в своей тарелке. Стало понятно, что при всех плюсах жизни в Прибалтике адаптироваться без знания языка будет трудно, а выучить язык еще трудней.

Примерно так же ситуация складывалась в институте, хотя меня и посадили в комнату с сотрудниками, свободно говорившими по-русски и не чуравшимися этого. Вообще культивированное в Ленинграде мнение о том, что в Прибалтике местные старались не отвечать приезжим на вопросы, не подтверждено моим опытом. За четыре месяца проживания в Таллинне и во время многократных посещений разных прибалтийских городов в 1970–1980-х гг. я не сталкивался ни разу с проявлением какой-то враждебности, грубости или нежелания разговаривать с «оккупантами». Если с кем-то и происходило что-то подобное, то, скорее, это была естественная реакция на беспардонное отношение некоторых приезжих, носившихся по магазинам, скупавших товары, которых не хватало самим местным жителям. К магазинам у меня всегда было неприятие, может, поэтому у меня остались благоприятные представления о местных жителях. Кроме того, в сфере обслуживания им всегда нравилось, если я хотя бы несколько элементарных слов произносил по-эстонски: «здравствуйте», «пожалуйста», «спасибо», «до свидания».

В отличие от Литвы, в начале 1990-х гг. Таллинн обошелся без жертв, так как большая часть русского населения поддержала идею о независимости страны. О том, что было потом, судить не берусь, так как сам не видел, а верить нашей прессе и политикам — последнее дело. Во всяком случае, из Эстонии не было массового исхода русскоязычного населения. Первой среди прибалтийских стран она стала полноправным членом объединенной Европы, а ее русскоязычные граждане пользуются практически всеми правами, необходимыми для нормальной жизни. Да и стать полноценным гражданином не так уж трудно. Надо только сдать экзамен на знание эстонского языка и эстонского законодательства. Но это элементарное правило для получения гражданства в любой стране.

Вообще особой межнациональной напряженности в конце 1960-х — начале 1980-х не было заметно. Ключевые посты в ЦК КПЭ, Совете министров и Президиуме Верховного Совета ЭССР занимали представители коренной нации, подавляющее большинство их было во всех вузах, АН ЭССР и других научных институтах, журналах. Аналогичная картина была в учреждениях культуры, музеях, театрах, киностудии, творческих союзах. Русским в основном доставались некоторые руководящие должности в промышленности, где подавляющая часть рабочих были приезжие. В этом я убедился, помогая проводить социологический опрос на заводе, где менее 10% были эстонцами. Русские, как недавно приехавшие, часто работали на грязных, не престижных местах, у них хуже были жилищные условия. Хотя численность русскоязычного и эстонского населения была примерно одинаковой, местные газеты гораздо чаще и большими тиражами издавались на эстонском языке.

В общении я не чувствовал каких-то антирусских настроений, хотя, конечно, эстонцы помнили и о включении в состав СССР в 1940 г., и о насильственной депортации в июне 1941 г. В то же время они понимали, что альтернативой могла быть немецкая оккупация, которой они тоже не жаждали, помня не столько об опыте Первой мировой войны, сколько о многовековом господстве остзейских немецких баронов, не считавших за людей местное население. Нельзя забывать, что в независимой

Эстонии значительная часть крестьян и городского населения была настроена просоветски. Сильна была коммунистическая партия, не раз в 1920-х гг. пытавшаяся поднять восстания.

В числе участников одного из таких восстаний был и тогдашний президент АН ЭССР Арнольд Тынович Веймер. Как я узнал из его воспоминаний «Мечты и свершения», опубликованных в середине 1970-х гг., у него за спиной была интересная жизнь, особенно на фоне лиц, занимавших высшие посты в остальных республиках Советского Союза, да и в самой Эстонии. Около пятнадцати лет Веймер провел в тюремном заключении, где получил неплохое образование. В 1940 г. он возглавил 3-ю Государственную думу Эстонии, а в 1944 г. — Совнарком-Совмин Эстонской ССР, входя по статусу в Правительство СССР, председателем которого был И. В. Сталин. Как мне рассказывал один молекулярный генетик Тыну Сойдла, после окончания аспирантуры ЛГУ работавший в Институте цитологии РАН, в бытность главой правительства, Веймер не допустил массовых репрессий в стране и был снят с поста предсовмина и постепенно понижен до директора экскаваторного завода, ожидая ареста.

После смерти Сталина Веймер занялся научной работой, защитил докторскую диссертацию по экономике, стал директором академического института. В 1958 г. его назначили председателем совнархоза. На новом посту он проявил себя прекрасно, сделав сельское хозяйство и промышленность республики образцовыми в стране. Вместе с А. Н. Косыгиным разрабатывал основы экономической реформы, похороненной Л. И. Брежневым, который упустил шанс мирно и постепенно реформировать промышленность и сельское хозяйство страны на рыночных принципах. После ликвидации совнархозов Веймер несколько лет был первым заместителем председателя Совета министров республики, откуда ушел на должность президента АН ЭССР. Его освободили от этой обязанности по «болезни» в 1973 г., как только он отказался подписать письмо с осуждением А. Д. Сахарова. Пришлось эстонским академикам опубликовать «коллективу» — так назывались инициированные сверху письма трудящихся, академиков, деятелей культуры — без своего президента.

Поскольку в то время сектор философии еще не был создан и, соответственно, не было заведующего, а Кахк не очень знал, как реагировать на письмо К. М. Завадского, мне довелось встретиться с президентом АН ЭССР, инициатором создания такого сектора, чтобы объяснить ему ситуацию с письмом Завадского. Заодно удалось кое-что разузнать, зачем им потребовался выпускник ЛГУ как кандидат в целевые аспиранты, прикомандированный к Институту философии. К тому времени в Эстонии было немало хороших специалистов в области философии, известных в Ленинграде. В частности, теорией познания успешно занимался Я. К. Ребане, а эстетикой — Л. Н. Столович, в прошлом выпускник философского факультета ЛГУ. Среди членов АН ЭССР был известный в то время специалист по философским аспектам теории относительности и космологии Г. И. Наан, который активно участвовал в разного рода дискуссиях, активно борясь, как тогда шутили, с анааннистами.

Хуже обстояло дело с философскими проблемами биологии, хотя кафедру философии в Тартуском университете возглавлял прекрасный специалист в этой области М. Как и некоторые другие представители его поколения, он был настроен на жесткую идеологическую борьбу. Ходил анекдот о том, что он якобы сам на себя

написал донос в ЦК КПЭ. Получилось это следующим образом. В стране печаталась многотомная эстонская энциклопедия, и М. пришлось написать много статей, о причастности к которым он вскоре забыл. По себе знаю: так часто бывает со статьями для энциклопедий. Ознакомившись со своими статьями в печати, которые были без подписи, М. обнаружил в некоторых из них тлетворное влияние буржуазного Запада и, забыв о своем авторстве, сообщил об этом в вышестоящие органы.

В итоге ему пришлось уехать из Тарту, а начальство задумалось о создании подразделения по философии в Академии наук, в задачи которого, прежде всего, входила бы просветительско-пропагандистская деятельность по истории философии и философии естествознания. Учитывая, что в то время центром академической мысли в СССР считался Институт философии в Москве, а студентов-выпускников из Эстонии на философских факультетах ЛГУ и МГУ в тот год не было, то решили взять меня и моего однокурсника Олега Подлишевского. В ленинградские сектора московского Института философии АН СССР я не жаждал ехать, так как работавший там член-корреспондент АН СССР Б. А. Чагин занимался ленинским этапом в истории философии, да и реального руководства над аспирантами там не осуществляли. В этом я вскоре убедился на примере четырех своих однокурсников, оказавшихся там по распределению: двое вообще не защитились, а двое других дальше кандидатской диссертации не ушли. А между прочим, по крайней мере трое из них могли бы стать хорошими специалистами. Например, Витя Павлов, написавший прекрасный диплом по Э. Гуссерлю. В то же время Подлишевский, окончивший аспирантуру в Институте философии в Москве, приехав в Таллинн, стал блестящим специалистом в области философии языка и науки. Он также был женат на эстонке, но, в отличие от меня, быстро выучил эстонский язык.

В сентябре я отпросился на два дня съездить в Ленинград, чтобы решить вопрос о записи на предстоящие экзамены в ЛО ИИЕТ. Мои намерения были не совсем понятны заведующей аспирантурой. С ее точки зрения, все было в порядке, так как вопрос о моей целевой аспирантуре был решен в Москве. Я же, зная нашу бюрократию, не без оснований предполагал, что, пока прокрутятся все колесики бюрократической машины, время вступительных экзаменов в Ленинграде пройдет и мне придется сдавать экзамены или в Таллинне, что я считал крайне нежелательным, зная уровень их требований к экзамену по языку, или в индивидуальном порядке в Питере, что также не вселяло оптимизма.

В Ленинграде оказалось, что беспокоился о направлении я не зря. Завадский в то время был в больнице, а заведующий отделением Юрий Сергеевич Мелешенко полностью забыл о своем письме к президенту АН ЭССР, в котором поддерживал просьбу Завадского направить меня в целевую аспирантуру не в Институт философии в Москве, а в ЛО ИИЕТ. Мне выдали письма для записи на экзамены по истории КПСС и иностранному языку.

В Таллинне я решил посмотреть некоторые книги по истории партии и с изумлением обнаружил, что в рубрике «История КПСС» есть опубликованная в 1921 г. книга некоего Ю. Мартова об истории российской социал-демократии. Не веря, что это тот самый Мартов, я наудачу заказал книгу — и получил сочинение одного из главных друзей и единомышленников В. И. Ленина, ставшего его соперником и врагом. Надо ли говорить, как необычно в те годы было держать в руках в советской библиотеке психологический портрет Ленина, нарисованный его

недоброжелателем и политическим конкурентом. Выяснилось, что — специально или под видом незнания русского языка — в библиотеке было немало книг, изданных в буржуазной Эстонии и оставшихся в открытом доступе после ее включения в СССР. Встретить подобные книги в Ленинграде было невозможно.

Снова в Ленинград я приехал накануне экзамена по специальности и отправился в больницу к К. М. Завадскому, так как мне сказали в ЛО ИИЕТ АН СССР, что вопросы нужно получить от него. Завадский спросил, смогу ли я ответить о конгруэнциях, и, к своему удивлению, получил утвердительный ответ. Добавив еще вопрос об эволюционных взглядах Ж. Б. Ламарка, Завадский запечатал конверт и попросил передать К. В. Манойленко. Кроме нее в комиссию входил А. С. Мамзин, а председателем был профессор И. И. Канаев. Последний был удовлетворен моими ответами, а о конгруэнциях, вероятно, сам слышал впервые. Процедура была достаточно формальной, так как К. М. Завадский дал вопросы заранее, считая, что для аспиранта научная работа над диссертацией будет плодотворной только в том случае, если он во время ее подготовки приобретет обширные знания по современной биологии и ее истории. При таком подходе научного руководителя и заведующего сектором я был «обречен» на успех на экзамене. Вообще, экзамены в аспирантуру уже тогда приобрели символическое значение, тем более для целевиков. Принимали тех, кого изначально хотели принять. Отсутствие подлинной конкуренции неизбежно влияло и на экзамен, и на состав молодых сотрудников.

Чисто случайно, отвечая на дополнительный вопрос Канаева о Ламарке, я рассказал немного больше, чем, по его мнению, видимо, мог знать советский аспирант. Он удивился и спросил: «На каких языках вы читаете?» и, услышав ответ, что только на немецком, был шокирован: «Как! Только на немецком?! Да как же вы будете историей науки заниматься?!» и начал мне доказывать, что надо знать по крайней мере ещё латинский, французский, английский. Тогда этот совет показался странным, так как поколение советских ученых, пришедшее в науку в 1960-х гг., считало, что даже одного иностранного языка со словарем достаточно для «продуктивной» научной работы. К счастью, сейчас ситуация меняется к лучшему и большинство аспирантов по меньшей мере прилично владеют двумя-тремя языками. На следующий день я сдал экзамен по истории КПСС, а затем и немецкий язык. Мои три пятёрки произвели большое впечатление на заведующую отделом аспирантуры АН ЭССР, ведь в Эстонии требования были гораздо строже, и ее отношение ко мне смягчилось.

Итак, на три года я стал аспирантом Института истории АН ЭССР, прикомандированным к ЛО ИИЕТ. Трудовая книжка моя находилась в Таллинне, отсюда же я получал каждый месяц по почте стипендию 65 рублей. Тогда это была обычная практика в подготовке научных кадров для союзных республик. В Эстонию я ездил редко, за время аспирантуры всего два или три раза на аттестацию. Вскоре там был создан сектор философии во главе с известным методологом и гносеологом науки Лембитом Вальтом, несколько лет до этого возглавлявшим кафедру философии в Тартуском университете, который он окончил в 1957 г. Вальт имел солидную естественную подготовку, будучи выпускником физического факультета и проработав несколько лет на кафедре общей физики. Поступив в аспирантуру, Вальт перешел на кафедру философии и в 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию «Познавательное значение модельных представлений в физике»; на философском

факультете ЛГУ. После ознакомления с моим дипломом Вальт относился ко мне хорошо, агитировал после окончания аспирантуры вернуться в Таллинн, заняться методологией науки. Его жена Майя Вальт занималась К. Э. фон Бэрмом. В принципе, я не собирался нарушать правила и планировал вернуться, но к концу аспирантуры изменилось мое семейное положение.

В Ленинграде мы с женой оказались в разных общежитиях. Она в университетском на Мытнинской наб., д. 2, возле моста Строителей (ныне Биржевой), а я в академическом на Яковской ул. возле Сосновки. Снять комнату было тяжело, да и дорого. Через год она получила диплом и уехала в Эстонию работать. Мне некогда было особенно ездить туда, поскольку я писал диссертацию. Когда я окончил аспирантуру и должен был вернуться в Эстонию, мы уже развелись. Руководству Института истории я сообщил, что для возвращения мне надо где-то жить. Они могли предложить только общежитие, в котором жить, не зная по-эстонски ни слова, было тяжело. К тому времени у меня с Завадским наметился близкий контакт, мы написали пару общих тезисов и статей. Я в срок представил текст диссертации. Наметилась вакантная ставка, и Завадский предложил мне остаться, я с радостью согласился, хотя 100%-ной гарантии на трудоустройство не было. К этому времени мне удалось сделать прописку в поселке Саблино Ленинградской области.

Помогла мне в этом знакомая тети Раи из Тосно Корзунова, которая была начальником почты в Саблино. Сделала она это совершенно бескорыстно, затратив несколько дней на хождение к председателю горисполкома, начальнику отделения милиции, представляя меня как своего племянника. Справедливости ради надо сказать, что и высокие должностные лица, обязанные, по большому счету, отказать на письмо из АН СССР, разрешали прописку совершенно бесплатно, мздоимство тогда не было распространено. На вопрос, почему она помогает практически незнакомому человеку, услышал следующий рассказ. До войны она была членом партии и директором школы. Когда учительницу немецкого языка должны были репрессировать как дочь священника, Корзунова заступилась, уверяя, что дочь давно не поддерживает связи с отцом. И учительницу оставили в покое. В 1941 г. Токсово было оккупировано немцами, Корзунову арестовали. Ей как активной коммунистке грозила смертная казнь через повешение. На этот раз ее спасла учительница, работавшая у немцев переводчицей. Она заверила немцев, что Корзунова всегда была тайно настроена против советской власти, приведя в качестве доказательства факт своего спасения. «Надо всегда делать добрые дела, ведь не знаешь, как и когда они окупятся», — заключила Корзунова свой рассказ.

В конце 1972 г. Завадский написал в Таллинн, что мне будет предоставлена должность младшего научного сотрудника. В отделе аспирантуры АН ЭССР, пожуриив меня, разрешили свободное распределение, понимая, что снимаются многие проблемы и для них. Так, вопреки всем правилам я не вернулся в Таллинн и только в 1990 г. понял, как мне повезло. Ведь я мог оказаться в невольной эмиграции. Окончив целевую аспирантуру и защитив диссертацию «Методологический анализ естественно-научной терминологии» в Институте философии в Москве, мой университетский друг и постоянный партнер по преферансу Олег Подлишевский, о котором я уже говорил выше, работал в секторе Вальта в Институте истории АН ЭССР. Насколько мне известно, в целом его судьба сложилась удачно, помимо работы в АН ЭССР он преподавал в Таллиннском педагогическом институте

и различных частных вузах. Мы несколько раз с ним встречались после окончания, но потом как-то потеряли друг друга.

В Эстонию, точнее в Тарту, я ездил часто в последующие годы вплоть до февраля 1992 г. Случилось так, что одновременно со мной из Эстонии к Завадскому был прикомандирован аспирант Томас Якобович Сутт. Он был намного старше меня, окончил биологический факультет и шел по жизни в направлении, противоположном моему т. е. от биологии к философии. Был он, как все эстонцы, которых я знал, аккуратен, трудолюбив, обязателен и порядочен и при этом обладал исключительным чувством юмора. Вначале Томас держался со мной настороженно, но затем мы с ним подружились. Со временем он стал директором музея К. Э. фон Бэра, который фактически сам создал и оборудовал. Рядом с музеем он построил свой дом, где всегда приветливо встречали гостей из России сам Сутт и его красавица жена Майя.

Мой доклад в Эстонском обществе естествоиспытателей положил начало традиции приглашать на Бэровские ежегодные чтения одного докладчика из Ленинграда и Москвы. Вместе со мной делал доклад о четвертичных полуископаемых популяциях млекопитающих Калью Леонхардович Паавер, один из самых авторитетных палеонтологов мира. Для меня это была особая честь, а от его похвалы я был на седьмом небе от счастья. Я хорошо помню день этого доклада — 28 февраля 1974 г., так как, вернувшись из Тарту, я узнал, что у меня родился сын Денис.

Этой поездкой был дан старт многолетнему сотрудничеству биологов-эволюционистов СССР на базе Института зоологии и ботаники АН ЭССР, который в то время возглавлял энтомолог Харальд Мартович Хаберманн. В те годы Тарту был типичным университетским городом, где вдали от столичной суеты жили, работали и творили хорошие биологи геоботаник В. В. Мауринь, миколог Х. Х. Трасс и др. Здесь часто проходили Бэровские конференции и ряд симпозиумов на олимпийской базе Тартуского университета в Кяярику. Всегда все было прекрасно и удобно организовано. На лоне природы легко и непринужденно шли дискуссии, на которых порою собиралось до 50 человек из разных республик СССР. Уровень дискуссий был высок, участие в симпозиуме считалось престижным.

Последний раз я был в Тарту в феврале 1992 г. К тому времени Эстония стала независимой и праздновала 200-летие со дня рождения К. Э. фон Бэра. В центре внимания были западные ученые, наши коллеги из бывших восточных стран сторонились российских участников. Прежние эстонские друзья вели себя, как прежде, а вот из молодых некоторые были вежливы, но холодны. Бывали и провокации. Т. Я. Сутт по-прежнему командовал парадом, но было видно, что он находится под атакой. Вскоре его сняли с поста директора музея и уволили из Института зоологии и ботаники. Он не мог смириться с потерей созданного им музея, находя отдушину только в чтении лекций, которые студенты слушали с удовольствием. Томас умер во время лекции от инсульта.

Я благодарен судьбе, что не пришлось в те годы остаться в Эстонии, которая многим тогда казалась землей обетованной по сравнению с остальными республиками СССР, отличаясь высоким уровнем культуры быта, производства и сельского хозяйства. Там я впервые столкнулся с неким уголком западной культуры и науки и оценил их высокий стандарт и удобство для жизни. Одновременно мне стало понятно, что комфортно я могу чувствовать себя там, где большинство населения

говорит по-русски, где я могу понимать шутки окружающих и мои шутки могут быть оценены.

Тем не менее у меня самые прекрасные воспоминания об этой замечательной республике и ее народе. Эстонский язык очень красивый и мелодичный, а эстонский акцент для меня всегда звучит как музыка. Мои ученики поддерживают тесные контакты с историками и философами Эстонии. Нынешний директор Музея К. Э. фон Бэра Эрки Таммиксаар часто бывает в нашем филиале, участвует во многих совместных проектах. И когда несколько лет тому назад мне предложили войти в состав редколлегии журнала «Acta Baltica historiae et philosophiae scientiarum», я не раздумывая согласился. Встретившись в Афинах с эстонским редактором этого издания, который оказался учеником Вальта, я еще раз убедился, как тесен мир. У нас оказалось более десяти общих знакомых.

ЛО ИИЕТ АН СССР: ЭТОС И БЫТ

Ленинградское отделение Института истории естествознания и техники АН СССР, куда я был прикомандирован как аспирант Института истории АН ЭССР, было создано в сентябре 1953 г. Ранее в Ленинграде существовала Комиссия по истории знаний, созданная и возглавлявшаяся В. И. Вернадским. Ее председателем в 1929 г. стал Н. И. Бухарин, только что выведенный И. В. Сталиным из состава Политбюро ЦК ВКП(б) как один из лидеров правой оппозиции. В 1932 г. Бухарин преобразовал Комиссию в Институт истории науки и техники, который и возглавил. В годы Большого террора Н. И. Бухарина расстреляли, как и большую часть сотрудников Института, а само учреждение 5 марта 1938 г. было закрыто. Быстрое возрождение академического учреждения в Ленинграде после смерти Сталина объяснимо тем, что заместителем директора Института в Москве была В. А. Голубцова, жена Г. М. Маленкова — тогдашнего председателя Совета Министров СССР.

К моменту моего поступления в аспирантуру многие могучие покровители ЛО ИИЕТ, авторитетные члены АН СССР (А. Ф. Иоффе, Т. П. Кравец, В. И. Смирнов и др.) уже ушли из жизни, но Отделение традиционно занимало видное место в академическом сообществе, организуя юбилейные мероприятия по случаю важнейших событий в истории науки и техники, издавая научное и эпистолярное наследие крупных ученых, координируя исследования в рамках Ленинградского отделения Советского национального комитета по философии и истории науки и техники. Среди тех, кто закладывал эти традиции, я не застал в живых руководителя группы историков биологии Бориса Евгеньевича Райкова (на базе этой группы К. М. Завадский создал свой сектор истории и теории эволюционного учения) и заведующего сектором истории Академии наук Анатолия Васильевича Предтеченского. Но память о них была жива, как бы воздействуя на этос и быт ЛО ИИЕТ.

Основные черты ЛО ИИЕТ как научного сообщества формировались во время хрущевской «оттепели» и популярности шестидесятников. Именно в эти годы шла кристаллизация основных научных исследований и выработка структуры. В момент моего поступления в аспирантуру ЛО ИИЕТ возглавлял знакомый мне лекциями по философии техники профессор Ю. С. Мелещенко, а ученым секретарем была обаятельная женщина, видный ломоносовед Г. Е. Павлова.

Среди подразделений ЛО ИИЕТ наиболее популярным тогда был Музей М. В. Ломоносова, официально считавшегося «великим ученым» и «великим сыном великого русского народа», основателем чуть ли не всех наук. Музей М. В. Ломоносова был не только центром разработки научного наследия ученого, но и культурным местом, посещаемым многочисленными экскурсантами из разных концов СССР и зарубежными делегациями. Но постепенно в обществе, пережившем борьбу с космополитизмом, стал нарастать скептицизм к пропагандируемому образу

Ломоносова как гениального ученого, опередившего на столетия своих современников. По традиции, установленной С. И. Вавиловым, в Музее два раза в год, в день рождения и смерти Ломоносова, устраивали торжественные заседания с научными докладами, которые посещали все меньше и меньше участников. Для придания массового характера мероприятиям, имевшим еще и идеологическое значение, приглашали также молодых сотрудников из других подразделений. Сам Ломоносов интересовал меня не сильно, но при реконструкции обстановки зала заседаний академической Конференции использовали мебель XVIII в., в том числе кресла якобы из Петербургской Академии наук, и было волнительно посидеть в кресле, возможно, согретом когда-то теплом самого Ломоносова и других выдающихся российских ученых. Под влиянием докладов мой скептицизм к М. В. Ломоносову несколько снизился. Впоследствии мне пришлось водить экскурсии по Музею, с пафосом рассказывать о его жизни и деятельности и даже активно участвовать в подготовке и издании второго, дополненного и исправленного, Полного собрания сочинений М. В. Ломоносова.

Сектор истории Академии с 1966 г. возглавлял А. В. Кольцов. Его уникальные организаторские и личностные качества раскрылись в работе над двумя томами «Истории АН СССР». Несмотря на все сложности, а порою и трагические ситуации, эта работа дала ему огромный жизненный опыт, познакомила со многими крупными учеными; с воспоминаниями о встречах с некоторыми из них впоследствии А. В. Кольцов любил выступать на юбилейных конференциях и ученых советах ЛО ИИЕТ. Наряду с сотрудниками ЛО ИИЕТ авторами ряда статей были также историки из других академических и неакадемических учреждений — профессора и преподаватели вузов Ленинграда и Москвы, что позволило создать вокруг ЛО ИИЕТ большой актив высококвалифицированных авторов. Был подготовлен и передан в издательство третий том. Но умер главный редактор первых двух томов, вице-президент АН СССР К. В. Островитянов, а без подписи его или другого крупного академического руководителя издательство «Наука» не желало приступить к редактированию книги. После многократных обсуждений, доработок и переработок по советам рецензентов рукопись не получила одобрения в ЦК КПСС. Недобрую роль в ее судьбе сыграл ряд академиков, которые основное внимание уделяли тому, чтобы больше места в третьем томе уделялось их собственным заслугам и трудам сотрудников их институтов, учителей, друзей и т. д.

В 1974–1975 гг. мы все были мобилизованы на подготовку выставки по истории АН СССР в Елагином дворце, посвященной ее 250-летию. Выставка была великолепной. Её посетили десятки тысяч ленинградцев, которые тогда любили науку и гордились тем, что их город был местом, где создана Императорская академия наук.

В те годы в секторе истории АН СССР работал слаженный ансамбль высококвалифицированных специалистов, чья научная карьера всецело связана с ЛО ИИЕТ. Это прежде всего сам А. В. Кольцов, а также Ю. Х. Копелевич, Н. И. Невская, Е. П. Ожигова, Е. В. Соболева, Н. Г. Сухова. Их труды к тому времени стали визитными карточками ЛО ИИЕТ и укрепили его положение как одного из ведущих историко-научных центров в мировой науке. Вместе с ними успешно трудились и представители старшего поколения Т. Н. Кладо и М. Г. Новлянская. В целом контингент там был постарше, чем в других секторах, в среднем около 50 лет. В секторе царила

идеальная трудовая и исполнительская дисциплина, а сам Кольцов пользовался непререкаемым авторитетом. Вся работа строилась на новых документах, и большую часть рабочего времени сотрудники сектора проводили в архивах. Нам, молодым сотрудникам из сектора истории и теории эволюционного учения, тогда казалось, что они занимаются какими-то мелочами, частными историческими сюжетами, какие-то бумажки ищут, затем их переписывают, исправляют знаки препинания, готовят к изданиям письма, дневники. В то время как мы, мол, работаем на переднем крае науки, с нами академики и члены-корреспонденты сотрудничают, мы поддерживаем контакты с крупными биологами-эволюционистами разных стран. Подлинную и непреходящую ценность труда историков я понял значительно позднее.

Мой приход в ЛО ИИЕТ состоялся во время перестройки его планов. Ставилась задача создавать фундаментальные труды по истории крупных отраслей знания, по развитию науки в России и других странах, по исследованию Ленинграда как крупного научного центра, по изучению важных или острых дискуссионных проблем с учетом их значения для современной науки. Существенно усилилось внимание к новейшей истории науки, социальным ее аспектам, разработке логико-теоретических проблем научного и технического знания, к истории организации науки и ее взаимоотношений с властью и обществом. Новые тенденции особенно ярко проявились в трудах, где история и методология тесно смыкались друг с другом с целью обогащения методологии историко-научных исследований. Историю науки изучали во всем многообразии ее функционирования как социальной практики, со всеми ее когнитивными, социально-культурными, институциональными и психологическими аспектами. Возрастали требования к глубокому анализу внутренней логики развития проблем в конкретном социально-культурном контексте в рамках определенной теории науки.

Эти тенденции особенно ярко проявились в трудах Кирилла Михайловича Завадского, Самуила Ароновича Кугеля и Юрия Сергеевича Мелещенко, которые в ЛО ИИЕТ основали научные школы мирового значения. За дисциплиной, особенно лаборантов и младших научных сотрудников без степени, следили строго. Младшим, а ими становились не раньше 30–35 лет, полагался один неприсутственный день, а после защиты два — для работы в библиотеке и архивах. И только старшим научным сотрудникам, которыми становились в 40–50 лет, разрешали три библиотечных дня. Контролировать их уже не надо было, для них ежедневное хождение в библиотеку и архив стало второй натурой. И в каждый неприсутственный день их можно было встретить там. Собственно, для творческой научной работы оставались только вечера и выходные дни.

Насколько эффективно используется свободное время, проверялось легко: беседами заведующего с сотрудниками, докладами на секторах, ежегодными отчетами на дирекции в присутствии всего сектора, где сразу становилось ясно, «кто есть кто», а самое главное, публикациями. Для сотрудников нашего сектора особенно ответственными были доклады на общегородских семинарах по эволюционной теории. Здесь складывалась научная репутация научного сотрудника в рамках национального сообщества эволюционистов.

Научные планы были очень напряженны. Все сотрудники независимо от степени и должности к концу года должны были представлять главы будущих монографий, а не какие-то отчеты, складываемые на полки. Готовая монография

соответственным образом рецензировалась и утверждалась к печати. Работа в стол была невозможна, плановая тема должна была быть представлена в опубликованных статьях и книгах. Завершающая тема обязательно заслушивалась и утверждалась на Ученом совете. Обсуждение шло без всяких скидок на те или иные «объективные» причины. Книги рецензировались жестко и строго, так как рецензент мог иметь неприятности от необъективной оценки. Каждый понимал, что отвечает своей научной репутацией за оценки. Поэтому халтуру не пропускали.

Обязательно в работе должна была быть отражена новейшая научная литература, особенно иностранная. Для этого регулярно ходили на выставку новых поступлений литературы в Библиотеке Академии наук СССР, которая еженедельно обновлялась, а постоянно получаемые журналы и книги измерялись тысячами единиц. Плагиат, компиляция в принципе были невозможны. Сотрудники, не понимавшие это, быстро уходили. От любой самой незначительной публикации требовалось что-нибудь новое. Люди старались остаться, так как работать в Академии наук было престижно. Устроиться на работу было практически невозможно. Некоторые десятилетиями сотрудничали на общественных началах, ожидая свой шанс, но далеко не все добивались приема на работу. Поэтому в ЛО ИИЕТ оставались только те, кто оказывался не просто способен к научной деятельности, но и был, как правило, трудоголиком. В этих условиях сачковать было невозможно, на совместительство времени не оставалось, а те, кто не выдерживал требуемого темпа и качества работ, быстро уходили. Ни связи, ни степени, ни даже прежние заслуги в конечном счете не играли роли.

Помимо плановой научной работы сотрудники ЛО ИИЕТ много делали для координации историко-научных исследований, организуя специальные конференции и симпозиумы. С 1958 г. проводились годовые конференции Ленинградского отделения Советского национального объединения истории естествознания и техники (СНОИЕТ, позднее СНОИФЕТ: к истории добавили философию). Традиционно конференции проходили в Доме ученых им. М. Горького, в бывшем дворце вел. кн. Владимира. Парадные интерьеры Белого и Дубового залов создавали атмосферу торжественного праздника. До 1976 г. это объединение возглавлял директор ВНИИ электромашиностроения академик Михаил Полиектович Костенко, а затем, до 1990 г., директор Эрмитажа академик Борис Борисович Пиотровский. Сборники материалов этих конференций «Наука и техника. Вопросы истории и теории» к тому времени приобрели популярность в нашей стране и за рубежом.

Особой активности парторганизации я не помню, что объясняется тем, что коммунистами в основном были приличные и достойные люди, не просто специалисты в своей области, но общепризнанные в мире ученые. Как правило, они же, например А. В. Кольцов и Ю. Х. Копелевич, и возглавляли парторганизацию. Даже если секретарь партбюро не соответствовал этим строгим требованиям, он помнил, кто его избрал, и слушал прежде всего мнение авторитетных ученых. Доводилось и в открытую возражать представителям райкома и горкома. Конечно, это надо было делать осторожно и аргументированно. Линию партии в целом никто не мог ставить под сомнение, а вот действия представителей вышестоящих партийных органов могли оспариваться. К партийной организации в ЛО ИИЕТ относились так же, как русский крестьянин к церкви: мол, надо ходить на службу и причащаться, чтобы вреда не было, но пользы от нее никогда не жди. Какую-то общественную работу

в профкоме, комсомоле, конечно, надо было исполнять, но за ее счет рассчитывать на карьеру в Отделении было нельзя. Ценили прежде всего научные труды. Хотя и были люди, которые провели здесь десятки лет, занимаясь преимущественно партийной и профсоюзной деятельностью. Они всерьез относились к ежегодным выборам в профком, кого-то проваливали, кого-то проталкивали, часто не спрашивая его согласия. Так, в мое отсутствие меня внесли в список для голосования, чтобы завалить неугодного кандидата. Несмотря на запоздалые протесты, меня избрали в профком, и пришлось год работать культторгом.

Иногда нас посылали на овощную базу для переборки полугнилых овощей, пару раз — в совхоз, что не казалось таким уж ужасным. Наоборот, молодежи было приятно пообщаться вне работы. Одной из первых моих нагрузок в ЛО ИИЕТ была сдача норм ГТО. Мы ходили на стадионы, тренировались, прыгали, плавали, бегали, а нам ставили зачеты и печати. Трудно усмотреть что-то плохое в занятии спортом в нерабочее время. Изредка практиковались совместные походы в кино, в музеи, на выставки. Но обычно делали это с удовольствием, так как профком вел туда, куда обычно самому попасть было невозможно, например на сокровища Тутанхамона или в Золотую кладовую Эрмитажа. Особенно ценились билеты в Большой драматический театр им. М. Горького. Благодаря этой форме культработы порой удавалось попасть на какой-то нашумевший спектакль или фильм, например «Покаяние». Часто были экскурсии по городу, пригородам Ленинграда, на Карельский перешеек. Популярны были автобусные экскурсии в Прибалтику, Новгород, Псков и другие туристические мекки той эпохи.

Два раза в год устраивались общепитовские торжества — на 8-е Марта и 7-е Ноября, почему были выбраны эти даты, я не знаю, но к тому времени это уже было традицией. Средств на эти корпоративы никто не выделял, шли деньги сотрудников. В день Октябрьской революции все сводилось к нескольким трафаретным тостам, после которых старшее поколение исчезало, а молодежь — а их было не меньше половины — предавалась веселью, песням и танцам до упада, а порой легкому флирту, полезному, как известно, для здоровья. К 8-му же марта все готовились заранее, женщины пекли всякую вкуснятину, иногда выпускали стенгазету, а мужчины сочиняли вирши, рассказы, частушки, а то и целые романы. Причем никто не был забыт, никто не был обижен. Все с юмором и со вкусом. Несколько раз мы выезжали отмечать 8 Марта на дачи, за город, и каждый раз от этих вылазок оставались прекрасные впечатления. Наверно, мы понимали, что хоть раз в году наш долг вести себя так, чтобы женщины забывали о прозе жизни и чувствовали себя дамами.

Коллектив спланировался не только и не столько совместным отдыхом и развлечениями, сколько важными научными мероприятиями, поручаемыми нам сверху. Одним из них, стал Кеплеровский симпозиум, проведенный в рамках международного конгресса в Москве в августе 1971 г. Приехали около 300 человек, которых надо было встретить, разместить в гостиницу, доставить к месту заседания, накормить, показать достопримечательности города, обеспечить программу для дам, не говоря уж о научной стороне дела. Меня прикрепили к транспортной комиссии, которая заседала несколько месяцев, но, когда дошло до дела, выяснилось, что все время возникают проблемы даже с организацией работы прикрепленных машин. Их было много, когда они были не нужны, и они начисто отсутствовали, когда были

позарез необходимы. Просчет был очевиден, академические сотрудники не знали, что шоферов надо заинтересовать работать хорошо, и все будет в порядке. Вопрос решился просто. Составили примитивный внутренний график дежурств машин и автобусов, находящихся в нашем распоряжении. По графику было предусмотрено периодически отпускать шоферов покалмытить, и все наладилось. Оказалось, что машин даже больше, чем требовалось. И все время были резервные машины и автобусы, выходявшие на связь каждые 20–30 минут и готовые все бросить по первому зову и мчаться расшивать узкие места. Шоферы были довольны, Ю. С. Мелещенко — тоже. Так что в академической среде, оторванной от реалий жизни, оказалось не сложно проявить себя организатором.

Там же судьба впервые свела меня с молодым американским ассистент-профессором из Пенсильванского университета Марком Адамсом, о чем подробнее расскажу ниже.

Далеко не все просто и гладко было в академической деятельности Отделения. Власти историю науки рассматривали как сферу идеологических интересов, надеясь на ее помощь и при разработке научной политики. Темы сотрудников ЛО ИИЕТ порой вызвали обвинения в аполитичности или политической близорукости. Были затруднены контакты и сотрудничество с зарубежными партнерами. Основные зарубежные журналы и книги по истории науки были доступны, но закрыты были фонды в архивах, содержащие материалы о некоторых важнейших событиях в истории науки после 1917 г. Негласно было запрещено писать о многих из них, как, например, об «академическом деле» или об Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Еще не все репрессированные ученые были восстановлены в составе Академии наук, хотя многих из них реабилитировали во времена Н. С. Хрущева. Публикации о последних днях их жизни разного рода официальные и неофициальные цензоры пытались запретить. Доминировала странная для истории установка: «Не надо ворошить прошлое». Ее ныне сменила кампания против «фальсификации» истории. Ее суть состоит в нехитрой мысли: в нашей истории все было замечательно, а тот, кто указывает на зверства властей, — фальсификатор и антипатриот, отрабатывающий деньги Госдепа США. В итоге братоубийственная Гражданская война превращается в Великую русскую революцию, товарищ Сталин — в опытного менеджера, ГУЛАГ — в кузницу Великой Победы 1945 г., а Л. П. Берия — в отца атомной промышленности.

Этос и традиции учреждения не существуют сами по себе. Они создаются и поддерживаются людьми. О некоторых из них, кто, на мой взгляд, в те годы, определял жизнь ЛО ИИЕТ, я хотел бы рассказать в этом разделе. По сегодняшним меркам, коллектив был молодой. Даже К. М. Завадскому было только 59 лет, а мы его между собой именовали «стариком». Старше его были только Иван Иванович Канаев и Борис Андреевич Остроумов. Им было за семьдесят, их юность прошла еще до революции, что для нас было равносильно Древней Руси. Казалось, люди вообще столько не живут. Большинству было до сорока лет, а примерно трети меньше 30 (в нашем секторе половина). Существовало и гендерное равенство, что тоже в целом создавало нормальную обстановку в коллективе. Большинство было женатых. Женились тогда рано, а незамужняя после 25 лет считалась засидевшейся в девках. Бывали и служебные романы, неизбежные при совместной работе молодых людей, не обремененных семейными узами. Здесь я нашел свою спутницу жизни Наталию Викторовну Константинову, которая и стала матерью моих детей и с которой я живу уже более сорока лет. По образованию она филолог-германист и в наш сектор попала по распределению как переводчик. Она с первого взгляда показалась мне очень красивой, как будто сошедшей с западноевропейских полотен XIX в. Но в то время я был женат, а она была девушкой серьезной и строгих нравов. И только спустя несколько лет, когда я уже был свободен, началась наша дружба, совместные походы в кино и театр и т. д.

Ключевой фигурой ЛО ИИЕТ был к. и. н. Анатолий Васильевич Кольцов. К тому времени ему было чуть больше 40 лет, но выглядел он гораздо моложе. В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, кажется, не осталось ни одного дела за XX в., которые бы он не просмотрел. Удивительная память, удерживавшая точно цифры, даты, имена и отчества людей, о которых ему приходилось читать, яркий красочный язык, блестящий талант рассказчика сделали его живой энциклопедией АН СССР. Сотни, если не тысячи, справок, записок и докладов для вышестоящих органов подготовил он за свою жизнь, но при этом оставался всегда скромным, приветливым и исключительно доброжелательным к людям. Человек тонкого ума и юмора, он всегда был готов помочь любому обратившемуся к нему за советом. Вместе с тем он не переносил никакой небрежности, халтуры, ничего не брал из вторых рук и не цитировал по памяти, проверяя и перепроверяя не только других, но и самого себя.

Будучи крупнейшим специалистом по истории Академии наук и автором ряда фундаментальных монографий о ее развитии в первой половине XX в., Кольцов написал десятки докладов для выступлений высокопоставленных чинов на разных юбилейных мероприятиях, и можно сказать, что он не раз выступал и публиковался под псевдонимами руководителей партии, страны и Академии наук. К сожалению,

из-за его скромности и осторожности нет возможности с точностью установить его соавторство во многих случаях. С 1962 по 1967 гг. А. В. Кольцов возглавлял ЛО ИИЕТ и много сделал для его сохранения и развития. Но за этот период он так возненавидел административную работу, что впоследствии ни под каким давлением не соглашался возглавить ЛО ИИЕТ.

Традиции ЛО ИИЕТ берегла и ученый секретарь тех лет к. и. н. Галина Евгеньевна Павлова — красивая, добрая, отзывчивая и очень принципиальная женщина. Она пережила немало тяжелых страниц в своей жизни: потеряла во время блокады отца и мать; работала на заводе и одновременно училась в школе во время войны; ее учитель, знаменитый медиовед М. А. Гуковский был арестован во время борьбы с «безродными космополитами». Несмотря на это, Павлова оставалась оптимисткой по натуре, веселым и жизнерадостным человеком. Другим ломоносововедом был Валентин Лукич Ченакал, возглавлявший Музей М. В. Ломоносова. Его в свое время привлек к научной работе С. И. Вавилов, когда Ченакал не имел даже десятилетнего образования. Затем он заочно окончил вуз и защитил кандидатскую диссертацию, стал известным в мире автором книг об академических инструментах XVIII в. и русских мастерах в области оптики.

Ко времени моего прихода в ЛО ИИЕТ раскрылись уникальные способности участницы Великой Отечественной войны и защитницы блокадного Ленинграда, выпускницы филологического факультета ЛГУ Юдифи Хаимовны Копелевич. Прекрасному латинисту, поэту и знатоку искусства, ей трудно было найти постоянную работу в период борьбы с космополитизмом. В ЛО ИИЕТ ее пригласил в 1955 г. Б. В. Федоренко, и вскоре она стала известным во всем мире специалистом по истории российской науки XVIII–XIX вв., способным читать с листа самый сложный почерк на древнерусском, латыни, немецком и французском. Она писала прекрасные стихи, активно участвовала в общественной жизни коллектива, около 10 лет возглавляла парторганизацию ЛО ИИЕТ, умело улаживая различного рода недопонимания, вовремя гася зарождавшиеся конфликты. Много лет мы заседали вместе с Юдифью Хаимовной в дирекции: она как председатель Комиссии партийного контроля, а я как председатель профкома, и мне импонировала ее реакция на спускаемые сверху различные предписания и указания.

Она отличалась мягким юмором и мудростью много повидавшего и пережившего человека, битого и перебитого жизнью. Потрясали ее воспоминания о блокаде Ленинграда, о фронте. Никогда не забуду ее рассказ о снятии блокады, когда немцы легко уступили первую, пристреленную ими линию обороны, а затем методично поголовно уничтожали наших бойцов, последовательно занимавших эту линию. А командиры, боявшиеся послушаться приказа и внести изменения в план боя, посылали на верную смерть роту за ротой, батальон за батальоном. И когда наконец эта линия была взята, окопы до краев были наполнены телами тысяч бездарно загубленных солдат и младших офицеров. В ушах стоят такие слова Копелевич: «Я долго не могла понять, как в таких условиях могли жить и сражаться эти молодые парни, отдававшие свою жизнь, не увидев по сути дела ничего. Потом мне стало ясно: на родине, в деревне жизнь была хуже. Здесь, по крайней мере, не давали умереть с голоду».

Научное творчество Копелевич отличалось исключительным разнообразием. В процессе подготовки к изданию рукописей и переписки Л. Эйлера ей пришлось

вместе с другими исследователями (Т. Н. Кладо, Т. А. Лукиной и Е. П. Ожиговой) расшифровывать письма разных ученых, написанные, естественно, на разных языках и разными, да к тому же чаще всего трудно разбираемыми почерками. Подвижнический труд по подготовке к изданию огромного объема архивного материала был высоко оценен мировым научным сообществом. Ю. Х. Копелевич стала известна как опытный археограф XVIII в. С разницей в три года вышли две ее великолепные книги: «Возникновение научных академий» (1974) и «Основание Петербургской Академии наук» (1977). Последняя книга остается вершиной в изучении различных аспектов возникновения РАН в эпоху Петровских преобразований.

В формировании и сохранении традиций ЛО ИИЕТ трудно переоценить роль выпускницы Бестужевских курсов Татьяны Николаевны Кладо. Будучи по специальности аэрологом, она до революции работала в должности физика Отделения наблюдений Романовской аэрологической обсерватории, близ г. Павловска. В начале 1930-х гг. ее осудили за преподавание троцкизма, хотя она вообще никогда не занималась преподавательской деятельностью. Ей пришлось пережить десятилетия репрессий, в том числе и лагеря. Кладо свободно владела почти всеми современными европейскими языками, а также латынью. Хотя она не защитила диссертацию и до самого выхода на пенсию оставалась младшим научным сотрудником, с её решающим участием подготовлены десятки книг и диссертаций, так как Кладо была доброжелательным человеком, готовым помочь каждому, кто к ней обращался. Она писала прекрасные стихи, знала много веселых историй, с юмором рассказывала об аресте и лагере. Это была воистину солнечная женщина, благодарную память о которой хранили все, кому посчастливилось с ней общаться. При мне она пару раз выступала на Ученом совете, предостерегая против чрезмерной философизации историко-научных исследований и призывая держаться ближе к первоисточникам.

Другая выпускница Бестужевских курсов Мария Григорьевна Новлянская занималась историей географических исследований в XVIII в. и российской картографии. Совместно с немецкими учеными она исследовала дневники командировки по высочайшему указу Д. Г. Мессершмидта и написала прекрасную книгу об этом первом исследователе Сибири. Пять томов дневников Мессершмидта «Forschungreise durch Sibirien» (1962–1977) были изданы в Германии. Новлянская проработала в ЛО ИИЕТ до глубокой старости, служа образцом подлинной культуры научного творчества и свободного владения иностранными языками.

Легендарной личностью ЛО ИИЕТ был Алексей Петрович Мандрыка, человек редкого мужества и жизненного оптимизма. Потеряв зрение в конце Великой Отечественной войны, он нашел в себе силы вернуться к активной жизни, занявшись историей технических наук. Он защитил кандидатскую и докторскую диссертации по техническим наукам и опубликовал семь блестящих монографий по истории баллистики, ракетодинамики и механики. Стоически преодолевая тяжелый недуг, он был всегда бодр, жизнерадостен и энергичен. Алексея Петровича всюду сопровождала жена, востоковед Руслана Рубеновна Орбели. Она «видела» за него, была его секретарем, соавтором и alter ego. В читальных залах Архива АН СССР и библиотек, если нельзя было взять книги на дом, она тихонько, почти шепотом, читала мужу документы, в нужных местах он просил ее делать выписки. Всегда, когда позволяло здоровье и интересовала тема, он участвовал в научных заседаниях Отделения и удивлял острыми вопросами и суждениями по ходу дискуссии. Его интересы

не ограничивались наукой. Мандрыка был страстным спортивным болельщиком, любителем музыки, тонким ценителем литературы. Даже в самых трудных жизненных ситуациях он не терял присутствия духа и умелой шуткой мог подбодрить теляющих оптимизм друзей и коллег по работе.

Борис Александрович Остроумов был одним из основателей радиофизики и радиотехники в СССР и продолжал поддерживать постоянные контакты с сотнями физиков и инженеров. В 88 лет он опубликовал книгу о советском изобретателе и приборостроителе А. В. Улитовском. Остроумов был величественный старик. Одевался старомодно, в темный костюм, ходил степенно. Подлинный интеллигент, он был всегда спокоен, выдержан и доброжелателен. Последствием работы в осажденном Ленинграде было ухудшение зрения и потеря слуха. Однако вопреки этим недугам Борис Александрович видел и слышал лучше многих молодых коллег. Он быстро их понимал, не выказывая этого. Плохо видя и не улавливая точного выражения лица собеседника, он внимательно следил за его интонацией и, несмотря на ладошку около уха, улавливал нюансы настроения, позволявшие лучше понять смысл сказанного. Б. А. Остроумов был человеком редчайшей скромности и деликатности. Проживший долгую жизнь, знавший много выдающихся личностей и имевший собственные большие заслуги перед отечественной наукой и государством, он предпочитал больше рассказывать о других, чем о себе. Его мудрая улыбка всегда настраивала всех знавших его на спокойный и доброжелательный лад, создавая удивительное настроение гармонии и порядка. Трогательной была его старинная галантность, привычка ежедневно угощать конфетами сотрудиц, с которыми работал в одной комнате.

Хотя Библиотека ЛО ИИЕТ формально считалась частью БАН, ее сотрудники фактически входили в коллектив ЛО ИИЕТ, полностью живя интересами его научных сотрудников. Ее заведующий — Дмитрий Васильевич Тюличев — жил одиноко в малюсенькой, аварийного состояния комнате большой коммунальной квартиры. Он писал неплохие стихи, которые порой посвящал молодым девушкам. Немного занимался научной работой. Когда А. Б. Георгиевскому после окончания аспирантуры негде было жить, Тюличев на некоторое время приютил его у себя. Библиотекарь Виктория Федоровна Олано-Эренья имела полноценную семью, мужа, сына и красавицу дочь, которая впоследствии работала у нас заведующей канцелярией. Ее муж был среди испанских детей, вывезенных во время Гражданской войны из Испании в 1938 г. и воспитанных в детдоме. Они вернулись в Испанию, когда после смерти генералиссимуса Франко эмигрантов стали впускать обратно.

На жизнь ЛО ИИЕТ в конце 1960-х — начале 1970-х гг. оказывал, конечно, огромное влияние его заведующий, крупный философ техники и прекрасный организатор науки Ю. С. Мелешенко, лекции которого я с удовольствием слушал в университете. Его интересовали проблемы научно-технической революции. Сейчас это словосочетание звучит странно, но тогда казалось, что без их решения мы не готовы к грядущему веку автоматизации, кибернетизации, информатизации. И мы действительно оказались не готовы к этому, как и к инновациям, о которых говорим четверть века, все больше отставая от цивилизованного мира и стремительно погружаясь в Средневековье.

Стремясь объединить маститых историков техники, о которых я говорил выше, Мелешенко создал группу методологических и социальных проблем техники и тех-

нических наук. Требовательный педагог и руководитель, он с уважением относился к своим ученикам и сотрудникам, помогая молодежи «встать на ноги» и поскорее занять достойное место в науке. Мелещенко умел видеть перспективные направления науки и стремился ускорить их воплощение в жизнь. Его привлекали в качестве эксперта и консультанта для подготовки директивных документов отделов науки и ЦК КПСС, и Ленинградского обкома партии. Вместе с тем он не раз заявлял, что ошибся в выборе жизненного пути и с удовольствием обменял бы все свои научные степени и научные звания на простой диплом инженера.

Юрий Сергеевич был человеком широких взглядов, не занимался пропагандой, а объективно анализировал ситуацию в стране. Когда он приехал из Америки, то вместо привычных штампов о двух Америках — Америке небоскребов для богатых и Америке трущоб для бедных — открыто сказал на Ученом совете: «Здорово живут! Дай Бог нам через 50 лет так зажить!» К сожалению, мы и сейчас то же самое повторяем, и хоть в этом мы стабильны. Он блестяще читал лекции и вел семинарские занятия для аспирантов и соискателей ЛО ИИЕТ. И всегда его лекции были содержательны, а если очередной докладчик на семинарах выступал в духе партийной идеолого-политической пропаганды, реакция была резкой. Один раз он просто сорвался, когда один из таких докладчиков стал объяснять наше отставание от Запада потерями во время Великой Отечественной войны. Руководитель он был жесткий, но прислушивался к контрдоводам. Не считал зазорным признать себя неправым. Ценил увлеченных людей. Однажды в 15 часов 31 декабря 1971 г. он выгнал нас с Я. М. Галлом из института, приказав идти домой встречать Новый год. Но при этом было видно, что Мелещенко был доволен нашим страстным желанием написать поскорее статью. Во время перерыва в занятиях выходил с нами покурить, но дистанцию умел сохранять.

При нем в ЛО ИИЕТ кроме упомянутой группы были созданы два новых сектора: сектор истории и теории эволюционного учения, в котором я работал и о котором расскажу подробнее в следующем разделе, и сектор социологии науки, который возглавлял кандидат философских наук С. А. Кугель (впоследствии профессор, заслуженный деятель науки РСФСР). Он одним из первых в нашей стране занялся социологией, считавшейся тогда сугубо буржуазной наукой. Яркими и незаурядными сотрудниками сектора были такие ученые, как д. ф. н. Н. К. Серов, к. ф. н. П. Б. Шелищ (впоследствии основатель и бессменный председатель Союза потребителей России, депутат трех первых созывов Государственной думы). В секторе Кугеля доминировали девушки и молодые женщины, как правило очень красивые. Кугель проявил себя как руководитель, способный заставить работать по своим планам не только подчиненных, но и многих окружающих. Помню, как однажды, встретив меня в коридоре и окинув оценивающим взором, Кугель наивно подумал вслух: «А чем же ты для меня можешь быть полезным?» Его сотрудницы сидели каждый день с раннего утра до позднего вечера, так как нередко сам Кугель на работе появлялся к вечеру. Их комната была отделена от нашей только перегородкой, и там постоянно слышался смех, хихиканье, громкие разговоры до тех пор, пока не появлялся Кугель. Затем все стихало и слышен был только его голос. Кугель обладал огромной пробивной силой, у него везде были знакомые, друзья, коллеги, ученики. Этот напор, энергия и искренняя увлеченность привлекала к нему многих, включая министров и других самых высокопоставленных лиц.

«МЫ С ТОБОЙ ОДНОЙ КРОВИ...»

Конечно, мои научные нормы и ценности формировались прежде всего под влиянием моего научного руководителя К. М. Завадского в контексте его школы. Созданный им сектор состоял из сотрудников не только разного возраста, образования, но приверженцев разных жанров в историко-научных исследованиях. И. И. Канаев получил высшее образование до революции, и начало его историко-научной деятельности пришлось на 1920-е гг. К тому времени он оставался единственным сотрудником в ЛО ИИЕТ, работавшим еще в бухаринском Институте. Основными первоисточниками для его работ были труды зарубежных классиков биологии, опубликованные в XVIII и XIX вв. в Западной Европе. К. В. Манойленко и Т. А. Лукина в области истории биологии были ученицами Б. Е. Райкова и основное внимание уделяли поиску и введению в научный оборот нового архивного материала. Т. М. Аверьянова, З. М. Рубцова и Л. Н. Хахина работали с К. М. Завадским в ЛГУ. Они были биологами по образованию, имели опыт экспериментальной работы и должны были заняться историей биологии, которую сам К. М. Завадский понимал весьма специфически, видя в ней главное средство для решения важнейших проблем эволюционной теории. Он основал оригинальное направление в истории эволюционной теории, связанное с историко-критическим анализом ее современных проблем, с поиском теоретических путей их решения, с уточнением понятийного аппарата. Такие же задачи он ставил и перед своими учениками с философского факультета — Я. М. Галлом, А. Б. Георгиевским, А. М. Миклиным и мной.

Как никто другой, Завадский осознавал коллективный характер науки. Возглавляемый им сектор мог служить моделью научной школы, где руководитель был бесспорным научным лидером не только для своих учеников, но и для сотрудников, оказавшихся в его секторе в силу обстоятельств. Завадский умел каждому из них найти тему по душе с учетом их интересов и профессиональной подготовленности, но и важной для общей программы.

Врожденная интеллигентность, доброжелательность, талант лектора, увлеченность наукой привлекали к К. М. Завадскому людей разных возрастов и разных специальностей. Особенно тянулась к нему молодежь и консолидировалась вокруг него везде, где он работал. Многим ученикам он был верным другом, к некоторым из них относился с отеческой любовью. Но это был строгий «отец», приучавший к тяжелой, изнурительной каждодневной работе, готовый дать взбучку нерадивым, высмеять поверхностное, слабо аргументированное суждение, сбить спесь с зазнавшегося. Написать диссертацию у Завадского было нелегким делом. Месяцы, а то и годы (обычно 1,5–2 года) уходили на подготовку первых публикаций, рукописи которых он по несколько раз возвращал автору, все исписанные вопросами и замечаниями

на полях. Думаешь, сейчас все вставишь, что он тут написал на полях, на обороте страниц и поправил в тексте, и будет нормально, но потом оказывалось, что он начинал уже себя править, ставить везде вопросы своему тексту, и этот процесс был бесконечен. Так он учил нас относиться критически к своим трудам, требовал глубокого знания фактического, биологического материала, высмеивал всякого рода поверхностные обобщения. Для него наука была едина для всех возрастов и стран. Где-то только через два года появлялось что-то такое, что действительно можно было публиковать в серьезных изданиях. Аспирантские сборники он не признавал за научные издания и не выпускал на защиту соискателя, пока основные положения диссертации не были апробированы в ведущих журналах, на крупных конференциях и симпозиумах.

Не только Завадский правил нас, мы тоже правили его. Он всегда давал нам читать рукописи своих книг, статей, и я с удовольствием отыгрывался на них. Ему нередко приходилось от нас отбиваться, когда мы критиковали те или иные его построения. Завадский поручал нам редактировать труды друг друга, рецензировать статьи, рукописи монографий и диссертаций, присылавшиеся ему в большом количестве. Иногда это помогало нам завязать научные связи, а иногда, напротив, становилось причиной напряженных отношений, так как судили мы зачастую со свойственным молодежи экстремизмом. Кроме того, мы помогали ему следить за мировой литературой, готовили рефераты и выписки для его работ.

К Завадскому постоянно обращались за консультацией люди со всего Советского Союза, и, находясь с ним в одной комнате, я неизбежно знакомился с множеством разных тем и проблем, все лучше понимая, насколько сложны поиски их решения. После работы мы шли пешком до его дома на Петроградской стороне, на Большой Разночинной. Врачи рекомендовали ему такие прогулки. По дороге обсуждали всякие проблемы, в том числе и политические. Его отношения с учениками были доверительными. Он, не боясь предательства или доноса, высказывался порой очень критически.

В одном лице Завадский совмещал черты ученого и организатора, педагога и ученика, экспериментатора и теоретика. Разнообразная деятельность снискала Завадскому, по признанию одного из создателей современной эволюционной теории Э. Майра, славу глубочайшего теоретика, мыслителя и педагога в биологии второй половины XX в. Его приход в ЛО ИИЕТ в значительной степени оказался вынужденным. После нескольких инфарктов он не мог читать лекции в больших аудиториях университета. Московское руководство Института в лице академика Б. М. Кедрова и члена-корреспондента АН СССР С. Р. Микулинского уговорили К. М. Завадского сконцентрироваться на историко-биологических исследованиях, обещая помочь в организации специального сектора и в публикации монографий. Внутренним мотивом для создания сектора была осознанная им потребность критически пересмотреть многие историко-научные оценки, укоренившиеся в нашей стране в период господства «творческого дарвинизма». Не меньшее значение имело стремление Завадского институционализировать в Академии наук свою школу, которая до этого базировалась фактически на его квартире. В рамках этой школы совместно трудились историки науки, эволюционные биологи и философы. Он и сам одинаково успешно работал как биолог-эволюционист, историк науки, специалист по философским проблемам биологии.

К моменту прихода в ЛО ИИЕТ АН СССР Завадский прошел достаточно сложный и противоречивый путь в биологии, оказавшись с самого начала в центре биологических дискуссий, став к началу 1950-х гг. одним из главных противников лысенкоизма, выступая как теоретик и экспериментатор. В стенах ЛО ИИЕТ Завадский быстро приобрел международный авторитет и в историко-научном сообществе. Его книга «Развитие эволюционной теории после Дарвина» (1973) и по сей день остается образцом историко-научных исследований и лучшей книгой по истории эволюционной теории в целом, несмотря на позднейшие прекрасные книги Э. Майра «Рост биологического знания: разнообразие, эволюция и наследственность» (1982) и П. Боулера «Недарвиновская революция» (1988), опубликованные в США. В последние годы жизни, когда о надвигающемся экологическом кризисе говорили немногие, преимущественно зарубежные ученые, Завадский разработал комплексную программу изучения особенностей эволюционного процесса в современных условиях и при поддержке Ю. С. Мелешенко стремился ее осуществить.

И. И. Канаев занимался научным наследием зарубежных биологов, изучая развитие крупных проблем теоретической морфологии и генетики человека. С приходом Завадского Канаев стал уделять больше внимания ученым, способствовавшим становлению идеи эволюции и истории генетики. Он опубликовал книги о К. Кильмейере, А. Трамбле, Ф. Гальтоне и Ж. Кювье. Герои этих книг впервые предстали перед российскими читателями в полном объеме своей разносторонней деятельности. Точность в передаче сути их научных трудов удивительным образом сочеталась с глубоким проникновением в психологию ученых. Научные идеи и контакты ученых Канаев всегда анализировал на фоне общественно-политических, естественно-научных и культурных событий эпохи, демонстрируя филигранное мастерство исследователя, историка и художника. Для него были бессмысленны споры о когнитивных или социальных историях науки, интернализме или экстернализме, презентизме или антикваризме. История биологии, судьбы ее создателей здесь были даны в неразрывном единстве всех этих «измов», о которых спорят методологи истории науки. Канаев свободно владел всеми основными европейскими и классическими языками.

В своих сочинениях он никогда не использовал лексику советского «новояза» и не шел ни на какие «идеологические компромиссы» при редактировании своих трудов. В начале 1970-х гг. он закончил большую рукопись по евгенике в СССР, которая была включена в план редакционной подготовки и передана в издательство «Наука». Редактор обратила внимание, что в книге преобладают апологетические оценки деятельности евгеников и предложила внести некоторую редакционную правку, смягчающую суждения, особенно на страницах, где излагались цели и задачи евгеники, практически совпадавшие с программными заявлениями создателей расовой гигиены. Иван Иванович отверг все предложения, и рукопись осталась непубликованной.

Для воспитания новых поколений историков биологии большое значение имели многочасовые беседы И. И. Канаева в присутственные дни, когда он рассказывал молодым сотрудникам о многих событиях своей жизни и людях, с которыми ему приходилось работать. Иногда он знакомил нас с дореволюционными и послереволюционными публикациями из своей личной библиотеки, вряд ли сохранившимися в государственных хранилищах. Иван Иванович был открыт к диалогу, к шутке,

но все, что было связано с Т. Д. Лысенко, терпеть не мог, в том числе и использованную им ламарковскую идею о наследовании приобретаемых признаков как главном механизме эволюции. Однажды, сидя у окна, Канаев бросил фразу о Ж. Б. Ламарке: мол, чудаком был человек, верил во флогистон, в наследование приобретенных признаков. Я возразил: «Иван Иванович, а вы не думаете, что лет этак сто спустя какой-нибудь историк биологии скажет, ну что там Канаев, мол, чудаком человек, верил, что гены существуют как бусинки, нанизанные на ниточке, расположены на хромосомах и т. д. и т. п.». Иван Иванович усмехнулся, ничего не возразив. Как историк науки он, конечно, знал, что в биологии нет окончательно решенных проблем. Прошла буквально пара лет, и классическая концепция гена рухнула в связи с открытием их экзон-интронной организации, мобильных генетических элементов, прыгающих генов и т. д. Но комментарии И. И. Канаева на этот счет я так и не услышал.

Канаев всегда работал. В 1973 г. ему исполнилось 80 лет, мы с К. В. Манойленко пошли его поздравить, застав за письменным столом. Он спокойно выслушал наши приветствия, поблагодарил, но не предложил даже присесть. Было видно, что незапланированные визиты он не любит, а к юбилейной суете относится спокойно. Мой последний разговор с Канаевым состоялся по телефону в феврале 1983 г. Зная, что он тесно сотрудничал с В. И. Вернадским, я попросил его выступить на конференции, посвященной 120-летию со дня рождения этого ученого и мыслителя. Канаев поблагодарил, но отказался, сославшись, что детали стерлись из памяти, а общие вещи говорить не хочется. И закончил разговор: «Я помню только, что это был очень порядочный, трудолюбивый и творческий человек». Таким запомнился мне сам Иван Иванович.

Жизненный путь Татьяны Аркадьевны Лукиной был тернистым. Дочь священника, она испытала немало лишений, которые лишь закалили ее волю. В ЛО ИИЕТ она много сделала для познания истории географии и биологии в России в XVIII–XIX вв., в том числе расшифровку и издание рукописи К. Ф. Вольфа и К. Э. фон Бэра. Все ее труды были снабжены подробными комментариями, служа образцом для публикаций архивных материалов. Была Татьяна Аркадьевна молчалива, скромна, не любила делать доклады. В 1976 г. в Тарту, где ей одной из первых была вручена медаль К. Э. фон Бэра, учрежденная АН ЭССР, мне пришлось зачитывать ее доклад. Трудно было представить её праздной, она все время что-то читала, переводила, искала, писала, комментировала. Работала очень тщательно, по много раз проверяя и уточняя написанное. Т. А. Лукина была полна творческих сил и замыслов и не желала уходить на пенсию. Увольнение в 1986 г. по сокращению она считала несправедливым, замкнулась и практически прервала общение с коллегами, отказываясь от участия во всех предлагаемых русско-немецких проектах, которых было много в первые годы перестройки.

В отличие от И. И. Канаева и Т. А. Лукиной, оставшихся в целом верными выбранным ранее направлениям исследования, К. В. Манойленко оказалась способной существенно их изменить и органично вошла в школу Завадского, заняв в ней свою ясно очерченную нишу. Обратившись к истории эволюционной физиологии растений, она быстро стала авторитетным специалистом в этой области знаний, которой посвятила несколько монографий. Ее перу принадлежат также десятки биографий выдающихся ботаников России. Каждая из ее книг написана в результате многолетнего сбора литературного материала, работы в разных архивах, поиска и обработки

новых документов. К. В. Манойленко стала верной помощницей Завадского, взяв на себя огромный объем организационной и редакторской работы. Она всегда приветлива, доброжелательна, готова прийти на помощь любому и склонна гасить любые конфликты. Благодаря ей ЛО ИИЕТ в целом, а сектор эволюционной теории и экологии, в частности, сумел пережить самые трудные моменты своей истории после смерти К. М. Завадского. Как и другие представители ее поколения, Манойленко — великая труженица, ее почти всегда можно встретить в библиотеках и архивах. Занятие наукой для нее составляет высшую ценность жизни, и работу в ЛО ИИЕТ она воспринимает как милость, дарованную свыше.

Пришедшие с К. М. Завадским в сектор сотрудники способствовали реализации его программы историко-критического исследования важнейших проблем в крупных монографических исследованиях преадаптации (А. Б. Георгиевский), борьбы за существование (Я. М. Галл), симбиогенеза (Л. Н. Хахина), апомиксиса (З. М. Рубцова). История отдельных отраслей эволюционной биологии нашла отражение в книгах З. М. Рубцовой «Развитие эволюционной цитогенетики в СССР» и Т. М. Аверьяновой «Популяционные исследования в прикладной ботанике». Будучи младшими научными сотрудниками, Т. М. Аверьянова, Я. М. Галл, З. М. Рубцова и Л. Н. Хахина должны были ходить на работу почти каждый день. Мы же с А. Б. Георгиевским пользовались более вольным расписанием и в сектор приходили в так называемые присутственные дни, по вторникам и четвергам, в час дня. Помимо этого, я на 1-м курсе аспирантуры должен был посещать лекции и семинары по философии. Два раза в неделю в середине дня приходили К. М. Завадский и И. И. Канаев. Для остальных распорядок был различен в зависимости от степени и должности. Старшие научные сотрудники К. В. Манойленко и Т. А. Лукина ходили на работу также по вторникам и четвергам, но должны были находиться на рабочем месте с 9 до 18 часов, младший научный сотрудник кандидат наук А. М. Миклин — три раза в неделю. Тяжелее всего приходилось нашей переводчице Н. В. Константиновой. Она, не имея собственной плановой темы, должна была ходить на работу каждый день и быть там с 9 утра до 6 часов вечера.

Будучи аспирантом, я невольно присутствовал при всех беседах Завадского с сотрудниками. Регулярно приходили его бывшие студенты и аспиранты, а также те, кто под его руководством готовил кандидатские и докторские диссертации в других вузах и академических учреждениях. Последние также регулярно делали доклады на заседаниях сектора или на эволюционном семинаре, публиковались в наших сборниках, участвовали в конференциях. Это были прежде всего философы А. С. Мамзин, А. К. Астафьев, В. С. Вишаренко, П. А. Водопьянов, Р. В. Жердев, М. Т. Ермоленко, Ю. И. Ефимов, А. А. Корольков, А. П. Мозелов и др. Почти все они позднее стали профессорами, А. С. Мамзин — заслуженным деятелем науки РСФСР, А. А. Корольков — действительным членом Российской академии образования. У многих интеллектуальные интересы далеко выходили за пределы эволюционной биологии.

Раскрыв рот, я всегда с восхищением слушал яркую, быструю, остроумную и меткую речь жизнелюба и оптимиста Михаила Тихоновича Ермоленко, работавшего в ГИДУВ (ныне МАПО). Владимир Семенович Вишаренко — аспирант Ленинградских секторов Института философии АН СССР говорил уверенно и красиво, демонстрируя широкую философскую эрудицию. Александр Аркадьевич

Корольков, ассистент из ЛГУ, писал хорошие стихи, прозу, интересовался русской философией, был хорошо воспитанным, интеллигентным человеком, избегавшим ненужных конфликтов. Он был оппонентом моей кандидатской диссертации и подержал меня при защите докторской.

Старшим товарищем и другом был для меня Алексей Сергеевич Мамзин, один из первых учеников Завадского, который по окончании биолого-почвенного факультета ушел в философию. Хитросплетения философских рассуждений явно были его призванием, проявившимся ярко при обсуждении вопросов о сущности жизни, форме и содержании живого. Много сделал он и для изживания лысенкоизма в отечественной философии.

Видное место в этом сообществе принадлежало Эдуарду Семеновичу Терехину, выдающемуся эволюционному ботанику, одному из пионеров в изучении поведения растений и его эволюционной роли. Для меня было крайне лестно, что он, тогда уже доктор биологических наук, заинтересовался моим докладом об актуализме. Мы даже собирались написать статью на эту тему, но выяснилось, что философ и биолог все-таки смотрят по-разному на то, как писать статьи. Жизнь меня потом не раз сводила с Эдуардом Терехиным и его красавицей женой Татьяной Борисовной Батыгиной, крупным специалистом по эмбриологии растений, членом-корреспондентом РАН.

Часто на семинарах появлялась Наталия Семеновна Ростова, тогда она только защитила кандидатскую диссертацию, а позже стала ведущим профессором СПбГУ. Ростова всегда демонстрировала математически отточенный критический ум. Выступала она редко, но всегда по делу. Нашему курсу было стыдно с ней встречаться, так как она нам авансом поставила зачет по экологии, а мы так и не пришли его сдавать. В шутку она напоминала нам об этом «хвосте» лет пятнадцать. Несколько раз мы были с ней вместе на конференциях по эволюционной биологии в Кярярику под Тарту.

Я близко сошелся с Абдумаликом Гассамутдиновичем Юсуфовым, очень ярким, своеобразным и увлеченным наукой молодым профессором из Махачкалы. Когда Юсуфов приехал к Завадскому в аспирантуру, он, по его собственному признанию, почти не умел писать по-русски, и на подготовку кандидатской диссертации у него ушло около десяти лет. А вот докторскую Абдумалик Гассамутдинович написал и защитил через три года, причем здесь, в Ленинграде, в Ботаническом институте АН СССР. Юсуфов был очень благодарный человек, с большим почтением он относился не только к Завадскому, но к его жене: не забывал Екатерину Сергеевну и после кончины Кирилла Михайловича, а многим из нас до сих пор шлет письма и поздравления. Прекрасный физиолог растений, Юсуфов остался верен эволюционной теории.

Вместе с К. М. Завадским и А. В. Яблоковым Юсуфов планировал написать общий учебник по эволюционной теории, но Завадский все тянул, сроки представления рукописи прошли, и им пришлось писать без него. Завадский слегка обиделся на это, и когда А. В. Яблоков попросил Завадского, чтобы он сам или кто-то из его учеников написал рецензию, поручил это сделать нам с Галлом, всячески стараясь пробудить в нас критический дух, а при редактировании еще сильнее обострить замечания. При обсуждении учебника на семинаре мы выступали первыми и в какой-то степени задали тон, хотя, надо сказать, что на наших семинарах и конференциях

обсуждения всегда были нелицеприятными. Юсуфов слушал все эти филиппики, а в заключении сказал: «Все ваши замечания прекрасные. Вот теперь садитесь и напишите замечательный учебник». Он был прав, прошло уже около 30 лет, а их книга и по сей день является лучшим университетским учебником по эволюционной теории, выдержавшим пять изданий.

С Юсуфовым мне всегда было легко общаться, за внешней суровостью и ироничностью скрывался добрый, душевный и заботливый человек. У него потрясающее чувство юмора. К сожалению, перестройка сделала невозможными его приезды в Санкт-Петербург. За последние 20 лет мы виделись с ним только два раза: в 1993 г., накануне похорон Ю. И. Полянского, и в 2009 г., во время конференции, посвященной 200-летию юбилею Ч. Дарвина. Но Абдумалик Гассамутдинович по-прежнему интересуется нашей судьбой, звонит, пишет, откликается рецензиями на наши публикации. Тяжело переживает шабаш антидарвинизма и попытки отказа от светского образования, тщетно пытается как-то бороться с обскурантизмом, захватывающим и высшую школу.

Будучи убежденным сторонником теории естественного отбора, Завадский вместе с тем внимательно относился к недарвиновским концепциям, считая, что в них можно найти не только интересные факты, но не оцененные идеи и гипотезы. Для него история биологии была не прогулкой по кладбищу забытых идей, а важным способом поиска оригинальных концепций, еще ждущих своего места в рамках грядущего эволюционного синтеза. В этом отношении характерно его участие в переиздании трудов Л. С. Берга, номогенетические воззрения которого еще в начале 1920-х гг. были осуждены как антимарксистские и с тех пор подвергались непрерывному осуждению и шельмованию. Инициатором издания эволюционных трудов Л. С. Берга выступил его внук доктор географических наук Дмитрий Дмитриевич Квасов. Сын известного физиолога Д. Г. Квасова и Р. Л. Берг, он с младенчества воспитывался у деда, проживал в его квартире и хотел напомнить новому поколению научного сообщества, что дед был не только крупный ихтиолог и географ, но и автор оригинальной и хорошо разработанной концепции эволюции. Но его намерения вызвали резкие возражения у некоторых биологов и историков науки, под влиянием которых вице-президент АН СССР Ю. А. Овчинников посчитал нецелесообразным издание книги 50-летней давности.

Тогда К. М. Завадский вместе с Ю. И. Полянским, Ю. М. Жуковским и А. С. Мамзиным обратились с письмом в Президиум АН СССР, доказывая, что в трудах Л. С. Берга есть немало положений, не учтенных в современной эволюционной теории. Книгу разрешили печатать при условии, что Кирилл Михайлович напишет предисловие. Такое предисловие Завадский написал вместе с А. Б. Георгиевским. Книга вышла и в течение долгого времени привлекала внимание всех интересовавшихся проблемами эволюции. Многие надеялись найти в ней обоснованную и хорошо разработанную альтернативу современному дарвинизму. Не меньше было и тех, кто в номогенезе искал некое противопоставление официальной идеологии. В 1990-х гг. это стало неважно для политиканов в науке, и книга в целом оказалась забыта.

Завадский приучал нас занимать активную гражданскую позицию. Когда в 1974 г. Министерство высшего и среднего специального образования СССР выпустило в качестве учебного пособия книгу лысенкоиста А. Е. Фурмана «Диалектическая

концепция развития в современной биологии», Кирилл Михайлович организовал заседание, на котором выступили единым фронтом против попыток представить ее в качестве учебного пособия зоологи, генетики, ботаники и философы. Ученые требовали от министерства снять гриф учебного пособия с книги, противоречащей современной биологии и содержащей противоречивые формулировки и ошибки фактического характера. Иными словами, министерство должно было признать, что выпустило плохой учебник. А для этого необходимы были выступления в печати крупных биологов, но ни «Журнал общей биологии», ни «Вопросы философии» не готовы были печатать подобные материалы без команды свыше.

Тогда был разработан и реализован следующий план. Редактором главного партийного журнала «Коммунист» был назначен будущий академик Виктор Григорьевич Афанасьев, автор известного учебника по марксистско-ленинской философии, любимого не одним поколением студентов за простоту и ясность изложения и именуемого «учебником для домохозяек», так как это был учебник-идеал для сдачи экзаменов. Кстати, этот учебник он написал, будучи преподавателем Челябинского педагогического института, и по совету моего двоюродного брата Рида я его полистал еще до поступления на философский факультет; насколько я помню, он мне понравился. Афанасьев не чуждался проблем биологии и написал книгу о целостности живых систем. По согласованию с ним геоботаник академик АН СССР Е. М. Лавренко и член-корреспондент АМН СССР А. Г. Кнорре подписали подготовленное Я. М. Галлом и А. С. Мамзиным письмо, в котором резко протестовали против попыток навязать в качестве учебника модифицированный вариант лысенкоистских рассуждений. Письмо было направлено в журнал «Коммунист» и там опубликовано. Одновременно Т. М. Аверьянова и я подготовили обзор выступлений на обсуждении книги А. Е. Фурмана в Ленинграде для «Журнала общей биологии», а с М. Т. Ермоленко мы представили модифицированный вариант обзора для журнала «Вопросы философии», главный редактор которого стал тянуть с его публикацией, ссылаясь на мнение кого-то где-то там на самом верху. Тогда от имени К. М. Завадского я позвонил главному редактору «Журнала общей биологии» члену-корреспонденту АН СССР М. С. Гилярову, который заверил меня, что никаких официальных указаний на этот счет не получал, материал подготовлен к печати и скоро будет опубликован. И в ноябре обзор появился в 6-м номере за 1975 г. Этого оказалось достаточным, чтобы министерство признало ошибку и сняло гриф «учебное пособие» с книги Фурмана, лишив тем самым лысенкоистов возможности вновь представлять свои идеи как соответствовавшие современному уровню развития науки.

Пребывание в школе К. М. Завадского давало определенное ощущение избранности и причастности к чему-то важному и почитаемому многими. Те, кто относился к Завадскому положительно, называли нас «завадчанами», кто отрицательно — кривили губы и шипели: «мальчики Завадского». Но с первых шагов в научно-исследовательском пространстве мы оказались в центре пристального внимания, стали желанными гостями на многих конференциях и круглых столах. Но нередко нам крепко доставалось, особенно со стороны философов: за приверженность позитивизму, за попытку подменить философский анализ изложением данных конкретных наук, за нежелание заниматься проблемой сущности жизни и рассуждать о преимуществах системного подхода, о важности экологического мышления или искать, подобно К. Марксу, некую «клеточку» теоретической биологии. Но мы оборонялись

дружно, на любую критику отвечали страстно и резко, пока не поняли, что некоторые философы — как дети. Им все время нужны новые игрушки, т. е. некие якобы новые проблемы и теоретические одежды. У них нет возможности собирать свой эмпирический материал, а осмыслить чужой не всегда легко.

Культивируемый в школе Завадского подход к разработке проблем философии с опорой на современную биологию принимали далеко не все. Нередко при защите учениками Завадского диссертаций по философии у членов диссертационных советов возникал вопрос: «А что здесь философского?» Именно так произошло с диссертацией по проблеме избыточности, написанной заочным аспирантом В. И. Корецким, которую он защищал в марте 1974 г. В. И. Свидерский, увлекавшийся тогда проблемой элементов и структуры, поставил под сомнение соответствие диссертации специальности Совета. Неожиданно это мнение поддержали и некоторые другие члены Совета, включая председателя, что говорило о подготовленности такого хода событий. Наши попытки убедить присутствовавших в том, что диссертация соответствует специальности «философские проблемы биологии», окончились безрезультатно. За исключением Мамзина, мы были свежееиспеченными кандидатами наук, и профессура от нас отмахнулась. Диссертация не получила необходимых двух третей голосов от членов Совета. Завадского не было на защите, но удалось его убедить, что решение Совета была ошибочно, выступавшие против диссертацию не читали и судить о ней не могли. В этом отношении большую «услугу» оказал профессор Ш., который заявил буквально следующее: «Диссертацию я не читал, реферат не видел, выступления диссертанта не слышал. Но ход дискуссии убедил меня, что диссертация не является философской». В общем, не видел, не слышал, не думал, не знаю, но убежден. Были и другие процедурные нарушения, позволившие опротестовать результаты голосования по диссертации Корецкого в Большом совете факультета. Была назначена перезащита, добавлен третий оппонент, молодой профессор Ф. Ф. Вяккерев, и все закончилось благополучно.

Свои трудности возникали и при защите диссертаций на получение степеней докторов и кандидатов биологических наук по специальности «история науки», особенно у бывших философов. Тем не менее такие уникальные случаи были, но в качестве оппонентов каждый раз приходилось искать очень авторитетных биологов. Такими оппонентами стали М. С. Гиляров и А. В. Яблоков на защите диссертации А. Б. Георгиевского по проблемам преадаптации. Насколько я знаю, Георгиевский был первым в СССР философом, получившим степень кандидата биологических наук. Не менее успешно прошло преобразование из философа в биолога Я. М. Галла. В 1992 г. он даже защитил докторскую диссертацию по биологии на специализированном Совете Санкт-Петербургского университета. Здесь птицей-тройкой оппонентов, вывезшей его, были также общепризнанные специалисты в области эволюционной теории Н. В. Глотов, А. С. Северцов, А. В. Яблоков.

При Завадском всячески пресекался «профессиональный национализм», т. е. использование в спорах или общении таких общих претензий: «Ну что ты, мол, понимаешь, философ (биолог, историк и т. д.)». Каждый должен был доказывать свое превосходство аргументами, а не ссылками на образование. Впоследствии я пришел к выводу, что как обычный национализм, так и профессиональный свойствен людям с комплексом неполноценности. За 30 лет общения, редактирования работ, а иногда и соавторства с десятком крупнейших отечественных биологов я никогда

не слышал от них ни одной нотки снисхождения или пренебрежения. Напротив, при обсуждении проблем эволюционной теории каждый воспринимал друг друга как равноправного партнера. И этим я обязан образованию, полученному в школе Завадского.

В то же время среди нас не оказалось человека, способного сохранить всех его учеников в рамках единой школы. Все-таки мы принадлежали к различным научным сообществам. Философы, историки науки и биологи могли говорить на одном языке только в рамках школы Завадского, а за ее пределами должны были обсуждать проблемы, интересные для данного сообщества. При жизни же Завадского мы все чувствовали себя членами одного клана и могли сказать друг другу: «Мы с тобой одной крови. Ты и я». Правда, когда я сказал эту фразу одному своему коллеге из школы Завадского, он побледнел и спросил: «Не хочешь ли ты этим сказать, что я тоже еврей?» Дело в том, что в то время был силен антисемитизм и некоторые на философском факультете были увлечены разоблачением скрытых евреев и их пособников. Кстати, и сам этот коллега слыл активным антисемитом, что, однако, не мешало нам поддерживать дружеские отношения. Пришлось успокоить его и объяснить мою трактовку известной фразы Киплинга: я имел в виду идейное, а не кровное родство.

Самым интересным в подготовке аспирантов и в усвоении этоса науки, конечно, были семинары по эволюционной теории, где нередко выступали биологи-эволюционисты из разных городов и республик СССР и даже из других стран. Доклады делали и академики, и аспиранты, каждый мог высказаться по любому вопросу и критиковать докладчика, невзирая на лица, титулы и звания. Для многих молодых ученых, в том числе и для меня, семинар Завадского стал местом первого выступления в столь авторитетной аудитории. Участие начинающих исследователей в обсуждении проблем эволюционной теории, предоставляемая им возможность общаться и дискутировать на равных с признанными учеными создавали благотворную обстановку для усвоения так называемого скрытого научного знания, которое невозможно приобрести чтением книг. Наши сообщения, доклады в весьма квалифицированной и требовательной аудитории были регулярными. На семинарах, которые проходили всегда живо и с шутками, возникало много смешных ситуаций. Завадский был артистичным человеком, жестикулировал, мог разыгрывать какие-то сцены. Иногда семинар превращался в подлинный спектакль.

ВСТУПЛЕНИЕ В СООБЩЕСТВО

Под руководством К. М. Завадского было организовано несколько крупных симпозиумов: «Закономерности прогрессивной эволюции» (1969), «Организация и эволюция живого» (1972), «Первые шаги эволюционной биологии в СССР» (1973), «Проблемы эволюционной физиологии растений» (1974). На них выступали практически все ведущие биологи-эволюционисты и историки биологии СССР. Перечень фамилий не много скажет современному читателю, но прошу поверить, что это были достойные люди. Некоторые из них были репрессированы в сталинские времена, другие в течение многих лет оставались безработными из-за верности генетике и дарвинизму. Всех их объединяла одна черта: наука составляла для них смысл жизни. Многие бегло брошенные ими замечания или беседа на ту или иную тему значили иногда больше, чем кипы прочитанных книг.

Помимо школы Завадского мы принадлежали к определенному научному сообществу, из которого усваивали нормы, ценности, ритуалы и стиль научной практики, черпали идеи и стимулы к творчеству. В этом разделе я приведу воспоминания о тех людях, встречи с которыми мне запомнились именно в период, когда я только входил в сообщество биологов-эволюционистов.

Имя эколога и зоолога академика Станислава Семеновича Шварца, основателя Института экологии на Урале, сейчас мало кому известно, а в конце 1960-х — начале 1970-х гг. его статьи печатались в престижных общенаучных, философских и биологических журналах, а книги после выхода сразу становились библиографической редкостью. Он одним из первых в нашей стране поднял вопрос об экологическом кризисе и о необходимости изучать эволюцию надвидовых уровней организации живого, прежде всего биосферы. Выше я уже говорил, что статья Шварца помогла мне понять, что я нахожусь на правильном пути при написании диплома, а впоследствии его труды сыграли важную роль в выработке моей концепции эволюции биосферы. Встретил я его только один раз, в ноябре 1975 г. в Свердловске. Он был тяжело болен и вел себя немного отстраненно, осознавая, видимо, неизбежность близкого ухода. Полнокровного разговора не получилось, а вот доклад он произнес яркий, эмоциональный и хорошо продуманный, наэлектризовав своим выступлением значительную часть аудитории. От него как бы исходила завораживающая энергия, позволяющая почувствовать себя причастным к важному делу. Шварц был первым из крупных биологов, кто обратил внимание на мои аспирантские публикации и по собственной инициативе прислал краткий отзыв на автореферат кандидатской диссертации, повергнув в изумление членов Ученого совета, не избалованных вниманием ученых такого ранга к философским трудам. Весьма лестный отзыв он дал в 1972 г. и на мою обобщающую статью по истории проблемы «эволюции эволюции» для сборника «Историко-биологические исследования», которая из-за

осторожности некоторых членов редколлегии вышла только через 7 лет, когда уже была опубликована и стала популярной наша с К. М. Завадским книга «Эволюция эволюции».

Цитофизиолог В. Я. Александров стал широко известным в годы перестройки как автор бестселлера тех времен «Трудные годы советской биологии», в которой рассказано о борьбе биологов со сторонниками О. Б. Лепешинской и Т. Д. Лысенко. Лауреат Сталинской премии, участник войны, он долгое время был безработным, но от своих научных воззрений не отказался. В 1955 г. он вместе с Ю. М. Оленовым и Д. В. Лебедевым подготовил обращение в ЦК КПСС, известное как «Письмо трехсот», явившееся обвинительным актом лысенкоизму. За большой вклад в защиту генетики Александров в 1990 г. был награжден орденом Ленина. Был он крупным теоретиком биологии, организатором межинститутского семинара по клеточной и молекулярной биологии, проводимого в Ботаническом институте и собиравшего сотни участников.

Выступал Александров всегда интересно, остро и парадоксально. Меня привлекала его спокойная и ироничная манера критики, упрощавшая проблему до предела и заставлявшая задуматься над хрестоматийным вопросом «А был ли мальчик?» Так, в 1973 г. в Москве редколлегия «Журнала общей биологии» и журнала «Вопросы философии» проводили дискуссию на модную тогда тему о путях построения теоретической биологии. Интересно, эмоционально и ярко выступали Б. Л. Астауров, М. С. Гиляров, А. А. Малиновский, И. Т. Фролов и др. Но консенсус не вырисовывался, у каждого путь был свой, а ведь теоретическая биология должна быть одна, если это теория... Вдруг встал Александров и сказал: «Я не знаю, может ли быть какая-то особая теоретическая биология? Ведь теоретической физики нет, есть физики-экспериментаторы и физики-теоретики, и в каждой области биологии есть разные уровни познания: теоретический и эмпирический».

Его выступление прозвучало диссонансом, но задор у спорщиков угас, а сидевший рядом со мной сотрудник редакции журнала «Вопросы философии», которому было поручено организовать этот круглый стол, тихо возмущался, что не ожидал такого от В. Я. Александрова — вроде широко мыслящий и умный человек, а отрицает возможность теоретической биологии. С ним были согласны и другие философы. Для меня же высказывания Александрова до сих пор кажутся наиболее здоровыми из всего того, что я когда-либо читал или слышал о теоретической биологии, особенно после десятилетий бесплодных попыток ее создания. С тех пор любые умствования на этот счет кажутся мне пустой тратой времени, хотя к ним нередко склонны самые изощренные интеллектуалы среди биологов, которыми я искренне восхищался. Среди таких теоретизирующих биологов следовало бы назвать Э. Бауэра, Л. И. Корочкина, Э. Майра, А. А. Малиновского, Н. В. Тимофеева-Ресовского, Э. Шредингера, И. И. Шмальгаузена, К. Уоддингтона и, конечно же, Б. Н. Медникова и А. М. Уголева — из тех, кого я хорошо знал и с кем не раз обсуждал эти проблемы. Что же касается К. М. Завадского, то он полагал, что не требуется никакой специальной теоретической биологии, поскольку есть эволюционная теория.

Во время другой дискуссии о теории естественного отбора после доклада Л. И. Корочкина Александров резонно заметил одному «ультраселекционисту»: если это теория, то она, согласно принципу фальсификации, должна иметь исключения. Правда, на этом же семинаре я сам резко выступил против легковесной

критики Корочкиным теории естественного отбора, что, как ни странно, способствовало установлению с ним добрых отношений. В 1992 г. мне довелось председательствовать на семинаре, где делал доклад Жорес Медведев, которого Александров хорошо знал и даже помогал ему в годы гонений. У них возник спор о борьбе с Лысенко, которую Медведев старался, как и раньше в своих книгах, дать в аспекте борьбы «героев и злодеев» российской науки. Он бросил фразу, что в отличие от остальных своих соратников, которые были все поголовно подлецами или невеждами, с Лысенко, мол, все сложнее, он был сумасшедший, так как искренне верил, что он гений и что прав. Реплика Александрова была убийственна: «Но ведь так все думают. Что ж здесь сумасшедшего?». Мне пришлось несколько раз брать интервью у Владимира Яковлевича, и всегда беседы были интересны, позволяли из сообщенных деталей лучше представить события прошлого. К сожалению, это интервью я тогда не напечатал.

Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского я впервые увидел в Москве в феврале 1971 г. на большом совещании по философским вопросам эволюционной теории, где ожидалась попытка реванша со стороны лысенкоистов, включая члена-корреспондента АН СССР ихтиолога Г. В. Никольского. Но в целом игра шла в одни ворота: лысенкоисты были в меньшинстве и бороться, по сути дела, было не с кем. Все оживилось, когда около трибуны встал невысокий коренастый и почему-то казавшийся очень мощным пожилой мужчина, очень словоохотливый, с богатой мимикой и жестикуляцией. Для него регламент явно не существовал. Во всяком случае, председательствовавший И. Т. Фролов его не прерывал, хотя он говорил около часа. Мне нравилось не то, что он говорил, а как он говорил: «Мы — создатели синтетической теории эволюции, я говорю мы не потому, что так принято в нашей стране, а потому, что я действительно участвовал в создании этой теории. Лично я не люблю слово “СТЭ”. Это мне напоминает всякого рода сокращения типа ВэЦэСэПэСэ (Всесоюзный центральный совет профсоюзов)» — именно он так произнес это слово, многократно делая упор на звуке «э». И. Т. Фролов, которого в ЦК КПСС предупреждали не допускать провокаций со стороны Тимофеева-Ресовского, после заседания рассказывал, что, услышав это растянутое ВэЦэСэПэСэ, подумал, если докладчик произнесет далее аббревиатуру ЦК КПСС в такой же манере, то жди нагоняя. Но обошлось. Тимофеев-Ресовский, выходя на грани фола, видимо, и сам знал границы своего вольнодумства.

За несколько месяцев до этого выступления праздновался 70-летний юбилей Н. В. Тимофеева-Ресовского. Неожиданно из издательства «Наука» сообщили, что «сверху» поступило указание больше это имя не упоминать в печати и ссылки на его статьи не пропускать. Завадский выругался: «Черт знает что такое, его что, расстреляли?», так как знал, что в сталинские времена подобные распоряжения поступали на лиц, удостоенных высшей меры «пролетарской защиты». При помощи тогдашнего академика-секретаря Отделения общей биологии Б. Е. Быховского удалось впоследствии выяснить, что Отделу науки ЦК КПСС не понравилось, что в связи с юбилеем Тимофеева-Ресовского в Бюллетене Московского общества естествоиспытателей природы должна была появиться статья, где его изображали «чуть ли не героем антифашистского Сопротивления». Было «рекомендовано» этого не делать. При передаче же негласного указания по бюрократической цепочке, как это чаще всего и случается, произошло искажение в сторону глупости. Требовалось немало сил и времени, чтобы подобные нелепые указания не претворяли в жизнь.

Впоследствии я старался посещать каждое выступление Тимофеева-Ресовского в Ленинграде, которые он сам называл теоретическим трепом. Хотя первое впечатление о встрече с глыбой не изглаживалось, все чаще оставалось ощущение какого-то балагурства в духе А. А. Любищева: «любители-садоводы — это садисты, которые ради урожая, издеваются над природой»; «любители математической биологии — модельеры, так как строят разные модели», «о происхождении жизни спросите у А. И. Опарина и Р. Л. Берг, они помнят, а я тогда был маленький». Как-то у меня в гостях была подруга детства мамы, заведующая сектором в Институте космической медицины, где последние годы жизни был профессором-консультантом Тимофеев-Ресовский. Увидев у меня на столе раскрытую книгу Тимофеева-Ресовского, она удивленно спросила, как я могу читать его труды. Услышав мой ответ, что Тимофеев-Ресовский причастен к возникновению нескольких отраслей современной биологии и многими считается достойным Нобелевской премии, она не поверила, полагая, что их директор академик О. Г. Газенко держал Тимофеева-Ресовского лишь из жалости.

После смерти К. М. Завадского мне было поручено координировать работу по подготовке книги «Развитие эволюционной теории в СССР», где предполагалось дать и очерк об эволюционной теории в Германии, Англии, США. Предварительный проспект главы о Германии, который должна была писать Т. А. Лукина, был послан Тимофееву-Ресовскому. Его мнение я хотел выяснить при личной встрече после его доклада в ГИДУВ. К моему удивлению, он довольно агрессивно сказал, что ни о ком из них писать не стоит, так как большинство из них были членами НСДАП, СА и СС. Особенно было странно получить упрек за то, что по моей инициативе в третьем выпуске «Истории и теории эволюционного учения» (1975) был помещен перевод некролога о Г. Геберере, который, по мнению «Зубра», не заслуживал этой чести, так как был активным нацистом и членом СС. Тимофеев-Ресовский сказал буквально следующее: «Да, да, мне вот ваша Татьяна Аркадьевна Лукина прислала текст... ну что вы, она о таких фашистах, как Г. Геберер, собирается писать! Это вообще безобразие! А вы еще и напечатали о нем некролог, он же был член СС!» Пришлось ответить, что мы отдали дань уважения не нацисту, а составителю и редактору одной из наиболее полных сводок по синтетической теории эволюции «Эволюция организмов», выпущенной в 1943 г. в гитлеровской Германии, где одной из центральных была глава, написанная Тимофеевым-Ресовским в соавторстве с членом СС Г. Бауром. Николаю Владимировичу мой ответ явно не понравился, и больше мы с ним не встречались.

Такое же впечатление от столкновения с чем-то очень крупным и мощным, но устаревшим осталось у меня от единственной встречи с А. А. Любищевым в мае 1972 г. На неё меня потащил аспирант из ЗИН, с которым я подружился в общежитии, малаколог Саша Кафанов, сказав: «Вот ты сидишь, читаешь книги по дарвинизму, а в городе гастролирует Любищев, и никто ничего ему возразить не может». Доклад был в аудитории химического факультета, битком заполненной. Несмотря на свои 82 года и костыль, Александр Александрович выглядел очень эффектно. Он громкогласно с юмором, скорее эпатируя публику, чем всерьез, заявил: «Я единственный в СССР идеалист, официально зарегистрированный. Смотрите внимательно. Страшен?» — и зарычал. Или с пафосом вопрошал аудиторию: «Кто находится на вершине прогресса, кто победил в борьбе за существование? Млекопитающие?

А много ли их видели? Ну мышка где-то пробежала, заяка выскочил из-за угла. А вот я однажды ехал по степи на телеге, и только на проселочной дороге мне попались за несколько часов 84 лягушки. Вот они, цари природы! Вот они, победители в борьбе за существование!»

Ему невнятно оппонировала Р.Л. Берг, произнося банальные учебные истины, не устраивавшие многих в аудитории, жаждавших свободы и оригинальности. От нее он отмахнулся очередной хохмой: «В отличие от вас, дарвинистов, я сторонник самой широкой полифилии. Мужчина — это грязное, глупое, уродливое существо — произошел, конечно, от обезьяны. А женщины, с их красотой, изяществом, вкусом и прекрасным голосом, могли произойти только от птичек». Мой аргумент, что при всех недостатках дарвинизм пытается найти причины эволюции и тем самым открывает возможность для критики и проверки гипотез, в то время как сам Любищев не назвал ни причин, ни законов эволюции, к поиску которых призывает 50 лет, он парировал притчей. «В городе Ульяновске произошло убийство. Народ был возмущен, требовал поскорее найти и наказать убийц. Тогда милиция схватила первого попавшегося и объявила его убийцей, невиновного осудили и расстреляли. Вот так и вы, дарвинисты, хватаете естественный отбор и объявляете его творческим фактором эволюции, а он к ней не имеет никакого отношения», — завершил патриарх отечественного антидарвинизма нашу полемику.

Я понимал, что он ерничает, но не знал, понятно ли это окружающим, которые, конечно же, не читали труды А.А. Любищева 1920-х гг., где он доказывал преимущество своего филогенетического преформизма как последовательно революционного, строго закономерного и диалектического над плоским дарвинизмом. Семинар длился около 4 часов, и в 11 часов вечера кто-то сказал Любищеву: «Надо кончать Александр Александрович. Вы, наверно, устали?» Опираясь на костыль, он ответил: «Я-то нет, но вот они устали», — и указал на аудиторию, где преобладала молодежь. И вот здесь он, видимо, был искренен, так как дух прирожденного полемиста придавал ему огромные силы.

Через несколько дней на эволюционном семинаре я выступил и сказал: «Здесь собрались единомышленники. Доклады мы заслушиваем и обсуждаем в рамках исповедуемой нами парадигмы, а вот в городе в разных аудиториях выступает Любищев, пропагандирует свои идеи 50-летней давности, и никто не может вызвать его на серьезную дискуссию». Мой наивный призыв к дискуссии с Любищевым поддержал Завадский. В Зоологический институт, где Любищев каждый день сидел и читал книжки с пожелтевшими страницами, был отряжен гонец с предложением выступить с изложением эволюционных взглядов на семинаре Завадского. Любищев уже был кем-то предупрежден об этом приглашении и встретил гонца словами: «Мне говорили, что на семинаре выступил какой-то юноша и предложил пустить кровушку пресловутому Любищеву». Доклад о своих эволюционных взглядах на семинаре у Завадского он отказался делать, но предложил вместо этого доклад о вреде математики в биологии, почему-то считая, что Завадский терпеть не может математизацию биологии. Но этот доклад был не интересен Кириллу Михайловичу, и дискуссия не состоялась. Предполагаю, что для Александра Александровича была небезразлична реакция аудитории на его доклады, и каждый раз он предпочитал перед математиками выступать с критикой эволюционной теории, а перед эволюционистами — с критикой математики. В том же году Любищева не стало.

К моему удивлению, его популярность стала сильно расти после смерти. Вокруг его трудов началось подлинное волхование, курение фимиама и преклонение. После повести Д. Гранина «Эта странная жизнь» (1974) Любищев получил всесоюзную известность и даже был причислен к самым выдающимся ученым всех времен и народов. Ему были посвящены тысячи книг и статей, сотни конференций, без конца издавались его рукописи, большая часть которых, на мой взгляд, представляет дилетантские конспекты, как, например, книги по истории философии. Самое странное, что никто так и не смог сказать, что же сделал в науке А. А. Любищев, но зато все знали с его слов, как надо науку делать. На Западе, конечно, это фигура совершенно неизвестная, и на развитие мировой науки он никакого влияния не оказал, да и оказать не мог. Там остаются не те, кто учит, как плавать, а кто сам умеет плавать лучше других.

Однажды видный энтомолог из Зоологического института А. Г. Кирейчук сказал мне, что он понимает: Любищев был великий эволюционист, но энтомолог никудышный, не мог правильно определить простые виды. На что я в шутку ему ответил, что, напротив, думал, что Любищев крупный энтомолог, а эволюционист никудышный. Его единственная статья по эволюционной теории в 1925 г. ни в какое сравнение не идет с номогенезом Л. С. Берга (1922) и исторической биогенетикой Д. Н. Соболева (1924). Вот эти ученые на самом деле предложили оригинальные и детально разработанные недарвиновские концепции, которые можно принимать или отвергать, но в которых, по крайней мере, есть что обсуждать. Мне кажется, на апологетов А. А. Любищева особое впечатление производили не сами его идеи, которые по сути дела не очень сильно отличались от постулатов Т. Д. Лысенко, но преподносились в более утонченной и наукообразной форме, сколько их отличие от официально признанной в те годы синтетической теории эволюции. Любищев был сторонником принципа наследования признаков, допускал скачкообразное возникновение видов, настаивал на жесткой детерминации эволюции. При этом он был непримиримым противником Лысенко как губителя отечественной биологии.

Впоследствии у меня не раз пересекались пути с приверженцами А. А. Любищева, некоторые из них даже стали моими друзьями. Как «черный оппонент» издательства «Наука» я способствовал выходу в свет его трудов по морфологии и систематике в начале 1980-х гг. Глубоко уважая А. А. Любищева за стойкость в отстаивании взглядов в условиях тоталитарного режима, преклоняясь перед масштабностью и интеллектуальной мощью его полемического таланта, я так и не смог увидеть какие-либо его заслуги перед эволюционной теорией. В его научной деятельности наиболее ценным является борьба за чистоту науки в годы лысенкоизма, и в этом отношении он должен всегда оставаться нравственным ориентиром для российского сообщества.

Среди последователей А. А. Любищева встречались блестящие, яркие личности и крупные ученые. Особо выделялся Сергей Викторович Мейен, энциклопедически образованный специалист по ископаемой флоре. Наше знакомство началось с неприятного инцидента. В начале 1974 г. Завадскому из «Журнала общей биологии» прислали на рецензию статью Мейена, которую Кирилл Михайлович передал мне для подготовки отзыва, и он в целом получился отрицательный. Редакция переслала отзыв автору. Тот не только подготовил резкие возражения, но и предал им широкую огласку, только потом узнав, что статья была на рецензии у Завадского. К нему

Сергей Викторович относился с уважением и прислал свой антиотзыв с извинениями, что если бы раньше знал имя рецензента, был бы сдержаннее. Я в те годы руководил методологическим семинаром в Зоологическом институте, и мое предложение организовать обсуждение доклада С. В. Мейена было встречено с энтузиазмом.

К моему удивлению, Мейен был настроен примирительно, ратовал за номотетический подход к эволюции, где дарвиновские представления о движущих силах эволюции были бы синтезированы с концепцией морфологических законов, канализирующих ход филогенеза. При этом он обходил вопрос об адаптивном характере эволюции. Разгорелась жаркая дискуссия, где с резкой критикой содержательной части доклада выступали в основном биологи, а физики и математики сконцентрировались на постулате закономерного, предсказуемого хода эволюции, усматривая в нем попытку физикализации эволюционной теории. Немало было и тех, кому была безразлична суть спора. Для них в докладе главным была критика Мейеном официально признанной доктрины, что для многих являлось признаком новизны и оригинальности. В целом все остались при своем мнении, продемонстрировав очередной раз, что в спорах истина не рождается.

На следующий год в Ленинграде состоялся Международный ботанический конгресс, где я был членом гостиничной комиссии. Мейен приехал раньше, когда еще особой запарки не было, вел себя исключительно радушно, обращаясь со мной как с коллегой и даже другом и единомышленником. В какой-то степени так и было. Попытки реванша со стороны лысенкоистов не прекращались, в тот момент мы добивались снятия грифа «учебное пособие» с книги А. Е. Фурмана «Диалектическая концепция развития в современной биологии», о которой я говорил выше. Мейен также был обеспокоен ходом событий и предлагал свою помощь. Вскоре мы встретились с ним в Тарту на конференции, посвященной Бэру, и провели несколько вечеров втроем (с нами был Я. М. Галл), ожесточенно, но очень доброжелательно дискутируя по ключевым вопросам теории эволюции. И хотя позиции наши не сблизились, появилось глубокое чувство близости и взаимопонимания, и я с удовольствием прочитал в журнале «Знание — сила» изложение знаменитого «принципа сочувствия» С. В. Мейена, в котором он, не называя наших с Галлом фамилий, пишет о вечерних беседах с двумя своими молодыми друзьями из Ленинграда.

После этого состоялось еще немало встреч, на которых мы продолжали спорить друг с другом, оставаясь при этом друзьями, пока однажды Сергей Викторович не предложил прекратить публичные дискуссии, так как взгляды наши они изменить не могут, а вот окружающим дают аргументы для критики. Мы с Я. М. Галлом несколько удивились, так как Мейен был блестящий и остроумный полемист и имел большой успех в любой аудитории, но согласились и слову были верны. Однажды мне за это попало от Завадского. Он на заседании сектора публично упрекнул меня за отсутствие реакции на критику синтетической теории эволюции со стороны С. В. Мейена на Совещании по философским вопросам биологии в Москве в апреле 1976 г. и успокоился только после того, как я в сердцах предложил вернуть командировочные расходы.

Стенка на стенку сторонники синтетической теории эволюции и ее противники сошлись на конференции в Тарту в сентябре 1984 г. Прекрасная погода, гостеприимство хозяев, замечательная организация конференции способствовала тому, что в Тарту съехались практически все интересующиеся проблемами эволюции.

Дискуссии были очень ожесточенными, однако после них мы продолжали со своим оппонентами миролюбиво общаться, что кому-то представлялось неким нонсенсом, в частности моим ученикам, которые знали, что мы с Мейеном придерживались противоположных точек зрения по ключевым вопросам эволюции. Один из них, А. В. Говорунов, не удержался и даже спросил нас с Мейеном, почему мы можем так дружески общаться, будучи непримиримыми оппонентами. Я несколько опешил, а Сергей Викторович ответил, что он ради дружбы с Галлом и Колчинским готов пожертвовать любыми своими научными убеждениями. Конечно, Мейен лукавил. В своих воззрениях он был непреклонен и взгляды свои ни за что не менял. Для меня же стало уроком, что к науке, как, впрочем, об этом говорил еще Тимофеев-Ресовский, нельзя относиться со звериной серьезностью. Во всяком случае, нельзя, чтобы научные разногласия сказывались на личных отношениях.

Правда, там же, в Тарту, произошел инцидент, произведший на меня неприятное впечатление. Мои ученики сообщили мне, что, обсуждая только что вышедшую книгу «Развитие эволюционной теории в СССР», где я был редактором-составителем, уделив ее созданию пять лет, Сергей Мейен сказал, что эту книгу писали «как-то». Я не поверил своим ушам и при встрече его переспросил, так ли это, что это означает, насколько допустимы такие аргументы в науке и как это согласуется с пропагандируемым им «принципом сочувствия». Ему стало крайне неудобно, но от слов своих он не отказался. Возможно, бесплодные многолетние попытки убедить научное сообщество в своей правоте сделали Сергея Викторовича желчным, и, когда стало не хватать аргументов, был пущен в ход юмор детского сада. А может, он уже знал, что обречен, и терял контроль над собой. Через полтора года его не стало. Провожать его пришли тысячи людей.

Много лет спустя жизнь свела меня с другим приверженцем Любищева и исследователем его научного наследия Михаилом Давидовичем Голубовским, о котором я скажу ниже.

Довольно случайно в нашем кругу на несколько месяцев появился историк Лев Николаевич Гумилев, тогда ещё известный только в узких кругах гуманитарной интеллигенции. Встреча состоялась в мае 1973 г. Осенью я должен был защищать кандидатскую диссертацию, и Завадский посчитал, что мне будет полезно выступить на ежегодном совещании Проблемного совета по диалектике в Петергофе. Конечно, попасть в число выступающих на таком совещании аспиранту было нелегко, но организаторы совещания просили Завадского сделать доклад на пленарном заседании, и он ради меня согласился. На станции Старый Петергоф, на автобусной остановке, к нам с Наташей Константиновой — моей будущей женой, поехавшей поболеть за меня, — подошёл седоватый грузный пожилой мужчина и, узнав, что мы едем на одно с ним мероприятие, представился Гумилевым и добавил, что имя-отчество запомнить легко — Лев Николаевич, и добавил: как у Толстого. Помню, мы с Наташей иронически переглянулись при таком пояснении. Вскоре он сообщил, что родители его — Николай Гумилев и Анна Ахматова и что он провел 20 лет в заключении — «10 лет за папочку и 10 лет за мамочку».

Честно сказать, о «папочке», т.е. о великом поэте Николае Гумилеве, я тогда помнил что-то смутное. Постановление ЦК КПСС 1946 г. о литературе и погромные речи А. А. Жданова о творчестве Анны Ахматовой изучали ещё в 7-м классе. Ее опубликованные стихи читал в юности, подпольные стихи узнал позже. Хотя я не

был поклонником ее творчества, преклонялся перед ее мужеством, считал невинно пострадавшей, помнил общественный резонанс от ее похорон в 1966 г., о торжественной панихиде в Никольском соборе, где собрались огромные массы народа и духовенства. Вероятно, это был первый после долгого времени открытый протест Ленинграда и предупреждение властям, травившим великого поэта. Известно было также, что Ахматова старалась спасти Иосифа Бродского, стихи которого были популярны в студенческой среде, а коронным номером под гитару у моего друга Гены Хона были его «Пилигримы». Правда, само упоминание знаменитых родителей в начале знакомства меня несколько покорило, но, поскольку книгу Л. Н. Гумилева «В поисках потерянного царства», кстати, на мой взгляд, лучшую в его научном творчестве, я знал, беседу продолжил.

По какой-то причине мы не расставались с Л. Н. Гумилевым весь день; возможно, он также чувствовал себя не в своей тарелке среди философов, а может, у него была потребность в общении с молодежью, тем более с симпатичной девушкой. Допускаю, что его заинтересовала возможность через меня познакомиться с Завадским, который, как он надеялся, мог бы ему помочь в защите докторской диссертации. С самого начала вспыхнула дискуссия по поводу мутаций, ведущих к пассионарности. Он признавал, что с этим пунктом не согласен ни один генетик, но тем не менее именно идея некой мутации, ведущей к росту активности индивида и вслед за ним огромной массы людей, была ключевой в развиваемой им концепции этногенеза. Генетику того времени я немного знал, а как философ не сомневался в том, что гипотеза, выстраиваемая на подобном основании, является спекуляцией чистой воды. Тем не менее расстались мы с Львом Николаевичем очень дружески и периодически перезванивались.

С осени он стал участвовать в работе наших семинаров, часть из которых проходила на квартире Завадского. Гумилев не раз говорил, что поражен обстановкой свободы и равенства, царящей на них. Тогда было модно говорить об экологическом кризисе, что меня страшно возмущало, так как мне было ясно, что нигде не сохранилось первозданной природы, потому что это невозможно никогда — с момента расселения человечества по всей планете и формирования ойкумены, а представления о нарастающем кризисе можно найти в любом мифе и сказке о потерянном рае и золотом веке. Преувеличенными казались и стенания об экологической ситуации в России. Лев Николаевич, наблюдавший ее в местах не столь отдаленных, со мной согласился, но добавил, что необходимо учесть, что в СССР индустриализация в значительной степени проведена на бумаге для галочки, а вот в развитых странах обстановка действительно угрожающая.

Я познакомил Завадского с Гумилевым. Они были людьми одного круга — потомки интеллигенции дореволюционного Санкт-Петербургского общества, близки по возрасту, говорили на одном языке. Оба остались довольны знакомством. Ничто не предвещало возможного конфликта. Гумилев подарил Завадскому свои работы с трогательными надписями и спросил, не может ли тот быть оппонентом на защите его второй докторской диссертации по исторической географии. Завадский, по собственному признанию, обещал дать ответ после прочтения рукописи диссертации, которую ему скоро и передали через меня. Диссертация была в кожаном переплете коричневого цвета. Спустя несколько недель Лев Николаевич, не дождавшись мнения Завадского о его работе, принес отпечатанный автореферат диссертации, где

третьим оппонентом значился Завадский. Последний вспылил: «Без меня меня женили» — и отказался оппонировать, так как не мог как биолог судить о движущих силах этногенеза. Гумилев потребовал вернуть рукопись диссертации, а заодно и все подаренные им книги и статьи. Возвращать пришлось мне, и на этот раз Лев Николаевич был не столь любезен, но я не стал вступать в дискуссию, поскольку был твердо уверен, что никаких биологических фактов в пользу своей концепции пассионарности Гумилев не привел, а сама работа при беглом прочтении скорее представляла собой захватывающее художественное произведение, а не научный труд. Так я считаю и по сей день.

После этого взаимные звонки прекратились, наши пути изредка пересекались на ряде конференций. Оба мы ограничивались обменом приветствиями и короткими беседами. Для меня были совершенно неприемлемы его спекуляции о каких-то космических факторах эволюции уже не только человечества, а всей биосферы в целом. Диссертацию он защитил, но ВАК ее не утвердил, признав антимарксистской, что способствовало росту его популярности. Вокруг Гумилева сложился круг учеников и последователей. В разгар перестройки я встретил его на организационной конференции Санкт-Петербургского союза ученых, и по поручению одного из первых частных издательств предложил напечатать его книгу, застрявшую на несколько лет в издательстве «Наука». Он согласился, вспомнив и меня, и Завадского, но «Наука» отказалась вернуть отредактированную рукопись, и план не удался. Скоро у Гумилева отпала всякая необходимость в какой-то помощи — он стал оглушающе знаменит. Все его книги выходили по многу раз огромными тиражами. Его теории признали те гуманитарии-марксисты, которые раньше всячески их громили. Но, прочитав несколько его новых книг, я не изменил своего прежнего мнения, что это произведения очень талантливого художника, но не ученого. Видно, от родителей он по наследству получил не только трагическую судьбу, репрессии, но и богатое воображение и образное мышление, не всегда совместимое с рациональным мышлением, без которого науки в принципе не может быть. Недавно я прочитал в Интернете статью одного из самых ярких молодых российских историков Аскольда Иванчика, в которой концепция Л. Н. Гумилева охарактеризована как псевдонаучная, и порадовался тому, что, оказывается, в России еще остались профессионалы и в области историософии. Вернее, таких людей много, но немногие готовы идти против распоясавшегося дилетантизма. Примером тому служит и кампания вокруг новой хронологии академика А. Т. Фоменко, которая на самом деле почище скандально знаменитых фильмов В. И. Петрика.

Запомнились мне и доклады об эволюции экосистем геоботаника Виктора Викторовича Мазинга, а также биогеоценолога и этномолога Павла Михайловича Рафеса. Где-то за два часа до начала семинара Завадский начал волноваться, приехал ли докладчик Мазинг. Я его заверил, что профессор Тартуского университета наверняка приехал и будет выступать, в противном случае он обязательно сообщил бы. Мазинг пришел за 15 минут, как раз столько времени потребовалось, чтобы развесить таблицы. Доклад, на мой взгляд, был великолепный, сделан по лучшим западным стандартам: с четкой постановкой проблемы, обсуждением методики, приведением фактического материала и выводов. Аналогичным было и выступление П. М. Рафеса. Для философствовавшей части слушателей такая манера была необычна. К тому же тема была совершенно новая, проблема практически неразработанная,

и аудиторию, как говорится, понесло. Каждый выступавший считал своим долгом сообщить, как, по его мнению, следует решать заявленную проблему и чего не хватает в докладе. Вежливо выслушав всех критиков, Павел Михайлович ответил очень эмоционально и просто, что дискуссия напомнила ему обсуждение некоего фильма о любви, когда создателей критиковали за отсутствие борьбы за повышение удойности молока, а те отвечали, к неудовольствию чиновников, что удойность молока будет «в другом кино». И всем, любящим рассуждать на темы, о которых они ничего не понимают, стало неудобно.

В общем, как говорил классик К. Прутков: «Не зная законов языка ирокезского, можешь ли ты делать такое суждение по сему предмету, которое не было бы неосновательно и глупо?» Впоследствии я всегда старался уклониться от обсуждения проблем, о которых имел смутное представление. Позже много раз приходилось парировать упреки, почему я, историк науки, отказываюсь засвидетельствовать «приоритет» российской науки в открытии оптико-волоконной связи, в организации полетов на Луну, установлении «реальности» торсионных полей и т. п.

Успех книг по истории биологии, издававшихся сотрудниками нашего сектора, в огромной степени был обусловлен прекрасной работой внештатного редактора издательства «Наука» Фонеды Иудовны Кричевской. Ее по праву можно назвать соавтором большинства из них. Ученица выдающегося протозоолога и эволюциониста чл.-корр. АН СССР В. А. Догеля, Кричевская посвятила свою жизнь подготовке и изданию учебной литературы. В военные и послевоенные годы она была директором и главным редактором Ленинградского отделения Учпедгиза. В 1951 г. ее арестовали и осудили по пресловутой статье 58-1 на 25 лет за «вредительство»: якобы она пыталась задержать издание предвыборного доклада Сталина на эвенкийском языке. После смерти И. В. Сталина статья о вредительстве была заменена на обвинение в служебной халатности, и ее освободили. Но только в середине 1960-х гг. она вернулась к редакторской деятельности.

Кричевская была редактором от бога, интуитивно угадывала всякую халтуру или ошибку, тщательно шлифовала формулировки, облекая в стилистически безупречную форму порою неуклюжие построения автора, способствовала совершенству структуры и композиции книг. Обладая прекрасным чувством юмора, она свои замечания и предложения делала так, что самые амбициозные авторы охотно к ним прислушивались. Слегка иронично настроенная к попавшим к ней сочинениям, она не робела перед авторитетами и титулами и с одинаковой требовательностью редактировала работы академиков и аспирантов. Пиршеством ума для авторов становились и беседы с Фонедой Иудовной о политике, литературе, живописи, музыке. Годы мучений не ожесточили ее. Если она доверяла человеку, то охотно делилась своими воспоминаниями, была остра в суждениях на политические темы, внимательно следила за новинками литературы и театра. От нее я узнал много интересно о характере ряда крупных биологов, печатавшихся в ее издательстве.

Наряду с биологами-эволюционистами в круг общения входили и историки биологии. Среди них особенно выделялся историк физиологии Василий Лаврентьевич Меркурьев, друг Завадского со студенческих лет. Его выступления были остры, резки, чуточку агрессивны, но очень интересны. Однажды он рассказывал о деятельности Общества биологов-марксистов в Ленинграде в начале 1930-х гг., которое возглавлял И. И. Презент. Хотя сам Меркурьев, возможно не без участия Презента,

был репрессирован, последний в его воспоминаниях выглядел блестящим оратором, человеком редкого мужества, привлекавшим к себе многих крупных ученых и начинающих исследователей. Этот рассказ запомнился мне надолго, показав еще раз, сколь неоднороден человек. Впоследствии я убедился в правоте Меркурьева и посвятил И. И. Презенту как «герою своего времени» специальную статью, опубликованную в Берлине.

Среди московских историков науки ближе всех к молодежи сектора был Вадим Иванович Назаров, автор замечательной книги о французских эволюционистах. Он часто приезжал к нам со своими докладами, а также за консультациями. У него был прекрасный стиль изложения, безукоризненно подобранный материал. Тогда Назаров был ортодоксальным дарвинистом, приверженцем градуализма, и ничто не предвещало его будущей склонности к созданию «новейшей» теории «эволюции не по Дарвину». Часто на консультации к Завадскому приезжала Лариса Васильевна Чеснова, очень энергичная и доброжелательная женщина. Она успешно занималась историей энтомологии, написала ряд книг, пользующихся успехом уже несколько десятилетий. С тех пор мы с ней тесно сотрудничаем, и ее критические замечания всегда важны для меня. Нередко в Ленинграде бывала Нора Андреевна Григорян — большой знаток научного творчества И. П. Павлова, Л. А. Орбели, И. М. Сеченова и других выдающихся отечественных физиологов. В 1973 г. мы проводили большой симпозиум «Первые шаги эволюционной теории в СССР», в котором участвовали большинство сотрудников сектора истории биологии ИИЕТ АН СССР во главе с Леонидом Яковлевичем Бляхером. Он уже был пожилым и готовился передать сектор Эдуарду Николаевичу Мирзояну. Тогда я впервые услышал эмоциональное выступление Веры Николаевны Гутиной.

К Завадскому тянулись многие философы, занимавшиеся проблемами биологии. Среди них был красавец-мужчина Иван Тимофеевич Фролов, книгой которого «Генетика и диалектика» мы зачитывались еще на студенческой скамье. Фролов возглавлял журнал «Вопросы философии», превратившийся благодаря его руководству в популярное издание, в котором с удовольствием печатались крупные естествоиспытатели. Его помощниками в журнале были Игорь Константинович Лисеев, а затем Борис Григорьевич Юдин, занимавшиеся философскими проблемами биологии. Впоследствии Лисеев перешел в Институт философии, а Юдин — в ИИЕТ. Оба они способствовали тому, что публикуемые в журнале статьи были интересны, актуальны, а порой и остры, что вызывало злобу со стороны ортодоксальных приверженцев тогдашнего главного советского идеолога М. А. Суслова. Это заставляло Фролова быть осторожным, продумывать каждый шаг. Как я уже писал, по результатам обсуждения книги Фурмана мы с М. Т. Ермоленко по просьбе Фролова подготовили для журнала статью, которая долгое время не выходила. Завадский был встревожен, сам писал Фролову и просил других биологов поддержать его. Фролов обещал, но рукопись и не публиковал, и не возвращал. Через некоторое время я встретился с сотрудником редакции «Вопросы философии» и попросил объяснить ситуацию. Он искренне ответил, что Фролов вынужден выжидать, как повернется дело. Если наверху спросят, почему критически не отреагировали на книгу, представляющую собой философское обоснование лысенкоизма, он ответит, что у них есть уже готовый материал, который выйдет в ближайшем номере, а если не спросят, то лучше лишний раз не высовываться. Судя по всему, не спросили.

В конечном счете Фролова сняли и отправили в Прагу, в журнал «Проблемы мира и социализма», который он также быстро сделал читабельным. Этому якобы предшествовала длинная интрига, суть которой я слышал от московских философов. Секретарь ЦК КПСС П. Н. Демичев, считавшийся противником М. А. Сусллова, покровительствовал И. Т. Фролову и пытался поставить его во главе Института философии АН СССР. Но на пленуме Московского горкома партии секретарь по идеологии Ягодкин выступил с критикой журнала «Вопросы философии», обвиняя его редактора в протаскивании ревизионизма, антимарксизма и позитивизма. Обвинения нешуточные по тем временам, и при рассмотрении кандидатуры Фролова в секретариате ЦК КПСС Демичев выступил с требованием осудить выступления Ягодкина. Оправдываясь, тот заявил, что так выступить поручил ему Суслов. Но Суслов якобы отрекся и сказал, что он согласился только с тем, что Фролову нужно указать на ошибки, если они есть, но отнюдь не рекомендовал подобный стиль критики. За решением вопроса пошли к Л. И. Брежневу, но тот ответил подобно Дельфийскому оракулу: «Не важно, какой Фролов человек, самое важное, какой он коммунист». И вопрос остался нерешенным, так как никто не понял, каким коммунистом Брежнев считал Фролова.

Вернулся в Москву Фролов в начале 1980-х гг. и стал активно пробовать идею создания Института человека в АН СССР. Предполагалось, что он будет одним из оппонентов моей докторской диссертации, но здесь началась его головокружительная карьера при М. С. Горбачеве. Он стал членом ЦК КПСС, которым запрещалось быть оппонентами, затем главным редактором «Правды» и членом Политбюро. В 1987 г. он организовал прекрасный Международный конгресс по логике и методологии науки, на который съехались философы и теоретики естествознания с разных стран. Умер он в Китае во время командировки. Бесспорно, он был одним из наиболее ярких, самобытных и творчески одаренных философов-марксистов и пользовался заслуженным уважением со стороны естествоиспытателей. Он внес свой немалый вклад в защиту генетики в СССР, в разработку проблем биоэтики. Талантливыми философами были его ученики и соавторы С. А. Пастушный и И. Н. Смирнов.

На горизонте философских проблем биологии очень яркой фигурой была Регина Семеновна Карпинская, защитившая в 1973 г. докторскую диссертацию и создавшая в Институте философии АН СССР сектор методологии биологического познания. Ее бывший муж Лен Карпинский в молодости был секретарем ЦК ВЛКСМ и редактором «Правды». Не пожелав воспринять ресталинизацию, он был исключен из партии и стал широко известным диссидентом. Регина Семеновна также была человеком весьма неортодоксальных взглядов, все время стремилась внести что-то новое в исследуемую область, инициировала бесконечные проекты, конференции, симпозиумы, круглые столы. Выпускница философского факультета, она затем окончила и биолого-почвенный факультет МГУ, общалась и сотрудничала с А. Н. Белозерским, В. А. Энгельгардтом, А. А. Баевым, А. С. Спириным, опубликовала первые в СССР труды по философскому осмыслению данных молекулярной биологии.

Она была энергичной, активной, немножко вспыльчивой, иногда даже слегка агрессивной, но при этом очень доброжелательной женщиной. Дружеское общение с коллегами, желание помочь молодежи были доминирующими чертами ее характера. Карпинская всегда привлекала ленинградцев к проводимым ею мероприятиям,

отводя им почетные места в программе конференций и приглашая в готовившиеся ею коллективные монографии. Одним из ее ближайших помощников по сектору был И. К. Лисеев, на редкость дружелюбный человек, успешно разрабатывающий культурологические аспекты биологии. Некоторое время он учился у Завадского, что также способствовало единению московских и ленинградских философов биологии.

Для Карпинской были характерны страстность, порядочность и научная честность, целеустремленность в служении науке, удивительным образом сочетавшиеся с непосредственностью и непредсказуемостью в отдельных ситуациях. Все это создавало вокруг Регины Семеновны особое энергетическое поле, где бы она ни появлялась. Везде она прерывала скучный поток любого научного мероприятия, доказывая, что личностно-творческое начало и неординарность личности являются необходимыми условиями любой научной деятельности. Карпинская всю себя отдавала решению избранных ею вопросов, будь то философское осмысление теории естественного отбора, геносистематики или синтез естественно-научного и социогуманитарного знания. Своей увлеченностью неопита она формировала вокруг себя некое поле духовного притяжения, векторы которого обеспечивали создание незримого и зримого колледжа единомышленников. Благодаря этому ей удавалось неофициально координировать деятельность исследователей в разных городах и республиках. Всюду она вносила дух московской богемы с тусовками, встречами, посиделками на кухне, великосветскими сплетнями. Регина Семеновна поддерживала все инициативы, связанные с попытками оказать давление на власть, отстаивать молекулярную биологию, сбить волну рвущихся к реваншу лысенкоистов. Она ушла из жизни очень рано, в результате тяжелой болезни, но ее творческий потенциал далеко был не исчерпан.

Похожей на нее была и Надежда Павловна Депенчук в Киеве, о которой я скажу в другой главе, так как наше близкое знакомство состоялось позже. И хотя в 1970-х гг. у нас в стране было немало по-настоящему творческих и интересных исследователей в области философских проблем биологии, инициативным, активным движущим началом в этой области были Р. С. Карпинская и Н. П. Депенчук. И для меня философия биологии в СССР всегда имела женское лицо. Здесь феминизация в хорошем смысле слова наступила раньше, чем в других отраслях философии.

ЗАРУБЕЖНЫЕ СВЯЗИ

Завадский поддерживал переписку с крупнейшими зарубежными эволюционистами и приучал нас включаться в мировое сообщество. На такие контакты особенно охотно шел наш бывший соотечественник и земляк Ф.Г. Добржанский, уехавший в 1927 г. в научную командировку в США и оставшийся там, не желая возвращаться в страну, где начались гонения на генетику. Спустя почти 50 лет Добржанский по-прежнему тосковал по родине, пропагандировал работы советских генетиков и биологов-эволюционистов, издавал их книги и организовывал им поддержку мирового научного сообщества. Его жгучей мечтой оставался визит в Ленинград: там он работал несколько лет на университетской кафедре генетики у Ю.А. Филипченко и в АН СССР, где у него еще были живые друзья и знакомые молодости. Приезд Добржанского — общепризнанного лидера современной эволюционной и популяционной генетики — сделал бы честь советской науке. Но власти помнили его как «невозвращенца», книги которого отправляли в спецхран, и не давали добро на визит. Не желали его приезда и бывшие лысенкоисты, провозгласившие его в конце 1940-х гг. главным «мухолюбом-человеконенавистником». И даже некоторые генетики, завидовавшие его славе, предпринимали шаги, чтобы его не пустили в СССР.

Тем не менее он продолжал радоваться каждой весточке с родины, снабжая нас оттисками своих трудов и книг. На одну из таких книг, «Генетические основы генетики», Я.М. Галл по поручению Завадского написал рецензию, которая увидела свет в первом выпуске «Истории и теории эволюционного учения».

Эффект превзошел все ожидания. Впервые за 40 лет был опубликован доброжелательный отзыв о работах еще недавно проклинаемого предателя Родины. Кое-кто считал публикацию ошибочной и ослабляющей позиции дарвинизма в СССР пред лицом властей предрержащих. Но приветствовавших этот шаг было больше. В частности, академик А.Л. Тахтаджян позвонил Завадскому и сказал: «Пусть ваша Галла, — он тогда еще лично не знал Якова Михайловича и думал, что это молодая женщина, — свяжется со мной». Публикация положила начало длительному сотрудничеству Галла с Тахтаджяном, одним из результатов которого стало прекрасное издание выверенного перевода книги Ч. Дарвина «Происхождение видов». Рецензия Галла в какой-то степени открыла дорогу публикации двух философских статей Добржанского Институтом философии АН СССР.

В отличие от Добржанского и других зарубежных биологов-эволюционистов XX в., Э. Майру повезло в смысле признания и «пропаганды» в нашей стране. Его основополагающая книга по эволюционной теории «Систематика и происхождение видов», опубликованная в США в 1942 г., увидела свет в СССР в 1947 г., вскоре после войны. Вместе с книгой Дж Симпсона «Темпы и формы эволюции» (1948) она

сыграла важную роль в воспитании молодых поколений отечественных биологов, дав им ясные научные ориентиры в борьбе с представителями «советского творческого дарвинизма». В 1950–1974 гг. в СССР были изданы и другие сочинения Майра по систематике, виду и видообразованию, которыми комплектовали университетские и академические библиотеки и которые зачитывали буквально до дыр. Его статьи в эти годы не раз печатали в отечественных журналах, включая и наиболее серьезный научно-популярный журнал «Природа».

Планируя свой визит в СССР в 1972 г., Майр одним из мест обязательного посещения назвал сектор Завадского, так как они оба занимались проблемами вида и видообразования. Заинтриговал Майра и рассказ его ученика М. Адамса, посетившего наш сектор в августе 1971 г., о том, что Завадский считает всех создателей СТЭ диалектическими материалистами. Для Майра, воспитанного на философии И. Канта, такая характеристика показалась странной. Для него диалектический материализм отождествлялся прежде всего с гонениями на генетику, осуществляемыми якобы с позиций этой философской системы. Правда, по собственному признанию Майра, до посещения Ленинграда ему не приходилось читать работы по марксистской философии.

Визит Майра в Москву и Ленинград без преувеличения можно назвать триумфальным. Его лекции собирали огромные аудитории, а сам Майр выступал с энтузиазмом, стараясь встретиться с максимально большим количеством людей, с которыми он находился в переписке, и стремясь понять, как обстоит дело с дарвинизмом в СССР. К. М. Завадский, сообщая о предстоящем посещении Майром нашего сектора, сказал: «К нам едет современный Дарвин», — и, подумав, добавил: «один из пяти биологов XX в., кто может претендовать на этот статус». В июне 1972 г. Майр в сопровождении сотрудника Зоологического института АН СССР, выдающегося малаколога и биогеографа Я. И. Старобогатова, который курировал его пребывание в Ленинграде, пришел к Завадскому, где провел более трех часов в оживленной беседе с сотрудниками сектора, по окончании которой сказал: «Профессор Завадский, я с вами поговорил, но мне интересны ваши сотрудники, разрешите мне встретиться с ними без вас».

Второе заседание проводил А. Б. Георгиевский. Опять было много вопросов с обеих сторон. Позднее Майр написал Я. И. Старобогатову, что он восхищен и удивлен мужеством как Завадского, так и Георгиевского, которые в условиях тоталитарного режима, где, как он считал, доминирует лысенкоизм, открыто защищают синтетическую теорию эволюции, а молодые историки науки хорошо ориентируются в литературе по систематике, генетике, экологии и этологии. Вот такие искаженные представления были на Западе о ситуации в СССР. Конечно, разработке современной теории эволюции создавали трудности оставшиеся сторонники Лысенко, но к тому моменту для борьбы с ними уже почти десять лет не нужно было никакого гражданского мужества.

С тех пор Э. Майр с заинтересованностью и подчеркнутым уважением относился к российским (советским) биологам и историкам науки, охотно шел на установление научных контактов, регулярно отвечал на письма, присылал не только отписки статей, но и книги. Хотя сам Майр не читал по-русски, у него были референты, как он не раз подчеркивал в письмах, знакомые со славянскими языками, готовившие ему обзоры и выдержки из книг, напечатанных на русском языке. Получив

в 1973 г. книгу К. М. Завадского «Развитие эволюционной теории после Дарвина», Ф. Г. Добржанский и Э. Майр приняли меры для ее издания на английском языке. Перевод готов был сделать крупный польский палеонтолог академик А. Урбанек. Но СССР уже подписал договор об охране авторских прав, и без разрешения ОВИР опубликовать выпущенные в СССР книги стало невозможно, а оформление предполагало долгую бюрократическую процедуру. Скоростипажные кончины Добржанского в 1975 г., а затем и Завадского в 1977 г. помешали осуществить эти планы, разбившиеся о бюрократические препятствия.

В августе 1971 г. в Москве состоялся Международный конгресс по истории науки. На нем присутствовали Я. М. Галл и А. Б. Георгиевский, которые встретили там редактора только что учрежденного первого международного журнала по истории биологии Э. Мендельсона и ученика Э. Майра М. Адамса и пригласили их посетить Ленинград. Как позднее вспоминал М. Адамс, во время пребывания в СССР в 1971 и 1977 гг. он установил контакты с «великолепной группой историков эволюционной биологии в секторе истории и теории эволюционного учения ЛО ИИЕТ Академии наук, возглавляемой Кириллом М. Завадским». Действительно, встречи были полезны, мы смогли узнать, что под руководством Э. Майра и В. Провайна идет интенсивная работа по изучению истории формирования СТЭ. Сам Адамс к тому времени уже немало сделал для изучения вклада советских генетиков. Один из наших сотрудников, взявшийся курировать Адамса, был предупрежден Мелешенко, что поведение американского гостя вызывает у него весьма противоречивые чувства, и куратор перестал контактировать с Адамсом.

Понимая, что нехорошо бросать зарубежного коллегу в незнакомом городе, и желая расспросить его о последних работах в США, я по собственной инициативе вызвался помочь Адамсу в покупке букинистической литературы, которую он закупал массово, отправляя десятки, если не сотни, книг из нашего ЛО ИИЕТ. Тогда Академия наук еще пользовалась привилегией бесплатных почтовых посылок, а ограничений на вывоз старых книг не было. При отъезде он обещал что-то узнать, сообщить, прислать, но, по-видимому, обо всем забыл. Как мне жаловались многие московские и ленинградские коллеги, Адамс столь же необязателен был и с ними. И я забыл о его существовании. После подписания Хельсинкского соглашения в 1975 г. на какое-то время оживились советско-американские контакты в области гуманитарных наук. В 1976 г. Адамс снова приехал в СССР в Институт истории естествознания и техники АН СССР. Его куратором был назначен московский историк генетики, с которым его отношения явно не сложились, так как Адамс обвинил его в плагиате своей статьи о С. С. Четверикове.

В то время наш сектор входил в состав Ботанического института АН СССР, но территориально мы находились на территории ленинградских секторов ИИЕТ, в которые и должен был приехать Адамс. Руководитель этих секторов Б. И. Иванов попросил Завадского оказать содействие Адамсу в работе. Выделенный для этого сотрудник нашей лаборатории, проведя несколько дней с Адамсом и московским куратором в Москве, заболел и наотрез отказался дальше с ним контактировать. Завадский поручил это мне, я согласился, так как полагал, что московский куратор, приезжавший в архивы Ленинграда осенью, уже отобрал все необходимые материалы и мне останется помочь Адамсу заказать их, а также обеспечить ему некую культурную программу как гостю Академии наук.

Встречу с Адамсом Завадский предложил провести в Павловске и в Пушкине, куда мы поехали вчетвером. С нами была еще жена Кириллы Михайловича Екатерина Сергеевна Зайчук. К моему удивлению, Завадский очень много времени потратил, рассказывая Адамсу о Р.Л. Берг, которая только что уехала в США, позиционируя себя там как диссидентку, преследуемую властями. Об этой встрече хорошо рассказал сам Адамс в сборнике, посвященном 20-летию со дня смерти Завадского.

Серьезные проблемы начались, когда мы с Адамсом пошли в архивы. Оказалось, что Ленинградское отделение Архива АН СССР было вообще закрыто, а из личного архива Ю. А. Филипченко в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина московский куратор разрешил выдать только печатные материалы, которые Адамс с не меньшим успехом мог прочитать в США, а тем более в Москве. Назревал явный скандал, о чем я сообщил директору ИИЕТ АН СССР С. Р. Микулинскому. Он спросил меня, готов ли я взять на себя ответственность предварительно просмотреть все дела, запрашиваемые Адамсом, и изъять из них материалы, не подлежащие показу иностранцам. Вообще, какие материалы можно показывать, а какие нельзя, я не знал. Но согласился, так как был уверен тогда, как и сейчас, что никаких государственных тайн архив человека, умершего 50 лет тому назад и всю жизнь занимавшегося зоологией, генетикой и евгеникой, не может содержать. Так, в июньскую жару начались наши ежедневные хождения в Публичную библиотеку, где я, просматривая дело за делом, передавал их служителю библиотеки для выдачи Адамсу. Само чтение этих бумаг оказалось очень интересным и полезным для меня, снабдив многими новыми деталями об известных мне людях. По моему мнению, никаких причин запрещать Адамсу работать с этими материалами не было, и какими соображениями руководствовался официальный московский куратор, я тогда не понял, как не понимаю до конца это и сейчас.

Для того чтобы показать, что все-таки существует контроль, я вынул несколько бумаг, содержащих сведения, порочащие, с моей точки зрения, их авторов. Например, это было письмо очень уважаемого человека, учителя моих учителей, который писал Ю. А. Филипченко в 1919 г.: «С большим интересом я прочитал вашу брошюру о евгенике. Как Вы смотрите на то, чтобы стерилизовать евреев и комиссаров?» Вероятно, беднягу либерала и демократа так достали обысками, трудработами и репрессиями еврей-комиссары, что он заговорил языком черносотенцев и создателей расовой гигиены. Но в эпоху полуофициального государственного антисемитизма писать подобные вещи было неприлично, и я не хотел, чтобы на Западе появилась публикация, наносящая ущерб уважаемому мной человеку. Конечно, сейчас я понимаю, что у меня не было оснований считать себя более моральным человеком, чем Адамс, но тогда я думал иначе.

Адамс постоянно доставлял мне какие-то затруднения. Его все время тянуло поговорить со мной о недостатках политической системы в СССР. Однако обсуждать их с иностранцем у меня не было никакого желания. Ситуация была, как у М. М. Жванецкого: «Трудно понять, то ли он к нам заброшен, то ли от нас». Кроме того, он жаждал неофициального общения с ранее репрессированными биологами, которые к этому отнюдь не стремились. Однажды, встретив невестку одного крупного московского зоолога, Адамс пожаловался, что я до сих пор не обеспечил ему визит к Г. Г. Винбергу, которого она хорошо знала. Она выразила желание помочь ему и, в шутку переспросив Адамса, не является ли он агентом ЦРУ, повела его

прямо в лабораторию Винберга. Как я и предполагал, годы заключения приучили Винберга к осторожности. Узнав, что Адамс желает с ним поговорить, он попросил его, чтобы руководство ЛО ИИЕТ официально обратилось в дирекцию Зоологического института с просьбой организовать такую встречу и указать ее цель. Ушли мы несолоно хлебавши. Не знаю, как Адамсу, но мне было неудобно перед Винбергом. Неловко чувствовала себя и дама, проявившая бестактность по отношению к уважаемому ею гидробиологу.

Наконец, немало хлопот доставляли академические власти: управляющий Ленинградским административно-хозяйственным управлением отказывался оплатить фотокопии и микрофиши, сделанные Публичной библиотекой для Адамса, требуя какое-то разрешение на их изготовление. Пришлось ему объяснять, что не я, а библиотека решает, что можно копировать, а что нельзя. Получил нагоняй я и из иностранного отдела, что выдал Адамсу на руки бумагу с гербовой печатью, которую, оказывается, иностранцу видеть не положено. В конце концов ему запретили ехать в Ригу к Я. Я. Лусу, хотя поездка была заранее запланирована. В итоге мне пришлось выслушивать от Адамса все, что он думает о нашей стране и о нашей политизированной бюрократии. Разговор шел в академической столовой и привлекал внимание многих.

К сожалению, не было и полноценного доклада Адамса на нашем семинаре. Время было летнее, решили ограничиться докладом на секторе, на который Завадский не смог приехать из-за внезапного сердечного приступа, а многие сотрудники уже были в отпуске. Тем не менее в докладе было кое-что интересное: положив ноги на стол, Адамс рассказывал о работе над сборником материалов конференции, проведенной под руководством Э. Майра и В. Провайна и посвященной созданию эволюционного синтеза в разных странах и в разных отраслях знания. Так как я уезжал в Коми АССР на летние заработки, последние дни пребывания Адамса в Ленинграде курировал С. А. Орлов. Благодаря этому визиту Адамса в моей личной библиотеке появилось несколько американских книг, полезных для работы, особенно книги Ф. Г. Добржанского «Генетические основы эволюционного процесса» (1970) и Л. Грэхема «Естествознание и философия в Советском Союзе» (1972), которые если и были в БАН, то только в спецхране. Так, я стал одним из первых, кто смог детально изучить книгу этого крупнейшего исследователя советской науки, ставшую популярной у нас только в 1990-х гг.

При жизни К. М. Завадского началось мое знакомство с руководителем лаборатории эволюционной биологии Института микробиологии Академии наук Чехословакии Владимиром Новаком. У него работала одна из участниц нашего семинара, проф. Валентина Вениаминовна Леонович, уехавшая в связи с замужеством на постоянное жительство в Прагу. В 1974 г. она попросила меня познакомить Новака с К. М. Завадским, я выполнил просьбу. Из беседы сразу выяснилось, что Новак — убежденный лысенкоист и, вообще, скорее склонен к натурфилософии, чем к серьезным эволюционно-биологическим исследованиям. К тому же он был ортодоксальный марксист и коммунист, что, возможно, как-то повлияло на его профессиональную карьеру. Завадский не скрывал раздражения. На доклад Новака реагировал резко, я всячески старался смягчить ситуацию, делая упор на традиционную для нас толерантность к инакомыслию, с чем Кирилл Михайлович был согласен. Еще важнее оказалось то, что Новак предложил К. М. Завадскому, Я. М. Галлу и мне

принять участие в конференции по эволюционной биологии в Праге, которая была запланирована на лето 1975 г. и включена в план сотрудничества между АН СССР и АН ЧССР.

Однако поехать мы туда не смогли, так как командировать нас в рамках академического сотрудничества руководство АН СССР не желало и вместо нас послало неких чиновников из Президиума АН СССР, ответив чешским коллегам, что АН СССР лучше известно, кто более достоин ее представлять на международных симпозиумах. Неодобрительно к моей предполагаемой поездке за рубеж отнеслась и секретарь парторганизации. Правда, тезисы наши на английском языке были опубликованы. Со временем конференции стали регулярными, но для нас с Я. М. Галлом ситуация не менялась: мы получали приглашение, посылали тезисы, чешская сторона обращалась в Президиум АН СССР с просьбой командировать нас, и опять туда приезжали незваные гости, иные по несколько раз. Тогда чехи организовали научный туризм, по которому можно было ехать за свой счет, но здесь я отказался, потому что такой роскоши, как платить 350 рублей, чтобы 4 дня отсидеть на конференции и сделать доклад, я себе позволить тогда не мог. Да и туризм под присмотром меня совсем не прельщал.

Со временем популярность этих конференций, где могли встречаться и общаться чуть ли не каждый год биологи-эволюционисты Запада и Востока, возросла. Получив в очередной раз из Москвы сообщение, что вместо меня поедет профессор С., чехи решили пригласить меня в качестве личного гостя В. В. Леонович. С моей стороны требовалось оформить визу через ОВИР и купить билеты, а все расходы по пребыванию в Чехии брала на себя принимавшая сторона. Как ни странно, я каким-то образом смог пройти собеседование в ОВИР, убедив какого-то грузного майора, прожигавшего меня взглядом, что я действительно знаком с Леонович и в течение 15 лет поддерживаю с ней научные контакты, обмениваюсь трудами и т. д. Для этого надо было предъявить личные письма.

Ответа пришлось ждать несколько недель, и я решил съездил на Кавказ по путевке горного туризма. С молодежной группой провел 20 дней, побывав в горах Кабардино-Балкарии, включая Эльбрус, а также в Сванетии и Абхазии, искупался в море, где чуть не утонул, решив поплавать ночью в шторм. В последний день маршрута получил от жены телеграмму, что я прошел все проверки, выявившие, что я не нанесу ущерба безопасности страны и в виде оказанного мне доверия имею право за свой счет на десять дней отправиться в Чехословакию. Причем запрашиваемое время пребывания было сокращено вдвое. В первый и последний раз как гражданин СССР я съездил к коллегам в дружескую социалистическую Чехословакию, в которую 16-ю годами ранее мой сводный двоюродный брат Юра Кузьмин без приглашения и виз на танке «Т-60» съездил для «братской помощи».

Меня поразили состав и поведение пассажиров поезда. Подавляющее большинство из них были офицеры и их семьи, нагруженные разного рода товарами для продажи, часть из которых они старались провезти контрабандой, их ловили таможенники, изымали вещи и сдавали в камеру хранения, а они при этом нисколько не смущались. Как я понял, наводчиками служили проводники, зорко следившие за багажом пассажиров при посадке.

Сама поездка оказалась удачной, хотя продукция лаборатории была архаична — скорее натурфилософская, чем исследовательская. В век молекулярной генетики,

геносистематики и клеточной биохимии они писали об отсутствии генов, наследовании приобретенных признаков, происхождении и сущности жизни и т. д. Тем не менее они активно разъезжали по всему миру, были вхожи в ведущие лаборатории всех стран. Вскоре я убедился в бесполезности научных дискуссий с ними и все время до конференции посвятил осмотру «золотой Праги», которая, как я сейчас могу сказать твердо — один из самых прекрасных городов в мире. Особенно впечатляющими были коллекции живописи Средневековья, Возрождения и религиозных войн, когда Прага некоторое время была столицей Священной Римской империи. К моему удивлению, это знали далеко не все мои чешские коллеги биологи-философы, решившие почему-то, что история Чехии — мое хобби. Русская речь нравилась далеко не всем чехам, видно, они не забыли нашу «помощь» в 1968 г. Предпочтительнее было спрашивать на немецком или английском языках, которые не знал ни я, ни большинство прохожих, но результаты бесед были более весомые. С открытой враждебностью я сталкивался всего несколько раз.

Сама конференция проходила в Пльзене, все было организовано замечательно. Участников было около 130 человек из 17 стран, в том числе 23 ученых из СССР и около 10 из США. Хотя тема симпозиума была довольно конкретна — «Эволюция и морфогенез», все походило скорее на некую слабо упорядоченную смесь проблем, идей, подходов, концепций, где каждый говорил о том, о чем хотел. Тем не менее участие было полезным, так как удалось установить личные контакты и начать многолетнее сотрудничество с такими зарубежными учеными, как Франциско Айяла (США), Майкл Рьюз (Канада), Курт Вениг и Рольф Лётер (ГДР). За границей я лучше узнал и отечественных ученых, в частности Э.И. Воробьеву, Н.П. Депенчук, А.В. Иванова и его жену О.М. Иванову-Казас, Ю.В. Мамкаева, А.С. Северцова и особенно Л.П. Татаринова.

Заслуга Новака и его чешских коллег заключалась в том, что он смог создать доброжелательную обстановку, где одинаково комфортно чувствовали себя обитатели как социалистических, так и капиталистических стран. Мой доклад вызвалась прочитать какая-то аспирантка из США и отнеслась к этому делу крайне ответственно, часами отработывая произношение незнакомых биологических терминов. Затем мы несколько лет с ней обменивались новогодними открытками.

Ввиду того что советские ученые редко появлялись на международных конференциях, я все время испытывал повышенное внимание, желание поговорить, установить контакты и т. д. К сожалению, у меня всегда были проблемы с разговорными английским и немецким языками, так что предоставленная возможность была реализована в малой степени. Я говорил на смеси английского, немецкого и русского языков. Правда, чешские коллеги, у которых общество было не столь закрыто и которые к тому времени объехали уже полмира, всегда были готовы прийти на помощь в переводе вопроса, реплики, выступления. Им приходилось делать это часто, так как помимо доклада, который я впервые сделал по проблеме эволюции биосферы, меня попросили открыть круглый стол, посвященный И.И. Шмальгаузену, а также выступить в дискуссии о социобиологии, о которой я мало что мог сказать вразумительного. Тем не менее глава советской делегации Э.И. Воробьева попросила меня написать краткий отчет о том, что же все-таки обсуждалось. Хотя я был единственный участник конференции из СССР, присутствовавший на ней в приватном порядке (и даже в нарушение правил), и поэтому ни за что не должен был отчитываться, я выполнил эту просьбу.

Вскоре я понял преимущество моего положения. В отличие от других советских участников я пробыл в Праге несколько дней до начала конференции, а затем еще четыре дня нас возили по Чехословакии. Из советской делегации разрешили остаться только заместителю академика-секретаря Отделения общей биологии палеонтологу Л. П. Татаринovu. Для меня это была счастливая возможность близкого общения с одним из наиболее эрудированных эволюционистов в СССР. Для того чтобы продлить мне визу, хозяева специально свозили меня в Прагу. Там без всяких вопросов и формальностей мне добавили еще десять дней. Довелось ехать вместе с Ф. Айялой, который, будучи правоверным католиком, рассказал, что они в США очень обеспокоены наступлением креационистов, особенно их попытками нарушить светский характер средней школы и ввести так называемый научный креационизм в школьную программу. Для меня эти рассказы звучали, как из Средневековья. Трудно было представить, что аналогичная ситуация возникнет вскоре на родине.

Наверно, в разделенном мире нужны были такие менеджеры, как Владимир Новак. Он и его коллеги вряд ли оставили сколько-нибудь заметный след даже в чешской, я уж не говорю о мировой, науке. Но в условиях железного занавеса они давали ученым разных стран возможность общаться. Еще несколько раз он приезжал в СССР, корил за нежелание вновь приехать в Прагу. Но начиналась перестройка, к нам все чаще приезжали посланцы с капиталистического Запада, обсуждались различные международные проекты, которые, правда, все так же не встречали поддержки в верхах, по тем же соображениям, что начальство лучше знает, кого, куда и зачем посылать. Так, не состоялся проект, предложенный мне Институтом философии ГДР, который тогда возглавлял вице-президент немецкой АН. От его имени на переговоры приезжали мои коллеги, историки биологии Рольф Лётер и Курт Вениг. Но наше начальство, как всегда, предложило кого-то другого, немцы отказались, и проект не состоялся. Трудности возникли и с проектом, предложенным американцами для издания переписки Ф. Г. Добржанского, о котором я расскажу позже.

И хотя дальше обсуждений проектов с немецкими и американскими коллегами дело не пошло, В. В. Новак как-то отошел на второй план. Его сразу сняли, как только рухнул социалистический строй в Чехословакии, а его преемники явно боялись обвинений в сотрудничестве с коммунистическими учеными из СССР, а после распада СССР с опаской даже говорили по-русски. Это я заметил на конференции в Тарту в феврале 1992 г., мне стало смешно, и все контакты с чешскими коллегами, впрочем как и со многими другими коллегами из социалистических стран, прекратились. Только в последние годы они вновь потянулись к нам, так как оказалось, что Западу они не очень интересны ввиду периферийности их наук, а антисоветизм со временем потерял актуальность.

«УЧЕНЫМ МОЖЕШЬ ТЫ НЕ БЫТЬ, А КАНДИДАТОМ БЫТЬ ОБЯЗАН»

Эта расхожая фраза появилась в начале 1950-х гг., когда профессия научного работника считалась очень престижной. Кандидатов наук в г. Челябинске можно было по пальцам пересчитать, и к ним относились с большим уважением. Поступая в университет, я даже помыслить не мог, что буду писать какие-то диссертации. Но как-то на лекции по истории буржуазной философии М. А. Киссель сказал: «Для того чтобы заниматься спокойно творческой работой, человек по крайней мере должен быть доцентом». А Киссель, по общему мнению нашего курса, был умница. Правда, и он ошибался. Вскоре я узнал, что в СССР ни доцентура, ни даже профессура не дают ощущения стабильности и уверенности. Вообще научная иерархия везде подвижна, динамична, и ученые порой с трудом терпят более удачливых конкурентов, добившихся признания и престижных премий. Человек остается везде один и тот же, дух соревнования в научной среде не менее важен, чем в спорте, а единицы измерения достижений не поддаются формализации в очках, секундах, голах, килограммах. Но стартовой дорожкой для восхождения наверх всегда служит кандидатская диссертация.

Выше уже я говорил, что на философском факультете в период моего обучения были неординарные творческие личности. Защита докторских диссертаций М. С. Кагана, Н. М. Кейзерова, А. С. Мамзина, В. А. Штоффа и других становились событием. Они проходили в самой большой 150-й аудитории, в которую набивались битком. В аспирантуре оставляли в основном ярких студентов, выделявшихся чем-то из студенческой массы и уже что-то сделавших. Традиционно была сильна кафедра логики. Помню, как В. А. Штофф расхваливал Борю Федорова, а мы сами с интересом слушали доклад аспиранта отделения научного коммунизма Валеры Крамника о сущности власти. Защиты кандидатских диссертаций также собирали аудитории, не сравнимые с заседаниями специализированных советов в наши дни, особенно в разгар кризиса, когда порою кроме диссертанта и оппонентов (и их отзывы иногда зачитывались) присутствовали три-четыре члена Совета во главе с председателем и ученым секретарем. Теперь обязали даже вести видеозапись заседаний, чтобы заставить членов совета присутствовать на защитах.

Торжественно были обставлены защиты и учеников К. М. Завадского, каждая из которых становилась событием, привлекая внимание не только философов, но и биологов. Как правило, приходило много отзывов. Всегда можно было сказать, что нового внес соискатель в решение исследуемой проблемы. Например, Михаил Иванович Сетров первым дал анализ тектологической концепции А. А. Богданова и положил начало системному анализу советских биологических исследований; Арнольд Михайлович Миклин на историко-биологическом

материале разработал проблему критериев прогресса; Александр Аркадьевич Корольков разработал проблему меры в биологии и медицине; Анатолий Павлович Мозелов раскрыл философские корни неоламаркизма; Томас Якубович Сутт истолковал феномен направленности эволюции с позиции теории естественного отбора; Владимир Семенович Вишаренко предложил классификацию типов детерминизма в биологии и др. Нередко эти работы становились базой для докторских диссертаций. Так, кандидатская диссертация Александра Борисовича Георгиевского по преадаптации стала исходным пунктом для написания фундаментального труда по адаптиогенезу. Были, конечно, и случаи, когда докторские диссертации не содержали принципиальной новизны по сравнению с кандидатскими. Не зря на вопрос, почему кандидатские лучше докторских, отвечали, что кандидатские пишут доктора наук (т.е. научные руководители), а докторские — кандидаты.

Вскоре после поступления в аспирантуру я осознал ошибочность оптимистичной оценки Завадского, что подготовка диссертации не потребует много времени. На самом деле практически все надо было начинать сначала. Диплом я писал в основном на историко-научном и биологическом материале. А диссертацию предстояло защищать по специальности «философские проблемы биологии»; что это такое, точно никто сказать не мог. Зато некоторые члены Совета, где мне предстояло защищаться, априорно знали, какая диссертация является философской, а какая нет. Пришлось искать название, которое устраивало бы самых рьяных борцов за чистоту философии. Остановились на теме «Проблема изменяемости законов органической эволюции», но здесь вставал целый ряд проблем, не решенных ни в философии, ни в биологии. Прежде всего предстояло выяснить, что такое закон вообще и закон органической эволюции в частности. Сама постановка вопроса о возможной изменяемости законов вызывала у философов приступ негодования. Их учили, что законы меняться не могут, потому что они законы. Об этом однозначно сказал Сталин, и никто ничего путного ему возразить не мог даже через 20 лет после его смерти.

Не меньше сложностей возникло и с историко-научной частью, поскольку в эволюционной биологии эта проблема в явном виде не ставилась и не обсуждалась. Приходилось привлекать большой массив литературного материала из исторической геологии и палеонтологии, где поднимались и обсуждались сходные вопросы и роль актуализма в историческом познании. И наконец, в самой эволюционной теории эта проблема не была даже поставлена, не считая кратких высказываний по этому поводу И. И. Шмальгаузена и С. С. Шварца, а также работ Ю. И. Полянского о частной теории эволюции простейших.

Вообще это беда всех выпускников вузов: когда начинаешь исследование, оказывается, что книжное знание учебников и знание исследователя — вещи совершенно разные. Особенно это верно для философии. Мы, конечно, знали не мало, покидая факультет. Но мы знали все ни о чем и ничего обо всем. К тому же выяснилось, что одно дело, когда студент в дипломной работе рисует какие-то натурфилософские схемы, подкрепленные разрозненными фактами, другое дело — диссертация. О трудностях написания первых работ у Завадского я уже говорил. И мне, с моей привычкой к легким успехам, было тяжело получать от Завадского свои тезисы, все исчерканные замечаниями и исправлениями, с едкими репликами. Ведь я был так

уверен, что первый в мире пишу об эволюции эволюции в глобальном масштабе, а тут тебе демонстрируют, что ты и писать-то не умеешь.

Завадский заметил мое отчаяние и провел беседу. Смысл ее состоял в том, что, конечно, в науку идут люди, жаждущие успеха и благодарности всего человечества. Но надо привыкнуть к мысли, что ты далеко не первый и не лучший. Достаточно осознать, что ты сможешь быть среди тех 100 тысяч, которые первые, а остальные 250 миллионов останутся позади. И еще он сказал мне, что в науке способности важны, но не они определяют конечный успех. Способности без готовности к повседневному труду, поглощающему все время, ничего не стоят. Не менее важно, какая у аспиранта задница и сколько штанов он готов истереть, готовя диссертацию. К сожалению, своих учеников я не могу убедить в правильности подобных суждений. Они начинают говорить про семью, детей, необходимость зарабатывать деньги. Это все правильно. Но нельзя ждать хорошей диссертации, написанной по принципу: землю попашешь, попишешь стихи. И пока каждый аспирант во время подготовки диссертации не будет избавлен от забот о хлебе насущном, не стоит ждать прорывных работ. И вся история великих открытий тому свидетельство.

С большим трудом, с помощью Завадского, я написал первые тезисы «О катастрофизме и униформизме в биологии XIX века». Вторая моя публикация вышла в изданиях ленинградских секторов Института философии АН СССР. Большую помощь в ее редактировании оказал А. Б. Георгиевский. Но только где-то к концу 2-го курса аспирантуры перо приобрело какую-то твердость, исчезли трудности в удобоваримом изложении мыслей. Структура диссертации осталась примерно та же самая, что в дипломной работе, а впоследствии в видоизмененном виде она перешла в книгу «Эволюция эволюции». Работать пришлось много, я никогда раньше в жизни столько не работал, почти каждый день с утра до позднего вечера. Ежедневно в библиотеке просматривал 15–20 книг и статей. И сорвался, заработал бессонницу, не спал нормально почти полгода. Никто не мог мне помочь, пока один знакомый матери не дал простой народный рецепт: пить луковый сок с медом.

Сложно было привыкнуть и к реалиям аспирантского общежития АН СССР, которое находилось на бывшей Яковской улице, — это между ул. Жака Дюкло и пр. Мориса Тереза, недалеко от гостиницы «Спутник» и лесопарка «Сосновка». Там было два здания, соединенных столовой. Было очень удобно. Академические институты Ленинграда тогда не брали в аспирантуру иногородних, так как потом нельзя было взять их на работу из-за отсутствия прописки. Наверняка М. В. Ломоносов в наши дни не смог бы учиться в АН СССР. В общежитии жили в основном стажеры и целевые аспиранты с Кавказа и Средней Азии. Доминировали грузины, азербайджанцы, армяне, узбеки, было немного таджиков, молдаван, казахов. Русских было мало, в основном из Карельской автономной республики и с Дальнего Востока, где создавался новый центр АН СССР. Аспиранты тяготели прежде всего к своим землякам, нерусская речь звучала на каждом шагу. Было чувство одиночества по вечерам и выходным, так как за годы работы в изыскательской партии и жизни в студенческом общежитии я привык быть все время на людях, и трудно было, что кругом идет гульба, а ты как отверженный.

У большинства моих университетских друзей в те годы появились дети, и наши интересы явно не совпадали. Большую часть свободного времени, которого было немного, я проводил с подругами, которых мучил рассказами о моей

диссертационной работе. Особенно, видимо, тяжело приходилось студентке психологического факультета Инне Безбородко, у которой в то время тоже шел непротой период адаптации к жизненным реалиям. От природы наделенная способностями и острым критическим умом, она в дипломе не согласилась с теоретическими установками своего научного руководителя, знаменитого во всем мире специалиста. В результате ее не только не оставили в аспирантуре, но и долгое время она не могла устроиться на работу по специальности. Ситуацию осложнял и пресловутый пятый пункт. Впоследствии ей пришлось пережить немало перипетий, но она оказалась стойкой и, оказавшись в начале 1990-х годов в США, не только выжила, но подняла на ноги дочерей и организовала собственное достаточно успешное предприятие, работая психотерапевтом. Меня она разыскала в начале 2000-х гг., и с тех пор мы с ней периодически поддерживаем переписку.

Кире Брайниной — студентке Санитарно-гигиенического института — в те годы также пришлось много узнать о моей диссертации. Она эмигрировала в США еще в конце 1970-х гг. и, будучи сильным и волевым человеком, встроилась в тамошнюю жизнь и получила медицинскую практику.

Возвращаясь в общежитскому быту, должен отметить, что были, конечно, некоторые недоразумения на национальной почве при естественной консолидации по землячествам. Аспиранты из республик, которые впоследствии первые откололись от Союза, уже тогда держались особняком. Но в целом мне удавалось находить общий язык с представителями разных национальных диаспор. Хорошие отношения у меня были с азербайджанцами, так как на 1-м курсе я жил с одним из них. На 2-м курсе я жил вдвоем с узбеком Игамом Кадыровым, археологом из Ферганы. Когда мы обсуждали политические проблемы, он вначале не раз говорил, что рано или поздно поднимется восстание по освобождению от господства русских, которых он обещал всех вырезать. И я его в шутку называл «великий вождь национально-освободительного движения Средней Азии». К концу нашего совместного проживания он сказал, что я его перевоспитал и теперь он всем будет говорить, что по национальности он человек, а узбек — это его кличка и, вообще, русские ему более симпатичны, чем узбеки. Его рассказы обо мне, видно, произвели впечатление на его земляков, и ко мне хорошо относились почти все аспиранты-узбеки.

На самом деле, конечно, не столько совместное проживание, сколько работа над диссертацией способствовала воспитанию чувства интернационализма у приезжих. Учителя у них были русские, на работе неизбежно завязывались дружеские связи со сверстниками — чаще всего на всю жизнь. Благодаря русским учителям и друзьям они лучше понимали русскую культуру, особенности нашей национальной ментальности. Сейчас принято ругать все связанное с нашей «особостью». Это естественная реакция на квасной патриотизм, да еще в советском исполнении, когда мы были «впереди планеты всей» и считали себя старшими братьями. На самом деле жизнь в общежитии выгодно высвечивала многие качества русского характера и ленинградского стиля общения — способность, перешагнув через национальные предрассудки, бескорыстно прийти на помощь гостю, дружелюбие, широту взглядов на мир, оппозиционность власти и т. д. и т. п. Поэтому я думаю, что все, что происходило в общежитии, играло важную роль в воспитании интернационального сознания. Несмотря на то что аспиранты были прикомандированы, защищались они обычно у нас, спрос с них был настоящий, они писали диссертации высокого качества.

Поэтому для многих из них здесь прошло не три, а пять и семь и десять лет. Особых поблажек национальным кадрам тогда не делали.

Позднее в общежитии я познакомился с Александром Ивановичем Кафановым, очень задиристым и активным выпускником Ростовского университета, приехавшим поступать в аспирантуру Зоологического института АН СССР. К тому времени у него уже было более 10 публикаций, он был восходящей звездой зоологии и вдруг неожиданно срезался на экзамене по истории КПСС. К счастью, директор Института биологии моря АН СССР академик А. В. Жирмунский пригласил его к себе на работу во Владивостоке. Там Кафанов сдал кандидатские экзамены и приехал в целевую аспирантуру. Он был типичным трудоголиком, для кандидатской диссертации выписывал целые коллекции из разных стран. По окончании аспирантуры он уехал во Владивосток, его карьера была стремительна, но ранний инсульт ограничил подвижность. Но Александр Иванович оказался мужественным человеком, защитил докторскую диссертацию, создал свою школу, стал крупнейшим в мире знатоком моллюсков, гидробиологом, биогеографом и экологом, автором восьми фундаментальных монографий. Его юбилей — 60 лет со дня рождения — был заблаговременно отмечен в календаре знаменательных дат Приморья. Но нам не удалось его отпраздновать.

Благодаря долгому общению с Кафановым я понял, как тяжело добываются сведения для каждой строки в биологической диссертации. Поучительно было наблюдать и за работой будущего крупного ихтиолога Аркадия Владимировича Балущкина, с которым я познакомился благодаря Кафанову и который стал моим ближайшим другом на долгие десятилетия. Со стороны мы, вероятно, представляли собой странную троицу без конца подкальывающих и разыгрывающих друг друга. Но нам всегда было интересно вместе. Оба они стали как бы мостом, связывавшим меня с Зоологическим институтом, в котором я с аспирантских лет чувствовал себя уютно и где у меня со временем появилось много друзей и коллег в разных отделах и лабораториях.

Более полутора лет аспирантуры я потратил на первую главу диссертации, где обсуждалась, как мне сейчас понятно, схоластическая проблема изменяемости законов. В отечественной философии господствовало сталинское утверждение, что законы не меняются, а только сходят со сцены. Чтобы убедить философскую публику в обратном, пришлось прочитать много книг по диалектике, многие из которых показались мне схоластическими. В итоге я написал главу, которую Завадский одобрил. Впоследствии она произвела сильное впечатление на философов своей диалектообразностью в трактовке соотношений неизменяемости и изменяемости, формы и содержания, соотношения закона и фактора и т. д.

Конечно, высказывания классиков марксизма, имеющих прямое отношение к обсуждаемой теме, я использовал в тексте, полемизируя с некоторыми из них. Что касается партийных документов, постановлений съездов, то я на них не ссылался, хотя это было принято делать даже в диссертациях по естественным и техническим наукам. Профессор В. П. Рожин, заведующий кафедрой диалектического материализма для философского факультета, где проходила моя защита, указал на этот существенный недостаток работы. Я ответил, что, мол, руководствовался духом партийных решений по творческой разработке философии марксизма, поэтому формальные ссылки счел неуместными. Рожин, как

я уже говорил, был умным и порядочным человеком, он не стал настаивать на исправлении, а официальные оппоненты также закрыли глаза на подобный отход от шаблона.

Дальше все пошло проще. За полгода до конца аспирантуры я сдал Завадскому на проверку всю диссертацию и отбыл на летние заработки в Западную Сибирь, калымить в вольных бригадах. Вскоре вышло из печати несколько моих статей, в том числе подготовленных совместно с Завадским. О диссертации стали говорить одобрительно во время конференции «Организация и эволюция живого», проходившей в Доме ученых в декабре 1972 г. Тема «эволюции эволюции» стала одной из наиболее обсуждаемых. К этому времени А. Б. Георгиевский, не имея жилья в Ленинграде, уехал в Новгород, освободилась ставка, и я не стал возвращаться в Таллинн, так как К. М. Завадский предложил мне остаться в ЛО ИИЕТ. А. В. Кольцов, исполнявший в то время обязанности заведующего ЛО ИИЕТ, с этим согласился. О своем решении он объявил на дирекции, где проходил годовой отчет сектора. Судя по реакции секретаря парторганизации, всегда относившейся ко мне предвзято, с ней этот вопрос, как положено, не согласовали. Тем не менее, работая около 20 лет в секторе А. В. Кольцова, она предпочла информацию воспринять как должное, хотя впоследствии не раз указывала Завадскому на неадекватность моего поведения.

Моими оппонентами на защите кандидатской диссертации были доктор философских наук, профессор Федор Федорович Вяккерев и кандидат философских наук Александр Аркадьевич Корольков. Оба они хорошо оценили диссертацию, но я с ними спорил, не соглашался с их критическими замечаниями. Защита проходила в университете. Было более 20 отзывов на автореферат, преимущественно биологов и геологов. Как я уже говорил, на Совет большое впечатление произвел отзыв академика С. С. Шварца. На защите было много людей, аудитория не вмещала всех желающих. Я прошел единогласно, был лишь один испорченный бюллетень. Как мне сказали, его бросил слепой профессор, которого в зале не было, всю защиту он проходил по коридору, но свою «объективную» оценку сделал. Еще больше я расстроился, когда узнал, что при утверждении на Большом ученом совете, который обычно только штампует решение кандидатского совета, около 20% состава проголосовали против. Как я понимаю, это все были те, кто не видел, не читал, не слышал, но знал мое отчество, и для них это было главным критерием в науке. К тому времени главный борец с позитивистами и евреями на факультете был уволен за пьянство и слабость по части студенток, но дело его явно продолжало жить.

Я был не прочь продолжать заниматься этой темой и дальше: уточнять, развивать, углублять, дополнять. Но у Завадского были другие планы. Он мне сказал, что далее должна быть тема сугубо историко-биологическая. Я хотел заняться эволюцией поведения, но у Завадского один из аспирантов, Василий Иванович Стрельченко, уже работал по близкой тематике, и он поручил мне заняться эволюцией биогеоценозов. Я уже начал собирать материал, но затем Завадский посчитал, что мы вместе с ним должны подготовить монографию по теме моей диссертации, максимально удалив из нее философию. Таковую книгу мы с ним написали. Она вышла за несколько месяцев до кончины Завадского.

Следует напомнить: Завадский рассматривал историю как способ решения современных теоретических проблем эволюции. Именно так он нас воспитал, так

готовилась и книга «Эволюция эволюции», которая, как мы с Завадским тогда верили, наметит стратегию развития эволюционной теории. Книга стала широко известной, даже модной. Ее цитировали и продолжают цитировать биологи, геологи и философы, психологи и даже физики, математики, экономисты, лингвисты. Она была включена в учебные программы по эволюционной теории, ее изложение можно было встретить в ряде учебников.

Недавно я прочитал в одном американском журнале статью «Эволюция эволюции», авторы которой уверяют, что они впервые стали говорить об этом. Они даже не знают, что их соотечественник, крупный генетик А. Шелл ещё в 1936 г. написал целую главу об эволюции генетического аппарата и назвал её «Эволюция эволюции».

РЕОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПЕРТУРБАЦИИ

В начале 1970-х гг. Ю. С. Мелешенко поднял вопрос о реорганизации ЛО ИИЕТ в институт, который занимался бы не только историей науки и техники, но и современными социальными и методологическими проблемами. Этот проект был поддержан в Ленинградском обкоме КПСС. Этим планам не препятствовал и директор ИИЕТ АН СССР Б. М. Кедров, на коленях у которого Мелешенко еще в детстве посиживал. Планировалось, что в новом академическом институте наряду с проблематикой научно-технической революции, останется и история науки, и науковедение. Заместителю Кедрова С. Р. Микулинскому была очевидна утопичность подобных планов, но при таком раскладе сил ему оставалось только наблюдать, как из-за личных амбиций под угрозой оказывается судьба истории науки в Ленинграде. Довольно быстро проект был преобразован в объединение на базе ЛО ИИЕТ всех секторов московских институтов, входящих в Отделение философии и права АН СССР. Но все оказалось гораздо хуже. Ведь планируют одни, а решают другие.

В декабре 1971 г. в Ленинград приехали вице-президент АН СССР П. Н. Федосеев и заместитель заведующего Отделом науки и вузов ЦК КПСС Е. М. Чехарин. Они создали в кабинете уполномоченного Президиума АН СССР по Ленинграду Б. Е. Быховского совещание. На нем присутствовали представители всех учреждений, которые предполагалось включить в ИСЭП. Были и заведующие секторами ЛО ИИЕТ. Федосеев и Чехарин, отметив значение ИСЭП, рекомендовали участникам совещания приступить к его организации. Завадский решительно выступил против механического включения ЛО ИИЕТ в состав нового института, подчеркнув, что тематика только двух подразделений — сектора социологических проблем науки и группы методологических проблем техники и технических наук — соответствуют направлению будущего института. Ближится 250-летний юбилей АН СССР, сказал Завадский, и ликвидация ЛО ИИЕТ приведет как к свертыванию исследований по истории Академии наук, так и к прекращению работ в области истории и теории эволюционного учения, которые не вписывались в рамки работ ИСЭП. К сожалению, на этом совещании Завадского поддержал только его ученик А. С. Мамзин. Подводя итоги совещания, П. Н. Федосеев не согласился с их аргументами.

Мы, молодежь, в целом были настроены за новый институт. Мелешенко обещал помочь нам сделать ленинградскую прописку и обеспечить жильем. Но когда проект стал принимать какие-то очертания, выяснилось, что в Президиуме АН СССР он поддержан, но новое учреждение будет создаваться без Мелешенко. Ему там в лучшем случае была уготована должность заместителя директора. Запущенный им процесс «пошел во вред ему», и изменить он ничего уже не мог. Возможно, это как-то ускорило его безвременную кончину 9 мая 1972 г. в возрасте 50 лет.

Во время траурного митинга на кладбище все поклялись продолжить его дело. На следующий день представители от ЛО ИИЕТ вместе с Микулинским поехали в обком доказывать, что Юрий Сергеевич неверно оценил научный потенциал возглавляемого им учреждения. В нем в основном работают историки науки и техники, биологи, но нет специалистов по научно-технической революции, не считая нескольких неостепененных сотрудников его группы. На некоторое время решение вопроса при активном сопротивлении со стороны московского института, возглавлявшегося с 1973 г. Микулинским, всячески затягивалось. У нас обязанности заведующего отделением исполнял А. В. Кольцов, который не хотел ничего слушать о каких-либо реорганизациях.

Смена руководства ИИЕТ в Москве произошла своеобразно. Научный и политический авторитет Б. М. Кедрова был высок. Он был редким исключением среди философов-академиков, пользовавшихся уважением естествоиспытателей. На фоне сталинских философов-пропагандистов типа М. Б. Митина, П. Ф. Юдина, Ф. В. Константинова, Бонифатий Михайлович сиял яркой звездой, был очарователен, остроумен, демократичен. Со всеми сотрудниками здоровался за руку, правда, тут же забывал, с кем поздоровался. Однажды я был удостоен чести с интервалом в две минуты дважды пожать ему руку. Сын друга В. И. Ленина, одного из организаторов ЧК Михаила Кедрова, расстрелянного в 1941 г., Бонифатий Михайлович свою долю гонений получил в начале 1950-х гг. Однако не пал духом и в ожидании ареста занялся изучением архива Д. И. Менделеева, подготовил знаковую книгу о его открытии. Хорошо читались и его труды по классификации наук. Правда, со временем он увлекся написанием всякого рода толстых книг о взглядах классиков марксизма на естествознание, и читать их всерьез было уже невозможно. Кедров — автор 169 книг. Сравнивая его с Ю. Олешей, я как-то охарактеризовал его творчество так: «Ни дня без печатного листа». В докомпьютерный век такая продуктивность была редка, а метод «Реклю», т. е. «режу, клею» был доступен далеко не всем. Кедров остается уважаемой фигурой в академическом истеблишменте, возглавляемом его учениками и почитателями. О нем пишут диссертации, воспоминания, а моя коллега из Циньхуанского университета Бао Оу защитила по Кедрову диссертацию. Вообще Кедров очень популярен в Китае, его труды считаются образцом разработки диалектического материализма на базе естествознания.

При таком творческом горении Бонифатию Михайловичу некогда было заниматься текущими делами в институте, и он поручил их вести Семену Романовичу Микулинскому, биография которого была запятнана так, что вряд ли он мог рассчитывать на какой-либо карьерный рост. Комсомольский активист Микулинский попал в плен в первый год войны, — каким-то образом сумел выжить, после освобождения побывал в сталинских лагерях, но и там не пропал. В 1949 г. он окончил философский факультет Московского университета, аспирантуру и защитил диссертацию под руководством крупного палеонтолога Л. Ш. Давиташвили, который активно поддерживал Т. Д. Лысенко. В таком духе были и первые публикации Микулинского по истории биологии, готовящиеся в период пресловутой борьбы с космополитизмом. В институт он пришел в 1952 г. Микулинский, бесспорно, был человеком очень ярким, самобытным, способным очаровывать людей, заводить связи в верхах, включаться в сложные социальные сети, формировать вокруг себя коллективы единомышленников. Выбранный Кедровым в 1963 г. на пост главного

помощника, Микулинский трудился днем и ночью, не щадя сил, быстро стал центральной фигурой в Институте, но во всем послушной Кедрову.

Чтобы Микулинскому легче было решать вопросы в различных инстанциях, особенно в аппарате Президиума АН СССР, где важным было академическое звание, Б. М. Кедров добился его избрания в 1968 г. в члены-корреспонденты АН СССР, что было нелегко, так как биологи помнили ранние публикации Семена Романовича. В 1973 г. после тяжелой болезни скончался директор Института философии П. В. Копнин, замену которому было найти нелегко, так как вокруг замещения подобных постов начиналась длительная борьба разных философских группировок, имевших своих покровителей в высших эшелонах власти. Поиск осложнялся и тем, что Копнин был творческой личностью, ратовал за обновление марксистской гносеологии, что не нравилось ортодоксам ни среди философов, ни среди партийных лидеров. С другой стороны, последним было уже ясно, что надо назначить творческую личность.

Принятие решения ускорил академик Болгарской академии наук Теодор Павлов, автор весьма посредственных книг о ленинской теории отражения, но по совместительству член Политбюро Коммунистической партии Болгарии, имевший возможность прямого выхода на Л. И. Брежнева. Он пригрозил в секретариате ЦК КПСС, что пожалуется Брежневу на затягивание вопроса с назначением директора, который был необходим в связи с предстоящим в Москве Всемирным конгрессом философии. Его трудно было готовить в отсутствие директора Института философии, отвечавшего за всю работу. Кто-то решил, не тратя время на длительное согласование, назначить Б. М. Кедрова исполняющим обязанности директора Института философии, сохранив за ним до следующих выборов и пост директора ИИЕТ АН СССР. Кедров с этим согласился. Быть директором Института философии было престижней, чем ИИЕТ АН СССР. Философии уделяли большее внимание, сам институт был гораздо больше, тематика исследований разнообразнее.

Конгресс был проведен успешно, и ничто, казалось, не предвещало Кедрову беды. Но его недруги-ортодоксы не дремали. В 1974 г. на заседании Отделения философии и права АН СССР, где в один день проходили выборы директоров ИИЕТ и Института философии АН СССР, вначале Кедрову выразили благодарность за успешное многолетнее руководство ИИЕТ и избрали новым директором С. Р. Микулинского. Затем при выборах директора Института философии против кандидатуры Кедрова выступили Б. М. Митин и другие философы-пропагандисты. В итоге в один день он перестал быть директором двух институтов. Ситуация стала для Кедрова особенно тягостной из-за того, что он вернулся в Институт, в котором недавно был полным хозяином и который теперь возглавлял выдвинутый им человек, желавший править самостоятельно, а не быть на побегушках у вырастившего его академика. Естественно, ситуация, отягощенная особенностями противостоящих лидеров, изначально была чревата конфликтами. Все это сказывалось на обстановке в ИИЕТ, что было безразлично и для Ленинграда.

Осенью 1974 г., когда ЛЮ ИИЕТ возглавлял доктор медицинских наук профессор Николай Александрович Толоконцев, планировавший вместе с К. М. Завадским развернуть исследования по истории и методологии охраны окружающей среды, прежние идеи о создании нового Института ожили. Средств, как всегда, не было, и его решили организовать на базе не только ленинградских учреждений Отделения философии и права, но и Отделения экономики АН СССР. Здесь совпали интересы

и партийного руководства Ленинграда, и академического начальства. С одной стороны, обкому нужен был свой карманный академический институт, который занимался бы политическими, экономическими и социальными исследованиями. С другой стороны, академическому руководству не нравилось, что в Ленинграде расплодилось масса всяких филиалов, отделов, секторов. Все они функционировали на уровне самостоятельных организаций и обращались со своими нуждами и требованиями прямо в Президиум Академии наук, порой минуя головные институты в Москве. Представители общественных наук ввиду размытости критериев их труда порой трудно уживаются друг с другом, у них нередко возникают склоки. Их они несли на суд в ЦК КПСС, поскольку над ними не было партийной организации института. А из ЦК их жалобы спускались для разборки в обком, который был бессилён принимать кадровые решения, так как головные институты были в Москве. В общем, для объединения академических учреждений по общественным наукам под одной крышей было немало причин объективного и субъективного порядка,

В итоге в планируемый институт решили согнать философов, экономистов, социологов и нас, историков науки. Рассматривая проектируемый институт как некий реферативный придаток обкома, его решили назвать Институтом социально-экономических проблем. Аббревиатура — ИСЭП звучала как имя некоего древнеегипетского бога, что, возможно, зачаровывало высокое начальство. Предложение было поддержано Секцией общественных наук АН СССР, а также в отделах науки ЦК КПСС и Ленинградского обкома КПСС, так как оно понравилось первому секретарю Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романову, который незадолго до того стал кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. Романов старался на практике воплотить идею о превращении науки в непосредственную производственную силу и считал, что академическая наука должна помочь обкому эффективно решать идеологические, политические и экономические задачи. Кроме того, ему надоело, что отдел науки обкома разбирался с бесконечными склоками внутри ряда ленинградских секторов, отделов и отделений московских институтов. Создание единого института означало и появление партийных организаций, которые и должны будут разбираться с эпистолярным творчеством отдельных ученых. Романову удалось добиться соответствующего решения секретариата ЦК КПСС от 31 октября 1974 г., а затем и Президиума АН СССР.

Большинство сотрудников ЛО ИИЕТ, научные интересы которых лежали вне тематики ИСЭП, были обеспокоены предстоящей реорганизацией. Выражая эти настроения, общественные организации ЛО ИИЕТ не раз обращались в дирекцию московского института, в партийные органы Ленинграда, ходатайствуя о сохранении ЛО ИИЕТ. Резко боролись против подобного решения руководители Отделения экономики АН СССР, понимая, что партийное руководство и наука — вещи несовместимые. Запоздалые маневры ряда видных ученых-академиков (математиков и экономистов), включая уходящего в отставку М. В. Келдыша, предвидевших гибель многих научных направлений в новом институте, не дали результатов. Около десяти ленинградских академических учреждений, в том числе ЛО ИИЕТ, упразднили, а их штаты и бюджеты передали в ИСЭП.

Однако Микулинскому удалось добиться, что в ИСЭП ушли только сектор социологических проблем науки и группа методологических проблем техники и технических наук, а сектор истории Академии наук и Музей М. В. Ломоносова

временно были сохранены в качестве ленинградских секторов ИИЕТ АН СССР. Их руководителем в 1975–1978 гг. был Б. И. Иванов. Связано это прежде всего с тем, что надо было проводить торжественные мероприятия, посвященные 250-летию юбилею АН СССР: организовывать выставки, готовить юбилейные издания, а главное, писать доклады для академического руководства. Ведь в 1974 г. празднование юбилея было отменено, так как М. В. Келдышу не понравился доклад для торжественного заседания, подготовленный спичмейкерами из аппарата. Было ясно, что сектор истории Академии наук пока трогать нельзя. Не знали, куда девать и национальную «святыню» — Музей М. В. Ломоносова. Идея о том, что его можно присоединить к Кунсткамере, никому в голову не приходила. Все помнили, что там он уже был, явно не прижился, и незадолго до того его передали в ЛО ИИЕТ.

Удалось отстоять свой сектор и К. М. Завадскому, который пошел на прямой конфликт с партийными органами и академическим руководством. Тогда все цепенели при звонках «сверху» из партийных органов. Завадский относился к ним достаточно пренебрежительно. В разгар событий, в ноябре 1974 г., ученый секретарь ЛО ИИЕТ Б. И. Иванов срочно вызывал Завадского на работу, так как какой-то инструктор Отдела ЦК КПСС хочет с ним встретиться. Завадский не пожелал менять свой график и попросил передать инструктору, в какой день и в какой час он сможет застать его на рабочем месте. Как раз в этот момент я был у него на квартире, мы редактировали совместную книгу. На мой вопрос, почему он так реагирует на высокое партийное начальство, Завадский ответил, что на самом деле разница между инструкторами ЦК КПСС и обкома КПСС только одна: инструктор ЦК просит о помощи при подготовке докторской диссертации, а инструктор обкома — кандидатской.

В письме к П. Н. Федосееву Завадский заявил, что тематика сектора ни при каких обстоятельствах не может быть ликвидирована, а использование специалистов, подготовленных для историко-критических исследований в эволюционной теории, по другому профилю «было бы совершенно иррационально». Завадский предупредил, что возглавляемый им коллектив отказывается «принять условия перехода в ИСЭП» и не может «свернуть тематику сектора и развернуть исследования в новых направлениях». Его поддержали директора всех биологических институтов Ленинграда, академики и члены-корреспонденты АН СССР. Тогда к академикам относились с достаточной степенью почтения. И когда их петиция поступила в Президиум АН СССР, она произвела большое впечатление. Федосееву было поручено уладить конфликт, он лично позвонил Завадскому, заверил, что ничего нельзя сохранить, что оставшиеся сектор истории Академии наук и Музей Ломоносова просуществуют как части ИИЕТ только до конца юбилейных мероприятий, а затем будут переданы в другие академические гуманитарные учреждения, и вообще в Ленинграде не останется никаких частей московских институтов, а будет создан некий Ленинградский институт гуманитарных наук. В этих условиях Завадский попросил передать сектор в Ботанический институт АН СССР (БИН). Готовность принять сектор высказывали также директор Института эволюционной физиологии и биохимии им. И. М. Сеченова АН СССР Е. М. Крепс и директор Зоологического института АН СССР О. А. Скарлато.

В результате волонтаристских действий партийного и академического руководства распался хороший, творческий и работоспособный коллектив ЛО ИИЕТ, что нанесло удар по историко-научным исследованиям в Ленинграде. Одновременно

загубили несколько продуктивных, работавших на мировом уровне секторов и филиалов московских академических учреждений по социологии и экономике. В конечном счете они не сохранились в ИСЭП, откуда со временем ушли практически все крупные ученые, включая и В. А. Ядова и С. А. Кугеля, которые затем некоторое время работали в ЛО ИИЕТ. Однако и начальство с созданием ИСЭП не обрело желанного покоя. Близость к властям обострила конфликты внутри наспех слепого из разнородных частей коллектива, начались поиски и изгнания инакомыслящих, подбор и расстановка кадров в соответствии со вкусами обкомовских чиновников, выявляющих скрытых сионистов и ревизионистов, и т. д. Институт стремительно терял академический облик, от окончательной деградации его спасли перестройка и разделение на три отдельных учреждения: Институт проблем региональной экономики, Санкт-Петербургский экономико-математический институт и Институт социологии.

В БИНе для сектора истории и теории эволюционного учения вначале все складывалось хорошо. Реорганизация свелась к переименованию его в лабораторию. Сектор оставался в помещении ЛО ИИЕТ, на Таможенном переулке, д. 2. Только зарплату стали получать в Ботаническом институте. Горячим сторонником перехода сектора в БИН был ученый секретарь Института Д. В. Лебедев, его поддерживал директор БИН, член-корреспондент АН СССР А. А. Федоров. Все предложения и планы Завадского были приняты и одобрены Ученым советом БИН, который рекомендовал «сохранить все сложившиеся научные и координационные связи с ИИЕТ» и активнее участвовать в научных и методологических семинарах. Старшее поколение БИН ценило К. М. Завадского за помощь в борьбе против Т. Д. Лысенко, когда БИН был центром этой борьбы и поддержка Завадского как заведующего кафедрой дарвинизма в ЛГУ была важна, так как соответствующую кафедру в МГУ возглавлял лысенкоист Ф. А. Дворянкин. Многие сотрудники БИН были учениками Завадского или знакомы с ним с 1932 г., когда он создавал Ботанический музей. Его книги о виде были написаны в основном на ботаническом материале.

Нас сразу подключили к проведению XIII Международного ботанического конгресса, в котором участвовали более 7 тысяч человек. Во главе Оргкомитета формально стоял председатель Совета министров А. Н. Косыгин. Мне пришлось работать в гостиничной комиссии. Это позволило еще раз убедиться в отсутствии организационных способностей у многих академических сотрудников. Человеку, имевшему опыт работы на производстве, удивительно было слышать долгие дискуссии о том, что и как делать. В решающий момент оказывалось, что все идет не так, как планировалось, все растеряны, воцаряется хаос, хотя в комиссии было более 200 человек, из них десятки готовились к проведению конгресса несколько лет. Через несколько дней после начала повседневной работы значительная часть руководящих функций оказалась на мне, к радости председателя комиссии Т. Б. Батыгиной и ее заместителя Э. С. Терехина, которым не хотелось терять время в ущерб контактам с зарубежными коллегами. И их можно было понять. Ведь конгресс давал им в те годы уникальную возможность пообщаться со специалистами из разных стран в своих областях знания.

Наш штаб находился в конце коридора на первом этаже в гостинице «Октябрьская» в 50 метрах от входа, где шла вся основная работа: прием приезжих, распределение по гостиницам, командование такси и т. д. Приходилось все время ходить

взад-вперед от телефона к входу. По телефону постоянно кто-то не мог дозвониться, а порой это были очень высокопоставленные люди, не привыкшие ждать. Была и масса накладок, главная из которых заключалась в том, что по приказу Косыгина во все гостиницы, предназначенные для участников конгресса, запретили селить людей за несколько дней до начала конгресса. Гостиницы пустовали, терпели убытки, и их директора угрожали, что начнут вселять в забронированные номера. У кого-то сдавали нервы и голова шла кругом от бардака, царящего у нас в стране. До этого я не мог представить, чтобы в СССР могли приезжать люди без визы, проходить каким-то образом паспортный контроль, добираться до гостиничной комиссии, а здесь приходилось решать, что с ними делать. А решать никто не хотел, так как сотрудники КГБ, понимая, что кому-то за это попадет, всячески старались изобразить, что их это не касается.

Однажды в 5.30 утра в гостиничной комиссии появилась группа академиков во главе с 36-летним вице-президентом Ю. А. Овчинниковым, которые должны были приехать через два часа, и для их встречи были выделены специальные люди. А мне о них ничего не было известно, и на просьбу предоставить машины я, к ужасу Т. Б. Батыгиной, ответил, что для них у меня машины не предусмотрены. Она доходчиво объяснила мне, как я не прав, и мне пришлось отыгрывать назад.

В итоге все кончилось благополучно. Все зарубежные участники конгресса были расселены. Но мне еще долго снилось, что я иду вдоль какого-то длинного коридора и конца и края его не видно. И хотя я, как и многие другие члены гостиничной комиссии, страшно устал, ведь в течение более чем недели спать приходилось лишь 2–3 часа в сутки, эту работу я вспоминаю с удовольствием. К сожалению, за исключением Аллы Проскуновой, которая работала тогда в нашем секторе, я не помню фамилий девушек из БИН и ЛГУ, которые самоотверженно выполнили огромный объем работ по приему участников конгресса. В целом конгресс был полезен для меня, еще больше сблизив меня с Э. С. Терехиным. У меня также сложились хорошие отношения с его женой Т. Б. Батыгиной, П. Д. Соколовым, который в связи с болезнью А. А. Федорова около года возглавлял БИН, и ученым секретарем Д. В. Лебедевым.

В России, как известно, нет ничего более постоянного, чем временные решения. После создания ИСЭП о секторе истории Академии наук и Музее М. В. Ломоносова забыли. Узнав, что ЛО ИИЕТ не ликвидирован полностью, Завадский поднял вопрос о возвращении своего коллектива. Этого хотел и С. Р. Микулинский. При очередной плановой проверке ИИЕТ он вставил этот пункт в решение Президиума АН СССР от 12 октября 1976 г., когда слушался отчет о работе ИИЕТ за пять лет. Было рекомендовано вернуть коллектив Завадского в ИИЕТ, так как фактически сектор продолжал работать по плану, согласованному с ИИЕТ. Дирекция БИН не возражала против этого, но решение вопроса затягивалось из-за оппозиции П. Н. Федосеева.

С уходом А. А. Федорова с поста директора и назначением на эту должность академика А. Л. Тахтаджяна стало выясняться, что хотя подразделение Завадского «работает весьма продуктивно и успешно», «направление его научной деятельности не соответствует профилю Института». Вскоре в БИН произошло ЧП. После защиты кандидатской диссертации был банкет, и один из его участников, возвращаясь домой, свалился в Карповку и утонул. А банкеты были строго запрещены.

По требованию обкома началась реорганизация самого БИН. Завадский был встревожен, так как понимал, что Я. М. Галлу и мне, «ущербным» по пятому пункту и с базовым философским образованием, вряд ли удастся устроиться на работу вне БИНа, хотя были заведующие лабораториями в БИН, которые готовы были взять и меня, и Галла, и остальных сотрудников. Но насколько мы могли бы адаптироваться к другой обстановке, окружению, тематике, этого никто не знал.

Завадский, не веря больше обещаниям С. Р. Микулинского о том, что вопрос вот-вот решится, начал переговоры с кафедрой философии АН СССР о переходе нашего подразделения под ее юрисдикцию. Заведующий кафедрой М. Н. Перфильев встретил предложение с энтузиазмом, но резко против выступили некоторые профессора и преподаватели, включая учеников Завадского. Их аргументация заключалась в том, что появление исследовательской структуры, где большинство сотрудников — биологи, создаст нездоровую обстановку на кафедре, где главная задача готовить аспирантов к кандидатскому экзамену. По большому счету, они были правы. Подобное решение могло носить только временный характер, чреватый новыми проблемами в будущем. Неизбежно возникал бы вопрос, почему одни должны читать лекции и вести семинарские занятия, а другие писать книжки. Коллектив кафедры готов был взять только самого К. М. Завадского, но о себе он беспокоился меньше всего.

Узнав о реакции кафедры философии, директор БИН в середине октября 1977 г. попросил вице-президента Ю. А. Овчинникова довести до сведения вице-президента П. Н. Федосеева, что перевод лаборатории Завадского из БИН настоятельно необходим. В случае затягивания с решением вопроса ставился вопрос о расформировании лаборатории, так как от БИН сверху требовали ликвидировать семейственность, покончить с либерализмом в работе Ученого совета, решительно действовать в отношении непрофильных подразделений. Завадского предупредили, что к концу 1977 г. сектор будет ликвидирован, сотрудники распределены по разным лабораториям, где всем придется начинать научную деятельность фактически с нуля. Однако на все просьбы академика-секретаря Отделения общей биологии АН СССР М. С. Гилярова и директора ИИЕТ С. Р. Микулинского выполнить решение Президиума АН СССР П. Н. Федосеев отвечал отказом.

31 октября 1977 г. я приехал к К. М. Завадскому на квартиру. Впервые в жизни я его видел подавленным. Накануне Д. В. Лебедев позвонил ему и сказал об окончательном отказе Федосеева и принятом дирекцией БИН решении раскассировать лабораторию. Хотя Завадский продолжал строить планы дальнейших мер по спасению коллектива, было ощущение, что воля к борьбе ослабла. 2 ноября 1977 г. я был дежурным по лаборатории. Обычно в 10–11 часов утра Завадский звонил и обсуждал текущие дела, ближайшие планы. Не дождавись традиционного звонка, я в 2 часа позвонил сам. Завадский сказал, что болит сердце, а лекарства не помогают. О делах не говорили, чувствовалось, что ему нужен отдых. Но отдохнуть не пришлось. По рассказу его жены Екатерины Сергеевны, около 6 часов он сел смотреть любимую спортивную передачу, матч «Зенита» с какой-то командой. Игра была неинтересной. Кирилл Михайлович пошел прилечь на диван и внезапно почувствовал резкое ухудшение. Екатерина Сергеевна, врач по профессии, не раз спасавшая его в подобных ситуациях уколами, на этот раз оказалась бессильной. Ничем не могла помочь и быстро приехавшая скорая помощь.

К горю, свалившемуся на заводчан, которые искренне любили Завадского и были ему признательны, примешивалось ощущение личной катастрофы, краха всего, что делалось, что считалось как будто бы очень важным, приветствовалось, цитировалось и т. д. Неизбежно в траурные дни всплывал вопрос: «Что делать?» Быстро выяснилось, что с потерей лидера у многих исчезло чувство единой школы, и далеко не все готовы были бороться вместе, помогать друг другу. Были и те, кто не прочь был на себе примерить шапку Мономаха. К счастью, исполняющей обязанности заведующей лабораторией была назначена К. В. Манойленко, которая хотя и не была прямой ученицей Завадского, решила до конца бороться за сохранение созданного им коллектива. И вместе с Т. М. Аверьяновой и Я. М. Галлом они поехали в Москву искать поддержки в Президиуме АН СССР и Отделе науки ЦК КПСС.

Но наибольшую пользу принесло посещение Института антибиотиков АМН СССР, директор которого, знаменитый биолог-эволюционист и эколог Г. Ф. Гаузе, был хорошо знаком с работами нашего коллектива и прекрасно относился лично к Я. М. Галлу. Галл рассказал Г. Ф. Гаузе о нашем положении и попросил помощи. Свои исследовательские работы Гаузе вел совместно с Ю. А. Овчинниковым, о них был осведомлен и президент АН СССР А. П. Александров, так как в возглавлявшемся им Курчатовском институте были подразделения, занимавшиеся изысканием новых антибиотиков. Овчинников обратился к Федосееву с предложением решить это вопрос без проволочек и привлечения президента АН СССР. Опытному аппаратчику Федосееву ни к чему были объяснения с президентом по поводу невыполнения решения Президиума. Да и речь шла о каком-то секторе, за который ходатайствовало так много членов академии, а стоило ли дальше упрямяться? Федосеев решил, что не стоит. И наконец-то столь простой вопрос был решен. С апреля 1978 г. мы снова оказались в ЛО ИИЕТ, который теперь именовался Ленинградским отделом ИИЕТ.

Мне бы не хотелось, чтобы у читателя осталось негативное впечатление от П. Н. Федосеева, столь часто упоминаемого в этом разделе. Я не был с ним лично знаком, книг его не читал и только несколько раз слушал зачитываемые им доклады. За несколько лет до этих событий один из учеников Завадского, радиобиолог Валентин Николаевич Савин, спросил меня, что сделал Федосеев как философ. Я не смог ответить на этот вопрос. Тогда он рассказал мне забавный случай во время пребывания в Индии, куда во главе академической делегации СССР как раз приехал Петр Николаевич. Принимавшие Савина индийцы спросили, кто по специальности Федосеев. «Философ», — ответил Савин. «Конечно, философ, — согласно закивали головами индийцы, — мы понимаем, что такой крупный ученый обязательно доктор философии (PhD). Но какой отраслью науки он конкретно занимается?» Бедные воспитанники англосаксонских колонизаторов так и не смогли понять, как можно быть вице-президентом Академии наук могучей научной державы — СССР, — и никто не может сказать, что же он сделал или хотя бы делает в науке.

Вместе с тем я много слышал о позитивной роли П. Н. Федосеева в развитии социологии, новых неортодоксальных направлений философии. Бывший аппаратчик ЦК КПСС, он, конечно, принадлежал к академическому сообществу номинально, приставленный сверху «бдеть» за идеологической чистотой членов АН СССР и стратегической линией исследований. Но Федосеев явно был ориентирован на настоящую науку и настоящих ученых, по мере сил помогал, а не вредил. При нем окрепли и успешно развивались направления в общественных науках, ориентированные

на мировые стандарты. Мы же просто попали под колесо истории, ведь «наверху» не принято менять решение, даже если оно ошибочно. Для власти признать ошибку — все равно что расписаться в слабости, чего они боятся больше всего. Ошибку можно исправить только по указанию свыше. Да к тому же при рубке леса должны лететь щепки. На этот раз одной из них оказался К. М. Завадский.

Случилось так, что меньше чем через пять месяцев скончался мой отец. Тогда в Челябинске покойник до похорон оставался в доме, и это были три дня непрерывных прощаний. Дверь не закрывалась ни на минуту. Затем траурное прощание в Управлении железной дороги, которое он студентом строил на практике и в котором позднее проработал без малого 25 лет. Хоронили мы его в ясный весенний день, тысячи людей со всей Южно-Уральской железной дороги приехали прощаться. Каждому было ясно, что уходит время бескорыстных командиров производства, не жалевших сил и здоровья ради строительства жилых домов, больниц, детских садов, школ, станций и т. д.

Так скоропостижно я лишился двух главных учителей по жизни. Приходилось становиться полностью самостоятельным, тылы исчезли. Но самое главное, я понимал, что прощался не только с близкими людьми, прощался с эпохой людей, искренне ставящих общественный долг выше личных интересов. А за окном всюду уже расцвел брежневский развитой социализм с его показухой, очковтирательством, пьянкой, казнокрадством, коррупцией и с невнятно бормочущим по бумажке верным ленинцем, пятикратным Героем Советского Союза, в чине полковника выигравшим Великую Отечественную войну. На фоне этого тотального безумия Академия наук сохраняла признаки нормального сообщества, и я благодарен судьбе, что остался в ее стенах, несмотря на все пертурбации.

Из-за болезни Завадский не смог читать лекции по созданной им специализации «философские проблемы биологии». Преподавание меня интересовало прежде всего как возможность общаться с молодежью, которая в целом всегда права, ибо ей принадлежит будущее. Здесь появились мои первые ученики — С. А. Орлов, Д. Е. Любомиров, А. В. Козулина, А. В. Говорунов и другие, ставшие специалистами в области философских вопросов биологии. Преподавание позволяло также систематизировать свои знания в области истории эволюционных идей, макроэволюции и генетики. Это были полноценные курсы по 36–72 часа. В 1973–1974 гг. мы с Я. М. Галлом прочитали также курсы лекций по дарвинизму в Ленинградском сельскохозяйственном институте, а в 1975–1979 гг. читали лекции на курсах повышения квалификации преподавателей дарвинизма и генетики в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена. Небезразличен был и дополнительный заработок, так как денег катастрофически не хватало. Зарплата младшего научного сотрудника, которым я являлся до 1981 г., была скромна. На нее нелегко было прожить и одному. Двое маленьких детей, кооперативная квартира, на первый взнос которой большую часть пришлось одолжить. Жена-учительница должна была часто сидеть с детьми на больничном, а когда она работала, надо было брать няню. Найти приработок было трудно. Помимо работы почасовиком я ежемесячно готовил 15–20 рефератов для журнала «Общая биология». За реферат платили мизер, в среднем 3 рубля. Но эта работа побуждала отслеживать новую литературу в разных разделах эволюционной биологии.

Основной дополнительный доход давали летние заработки на стройке, называемые калымом. О них я хочу рассказать в этом разделе, так как они составляли важную часть жизни многих других молодых кандидатов наук в те годы, не только студентов и аспирантов. И эта тема почти не отражена в художественной литературе, а в мемуарной поднимается, как правило, в рассказах о ложной романтике студенческих отрядов. На самом деле все было не так романтично, так как во время этих калымов удавалось узнать лучше подлинную жизнь.

За 1–2 месяца можно было заработать полугодовую зарплату. Устроиться в калымную бригаду было тяжело, ещё тяжелее в ней укрепиться. Первый раз я попал в бригаду томских студентов, которую возглавлял опытный рабочий Юлий Крылов. Годом раньше в ней работал мой студенческий друг Володя Томилов, но на следующий год он свое место уступил мне, отрекомендовав соответствующим образом. Из любопытства посмотреть на питерского аспиранта или из-за уважения к Томилову меня согласились принять, тем более что я готов был прилететь раньше летних каникул, что важно для того, чтобы вовремя застолбить выгодный объект. По дороге я заглянул в Новосибирск, где после окончания Метеорологического института

обитала моя сестра Марина, а далее полетел в Томск, чуть не угодив в какую-то авиакатастрофу. Летели мы на два часа дольше, чем планировалось, а на аэродроме нас встречали пожарные машины и машины скорой помощи, которые, к счастью, не понадобились.

Бригада встретила меня бурно, молодежь была «крутая», сплошь из деревни, считали себя матерыми калымщиками и выражали сомнения в моих способностях выдержать тяготы каторжной работы, которой вдруг не оказалось. Куда-то материалов не завезли, где-то объект перехватили, и началось ожидание. За это время я бродил по Томску, где негармонично были объединены черты старого сибирского купеческого быта, сталинских бараков, хрущоб и зон. Напротив общежития университета находился лагерь. Большинство зданий советского периода были построены заключенными и выглядели ужасно. Ээки чувствовали себя рабами — а ведь классики марксизма предупреждали, что рабский труд не эффективен. Их российские последователи забыли заветы корифеев. Это отражалось и на обычных жителях. С наступлением темноты по городу ходить было опасно.

Только через две недели после моего приезда нашли объект на севере области, в Каргаске (в переводе с селькупского — Медвежий мыс) Нарымского края, месте ссылок неугодных в царское время и тунеядцев — в советское. Добираться туда надо было 800 км по рекам Томь и Обь на «Ракете». Начальник строительного поезда, сосланный немец, принял нас приветливо, на первых порах давал машину, чтобы съездили в столовую, на реку Обь искупаться, помыться в баню и т. д. Я тогда еще не знал: если начальник приветлив — жди обмана. Так оно и получилось. С материалами было плохо. Пришлось самим выезжать в тайгу, где лежал поваленный лес, распиливать его так, чтобы из него можно было сделать брус 18 на 18 см и 6 м длиной. Трактор подтаскивал его к дороге, но на машины с прицепами мы грузили вручную в несколько слоев. Если добавить, что это происходило при палящем зное и мы с головы до ног были облеплены таежным гнусом, станет ясно, что труд был адский, а оплата мизерная, так как она рассчитана была на эзков. Трудности возникали все время. Например, чтобы достать простой электрический щит для подключения электроинструмента, администрация выписывала наряд на липовую работу, а поселенец, т. е. условно освобожденный, воровал его на соседнем строительном объекте.

Работали мы с утра до позднего вечера, а когда стало рано темнеть, то вечером при свете лампы вели внутренние работы. И в итоге за семь недель бригада из 9 человек построила на болоте водонапорную башню высотой 10 метров, два двухквартирных дома без столярки и отделки и залили огромный фундамент под двухэтажный дом. Для оценки нашей производительности труда приведу такой факт. Когда мы начинали заливать фундамент, одновременно с нами такую же работу выполнял студенческий отряд. У нас работало 5 человек, у них — более сорока. Мы закончили за семь дней, они — за десять. Но при оплате нас обманули по классической схеме. Начальник уехал в отпуск, а заместитель сказал, что ничего не знает и не слышал об аккордной оплате. И мы получили по 900 рублей чистыми, хотя обещали нам по 1500.

Ребята были злы, вели себя на судне шумно, огрызались на милицию, которая тогда еще была народной и не тащила всех подряд в суд за неподчинение органам правопорядка. В целом я был доволен, так как проверил себя на приспособленность к каторжной работе и выдержал ее не хуже некоторых более молодых.

К концу калыма многие из них валились от усталости, кто-то падал духом и отказывался ишачить, и меня бригадир брал с собой на самую интенсивную работу, а если я что-то делал не так, то оценки звучали на изумительном русском языке, который не воспроизводится в печатном виде. На следующий год он только меня и еще одного из бригады (Колю Колобкова) позвал с собой, но надо было ехать в Восточную Сибирь на долгий срок, а у меня отпуск уже был ограничен одним месяцем.

Через 4 года Володя Носов, наслышавшись от Володи Томилова о моем дебюте, предложил своему бригадиру Коле Т. взять меня с собой. Эта была совсем другая бригада. Наряду со студентами и аспирантами в ней было несколько кандидатов наук. Мы вылетели в Котлас, откуда поездом доехали до Жешарта. Это был поселок на берегу огромной реки Вычегды, полностью забитой утопленным сплавным лесом, так что на моторной лодке надо было ездить осторожно из-за угрозы получить пробоину. В последнем случае утопленники были гарантированы.

Жешарт был основан во время войны немцами, выселенными с семьями с Волги для постройки фанерного завода. Говорят, привозили их поздней осенью, оставляя в тайге с набором нехитрого инструмента. Выживали единицы, потомки которых стали старожилками. К ним затем добавились и освобожденные эски. Резко выделялись аккуратные, чистенькие, ухоженные, окрашенные дома немцев и труппы бывших заключенных, а также полуразвалившиеся дома немногих коми-зырян. Над городом стоял дым от сжигаемой древесины, остающейся после изготовления фанеры. К обычным неудобствам добавлялось тухлое мясо в столовой, которое я есть не мог. К счастью, бригадиру удалось договориться, чтобы нас кормили в профилактории.

Объем работы для нашей бригады из 14 человек был небольшим. На недавно построенном пятиэтажном доме была плоская, залитая гудроном крыша, которая текла, ее ремонтировали несколько раз, но все оставалось по-старому. Необходимо было соорудить четырехскатную крышу и покрыть ее шифером. Сложность возникла в том, что для ряда работ требовались специалисты, которых среди кандидатов философских наук было негусто. Но нам повезло.

К нам присоединился полупрофессиональный каменщик Игорь Рожков, калымивший более 15 лет. Личностью он был почти легендарной. В 1961 г. он послал Джону Кеннеди телеграмму с поздравлением по случаю избрания его президентом США и пожеланием успехов в переговорах с Н. С. Хрущевым. До Кеннеди телеграмма, видимо, не дошла, во всяком случае, он не ответил, а вот деканат ее как-то получил. Начались разборки, что и как, да почему, да зачем. Но Игорь держался твердо, настаивая, что хотел способствовать взаимопониманию двух стран и реализации политики мирного сосуществования двух систем, намеченной решениями XX съезда КПСС. На факультете его оставили, но в дипломе написали «без права преподавания». А он искренне любил философию, особенно эстетику, и около 20 лет работал лаборантом на кафедре философии, когда уже все его однокурсники были кандидатами наук, а некоторые и докторами. Но Игорь не унывал, к жизни относился философски, но советскую власть не жаловал. С ним было интересно и продуктивно беседовать. Благодаря ему работа закипела, и проблема заключалась теперь в том, чтобы снабдить его в нужном количестве кирпичом и раствором.

Эта задача частично была возложена на меня с Сергеем, фамилию я его не помню, но тоже личность весьма характерная для философского сообщества. С курса

на курс передавалась история его злоключений, которую он мне подтвердил. Сергей окончил факультет лет за десять до нашего калыма и, отработав по распределению положенный срок, приехал в ЛГУ в аспирантуру, поселился в общежитии в Старом Петергофе. А тут вдруг партком университета решил проверить, как аспиранты и студенты трудятся в рабочие дни. Заглянув в комнату Сереги, спавшего сном праведника, его разбудили и спросили, с какого он факультета и почему не в библиотеке. Сергей со сна вместо ответа поинтересовался, с кем имеет честь говорить, и, узнав, что перед ним первый секретарь парткома, вдруг издал клич: «Вот ты-то мне и нужен!» — и врезал партайгеноссе. Естественно, через час был готов приказ об отчислении, и ему пришлось отправляться в свой институт на периферию. Тем не менее он не терял надежды со временем защитить диссертацию — по-моему, тоже по эстетике или этике.

С ним мы должны были поднятый на кране «Пионер» груз затянуть на крышу, точно опустить в прицеп мотороллера, а затем развести по крыше. Работа была непростая, и Серега быстро начал выдыхаться, засыпая при каждом удобном случае. А ребята внизу (Володя Носов и Саша Вареников) иногда любили пошутить: я кричу: «Майна» (опускай), а они делают вид, что не слышат, ожидая, пока я не объясню им с трехэтажными добавлениями, что я думаю об их работе. Из-за этого бригадира даже вызывали на беседу в поселковый совет, жалуясь, что мои производственные соображения слышны всему Жешарту, а там, мол, дети и женщины. Это звучало особенно умилительно, так как, по моим наблюдениям, все население от грудничков до старцев независимо от национальности знало только матерный язык. Однажды ребята дошутились — повисшая на тросах раскачивавшаяся пачка шифера вдруг соскользнула и уголком попала прямо мне на ногу. Спасло только то, что я был в лесорубских сапогах, где носок железный, но палец все равно посинел, а ноготь сошел.

В бригаде было еще немало колоритных ребят. Но всем им было далеко до местных жителей. Начальник строительного управления завода поселился вместе с нами, чтобы не тратить время на хождение по утрам за опохмелкой, и пил с нашим бригадиром с утра до глубокой ночи, закусывая солью. На объекте появлялся редко. Но когда у нас возник затор с установкой стропил, дал двух профессиональных плотников, которые сделали все как надо и быстро. Рабочий класс был весь из бывших заключенных, полностью спившихся. Зарплату им на руки не выдавали, получали их жены, которые тоже обычно пили, но хоть что-то оставляли детям. С мужьями были суровы, публично били их по мордам, а потом хватали кирпичи и гнали домой, а те, огрызаясь, шли послушно, так как знали, что каждая пробьет голову не задумываясь. Вообще царил полный матриархат. И незамужние, и замужние женщины, обрадованные прибытием молодежи, вели себя достаточно свободно. Их местные возлюбленные, отупевшие от водки, ни во что не вмешивались. По воскресным дням берег реки порой напоминал празднество Ивана Купалы с элементами свального греха.

В целом крышу мы поставили играючи, быстро, никаких проблем в бригаде не возникало. В день отъезда была отвальная, и, глядя на гульбу, бригадир сказал: «Сегодня домой доберется только Колчинский». Так оно и получилось. Выбраться из Жешарта было легко — только сказать пролетающим «кукурузникам», что надо захватить пассажиров, — нечто вроде крылатого такси. Уже в аэропорту, представлявшем собой дощатую будку, выяснилось, что летят только шестеро из тех двенадцати, кто собирался улететь утром. Молодежь не устояла перед

воплями оставляемых подруг и решила ещё потрудиться на благоустройстве Жешарта. В Сыктывкаре выяснилось, что билетов нет и на ближайшие 30 дней все продано. Наши ребята взяли в оборот аэрофлотовских девушек: купили шоколадки, пошутили, похохмили — и в конечном счете все улетели, куда им надо было: Володя Носов — в Москву, а Толя Михеев — в Архангельск. В Ленинград долетели четверо. Нас случайно встретил в аэропорту заместитель бригадира, улетевший раньше, так как у него на юге, у Черного моря, где жила теща, родилась дочка. Столь радостное событие надо было отметить по-настоящему. Мы пошли в ресторан, который, правда, был закрыт из-за позднего часа, но официант, подумав, что мы при больших деньгах, начал суетиться. За ужином счастливый молодой отец убедил трех кандидатов наук, долетевших со мной до Ленинграда, что его жена и теща только и мечтают о том, что они вместе с ним прилетят поздравить новорожденную, и они остались в аэропорту добывать билеты на юг. Как и предсказал бригадир, в тот день я добрался до дома один, и то, наверное, потому, что на следующий день должен был встречать жену и сына из Челябинска. Впоследствии жена мне призналась, что была шокирована моим внешним видом. Соседям по купе она рассказывала, что муж у нее ученый, работает в Академии наук, а здесь является некий уркаган, наголо стриженный и с похмелья.

К сожалению, не у всех остались такие теплые воспоминания о работе в Жешарте, многие были недовольны заработками, начались разборки с бригадиром. Я пытался как-то уладить ситуацию, но бесполезно, люди очень принципиальны, когда дело касается их карманов. Бригадир, правда, лично мне снова предлагал поехать с ним, но мы с Володией Носовым решили отправиться на север Коми в районе Ухты. Новый бригадир имел связи в республиканском комсомольском строительном штабе, достал путевку, дававшую льготы по налогообложению и какой-то процент надбавки в нарядах за отсутствие квалификации. По приезде на место, в большое село, выяснилось, что, как всегда, объект не готов, материалы неизвестно когда завезут, так как во время весеннего половодья не успели, а теперь неизвестно, достаточен ли будет уровень во время дождей, чтобы прошел пароход. Второй же объект уже отдали бригаде с Кавказа, которая, видимо, лучше смогла договориться с начальством. Усугубило положение ещё и то, что один из наших студентов, соблазненный доступностью деревенских женщин, завязал роман с одной из очень любвеобильных особ, но слишком рано ее покинул в ночь любви, и она, оставшись не до конца удовлетворенной, в обиде на него перебила нам окна. Правда, ее отец и брат окна нам вставили, но было понятно: в этом поселке вряд ли будет уютно. Мы, получив компенсацию за авиабилеты и сделав что-то по мелочи, отправились далее на поиск работы.

Сейчас я смутно помню маршрут: грузовик на таежной дороге, представлявшей собой болото с утопленными в нем несколькими рядами бревен; переправа через широкую речку на полудырявой лодке, из которой приходилось все время вычерпывать воду, чтобы она не затонула, затем неизбежный «кукурузник» в Сыктывкар. В Сыктывкаре решили разделить, чтобы искать объекты. Я слетал в Жешарт, договорился с прежним начальником о работе, но, вернувшись, обнаружил, что найден другой объект под Сыктывкаром, в Новом Затоне. Мне показалось, что капитальный ремонт двухэтажного восьмиквартирного дома — занятие трудоемкое и невыполнимое, да к тому же очень дешевое, не зря за него никто не желал браться.

Настораживало и поведение начальника, тоже немца из бывших ссыльных, который был сама любезность: заботился о быте, давал машину для поездки в столовую и т. д. Что же касается перспектив заработка, они были более чем туманные. Обещал бригадиру заплатить хоть по 50 рублей в день, если заработаем. И бригада решила остаться.

Дом каждую весну был в зоне затопления, и венцы, вплоть до пятого, прогнили полностью. Дом пришлось вывешивать более чем на метр, что было возможно при одновременном использовании четырех 20-тонных домкратов, под которые надо было строить сложные клетки и поднимать очень осторожно. Домкраты вылетали со страшной скоростью, что означало верную смерть в случае попадания в кого-то из нас. Поднимать надо было понемногу, переходя с места на место. Дом скрипел, трещал, внутренние стены ходили ходуном, и была постоянная угроза, что дом рухнет. Отошедшие стены пытались поставить на место трактором в 100 лошадиных сил, что также грозило развалом сруба. По обычаю, нанявший нас начальник уехал в отпуск, а его заместитель постоянно приходил с проверкой. К тому же капитальный ремонт — очень утомительное и грязное дело. Вскоре мы осознали, что прогораем и в денежном отношении.

Новая работа была найдена в Княжпогостском районе, в сельском поселении Ветью, расположенном на реке Вымь. Это место было описано А. И. Солженицыным в «ГУЛАГе». Свободные поселенцы Ветью — это сотрудники МВД, обслуживавшие зону особо строгого режима для рецидивистов и убийц. Начальнику отделения, бравому капитану двухметрового роста, для выполнения плана лесозаготовительных работ надо было построить железнодорожную ветку. Заключение к этой работе привлекать было нельзя, так как их не хватало на заготовке древесины, идущей на экспорт. Он пытался уговорить республиканский строительный штаб в Сыктывкаре прислать отряд человек в пятьдесят для постройки дороги. В штабе сидели не дураки, считать умели, работа была не только невыгодна, но и практически невыполнима из-за труднодоступности места, куда только по реке можно было добраться на катере летом и на санях зимой. Не было никакой строительной инфраструктуры, отсутствовал элементарный столярный и слесарный инструмент. Жить надо было в тайге, в палатке, без всяких удобств и т. д., а уже прошла середина лета. И вот капитану попался наш бригадир, который пообещал на следующий год привезти запрашиваемое количество людей для предстоящей стройки, а пока был готов сделать капитальный ремонт узкоколейной железной дороги, примерно 10–12 км.

Когда мы прибыли на новое место, стало ясно, что объем предстоящих работ велик, а взятые бригадиром обязательства невыполнимы. Узкоколейная дорога была построена эками во время войны среди болот и лесов на скорую руку. Насыпь отсыпали в основном из болотного грунта, шпалы почти все были гнилые, и, когда домкратом поднимали рельс, они оставались лежать, так как костыли рельсы не держали. Самым выгодным делом была рубка лесозащитной полосы, но не хватало даже хороших топоров и заточить их было негде, да и не всегда они были нужны в сплошном ивняке.

Спать приходилось в холодных палатках, в которые залезали на ночь, порою мокрые насквозь, а просушиться у костра не было возможности. Приходилось спать, накрывшись двумя матрасами. В конце августа выпал первый снег. Воду брали из грязного болотного ручья, мыла купить было невозможно. Посуду, а также

кастрюли, сковородки мыли глиной. Среди местных жителей общаться можно было лишь с вольнонаемным начальником Ветькинской узкоколейной дороги, окончившим когда-то железнодорожный техникум и осевшим здесь после отсидки. У него была семья. Маленькому сыну летом некуда было деваться и не с кем было играть в поселке, предназначенном для условно освобожденных и надсмотрщиков. Мальчик некоторое время прожил у нас со своей собакой, что позволило установить дружеские отношения с начальником, который был молчалив, печален, сдержан, мудр и философски смотрел на бардак, царивший во вверенном ему предприятии, где трудились и расконвоированные осужденные, и поселенцы.

Обитатели зоны — это, конечно, особая экзотика. Мы не общались с теми, кого возили под конвоем на работу. К расконвоированным относились осужденные, отсидевшие уже значительную часть срока и заслужившие право работать вне лагеря без конвоя. Поселенцы готовились к выходу на волю и обычно проживали компактно где-то в лесу под надзором офицера, следившего за порядком, выходом их на работу и по этим показателям определявшего готовность к жизни на свободе. Если выявлялось, что по какой-то причине поселенца выпускать не следует, то кандидату на освобождение подбирали подходящую статью и отправляли обратно в лагерь. Статью найти было легко, так как в лагере они учились в основном одному: не соблюдать никакие законы и нормы морали. Только так можно было выжить. За исключением нескольких убийц на бытовой почве и казнокрадов, публика была отпетая, для которых тюрьма давно стала домом родным, а кое-кто и не представлял себе, как жить по закону, а не по понятиям.

Они были большие затейники. На спор, у кого тепловоз сильнее, сцепляли локомотивы и тянули их в разные стороны. Вдруг без всяких правил начинали гонять локомотив по ремонтируемой линии, пока тот не сваливался под откос. Начифрившись, вели тепловоз, резко переключая регулятор, и т. д. Офицеры с ними не церемонились, били по физиономии, порой не стесняясь нас. Правда, как я понял, бить можно было только за серьезные проступки, когда наказываемый и сам знал, что виноват. Бравого капитана, который одним ударом сваливал любого ээка на пол, уважали за справедливость. Поступать несправедливо было опасно, поскольку куда дерево упадет, когда и где бревна покатаются с платформы, никто не знал. Офицеры, прославившие несправедливыми, говорят, жили недолго. Несчастные случаи на производстве с неквалифицированной рабочей силой — дело обычное, а прокурор далеко, в Княжпогосте, да ничего они и не желали всерьез расследовать.

К нам ээки относились насмешливо, считали фраерами. Шутили: «Мы здесь по приговору, а вы по договору». Намекали: как деньги получите, сматывайтесь поскорее, не заставляйте брать грех на душу. Что многое у них всерьез, мы поняли быстро. Еле-еле удалось отбить у них собаку начальника, которая, зная предстоящую участь, спряталась у нас в палатке. В один из первых дней, когда мы были на объекте, обшарили все наши вещи, правда, взяли только чай. Потом мы им иногда его давали, они чифирили прямо рядом с нашим лагерем. Однажды нам удалось перехватить поселенца, угнавшего нашу железнодорожную тележку. Он сразу стал нас страшить, что ночью сожжет нас вместе с палатками, если мы его будем бить. Бить мы его не собирались, а попросили в конце его пути, где ему надо было сворачивать в лес, толкнуть тележку, которая с горы должна была докатиться до нас. Он клятвенно обещал, но не только этого не сделал, а, напротив, скинул ее с трехметровой

насыпи. И нам пришлось потом потрудиться, чтобы ее отыскать, а затем втащить на рельсы, а весом она было около 200 кг. Потом, ерничая при нас, он объяснял офицеру, что вот ведь какие мы приличные люди — дали ему тележку, а он, подлец, нам напакостил. Причем о его деяниях мы никому не рассказывали, ему просто доставляло удовольствие так поиздеваться над нами еще раз. Бежать оттуда было некуда. На речке отлавливали. Через тайгу бежать было также невозможно: летом — болото, зимой — морозы под сорок. Но все-таки кое-кто бежал, часто совершенно неожиданно. При нас в бега ударился поселенец, которого должны были отпустить через месяц. Рассказывали, что охранники, намучившиеся в тайге в поисках беглецов, часто предпочитали их пристреливать на месте.

В таких условиях мы надеялись в рекордно короткий срок, за три недели, заработать столько, сколько намечали получить за два месяца. Задача была в принципе невыполнимая, и часть членов бригады под разными предлогами уехали. К концу нас осталось только пять человек. Так как было немыслимо сменить шпалы, мы старались все оставить как есть, меняя в звене по две-три шпалы, а неиспользованные новые скидывали в болото. Там, где линия была более или менее в порядке, мы только слегка ее рихтовали ломиками, почистив шпалы топором, чтобы было ясно, что мы здесь что-то делали. А для вырубki деревьев и кустов около дороги выбрали пространство, наиболее часто прерываемое болотами, где деревьев не было.

Рубка вообще оказалась самым трудным делом. Прорубали за день около ста метров трассы шириной четыре метра. Руки, державшие топор или мачете, изготовленное по нашему заказу в кузнице, превращались в крюки, и разогнуть их без жуткой боли было невозможно в течение нескольких недель. Была, конечно, и романтика, но мало. Например, когда вечером после работы несколько километров мчались на железнодорожной тележке к лагерю, отгалкиваясь от полотна баграми и разгоняя ее до приличной скорости. Особая прелесть была и в вечерних посиделках у костра. Вообще тяжелая работа в экстремальных условиях спланивает людей.

Аспиранта Володю Смирнова, выполнявшего у нас функции мастера, все звали Наполеон, так как внешне он был очень похож на великого корсиканца. Он был оптимист и в начале любой работы обычно говорил: «Не фиг делать!», но нередко ошибался в подобном прогнозе. Вместе с тем он был эрудированным и творческим человеком. Впоследствии я с удовольствием рецензировал его кандидатскую диссертацию, посвященную проблеме ритма в природе, которая в наше время могла бы легко сойти за докторскую. Впрочем, доктором он стал позднее.

Как назло, накануне приезда приемочной комиссии на участке, за который мы, казалось, были спокойны, случилась авария. Какой-то расконвоированный ээк свалил под откос состав груженых вагонов. Аварию устраняли несколько дней. К счастью, удалось доказать, что нашей вины не было. Комиссия во главе с начальником отделения, капитаном, и вышедшим из отпуска главным инженером появилась неожиданно вечером на тепловозе. Посадив нас у конечного участка, поехали инспектировать сделанную работу. Их лица довольно быстро стали темнеть, так как тепловоз раскачивался из стороны в сторону и обещанного мастером состояния пути, когда из стакана вода не выплескивается, явно не удалось достигнуть. Впечатление скрасили последние пара километров, откуда мы начинали трудиться и делали все как надо. Обстановку разрядили пикник в лагере и водка, хорошо идущая у костра на фоне темной тайги. Нам было велено ликвидировать недостатки, а нашему другу,

начальнику железной дороги, окончательно принять работу. Вместе с начальством отбыл наш бригадир, который вернулся через пару дней с победоносным видом и с актом, из которого он мало что понял. А в нем было отмечено, что мы не выполнили условия аккордной оплаты, сделали только часть работы, да к тому же на троечку. Это означало, что наш планируемый заработок уменьшался в два-три раза, что нам казалось несправедливым при такой каторжной работе. Бригадир было велено ехать в Ветью вместе с мастером для решения проблемы по справедливости. В итоге мы в среднем получили по 1200 рублей чистыми за двадцать дней работы. Это был очень хороший заработок.

Понимая, что с такими деньгами в Ветью надо быть осторожными, мы их получили только тогда, когда расконвоированные были в лагере, и по поселку ходили все вместе, вооруженные ножами, а ночью спали, положив рядом топоры. Но это, конечно, для самоуспокоения. Утром вместе с офицерами зоны, отправлявшимися в г. Евма, центр Княжпогостского района, на какой-то семинар, доплыли на скоростном катере до этой знаменитой точки ГУЛАГа и сразу же улетели в Сыктывкар. Вскоре стало ясно, почему нам заплатили так щедро. Начальнику нужен был не столько так называемый капитальный ремонт старой узкоколейки, сколько новые железнодорожные пути и мост. Бригадир обещал ему на следующий год привезти отряд, и ради этого начальник зоны пошел навстречу нашим чаяниям в этом году, чтоб отыграться в следующем. На следующий год бригадир набрал новую бригаду, обещая баснословные заработки. Надо ли говорить, что за два месяца жуткого труда им заплатили всего по 150 рублей. Капитан МВД был не глуп и принцип мышеловки знал хорошо.

Обманутые калымщики вначале хотели бригадира крепко побить, но потом раздумали. А жаль. Он так и не понял, что любое дело, за которое берешься, надо хоть немножко знать. Со временем он стал доктором философских наук, написал кучу толстых книг по культурологии и даже выпустил книгу по современным концепциям естествознания, рекомендованную Министерством науки и образования в качестве учебного пособия для университетов. Из любопытства я полистал ее и увидел, что все сведения о биологии он взял из нашей с К. М. Завадским книги «Эволюция эволюции». Возможно, это была единственная книга по биологии, попавшая к нему случайно в год нашего скитания по Коми. Вот такие учебники рекомендует наш Минобрнауки, по инициативе которого реформирована РАН.

Три последующих калыма проходили, как это ни странно, не в Сибири и не на Севере, а на юге, на берегу Черного моря. Мой однокурсник Анатолий Михеев, работавший в Херсоне, нашел объект в деревне Круглоозерка Черноморского совхоза недалеко от Железноводска. От Херсона на пароходе ехали паромом до Голлой пристани, а оттуда автобусом более ста километров по степи. Отказаться было трудно. Жена ждала второго ребенка, прожить год на одну зарплату вчетвером в кооперативной квартире было невозможно. Основу бригады на этот раз составили выпускники нашего курса. Кроме нас с Михеевым были проверенные в Коми Володя Носов, Игорь Васильев, Володя Смирнов. Шестым был Слава Глазунов. Он учился на курс ниже, был не совсем справедливо исключен. Несколько раз безуспешно поступал вновь, в конце концов попал на вечернее отделение и на тот момент был близок к завершению учебы. Для успешной работы нужны были опытные каменщики. Я пошел на стройку областной больницы, дождался обеденного перерыва и, встретив каменщиков, предложил им поехать с нами, обещая двоим заплатить

в любом случае по 700 рублей чистыми при полном содержании и оплате билетов. Деньги для квалифицированного рабочего были не ахти какие, но прельщали юг, море, фрукты. Николай и Валера согласились, и они не пожалели, а мы были довольны нашими новыми товарищами и обстановкой в бригаде.

Огромная заслуга в этом прежде всего нового бригадира Анатолия Михеева, совестливого, щепетильно честного человека, державшего всех в курсе дела. Особое внимание он уделял жилью и питанию. Обязательно отмечались дни рождения, а ножки моей новорожденной дочери, известие о рождении которой я получил 10 июля, бригада обмывала с энтузиазмом. Расположили нас на втором этаже общежития, удобства были на улице. Питаться мы вскоре стали великолепно. Дело в том, что первые шесть дней нам пришлось доливать фундамент под коровник размером 22 на 75 м, изготавливая для этого раствор вручную и растаскивая его носилками. Здесь наши каменщики приуныли. Но, как только началась кладка, они показали, на что способны: за четыре дня опоясали весь периметр высотой в 1 м 20 см. Проезжавший каждый день мимо прораб не поверил своим глазам. На следующий день привез директора совхоза, который, назвав нас циркачами-фокусниками, приказал выделить нам лучшую повариху, выдавать продукты, а к предстоящему празднику зарезать двух баранов и вдобавок каждый день в обед возить на море купаться. Последнее было особенно важно, так как работать днем было невозможно, а море прекрасно освежало. Акклиматизация на юге шла непросто, мы обгорали, страдали расстройством желудка, от которого вылечивал только ветеринар, давая лошадиные средства, да и каменные работы были тяжелы. Внимание директора совхоза позволяло быстро решать многие производственные проблемы.

В общем, народ — нечто среднее между украинцами и русскими — там был спокоен, доброжелателен, не суетлив и не драчлив. Пили умеренно, пьяных я не видел ни разу. Директор был хозяин, его слово было закон. Нашей производительности труда все удивлялись, говорили, что если бы все так работали, коммунизм давно построили бы. Но следовать примеру нашему не спешили. Одновременно с нами бригада из пяти человек местных стала строить сарай из ракушечника 3 на 5 м, окончили мы одновременно. К концу работы наши каменщики вымотались, и приходилось покупать им горилку, которая продавалась по цене 3 рубля трехлитровая банка. Им это было много, приходилось помогать, что не способствовало росту производительности труда.

День в день, минута в минуту мы уложили последние кирпичи, директор устроил нам прощальный обед. Когда он приехал, один из наших ребят, перебравший накануне, отлеживался в тенечке. Директор чуть на него не наступил и страшно удивился: что бы это значило? Тот не растерялся и сказал: «Вот так и работаем до упада. Падаем, отлежимся и снова за работу». Звали нас приезжать и на следующее лето. До Херсона проводили каменщиков, с которыми расплатились сполна, но наш заработок оказался не столь велик, поскольку расценки были низкие, а приписки там не практиковались.

Нам предложили остаться, местные строители хотели с нами завершить отделочные работы. Мы сперва согласились, но потом выяснилось, что с ними работать трудно; близость частного подворья мешала сосредоточиться на общественном производстве. Стоимость других предлагаемых работ была мизерная, да и настроение было уже нерабочее. Однажды, возвращаясь с ужина темной украинской ночью,

я на полном ходу свалился в двухметровую каменную яму, да так, что мои спутники сразу и не поняли, куда я исчез, и только через некоторое время услышали какие-то голоса из-под земли. Слава богу, были не суеверны. Нашли какую-то веревку, помогли выбраться. Отделался лишь содранной о каменные стены ямы кожей и болью в позвоночнике. За несколько дней убрали площадку, в чем помогли местные жители. Как только они узнали, что мы вывозим строительный мусор, за ночь растащили остатки досок, кирпичича, ракушечник. До этого они предлагали нам кое-что продать, но мы мараться не стали, не желая портить имидж.

Неожиданно у Михеева сильно заболел зуб, поднялась температура под сорок, с трудом мы со Славой Глазуновым довели его до Херсона, где сдали в областную больницу, с приключениями устроились на ночлег и поняли — надо срочно уезжать. Кто жил в те годы, тот знает, что достать билет в конце августа на юге было невозможно. Нахально влезли в общий вагон без билета, как только поезд тронулся, повинились проводнику. Далее вопрос решался по налаженной схеме: дали на лапу, перешли в купейный вагон — и до самого Ленинграда ревизоры в упор не видели нас.

Потом еще были две поездки на юг с Михеевым в качестве бригадира, но эмоциональная окраска их была совсем иной. В 1979 г. мы взялись строить большое кирпичное двухэтажное здание заводского управления на станции Белая Криница Херсонской области. Носов сошел с дистанции, не поехали Игорь Васильев и Володя Смирнов, — видно, юг их сломил. Пришлось набирать новую бригаду, почти всю из рабочих, а там начались свои проблемы: кто-то зашил, кто-то продал цемент за горилку, кто-то у кого-то из местных любимую увел. Тяжело было с материалами, Михееву приходилось мотаться по всему району, добывая кирпич сотнями тысяч штук, но все время была угроза простоя. В итоге закончили мы раньше намеченного дня отъезда, рабочие стали расслабляться, начались конфликты и даже драки с западнцами, т. е. с рабочими с Западной Украины, задиравшими москалей.

Последняя поездка была снова в Круглоозерку, где нас встретили как родных. Поселили в отдельном доме с двумя комнатами и дали в распоряжение трактор «Беларусь» с прицепом. Вновь были ежедневные поездки на Черное море. Прежний прораб умер, его заменял молодой, но ранний, который работать не очень хотел, но все время намекал, что надо бы и ему что-то дать на «конфетки». Бригадир, конечно, обещал, но нарушать закон не собирался. За два года обстановка в Круглоозерке изменилась. Происходивший в стране развал ощущался и здесь. Суть происходящего хорошо выразил один старожил: «Дела в совхозе идут все хуже и хуже, а народ живет все лучше и лучше». Было видно: приближается последняя стадия коммунизма, окончательно стиралась грань между личным и общественным. Все больше людей следовали принципу: «Ты здесь хозяин, а не гость, тащи с работы каждый гвоздь». Воровство начинало набирать обороты. Людей старшего поколения это возмущало. Как-то мне сказали, что надо как при немцах, и рассказали притчу. Немцы посеяли арбузы, а бахчу не охраняли. Бургомистр пришел к коменданту и сказал, что, мол, надо бы охрану установить, а то начнут воровать арбузы. «Не надо охраны, — возразил комендант, — достаточно соорудить на краю поля виселицу и первого, попавшегося на воровстве, вздернуть. Тогда никто не будет покушаться». Помнится, я ответил, что уже поздно и подобные меры не помогут. Проще окружить Круглоозерку колючей проволокой и поставить вертухаев на вышках, ибо без суда и следствия видно — воруют все.

Тем не менее мы снова сделали много, не раз вновь демонстрируя ударный труд, но что-то было уже не так. Опытные калымщики устали. Рабочие держались особняком, да и не всегда можно было понять их поступки. На завершающей стадии работ ко мне приехала жена с дочерью. Тогда мы первый и последний раз провели несколько дней на Черном море. Устроил меня заместитель директора совхоза к своей тете, которая взялась и кормить обедом, так как мне выписали в совхозе мясо. Я немножко помогал ей, потом к ней приехали ее знакомые из Херсона Немчиновы, очень интеллигентные люди. И мы часто сидели вечерами, беседуя о всякой всячине. Иногда приезжал заместитель директора.

Это был мой последний калым. Какие-то нити, связывающие костяк бригады, распались, для молодежи мы были старые. Да и уже не хотелось проводить отдых без семьи, подросли дети. Михеев переехал в Карелию, где со временем построил небольшую дачу на Шор-озере. Трижды я приезжал помогать ему, вернее тяжелая работа была только в первый год, когда заливали фундамент, а затем основное время уделяли рыбалке. Потом грянула перестройка, стало не до поездок. Но он несколько раз бывал в Ленинграде. Будучи крещеным, Толя искреннее и глубоко верит, я же остаюсь агностиком.

Калымную эпопею я вспоминаю добром. Не как турист я увидел жизнь столь различных регионов, как Западная Сибирь, Коми, юг Украины, столкнулся с бытом живущих там людей. А самое главное, обретенных там друзей я сохранил на всю жизнь. Калым, как любая работа в экстремальных условиях, сродни разведке — там высвечивается суть человека.

**«В ОДНУ И ТУ ЖЕ РЕКУ
НЕЛЬЗЯ ВОЙТИ ДВАЖДЫ»**

ВОЗВРАЩЕНИЕ В НЕДАВНЕЕ ПРОШЛОЕ

В марте 1978 г. наш сектор вновь оказался в воссозданном Ленинградском отделе ИИЕТ, который с 1978 по 1987 г. возглавлял к. т. н. Энгель Петрович Карпеев, пришедший в историю науки после десятилетий преподавания в высших военно-морских училищах. Видимо, опасаясь обвинений в установлении воинской дисциплины, он был не слишком требователен к сотрудникам, стараясь сохранить дух и традиции ЛО ИИЕТ и оказывая содействие всем желающим заниматься научной работой. Но некоторые из них лояльность начальника стали воспринимать как возможность не выполнять плановые темы, прикрываясь общественными должностями. На обстановке в коллективе сказывалось и отсутствие К. М. Завадского, а вскоре ушли на пенсию И. И. Канаев, Б. А. Остроумов, А. П. Мандрыка, Т. А. Лукина, которые задавали стандарты исследовательскому труду.

Сам Э. П. Карпеев быстро вошел в новую для себя область знания и старался творчески подойти к разработке традиционных тем научно-исследовательской деятельности в XVIII веке в России. Как директор Музея Ломоносова он начал переосмысливать роль Михаила Васильевича в истории российской науки и техники. Теперь он общепризнанный специалист в этой области. А тогда его попытки разобратся в реальных научных достижениях Ломоносова многие воспринимали как антипатриотическое действие. В течение нескольких лет я в качестве экскурсовода подрабатывал в Музее Ломоносова. В его рабочих помещениях и выставочных залах, где каждый предмет, экспонат, прибор, картина хранили тепло великих создателей российской науки, возникало чувство причастности к процессу ее становления. Я видел, как загораются глаза экскурсантов, если ты в ударе и с душой, не формально подбирая слова, рассказываешь о реальных, а не хрестоматийных достижениях Ломоносова, изображаешь его как живого человека с достоинствами и недостатками, открытиями и заблуждениями. Ко мне хорошо относились ветераны ломоносоведения Роза Борисовна Городинская и Нина Васильевна Соколова. А моя сверстница Ирина Владимировна Бренева подготовила прекрасную книгу «История Инструментальной палаты Петербургской Академии наук (1724–1766)», которая, к сожалению, была издана только через четыре года после ее безвременной кончины.

Во время празднования 275-летнего юбилея М. В. Ломоносова 21 ноября 1986 г. на Менделеевской линии Васильевского острова и набережной Невы, между главными зданиями Ленинградского научного центра и Ленинградского университета, состоялось открытие заложенного еще в 1971 г. памятника М. В. Ломоносову. На торжественном митинге, где присутствовало все советско-партийное руководство Ленинграда, мне довелось впервые увидеть будущего губернатора В. И. Матвиенко, которая выделялась на общем фоне партийной номенклатуры не только молодостью и красотой, но и человечностью. Она единственная из всех, попросив купить цветы

для возложения к памятнику Ломоносова, дала свои деньги. В тот же день на торжественном заседании в Государственном академическом театре им. А. С. Пушкина состоялось торжественное заседание, на котором выступали многие президенты союзных академий наук, доклады которым писали наши сотрудники. К юбилею был выпущен красочный разрезной фотоальбом «Михаил Васильевич Ломоносов», содержащий более 220 иллюстраций; он пользовался огромным успехом.

С этим заседанием связан эпизод, из которого ясно, что участвовавшие в юбилейных заседаниях партийные руководители все время должны были заботиться об его политическом звучании. Вначале главное мероприятие планировали провести в концертном зале «Октябрьский», так как в Москве аналогичное заседание должно было состояться во Дворце съездов. Уже были розданы билеты партийно-хозяйственному активу, передовикам производства, деятелям науки и культуры по спискам, утвержденным в обкоме. Таких «счастливиц» было несколько тысяч. Вдруг стало известно, что в Москве заседание будет проходить в Большом театре. И тогда руководство Ленинградского обкома, полагая, что в столице могут заподозрить их в том, что они с большим размахом празднуют юбилей М. В. Ломоносова, перенесли торжественное заседание в Александринский театр. Началась новая раздача билетов, которых на сей раз оказалось гораздо меньше. И появились обиженные, которые, хотя, как правило, не имели никакого отношения к М. В. Ломоносову, но вождеденный билет воспринимали как причастность к номенклатурной элите. Юбилей показал, что ЛО ИИЕТ, отобилизовавшись, по-прежнему мог решать крупные научно-организационные задачи.

При Э. П. Карпееве ЛО ИИЕТ оставался резервацией для ученых, попавших по тем или иным причинам в немилость к властям предрежущим. Вместе с нами в ЛО ИИЕТ пришел Д. В. Лебедев, бывший ученый секретарь БИН и ученый секретарь Комиссии по изучению научного наследия Н. И. Вавилова. О нем я подробнее расскажу в специальном разделе. Последним из неугодных партийным органам сотрудников ЛО ИИЕТ стал выдающийся социолог Владимир Александрович Ядов, которого уволили из ИСЭП в 1984 г. за нарушение режима работы с бумагами для служебного пользования, в которых, конечно, не было ничего секретного. Ядов был одним из создателей отечественной школы социологии. Ни одно учреждение в Ленинграде, где работали ученики Ядова, не осмелилось взять на работу опального ученого, а Карпеев не побоялся. Ядов легко вписался в коллектив, не гнушался любой работой. Вместе со всеми готовил выставку к 40-летию Победы в Великой Отечественной войне. Перестройка вернула ему общественный статус, он стал директором Института социологии РАН в Москве.

С 1975 г. в ЛО ИИЕТ работал к. т. н., позднее доктор философских наук, Борис Игоревич Козлов. Ранее он служил на подводной лодке на Дальнем Востоке и во время занятий в вечернем университете марксизма-ленинизма увлекся нашей преподавательницей диалектического материализма в ЛГУ Марией Семеновной Козловой, а заодно и философией. Демобилизовавшись, в 1960 г. они уехали в Ленинград, где он стал кандидатом технических наук и работал заместителем главного инженера НПО «ВНИИ им. Д. И. Менделеева». Хороший организатор и блестящий оратор, Козлов сумел сплотить вокруг своей небольшой группы по истории технических наук большой актив людей, интересовавшихся философско-методологическими проблемами организации и развития технических наук. Борис Игоревич

оказался также талантливым детским писателем, а превосходство его поэтического таланта признали сразу наши лучшие поэты Ю. Х. Копелевич и Д. В. Тюличев. Вместе с Б. И. Козловым в ЛО ИИЕТ пришел к. т. н. Я. Г. Неуймин, оригинальный мыслитель, глубоко увлеченный методологией моделирования и опубликовавший книгу по этой проблеме. Яков Григорьевич был сыном основателя советской астрографии, директора Пулковской обсерватории. Как и Козлов, он в прошлом был морским офицером.

В этой группе работал и ученый секретарь ЛО ИИЕТ Борис Ильич Иванов, который сыграл важную роль в сохранении традиций коллектива после катастрофы 1975 г. Он был трудолюбив, доброжелателен, избегал ненужных конфликтов, готов был всегда прийти на помощь. Вместе с томским философом В. В. Чешевым Б. И. Иванов опубликовал книгу «Становление и развитие технических наук», которая была переведена на немецкий язык.

В этот период происходила модификация тематики работ сектора истории Академии наук и научных учреждений, по-прежнему возглавляемого А. В. Кольцовым, ставшим к этому времени доктором исторических наук. Проблема институционализации научных исследований в Петербурге-Петрограде-Ленинграде стала занимать все большее место в его планах. Состав сектора изменился мало. После окончания исторического факультета ЛГУ в сектор Кольцова пришла Маргарита Федоровна Хартанович, которая до университета работала в секторе С. А. Кугеля, и я ее хорошо знал с аспирантских времен. Самым молодым приходится обычно нелегко в научном коллективе. И Хартанович приходилось отстаивать свое право заниматься самостоятельной темой, которая к тому же не совсем вписывалась в традиционную тематику сектора.

Для меня новым лицом в этом секторе была одна из первых аспиранток ЛО ИИЕТ Нина Ивановна Невская. Не знаю по какой причине, но, защитив диссертацию, Нина Ивановна ушла доцентом в Институт культуры, но не смогла прожить без истории науки и запросилась обратно. Обычно ушедших С. Р. Микулинский не брал, но Невская была согласна на любые условия. Ее взяли старшим лаборантом, и она, будучи кандидатом физико-математических наук и автором нескольких книг, честно отработала в этой должности несколько лет, являясь на работу каждый день, как и положено лаборантам. Потом ее сразу перевели в старшие научные сотрудники. Пережившая блокаду, Нина Ивановна была безразлична к земным благам, особенно к одежде. Но загоралась сразу, как слышала что-нибудь интересное из области науки. Она была прирожденным ученым, отдающим науке каждый миг своей жизни. Ее никто никогда не видел бьющей баклуши, гонящей чай или просто сплетничающей. Она все время что-то расшифровывала, переводила, писала, печатала, проверяла и т. д. Невская готова была любому оказать помощь в чтении латинских текстов или в нахождении каких-либо сведений.

С благоволением она относилась к Ж. Н. Делилю, которому в некоем мистическом поклонении была готова приписать все астрономические достижения в прошлом и даже будущем, а в России — в особенности. Однажды я пошутил, что если бы Невской пришлось диктовать Моисею, то она начала бы так: «В начале был Делиль», но Нина Ивановна никак не отреагировала на эту шпильку и продолжала, как и прежде, повсюду доказывать приоритет и гениальность Делиля. Ее научный диапазон был достаточно широк. В течение нескольких лет она буквально

терроризировала меня предложением написать совместную книгу о И. Г. Дювернуа, которого считала эволюционистом. Мои слабые возражения, что я не читаю по-латински, а поэтому подлинники работ Дювернуа мне не доступны, она отвергала, обещая, что все переведет сама. Но я хорошо знал многозначность латинских слов и страстное желание некоторых переводчиков исправить мутную мысль в нужном направлении.

Характер у нее был непростой. Невская была тверда в своих убеждениях и от своих идей ни за что не отказывалась. Административные неприятности ей принесла книга «Петербургская астрономическая школа XVIII в.», где на странице с портретами астрономов Делиль был изображен в центре, а вокруг него в меньшем масштабе его русские ученики, включая М. В. Ломоносова. Такая масштабная трактовка значимости первых российских астрономов возмутила кого-то наверху, и было решено проработать Невскую за идеологически и политически невыдержанную книгу. Ученый совет ИИЕТ не только посвятил специальное заседание обсуждению, точнее осуждению, этой книги в духе борьбы с буржуазным объективизмом и космополитизмом, но и поручил провести аналогичную экзекуцию в Ленинграде и всыпать по первое число Невской за расхождения с В. И. Лениным в вопросе о появлении капитализма в России, о неумении отличить мануфактуру от фабрики и т. д. Но Невская активно защищалась, не признавала ошибок. Некоторые сотрудники ее подержали, и все закончилось благополучно.

Мой статус в ЛО ИИЕТ изменился. Из «мальчика Завадского» я превратился в соавтора написанной с ним высокоцитируемой монографии «Эволюция эволюции», ответственного за научную деятельность сектора. После смерти Кирилла Михайловича в течение трех лет исполняющей обязанности заведующей была Ксения Викторовна Манойленко, которая проявила себя мудрым и доброжелательным руководителем. Мы с ней поделили обязанности: она в основном занималась административными делами и своими исследовательскими темами, а научное руководство общих тем сектора было поручено мне. Ксения Викторовна категорически отказывалась быть заведующим сектором, Я. М. Галл и я были беспартийные, с недостатками по пятому пункту и считали за благо — и нас в этом поддерживали остальные сотрудники сектора — пригласить в качестве заведующего сектором Александра Борисовича Георгиевского. Он закончил аспирантуру ЛО ИИЕТ и год проработал в нашем секторе, но из-за отсутствия жилья уехал в Новгород, стал там заведующим кафедрой, опубликовал несколько книг. У него было легкое перо, он хорошо писал, охотно редактировал. Пришлось уговаривать С. Р. Микулинского, который не хотел брать Георгиевского как «дезертира». В конечном счете он согласился, что Георгиевский — наиболее подходящая кандидатура для сохранения направления и развития тематики сектора.

За исключением оставшейся в БИН Т. М. Аверьяновой, коллектив был прежним. Вновь пришедший в сектор мой дипломник Сергей Александрович Орлов увлекался общественной работой. Будучи исключительно способным и эрудированным исследователем, он защитил диссертацию лишь спустя 14 лет после окончания аспирантуры, хотя сделал немало удачных докладов и опубликовал ряд статей. А. Б. Георгиевский, искренне преданный эволюционной теории и философии биологии, не стал ничего менять ни в исследовательской программе, ни в этосе, сформированных К. М. Завадским. Он много публиковался, давая при этом сотрудникам

свободу в выборе плановых тем, а подчас и в сроках исполнения. Георгиевский не любил научно-организационной и административной работы, которую приходилось в основном вести мне, но всегда был готов помочь советом, поддержать и отредактировать готовящуюся к печати рукопись. Его помощь была полезна, так как Александр Борисович обладал хорошим стилем и, имея опыт преподавания разных биологических дисциплин в Новгородском педагогическом институте, сразу выявлял разного рода биологические нелепости в философских текстах. В секторе он появлялся нечасто.

Я. М. Галл к этому времени полностью распрощался с философскими интересами, стал эрудированным специалистом в области истории и теории эволюционного учения. Его интересы сконцентрировались на генетических и экологических аспектах теории естественного отбора, а также истории ее становления.

К тому времени в ЛО ИИЕТ ослабла исполнительская дисциплина. Складывалась ситуация, общая для многих институтов в то время. Кто хотел, тот работал, и ему никто не мешал, а кто не хотел, мог имитировать интенсивный труд, и никакими силами его заставить творчески работать нельзя было. Часть сотрудников выполняли планы виртуально, так как завершённые темы не выливались в монографии. Кто меньше всех работал, тот порой больше всех кричал о необходимости свободы творчества. Брежневская эпоха косвенно сказывалась и на интенсивности научной деятельности. Начали появляться неизменные спутники академических гуманитарных институтов — интриги, сплетни, склоки. Тревожные сведения шли из Москвы, где коллектив оказался деморализованным борьбой, развязанной против директора С. Р. Микулинского. Вернувшись в ЛО ИИЕТ, я увидел, что этос и быт его не совсем тот, который запечатлелся в моей памяти. К счастью, изменения были не столь стремительны, творчески работавшие люди по-прежнему определяли его лицо и могли вести исследования по совести, а не по приказу сверху. А за стенами бушевал циничный брежневский социализм.

Его проявления я ощущал и на философском факультете, где с 1973 г. преподавал по специализации философских проблем биологии. Вместе с Я. М. Галлом мы читали основные биологические дисциплины. Курсы были большие, и со студентами мы непрерывно общались на протяжении трех курсов, что способствовало созданию прочных контактов. Общение со студентами было интересным. На специализацию по-прежнему шли ребята, разочаровавшиеся в схоластических упражнениях и стремящиеся к приобретению позитивных знаний. Довольно быстро организовался круг учеников, жаждущих творческой работы. К сожалению, у нас аспирантуры не было, а на философском факультете им все-таки не давали стать профессиональными историками науки. Кого-то раздражал успех нашей специализации. Пошли разговоры: «А надо ли заниматься философией парнокопытных?» В аспирантуре стали оставлять по партийным, а не по творческим признакам. На защитах дипломов выпускников вопрошали: как в дипломе о Дж. Г. Симпсоне и Б. Ренше отражены решения последнего пленума ЦК КПСС и проект брежневской конституции. Ведь у нас, как заведено, стоит лидеру страны умом тронуться, так сразу в сумасшествие впадает вся элита, доказывая с пеной у рта, что черное — это белое, а белое — это черное. Того, кто делает это искреннее всех, ожидает награда, но, увы, часто временная. Потом ему приходится доказывать, что его неправильно поняли, а это у него был такой зэпов язык.

Наконец кто-то пожаловался в райком партии, что, в то время как профессорам биологического факультета не хватает нагрузки, философский факультет тратит деньги на приглашение читать спецкурсы каких-то никому не известных кандидатов наук из АН СССР. В конечном счете лекции мы читать перестали. Заменявшие нас биологи не смогли удержать студентов, и специализация распалась. Пожалуй, только М. Б. Конашев, успевший пройти заочную аспирантуру у Я. М. Галла и Ю. И. Полянского, остался работать по истории биологии. Все остальные, включая А. В. Козулину, которая сейчас работает в США, и Д. Е. Любомирова, заведующего кафедрой философии в Лесотехнической академии, расстались и с эволюционной биологией, и с историей науки. Жаль, при их способностях, трудолюбии и настойчивости они могли бы стать великолепными учеными в этих областях знания. Оба до сих пор поддерживают со мной контакт, а у Козулиной я даже гостил около 10 дней в Нью-Йорке, где она стала юристом и работает в налоговой службе.

Ну что ж, Гераклит Темный был прав: все текло, все изменялось. К счастью, для меня это было не так быстро, и в стенах ЛО ИИЕТ я чувствовал себя достаточно защищенным.

«ВЕЛИКИЙ АНТИЛЫСЕНКОВЕЦ»

Так назвала Даниила Владимировича Лебедева Р.Л. Берг в своих воспоминаниях «Суховой», а она мало о ком отзывалась с одобрением. До возвращения в ЛО ИИЕТ я его плохо знал. Он иногда приходил к нам на семинар, делал как-то доклад о В.Н. Талиеве, но особенно не запомнился, хотя Завадский однажды в разговоре со мной охарактеризовал его: «Мудрый, как змей». Лебедев сыграл важную роль при нашем переходе в БИН, где он без малого 20 лет был ученым секретарем, а фактически директором БИН, так как П.А. Баранов и А.А. Федоров всецело ему доверяли и он руководил всей текущей работой. Хотя он не защитил кандидатской диссертации, но в биологии, особенно в генетике растений, разбирался неплохо и пользовался авторитетом среди ботаников. Лебедев до последнего момента старался удержать нас в БИН, считая, что наш коллектив способствует повышению уровня теоретических работ. Более того, он числился в нашей лаборатории во время пребывания в БИН, хотя административные обязанности не позволяли полноценно участвовать в наших проектах.

Еще я тогда знал о его потрясающем умении убирать из текста все лишнее. Первый раз он мне продемонстрировал это, сократив ровно в два раза многократно отредактированный мной и К.М. Завадским текст рекламы очередного выпуска нашего сборника, который мы писали, издавали и рассылали наложенным платежом, для чего требовалась аннотация.

В дальнейшем после его редактирования мои тексты становились гораздо яснее, логичнее и короче. Лебедев был рецензентом или редактором почти всех книг и статей, опубликованных мной в 1980–1990-х гг., а также нашей совместной с К.М. Завадским книги «Эволюция эволюции», когда его роль была, правда, формальной. При утверждении плана РИСО вдруг выяснилось, что теперь у всех книг должен быть ответственный редактор, чтобы была возможность кого-то наказать. Чтобы оставить книгу в плане, Лебедев, представлявший БИН, на этом заседании вызвал статью таковым. Однако, доверяя Завадскому, прочитал книгу только на стадии корректуры, когда ничего существенного менять нельзя. Думаю, что если бы он подключился раньше, книга была бы немного другая, более четкая. Хотя сам Лебедев всегда ее хвалил.

Ко времени нашего ухода из БИН в судьбе Лебедева произошли перемены. Новый директор БИН, видимо, не захотел иметь рядом с собой опытного, привыкшего к самостоятельности администратора и отправил его на пенсию, назначив ученым секретарем одну из учениц Завадского Т.М. Аверьянову. У С.Р. Микулинского были основания при возвращении сектора попросить в качестве компенсации за утерянную ставку аналогичную должность для Д.В. Лебедева. Вопрос решился к взаимному удовлетворению всех сторон. Это было хорошо и для меня, впрочем,

как и для ЛО ИИЕТ, что Лебедев оказался в нашем секторе. Человек уникальных способностей, огромной эрудиции, мужества, воли, оптимизма, блестящий ученый и тонкий редактор, к тому же прекрасно знавший закулисные академической жизни, Лебедев стал одной из центральных фигур дирекции ЛО ИИЕТ, основным советником по всем принимаемым решениям.

Сам Лебедев не считал себя «великим антыленковцем», охотно отдавая пальму первенства другим: П. А. Баранову, В. Н. Сукачеву, В. П. Эфроимсону, и называл себя просто «антилысенковцем с довоенным стажем». Из всех, кого я знал, это был самый непримиримый противник Т. Д. Лысенко. До 1976 г. неизменным его тостом за столом было: «Чтоб он сдох!» Но и после смерти народного академика Даниила Владимировича приводили в неистовство всякие попытки его оправдать. Именно он в 1955 г. вместе с В. Я. Александровым и Ю. М. Оленовым подготовил обвинительный акт против «лысенкоизма» и организовал подписи под знаменитым «Письмом трехсот», которое стало первым актом открытого массового неповиновения научного сообщества властям.

Лебедев проработал в ЛО ИИЕТ до перестройки, несмотря на неоднократные советы горкома партии отправить его «на заслуженный отдых». Человек удивительной судьбы и гражданского мужества, блестящий рассказчик, он стал живым источником сведений о событиях в биологии СССР, о которых не сохранилось и следов в самых закрытых архивах. Приучая меня все проверять и перепроверять, Лебедев, подобно Ю. М. Лотману, уверял, что «ошибка в тексте научного труда — равна обману по жизни». Для него был жуликом каждый, кто не работал с первоисточниками, беря сведения из вторых или третьих рук, да еще без ссылок.

Лебедев всю свою жизнь посвятил восстановлению исторической правды в отношении Н. И. Вавилова и его учеников. После ареста своего учителя Г. Д. Карпеченко и других соратников Вавилова Лебедев отказался раскаться, за что был исключен из комсомола и отчислен из аспирантуры. Срочный отъезд и начавшаяся война спасли его от неминуемого ареста. Войну он начал младшим лейтенантом в июле 1941 г. под Ленинградом и закончил в сентябре 1945 г. на Дальнем Востоке майором в должности командира полка с множеством боевых наград. После войны он работал в БАН, был исполняющим директора и здесь вызвал недовольство партийного начальства хорошим отношением к неугодным людям. На этот раз его исключили из партии, и только смерть И. В. Сталина спасла опять от ареста.

«Пепел Клааса» ни на минуту не переставал стучать в его груди. По признанию В. Н. Сукачева, именно Д. В. Лебедев много сделал для процветания «Ботанического журнала», на номера которого в середине 1950-х гг. в библиотеках выстраивались громадные живые очереди. Его читала вся интеллигенция в СССР. Открыто выступая против Т. Д. Лысенко, поддерживаемого Н. С. Хрущевым, редколлегия журнала во главе с В. Н. Сукачевым демонстрировала, что власти можно сопротивляться. Более того, на партсобрании БИН при обсуждении программы КПСС в 1961 г. Лебедев, ссылаясь на Устав КПСС, выступил с критикой первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева за поддержку лжеученого Т. Д. Лысенко.

Когда у его боевых друзей Огурцовых попал в тюрьму сын, создавший в конце 1970-х гг. организацию для вооруженного свержения брежневского режима, Лебедев, будучи членом партии, открыто поддерживал и сына, и его родителей. Он ходил на суды, организовывал сбор подписей за смягчение наказания и соблюдение

прав заключенных и т. д. Как председатель Совета ветеранов дивизии, оборонявшей Ленинград, Лебедев тратил массу времени на военно-политическое воспитание подрастающего поколения и на помощь однополчанам. Для кого-то он добивался справедливой пенсии, для других — улучшения жилищных условий, для третьих — санаторно-курортного лечения. Сотни, если не тысячи, участников Великой Отечественной войны обязаны ему помощью в тяжелые минуты, и это они все помнили и ценили. А ведь большинство из них Лебедев до этого не знал, так как дивизия насчитывала около 10 тысяч человек постоянно обновлявшегося состава.

В качестве ученого секретаря Комиссии по изучению научного наследия Н. И. Вавилова Д. В. Лебедев в те годы много делал для восстановления подлинной истории отечественной генетики и ботаники. В октябре 1990 г. за вклад в развитие генетики и селекции Д. В. Лебедев был награжден высшей правительственной наградой — орденом Ленина. В ЛО ИИЕТ кроме работы над книгой «Очерки по ботанической историографии: XIX — начало XX в.» он принимал участие в редактировании 12 монографий и сборников. И это было настоящее редактирование, после которого каждый текст становился намного точнее, изящнее, а каждый факт был перепроверен. Его советами и редактированием пользовались авторы практически всех книг по истории борьбы с лысенковщиной, включая классические труды Ж. А. Медведева («Взлет и падение Лысенко»), М. А. Поповского («Дело академика Вавилова») и В. Н. Сойфера («Власть и наука. История разгрома генетики в СССР»), изданные впервые в США, а затем переведенные на десятки языков.

В 1985 г. Д. В. Лебедев организовал сообщество единомышленников и подготовил в 1987 г. книгу, дающую как бы коллективный портрет соратников Н. И. Вавилова. Рукопись сборника была включена в план издания, но по ряду причин, не вышла в свет. В целом это оказалось благом для авторов, так как над ними еще тяготели цензурные запреты и установки в директиве «Не надо ворошить прошлое» (а без подобного «ворошения» история неизбежно становилась фальсификацией). Уже находясь на пенсии, Д. В. Лебедев заново отредактировал книгу «Соратники Николая Ивановича Вавилова: исследователи генофонда растений», которая была опубликована в 1994 г. к столетию Всероссийского института растениеводства (ВИР), ведущего летоисчисление от Бюро по прикладной ботанике. Практически впервые без всякого умалчивания было рассказано о жизни почти восьмидесяти выдающихся генетиков, селекционеров и растениеводов, многие из которых отдали жизнь ради истины в науке.

Однажды я нашел в архиве письмо к И. И. Презенту начала 1930-х гг. от одного из соратников Лебедева в борьбе против лысенкоизма. Письмо показывало, как непросто воспринимались идеи главного идеолога Лысенко в начале 1930-х гг., как пытались их использовать в научных дискуссиях. Лебедев расстроился, прочитав письмо. Но когда я спросил, могу ли я его опубликовать или лучше о нем забыть, чтобы не бросать тень на всеми уважаемого человека, Лебедев ответил твердо: «Надо обязательно публиковать. Это — правда, а правда не бывает удобной или неудобной». Я сослался на этот документ в публикациях и, насколько знаю, не нанес никакого вреда образу уважаемого ученого.

Лебедев был председателем правления Общества книголюбов и не мог уйти из магазина, не купив книги. Его большая 4-комнатная квартира была уставлена книгами, справочниками, энциклопедиями. Только при мне он несколько раз сдавал

свои книги в академические библиотеки, но вскоре вновь приобретенные заполняли всю его квартиру. Такой же любительницей книг была его жена библиограф Ирина Васильевна Гудовщикова, доктор наук. Каждый, кто бывал в их доме, был поражен горящим огнем любви, порядочности, гражданской мужественности и разума этих людей. В этом доме собирались очень известные люди Санкт-Петербурга.

Уже само общение с подобным человеком и его супругой было постоянным уроком научного мастерства и нравственности. Борец за чистоту науки, знаток книги, литературы и языков, эрудит высокого класса, отличный стилист и душа общества — все эти характеристики далеко не исчерпывают многогранный облик Д. В. Лебедева. Он знал десятки европейских языков, постоянно покупал иностранные газеты. Я называл себя его учеником, он не возражал против этого. Он многому научил меня в жизни, в том числе и необходимости постоянно все проверять. Даниил Владимирович говорил, что каждый историк должен следовать двум правилам: «Первое — никому не верь. Второе — не верь самому себе». На всю жизнь я запомнил некоторые шуточные, но всегда точные замечания Лебедева и многократно убеждался в их правильности. Вот, например: «Высшее образование обостряет все способности человека, в том числе глупость и подлость», «Процент дураков всегда одинаков в любом сообществе — от дворников и разнорабочих до академиков и министров», «Для этого мало быть сволочью, надо еще быть и дураком», «Надо бы написать книгу “Академология”, уделив центральное внимание тому, кто, почему, за что, как и за сколько стал академиком».

Он не написал такую книгу. Но актуальность темы продемонстрировал Ю. А. Золотов, опубликовавший в 2011 г. замечательную книгу «Выборы в Академии наук», представляющую собой некий характерный конгломерат фактов, оценок и легенд.

КОРОЛЬ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ

Заслуженный деятель науки РСФСР Юрий Иванович Полянский после смерти К. М. Завадского стал для сектора «ангелом-хранителем», учителем, редактором, советчиком. Человек энциклопедических знаний, внесший фундаментальный вклад в различные области биологии, Полянский на протяжении 1960-х — первой половины 1990-х гг. пользовался огромным авторитетом в биологическом сообществе, был заведующим кафедрой зоологии беспозвоночных в ЛГУ, заведующим лабораторией простейших в ЦИН, президентом Всесоюзного протозоологического общества и т. д. Его непреклонная позиция в борьбе с Т. Д. Лысенко снискала ему особое уважение. Не случайно на августовской сессии ВАСХНИЛ в 1948 г. разъяренные лысенкоисты наиболее часто произносили имя Полянского. После сессии он разом потерял все посты, включая должность ректора ЛГУ. Позднее Полянский предпочел безработицу, а затем многолетний отъезд из Ленинграда, работу на морской станции «Большие Зеленцы» на севере, а затем в Петрозаводске, но от убеждений своих не отказался. В Ленинград он вернулся только в 1955 г. Когда умер его учитель В. А. Догель, его ученики, среди которых были будущие члены АН СССР (например, Б. Е. Быховский, А. В. Иванов) признали, что именно Ю. И. Полянский должен унаследовать кафедру, которую еще ранее занимали В. Т. Шевяков, В. М. Шимкевич и др.

Потомок старинного дворянского рода Случевских, Юрий Иванович Полянский получил прекрасное образование, хорошо знал основные европейские языки, а французским владел в совершенстве, читая в течение долгого времени лекции в Сорбонне, что по тем временам было уникальным случаем. Будучи проректором ЛГПИ им. А. И. Герцена и ЛГУ, а также заведующим ряда кафедр, Полянский имел все права на бронь, но в первые дни войны ушёл на фронт, проведя всю блокаду Ленинграда на Невском пятачке, ставшем символом мужества и героизма защитников города.

Весь опыт научной и преподавательской деятельности убедил Полянского в исключительном значении истории науки для решения ее актуальных проблем. Им сделаны десятки докладов по истории биологии. Его перу принадлежит серия блестящих очерков-портретов выдающихся отечественных и зарубежных ученых. Полянский был любимцем многих поколений ленинградских студентов, его лекции по зоологии привлекали сотни людей, а небольшое заикание придавало особый шарм всему, что он говорил, а говорил он ярко, образно, эмоционально. Юрий Иванович обладал исключительно правильной русской речью, усвоенной еще в дореволюционной России. Созданная им школа протозоологов была одной из лучших школ в мировой биологии и продолжает успешно развиваться уже учениками его учеников, например Сергеем Орестовичем Скарлато, с которым всегда интересно

беседовать. Сам Юрий Иванович трепетно относился к памяти своего учителя В. А. Догеля, много делая для ее сохранения.

Полянский был прекрасным организатором науки, создателем ряда научных академических учреждений, включая Институт цитологии АН СССР, в котором после смерти Д. Н. Насонова исполнял обязанности директора, но обком партии не дал согласие на назначение непокорного профессора. Несколько раз М. В. Келдыш предлагал создать для Ю. И. Полянского Институт протозоологии, но тот сказал, что за создание института возьмется только после того, как станет действительным членом АН СССР. Его мотивация была следующая: «Я служил в армии и знаю, что такое чиновничество. Если я не буду академиком, ни один чиновник в Президиуме АН СССР даже разговаривать со мной не станет». М. В. Келдыш, знавший это не хуже Ю. И. Полянского, дважды выделял для него ставку академика по специальности «протозоология», но лысенкоисты, заседавшие в Отделении общей биологии, блокировали это избрание до самой смерти Т. Д. Лысенко. Членом-корреспондентом АН СССР Полянский был избран накануне празднования своего 75-летия, которое проходило в марте 1975 г. в Главном актовом зале ЛГУ в очень торжественной и теплой обстановке. К избранию он отнесся с юмором, назвав это в ответ на мои поздравления «ошибкой репликации», но принадлежностью к академической корпорации гордился. Чиновники же из обкома КПСС по-прежнему его не жаловали и старались унижить.

Завадского и Полянского связывали долгие годы совместного знакомства и дружбы, в основе которых, конечно, лежала общность происхождения и воспитания в духе дореволюционной культуры. Завадский был младше Полянского на шесть лет и относился к нему с огромным почтением и уважением. Иногда, когда мы с Завадским готовили какой-нибудь документ, который должен был подписать Полянский, он говорил: «Так не пойдет. Нужно закончить ярко, четко, по Полянскому». Действительно, у Полянского был потрясающий язык, видимо, сказывались гены поэта К. К. Случевского. После смерти брата, Владимира Ивановича Полянского, Ю. И. Полянский взял на себя нелегкий труд и ответственность за титульное редактирование книги «Современные проблемы эволюционной теории» (1967), которая, по мнению лысенкоистов, была катехизисом буржуазной биологии. Как рассказывала Ф. И. Кричевская, Полянский очень ответственно относился к редактированию, проверяя каждую сноску в главах других авторов. У него была огромная библиотека, позволявшая внести уточнения, не выходя из дома. С тех пор Завадский называл Ю. И. Полянского «королем эволюционной теории», хотя сам Юрий Иванович не раз мне говорил, что в области эволюционной теории он дилетант и любитель, а единственная область, в которой он кое-что понимает, — это протозоология. Я не раз с любопытством наблюдал, как гордый шляхтич Завадский, разговаривая по телефону с Юрием Ивановичем, непрестанно кланялся трубке. И положив ее на рычаг, не сразу приходил в обычное состояние. Видно было, что он робеет перед Полянским.

Выпущенная под редакцией Полянского книга «Современные проблемы эволюционной теории» стала одним из основных моих источников знакомства с этой областью знания, а написанный им раздел о генетических предпосылках эволюции содержал данные об эволюции генетических систем, имевшие прямое отношение к выбранной мной теме курсовой работы. Поэтому, когда он в 1968 г. был оппонентом при защите диссертации А. М. Миклина, я пришел, чтобы специально увидеть

его. Он был высоким, немножко сутулился, но выглядел массивно, производя впечатление чего-то очень породистого. Видно было, с каким уважением, даже неким подобострастием, относятся к нему члены Ученого совета философского факультета, помнящие его со времен ректорства.

Наша первая личная встреча оказалась не очень приятной для меня. Завадский попросил его дать отзыв на мою статью для периодического сборника «Историко-биологические исследования». Юрий Иванович дал краткий положительный отзыв, но при встрече сказал, что разочарован тем, что в статье почти ничего не сказано о попытках описать особенности эволюции у растений и простейших, хотя, с его точки зрения, это важнейший путь к постановке и решению проблемы эволюции эволюции. В принципе, я с ним был согласен, но, смущенный резкостью устных замечаний, что-то ответил о невозможности «объять необъятное» и моей полной некомпетентности в вопросах протозоологии. Однако замечания его я запомнил, и, когда мы с Кириллом Михайловичем готовили к печати книгу «Эволюция эволюции», я взял на себя труд подготовить раздел о частных теориях эволюции растений и простейших. Мои некоторые натурфилософские ошибки при создании такой теории у растений исправил Кирилл Михайлович, а за исправлением таковых же по простейшим я отправился к Полянскому. К моему удивлению, исправлений было немного. Более того, Юрий Иванович вызвался вставить несколько абзацев о структуре вида у простейших, и глава приобрела вполне приличный вид. Так в 1975 г. началось мое содружество с Полянским, продолжавшееся более 18 лет и дающее мне право считать его также своим учителем. Многие навыки бережного отношения к биологическим трудам и осторожного изложения их содержания, а также сдержанности в философско-теоретических рассуждениях я почерпнул прежде всего у него.

Полянский был далек от часто встречающегося ныне типа ученых, уклоняющихся от дискуссий с авторами разного рода «новейших теорий эволюции», а тем более креационистами. Он не считал, что принцип «свободы научного творчества» дает право под видом науки проповедовать псевдонаучный бред, ревниво относясь и к своему реноме, и к престижу науки. Столкнувшись с подобными вещами, Юрий Иванович даже багровел и всей мощью своего таланта и темперамента обрушивался на новоявленных ниспровергателей основ современной биологии. Еще до нашего сотрудничества с ним, выступая в дискуссии по докладу С. В. Мейена в ЗИН в 1974 г., он сказал, что хватит говорить о каких-то законах эволюции, пора сказать, что это за законы, и назвать хотя бы один из них. К сожалению, Сергей Викторович забыл здесь свой «принцип сочувствия» и ответил, что подобный призыв ему напоминает прием атеистической пропаганды: «Раз бога никто не видел, значит, его нет». Потом он публично в печати сожалел о своей глупости, ведь на самом деле был прав Полянский. В науке исследуется только то, что можно увидеть, измерить, представить или хотя бы выразить в словах и формулах. Все остальное не наука, а сфера религии, этики, политики и т. д. Еще резче Полянский обрушился на собравшихся в г. Тарту в сентябре 1984 г. агрессивных критиков дарвинизма, не оставив камня на камне от их аргументации, повторяющей все то, что выдвигают против Дарвина вот уже 150 лет.

Другой раз досталось на орехи мне самому. Мы с ним должны были в коллективную монографию написать небольшую главу «Эволюция эволюции». Я взялся подготовить основу на базе книги «Эволюция эволюции», в том числе и раздела о частной теории эволюции простейших, и получил подлинный нагоняй за то, что

шел путем механического сокращения. Это привело к потере важных деталей, да к тому же я не использовал новейшие работы. На всю жизнь мне запомнилось и его разъяснение, чем отличается дилетант от специалиста. Суть его суждения такова: «В принципе, они ничем не отличаются. И тот и другой ничего не знают, и оба ходят по лезвию бритвы. Но профессионал, зная границы своего невежества, режется редко, так как осторожен в суждениях, а дилетант все время срывается с лезвия и весь в крови». Этот раздел главы Полянский переписал заново, так как не мог поставить свое имя под публикуемым текстом, где ему что-то не нравилось. Даже к отзывам на авторефераты диссертаций Полянский относился очень ответственно. В 1976 г. один из учеников Завадского подготовил диссертацию по философским проблемам биологии и хотел получить отзыв Полянского. Тот сделал это крайне неохотно, так как не нашел в ней ничего интересного с точки зрения биолога, и только после длительных уговоров согласился подписать отзыв вместе со мной.

Полянский был образцом пунктуальности, все делал в срок. Первый раз он меня поразил в начале 1979 г., когда я попросил его дать отзыв на большую статью для коллективной монографии. Надо сказать, что отзывы Полянский писал и печатал сам на портативной машинке «Москва». Дело было в январе. Как всегда, у него была запарка, и Полянский спросил о сроках. Я назвал желаемый срок сдачи 1 апреля, собираясь начать его беспокоить где-то ближе к маю. Как же я был удивлен, когда случайно его встретил 31 марта, и Полянский с огорчением сказал, что не ожидал меня увидеть, а то захватил бы отзыв, законченный накануне вечером! Надо ли говорить, что отзыв был подробный, с конкретными замечаниями и предложениями.

Не раз Полянский говорил мне, что выступать всегда надо без бумажки и не больше 30 минут. Это правило он усвоил еще в 1925 г. на семинаре у Ю. А. Филипченко, когда затянул доклад на целый час. Я стараюсь придерживаться его совета, хотя с возрастом это делать сложнее. Понимаешь, что время уходит, напоследок хочется все сказать. Видимо, поэтому я и взялся за написание этих воспоминаний. Увы, старость порой болтлива.

К НОВЫМ РУБЕЖАМ

В 1992 г. мне как-то пришлось присутствовать на поминальном обеде по случаю годовщины смерти одного очень крупного ученого, открытие которого вошло во все учебники по соответствующей отрасли знания и не раз номинировалось на Нобелевскую премию. У него было много учеников, друзей. С трудом все поместились в огромной комнате сталинской квартиры. Выступала его преемница — хороший, крепкий доктор наук. Чтобы подчеркнуть верность учителю и руководителю, сказала: мы ничего не делаем, не обсудив между собой, как бы поступил он в этом случае, как бы он решал возникшую задачу. И я понял, что созданное ушедшим корифеем направление обречено на вымирание. В науке нельзя сегодня делать так, как кто-то делал вчера, сколь бы велик ни был ушедший. Наука — это не выступления примадонн, когда десятилетиями под фонограммы можно исполнять прославленные шлягеры. Сложность состоит в том, что в науке к постоянному обновлению готовы единицы.

Мы вначале тоже хотели все делать так, как делал Завадский. Но коллективный мозг не мог заменить индивидуальный, неизбежно началась дифференциация по интересам, способностям и стремлению к творческой работе. Наметились лидеры и аутсайдеры. Направление стало расщепляться. Стало ясно, что эволюционной теорией мы не способны заниматься на том уровне, на каком это делал Завадский. Да и к занятиям философией биологии были склонны немногие. Главным направлением в секторе стали историко-биологические исследования.

Был инициирован ряд конференций, многие из которых стали стартом для коллективных работ. Первой из них стала конференция, приуроченная к 60-летию со дня смерти физиолога растений, эволюциониста и организатора науки академика А. С. Фаминцына, жизнь и деятельность которого ввиду своеобразия его эволюционных и философских воззрений в предшествующие десятилетия фактически были преданы забвению. Конференция, созванная по инициативе К. В. Манойленко и Л. Н. Хахиной, вовлекла в актив сектора когорту крупных физиологов растений, включая А. Л. Курсанова, В. В. Полевого, Б. П. Строгонова, Ю. А. Урманцева. Сборник «Андрей Сергеевич Фаминцын. Жизнь и научная деятельность» восполнил пробел в отечественной историко-биологической литературе. Особое впечатление на мировое сообщество биологов произвело его учение о симбиогенезе как особом, прогрессивном способе эволюции организмов, в котором Фаминцын предвосхитил новейшие теории происхождения эукариотной клетки. Впоследствии поднятые нашими сотрудниками темы стали основой для многочисленных западных публикаций.

Центральное место в работе сектора в первые годы после смерти Завадского заняла работа над коллективной монографией «Развитие эволюционной теории в СССР» (1983). Идея ее создания возникла еще в 1967 г. у К. М. Завадского с С. Р. Микулинским. В течение нескольких лет она числилась в планах ЛО ИИЕТ

и БИН, но реальная работа по сбору и редактированию материала началась только в 1978 г., заняв более пяти лет. По инициативе Манойленко руководство этой работой было поручено мне. Она прошла все классические стадии подобных коллективных монографий: сперва шумиха, потом неразбериха, затем поиск виновных, далее наказание невиновных и в заключение — награждение непричастных. Буквально только к моменту сдачи книги в типографию удалось закрыть все лакуны и реализовать задуманный план в полном объеме.

Это была первая книга, в которой после долгого периода замалчивания тягостных последствий лысенкоизма мы постарались дать их оценку и вскрыть причиненный ими вред развитию не только генетики, но всей отечественной биологии. В ней впервые опубликованы фотографии многих репрессированных ученых. В первый раз мне пришлось координировать работу примерно 25 авторов разных возрастов, специальностей, стилей, тематических предпочтений. И это было нелегко. Ученые вообще трудно воспринимают установки со стороны. К тому же в создании книги наряду с историками биологии и философами участвовали маститые биологи-эволюционисты, включая создателей синтетической теории эволюции Г. Ф. Гаузе, В. С. Кирпичникова, Е. И. Лукина, Ю. И. Полянского и др., по сравнению с которыми я выглядел желторотым птенцом. Умели отстаивать свои позиции и ученые более молодого поколения, например, не менее меня эрудированный в эволюционной теории Л. Я. Боркин или совсем юный систематик С. Л. Сергиевский. Но все разногласия удалось преодолеть. Некоторые из строптивых авторов стали моими друзьями, другие — многолетними партнерами и коллегами, и о них я расскажу в следующем параграфе.

Фамилия С. Р. Микулинского как ответственного редактора будущей книги появилась лишь после нашего перехода в БИН в качестве гарантии, что ИИЕТ АН СССР заинтересован в издании этой книги. При жизни Завадского Микулинский фактически не вмешивался в разработку структуры книги, и все вопросы Завадский обсуждал с Л. Я. Бляхером, с которым у него не было серьезных разногласий, и с Э. Н. Мирзояном, имевшим свои взгляды на методологию и содержание будущей книги. В частности, Мирзоян выразил желание стать единолично ответственным за подготовку тома, посвященного развитию отдельных отраслей биологии. Завадский почему-то обижался и протестовал против подобного сепаратизма. Мне же подобные притязания Эдуарда Николаевича оказались на руку. Он взял на себя разделы, где я не был специалистом, зато практически не вмешивался в замысел остальных частей. В целом мы работали с ним слаженно. Он был специалистом по истории изучения морфологических закономерностей эволюции и подготовил серию добротных глав по этой тематике.

Микулинский соглашался на продолжение намеченной работы при условии, что вторым редактором будет авторитетный биолог, известный и как историк биологии. Да и мне было понятно, что без мощной поддержки одного из лидеров отечественной биологии вся работа обречена на провал. Для биологов я оставался все же философом и соавтором знаменитого ученого по книге «Эволюция эволюции», а там всегда неясно, кто, что и как писал. Для самостоятельной работы над коллективной монографией мне нужна была поддержка со стороны признанного биолога, чтобы нейтрализовать критические замечания, возражения и предложения, которые неизбежно возникали бы со стороны других членов редколлегии и авторов, но были бы для меня неприемлемы. Предстояла сложная вещь — привести к общему знаменателю

25 крупных и оригинальных творческих умов путем убеждения и редактирования. Эта задача была в принципе невыполнима без Ю. И. Полянского.

С самого начала стало ясно, что структура монографии требует существенной доработки. После разговоров с Н. В. Тимофеевым-Ресовским стало ясно, что вряд ли Т. А. Лукиной удастся дать очерк развития эволюционной теории в Германии, а для подготовки соответствующих разделов по Англии и США авторов вообще не было. Оставалась только Франция, специалистом по развитию эволюционной мысли в которой был В. И. Назаров. Но Вадим Назаров, потративший около десяти лет на подготовку и редактирование двух фундаментальных томов «Истории биологии», отнюдь не рвался вновь в омут коллективных трудов. Да и одной Франции было недостаточно для мирового фона. Пришлось этот раздел выкинуть, а вместо него включить главу об основных этапах развития эволюционной теории. При обсуждении с Микулинским раздела о философских проблемах эволюционной теории было решено сократить его, вставив описание борьбы с Лысенко в конкретные главы, где шло обсуждение тех же проблем. Впоследствии пришлось вообще вопрос о философии убрать, так как автор, взявшийся за написание раздела об истории дискуссий на тему «Марксизм и дарвинизм», представил слабый с историко-научной точки зрения текст. Мне пришлось собрать материал и написать очерк, но потом стало ясно: с этой главой книга не выйдет, и я отложил публикацию до лучших времен. Но работа не пропала зря. В разгар перестройки при участии С. А. Орлова мы выпустили книгу о развитии философских проблем биологии в СССР. Собранный в те годы материал затем стал стартовой площадкой для многих моих книг и статей по социальной истории отечественной биологии.

Работа с С. Р. Микулинским мне много дала в плане понимания административных реалий коллективных монографий при социализме. Я составил график представления статей, редактирования и сдачи в печать, согласно которому вся работа планировалась на 1978–1981 гг., и соответственно от авторов мы ждали первые варианты статей до конца 1980 г. Семен Романович сказал, что, если мы хотим иметь что-нибудь достойное публикации к этому времени, мы должны просить авторов прислать статьи не позже марта 1979 г. Подобная предосторожность мне показалась излишней, но он оказался прав. В марте 1979 г. я имел только отрывок к статье о К. А. Тимирязеве, который никак нельзя было использовать. Подошедшие чуть позже 6 или 7 рукописей, за исключением работы В. С. Кирпичникова, тоже не вселили оптимизма. Проблемы были одни и те же: историки науки плохо знали эволюционную теорию, а крупные биологи не имели навыка готовить исторические тексты. Почти половину запланированных авторов пришлось менять, а порой и по несколько раз.

Так произошло с главой об эволюции биосферы, которую должен был писать С. С. Шварц, но он умер в 1976 г., когда работой руководил ещё К. М. Завадский. Одним из моих первых шагов в качестве руководителя проекта было привлечение к работе доктора биологических наук Михаила Михайловича Камшилова, научно-популярные книги которого «Биотический круговорот» и «Эволюция биосферы» были в центре внимания научной общественности. Он дал согласие написать статью об эволюции биосферы, но внезапно умер. Найти нового автора не удалось, и мне пришлось эту работу взять на себя. К тому времени я уже много читал об этом, собрал материал по эволюции экосистем. Глава получилась достаточно большая, около трех печатных листов, и встал вопрос, что дальше делать с собранным громадным

массивом материала по биогеохимии, экологии, исторической геологии. Я попытался показать видообразование с преобразованием основных параметров биосферы и вывести интегральные показатели эволюции биосферы как целостной системы. По оценке некоторых специалистов в этой области, включая вице-президента АН СССР геолога А. Л. Яншина, получились неординарные выводы.

Микулинский желал, чтобы работа шла в тесном контакте с московскими членами редколлегии. Летом 1979 г. в Москве состоялось заседание, в котором участвовали Л. Я. Бляхер, Э. Н. Мирзоян, В. И. Назаров, Ю. В. Чайковский, Л. В. Чеснова. Я рассказал о трудностях, выслушал советы, из которых что-то принял, что-то отверг, действуя как бы от имени Ю. И. Полянского, давшего мне карт-бланш на это совещание. Удивил меня Ю. В. Чайковский, который, не учитывая, что работа идет несколько лет, в течение которых тщательно и длительно готовилась концепция, структура, подбирался авторский коллектив, готовый реализовать намеченное, сказал, что все надо делать не так. Надо писать по направлениям, по школам, по концепциям, а не по проблемам, в противном случае будет потеряна целостность изложения. Я ему предложил взяться самостоятельно за реализацию этого замысла, а у нас как бы «другое кино». Прошло уже более 30 лет, он ничего подобного не реализовал, но по поводу нашей книги пытался брюзжать даже в печати: мол, не послушали меня.

Началась длительная работа: кому-то надо было рассказать, что такое историческая работа, другим переписать половину текста, третьих сократить, и притом так, чтобы не обиделись. Некоторые статьи пришлось редактировались по несколько раз, постепенно придавая им исторический характер. В итоге, на мой взгляд, получилась настоящая коллективная монография, где в каждой главе проводилась единая концепция, а ее содержание определялось несколькими внутренними и внешними рецензированиями, обсуждениями на секторе. Особенно активно эту работу вели мы с Я. М. Галлом, а на заключительном этапе к нам подключился А. Б. Георгиевский. Почти все главы прочитал также Д. В. Лебедев, внесший важную редакторскую правку; Зоя Михайловна Рубцова *de visu* проверила всю литературу, насчитывающую более 2 тысяч названий. Особо следует отметить заслуги Ю. И. Полянского, взявшего на себя ответственность за научную составляющую книги и внимательно прочитавшего каждую главу.

Оказалось немало биологов, склонных к истории и написавших прекрасные главы. Это прежде всего Л. Я. Боркин, И. А. Захаров, Л. З. Кайданов, Б. М. Медников, Ю. И. Чернов. С другими было сложнее, они не хотели «историзировать» работы, делая упор на современное состояние анализируемых проблем. Здесь приходилось действовать иногда хитростью, в максимальной степени усиливая историческую компоненту в изложении, а затем посылать авторам на согласование с сопроводительным письмом Полянского: я, мол, вынужден был сократить, исправить, отредактировать, вы уж не обессудьте. Многие, конечно, понимали, кто на самом деле столь бесцеремонно внес правку, но возражать Юрию Ивановичу считали неэтичным, и все кончалось благополучно. Случалось, что автор соглашался с правкой, а затем при корректуре вдруг заявлял, что видит её впервые. Это были особенно сложные случаи, но в конечном счете и их улаживали. Сложнее оказалось на заключительном этапе с С. Р. Микулинским и некоторыми членами редколлегии.

Микулинский внимательно следил за созданием книги. На III Всесоюзном заседании по философским вопросам естествознания, на котором присутствовала вся

элита АН СССР во главе с президентом А. П. Александровым. Микулинский также был в президиуме. Он поймал меня во время перерыва, увел за кулисы президиума и подробно стал расспрашивать о ходе работы. Беседа наша длилась около часа, пока академики рассказывали, как их открытия способствуют развитию философии марксизма. Меня позабавил финал встречи. Во время разговора я заметил, что какой-то человек ждет его окончания. Только я распрощался с Микулинским, как неожиданно попал в его объятия. Это был Ф. — один из заместителей Микулинского, который с жаром стал уверять, что рад меня видеть, в то время как я, бывая в Москве, почему-то никогда к нему не захожу. Он, дескать, из-за этого переживает, так как любит меня всем сердцем. Я был ошарашен, поскольку именно Ф., сталкиваясь со мной в коридоре института, практически никогда не отвечал на приветствия, в лучшем случае только кивал, что повторилось буквально накануне моей беседы с Микулинским. Уже в Ленинграде недоумение рассеял всезнающий А. В. Кольцов. Оказывается, Ф. побывал на разных должностях, в том числе министра в правительстве И. В. Сталина. Из длинной беседы Микулинского со мной он, вероятно, решил, что я у того в фаворе, и поспешил заверить меня в преданности чувств и прочее, прочее, прочее.

С грехом пополам мы завершили этот труд летом 1981 г. Отвезли в Москву, где его обсудили на заседании сектора истории биологии. Ученый совет ИИЕТ рекомендовал книгу к печати, Микулинский добился ее включения в план издательства. В течение нескольких месяцев мы с Ф. И. Кричевской занимались редподготовкой. И только когда на стадии корректуры Микулинский сел читать текст, у него появились вопросы, возражения и т. д. Он обнаружил некоторые политико-идеологические «изъяны»: обильно цитировались работы авторов, уехавших за границу во время последней волны эмиграции; был помещен портрет полуопального Н. В. Тимофеева-Ресовского; некоторые формулировки были не совсем корректными. К тому же в первой корректуре, как это часто бывает, встречались ошибки в датах, инициалах. Микулинский сказал, что не может в этих условиях быть ответственным редактором. Это означало, что книга никогда не выйдет. Нашелся член редколлегии, который, узнав, что Микулинскому в книге что-то не нравится, заявил, что вообще книгу не видел, что через сектор истории биологии в Москве она якобы не проходила, они ее не рекомендовали в печать, что я всегда действовал самостоятельно, не слушал советов старших коллег и кроме того у него принципиальные разногласия со мной и поэтому он выходит из редколлегии.

К этому времени у нас с Микулинским было что-то вроде конфликта по поводу Н. В. Тимофеева-Ресовского. По его заказу одна из глав книги, написанная мной с Я. М. Галлом под названием «Общая характеристика развития эволюционной теории в СССР», была сдана в журнал «Вопросы истории естествознания и техники». Возражения Микулинского вызвал раздел о работах Тимофеева-Ресовского, выполненных во время его пребывания в Германии, в том числе и во время войны. Конфликт стал искусственно раздувать один из членов редколлегии журнала, впоследствии сделавший из Н. В. Тимофеева-Ресовского чуть ли не героя антифашистского Сопротивления. Тогда же он говорил, что данная статья — это подлинная идеологическая диверсия. Писать об эмигранте Тимофееве-Ресовском, работавшем на гитлеровскую Германию, как о советском генетике нельзя. Другие, напротив, настаивали на том, чтобы не поддаваться требованиям Микулинского, быть принципиальными и не идти ни на какие уступки. Советовали нам в знак протеста забрать статью.

Во время пребывания в Ленинграде в марте 1983 г. Микулинский вызвал меня и в присутствии Карпеева спросил, правда ли, что я демонстративно забрал статью из редакции. Я ответил: «Нет. Это неправда». Тогда он успокоился и стал объяснять мне неэтичность включения Тимофеева-Ресовского в число советских генетиков, так как во время войны он жил и работал в Третьем рейхе. Я не осмелился возразить ему, что ведь и сам Микулинский был там же, правда, в лагере для военнопленных, но ответил, что Тимофеева-Ресовского никто не лишал советского гражданства. Напротив, именно его как предателя осудили после войны, значит, суд признал его советским гражданином. Конечно, в моих рассуждениях был элемент демагогии, но Микулинский уловил ход рассуждений. И мы договорились, что Тимофеев-Ресовский в тексте остается, только работы, выполненные им в Германии после того, как он отказался вернуться в СССР, будут перечислены среди иностранных наряду с работами другого невозвращенца Ф. Г. Добржанского.

Помимо члена редколлегии, заявившего о выходе из ее состава, были и другие, причастные к подготовке монографии, в том числе и те, кто рецензировал и редактировал ряд статей, но постаравшиеся отмежеваться, подчеркивая идейные разногласия со мной и осуждая мой авторитарный стиль редподготовки. Безоговорочную поддержку я получил в ЛО ИИЕТ только со стороны А. Б. Георгиевского, который прямо заявил Э. П. Карпееву, что считает книгу великолепной и готов всюду отстаивать это мнение, и Д. В. Лебедева. В спасении книги особенно велика роль Ю. И. Полянского, который максимально использовал свой авторитет для преодоления препятствий политиканского и бюрократического порядка. С ним в унисон действовал рецензент книги, заслуженный деятель науки РСФСР, профессор, доктор биологических наук М. М. Голлербах. Полянский несколько раз разговаривал с Микулинским, подтвердив ещё раз, что контролировал весь ход работы над книгой и полностью за нее отвечает. Ну, конечно, не все одинаково хорошо, кое-что следует исправить, но книга очень нужна, полезна и т. д. Микулинский заверил, что был и остается почтительным учеником Полянского и, конечно, речь идет не об исключении книги из плана, а лишь о доработке некоторых статей. Договорились, что все вопросы будут сняты во время нашего приезда в Москву на заседание редколлегии.

Мы с Георгиевским поехали на это заседание. На нем присутствовали также Л. Я. Бляхер, Э. Н. Мирзоян и Л. В. Чеснова, но в основном шел мой диалог с Микулинским. Остальные молчали. В течение восьми часов я отвечал на его замечания и вопросы, с чем-то соглашаясь, на что-то возражая, что его явно раздражало, и он становился все более и более агрессивным. Присутствующие, кто с сочувствием, а кто с плохо скрываемым злорадством, притихли. Перелом наступил неожиданно. Микулинский как бы увидел себя со стороны. Шла речь о статье Е. Н. Панова по этологии. Она действительно получилась скорее теоретической, чем исторической. И Семен Романович говорит: «Ну как вы ее будете помещать здесь, она же теоретическая?» Я ответил: «Да, вы правы, но этология — репрессированная наука, поэтому поместить ее здесь — очень важно, тем более что в наше время возрождение этологии началось с работы самого Панова». Тогда Микулинский спросил строго: «А кто дал рецензию на эту статью?» В институте была отработана система: на каждую статью, выпускаемую по истории современной биологии, должен был давать отзыв ведущий специалист по соответствующей отрасли знания. Их рецензии служили как бы щитом от нападков академиков, которые часто считали, что об их

работах сказано мало, а о работах их конкурентов, напротив, очень много, а это, дескать, искажение научной истины, потеря объективности и т. д. А преамбула выше-сказанного такова.

В 1975 г. вышла книга по истории биологии XX в. На общем собрании АН СССР один из академиков поднялся на трибуну и начал говорить, что вот хорошая книжка, но там ничего не сказано о его работах. Анатолий Петрович Александров сказал: «Надо комиссии разобраться, как это произошло?» За этим риторическим вопросом президента могли последовать серьезные оргвыводы. К счастью для института, критикуемая глава была на рецензии как раз в том институте, который возглавлял обиженный академик. Соответственно Микулинский смог ответить: если ваш институт не посчитал нужным, чтобы о ваших работах рассказывали, как мы могли это исправить?

На статью Е. Н. Панова у меня была положительная рецензия от члена-корреспондента АН СССР этолога Л. В. Крушинского. В ней черным по белому было написано, какая это замечательная работа и что он с нетерпением ждет ее скорейшего появления в печати. Микулинский ему звонит и спрашивает, стоит ли публиковать статью Панова в исторической книге. Крушинский отвечает: «Ни в коем случае!» — поясняя, что этот такой-сякой Панов выпустил книгу и ни разу на него не сослался. А перед Микулинским лежит великолепный отзыв, подписанный Крушинским. В этот момент Микулинский почувствовал себя несколько неловко, осознав комичность ситуации, стал менее агрессивным в своих претензиях, и дальше мы с ним все уладили. Причем обсуждались уже сугубо научные проблемы.

Одну статью о происхождении жизни мы все же решили послать на дополнительное рецензирование в институт, созданный А. И. Опариним, и, получив отрицательный отзыв, сняли. Она действительно была слабой в научном отношении, хотя авторы, по нашим с Георгиевским замечаниям, переделывали ее раза четыре. Был момент, когда Микулинский предлагал вычеркнуть ссылки на работы Р. Л. Берг, но тогда я стал возражать, что так нельзя, потому что Берг крупный ученый, а за границу она выехала с разрешения властей, а значит, просто эмигрант. Да, характер не мёд, но мы ничьи личные черты не обсуждаем. Он не стал настаивать. Ничего на этот раз не сказал и насчет Н. В. Тимофеева-Ресовского. В итоге портрет Тимофеева-Ресовского впервые был помещен в книгу, вышедшую в СССР. В общем, книга прошла три или четыре корректуры. Все время что-то вставлялось, что-то добавлялось, что-то исправлялось.

В конечном счете С. Р. Микулинский как директор института согласился взять на себя ответственность за выпуск книги и восстановил свою фамилию как титульного редактора. Всячески нам сочувствовали заведующая ботаническим сектором в Ленинградском отделении издательства «Наука» Светлана Ивановна Лукомская и издательский редактор Ф. И. Кричевская. Лукомская была очень красивой и миловидной женщиной, чуть старше меня. Ко мне и к моим работам она всегда хорошо относилась и даже слегка кокетничала. За её плечами была непростая жизнь, потеря близких в годы войны, раннее сиротство. У нее был опыт работы в Горлите, что помогло утвердить корректуру. Но она тоже все требовала: «Принесите мне книги, в которых написано о вреде августовской сессии ВАСХНИЛ». Я приносил такие книги и статьи, но все они были в основном середины 1960-х гг., и она мне в ответ: мол, это было десять лет тому назад, или эта книга издана по специальному разрешению ЦК КПСС и т. д.; и снова, принесите обычную книгу, изданную недавно, где об этом бы говорилось.

Тогда действительно было негласное указание ничего не писать о Т. Д. Лысенко и сессии ВАСХНИЛ. Мол, партия уже дала оценку этим событиям и зачем к этому возвращаться. Каково? Писать историю науки без обращения к прошлому! Но все-таки мы с Полянским добились своего, и все нужные слова о погроме в области генетики были сказаны. И мне и сейчас не стыдно ни за одно слово в этой книге.

Интересный эпизод произошел уже перед сдачей книги в печать после третьей или четвертой корректуры, когда она наконец-то была подписана в Горлите. Неожиданно в середине декабря меня вызвал главный редактор издательства (я не помню его фамилию, так как он недолго там проработал) и сказал, что сложилась непростая ситуация. С одной стороны, если книга не выйдет в первых числах января 1984 г., план издательства на 1983 г. не будет выполнен и коллектив останется без премий, ведь книга 60 печатных листов, тираж 2 тысячи экземпляров. С другой стороны, он не может взять на себя ответственность за возможный политико-идеологический резонанс от книги и поэтому просит, чтобы я в течение десяти дней представил положительную рецензию на нее ни от кого другого, как от вице-президента АН СССР Ю. А. Овчинникова. Сначала я онемел от неожиданности: вице-президент Овчинников и старший научный сотрудник Э. И. Колчинский... Он, процветающий экспериментальный биолог, в том возрасте, когда об истории науки ученый обычно не задумывается! В условиях тогдашней Академии наук подобного разрешения можно было ждать годами, и то только в том случае, если кто-нибудь из академической бюрократии, приблизительно такого же ранга, как Овчинников, обратился бы к нему с подобной просьбой. Даже академики-секретари отделений, подведомственных Овчинникову, не всегда могли добиться от него приема в течение двух недель, которые оставались до конца года, а тем более получить разрешение на выход идеологически и политически «опасной» книги.

Понимая, что объяснить это главному редактору — значит фактически книгу похоронить, я прибегнул «ко лжи во спасение». Притворившись, что не вижу в просьбе ничего удивительного, я ответил, что, по моим сведениям, Овчинников сейчас, в конце года, очень занят и в ближайшие дни я не смогу с ним встретиться для получения разрешения на публикацию книги. На самом деле я никогда бы не смог встретиться с ним по этому вопросу. В качестве выхода я предложил дать книгу на рецензию директору Зоологического института АН СССР члену-корреспонденту О. А. Скарлато. Главный редактор стал размышлять вслух: «Скарлато, директор академического института, номенклатура ЦК КПСС, в крайнем случае это может быть достаточным для прикрытия». Скарлато дал короткую, но доброжелательную и однозначно положительную рецензию. И книга вышла, став значительным научным событием в последние предперестроечные годы. Вопреки всем опасениям в партийно-идеологических кругах на нее никто не обратил внимания. Там все были озабочены совсем другими проблемами, возникавшими в условиях постоянных похорон и смен генеральных секретарей ЦК КПСС — по народному выражению, «гонок на катафалках».

На книгу вышло несколько положительных рецензий у нас в стране и за рубежом, и до сих пор ее часто цитируют. Я полагаю, что она является редким удачным примером коллективной монографии на историческую тему, где с единых позиций освещена история всех главных проблем эволюционной теории. Благодаря этой книге биологическое сообщество в какой-то степени признало меня своим, и в дальнейшем мне проще стало реализовывать с биологами различные проекты.

К творчеству В. И. Вернадского я обратился по совету К. М. Завадского в 1971 г., когда мы с ним работали над статьей об основных этапах истории органического мира, которые мы предложили назвать историко-биологическими формациями. Первоначальное знакомство с главными трудами Вернадского «Биосфера» (1926) и «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения» (1965) разочаровало меня, так как мысль автора явно обгоняла эмпирическую базу и многие утверждения выглядели скорее как постулаты, чем как выводы. Философская же база напоминала скорее представления позднего Возрождения, чем прорыв в будущее. Да и научное сообщество тогда еще холодно относилось к биосферным и ноосферным идеям Вернадского. Не случайно его посмертно изданную книгу «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения», где изложена квинтэссенция его воззрений, я купил в «Академкниге» на Литейном как уцененную, за 25 копеек.

Через несколько лет ситуация коренным образом изменилась. Если до 1950-х гг. В. И. Вернадского критиковали за идеализм и витализм в его биогеохимических трудах, то с конца 1960-х гг. их стали считать основными в его научном наследии. Вскоре в центре внимания оказались учение о ноосфере и философские размышления ученого, в которых искали ответы на теоретические вопросы науки и глобальные проблемы человечества. Перестроечная литература явила новый образ Вернадского как непримиримого критика большевистского режима, борца с насильственной диалектизацией естествознания, «печальника» за отечественную науку и заступника за репрессированных ученых. В современной России, где выпуск научной литературы резко сократился, неиссякаемым потоком стали публиковаться его рукописи, дневники, письма. В «пантеоне российской науки» ему отвели место энциклопедиста XX в., мыслителя и ученого, предвосхитившего будущие направления развития науки. Налицо и все элементы официального культа: академическое собрание сочинений и многократные переиздания трудов, юбилейные сборники, конгрессы, симпозиумы, конференции и семинары; увековечивание в названиях институтов, проспектов, улиц, станций метро; именные стипендии и премии; памятники, мемориальные доски, юбилейные медали и т. д.

Причины эволюции в отношении к Вернадскому как к ученому, мыслителю, общественному и политическому деятелю очень сложны. Для меня решающее значение в обращении к его творчеству сыграли труды М. М. Камшилова, Е. М. Лавренко и С. С. Шварца, в которых впервые был поставлен вопрос о значении его учения о биосфере для экологии и эволюционной теории. К сожалению, ни С. С. Шварц, ни М. М. Камшилов не успели подготовить главу об эволюции биосферы для монографии «Развитие эволюционной теории в СССР». Правда, не все мои коллеги считали подобную статью важной для понимания истории отечественного эволюционизма,

но я к концу 1970-х гг. был уже твердо убежден, что одним из наших приоритетов в эволюционной биологии была как раз постановка вопроса об эволюции биосферы. Мне пришлось взяться за этот труд, хотя я смутно представлял себе трудности предстоящего исследования, когда отсутствовали четкие представления о том, что такое эволюция биосферы как целостной системы.

Выработка рабочей гипотезы, с позиции которой можно было вести сбор материала, потребовала немалого времени, как и погружения в новые для меня отрасли знания: биогеохимию, литологию, историческую геологию и т. д. И здесь огромную помощь мне оказали труды А. П. Виноградова, А. И. Перельмана и А. В. Лапо. Большим подспорьем стало издание рукописи В. И. Вернадского «Живое вещество» (1978), а также второго тома «Размышление натуралиста» (1977), из которых мне стала более ясной эволюционистская направленность его учения о биосфере. В 1981 г. я опубликовал первую статью о значении идей В. И. Вернадского для эволюционной теории, которая писалась в обстановке жестких дискуссий с Я. М. Галлом и А. И. Кафановым. Статью заметил геолог Андрей Витальевич Лапо, блестящий знаток творчества Вернадского и автор книги «Следы былых биосфер» (1979), выдержавшей несколько изданий, в том числе и на английском языке.

По инициативе А. В. Лапо в апреле 1983 г. в Доме ученых им. Горького была проведена однодневная конференция «В. И. Вернадский и современность», в которой приняли участие ученые разных специальностей, включая историков науки. Среди докладчиков были блестящий знаток жизни и научной деятельности В. И. Вернадского И. И. Мочалов и В. С. Неаполитанская — директор Кабинета-музея В. И. Вернадского в Институте геохимии и аналитической химии АН СССР в Москве, посвятившая всю свою жизнь изучению и пропаганде его идей. С докладами на конференции, которую открыл С. Р. Микулинский, выступили геоботаник Е. М. Лавренко, физиолог А. М. Уголев, радиохимик Г. С. Синицына, геоэколог С. П. Горшков и др. По отзывам участников, нам впервые удалось организовать конференцию о Вернадском, где с позиций разных наук профессионально обсуждали значение идей Вернадского для решения проблем современности. Воспоминания Е. М. Крепса и Ю. П. Полянского о встречах с Вернадским в 1920–1930-х гг. позволили как бы ощутить реального, не книжного, Вернадского. Успеху конференции способствовала и выставка прижизненных публикаций В. И. Вернадского, с любовью подготовленная библиотекарем ЛО ИИЕТ Эльвирой Ринкон-Поса, которая в то время помогала мне во всех моих начинаниях.

С этого времени в ЛО ИИЕТ стал складываться центр по изучению жизни и деятельности В. И. Вернадского. Особенно пышно в марте 1988 г. отмечалось 125-летие со дня его рождения, которое пришлось на пик популярности Вернадского. В атмосфере перестройки многим казалось, что мы близки к реализации его идей о ноосфере. В ЛО ИИЕТ, который возглавлял в то время Аркадий Иванович Мелуа, ученый секретарь Комиссии АН СССР по разработке научного наследия В. И. Вернадского, была сформирована программа юбилейных торжеств в Ленинграде, Киеве и Москве, где прошла серия научных конференций с участием около 30 ученых из зарубежных стран. Самое интересное, как происходило их приглашение. Президиум АН СССР поручил вице-президенту А. Л. Яншину подготовить список ученых, которых АН СССР приглашает на юбилейные торжества. Яншин перепоручил

это академику-секретарю Отделения геологии Б. С. Соколову, тот, в свою очередь, С. Р. Микулинскому, а последний мне. Поскольку я не очень хорошо знал зарубежных ученых в большинстве областей знания, в которых работал Вернадский, то я обратился за помощью к А. В. Лапо. Данные им сведения составили основу списка, который отправился наверх в обратном порядке, пополняясь на каждом уровне двумя-тремя фамилиями. Впоследствии Лапо сказал мне, что чувствует себя человеком, пригласившим за государственный счет всех коллег, с которыми до этого у него не было ни малейших шансов свидеться. Надо сказать, что, судя по реакции некоторых иностранных гостей, кое-кто из них впервые слышал имя Вернадского, хотя они фактически работали в русле его идей. Другие только здесь осознали их важность для решения проблем современной экологии.

Торжественные мероприятия начались в Ленинграде, в битком набитом Большом конференц-зале Главного здания АН СССР. Здесь с докладами выступили вице-президент АН СССР И. А. Глебов и министр образования РСФСР И. Ф. Образцов, член-корреспондент АН СССР М. И. Будыко и академик А. М. Уголев, а также гости из Болгарии (Л. Цветков), Чехословакии (С. Гейны), Польши (В. Михайлов), ФРГ (В. Крумбайн), Великобритании (Н. Полунин), Японии (Х. Аоки) и др. Закрывая пленарное заседание, я предложил снять с ЛГУ имя губителя отечественной культуры и науки А. А. Жданова и присвоить ему имя Вернадского. Это предложение было встречено бурными аплодисментами. К счастью, реализовалась только первая часть этой идеи. Ведь в ЛГУ / СПбГУ работали многие великие ученые, и было бы несправедливо присвоить имя лишь одного из них.

Были предприняты шаги по институционализации вернадсковедения. На базе ЛО ИИЕТ было создано Ленинградское отделение Комиссии по разработке научного наследия В. И. Вернадского и издано девять выпусков «Бюллетеня» этой комиссии, в которых ученые разных стран публиковали материалы о жизни и творчестве ученого. В 1989 г. под редакцией вице-президента АН СССР А. Л. Яншина вышел труд «Научное и социальное значение деятельности В. И. Вернадского», над которым мне пришлось работать в жестком режиме, одновременно формируя сборник, выбивая статьи из авторов, порою переписывая их и проводя редподготовку. Как жаловалась редактор издательства Н. Е. Жуковская, ей в таком темпе не приходилось работать. И действительно, напряжение было велико. К тому же в разгар редподготовки Б. Н. Ельцина со скандалом сняли с поста первого секретаря Московского горкома КПСС. Кое-кто это оценил как начало политического отката. От меня требовали убрать статьи, например, И. И. Мочалова, носящие перестроечный характер. Но я отказался, так как понимал, что подобные требования мотивированы не столько идейно-политическими соображениями, сколько завистью к популярности И. И. Мочалова как знатока архивов Вернадского.

В целом конференция вызвала всплеск интереса к творчеству Вернадского во всем мире. На немецком, английском, французском, испанском и итальянском языках были опубликованы основные труды В. И. Вернадского, встретившие доброжелательные отклики. Помимо положительных моментов юбилейные торжества имели и отрицательные последствия. Из конъюнктурных соображений к модной теме бросились сотни, тысячи людей, не имевших собственных идей о В. И. Вернадском. На фоне компиляторской, а порою и графоманской литературы стали теряться сочинения серьезных исследователей его творчества.

Во время юбилейных торжеств не обошлось без накладок. На здании ЛГУ, где учился и работал Вернадский, была открыта мемориальная доска с ошибочными датами. В бывшей Первой гимназии, где он провел школьные годы, организовали выставку, посвященную его учению о биосфере, и разрекламировали ее как музей. Просуществовав несколько лет, «музей» бесследно исчез. С первого дня торжеств в них участвовала какая-то неадекватная дама, которая периодически прорывалась на трибуну. Кто ее включил в состав участников торжеств, не знаю, но она полетела с нами на самолете в Киев, а затем приехала в Москву, останавливалась в заказанных АН СССР гостиницах. Выяснить, кто она такая, не удалось. Но она была уверена, что торжества организованы ради нее как продолжательницы дела Вернадского. В прежние времена ее бы, конечно, изолировали сразу, но шел третий год перестройки, и права личности, особенно сумасшедших, тщательно оберегались. Заключительное заседание проходило в Большом театре. Предполагалось, что на нем будет присутствовать М. С. Горбачев, затем планку снизили. Заседание должен был вести президент АН СССР Г. И. Марчук. Тем не менее контроль был тщательный, пропускали строго по именованным пригласительным билетам и паспортам. По словам А. И. Мелуа, он предупредил охрану о возможном инциденте со стороны странной дамы. Тем не менее мы ахнули, когда в разгар торжественного заседания она в белом платье и с бумажной желтой короной на голове появилась на сцене из-за кулис и проследовала в президиум, сев на свободное место во втором ряду. Вот здесь надо отдать должное охране. После некоторого замешательства бравый симпатичный молодой человек сел рядом с соискательницей славы и каким-то образом смог отвлечь ее от намерения выступить. Как это ему удалось, я не знаю, но вечер не был омрачен бредом сумасшедшей.

Во время этих мероприятий я познакомился с доктором технических наук, электротехником Ефимом Исааковичем Таубманом, который пытался создать первый в нашей стране частный научно-исследовательский институт «Ноосфера» с отделениями в Одессе и Ленинграде. Ему удалось увлечь этой идеей более десяти энтузиастов, готовых трудиться на новом поприще. Важно, что в его планах был точный расчет инженера и многолетний опыт организатора такого рода работ. К сожалению, внезапная смерть самого Таубмана, а затем обстановка начала 1990-х гг. не позволили реализоваться его нестандартным идеям. После его смерти Экологическому семинару в Одесском доме ученых было присвоено его имя. Он был очень яркий человек, с широким кругом исследовательских интересов, включая литературоведение, где он особенно увлекался темой инженерного дела в жизни и творчестве А. П. Чехова и А. П. Платонова.

В 1990 г. я опубликовал книгу «Эволюция биосферы». Мне казалось, что это мой итоговый труд на данную тему. В нем на базе историко-критического анализа работ отечественных ученых были сформулированы некоторые положения учения об эволюции биосферы, выработанные путем включения обобщений и данных биогеохимии в эволюционный синтез. Выделенные основные показатели эволюции биосферы как целостной системы в целом были приняты научным сообществом и вошли в ряд учебных пособий по экологии и эволюционной теории. Но интерес к вернадсковедению я не потерял и продолжал отслеживать наиболее значимые публикации в этой области. К их числу я отношу следующие: дневники В. И. Вернадского, прокомментированные М. Ю. Сорокиной, В. П. Волковым и другими;

письма Вернадского разных лет и некоторые рукописи его трудов, подготовленные С. Р. Микулинским, И. И. Мочаловым, М. Ю. Сорокиной и др.; подборку статей разных лет в поддержку и критику идей В. И. Вернадского в серии «Pro et contra», осуществленную А. В. Лапо.

Вновь обратиться к Вернадскому меня побудила появившаяся в середине 1990-х гг. новая тема публикаций, где основное внимание уделяется отмеченной ранее американским историком науки К. Бэйлсом удивительной «социальной пластичности» ученого, позволявшей ему преуспевать на всех этапах трагической истории России в XX в. Некоторые авторы ставили задачу «деканонизировать» Вернадского, расстаться с мифом о нем как о носителе нравственных традиций русской интеллигенции и увидеть в В. И. Вернадском прежде всего прагматика, умело использовавшего сталинскую систему для финансирования своих научных исследований. Одна из моих учениц А. В. Козулина, будучи в США, собрала материал в Бахметьевском фонде Колумбийского университета, где хранится эпистолярное наследие В. И. Вернадского, точнее его «бесцензурная» переписка с детьми и коллегами.

Это позволило по-новому оценить «феномен Вернадского», его научную и общественно-политическую деятельность в сложном социально-культурном контексте дореволюционной и советской России. В 2009 г., находясь в Нью-Йорке, я более полумесяца работал в Бахметьевском фонде и скопировал несколько сотен страниц переписки Вернадского и вновь вернулся к вопросу о его эволюции в социально-культурном контексте времени. В ряде публикаций в журналах «ВИЕТ», «Человек» и других я старался показать, что не корыстные соображения, а вера в науку, в ее способность рационально организовать общество и обеспечить переход биосферы в ноосферу побуждала ученого идти на сотрудничество с властями, политические цели и действия которых он осуждал. Прагматизм Вернадского позволил ему при всех режимах вести плодотворную научную деятельность и достигнуть блестящих успехов в различных отраслях знаний. В то же время он всегда оставался верным своим либеральным воззрениям и этическим ценностям и делал все возможное для защиты своих близких, друзей, сотрудников и учеников от произвола и репрессий. Не раз мне приходилось выступать с докладами на эту тему за рубежом, в том числе и на крупной конференции по экологической истории в Аризоне в апреле 1999 г., где я посетил комплекс «Биосфера-2», сооруженный с использованием идей В. И. Вернадского.

Некоторые усмотрели в этих публикациях и докладах не столько попытку понять поступки Вернадского в социально-культурном контексте и защитить его от несправедливых обвинений в цинизме и подлобострастии по отношению к власти, сколько очернить облик ученого, поднятого в период перестроечной эйфории до ранга небожителей. По инициативе редколлегии журнала «Человек» в ноябре 2009 г. в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов состоялся круглый стол по теме «Ученый и власть». Материалы дискуссии были опубликованы отдельной книгой, а также в переработанном виде увидели свет в журнале «Человек». В 2013 г. мне пришлось в разных аудиториях, в том числе и на заседании Санкт-Петербургского научного центра, сделать более десяти докладов на тему «В. И. Вернадский в контексте времени» и «Значение идей В. И. Вернадского об эволюции биосферы», и я не встречал резких возражений.

«ТАЙНЫЕ ВРАГИ — ЭТО ЕЩЕ НЕ ВРАГИ...»

Так отреагировал академик А. М. Уголев на мои сетования по поводу анонимок при защите докторской диссертации, ставшей неким итогом работы над коллективной монографией «Развитие эволюционной теории в СССР». В ней я как историк биологии и эволюционист поставил проблему взаимосвязи процессов «эволюции эволюции» и эволюции биосферы и пытался показать некоторые пути ее разработки. Однако было не ясно, как защищать работу, выполненную на стыке нескольких отраслей знания: философии, истории науки, биологии и геологии. В условиях жесткой специализации, требуемой ВАК, это задача архисложная. Специализированные советы крайне неохотно берут диссертации не по профилю. Я выбрал прежнюю специальность: философские проблемы естествознания. Тем более что ранее успешно прошли защиты докторских диссертаций учеников К. М. Завадского: передо мной их защитили А. М. Миклин, А. А. Корольков, Ю. И. Ефимов, А. Б. Георгиевский; сразу после меня А. П. Мозелов и В. И. Стрельченко.

Большую помощь в редактировании раздела о значимости моих работ для философии оказал Всеволод Григорьевич Иванов, заведующий кафедрой диалектического материализма и председатель специализированного совета. На 3-м курсе он вел в нашей группе занятия по диалектическому материализму и пользовался у студентов большим авторитетом как большой знаток и бескорыстный любитель философии. В годы перестройки его имя склоняли все кому не лень в связи с разгоном по решению парткома ЛГУ семинара по семиодинамике. Основанием для этого стал отзыв В. Г. Иванова на подготовленный его участниками сборник. Я не специалист в этой области знаний, но работы некоторых авторов этого сборника приходилось редактировать и рецензировать уже в постперестроечное время. Они произвели на меня удручающее впечатление ввиду отсутствия логики в тексте, напоминавшем словоблудие в худших традициях критикуемого авторами диалектического материализма. Не знаю, заслуживал ли сборник столь жесткого экспертного рецензирования, но уверен: некоторым из его авторов, прежде чем браться за перо, следовало бы пройти психиатрическое освидетельствование.

Самое отвратительное, что «борцы» за свободу слова организовали расправу с оппонентом теми же самыми административными методами, которыми возмущались, когда речь шла о них. Ошельмованного Иванова сняли с должности заведующего кафедрой и вскоре уволили. Вообще я не раз замечал, что к большинству борцов с тоталитаризмом вполне подходят слова старого цыгана к Алеко в поэме А. С. Пушкина: «Ты для себя лишь хочешь воли».

Вставая на путь подготовки и защиты докторской диссертации, я даже представить не мог, как тернист этот путь. Сама процедура прохождения диссертации, начиная с предварительной экспертизы в том месте, где выполнялась работа, до самой

защиты предполагает, что все рецензенты, оппоненты и т. д. должны критиковать, подвергать сомнению, выискивать ошибки, прежде чем произнесут заветную фразу: «несмотря на отмеченные недостатки, работа достойна искомой степени». Таков ритуал, к которому нелегко привыкнуть, так как, выходя на защиту, диссертант лучше любого оппонента знает недостатки своей работы и готов их исправить, но процедура не предполагает внесения изменений в текст после того, как диссертация прошла предзащиту на кафедре и экспертизу в Совете.

Вторая трудность связана с поиском оппонентов, круг которых весьма ограничен. По правилам ВАК таковым не мог быть ни научный консультант, ни соавтор, ни редактор и т. д. Из-за моей деятельности как автора и как редактора у меня практически весь лимит был выбран полностью. К счастью, любезно согласился быть оппонентом от Ученого совета профессор, доктор философских наук заведующий кафедрой философии Военно-медицинской академии, генерал-майор Виктор Порфирьевич Петленко, который занимался в основном философскими проблемами медицины и пути с которым в науке у меня не пересекались. Виктор Порфирьевич внимательно прочитал текст диссертации, заранее дал большой отзыв и даже попросил текст для издания в виде отдельной монографии в планируемой им 20-томной серии книг по философским проблемам наук о живом.

Вторым оппонентом был назначен ученик И. Т. Фролова С. А. Пастушный из МГУ. Неожиданно его за полгода до защиты на несколько лет откомандировали в Прагу. Замена оппонента в то время не разрешалась, в любом случае от него требовался дополнительный отзыв. Стефан Алексеевич понимал, что может сорвать защиту, и до отъезда в короткий срок подготовил и прислал отзыв, который был зачитан на защите. Но все равно требовалось личное выступление еще одного оппонента. Таковым была назначена доктор философских наук, заведующая сектором философских проблем биологии Института философии АН УССР и профессор Киевского университета Надежда Павловна Депенчук. Она вместе со своим сектором ежегодно проводила семинары по философии биологии в разных городах Украины в апреле-мае. Я редко на них бывал, о чем искренне потом сожалел.

На встречах, как правило, собирались ведущие специалисты в этой области. Все было прекрасно организовано, со свойственными украинцам радушием и гостеприимством. Я и многие мои коллеги из Ленинграда с огромным удовольствием участвовали во встречах в Киеве, Симеизе, Тернополе и Ялте, где были не только интересные доклады, но и уникальная возможность личного общения, а также интересная культурная программа. Так, например, во время пребывания в Симеизе в 1983 г. целый день был посвящен экскурсиям в горы, в которые вместе с нами пошел слепой знаменитый методолог науки А. И. Ракитов из Москвы. Обширная программа предполагалась и в мае 1986 г. в Ялте, но стало известно о катастрофе в Чернобыле, и все пансионаты и санатории приказано было очистить для эвакуируемых детей.

На этих встречах соблюдали достаточно строгую иерархию в приеме гостей. Особое внимание уделялось гостям из Москвы. Правда, один из организаторов семинаров зло иронизировал по поводу гостеприимства по-московски: «Москвичи приезжают в Киев, чтобы хорошо выпить за счет украинцев, а когда киевляне приезжают в столицу, москвичи снова хорошо выпивают за их счет». Мне трудно судить о справедливости данной шутки, у нас, ленинградцев, с москвичами всегда был полный

паритет. Как рядовой научный сотрудник из Ленинграда, да к тому же не совсем настоящий философ, я не рассчитывал на особое внимание со стороны Н. П. Депенчук. За все семинары обмолвился с Надеждой Павловной буквально двумя-тремя фразами. Проблематика ее сотрудников была далека от меня, у них мало было работ по истории биологии, которой занимался только один из ее учеников и помощников Василий Крисаченко. Я попросил ее стать дополнительным оппонентом, Надежда Павловна согласилась и заранее прислала положительный отзыв, содержащий, конечно, некоторые претензии, что было естественно, так как наши взгляды на предмет и задачи философии не были идентичными.

Тогда было принято, чтобы на докторской диссертации по философским вопросам естествознания третьим оппонентом выступал общепризнанный специалист в данной области знаний, да к тому же имеющий труды по философии. Таких было немного, так как философия и биология требуют совершенно разных стилей мышления. К тому же во времена господства лысенкоистов, идеи которых обосновывали якобы с позиций диалектического материализма, у советских биологов выработалась твердая идиосинкразия к философии. По пальцам можно было пересчитать биологов, кто был готов выступить в дискуссии на совете, далеком от их профессиональных интересов. Все подходящие оппоненты были редакторами сборников, где я публиковался, или печатались в трудах под моей редакцией.

Вначале оппонентом предполагался академик АН ЭССР директор Института зоологии и ботаники АН ЭССР Л. К. Паавер, специалист по эволюции четвертичных полуископаемых популяций млекопитающих и автор капитальных книг по методологии эволюционного учения. Но Паавер в 1985 г. скоропостижно скончался. Ю. И. Полянский, желая мне помочь, попросил своего любимого ученика, профессора ЛГУ протистолога Льва Николаевича Серавина, имевшего работы по информатике, посмотреть диссертацию на предмет возможности стать официальным оппонентом. Серавин диссертацию посмотрел, сделал несколько дельных замечаний, но оппонировать отказался, сказав, что не чувствует себя достаточно компетентным в обсуждаемых проблемах. Позднее, лет через пять после смерти Ю. И. Полянского, у нас завязались близкие научные связи с Л. Н. Серавиным, мы часами с ним беседовали на различные темы из истории отечественной биологии. При этом все время чувствовалось, что Лев Николаевич немного напряжен и ждет от меня какого-то объяснения. Наконец он не выдержал и сказал, что все-таки не понимает, почему я на него не держу зла за отказ стать оппонентом. Я ответил, что в науке каждый вправе иметь свое мнение, а его я считал и продолжаю считать выдающимся ученым, лекции которого в актовом зале ЛГУ я слушал на 1-м курсе и который в какой-то степени повлиял на выбор моей специальности. Тогда он сказал, что на самом деле отказался из-за некоторых моих твердых деклараций в пользу дарвинизма, которые он тогда оценил как мое стремление заявить о приверженности официальной доктрине. И сейчас он несколько сожалеет, что поставил и Полянского, и меня в несколько двусмысленное состояние. Я так никогда не считал.

Вопрос решился неожиданно просто. Член-корреспондент АН СССР Илья Сергеевич Даревский, как раз разрабатывавший со своим учеником Л. Я. Боркиным оригинальную концепцию эволюции, условно названную кредитогенезом, случайно узнав о моих сложностях, охотно согласился быть оппонентом. Но здесь возникло другое затруднение. Он был одним из самых популярных зоологов мира, автором

фундаментального открытия — партеногенеза у наземных позвоночных. Даже в невыездное время его буквально рвали на части, и Илья Сергеевич почти все время был за границей. Важно было подобрать день защиты в краткие периоды его пребывания в Ленинграде между поездками, обеспечить кворум и т. д. И наконец, ведущей организацией согласился быть сектор философских проблем биологии Института философии АН СССР, и подписанный Р. С. Карпинской отзыв был получен в срок.

Казалось, нечего было волноваться: на руках не три, а даже четыре отзыва официальных оппонентов и заключение ведущей организации, представлены вроде разные школы. Дней за десять до защиты я отнес полученные отзывы в Ученый совет, и председатель В. Г. Иванов неожиданно спросил: «Готовитесь к бою?» Я был несколько озадачен, так как военной терминологией не злоупотреблял, и с робкой надеждой спросил: «А что, предполагается бой?» — «Обязательно будет, — успокоил меня В. Г. Иванов, — и очень жестокий». К счастью для меня, он ничего не добавил. Я, хоть и был обескуражен, не стал расспрашивать: кто, что, как, почему, за что, кому надо? Ведь вроде дорогу я никому не перебежал. Он все равно бы не ответил, а я выдал бы волнение. Значительно позже я узнал, что к нему обращались несколько человек, предлагая под каким-то предлогом снять защиту, чтобы не подставлять Совет. Имена их мне и по сей день неизвестны, да я и не старался узнать.

Основной аргумент был следующий: «Как Колчинского допускать к защите докторской диссертации? Он ведь известный антимарксист и позитивист». В этом, конечно, была какая-то доля правды. Я ставил и по-прежнему ставлю позитивное знание выше спекулятивного, хотя понимаю, что первое также формируется и функционирует в определенном социально-культурном контексте и приобретает конкретными практиками. Не будучи ортодоксальным марксистом, я через пять лет с удивлением обнаружил, что среди дипломированных философов остался чуть ли не единственным, кто с уважением относится к диалектическому материализму, основатели которого пытались опираться на естествознание. За два дня до защиты я встречал Н. П. Депенчук в аэропорту. Она сказала, что у нее температура 39° и приехала она только потому, что получила грязную анонимку и не хотела, чтобы кто-то подумал, что она испугалась. Более того, она привезла несколько измененный текст отзыва, чтобы смягчить остроту замечаний.

Начало защиты затягивалось. Сверх ожиданий пришло очень много народу, и пришлось переносить защиту в другую, большую аудиторию, что надо было правильно оформить, чтобы не дать повода обвинить Совет за проведение защиты в незапланированном месте. Затем долго не могли набрать кворум. У одного члена Совета, который до этого хвалил диссертацию и клятвенно обещал поддержать ее на защите, вдруг появилось неотложное дело на психологическом факультете, пришлось ждать того, кто обещал прийти с опозданием. Неожиданно для меня пришло много биологов, в том числе академик А. В. Иванов, доктора наук Я. И. Старобогатов, И. А. Захаров, Н. Н. Иезуитова, Л. З. Кайданов и др. После зачитывания документов у председателя и одного из членов Совета возник ряд вопросов процедурного характера о порядке проведения предварительной экспертизы. К счастью, я никогда не надеялся на авось и строго следил, чтобы все делопроизводители соблюдали не только букву, но и каждую запятую закона.

Все шло как по нотам. Очень много было желающих выступить в прениях. Большое впечатление на всех произвело, как всегда, эмоциональное выступление

Полянского, а также спокойные, очень взвешенные, рассудительные выступления будущего члена-корреспондента АН СССР генетика И. А. Захарова и общепризнанного эрудита в области теоретической биологии Я. И. Старобогатова. Это все было результатом работы над книгой «Развитие эволюционной теории в СССР», благодаря которой меня тогда кое-кто считал больше биологом, чем философом. Пришла и вдова К. М. Завадского Е. С. Зайчук. Ее поздравления были для меня особенно приятны: «Достойный ученик великого учителя», но, конечно, о сути диссертации она вряд ли могла судить. Из философов в поддержку диссертации выступил А. С. Мамзин и совершенно неожиданно для меня профессор Г. А. Подкорытов, которого я слегка критиковал за трактовку метода актуализма как противостоящего историческому методу.

В заключение председательствующий вдруг сообщил, что в адрес Ученого совета поступило несколько анонимных писем, и предложил их авторам выступить открыто, так как Ученый совет ведет научный спор, где должны быть представлены конкретные точки зрения. Не дождавшись ответа, он сказал, что письма будут сохранены и приложены к делу, и спросил у Ученого совета, стоит ли оглашать анонимки. Было принято единогласное решение этого не делать. Впоследствии, однако, я выяснил, что все существенные вопросы из анонимок, которые оказались в аудитории еще до защиты, а потом по ходу защиты были поднесены какими-то студентами, Иванов все-таки огласил в виде своих вопросов. Мои ответы его удовлетворили и снабдили аргументами для ответов ВАК, куда, как он предполагал, также поступят анонимки. Позднее я узнал, что только по Ленинграду было разослано более 20 анонимок, часть из которых развезли прямо по адресам и бросили в почтовый ящик. Позднее Полянский сказал мне, что именно это заставило его отложить все дела и приехать на защиту, пожертвовав даже заседанием собственного совета.

Несмотря на то что мне не было сделано ни одного серьезного замечания, а все официальные и неофициальные оппоненты, как и авторы более 20 отзывов на автореферат, признали диссертацию достойной докторской степени, тем не менее я получил 3 или 4 испорченных бюллетеня. Против, правда, не проголосовал никто. Тогда были категорически запрещены всякого рода банкеты, слушника сразу карали отменой защиты, а члены Ученого совета и оппоненты могли иметь крупные неприятности вплоть до исключения из партии. Через три месяца грянула горбачевская антиалкогольная кампания. Издавна в России жесткость законов смягчается их повсеместным неисполнением. Если нельзя, но традиции требуют, то, значит, можно. Успешную защиту никто не отмечал, отмечали день рождения одной из нашей коллег на ее квартире. Присутствовали только самые близкие, проверенные люди. Во всяком случае, во всех последующих анонимках в ВАК, которые также проверялись, было много новых фантазий, но об этом факте никто не упоминал. Ведь незадолго до этого по подобной жалобе работала комиссия, которая должна была выяснять во всех питейных заведениях, был ли банкет по случаю какой-то защиты. Ее члены возмутились только тогда, когда им поручили обойти квартиры друзей и опросить соседей. Так власть следила за качеством диссертации, полагая, что члены Ученого совета за сто граммов с закуской готовы пропустить халтуру. Нынешние приемы слежки за членами Ученого совета столь же нелепы и неэффективны.

Выросший в ЛО ИИЕТ АН СССР, где не были приняты серьезные закулисные интриги, я был шокирован подобной анонимной игрой против меня. Самое

удивительное, что те немногие анонимные тексты, которые мне дали после защиты, поражали, с одной стороны, продуманностью аргументов, а с другой стороны, беспардонной ложью. Поначалу я терялся в догадках, я понимал, что делал это кто-то близкий к нашему сектору и в то же время хорошо осведомленный об умонастроениях части членов Ученого совета. Оставалось непонятным только, откуда такое нагромождение дешевого пафоса и нелепости, или это все сделано для маскировки, чтобы сложнее было вычислить. Но ведь приносили записки в Ученый совет разные люди, студенты. Создавалось представление, что действовала целая организация, и я наивно предполагал обратиться в прокуратуру. Но Саша Кафанов, закаленный в подобных ситуациях в своем Институте моря, сказал, что лучшая реакция на подобные памфлеты — не обращать внимания. Успокоил меня окончательно академик А. М. Уголев, который не мог быть на защите, но дал отзыв на автореферат и прислал свою ближайшую сотрудницу и соавтора Н. И. Иезуитову и от нее хорошо знал о происшедшем. Он мне сказал: «Тайные враги — это ещё не враги», — и я с ним согласился. Все-таки слепая ненависть — это болезнь.

Я выкинул все из головы и не стремился никогда узнать, кто и почему так не хотел, чтобы я стал доктором философских наук, кто видел в этом угрозу для себя. Даже когда через девять лет в чем-то похожее по стилю сочинение пришло президенту РАН и на этот раз автор был известен, я не стал связывать два случая. Теперь недоброжелателей было несколько и они открыто шли на все, чтобы я не стал директором Филиала. С одной из них я встретился в Китае и даже помог выбраться из неприятной ситуации. Позднее мы возвращались с ней в одном самолете. В час ночи она вдруг подошла ко мне просить прощения, предлагая мир и сотрудничество. Она была явно больна и через полгода скончалась от рака головного мозга.

Защита убедила меня еще раз, что порядочных людей во много раз больше, чем негодяев. Что же касается последних, то для них самое страшное — узнать, что вся их деятельность, как говорят гадалки по картам, — «пустые хлопоты по поздней дороге». Осознание этого приучило меня следовать совету А. С. Пушкина: «Добру и злу внимаю равнодушно».

ЭВОЛЮЦИОННЫЙ СЕМИНАР

Выше уже отмечалось, что важным способом координации исследований в области истории и теории эволюционных учений были конференции, проводимые на спортивной базе Кяярику под Тарту Институтом зоологии и ботаники Академии наук Эстонской ССР. Их инициатором и вдохновителем был директор этого института, блестящий палеонтолог К. Л. Паавер, а также ученик К. М. Завадского и мой хороший друг Т. Я. Сутт. В дружеской обстановке обсуждались наиболее актуальные проблемы эволюционной теории. Другим местом подобных встреч продолжали оставаться международные конференции по эволюционной биологии, проводимые в разных городах ЧССР по инициативе В. В. Новака.

В ноябре 1984 г. мы с Ю. И. Полянским организовали на базе ЛО ИИЕТ конференцию, посвященную 175-летию со дня рождения Ч. Дарвина и 125-летию со дня выхода в свет его книги «Происхождение видов». При утверждении программы в обкоме партии, чем занимался ученый секретарь ЛО ИИЕТ Б. И. Иванов, была сделана попытка вместо Ю. И. Полянского утвердить председателем Оргкомитета тогдашнего директора Института физиологии АН СССР В. А. Говырина. Официально это делалось из желания повысить статус мероприятия, так как предлагаемый кандидат был академиком и директором. Неофициально же Иванову было сказано, что Полянский неуправляем, не сдержан в речах. Мы, мол, его только что наградили орденом «Знак почета» к 80-летию со дня рождения, а он на юбилейных торжествах прошелся по советской цензуре, не дающей возможности заниматься историей лысенкоизма. Но оргкомитет категорически отклонил это обкомовское предложение, указав, что предлагаемый сверху кандидат никогда не занимался проблемами эволюции.

В конференции участвовали 400 биологов и историков науки из разных городов СССР. Среди докладчиков на конференции и авторов подготовленного по ее материалам сборника «Дарвинизм: история и современность» (1988) были как маститые ученые-биологи, так и историки эволюционной теории — в основном ученики К. М. Завадского, а также уже их ученики. Интересно, что позднее четверо из участников семинара стали академиками АН СССР / РАН. Подбор участников семинара обеспечил сплав не только исторического и теоретического опытов, но и зрелости и молодости при рассмотрении широкого круга вопросов — от факторов микроэволюции до эволюции биосферы. Было еще раз продемонстрировано, что истории науки принадлежит особая роль в синтезе данных и обобщении всех наук, связанных с изучением органической эволюции.

Конференция выявила потребность в создании некоего постоянно действующего семинара, на котором биологи разных специальностей могли бы обмениваться мнениями о проблемах эволюции. Это понимали многие ведущие биологи Ленинграда,

высказавшие подобные пожелания. Среди них были биохимик Е. М. Крепс, открыватель мембранного пищеварения А. М. Уголев, крупнейшие зоологи XX в. И. С. Даревский и А. В. Иванов, один из создателей современной экологии Г. Ф. Гаузе, генетики Н. В. Глозов, С. Г. Инге-Вечтомов, Л. З. Кайданов, антрополог А. Л. Фирсов и многие другие.

В 1984 г. Ю. И. Полянский стал президентом одного из старейших научных обществ России — Санкт-Петербургского (тогда — Ленинградского) общества естествоиспытателей (СПБОЕ) — и вдохнул в него новую жизнь. Общество возродило прежние традиции поддержки начинающих исследователей, экспедиционной и издательской деятельности. Стали ежегодно проводиться конкурсы студенческих работ, Общество присуждало премии за научные труды, организовывало конференции. Особо важную роль в работе СПБОЕ сыграл профессор, доктор биологических наук Арчил Карпезович Дондуа, 25 лет возглавлявший Общество, и его помощница Н. И. Балахонова. Более двадцати лет я входил в состав правления Общества, считая для себя эти обязанности почетными и важными. Неоднократно мне доверяли быть председателем конкурсной комиссии по ежегодным премиям за лучшие научные труды и учебники, и, насколько мне известно, объективность наших решений никогда не подвергалась сомнению.

В начале 1990-х гг., когда наступил всеобщий хаос и научная жизнь во многих учреждениях практически замерла, а сотрудники месяцами не получали даже нищенской зарплаты, периодические семинары и конференции, организуемые Обществом, создавали ощущение сохранения некоторых элементов научного этоса и быта, этики неформального научного общения, взаимопомощи и взаимовыручки. В самое тяжелое, а порой и голодное время Общество выглядело островком стабильности. В 1994 г. Общество предоставило нам право в одном из томов своих трудов опубликовать статьи по эволюционной биологии, которые мы посвятили памяти Ю. И. Полянского. Этот том после долгого перерыва возродил практику публикации периодических сборников по истории и теории эволюционной биологии.

Возглавив ЛОЕ, Ю. И. Полянский предложил создать в нем секцию эволюционной биологии. К тому времени семинар, основанный К. М. Завадским, заметно снизил свою активность. Философы разбрелись по своим кафедрам, среди биологов подрастало новое поколение, которое основное внимание уделяло молекулярно-биологическим аспектам эволюции. В 1990 г. Ленинградское отделение Всесоюзного общества генетиков и селекционеров, созданный на волне демократических преобразований Ленинградский союз ученых и Ленинградское общество естествоиспытателей учредили общегородской семинар по эволюционной биологии, сопредседателями которого стали мы с Ю. И. Полянским, а нам активно помогали А. Г. Кирейчук, Л. Я. Боркин и особенно Л. З. Кайданов. На ежемесячном семинаре выступали с докладами историки науки и биологи, а его материалы вошли впоследствии в ряд сборников. Участие сотрудников ЛО ИИЕТ (СПбФ ИИЕТ) в работе семинара способствовало укреплению связей историков науки с биологическим сообществом. Охотно выступали отечественные биологи, оказавшиеся впоследствии за рубежом (М. Д. Голубовский, Н. Л. Кременцов, Ю. О. Чернов). В 1990-х гг. привлечь к работе семинара зарубежных ученых было непросто. В основном это были историки и философы биологии (М. Адамс, К. Бенсон, Дж. Бирх, Д. Вайнер, Д. Тодес и др.), но выступали и палеонтологи Дж. Арчибальди и К. Коэн.

Памятными были выступления Н.Н. Воронцова об экологической ситуации в России и Л. П. Татарина о новом синтезе в эволюционной биологии, собравшие рекордное количество слушателей. С большим успехом проходили и другие доклады, в которых доминировала молекулярно-биологическая и генетическая проблематика. Новейший взгляд на проблему мутаций и реорганизации генома в эволюции изложил М. Д. Голубовский, С. Г. Инге-Вечтомов говорил о неклассических способах передачи наследственной информации. Идея функциональных блоков как основного материала эволюции, выдвинутая академиком А. М. Уголевым, подробно рассматривалась в одном из последних его выступлений на этом семинаре. Доклады по другим актуальным проблемам эволюции делали: морфолог Э. И. Воробьева; генетики Н. В. Глотов, В. А. Драгавцев, И. А. Захаров, Л. З. Кайданов, Л. И. Корочкин; зоологи Ю. В. Мамкаев, Ю. И. Полянский, Л. Н. Серавин, Я. И. Старобогатов, В. В. Хлебович; ботаники Э. С. Терехин и Н. Н. Цвелев. Этот семинар, в котором совместно работали биологи и историки науки, успешно функционировал более 10 лет, а его материалы впоследствии вошли в ряд сборников. Участие сотрудников ЛО ИИЕТ / СПбФ ИИЕТ в работе семинара способствовало укреплению связей историков науки с биологическим сообществом. Инициативы историков биологии всегда находили поддержку со стороны президента СПбОЕ А. К. Дондуа. Дефолт 1998 г., парализовавший в очередной раз жизнь научного сообщества Санкт-Петербурга, сказался и на работе семинара.

В целом семинары играли важную роль в сохранении интереса новых поколений ученых к проблемам эволюции и служили местом встреч биологов разных специальностей, интересовавшихся проблемами эволюции.

РАСШИРЯЮЩЕЕСЯ СООБЩЕСТВО

Первые годы после смерти К. М. Завадского сформировавшийся при нем актив сектора менялся мало. По-прежнему видное место в нем занимали философы, но постепенно они все реже появлялись на наших семинарах. Наши проекты приобретали жесткую историко-научную и эволюционно-биологическую направленность. Расширился круг биологов-эволюционистов, заинтересованных в наших планах и их реализации. Условно я бы их разделил на несколько групп: физиологи, генетики, зоологи, палеонтологи.

Физиологи

С середины 1980-х гг. особое место в жизни сектора занял выдающийся физиолог, биохимик, гастроэнтеролог академик Александр Михайлович Уголев. В 1959 г. он сделал одно из фундаментальных научных открытий XX в. – мембранное (пристеночное) пищеварение. Эта работа не раз была номинирована на Нобелевскую премию, но советские власти не дали возможности Уголеву выехать за границу для докладов на эту тему в тех условиях, когда со стороны американцев началась борьба за приоритет. В конечном счете присуждение премии не состоялось, так как европейские коллеги первооткрывателем считали как раз Уголева и не согласились присуждать премию только американцу. В годы нашего сотрудничества Уголев интенсивно исследовал теоретические и прикладные проблемы физиологии пищеварения, разрабатывая концепцию эволюции путем рекомбинации функциональных блоков, ставшую важнейшим достижением в эволюционной биологии конца XX в.

Я познакомился с ним в 1983 г. в период подготовки конференции «В. И. Вернадский и современная наука», так как меня заинтересовала его попытка сформулировать концепцию трофосферы, охватывающей трофические процессы и цепи от молекулярного до биосферного уровня. Александр Михайлович был любезен и согласился выступить с докладом. При подготовке конференций всегда случаются разного рода накладки. Одной из них на этот раз стала опечатка в его фамилии в программе, где Уголев был обозначен как «Углёв». Зная, как порой болезненно реагируют ученые на подобного рода ошибки, я позвонил Александру Михайловичу, чтобы извиниться. Чувствовалось, что он расстроился, хотя выразил удовлетворение, что все-таки вряд ли его спутают с другим академиком, известным в те годы в медико-биологических кругах. Через несколько лет, когда я прочитал выступления и воспоминания его знаменитого почти что однофамильца, мне стали понятны его опасения.

Конференция А. М. Уголева явно заинтересовала, а его выступление, как всегда, было оригинальным и нестандартным. Мы с ним стали периодически перезваниваться. Когда через год мы с Ю. И. Полянским задумали конференцию о дарвинизме,

А. М. Уголев не только вошел в состав оргкомитета вместе с В. Л. Свицерским от физиологов, но активно участвовал в составлении программы, присутствовал на всех докладах конференции. Во время конференции проходил заключительный этап подготовки выборов новых академиков, Уголев баллотировался не в первый раз и с юмором говорил, что у него очень простая программа «4 не», и далее пояснял: «Не член партии, не директор, не русский, невыездной». Это, казалось, закрывало ему путь в действительные члены, тем более что Ленинградскому обкому не нравилась активная позиция Уголева в защиту В. Н. Черниговского, которого обком только что снял с поста директора Института физиологии АН СССР. Но на этот раз Уголев прошел, и, поздравляя его, я пошутил, что ему раньше надо было начать сотрудничать с нами, — глядишь, и раньше бы стал академиком.

В то время Александр Михайлович интенсивно работал над книгой «Эволюция пищеварения и принципы эволюции функций» и попросил меня посмотреть рукопись. К тому времени я набил руку на редакторской работе и сразу же указал на ряд неудачных формулировок на уровне параграфов, что произвело на него глубокое впечатление. Рукопись уже была в стадии редподготовки, менять в ней много нельзя было. Тем не менее я ее внимательно прочел и был поражен энциклопедичностью подходов и глубиной обсуждаемых проблем — от происхождения жизни до побочных действий лекарств. Ознакомившись с книгой, я выразил сожаление, что из-за большого объема и высокоспециализированного языка она недоступна широким кругам биологов, и предложил подготовить более сжатый вариант. Александр Михайлович согласился и попросил меня быть ответственным редактором новой книги, так как, читая корректуру «Эволюция пищеварения и принципы эволюции», я пометил некоторые разделы, которые можно было сократить. Я согласился с условием, что вторым ответственным редактором будет ближайшая сотрудница Уголева Н. Н. Иезуитова. Так я познакомился близко с этой бескорыстной труженицей науки, замечательным человеком и глубоко преданной Александру Михайловичу ученицей. В вышедшей в 1987 г. книге «Естественные технологии биологических систем» А. М. Уголев сделал существенные дополнения в представления о путях и механизмах адаптаций и о биосфере.

Со временем Уголев стал ответственным редактором нескольких книг, изданных сотрудниками ЛО ИИЕТ. Это не было формальным, титульным редактированием. Все статьи и книги он тщательно прочитывал, но замечания делал в виде предложения для дискуссии. Уголев был блестящим экспериментатором и теоретиком, каждое положение он обсуждал с разных точек зрения и настойчиво искал экспериментальные методы их проверки. Уголев понимал, как относительна истина в науке, и старался получить как можно больше замечаний на рукописи своих трудов, уделяя много времени обсуждению различных аспектов выдвигаемых им гипотез и теорий. Примером этого может служить его раздел «Вместо послесловия (ответы на возникающие вопросы)» в книге «Естественные технологии биологических систем». По просьбе Уголева я дал рукопись для прочтения А. Б. Георгиевскому, работавшему в это время как раз над книгой об адаптации, и тот сделал ряд замечаний. Даже те, которые Александр Михайлович не принял, были обсуждены в этом разделе.

Александр Михайлович несколько раз выступал на семинарах нашего сектора, конференциях, пленарных докладах Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Внешне он не выглядел искусным оратором на фоне таких мастеров

риторики, как К. М. Завадский, С. Г. Инге-Вечтомов, Ю. В. Наточин, Ю. И. Полянский, Н. В. Тимофеев-Ресовский, С. С. Шварц, А. Л. Яншин и др. Казалось, что он, задумываясь над каждым предложением, мучительно подбирает нужные слова, делает большие паузы. Но в конце концов картина, наносимая какими-то неровными, неуверенными и рваными мазками, получалась грандиозной. Особенно все скрашивал юмор в ответах на вопросы, порой сразу вскрывавший бессмысленность дальнейшего обсуждения затронутой проблемы. В те годы были очень популярны различные гипотезы о пользе сыродения и т. п. Одна из сторонниц сыродения настойчиво предлагала Александру Михайловичу признать его преимущество, но он отнекивался, указывая на огромное количество содержащихся в сырых овощах и фруктах трудноусваиваемых, а то и ядовитых компонентов. Но дама не сдавалась и настаивала, что в случае экологически чистых продуктов все было бы иначе и положительный эффект сыродения был бы очевиден. Улыбнувшись, Уголев ответил: «А где вы найдете экологически чистые продукты?» — и всем присутствующим стала ясна бессмысленность дискуссии на данную тему.

Резко он отзывался о попытках пустой саморекламы, хвастовства, выпячивания своего «я». Прослушав воспоминания одного из учеников К. М. Завадского в Доме ученых, он сказал, что негоже, когда воспоминания сводятся к рассказу о самом себе, о своей талантливости и исключительности, которые якобы ценил Завадский. Сам же он часто говорил, что считает для себя нескромным называть своих учителей, так как это предполагает определенную степень близости с великими мира сего. Зато он никогда не забывал перечислить, чему и у кого научился.

В 1988 г. Александр Михайлович случайно увидел меня в поликлинике АН СССР и, узнав, что у меня стенокардия, не обращая внимание на протесты, организовал мне консультации у самых лучших кардиологов города. Сам он к этому времени был тяжело болен, но считал своим долгом практически каждую неделю приглашать меня на прогулки по Петроградской стороне, во время которых мы с ним посещали Ботанический сад, тогда открытый для всех желающих. Кончались эти прогулки всегда заходом в булочную, где Александр Михайлович покупал батон себе и зачем-то обязательно мне, говоря продавщице — «Один батон профессору». Первый раз, когда продавщица услышала это, то, взглянув на меня, приснула со смеха, настолько мой внешний вид и возраст, очевидно, не соответствовали ее представлениям о профессоре. Я сказал Уголеву, что, видимо, она решила, что «профессор» — это моя блатная кличка. Ему шутка понравилась, и он ее повторял в течение нескольких лет при традиционных покупках батона. Мне всегда было неудобно, когда Александр Михайлович подавал или брал у меня пальто, помогая его надеть, когда я был в гостях у него в лаборатории или дома. Никогда не позволял заплатить мне самому, если мы заходили выпить кофе. Я пытался в таких случаях протестовать, но все было напрасно.

Общение с Уголевым, длительные беседы, которые он особенно любил вести во время прогулок со мной в 1988–1991 гг., были огромной школой подлинного отношения к науке как постоянному поиску новых фактов, аргументов, доказательств, формулировок. Он обладал огромными познаниями в различных отраслях биологии, философии, истории и литературы. Человек редкого юмора, Александр Михайлович умел интересно и слегка иронично рассказывать о различных перипетиях своей судьбы, о выдающихся людях, с которыми ему довелось встречаться.

В беседах с ним всегда поражало его мастерство дать краткие, но очень образные характеристики людей и оценки событий, иногда на первый взгляд парадоксальные, но всегда оказывавшиеся справедливыми. Благодаря ему я лучше стал понимать механизм функционирования академического сообщества, которое при всех его недостатках все-таки оставалось островком стабильности и порядочности в разлагавшемся брежневском социуме и в перестроечном хаосе.

Именно об академическом сообществе мы говорили чаще всего. Какими-то неизвестными мне путями Александр Михайлович был связан с учеными разных специальностей, лидерами в своих областях знания, например с физиком В. А. Фоком, экономистом Е. С. Варгой или философом Т. И. Ойзерманом. В то время в печати активно обсуждали события, связанные с объединенной сессией АН СССР и АМН СССР в 1950 г., на которой по указанию сверху был осужден академик Л. А. Орбели и его последователи как отошедшие от павловского наследия. Последствия той сессии до сих пор сказываются в сообществе физиологов, хотя давно уже нет уже не только главных героев тех событий К. М. Быкова и Л. А. Орбели, но и их учеников и даже большинства учеников учеников. К числу последних относился А. М. Уголев, учитель которого В. Н. Черниговский входил в число последователей К. М. Быкова.

Из уголевских рассказов я понял, что ни Черниговский, ни даже сам Быков не гордились своим участием в разгроме школы Л. А. Орбели. Выбор И. В. Сталиным К. М. Быкова на роль лидера советской физиологии, по мнению Александра Михайловича, был предопределен службой К. М. Быкова в годы Гражданской войны в армии А. В. Колчака. Человек с подобной биографией в советское время чувствовал себя все время на крючке, им легче было манипулировать. Впоследствии я узнал, что это был излюбленный прием советской системы номенклатуры. Так, С. И. Вавилов, любивший своего брата Н. И. Вавилова, который умер от голода в саратовской тюрьме, был президентом АН СССР, и ему приходилось часто встречать организаторов убийства Николая Ивановича. Президент АН СССР М. В. Келдыш имел репрессированного брата, а сменивший его на этом посту А. П. Александров служил в армии П. Н. Врангеля. В документах Отдела науки ЦК КПСС я нашел сведения о том, что после того, как органам удалось выяснить, что А. В. Топчиев скрыл свое социальное происхождение при вступлении в партию, началась его быстрая академическая карьера.

Уголев был великолепным поэтом, автором философски мудрых, иногда ироничных, а порою и весьма язвительных стихов о своих коллегах и учителях. Так, например, всесильный лидер советской физиологии после Павловской сессии двух академий наук академик К. М. Быков был шокирован стихком:

Речь сказал и был таков
Академик К. Быков.

Эти стихи он обнаружил в своем столе на кафедре физиологии Военно-медицинской морской академии, где А. М. Уголев и Б. С. Кулаев, пололагавшие, что шеф никогда не заглядывает в свой стол, из озорства хранили там сапоги, бутылку водки и стихи, многие из которых были далеко не столь безобидного содержания, но о которых К. М. Быков никому не рассказывал. Во всяком случае, Уголева никуда не вызывали по этому поводу, что было бы неизбежно в тот период.

Из его стихотворений мне больше всего нравится следующее:

Ни Спасенье, ни Искус
 Не приходят ниоткуда,
 Каждый сам себе Иисус,
 Каждый сам себе Иуда.

К сожалению, сборник его поэтических сочинений вышел посмертно, подготовленный и изданный его сыном Дмитрием Александровичем Уголевым, также талантливым ученым, безвременно ушедшим в 2002 г. Насколько мне известно, туда вошли далеко не все стихи. Вот, например, весьма актуальное для любого реформатора четверостишие:

Когда традиции ломать,
 Неплохо было бы понять:
 Традиция отнюдь не целка,
 А многоопытная б...

Уголев рассказал интересную историю, связанную с его стихами. Вместе с будущим лауреатом Ленинской и Государственной премий, автором книги «Непостоянство генома» Р. Б. Хесиным-Лурье, они, будучи кандидатами наук, в середине 1950-х гг. искали хоть какую-то работу по специальности. Вернее, поисками занимался москвич Хесин, а Уголев писал стихи, черновики которых бросал в мусорный ящик. Когда наконец Уголеву удалось куда-то устроиться почасовиком читать лекции, он был удивлен, что при его появлении в аудитории девочки стали перешептываться: «Уголев», «сам Уголев», «тот самый Уголев». На первых порах виновник вообразил, что его научные труды уже популярны даже среди юного поколения. Позднее выяснилось, что студентки не знают Уголева-ученого, а почитают Уголева-поэта. Оказалось, Хесин стихи, написанные им, доставал из мусорной урны, переписывал и распространял.

В наших беседах на самые разные темы Уголев высказывал ряд замечаний о принципах, которым он старался следовать в жизни. Многие из них были созвучны моим убеждениям. Я полностью был согласен с ним, например, в том, что любое дело, сколь бы оно ни было неприятным, надо любить. Но он шел дальше, уверяя: «...чем неприятнее дело, тем больше следует его любить, в противном случае оно станет невыносимым». В качестве примера Уголев вспоминал годы обучения в Военно-морской медицинской академии, описывая свою радость по случаю назначения ему наказания в виде внеочередного наряда чистить галюны. Примерно так же мы относимся к своим правителям: чем более он отвратителен, тем больше мы любим его. Ибо в противном случае жизнь становится невыносимой.

При всей своей ироничности к происходящему Уголев оставался патриотом страны, переживая, что в ней только мужественный человек может быть порядочным. С его точки зрения, абсурдно, если честность и порядочность являются показателем гражданственности и оппозиционности. Очень скептически относился Уголев к разного рода диссидентским движениям, большинство из которых, по его мнению, находились под контролем КГБ и использовались для вылавливания недовольных. За границу он впервые выехал только в разгар перестройки и сразу

получил заманчивое приглашение и средства для создания лаборатории в одном из престижных университетов США. В то время многие мечтали поскорее уехать из разваливавшейся страны. На мой удивленный вопрос, что же его остановило, Уголев ответил просто и понятно для меня, жившего некоторое время в Эстонии: «Мне трудно жить и общаться там, где не понимают моего юмора».

Несмотря на высокий статус, Уголев расстраивался по поводу мелочных унижений со стороны тогдашнего директора Института физиологии, свидетелем которых был и я. Академика Уголева даже не избрали членом Бюро Ученого совета собственного института. Академия наук собиралась создать для него Институт трофологии в Москве, но здесь воспротивился первый секретарь Московского горкома партии Б. Н. Ельцин, уже тогда убежденный, что ученые России не нужны. В этой вере пребывают и его преемники, способствуя насаждению псевдонауки в России. Как-то с горечью Александр Михайлович сказал мне, что его наградили орденом Трудового Красного Знамени, в то время как притеснявшего его директора — орденом Ленина. Я удивился, что из-за этого можно расстраиваться: ведь очевидно, что трудам Уголева суждено жить долго в науке, а сочинения директора будут забыты сразу после смерти их создателя (и мой прогноз оправдался). Но Александра Михайловича это мало утешало, он продолжал что-то говорить об общественном признании, о престижности и т. д. Видно, что здесь ему явно изменяло чувство юмора.

Жена Уголева София Владимировна была великолепным эндокринологом и надежным другом и помощником Александра Михайловича, делала все от нее зависящее для создания ему наилучших условий для работы. Их сын Дмитрий Александрович вскоре после смерти отца защитил докторскую диссертацию и был очень одаренным и перспективным ученым. Александр Михайлович дал ему имя в честь Дмитрия Николаевича Насонова, который подвергся гонениям в начале 1950-х гг. Его воспитали в суровых спартанских условиях. Александр Михайлович ничего не делал для того, чтобы помочь сыну хотя бы в начале научной карьеры, и тот должен был пройти многие годы преподавания на кафедре биохимии Института торговли. В Академию наук он попал уже только в разгар кризиса и должен был мотаться по всей стране, чтобы в потогонной системе преподавания по 10–12 часов в день зарабатывать средства к существованию себе и матери. Последний раз я его видел в декабре 2001 г. в Репино, где вместе с В. О. Самойловым он был сопредседателем круглого стола, посвященного научному наследию Александра Михайловича.

Последние месяцы жизни Александр Михайлович с нарастающей тревогой смотрел на происходящее. Наши встречи становились все чаще и чаще. Видно, ему необходимо было кому-то выговориться по поводу того, что вопреки всякой логике рушится великая страна, а вместе с тем дело, которому он отдал свой талант и свою жизнь. Обо всем этом мы говорили с ним буквально накануне его смерти. А второго ноября 1991 г. Уголева не стало. По прихотливому стечению обстоятельств это произошло день в день через 14 лет после смерти К. М. Завадского, а ещё через 15 лет в тот же день у меня появился любимый внук Савелий. Вот уж воистину «праздник со слезами на глазах».

В какой-то степени благодаря Уголеву наш актив пополнился несколькими крупными физиологами. Это прежде всего его ученики Н. Н. Иезуитова и В. Г. Касиль. Завязались и контакты с выдающимся отечественным приматологом Леонидом Александровичем Фирсовым. В 1970-х гг. его уникальные исследования

поведения обезьян в природных условиях на островах Псковской и Ленинградской областей широко пропагандировали в средствах массовой информации. О них снимали фильмы. Наше знакомство состоялось в стрессовой для меня обстановке после моего доклада о современном состоянии эволюционной теории весной 1980 г. на объединенном методологическом семинаре Института физиологии и Института эволюционной физиологии и биохимии АН СССР. Сделать доклад на эту тему меня настойчиво уговаривал консультант этого семинара В. И. Стрельченко. Я легкомысленно согласился, так как этот доклад делал в других биологических аудиториях, в том числе в БИН, ЗИН, и везде он встречался на «ура» даже такими критиканами, как В. Я. Александров, В. С. Кирпичников, Ю. М. Оленов. Но пословица гласит: «Не зная броду, не суйся в воду», а я сунулся, не представляя, что такое физиологическое сообщество, и понадеявшись на успех недавно изданной нашей с К. М. Завадским книги «Эволюция эволюции», некоторые идеи которой и были использованы в докладе. Зал заседания Ученого совета был забит, но настроение было далеко от единодушного. К обычной раздробленности сообщества на быковцев и орбелиевцев примешивалась неустойчивая ситуация в самом Институте физиологии АН СССР. Вместо снятого по инициативе обкома В. Н. Черниговского обязанности директора исполнял К. И. Иванов, которого только что провалили на выборах в АН СССР. К тому же было известно, что у него нет шансов избавиться от приставки «и. о.», и кандидатуру нового директора фактически уже согласовали на всех уровнях. Шла борьба всех против всех, что, возможно, наложило отпечаток на восприятие моего выступления, которое я, правда, действительно затянул, заняв более часа.

Тон обсуждения задал как раз исполняющий обязанности директора, которого особенно возмутило, что я без всякой бумажки в течение часа осыпал членов Ученого совета иностранными фамилиями, датами и разными точками зрения, не сказав в конце концов, какая теория является правильной. Ох уж это стремление обрести истину, да еще за час! После этого события развивались по следующему сценарию: один за другим на трибуне оказывались члены ученых советов двух институтов, одни из которых говорили, что доклад им понравился, а другие — что нет. Черниговский сидел в первых рядах и с явным сочувствием смотрел на меня, остальные мне были мало знакомы. Некоторые явно при этом поддались эффекту толпы. Так, например, один из физиологов, с которым я впоследствии был в хороших отношениях, выразил свое разочарование ввиду отсутствия в моем докладе новых положений по сравнению с моими публикациями, как будто каждый год должны меняться взгляды на факторы эволюции. Десять лет спустя я ему напомнил об этом, он все забыл и уверял, что никогда не мог это говорить, так как мои труды всегда очень ценил и вообще всегда был гладким, мягким и пушистым по отношению ко всем докладчикам.

К тому времени, когда ход дискуссии по типу «брито или стрижено», т. е. «хороший доклад или плохой», мне начал надоедать, блестяще выступил Л. А. Фирсов, благодаря которому мне стало понятно, что раздражало многих присутствующих: отсутствие в докладе анализа роли физиологии в формировании синтеза современных эволюционных знаний, в котором физиологи действительно не участвовали, и пенять за это вряд ли стоило на историка, который все-таки лишь зеркало, а не создатель исторического процесса. Аплодисменты сорвало, как всегда, эмоциональное выступление Я. М. Галла в мою поддержку. После этого накал страстей стал утихать, желавших критиковать меня больше не оказалось, впрочем, петь осанну

также. Председательствующий В. Л. Свидерский, с которым мы впоследствии были в самых прекрасных отношениях и долгое время сотрудничали, произнес примитивные слова, сказав, что такой обобщающий доклад был полезен и положит начало серии докладов на более конкретные темы. Я тоже не стал лезть в бутылку и обещал подумать, как в дальнейшей работе наиболее эффективно учесть зачастую столь противоположные друг другу критические замечания. Через несколько месяцев мне прислали стенограмму этого обсуждения со всякими извинениями и пожеланиями выступить у них еще раз. К моему удивлению, в печатном варианте выступления не казались столь резкими. Возможно, на мое восприятие критики действовал скорее недоброжелательный тон некоторых выступлений, чем их содержание. Но в дальнейшем я для себя решил: прежде чем соглашаться сделать доклад, надо хотя бы приблизительно представить себе аудиторию.

Впоследствии я пригласил Л. А. Фирсова выступить на конференции «Дарвинизм: история и современность», а затем он дал статью в сборник по материалам конференции. Сбор, редактирование и публикация книги заняли более четырех лет. За это время в его судьбе произошли неожиданные повороты. Леонида Александровича обвинили в хищении спирта, который был главной «валютой» в то время, без которой не то что обезьян нельзя было вывезти на острова, но и гвоздь никто не стал бы забивать. Хотя всем была очевидна абсурдность обвинений, его уволили из института и, по-моему, даже судили. В этот период мы встретились для редактирования его статьи. К моему удивлению, Фирсов легко согласился со всеми моими предложениями и, прощаясь, вдруг поблагодарил за то, что статью не выкинули после разразившегося скандала. Оказывается, опасаясь быть замешанными в историю, многие редакции, до этого умолявшие Фирсова дать статьи, вернули ему рукописи после того, как он потерял место работы.

После этого он несколько раз приходил на наши семинары, приглашал принять участие в антропологических исследованиях, узнав о моем интересе к этологии. Особенно это стало реально в 1995 г., когда Леонид Александрович возглавил Санкт-Петербургский приматологический центр на базе Ленинградского зоопарка, где продолжил онтогенетические и экологические исследования на приматах. Свои последние экспедиции он проводил на островах Центрального парка культуры и отдыха им. Кирова (Санкт-Петербург) на гамадрилах, макаках лапундерах (свинохвостых макаках) и макаках маготах (варварийская обезьяна) и отметил усложнение игрового, предметно-орудийного, подражательного поведения в природных условиях. Объединив усилия физиологов и художников, Фирсов занимался изучением графического языка антропоидов, организовав ряд выставок рисунков обезьян, в том числе и самой талантливой из них самки орангутанга. Ко времени его второго акме я стал директором Филиала, и административная суеда не позволила мне воспользоваться любезными приглашениями Фирсова, одного из последних учеников великого Л. А. Орбели.

Надо сказать, что в сборнике была напечатана статья и другого полуопального биолога-орнитолога Алексея Сергеевича Мальчевского, публикации которого по территориальному поведению и звуковому общению птиц стали классикой мировой орнитологии. На него, добрейшего и интеллигентнейшего человека, Ленинградский обком возложил вину за гибель студентов биолого-почвенного факультета, посланных по разнарядке обкома на сельскохозяйственные работы осенью 1973 г.

В 1984 г. во время конференции «Дарвинизм: история и современность» я познакомился с будущим академиком Юрием Викторовичем Наточиным, который к тому времени был хорошо известен своими работами по молекулярной и эволюционной физиологии почки. Строгая логика и стройное сочетание теоретических обобщений и эмпирических данных в его докладе об эволюции функций произвели впечатление на зал. Его выступление в наибольшей степени соответствовало теме и духу симпозиума. Юрий Викторович оказался доброжелательным и легким в общении человеком. Как-то сразу с ним завязались доверительные отношения, которые мы поддерживаем уже 30 лет. На них никак не отразились его высокие должности, которые он занимает в течение долгого времени на академическом Олимпе. Будучи членом Президиума РАН, академиком-секретарем Отделения физиологии и Отделения физиологии и фундаментальной медицины, он никогда не считал зазорным зайти в Филиал за интересующей его книжкой и не отказывался выступить с докладом на организованных нами конференциях. Его доклады всегда ярки и оригинальны. Недавно им предложена оригинальная идея происхождения жизни в калиевой обстановке мелких водоемов, активно обсуждаемая в ведущих биологических журналах. Юрий Викторович относится к тому небольшому числу биологов, которые глубоко интересуются историей науки, особенно зарождением и развитием эволюционной физиологии. Он один из соавторов книги о своем учителе А. Г. Гинцинском, а также статей о Е. М. Крепсе. Скоро будет 30 лет, как Юрия Викторовича Наточина мы воспринимаем как полноправного члена научного сообщества историков биологии.

Чуть позже судьба свела меня с другим физиологом и биофизиком, членом-корреспондентом РАМН Владимиром Олеговичем Самойловым, который к тому же был профессиональным историком науки, автором прекрасных книг по истории медицины и физиологии. Выпускник Военно-медицинской академии, он посвятил ей большую часть своей жизни, был заместителем начальника Академии, а сейчас возглавляет кафедру физиологии. По-военному подтянутый и аристократично вежливый, он всегда исключительно доброжелательно относился к сотрудникам нашего сектора, оказывая разного рода консультации. Не раз он выступал у нас с докладами и участвовал в наших сборниках. Его историко-научные сочинения могут служить образцом исторической культуры с прекрасным пониманием сути анализируемых работ. Пиршеством для ума становились долгие телефонные разговоры с Самойловым по разным вопросам отечественной науки, и особенно в стенах Военно-медицинской академии, огромным патриотом которой он остается и по сей день. Много сделал он для спасения Академии от разграбления во время планируемых реформ «лучшего министра обороны всех времен» А. Э. Сердюкова.

В одном подъезде со мной жил крупный специалист по физиологии клетки член-корреспондент РАН Владимир Николаевич Парфенов. Он был немножко младше меня, наши научные интересы с ним мало пересекались, и короткие встречи долгое время ограничивались разговорами на повседневные темы, да я и не знал, что он работает в области биологии. Он был легок в общении, начитан, умен, и беседы с ним были всегда интересны для меня. Впоследствии он стал директором ЦИН и не раз давал мне полезные советы в решении разного рода проблем. Близость возраста, а значит, и жизненного опыта позволила быстро перейти на «ты» с этим светлым человеком. Выяснилось, что хотя он прямо не занимался эволюционной биологией

и ее историй, но хорошо ориентируется в этих областях знания. И последние годы мы общались очень интенсивно. Его раннюю смерть я воспринимаю как одно из доказательств несправедливости судьбы.

В заключение я должен отметить одну общую черту, объединяющую тех, о ком рассказываю в этом разделе. Будучи тесно связанными с медициной, они всегда удивительно отзывчивы были к людям, которые по разным причинам сталкивались с разного рода проблемами в сфере здравоохранения. Не раз они оказывали помощь не только мне, но и моим сотрудникам и даже членам их семей. Не знаю, давали ли они клятву Гиппократу, но всегда были ей верны.

Генетики

Генетики входили в состав нашего научного сообщества при К. М. Завадском, но работа над коллективной монографией способствовала их более активному включению в нашу жизнь и расширила связи с представителями как старшего, так и более молодого поколения, в основном учениками М. Е. Лобашёва.

«Рыцарем науки» при жизни называли Валентина Сергеевича Кирпичникова, которого также относили к «антильсенковцам с довоенным стажем». В разгар сталинских репрессий он вместе с А. А. Малиновским, сыном знаменитого А. А. Богданова — ленинского оппонента в философии и создателя тектологии — добился приема у Полины Жемчужиной, наркома рыбной промышленности и жены председателя Совнаркома В. М. Молотова, с требованием положить конец вредоносной деятельности Т. Д. Лысенко в науке. Не раз его увольняли с работы, не давали защищать докторскую диссертацию, но Валентин Сергеевич не сдавался, используя всякую возможность для атаки на лысенкоистов. Ярость Н. С. Хрущева вызвала его статья, написанная в соавторстве с Ж. Медведевым и опубликованная в 1963 г. в литературном журнале «Нева». Эта статья стала поводом для последнего публичного осуждения В. С. Кирпичникова, где, надо сказать, многие выступили в его защиту. К его боевым наградам в 1990 г. была добавлена Золотая Звезда Героя Социалистического Труда за выдающийся вклад в сохранение и развитие генетики и селекции.

Ещё в середине 1930-х гг. В. С. Кирпичников выдвинул гипотезу о косвенном отборе, раскрывавшем селективный механизм наследственного закрепления адаптивных модификаций. Поэтому его и попросили рассказать об истории этих идей в коллективной монографии «Развитие эволюционной теории в СССР». Кирпичников был одним из немногих, кто представил рукопись в срок. Наслышанный о его легендарном упорстве в отстаивании своего текста, я с некоторой осторожностью взялся за небольшую адаптацию рукописи к целям и задачам монографии. К моему удивлению, Валентин Сергеевич практически все предложения принял без возражений. Однако мне везло далеко не всегда. Через несколько лет он значительно превысил объем статьи, предназначенной для публикации в материалах конференции «Дарвинизм: история и современность». Как заведено, я лично согласовал с ним все редакторские исправления, но не заверил их его подписью. Неожиданно на стадии первой корректуры Валентин Сергеевич, получив гранки, возмутился и написал письмо-протест. Правда, впоследствии он признал, что изменения согласованы, письмо забрал и даже принес извинения. Даже внешний вид Валентина Сергеевича излучал честность, мужество и благородство. Он никогда не шел на этические

компромиссы, какими бы высокими научными побуждениями они ни мотивировались. Высокий, стройный, безукоризненно одетый, Кирпичников спокойно и убедительно, не переходя на личные оскорбления, отстаивал свою точку зрения.

В 1984 г. издательство «Наука» попросило меня посмотреть вводную главу одной книги о популяционной структуре рыб, так как редактора смутили некоторые формулировки. Ознакомившись с этим трудом, я ахнул, так как представить себе не мог, что Ученый совет академического института утвердил и включил в план изданий АН СССР махровую лысенкоистскую книгу. Я написал резкую рецензию как эволюционист, а в конце подчеркнул, что надо, чтобы остальные главы посмотрели ихтиологи. Крупнейший на тот момент ихтиолог Ленинграда А. П. Андриашев отказался смотреть рукопись, сказав мне в частном разговоре, что автор, кстати, доктор наук, — известный в ихтиологической среде невежда и шарлатан, но связываться с ним он не хочет. Валентин Сергеевич был другого мнения, он взял рукопись на рецензию, отказавшись знакомиться с моим отзывом до тех пор, пока не напишет свой. В итоге оказалось, что независимо друг от друга мы пришли к сходным оценкам по всем пунктам монографии. Рукопись была из плана исключена, и честь АН СССР в данном случае соблюдена.

В годы перестройки Кирпичников не раз выступал с воспоминаниями о борьбе с Лысенко, а интервью с ним, при поддержке братьев Б. Н. и Н. Н. Никольских, мне удалось опубликовать в журнале «Нева» в 1993 г., к 30-летию известной их публикации с Ж. А. Медведевым.

Ученого-энциклопедиста, теоретика и талантливое популяризатора науки Бориса Михайловича Медникова я впервые встретил в расцвете его славы. В созвездии учеников и сотрудников А. Н. Белозерского его труды выделялись широтой теоретических обобщений. Он был одним из главных создателей модной тогда геносистематики, которая, как многие верили, должна дать надежный фундамент выяснения филогенетических связей. Активно работал Медников и над созданием теоретической биологии путем формулировки системы аксиом. Большое впечатление на меня произвела его популярная книга «Дарвинизм XX века», на которую я по собственному почину написал комплиментарную рецензию. У нас он впервые выступил в 1974 г. На этот доклад собрался буквально весь биологический бомонд Ленинграда. Медников обладал неподражаемой манерой выступления. Его голос был слегка глуховат и монотонен, и сам он выглядел абсолютно беспристрастным ко всему происходящему, приковывая внимание лишь содержанием доклада, снабженного ироническими замечаниями и шутками. При этом ни один мускул не дрогнул у него на лице, даже когда от отпущенных им шуток аудитория оживлялась.

С началом работы над коллективной монографией стало ясно, что в ее структуре не предусмотрены раздел об эволюции генома. Стать его автором я предложил Борису Михайловичу, и он согласился. Однако первый вариант был представлен в виде теоретического обзора, а не исторического изложения. На предложения внести исправления Медников согласился, но элементы обзорности все-таки сохранились, что, видимо, было неизбежно при обсуждении исследований сегодняшнего дня, когда не сразу поймешь, что из чего вытекает. Более того, Борис Михайлович принял предложение стать автором главы о гомологических рядах генетической изменчивости. С тех пор он стал постоянным участником наших мероприятий. В 1980 г. Медников выступал с докладом о микроэволюции и видообразовании

на молекулярном уровне на конференции, посвященной памяти К. М. Завадского, а в 1984 г. на конференции «Дарвинизм: история и современность» сделал блестящий доклад «Мифы современной эволюционной теории». По-прежнему он был популярен, а какой-то его почитатель с Украины даже с гордостью носил за ним портфель.

Последний раз мне довелось услышать доклад Медникова на общегородском эволюционном семинаре в апреле 1992 г. Большинство тогда было занято выживанием, и аудитория была не столь велика, как раньше. Между тем доклад был злободневным. Исследуя эволюции повторяющихся последовательностей ДНК, Медников занялся проблемой происхождения ретровирусов, в том числе вируса СПИД. Борис Михайлович выглядел усталым. В выступлении, посвященном эволюционным аспектам СПИД, чувствовалось стремление дать рекламу какому-то препарату, выведенному для борьбы с этим заболеванием и находившемуся на стадии клинических испытаний. Подобные проблемы наша аудитория не могла обсуждать, и дискуссия шла вяло. Несколько раз мы встречались с Медниковым на заседаниях Совета по защите диссертаций по истории биологии. Я старался побольше общаться с ним, так как его суждения по-прежнему были глубоки и остры. Но чувствовалось, что Медников плохо вписывается в новые правила жизни. В 2001 г. его не стало, и это была огромная потеря для отечественной теоретической и эволюционной биологии.

Во время работы над коллективной монографией я познакомился поближе с группой блестящих генетиков, учеников выдающегося ученого М. Е. Лобашёва, ставшего прототипом Сани Григорьева в книге Каверина «Два капитана». По учебнику Лобашёва учились все поколения советских биологов и философов начиная с 1963 г. После безвременной кончины Михаила Ефимовича кафедру генетики и селекции возглавил блестящий ученый и организатор науки, будущий академик РАН Сергей Георгиевич Инге-Вечтомов, автор многих остроумных и парадоксальных высказываний, вошедших в научный фольклор. Сергей Георгиевич не только сумел сохранить лучшие традиции ленинградской-санкт-петербургской кафедры генетики и селекции, заложенные Ю. А. Филипченко и Г. Д. Карпеченко, но и вывести ее на новые рубежи в век молекулярной биологии. Насколько я помню, при К. М. Завадском он только раз появлялся в нашем секторе. Ему как декану биолого-почвенного факультета ЛГУ не нравились лекции тогдашнего преподавателя дарвинизма, и он интересовался, не порекомендует ли Завадский кого-либо из своих учеников. Впоследствии эти лекции, пользовавшиеся популярностью у студентов, читал Я. М. Галл.

Сотрудничество с Сергеем Георгиевичем началось позднее, когда мы с Ю. И. Полянским готовили конференцию «Дарвинизм: история и современность», в которой планировали и секционные заседания. Инге-Вечтомов сразу внес существенные коррективы. По его мнению, не надо создавать ситуацию, когда генетики будут рассказывать генетикам, физиологи — физиологам и т. д., а надо, чтобы состоялся обмен мнениями между представителями разных областей биологии. Все согласились, что все доклады должны идти пленарно. Тогда для большинства слушателей тематика будет неизбитой. Сергей Георгиевич, выступая через несколько недель на теоретическом семинаре, посвященном итогам конференции, охарактеризовал ее как «дарвинизм на марше».

Сын поэта Юрия Инге, Сергей Георгиевич стал автором многих крылатых выражений. В связи с дискуссией о наследовании приобретаемых признаков молва приписывает ему фразу: «Мужчины едят говядину, но рога у них растут не от этого». В годы перестройки все повторяли его выражение: «В России среди ученых остались только оптимисты, так как пессимисты давно уехали». А на мой вопрос о том, как он расценивает результаты широко разрекламированного проекта «геном человека» и что мы из этого узнали, Сергей Георгиевич сказал: «Мы по-прежнему не знаем, кто записал генетическую информацию, но делал он это явно в нетрезвом виде». При этом Сергей Георгиевич всегда открыт для диалога. В случае несогласия он прямо говорит об этом, накал страстей при обмене мнениями умело скрашивает своим потрясающим юмором, он всегда готов к поиску компромисса. Но Инге-Вечтомов бывает решительным и жестким, если считает что-то неправильным с нравственной точки зрения. В этом отношении характерна его резкая реакция на выступление одного из неофициальных оппонентов докторской диссертации Л. З. Кайданова. Инге-Вечтомов прервал поток антисемитских домыслов выступавшего как не имеющих отношения к научной дискуссии.

Далее я подробнее расскажу об организованной под патронажем Инге-Вечтомова международной конференции о Ф. Г. Добржанском, которого он чтит не только как «geneticist and evolutionist number one in XX century», но и как одного из основателей кафедры генетики. Вообще для Сергея Георгиевича характерно трепетное отношение к своему учителю М. Е. Лобашёву, для увековечения памяти которого он много сделал и продолжает делать, а также ко всем своим предшественникам на кафедре и к коллегам. Будучи экспериментальным генетиком, он последние четверть века проявляет глубокий интерес к теории, в том числе и к эволюционным проблемам, а также к истории науки. Инге-Вечтомов написал главу по истории генетики для учебно-методического пособия по истории биологии, подготовленного в связи с введением нового кандидатского экзамена по истории и философии науки. Последние годы он возглавляет Санкт-Петербургское отделение Национального комитета истории и философии науки и техники и участвует во многих наших проектах.

Другой воспитанник кафедры генетики, член-корреспондент РАН Илья Артемьевич Захаров вместе с безвременно ушедшим Петром Яковлевичем Шварцманом был автором статьи по экспериментальному изучению мутагенеза в коллективной монографии «Развитие эволюционной теории в СССР». Основную редакторскую работу я вел с Ильей Артемьевичем, который оказался прирожденным историком науки. Работал очень тщательно, был аккуратен в ссылках, датах, именах, работал *de visu*, беря все сведения из первых рук. Накануне моей защиты докторской диссертации он зашел в наш сектор и, случайно узнав о предстоящем событии, посчитал необходимым прийти, выступить и поддержать меня.

Впоследствии увлечение историей науки из хобби превратилось фактически во вторую специальность Захарова. К его работам по генетике микроорганизмов, цитоплазматической наследственности, мутационному процессу и экологической генетике добавились книга «Краткие очерки истории генетики» (1999) и статьи на злободневные темы по истории отечественной науки. Среди них и его резкие выступления против попыток реабилитации лысенкоизма. В течение многих лет мы с ним заседаем в Специализированном совете по истории биологии, и его взвешенное мнение всегда звучит убедительно.

Но, пожалуй, наиболее близкие отношения среди генетиков у меня сложились с доктором биологических наук, профессором Леонидом Зиновьевичем Кайдановым, автором классических трудов по генетике животных и генетическим основам эволюции. Впервые я увидел его на семинаре у К. М. Завадского, где в 1968 г. он сделал доклад в рамках своей кандидатской диссертации по генетике поведения кур, вызвав оживленную дискуссию. Этология, генетика поведения были долгое время у нас под запретом, и присутствующие были поражены новизной трактовок полученных автором результатов. Работа над коллективной монографией сблизила нас. Долгое время не удавалось найти авторов, способных написать объективную историю популяционно-генетических исследований факторов эволюции. Ситуация в генетическом сообществе была непростая после автобиографической книги Н. П. Дубинина «Вечное движение», вызвавшей резкие возражения его коллег. После неудачных попыток привлечь к этой работе профессиональных историков генетики, прежде всего А. Б. Гайсиновича, который был далек от эволюционной теории, или ведущих генетиков, интересующихся историей, Завадский обратился к Леониду Зиновьевичу, которого знал еще студентом. Это вызвало недоумение у С. Р. Микulinского, который не мог понять, зачем при наличии созвездия генетиков, членов АН СССР с навыками исторических исследований, прибегать к помощи малоизвестного кандидата наук. Но Завадский оказался прав, Кайданов блестяще справился с поставленной перед ним задачей, что отметил в своем отзыве один из создателей популяционной генетики академик АН УССР С. М. Гершензон.

В ходе редактирования книги я лучше узнал Леонида Зиновьевича и был поражен яркостью его личности, остротой ума, а самое главное, исключительной доброжелательностью к людям, которая выражалась в постоянном стремлении увидеть в окружающих лучшие качества и умения создать наилучшие условия для их проявления. Он без всяких колебаний согласился быть рецензентом моей докторской диссертации и оказывал моральную поддержку на всех этапах ее прохождения. В то же время он был резок, сталкиваясь с попытками подменить наукообразными рассуждениями обсуждение актуальных проблем эволюции и генетики. В этом отношении характерен его спич против одного крупного палеонтолога, участника Всесоюзного симпозиума, посвященного столетию со дня рождения И. И. Шмальгаузена в 1984 г.

Отношение Кайданова к людям характеризовала постоянная присказка в беседе. Он по многу раз повторял слово: «Замечательно». Я никогда не слышал от него что-то плохое о людях, хотя злословие характерно для научного сообщества, и, если возникали подобные разговоры, он старался переменить тему. Раз, в одном интервью, я услышал правдоподобный рассказ о том, что парторг ЛГУ в 1963 г. давал инструкцию о необходимости покончить с Ю. И. Полянским, редактором книги М. Е. Лобашёва. По рассказам, при этом присутствовал и Кайданов. Факт этот для меня был интересен, но когда я его спросил, могу ли я привести эти сведения со ссылкой на него, он честно ответил, что ему не хотелось бы это делать публично, но если надо, то он готов. В другой раз он удержал меня от печатного ответа одному американскому историку, допустившему неточности в рассказе о своем пребывании в СССР в конце 1970-х гг. Однажды я попросил его показать кафедру генетики моему коллеге из Германии В. Хинтцше. Как выяснилось, Кайданов свободно говорил по-немецки, что было приятно немецкому гостю, повторяя и здесь постоянно:

«Ausgezeichnet». Наряду с высокой культурой человеческого общения Леонид Зиновьевич отличался глубоким интересом к литературе, музыке, живописи, большим знатоком которых он был, и разговор на эти темы оказывался всегда поучительным. Насколько я знаю, он был близок к одному из самых светлых умов в РПЦ — протоиерею Александру Меню — и даже крестился у него.

Наше сотрудничество длилось более 20 лет. Леонид Зиновьевич охотно откликался на наши предложения участвовать в семинарах, конференциях, сборниках, каждый раз существенно дополняя и расширяя круг своих интересов в области истории и теории эволюции. Особенно интересно было слышать их разговор на эти темы с М. Д. Голубовским и П. Я. Шварцманом, настолько высказывания генетиков по вопросам поэзии и изобразительного искусства были содержательны и оригинальны. В те годы Кайданов вел исследования генетических последствий отбора по адаптивно важным признакам. Свыше 30 лет вместе с учениками он проводил уникальный по масштабам селекционно-генетический эксперимент: на протяжении 773 поколений вели отбор родственных линий *Drosophila melanogaster* по репродуктивной функции, что привело к формированию комплекса мутаций, важнейшие из которых затронули нейроэндокринную систему дрозофил. Кайданов вместе с академиком В. А. Гвоздевым открыли явление адаптивных транспозиций мобильных генетических элементов (ретротранспозонов). В 1996 г он опубликовал первый отечественный учебник «Генетика популяций».

Он был одним из основателей и активным членом Всероссийского общества генетики и селекции (ВОГиС), Санкт-Петербургское отделение которого возглавлял с 1994 г., много делал для успешной работы общегородского эволюционного семинара. Серьезно Кайданов относился к обязанностям главы секции Отделения биологии и экологии РАЕН в нашем городе. Сейчас РАЕН имеет неоднозначную славу, но это отделение, основанное Н. Н. Воронцовым, состоит из профессиональных и авторитетных членов, многие из которых составили ли бы честь любой из государственных академий. Как и все ученые старшего поколения, Кайданов принял на себя тяжесть первых лет перестройки. Несмотря на его известность в мировом сообществе, ему трудно было найти работу за рубежом из-за возраста и здоровья. Да, по-моему, он и не старался это сделать, будучи патриотом России. В популярности Кайданова среди зарубежных генетиков я убеждался неоднократно. Несколько раз во время моих заграничных командировок ко мне подходили его коллеги и спрашивали, чем они могут ему помочь.

Зоологи

Если говорить о сотрудничестве с целыми коллективами, то наиболее тесные контакты у меня были с Зоологическим институтом. Этому способствовала и географическая близость наших учреждений, и длительная работа с Ю. И. Полянским. Немалое значение имел тот факт, что во время аспирантуры я подружился с А. И. Кафановым и А. В. Балускиным, мы проводили время в бесконечных спорах по проблемам эволюции, которыми они оба увлекались и о которых имели собственное мнение. Балускин увлекался номогенезом Л. С. Берга и никогда не уступал в спорах со мной. Кафанов же был убежденным ультраселекционистом. Со временем они стали лидерами в своих отраслях знания, и общение с ними мне было

полезно в профессиональном отношении, позволяя лучше понять повседневный тяжелый труд в области систематики и биогеографии, которые есть и будут базой для естественной истории и эволюционной биологии. В середине 1970-х гг. я вел также методологический семинар в ЗИН, который по обязанности посещали ведущие исследователи и с удовольствием — молодые, так как молодежи всегда приятно видеть за кафедрой своего сверстника.

Со многими зоологами я познакомился благодаря А. В. Балушкину, к которому часто заходил в лабораторию. Со временем ЗИН стал для меня близким и родным. Через Балушкина я познакомился с ихтиологами Владимиром Федоровым, Михаилом Глубоковским, ушедшим в годы перестройки в политику, Игорем Черешневым, гидробиологом Софией Давыдовной Степанянц и другими яркими личностями и хорошими учеными. Иногда это давало выход в какие-то новые для меня сферы общества. Так, например, в доме Степанянц, где мы часто собирались в середине 1980-х гг., постоянно бывали популярные артисты Александр Хочинский и Антонина Шуранова, которая с детства дружила с Софией Давыдовной. И до, и после мне никогда не приходилось общаться со звездами театра и кино в такой близости, и я был поражен, насколько тяжела их жизнь и как непросто дается им хлеб насущный. Но оба они не теряли оптимизма, в общении были людьми легкими и очень компанейскими. Хочинский просто весь фонтанировал разного рода театральными историями, а вот петь в компании явно не любил — видимо, хотел отдохнуть от работы. Зато с удовольствием это делал Балушкин, аккомпанируя сам себе.

Самым титулованным среди зоологов, оказывавшим активную поддержку нашим планам, бесспорно, был академик Артемий Васильевич Иванов. Ходила такая байка, что при выступлении академика А. Л. Тахтаджяна где-то в США к нему подошел кто-то из американских ученых и спросил: «Иванов у вас, конечно, тоже академик?» И, услышав отрицательный ответ, пришел в состояние крайнего удивления и воскликнул: «Так какие же тогда у вас академики!» Я не могу сказать, правда это или нет, но авторитет А. В. Иванова во всем мире действительно был велик, хотя в АН СССР его избрали поздно. Акт исторической справедливости состоялся только в 1981 г., хотя за 20 лет до этого Артемий Васильевич, будучи рядовым профессором кафедры беспозвоночных ЛГУ, стал лауреатом Ленинской премии, а еще двумя годами раньше — членом Германской академии естественных наук Леопольдина, одной из самых престижных в мире. Мировую известность Иванов получил прежде всего за разработку теории происхождения многоклеточных и обоснование нового типа животных (погонофор). Как и Ю. И. Полянский, с которым до конца дней его связывала тесная дружба, Артемий Васильевич был учеником В. А. Догеля и продолжателем лучших традиций его школы.

Впервые я встретился с ним в октябре 1974 г., когда по поручению К. М. Завадского присутствовал на заседании Оргкомитета, посвященного 90-летию со дня рождения И. И. Шмальгаузена. Из присутствующих помню еще стремительно делавшего тогда академическую карьеру члена-корреспондента АН СССР В. Е. Соколова, возглавлявшего Институт эволюционной морфологии и экологии животных им. А. Н. Северцова АН СССР. Неожиданно А. В. Иванов начал расспрашивать меня о состоянии здоровья Кирилла Михайловича, причем был искренне озабочен. Особо впечатляющей была простота и сердечность его общения с совершенно незнакомым человеком. От своих друзей я узнал, что, несмотря

на преклонный возраст (около 70), Артемия Васильевича за глаза любовно называли Темочкой. Позднее я убеждался не раз в его деликатности и во врожденном демократизме.

Однажды Артемий Васильевич, будучи уже действительным членом АН СССР, позвонил мне домой и спросил, не могу ли я порекомендовать ему докладчика для заседания секции эмбриологии ЛОЕ, компетентного в современных проблемах макроэволюции. Тогда большой массив материалов на эту тему поднял мой дипломник С. А. Орлов, которого я назвал и дал его домашний телефон. Через день, выходя из кабинета заведующего ЛО ИИЕТ АН СССР, я увидел какого-то робкого посетителя в очень непритязательной дубленке, спрашивавшего секретаря, как бы ему найти младшего научного сотрудника Сергея Александровича Орлова. Услышав знакомую фамилию, я внимательно присмотрелся и с удивлением увидел, что это академик А. В. Иванов. Тогда академики были чем-то вроде небожителей, и представить их разыскивающими младших научных сотрудников было трудно. Я не удержался и спросил, почему же было не воспользоваться телефоном. Оказывается, он не хотел беспокоить дома незнакомого ему человека. В этом был весь Артемий Васильевич.

Была одна интересная деталь в его поведении. Пару раз, договариваясь со мной о чем-то, он доставал два носовых платка и говорил: «Вот здесь я завяжу один узелок для памяти, а на втором платке я завяжу узелок, чтобы не забыть, для чего завязан первый узелок». Не знаю, помогало ли это, но никогда Артемий Васильевич ничего не забывал. В 1984 г. он вместе с супругой, выдающимся эмбриологом Ольгой Михайловной Ивановой-Казас, и учеником Ю. В. Мамкаевым были в Пльзене. С Ю. В. Мамкаевым мы оказались в смежных номерах. Отправляясь на заседания, обычно заходили к супругам и вместе продолжали путь, что позволило лучше оценить замечательные качества этой семьи — ярких представителей петербургской научной интеллигенции.

Неожиданно организатор симпозиума по И. И. Шмальгаузену пригласила меня начать дискуссию и рассказать о его вкладе в эволюционную теорию. Впервые я выступал перед огромной аудиторией международной конференции, да еще по-настоящему экспромтом, а ведь всем известно, что экспромты удаются только хорошо подготовленные. Спасало лишь то, что эволюционные взгляды Шмальгаузена я знал как «Отче наш» и что мой спич последовательно переводился, и за этот короткий период можно было хоть немного подумать о следующей фразе. Хотя вежливая публика аплодировала, я пошел на место с ощущением полного провала и стыда перед А. В. Ивановым, унаследовавшим лабораторию И. И. Шмальгаузена. Меня не утешило даже то, что, когда я шел на свое место, заведующий кафедрой дарвинизма МГУ А. С. Северцов, лично знавший И. И. Шмальгаузена, пожал мне руку. Я решил, что, увидев мой удрученный вид, он хотел меня как-то поддержать. Вообще в те годы советские участники международных конференций чувствовали себя представителями единой страны, искренне оказывали друг другу поддержку и помощь. Какова же была моя радость на следующий день, когда и Артемий Васильевич, и Ольга Михайловна искренне сказали, что им понравилось моё выступление, в котором я отразил главное в творчестве выдающегося эволюциониста. И тут же Артемий Васильевич отметил, что у меня симпатичная рубашка, и спросил, где я ее купил — здесь или в Ленинграде.

Вскоре после возвращения из Чехословакии А. В. Иванов предложил мне написать совместную вводную главу к первому тому планируемой 20-томной монографии «Основы зоологии». Я согласился подготовить раздел о микроэволюции, предоставив ему раздел о макроэволюции, так как осознавал разность школ, стилей и т. д. Так оно и получилось, хотя мы взаимно просмотрели тексты, учтя замечания друг друга. Вскоре началась перестройка, во время которой мало занимались наукой и главы было трудно выбить из авторов. Затем распался Советский Союз, и об издании научных книг пришлось на время забыть. В 1992 г. не стало Артемия Васильевича, которому в его трудах над первыми двумя томами помогала София Давыдовна Степанянц. Ю. И. Полянский, сменивший его на посту ответственного редактора, не намного пережил своего друга, а затем ушли и главные редакторы всего издания академики В. Е. Соколов и О. А. Скарлато.

Только во второй половине 1990-х гг. возобновилась работа над первым томом. К этому времени выяснилось, что за пятнадцать лет практически все тексты устарели. Удалось доработать только первую часть первого тома «Протисты», который и вышел в 2000 г. В него в почти неизменном виде вошла и наша с А. В. Ивановым большая глава «Пути и закономерности эволюции», так как ответственный редактор тома С. Д. Степанянц решила там ничего существенного не менять, чтобы сохранить его в том виде, как было согласовано с А. В. Ивановым и Ю. И. Полянским. Этой публикацией я очень дорожу как неким неформальным признанием меня членом зоологического сообщества.

Конечно, Артемий Васильевич как человек исключительно творческого дарования был не прост и на окружающих посматривал порой с иронией. Однажды мы оказались рядом в президиуме весьма авторитетного собрания, где шли сугубо научные доклады. Докладывал хороший ученый, но, учитывая юбилейный характер заседания, вдруг начал рассказывать не о своих работах, а о достижениях возглавляемого им коллектива, как будто речь шла об отчете на партийно-хозяйственном активе. Вдруг неожиданно Иванов спросил меня, указывая глазами на докладчика: «Он что, дурак?» Пришлось успокоить его, объяснив, что докладчик, очевидно, «не врубился в ситуацию».

В другой раз ко мне приехал В. Новак и попросил организовать встречу с Ивановым, которого он хотел порадовать какой-то собственным изобретением натурфилософской концепцией происхождения многоклеточности. Артемий Васильевич к натурфилософии был не склонен и попросил меня присутствовать при этом разговоре. Дело было после празднования 40-й годовщины победы над Германией, т. е. в мае 1985 г., и подошедшая сотрудница сказала с упреком: «Артемий Васильевич, вы не были на собрании, а там вам должны были вручить две медали», — и протянула их ему. Бегло взглянув, он сказал: «Красивые, пестренькие», завернул в платочек и засунул в карман. Более равнодушного отношения к правительственным наградам я никогда не встречал. Хотя нет, однажды в 1988 г. одну из наших сотрудниц по ошибке наградили второй медалью «Ветеран труда». У нее хватило чувства юмора, чтобы сказать: «Буду дважды ветераном Советского Союза».

В разгар перестройки я попросил Иванова дать интервью о впечатлениях борьбы с лысенкоизмом. Артемий Васильевич ответил: «Я ничего не знаю об этом. Я как в начале 1920-х гг. заглянул в микроскоп, так только в середине 1980-х гг. поднял глаза, а на дворе перестройка». Конечно, он лукавил, так как всегда занимал

однозначную позицию неприятия лысенкоизма, избегая при этом громких публичных заявлений. В этом отношении его поведение существенно отличалось от стратегии борьбы с лысенкоизмом, выбранной Ю. И. Полянским.

Илье Сергеевичу Даревскому принадлежит, вероятно, одно из самых выдающихся открытий в зоологии XX в. — партеногенетические виды у рептилий. До этого считалось, что полиплоидия может быть фактором эволюции только у растений и низших животных, а им в Закавказье было найдено несколько видов ящериц, возникших путем полиплоидизации. Естественно, такое открытие привлекло огромное внимание к его трудам. Даревский часто выезжал за границу, и вовлечь его в наши мероприятия было нелегко. Тем не менее в 1979 г. он приехал в Кяярику, где сделал интересный доклад, окрашенный юмором. Знаменитый в СССР сатирический журнал «Крокодил» он назвал герпетологическим изданием. Самым удивительным в нем были его простота, доброжелательность и готовность прийти на помощь. Однажды он даже предложил мне баллотироваться в РАН по Отделению общей биологии, предлагая всяческую поддержку. У меня не было ни малейшего сомнения в бесперспективности этого мероприятия для историка и философа биологии, когда в стране есть немало прекрасных биологов. Само предложение я расценил прежде всего как проявление доброго отношения к людям.

Я не встречал более бесконфликтного человека, ведущего научную дискуссию с удивительно мягкой улыбкой и юмором. Выше я уже говорил, что Илья Сергеевич согласился стать оппонентом моей докторской диссертации, хотя и сделал ряд серьезных замечаний, в частности, не согласившись со мной в вопросах исследования прогрессивной эволюции. Последние годы тяжелое ранение в годы войны не давало ему возможности быть в ЗИН каждый день, и наши беседы ограничивались телефонными разговорами. Но он по-прежнему был полон замыслов, в том числе и в области истории науки, мечтая написать труд о своем учителе С. А. Чернове. Сам Даревский воспитал сильных учеников — Т. Б. Ананьеву, Л. Я. Боркина и др.

С Львом Яковлевичем Боркиным, который младше меня на несколько лет, наше сотрудничество началось в работе над коллективной монографией «Развитие эволюционной теории в СССР», где он взялся написать историю остродискуссионной проблемы моно- и полифилии и сделал это, как всегда, на высоком общебиологическом и историко-научном уровне. С тех пор вместе с ним мы планировали, а иногда и реализовывали разнообразные исследовательские и научно-организационные проекты, в каждом из которых Лев Яковлевич работал с позиций современной науки. К сожалению, от чисто научной деятельности его сильно отвлекала активная общественно-политическая позиция. Именно благодаря ему Санкт-Петербургский союз ученых, возникший на пике перестройки, остался фактически единственным функционирующим и по сей день по-настоящему самоорганизующимся общественно-политическим и корпоративным объединением ученых. В какой-то степени это объединение позволяет реализоваться многим членам научного сообщества, не безразличным к судьбам науки в России, но не способным как-то влиять на нее в рамках своих научных коллективов. Боркин был рецензентом двух моих книг о Э. Майре и К. М. Завадском. Он не только внимательно прочитал их, но и сделал огромное количество исправлений и дополнений. Я всегда восхищался четкостью его суждений и огромной эрудицией в области эволюционной теории. Искренне он увлекается и историей

биологии, став одним из главных инициаторов учреждения журнала «Историко-биологические исследования» и заместителем главного редактора.

Не раз оказывал мне поддержку академик Орест Александрович Скарлато, всегда с пониманием встречавший мои просьбы о содействии. Этой традиции верны его преемники — академик Александр Федорович Алимов и член-корреспондент Олег Николаевич Пугачев, нередко выступавшие на наших конференциях. С Пугачевым мы даже совместно подготовили историка науки, зоолога Н. В. Слепкову, которая увлеклась историей Зоологического института, с энтузиазмом и огромным вкусом организовала много замечательных выставок, в том числе и совместно с нашим Фиалиалом.

Об уникальном энциклопедизме Ярослава Игоревича Старобогатова я услышал от Я. М. Галла в первые дни моего пребывания в секторе К. М. Завадского. Увидев его однажды в академической столовой, я поразился его молодости. Впоследствии о нем много рассказывал его ученик А. И. Кафанов, который переписывался со Старобогатовым еще со школы, а затем благодаря Ярославу Игоревичу уже в университете опубликовал несколько научных статей и был приглашен к поступлению в аспирантуру ЗИН. В рассказах Саши меня больше всего поражал тот факт, что он публично и в резкой манере дискутировал со своим наставником. Ярослав Игоревич был сторонником критикуемой тогда монотипической концепции вида, в то время как Александр Кафанов придерживался политипической концепции. При жизни К. М. Завадского Старобогатов держался в стороне от наших семинаров. Правда, когда Кирилл Михайлович разрабатывал проект учреждения журнала «Эволюция», он пригласил Я. И. Старобогатова на пост заместителя главного редактора, ведавшего зоологическими статьями, и тот согласился. Но проект не был реализован, и контакты прервались.

Старобогатов был автором классических работ по систематике многих групп организмов от грибов и простейших до вторичноротых. С В. Ф. Левченко он создал раздел современной экологии о лицензиях и принципах макроэволюции экосистем. Нашему сближению способствовали эволюционные семинары в Кяярику, где Старобогатов сразу стал одной из центральных фигур, легко вписался в сообщество, основу которого составляли ученики и единомышленники Завадского. Он оказался терпимым к различным точкам зрения и наблюдал за бушевавшими дискуссиями с какой-то снисходительностью, порой напоминая всезнающего отца, присутствующего при спорах младенцев об устройстве мироздания. Сам он тоже не прочь был предаться спекулятивным рассуждениям, но все же для него это была скорее игра ума, чем вопрос убеждений. В те годы он усиленно развивал идею о принципе дополнительности применительно к проблемам эволюционной теории. Вообще, он был необычайно щедр и богат на выдвижение различных гипотез, идей, методов. Энциклопедическая подготовка и блестящая память позволяли ему легко конструировать новые концепции и за пределами биологии. Так, с огромным интересом я выслушал однажды за столом его аргументацию о том, что князь Олег никогда не ходил походом на Византию, а щит прибил в качестве клятвы верности византийским императорам. О правдоподобии этой версии я судить не берусь, но за оригинальность ручаюсь. Во всяком случае лично я ни до, ни после с ней не сталкивался.

Ярослава Игоревича буквально обожали все, кто узнавал его поближе. Не случайно большинство и зрелых, и начинающих ученых за глаза звали его ласково

Славушкой. В нем было что-то от Паганеля. Биология была его страстью, казалось, в ней нет ничего, что бы он не знал. Зоология XX в. — очень специализированная наука, но Старобогатов как оппонент по любой группе не вызывал сомнения у членов Ученого совета при защите самых разных докторских диссертаций по зоологии. Ходил анекдот, что только раз он стусевался, когда кто-то ради шутки при дискуссии отметил, что уважаемый оппонент почему-то обошел вниманием очень важный вопрос о фановых трубах. Говорят, Ярослав Игоревич был потрясен своим промахом и вопреки обычаю быстро покинул банкет. Но уже на следующее утро, когда шутник еще не успел протрезветь, он позвонил ему и с торжеством сказал: «Я теперь знаю, что такое фановые трубы, но к диссертации это не имеет ни малейшего отношения». В его голове каким-то образом умещались десятки, если не сотни тысяч латинских названий таксонов из различных империй и царств живой природы.

Однажды мы втроем с Балушкиным отправились за грибами по Московскому направлению. Ехали в места незнакомые, где грибов оказалось мало. Но Ярослав Игоревич набрал полную корзину, так как он знал десятки съедобных грибов, на которые любой нормальный грибник не обратил бы внимания, а он объяснял нам к тому же, как каждый из них готовить и особенности их вкуса. При этом он обозначал по-латыни не только отдельные виды, но и подвиды и, похоже, даже отдельные морфы. Никаких затруднений он не испытывал при определении разновидностей амфибий, рептилий, птиц, не говоря уже о моллюсках, где был лучшим специалистом в мире.

В 1987–1991 гг. Ярослав Игоревич дважды в год работал в зоне аварии Чернобыльской атомной электростанции, изучая влияние радиации на развитие водных животных. Видимо, там он и получил повышенную дозу радиации, ускорившую его кончину. В лихие 1990-е какой-то подонок, позарившись на его старенькую меховую шапку, в центре Санкт-Петербурга, на Стрелке Васильевского острова ударил его по голове, когда в шесть часов вечера он возвращался с работы. Удар был настолько сильный, что Старобогатов проболел несколько месяцев и уже не смог вернуться к полноценной работе. Умер он в полунищете. Обычная судьба энциклопедиста и бескорыстного труженика науки в России в XX в. «Горе от ума», хотя, точнее, горе России, которая не ценит свою подлинную интеллектуальную элиту.

Конечно, мое сотрудничество с зоологами не ограничивалось только сотрудниками ЗИН. Вместе с Я. И. Старобогатовым в МГУ учился Н. Н. Воронцов, который позднее стал первым и единственным беспартийным министром СССР. Причиной этого исключительного случая было то, что он не только знал, чем должно заниматься вверенное ему ведомство (Государственный комитет СССР по охране природы, в 1991 г. Министерство природопользования и охраны окружающей среды СССР), но и был специалистом в этой области. У нас подобные аномалии, когда специалист, а не лизоблюд, возглавляет правительственное учреждение, — это свидетельство распада государства. Прежние номенклатурные способы подбора и расстановки кадров не срабатывали. Правящая элита, грызаясь между собой, старалась найти новые слои социальной поддержки ради спасения, нуждаясь в нестандартных и компетентных руководителях.

Здесь взгляд М. С. Горбачева, возможно случайно, упал на импозантную фигуру депутата-демократа Съезда народных депутатов СССР, да к тому же знающего, что такое экология. О ней тогда говорили все, но никто, даже председатель Комитета

Верховного Совета по экологии, не мог ответить на вопрос, что такое экология и с чем ее едят. В то же время радиоэфир, телеэкран и газеты были заполнены пустоপরজনরассуждениями об экологии города, сточных вод, атмосферы и даже культуры, чувств и т. п. Воронцов в экологической ситуации страны разобрался: она оказалась не так страшна, как ее малевали политики, гуманитарии и средства массовой информации.

Но это уже было в годы перестройки, а впервые фамилию Николая Николаевича Воронцова я встретил в 1969 г., когда купил книгу «Краткий очерк теории эволюции» Н. В. Тимофеева-Ресовского и двух неизвестных для меня его соавторов Н. Н. Воронцова и А. В. Яблокова. К тому времени у меня сложились собственные представления об эволюции, и, проштудировав книгу, я обнаружил, что это не теория эволюции, а взгляды Н. В. Тимофеева-Ресовского, к тому же 30-летней давности. По моему мнению, стремление к четкому определению понятий, постулатов и элементарных факторов эволюции неизбежно вело к упрощению сложившихся к тому времени в СТЭ концепций и давало повод для ее критики. Воронцов вскоре сам понял невозможность втиснуть современные эволюционные воззрения в изложенную в их книге схему постулатов СТЭ и одним из первых в нашей стране попытался расширить границы синтеза путем добавления новых постулатов и механизмов видообразования. Это он делал на базе новейшего литературного материала и собственных кариосистематических, генетико-популяционных, эволюционно-морфологических и зоогеографических исследований

В декабре 1972 г. я взял в библиотеке второй номер выпускаемого под редакцией Н. Н. Воронцова альманаха «Проблемы эволюции» и как-то спонтанно решил написать на него рецензию. В конце несколько разгромных абзацев я посвятил книге о состоянии эволюционной теории на Западе, опубликованной известным палеонтологом академиком Л. Ш. Давиташвили, который традиционно охаивал все происходящее там. Рецензия была замечена. Многие писали К. М. Завадскому, что наконец-то кто-то осмелился резко ответить очернителям западной эволюционной мысли, а кто-то сожалел о моей загубленной судьбе, так как знали, что академики своих «не сдают», а критикуемый мною палеонтолог обид не прощает. Но как-то все обошлось, а я стал известен эволюционным биологам как возмутитель спокойствия и гроза титулованных лысенкоистов. И когда в июне 1977 г. М. Адамс познакомил меня с Н. Н. Воронцовым, тот встретил меня столь радостно, как будто после долгой разлуки обрел блудного сына. С тех пор у нас установились достаточно ровные отношения профессионального сотрудничества, хотя он скорее видел во мне философа, а не биолога.

Его блестящая административная карьера (в 30 лет — ученый секретарь по биологическим наукам Президиума СО АН СССР, в 37 лет — директор Биолого-почвенного института Дальневосточного научного центра АН СССР) прервалась по инициативе Приморского крайкома КПСС, который он явно игнорировал: не являлся на совещания, отговариваясь делами в институте; будучи беспартийным, самостоятельно подбирал очередного секретаря парторганизации Института; да вдобавок наотрез отказался вступать в КПСС, что по тем временам для директора было немислимым проступком.

Вскоре у нас возникли сложности с главой «Вид и видообразование у животных» для коллективной монографии. Лучшего автора, чем Воронцов, было трудно

найти, и мы с Я. М. Галлом были рады, когда он согласился. К сожалению, он в срок не завершил работу, и мы пригласили другого, более молодого автора — Сергея Сергиевского. Николай Николаевич был явно недоволен моим решением, не раз выговаривал, что я пошел по легкому пути. Но я не мог ждать рукопись от Николая Николаевича, который несколько раз не укладывался в отведенные сроки.

Самое удивительное в нем — это какая-то детская искренность. Создавалось впечатление, что он не допускает ложь даже во спасение. Если он был чем-то недоволен, то говорил прямо, а если чем-то восхищен, то радовался, как ребенок. По-детски он и обижался. Подобная непосредственность порождала немало недоброжелателей, но и не меньше искренних преданных друзей, среди которых особое место занимала его жена Елена Ляпунова, обожавшая своего супруга. Красивый баритон Воронцова завораживающе действовал на слушателей его оригинальных и остроумных докладов. Николай Николаевич всегда держался по-царственному: просто и с достоинством. Только раз я видел его растерянным. В Москве проходило III Всесоюзное совещание по философским вопросам естествознания, где с центральным докладом выступил президент АН СССР А. П. Александров, который в течение часа без бумажки рассказывал изумленной аудитории о философском значении важнейших открытий в естественных науках. За ним последовали более краткие, но не менее яркие выступления других членов Президиума АН СССР, которые почти все оказались прекрасными ораторами и, за исключением главного философа страны П. Н. Федосеева, говорили свободно и без бумажек. В перерыве я вдруг неожиданно в дверях чуть не столкнулся с А. П. Александровым, который в сопровождении двух рослых охранников шел энергично, не видя никого перед собой, будучи уверен, что любой присутствующий уступит ему дорогу. Я впервые наблюдал подобное.

Секционное заседание проходило в Институте философии. Ответственным за него была Р. С. Карпинская, которая поставила первым доклад Н. Н. Воронцова о новом этапе в развитии эволюционного учения. На выступление отводилось не более 15 минут. Воронцов, не привыкший, чтобы его ограничивали, говорил, как обычно, подробно и не торопясь. Председательствовал будущий нобелевский лауреат В. Л. Гинзбург, пришедший на заседание с огромным портфелем. Виталий Лазаревич не стерпел столь явного нарушения регламента, резко прервал доклад, да еще снабдил неодобрительными комментариями. Вообще Виталий Лазаревич явно демонстрировал, что все выступавшие здесь пустые болтуны и он вынужден все это слушать лишь по поручению свыше. Вскоре он ввел регламент — по пять минут, что фактически сделало бессмысленными любые выступления, хотя дважды, при выступлении Мейена и меня, Гинзбург даже произнес нечто одобрительное. Тогда я был горд оценкой академика, теперь мне стыдно за то, что согласился выступать в такой обстановке. Наверно, у Николая Николаевича уже тогда было подобное чувство.

Однажды Николай Николаевич вступил в резкую полемику со мной на Международном конгрессе по методологии науки. Кстати, я делал доклад на ту же тему, что и при Гинзбурге. Я ему ответил также не очень дипломатично, философско-биологическая аудитория, не привыкшая, чтобы так обращались с живым классиком, а с другой стороны, шокированная генеральскими нотками в доводах Николая Николаевича, обомлела. Даже плохо говорящие по-русски друзья из ГДР Р. Лётер и К. Вениг выразили недоумение по поводу остроты дискуссии. Но на наших отношениях с Воронцовым это никак не сказалось, через полчаса мы с ним оживленно

беседовали по поводу перспектив реабилитации жертв сталинского террора, и вскоре он всем с удовольствием повторял мой прогноз, что скоро все будут реабилитированы, за исключением Л. Д. Троцкого, которого нельзя реабилитировать, так как он убит не по приговору суда. Троцкого действительно до сих пор не только не реабилитировали, но и сваливают на него ужасы революции и сталинских репрессий.

Во время конференции «Дарвинизм: история и современность» Воронцов выступил с прекрасным докладом о возможности «внезапного» видообразования, а затем по предложению С. Д. Степанянц мы с ним встретились у нее на квартире. Оказалось, что он толерантен к разным точкам зрения, но подготовка к печати материалов чуть не рассорила нас. Он никак не соглашался уменьшить текст до требуемых размеров, идя на всякие детские хитрости (уменьшение отступов со всех сторон, увеличение количества строк и т. д.), изображая, что принял мои просьбы по сокращению. Я вынужден был прибегнуть к своему излюбленному приему: сократил текст до требуемых размеров, попросив взять вину на себя Юрия Ивановича Полянского, который даже извинился за то, что не выслал корректуру. Юрия Ивановича Воронцов боготворил, официально не протестовал против экзекуции над текстом, но мне не раз пенял за то, что я оказался единственным редактором в его жизни, посмевающим урезать его текст. Обычно в таких случаях он забирал статью из редакции. Здесь же Николай Николаевич ограничился тем, что, представляя меня кому-либо из своих коллег, полувозмущенно-полунедоуменно и даже полувосхищенно говорил, что это тот самый Колчинский, который в полтора раза сократил его статью, чтобы поместить работы своих аспирантов и аспиранток. В последнем он был не прав: до 50 лет у меня официально не было аспирантов, а вот молодежь я и тогда старался продвигать.

Перестройка дала возможность Николаю Николаевичу шанс вновь проявить свои уникальные научные и организационные способности. Став народным депутатом от научных обществ и членом Комитета по науке Верховного Совета СССР, он инициировал и разработал законопроект о восстановлении в гражданстве деятелей науки и культуры, насильственно высланных из СССР. Он оказался очень эффективным управленцем, продемонстрировав даже в период все нарастающего хаоса, как важно иметь во главе правительственных органов специалиста. Воронцов разработал новую концепцию охраны природы. При нем площадь заповедников увеличилась на 20%. Его активные выступления против испытаний ядерного оружия на Новой Земле в 1990 г. сыграли важную роль в объявлении моратория на ядерные испытания.

В министерском кресле Воронцов не изменил своим научным интересам и демократичной форме общения. Он был по-прежнему доступен, искренне радовался присылаемым ему трудам, которые внимательно прочитывал и не скупился на похвалу. По мере сил и возможностей он укреплял международные контакты биологов, содействовал М. Адамсу, Д. Вайнеру и другим американским историкам науки в сборе архивного материала. Во время редких приездов в Ленинград Воронцов шел работать в Зоологический институт, просиживая целыми днями в его лабораториях и библиотеке. Это производило огромное впечатление на всех, особенно на чиновников его ведомства, не приученных к тому, чтобы союзный министр, приезжая в Ленинград без сопровождающих, ехал на городском транспорте в отведенную ему гостиницу, да еще и сам писал научные труды.

В сентябре 1990 года мы проводили советско-американскую конференцию о Ф.Г. Добржанском, где с докладом должен был выступить Воронцов. Еще накануне оргкомитет осаждали чиновники из Ленприроды, желавшие сделать что-то полезное для своего министра. Правда, Воронцов на конференции появился только один раз, собрав в рюкзак книги иностранных участников, жаждущих преподнести союзному министру свой труд, и отбыл восвояси, не сделав доклад. Причиной выраженного недовольствия стало то, что без ведома Оргкомитета Воронцов пригласил принять участие в конференции Р.Л. Берг. Однако американские генетики и историки науки выступили против ее участия как официального докладчика и в противном случае угрожали не приехать. Мы сообщили Раисе Львовне, что, конечно, будем рады ее видеть, но программа, мол, уже согласована и вставить ее доклад не представляется возможным. И последнее было правдой. В повестку дня включали лиц, напрямую связанных с изучением жизненного пути Ф.Г. Добржанского или разрабатывавших его творчество. К таковым Р.Л. Берг никак не относилась. Ни тогда, ни после я не спрашивал Николая Николаевича о причинах его нежелания сделать доклад, а сам он не поднимал этот вопрос. Здесь важно подчеркнуть, что как министр СССР — конференция проводилась на средства, выделенные АН СССР — он мог принять меры и настоять на своем участии при формировании программы, но предпочел действовать как обычный член научного сообщества.

Воронцов так и не усвоил основные правила чиновничьего мира. Он решительно выступил против ГКЧП в августе 1991 г., в том числе в ходе заседания Правительства СССР. Коллегия Минприроды — единственного из министерств СССР — официально не поддержала ГКЧП. 21 августа он заявил о выходе своего министерства из состава Совета министров СССР. Тем не менее ему не нашлось места в правящем клане Б.Н. Ельцина, и он сосредоточился на законодательной деятельности, будучи депутатом Государственной думы России (по списку движения «Выбор России»), заместителем председателя Комитета Государственной думы по образованию, культуре и науке, председателем подкомитета по науке. В самый трудный момент он оказал помощь многим биологам, инициировав организацию Джорджем Соросом фонда для поддержки ученых, изучающих биологическое разнообразие, и возглавив его. Выделяемые тогда стипендии по 500 долларов, равнявшиеся трехлетней годовой зарплате, позволили сотням ученых остаться в науке. До перестройки Воронцов был практически невозвездным, а потом не только объездил полмира, но даже успел преподавать в Гарвардском (1992–1993) и Стэнфордском университетах (США).

В 1994 г. я пригласил Николая Николаевича выступить на пленарном заседании Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Доклад вызвал огромный интерес. 133-я аудитория биолого-почвенного факультета была забита до отказа, люди сидели в проходах, многие толпились в дверях. Н.Н. Воронцов в основу своего выступления положил данные об экологической ситуации в России, собранные в период его бытности в Правительстве СССР. Из его доклада следовало, что опасения насчет экологического кризиса на всей территории России сильно преувеличены. Ввиду неравномерности индустриализации, а также остановки многих промышленных предприятий в постсоветские годы фактически только часть территории на европейской части России была сильно загрязнена промышленными и бытовыми отходами и водами, а их флора и фауна находились на стадии

исчезновения сотен видов. Нарисованная им объективная картина давала возможность трезво оценивать сложившуюся ситуацию, что крайне важно для принятия адекватных мер.

Последний раз я видел Н. Н. Воронцова в июне 1996 г. на защите диссертации в ИИЕТ РАН, где он был оппонентом своего давнего младшего друга, талантливого и высокообразованного, но страдающего одним недостатком — неумением надолго сконцентрироваться на решении какой-либо проблемы. В итоге, несмотря на большое количество публикаций и хорошие международные связи, соискатель до 40 лет не защитил кандидатскую диссертацию. Да и представленный к защите вариант имел ряд существенных изъянов, вызывая возражение у ряда членов Специализированного совета. Мы с Я. М. Галлом защищали диссертанта, делая упор на оригинальности замысла и пионерском характере работы, и оценивали ее как докторскую. Воронцов, дав положительную оценку диссертации, нас не поддержал, сказав, что автора следовало бы высечь за небрежное оформление текста, особенно списка литературы. В этом был весь Воронцов, не идущий ни на какие компромиссы в области науки. Его ранний уход из жизни — огромная потеря не только для отечественной биологии, но и для страны в целом, которой так не хватает широко мыслящих и высоконравственных профессионалов, думающих об интересах науки и страны в целом.

Ефим Иудович Лукин был легендарной личностью, так как одним из первых приступил к созданию эволюционного синтеза в СССР. Хорошо известно и его мужественное поведение в годы лысенковщины, когда, будучи всемирно известным ученым и профессором, он был отстранен от всякой научной и преподавательской деятельности. Ему пришлось испытать на себе все тяготы, связанные с революциями и войнами, быть свидетелем «чисток» и репрессий, гонений на «безродных космополитов» и борьбы за подлинно «научную биологию». И во все времена он оставался порядочным и благородным ученым, добрым другом и наставником молодежи.

Впервые я увидел его в декабре 1969 г., на конференции по закономерностям прогрессивной эволюции. Тогда я еще не знал, что в науке не бывает до конца решенных вопросов, и его попытка связать эпохи интенсивного горообразования с возникновением крупных таксонов показалась мне скорее несерьезной шуткой из далекого прошлого, да и сам Лукин казался пришедшим оттуда же. Ведь ему было тогда 65 лет, а в 25 лет кажется, что так долго в науке не живут. Вскоре выяснилось, что я глубоко ошибался. Где бы ни проводились конференции по проблемам эволюции, там везде бывал Ефим Иудович. Ироничный, даже скорее язвительный, он не упускал случая, чтобы не поддеть докладчика каким-либо каверзным вопросом и подискутировать вволю. При внешней агрессивности Лукин был прост в общении с молодыми учеными, беседуя с ними без менторских ноток и воспоминаний, которыми, увы, многие из нас с возрастом начинают грешить.

Больше всего удивляла в нем терпимость не только к взглядам, противоположным его собственным, но и к людям, под влиянием обстоятельств дрогнувшим и отступившим. В этом отношении характерно его отношение к И. М. Полякову — блестящему дарвинисту, не только отказавшемуся от своих воззрений на августовской сессии ВАСХНИЛ, но и продолжавшему поддерживать Т. Д. Лысенко вплоть до его падения. Лукин, после сессии работавший гардеробщиком, больше, чем кто-либо

иной, имел право бросить камень, но он этого не только никогда не делал, но не раз просил как-то морально поддержать Илью Михайловича — посылкой книги, сборника, поздравлениями к празднику. После смерти Кирилла Михайловича Лукин стал частым гостем в нашем секторе. Свои доклады он часто начинал с похвального слова в адрес нашего учителя, подчеркивая его заслуги в создании мощной отечественной школы эволюционистов. Он одним из первых дал главу в нашу коллективную монографию; правда, я ее довольно безжалостно отредактировал, подводя к общему духу и стилю. К моему удивлению, Лукин, с ходу отвергнув традиционную версию о причастности к подобному варварству Юрия Ивановича Полянского, не обиделся и, поворчав для порядка, с правкой согласился.

Последний раз я видел Ефима Иудовича, ставшего к тому времени подлинным патриархом отечественной биологии, но по-прежнему в свои 87 лет разбегжавшего по всем зоологическим и эволюционным конференциям в СССР, — на советско-американской конференции, посвященной памяти Ф. Г. Добржанского. Заранее мы договорились, что я возьму у него интервью под запись на видеомэгнитофон, что и было сделано. Он рассказал много интересного о первых десятилетиях советской биологии, о своих учителях и друзьях, но ничего не хотел говорить о репрессиях, предательствах и гонениях периода лысенкоизма, что пользовалось тогда особым спросом. Такое интервью явно не подходило для проекта «Репрессированная наука», я его не расшифровал в то время. Но один завет Ефима Иудовича, прозвучавший в этом интервью, я все-таки выполнил. Он просил меня написать статью о Дмитрие Николаевиче Соболеве, к тому времени практически забытом отечественном эволюционисте — создателе первой версии синтетической концепции неокатастрофизма. До этого то же самое меня просил сделать академик Е. М. Лавренко, которому, как и Лукину, пришлось слушать в начале 1920-х гг. блестящие лекции Соболева. Но вскоре его заставили замолчать ортодоксальные марксисты, не терпящие никакого отхода от официально дарвинизма. Лукин был убежденный сторонник теории естественного отбора, внесший огромный вклад в ее развитие, но умел ценить и оригинальные труды, и талант оппонентов.

Я мог бы долго продолжать список тех зоологов, с кем так или иначе не просто сталкивался на своем жизненном пути, но и привлекал к своим проектам. Будущий академик Юрий Иванович Чернов в начале 1980-х гг. выручил меня, написав прекрасный исторический очерк об эволюции на биоценотическом уровне организации живого в коллективную монографию. Спустя 20 лет, когда я полагал, что Чернов забыл о моем существовании, он вдруг обратился ко мне с просьбой написать статью к юбилею Э. Майра, а потом привлек к сотрудничеству для написания статей для Большой российской энциклопедии, где у меня установились прекрасные отношения с редакторами биологического отдела. Несколько раз на наших семинарах выступала блестящая, вся кипящая энергией академик Э. И. Воробьева, ученица И. И. Шмальгаузена и крупнейший в мире специалист в области эволюционной морфологии и палеонтологии высших рыб и первых наземных позвоночных. С экологами А. М. Гиляровым и Б. Л. Гуттельмахером мы обсуждали проблемы эволюции экосистем, с В. Р. Дольником — биосоциологии, с В. В. Хлебовичем — эволюционной теории. Все эти встречи и беседы имели для меня огромное значение, помогая следить за развитием зоологии.

Палеонтологи

История эволюционной палеонтологии всегда была в сфере моего внимания, но как-то так получилось, что с палеонтологами я контактировал не много.

Просматривая реферативный журнал «Общая биология», я обнаружил, что обзор моей первой статьи писал Леонид Петрович Татаринов, причем из не очень ясного полуфилософского-полубиологического текста он смог извлечь самое главное. Вскоре я заметил, что львиная доля рефератов по эволюционной теории в этом журнале принадлежит его перу. Характерно, что он не прекратил их писать, когда стал директором Палеонтологического института, академиком и заместителем академика-секретаря Отделения общей биологии АН СССР. Реферирование обычно было уделом ученых, не отягощенных званиями и административными обязанностями. Позже, когда я сам стал участвовать в реферировании статей, оказалось, что мы с ним находимся в конкурентных отношениях, так как, будучи в Москве, он имел больше возможностей влиять на подборку высылаемых ему статей, от чего в выигрыше, конечно, были читатели. Леонид Петрович знаменит уникальным энциклопедизмом в области эволюционной биологии. Подготовленные им рефераты неизменно отличались высоким качеством и огромной информативностью.

По какой-то причине я не смог встретиться с ним в 1974 г., когда Леонид Петрович делал доклад на семинаре у К. М. Завадского, но его труд «Морфологическая эволюция териодонтов и общие вопросы филогенетики» (1976) я проштудировал и считаю его одной из важнейших отечественных работ в области эволюционной биологии. Тем не менее никак не удавалось с ним лично пообщаться, хотя Леонид Петрович часто приезжал в Зоологический институт, работал в лаборатории И. С. Даревского и, по рассказам Л. Я. Боркина, был прост в общении. В 1984 г. мы оказались вместе на конференции по эволюционной морфологии в Пльзене. Как я говорил, царившая в те годы на международных конференциях атмосфера облегчала общение прежде всего между советскими учеными, большинство из которых не слишком хорошо говорили по-английски. Леонид Петрович чувствовал себя более уверенно в общении с иностранцами, но так как палеонтологов и эволюционных морфологов там было не очень много, он явно скучал. Видимо, поэтому он пару раз сыронизировал по поводу моей чрезмерной любви к выдаваемому в обед бесплатно разливному пиву. Я на шутку ответил колкостью, и мы разошлись.

После окончания конференции хозяева организовали трехдневный тур по Западной и Южной Чехословакии, куда пригласили и некоторых советских участников, но ни один из них без разрешения из Москвы не мог этого сделать. Такое разрешение получил только Леонид Петрович, я же был вольный казак, так как официально считался частным гостем В. В. Леонович. В результате только мы остались на эту поездку и были вознаграждены незабываемыми впечатлениями — как от посещаемых мест, так и от ранее мне не известного западного сервиса. Волей-неволей мы постоянно сталкивались и обменивались с Леонидом Петровичем шуточками, а к концу первого дня он заговорил серьезно, причем с какой-то неожиданной для меня откровенностью. Я был поражен. В академической среде есть темы, обсуждаемые только с друзьями. Может, Татаринов видел во мне историка науки и хотел поведать об этосе научного сообщества. Его рассказы были интересны, наблюдения остроумны, суждения точны и верны, и я наслаждался беседами с ним. После

посещения Гуситского музея в Таборе Леонид Петрович сказал: «Какой прогресс терпимости! Ещё лет двадцать тому назад или мы бы сожгли лысенкоиста В. В. Новака, или он нас, а теперь мы не только совместно заседаем на научных конференциях, но в рамках культурной программы посещаем музей Яна Гуса». Тогда же я его спросил, каков прогноз геологов насчет запасов нефти. Татаринев ответил, что они предсказывают полное исчерпание ее запасов через 25 лет. Сейчас прошло почти 30 лет, и вновь геологи обещают, что нефти хватит максимум на четверть века. Ну кто после этого посмеет сказать, что ученые не постоянны в своих предсказаниях?

Впоследствии мы с Леонидом Петровичем периодически встречались, труды его по эволюционной теории, креационизму и неокатастрофизму имели для меня огромное значение. Когда мы с Ю. П. Полянским формировали сборник «Дарвинизм: история и современность», объем которого был ограничен и статьи не могли быть больше одного печатного листа, Леонид Петрович прислал прекрасную статью, но размером, в несколько раз превышавшим заказанный объем. Потом выяснилось, что это была глава его будущей книги. Не получив от него ответа на вежливое предложение постараться как-то уложиться в отведенный объем знаков и зная, как трудно уговорить автора сократить собственный текст, мы с Юрием Ивановичем использовали метод, отработанный при подготовке коллективной монографии. Я сокращал, а Полянский брал вину на себя. Об этом мы рассказали Леониду Петровичу, когда он весной 1987 г. приехал в Ленинград формировать программу Проблемного совета по эволюции органического мира. Узнав о том, какому урезанию подвергся его труд, Татаринев несколько опешил. Тексты академиков считались неприкосновенными. В причастность Юрия Ивановича к подобной вольности он явно не поверил и сказал, глядя на меня: «Так вы же настоящий бандит». На этом инцидент был исчерпан, и мы живо принялись обсуждать программу будущего Совета, где Леонид Петрович предложил мне быть председателем Комитета по истории и методологии эволюционной биологии, который я формально возглавляю и по сей день.

В середине 1990-х гг. Леонид Петрович специально приехал в Санкт-Петербург для доклада на эволюционном семинаре СПбОЕ. Это выступление, вероятно, было одно из последних перед его тяжелой болезнью. Демонстрируя блестящее знание современной эволюционной теории, Леонид Петрович признал завершение эры доминирования синтетической теории эволюции и признал начало нового эволюционного синтеза, не указав, правда, пути его реализации. Здесь наши взгляды несколько разошлись, хотя теперь я признаю, что он был прав. В 2007 г. я послал ему две свои последние книги и был обрадован, получив не только формальную благодарность, но ряд ценных замечаний по истории биологии в СССР. Продолжая дискуссию, мы обменялись письмами, из которых я с радостью узнал, что он подготовил к печати большой труд по эволюции наземных позвоночных. Из письма было видно, что он надиктовывал свои тексты.

В 2009 г. я получил от Л. П. Татаринева роскошный подарок — заключительную часть «Очерков по эволюции рептилий», в которой рассматриваются филогенетические связи архозавров и зверообразных с другими рептилиями, а также проблемы их родства с птицами и млекопитающими. В этой книге был обобщен огромный материал как собственных наблюдений, так и литературных источников, опубликованных за последние 150 лет. В книге содержались и важные теоретические

обобщения, прежде всего по проблеме полифилии и монофилии с точки зрения кладистической систематики. На мой взгляд, книга Татаринова — один из важнейших трудов в области эволюционной палеонтологии за последнее десятилетие.

Ранее я уже говорил о своих контактах с палеонтологом К.Л. Паавером. Он изучал изменчивость субфоссильных и современных популяций млекопитающих, выявляя реальные связи между микро- и макроэволюцией. Эти работы позволяли палеонтологам участвовать в изучении причин эволюции, исследуя размах изменчивости в ископаемых популяциях, распространение тех или иных признаков во времени, направленность преобразования популяций и т.д. На их базе Паавер разработал синтетическую концепцию процесса морфологической адаптации, показал пути развития теоретической морфологии.

Возглавив в 1977 г. Институт зоологии и ботаники АН СССР в Тарту, Паавер вместе с Т.Я. Суттом организовали на спортивной базе Тартуского университета серию симпозиумов по проблемам эволюционной теории и ее историко-методологическим аспектам. В них обычно участвовали 40–50 биологов, философов и историков науки, профессионально занимавшихся эволюционными проблемами. Первый из этих симпозиумов, «Эволюционная теория и проблема “человек-природа”», посвященный памяти К.М. Завадского, состоялся в мае 1978 г. Второй симпозиум, «Макро- и микроэволюция», проходил два года спустя. В дружеской обстановке обсуждались наиболее актуальные проблемы эволюционной теории. В сентябре 1984 г. в Кяярику был организован симпозиум «Методологические проблемы эволюционной теории», посвященный 125-летию выхода в свет «Происхождения видов» Ч. Дарвина. К тому времени СТЭ стала объектом многих критических выступлений как у нас в стране, так и за рубежом. Причем если за границей ее в основном критиковали с позиций новейших открытий в молекулярной генетике, биологии развития и палеонтологии, то в нашей стране — сквозь призму концепций начала XX в.

Центральную роль во всех этих симпозиумах играл К.Л. Паавер, не только выступавший на пленарных заседаниях, но и принимавший участие во всех формальных и неформальных дискуссиях. Широта его теоретических взглядов, энциклопедичность биологических знаний, европейское воспитание и высокая культура общения, толерантность к разным точкам зрения и стремление найти разумный компромисс способствовали успеху проводимых мероприятий, превращавших самых непримиримых оппонентов в коллег. Конференции, организуемые в Кяярику, способствовали формированию единого сообщества биологов-эволюционистов в СССР, расколотого со времен дискуссий 1920–1930-х гг.

СЕМЕЙНЫЙ ТЫЛ

Человеку для счастья надо не много. Интересная работа, друзья и, конечно, надежная семья. Последнее наиболее важно, так как только в семье нет непримиримых конкурентных отношений, а два основополагающих ее элемента в идеале выступают как целое. Ведь семья — это не только и даже не столько общая постель, сколько хозяйственная и психоэмоциональная ячейка общества. Благодаря Наталии Викторовне, урожденной Константиновой, мне удалось обрести семью. Наши отношения складывались по сюжету служебных романов. Вначале — сугубо официальные контакты, затем совместная работа, переросшая во взаимную симпатию, а затем наступило то, что называют «больше чем любовь», где увлечения и преданность были переплетены с чувством долга перед детьми. Пожалуй, трудно было найти людей, столь отличающихся друг от друга не только внешне, но и по образованию, характеру и взглядам, как мы с женой в первые годы совместной жизни. Возможно, именно это позволило сохранить интерес друг к другу на протяжении почти 45 лет. В этом прежде всего заслуга моей жены, которая создала все условия для моей нормальной работы и подарила мне сына и дочь.

После того как мы поженились, она добровольно ушла из ЛО ИИЕТ — поступок, по тем временам немислимый, так как работа в АН СССР была престижна — и стала преподавателем английского языка в школе. Наташа много преподавала на различного рода курсах, которые иногда посещал я. Она была учителем от бога, хотя и не очень любила свою профессию, главным образом из-за разного рода бессмысленных воспитательных мероприятий в советское время, бюрократизации, формализма и несправедливости учителей — как перед администрацией, так и перед некоторыми амбициозными родителями. Тем не менее она отработала в школе почти четверть века, в том числе последние 10 лет в престижном физико-математическом лицее № 239 на Кирочной улице, в здании, где ранее размещалась Анненшуле. Здесь и учебный контингент, и преподавательский состав были намного лучше, чем в большинстве школ. Директор ценила ее опыт и не загружала воспитательной работой, да и бюрократическая писанина в те годы была сведена к минимуму. До прихода в лицей она несколько лет работала переводчицей в закрытом НИИ, но ее не устраивали царящие там сплетни и интриги, конкуренция за пятирублевые премии и разнарядки на сельхозработы и овощные базы. Да и сама работа в НИИ казалась мертвой и бессмысленной по сравнению со школой, где каждый день видишь результаты своего труда.

После регистрации брака мы более двух лет жили вместе с ее родителями. К счастью, к 250-летию АН СССР строили кооперативный дом, о чем мне стало известно от П. Б. Шелища. Претендентов на трехкомнатную квартиру было немного, и меня включили в состав пайщиков, а родители дали часть денег на первый

взнос. Остальное пришлось зарабатывать на калымах. Уже к сентябрю 1976 г. дом в районе Шувалово-Озерки был построен, практически посреди чистого поля. Еще несколько лет я мог у подъезда встать на лыжи и уйти в лесопарк Парнас. С магазинами было плохо. Ближайший универсам находился на расстоянии одного километра. Трамвай — единственный способ добраться до центра, включая место работы. Это занимало минимум час. Правда, первые годы большую часть пути можно было сидеть и читать книгу. Но очень холодно было зимой.

Сыну Денису было два с половиной года, и ни яслей, ни садиков еще не было. К счастью, его няня Полина Семеновна любила его, как собственного внука, и, так как у нее семьи не было, жила у нас, отказываясь от всякой платы, рассматривая нас как свою семью. Она была женщиной глубоко и искренне верующей, трудолюбивой, исключительно порядочной, с высоким чувством собственного достоинства. Родилась она еще в XIX в. В 16 лет ее хотели выдать насильно за нелюбимого, но накануне свадьбы она бежала из деревни в Петроград, где устроилась на фабрику и нашла своего суженого. Впоследствии революция, Гражданская война, индустриализация, Великая Отечественная война не раз перечеркивали ее личную жизнь, которую ей приходилось начинать сызнова. Но она не сгибалась, воспринимая трагедии как испытание Божье, и, несмотря на пережитое, оставалась оптимисткой и добрым, отзывчивым человеком.

Очень интересные были с ней разговоры о прошлом. И я удивлялся, как почти что безграмотный человек точно воспринимал сущность событий, свидетелем и участником которых приходилось быть. У нас с ней практически на все были общие взгляды. Единственное, что она не смогла принять, — это то, что Дева Мария и Христос были евреями по национальности. Услышав это, она возмутилась до глубины души и сказала: их, мол, пожалуйста, не трогайте. И я согласился, так как бесполезно спорить насчет мифов. В этом я еще раз убедился, посетив в 2011 г. «дом Марии» в Назарете и Храм Гроба Господня в Иерусалиме, где «новоделам IV в.» фанатично поклоняются как подлинникам. Кстати, в Храме Гроба Господня мне было явное знамение. В тот миг, когда я положил руку на камень, символизирующий центр мира, какое-то небесное создание — скорее всего, в образе голубя — обгадило мне ее. Но я до сих пор не могу понять смысл этого предупреждения свыше.

В три с половиной года сыну дали место в садике, который находился примерно в полутора километрах от дома, и не было никакого транспорта. Зимой можно было его отвезти на санках. Как сейчас помню, он, сидя в санях, распевает:

Мой дедушка разбойник, разбойник.
Был в самом деле очень знаменит,
Кто мимо дедушки идет, тот сразу деньги отдает,
Иначе будет бит.

И далее с воодушевлением звучал припев:

Где ты, времечко золотое,
Когда можно было жить разбоем,
Неужели это время не вернется
Никогда?

Редкие прохожие осуждающе посматривали на меня, думая, что именно я обучил его столь пионерской песне. Но я его ничему не учил и до сих не понимаю — это хорошо или плохо. Скорее, плохо, потому что у него явно были математические способности, но мы не приложили никаких усилий, чтобы их развивать. Единственное, чему мы уделили внимание — жена обучала его английскому языку, заложив основы для овладения им после окончания вуза. Немного он занимался спортом, но не захотел поступать в спортивную школу, как предлагал тренер. Он как-то рос сам по себе. Учился в обычных школах, где быть в числе хорошо успевающих можно было, не прилагая усилий. Много читал, благо я старался искать книги для домашней библиотеки, что, как, может, помнят мои сверстники, было сложным делом. Книги исчезли из продажи раньше, чем все остальное, включая продукты. Хорошую книгу можно было достать только у спекулянтов по баснословным ценам. Легче было купить специальные книги по истории, биологии и философии, к чтению которых сын пристрастился.

Интересовался он также атомной физикой и математикой и к окончанию школы не мог решить, кем стать — гуманитарием или физиком. К выбору профессии он с ранних лет относился серьезно и спросил моего совета. Я сказал, что видел много бывших физиков и математиков, которые стали потом профессиональными историками и философами, но никогда не встречал философов или историков, которые стали бы физиками, инженерами, математиками. Не знаю, подействовал ли мой совет, но после школы Денис окончил Политехнический институт, получил специальность по атомной энергетике и довольно быстро стал видным специалистом в проектировании атомных станций.

Дочери пришлось пойти в ясли с двух лет, что ей явно не нравилось. И при случае она старалась остаться дома, так как я к тому времени стал старшим научным сотрудником и на работу ездил только два раза в неделю. С детства она явно тянулась к искусству, любила петь и танцевать, знала много стихов, любила в лицах пересказывать по памяти любимые сказки, записанные на грампластинку. Жена долгое время работала в Доме культуры и брала ее с собой на танцевальный кружок. В школе она училась прилежно, была очень самостоятельная и любила отстаивать свою точку зрения. Она окончила физико-математический лицей, но предпочла Университет экономики и финансов, затем там же поступила в аспирантуру, защитилась и стала специалистом в области региональной экономики.

Немаловажным фактором возвращения жены в сферу образования после работы в НИИ телевидения был двухмесячный отпуск летом. Это давало возможность проводить лето с детьми, которые, к счастью, почти не знали, что такое пионерские лагеря. Во время моих калымов жена с детьми проводила лето на даче под Ленинградом, которую построила ее мать Тамара Ивановна, но официально она принадлежала Наташину брату. В строительстве дачи участвовал и я, но вскоре выяснилось, что двум семьям нелегко ужиться в маленьком домике, и начиная с 1981 до 1997 г. практически каждое лето мы проводили в деревне Полстниково Чухломского района Костромской области, расположенной в 5–6 км от села Судай с населением в 2500 человек. Для детей это был прекрасный отдых вдали от шумного города, на природе и в обстановке практически полной свободы. Для взрослых, особенно для жены и ее сестры, которая вместе с двумя сыновьями обычно отдыхала с нами, это был тяжелый труд по ведению домашнего хозяйства. Еду надо было

готовить в русской печи, доставать продукты при почти пустых магазинах, полоть огород и т.д. На меня ложилась обязанность ремонтировать старый дом, носить воду, в том числе и для полива огорода, из речки под горой в 150 метрах от дома, колоть дрова, топить баню, копать огород и выполнять прочие обычные работы.

Дом был нежилой, на зиму мы его консервировали, причем надо было обязательно спрятать все вещи, так как после нашего отъезда его обязательно обшаривали местные. Вещи прятали в подполе, заваливая различными досками и тряпками, в поленницах, на сеновале и т.п., благо дом был огромный, около 400 кв. м, из которых жилых примерно 80 кв. м — с горенками. По приезде несколько дней уходило на то, чтобы все достать, просушить, промыть, разложить, расставить, а перед отъездом все то же самое надо было повторить в обратном порядке. К тому же летние заготовки, особенно варенье, надо было заранее отправить почтой, которая находилась в шести километрах от нашей деревни. Так что на дачу все это походило мало, но были и свои плюсы.

Прежде всего, это сам дом, построенный без гвоздей незадолго до революции зажиточным крестьянином, с большой любовью и умением. Впоследствии так уже никогда не строили. К счастью, дом никогда не был колхозной собственностью, в нем всегда кто-то жил. Он лучше сохранился, чем два других аналогичных дома, построенных в то же время тем же хозяином для братьев. Поскольку у сруба не было фундамента, вместо которого были деревянные стулья, т.е. бревна, закопанные в землю, то нижние венцы подгнили, но остальные были как будто только что привезены из леса. Так же выглядели и стропила — огромные бревна 7–9 м длиной и диаметром полметра, которые были так подогнаны друг к другу, что и спустя 90 лет в пазы нельзя было просунуть иголку. Плотнo сбитым оставался и пол из полубревен, скрепленных нагелями.

Двухэтажный дом состоял из трех частей. В первой из них на втором этаже были кухня и большая зимняя комната, а внизу всякие подсобные помещения, в середине огромная широкая лестница и летние большая горница и маленькая горенка. На этом же этаже была огромная повить, где хранилось сено. Его раньше завозили туда прямо на второй этаж на лошадях. Внизу было множество различных сараек и сараюшек для дров, лошадей, свиней, баранов, кур, гусей и т.д. Планировка была такова, что в течение долгого времени можно было жить автономно, не выходя на улицу в метель и крепкие морозы. Все помещения были связаны внутренними переходами и лестницами. Когда-то в доме была и скважина, так что и за водой не надо было ходить. Также предусмотрен был внутри дома разумно встроенный туалет.

При доме был громадный огород — более четверти гектара, в котором мы использовали две-три сотки, а остальное отдавали косить соседям, которые держали двух коров и двух телят, а порой и жеребенка. Они паслись по всей деревне, из-за чего мне постоянно приходилось ремонтировать забор, так как теща не любила, чтобы скотина заходила на нашу территорию. На огороде в основном росла зелень, немножко огурцов, лук, чеснок, морковь, горох, редиска и т.д., а также картошка, урожай которой мы оставляли у соседей, чтобы было что есть до нового урожая. В конце мая приходилось специально приезжать сажать огород, чтобы к окончательному перебазированию в деревню было чем питаться до появления лесных даров.

Сама поездка была очень тяжела. Сначала надо было полдня и ночь ехать на поезде в плацкартном вагоне до Галича, а оттуда в набитом автобусе 100 км на север до поселка Судай, а далее как-то решать вопрос о том, как добираться до нашей деревни. Прямо доехать нельзя было, так как в 700 метрах от нее мост через лесной ручей был сломан и все его попытки его починить, т. е. срубить и уложить несколько десятков бревен, давали временный успех. Как только через это рукотворное сооружение проходил трактор или комбайн, все приходилось начинать заново. В лучшем случае, если благодаря знакомым и за бутылку водки удавалось найти грузовик, нас довозили только до этого ручья. В противном случае от Судая надо было ехать на автобусе, который довозил до деревни Полтораново, а оттуда с маленькими детьми и всеми вещами около двух километров приходилось добираться до дома пешком.

Еще сложнее было с отъездом. Билеты на обратный путь надо было закупать за месяц, а гарантии, что будет автобус до Галича в тот день, никогда не было. Приходилось опять договариваться с несколькими шоферами, чтобы довели до Галича восемь человек. А если удавалось уехать утренним автобусом, то затем на вокзале около полусуток ждали поезд. Посадка в вагоны напоминала битву на рельсах, или, точнее, поездку во время Гражданской войны: все с маленькими детьми и огромным багажом, стараются влезть в вагон и занять места, так как в последние годы билеты можно было достать только в общий вагон. И в таких условиях, когда порой даже сидеть надо было по очереди, приходилось ехать 16 часов, включая ночь.

Каждый день надо было решать вопрос о хлебе насущном. Если молоко еще можно было купить у соседей, то остальные продукты исчезали в магазинах стремительно, а в конце 1980-х гг. остались только пустые полки. К тому времени деньги уже перестали играть какую-то роль. Достать что-нибудь удавалось только в обмен на папирсы, водку и сахар, из которого местные гнали самогон. Ну, с папиросами и водкой мы расставались без особого сожаления, а сахар нужен был самим для варенья. Особенно тяжело было достать хлеб, за которым надо было идти 2 км в Полтораново и ждать, порой по несколько часов, так как хлеб был нужен местным жителям, кормившим им скот и набиравшим его мешками. На нас, 8 человек, из которых четверо детей и теща — участница Великой Отечественной войны, — со скандалом давали одну буханку на два дня.

Спасало только то, что у Володи Кузьмина, бывшего мужа Наташиной сестры Татьяны, по материнской линии было много родственников в этой местности. В детстве он часто жил здесь сам и, будучи компанейским по натуре, завел хороших друзей. Татьяна также приезжала сюда с их старшим сыном Сашей. Она пользовалась огромным уважением у Володиных теток, дядек, двоюродных и троюродных братьев и сестер. После развода Володина родня ей сочувствовала. В русской деревне помнят родство до пятого колена и стараются помогать родственникам, а такими для них были Татьянины дети и она сама. В случае крайней необходимости они приходили на помощь. Одна из них, Нина Александровна Дмитриева, заведовала продуктовой базой и приказала продавать нам хотя бы по две буханки хлеба на два дня, что продавщица с неохотой делала.

Все любят повторять за Михаилом Булгаковым, что, мол, советские люди были неплохие, но их испортил жилищный вопрос. С этим трудно согласиться. Как всегда, кого испортил, а кого нет. Так и в деревенской местности люди были разные, хотя большинству было далеко до светлых образов, нарисованных

классиками нашей деревенской прозы. Тяжелый и почти не оплачиваемый труд, практическое бесправие перед начальством, жуткие бытовые условия, незащищенность от криминала — все это не способствовало облагораживанию нравов. Я видел дикие драки с кольями взрослых людей. К тому же Москва, Ленинград, Вологда и Кострома, как огромные насосы, выкачивали из деревенской местности если не самых лучших, то, во всяком случае, самых предприимчивых и энергичных. Оставшиеся пили, кто по-черному каждый день, кто при случае. Мимо рта не проносили и женщины, на которых во многих многодетных семьях была главная нагрузка. Нищета порой была ужасающая. Об этом почему-то не любят вспоминать некоторые тоскующие по нашему светлому прошлому и по великому СССР. Почти все мужчины после армии оставались в городах. В деревне обычно жили те, кто по разным причинам, чаще всего из-за судимости, не мог уехать. Другие до хрущевских времен не имели паспортов, а затем с семьями было уже некуда ехать. Уехавшие в города приезжали на лето в деревню, и нередко выяснялось, что и в городах они не обрели счастье.

В целом с местными жителями мы ладили. Ни с кем по возможности не ссорились, всегда были приветливы и при случае старались помочь. Я иногда помогал им при вывозе сена и загрузке его на сеновал. Импонировало им и то, что всю тяжелую неквалифицированную работу я делал сам. А если приходилось прибегать к их помощи, то это всегда оплачивал. Денег они, как правило, не брали, но им нравилось, что я, как положено, ставил на стол бутылку, пил вместе с ними и вел длинные беседы, с неподдельным интересом выслушивая их рассказы и суждения. Действительно, за плечами каждого из них был уникальный опыт, прикасаясь к которому, я лучше узнавал страну.

К середине 1980-х гг. приближающийся крах сельского хозяйства был очевиден, как и бессмысленность происходящего. Полуразрушенные фермы, тощие, неухоженные совхозные коровы контрастно выглядели на фоне откормленных и ухоженных «дочек», как называли хозяйки своих коров. Поля еще засеивали, но чаще всего уже не убирали. Засеянное поле, находившееся рядом с нашей деревней, последний раз убирали в 1981 г., когда на нем росла пшеница. В последующие годы посеянные горох, лен и т. п. или ушли под снег, или были просто запаханы. Перестройка покончила и с этой имитацией деятельности. Поле превратили в пастбище, оно быстро зарастало, как и поля вокруг остальных брошенных деревень, коих было много в нашей местности. Примерно в десяти из них я побывал во время своих грибных и ягодных походов: это Душино, Ефимовское, Лобаново, Марково, Нелидово, Плосково, Стрелицы, Федосово, Полтораново и т. д., находящиеся на разных стадиях исчезновения. Кое-где торчали развалины когда-то шикарных домов, украшенных искусной резьбой. В другие брошенные деревни на лето еще приезжали дачники из городов, живя при керосинном освещении, в третьих — обитали многочисленные пенсионеры.

Все эти деревни и села существовали сотни и тысячи лет, располагались в живописных местах, на берегу маленькой безымянной речки в густых лесах, богатых ягодами, грибами и плотно населенных птицами и зверями. Хватило всего нескольких десятилетий колхозного строя, а затем совхозов, чтобы все исчезло. И не плохие дороги, и даже не дураки стали причиной обрушившейся на села беды. Полное бесправие населения и бесконтрольность властей погубили русскую деревню. И за

последние два десятилетия положение нисколько не улучшилось, а лишь усугубилось, так как к прежним напастям добавились хаотическая вырубка лесов и засилье мигрантов.

Тем не менее летние месяцы, проведенные мной в деревне Полстниково, были наиболее счастливыми в моей жизни. Я любил ее как малую родину. Несмотря на то что большинство домов к тому времени уже исчезло, она оставалась удивительно красивой. С каждым годом все реже и меньше приезжали летние дачники. В последние годы там жили только мы с Наташей и Антонина Ивановна Лебедева со вторым мужем Николаем Ивановичем, к которым на лето приезжали внуки с родителями и родственники. Антонина Ивановна была неутомимая труженица, работала от зари до зари, держала огромное хозяйство ради своих сыновей и внуков в городе. Деревня и все окрестности на несколько километров вокруг были в нашем бесконкурентном пользовании. Характерен мой разговор с Михаилом Ивановым, который жил в Судае, но иногда приезжал в свой домик в деревне на опушке леса, чтоб спозаранку сходить за ягодами и грибами. Он спрашивал: «Эдуард, ты почему в брусничное болото заходил со стороны речки у Стрелиц? Лучше заходить со стороны Душино». Я ему отвечал: «Да я так и заходил, а у Стрелиц только выходил из болота». Обе бывшие деревни находились в нескольких километрах от нашей, но он знал, обнаружив следы, что, кроме меня, там никто не мог проходить.

Все время, свободное от хозяйственных дел, я проводил в лесу, который любил всей душой, ориентируясь со временем в нем не хуже, а чаще всего и лучше некоторых местных, у которых к лесу сохранялся сугубо утилитарный интерес. Я же иногда часами бродил по нему просто так. Обычно же я собирал душистую лесную клубнику, бруснику, клюкву, чернику, малину, которой в некоторые годы было так много, что, куда бы ни пошел, набирал ведро. Были освоены болота черники и клюквы, урожай которых был стабилен ежегодно, а в некоторых местах все эти ягоды росли вместе.

Самым моим любимым делом был поиск и сбор грибов, ради которых я порой ежедневно проходил по 10–15 км, хорошо зная, где можно найти лисички, где стоят пни опять, а где в самые негрибные годы можно найти подберезовики, подосиновики и даже отдельные боровики. Эти места я разведать сам. Местные, как правило, не любили их показывать. Да им и некогда было. Иногда приносил корзины белых грибов к зависти некоторых своих соседок, которые ходить далеко или боялись, или из-за возраста не могли. Бывали годы, когда грибы, как говорится, косой косить можно было. Для подберезовиков, подосиновиков и отчасти белых грибов таким было дождливое лето 1993 г., когда я каждый день приносил их по четыре ведра, насушив за 18 дней 11 кг. Хотя мы раздали часть по родственникам, грибов хватило на несколько лет. Были и годы, урожайные на осенние опять, которых в течение несколько дней можно было собирать буквально мешками. В определенных местах ежегодно золотым покровом буквально расцветали большие поляны лисичек.

Адреналина в кровь добавляли внезапные встречи с лесными обитателями, в том числе с кабанами, лосями. С медведем, правда, встретиться лицом к лицу не удалось, но и медвежьи следы, и свежий помет я не раз встречал на лесных тропинках.

В деревне я наиболее полно ощутил, что такое семья. Хотя забот было много, но их решение, как правило, зависело от наших слаженных действий и единства понимания ближайших целей и задач, очень простых и соответствующих сущности

человека: плодиться и размножаться. Сыну Денису, дочери Лизе и их двоюродному брату Павлику было особенно хорошо. Они пользовались свободой, о которой их городские сверстники не могли и мечтать. Компанию им составляли младший сын Антонины Лебедевой и ее племянники. Поев, они сразу убежали из дома, все время во что-то играли, строили какие-то куренки, ходили на бобровую плотину и т. д. Кроме тещи, их никто не понукал, не воспитывал, не читал нотации. Со временем Денис и Павлик сами стали заядлыми, опытными грибниками, но из-за конкуренции предпочитали ходить по одному и также за многие километры. Вообще все дети в деревне приучались с юных лет трудиться на благо семьи. Думаю, что это пригодилось моему сыну и дочери во взрослой жизни, где они создали прочные семьи, воспитывают детей, считаются хорошими специалистами. Павлик также был хорошим отцом, но он трагически погиб в ДТП в 27 лет. Это одна из самых пронзительных потерь в моей жизни, а тем более в жизни моих детей.

О физиологической пользе российской бани всем хорошо известно. Для нас же с женой, которая раньше никогда не мылась в деревенской бане, она стала важным семейным ритуалом. Каждую субботу рано утром в баню с речки надо было натащить воды, истопить ее по-черному, помыть детей, самим вволю напариться, а затем устроить чаепитие со свежим медом. Как я уже говорил, пищу нередко приходилось готовить в огромной русской печке. Удивительно, как быстро моя хрупкая жена научилась орудовать ухватами и чугунками и перешла от простого приготовления каш, супов и картошки к выпечке больших пирогов со свежей черникой. Во время деревенских каникул мы с женой лучше узнали друг друга и убедились во взаимной надежности.

В постсоветский период все сложнее и сложнее стало в деревню добираться. Дети выросли, и, хотя продолжали любить деревню, времени поехать туда на лето у них уже не было. Надо было учиться и зарабатывать деньги на жизнь. Лиза к тому же увлеклась сначала туризмом, а потом и альпинизмом, так что отпуск проводила в горах со своими сверстниками. Со смертью Николая Ивановича в 1997 г. в деревне никто не жил зимой. Грабителям было вольготно обшаривать дома. Вскоре отрубили электричество и сняли провода. Последний раз Денис со своей невестой Леной съездили туда на 10 дней в 1999 г. Из нашего дома уже стали выпиливать окна и двери. Протестовать было бесполезно. К тому же вокруг хищнически вырубали леса. Вековые боры превратились в свалки мусора, и мы решили больше туда не ездить. Но наша деревня Полстниково и сейчас мне часто снится как место, где я и моя семья были счастливы.

**В НОВОЙ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ,
ИДЕОЛОГО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
И МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ**

Меня долго мучили сомнения, которые не развеялись и по сей день, о целесообразности этого раздела, в котором рассказывается о недавних событиях. И дело не только в том, что родные, друзья и коллеги особенно придирчиво будут вчитываться в эти страницы, сверяя, насколько мои суждения совпадают с их представлениями о происходящем. И даже не в том, что этот раздел, скорее, оставит многих неудовлетворенными, как это произошло с недавними очень интересными, хотя и небесспорными, воспоминаниями талантливого ученого Г.Л. Тульчинского о жизни философского сообщества. Они явно не прибавили ему друзей, а уж количество, мягко говоря, недоброжелателей увеличили многократно. Самому трудно остаться в рамках сколь-нибудь приемлемой объективности, отделив существенное от второстепенного. Вот почему в первоначальном варианте рукописи, написанной 7 лет назад, я умолчал о годах перестройки и последовавшем за ней распаде СССР, коренным образом изменившем жизнь каждого из его трехсотмиллионного населения и вызвавшем не только колоссальные геополитические изменения, но и ломку стереотипов и собственного мировоззрения.

Сейчас же я решил довести рассказ до наших дней невзирая на потенциальные опасности. Заранее хочу попросить прощения у всех близких и коллег, если я в чем-то не оправдаю их ожиданий. Я искренне стремился сделать как лучше, и не обессудьте, если получилось как всегда.

«ХОТЕЛИ КАК ЛУЧШЕ, А ПОЛУЧИЛОСЬ КАК ВСЕГДА»

Эта фраза председателя Совета министров РФ Виктора Степановича Черномырдина уже давно стала универсальным объяснением неоправдавшихся надежд. Тем не менее можно усомниться в ее оригинальности и точности. Во-первых, мне она кажется вариацией на тему известной поговорки: «Заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет». Во-вторых, все-таки в самых трагических ситуациях кто-то получил и получает то, что хотел. И хотя сейчас на каждом углу ругают и саму перестройку, и ее инициатора, и правителей «лихих 1990-х», но каждый должен задать вопрос: а что он лично делал в то время, за кого голосовал, с кем выходил на площади и насколько готов взять ответственность за все происшедшее. Но отвечать никто не хочет, клянут масонов, партаппаратчиков, КГБ, ну и конечно, злых американцев, только и думающих, как погубить святую Русь. Особенно громко их винят те, кто отправил свои семьи жить за океан, а заодно пристроил свои средства в зарубежные банки, а государственные вложил в свои ценные бумаги. Евреев винить бесполезно, их почти уже не осталось. Ругать кавказцев опасно, могут и прирезать, ведь в столичных городах славянское население стремительно превращается в меньшинство, а по некоторым данным, уже и превратилось. Вряд ли стоит уподобляться пеняющему на зеркало, что, мол, рожа крива. История еще не вынесла вердикт событиям недавнего прошлого, которое остается столь же непредсказуемым, как и ближайшее будущее.

Сейчас многие, кто крепок задним умом, ностальгируют по брежневским временам. Забыли, что к середине 1980-х гг. коренных изменений жаждало большинство населения, в том числе и партийная номенклатура, испытывавшая ужас начавшихся репрессий во время недолгого правления Ю.В. Андропова, а тем более шустрые комсомольские функционеры, со студенческих отрядов приобщившиеся к распиливанию государственных средств. В растерянности был репрессивный аппарат, не понимавший, где свои, а где чужие. Антисоветские анекдоты рассказывали коммунисты, в том числе и члены Политбюро. Песни Владимира Высоцкого, далекие от маршей строителей коммунизма, гремели во всех домах, на всех вечеринках. В ленинградском Дворце культуры им. Дзержинского, принадлежавшем МВД, выступал Михаил Жванецкий с юморесками, во время которых я спросил жену: «Брат где будут, в зале или при выходе?» — так как по прежним временам сам факт присутствия на подобных концертах грозил большими неприятностями. Не срабатывали попытки дать стране новые идеологемы типа антисемитизма и русского шовинизма. Евреев становилось все меньше, а за время пролетарского интернационализма произошла интенсивная гибридизация разных народов и наций, сливающихся в новую историческую общность «советский народ». И в этой массовой гибридизации активно участвовали исконные русские в силу традиционной открытости другим культурам.

Страна жила в какой-то фантазмагории. В успешное построение коммунизма не верил никто. Сакраментальность власти сошла на нет. Да она и не могла дать какие-то новые идеи. Все сводилось к прежним комсомольским починам типа фотографирования перед Знаменем Победы. Прошедшие в 1980 г. в Москве Олимпийские игры по составу участников напоминали больше Спартакиаду народов СССР. Деньги у людей были, но купить на них ничего уже было нельзя. Все доставалось с заднего хода магазина. Для этого даже не нужно было иметь там знакомых — вопреки известному анекдоту о том, что коммунизм наступит тогда, когда у каждого советского человека в каждом магазине будет свой знакомый. Достаточно было просто постучаться и заплатить наличными. Экономика деградировала, промышленность производила никому не нужные товары, запасы оружия в стране сравнялись с общемировыми. Высшее образование плодило переизбыток инженеров, не желавших идти на производство. Гуманитарии избегали школ. Иностранские отделения филологических факультетов оканчивали люди, не общавшиеся с носителями живого языка.

Безрадостным было и геополитическое положение страны, оставшейся фактически без союзников. Из вечного друга Китай окончательно превратился в заклятого врага. Особо близкие друзья из «развивающихся стран», строя справедливое общество, не брезговали каннибализмом, постоянно требуя интернациональной помощи. Друзья по социалистическому лагерю жаждали остаться без опеки старшего брата, несмотря на практически бесплатные нефть и газ. За «бугор» устремляли свои взоры практически все братские народы СССР. Особенно непримиримую позицию занимали православные народы Закавказья и единоверцы из Западной Украины, а также страны Прибалтики, спасенные Советской армией от национал-социализма. Провозглашенная новая общность людей — советский народ — на глазах превращалась в Вавилонское столпотворение с Содомом и Гоморрой в придачу. Интеллигенция с утра до вечера пила, рассуждая об особом призвании народа. Всех не согласных с этим объявляли русофобами, а заодно и агентами американского империализма. Доктора философии тайком крестились, не расставаясь при этом с партбилетом.

Газетам никто не верил, даже если в них писали правду, особенно о жизни за рубежом. Всю информацию поставляли «голоса». В то же время, хотя недовольство было всеобщим, никто не спешил встать под знамена диссидентского движения, так как трудно было разобраться, кто в него заброшен от них, а кто от нас.

Вот почему поданный в 1985 г. сверху М. С. Горбачевым сигнал о необходимости реформ был с энтузиазмом воспринят большинством, но вскоре процесс стал неуправляем. Недавно мой однокурсник Юра Фурманов сказал, что я диссидент при любой власти. Он не прав, я не был и не собираюсь стать диссидентом, так как никогда не занимался и не буду заниматься политикой. Сочувствуя попыткам реформировать страну и КПСС и веря в построение социализма с человеческим лицом, я не собирался отказываться от науки ради политической деятельности. Так, вообще-то, поступали в те годы и многие другие члены клуба творческой интеллигенции — «Ленинградской трибуны», регулярно обсуждавшие злободневные вопросы в 1989–1991 гг. и старавшиеся донести свое мнение до общественности. Эти заседания, проходившие в Доме литератора или в редакции журнала «Звезда», нередко посещали популярные тогда политические деятели Ленинграда, включая Анатолия Собчака, Марину Салье, Петра Филиппова, Юрия Нестерова.

Но быстро стало ясно, что борцы за народное счастье заботятся прежде всего о себе и о своих близких. У них не было никакой идеологии и продуманной программы действий. Как и другие мои единомышленники в то время, я не принял ГКЧП, но и не испытал эйфории по случаю победы ее оппонентов, которые сразу же приступили к тому, ради чего и звали нас на баррикады: делить и распределять. Только делали это теперь не кулуарно, а открыто и цинично. Разграбление страны шло под лозунгом приватизации. Уголовный мир, слившись с властью, создал новую форму общественного правления — «кремленитет», олицетворением которого был «малопьющий» президент с замашками пахана. С властного Олимпа исчезли последние остатки профессионалов, а их места заняли все те же представители партийно-комсомольской номенклатуры, которая уже могла действовать без оглядки на КГБ и МВД и не бояться допросов в МУРе. Воцарилась идеология «бабла», которой были верны все партии независимо от их названия.

Распаду СССР я отнюдь не радовался, так как он поломал жизни десяткам миллионов людей, опустив многих из них на дно беспросветной нищеты и бесправия. И сегодня надо признать, что никто не сделал так много для дискредитации идей демократии и либерализма, как люди, управлявшие страной в лихие 1990-е. К сожалению, эти люди именовали себя либералами, дискредитируя идеи либерализма и демократии.

Недавно в журнале «Политическая концептология», выпускаемом одним из самых вдумчивых, неангажированных политологов, профессором Южного федерального университета Виктором Павловичем Макаренко, я прочитал, что Юрий Афанасьев, один из лидеров либерального лагеря в разгар перестройки, автор хлесткого термина «сталинско-брежневское агрессивное большинство», теперь считает, что его самого и других лидеров межрегиональной группы следовало бы в 1989 г. расстрелять как предателей. Это у многих вызвало чувство неловкости как высказывание неадекватного человека. Но нельзя отказать Афанасьеву в честности и мужестве. Многие из активных участников тех событий, убедившиеся, что в результате произошла геополитическая катастрофа, перекроившая карту Евразии, но не принесшая мир и спокойствие, думают идентично. Распад СССР отнюдь не принес мира на территории от Атлантики до Урала, и кровавые события на Украине лишь одно из следствий разывравшейся тогда геополитической катастрофы. И вряд ли они будут последними.

Дело не только в распаде страны, которую многие воспринимали как огромную Родину, дающую набор социальных гарантий и возможность самореализации в областях, не связанных с политикой и идеологией. Распад СССР — это трагедия не только русского народа и русской культуры. Не менее трагичным он оказался для других народов, задвинув их на задворки мировой истории. Но самое главное в ином. Рухнула многовековая мечта человечества построить общество социальной справедливости, без частной собственности и классового разобщенности, и вместо тоталитарного государственно-бюрократического социализма возникло странное общество — без моральных и этических ценностей и без элементарного уважения к профессионализму.

Статус ученого в обществе сильно изменился, усиливался антисциентизм. Многие стали считать, что научная деятельность не требует длительного обучения и каждый может заниматься, чем угодно, выдавая плагиат и компиляцию за диссертационный труд, написанный «под ключ» отнюдь не диссертантом.

Российская наука погрузилась в продолжительный кризис, когда финансирование уменьшилось в десятки раз и оставалось низким в течение ряда лет. Положение было особенно тяжелым в 1990–1992 гг. Ежемесячная зарплата сотрудников равнялась 10–15 долларам, которые выплачивали с задержкой порой в несколько месяцев. Невыплаты зарплат заставляли искать любые дополнительные заработки, что неизбежно сказывалось на качестве научной работы. Для моей семьи серьезным подспорьем стали овощи, выращенные на садовом участке под Вырицей, который я получил в 1990 г. и который мы вместе с сыном раскорчевали. От станции до участка надо было идти более 5 км, и осенью было тяжело тащить на себе урожай, которого хватало лишь на несколько месяцев.

В Академии наук рухнула существовавшая система публикаций плановых тем. В Санкт-Петербургском филиале ИИЕТ (так в 1991 г. назывался ЛО ИИЕТ) в 1992 г. не было напечатано ни одной книги. От сотрудников требовался теперь не столько профессионализм, сколько навыки лоббирования своих работ среди вновь возникающих книгоиздательств, а также умение искать средства для исследований и публикаций их итогов. Не все оказались готовы к этому. Часть отчаявшихся историков науки, лишенных возможности кормить семью научным трудом, не желали работать над плановыми темами. Один из них мне сказал прямо: «Ты хочешь работать — работай, а нам не мешай жить». И ничего не оставалось, кроме того, что с начала и до конца самому готовить рукопись по общей плановой теме. Падала трудовая дисциплина. Многие не появлялись на работе месяцами, так как при регулярных посещениях на транспорт уходила чуть ли не вся зарплата. Наряду с отъездом многих за границу шла внутренняя миграция, резко возросла текучесть кадров, реорганизационная суэта.

Статус ученого неформально стали оценивать по критерию: кого и сколько раз пригласили за границу, куда порой ездили и те, кто знал английский или немецкий язык, но был абсолютно невинен в вопросах истории науки. Было среди них немало просто самозванцев, которые гастролировали по странам Европы, выдавая себя за экспертов по истории российской науки. На разного рода зарубежных конференциях я неожиданно открывал для себя ведущих историков науки в России. Одну из таких дам я встретил в Страсбурге на очень престижной конференции, организованной Всеевропейской академической рабочей группой. В ней участвовали около 400 человек. Вместе со мной она входила в Оргкомитет как представитель РАН, чем вызвала удивление со стороны историков из бывших союзных республик (Украины, Белоруссии и Литвы), еще знавших, кто есть кто в историко-научном сообществе России. Увидев, что я не собираюсь устраивать ее «разоблачение», она мне поведала, что попала сюда благодаря знакомству мужа с одним из организаторов конгресса. Оказалось, что она уже несколько лет ездит по Германии с лекциями по истории русской науки. Сама же она в Академии наук не работала, читала лекции в одном из университетов Ленинградской области, созданных в постперестроечное время. А вся ее связь с историей науки ограничилась двухчасовой лекцией, которую она читала как введение к курсу по физиологии. Впоследствии некоторые из неопитов даже получили PhD за рубежом, скомпилировав труды своих российских коллег. Но я не знаю ни одного, из кого бы получился профессионал.

В Страсбурге я встретился также с активной группой «историков техники» с Южного Урала. Один из них обратился ко мне с вопросом, почему в своем обзоре

историко-научных исследований в современной России я ничего не сказал об их центре, где уже защищено несколько докторских диссертаций. На мой вопрос, кто же им присудил эти степени, он наивно ответил, что обычные советы по специальному разрешению присуждали докторскую степень по истории науки, о которой подавляющее большинство голосовавших не знали ничего. На что я ему напомнил, как еще Д. И. Фонвизин знал, что только первый портной ни у кого не учился, а уже второй портной должен был учиться у него. Мой ответ привел его в состояние крайнего удивления. Эта мысль, очевидно, его никогда раньше не посещала. Более того, он был уверен, что историей может заниматься каждый. Жаль, что это мнение разделяет ВАК, неизвестно по какому принципу утвердившая специализированные советы при учреждениях, которые не имеют никакого отношения к истории науки.

Еще больше я был удивлен, когда у меня спросили о целесообразности открытия в Уфе некоего филиала нашего ИИЕТ с правом защиты там диссертаций. Я выступил категорически против, указав, что в таком случае защитившиеся там будут отождествляться со специалистами, подготовившими диссертации в аспирантуре и докторантуре нашего института. Тем не менее этот «центр историко-научной мысли», судя по всему, успешно функционирует. Недавно мне на глаза попались две диссертации о развитии газонефтяного комплекса на Южном Урале, напоминающие собой близнецов-братьев.

Вообще в вопросах защиты диссертаций я со временем занял непримиримую позицию по отношению к разного рода проходимцам. Не всегда мне удавалось убедить членов советов отклонить диссертации, не соответствовавшие стандартам, но я выступал открыто и находил поддержку тех, кто не желал мириться с теми или иными административными соображениями. Вместе с Е. Б. Музруковой нам удалось отбить притязание одного из подобных претендентов на получение степени доктора биологических наук — и это несмотря на звонки из Государственной думы, Президиума РАН и даже от бывшего генерал-полковника ФСБ. Так что противостоять липовым диссертациям не только нужно, но и можно. Были бы только желание и воля.

«ЭТО ДАЖЕ ХОРОШО, ЧТО ПОКА НАМ ПЛОХО»

Эти беды не обошли стороной и ЛО ИИЕТ в начале 1990-х гг. Как и другие члены российского научного сообщества, сотрудники СПбФ ИИЕТ переживали шок, когда выяснялось, что не только правительство, но и российское общество не уверено в том, что ему нужна наука. Начал культивироваться миф о безнадежной отсталости нашей науки, в том числе и истории науки, вследствие ее политизированности и идеологизированности. Взамен предлагали встать на позиции социального конструктивизма, заменяя работу с архивами и источниковедческий анализ умозрительными построениями.

Для такой позиции были объективные причины, связанные с тем, что в течение долгого времени социальная история науки или игнорировалась, или трактовалась упрощенно — в духе исторического материализма. В то же время поверхностное знакомство некоторых начинающих исследователей с макро- и микросоциологическими методологиями в области истории науки создавало у них иллюзию возможности мгновенного обретения истины путем накладывания на реальный процесс развития отечественной науки различных историко-научных концепций, имевших хождение за рубежом, но мало известных в сообществе российских гуманитариев. Увлечение социальным конструктивизмом вело к игнорированию когнитивной составляющей в истории знаний. Ученые в иных трудах по социальной истории науки превращались в субъектов, занятых только поисками денег и конкуренцией с соперниками за обладание материальными, финансовыми и людскими ресурсами, одержимых жаждой власти и успеха любой ценой.

Особенно досталось истории отечественной биологии, для описания которой до этого использовали два цвета: белый и черный. Открывшиеся архивы способствовали разрушению мифов о бескорыстных искателях истины в «белых одеждах», что породило стремление изображать всех участников тех трагических событий, символом которых стал разгром генетики и торжество лысенкоистов, в единых серых тонах. Другой опасностью стали попытки подменить исследования всякого рода компиляциями. Организация и издание так называемых энциклопедий, где многие статьи содержат такое количество фактических ошибок, что на обложке подобных «трудов» следовало бы написать: «до прочтения сжечь», также вело к снижению уровня профессионализма. В том же ряду находится и проект Википедии на русском языке, во всяком случае по историко-научным разделам.

Под лозунгом реформирования были попытки размыть тематику историко-научных исследований, развернув в его стенах разного рода культурологические и философские исследования. В истории науки стал моден постмодернизм с неким плюрализмом без берегов и методологией эпистемологического анархизма. Историю науки пытались представить в виде «Гайд-парка», где всякий может говорить

и писать все что угодно. Под грифом «Международного фонда по истории науки», юридическим адресом которого на некоторое время стал СПбФ ИИЕТ РАН, начали выходить труды по экономике, юриспруденции и т. д.

В то же время в постсоветском пространстве были и позитивные изменения, хотя в стране царил произвол, а по улицам, где господствовали вооруженные банды, было опасно ходить. Впервые ученые смогли ощутить, что значит сладкое слово «свобода», когда ты сам решаешь: чем, когда и как заниматься, с кем сотрудничать, а кого избегать, куда поехать, в чем участвовать, а от чего отказываться. Перестройка стимулировала самостоятельность научного поиска и расширение круга исследуемых проблем. Эта тенденция вела к отказу от прежних парадигм и методологий, к либерализации международных контактов и т. д. Исчезла цензура, а с ней запретные темы и идеолого-политический контроль над планами исследований и публикациями их результатов. Доступнее стали отечественные и зарубежные архивы. В миграции было что-то и очистительное в переживаемом кризисе. Из науки уходили те, которые могли без нее прожить, те, кто понял, что она теперь не сулит ни карьеры, ни доходов.

У дирекции появилась большая свобода в проведении кадровой политики и преобразовании структуры ЛО ИИЕТ, а у коллектива — право участвовать в выборе руководителя. После добровольного отказа Э. П. Карпеева от руководства ЛО ИИЕТ в ноябре 1987 г. коллектив впервые избрал заведующего. Им стал кандидат философских наук А. И. Мелуа, который энергично взялся за решение многих назревших административных проблем и добился превращения Ленинградского отдела ИИЕТ в Ленинградское отделение, в котором был создан Ученый совет с правом утверждения рукописей к печати, что в значительной степени облегчило издание научной продукции сотрудников ЛО ИИЕТ. Введение в 1986 г. системы аттестации научных сотрудников сделало ненужными их поездки в Москву для прохождения конкурсов на Ученом совете ИИЕТ. За короткий срок почти в два раза увеличился штат, достигнув 65 человек. Коллектив помолодел, хотя возросла текучесть кадров. Нередко появлялись случайные люди, мало пригодные для научной деятельности. В 1991 г. ЛО ИИЕТ стал называться Санкт-Петербургским филиалом ИИЕТ им. С. И. Вавилова (СПбФ ИИЕТ). Возросла его независимость от головного института в Москве, что напрямую было связано с нарастанием центростремительных тенденций и появлением новых форм финансирования.

ЛО ИИЕТ был инициатором многих значимых мероприятий, в которых мне пришлось участвовать. Неожиданное продолжение получило сотрудничество с Марком Б. Адамсом. Начиная с 1987 г. он бомбардировал меня письмами-проектами по подготовке к печати на русском и английском языках выявленной нами в 1977 г. переписки Ф. Г. Добржанского с его учителем Ю. А. Филипченко. С этой целью М. Б. Адамс приехал в СССР, и мы с ним и М. Б. Конашевым разработали программу, предполагавшую серию конференций в СССР и в США. Во время заседания Комиссии по американо-советскому сотрудничеству в области истории науки проект был утвержден в самом общем виде, без указания исполнителей с советской стороны, так как еще действовало прежнее правило, что начальство лучше знает, кто достоин лучше представлять нашу страну в международных проектах.

В те годы США многим представлялись землей обетованной, а участие в проекте Национального фонда — актом мирового признания. Поэтому оказалось немало

жаждущих участвовать в этом проекте, но не способных что-то реально сделать. В связи с этим наступила пауза в его реализации, и только спустя два года ко мне обратились вновь с предложением организовать конференцию в Ленинграде в связи с 90-летием со дня рождения Ф.Г. Добржанского. С американской стороны ее председателем был М. Б. Адамс, а с советской — С. Г. Инге-Вечтомов. Конференция финансировалась АН СССР и проходила в Главном здании АН СССР на Университетской набережной. В ней участвовали более 300 отечественных и 18 зарубежных исследователей: из США, Италии, Канады, Греции, Югославии. Симпозиум проходил на английском языке и стимулировал многие международные проекты. Основной объем организационной работы выполнили М. Б. Конашев, Н. Л. Кременцов и С. А. Орлов. Материалы симпозиума были опубликованы в 1994 г. в США в книге «Эволюция Феодосия Добржанского», под редакцией М. Адамса.

В начале 2000-х гг. была реализована главная цель проекта — издание переписки Ф.Г. Добржанского с Ю. А. Филипченко, куда также вошли письма Добржанского к Н. И. Вавилову и В. И. Вернадскому. Вопреки первоначальным планам книга вышла только на русском языке, так как к тому времени интерес в США к ней пропал. Вся основная работа по дешифровке материалов, написанию комментариев, редподготовке была выполнена М. Б. Конашевым, мое участие как ответственного редактора было эпизодическим. Книга «У истоков академической генетики в Санкт-Петербурге» (2002) стала уникальным документальным источником для изучения периода создания, интенсивного развития и всемирного признания отечественной генетики и ее взаимодействия с американской генетической школой Т. Моргана, а также для изучения истории русской миграции в США.

В начале перестройки по инициативе Р. С. Карпинской я подготовил большую рукопись, посвященную дискуссиям о взаимоотношении биологии и марксизма в 1920-х гг., для коллективной монографии, которая, однако, не вышла. Собранный материал был использован при написании с С. А. Орловым небольшой книги «Философские проблемы биологии в СССР (1920–1960 гг.)». В ней был поставлен вопрос о противоречивой, а порой и трагической судьбе многих крупных советских биологов, поверивших в плодотворность марксизма для развития биологии и открывших тем самым путь в науку для многих ее губителей типа И. И. Презента.

По предложению М. Г. Ярошевского, готовившего тогда к изданию два тома «Репрессированная наука», первый из них открывался моей статьей о печальных итогах различных попыток диалектизировать биологию. В книгах были опубликованы также интервью, взятые мною у активных участников трагических событий тех лет, включая бывших ректоров ЛГУ чл.-корр. АН СССР Ю. И. Полянского и академика А. Д. Александрова, физиолога академика А. М. Уголева, генетика В. С. Кирпичникова и многих других. Часть этих интервью проводилась совместно с московскими коллегами Е. Б. Музруковой, В. И. Назаровым, К. О. Россияновым, Л. В. Чесновой. Публикация бесед стала одним из первых опытов целенаправленного использования методологии «устной» истории в отечественной историко-научной литературе. Поскольку к каждому интервью приходилось тщательно готовиться, изучая архивные материалы, газетные фонды и публикации прошлых лет, было интересно наблюдать за аберрацией памяти интервьюируемых, их интерпретации происшедшего, в том числе и собственных поступков. При этом удавалось узнать много нового, что не отложилось ни в одном архиве. Работа с Михаилом Григорьевичем

Ярошевским, историком психологии и науковедения, расширила арсенал моих исследовательских приемов, оказавшихся полезными в международных проектах.

Среди них главным стал немецко-русский проект «Образованные слои при тоталитарных режимах», руководителем которого был крупный немецкий историк директор Института истории Восточной Европы Тюбингенского университета Дитрих Байрау. Он прекрасно говорил по-русски, так как в молодости подолгу жил в СССР, учился в МГУ, имел немало друзей среди петербургских историков. Получив финансовую поддержку от Фольксваген Штифтунген, Байрау в мае 1994 г. провел большую конференцию во Франкфурте-на-Майне, в которой участвовали и российские ученые, в том числе из Санкт-Петербурга архивист В. С. Соболев и специалист по развитию высшего образования в Ленинграде А. П. Купайгородская. Вернувшись из командировки, В. С. Соболев сказал мне, что Байрау интересовался мной и просил сообщить мой адрес. Я решил сам написать ему. В ответном письме Байрау сообщил, что планирует приехать в Санкт-Петербург осенью, и выразил желание встретиться. После долгой беседы он предложил мне участвовать в этом проекте. Был подписан контракт, в котором я должен был подготовить статью и обзор архивных материалов в объеме 100 страниц. За это мне в течение трех лет выплачивалась ежемесячная стипендия в размере 200 марок. Сумма, конечно, кажется мизерной, примерно 4 тысяч рублей, но тогда она в несколько раз перекрывала мою зарплату. Работа над проектом, растянувшаяся на три года, оказалась важной не только в финансовом, но и в научном отношении, о чем я подробнее расскажу ниже.

Здесь же отмечу только, что с самого начала у меня с Байрау установились товарищеские отношения. Мы были с ним близки по возрасту, и хотя жили в разных странах, но имели единое ощущение прошедшей эпохи и одинаково воспринимали современность. В юности у нас были одни и те же фильмы, писатели, мы помнили политических лидеров нашего времени, идиотизм идеологий холодной войны, разделивших человечество на два непримиримых лагеря. Но самое главное, мы действительно не забывали, что недавно была большая война, которая принесла несчастье сотням миллионов людей. И на нашем уровне надо делать все, чтобы топор войны между нашими странами был зарыт навсегда. В дальнейшем, общаясь с учеными разных стран, я не раз убеждался, что легче найти общий язык со сверстником из Японии, Китая, США, Германии, Англии, чем с соотечественником младше меня на 10–15 лет. Это можно было бы назвать эффектом поколения.

В те годы приходилось браться за любую работу в области науки, как бы она ни была далека от традиционных интересов. Но нередко случалось так, что со временем новая тема становилась важной. Так произошло с предложением участвовать в подготовке многотомного энциклопедического издания «Три века Санкт-Петербурга», для которого я написал пару десятков статей по российской биологии XVIII в. Впоследствии я не раз обращался к этой тематике, написал несколько больших статей и даже совместную с А. К. Сытиным и Г. И. Смагиной книгу «Естественная история в России» (2004), в которой постарался становление и развитие биологии в России проанализировать в социально-культурном контексте. При изучении формирования отечественной биологии и роли первых российских биологов в предопределении основных направлений в познании живого мной был впервые использован «принцип основателя» Э. Майра.

В дальнейшем я расскажу о более значимых результатах моего обращения к истории биологии XVIII в., прежде всего об энциклопедическом справочнике «Биология в Санкт-Петербурге», реализация которого состоялась 20 лет спустя. Здесь же остановлюсь на проекте, который начался в 1992 г. и продолжается по сей день, хотя первоначально я ни за что не хотел в него включаться.

В годы глубокого кризиса российской науки, в первой половине 1990-х гг., поддержка со стороны зарубежных фондов и зарубежные командировки были чуть ли не основными средствами сохранения историко-научного сообщества Санкт-Петербурга. Этому способствовали упрощение бюрократических процедур и отмена государственной регламентации международного сотрудничества. По действующим в большинстве стран правилам облегченная процедура для приглашения на стажировку действовала лишь для ученых до 40 лет. Им были доступны разнообразные программы постдоков. Для остальных же процедура была достаточно сложна — как для тех, кого приглашали, так и для тех, кто хотел пригласить. К тому же для длительной поездки за рубеж надо было владеть иностранными языками. И хотя я более или менее следил за литературой не только на немецком языке, который учил со школы, но и на английском, который выучил практически самостоятельно на немецкий манер, совершенно не заботясь о произношении, овладеть разговорным языком, несмотря на все усилия со стороны моей жены Наташи, мне не удалось. Да я и не стремился, так как твердо знал, что невыездной. Иностранцы визитеры в ЛО ИИЕТ или сами говорили по русски, или всегда находился переводчик для наших бесед. С возрастанием контактов с западными исследователями выявилась актуальность разговорных навыков, что оказалось нелегко. Поэтому я, как правило, уклонялся от приглашения зарубежных коллег и не предпринимал никаких усилий в этом направлении. Вместе с тем при случае я старался помочь зарубежным партнерам, жаждущим изучать историю биологии в России. Так, например, в те годы у меня был магистрант, а затем и аспирант из США Ллойд Аккерт.

В июне 1992 г. Э.И. Воробьева из московского Института эволюционной морфологии и экологии им. А.Н. Северцова обратилась ко мне с просьбой помочь в поисках архивного материала по Г.В. Стеллеру историку науки из Лейпцигского университета Виланду Хинтцше, с которым познакомился ее коллега Юрий Юлианович Дгебуадзе во время визита к профессору зоологии Университета в Галле М. Штуббе. Когда Хинтцше прибыл в Санкт-Петербург, одна из сотрудниц нашего сектора — Людмила Петровна Карышева — взяла на себя заботу о его быте. Он поселился у нее на квартире, а ее муж и сын фактически стали его личными шоферами. Преступность в тот год в Петербурге была огромная, и для Хинтцше такой способ был безопасным, а в финансовом отношении необременительным. Со временем у них завязалась прочная многолетняя дружба семьями.

Со своей стороны я познакомил его со многими сотрудниками академических учреждений, которые могли быть полезными. Прежде всего это был директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН В.С. Соболев, который дал ему возможность ознакомиться с огромным количеством архивного материала по Второй Камчатской экспедиции, в том числе и с неопубликованными рукописями самого Стеллера. В благодарность Хинтцше стал уговаривать меня приехать в Галле в порядке академического обмена с Лейпцигским университетом. Вначале я отнекивался, так как у меня не было денег даже на билет. Да к тому же я не понимал, что могу

сделать для зарождающегося проекта как исследователь, а в качестве туриста ехать не хотел. Но Хинтцше обещал оказать содействие в поисках литературы по моей плановой теме о неокатастрофизме, а деньги на билет (70 долларов — моя полугодовая зарплата в то время) одолжил друг моего сына Витя Дорогостайский, который учился в 10-м классе. Я специально заостряю внимание на подобных деталях, чтобы было понятно, в какой ситуации оказалась советская профессура в результате ельцинских реформ. Именно в них кроются причины отката российской науки, в котором ученых сейчас винят люди, сделавшие карьеры благодаря Ельцину. Особенно меня умиляют крики об американском спекулянте Соросе, который якобы скупил российскую науку. Могу точно сказать, что благодаря ему тысячи ученых остались в России, а не отправились в другие страны или в другие сферы деятельности с элементарной целью как-то прокормить семью. Лично для меня грант «Открытого общества» по программе «Биоразнообразие» в размере 500 долларов был очень кстати, но не мог существенно изменить финансовую ситуацию. Хотя я был включен в число выдающихся ученых России и мне выплачивалась президентская стипендия, мы жили скромно, и основным добытчиком в те годы была жена, преподававшая в лицее и на вечерних курсах. Как выживали другие, я не знаю.

Возвращаясь к моей поездке в Германию. Она неожиданно оказалась удачной, позволив пережить лихолетье и вернуть некую веру в счастливое его завершение. Хинтцше предложил мне поселиться у него дома, а выданные на гостиницу деньги (на 20 дней) забрать с собой. По тем временам в России это были сумасшедшие деньги, примерно равные моей зарплате за 10 лет. Конечно, было страшно их везти с собой, так как пересекать надо было 7 границ, а на некоторых, например на польской, деньги могли забрать сами пограничники. Весьма жесткий досмотр был на белорусской границе, которую еще стерегли офицеры бывшего СССР.

Поездка позволила в течение нескольких недель наблюдать жизнь немецкой семьи. Супруга Виланда Хинтцше — Элизабет — происходила из семьи потомственно практикующих врачей. В довоенной Германии у них была аптека и небольшая клиника в центре Галле, которые им вернули в частное владение. Виланд был не слишком загружен служебными обязанностями и вел домашнее хозяйство, но машину водила Элизабет. Очаровательная молодая женщина оказалась гостеприимной, заботливой хозяйкой, и к тому же русофилкой. Ее бабушка служил врачом во время Второй мировой войны, потом был в советском плену и вернулся оттуда здоровым и почему-то благодарным России.

В Германии, где я бывал около 30 раз, проведя в общей совокупности около 2 лет, я ни разу не встречал людей, в чем-либо обвиняющих советских солдат. Напротив, я несколько раз разговаривал с фрау, которым весной 1945 г. было около 20 лет, но которые всю жизнь помнили какого-то Ваню Иванова из Новгорода и просили его отыскать и даже пытались передать деньги. Вообще они все знали, что в России плохо, сочувствовали и по мере сил пытались помочь.

Виланд, как и его друзья, также старались сделать мое пребывание в Галле полезным и приятным. В одно из воскресений мы поехали в турне в бывшую ФРГ. Путешествие повергло меня в шок. Даже Галле, входивший в ГДР, казался мне процветающим на фоне нищего, грязного Петербурга, превращенного после развала СССР в громадную барахолку. Брауншвайг же из бывшей ФРГ выглядел просто ослепляющим.

Я был одержим идеей организовать крупномасштабный проект «Русско-немецкие связи в области биологии» и искал немецких партнеров, смутно представляя практику организации подобных проектов в Германии. Благодаря Виланду я познакомился со многими историками науки в Германии, которые оказались потенциальными партнерами. По-русски говорить тогда почти никто не хотел, мне пришлось вести переговоры по-английски, и, как ни странно, первоначальный контакт был установлен. Прежде всего это Э. Краузе из Дома-музея Эрнста Геккеля в Йене, вице-президент Общества истории и теории биологии, только созданного тогда в Германии. В Берлине я гостил у Рольфа Лётера, который в свое время опубликовал рецензию на нашу с К. М. Завадским книгу «Эволюция эволюции». Он был признанным в мире специалистом по философии и истории биологии, но после объединения Германии оказался без работы, так как Академию наук ГДР закрыли, а его досрочно отправили на пенсию. Его ученик Клаус Вениг работал в воссозданной Берлино-Бранденбургской академии наук.

Вместе с Лётером, который сопровождал меня по Берлину в течение трех дней, я навестил Гюнтера Петерса, работавшего в Музее естественной истории. Он был учеником моего преподавателя по зоологии Льва Исааковича Хозацкого и прекрасно говорил по-русски. В свое время он написал большую рецензию на книгу «Развитие эволюционной теории в СССР».

Хотя никто из них в тот момент не мог предложить мне какое-то реальное сотрудничество, знакомство оказалось полезным, так как их рекомендации звучали весомо. В то время Германия еще не была отягощена грузом ответственности за Европейский союз. Ее экономика процветала, а правительство, ценя оказанное СССР содействие в мирном объединении ФРГ и ГДР, всячески поощряло научные контакты с Россией. Десятки немецких фондов охотно финансировали проекты с участием российских ученых, оплачивая их пребывание и проезд. Более того, оплачивались проводимые в России конференции и публикации по совместным проектам. Ситуация была унижительная, российская наука стала какой-то европейской побитрушкой. Но немецкие ученые искренне сочувствовали российским коллегам и старались им всячески помочь.

Поездка оказалась для меня очень полезной в научном отношении. Во время посещения с Хинтше Института истории медицины и естествознания в Лейпциге, где я сделал доклад о вкладе советских биологов в познание эволюции биосферы, мне удалось найти немало книг, опубликованных в Веймарской республике или в Третьем рейхе. Ни одной из них не было в библиотеках СССР. Ценная для меня литература была и в Библиотеке Германской Академии естествоиспытателей «Леопольдина», куда я ходил практически каждый день, как на работу. У Элизабет Хинтше в клинике был ксерокс, на котором она позволила копировать необходимые материалы. В итоге у меня практически не было ни минуты свободного времени. Утром я шел в Библиотеку Леопольдина, в полдень обедал в частной клинике Элизабет, где копировал материалы, отобранные в первой половине дня, после обеда снова шел в библиотеку, а возвращаясь домой, вновь заходил в клинику на ксерокс. В итоге за короткий период времени собрал приличный объем материала по плановой теме, который впоследствии вылился в книгу «Неокатастрофизм или селекционизм: вечная дилемма или возможность синтеза?».

В ходе переговоров с В. Хинтцше в России и Германии был разработан совместный проект СПбФ ИИЕТ, СПФ АРАН и Лейпцигского университета «Георг Вильгельм Стеллер». После подключения к этому проекту фонда Франкеше Штифтунген началась работа по поиску архивного материала, а также подготовка публикаций и конференции по Второй Камчатской экспедиции, в которой из сотрудников СПбФ ИИЕТ РАН участвовали В. С. Соболев, Э. П. Карпеев, Ю. Х. Копелевич, А. Б. Кузнецова, К. В. Манойленко, Н. И. Невская. С 1994 г. в практику вошли ежегодные русско-немецкие конференции в Галле, посвященные истории изучения Сибири в XVIII в. В 1996 г. в Галле состоялась грандиозная выставка «Великая Северная экспедиция: нетерпение и отчаяние», посвященная 250-летию со дня смерти Г. В. Стеллера, а в 2009 г. прошли юбилейные мероприятия в Виндсхайме, Галле, Тюмени и Санкт-Петербурге в связи с 300-летием со дня рождения Г. В. Стеллера. Каждый раз эти мероприятия отмечались большими приемами в доме Хинтцше, где порой собирались до 40 человек, которых встречали как самых близких друзей и всегда вкусно кормили.

В многочисленных приездах я убедился, что немцы также любят выпить и в этом отношении могут дать фору русским. Осенью 1996 г. прощальный вечер участников конференции, посвященный Стеллеру, проходил в Франкеше Штифтунген. Вино лилось рекой, я посчитал за благо поехать в отель в разгар «веселья». Моя гостиница стояла в квартале от главной улицы. И в два часа ночи я проснулся от не оченьстройной, но громкой и выразительной песни «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед», которую было странно слышать в немецком городке. На другой вечер выяснилось, что это один из немецких коллег — большой поклонник России и именно этой песни — повел немецких и русских друзей к себе домой для продолжения праздника. Самое интересное, что на следующий вечер русские участники пиршества не могли ни есть, ни пить, а немецкий хозяин чувствовал себя как ни в чем не бывало. И хотя говорят: что для русского хорошо, то для немца — смерть, из моих наблюдений я вывел, что немцы, во всяком случае бывшие граждане ГДР, нам очень близки.

В 1997 г. в рамках этого проекта мной была составлена, а спустя 12 лет существенно переработана и дополнена книга «Стеллериана в России», насчитывающая около 400 названий, в число которых входят труды самого Г. В. Стеллера, его биографии, труды об эпистолярном и научном наследии Стеллера или работы, написанные с использованием его рукописных трудов в изданиях XVIII–XIX вв., а также материалы Второй Камчатской экспедиции. Во втором издании особое место заняли краеведческие материалы последних десятилетий, в которых анализируется вклад Г. В. Стеллера в познание отдельных регионов Сибири, Дальнего Востока и Аляски. В их подготовке активно участвовали Д. А. Гоголев, О. О. Кох и В. В. Рыкова. Инициатором второго издания выступил профессор Тюменского университета Александр Павлович Ярков, который развернул огромную работу по пропаганде научного наследия и увековечиванию памяти Г. В. Стеллера.

В 2007 г. было создано международное общество Г. В. Стеллера с целью подробного изучения жизнедеятельности и научного наследия ученого. Позднее В. Хинтцше, В. С. Соболев, американский историк географии О. В. Фрост и я были избраны почетными членами этого общества. В целом наш проект оказался одним из самых долговременных и продуктивных.

Этот проект представлял интерес не только с историко-научной точки зрения. Было удивительно наблюдать, как полузабытая в России фигура великого путешественника и биолога, первого натуралиста, вступившего на Аляску, учителя С. П. Крашенинникова и автора известной во всем мире книги «Описание земли Камчатки», благодаря усилиям одного энтузиаста, Хинтцше, вдруг становится объектом исследований во многих странах. О нем выпускают сотни статей, выходят десятки крупных томов его неопубликованных трудов, кинематографисты снимают о нем художественные и документальные фильмы. В юбилейном году я консультировал компанию «Peter Prestel Filmproduktion», которая по заказу Баварского ТВ (Bayerischen Rundfunk) снимала документальный телефильм о жизни и деятельности Г. В. Стеллера. В 2013 г. такой фильм сняли голландцы, которые в интервью со мной долго не могли понять, почему в Петербурге, где работал Стеллер, откуда он отправился в свое знаменитое путешествие и куда поступили богатейшие естественно-исторические коллекции, нет не только памятника, но даже мемориальной доски, посвященной первооткрывателю Аляски. И при этом в городе есть десятки Советских, Красноармейских и прочих улиц. В этом отношении далекая Тюмень, где был захоронен Стеллер, оказалась более благодарной, чем «культурная столица Европы». Там при поддержке губернатора реализуется программа, направленная на разработку научного наследия Стеллера, сооружен ему памятник, а с 2004 г. проводятся ежегодные «Стеллеровские чтения». Инициаторами и активными участниками этих мероприятий выступают А. П. Ярков и Д. А. Гоголев, с которыми я неоднократно встречался на ежегодных «Немецко-русских встречах» в Галле.

В эти годы произошло мое возвращение к преподавательской деятельности по совместительству на философском факультете СПбГУ. Причиной этого стал кадровый кризис, обусловленный обнищанием профессорско-преподавательского состава. Многие из них ушли в бизнес, порою не очень удачный. Не было энтузиазма и у студентов, занятых добыванием хлеба насущного. Поэтому приходилось не только серьезно готовиться к каждой лекции, но и вести с ними длительные дискуссии, убеждая в полезности приобретаемых знаний по философии биологии. Видимо, в какой-то степени это удалось, так как вскоре меня попросили читать и другие курсы (история естествознания, биология человека, философия и методология науки, история и методология биологии) как на философском, так и биолого-почвенном и геологическом факультетах.

Несколько слов о том, как кризис сказывался на кадровом составе Филиала. В целом он омолодился. Заметную роль стала играть группа энергичных сотрудников, которые, как и положено молодым, ратовали за отказ от прежних практик историко-научных исследований и за решительный поворот от когнитивной и институциональной истории науки к рассмотрению ее социально-культурных и антропологических аспектов. Ведущую роль в пропаганде методологии социального конструктивизма играли Даниил Александрович Александров и Николай Леонидович Кременцов, которые одними из первых стали уезжать в длительные зарубежные командировки. В отличие от них Леонид Яковлевич Жмудь скептически относился к модному социальному конструктивизму, следуя в изучении античной науки классическим традициям. Владимир Алексеевич Росов, принятый в ЛО ИИЕТ для разработки научного наследия В. И. Вернадского, постепенно перешел к изучению творчества Николая Рериха и созданного им в Гималаях Института

Ураварту. Михаил Игоревич Микешин активно пропагандировал необходимость выйти за рамки истории науки и перейти к изучению истории идей в разных областях интеллектуальной деятельности. В чем-то я был согласен с этими инновациями, в чем-то нет, но все они представлялись мне интересными. Но жизнь расставила все на свои места. В истории науки остался только Кременцов, работающий сейчас в Торонто. За рубежом он опубликовал пять книг.

К концу 1980-х гг. в нашем секторе оказался Михаил Давидович Голубовский, с которым я впервые встретился на защите Л. З. Кайданова, тогда еще не ведая, что он автор так любившейся мне рецензии на книгу Н. П. Дубинина. В то время я знал его как автора статей по методологии эволюционной теории, вызывавших желание резко возразить. При личном знакомстве выявился ряд его привлекательных черт: огромный творческий потенциал и умение нетрадиционно подойти с позиций современной генетики к решению проблем в рамках истории науки и библеистики. По мере сил я способствовал его переводу в наш сектор из Института генетики и цитологии СО АН СССР, а затем и изданию книги «Век генетики: эволюция идей и понятий» (2000), имевшей большой успех и отмеченной многими положительными рецензиями. Книга стала удачным примером преимущественно когнитивного анализа целой отрасли знания, в которой впервые в отечественной литературе дан историко-научный обзор драматической интеллектуальной истории генетики, начиная с судьбы законов Г. Менделя и заканчивая долгим непризнанием «подвижных элементов» Барбары МакКлинток. Будучи одним из крупных генетиков современности, Голубовский предложил оригинальную трактовку ряда важнейших проблем современной эволюционной теории и молекулярной генетики. Как отмечалось во многих рецензиях, написанных биологами, книга убедила их, насколько важна и актуальна история науки.

Вскоре после ее публикации мне позвонил протистолог Л. Н. Серавин, спросил, по-прежнему ли я придерживаюсь дарвинистских воззрений, и, услышав утвердительный ответ, задал аналогичный вопрос насчёт Голубовского. Я ответил: «Думаю, что нет». Тогда Серавин сказал, что не понимает, как в моем секторе, издавна считавшемся ортодоксально дарвинистским, противник теории естественного отбора может не только работать, но и получать деньги на издание своих книг. Вопрос меня удивил. Сам Серавин, как уже говорилось, не относился к числу правоверных селекционистов. Пришлось объяснять ему, что подобный плюрализм даже в пределах одной исследовательской структуры не только нормален, но и необходим для поддержания творческой обстановки. Важно только, чтобы нетрадиционные взгляды развивались в рамках современной науки. Кажется, Серавин меня понял, так как его самого нельзя было отнести к ортодоксам.

В годы перестройки мы с Голубовским обсуждали различные политико-этические и экономические аспекты, в том числе и в рамках общественного клуба «Ленинградская трибуна», где он был авторитетной фигурой. Человек либеральных взглядов, он искренне не мог понять, почему крах тоталитарной системы привел не к улучшению, а к резкому ухудшению состояния науки, образования, медицины и к обнищанию практически всего народа. Где-то в октябре 1991 г., когда в магазинах уже исчезло все, а инфляция набирала бешеные темпы, он сказал: «Почему так происходит? Ведь не было ни революции, ни войны?» И был удивлен ответу, что все происходящее и есть революция, а что касается войны, то мы проиграли Третью

мировую войну, правда холодную. В те годы и либералы, и консерваторы не желали видеть очевидную вещь — проигрыш холодной войны и все происходящее объясняли или предательством, или некомпетентностью новых властей. И почти все радовались развалу СССР, а депутаты Съезда депутатов РСФСР дружно голосовали за Беловежское соглашение.

Благодаря высокому научному рейтингу и неплохому знанию языка Голубовский быстро сориентировался в новых условиях. Все чаще он уезжал на работу в Австралию, Францию, Англию и наконец поселился в США, в Беркли, оставаясь при этом сотрудником сектора на общественных началах. Важно отметить, что Голубовский не на словах, а на деле следовал «принципу сочувствия» С. В. Мейена, искренне стремясь понять противоположную точку зрения, оставался всегда в рамках научной полемики. Наша переписка периодически принимает взрывной характер. Когда происходит нечто неординарное, мы стараемся подробно информировать друг друга.

Произошли существенные изменения в структуре учреждения. В состав ЛО ИИЕТ в 1988 г. была передана мемориальная квартира выдающегося исследователя Центральной Азии П. К. Козлова. Однако она была в ужасном состоянии: в ней не было экспозиции, а в качестве сотрудников сначала работали люди, не имевшие навыков музейной работы и историко-научных исследований. Была создана группа методологии биосферных исследований, но и она быстро перестала существовать после защиты докторской диссертации ее руководителя. Борис Игоревич Козлов организовал сектор истории технических наук и инженерной деятельности, но вскоре уехал в Москву, возглавив в 1992 г. ИИЕТ. Руководство сектором перешло к Б. И. Иванову. Вернувшийся в 1990 г. в Филиал Самуил Аронович Кугель возобновил исследования по социологии науки.

Были и серьезные потери. Вопреки мнению Ученого совета СПбФ ИИЕТ РАН Музей М. В. Ломоносова в 1992 г. стал сначала самостоятельным филиалом ИИЕТ, а в 1993 г. был включен в состав Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Инициатором этого перехода был Э. П. Карпеев. На заседании Ученого совета, где сотрудников Музея клеймили, называя дезертирами, мы с А. Б. Георгиевским выступили за то, чтобы им не препятствовали работать там, где они считают нужным. В конечном счете их поддержали Президиум РАН и мэрия Санкт-Петербурга. Я продолжал поддерживать с этим коллективом дружеские отношения, а когда Э. П. Карпеев решил вернуться в Филиал, принял его с удовольствием.

В начале 1990-х гг. разрабатывались планы создания сети мемориальных музеев-квартир ученых, а также плавучего музея истории науки на ледоколе «Красин». Вначале его разрекламировали как новую форму пропаганды достижений российской науки и даже сходили на нем в Англию и Скандинавию. Затем выяснилось, что для его ремонта и содержания требуются огромные деньги. Легендарный ледокол решили продать на металлолом за границу, но затем, как это бывает, вдруг неожиданно начались протесты. С утра до вечера сюжеты о судьбе корабля не сходили с экранов телевизора и страниц газет. О ситуации вокруг «Красина» постоянно говорило радио. Формально Филиал не имел отношения к этому судну, которое принадлежало Международному фонду истории науки. Но фонд возглавлял директор Филиала А. И. Мелуа. В итоге и Филиал, и Санкт-Петербургский научный центр РАН оказались в центре скандала, который в конечном счете привел к смене директора.

В 1995 г. меня избрали директором Филиала, который, как и вся российская наука, переживал далеко не лучший период в своей истории. По-прежнему зарплата выплачивалась нерегулярно, порой с задержкой на два-три месяца. Не всегда было понятно, кто в этом виноват: государственные мужи, задерживавшие финансирование, или начальство, прокручивавшее средства через банковские структуры, что приносило неплохие доходы в условиях галопирующей инфляции. На весь Филиал был только один компьютер, цена которого была соизмерима со стоимостью автомобиля. На нем сотрудники, жаждавшие овладеть новыми технологиями, работали поочередно, оставаясь иногда на ночь. Другие же не желали учиться и в кулуарах смеялись над энтузиастами. Денег у филиала не было практически ни на что. Наиболее активные, как правило молодые, сотрудники работали за рубежом, остальные в значительной степени были деморализованы, так как труды не печатались, а перспектива писать в стол в надежде на лучшие дни вдохновляла далеко не всех. И практически первые 5 лет ушли на преодоление этой ситуации. Надо было не только сохранить коллектив, но настроить его на выполнение крупных проектов, значимость которых была бы видна не только исполнителям, но хотя бы другим членам академического сообщества, а в идеале — власти и интеллектуальным кругам.

Социальная история науки оказалась хорошим средством для реализации подобных целей. Но сделать это, не поступаясь научной методологией, было совсем не просто. На смену советским мифам и идеологемам пришли другие, связанные с тотальным отрицанием недавней истории, описываемой преимущественно в мрачных тонах, и сопровождаемые причитанием о нашей исходной убогости. Порой это было выгодно при получении грантов. Дело иногда доходило до анекдота. В зарубежные фонды писалась заявка о деятельности красных банд в Сибири во время Гражданской войны, а в РГНФ тот же автор предлагал проект о партизанском движении против белых бандитов А. В. Колчака. И зачастую автор успешно получал грант в обоих случаях. Тем не менее именно в этот период, как никогда в истории России, существовали благоприятные возможности для того, чтобы историк мог писать только то, в чем он уверен, в максимальной степени отвлекаясь от внешних обстоятельств и всякого рода давлений. В отличие от прежних времен из академического начальства никто никогда нам ничего не мог приказать, что и как писать. А властям, занятым дележкой свалившейся на них народной собственности, на все было просто наплевать.

В целом же в исследованиях по социальной истории отечественной науки сотрудники Филиала заняли взвешенную позицию. Без морализирования и пафоса стали использоваться все цвета радуги и их оттенки. Советизацию науки рассматривали как один из способов симбиоза государства и научного сообщества.

Специфику его определяли тем, что в СССР государство, будучи единственным заказчиком научных исследований, всегда старалось с максимальной эффективностью для себя использовать их в первую очередь для развития своей экономической и военной мощи, для идеологического оправдания политики и господства в обществе, для повышения международного престижа. Понимая, что образование и наука составляют единую систему, от которой напрямую зависит воспроизводство государственных чиновников и интеллигенции, партийное руководство старалось не только поставить все сферы духовного производства под свой контроль, но и воспитать особую разновидность ученых, всецело разделявших её мораль, планы и мировоззрение. Со своей стороны научное сообщество, оказавшееся в условиях, когда только государство было способно предоставлять средства для осуществления научных проектов, вынуждено было искать особые формы взаимоотношения с государством и обществом. Достигнуть взаимопонимания оказалось не столь трудно, так как «адаптация» к власти протекала в стране, где науку обычно воспринимали как некое экзотическое растение, насильственно пересаженное волею Петра на национальную почву. Для выживания наука в России всегда нуждалась в поддержке государства, а сами лидеры научного сообщества были убеждены, что без мощного государственного финансирования ее развитие невозможно.

В связи с этим традиционная тематика коллектива ЛО ИИЕТ несколько отошла на второй план. Ведущее место стали занимать социально-культурные и институциональные аспекты развития отечественной науки, что позволяло организовывать временные научные коллективы для исследования крупных проблем.

В целом удалось не только выжить, но существенно укрепить научно-исследовательский потенциал филиала. Это стало возможным благодаря целому ряду обстоятельств, к которым в первую очередь следует отнести кадровый состав ЛО ИИЕТ. Старшее поколение не надо было стимулировать к работе: они продолжали привычно трудиться, несмотря даже на то, что практически не оставалось шансов на публикацию своих трудов, которые они готовили в привычной для них манере: тщательно, проверяя и перепроверя каждый факт и каждое утверждение с привлечением архивного материала. И здесь надо сказать особое спасибо Санкт-Петербургскому филиалу Архива РАН, возглавлявшемуся в те годы В. С. Соболевым. Несмотря на то что сам Архив находился в тяжелом положении и был закрыт для посетителей в течение долгого времени, сотрудники СПбФ ИИЕТ беспрепятственно работали над своими проектами.

Во второй половине 1990-х гг. видное место в Филиале заняло новое поколение историков и философов науки: А. Д. Александров, А. И. Андреев, Л. Я. Жмудь, М. Б. Конашев, А. Б. Кузнецова, М. И. Микешин, В. А. Росов и др. Большинство из них имели прочные контакты с зарубежными коллегами, участвовали в международных проектах, подолгу жили и работали за границей. Зная тенденции развития современной истории науки, они вносили новую струю и в плановые исследования Филиала, и в подготовку молодых специалистов. Здесь особенно следует отметить специальные лекции и семинары по истории науки для аспирантов и соискателей, которые в разные годы вели Д. А. Александров, И. С. Дмитриев и Л. Я. Жмудь. Постоянное обновление кадрового состава непрерывно шло и в последующие годы, выдвигая все новых исследователей с высокой профессиональной мобильностью (Е. Ю. Басаргина, Ю. А. Лайус, М. В. Лоскутова, Т. И. Юсупова и др.). К настоящему

времени лицо Филиала в значительной степени определяет новое поколение историков и социологов науки, сформировавшееся за последние 10–12 лет (Н. А. Ащелова, Н. Е. Берегой, А. И. Ермолаев, А. В. Полевой, А. В. Самокиш, В. Г. Смирнов, С. В. Шалимов, Д. А. Щеглов, А. А. Федотова, Т. Ю. Феклова др.).

Важным фактором нормализации деятельности Филиала стало завершение периода «смуты» и «анархии» в московской части ИИЕТ, где после ухода С. Р. Миккулинского обязанности директора исполняли 5 человек. Наконец, осенью 1994 г. директором был избран и утвержден В. М. Орёл, работавший более 10 лет заместителем директора ИИЕТ. У него был большой опыт организационно-административной работы, в том числе в ЦК ВЛКСМ и в отделе науки ЦК КПСС, разносторонние связи в академическом сообществе. Он всегда хорошо относился к Филиалу, пользовался авторитетом у ведущих сотрудников. Орёл инициировал выдвижение меня на пост директора, что, возможно, предопределило поддержку со стороны большинства коллектива. Из писем же противников, направленных в Президиум РАН, следовало, что мое предстоящее правление страшит некоторых больше, чем пережитый сталинский террор и ленинградская блокада. Однако их обращения, как и заявления моего предшественника в прокуратуру по поводу незаконности его замены, не возымели действия, так как не только дух, но и буква закона при выборах были соблюдены.

Возглавлять Филиал я согласился не без колебаний. Ситуация была сложная, административных обязанностей всегда хватает, и не хотелось в них погружаться, жертвуя научными планами. Вместе с тем было понятно, что как раз их-то вряд ли удастся реализовать, если не попытаться изменить ситуацию. О принятом решении я практически никогда не жалел, несмотря на все беспокойства, хлопоты, заботы, связанные с руководством коллективом весьма неординарных творческих людей, в своих трудах привыкших на «ты» общаться с Ч. Дарвином, В. И. Вернадским, И. Ньютоном, Д. И. Менделеевым и другими гениями человечества, однако отнюдь не всегда склонных соблюдать элементарную трудовую и исполнительскую дисциплину, а тем более выполнять распоряжения какого-то Э. И. Колчинского, который недавно был безусым аспирантом или с которым водку вместе пили.

Первое время Филиал, имея собственный устав, был практически самостоятельным юридическим лицом. Гражданский кодекс РФ, в котором было прописано, что филиалы не являются юридическим лицом, был принят незадолго до этого. Не совсем было ясно, как его трактовать. Неуклонное следование букве закона порождало массу вопросов и трудностей при заключении самых простых договоров: по охране музея, вывозу мусора, закупке канцтоваров, взаимодействиям с казначейством. Поэтому мы стремились в юридическом отделе мэрии Санкт-Петербурга зарегистрировать Устав Филиала, а не Положение, как предусматривал Гражданский кодекс. Это не удалось сделать моему заместителю, и пришлось подключиться к этому делу мне. Договорившись о времени приема, я, надев парадную одежду, белую рубашку и галстук, что тогда делал крайне редко, с большим букетом цветов и коробкой конфет поехал решать «проблему». К счастью, сотрудница, которая до этого не пропускала документы, опоздала на полчаса и чувствовала себя несколько виноватой. Но, извинившись, она сразу начала выговаривать за ошибки в формулировках многих пунктов и в заключение сказала: «У вас в Академии все не так». Потупившись, я ответил: «Но что поделаешь? Нас создал Петр Первый 275 лет тому назад. Жизнь

вокруг менялась столь часто, что мы не успевали за ней следовать». Мое смирение и скрытый сарказм ей, вероятно, понравились. Во всяком случае, улыбнувшись, она поставила штамп, что Устав зарегистрирован, добавив: «Никому не говорите, что я знала о недостатках вашего Устава, но зарегистрировала его». Прошло уже почти 20 лет, и вряд ли мой рассказ кому-то повредит.

Вспоминая этот эпизод и сталкиваясь сегодня с бюрократизацией, доведенной до абсурда, я нахожу немало ценного в решении многих вопросов в те годы, когда во властных структурах все же на первое место ставили дело, а не букву стремительно меняющегося законодательства, трактуемого нередко как дышло.

Благодаря Уставу у нас с ИИЕТ были отдельные бюджеты. Однако московский директор В. М. Орёл представлял наши интересы в Финансово-экономическом управлении Президиума РАН и помогал в публикации некоторых книг, что имело огромное значение для сотрудников. Его советы, рассказы о работе в ЦК ВЛКСМ и ЦК КПСС, об эпизодах из истории Академии наук, встречах с видными учеными и политическими деятелями много давали для понимания жизни академического сообщества и реальных механизмах взаимодействия науки и власти. Избавленный от мелочной опеки, что бывало в прежние десятилетия, Филиал получал всестороннюю поддержку от московских коллег.

В те годы руководители большинства Санкт-Петербургских филиалов московских институтов РАН стремились к независимости, а некоторым и удалось этого добиться. Мы не участвовали в этом параде суверенитетов, ратуя за сохранение прежнего статуса, построенного на взаимовыгодных отношениях Филиала и Института, и расценивали их, перефразируя В. И. Вернадского, как «бесценный дар нашей истории». У меня лично были прекрасные отношения с коллективом московской части ИИЕТ, в том числе со сменившим В. М. Орла на посту директора ИИЕТ Алексеем Владимировичем Постниковым, его заместителем Василием Петровичем Борисовым, с ученым секретарем Ольгой Александровной Соколовой, с главным бухгалтером Анной Александровной Ейбогиной, а также с руководителями научных подразделений С. С. Илизаровым, С. С. Демидовым, В. П. Гвоздецким, Ю. И. Кривоносовым, В. П. Визгиным, Е. С. Мирской, Е. Б. Музруковой и многими другими научными сотрудниками. Эти традиции взаимоуважения, взаимопонимания и дружбы характерны для отношений Санкт-Петербурга и Москвы и по сей день.

С 2010 г. ИИЕТ возглавляет Ю. М. Батурин, известный общественный деятель, бывший советник президента Б. Н. Ельцина по коллективной безопасности, журналист, космонавт, Герой России. Его приход оживил атмосферу московской части Института, наметился ряд перспективных направлений, в том числе создание виртуальной истории, возросла публикационная активность и т. д. Как и его предшественники, Батурин внимательно относится к нуждам и запросам Филиала, оказывая всяческую помощь и поддержку. Учитывая, сколь непростые отношения порой существуют между некоторыми другими Санкт-Петербургскими филиалами и отделениями и их московскими метрополиями, наш 20-летний опыт взаимодействия может быть оценен как уникальный.

Одна из главных проблем, с которой я столкнулся на посту директора, — это ситуация с Музеем-квартирой путешественника П. К. Козлова, переданным нам из Музея Санкт-Петербурга в ужасном состоянии. Его семь комнат не ремонтировали с довоенных времен, архив был не разобранным, мебель не реставрировалась и т. д.

Содержание музея, находящегося вблизи Смольного в престижном доме, было непосильным бременем для нашего Филиала, поглощая треть скудного бюджета, требуя фантастических по тем временам затрат на вневедомственную охрану, коммунальное обслуживание и т. д. Ученый совет не раз предлагал отказаться от него и передать в какое-нибудь другое учреждение, связанное с деятельностью П. К. Козлова и владеющее собранными им коллекциями, например, Эрмитаж, Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, Зоологический институт, Российское географическое общество, или вообще ликвидировать. Но эти учреждения также испытывали финансовые трудности и принять Музей-квартиру П. К. Козлова в свой состав не могли, а ставить вопрос о ликвидации музея не представлялось возможным.

Вместо этого прорабатывался проект сделать его самостоятельным учреждением под эгидой СПбНЦ РАН или вернуть городу. Кто-то даже предлагал организовать там гостиницу и так зарабатывать деньги. Первый проект вначале был воспринят благосклонно, но затем вмешались хозяйственники, бухгалтеры, доказывая, что у СПбНЦ РАН нет возможности содержать новую структуру, находящуюся на таком расстоянии. Возникли затруднения и юридического характера. Не удалось и передать музей в ведение города. Приехавший на совещание по этому вопросу вице-губернатор, председатель Комитета по культуре Санкт-Петербурга В. П. Яковлев, известный как Яковлев-маленький, резко отказался от этого проекта, заявив, что квартира не представляет никакой культурной ценности, а П. К. Козлов вряд ли достоин музея-квартиры, когда еще не увековечены П. И. Чайковский, М. Ю. Лермонтов и т. д. Последний аргумент был особенно странен в устах деятеля, поставленного бдеть за культурой. Ситуация стала особенно тяжелой после дефолта 1998 г., когда плата за аренду помещения оказалась неподъемной. Тем не менее абсурдную ситуацию, когда РАН должна была еще платить за помещение, где хранит от разграбления исторические и культурные ценности, удалось разрешить. Город передал помещение в безвозмездную аренду.

Осознав на практике правоту принципа «спасение утопающих — дело рук самих утопающих», мы активизировали усилия по поиску спонсоров. В лице директора Палеонтологического института А. Ю. Розанова получили поддержку от Музейного совета РАН и сохранили музей. Новый директор В. А. Росов, востоковед по базовому образованию, нашел фирму «Агню» из Самары, которая помогла с ремонтом и изданием научных трудов. Благодаря А. И. Пруднику была фактически заново создана экспозиция. В ней рассказано о жизни и деятельности замечательного русского путешественника, чьи раскопки «мертвого» города Хара-Хото в пустыне Гоби и гуннских захоронений в горах Ноин-Ула принадлежат к числу выдающихся достижений археологии XX в. и сравниваются в литературе с раскопками Генрихом Шлиманом Трои. 4 декабря 2002 г., спустя почти 15 лет после передачи квартиры в ведение ЛО ИИЕТ РАН, состоялось официальное открытие музея, на котором присутствовали главным образом директора академических институтов и представители руководства СПбНЦ РАН. Ни Министерство культуры, ни администрация «культурной столицы» Европы не заметили этого события. Видимо, не прошел приказ по властной вертикали.

Вместе с тем музей (в контексте городской культуры) становился центром изучения истории исследований Центральной Азии русскими путешественниками

в конце XIX — начале XX в. и приобрел популярность среди зарубежных гостей нашего города. Показательно посещение музея в мае 2003 г. лауреатом Нобелевской премии швейцарцем Рихардом Эрнстом, который о переполнявших его чувствах сказал на вечернем приеме у губернатора В.А. Яковлева (большого) и был удивлен, что ни хозяин города, ни его помощники по культуре и науке ничего не знали об этом уникальном музее.

К середине 1990-х гг. работа с активом Филиала в рамках Санкт-Петербургского отделения Национального комитета истории и философии науки практически прекратилась. Конференции перестали проводиться, а материалы предшествующих оставались неопубликованными многие годы, что снижало интерес историков науки в других научных учреждениях и вузах к сотрудничеству с нами. Шло раздробление историко-научного сообщества, а также его маргинализация, так как специалисты, интересующиеся историей собственных дисциплин, не имели возможностей следить за развитием методологии и методики историко-научных исследований. С 1996 г. была возрождена практика ежегодного проведения таких конференций, которые были посвящены Санкт-Петербургу как научному центру, роли ученых Ленинграда-Санкт-Петербурга в возникновении и развитии отечественной науки и высшего образования, в создании отечественного военно-промышленного комплекса, в развитии ракетно-космических исследований, в организации экспедиционной деятельности и в изучении природных ресурсов, в организации международного научного сотрудничества и т.д. Одна из конференций была посвящена кропотливой и упорной работе многих поколений ученых, связанной со сбором и хранением бесценных сокровищ — памятников культуры прошлых веков, сконцентрированных в институтах, библиотеках, музеях и архивах Санкт-Петербурга. Большое внимание уделялось анализу вклада Санкт-Петербурга-Петрограда-Ленинграда в развитие мировой культуры в ходе подготовки к 300-летию юбилею города.

Важнейшим фактором, способствовавшим интенсификации историко-научных исследований, стало расширение источников финансирования, в котором значительное место заняли гранты, выигранные на конкурсной основе. Если в предыдущие годы финансовая поддержка шла прежде всего со стороны зарубежных фондов, то с середины 1990-х гг. большую роль стали играть фонды российские. Диверсификация финансирования способствовала разнообразию научных исследований, их методов, тематики и стилей. Претендуя на получение гранта от того или иного фонда, ученый должен был учитывать, какие проекты, а порой и результаты исследований имеют наибольшие шансы на поддержку. Гранты имели особое значение в 1996–2005 гг., превышая иногда базовое финансирование.

Благодаря отчислениям из грантов мы оказались единственной академической организацией в Санкт-Петербурге, не имевшей задолженности по коммунальным платежам и не прибегавшей к самозачетам, столь широко распространенным в те годы. Более того, нам удалось даже выплатить зарплату в июле и августе 1998 г., когда из-за дефолта ее нам просто не перечислили. За счет грантов мы смогли обеспечить Филиал современной техникой. Почти 70% плановых тем и работ, выполненных по грантам РГНФ и РФФИ, заканчивались выпусками монографий. До последнего времени грантодержатель не был столь жестко регламентирован в использовании выделенных средств. Первые руководители вновь образовавшихся

российских фондов сами были хорошими учеными и понимали губительность формализации. А чиновникам, занятым распилом более жирных статей государственного бюджета, было не до крох, выделяемых на науку.

Постепенно их взоры обратились и в эту сторону. Ушел из РГНФ один из его создателей науковед Евгений Васильевич Семенов, искренне преданный делу поддержки российской науки, особенно социологии, философии и истории науки. Со временем кадровые изменения произошли и в РФФИ, где Отдел наук о человеке долгие годы возглавлял талантливый искусствовед Владимир Сергеевич Жидков, уделявший большое внимание истории и социологии науки. В 2013 г. ликвидировали сам отдел, якобы из-за дуближа с тематикой РГНФ, где история науки также была растворена в науковедении. Сама система отчетности стала настолько сложной, что сотрудникам проще было брать деньги в виде зарплат, заплатив налоги, а потом уже оставшееся средства тратить в соответствии с потребностями. Денег на сами исследования оставалось меньше, но зато государству удавалось вернуть обратно около 40% выделенных сумм в виде налогов. В данном случае ничего нового не было придумано. Так же действует вожак в стае павианов, поочередно давая один и тот же фрукт всем остальным членам стаи, а в конечном счете сам же его съедает. Особенно трагичной стала отмена грантов для участия в зарубежных конгрессах и симпозиумах, практически сведя на нет международные контакты.

Препятствуя, таким образом, свободе научных контактов и делая их недоступными для молодых сотрудников, чиновники от науки цинично рассуждают о международных рейтингах и о мировом уровне исследований. Тем не менее сотрудничество с учеными дальнего зарубежья и активное включение в международные научные связи стали важнейшим фактором модернизации историко-научных исследований. В 1990–2010-х гг. сотрудники Филиала поддерживали научные контакты более чем с 200 зарубежными научными учреждениями. Традиционные контакты с историками США, Германии, Англии, Франции, Швейцарии за последние 10 лет существенно дополнились совместными исследованиями с социологами и историками науки Бразилии, Венгрии, Индии, Испании, Италии, Китая, Мексики, Норвегии, Сербии, Хорватии, Финляндии и других стран. Десятки крупных международных проектов реализованы с историками Англии, Германии, Японии, Индии, Китая, США, Франции. Сотрудники Филиала на длительные сроки выезжали для работы в другие страны. При этом М. Д. Голубовский, Д. Ю. Гузевич, Н. Л. Кременцов, А. В. Козулина постоянно работают в Канаде, Франции и США, а подавляющее большинство остальных сотрудников выбрали путь маятниковой миграции и эпизодических командировок. Около 40 ученых из дальнего зарубежья ежегодно приезжают в Филиал. В итоге практически каждая конференция в 1995–2013 гг. становилась международной.

Важную роль в продвижении макро- и микросоциологических методологий в изучение истории отечественной науки сыграла серия российско-американских конференций, проведенных в 1995–1999 гг. в Санкт-Петербурге и Филадельфии, российско-немецкие конференции в Санкт-Петербурге и разных городах Германии (1994–2013), российско-французские конференции в Париже и Санкт-Петербурге (2010–2012), а также ежегодные сессии Международной школы по социологии науки (1992–2013) и конференции «Немцы в России» (1990–2005). В последние 10 лет несколько сотрудников Филиала (прежде всего молодых) регулярно участвуют

в международных и европейских конгрессах. Как правило, ученые из России — нечастые гости на подобных мероприятиях. Поэтому их доклады вызывают повышенное внимание. Уже принято говорить о «петербургском десанте». На каждом из этих конгрессов, как правило, вместе с зарубежными коллегами сотрудники Филиала организуют собственные симпозиумы.

Десятки крупных международных проектов реализованы с историками науки Германии, Японии, Китая, США, Франции. Всего на английском, немецком, китайском, японском и русском языках вышло около 70 книг — результаты совместных проектов. Еще 13 книг наших сотрудников издано в США, Великобритании и Германии за счет международных грантов. В результате либерализации международного сотрудничества и диверсификации источников финансирования эффективность научного труда существенно повысилась. Публикационная активность, в том числе и выпуск монографий, по сравнению с советским периодом увеличилась в два раза. Существенно расширились связи с высшей и средней школой, проведена большая работа по подготовке учебных программ и пособий по истории науки, в том числе программа по истории биологии для сдачи кандидатского экзамена.

В последнее десятилетие у меня появилась новая когорта учеников и сотрудников. Анастасия Алексеевна Федотова активно занимается историей прикладной биологии. Проблемой охраны домашних животных в царской России и историей ветеринарии занимается Наталья Евгеньевна Берегой, а энергичная Надежда Валентиновна Слепкова много сделала для изучения истории ЗИН. С увлечением работает над проблемами истории генетики в СССР в послельсенковский период Сергей Викторович Шалимов, который к 25 годам защитил диссертацию и опубликовал книгу о генетике в СО АН СССР в 1950–1960-х гг. С апреля 2014 г. он стал заместителем директора Филиала. Анатолий Всеволодович Полевой постепенно втягивается в изучение истории физиологии и биохимии растений. Важную роль в работе сектора играет историк генетики Андрей Игоревич Ермолаев — ученик Е. Б. Музруковой.

«ВСТРЕЧИ И РАССТАВАНИЯ»

Так назвал свои воспоминания, которые мне понравились, Юрий Ашотович Петросян. Мне кажется, в этом названии отражена суть нашего учреждения. В силу сложившихся традиций руководству Филиала приходится контактировать с более разнообразным кругом представителей научного сообщества, чем другим директорам, и прежде всего с Президиумом Санкт-Петербургского научного центра РАН, который вот уже более четверти века возглавляет Нобелевский лауреат, вице-президент РАН академик Жорес Иванович Алфёров.

Об Алфёрове снято немало фильмов, еще больше написано. Есть сотни и тысячи интервью. Поэтому трудно что-то добавить к образу, прочно укоренившемуся в общественном сознании. Он, бесспорно, наиболее харизматичная личность в современной российской науке, и если бы таких людей было больше, то судьба ее в последние два десятилетия, скорее всего, была бы другой. Обладая широким кругозором и даром слова, Жорес Иванович умеет очаровать любого собеседника и заворожить любую аудиторию. Его позиция в отстаивании интересов российской науки, особенно в период ее так называемого реформирования, снискала ему огромное уважение среди современников.

Алфёров — почитатель истории науки и автор нескольких оригинальных работ в этой области знаний, обычно далекой для физика-экспериментатора. Он не только поддерживает наши начинания, но и часто ставит доклады по истории науки на заседания Президиума СПбНЦ, профессионально руководя их обсуждением и приходя порой на выручку докладчику, ступавшему от резко поставленного вопроса. Несколько раз Алфёров выступал с докладами на международных конференциях, посвященных крупным юбилейным датам, как, например, 300-летию со дня рождения Л. Эйлера или 200-летию со дня рождения Ч. Дарвина. И всегда это были оригинальные выступления, выглядевшие как яркие экспромты. Я не могу представить Алфёрова, выступающего с бумажкой. Подкупал и его демократизм в общении, и готовность содействовать историко-научным проектам.

Под статью Ж. И. Алфёрову была его команда. Особенно близкие отношения у меня сложились с главным ученым секретарем СПбНЦ РАН Эдуардом Абрамовичем Троппом, и заместителями председателя СПбНЦ РАН Юрием Ашотовичем Петросяном и Сергеем Георгиевичем Инге-Вечтомовым.

С физиком-теоретиком Э. А. Троппом я впервые встретился на заседаниях «Ленинградской трибуны», где, как я уже говорил, в разгар перестройки собиралась интеллигенция, ратовавшая за реформы, но не желавшая заниматься политикой. Теперь я понимаю, что в чем-то мы походили на «пикейные жилеты» Черноморска, хотя какое-то воздействие на ход событий наши обращения, напечатанные в ведущих ленинградских газетах, до краха ГКЧП оказывали. Среди красноречивых,

но порой наивных выступлений писателей и ученых-гуманитариев диссонансом зазвучали взвешенные суждения представителя точных наук Троппа, свидетельствовавшие о понимании сути происходящих событий и мотивов вовлеченных в них лиц, многие из которых тогда были кумирами экзальтированных сторонников перестройки. Пару раз мне довелось наблюдать Троппа в роли председателя на собраниях Ленинградского союза ученых, где он оказывался фактически единственным, кто мог как-то обеспечить ход этих сборищ, которые по буйству слов и действий превосходили не только печальной памяти демократический Ленсовет образца 1990 г., но и запорожское братство, описанное Н. В. Гоголем.

В 1991 г. я с удовольствием узнал, что Э. А. Тропп стал одним из руководителей СПбНЦ РАН. Мы встречались на разного рода конференциях, перекидывались фразами. Однако мою фамилию он узнал только тогда, когда В. М. Орёл представил меня как исполняющего обязанности директора Филиала и попросил его, в свою очередь, представить меня Алфёрову. Предварительная характеристика, которую Тропп дал Алфёрову, вероятно, была благоприятной. Алфёров только спросил о бюджете Филиала на 1995 г. и, услышав ответ по всем статьям, явно был удовлетворен. С тех пор началось многолетнее сотрудничество с Э. А. Троппом, наделенным массой талантов, среди которых я особенно ценю энциклопедическую эрудированность в разных сферах человеческого духа, неподражаемый юмор, собранность и организованность, искреннюю доброжелательность и готовность помочь каждому, обратившемуся за содействием. Даже когда он оказывался бессильным чем-то помочь, он представлял это в такой форме, что становилось ясно, что все резервы с его стороны исчерпаны и надо искать другие пути выхода из ситуации. Так, видя мою обескураженность после совещания с В. П. Яковлевым по поводу Музея-квартиры П. К. Козлова, Тропп в шутку посоветовал мне собирать милостыню на Невском на благое дело — содержание единственного в Санкт-Петербурге музея, посвященного путешественнику. Я живо представил себе сцену в духе Ильфа и Петрова и понял, что полагаться надо только на собственные силы.

На протяжении почти 20 лет Тропп участвует практически во всех наших конференциях и симпозиумах, часто выступая с интересными и глубоко продуманными докладами, сделанными с философской широтой, исторической доскональностью и глубиной естествоведов. Всякий разговор с ним доставляет духовное наслаждение. Кажется, в науке, политике и искусстве нет тем, о которых бы он не имел собственного, обоснованного и почти всегда профессионального суждения. Его шутки я нередко запоминаю на всю жизнь, цитируя при случае. Так, после моего доклада на Президиуме СПбНЦ РАН по случаю 50-летия нашего Филиала, предшественником которого был обозначен Институт истории науки и техники АН СССР во главе с Н. И. Бухариным, Тропп предложил тост: «Стопочку рыковки за последних бухаринцев».

Мне особенно запомнилась наша совместная работа как редакторов-составителей над коллективной монографией «Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX вв.», выпущенной под редакцией Ж. И. Алфёрова к 300-летию Санкт-Петербурга. Втроем мы написали большое введение к этой книге. Неоценим и вклад Троппа в подготовку второго, исправленного и дополненного, издания Полного собрания сочинений М. В. Ломоносова, к которому он с Э. П. Карпеевым написал вводную главу, ставшую камертоном для всего издания. Вместе с ним мы

готовили конференцию по Л. Эйлеру, и в ее успехе немалая доля его заслуг. С момента возрождения деятельности Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники в 1996 г. Эдуард Абрамович — один из заместителей председателя Отделения. Он немало сделал для расширения тематики историко-научных исследований в городе на Неве. Многие сотрудники Филиала воспринимали Троппа как внештатного сотрудника и часто обращались к нему напрямую за помощью и поддержкой. Особенно много он помогал С. А. Кугелю в проведении многолетнего мониторинга состояния академической науки в Санкт-Петербурге, в организации и проведении Международных научных школ по социологии науки, а Г. И. Смагиной — в подготовке и редактировании коллективных монографий «Академия наук в истории культуры России XVIII–XX вв.» и «Комиссии Академии наук в XVIII–XX веках: исторические очерки» (2013).

Как я уже говорил выше, с Сергеем Георгиевичем Инге-Вечтомовым я познакомился еще в 1970-х гг. И по мере сил и возможностей старался привлекать его к нашим проектам и мероприятиям. Ключевую роль он играл в международной конференции, посвященной Ф. Г. Добржанскому. Он всегда откликался на предложение о сотрудничестве, оставаясь при этом в круге своих профессиональных интересов, т. е. истории генетики. Лейтмотивом его исторических работ последнего времени стало сожаление, что Россия — страна упущенных возможностей, так как у нее были все шансы стать одним из лидеров современной генетики, но этого не произошло. Рассказывая о блестящих достижениях отечественных биологов (С. И. Коржинского, Ю. А. Филипченко, Н. К. Кольцова, С. С. Четверикова, Г. А. Надсона, Н. П. Дубинина и др.), не говоря уже о Ф. Г. Добржанском и Н. В. Тимофееве-Ресовском, Инге-Вечтомов не раз подчеркивал, что волюнтаристское вмешательство властей в науку было главной причиной нашего отставания в тех отраслях, где в первой трети XX в. мы не только занимали лидирующие позиции, но и предвосхитили многие позднейшие открытия, удостоенные Нобелевской премии. Последние годы Сергей Георгиевич возглавляет СПб НК ИФНТ и к этой обязанности относится крайне серьезно, выступая не только на годовых конференциях, но и на международных симпозиумах, посвященных истории биологии.

Возрождая практику ежегодного проведения конференций историков науки, я в 1996 г. обратился с предложением к академику Александру Александровичу Фурсенко, одному из ведущих наших американистов, с предложением возглавить СПбО РНК ИФНиТ, который официально стал числиться при СПбНЦ РАН. Вскоре Фурсенко избрали академиком-секретарем Отделения истории РАН. Значительную часть времени он проводил в Москве и не мог уделять много внимания новой должности. Но наше сотрудничество продолжалось. Иногда он обращался ко мне за помощью при выполнении поручений правительства или президента РАН, будучи при этом жестким и требовательным заказчиком.

Не вникая в повседневные заботы СПбО РНК ИФНиТ, Фурсенко много сделал для решения наших глобальных проблем. Благодаря ему удалось сохранить специальность «история науки» в номенклатуре ВАК, а также предотвратить перевод ИИЕТ из подчинения Президиума РАН в Отделение истории РАН и т. д. Трудно переоценить и его роль в проекте «Наука и кризисы», в издании «Летописи РАН», на чем я остановлюсь ниже. Интересно, что наше знакомство и сотрудничество, как

и с Троппом, началось до назначения меня директором Филиала и далеко не на профессиональной основе. Его отец, Александр Васильевич Фурсенко, выдающийся протистолог и один из создателей отечественной микропалеонтологии, был ближайшим другом Ю.И. Полянского, жена которого помогла выходить маленького Александра Александровича после смерти его матери вскоре после родов. После кончины Ю.И. Полянского и в связи с возникшей проблемой относительно публикации его воспоминаний я несколько раз встречался с А.А. Фурсенко, который в то время был первым заместителем Ж.И. Алфёрова. Фурсенко даже достал деньги на издание этих воспоминаний, но в условиях галопирующей инфляции они обесценились раньше, чем дошли до издательства, и книга Ю.И. Полянского увидела свет позже, изданная по гранту РФФИ. В то время я для Фурсенко, так же как и для Троппа, был человеком, известным по имени-отчеству как ученик Полянского. Позже он мне сказал, что никак не ассоциировал меня с моей фамилией, когда Орёл спрашивал его согласие на назначение меня исполняющим обязанности директора Филиала.

Моим начальником как заместитель председателя СПбНЦ РАН А.А. Фурсенко был недолго, до осени 1996 г. Но в течение почти двух лет я встречался с ним часто, и видно было, что он уделял большое внимание консолидации гуманитарной науки и ее выживанию в то непростое время. При нем регулярно и по-деловому проходили встречи директоров гуманитарных академических учреждений. Он удачно осваивал новые формы организации и финансирования научных исследований, у него были хорошие связи и с мэрией Санкт-Петербурга, и в правительстве. Для меня как историка науки был интересным и тот факт, что, будучи вместе с Б.В. Ананьичем и Р.Ш. Ганелиным учениками известного профессора Б.А. Романова, они не только не конкурировали друг с другом, но, напротив, всегда выступали единым фронтом, что не часто бывает в гуманитарной среде. Александр Александрович Фурсенко очень гордился принадлежностью к академическому сообществу. При характеристике того или иного человека он часто говорил, что тот академический или, напротив, неакадемический человек. Интересно, причислял ли он к числу академических людей своего сына Андрея Александровича, бывшего руководителя Минобрнауки, а теперь советника Президента РФ по вопросам науки?

С осени 1996 г. заместителем Ж.И. Алфёрова по гуманитарным наукам стал экономист, создатель Санкт-Петербургского экономико-математического института Б.Л. Овсиевич. По отзывам, это был интеллигентный и доброжелательный человек, но мне довелось с ним встретиться только один раз. После моего выступления на летней сессии Международной школы по социологии науки в июне 1997 г., где я резко критиковал какого-то очередного министра науки (кажется, связиста по специальности) за какую-то очередную идиотскую реформу, Овсиевич подошел ко мне. Он представился и попросил зайти осенью и поговорить о планах. Увы, поговорить не пришлось: Борис Львович вскоре скончался. Тогда же в моем выступлении его заинтересовал прогноз о том, что если со стороны правительства не будут приняты меры, то через 15 лет Россия станет второразрядной в сфере науки страной, а значит, не сможет далее даже претендовать на статус великой державы. Первая часть предсказания подтвердилась уже в начале 2010-х гг., а после реформирования, или, точнее, уничтожения, академической науки в реформах 2013 г., думаю, осталось недолго до реализации второй части прогноза.

На место Б. Л. Овсевича был назначен востоковед Юрий Ашотович Петросян, который с 1960-х гг. был директором Ленинградского филиала Института востоковедения. Наше знакомство состоялось в очереди к зубному врачу в академической поликлинике. Было удивительно видеть его терпеливо ждущим своей очереди в поликлинике, где по правилам докторов наук обслуживали вне очереди. А здесь первый заместитель председателя Президиума СПбНЦ РАН ждет, как все, приема. Мы сидели рядом, и он вдруг обратился ко мне по имени-отчеству и сказал, что рад встрече, так как хотел со мной поговорить об участии Филиала в задуманном им проекте «Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга», а также о юбилейных мероприятиях, посвященных 275-летию РАН. Мой ответ был однозначным: мол, готовы сотрудничать, преследуя прежде всего интересы Филиала. Вскоре я представил ему список книг, которые мы хотели бы издать в ближайшие годы. Ю. А. Петросян одобрил наши планы и сделал все возможное, чтобы они были реализованы.

Юрий Ашотович сыграл решающую роль в том, что я оказался вовлеченным в исследования по истории Академии наук. Задуманная им книга должна была начинаться главой о вкладе Академии наук Санкт-Петербурга в мировую культуру. Поскольку из наших историков Академии наук никто не брался за ее подготовку, писать пришлось мне, опираясь на труды А. В. Кольцова, Ю. Х. Копелевич, Н. И. Невской, Г. И. Смагиной и М. Ф. Харганович и результаты собственных архивных исследований по истории Академии наук в 1920-х — начале 1930-х гг. В установленный срок глава была готова и одобрена Петросяном. О ней знал В. М. Орёл, который был редактором журнала «ВИЕТ». Он предложил ею открыть публикации в юбилейном году. С согласия Петросяна рукопись была напечатана в первом номере журнала за 1999 г., где она попала на глаза президенту РАН Ю. С. Осипову, и меня привлекли к ряду юбилейных мероприятий, о которых я расскажу ниже.

При окончательном редактировании текста главы Ю. А. Петросян внес в нее существенные дополнения, исправления. Естественно, я предложил ему стать соавтором, мотивируя это тем, что сама идея принадлежала ему. Он долго отказывался, но мне удалось его уговорить. В конечном счете задуманная Ю. А. Петросяном хорошо иллюстрированная книга вышла в год 300-летнего юбилея Санкт-Петербурга. Благодаря ей широкая общественность смогла ознакомиться с малоизвестными древними рукописями, документами, этнографическими, зоологическими, ботаническими и другими раритетами, которые собирали российские ученые и путешественники на протяжении всей истории города на Неве. Помимо вводной главы «Академическая наука в Санкт-Петербурге и мировая наука», написанной совместно с Ю. А. Петросяном, в это фундаментальное издание вошла и другая моя глава «История науки — история умножения человеческой мощи», посвященная коллекциям нашего Филиала. В нее вошли также крупные разделы о книжном собрании в библиотеке Филиала и коллекциях Музея П. К. Козлова, подготовленных соответственно С. В. Ретунской и Т. И. Юсуповой.

Эта совместная работа с СПбНЦ РАН и рядом академических институтов способствовала более тесной интеграции историко-научных исследований с историческими работами в других гуманитарных и естественных науках. В этом отношении важную роль играл созданный по инициативе Ю. А. Петросяна Объединенный научный совет по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. Его работе Петросян придавал огромное значение, тщательно подбирая интересных

докладчиков. Он не считал за труд накануне очередного заседания обзвонить всех членов Совета, чтобы напомнить о предстоящем мероприятии. Благодаря его искренней заинтересованности Совет работал живо и плодотворно.

Создавалось впечатление, что содействие и бескорыстную помощь гуманитарным исследованиям в академических институтах, в том числе и в нашем Филиале, Петросян считал своей главной задачей. Вместе с Э. А. Троппом они курировали международную конференцию «Петербургская Академия наук в истории академий мира», посвященную 275-летию РАН. Для придания торжественности происходящему особое значение имело исполнение музыкально-хоровых произведений, связанных с историей Академии наук, в Эрмитажном театре артистами Государственной академической капеллы под руководством народного артиста России В. А. Чернушенко. По инициативе Петросяна одна из ежегодных конференций СПбО РНК ИФНиТ была посвящена кропотливой и упорной работе многих поколений ученых по сбору и хранению бесценных сокровищ — памятников культуры прошлых веков, сконцентрированных в институтах, библиотеках, музеях и архивах Санкт-Петербурга.

Петросян привлек меня к работе в секции «Культура. Образование» Научно-технического совета при губернаторе Санкт-Петербурга. В этой секции он был сопредседателем вместе с ректором СПбГУ Л. А. Вербицкой, и мы втроем не раз обсуждали планы совместных мероприятий. Вербицкая дважды участвовала с пленарными докладами на ежегодных конференциях СПбО РНК ИИНиТ. Охотно Петросян откликнулся и на просьбы других сотрудников Филиала, выступая с приветственными речами или докладами на конференциях «Немцы в России», «Международная школа по социологии науки и техники».

Трудно было встретить более доброжелательного человека. В написанных им воспоминаниях я не нашел ни одного сколько-нибудь критического замечания о своих друзьях, сотрудниках, начальниках, хотя некоторые из них, насколько я мог судить по рассказам других востоковедов, были далеко не ангелы. Да и вообще, любое академическое сообщество, как и все сообщества талантливых людей, весьма не просто в управлении, чего Петросян, возглавлявший Филиал Института востоковедения более четверти века, не мог не знать. На мой вопрос, почему он об этом не упоминает, он ответил, что никогда не обращал внимания на какие-то сплетни и интриги, а если кто-то о ком-то говорил что-то плохое, то он тут же обо всем забывал — и того, кто говорил, и о том, что говорили. И действительно, я никогда от него не слышал ни одного плохого слова даже о тех, кто по отношению к нему поступал явно несправедливо.

Правда, однажды, в один из наших последних разговоров он изменил своему правилу. Узнав об избрании членом-корреспондентом РАН одного московского администратора, научные заслуги которого были, мягко говоря, неизвестны, но было известно, что его статьи и книги писали другие люди, Петросян сказал: «Сам факт попадания такого человека в академическое сообщество свидетельствует о том, что в РАН не все в порядке». Следует заметить, что он прекрасно понимал, что происходит вокруг. Однажды на мое брюзжание о падении академических нравов во время выборов он сказал: «Вы напрасно думаете, что раньше было иначе. И друзей предавали, и негодяев протаскивали, и даже жен для успеха карьеры подкладывали кому надо». Как показали позже опубликованные интересные заметки Ю. А. Золотова «Выборы в Академию наук», действительно некоторые претенденты в это высокое сословие о рыцарской чести не всегда заботились.

Краткие ремарки Петросяна становились для меня руководством на всю жизнь. В этом отношении показателен наш разговор 22 июня 1998 г. Мы с ним вместе открывали Международную школу по социологии науки. Всем было ясно, что страна стоит на пороге очередной финансовой катастрофы. Бюджетных денег ни на коммунальные расходы, ни на зарплату не поступало. Жили мы за счет 15% отчислений от грантов РГНФ и РФФИ, но и их стали задерживать. Эмоционально обрисовывая сложившуюся обстановку, я обронил слово «катастрофа». На что он мне ответил буквально следующее: «А катастрофы полной никогда не бывает. После нее всегда что-то остается». И я подумал, если так рассуждает человек, переживший Великую Отечественную войну, поздний сталинизм и потерявший в автокатастрофе семью, то мне не к лицу паниковать в сложившейся ситуации. Вскоре грянул августовский кризис 1998 г., но Петросян оказался прав. Уже весной 1999 г. появился просвет.

Последние годы своей жизни Петросян тяжело болел, но никогда не забывал позвонить накануне Нового года. Поскольку я это обычно делаю или в новогоднюю ночь, или 1 января, он всегда опережал меня. Только раз мне удалось его опередить с поздравлениями. Это было незадолго до его кончины. Видно было, что ему трудно говорить. Вскоре его не стало. По решению родственников прощание проходило в узком кругу самых близких. В его лице мы потеряли одного из самых бескорыстных представителей Санкт-Петербургской науки, верного ее лучшим традициям.

Г. Ф. Терещенко был первым заместителем председателя СПбНЦ РАН до своей скоропостижной кончины в мае 2010 г. По специальности химик, он внимательно относился к истории науки, а после смерти А. А. Фурсенко после долгих уговоров согласился возглавить СПБО РНК ИФНиТ и по мере сил и возможностей старался нам помогать. К тому времени из-за огромной занятости Алфёров не всегда мог приходить на конференции, и от его имени их часто открывал Терещенко. Последние годы он возглавлял также Санкт-Петербургскую комиссию по подготовке к празднованию 300-летней годовщины со дня рождения М. В. Ломоносова и немало сделал для разработки плана юбилейных мероприятий и изданий, а также для его реализации. В этом ему активно помогала Т. М. Моисеева, которая вместе с Г. И. Смагиной выступила с инициативой издания после долгого перерыва очередного, 10-го выпуска сборника «Ломоносов. Сборник статей и материалов». Вместе с Г. Ф. Терещенко я был титульным редактором этого издания, базирующегося в основном на неопубликованных или малоизвестных материалах. Но мое участие в этом проекте было сугубо номинальным.

Невозможно рассказать подробно о других сотрудниках СПбНЦ РАН, с которыми я сталкивался в работе и без помощи которых мне и моим сотрудникам, прежде всего ученым секретарям Татьяне Ивановне Юсуповой и Надежде Алексеевне Ащеуловой, было бы трудно реализовать наши планы. Это работники иностранного отдела, возглавляемые Дмитрием Кузьмичом Донским, заведующий отделом кадров Ю. Н. Фокичев, начальник секретариата Эльвира Анатольевна Морозова и, конечно, начальник научного отдела Елена Александровна Иванова, которая участвовала во всех наших главных проектах и конференциях, прежде всего по социологии науки. Причем все делалось в соответствии с академическими традициями. Жизнь текла своим чередом, кто-то уходил, на их места приходили другие, но этос, заложенный великими предшественниками, продолжал жить. И очень жаль, если они исчезнут в огне скоропалительных реформ.

Со времен В. И. Вернадского, создавшего Комиссию по истории знаний, известно, что вести историко-научные исследования невозможно, не опираясь на поддержку академического сообщества, и прежде всего его директорского корпуса. В последние десятилетия многие академические учреждения возглавляли директора, не только понимающие значение истории науки, но и сами профессионально занимающиеся ею. Среди них я особенно хотел бы отметить директора БАН В. П. Леонова, который активно помогал при организации симпозиумов «Немцы в России» и «Цензура в России», ежегодных конференций СПбО РНК ИФНиТ, многократно выступая с докладами, посвященными истории БАН. Леонов всегда откликался на наши просьбы организовать книжные выставки, приуроченные к юбилейным датам в истории науки. Только в 2013 г. БАН организовал три выставки, посвященные 125-летию со дня рождения Н. И. Бухарина, 150-летию со дня рождения П. К. Козлова и 60-летию со дня рождения СПбФ ИИЕТ РАН. Леонов дружил с Д. В. Лебедевым и трогательно заботился о нем, поддерживая его до последних дней.

СПбФ Архива РАН всегда оставался для нас близким и родственным учреждением. Комиссия по истории РАН, созданная в Архиве еще С. И. Вавиловым, вошла позднее в состав ЛО ИИЕТ, став одним из главных его подразделений. Мы с директором Архива В. С. Соболевым сотрудничали еще до моего директорства. И впоследствии, когда он возглавлял Российский государственный архив военно-морского флота, я его активно вовлекал в наши проекты, благодаря которым был выполнен ряд важных исследований по истории Академии наук, и, в свою очередь, помогал печатать труды, подготовленные в Архиве. Среди них и книга «Во главе первенствующего ученого сословия России. Очерки жизни и деятельности президентов Императорской Санкт-Петербургской академии наук. 1725–1917 гг.», о которой я скажу ниже. Хорошие рабочие и дружеские отношения я поддерживаю с нынешним директором СПбФ Архива РАН, крупным историком И. В. Тункиной. Как член Ученого совета я стараюсь по мере сил участвовать в их повседневной жизни и в изданиях.

Судьба распорядилась так, что наш ближайший сосед — Санкт-Петербургская кафедра иностранных языков, вошедшая позднее в Академический университет. За все время моей работы в Филиале я не помню ни одного случая, омрачившего наши добрососедские отношения. Практически все научные сотрудники Филиала — ученики этой кафедры, на которой они не только сдавали кандидатские экзамены по языку, но и изучали другие языки, оказавшиеся необходимыми для работы. Соответственно в преподавателях кафедры, возглавляемой Юрием Петровичем Третьяковым, они видят прежде всего высокообразованных и милых, но при этом требовательных учителей.

На конференциях по истории науки часто выступают директор Института социологии Ирина Ильинична Елисеева, директор Института восточных рукописей И. Ф. Попова, директор Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) Ю. К. Чистов, директор Института лингвистических исследований Н. Н. Казанский. С Санкт-Петербургским институтом российской истории, возглавляемым В. Н. Плешковым, было издано 4 тома сборников о деятелях российской науки. Несколько раз их соредактором был И. П. Медведев.

Как и прежде, я старался по возможности взаимодействовать с биологами. У меня сложились хорошие отношения практически со всеми руководителями биологических институтов РАН. Особенно много мне помогали академик Юрий Викторович

Наточин и член-корреспондент РАМН Владимир Олегович Самойлов. С большим интересом к истории науки относятся академик Александр Федорович Алимов и член-корреспондент Олег Николаевич Пугачев из ЗИН, Алексей Юрьевич Розанов и Сергей Владимирович Рожнов из ПИН. В наших мероприятиях не раз участвовали директор БИН Василий Трофимович Ярмишко и особенно его заместитель Дмитрий Викторович Гельтман, бывший и нынешний директора ИЭФБ академики Владимир Леонидович Свидерский и Николай Петрович Весёлкин. Мы часто плодотворно беседуем с Александром Даниловичем Ноздрачевым, много сделавшим для изучения истории физиологии в Санкт-Петербурге. В конференциях и проектах, инициируемых мной, постоянно участвуют зоологи А. В. Балужкин, Л. Я. Боркин, А. В. Смирнов, С. И. Фокин, ботаник А. К. Сытин, историк медицины Ю. П. Голиков.

Более 20 лет я как совместитель работал на философском факультете на кафедре философии науки и техники, которую с 1994 г. до недавнего времени возглавлял мой тезка Эдуард Федорович Караваев. Логик по специальности, Караваев прекрасно ориентируется в вопросах истории и методологии науки, в том числе и эволюционной теории. Он внимательно следит за новейшими работами в этой области, и наши нечастые встречи и беседы всегда были полезными для меня. Ему удалось собрать на кафедре блестящий коллектив исследователей, в том числе историка химии Игоря Сергеевича Дмитриева, а также В. П. Бранского и А. С. Мамзина — ведущих специалистов в области философии естествознания. Алексей Сергеевич Мамзин на протяжении всего моего творческого пути оставался мудрым старшим товарищем и исключительно доброжелательным человеком. Мне всегда приятно встречаться с Борисом Васильевичем Марковым — учеником М. С. Козловой и другом моих друзей, прежде всего И. Ш. Шмерлинга. С Марковым мы провели ряд содержательных и интересных конференций. В силу сложившихся обстоятельств недолго просуществовали курсы по переподготовке преподавателей по истории и философии науки, созданные по инициативе Михаила Семеновича Уварова в Республиканском гуманитарном институте в СПбГУ. Но в его лице я встретил блестящего мыслителя с широким кругозором в области эпистемологии, истории и философии естествознания.

Для меня всегда было важно участие в заседании Специализированного совета на философском факультете, который бесценно возглавляет человек высокой культуры руководитель Петербургской логической школы Ярослав Анатольевич Слинин. Для всех воспитанников этой школы характерен не только профессионализм и широта научных интересов, но и исключительное чувство юмора. Помимо Э. Ф. Караваева к ней принадлежат блестящие методологи науки Станислав Сергеевич Гусев и Борис Иванович Федоров, из общения с которым я почерпнул много полезного. Меня связывают многолетние дружеские отношения с другим представителем этой школы — Владимиром Ивановичем Кобзарем, который на 2-м курсе вел у нас семинары по математической логике. В дальнейшем мы несколько лет совместно работали в ЛО ИИЕТ и даже как-то вместе калымили. Я всегда с интересом слушаю выступления крупного специалиста по философии культуры и личности, а также логике и методологии науки Григория Львовича Тульчинского, также воспитанника кафедры логики.

К представителям этой школы принадлежит Юрий Никифорович Солонин — ученик блестящего И. Н. Бродского, читавшего нам математическую логику.

Диапазон научных интересов Солонина, как и других логиков, необычайно широк. Он признанный в мире эксперт в области истории философии и логики, философии науки и теории идеологии. Солонин создал и возглавляет кафедру культурологии философского факультета. Но особенно велика его роль в модернизации философского факультета СПбГУ, которым он руководил более 20 лет. Благодаря его исключительным административным и организаторским способностям факультет коренным образом изменился, стал открытым внешнему миру. Созданы десятки новых кафедр и специальностей. Разительные изменения произошли во внешнем облике факультета, который по благоустройству, оборудованию техникой может конкурировать с другими мировыми центрами философской мысли.

Академическая среда всегда отличалась высокой степенью демократизма: в ней звания, степени, должности, происхождение, а тем более состояние практически не играли никакой роли в профессиональном общении. Еще будучи младшим научным сотрудником, я, как и многие мои коллеги, на равных общался и дискутировал с признанными в мире учеными, занимавшими высокие должности в академической иерархии. Более того, иногда даже заочно, по электронной почте, ты знакомишься с человеком, и между вами завязывается оживленная переписка как между близкими друзьями. Таким человеком для меня оказался член-корреспондент РАСХН Николай Петрович Гончаров, которого я никогда не видел, но благодаря нашей переписке мне стали понятнее многие аспекты жизни Н. И. Вавилова. В последние годы я нашел удивительно близкого мне по духу академика РАСХН генетика Виктора Александровича Драгавцева.

Быстро на «ты» мы перешли с профессором политологии Южного университета Виктором Павловичем Макаренко. Он прочитал книгу «Наука и кризисы» и стал активно пропагандировать предложенную там концепцию, а потом пригласил меня и И. С. Дмитриева выступить на одном из организуемых им симпозиумов. Оказалось, что мы не только одногодки, но и много есть схожего в наших биографиях. Но самое главное, что, несмотря на разницу в специальностях, мы придерживаемся близких взглядов на проблемы взаимоотношения научного сообщества с властью. Это позволило нам сразу говорить легко, как будто бы мы знали друг друга всю жизнь. Именно ненависть к академическому духу свободы и взаимопониманию стали одной из причин нелюбви властей предрежащих к РАН.

До недавнего времени часть средств массовой информации вела кампанию против Академии наук. Я могу твердо сказать, что в приписываемых ей грехах не повинен ни один из академиков и директоров, с кем мне приходилось сотрудничать в последние десятилетия. Я никогда не слышал об откатах или о зарплатах директоров, в несколько десятков раз превышающих доходы их сотрудников, что, судя по печати, стало нормой для учреждений, подчиняющихся Минобрнауки. Более того, среди директоров академических учреждений Санкт-Петербурга встречались подлинные подвижники науки, ведущие спартанский образ жизни. Таким был недавно скончавшийся член-корреспондент РАН директор Института цитологии В. Н. Парфёнов. В последние годы я часто заходил к нему, чтобы обменяться новостями, посоветоваться, да и просто поговорить о житье-бытье, выпить рюмочку. Будучи директором биологического института с высоким международным рейтингом, он жил не просто скромно, но, по нынешним меркам, очень бедно, если не сказать больше.

РАСШИРЯЮЩИЙСЯ КРУГ: ОТ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ К СРАВНИТЕЛЬНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ

Распределение по секторам никогда жестко не определяло исследований в СПбФ ИИЕТ. Еще более размытыми стали границы во второй половине 1990-х гг. Большое развитие получили исследования, в которых сотрудники различных секторов участвовали в рамках временных творческих коллективов, создаваемых для реализации проектов по грантам различных отечественных и зарубежных фондов, а также по академическим программам. Нередко эти проекты не только выполнялись под моим руководством, но я был их инициатором и главным исполнителем. Неизбежно при этом шло расширение проблемного пространства моих исследовательских интересов, так как я стремился реализовать единство когнитивного и социального подходов в истории науки, когда изучение социальной истории науки базируется на знании самой науки и научной методологии как неразрывного целого. В этом отношении мои предшествующие исследования облегчали переход к новой тематике, так как из естественных наук биология в наибольшей степени оказалась подверженной всякого рода деформациям, обусловленным идеолого-политическими причинами. Разрабатывая социально-политические, социально-культурные и идеологические аспекты развития биологии, неизбежно сталкиваешься с проблемами взаимоотношения науки и власти, а также взаимодействий типа: наука и философия, наука и репрессии, наука и псевдонаука, наука и кризисы, наука и война и др. Изучение социальной истории биологии в контакте с учеными разных стран, особенно Англии, Германии, Китая, США, Франции и Японии, в свою очередь, стимулировало к более широким обобщениям, часто построенным на сравнительном анализе разных «идеологически корректных наук», в смысле М. Уолкера, в разных странах и в разные времена.

В эти годы я активно работал в академических и партийных архивах, развивая идеи об ответственности части научного сообщества в возникновении разного рода «пролетарского» или «диалектического» естествознания, а в конечном счете практики решения научных разногласий путем апелляции к властям с указанием на идеологически чуждые взгляды оппонентов. Исходным пунктом здесь стали различные попытки ученых в 1920-х гг. политизировать научные дискуссии, нередко инициированные самими учеными. По моему мнению, поддержка видными биологами, включая генетиков, идеи А. М. Деборина создать диалектическое естествознание способствовала «культурной революции» 1929–1932 гг., которая подорвала позиции лидеров отечественной науки, вставших на путь сотрудничества с большевиками (Н. И. Вавилов, В. И. Вернадский, Н. К. Кольцов, В. Н. Сукачев, Ю. А. Филипченко и др.), и выдвинула на авансцену новое поколение советских ученых, в том числе Т. Д. Лысенко и И. И. Презента. Монографически эти идеи впервые были изложены в 1999 г. в книге «В поисках советского “союза” философии и биологии».

Благодаря сотрудничеству с директором Института истории современного образования и науки Ганноверского университета профессором М. Хайнеманном, организовавшим в Академии естествоиспытателей Леопольдина в Галле две большие международные конференции «Наука и власть» (1996) и «Холодная война: воспитание, образование и наука» (1998), удалось провести комплексное изучение феномена «советской науки», финансируемое немецким фондом «Volkswagen».

В тот момент Хайнеманн был на пике карьеры и оказывал огромную помощь многим российским архивам, снабжая их техникой и заказывая подбор различных архивных материалов. На эти конференции он собирал около сотни ученых из разных стран. Многие из них выражали недоумение, почему местом их проведения выбран Галле — депрессивный район объединенной Германии. Хайнеманн отвечал, что хотел показать, сколь пагубен для немецкого народа был социализм. Думаю, что главную роль играли финансовые соображения. В таких районах гостиницы были наиболее дешевые, а Хайнеманн размещал нас в гостинице «пять звездочек», которые, правда, обеспечивались не столько комфортом в номерах, сколько наличием разнообразных удобств. Вот с ними и были связаны несколько неожиданные ситуации, существенные для познания национальных характеров.

Важной достопримечательностью гостиницы был шикарный шведский стол. Россияне, изголодавшиеся во время кризиса и получавшие 50–70 долларов в месяц, естественно, старались наесться вволю и ходили два раза завтракать: примерно в 6 часов, как только проснутся, а затем в 9 часов, перед началом утреннего заседания. Как ни странно, примерно так же стали вести себя и американцы, что сразу заметили экономные немцы и стали требовать у пришедших карты гостя, а потом и отмечать в журнале, кто уже позавтракал. Тогда склонные к чревоугодию «на хляву» стали приходить на завтрак и сидеть за завтраком два-три часа, ведя различные далеко не научные разговоры. Помню, один из американских коллег в провокационной форме спросил меня, когда же мы оставим Чечню. Однако он ничего не возразил на мой ответ: «Мы уйдем из Чечни, как только бледнолицые коллеги из США, американцы, вернут занятые ими территории ирокезам, гурунам, делаваграм и остальным коренным жителям Северной Америки».

В этой гостинице я наблюдал странный для нас обычай — совместное пребывание в бассейне и бане незнакомых мужчин и женщин в обнаженном виде. Тогда я был шокирован и решил, что имею дело с психически ненормальными женщинами или бессовестными нудистками, но потом с этим сталкивался не раз в разных местах купания и понял, что это национальная традиция. Так, в 2006 г. нам с женой было весьма некомфортно, когда в двух-трех метрах от нас вновь пришедшая молодая пара стала купаться и загорать в костюмах Адама и Евы. Пришлось уйти, ведь в чужой монастырь со своим уставом не лезут.

Однако возвращаюсь к конференции. По предложению Хайнеманна на базе материалов участников этих конференций из России и Германии была подготовлена книга «За “железным занавесом”: Мифы и реалии советской науки» (2002). О ней даже была специальная передача по «Немецкой волне», заплатившей нам с Хайнеманном за это по 48 евро. Кстати, это был единственный гонорар, полученный мной за последние 20 лет от средств массовой информации. Отечественные журналисты, телеведущие, режиссеры документального кино и т. д., не раз привлекая меня для консультаций и интервью, ни разу даже не заикнулись о гонорарах, считая, видимо,

что оказывают мне честь. Это один из показателей отношения к знаниям ученых в современной России. В дорыночном СССР дело иногда обстояло иначе.

Центральными проблемами книги были выбраны особенности взаимоотношений науки, государства и общества в условиях формирующегося и усиливающегося режима государственного и политического тоталитаризма. К основным аспектам рассматриваемого процесса отнесены изменения в сфере академической науки и системы высшего образования, специфические особенности формирования «пролетарской» биологии, становление системы информационного контроля и вынужденный изоляционизм советской науки в период холодной войны.

Для редактирования этой книги Хайнеманн пригласил меня на полтора месяца в свой институт, где предоставил уникальные возможности для работы с новейшей литературой и ее копирования. По моим заявкам любая книга из библиотек Германии доставлялась прямо в институт в течение нескольких дней. Более того, в моем распоряжении круглосуточно была институтская библиотека, насчитывающая около 30 тысяч изданий и постоянно пополняющаяся. Это позволило мне в этот и последующие ежегодные приезды не только подробно ознакомиться с состоянием историко-биологических исследований на Западе, но и собрать уникальный литературный и отчасти архивный материал по социальной истории биологии в разных странах, прежде всего в Германской империи, Веймарской республике, Третьем рейхе и США. Помимо меня, проведенного в этом институте в общей сложности более полугода, несколько раз в Ганновер приезжал М. Б. Коначев, а также по месяцу работали Н. Е. Берегой, А. В. Самокиш, А. А. Федотова, Т. И. Юсупова. Подолгу работали у Хайнеманна и ученые из других учреждений РАН. Для облегчения общения с ними он даже в конце 2002 г. принял на полставки Елену Локшину, эмигрантку из России, которая блестяще знала немецкий. От нее, а также от часто бывавшей у Хайнеманна в последние годы Ольги Синчиновой, работавшей ранее в Физико-техническом институте, а затем в Ганноверском университете, удалось много узнать о трудностях адаптации мигрантов из России к жизни в Германии. В то время еще не все понимали разницу между туризмом или кратковременной работой за границей и эмиграцией.

Хайнеманн отличался высокой активностью, все время фонтанировал идеями и планами грандиозного немецко-русского проекта о советской науке в годы холодной войны, часто приезжал в Россию, вел переговоры со многими руководителями петербургских вузов и институтов. В свою очередь, в Германии он старался организовывать мне встречи с ведущими немецкими историками биологии, а заодно и знакомил с различными городами Германии. Не раз я бывал у него дома, благодаря чему мог узнать, как живет преуспевающий немецкий профессор, и сравнить с бытом нашей профессуры, который на этом фоне выглядел нищенским. Однако первоначальный вариант проекта встретил ряд вопросов и замечаний, на которые, по правилам Немецкого исследовательского фонда (DFG), надо было отвечать, а Хайнеманн не привык к тому, что грант ему дают не сразу, и мы его не получили.

В связи с достижением им пенсионного возраста его институт влили в какой-то другой, а его самого перевели в статус почетного профессора. Он по-прежнему активен, не раз приезжал в Санкт-Петербург, приглашал в Ганновер. К сожалению, обстоятельства складываются так, что я несколько лет не могу туда выбраться. И это жаль, так как никогда и нигде я не имел столь благоприятных условий для работы, как те, которые создавал мне М. Хайнеманн.

Поскольку было невозможно работать с 7 утра до 11 вечера, я каждый день совершал длинные пешие прогулки по городу или по лесопарку рядом с Институтом, что позволило воочию видеть, как введение в Евросоюзе единой валюты сказалось на повседневной жизни Германии. Если в первые годы Ганновер производил впечатление процветающего города, то с заменой марки на евро реальная покупательная способность граждан сократилась по крайней мере в два раза. Это было достигнуто просто: в цифрах зарплата и цены остались прежними. И уже с 2003 г. все чаще приходилось сталкиваться с целыми кварталами закрытых магазинов. Большое впечатление на меня произвели опустошения в крошечных садах-огородах, размером не более сотки, где стояли маленькие домики, росли пара деревьев, несколько кустов и цветы. Многие из них вскоре оказались заброшенными, так как хозяева, видимо, не могли платить налоги за аренду, а желающих купить участок не было.

На моих глазах происходило резкое возрастание числа мигрантов из России, русская речь слышалась повсеместно. Характерен разговор подростков в трамвае: «У нас в классе только два мальчика говорят по-немецки, а в соседнем классе только одна девочка знает немецкий язык». Выплаты пособий мигрантам по немецкой и еврейской квотам также обременяли немецкий бюджет. Хозяевами и обслуживанием большинства шашлычных, пиццерий, бистро и прочих заведений питания были мигранты, преимущественно из Китая, Турции, арабских стран. Немало было и выходцев из Африки, многие из которых вряд ли были студентами или высококвалифицированными сотрудниками.

Тем не менее я ни разу не слышал из уст немцев ни единого расистского или националистического высказывания и не сталкивался с враждебностью по отношению к «понаехавшим» мигрантам. Немцы моего поколения были воспитаны с сознанием национальной вины и платили долг за грехи предшественников. Здесь были немислимы даже шутки на подобные темы. Полагая, что из-за моего отчества меня никак нельзя заподозрить в антисемитизме, я как-то рассказал «еврейский» анекдот в компании Хайнеммана, его сотрудницы-переводчицы и семейной пары, у которой мы ночевали в окрестностях Ольденбурга. Неожиданно для меня воцарилось молчание, а затем переводчица, также еврейская эмигрантка из России, которая сама нисколько не была шокирована анекдотом, посоветовала мне не шутить подобным образом. Оказывается, за подобные шутки можно попасть в тюрьму. Для меня это было удивительно, так как в России никто в анекдоте не усматривал националистической подоплеки. «Еврейские» анекдоты семиты рассказывают с не меньшим удовольствием, чем антисемиты.

В другой раз шутить подобным образом мне отсоветовала моя ученица, с которой я был в знаменитом пивном баре Мюнхена, откуда начиналась карьера А. Гитлера. Мне показалось историческим парадоксом, что белокурые гретхен обсуживают посетителей, большинство из которых были явно не арийского происхождения. И я спросил, а что будет, если я в шутку выкрикну нацистское приветствие. Мне ответили, что пять лет тюрьмы гарантировано, невзирая на мое отчество. Позже я узнал, что с подобными шутками можно нарваться на неприятности и в Великобритании, и в США. Оказалось, что идеи и лозунги национал-социализма даже в быту безнаказанно можно было в то время произносить только в России, стране, в наибольшей степени пострадавшей от нацистской Германии, где нацистские лозунги звучали отнюдь не как шутки.

Благодаря Хайнеманну я мог лучше окунуться в повседневную жизнь Германии и убедиться воочию, что в силу организованности и трудолюбия немецкого народа не только построена процветающая страна, но тратятся огромные средства для подъема экономики многих других членов Евросоюза. Немцы безропотно несут это бремя, так как убеждены, что бескорыстная помощь другим странам позволит навсегда покончить с войнами в Европе. Я не уверен, что это так. Порой это расценивается нищими как слабость и появляется желание все отобрать. Арабское и африканское население Франции особенно далеко продвинулось в этом направлении из-за абсолютизации принципа толерантности.

Содружество с Хайнеманном позволило мне перейти к широкому сравнительному анализу особенностей отечественной науки и наук других стран, прежде всего Германии. Впервые к этой проблематике я обратился в рамках крупного немецко-русского проекта, финансируемого «Volkswagen», руководителем которого, как я уже говорил, был Дитрих Байрау. Однако не во всех разделах подготовленной книги «В джунглях власти: интеллектуальные профессии при Сталине и Гитлере» (2000) удалось провести сравнительный анализ различных эпизодов из истории науки двух стран, так как российские исследователи почти не знали историю национал-социалистической науки. Пожалуй, только введение самого Д. Байрау, а также статьи Б. Фойленбаха о деформации исторической науки при Гитлере и Сталине и Г. В. Шмуля о расовой гигиене и евгенике в Германии и СССР были выдержаны в жанре историко-сравнительного анализа.

Участие в этом проекте позволило мне лучше понять, как готовятся коллективные монографии на Западе. Опыт был поучителен. Ежегодно Байрау приезжал в Санкт-Петербург, чтобы заслушать наши отчеты о проделанной работе, которая обязательно должна была строиться на новом архивном материале, проанализированном с учетом целей и задач проекта. При этом каждый раз надо было сдать рукопись объемом 4–5 печатных листов, которая в дальнейшем должна была стать основой твоей главы в будущей монографии. Кроме того, летом 1997 г., воспользовавшись моим пребыванием в Тюбингене, он предложил мне сделать доклад на семинаре, в котором участвовали не только немецкие, но и американские историки. Несколько дней мы вместе с историком биологии из Гамбурга Торстером Рюттингом жили в квартире Байрау, который доверил ему свою машину, чтобы он показал мне окрестности Тюбингена.

Итоговая конференция по проекту состоялась в горном городке Блаубойрен в Баварии в декабре 1997 г. В ней участвовали около 30 человек. С российской стороны доклады делали В. Д. Есаков, Б. С. Илизаров, Ю. С. Воронков, А. Б. Кожевников, А. П. Купайгородская, К. О. Россиянов, В. С. Соболев и др.; с немецкой — Л.-Д. Берендт, Ф. Дам, Т. Рюттинг, Б. Фауленбах, Г. В. Шмуль, Х. Мик и др. Каждый доклад вызывал оживленные дискуссии, по итогам которых Байрау и принимал решение, какие из них следует включить в будущую монографию. Но прошло еще более трех лет, прежде чем она увидела свет и была отмечена положительной рецензией в одной из ведущих немецких газет. На Западе это считается более важным, чем рецензия в научном журнале. Неожиданно для меня среди участников проекта, не выполнивших взятые на себя обязательства, были и немецкие историки. На мой недоуменный вопрос, как такое возможно в Германии, Байрау ответил: «В России немало мифов о дисциплинированности и обязательности немцев, на самом же деле разгильдяев и среди них хватает».

И еще несколько деталей врезалось мне в память во время работы над этим проектом. Несколько дней я работал в институте, возглавляемом Байрау. Все научные сотрудники знали русский язык, а стажеры из России безукоризненно владели немецким. В библиотеке института, состоявшего из нескольких человек, были все ведущие международные журналы, связанные с историей России и российской науки. Более того, там было огромное собрание разного рода ученых записок, вестников и трудов вузов, включая периферийные, связанные с историческими исследованиями. Наши библиотеки никогда так не комплектовались.

Поскольку конференция в Блаубойрене должна была состояться через несколько дней после моего выступления на другой конференции в Гёттингге и возвращаться на два-три дня в Россию было нецелесообразно, Байрау пригласил меня приехать до конференции, поселив в дом одной из своих знакомых, которая после войны вместе с родителями-инженерами была вывезена в Ленинград, где прожила несколько лет, учась в советской школе. И хотя они вроде были там на положении военнопленных, женщина (к сожалению, я не могу вспомнить ее имя) тепло вспоминала юность, проведенную на чужбине, и была рада приютить меня в память тех лет. С ностальгией вспоминал прошлую жизнь в СССР и эмигрант из Казахстана, немец по происхождению, с которым я случайно познакомился. При этом он удачно устроился, работал фактически по специальности водителем автобуса, а в СССР он был автомехаником в совхозе.

Работа над проектом «Образованные слои при тоталитарных режимах» оказалась знаковой для меня. Во-первых, она дала опыт командной работы в международном проекте. В этом отношении полезными были симпозиум в г. Блаубойрен и семинары в Тюбингене и Санкт-Петербурге. Они давали возможность посмотреть как бы со стороны результаты собственных исследований, сравнить их с результатами коллег и т. д. Во-вторых, сам проект показал мне перспективы историко-сравнительного анализа развития науки в разных странах и побудил к изучению огромного комплекса литературы об истории немецкой науки в конце XIX — первой половине XX века. И в-третьих, впервые в моих публикациях основные выводы были сделаны не на изучении литературных первоисточников, а на архивном материале. С тех пор работа в архивах стала неотъемлемой, а порой и главной компонентой моих работ.

В 2001 г. Байрау попросил пригласить его в качестве визит-профессора на несколько месяцев, но оплачивала все немецкая сторона. Вообще в международных контактах того времени существовали дикие обычаи. Когда мы ехали за границу, то приглашающая сторона оплачивала все, а затем, когда они приезжали к нам, то тоже за все платили сами. Мы же не имели, да и сейчас не имеем права заплатить им ни копейки, даже если они участвовали в наших грантах. И если в начале 1990-х гг. это еще как-то можно было объяснить, то по мере появления у нас все большего количества бизнесменов, скупающих в Западной Европе дворцы и имения, зарубежным коллегам становилось непонятно, почему российские ученые находятся в столь бедственном положении и почему они должны тратить на них деньги своих налогоплательщиков. Я прекрасно понимал справедливость подобных рассуждений и поэтому старался по мере сил и возможностей найти средства для частичного финансирования совместных проектов.

Во время пребывания в Санкт-Петербурге Байрау выступил с докладом «Утопические элементы в реализации социальных цивилизаций: наука, техника, психотехника и т. п.», в котором шла речь о попытках воспитать «нового» человека в СССР в 1920–1930-х гг. Часть наших сотрудников, не желавших отказываться от исторических идеологем прошлого и не знакомых с методологией социальной истории науки, враждебно встретила этот доклад, что отнюдь не обескуражило Байрау. После доклада мы подробно обсудили перспективы дальнейшего сотрудничества. В частности, он предложил кому-нибудь из наших молодых кандидатов исторических наук подать заявку на получение двухгодичного гранта в Немецком фонде Герды Хенкель, что и было сделано А. Н. Дмитриевым.

Тогда же мы с Байрау договорились провести в Санкт-Петербурге Международную конференцию о взаимодействии науки и общества в Первой мировой войне, приуроченную к 90-летию ее начала. Эта проблема по ряду причин практически не затрагивалась в советской историографии, тогда как в немецкой ей было посвящено огромное количество работ. Конференция состоялась в апреле 2003 г. при финансовой поддержке РФФИ, РГНФ и Немецкого фонда Герды Хенкель. В ней участвовали около 30 ученых России, Германии и США. Были обсуждены проблемы: развития науки накануне 1914 г.; пропагандистской войны как средства мобилизации ученых; взаимодействия науки и государства, науки, техники и промышленности; организации науки во время войны; соотношения патриотизма и диссидентства; преодоления последствий войны. Большой объем организационной работы выполнила моя ученица Юлия Александровна Лайус, которая по совместительству работала в Европейском университете и имела большой опыт проведения международных мероприятий. Она же вместе со мной и Байрау стала редактором книги «Наука, технология и общество в Первой мировой войне» (2007), построенной на материалах конференции. Перевод статей немецких авторов был выполнен Г. В. Снежинской, с которой мы сотрудничали много лет. В этой книге впервые был дан последовательный историко-сравнительный анализ взаимоотношений науки, техники и общества России и Германии в период Первой мировой войны и рассмотрены различные аспекты воздействия войны на организацию науки, на ее взаимодействие с военной промышленностью, на соотношение фундаментальных и прикладных исследований, на систему международных связей, на нормы и ценности научного сообщества. Особое внимание в работе было уделено использованию опыта Первой мировой войны для мобилизации науки в годы подготовки и ведения Второй мировой войны.

Последний вопрос позднее был проанализирован мной вместе с В. Грунденом (США), Г. Майером (Германия), Ю. Кавамура и М. Ямазаки (Япония) в крупном международном проекте «Сравнительная история Общества Кайзера Вильгельма (ОКВ) при национал-социализме» с участием более 30 ученых из разных стран. Руководителями проекта, финансируемого Обществом Макса Планка, были крупнейшие специалисты по истории науки в Третьем рейхе К. Сакс (Германия) и М. Уолкер (США). Им удалось собрать сильный международный коллектив, члены которого дважды встречались в Доме Гармака Общества Макса Планка (Берлин) для обсуждения хода совместной работы. Сложность этой работы заключалась в том, что сравнительный анализ надо было провести сквозь каждую главу, написанную представителями разных стран. Итоги этого проекта были опубликованы

в специальном выпуске альманаха «Osiris» под названием «Политика и наука в военное время. Сравнительное изучение Общества Кайзера» и использованы также в русско-японском проекте «Наука и война. 1935–1953. Сравнительное исследование», руководимом Ичикава Хироши и финансируемом японской стороной. В рамках этого проекта состоялся круглый стол в СПбФ ИИЕТ в марте 2004 г. и симпозиум в Университете Хиросимы в сентябре 2005 г. Это был мой первый визит в Японию, да к тому же в город, пострадавший от ядерной бомбардировки. Хозяева были очень любезны и внимательны. Год спустя материалы симпозиума были опубликованы в книге «Наука и война», изданной на японском языке под редакцией Ичикава Хироши.

Участие в международных проектах и собранный литературный и архивный материал позволили приступить к сравнительному анализу особенностей отечественной и немецкой биологии. Вначале я намеревался ограничиться несколькими статьями, подготовленными по гранту РГНФ в 2003 г., незадолго до операции по аортокоронарному шунтированию. Но выздоровление шло не быстро, и я на несколько месяцев сел на бюллетень, да и после его закрытия далеко не каждый день ходил на работу. Образовавшуюся паузу заполнял выписыванием различных сюжетов из социальной истории биологии двух стран в переломные моменты их развития во второй половине XIX — первой половине XX в.

В то время одни авторы увлекались поисками сходных черт в арийской и протетарской науке, другие с негодованием отвергали подобные попытки. Но, как правило, у нас на эту тему писали философы, не очень знавшие, какова на самом деле была наука в Третьем рейхе, каковы были ее взаимоотношения с властями и в какой степени ученые были вовлечены в политику национал-социалистов. Им не был известен обширный массив литературы на английском, а тем более на немецком языке, посвященной этой тематике. У меня же к тому времени скопились сотни ксерокопий книг и статей, сделанных во время визитов в Ганновер. К тому же была возможность уточнять и проверять сведения в последующие годы. Важным стимулом служил и рост популярности национал-социалистических идей и лозунгов в России, что, по моему мнению, грозило национальной катастрофой. Я хотел показать, как самые благородные идеи улучшить все человечество или свою нацию в конечном счете ведут к гибели собственную страну, если процветания своей нации собираются достичь путем уничтожения других.

Таким образом, не чисто научный интерес, но и желание понять аномалии российского общества, дрейфующего в сторону правого радикализма, побуждали меня завершить проект книгой «Биология Германии и России — СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века: между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом». Неожиданно с первого захода был получен издательский грант РГНФ, и уже на границе 2006 и 2007 гг. был отпечатан тираж в 1000 экземпляров. Опираясь на опыт участия в вышеназванных международных проектах, я старался провести комплексный историко-сравнительный анализ когнитивных, институциональных, социально-культурных и политико-идеологических факторов развития биологии в России и Германии в конце XIX — первой половине XX в. Динамика взаимодействия науки, власти и общества в ходе «пролетаризации», «аризации», «национализации» и «милитаризации» биологии рассматривалась мной сквозь призму эволюции политики правящих элит по отношению

к биологии, а также с учетом борьбы внутри биологического сообщества и реакции различных групп ученых на создание «идеологически корректной биологии». Я старался показать роль биологии в модернизации двух стран, в установлении и функционировании тоталитарных режимов, в изменении ценностных ориентаций и традиций биологического сообщества, тематики и дискурса биологических исследований, их философских и идеолого-политических оснований.

Книга имела большой успех, быстро превратившись в библиографическую редкость, несмотря на приличный для наших дней тираж. Сделанная два года спустя допечатка также быстро исчезла. На книгу вышло около 20 рецензий не только в отечественных и зарубежных научных журналах, но и в средствах массовой информации: газетах, радио и телевидении. Номинировали ее и как лучшую книгу на 2007 г., о чем я, правда, узнал только из прессы.

«Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». И в Интернете, и в беседах с коллегами приходилось убеждаться, что некоторые увидели в книге реабилитацию ученых, принявших идеи национал-социалистов и участвовавших в их осуществлении. Были и такие, кто считал, что биологи Третьего рейха даны в более привлекательном виде, чем советские. На самом же деле я писал, что попытки создать некую арийскую или немецкую биологию завершились неудачей, в то время как в СССР расцвела «мичуринская биология», от имени которой репрессировались другие направления. Вообще, кощунственно обсуждать, где было лучше, а где хуже на фоне трагической истории немецкой и советской биологии при тоталитарных режимах. В СССР жертвы измеряются сотнями, а может и тысячами, тогда как в Третьем рейхе уничтожены только два биолога: В. Арндт и Г. Пржибрам, и около 15 были уволены с государственной службы. У нас только во Всесоюзном институте растениеводства, созданном Н. И. Вавиловым, цифры на порядок выше. И особенно странно было слушать упреки, что на фотографиях немецкие биологи в эсэсовских формах выглядели симпатично. Видимо, приверженцы черно-белой истории науки хотели бы, чтобы вместо фотографий биологов я помещал бы их карикатуры.

Примером удачного сотрудничества историков науки многих стран, включая США, Японию, Китай и Россию в рамках проекта, предложенного российской стороной и поддержанного РГНФ, на мой взгляд, может служить коллективный труд «Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки» (2003). Идея провести комплексное исследование наук при тоталитарных режимах XX в. возникла в 1994 г. в беседах с профессором Я. М. Рабкиным из Канады. Когда-то он учился в аспирантуре ИИЕТ АН СССР, подавал большие надежды. Мы с ним познакомились в те годы благодаря его однокурснице Ларисе Фроловой, работавшей в ЛО ИИЕТ. На меня большое впечатление произвел доклад Рабкина, если не ошибаюсь, об институционализации прикладной химии в США. И по стилю, и по содержанию он резко отличался от остальных. Но каких-то тесных отношений с ним тогда не было. В то же время что-то в нем меня настораживало. Было очевидно, что карьера для него на первом месте и ради нее он активен в комсомольской организации ИИЕТ.

Неожиданно Рабкин оказался правоверным иудеем и по окончании аспирантуры эмигрировал в Израиль, оттуда переехал в Канаду, где стал профессором истории Монреальского университета, автором резонансных монографий по взаимодействию науки и техники, науки и культуры, а также по политической истории науки. Ряд из них посвящен судьбам науки и ученых после расформирования СССР, взаимоотношению политических свобод и свободы научного поиска. Он был известен не только в научной среде, но и в общественно-политических кругах, будучи консультантом нескольких международных организаций (ОЭСР, НАТО, ЮНЕСКО, Всемирный банк) по вопросам науки и высшего образования и неоднократно выступая в престижных журналах и газетах, а также на радио и телевидении многих стран.

Ко мне он обратился с идеей провести серию международных конференций, посвященных сравнительному анализу науки при тоталитарных режимах, начиная с революционной Франции XVIII в. и заканчивая китайской культурной революцией 1960-х гг. Имевший богатый опыт научно-организационной работы на Западе, свободно владевший пятью языками, глубокий исследователь, Я. М. Рабкин был для меня интересным собеседником и многообещающим партнером. К тому же мы оба росли в реалиях поздней хрущевской «оттепели» и ранних брежневских «заморозков» и легко понимали друг друга, хотя меня и забавлял его несколько демонстративный фундаментализм, жесткое следование всем предписаниям иудаизма в повседневной жизни.

При личных встречах, а также в активной переписке в 1994–1995 гг. был очерчен круг проблем, объекты исследования, цели и задачи, сформулирована методология

и идеология предстоящей программы, в которой предполагалось рассмотреть переломные моменты в истории науки Франции, Германии, России, США, Италии, Испании, Китая и т. д. Первая установочная конференция «Научная политика между автономией и централизацией» должна была состояться в Санкт-Петербурге. Благодаря Рабкину ею заинтересовался какой-то совет НАТО, выразивший готовность финансировать встречу, попросив изменить название на «Continuity and Rupture between Totalitarian and Post-totalitarian Research System» и ориентироваться не только на историю и социологию науки, но и на науковедение, политику, право и экономику науки, т. е. весь круг вопросов, входящих в формирующуюся тогда отрасль знаний — Science of Studies. Было рекомендовано включить в состав участников не только представителей академических кругов, но и правительства, а также экспертов из разных городов России, союзных республик и бывших социалистических стран Восточной Европы. Будучи готовой внести решающий вклад в финансирование конференции, НАТО выразила желание знать, какая часть средств будет выделена местным правительством, а также РАН, СПбГУ, СПбСУ и т. д.

В целом большинство вопросов было урегулировано, мы прошли первый этап какого-то конкурса, нам обещали 25 тысяч долларов, но окончательное решение должно было быть принято после завершения выборов губернатора в Санкт-Петербурге. По словам Рабкина, в НАТО особенно обрадовались результатам первого круга выборов, где уверенно лидировал А. А. Собчак. Но далее произошло неожиданное: харизматичный А. А. Собчак проиграл выборы какому-то совершенно неизвестному не только на Западе, но даже в Санкт-Петербурге хозяйственнику В. А. Яковлеву. С ним в Смольный пришла другая команда, в которой не было места известному в академических кругах либералу А. М. Ельшевичу. На посту председателя Комитета по науке и высшему образованию Санкт-Петербурга его сменил заместитель декана приборостроительного факультета Ленинградского кораблестроительного института Виталий Александрович Рычков. Все планы были приостановлены, надо было налаживать новые контакты, в чем новые люди в Смольном не были заинтересованы. НАТО также не желала брать на себя все расходы, и проект был отложен до лучших времен. Потерял к нему интерес и Я. М. Рабкин, заявив, что на самом деле в каждой стране были разные ситуации и сквозное исследование провести трудно. В результате проект, интенсивно разрабатывавшийся в течение двух-трех лет, не состоялся.

Однако работа в этом направлении была начата в Санкт-Петербургском филиале Института истории естествознания и техники РАН по инициативе Министерства науки и технологии РФ, возглавляемого вице-премьером правительства Е. В. Фортковым. В начале 1997 г. он обратился с просьбой к академику-секретарю Отделения истории РАН А. А. Фурсенко подготовить в сжатые сроки исторический обзор о том, какие кризисы переживала наука в других странах и в другие времена и как она из них выходила. На предложение Фурсенко подготовить аналитическую записку на эту тему я вначале ответил отказом, но телефонный разговор с ним слышали Д. А. Александров и М. И. Микешин. В два голоса они взялись утверждать, что я не прав, что наш профессиональный долг — довести до сведения правительства точку зрения историков науки на этот счет, что они возьмут на себя всю основную работу, а на мою долю останется только титульное редактирование. С большим энтузиазмом мы стали обсуждать различные аспекты предполагаемой работы, и была выработана

исходная позиция, суть которой заключалась в том, что кризис — это не катастрофа, а болезнь роста, связанная с пересмотром взаимоотношений научного сообщества с властью и со становлением новой структуры их взаимодействий и языка. При этом были использованы и наработки из несостоявшегося проекта с Я. М. Рабкиным.

Успешный старт не нашел продолжения. Д. А. Александров вскоре на месяц уехал в Норвегию, откуда прислал несколько страниц тезисов о советской науке в 1920-х гг. и реферативную работу о науке США в период Великой депрессии. Между тем час Икс приближался, и мне пришлось написать большую часть текста, включив туда разделы, присланные Д. А. Александровым, мой реферат его статьи о науке при национал-социализме, кое-какие материалы по российской науке, подготовленные А. В. Кольцовым и М. И. Микешиним. Хотя в основу обзора была положена нетривиальная концепция, в целом он был сырым и в значительной степени носил компилятивный характер. Поэтому мы решили, что поскольку правительственный заказ был получен через Фурсенко, то ему и решать, можно ли в таком виде его подавать в Министерство науки и технологий. Более того, я попросил Фурсенко быть вместе со мной титульным редактором, с чем он согласился, ознакомившись с текстом и внося в него ряд исправлений.

Обзор, названный «Наука и кризисы» (объемом 6 п. л.), был оценен положительно, нам щедро заплатили и на некоторое время о проекте забыли. Осенью 1997 г. мы с Д. А. Александровым написали главу для коллективной монографии «Наука и безопасность», выпущенной в 2001 г. Институтом истории естествознания и техники РАН под редакцией В. М. Орла. Полгода спустя по инициативе А. А. Фурсенко был разработан план-проспект коллективной монографии «Наука и кризисы: исторические очерки», поддержанный Региональным фондом Санкт-Петербурга. Помимо авторов аналитической записки в исследовательский коллектив вошли И. С. Дмитриев, Ю. Х. Копелевич, Н. Л. Кременцов, Т. В. Чумакова, М. Ф. Хартанович. Но правительство В. С. Черномырдина ушло в отставку, финансирование прекратилось, и энтузиазм ряда участников проекта угас.

Важную роль в совершенствовании концепции сыграли главы о науке во времена Английской революции XVII в. и особенно Великой французской революции, подготовленные директором Музея-архива Д. И. Менделеева профессором И. С. Дмитриевым. Один из самых ярких историков и философов в современной России, блестящий стилист и оратор, он в известной степени задал масштаб выполняемого исследования, написав вместо планируемых кратких глав в 1–1,5 п. л. фактически микромонографию, что потребовало более детального рассмотрения кризисов в других странах. Н. Л. Кременцов дал оригинальный анализ развития науки во время Великой Отечественной войны и позднего сталинизма, базирующийся на уникальном архивном материале, а Ю. Х. Копелевич смогла в соответствии с новой концепцией пересмотреть прежние свои работы по истории российской и зарубежных академий наук. К сожалению, вскоре из жизни ушел А. В. Кольцов, но беседы с ним и подготовленные вместе с ним разделы по российской науке в первые два десятилетия XX в. очень много дали для понимания переломного момента в развитии отечественной науки, связанного с революциями 1905 и 1917 гг., Первой мировой и Гражданской войнами. Вместе с тем с увольнением А. Д. Александрова встал вопрос об аналогичных текстах по проблеме выживания науки в периоды глобальных кризисов в США и Германии, которые он ранее брал на себя.

Вскоре выяснилось, что параллельно под руководством профессора Департамента истории объединенного колледжа в Скенектади штата Нью-Йорк М. Уолкера шла работа над книгой «Наука и идеология», вышедшей практически в один месяц с книгой «Наука и кризисы». В ряде ее глав, прежде всего в статье Я. М. Рабкина и Е. З. Мирской, а также в главе «Идеологически корректная наука», написанной М. Гординым, В. Грюндером, М. Вальтером и З. Ванг, содержался ряд положений, ранее обсужденных мною с Я. М. Рабкиным. Видимо, поэтому удалось легко установить рабочий контакт с М. Уолкером, с которым я познакомился в феврале 1999 г. на конференции в Регенсбурге. Он согласился помочь подключить к реализации российского проекта, поддержанного РГНФ, и историков науки из США, Японии и Китая. Это было огромной удачей. Ведущий в мире специалист по истории создания атомной бомбы в Третьем рейхе, Уолкер, казалось, был создан для коллективных монографий. Он лично написал для нашей книги три блестящие главы, содержащие сравнительный анализ науки в Германской империи, Веймарской республике, Третьем рейхе и ФРГ.

По его рекомендации к нам присоединились и другие авторы. Профессор Вальтер Грюнден из Департамента «Бойлинг Грин» Государственного университета в штате Огайо подготовил статью о мобилизации науки в Японии во Второй мировой войне. Конг Као, работавший в Государственном университете Нью-Йорка, написал статью о науке и ученых во время Культурной революции середины 1960-х гг.. При переводе его статьи возникли трудности. Мои сотрудники, которые были младше меня на 10–25 лет, прекрасно знавшие английский язык, не могли понять многие места в его статье, так как он, уроженец Китая, писал, используя штампы и язык периода культурной революции. И здесь опять сыграл фактор поколений: я смог понять и, надеюсь, точно передать смысл бытовавших выражений типа «вонючая бочка», «школа кадров 7 мая», «дурно пахнущие» и т. д.

Наконец, благодаря Н. Л. Кременцову мы получили статью от крупнейшего специалиста по политике, науке и военно-промышленному комплексу США во время холодной войны Стюарта Лесли, которому я смог вручить книгу только в 2005 г. в Японии.

В итоге нам удалось исследовать проблему «Наука и кризисы» в широком пространственно-временном масштабе, рассматривая не только возникновение новых институтов, но и поведение ученых и состояние самой науки в экстремальных условиях. Для более тесной интеграции глав (общим объемом 65 п. л.), написанных 12 авторами из четырех стран, к каждому разделу: «Институционализация науки и кризисы Нового времени», «Наука между коммунизмом, национализмом и либерализмом», «Вторая мировая война» и «Наука и холодная война», я написал введение и заключение помимо общей концепции и выводов, изложенных в предисловии и послесловии редактора. Большой вклад в сближении манеры изложения внесла моя помощница филолог Ирина Александровна Белозерова, занимавшаяся переводами и литературным редактированием. Моя аспирантка ботаник Анастасия Александровна Федотова выполнила большую работу по уточнению литературных ссылок и авторского указателя.

При всех отличиях в стиле и оценках, неизбежных при изучении сложных и противоречивых событий, разворачивавшихся на протяжении более трех столетий в различных социально-культурных условиях, авторы придерживались некоторых

общих теоретических установок. Во всех главах монографии история науки рассматривается в кризисной динамике общества и государства, что позволяло понять механизмы преобразования отношений науки, государства и общества и мотивы поведения отдельных ученых, их групп и научного сообщества в целом. Главная цель книги заключалась в том, чтобы преодолеть традиционные рассуждения о роли науки в эпоху глобальных кризисов, опиравшиеся до сих пор в основном на философско-мировоззренческие постулаты, дававшие немало доводов как «за», так и «против» тезисов о пользе или вреде науки. Мы были убеждены: предшествующий опыт, например, Древнего Рима или нацистской Германии свидетельствует о том, что без науки у государства нет перспективы, а религиозность и мистицизм, охватывающие общество, — не знак духовного возрождения, а предвестник его гибели. С целью проверки этого тезиса и был осуществлен масштабный историко-сравнительный анализ кризисных ситуаций, в которых оказывалась наука разных стран начиная со времен Английской буржуазной революции вплоть до Культурной революции в КНР.

В то время как лидеры академического сообщества России культивировали миф об ученых, якобы не вмешивающихся в политику, было показано, что зачастую именно их действия способствовали началу социально-политических и экономических преобразований, приводивших к кризису. Будучи втянутыми в водоворот событий, в какой-то степени инициируемых ими, они затем одними из первых страдали от кризисов, так как власть и общество в эти периоды, как правило, не желали довольствоваться прежними формами организации научных исследований и их практической эффективностью. В поиске новых форм взаимоотношений науки и государства каждая из сторон старалась с максимальной выгодой для себя использовать неустойчивость ситуации.

При этом мы старались пояснить российскому научному сообществу, что трактуемое как кризисное нынешнее состояние науки в России означало слом прежних отношений между учеными, обществом и властью. До недавнего времени в рамках симбиоза государства и научного сообщества власти стремились использовать ученых для получения знаний, для развития экономической и военной мощи, для идеологического оправдания своей политики, для повышения международного престижа. Ученых привлекали как экспертов при принятии важных экономических и социально-политических решений. Вместе с образованием наука составляла единую систему, от которой зависело воспроизводство интеллектуальных ресурсов советского государства, всей его инфраструктуры, включая аппарат управления, систему здравоохранения, экономику и т. д. В свою очередь, ученые считали свою работу исключительно важной для государства, которое было единственным заказчиком и предоставляло в их распоряжение огромные материально-финансовые ресурсы для осуществления научных проектов.

В целом эта модель была обычна для взаимодействия науки и власти в периоды, требовавшие максимальной мобилизации ресурсов. Со времен Реформации, когда наука стала социальным институтом, именно она обычно реализовывалась в периоды крупных социально-политических и экономических потрясений, войн, обострения геополитической ситуации и т. д. С тех пор наука и власть были тесно связаны. Сильное государство стремилось иметь передовую науку, а власть, не уверенная в своем будущем, не желала вкладывать средства в проекты, не сулившие быстрой

прибыли, рассчитывая на спасение благодаря причудливым смесям архаичных форм религии, философии и политических доктрин. Кризисные моменты в жизни государства и общества вынуждали власть и ученых искать новые формы взаимодействия. Нередко поиски сопровождались гибелью целых научных направлений и их создателей. Но при этом складывалась новая конфигурация отношения науки к власти, изменялся общественный статус ученых, модифицировались тематика и язык научных исследований, ритуалы научных мероприятий, традиции и этика научного сообщества.

В силу своего положения в обществе ученые неизбежно участвовали в решении актуальных социально-экономических и политических проблем. Научная интеллигенция, воспринимая себя как носителя национального разума, способного дать рациональные формы общественной жизни, всегда претендовала на активное участие в управлении государством и в выработке стратегических решений. Ученые в кризисные периоды стремились решить на первый взгляд трудно совместимые задачи: с одной стороны, усилить свою профессиональную независимость, а с другой — получить большую финансово-материальную поддержку от властей и обеспечить приток талантливой молодежи в науку. А власть за предоставляемые ресурсы требовала не только, а иногда и не столько практические результаты, сколько идейно-политическую поддержку.

Примеры из истории главных «научных» стран (Англии, Франции, России, Германии, Японии, США и КНР), когда они находились в состоянии остро выраженных или перманентных кризисов, позволили просмотреть основные сценарии разрешения кризисных ситуаций в развитии отношений науки, государства и общества, обусловленных кризисом общества в целом. Сравнительный анализ критических ситуаций в разных странах дал возможность исследовать причины, благоприятствовавшие или препятствовавшие развитию науки уже в ходе ее институционализации и социализации в Новое время, когда шел поиск первоначальных форм отношений между наукой и государством. Удалось выяснить, что, несмотря на специфику взаимоотношений науки и государства, или, точнее, науки и власти, в каждой стране, существовали некоторые общие алгоритмы. Наука страдала не только от того, что государство не уделяло ей достаточного внимания. Не менее пагубной была и обратная ситуация, так как необходимы оптимальные взаимоотношения государственного регулирования и финансирования научных исследований и участия научного сообщества в определении адресатов этой финансовой поддержки и основных направлений научного развития. Однако их становление требует огромных усилий со стороны научного сообщества и нередко затягивается на многие десятилетия, как это произошло в современной России.

Чтобы выжить в этих условиях и сохранить науку, ученые не должны были пассивно ждать помощи от государства, надеясь на возвращение прежних времен. Успех сопутствовал тем, кто стремился к диалогу с властями, объясняя им важность своих проектов для государства, в том числе зачастую ничем не обоснованных. Сказалось и отсутствие авторитетных лидеров академического сообщества, чьи достижения получили мировое признание, поддержка которых способствовала бы росту престижа правящих кругов как внутри страны, так и за рубежом.

Теперь, когда наука и научное образование вошли в плоть и кровь современной цивилизации, обществу порой кажется, что оно легко обойдется и без науки.

Однако, сколько бы ни была политизирована сама наука во все периоды ее существования, сколько бы ни были социально определены способы и результаты разрешения научных споров, провозглашаемые наукой нормы и ценности имеют непреходящее значение в современном мире. Наука и образование являются единой системой производства и воспроизводства знания и взаимно поддерживают друг друга. Там, где нет уважения к науке, нельзя ждать профессионально образованных и эффективных врачей, экономистов, юристов, учителей и государственных чиновников.

Давно известно, что народ, не желающий кормить свою армию, будет кормить чужую. Но современная армия невозможна без науки, ориентированной на национальные интересы. Сама же наука проявляет удивительную живучесть, адаптируется и выживает в самой неблагоприятной социально-политической среде, неся плоды своих достижений в те страны, правительство которых может по достоинству их оценить. Если самый боевой и талантливый генерал, не поддержанный своим правительством, не нужен никому, то выдающийся ученый чаще всего найдет возможность продолжить исследования в другой стране. В качестве парадокса я написал, что страна, отказавшаяся содержать свою науку, неизбежно будет подкармливать чужую. В то время никто не мог даже представить, что это уже скоро может произойти у нас: некогда вторая в мире научная держава за огромные деньги будет заманивать иностранных ученых, тогда как лучшие свои кадры вынудила искать судьбу на чужбине. Из пяти российских нобелевских лауреатов, получивших премию за последние 15 лет, трое живут и работают за рубежом. Вместо них в Россию за огромные деньги, как челноков, привозят порой весьма сомнительных лидеров мировой науки, цель которых в лучшем случае отобрать талантливую молодежь и увезти к себе, а оставшимся здесь скармливать методологии и технологии 10–15-летней давности. Воистину, как писал Евгений Евтушенко в прежние годы и по другому поводу: «Никто, как русские, так не спасал других. Никто, как русские, так сам себя не губит». Неплохо про аналогичную ситуацию сказал Михаил Шолохов: «Жену отдай дяде, а сам иди к б...». В данном случае мы знаем этого дядю. Зовут его Дядя Сэм.

Современная власть, сталкиваясь с критикой со стороны ряда представителей академической науки, оказалась неспособной понять, что научное сообщество в целом всегда было готово принимать любую идеологическую риторику — быть «идеологически корректным» и служить власти. В противном случае нельзя было уцелеть, например, когда власти вместо обещанного Эльдорадо получали очередной продукт фундаментальной науки с весьма смутными перспективами его практического использования. Для развития науки была важна не столько политическая свобода, сколько мощная поддержка со стороны государства при условии его невмешательства в профессиональную деятельность ученого. Однако история показала, что такие взаимоотношения в принципе недостижимы. Кто платит деньги, тот и заказывает музыку. Свобода в профессиональной деятельности, без которой рано или поздно приходят в упадок не только фундаментальные, но и прикладные науки, возможна лишь при наличии множественных независимых источников финансирования, что, однако, чревато распылением средств и отставанием в стратегически важных направлениях. Поэтому весьма непросто создать такие оптимальные формы сотрудничества правительства и научного сообщества в распределении имеющихся

материальных и людских ресурсов и в координации научных исследований с учетом как общенациональных интересов, так и мировых тенденций научного поиска.

Презентация книги «Наука и кризисы», вышедшей в марте 2003 г., состоялась 24 июня 2003 г. в рамках конференции «Санкт-Петербург и мировая наука» и III Всероссийской конференции по науковедению и организации науки в период реформ. Малый конференц-зал СПбНЦ РАН был забит полностью. В обсуждении участвовали ученые из разных научных учреждений и высших учебных заведений Санкт-Петербурга, Москвы, Воронежа, Новосибирска. Во вступительном слове я рассказал о том, как родилась идея этой книги, как шло формирование авторского коллектива и насколько удалось международному коллективу реализовать первоначальные планы. Все выступившие в обсуждении (Ю. А. Виноградов, И. С. Дмитриев, Б. И. Иванов, Ю. И. Кривонос, Б. И. Козлов, В. П. Леонов, Е. Э. Мирская, Э. А. Тропш и др.) отметили оригинальный характер книги, ее фундаментальность и энциклопедичность, выразив уверенность, что она станет отправной точкой для многих будущих историко-сравнительных исследований. В качестве пожелания Э. А. Тропш предложил в дальнейших изданиях книги обратить больше внимания на роль маккартизма в развитии науки США, а также предусмотреть более жесткую интеграцию зарубежных авторов в историко-научные традиции отечественных исследований, что усилит монографический характер обсуждаемого труда, подзаголовков которого все-таки не случайно сейчас осторожно звучит: «Историко-сравнительные очерки».

Вскоре на книгу вышло около 10 положительных рецензий в разных странах. Ее пропагандистом стал известный политолог и социолог науки профессор Южного федерального университета Виктор Павлович Макаренко, с которым, как я уже говорил, у меня на этой почве установились прочные научные контакты. Несколько раз он приглашал меня в Ростов, где я выступал с докладами и лекциями, в том числе на его ежегодной школе по научной политике. В течение нескольких лет мне приходилось не раз выступать с докладами и лекциями на эту тему в разных престижных аудиториях, в том числе и за рубежом, у меня брали интервью для журналов и газет, приглашали на телевидение. В 2005–2009 гг. я часто читал краткий цикл лекций на эту тему на курсах переподготовки профессорско-преподавательского состава к экзамену по истории и философии науки на философском факультете и в Гуманитарном институте СПбГУ и, как правило, встречал доброжелательный прием.

Особенно заинтересовались этой книгой в Китае, где в 2003–2011 г. я не раз бывал в длительных командировках, читая курсы лекций по истории науки в Университете Циньхуа и выступая с докладами в университетах Нанкина, Шанхая, Чанши, Сианя и в Институте истории естествознания Академии наук КНР. Под влиянием обсуждения книги с китайскими коллегами я заинтересовался итогами реформ в послесоветской науке и вместе с Надеждой Алексеевной Ащеуловой подготовил несколько презентаций и публикаций на эту тему.

Вместе с тем не все готовы были принять выводы историко-сравнительного исследования. Это показал мой доклад в рамках ежегодных встреч лауреатов Нобелевской премии и премии «Глобальная энергия» в марте 2005 г. Среди докладчиков конференции «Наука и общество» не было представителей гуманитарных и общественных наук. Видимо, выдающиеся физики, математики, биологи и экономисты знали, как строить отношения с властью и обществом. По совету Н. А. Ащеуловой,

которая помогала мне готовить первую в моей жизни презентацию, я вначале кратко остановился на кризисе современной российской науки. Готовя этот раздел, я с удивлением обнаружил, что у нас нет достоверных данных о том, каково ее современное состояние. Даже, казалось бы, базовые цифры о числе ученых, уехавших за границу, или объемах финансирования различались на порядок.

Выступать мне довелось последним, когда регламент был исчерпан и приглашенные томились в предвкушении вечера в Доме ученых на Дворцовой набережной. Передо мной выступал вице-президент РАН А. Д. Некипелов, который не уложился в регламент, но которого председательствующий не осмелился прервать. Чуть раньше на зал большое впечатление произвел яркий доклад академика-секретаря Отделения экономики РАН Д. С. Львова. В чем-то тематика наших докладов пересекалась, но были существенные различия в данных и оценках. Он говорил, что беды России не столько в «дураках» и «дорогах», сколько в «дураках на дорогах», к которым он однозначно причислял представителей властей и бизнеса. Для него выход из современного кризиса был прост: надо слушаться академиков-экономистов и дать ученым столько денег, сколько они просят, не докучая вопросами, на что они потрачены. Предшествующие поколения ученых с лихвой оплатили затраты на науку на несколько столетий вперед, а посему власть должна кормить ученых, даже если их ценность сегодня не так уж велика. Подобные взгляды импонировали многим в аудитории Большого-конференц зала СПбНЦ, набитого битком.

Мои суждения о выходе из кризисного состояния отечественной науки путем конструктивного диалога с властями были приняты, видимо, не всеми. Из-за недостатка времени дискуссии не было, но один из наиболее активных и талантливых представителей академического корпуса в Санкт-Петербурге А. М. Финкельштейн сказал в кулуарах сразу после доклада: «Ну, Эдик, ты одним докладом все академии наук мира обеср...». Позднее он взял у меня большое интервью «Академия наук — прошлое, настоящее и будущее» для телеканала «ВОТ» Санкт-Петербургского телевидения, и недоразумения, я думаю, были рассеяны. Несколько обескуражило и высказанное мне в кулуарах пожелание другого ведущего представителя академического сообщества в Санкт-Петербурге: «Эдуард Израилевич, вы, пожалуйста, нам про историю рассказывайте, а с современными проблемами мы сами разберемся». 2013-й год показал, как они разобрались.

В то время я полагал, что власть еще способна на конструктивный диалог с академическим сообществом, но идея компромисса многим его членам казалась кощунственной, вызывая подчас острую идиосинкразию. Они уверяли, что советская модель организации науки совершенна, что допустимы лишь косметические вмешательства типа укрупнения отделений и переименования некоторых из них в секции, а всякие проекты ее реформы — это происки врагов, жаждущих завладеть академическим имуществом. Наиболее непримиримые призывали стоять насмерть, как панфиловцы под Москвой, сражаясь за каждый квадратный метр академических зданий и занятых территорий, а при отступлении — цепляться за каждый бугорок и окапываться в каждой ложбинке. Они не хотели ничего слышать об исторических прецедентах, когда академии закрывали, а самих академиков отправляли на эшафот.

Эту позицию можно было понять, так как с 1991 г. правительство инициировало различного рода реформы науки и образования, после которых становилось

только хуже и страна стремительно теряла прежние позиции в мировой науке, откатываясь в разряд аутсайдеров. Тем не менее диалог был необходим, так как российская наука, внедренная в России железною волею Петра Великого, всегда была, есть и в обозримом будущем останется делом государевым, которое всегда практиковало политику кнута и пряника по отношению к ученым. Это особенно ярко проявилось во времена сталинской тирании, о которых ностальгировали наиболее убежденные противники реформ РАН, забыв, что тогда были уничтожены десятки научных направлений, а их несговорчивые лидеры, да и не только они, были арестованы, расстреляны или отправлены в лагеря и тюрьмы. Избрав сталинизм как образец научной политики, академическая элита потеряла поддержку со стороны и наиболее активных неправительственных сил в обществе.

И на этот раз итог противостояния оказался предрешенным. Прежняя РАН была ликвидирована. Несколько раз в газетах выступал и я. Безрезультатным было мощное протестное движение, так как на постсоветском пространстве власть, видимо, признает только один аргумент — «коктейли Молотова» и крик из США, где хранятся деньги ее представителей.

Ученые быстро ушли с площадей и конференций. Иссяк и поток гневных публикаций в немногих средствах массовой информации, поддержавших позицию большинства академического сообщества. Опять повторилась известная ситуация, по поводу которой негодовала еще мадам Л. Ж. де Сталь. Оценив силу и твердость правительства, лидеры академического сообщества дали обет послушания, надеясь, что власть позволит им дальше предаваться своим трудам в мире и спокойствии, погружившись в поиск законов природы и общества. Творческие люди остались верны своему призванию, понимая преходящее значение всех форм и событий политической жизни. Насколько оправданны их надежды, покажет ближайшее будущее.

Как в незабвенном 1948 г., власть решила, что может напрямую управлять наукой и судить, какая наука ей нужна, а какая нет. А уж здесь необозримое поле действия всяким откровенным проходимцам и шарлатанам. Вскоре во главе академических организаций встанут чиновники, главная задача которых выполнять приказы вышестоящего начальника. А наука без свободы существовать не может. Свободу же могут дать только множественные источники финансирования и свободная конкуренция. А вот этого-то в стране и нет.

В то же время чиновникам, прельстившимся славой Герострата, не следовало бы бить в литавры. Следует помнить приведенное ранее четверостишие А. М. Уголева о традициях, которое прямо относится и к нынешним «реформам» РАН. Изнасилованная российская наука отомстит так, что невзгоды реформаторов — казнокрадов российской армии покажутся детскими игрушками и главному инициатору нынешних реформ науки. Так было во всех странах, где власть не желала прислушаться к голосу научного сообщества, априорно зная, какая ему нужна наука и в каких организационных формах она будет развиваться. Кто забыл об этом, пусть вспомнит судьбу поверженной в 1945 г. Германии.

Приоритетным направлением исследовательской деятельности ЛО ИИЕТ всегда была история Академии наук, над которой трудились уважаемые в нашем коллективе ученые с мировым именем. Оптимальным был состав сектора Академии наук, возглавляемый А. В. Кольцовым, а затем Г. И. Смагиной. В 1995–2005 гг. мастерство старшего поколения — Ю. Х. Копелевич, Н. И. Невской, Е. П. Ожиговой и Н. Г. Суховой хорошо сочеталось с опытом следующего поколения — М. Ф. Хартанович, И. В. Черказьяновой и Т. И. Юсуповой и с задором молодых и талантливых кандидатов наук Е. Ю. Басаргиной, А. Н. Дмитриева и А. Б. Кузнецовой. К 2010 г. состав сектора обновился практически полностью. Сейчас его возглавляет В. Г. Смирнов. В нем работают опытный архивист В. С. Соболев и молодые историки Д. Н. Копелев, Е. Г. Пивоваров и Т. Ю. Феклова.

Вместе с тем пришлось активно участвовать в жизнедеятельности этого подразделения, где накопилось немало трудностей объективного и субъективного характера. На передний план выдвинулась задача анализа истории Академии наук в широком социально-культурном контексте с особым акцентом на исследование ее роли в укреплении и развитии российской государственности, в организации науки и образования, в развитии современной культуры, в познании природных ресурсов России и в создании отечественной промышленности и т. д. Особое значение приобрели проблемы институционализации академической науки, ее взаимоотношения с государством, властью и обществом. При этом важно было уйти от мифологии советского периода с ее стремлением изображать только положительное в истории Академии наук, особенно в 1920–1960-х гг., и в то же время избежать тенденции очернительства, ставшего характерным для многих постперестроечных трудов, претендующих дать новый взгляд на историю науки. В этом отношении характерен разговор с А. В. Кольцовым. Блестящий знаток истории АН СССР был явно растерян, спрашивая: «А как же теперь писать историю Академии наук? Раньше писали, что были только блестящие достижения и успехи. Теперь же уверяют, что все было плохо. Но ведь это тоже не верно?» Я ответил: «Пишите правду». На что он задал мне сакраментальный вопрос евангелистского звучания: «А что такое правда?» Я постарался ответить в том же духе: «Правда то, что вы считаете правдой как ученый, забыв, что вы гражданин, или, точнее, верноподданный».

Немалая трудность в исследовательской работе была связана с тем, что в течение ряда лет книги не печатались, а завершенные ранее плановые темы порой требовали существенной доработки, чего было нелегко добиться, так как никто не хотел шлифовать труд, который вряд ли будет напечатан. В преодолении этого настроения помог директор ИИЕТ РАН В. М. Орёл, выделивший деньги на публикации монографий А. В. Кольцова и Г. И. Смагиной. Особенно следует отметить усилия Н. И. Невской,

которая с максимальной эффективностью использовала возможность по грантам издать горы накопленных ею до этого рукописей, прежде всего «Источники по истории астрономии России XVIII в.», «Неопубликованные материалы Л. Эйлера по теории чисел» и книгу Л. Эйлера «Письма к немецкой принцессе о разных физических и философских материях». Аспирантка Н. И. Невской А. Б. Кузнецова в короткий срок стала ученым с мировым именем, участвовала в ряде престижных проектов: в издании трудов Л. Эйлера и И. Кеплера. В этих проектах активно принимала участие выдающийся историк математики Галина Павловна Матвиевская, окончившая в 1950-х гг. аспирантуру ЛО ИИЕТ и ставшая действительным членом Академии наук Узбекистана. Она несла на себе печать энтузиастов первых лет ЛО ИИЕТ и приезжала изда-дека в Санкт-Петербург помогать Н. И. Невской готовить к изданию труды, начатые ее подругой Е. П. Ожиговой. Без нее многие книги не увидели бы свет.

Нельзя переоценить инициативу директора Санкт-Петербургского отделения издательства «Наука» Сергея Васильевича Вальчука, который обратился ко мне с предложением издать ряд книг, посвященных 275-летию со дня основания РАН. Всего к этому юбилею мы издали 12 монографий и 9 сборников, базирующихся на уникальных и разнообразных архивных источниках. К такого рода работам относится книга «Во главе первенствующего ученого сословия России. Очерки жизни и деятельности президентов Императорской Санкт-Петербургской академии наук. 1725–1917 гг.», ставшая первой в отечественной истории науки попыткой обобщить архивный материал о деятельности всех руководителей отечественной Академии наук в дореволюционный период. Данное обстоятельство повысило ценность очерков, отмеченных положительными обзорами в ведущих журналах, включая «ISIS». Когда начался проект «Информационные материалы Архива РАН по научному наследию и истории РАН на портале президиума», именно эта книга стала основой для подготовки первых материалов «Президенты Академии наук». Видимо, первый блин не оказался комом. Печатный вариант был издан в телячьей коже в качестве обложки и стал одним из основных подарков РАН для иностранных ученых. Однако в силу ряда обстоятельств я посчитал невозможным участвовать далее в подобных проектах.

Еще в начале 1980-х гг. Ю. Х. Копелевич и Т. А. Лукина совместно с историками науки из ГДР Р. Б. Ланге и И. Рихтером подготовили коллективную монографию «Советско-германские научные связи времен Веймарской республики», в которой на основе немецких и отечественных архивов анализировалось взаимодействие науки, государства и общества в двух странах накануне прихода к власти Гитлера в Германии и укрепления сталинского режима в СССР. В свое время ее не напечатали, а десять лет спустя она требовала существенной переработки. К середине 1990-х гг. кого-то из авторов рукописи уже не было в живых, кто-то не хотел в нее вносить существенные изменения, и только Ю. Х. Копелевич мне удалось уговорить вернуться к ней при условии, что окажу содействие в ее переработке, сокращении и редактировании. Для этого пришлось модернизировать методологию исследования и убрать идеологические оценки, особенно в разделах, подготовленных немецкими коллегами. Во время этой работы меня познакомили с Александром Николаевичем Дмитриевым, молодым выпускником Европейского университета, блестящим исследователем и на редкость покладистым коллегой. Впоследствии он более десяти лет работал в Филиале, и написанные им главы были украшением многих коллективных монографий.

Вскоре пришлось более плотно включаться в разработку академической проблематики. Накануне празднования юбилея РАН выяснилось, что созданный 8 февраля 1819 г. Санкт-Петербургский университет также готовится к юбилейным торжествам, постарев на 85 лет со времени последнего юбилея 1969 г. Тогда с размахом праздновали 150-летие со дня учреждения Александром Первым Императорского Санкт-Петербургского университета. Руководство РАН сохраняло олимпийское спокойствие в непоколебимой уверенности, что у них никто не отнимет право первородства как зачинателей российской науки, так как историческая правда на их стороне. Руководство СПбГУ шустило в правительственных коридорах и добилось от легкомысленного В. С. Черномырдина официального постановления о подготовке к празднованию 275-летия СПбГУ.

Абсурдность происходящего была понятна всем. Академический университет, созданный в рамках Академии художеств и наук, прекратил свое существование в 1767 г. В Академии наук до 1805 г. числилась гимназия, после закрытия которой 55 ее учащихся были переведены во вновь учрежденную Санкт-Петербургскую гимназию. Иная родословная у СПбГУ, ведущего начало от Учительской семинарии, открытой 13 декабря 1783 г. и никак не связанной с существовавшей тогда Академией наук и художеств. Эти даты хрестоматийны для историков науки и образования в России, и все попытки их иной интерпретации проваливались в предшествующие десятилетия. На этот раз нашлись бойкие историки, готовые все переписать и переоценить в соответствии с изменившейся конъюнктурой. Главным среди них был бывший профсоюзный активист и специалист по женскому вопросу в XIX в. Г. А. Тишкин. Вместе с Г. Л. Соболевым, специалистом по русской революции и Гражданской войне, вынужденным по разным причинам покинуть Ленинградское отделение Института истории АН СССР, а затем и исторический факультет СПбГУ, они сварганили красочно оформленную «Летопись Санкт-Петербургского университета», в которой без всяких оснований приписали к истории первого столичного университета без малого 95 лет, взяв их у Императорской академии наук.

По мере приближения юбилейных торжеств дискуссии на эту тему обострились. Титула старейшего университета России не хотел лишаться Московский университет, основанный в 1755 г. М. В. Ломоносовым, и в правительственных кругах искали выход из сложившейся ситуации, так как на государственном уровне праздновать столь сомнительный юбилей явно не хотелось. По этому вопросу не раз обращались к нам. Вердикт наших знатоков архивных материалов по истории Академии наук и высшего образования (Ю. Х. Копелевич, Н. И. Невской, Е. П. Ожиговой и даже Е. В. Соболевой — жены Г. Л. Соболева) был однозначен: никакой преемственности между академическим университетом и СПбГУ не было, кроме той, что оба были созданы в столице Российской империи. Это дало повод предложить нам на запрос сверху праздновать не 275-летие СПбГУ, а 275-летие университетского образования в России. Эта формулировка вошла в президентское поздравление и звучала во всех официальных выступлениях тех дней. Однако вскоре на пост президента заступил выпускник СПбГУ, и более распространенной стала дата 1724 г. со дня основания СПбГУ, от которой со сменой правящих кланов в России, конечно, откажутся. Уверен, кому-то из историков, доживших до этой смены, придется еще раз пересмотреть свои взгляды. Ну что ж, как говаривал Михаил Жванецкий, в России наиболее принципиальным является тот, кто по одному и тому же вопросу

придерживается двух противоположных точек зрения, и чем чаще он их меняет, тем более принципиальным его считают.

В дни подготовки к юбилею удалось решить застарелую проблему с публикацией «Летописи РАН», работа над которой шла с конца 1980-х гг. Работа, начатая задолго до того, как я стал директором Филиала, действительно была оригинальна по замыслу и исполнению. Над ней почти два десятилетия трудились общепризнанные в мире специалисты в области истории отечественной науки. Этот коллектив, возглавлявшийся до 2000 г. А. В. Кольцовым, на обширном массиве архивных данных, большая часть которых долгие годы оставалась неизвестной, и печатных источников в хронологической последовательности освещал повседневную научно-исследовательскую и организационную деятельность академического сообщества. Такая форма изложения позволяла представить деятельность Академии наук во всем ее разнообразии, т. е. не только выдающиеся достижения науки, но и детали, из которых складывался труд ученых и их личностные отношения. В книге была продемонстрирована вся сложность взаимоотношений науки и власти.

Благодаря поддержке Александра Александровича Фурсенко нам удалось добиться согласия президента Ю. С. Осипова быть главным редактором «Летописи Академии наук» за 1724–1934 гг., что облегчило ее включение в издательские планы «Науки». Ответственными редакторами «Летописи РАН» стали Н. И. Невская (т. 1), М. Ф. Харганович (т. 2 и 3), Э. И. Колчинский и Г. И. Смагина (т. 4). «Летопись РАН» стала лауреатом конкурса «Лучшие книги года» по гуманитарным наукам за 2008 г. Для успеха этого издания много сделали сотрудники издательства «Наука», возглавляемого С. В. Вальчуком, с которым у меня к тому времени сложились прекрасные дружеские отношения. Он был надежным партнером и интересным собеседником.

Ввиду значимости этой работы мне приходилось уделять ей много внимания, помогая по мере сил и возможностей ее исполнителям советами и материальными средствами. Но включиться в повседневную работу пришлось лишь при подготовке 4-го тома, которой вначале руководил А. В. Кольцов, но после его смерти работа велась в основном И. В. Черказьяновой и Т. В. Чумаковой. Будучи высококвалифицированными и добросовестными историками, они были далеки от проблематики этого противоречивого периода в истории Академии наук и не знали всех нюансов ее взаимоотношений с властью и обществом после 1917 г. Необходимо было показать крупные институциональные, кадровые и социально-организационные изменения в Академии наук, превратившие ее из «осколка Российской империи» в учреждение социалистического типа. Для реконструкции объективной картины было недостаточно документов, отложившихся в Архиве РАН. Необходимо было использовать: нормативные государственные и партийные документы, касающиеся РАН; периодические издания внеакадемических ведомств, освещающих ее деятельность; различного рода дневники и материалы; опубликованные ранее документы; а также надежные историко-научные исследования, дифференцируя при этом приводимые в них данные на достоверные и фальсифицированные в угоду политической конъюнктуры.

Между тем составители включили в первоначальный вариант рукописи много данных из «Материалов к истории Академии наук СССР за советские годы (1917–1947)», которые вышли в 1950 г. под редакцией С. И. Вавилова. Книга, представлявшая, по сути, первый опыт хронологической летописи Академии наук СССР, имела массу недостатков, обусловленных непрерывными идеологическими кампаниями,

развернутыми в эти годы в области биологии, физики, химии и других наук. Из нее выпали имена и достижения известных, но репрессированных ученых, а на передний план выдвигались второстепенные фигуры, не имевшие зачастую никакого отношения к Академии наук, а иногда и к самой науке. Превозносились разного рода достижения «ученых» типа Т. Д. Лысенко, провозглашенных по инициативе И. В. Сталина корифеями мировой науки. Из предложенной мной дилеммы: или коренным образом переработать советский период, или отказаться от публикации 4-го тома, завершив летопись концом XIX в., составители выбрали первое. Пришлось включиться в эту работу, дополняя и существенно перерабатывая разделы, посвященные 1917–1927 гг., которые я анализировал в книге «Наука и кризисы». Большую помощь при этом мне оказал Юрий Абрамович Виноградов, блестящий знаток академических архивов. Мне пришлось писать предисловие к этому тому, который в конечном счете вышел с задержкой в полтора года.

По предложению В. М. Орла в первом номере журнала «ВИЕТ» за 1999 г., посвященном 275-летию юбилею РАН, были напечатаны выдержки из «Летописи РАН», касающиеся наиболее важных событий первых десятилетий ее деятельности. По какой-то причине авторы от дат основания АН по старому стилю отняли 11 дней. В то время готовился указ об объявлении 8 февраля Днем науки, так как в этот день по новому стилю Петр I издал указ «Об учреждении Академии». Однако, полагаясь на авторитет авторов публикации Ю. Х. Копелевич и Н. И. Невской, ИИЕТ РАН попросил в проекте указа исправить дату с 8 февраля на 28 января. Трудно сказать, насколько просьба была бы учтена, но письмо отозвали, и указ вышел с правильной датой. В те дни мы с трудом приучали читателя к правильному названию Академии наук в XVIII в.: Императорская академия художеств и наук, а не Петербургская академия наук, как это было принято в советские годы.

В том же номере «ВИЕТ», как я уже говорил, была напечатана моя статья «Академическая наука в Санкт-Петербурге и мировая наука». В разгар весенней сессии СПбГУ мне позвонил В. М. Орёл и сказал, что меня разыскивает главный ученый секретарь РАН Н. А. Платэ. Я был удивлен, так как не был с ним знаком, и после некоторого колебания позвонил по указанному телефону. Николай Альфредович, в отличие от своего помощника, как мне сказали, бывшего генерал-лейтенанта КГБ, был мил и передал просьбу Ю. С. Осипова срочно приехать в Москву, так как возникли какие-то трудности при подготовке его доклада. Вначале я категорически отказался: мол, на следующий день у меня зачет на геологическом факультете, где я половину курса накануне отправил на пересдачу. Кроме того, в Филиале нет денег на командировку. Последнюю проблему мне обещали решить, что, как впоследствии выяснилось, не так просто в системе, живущей по плану. Но Платэ был настойчив, и я вынужденно согласился, попросив Т. И. Юсупову поставить зачет нерадивым студентам, к их неопишуемой радости.

Ознакомившись с уже подготовленным вариантом доклада, я не мог понять, чем же могу быть полезен. Потребовалась продолжительная встреча с Ю. С. Осиповым, чтобы выяснить, что его не устраивает в исторической части доклада и каких доработок он ожидает. В конечный вариант речи, зачитанный на юбилейной сессии 3 июня 1999 г., вошло немного моих исторических дополнений, тем не менее Ю. С. Осипов при ее публикации наряду с другими выразил мне благодарность за помощь в ее подготовке. Такое уважительное отношение было приятно. Ранее, как и другим сотрудникам

Филиала, особенно А. В. Кольцову, мне приходилось участвовать в подготовке докладов и выступлений ответственных лиц. Никто из них не считал необходимым выразить благодарность даже тогда, когда весь текст от начала и до конца был написан нами. Подобные случаи я называю выступлением под псевдонимом, среди которых было немало славных имен. Получалось, как в песне «У меня было сорок фамилий».

Впоследствии у меня было несколько коротких встреч с Ю. С. Осиповым, на плечи которого выпала сложная задача сохранить Академию наук в условиях постоянных попыток ее упразднить. По моему убеждению, он был искренне предан академическим традициям, с уважением относился к коллегам независимо от занимаемых ими должностей и званий, был хорошо эрудирован в разных отраслях науки, в том числе и в истории науки, где отслеживал новейшую литературу. Его характеризовала подлинная интеллигентность в общении. Он не был прирожденным оратором, но его выступления на Общих собраниях РАН были аргументированными и убедительными, в том числе и в присутствии президента России В. В. Путина или премьер-министров В. С. Черномырдина и С. В. Степашина, когда он протестовал против ненормального положения РАН в системе Российского государства. Он отнюдь не был конформистом, как иногда утверждали, а был настойчив и даже эмоционален, защищая интересы академического сообщества.

22–24 сентября 1999 г. в Большом конференц-зале СПБНЦ РАН состоялось расширенное выездное заседание Президиума РАН, посвященное ее 275-летию. На нем присутствовали более 400 человек. Заседание открыл президент РАН академик Ю. С. Осипов, с докладами выступили: академик Ж. И. Алфёров («Академия наук в Петербурге — Ленинграде»), Э. П. Карпеев («Потомство о нем судит. Оно не лицемерит») и мы с А. В. Кольцовым («Академия наук в годы Гражданской войны»). Первоначальный текст доклада подготовил А. В. Кольцов, который в целом принял мои дополнения и даже согласился с довольно сильной модификацией идейного содержания. Накануне доклада Э. А. Тропш сказал: «Эдуард Израилевич, доклад ни в коем случае не должен быть более 25 минут. Любую глупость, сказанную в первые 24 минуты, вам простят, самый умный доклад в 26 минут вам не простят никогда». Я и сам знал, сколь непредсказуемо поведение российского академического сообщества, бурно реагирующее на все им не интересное или противоречащее их «кочке» зрения. Ситуация осложнялась тем, что выступать надо было после Ж. И. Алфёрова, с ораторским искусством которого конкурировать было невозможно. Тем не менее члены Президиума во главе с Ю. С. Осиповым, а за ними весь зал слушали внимательно. Осипов не только положительно откомментировал доклад, но и, взяв из него высказывание С. Ф. Ольденбурга о том, что необходимо помнить членов РАН, умиравших на научном посту в голодающем Петрограде, предложил минутой молчания почтить всех отдавших жизнь за науку в годы Гражданской войны.

После доклада и во время вечернего приема, проходившего в банкетном зале ресторана «Академия», ко мне многие подходили, выражая признательность. Правда, реакция некоторых меня удивила. Уже упоминавшийся мной помощник Н. А. Платэ сказал, изрядно приняв на грудь: «А я знаю, что вы хотели сказать своим докладом. Вы сказали сидящим в зале, вот ваши предшественники жизнь отдали, чтобы сохранить Академию наук, а вы ничего не делаете для ее спасения». На мой недоуменный вопрос, с чего он это взял, бывший генерал-лейтенант КГБ прищурился и ответил: «А нас не зря учили понимать вас». В. А. Рычков попенял мне за то, что

в организуемые Филиалом мероприятия я не привлекаю возглавляемое им ведомство по науке в правительстве Петербурга. Я вынужден был ему напомнить, что как только он приступил к исполнению своих обязанностей, я собирался поговорить с ним о мероприятиях по приближающемуся юбилею РАН, но получил ответ, что первоочередными для него являются юбилеи А. С. Пушкина и Русского музея. Столь же неудачной для меня ранее оказалась попытка найти финансовую поддержку у первого вице-губернатора Санкт-Петербурга И. Ю. Артемьева, которого я пригласил на беседу в свой кабинет, после того как он и другие члены «Яблока» проводили неформальную встречу с СПБСУ в нашем зале заседаний. Артемьев объяснил мне, что суммы на науку в бюджете Санкт-Петербурга столь мизерны, что губернатор В. А. Яковлев распределяет их собственноручно.

Во время фуршета В. М. Орёл познакомил меня с вице-президентом РАН академиком В. Н. Кудрявцевым, который курировал ИИЕТ. Он предупредил, что планирует на следующий день посетить Филиал, не сказав, правда, о цели визита. Оказалось, что его в основном интересовали наши планы, которые он просмотрел внимательно и придирчиво, сделав ряд замечаний о том, что не все темы укладываются в основные направления ИИЕТ. Хотя замечания были верные, я возражал, так как привык к тому, что наши планы утверждались автоматически. Кроме того, я считал, что нельзя научный поиск исследователей, которым к тому же платили грошовую зарплату, втискивать в прокрустово ложе утвержденных направлений. Во время разговора меня поддержали В. М. Орёл и Ю. А. Петросян, и план остался без изменения. Я так и не понял, была ли это запланированная проверка или спонтанное решение, принятое Кудрявцевым после моего доклада. В целом разговор был полезным, позволив взглянуть на нашу деятельность как бы со стороны. Кудрявцев, бесспорно, был умный человек и опытный администратор.

В дальнейшем я более внимательно относился к плановым темам, предлагаемым сотрудниками нашего Филиала, призывая их не слишком далеко уходить от очерченного Уставом исследовательского поля. Однако это было нелегко. Наука — это творчество, а по приказу творить нельзя. К тому же в условиях хронического недофинансирования сотрудники прежде всего тяготели к темам, под которые могли получить гранты, а их формулировки не всегда звучали как историко-научные.

Одним из продолжений моего обращения к проблемам академологии стало участие в коллективной монографии «Наука Санкт-Петербурга и морская мощь России». Ее инициатором был профессор А. А. Родионов из Санкт-Петербургского отделения Секции прикладных проблем при Президиуме РАН, а председателем редколлегии был Ж. И. Алфёров. Большой объем редакционной работы выполнил заведующий отделом научной литературы издательства «Наука» Ратмир Николаевич Беркутов. В первом томе этой книги на основе ранее недоступных материалов были проанализированы различные аспекты взаимодействия науки и военно-промышленного комплекса в СССР, в том числе вклад петербургских ученых, инженеров и моряков в его развитие. Особое внимание было уделено роли РАН в создании флота и укреплении Российского государства. Этот раздел готовился под моим руководством В. Г. Смирновым, М. Ф. Хартанович и другими сотрудниками филиала, и лично мной была написана большая статья «Академическая наука на службе Отечеству и мировой культуре».

В результате в наш Филиал стали обращаться за отзывами на работы по истории военно-морской науки и образования. Осенью 2000 г. попросили дать внешний

отзыв на книгу «Военно-морское образование в России», подготовленную в Военно-морской академии им. Н. Г. Кузнецова. Рукопись была сыровата, но сроки поджимали. Презентация книги была приурочена к предстоящим в Академии штабным учениям, на которых должен был присутствовать главком ВМФ В. И. Куроедов. Мое выступление на презентации ему понравилось, и он попросил меня и моих коллег активнее участвовать в исследованиях по истории морского флота. После его скорого отъезда с презентации, которая проходила в огромном фуршетном зале с участием нескольких сотен адмиралов и высших морских офицеров, я вдруг оказался в обстановке подчеркнутого уважения со стороны руководства Академии, почитавшего, вероятно, что я способствовал тому, что главком отбыл в хорошем настроении.

Через год с небольшим праздновался 175-летний юбилей Военно-морской академии, руководство которой обратилось ко мне с просьбой выступить на пленарном заседании с докладом о ее взаимодействии с Академией наук. Попытки отказаться не увенчались успехом. Повестка дня была согласована с главкомом ВМФ, и возражать в чем-то они не были приучены. Пожалуй, я оказался чуть ли не единственным гражданским в зале, к тому же сидящим в президиуме из шести человек — как минимум полных адмиралов. Дисциплинированные офицеры доклад, как положено, приняли вежливо, аплодировали дружно, а офицеры В. П. Кобзев и Н. В. Махров, курировавшие меня, а также С. В. Вальчук, Р. Н. Беркутов и другие уверяли, что доклад был замечательный и всем понравился. Но у меня возникло ощущение, что Куроедов на этот раз остался недоволен. После пленарного заседания был обед. Меня пригласили в зал, где был весь высший командный состав ВМФ, за исключением главкома, которого срочно вызвал для телефонного разговора президент России. Понимая, что все присутствующие высшие офицеры друг друга хорошо знают и придерживаются единых ценностей и взглядов, я с интересом вслушивался в их разговоры и наблюдал за поведением. Большая часть из них были озабочены практически теми же проблемами, которые мучили остальных россиян после дефолта. Я понимал, что нахожусь среди профессионалов высокого уровня, под командованием которых находится оружие, способное в считанные минуты уничтожить все человечество, и не мог понять, почему государство не может снять с них заботу о хлебе насущном. В целом я дал себе зарок — никогда не писать и не выступать по проблемам, которые не входят в круг моих главных научных интересов, а проблемы истории и Академии наук, и Военно-морской академии оставить специалистам.

Правда, не всегда удавалось следовать этому решению. Так, например, в 2007 г. исполнялось 300 лет со дня рождения Леонарда Эйлера, одного из самых выдающихся членов РАН за всю историю ее существования. До этого его юбилеи Академия наук праздновала торжественно и с размахом, но на этот раз дело не заладилось изначально. Все ждали правительственного постановления и соответствующих средств. Но они не пришли или прошли мимо СПбНЦ РАН. По просьбе Э. А. Троппа главную заботу по организации и проведению в мае 2007 г. международной конференции «Л. Эйлер и современная наука» пришлось взять Филиалу. К конференции был издан сборник материалов, предисловие к которому я написал вместе с Э. А. Троппом. Перед открытием конференции состоялся митинг у могилы Л. Эйлера в Александро-Невской лавре, на котором помимо меня выступили академик Г. Ф. Терещенко и крупнейший российский специалист по Л. Эйлеру

А. А. Михайлов. Для характеристики уровня образованности нашей пятой власти показательно интервью с журналистами ведущих петербургских газет. Оказывается, имя Эйлера им было совершенно неизвестно, и они не могли поверить, что его традиционно включают в число десяти самых великих математиков всех времен и народов. На торжественном заседании, состоявшемся в Большом конференц-зале СПбНЦ РАН, с приветственным словом выступили академик Ж. И. Алфёров, вице-губернатор Санкт-Петербурга С. Б. Тарасов, Генеральный консул Швейцарии в Санкт-Петербурге У. Штраузак, вице-консул Германии.

Недавно вновь пришлось участвовать в большом проекте, связанном с историей Академии наук, — подготовке нового, исправленного и дополненного Полного собрания сочинений М. В. Ломоносова (далее ПСС). Предыдущее ПСС готовилось сотрудниками Музея М. В. Ломоносова, входившего в состав ЛО ИИЕТ. С передачей Музея в Институт антропологии и этнографии им. Петра Великого исследования в области ломоносововедения сошли на нет, а Музей с 2009 г. стал Отделом истории науки и культуры XVIII в. Кроме Г. И. Смагиной, Ломоносовым у нас никто не занимался, и при формировании программы юбилейных мероприятий, посвященных 300-летию М. В. Ломоносова, наш Ученый совет категорически высказался против участия в планируемом новом издании ПСС, указав на отсутствие соответствующих специалистов. Аналогичную позицию заняла и Санкт-Петербургская комиссия по подготовке ломоносовского юбилея, возглавлявшаяся Г. Ф. Терещенко.

Тем не менее 19 июня 2007 г. вышло распоряжение Правительства РФ за № 951 по подготовке и проведению празднования 300-летия со дня рождения М. В. Ломоносова, в котором предусматривалась и подготовка нового ПСС, что и было поручено РАН. В свою очередь, Президиум РАН предложил заняться этим ИИЕТ, дирекция которого, несмотря на мои протесты, с этим согласилась. Вообще-то я не ставил под сомнение важность такого проекта. Со времени предыдущего издания прошло почти 50 лет, и оно давно стало библиографической редкостью. К тому же оно готовилось в другой стране и в другой исторической обстановке. Поэтому справочный материал, комментарии и используемая при их подготовке историко-научная литература устарели и зачастую справедливо воспринимались как курьезы. Много было ошибок при использовании зарубежной литературы XVI–XVIII вв., подлинники которой были недоступны для советских исследователей.

Однако, на мой взгляд, такую работу в Санкт-Петербурге было некому выполнять. С переводом Музея М. В. Ломоносова в Кунсткамеру преемственность поколений в области ломоносововедения, существовавшая в течение более чем двух веков, прервалась, и, за исключением Э. П. Карпеева, в России практически не осталось ни одного профессионального ломоносововеда. Не было и специалистов по латинскому научному языку XVIII в. и соответственно историков физики, химии и астрономии того периода. Творческое наследие М. В. Ломоносова не укладывалось в рамки естествознания, и для подготовки нового ПСС нужны были историки, экономисты, социологи, литературоведы, искусствоведы и т. д., занимающиеся XVIII веком и владеющие методологией и навыками современной истории науки. Таких в ИИЕТ также не было. Ну и, наконец, для выполнения грандиозной работы просто не было времени. Подготовка первого издания растянулась более чем на 30 лет и была завершена только в 1983 г. В аналогичные сроки издаются собрания классиков науки за рубежом. А здесь практически за три года надо было подготовить 10 томов общим объемом около 800 п. л.

Все это я изложил новому директору ИИЕТ А. В. Постникову, который в принципе со мной согласился, но уверял, что от поручения нельзя отказываться — в противном случае ИИЕТ окажется в тяжелом положении. По его просьбе мы с Э. П. Карпеевым, который вернулся в СПбФ ИИЕТ, составили записку. В ней излагались основные принципы подготовки издания и распределялись обязанности и тома между Москвой и Санкт-Петербургом, а также предполагаемые научно-организационные меры, которые были согласованы с Г. Ф. Терещенко, возглавлявшим в Санкт-Петербурге Комиссию по подготовке и празднованию юбилея Ломоносова. План и график предстоящей работы был согласован с основными предполагаемыми исполнителями на совещании у А. В. Постникова. В соответствии с ним сотрудники Филиала должны были подготовить первые два тома и написать большую вступительную статью к первым пяти томам ПСС, посвященным естественно-научному наследию Ломоносова. Была сформирована и редколлегия этих томов. Наряду с историками науки в нее вошли академики Д. А. Варшалович и Г. Ф. Терещенко, а титульное редактирование после некоторых колебаний взял на себя академик Ж. И. Алфёров. Редактором-составителем был назначен Э. П. Карпеев.

Понимая, что времени у нас в обрез, мы сразу же приступили к реализации программы, где основная тяжесть работы легла на Э. П. Карпеева, который обеспечивал преемственность двухвекового опыта подготовки и издания нескольких собраний сочинений М. В. Ломоносова. Важную роль в определении целей и задач нового издания, а также в подготовке вступительной статьи, сыграл Э. А. Тропп, который вместе с Э. П. Карпеевым составил большую вступительную статью, ставшую камертоном всего издания. Благодаря Карпееву в новое издание было включено все известное в настоящее время научное и эпистолярное наследие ученого и убраны из примечаний наиболее одиозные с естественнонаучной и исторической точки зрения места, несущие печать эпохи борьбы с космополитизмом. Подготовленные тексты были просмотрены и одобрены академиком Д. А. Варшаловичем. По предложению Э. П. Карпеева, в отличие от первого издания ПСС Ломоносова, работы, написанные на латинском языке, были собраны на отдельный компакт-диск, который был приложен к первым четырём томам. Вначале это ноу-хау вызывало резкое неприятие, но потом оказалось правильным. Проверку латинских текстов, помещенных на электронных носителях, провел А. Я. Тыжов, один из самых профессиональных знатоков латинского научного языка.

Однако в Москве возникли трудности с подготовкой выделенных им томов, и по просьбам-указаниям А. В. Постникова, а затем и В. П. Борисова, исполнявшего обязанности директора в первой половине 2010 г., Филиалу пришлось готовить ещё 3-й и 4-й тома, так как в ИИЕТ, как оказалось, не было специалистов по работам М. В. Ломоносова в области физики, химии и астрономии. Их, правда, не было и в Санкт-Петербурге.

В России, как известно, медленно запрягают, но быстро едут. При этом часто бывает так, что запрягают одни, а скакать галопом приходится другим. Так было и на этот раз. Завершение ПСС к юбилею М. В. Ломоносова выпало на долю нового директора ИИЕТ РАН Ю. М. Батурина, когда до юбилейных торжеств оставалось чуть более года, а все еще не были выполнены даже изначальные организационные мероприятия для всего издания. Не была сформирована и утверждена его редакционная коллегия. Практически не начиналась работа над половиной томов запланированного

издания. Не были согласованы общие принципы их подготовки. Отсутствовала единая концепция и методология издания и т. д., и т. п. Все эти вопросы пришлось решать в экстренном порядке, для чего Ю. М. Батуриным пригласил нас с Э. П. Карпеевым в Москву. В совещании участвовали также В. П. Борисов и С. С. Илизаров.

Нас попросили готовить еще 9-й и 10-й тома, связанные с научно-организационной деятельностью М. В. Ломоносова и его эпистолярным наследием, мотивируя это тем, что все архивные материалы находятся в Санкт-Петербурге. Это была правда, но за год до завершения издания на нас свалились еще два тома общим объемом более 200 п. л. Пришлось использовать административный ресурс, чтобы убедить часть сотрудников сектора истории Академии наук принять этот «подарок», который, однако, мы могли реализовать лишь в 2012 г. Ответственность за подготовку и редактирование этих томов взяли на себя В. Г. Смирнов и В. С. Соболев.

Таким образом, из десяти томов шесть пришлось готовить Филиалу. На нас с Карпеевым выпала также роль подготовки концепции издания и проекта постановления Научно-издательского совета РАН от 8 февраля 2011 г. Большую научно-организационную помощь при этом нам оказала дирекция ИИЕТ РАН в лице Ю. М. Батурина и В. П. Борисова, которые координировали работу по подготовке оставшихся четырех томов ПСС, три из которых готовились в других учреждениях РАН. Главным редактором всего издания стал президент РАН Ю. С. Осипов, а его заместителем — Н. П. Лавёров. В редколлегию всего издания вошли также академики Ж. И. Алфёров, Д. А. Варшалович, А. П. Деревянко, А. Д. Некипелов и др. Для реализации проекта в короткие сроки в Филиале была создана рабочая группа, в которой руководство повседневной работой осуществлял В. Г. Смирнов. После длительных переговоров с директором издательства «Наука» С. В. Вальчуком, проявившим искреннюю заинтересованность в издании, был согласован жесткий график сдачи в редакцию запланированных томов, редподготовки и выхода их в свет. В конце 2010 г. первые два тома были сданы в издательство, а в апреле была готова их корректура.

Во время ее прочтения я убедился, что комментарии, подготовленные более полувека назад, нуждаются в существенной переработке, хотя и были написаны блестящими специалистами (А. И. Андреев, Г. П. Блок, А. И. Доватур, Г. М. Коровин, Е. Б. Рысс и т. д.). За прошедшие полвека произошли существенные изменения и в ломоносоведении, и в исследованиях научной революции Нового времени. Многие проблемы, актуальные ранее (поиск предшественников, доказательства приоритета и т. д.), ныне потеряли значение. Преодолен был презентизм, когда труды того или иного ученого трактовали с позиций сегодняшних дискуссий, а не в рамках социально-культурного контекста и достижений науки его времени. Оценки творчества Ломоносова были сделаны в условиях пресловутой борьбы с космополитизмом и к настоящему времени выглядели архаичными. Произошли изменения в трактовке ряда трудов М. В. Ломоносова благодаря детальному изучению состояния естественных наук в XVIII в. и изменению наших взглядов на некоторые события отечественной истории. В силу этого неизбежными стали существенные дополнения, уточнения, исправления и сокращения в примечаниях. Требовалось радикально расширить круг источников и сведений, входящих в комментарии, удалить оценки, продиктованные политико-идеологической ситуацией 1950-х гг., обновить библиографию. В короткий срок мне с Игорем Сергеевичем Дмитриевым и Виктором Михайловичем Лоскутовым пришлось выполнить большой объем

работы по редактированию, коренной переработке и существенному дополнению комментариев к первым четырём томам, а в соавторстве с Э. П. Карпеевым подготовить новые вступительные статьи от редакторов к каждому тому. В этом нам самоотверженно помогали многие сотрудники Филиала: В. Г. Смирнов, С. И. Зенкевич, П. В. Ильин, В. М. Ломовицкая, С. В. Ретунская, И. Б. Соколова, Т. Ю. Феклова, Д. А. Щеглов и др., и особенно Марина Викторовна Лоскутова, проведшая большой объём работы по поиску электронных версий книг XVI–XVIII вв., на которые ссылался Ломоносов. В итоге было выяснено, что ряд книг, которые уже более 200 лет цитируются в литературе и которые вошли в главные энциклопедии мира, на самом деле никогда не существовали. В авральной ситуации работа велась столь интенсивно, что расхожей стала шутка, что некоторые сотрудницы спят только с М. В. Ломоносовым, т. к. сверяют корректуру по ночам.

В результате в крайне сжатые сроки были изданы первые четыре тома ПСС, представленные научной общественности на юбилейной конференции в Санкт-Петербургском научном центре РАН 17 ноября 2011 г. Огромный вклад в эту работу внесли сотрудники издательства «Наука», прежде всего Р. Н. Беркутов и Л. Н. Ларионова. Новое издание ПСС М. В. Ломоносова было хорошо встречено научной общественностью и удостоено национальной премии «Лучшие книги и издательства года» (2011 г.) и премии Ассоциации книгоиздателей «Лучшая книга года» (2012 г.).

И наконец, к академологии можно отнести работы по институционализации истории науки в Санкт-Петербурге, которые были стимулированы все тем же проектом Ю. А. Петросяна «Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга». В ней помимо совместной с Ю. А. Петросяном вступительной статьи мне довелось писать главу «История науки — история умножения человеческой мощи», посвящённую истории нашего Филиала и хранящихся в нём музейных коллекций, личных архивов и библиотек. При её подготовке большую помощь мне оказали С. В. Ретунская и Т. И. Юсупова. При этом выяснилось, что до сих пор нет сколько-нибудь удовлетворительных работ по истории науки в Санкт-Петербурге в целом и по нашему Филиалу в частности. И дело не только в известном правиле, что сапожник всегда без сапог, но и в трагических страницах истории нашей отрасли знаний. Институционализация истории науки в городе на Неве была связана прежде всего с именами историка А. С. Лаппо-Данилевского и биогеохимика В. И. Вернадского, взгляды которых долгое время служили объектом беспощадной критики со стороны ортодоксальных марксистов. Ещё трагичнее была судьба основателя и первого директора Института истории науки и техники АН СССР Н. И. Бухарина, расстрелянного в марте 1938 г. как одного из главных лидеров правотроцкистского блока. Репрессированы были и многие сотрудники бухаринского института.

Фактически только после краха СССР появилась потенциальная возможность исследовать трагическую историю российской науки в XX в., в том числе историографию истории отечественной науки, названной Ю. М. Батуриным историей науки в квадрате. Стремление разобраться в идейных предпосылках санкт-петербургской школы историков науки побудило меня активно поддерживать исследования в связи с 70-летием со дня основания ИИНиТ АН СССР. Это прежде всего работы А. Н. Дмитриева о развитии организационных форм деятельности сообщества историков науки и техники в СССР в 1930-х гг. и результатах научно-исследовательской работы ученых. Большим энтузиастом этих исследований был директор

ИИЕТ В.М. Орёл, который вместе с Г.И. Смагиной готовил сборник документов «Комиссия по истории знаний: 1921–1932. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук» (2003).

В связи с 50-летием со дня образования СПбФ ИИЕТ вышла книга «Санкт-Петербургский филиал института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова: 1953–2003». В ней на базе опубликованных трудов и личных воспоминаний я постарался рассмотреть развитие науки и техники в городе на Неве с учетом предшественников Филиала в Академии наук и его полувекковой истории. Была также приведена библиография изданий Филиала в первое 50-летие и краткие сведения о его современных сотрудниках. В ряде ведущих отечественных и зарубежных журналов были напечатаны мои статьи об основных этапах развития Филиала в социально-культурном контексте и главных итогах его деятельности. Этой дате было посвящено специальное заседание Президиума СПбНЦ РАН, которое состоялось в Большом конференц-зале Главного здания Академии наук в Петербурге 27 ноября 2003 г.

Заседание открыл академик Г. Ф. Терещенко. Была получена приветственная телеграмма от губернатора В. И. Матвиенко, а также поздравления от многих отечественных и зарубежных ученых и главы Василеостровской администрации. С приветствиями выступали академики С. Г. Инге-Вечтомов и А. А. Фурсенко, руководители многих научных и учебных заведений Санкт-Петербурга и Москвы. Ряду сотрудников СПбФ ИИЕТ РАН были вручены грамоты Президиума РАН и Президиума СПбНЦ РАН. В.М. Орёл был сторонником вести наше летоисчисление от бухаринского Института. Эта идея педалировалась во время юбилейных торжеств, так что, с легкой руки Э. А. Троппа, нас стали именовать «последними бухаринцами».

В рамках юбилейных мероприятий состоялась международная конференция «История науки и техники в Санкт-Петербурге». Заседание открыл В.М. Орёл, который наградил сотрудников почетными дипломами ИИЕТ. С докладами выступили Бао Оу (Китай), У. Хугенгольц (Нидерланды), В. П. Борисов, А. Н. Дмитриев, Т. В. Чумакова, З. К. Соколовская, Л. В. Чеснова (зачитала доклад Е. Б. Музрукова), А. Б. Георгиевский, М. Б. Конашев и др. В заключительной части конференции состоялся круглый стол, на котором своими воспоминаниями поделились Г. П. Матвиевская, С. А. Кугель, О. Д. Симоненко, К. В. Манойленко. Памятным стал товарищеский ужин, устроенный в уютном китайском ресторанчике на Среднем проспекте Васильевского острова. Здесь две «Кати» (Екатерина Юрьевна Басаргина и Екатерина Владимировна Калесник) подготовили великолепную остроумную программу в стиле капустников 1950–1960-х гг.

Тема истории Филиала продолжала разрабатываться и в последующее десятилетие. В основанной по моей инициативе серии «Материалы к биобиблиографии историков науки и техники» опубликованы выпуски, посвященные К. М. Завадскому, А. В. Кольцову, Ю. Х. Копелевич, Н. И. Невской, Е. П. Ожиговой. Выпуски «Деятели русской науки» и «Русская наука в биографических очерках», подготовленные Филиалом совместно с Институтом российской истории РАН, рассказывают о путях и судьбах выдающихся ученых, многих из которых еще недавно старались вычеркнуть из отечественной историографии. Две книги посвящены ведущим историкам: Академии наук — А. В. Кольцову и Российской академии — М. Ш. Файнштейну.

Новым стимулом к оживлению этих исследований стало решение Президиума РАН о юридической преемственности ИИНиТ и ИИЕТ РАН. По просьбе

В. М. Орла я подготовил большую статью в третьем номере «ВИЕТ» за 2013 г., посвященную 60-летию СПбФ ИИЕТ. В отличие от публикаций предыдущих лет, она была построена на архивном материале. Истории биологии в ИИНиТ и СПбФ АН СССР был посвящен третий выпуск «Историко-биологических исследований» за 2013 г., в котором впервые были приведены основные события из жизни его сотрудников, в том числе и репрессированных (М. Л. Левин, А. Э. Серебряков, Ю. Шаксель и др.). Юбилею посвящен также третий номер журнала «Социология науки и техники» за 2013 г.

На пленарном заседании ежегодной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета истории и философии, посвященном 60-летию юбилею Филиала, с приветствием от имени Ж. И. Алфёрова выступил главный секретарь Президиума СПбНЦ РАН Г. В. Двас, а заместитель президента РАН Ю. М. Батурич зачитал адрес Президиума РАН, подписанный президентом РАН В. Е. Фортовым. Были вручены почетные грамоты Президиумов РАН и СПбНЦ РАН. Прозвучали приветствия также от руководителей академических учреждений и общественных организаций, в том числе академика Н. В. Весёлкина, члена-корреспондента И. И. Елисеевой. Зачитано было более 30 приветствий от российских и зарубежных коллег из Великобритании, Китая, Германии, Франции, США и Японии. С докладами, посвященными истории науки в Санкт-Петербурге, выступили: академик-секретарь Отделения физиологии и фундаментальной медицины РАН Ю. В. Наточин, президент ВОГиС и заведующий кафедрой генетики и селекции СПбГУ академик С. Г. Инге-Вечтомов, директор БАН (В. П. Леонов совместно с Н. М. Баженовой), директор Кунсткамеры Ю. К. Чистов, директор Института восточных рукописей И. Ф. Попова, директор Зоологического института член-корреспондент О. Н. Пугачев (совместно с Н. В. Слепковой), директор СПбФ Архива РАН И. В. Тункина, заместитель директора Ботанического института РАН Д. В. Гельман. О прошлом, настоящем и будущем ИИНиТ РАН говорили в своих докладах В. М. Орёл (совместно с Г. И. Смагиной), я и Ю. М. Батурич. В заключение был показан замечательный фильм об истории СПбФ ИИЕТ РАН, подготовленный нашими московскими коллегами под руководством Д. Ю. Щербинина. Ими же был подготовлен роскошный буклет о СПбФ ИИЕТ с великолепными фотографиями Александра Марова. Праздничным настроением был пронизан и банкет.

К юбилею Филиала вышла моя книга «Историко-научное сообщество в Ленинграде — Санкт-Петербурге в 1950–2010 годы: люди, традиции, свершения», в которой я старался воссоздать дух и обстановку первых десятилетий существования нашего учреждения, воздав должное его основателям и последующим энтузиастам истории науки, создавшим бренд ЛО ИИЕТ и направлявшим его жизнь и деятельность в течение почти полувека. При этом я подчеркивал, что благодаря их подвижническому труду и вопреки всем идеологическим проработкам, политическому давлению и навязанным сверху реорганизациям петербургской школе историков науки удавалось оставаться неотъемлемой частью мировой науки, сохранять и приумножать традиции, заложенные предшествующими поколениями. В книге даны большой справочный материал о сотрудниках СПбФ ИИЕТ РАН за весь период его деятельности, списки монографий, периодических изданий и основных мероприятий, проведенных при активном участии его сотрудников.

БИОГРАФИИ И ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Следует сказать еще об одной работе, на которую я потратил много сил в последние 12 лет. Это энциклопедический словарь «Биология в Санкт-Петербурге» (2011). Истоки этого проекта коренятся все в тех же годах перестройки, когда приходилось браться за любую работу. Одной из них, как я уже говорил, стала подготовка статей для энциклопедического словаря «Три века Санкт-Петербурга. Осьмнадцатое столетие», которая после бурного старта в 1992 г. вдруг замерла. Затем к книге проявило интерес университетское начальство, в том числе деканат филологического факультета. Фактическим руководителем работ стал Владимир Яковлев, благодаря энергии которого в течение одного года была завершена работа по подготовке и редактированию тома и вышли две книги. В них участвовали более 200 авторов из разных учебных и научных учреждений. При этом соблюдался принцип наименьшего вмешательства в авторские тексты, что неизбежно привело к широкой полифонии статей в подаче материала, его расположении, стилистике, размерах, ранжируемых отнюдь не по значимости описываемых явлений, учреждений и деятелей прошлого, а по тому, сколько автор считал нужным написать. Поэтому данное издание, напоминающее скорее сборник статей на краеведческую тему, отличалось от привычных энциклопедий. Вместе с тем были и несомненные плюсы выбранной стратегии, позволившей сохранить личностный почерк в каждой статье и достаточно объемно представить спектр исследований Санкт-Петербурга XVIII в., выявить «петербургоцентричность» русской жизни в молодой Российской империи.

Успех издания окрылил руководителей проекта, и сразу же началась работа по подготовке книг, посвященных Петербургу XIX в. Их редактором стал также В. В. Яковлев, который пытался вовлечь меня в планируемое издание.

По его просьбе я рецензировал подготовленный словник и составил список статей о научных и образовательных учреждениях, а также список ученых, статьи о которых, на мой взгляд, обязательно должны были войти в планируемое издание. В то же время я отметил, что среди, по-видимому, уже заказанных статей, многие посвящены второстепенным и даже третьестепенным писателям, журналистам, артистам, прославленным в основном своими любовными похождениями, и т. д. По моему мнению, подобные статьи, конечно, были полезны для изображения панорамы петербургских интеллектуальных тусовок, но вряд ли что-то добавляли к знанию о Петербурге как одном из важнейших культурных и научных центров. Вызвали у меня возражения и статьи о проституции как профессии при отсутствии, например, соответствующих разделов о кузнецах, слесарях, извозчиках и т. д. Но предстоящие тома готовил энциклопедический отдел филологического факультета СПбГУ, и у его сотрудников было свое представление о том, что важно для читателя, а что имеет второстепенное значение.

История естествознания, с их точки зрения, была несущественна для отражения специфики Санкт-Петербурга. В результате в восьми книгах второго тома «Три века Санкт-Петербурга. Девятнадцатый век» (2008–2011), содержащего более 6 тысяч страниц, наука Петербурга была представлена неадекватно вкладу ученых Российской империи в мировую культуру. Не согласился я с тем, что в дальнейшем будет сохранена прежняя какофония стилей, языка, размеров статей, методов подачи материала, когда каждая статья скорее является самостоятельным исследованием, чем подводит некий итог в данной области знания. Поэтому я категорически отказался вести отдел по истории науки в этих книгах, ограничившись написанием двух или трех статей, хотя само издание считал и продолжаю считать полезным и по мере сил и возможностей помогал в его реализации, рекомендуя авторов. Насколько мне известно, не смог долго вести научный отдел крупный геолог, автор оригинальной книги по социальной истории Российской науки Сергей Иванович Романовский.

Аналогичная ситуация сложилась с книгой «Санкт-Петербург. Энциклопедия» (2004). Составленный по просьбе того же В. В. Яковлева список из 700 статей, на мой взгляд, абсолютно необходимых для отражения достижений петербургской науки, показался слишком большим для председателя редакционного совета А. Д. Марголиса. После разговора с ним я пришел к выводу о нецелесообразности участия в подготовке данной энциклопедии, в основу которой был положен энциклопедический справочник «Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград» (1992), несущий отпечаток советского времени.

При этом я несколько не сожалел о проделанной работе. Благодаря ей я смог лучше представить развитие науки в нашем городе и проникся убеждением, что мой долг донести это до широкой общественности.

Так родился проект энциклопедии «Научный Санкт-Петербург», получивший поддержку РФФИ и СПбНЦ РАН. Как мне тогда показалось, этой идее удалось заразить несколько десятков человек, вызвавшихся участвовать в реализации данного проекта. Его формальным руководителем стала доктор исторических наук М. Ф. Хартанович, взявшая на себя большинство административных обязанностей и курировавшая отдел гуманитарных наук. Вскоре выяснилось, что я был наивен в своих планах. Далеко не все кураторы тех направлений, выделенных по отраслям знаний, подошли ответственно к взятым обязательствам. То же можно сказать и о многих авторах, хотя мы выплачивали им гонорар.

В течение трех лет собрали и отредактировали около 4 тысяч статей. При этом выяснилось, что это только верхняя часть огромного айсберга. Причем в его невидимой части порою скрываются наиболее важные разработки, оставшиеся засекреченными по тем или иным соображениям. Для создания более или менее адекватной картины требовался не один, а серия энциклопедических справочников.

Первым среди них и стал энциклопедический словарь «Биология в Санкт-Петербурге», в подготовке которого огромную помощь оказала А. А. Федотова, взявшая на себя курирование работ по ботанике. Благодаря ей, а также А. К. Сытину развитие этой отрасли биологии в Санкт-Петербурге нашло наиболее удачное отражение в книге. Историю зоологии курировала другая моя ученица — Ю. А. Лайус; медицины и физиологии — директор Музея Института экспериментальной медицины Ю. П. Голиков. Все-го в подготовке словаря участвовали несколько десятков человек, каждый из которых, как правило, не ограничивался опубликованными сведениями, а старался использовать

архивные материалы. В итоге в жанре энциклопедии удалось дать максимальный объем информации о становлении и развитии биологии и связанных с ней отраслей за 300 лет существования одного из крупнейших центров мировой науки и образования.

Достаточно неожиданно я оказался втянут в работу над Большой российской энциклопедией, которая началась где-то в конце 1990-х гг. Как и кто руководил подготовкой первого тома, мне неизвестно. Знаю только, что к намеченному сроку первый вводный том «Россия», предисловие к которому написал Президент РФ В. В. Путин, был не готов. Почему-то в срыве сроков обвинили наш институт, хотя за работу отвечали другие академические структуры, которые по своему усмотрению привлекали сотрудников ИИЕТ, руководствуясь неведомыми критериями. Естественно, в таких ситуациях главное вовремя найти козла отпущения, как пел Владимир Высоцкий, и врезать ему «по рогам». Заведующая биологическим отделом БРЭ Р. А. Матвеева, с которой я до этого не был знаком, позвонила и в категорической форме потребовала, чтобы я немедленно включился в работу и переписал разделы об истории биологии России в большой статье «Наука и образование». При этом она добавила, что президент РАН Ю. С. Осипов якобы пригрозил, что если ИИЕТ в ближайшее время не обеспечит выход в свет первого тома, то будет ликвидирован. Так оно было или нет, вряд ли знала сама Матвеева. Но я ответил: если Осипов полагает, что закрытие Института ускорит подготовку тома, то пусть делает так, как считает нужным. Что касается меня, то я не работаю в авральном режиме; быстрота нужна только при ловле блох, и, кроме того, у меня масса других давно запланированных дел. И это была абсолютная правда. Я готовился к первой своей поездке в Китай. В ближайшие дни должны были назначить срок моей плановой операции на сердце, на которую в то время попасть было почти невозможно. Да к тому же надо было сдать огромное количество анализов в разных учреждениях города.

Не хотелось мне ввязываться в эту историю и потому, что текст, который требовали заменить, был подготовлен известным историком биологии, моим старшим коллегой, с которым мне не хотелось конфликтовать. Хотя Матвеева была права: текст получился скорее натурфилософским, чем историко-научным. Когда редколлегия БРЭ официально обратилась к дирекции ИИЕТ с просьбой подключить меня к работе, я вынужден был согласиться. После некоторых дополнений и исправлений, предложенных Матвеевой, текст, написанный мной, признали удовлетворительным. Вводный том вышел в срок, открыв дорогу остальным.

В дальнейшем ко мне не раз обращались с просьбами отрецензировать, а порой и переписать ту или иную статью по истории биологии, особенно связанные с эволюционной теорией, в том числе и важные для меня статьи о Ч. Дарвине, дарвинизме, естественном отборе и т. д.

Я убедился в профессионализме самой Матвеевой и ее коллег, осознав, как не просто готовить даже маленькую статью для энциклопедии. Постоянно находишь противоречивые данные в самых авторитетных зарубежных изданиях, включая американскую, немецкую и английскую энциклопедии. В конечном счете меня попросили предлагать авторов для статей и самому по возможности участвовать в их подготовке. Работа эта почетна и интересна, но я берусь за ту или иную статью, если полагаю, что смогу добавить что-то новое к известным фактам или дать их иную интерпретацию. Вместе со мной в написании этих статей участвовали многие мои сотрудники и коллеги из других учреждений Санкт-Петербурга.

СТРАСТИ ПО ДАРВИНУ

Эволюционная теория, и особенно пути создания эволюционного синтеза, в середине XX в. по-прежнему занимали главное место в моих научных наклонностях, хотя в первые перестроечные годы эта тематика отодвинулась явно на второй план по сравнению с социальными аспектами истории биологии, которые имели наибольший спрос как в нашей стране, так и за рубежом. На «ура» шли труды о науке и власти, репрессиях, социально-политических последствиях той или иной теории и т. д. В рыночных условиях не столько сама эволюционная теория, сколько ее социально-идеологическое значение волновало общество.

Этой теме была посвящена грандиозная выставка «Дарвин и дарвинизм», которую организовал Немецкий музей гигиены в Дрездене весной 1994 г. Инициаторами и исполнителями выставки была группа молодых биологов и историков во главе с Юргеном Риссом — учеником крупного немецкого палеонтолога-эволюциониста В.-Э. Райфа, о котором я скажу позднее. Сбором материалов по России занимался Вальтер Россманиг, который в проекте участвовал для того, чтобы, заработав деньги, вернуться к своей основной проблематике, связанной, насколько я помню, со средневековой Русью. Естественно, для него история дарвинизма в России сводилась прежде всего, к ее идеологическим последствиям — нигилизму, анархизму, коммунизму, ну и, конечно, к лысенкоизму. Работал он добросовестно и обратился ко мне с просьбой помочь ему с выделением ключевых моментов этой истории, а также с подбором литературы и экспонатов.

В течение нескольких месяцев я фактически был научным консультантом В. Россманига при подготовке экспозиции по России и статьи «Дарвинизм, коммунизм, лысенкоизм», опубликованной в каталоге выставки. Были, конечно, и другие консультанты, например генетик Леонид Зиновьевич Кайданов и архивист из ВИР Татьяна Кимовна Ласан. Меня Россманиг пригласил также выступить с пленарным докладом на конференции, приуроченной к этой выставке. К сожалению, пребывание в России оказалось трагическим для него: он тяжело заболел и скоропостижно скончался от инфаркта, хотя ему было меньше 30 лет. Тем не менее доклад о вкладе советских биологов в СТЭ состоялся. Это было мое первое большое выступление на английском языке, и вряд ли оно было воспринято аудиторией. Но Ю. Рисс, у которого был текст, остался доволен и заказал статью для сборника, планировавшегося к изданию по материалам конференции. Сборник, к сожалению, не вышел. Основные положения статьи были отражены в статье журнала «Природа и музеи» за 1997 г., и немецкоязычной аудитории историков эволюционной биологии стало ясно, что существует немало сюжетов из истории СТЭ, плохо освещенных в западной литературе. Вероятно, это в какой-то мере послужило толчком в интенсификации моего сотрудничества с немецкими историками биологии.

В том же году молекулярный биолог Х.-Й. Райнбергер, возглавивший Немецкое общество теории и истории биологии, пригласил меня выступить с докладом в Кобленце на годичной конференции, одно из заседаний которой посвятили 200-летию со дня смерти К. Ф. Вольфа. Порекомендовав Елену Борисовну Музрукову в качестве докладчика по этой тематике, я предложил рассказать о вкладе советских ученых в проблему эволюции биосферы. Доклад попал в число отобранных для публикации в ежегодном альманахе «Труды по истории и теории биологии».

В целом поездка оказалась полезной. Я давно знал Елену Борисовну Музрукову, дочь легендарного директора Уралмаша в годы войны и химкомбината «Маяк», но до тех пор не встречался с нею на конференциях. Озабоченная воспитанием трех дочерей, она практически не бывала в командировках. Главным источником моих суждений о ней были ее высокопрофессиональные книги по истории цитологии и школе Т. Моргана. Ученица Л. Я. Бляхера и А. Е. Гайсиновича, она была искренне увлечена историей науки. По моей просьбе она помогала мне собирать сведения о трудах московских историков биологии для Проблемного совета по эволюции биосферы АН СССР. Совместное пребывание в Кобленце, оказавшемся чудесным городом на берегу Рейна, сблизило нас, хотя и выявило ряд разногласий по методологии истории науки. Тем не менее в дальнейшем мы старались поддерживать друг друга, что было важно, так как она вскоре возглавила московских историков биологии, с которыми мы разработали программу кандидатского экзамена по истории биологии и подготовили два выпуска учебного пособия.

Во время пребывания в Кобленце особенно важным для меня оказалось личное знакомство с выдающимся немецким историком биологии, крупным организатором науки и музейного дела в ГДР Ильзой Ян. За ее плечами была непростая жизнь. Она пережила четыре политических системы, начиная с Веймарской республики и заканчивая объединенной Германией. Ее муж умер в советском плену в 1945 г., и она осталась одна с двухлетней дочерью, которую ей пришлось поднимать одной в разрушенной Германии. После войны она не раз сменила род занятий: была свободной художницей, зоологом, историком науки, музейным работником, теоретиком музейного дела. Но невзгоды не озлобили ее, а трудности закалили и сделали добрее. Ильзу Ян я узнал как исключительно доброжелательного, контактного человека. Ученица немецкого антрополога и эволюциониста Гердера Геберера, активно сотрудничавшего с национал-социалистами, и крупного немецкого историка Георга Ушманна, живущего в ГДР, Ильза Ян ко времени нашего знакомства была наиболее авторитетным историком биологии не только в немецкоязычном пространстве, но и во всем мире.

В ее научном наследии особое место занимает фундаментальная коллективная монография «История биологии» (1982), в которой впервые был дан комплексный анализ когнитивных, социально-культурных и институциональных аспектов развития биологического знания от древнейших времен до наших дней. В книге была воссоздана крупномасштабная панорама развития биологии не только в Западной Европе, но и в других цивилизациях. Первый вариант книги Ильза Ян готовила еще в ГДР с участием историков биологии из СССР, Чехословакии и Румынии. Ей удалось свести к минимуму воздействие марксистской идеологии, взяв из нее только то лучшее, что составляет базис современной социальной истории науки. Впоследствии эта книга была переведена на испанский язык и четырежды переиздавалась

на немецком языке, причем два раза в существенно переработанном виде. Ильза Ян выпустила также авторскую краткую историю биологии «Основы истории биологии» (1990), которая является образцом сжатого, но очень содержательного изложения глобальной истории зарождения и развития наук о жизни.

Ильза Ян активно участвовала в институционализации истории биологии в немецкоязычном пространстве, возглавляя в 1970-х гг. секцию «Биологические музеи ГДР», а с 1986 г. — секцию «История и теория биологии». С воссоединением Германии эту секцию объединили с рабочей группой историков биологии ФРГ, в которой одну из главных ролей играл Армин Гойс, крупный историк биологии и медицины с очень импозантной внешностью, напоминавшей Карла Маркса. С ним я также познакомился в Кобленце. В 1991 г. западногерманские и восточногерманские ассоциации историков биологии объединились, избрав первым председателем Ильзу Ян, которой помогали А. Гойс и Э. Краузе. Они, как Г.-Й. Райнбергер, сменивший Ян на посту председателя Немецкого общества теории и истории биологии, были ориентированы на сотрудничество между германскими и российскими историками биологии. Благодаря им оно не только не прервалось, как это произошло со многими историко-научными сообществами других стран Восточной Европы и бывших союзных республик после краха СССР, но, напротив, стало более тесным и разнообразным. Ян, ее ученики и коллеги много сделали для активного включения российских историков биологии в немецкоязычное пространство, добиваясь для них грантов на участие организуемых в Германии конференций и привлекая их к совместным проектам. С середины 1990-х гг. Ян участвовала практически во всех русско-немецких конференциях, ежегодно организуемых Франкеше Штифтунген в Галле.

Одним из непосредственных результатов знакомства с Ян стал международный проект «Дарвин и К°. История биологии в портретах». В двухтомник, опубликованный в 2000 г., вошел 51 биографический очерк, рассказывающий о жизненном и творческом пути выдающихся биологов XVIII и XIX вв. Из России в нем помимо меня участвовали также М. Д. Голубовский и Е. Б. Музрукова. В галерее биологов-эволюционистов разных стран достойное место заняли ученые из русскоязычного пространства (К. Ф. Вольф, П. С. Паллас, К. Э. фон Бэр, С. С. Четвериков, Н. И. Вавилов, Ф. Г. Добржанский, Е. А. и Н. В. Тимофеевы-Ресовские). Я написал биографию Н. И. Вавилова в основном по литературным источникам, но впоследствии постарался выяснить для себя некоторые ключевые моменты в его деятельности уже по архивным материалам. От авторов требовали представления материалов на немецком языке, что не позволило мне взять на себя подготовку очерков о других выдающихся российских эволюционистах, прежде всего об И. И. Шмальгаузене. Но в любом случае книга оказалась полезной, способствуя опровержению мифа о России как о вечной научной периферии Западной Европы. К сожалению, к этому мифу причастны и некоторые мои молодые коллеги, ориентировавшиеся на часть западного научного истеблишмента.

В 1997 г. ежегодная конференция историков биологии проходила в Тюбингене и была посвящена социально-политическим и этическим проблемам биологических наук. Ее главным организатором была Ева-Мария Энгельс, незадолго до этого избранная заведующей кафедрой этики биологии и возглавившая Немецкое общество историков биологии. Райнбергер к тому времени стал директором Института

истории естествознания Общества Макса Планка. Энгельс приобрела известность как инициатор и составитель коллективной монографии «Восприятие эволюционной теории в XIX веке» (1995), в которой ей удалось собрать многих ведущих историков эволюционной теории из разных стран. Главу о России в ней писал американский историк биологии Даниель Тодес из Института Гопкинса в Балтиморе, который долгое время работал в СССР.

Во время этой конференции я посетил Палеонтологический музей Тюбингенского университета, в котором работали многие крупнейшие эволюционисты конца XIX — первой половины XX в., в том числе один из моих любимых героев Отто Шиндевольф — создатель детально разработанной концепции неокатастрофизма. Принимал меня в Музее Вольф-Эрнест Райф — человек исключительной эрудиции и мужества. Он родился в июне 1945 г. с нарушением ЦНС в обозе беженцев, когда армия США покидала Тюрингию, захватив с собой многих немецких ученых, в том числе и родителей Райфа. Прогрессирующий паралич не помешал В.-Э. Райфу стать крупным специалистом по ископаемым позвоночным, историком и теоретиком эволюционной теории и даже проводить не только музейные, но и полевые исследования. Для него был характерен исключительно широкий подход к проблемам эволюционной теории, которые, по его мнению, нельзя было решать, не обращаясь к их истории. Райф оказал огромное влияние на формирование молодого поколения немецких историков эволюционной теории, прежде всего Томаса Юнкера и Уве Хоссфельда.

С ними я также познакомился во время пребывания в Тюбингене. По инициативе А. Гойса ко мне в качестве переводчицы была приставлена эмигрантка из России Лариса Шумейко, которая в те годы работала над диссертацией по истории российской медицины. Благодаря ей и гостеприимству Гойса я был введен в круг ведущих историков медицины. В то время Гойс был увлечен созданием в Нойбурге-на-Дунае Музейно-архивного центра по истории биологии и интенсивно собирал книги для его библиотеки. Как раз ему попалось сочинение М. В. Ломоносова, где тот рассуждал о преимуществах русского языка перед всеми остальными. Гойс не знал, что я когда-то был экскурсоводом в музее М. В. Ломоносова, и был удивлен, что я сходу процитировал весь этот классический пассаж, в том числе о резкости и грубости немецкого языка. Поняв, что невольно допустил бестактность, я для смягчения ситуации что-то промямлил: мол, разумеется, у Ломоносова это такая фигуральная речь, что об ущербности других языков он, конечно, говорил для красного словца и т. д. Мне понравился юмор Гойса: «С любимыми мы говорим по-немецки», и я поспешил добавить, что Ломоносов со своей женой Илизой Цильх также общался на немецком языке.

Благодаря помощи Шумейко я смог не только лучше познакомиться с Гойсом, но и обсудить с Юнкером и Хоссфельдом проблемы, представлявшие для нас взаимный интерес и давшие старт многолетнему содружеству. В то время Юнкер работал на кафедре у Е.-М. Энгельс, а Хоссфельд был сотрудником Дома музея Э. Геккеля Йенского университета, где незадолго до нашей встречи под руководством Э. Краузе подготовил магистерскую диссертацию о видном немецком биологе-эволюционисте В. Франце, малоизвестном в СССР, так как он был активным сторонником национал-социалистической партии. Кроме того, Хоссфельд только что опубликовал книгу о Г. Геберере (1997), который сыграл исключительную роль

в оформлении эволюционного синтеза в немецкоязычном пространстве, но который также был плохо известен в России, так как был офицером СС.

Несмотря на относительно юный возраст (Хоссфельду тогда было 31, а Т. Юнкеру — 39 лет), это были активные и зрелые ученые, получившие хорошее образование в области эволюционной теории и использовавшие разнообразные методы историко-биологического исследования, включая устную историю. Одним из учителей Т. Юнкера был Э. Майр. К тому времени на счет каждого из них были монографии и публикации в престижных биологических журналах. Вдвоем они представляли мощный тандем, дополняя друг друга и взаимно оттеняя достоинства: Юнкер был сдержан и рассудителен, Хоссфельд мог бы олицетворять активность и предприимчивость. Это был «арийский характер», разделенный на двоих.

Уже первые беседы с ними показали единство наших научных взглядов и интересов. Они также считали, что эволюционный синтез не был ограничен рамками англоязычного пространства, как к тому времени на том стали настаивать молодые историки биологии Великобритании и США. Вместе с Е.-М. Энгельс они вели многолетний проект о формировании синтетической теории эволюции и уже подготовили первую коллективную монографию, посвященную вкладу немецких биологов в СТЭ. В дальнейшем Юнкер опубликовал фундаментальный труд о второй дарвиновской революции в Германии. Вчерне мы обсудили возможности совместной программы, условно названной мной «Эволюционная теория в разделенном мире: между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом». Суть ее заключалась в доказательстве международного характера синтетической теории эволюции, в которую ученые Англии, Германии, СССР, США и Франции внесли важный и оригинальный вклад.

Хоссфельд пригласил меня участвовать в конференции «Эволюционная теория от Дарвина до современности», которая проходила в декабре 2007 г. в Гёттингене в Институте истории науки, возглавляемом голландцем Николасом Рупке, ведущим в мире специалистом по эволюционной морфологии XIX в. На этот раз я делал доклад на немецком языке, что явно понравилось его организаторам. В конференции участвовал также автор популярной книги о генетике в Веймарской республике английский ученый Дж. Харвуд. По материалам этой конференции была подготовлена книга, в которую вошли мои статьи о развитии эволюционной теории в СССР и ее создателях.

Год спустя вышла книга «Дарвинизм и / или идеология» Ее основу составили доклады, прочитанные на конференции в марте 1999 г. в Регенсбурге. С пленарным докладом на этой конференции выступил Марк Уолкер, рассказавший об «идеологически корректных науках» во время крупных социально-политических потрясений во Франции, СССР, Третьем рейхе, Японии, США и КНР. Я показал ему наш проект «Наука и кризисы», который ему понравился, он выразил готовность в нем участвовать и, как я уже говорил, много сделал для его успеха. По предложению составителей тома, У. Хоссфельда и Райнера Брёмера, в книгу помимо прочитанного мною доклада «Дарвинизм и марксизм в эпоху раннего сталинизма» была включена моя статья «Д. Н. Соболев — основатель первой концепции синтетического неокатастрофизма», а также переводы на немецкий язык классической статьи С. С. Четверикова и малоизвестной статьи Н. И. Бухарина «Дарвинизм и марксизм», в которой он впервые предложил термин «синтетическая теория эволюции». Для

лучшего понимания зарубежными авторами условий развития эволюционной теории в СССР большое значение имели также вошедшие в книгу статьи Я. М. Галла о Г. Ф. Гаузе и М. Б. Конашева о спецхране, куда направлялись все работы западных критиков лысенкоизма. Все эти публикации были важны для ознакомления немецкоязычной аудитории с историей эволюционной теории в СССР, открыв для западного читателя много новых имен.

К началу 2000-х гг. история эволюционной теории вновь заняла центральное место в моих исследованиях, что в принципе соответствовало обозначившимся тенденциям мировой историко-научной литературы. Не случайно вал публикаций по этой тематике получил название «дарвиновской индустрии», в которой я и мои коллеги продолжали занимать свою нишу, связанную, во-первых, с дальнейшим развитием историко-критического направления, а во-вторых, с разработкой идеи о единстве эволюционной теории в разделенном мире.

Обострившиеся в те годы дискуссии о статусе СТЭ в современной науке побудили меня вернуться к проблеме взаимоотношения сальтационизма (неокатастрофизма) и селекционизма, поднятой еще в кандидатской диссертации. Вновь проведенный исторический анализ двухвековых дискуссий между сторонниками неокатастрофизма и селекционизма показал принципиальную совместимость этих двух некогда противостоявших друг другу моделей эволюции и реальность их синтеза, начавшегося в 1970-х гг. Большое внимание было уделено взглядам тех исследователей (Д. Н. Соболева, О. Шиндевольфа), которые стремились в первой половине XIX в. синтезировать представления о факторах и законах на основе сальтационизма и неокатастрофизма. Книга была удостоена первой премии СПбОЕ (2007).

С начала 2000-х гг. Британская академия ведет большую программу «Восприятие английских и ирландских авторов в Европе», в рамках которой было выпущено 19 томов, посвященных отклику в европейских странах на произведения Джорджа Байрона, Джонатана Свифта, Вальтера Скотта, Чарльза Диккенса, Оскара Уайльда и др. Директор программы и главный редактор серии Элинор Шаффер, работающая в Лондонском университете, выступила с инициативой подготовки труда о влиянии трудов Чарльза Дарвина в Европе. Его редакторами стали Е.-М. Энгельс и Томас Глик из Бостонского университета — составитель классического труда «Сравнительное восприятие дарвинизма». Особенность проекта заключалась в следующем. Во-первых, главы монографии посвящались не воздействию учения Дарвина на развитие науки и общества в той или иной стране, как это было принято в ряде предшествующих проектов по данной теме, но влиянию теории естественного отбора на развитие какой-то конкретной области знания в данной стране, например: палеонтологии, генетики, экологии. Во-вторых, особое внимание было уделено влиянию дарвиновской теории на искусство и литературу.

Для участия в проекте пригласили и Я. М. Галла, с которым мы отправились на первое рабочее совещание предполагаемых участников в рамках конференции «Лидеры дискуссий между наукой и религией. 1800–1918 гг. Личности и институты», проходившей в Университете Эксетера на юге Великобритании. Председателем этой европейской исследовательской конференции (EURESCO) была Э. Шаффер, а ее заместителем — Дж. Нойбауер, известный голландский историк литературы из Университета Амстердама. Благодаря им доклады и их обсуждения лежали в русле синтеза культурологических, литературоведческих и историко-научных

подходов. На конференции была Джанет Браун — автор популярного в те годы двухтомника о Дарвине. Оживленный отклик вызвал мой доклад о судьбах идеи эволюции в России, в котором было предложено считать Россию не столько «второй родиной дарвинизма», сколько первой родиной антидарвинизма. По инициативе Шаффер текст доклада на следующий день был специально размножен. Окончание конференции было омрачено атакой террористов в Нью-Йорке, погибли тысячи людей, и горько было видеть по телевидению ликующие толпы в арабских странах. Тогда я подумал, что при подобной разнице в менталитете трудно не стать расистом.

Это была моя первая поездка в Англию. Несколько дней я провел в Лондоне, который полюбился мне не только своими уникальными архитектурными ансамблями, но и продуманностью всех сторон жизни, дружелюбным видом людей на улицах, включая полицейских. Даже толпы бездомных около метро не испортили пейзажа. За два с небольшим дня я осмотрел основные достопримечательности Лондона и даже проплыл по Темзе от Тауэра до Биг Бена. К концу второго дня я в Лондоне ориентировался лучше, чем в Петербурге, где прожил 50 лет. Меня всегда удивляло, как лондонцы без пикетов и судов решали вопрос о сочетании старинных зданий с современными сооружениями, который последние десятилетия волнует жителей многих городов, особенно петербуржцев. В Лондоне древний Тауэр, как и Букингемский дворец, смотрятся гармонично на фоне суперсовременных больших зданий из стекла и бетона.

Последующие визиты в Англию в 2009, 2010 и 2013 гг., во время которых я посетил и другие города Англии, включая Кембридж, Манчестер, Ливерпуль, укрепили мое первое впечатление. Более того, я убедился, насколько своеобразен каждый из этих городов, в облике которых отражена вся их многовековая история. Особенно важным для меня было приглашение принять участие в одной из юбилейных конференций в Кембридже, посвященной 200-летию со дня рождения Дарвина, в 2009 г. Тогда я три дня провел в Кембридже и четыре дня в Лондоне, посетил усадьбу Дарвина в Дауне. Меня поразило, насколько англичане чтут своего великого соотечественника. Практически повсюду, включая самые престижные художественные музеи, продавались книги, открытки, надписи, сувениры, посвященные этому юбилею. Причем знаменитого юбиляра чествовало общество, а не правительство. Волнующим для меня было посещение Крист-колледжа, который окончил Чарльз Дарвин, и его дома в Дауне — усадьбы с великолепной выставкой предметов, хранящих память о нем. Потрясающе выглядела грандиозная дарвиновская выставка в Музее естественной истории, по которой я, как зачарованный, бродил несколько часов.

Возвращаясь к конференции в Экстере, где было составлено ядро авторского коллектива книги «Восприятие Чарльза Дарвина в Европе». Я взялся писать большую главу о соотношении дарвинизма и марксизма в Советской России. Работа растянулась почти на восемь лет. Только к дарвиновскому юбилею подготовленная рукопись была издана в двух книгах. Официальная презентация состоялась в феврале 2009 г. в Кембридже. В целом том получился удачным. В нем участвовали ведущие дарвиноведы всех стран континентальной Европы, демонстрировавшие, как по-разному шло усвоение идей Ч. Дарвина в разных странах Европы и в разных научных дисциплинах. Революционизирующее влияние его идей быстро вышло не только за пределы самой биологии, но также всего комплекса естественных, социальных

и гуманитарных наук. Термин «дарвинизм», ставший популярным еще при жизни Ч. Дарвина, пройдя через различные сферы знания, нередко приобретал такие идеологические коннотации, что использование идеи эволюции для изучения когнитивных, эмоциональных, социальных и этических способностей человека стало интерпретироваться в аспектах, которые не имели ничего общего с намерениями самого Ч. Дарвина. Вся совокупность приведенных в книге материалов свидетельствовала о том, что и в наши дни привлечение религиозных, философских и политических соображений в восприятие дарвинизма остается столь же значительным, как и во времена Ч. Дарвина.

Тогда же было решено продолжить работу уже в рамках проекта «Культурное влияние Дарвина и дарвинизма в Европе». Этому был посвящен специальный однодневный коллоквиум в Кларк-колледже в Кембридже 12 марта 2010 г., в котором мы участвовали вместе с М. В. Лоскутовой. Благодаря ее переводческому таланту удалось провести плодотворную дискуссию по моему докладу о когнитивных и социально-идеологических аспектах празднования юбилеев Ч. Дарвина в России начиная с 1909 г и заканчивая 2009 г. Сейчас два тома книги находятся на стадии корректуры, в ней 28 глав, написанных преимущественно историками литературы, театра и живописи. Опыт совместной работы историков науки и искусства в изучении социально-культурного значения дарвинизма представляется весьма перспективным. Следует добавить, что по инициативе Глика мы вместе с У. Хоссфельдом организовали симпозиум на Международном конгрессе по истории науки, который проходил в июле 2009 г. в Будапеште. Председательствующий Т. Глик поддержал мою идею об отказе от англоцентристской трактовки возникновения СТЭ. Подводя итоги симпозиума, он подчеркнул, что надо отказаться от идеологии холодной войны и признать огромный вклад русских биологов в современный синтез.

Крупным событием среди юбилейных мероприятий 2009 г., посвященных 200-летию со дня рождения Ч. Дарвина и 150-летию со дня выхода в свет его книги «Происхождение видов», стала международная конференция, проведенная в сентябре 2009 г. по инициативе Филиала совместно с СПбНЦ РАН, СПбГУ и рядом других научных учреждений Санкт-Петербурга. Пленарные заседания проходили в Актовом зале СПбГУ и в Большом конференц-зале СПбНЦ РАН. Часть заседаний шла в аудитории 150 философского факультета, где я в студенческие годы слушал лекции, а также в зале заседания СПбФ ИИЕТ и в Зоологическом институте. На открытии конференции с приветственным словом выступили Ж. И. Алфёров, академик-секретарь Отделения общей биологии РАН А. Ю. Розанов, ректор СПбГУ Н. М. Кропачев, депутаты ЗАКСа, консул Великобритании У. Элиот и т. д. Всего в конференции участвовали свыше 300 человек. По ее материалам был подготовлен сборник, охватывающий всю проблематику эволюционной теории и ее прикладные и методологические аспекты, — «Чарльз Дарвин и современная биология». В нем были рассмотрены теоретические и историко-научные проблемы эволюционной биологии, характер и степень влияния идей Ч. Дарвина на развитие науки и общества в XIX–XX вв., а также ключевая роль, которую эволюционная теория продолжает играть в поисках ответов на новые вызовы XXI в. Среди авторов 83 статей было более 20 специалистов из Англии, Германии, США, Франции, Канады и других стран.

В числе участников была и недавно ушедшая из жизни Линн Маргулис (США), крупнейший и оригинальный эволюционист конца XX — начала XXI в. В 2008 г.

она была награждена почетной медалью Дарвина — Уоллеса, учрежденной в 1908 г. Линнеевским обществом и присуждающейся только раз в 50 лет. Конечно, в юбилейный год Маргулис была нарасхват, выступая в разных странах и на разных континентах с ключевыми лекциями на самых престижных конференциях. С такой лекцией пригласили выступить ее и мы, извинившись, что не сможем оплатить ни дорогу, ни пребывание, что, конечно, было нонсенсом для ученого подобного масштаба. Тем не менее она прилетела на три дня в Петербург, остановившись у кого-то из своих коллег. Это была энергичная женщина, настроенная слегка агрессивно ко всем, кого считала неodarвинистами, которые долго не признавали отстаиваемую ею гипотезу симбиогенеза как важнейшего механизма прогрессивной эволюции. Ее лекция, проходившая в Большом конференц-зале Главного здания СПбНЦ, была великолепной и привлекла много студентов и аспирантов. Помню, директор Института общей генетики Н. К. Янковский спросил меня, во сколько мне обошлось приглашение Маргулис, и был удивлен, узнав, что она приехала за свой счет.

Во время конференции Маргулис провела несколько подробных интервью, готовя в те годы фильм о значении русских ученых для прогресса знаний в эволюционной теории. Во время интервью со мной она сказала, что все по-настоящему крупные идеи в области эволюционной теории исходили из России. Ее особенно интересовали труды А. С. Фаминцына, К. С. Мережковского и Б. М. Козо-Полянского, книгу которого «Новый принцип в биологии» (1924) Маргулис как раз готовила к изданию в США. Хорошо ей было известно и творчество В. И. Вернадского, так как она содействовала изданию в США его книги о биосфере. По рекомендации Маргулис я был избран членом Линнеевского общества в Лондоне, что считаю для себя большой честью.

В целом конференция сыграла важную роль в дискуссиях с креационистами, которые в современной России ведут себя агрессивно, сея мракобесие и нетерпимость с центральных каналов телевидения, спонсируемых правительством. К юбилейной конференции меня уговорили учредить журнал «Историко-биологические исследования», который мы публикуем совместно с издательством «Нестор-История». Подготовка его идет на общественной основе, и энтузиазм у некоторых инициаторов этого проекта явно поукас. Тем не менее благодаря самоотверженной работе ряда молодых сотрудников журнал не только выжил, но и по импакт-фактору почти в два раза превышает старейший отечественный журнал в этой области. Здесь в основном заслуга относительно молодых сотрудников Н. Е. Берегой, А. И. Ермолаева, С. В. Ретунской, А. В. Самокиш и особенно А. А. Федотовой.

Весной 2010 г. меня пригласили выступить на конференции «Происхождение мира и человека: научный и богословский взгляд». Его организаторы — протоиерей Владимир Владимирович Шмалый, секретарь Комиссии по вопросам богословия Межсоборного присутствия Русской Православной Церкви, проректор Общецерковной аспирантуры, и протоиерей Кирилл Владимирович Копейкин, секретарь Ученого совета Санкт-Петербургской духовной академии, директор Научно-богословского центра междисциплинарных исследований факультета искусств СПбГУ, — были искренне заинтересованы в налаживании конструктивного диалога между православными богословами и учеными-эволюционистами. Сами они не понаслышке знали, что такое наука, так как до принятия духовного звания защитили кандидатские диссертации по физике. Я был удивлен, когда после моего доклада

«Празднование юбилея Дарвина в 2009 г.» в Актовом зале Санкт-Петербургской духовной академии Шмалый сказал: «Эдуард Израилевич, все мы принимаем, что естественный отбор является главным фактором эволюции и что человек произошел от обезьяны, но мы бы хотели узнать, кто вложил в человека душу?» И этот вопрос был вполне правомерен, так как насчет души, если она есть, ни антропология, ни археология ничего сказать не могут.

Доклады многих богословов дали мне возможность лучше осознать палитру мнений и дискуссий по проблемам эволюции в Русской Православной Церкви. К сожалению, средства массовой информации до нас доносят только мнение приверженцев «Шестоднева», враждебно настроенных к современной науке. Были и другие попытки вовлечь меня в просвещение будущих богословов и даже приглашения читать лекции аспирантам Духовной академии в Москве. Однако поднятая в стране кампания в связи с хулиганской выходкой девчонок «Pussy Riot» и ряд скандалов, по версии некоторых средств массовой информации, как-то связанных с патриархом Кириллом, убедили меня, что от РПЦ лучше держаться подальше. Увы, в церкви мало для души, но много для политики.

В своей работе я всегда уделял большое внимание вкладу отдельных ученых в развитие эволюционной теории. В статьях, посвященных творчеству Н. И. Вавилова, В. И. Вернадского, Г. Геберера, Дж. Г. Симпсона, Д. Н. Соболева, Н. В. Тимофеева-Ресовского, И. И. Шмальгаузена, О. Шиндевольфа и других биологов-эволюционистов, а также ученых, объективно способствовавших победе идеи эволюции (Ж. Л. Агассис, Ж. Кювье, Ч. Лайелль, Г. В. Стеллер, П. С. Паллас), я старался установить новые факты из истории биологии как в целом, так и в жизни и творчестве ее создателей, которые, на мой взгляд, были недооценены в историко-биологической литературе в советский период. Здесь в первую очередь хотелось бы назвать Ж. Л. Агассиса и особенно Д. Н. Соболева, в работах которого впервые была предпринята попытка синтеза эволюционных идей на базе селекционизма, во многом предвосхитившая классические работы одного из самых ярких представителей эволюционной теории и палеонтологии XX в. О. Шиндевольфа. Напротив, в ряде статей о П. С. Палласе я подверг критике бытовавшее мнение о нем как о предшественнике Ч. Дарвина.

К большинству своих героев я обычно возвращался по многу раз, порою уточняя свои интерпретации с учетом новейших работ, а иногда и архивных материалов. Это прежде всего относится к публикациям о К. М. Завадском, о котором я еще в конце 1977 г. опубликовал два некролога в журналах «Вопросы философии» и «Философские науки». В следующем году вышли еще две статьи, подготовленные с Я. М. Галлом. Но только по прошествии многих десятилетий со дня смерти Завадского, когда появился достаточный временной лаг для объективной оценки его научной деятельности, я приступил к систематическому сбору архивного материала о нем и его близких. На это ушло еще несколько лет. Наконец, в 2013 г. в биографической серии РАН вышла моя книга о К. М. Завадском. При ее написании я старался быть максимально честным, проверяя по архивным материалам каждый шаг его жизненного и научного пути, который был непростым, как и у большинства советских биологов, вынужденных в течение многих лет работать в условиях доминирования лысенкоизма.

Э. Майр, пожалуй, единственный из моих героев, о ком я практически сразу написал книгу. В значительной степени это связано с тем, что его научные интересы

были весьма далеки для меня. Его труды были посвящены проблемам микроэволюции и видообразования, которые играли главную роль в творчестве самого К. М. Завадского и которые разрабатывались многими его учениками. Меня же всегда влекли проблемы макроэволюции. Конечно, я читал книги Майра, благо многие из них были переведены на русский язык, а его «Зоологический вид и эволюция» на какой-то период времени стал катехизисом для большей части эволюционистов в СССР.

В 1997 г. на мою просьбу написать воспоминания о встрече с К. М. Завадским Майр ответил, что лучше напишет статью, посвященную человеку, сыгравшему огромную роль в осознании им философских и методологических основ собственных работ. В ней Майр признал, что благодаря Завадскому он обратился к философии марксизма и вынужден был констатировать, что создатели диалектического материализма, в первую очередь Ф. Энгельс, восприняли многие принципы естественной истории, сыгравшие важную роль в становлении теории естественного отбора. Более того, он признавал, что другие создатели СТЭ «выступали с тех же диалектических позиций». Все, что связано с историей советской биологии, как, например, расцвет лысенкоизма, Майр отныне был склонен объяснять социально-политическими причинами и невежеством И. В. Сталина и Н. С. Хрущева, а не воздействием методологии диалектического материализма. Более того, для него стало «ошибкой оценивать лысенковские идеи как повод для критики диалектического материализма». Последнее суждение Майра, видимо, было вызвано политико-идеологической кампанией против философии марксизма уже в постперестроечный период.

С началом перестройки Майр охотно встречал сотрудников нашего сектора (Я. М. Галла и М. Б. Конашева) во время их командировок в США, давал им интервью. Ещё раньше он присылал в сектор своих учеников — историков биологии. Можно привести много примеров исключительного отношения Э. Майра к российским коллегам, его стремления помочь в поисках нужной литературы. Однажды, увидев в моей публикации, вышедшей, правда, в Германии, фамилию М. А. Мензбира, Майр посчитал необходимым сообщить мне, что в 1927 г. ему было поручено сопровождать Мензбира в Берлине. Со свойственным ему юмором Майр сообщил, что когда он в 1972 г. выступал в Зоологическом музее МГУ и сказал об этом на лекции, к нему выстроилась огромная очередь людей, жаждавших поздороваться с ним за руку. Как он предполагал тогда, все они хотели пожать руку, которую когда-то пожимал великий русский орнитолог М. А. Мензбир. Несколько раз, увидев мой интерес к какому-либо биологу, Э. Майр старался сообщить все, что ему известно о нем.

Осенью 2003 г., готовясь к празднованию юбилея Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, я в знак вежливости послал Майру извещение о предстоящем событии, не ожидая, впрочем, никакой реакции. Как я был удивлен, когда накануне празднования я получил от него поздравление в адрес коллектива с вежливыми, окрашенными юмором извинениями, что, дескать, в возрасте 99 лет ему трудно присутствовать лично на нашем торжестве! Это письмо я считаю одним из наиболее ценных писем, полученных мною за всю жизнь.

В 2004 г. мировое научное сообщество праздновало 100-летие со дня рождения Э. Майра. Случай, конечно, уникальный, так как сам виновник торжества был жив, и редакция журнала «Природа» обратилась с просьбой дать статью о нем. В ответ

я предложил опубликовать перевод его последней статьи, посвященной К. М. Завадскому, и краткую биографическую справку, подготовленную вместе с М. Б. Кошачевым. Когда это стало известно, ко мне обратились с просьбой сделать доклад на Проблемном совете по общей биологии. Я сначала согласился. Затем попытался отвертеться, но было неудобно перед председателем Совета, директором Зоологического института академиком Александром Федоровичем Алимовым. К тому же выступить в ЗИН, где я в молодости вел методологический семинар и где у меня много друзей, было престижно.

К счастью, мне не надо было собирать литературу. В последние годы Майр регулярно присылал мне не только новые книги и статьи, но и часть старых. К тому же за сто лет жизненного пути он уже не раз отмечал юбилеи и было немало статей, посвященных ему как систематику, орнитологу, биогеографу, философу. К моему удивлению, среди них не оказалось работ, посвященных Майру как эволюционисту и историку биологии. На этом аспекте его многогранной деятельности я решил сосредоточиться, потратив на подготовку доклада несколько недель. Доклад шел в переполненной аудитории, настроенной доброжелательно. Публике явно понравился мой постулат, что систематика была, есть и в обозримой перспективе останется одной из главных опор эволюционной теории. В конце дискуссии А. Ф. Алимов сказал, что доклад надо обязательно опубликовать. Я отмолчался, так как понимал, что от доклада до статьи огромная дистанция.

Вскоре после моего доклада Э. Майр умер, и я понял, что обязан написать подробную статью для российского читателя, чтобы дать целостное изложение его жизненного пути и научного наследия. В ходе работы рукопись стремительно разрасталась, выходя за разумные пределы журнальной публикации. В феврале гидробиолог София Давыдовна Степанянц привела ко мне Кирилла Глебовича Михайлова — учредителя и владельца «Товарищества научных издательств КМК», которое к тому времени отлично себя зарекомендовало на рынке научной продукции, выпуская прекрасные книги по биологии. Видимо, с подачи Степанянц, которая была в курсе моих «творческих мук», он принялся меня уговаривать учредить биографическую серию о современных биологах-эволюционистах и открыть ее небольшой книгой о Майре. Чтобы красиво отказаться, я ответил, что он как частный предприниматель, нанимающий автора, должен заплатить за книгу. К моему удивлению, он вытасил 100 долларов в качестве гонорара. Конечно, это был символический жест, так как 100 долларов уже мало что стоили. На научной литературе в современной России никогда нельзя было заработать. А уж взяв гонорар, я должен был его отрабатывать.

В течение нескольких месяцев я написал книгу «Эрнст Майр и современный эволюционный синтез» (2007). При ее подготовке огромную помощь оказали рецензенты, а фактически научные редакторы, сотрудники ЗИН: известный орнитолог В. М. Лоскот и герпетолог Л. Я. Боркин, а также ответственный редактор С. Д. Степанянц. Без них книга вряд ли была бы возможна. К сожалению, в ней практически не было архивного материала, и в этом отношении она, конечно, не могла конкурировать с фундаментальной книгой Юргена Хаффера «Орнитология, эволюция и философия. Жизнь и наука Эрнста Майра: 1904—2005» (2007), над которой автор работал более десяти лет в сотрудничестве с самим героем. Тем не менее книга была хорошо встречена в русскоязычном пространстве и довольно часто цитируется.

РАЗНООБРАЗНЫЕ СВЯЗИ

В годы кризиса все лихорадочно пытались найти новые формы научной кооперации с учеными других стран. Директор Филиала А.И. Мелуа предложил М.Д. Голубовскому возглавить проект «Русско-немецкие связи в области науки», а тот, в свою очередь, привлек меня. Мы попытались выработать некую методологию предстоящей работы, обсуждая формы и направления этих связей, их социально-политический и культурологический фон в разные исторические периоды, причину ориентирования российских ученых на контакты с немецкими коллегами. Вскоре Голубовский надолго уехал в Австралию, и стало ясно, что глобального проекта не будет. Я попытался реанимировать эту идею во время первой поездки в Германию в 1992 г. Тогда я еще плохо себе представлял, сколь длительный путь предстоит пройти в условиях немецкой бюрократической машины, чтобы реализовать проект, даже поддержанный авторитетным немецким ученым, занимающим пост не менее директора крупного университета.

Да и с партнерами было непросто. Несмотря на то что меня в Германии, особенно в бывшей ГДР, знали неплохо, но у всех имелись свои проекты, и в лучшем случае коллеги были готовы обсуждать лишь некоторые достаточно частные темы. Обычно меня вежливо выслушивали, а потом спрашивали, не могу ли я им найти архивные материалы о Ю. Шакселе, Р. Вирхове и др. Порой предлагали деньги, но я отказывался, не потому что считал унижительным превращаться в «архивного раба», а так как всегда полагал, что исследователь должен лично работать с архивным материалом. Несколько раз я участвовал с докладами на ежегодных семинарах «Немцы в России», но в них научные связи занимали не главное место.

Значимым для филиала оказалось обращение ко мне профессора Технологического университета в Берлине Эберхарда Кноблоха в начале 1998 г. Письмо, написанное на французском языке, было адресовано президенту Петербургской академии наук Э.И. Колчинскому. В нем со ссылкой на поддержку президента РАН Ю.С. Осипова предлагалось в память о прежних традициях возобновить сотрудничество академий в Петербурге, Париже и Берлине и принять участие в крупном международном проекте по подготовке и изданию «Полного собрания сочинений и писем» Г.В. Лейбница. Автор уверял, что многолетнее финансирование проекта обеспечено. Письмо я посчитал шуткой, но на всякий случай предложил автору приехать для переговоров. Мы договорились о встрече в июне. До этого у меня была командировка в Страсбург, где собралась вся элита европейских стран в области истории науки. С удивлением я увидел, что автор письма — один из общепризнанных лидеров в этой области, выступавших с ключевыми докладами. Я не стал к нему подходить, зная, что через несколько дней мы встретимся в Петербурге. Как

он мне потом сказал, он тоже обратил внимание на мою фамилию в составе членов Оргкомитета, но не связал ее каким-либо образом со мной. Тем более что я не явился на торжественный прием, предпочтя остаться лишний день в Париже.

Я так и не спросил его ни при первой встрече, ни после, почему он именовал меня в первом письме президентом Петербургской академии наук. В 1984 г. он был визит-профессором АН СССР в Ленинграде и просто не мог не знать структуру академических учреждений в Санкт-Петербурге. Кроме того, за плечами у него было многолетнее тесное сотрудничество и дружба с блестящими историками математики и физики в ИИЕТ С. С. Демидовым и В. Е. Кирсановым.

В любом случае проект оказался не фикцией, а очень перспективным. В нем успешно работала самая талантливая наша сотрудница последних лет — Алена Борисовна Кузнецова, трагически ушедшая от нас в 33 года. Она внесла огромный вклад в подготовку первого издания. С тех пор мы встречались с Кноблехом неоднократно на международных и европейских конгрессах по истории науки, где он обычно бывал председателем программных комитетов и ключевым докладчиком. В течение нескольких лет он был президентом Международной академии по истории науки — самой престижной организации в этой области. Он же был одним из инициаторов избрания меня в эту организацию. Всякий раз, встречая меня на каком-нибудь крупном мероприятии, он радостно приветствовал меня и подчеркивал, в том числе и окружающим, что я его друг. Однажды сидящая рядом со мной ученый секретарь Филиала Татьяна Ивановна Юсупова на его фразу: «He is my friend» ответила: «He is my boss». Когда я бывал в Берлине, мы с ним обычно встречались в неформальной обстановке, и было интересно наблюдать за его энергичной манерой вести любой разговор, напоминающей известное выражение «буря и натиск». В нем, казалось, была сконцентрирована какая-то космическая сила. К сожалению, после смерти Кузнецовой в Филиале не нашлось человека, способного ее заменить в руководимом им проекте, и Филиал перестал участвовать в нем. Об этом я искренне сожалею. Правда, это никак не отразилось на наших с Кноблехом личных отношениях.

Осенью 1999 г. члены Немецкого общества выпускников и друзей Московского университета (DAMU) пригласили меня принять участие в научном семинаре «Агробиология Лысенко — пример идеологизированной науки», проходившем в Гумбольдтовском университете. Перед мной выступал Симон Эльевич Шноль — крупный биофизик и автор популярной книги «Герои и злодеи российской науки». В своем докладе «И. И. Презент — герой своего времени» я в какой-то степени не согласился с его трактовками причин трагических событий. Немцы посчитали, что будет жесткая дискуссия. Но мудрый Шноль от полемики ушел, заметив, что он не историк и свой рассказ строил прежде всего на личных впечатлениях, а не на документах. Наши комнаты в гостинице были рядом, и я узнал много интересного во время вечерних бесед с ним.

В программу визита входило обсуждение с президентом Берлино-Бранденбургской академии Д. Симоном совместных проектов по случаю ее 300-летия, в частности о подготовке Н. Г. Сухой нового издания на немецком языке аннотаций русских работ о А. фон Гумбольдте. Накануне мне принесли письмо из Берлина, в котором президент был встревожен тем, что не получил от Ю. С. Осипова ответа на свои предложения об организации совместной выставки. По моей просьбе В. М. Орёл узнал,

что письмо дошло до адресата, но из-за летних отпусков и бюрократии ответ задержали, и в ближайшее же время положительный ответ будет отослан в Берлин. Это я сообщил своему собеседнику. И надо же тому случиться, что буквально сразу после моих слов вошел секретарь Симона и положил на стол только-только полученное письмо от Осипова. У моих собеседников явно возникло ошибочное впечатление о степени моей информированности по части планов руководства РАН.

Только в конце 1990-х гг. мне удалось приступить к реализации проекта о русско-немецких связях в области биологии, задуманного в годы перестройки. В 1999–2002 гг. вместе с А. Гойсом, У. Хоссфельдом, Т. Юнкером мы провели серию конференций на тему «Русско-немецкие связи в биологии и медицине», материалы которых были изложены в четырех сборниках. Сам факт такого многолетнего сотрудничества — свидетельство взаимного интереса ученых двух стран к многоаспектной проблеме взаимовлияния и взаимообогащения двух народов в области биологии и медицины. На каждой из них было заслушано и обсуждено около 30 докладов, треть из которых, как правило, делали биологи и историки науки из других стран. В частности, в одной из конференций участвовал известный американский биолог, историк и философ науки Майкл Гизелин, работавший в те годы в Калифорнийском университете. Его пребывание в нашем Филиале привлекло внимание многих зоологов Санкт-Петербурга. В 2001 г. в конференции участвовала И. Ян. Она приехала в Санкт-Петербург вместе с дочерью, которая активно помогала ей в подготовке третьего издания «История биологии». Завершая свой доклад, посвященный замыслу и многолетней работе над этой книгой, первый вариант которой готовился в стране с тоталитарной идеологией, Ян подарила эту книгу Библиотеке РАН как знак благодарности за русское-немецкое сотрудничество в ее подготовке.

Сотрудничеством с нами заинтересовался М. Гизелин, которому понравилась обстановка в Филиале, и он пригласил меня участвовать в престижной конференции в Наварре 31 мая — 1 июня 2002 г. Она была организована Калифорнийской академией наук совместно с Музеем естественной истории Наварры и Международным музейным советом. На конференции я делал доклад о значении российских экспедиций XVIII в. для перехода от естественной истории к биологии. Материалы конференции, опубликованные в специальном выпуске «Трудов Калифорнийской академии наук», привлекли внимание историков экологии и географии, став основой ряда новых контактов. Важным для меня было знакомство на конференции с палеонтологом Алано Е. Левинтоном, автором прекрасной книги о Дж. Г. Симпсоне, труды которого я штудировал на студенческой скамье. Из-за ряда обстоятельств это сотрудничество, к сожалению, не получило продолжения.

Командировка в Наварру оказалась полезной и в туристическом отношении. Конференцию спонсировала коммуна Наварры, и прием был великолепный. Для меня это был первый визит в Италию, который позволил не столько увидеть «классическую Италию» музеев, дворцов, монументов, сколько взглянуть на повседневную жизнь итальянской провинции с многотысячелетней историей.

Помимо контактов с Франкеше Штифтунген, о котором речь шла выше, важным каналом реализации проекта «Русско-немецкие связи в области биологии» стали ежегодные международные симпозиумы в Лейпциге в рамках проекта «Немецко-русские отношения в медицине и естествознании». Руководителем проекта был директор Института медицины и естествознания в Любекском университете

профессор Дитрих фон Энгелхард — президент и вице-президент многих научных обществ, член Немецкой академии естествоиспытателей Леопольдина. Еще в начале 1990-х гг. он установил контакт со мной и, когда я был в Германии в 1992 г., предложил приехать на пару дней в Любек с докладом. Но я побоялся ехать, так как доклад надо было делать на английском языке, а к этому я не был готов. В 1996 г. в рамках этого проекта в Санкт-Петербург приехали профессор Лейпцигского университета И. Кэстнер и ее сотрудница Р. Пффефер с предложением включиться в него. Тогда я еще смутно представлял, чем могу быть для них полезным, так как основной упор они делали на поиск нового архивного материала по истории медицины. Но директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН В. С. Соболев и директор Музея истории ИЭМ Ю. П. Голиков заинтересовались этим предложением и несколько раз выступали в Лейпциге с докладами.

Вскоре после выхода из больницы в 2004 г. я получил от И. Кэстнер приглашение принять участие в симпозиуме «Немцы в Российской империи и русские в Германии: естествоиспытатели, врачи и ученые в XVIII и XIX столетиях», от которого я уже не смог отказаться, так как предлагали оплатить проезд и пребывание не только мне, но и моему аспиранту. Я решил взять с собой Наталью Евгеньевну Берегой, научные интересы которой в то время наиболее соответствовали тематике конференции. Она действительно удачно выступила, многим понравилась ее манера держаться, и впоследствии мне нелегко было объяснять, почему столь грамотная и энергичная аспирантка до сих пор не защитила диссертацию.

Я бы тоже хотел это узнать, но, к сожалению, есть какая-то закономерность в том, что наиболее талантливые не любят прилежно и систематически работать и поэтому нередко остаются неостепененными. Сколько раз я ни повторял им слова К. М. Завадского о том, что в науке заднее место не менее важно, чем голова, эффект был нулевым. Мои ученики, как правило, люди яркие и самостоятельные. Они живут везде и всегда только своим умом, создавая себе немало трудностей. Что подедаешь, как говорила Атаманша в фильме по сказке Андерсена «Снежная королева»: «Детей надо баловать, чтобы из них вырастали настоящие разбойники». У кого есть силы противостоять научному руководителю, отстаивая свою независимость, у того есть и шансы стать действительно оригинальным ученым. Но есть и опасность пойти по ложному пути и не реализовать этот шанс. Никогда я не требовал от своих аспирантов и соискателей некой средневековой верности моим идеям, методологии, кругу интересов. Со временем я пришел к выводу, что они должны идти своим путем. Поэтому мне нравится стихотворение, услышанное как-то от А. И. Кафанова:

Ты картин не создашь и книг
И не выиграешь новых сражений.
Вот включает твой ученик
Ток высокого напряжения.

Таков безжалостный закон природы. Вперед можно идти, лишь прощаясь с прошлым.

Сам я на этом симпозиуме выступил с опровержением мифа о том, что в XVIII в. в России были предшественники Дарвина. К моему удивлению, я не встретил серьезных возражений, в том числе от присутствовавшего на конференции Фолкварта

Вендланда, крупнейшего на сегодняшний день знатока П. С. Палласа, хотя он и был среди тех, кто писал о Палласе как об эволюционисте. К тому времени Германия уже перешла на евро, и последствия этого были заметны. Шло сокращение профессорско-преподавательского состава в университетах, что прямо касалось истории биологии. Я встретил несколько человек, которые в 50 лет потеряли место работы, и в этом возрасте нового им уже было не найти. Среди них было немало и бывших эмигрантов из России, для которых вдруг неожиданно кончились разного рода постдоковские стажировки. Вообще, с Н. Берегой мы в Лейпциге застали сложившийся коллектив историков из разных стран, в основном из Германии и России, которые ежегодно встречались. Сама Кэстнер в ближайшие годы должна была выйти на пенсию, а из этого следовало, что гранты ей больше не дадут.

Через 6 лет я вместе с группой своих учеников и сотрудников приехал на конференцию в Лейпциг для участия в симпозиуме «Естественные науки как коммуникативное пространство между Германией и Россией», который проводился в рамках долговременного проекта «Научные отношения в XIX столетии между Германией и Россией в области химии, фармакологии и медицины», финансируемого Академией наук Саксонии. Главными организаторами симпозиума теперь были О. Риха и М. Фишер. Здесь я первый раз лично встретился с Д. фон Энгелхардом, который выступал с пленарным докладом. Однако долго планировавшаяся встреча не имела продолжения. Хотя Энгелхард немножко знал русский язык, говорить на нем он не был готов. Чувствовалось, что с достижением пенсионного возраста его прежний энтузиазм к изучению международных контактов остыл. Мой доклад был озаглавлен: «Немецкий след в российском эволюционизме». Как всегда, в Германии все было прекрасно организовано. Хозяева были приветливы, культурная программа интересна. Хотя это было мое четвертое посещение Лейпцига, я с удовольствием снова побродил по его улицам, сделал много фотографий, которые, увы, сам же неосторожно стер, в том числе и тот кабачок, где Фауст, по преданию, пьянствовал с Мефистофелем. Помимо немецких и русских ученых в симпозиуме участвовали историки науки из Бразилии, Польши, Украины и стран Прибалтики.

В 2009 г. мы с профессором Александром Петровичем провели в Санкт-Петербурге симпозиум по русско-сербским научным связям. По его материалам были изданы два сборника на русском и английском языках. До этого в феврале 2009 г. по его приглашению я был в Сербии, где выступал с докладами в Университете Крагуеваца и в Доме просвещения в Белграде. Это было как раз в пик кризиса в Косово. Пришлось два раза выступать по телевидению, клеймя творимое беззаконие. Но, имея за плечами печальный опыт краха СССР, я понимал, что процесс неотвратим и юридическое право абсолютно бессильно в межнациональных и межгосударственных конфликтах. А Запад столь же циничен, как и остальные страны.

Сербы были очень приветливы. Пожалуй, это единственная из посещенных мной стран, где подавляющее большинство граждан искренне любят Россию и русских. Одно из моих выступлений было в Центральном обществе знания в Белграде, вместительная аудитория которого вся была заполнена, задавали много вопросов. Поскольку тема была академическая — мобилизация науки в годы Второй мировой войны, — я удивился проявленному интересу. Но организаторы встречи объяснили, что многие пришли, чтобы просто послушать русскую речь. Надо сказать, я был поражен сходством русского и сербского языков. До этого я никогда не слышал

сербскую речь, но сразу понимал так, что даже периодически поправлял переводчиков. С интересом я всматривался в лица сербов на улице и с удивлением отметил, что типичный антропологический тип славянина здесь почти отсутствует. Видно, годы турецкого владычества не прошли бесследно для их генофонда.

Долгое время Франция оставалась вне поля моих научных интересов, хотя великий основатель палеонтологии Жорж Кювье — один из любимых моих героев и к его творчеству я обращался неоднократно. Но я в свое время не стал учить французский язык из-за сложности произношения и соответственно не следил за текущей литературой. К тому же французы продолжают бороться за то, чтобы их язык оставался в науке как международно признанный, что еще больше ограничивало мои возможные контакты с ними.

Между тем Франция оставалась страной, дружелюбно расположенной к России в силу ряда исторических обстоятельств, и всячески поощряла русско-французские контакты. В 1990-х гг. почти все сотрудники нашего сектора побывали в месячной командировке в Париже, в Институте «Дом человека», а М. Д. Голубовский больше года работал в Институте Пастера. Была и у меня возможность посетить Париж, но для этого надо было подавать заявку на грант, а затем самостоятельно налаживать там быт, к чему я был не готов из-за плохого владения английским языком.

Первый мой визит во Францию состоялся в конце июня 1998 г. В Университете имени Луи Пастера в Страсбурге проходила конференция «История науки и техники в воспитании и в образовании в Европе», организованная при поддержке Союза всех европейских академий и Международного союза по истории науки. В состав оргкомитета включили меня и директора ИИЕТ В. М. Орла, который, однако, не поехал. По его поручению я подготовил сообщение о преподавании истории науки в России, которое понравилось организатором конференции. У меня сложилось впечатление, что я их выручил, поскольку до этого кто-то другой из России был участником данного проекта и, видимо, не выполнил взятых обязательств. Конференция была представительная, в ней участвовали около 300 ученых из всех стран Европы. Причем это были официальные лидеры национальных научных сообществ, с которыми я, правда, не спешил познакомиться — опять же по причине плохого владения английским языком, а также из-за того, что предпочел осмотр Парижа приему членов Оргкомитета накануне открытия конференции.

Моим гидом по Парижу в первые два пребывания там был Дмитрий Юрьевич Гузевич, который вместе с семьей постоянно жил в Париже с августа 1991 г., но по-прежнему оставался в штате Филиала. Он снимал квартиру в пригороде Парижа, и, побывав у него, я воочию убедился, как нелегок путь эмигранта. Неожиданно для меня Париж мне с первого взгляда не понравился, и я не мог понять фразу: «Увидеть Париж и умереть». Правда, на мое первичное восприятие Парижа, возможно, действовала фраза одной моей подруги, которая как дочь испанца, привезенного в СССР мальчиком в годы Гражданской войны, каждый год ездила в Испанию через Париж. Как-то она сказала: «Мне так надоел Париж». На что я ей в шутку ответил: «Я тебя прекрасно понимаю». Тогда я даже не предполагал, что мне когда-то удастся побывать в Париже, и не раз.

Грязный, неубранный Париж, наводненный арабами и африканцами, бесцеремонно прижимающимися к тебе при проходе через турникет, чтобы проехать на халяву, назойливые нищие в метро, замусоренный Люксембургский сад и т. д.

произвели на меня отталкивающее впечатление. Подозрительными казались улыбающиеся мужчины, предупредительно пропускающие тебя вперед, как будто ты женщина. Из-за того что служащие Лувра долго обсуждали, бастовать им или нет, я потерял два часа времени, а так как они в конечном счете решили все же бастовать ради каких-то двух-трех франков прибавки к зарплате, мне пришлось срочно мчаться в Музей д'Орсе, и это, пожалуй, единственное, что мне тогда понравилось в Париже. Правда, на обратном пути я все-таки посетил Лувр и, конечно, был потрясен его величием и богатством. Стоя у какого-то его окна и представив себе прилегающие районы в конце XVIII в., я вдруг впервые пришел к выводу, что все-таки нищий народ должен периодически рубить головы своим правителям, которые презирают своих подданных, паразитируя на них. К сожалению, воспитательное значение подобных экзекуций над тиранами невелико. Каждый следующий не без оснований считает, что его-то минует чаша народного гнева, «бессмысленного и беспощадного» не только в России.

Памятны для меня и дни, проведенные в Страсбурге. Центр этого уникального франко-немецкого города на Рейне, как известно, полностью включен в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО из-за неповторимости архитектурного облика и подлинных жемчужин: Кафедрального собора, Оперного театра и крытых мостов. В то же время история придала несколько эклектичное звучание его архитектурным ансамблям. В них переплелись черты французских и немецких стилей, а диссонансом звучат стеклобетонные современные здания в объединенной Европе, хотя теперь я понимаю, что это не прихоть, а веление времени.

Более радостное впечатление о Франции у меня сложилось во время двухнедельного отдыха с женой на Лазурном побережье Средиземного моря в апреле 2009 г. Остановились мы в пансионате в маленьком городке Мулен, расположенном в 40 минутах езды на автобусе до Канн. Это позволяло каждый день систематически осматривать все наиболее значимые места от Марселя до итальянского Сан-Ремо. Особое впечатление произвело пребывание в Ницце и Монако, а также посещение разнообразных художественных музеев (Матисса, Пикассо, Шагала и т. д.). Пожалуй, только здесь я смог оценить для себя значимость и разнообразие творчества этих художников. До этого кубизм и летающие люди казались мне кривлянием.

Подлинное же открытие Парижа для меня состоялось только в сентябре 2010 г., куда я вместе с группой сотрудников (М. Б. Конашев, М. В. Лоскутова, А. А. Федотова, А. В. Самокиш) и коллег (Ю. П. Голиков, С. И. Фокин) приехал на конференцию «Русско-французские связи в биологии и медицине», организованной Национальным центром научных исследований (Франция), Пикардийским университетом и Институтом высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН (Москва) при содействии СПбФ ИИЕТ РАН. С инициативой нашего участия в ней выступили французские историки биологии профессор Ж.-К. Барбара и Ж.-К. Дюпон, которые неожиданно приехали ко мне в 2009 г. и предложили выступить с докладом. Особенно заманчиво было то, что они готовы были оплатить все расходы также шести моим коллегам. Правда, я был в некотором затруднении, так как французский не знал и соответственно основные представления о связях биологов двух стран имел лишь по литературным источникам. Я решил сконцентрироваться на вопросах восприятия французских и франкоязычных палеонтологов в России с учетом социально-культурного контекста. В Париже я делал доклад о восприятии

Ж. Кювье и Ж. Б. Ламарка. В целом доклад был принят хорошо, а вот впоследствии во время переговоров мне пришлось нелегко, так как меня настойчиво уговаривали взять на себя публикацию материалов на английском языке или предоставить для них специальный номер журнала. Особенно на этом настаивали московские участники проекта.

В последующие два года мы провели две такие конференции: в сентябре 2011 г. и в июне 2012. Во время последней, «Российско-франко-немецкие связи в области эмбриологии, физиологии и медицины», тематика докладов была существенно расширена. В целом обе конференции, по отзыву участников, прошли успешно. В одной из них участвовал мой американский ученик Ллойд Аккерт. Материалы первой конференции, тщательно отредактированные М. В. Лоскутовой, вышли на английском языке. Для обсуждения плана дальнейших работ и составления заявки на следующие гранты нас с М. В. Лоскутовой пригласили в Париж, куда я поехал вместе с женой. Сейчас готов сборник для издания на английском языке докладов первой конференции в Париже и второй — в Санкт-Петербурге.

Длительное пребывание в Париже в 2010 и 2012 гг. коренным образом изменило мои представления об этом городе. Теперь я считаю его одним из самых прекрасных городов мира и понимаю славянофилов, предпочитавших именно здесь писать о «моральной деградации» западной культуры, подвергая себя ее тлетворному воздействию. Мы с женой не только посетили главные музеи Парижа, Центр Помпиду, но пешком прошли практически все рекомендуемые туристу маршруты, а некоторые из них многократно. Однако меня по-прежнему раздражала бесцеремонность выходцев из арабских стран и африканцев и их попытки надуть или даже грабануть.

В последнее десятилетие на одно из первых мест в моих международных связях выдвинулся Китай. Начало им положил визит Лю Дуна и его красавицы жены в Фиалиал в августе 2002 г. Тогда он был директором Института истории естествознания КНР и президентом будущего Международного конгресса по истории науки, который должен был состояться в Пекине в июле 2005 г. Возрастная близость позволила быстро установить дружеские отношения. Он, как и я, пел в детстве песню «Сталин и Мао слушают нас», а в средней школе учил русский язык. Чудесный августовский вечер в небольшом ресторане на берегу Невы, точный перевод И. А. Белозеровой сблизил нас. Мы быстро согласовали основные направления сотрудничества между санкт-петербургскими и китайскими историками науки. Для него это был первый визит в Санкт-Петербург, который китайцы тогда еще считали как город пролетарской революции. Во всяком случае, посещение крейсера «Аврора» и Смольного было для них обязательно.

В сентябре следующего года я был приглашен на две недели в Пекин, где по просьбе Лю Дуна мне помогала доцент университета Циньхуа Бао Оу. Внучка начальника КВЖД, она была подлинной русофилкой и переводила мои доклады и переговоры в Университете Циньхуа, Пекинском социологическом центре и в Институте истории естествознания АН КНР, каждый из которых завершался дискуссией, выплатой существенного гонорара и прекрасным обедом. Большое впечатление произвел сам Пекин, выглядевший как гигантская строительная площадка, где в то время сохранилось еще немало типичных китайских районов с глиняными крошечными домами и малюсенькими дворами. Я был восхищен китайскими

дворцами и храмами и бережным отношением к ним китайцев. Передвигаться было легко. Такси стоило копейки, и достаточно было поднять руку, как к тебе кидались несколько шоферов.

С тех пор я еще несколько раз бывал Китае и каждый раз удивлялся его стремительному росту и коренным изменениям во всех сферах жизни. Китай быстро открывался миру, впитывая все лучшее из других стран, но сохраняя свою самобытность. На моих глазах исчезли потоки велосипедистов и возникли пробки в часы пик. Дважды я был в нем как визит-профессор университета Циньхуа, вместе с женой жил на его территории в трехкомнатной квартире. Мы сами вели хозяйство, ходили на рынок, в магазины и как-то объяснялись, хотя ни я, ни жена ни слова не знали по-китайски, а они, как правило, по-русски. До Олимпиады 2008 г. практически нельзя было встретить на улице человека, говорящего по-английски.

Помимо Пекина приходилось читать лекции в университетах Нанкина, Чанша, Сианя и Шанхая, и я был поражен, как быстро европеизировалась профессура Китая, где свободное владение английским языком уже несколько лет тому назад стало обязательным для всех. Наряду с Лю Дуном, который в 2009–2013 гг. был президентом Международного союза по истории науки, я особенно тесно сотрудничаю с новым директором Института истории естествознания и техники Чжан Байчунном, с которым мы организовали две конференции по истории академий наук Китая и России. Он же курирует издание на русском языке книг по истории науки Китая, выпущенных Шаньдунским издательством. Во время подписания договора меня поразили тиражи научных книг — до полутора миллионов.

О туристских впечатлениях, помноженных на исключительное радушие и доброжелательность коллег, можно говорить бесконечно. За время пребывания в Китае, в общей сложности не менее полугода, я много бродил самостоятельно по его улицам, музеям, дворцам и проникся искренней симпатией к этому народу. Для понимания гостеприимства китайцев особенно важным для меня было общение с Бао Оу, которая стала подружкой моей жены. В течение почти года я был руководителем постдоковской стажировки в нашем Филиале доцента Военного технологического университета Ян Айхуа, которая хорошо знает английский и русский язык, и мое доброе отношение к Китаю стало еще сильнее.

«АМЕРИКА, АМЕРИКА...»

Уже более века США занимают особое место в мировоззрении любого русскоязычного человека. Одним она грезится как земля обетованная, к которой они стремятся душой и телом. Другие же считают ее воплощением зла на земле и винят во всех российских и даже собственных бедах. Третьи (как правило, политики), используют тех и других, добиваясь своих целей и эксплуатируя, в зависимости от обстоятельств, или пан-американизм, или антиамериканизм. Я не могу солидаризироваться ни с одной из этих групп, так как разумом понимаю, что на самом деле ни самой Америке, ни большинству ее граждан никакого дела до нас нет. Сама страна и ее граждане отличаются высоким уровнем самоуважения и самодостаточности. Но такое понимание пришло не сразу.

С детских лет школа, радио, газеты, кино и даже цирк рисовали США в виде некоей дьявольской силы, с утра и до вечера ищущей возможность если не уничтожить нас, то во всем напакостить. «Оттепель» ознаменовалась визитом «дорогого Никиты Сергеевича за океан», однако его обращение к Дуайту Эйзенхауэру «my friend» быстро сменялось истериками на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН со смешными угрозами показать «кузькину мать» и «зарыть в землю». Как я уже писал, буквально с младенчества на маминой работе я любил рассматривать «Крокодил», где чуть ли не на каждой странице был изображен дядюшка Сэм с кровавым топором, колчаном ракет или стаяй авианосцев, линчующий негров, секущий майцев, подкармливающий фашистов и т. д.

С утра до вечера радио твердило о машине голосования, устроенной США в ООН, где правду отстаивает только кристально честный человек, да и тот оказался Андреем Януарьевичем Вышинским. В школе как-то учил стишок: «И жадно слушают народы, когда Вышинский говорит». Потом я узнал, что сталинского Цицерона «жадно слушали» и в годы Большого террора, особенно его юридически взвешенный приговор: «Расстрелять, как бешеных псов».

В пионерском лагере мне как-то поручили декламировать басню «Рубль и доллар» Сергея Михалкова, несгибаемого патриота и дворянина, автора трех вариантов послевоенного гимна России. Помню, как в басне процветающий рубль посрамил заокеанского неудачника:

А я советский рубль, и я в руках народа,
Который строит мир и к миру мир зовет,
И всем врагам назло я крепну год от года,
А ну посторонись, советский рубль идет».

Сейчас мы знаем, что с тех времен рубль окреп настолько, что в 1997 г. за один доллар давали 6 тысяч рублей, а после деноминации рубля его покупательная

способность по сравнению с долларом упала ещё почти в 6 раз, хотя все официальные аналитики уверяли, как опасно вкладывать сбережения в доллар, который вот-вот окончательно рухнет.

Сомнение в этих прогнозах у меня было посеяно в детстве. Прочитав басню Михалкова своему двоюродному брату Юре Тетереву, я услышал от него, что все как раз наоборот — идет инфляция рубля. С детства видны были и другие нестыковки. Вспоминая «союзнические узы» Великой Отечественной войны, американцев ругали за задержку с открытием Второго фронта, но с удовольствием вспоминали и их тушенку, и боевую технику. Разъезжавшие по Челябинску трехосные студебекеры, основное средство для перевозки «катюш», казались пришельцами из будущего по сравнению с нашими полуторками, двухтонными ГАЗ-63 и трехтонными ЗИС-150. События 1956 г., связанные с Суэцким кризисом и войной между Египтом и коалицией Англии, Франции и Израиля, стали для меня толчком для переоценки отношения к США.

Несмотря на юный возраст, я осознал, что только совместные действия СССР и США могут служить гарантом стабильного мира. Тогда же я узнал от многих взрослых, что США в военном отношении намного сильнее нас, что нам не следует задираться, а надо искать компромисс. Это подтвердил и кубинский кризис, когда твердая позиция Джона Кеннеди заставила легкомысленного «борца за мир во всем мире» Н. С. Хрущева с позором вывезти ракеты с Кубы. Потом свою капитуляцию мы долго рекламировали как дипломатическую победу, поскольку нам дали возможность почти 30 лет содержать режим Фиделя Кастро, потратив безвозвратно не менее 30 миллиардов долларов, щедро прощенных недавно В. В. Путиным. Об отношении масс к дружбе с «Островом Свободы» красноречиво говорит популярная в то время фольклорная песня на мотив «Куба, любовь моя»:

Куба, отдай наш хлеб!
Куба, возьми свой сахар!
Куба, Хрущева нет!
Куба, пошла ты на...».

Как я уже говорил, со второй половины 1950-х гг. все слушали «Голос Америки», которому верили больше, чем нашему радио. Америка стала эталоном качества во всем, прорывавшиеся на наш экран американские фильмы, будь то классика — «Нюрнбергский процесс» — или пресловутая «Великолепная семерка», смотрели все. На устах у молодежи были имена американских писателей, артистов, певцов, а уж о музыке нечего и говорить. К тому времени уже все понимали, что военная победа над США нам не светит, особенно после событий на острове Даманском, когда неожиданно выяснилось, что Китай нам не вечный брат и не друг и, говоря словами Высоцкого, даже, не «так», а скорее подлинный враг, претендующий на наши «исконные земли», политые кровью наших солдат в марте 1969 г. во время вооруженного инцидента. В 1991 г. этот остров отошел к КНР в рамках урегулирования советско-китайской границы и как плата за устройство многополярного мира. Стало ясно, что перегнуть США в экономическом отношении, особенно в сельском хозяйстве, не удастся никогда. Даже после массового забоя скота в середине 1950-х гг. мы не приблизились к Америке по производству мяса, но успешно создали у себя

уже никогда не прекращающийся его дефицит. Но на серьезное сотрудничество с США власти не желали идти, четко осознавая, что это чревато необратимыми переменами, которые сметут их.

Не знаю, предвидел ли Михаил Горбачев последствия прекращения противостояния с США, но, когда «процесс пошел», главный враг зараз превратился в «старшего брата», закадычного друга и советника по самым жгучим и деликатным вопросам. И уже пламенный сторонник суверенитета русского народа Б. Н. Ельцин из Беловежской пущи звонил Дж. Бушу-старшему, спрашивая разрешения распустить СССР. Самое удивительное, что это никого тогда не возмутило. То, что в любой другой стране однозначно было бы оценено как предательство, в обществе, включая интеллигенцию всех союзных республик, было воспринято на «ура» как свидетельство международной поддержки происходящего. Я тогда считал, а после последних событий на Украине убежден в том, что Беловежское соглашение было геополитической ошибкой, порожденной всплеском биологического национализма, принесшей горе сотням миллионов людей и грозящей Европе и всему миру неисчислимыми проблемами в будущем. Кровавый распад Югославии, гражданские войны в Египте, Ираке, Ливии, Сирии и т. д., хроническая нестабильность Молдавии, Грузии, Украины — лишь предвестники надвигающегося ядерного Апокалипсиса. В те дни я Ельцина назвал «Гришкой Отрепьевым» и уверен, что в этом качестве он и войдет в российскую историю. Но уж его к нам американцы точно не засылали. И изначально обращались с ним, как с шутом гороховым.

Тогда же все были убеждены, что без американской помощи, включая куриные окорочка («ножки Буша»), России грозит полный крах. Возможно, так оно и было, но помощь по спасению России недолго была бескорыстной. В отличие от наших правителей, руководители США умели просчитывать последствия событий, понимая, что воцарение хаоса на громадных территориях, напичканных ядерным оружием, угрожает геополитическим интересам самих США. Ведь они не виновны в том, что россияне в свободных выборах доверили свои судьбы тем, кто не только не был готов отстаивать интересы России, но и всячески способствовал ее стремительному превращению во второстепенную и третьестепенную державу во всех отношениях, в том числе и в науке.

Очерченные в грубых чертах тенденции в эволюции отношений россиян к США отражалась и в науке. До середины 1980-х гг. мы, несмотря на все противоречия на официальном уровне, тянулись друг к другу, стремились к совместным проектам. Там, где это удавалось, оно шло на равноправной основе. Периодически к нам на стажировку приезжали молодые и талантливые историки биологии: Марк Адамс и Даниэль Тодес из США, занимавшиеся развитием эволюционной теории в России. Тогда у них это было престижно, так как каким-то боком причислялось к советологии. Мы же о таких поездках не могли и мечтать. Деловое сотрудничество у нас было и со многими создателями СТЭ, увлекшимися когнитивной историей биологии на склоне лет (Ф. Г. Добржанский, Э. Майр, Дж. Симпсон). Доклады редких визитеров с американского континента, например канадца ирландского происхождения Майкла Рьюза, вызывали огромный интерес, хотя для нас не всегда была понятна их озабоченность креационизмом. Сейчас мы на своей шкуре испытали, что это такое.

Перестройка дала возможность американским коллегам активизировать действия. Из-за нашей бедности мы этого сделать не могли. С их стороны стали

предлагаться совместные проекты, которые порой вызывали нездоровую конкуренцию даже в пределах одного структурного подразделения. Каждый пытался доказать, что именно он подходит для их выполнения, стараясь всякими способами дезавуировать другого, в том числе и автора самого проекта.

Особенно острый характер эта конкуренция приняла после распада СССР, сопровождаемого размытием традиционных норм и ценностей у части научного сообщества, исполнявшей перед иностранными визитерами танец «выбери меня». Кому удавалось добиться командировки или стажировки в США, те как бы автоматически попадали в разряд ученых, получивших мировое признание, и искренне сами считали так. Такие оценки были распространены и в обществе. Мой старший брат Юля только после моей командировки в США сказал: «Теперь я вижу, ты настоящий ученый». Если бы он знал, сколько проходимцев под видом ученых тогда гастролировало в Америке, которая, кстати, быстро разобралась с ними и отправила большинство обратно. Теперь в России они составляют ядро реформаторов науки и больше всех кричат об озабоченности ее судьбой.

В то время США, возможно, еще по инерции, проявляли особый интерес к российской истории науки, выделяя гранты на проведение совместных конференций, а также на постдокские стажировки за океаном, школы молодых ученых и т. д. Большой популярностью в середине 1990-х гг. пользовались русско-американские конференции: «Новые подходы к истории и социальным исследованиям науки и техники» (1994 г.) «Регионализм, местные интересы и наука: историческое наследие стран Балтии, России и Украины» (1995 г.) и «История организации науки: американские модели» (1996 г.), проходившие на базе нашего Филиала и открывшие дорогу в США многим молодым сотрудникам. В то время более или менее сносное знание английского языка давало каждому возможность попробовать свои силы за океаном. Среди таковых оказалось немало моих учеников и младших коллег. Большинство из них вернулись назад. Другие, как, например, Анна Козулина, остались, но ушли из науки. И только Николаю Кременцову удалось по-настоящему закрепиться, опубликовать несколько книг, получивших широкую известность. Сейчас он работает в Университете Торонто.

Американцы также продолжали приезжать в Санкт-Петербург для подготовки дипломов, диссертаций, книг, стараясь максимально использовать благоприятную конъюнктуру. В отличие от нас, им были доступны самые «закрытые» архивы, директора которых за мизерные суммы позволяли копировать целые фонды. Ущерб, причиненный ими отечественной историографии, не поддается исчислению. Впоследствии документы из этих российских фондов я изучал за рубежом. Порой для этого зарубежным ученым даже не надо было приезжать в Россию, так как всегда была возможность за 15–20 долларов нанять «архивного раба», который осуществлял поиск и был при этом счастлив «приобщением» к мировой науке.

Любой американский или немецкий исследователь становился желанным гостем в любом научном или образовательном учреждении. Им всячески старались помочь, при этом явно преувеличивая возможности каждого из них. Многие из них работали в провинциальных университетах, где преподавательский состав по квалификации и широте интересов не отличался от наших пединститутов в районных центрах.

Впоследствии у российских коллег возникали разочарования по поводу несбывшихся надежд, построенных на неверно проинтерпретированных знаках внимания со стороны американских коллег. Не сразу удавалось понять, что дружелюбие, простота, улыбка, смех — лишь принятая форма общения там, где с детства культивируется оптимизм и учат умению общаться со всеми, особенно с теми, кто тебе нужен. Но от них ничего не надо требовать взамен: почти всегда они делают только то, что им прямо сейчас по тем или иным соображениям нужно. Практически все время у некоторых из них как бы идет оценка сложившейся на данный момент ситуации. Порой даже кажется, что ты слышишь, как в голове у них крутится какая-то счетная машина, просчитывающая варианты.

В принципе, в этом они ничем не отличаются и от многих российских коллег. Но у нас все-таки больше распространены обычаи традиционного сообщества, где родство, воспоминания детства и юности, личные симпатии играют роль. Мы чаще дружим с людьми, близкими нам по взглядам и интересам, в то время как у них больше принято общаться с соседями и коллегами, принадлежащими к одному и тому же кругу. При всем демократизме их сообщество более стратифицировано. Миллиардеры не живут в тех районах, а тем более в домах, где преобладают представители среднего класса, а тем более обездоленные. Невозможны их встречи на совместных вечерах, что, в принципе, вообще характерно для западных научных сообществ.

Однажды для меня и для американского коллеги был устроен обед в помещении одного из институтов в Германии. В качестве официантов нам приносили блюда и убирала посуду два PhD: один из Германии, другой из Польши. Я испытывал некий психологический дискомфорт. Мой американский коллега воспринимал это совершенно нормально. Другой случай произошел в Санкт-Петербурге. 13 января, когда в России празднуют уникальный праздник — Старый новый год, один из молодых сотрудников пригласил меня присоединиться к их молодой компании. Среди его гостей был один «французик из Бордо», т. е. молодой историк науки из университета г. Бордо, проходивший тогда стажировку у нас. Увидя меня на этой вечеринке, он был удивлен и по наивности сказал, что у них трудно представить, чтобы профессор пришел в гости туда, где собрались его аспиранты и сотрудники.

Возможно, я ошибаюсь, но у меня сложилось впечатление, что, когда у меня возникала иллюзия зарождающейся дружбы, чаще всего американские коллеги воспринимали меня как партнера. Так, я первоначально наивно воспринимал их традиционно вежливое обращение «dear» или «my friend».

Тем не менее мне удавалось со многими из них, включая М. Адамса, Д. Тодеса, М. Рьюза и других, десятилетиями поддерживать нормальные отношения. Почти 20 лет сотрудничает со мной Ллойд Аккерт, готовивший под моим руководством магистерскую диссертацию по дневникам Ф. Г. Добржанского. Пребывание в России ему настолько понравилось, что год спустя он поступил в нашу аспирантуру и отучился здесь более года, сдав часть экзаменов. Кроме меня ему помогал также Д. А. Александров. На этот раз Аккерт приехал в Россию вместе с женой. Она плохо воспринимала петербургскую зиму с ее длинными темными вечерами, страдала от дефицита общения и от хмурых неприветливых лиц на улицах постперестроечного Санкт-Петербурга. Аккерт вернулся в США, поступил в аспирантуру Университета Джона Хопкинса в Балтиморе. Под руководством Даниэля Тодеса он защитил PhD и опубликовал прекрасную книгу «С. Н. Виноградов и циклы жизни». В настоящее время

он член редколлегии журнала «Историко-биологические исследования» и активно участвует в подготовке каждого его номера.

В 1990-х гг. часто и подолгу в России работал Дуглас Вайнер, ученик Лорена Грэхема, изучавший историю создания заповедников в СССР. Благодаря ему я лучше узнал, насколько в США принято серьезно относиться к научной работе. За несколько лет он стал одним из лучших знатоков советской биологии, которому, на мой взгляд, уступали даже признанные российские специалисты в этой области. Поражали его исключительная работоспособность, методология поиска материала и манера работать. Он досконально изучил десятки архивов, провел интервью и подружился с сотнями российских биологов. Результаты своих поездок он изложил в двух прекрасных книгах. Это «Модели природы: экология, охрана природы и культурная революция в СССР», переведенная на русский язык в 1990 г., и «Заповедники свободы в СССР: от Сталина до Хрущева» (1998). Последняя книга в прежние времена была бы бестселлером, но интерес к истории советской науки угас и в США, и в России. Она не была опубликована на русском языке, хотя Вайнер истратил немало денег на ее перевод и предполагаемое издание. Но бурный рост издательских расходов и необязательность русских партнеров, взявшихся за издание, свела на нет все эти усилия.

Дуглас вызывал симпатии: всегда весел, энергичен, доброжелателен. Искренне любил Россию и старался ее понять. Сочувствовал нашим бедам. Хорошо относился к российским ученым, со многими из них дружил. Его книги отличались объективностью и взвешенностью оценок, лишенных всяческого идеолого-политического контекста. При этом он оставался американцем до мозга костей. Он искренне радовался нашим встречам на зарубежных конференциях, старался расширить мои контакты с американцами, почему-то представляя меня порой как своего учителя. В 1999 г. он был президентом Международной конференции по экологической истории в г. Туксоне, расположенном в центре пустыни Аризона, и пригласил меня и молодого историка географии из Москвы Алексея Каримова. Хотя это был мой второй визит в США, но первое выступление на английском языке перед американской аудиторией. Конгресс собрал несколько сотен участников. Меня поразили размах мероприятия и его организованность, разнообразие докладов, активность их обсуждения. Даже мой доклад о Вернадском стал предметом оживленной, но доброжелательной дискуссии. Хотя в конференции участвовали историки экологии из Европы, было ясно, насколько самодостаточным является американское сообщество историков науки, численность которого, наверно, сопоставима с численностью всех остальных историко-научных сообществ вместе взятых. Там, где в России или даже во всем русскоязычном пространстве было два-три десятка специалистов, у них их были сотни и даже тысячи.

Познавательным для меня было и выступление на состоявшемся тогда семинаре в Аризонском университете, где я докладывал о разных попытках диалектизации биологии. Но особое впечатление произвела на меня тщательно продуманная культурно-познавательная программа. В рамках конференции нас свозили в Национальный парк Сагуаро и в знаменитую «Биосферу 2» — гигантское сооружение на нескольких гектарах, моделирующее замкнутую экосистему в виде семи основных зон жизни (джунгли, саванна, пустыня, океан и т. д.), населенную 4 тысячами видов животных, растений и микроорганизмов. Сооруженная по проекту

Дж. Аллена (с которым я познакомился в 1988 г., поклонника В. И. Вернадского), она просуществовала как экспериментальная лаборатория с перерывами с 1991 по 1996 г. Эксперимент, организованный с целью выяснения возможности выживания людей в рамках искусственно созданной экосистемы, завершился неудачно. Проект причисляют к числу «100 самых крупных провалов в истории». Но он имеет огромное значение, показав еще раз всем, что надо хранить естественную биосферу и не надеяться выжить в искусственной. Проект имеет и большое просветительское значение. Хотя и не удалось обеспечить автономный круговорот веществ и трансформацию энергии, многочисленные посетители со всего мира могут в течение нескольких часов побывать в основных экосистемах Земли. К тому же проект наглядно демонстрировал возможности науки, финансируемой частным капиталом. Очень интересными для меня были поездки с Вайнером в индейскую резервацию и в «Мертвый город», музей под открытым небом, воспроизводящий быт американского города конца XIX в. Никогда я не забуду утренний пикник в центре пустыни.

А первая моя поездка в Америку состоялась в августе 1998 г. Вместе с большой группой молодых историков науки я присутствовал на конференции «Наука о жизни в Соединенных Штатах и России: биология, экология, сельскохозяйственные науки и медицина», проходившей в Филадельфии в Американском философском обществе. Ее организатором были К. Бенсон, ученый секретарь Национального фонда США, и Д. А. Александров. В конференции участвовали около 40 человек — с российской стороны в основном молодые сотрудники и аспиранты. Из старшего поколения были только я и Наталия Ивановна Кузнецова, один из наиболее методологически грамотных московских историков науки, с которой я дружу более четверти века, ценя ее отточенную мысль и искреннюю любовь к философии и истории науки. Она много делает для воспитания нового поколения историков науки, пестуя их, как заботливая мать. Конференция была задумана прежде всего для того, чтобы способствовать инкорпорации молодых российских сотрудников в американское научное сообщество.

Само пребывание в первой столице США и в его старейшем научном учреждении с богатейшими архивами по истории биологии было захватывающе. Благодаря Л. Аккерту я смог быстро и много узнать о Филадельфии, а энергичный Бенсон по дороге из Филадельфии в Вашингтон показал нам сельскую Америку, ряд ее городов, включая Атлантик-Сити. Россия тогда стояла накануне ельцинского дефолта, и было удивительно видеть процветающую, сытую страну с грандиозными зданиями, широкими дорогами, богатыми музеями, магазинами с сотнями видов конфет, колбас и т. д. Меня особенно поразили аэропорты с бесконечными терминалами, сообщение между которыми обеспечивалось поездами, как в Цинциннати, или системой автобусов, как в Нью-Йорке. Даже провинциальный Туксон с населением в полмиллиона человек имел аэропорт, превышающий московский, не говоря обо всех остальных аэропортах России. Бегом мы с Наталией Кузнецовой пробежали по Вашингтону, побывав за день в зоопарке и в трех главных музеях, каждый из которых поражал фундаментальностью, продуманностью экспозиций, наглядностью и т. д.

В Филадельфии Бенсон сводил нас в какой-то знаменитый и, видимо, дорогой морской ресторан, который посещали многие видные люди XX в. Доказательством служили многочисленные фотографии королей, президентов, генеральных секретарей и т. д. в фойе ресторана. Его хозяин — в четвертом поколении потомок русских эмигрантов, — заметив нашу компанию, вышел поинтересоваться, кто такие.

Убедившись, что вряд ли нас можно использовать в рекламе, сфотографироваться не предложил, но подарил две бутылки водки. Кстати, Бенсон, когда поднимал тост за меня, вспомнил, что я его похвалил в Санкт-Петербурге за то, что он пьет, как нормальный русский, в отличие от остальных американцев. Бенсон был настроен на расширение сотрудничества с нашим Филиалом, но, вернувшись в Россию, мы попали в дефолт, и на некоторое время пришлось забыть об этих планах. Затем интерес к российской науке в США пропал, они переключились на Китай, который для них стал новым главным конкурентом.

В 1999 г. я был сопредседателем международной конференции «Наука и общество». Ее инициатором был Джеймс Бёркс, профессор антропологии Канисиус-колледжа (Буффало, штат Нью Йорк), основатель и президент Международной дарвиновской ассоциации США. Он обеспечил финансовую поддержку конференции, включая публикацию материалов. В ней приняли участие российские исследователи, а также ученые из США, Англии, Австралии, Новой Зеландии, Франции, Голландии. Книга «Science and Society» (2000), подготовленная по итогам этой встречи, частично состояла из текстов на иностранных языках, что было довольно необычно для отечественной практики в гуманитарных науках.

В начале 2000-х гг. мои связи с американскими историками науки носили эпизодический характер. М. Уоркер и С. Лесли, как уже говорилось, участвовали в моем проекте «Наука и кризис», Д. Вайнер — в книге «За “железным занавесом”. Мифы и реалии российской науки». Вместе с ними и другими американскими исследователями я участвовал в проектах немецкого Общества Макса Планка и Японского общества содействия науке. С середины 2000-х гг. в Филиал неоднократно приезжал Миклош Мюллер, эмигрировавший из Венгрии в 1956 г. и ставший в США крупным протозоологом. На склоне лет он работал в Рокфеллеровском институте в Нью-Йорке, заинтересовался Эрвином Бауэром, а через него и всей российской теоретической биологией в довоенный период. Благодаря ему я еще раз убедился, насколько досконально и глубоко ведут исследования американские историки, не доверяя никаким авторитетам, перепроверя каждый факт, обращаясь к все новым архивным материалам. Я его привлек к написанию нескольких статей для энциклопедического словаря «Биология в Санкт-Петербурге». Когда он мне показывал Рокфеллеровский институт, то познакомил с тремя-четырьмя лауреатами Нобелевской премии, которые здесь трудились после выхода в отставку на прежнем месте работы. Такой плотности нобелевских лауреатов я нигде никогда не встречал, за исключением, пожалуй, Кембриджа.

На склоне лет Мюллер также глубоко и профессионально занимался историей лысенкоизма в Венгрии. Вероятно, по его наводке ко мне обратился молодой профессор Колумбийского университета Вильям де Йонг-Ламберт с просьбой помочь при составлении заявки на крупномасштабный проект «Лысенкоизм», предусматривавший проведение нескольких конференций и публикацию итогового сборника. Хотя мне в тот момент не был понятен интерес к этой, как мне казалось, хорошо исследованной и уже не актуальной теме, я изложил свои соображения и получил приглашение выступить с докладом на конференции или быть модератором. Я выбрал первое, так как не мог решиться подводить итоги обсуждения на английском языке.

В ходе подготовки к докладу, посвященному причинам появления лысенкоизма, я с удивлением обнаружил, что в современной России развернута широкая и явно

организованная и хорошо финансируемая кампания по дискредитации Н. И. Вавилова и реабилитации Т. Д. Лысенко. Доклад произвел впечатление на аудиторию и был отмечен в прессе, хотя в частной беседе Л. Грэхем сказал, что не стоит преувеличивать суждения каких-то маргиналов.

Под влиянием массы публикаций на эту тему он изменил свое мнение и в конце 2013 г., находясь в Санкт-Петербурге, предложил встретиться для обсуждения причин оживления лысенкоизма. Я старался довести до него свое видение этой ситуации как закономерного итога положения науки в России. Он знал, что на эту тему мной подготовлены две большие публикации на английском языке, и попросил их. Изучив рукописи, он через несколько дней сообщил, что они помогли ему лучше понять ситуацию с генетикой и наукой в целом в России.

В ходе подготовки ко второй конференции, которая проходила в июне 2012 г. в Вене, я решил разобраться подробнее в причинах появления лысенкоизма, процветания его в СССР и оживления в наши дни. С помощью С. В. Шалимова мне удалось обнаружить в Российском государственном архиве историко-политических документов фонд партийной организации Вавиловского ВИРа, который до сих пор никто не исследовал. Между тем в них крылись разгадки многих проблем, в том числе и механизмов, определивших путь Н. И. Вавилова на эшафот. В итоге родилась несколько парадоксальная гипотеза о том, что его судьба была предопределена еще до появления на сцене Т. Д. Лысенко, которому лишь отвели роль губителя великого ученого. Это предположение, подкрепленное архивными материалами, вызвало большой интерес. Мне было заказано несколько крупных престижных публикаций.

Возвращаясь к поездке в Нью-Йорк, где я пробыл более трех недель, хотелось бы подчеркнуть, что город произвел впечатление рационально устроенного пространства для научных занятий. Когда в российских архивах у меня уходили недели и месяцы на сбор материала, а копирование стоило не меньше 3–4 долларов за страницу, в Бахметьевском фонде Колумбийского университета позволяли самому фотографировать любое количество документов, а ксерокс стоил 25 центов за страницу. Я уж не говорю о том, что заказ выполнялся в течение 10 минут, а количество архивных дел не было ограничено. В книжных магазинах Нью-Йорка можно было найти практически любую нужную книгу. Чрезвычайно удобна и хорошо продумана система общественного транспорта, а такси стоило копейки.

Много можно сказать о богатстве нью-йоркских музеев, особенно Музея естественной истории и Метрополитен-музея, в которых я бродил часами. Меня приглашали и на некоторые культурные мероприятия, по масштабам и манере которых я убедился, что именно Нью-Йорк является культурной столицей мира. Добавлю еще, что здесь естественно выглядели представители разных культур и рас, демонстрируя подлинную толерантность.

Пожалуй, единственное, что меня разочаровало в США, так это систематический срыв расписания самолетов. Случилось так, что пять из шести поездок проходили с приключениями, дважды терялся багаж, который я разыскивал по несколько дней, коренным образом менялись маршруты, на многие часы задерживались рейсы. Но есть один плюс. В каждом случае кампания в качестве компенсации представляла в течение года поездку в пределах США. Каримов такой возможностью воспользовался и слетал в Лос-Анджелес.

США — отнюдь не земля обетованная. Пассивным, не способным к каждодневному труду и жесткой конкуренции, критерии которой порой странны, там делать нечего. Конкурсы на замещение профессорских должностей проходят порой по параметрам, продиктованным соображениями гендерной и расовой толерантности. При наличии десятков, а то и сотни претендентов на вакантную должность не всегда побеждает лучший. Возможно, при более или менее равных условиях и с учетом рекомендаций различного рода попечительских советов предпочтение отдадут чернокожей, выросшей в нищете, да еще зверски изнасилованной в юности. В противном случае университет рискует стать объектом яростных атак вплоть до судебных обвинений в расизме, дискриминации женщин и тому подобных прелестей западной цивилизации.

Если ты не полный профессор на постоянной ставке, то легко можешь остаться без работы. Там все нацелены на успех и проигравшего жалеть никто не будет. Однажды одна из подруг молодости, эмигрировавшая в США, вдруг через 27 лет решила меня разыскать и пришла в Филиал. Удивительно, что не она меня, а я ее узнал сразу. Поняв, что я директор, она с иронией спросила, мол, сколько глоток пришлось перегрызть по пути к вожделенному посту. Увы, она даже не знала, что в России именно грызущих глотки как раз и не допускают к власти.

Американцев тоже контролируют со всех сторон, но иначе. Одна из моих учениц, поняв, что как у историка науки у нее нет шансов найти работу, решила поступить в юридическую школу. Для этого ей нужно было представить отзывы о себе от друга, от факультета, где она получила высшее образование, и от меня как ее начальника. Особенно меня удивила необходимость отзыва от факультета, который она окончила за 15 лет до того. Оказалось, в США считают, что если она сделала предосудительное в период учебы, то в бумагах должно было что-то остаться. Заполняя свой отзыв в формализованном виде, ставя оценки на три группы вопросов по поводу черт характера (способность к учебе, оригинальность мышления, дружелюбие и т. д.), я вскоре заметил, что вопросы составлены так, чтобы можно было проверить и искренность моих ответов.

Американцы знают это с детских лет и стараются не совершать ничего предосудительного, так как даже штраф за превышение скорости может быть оценен как склонность к поступкам, угрожающим жизни окружающих. Будучи с первых дней нацеленными на карьеру, они стараются трудиться изо всех сил. Это их жизнь, правила игры которой они хорошо знают и которым следуют, сколь бы ни были они странны для нас, а их суждения ни казались бы порой наивными. Американцев надо уважать за то, что упорным трудом в течение нескольких поколений, привлекая все лучшее со всего мира, они создали процветающую и наиболее устойчивую на сегодняшний день цивилизацию.

Встречаясь с различными американскими семьями, в том числе и бывших россиян, эмигрировавших из России, например с Вадимом Бирнштейном и его американской женой или с Аней Козулиной и ее американском мужем, я не мог им ответить, почему сильны антиамериканские настроения в современной России. Конечно, у них другие ментальность, культура, быт и стиль жизни, другое отношение к труду и т. д. Но из этого не следует, что мы должны враждовать. Чем скорее мы взаимно научимся воспринимать друг друга такими, какие мы есть, тем лучше для обеих стран с учетом грядущего мирового халифата в Западной Европе.

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

В ноябре 1973 г. К. М. Завадский подарил мне только что выпущенную книгу, на которой сначала хотел написать пожелание издать такую же через 25 лет. Потом, подумав, он добавил, что подобная надпись может доставить мне неприятности от коллег. Не знаю, что он имел в виду, но сейчас мне понятно, что нельзя желать написать такую же книгу. У каждого должна быть только своя книга. Случилось так, что у меня таких несколько. Тем не менее в какой-то степени я выполнил завет учителя.

По моей инициативе была подготовлена коллективная монография «Создатели современного эволюционного синтеза», построенная на оригинальной трактовке развития эволюционной теории в XX в. Суть ее заключалась в том, что наряду с архитекторами синтетической теории эволюции или современного дарвинизма к числу создателей синтеза эволюционных знаний в XX в. причислены авторы попыток обобщить их на базе неदारвиновских механизмов эволюции, например Л. С. Берг (ногогенез) или О. Шиндевольф (неокатастрофизм). К созданию этой книги были привлечены ученые из Германии, Канады, Чехии и Швеции, подготовившие главы о некоторых немецкоязычных эволюционистах. В книге был проведен анализ процессов реализации идеи синтеза знаний об эволюции в биологических сообществах разных стран (Англии, Германии, Франции, США и СССР) и в разных дисциплинах в 1940–1960-х гг. Были выделены протагонисты эволюционного синтеза в США и России (А. С. Фаминцын, А. Н. Северцов, С. С. Четвериков, Н. И. Вавилов, С. Райт), уточнен вопрос о главных архитекторах СТЭ и ее международном характере. В серии очерков, посвященных анализу ключевых работ в СТЭ, принадлежащих перу Ренша, Дж. Хаксли, Э. Майра, Дж. Симпсона, Дж. Стеббинса, И. И. Шмальгаузена), показана национальная и предметная специфика их вклада в ключевые проблемы эволюции, а также роль наиболее активных участников создания СТЭ в СССР, Германии и Франции (это Г. Ф. Гаузе, К. М. Завадский, С. А. Северцов, Е. И. Лукин, Н. В. Тимофеев-Ресовский, Г. Геберер, Ж. Тессье) в ее развитии. Был дан анализ работ архитекторов неदारвиновских синтетических концепций эволюции (Л. С. Берга, Д. Н. Соболева, А. Ремане, Р. Гольдшмидта, П. Тейяр де Шардена).

В недавно вышедшей из печати совместной немецко-русской монографии «Эволюционный синтез: границы, перспективы, альтернативы» (2013), где я в числе редакторов, есть и моя статья о типологии и сальтационизме. К подготовке книги были привлечены практически все современные ведущие немецкие специалисты в области эволюционной теории и ее истории. Их внимание было сосредоточено на проблемах самоидентификации современной эволюционной теории, связанных с трактовкой сущности и границ учения о естественном отборе. При этом основное

внимание уделено концепции «расширенного синтеза», интенсивно дискутируемой в последнее время. Согласно этой концепции, в канву эволюционного синтеза постоянно должны включаться все новые данные и обобщения, в том числе и развивавшиеся прежде в недарвиновских теориях.

Сейчас в издательстве находится рукопись моей книги «Эволюционный синтез в разделенном мире», которая должна подвести черту почти полувековой моей деятельности в области истории эволюционной теории. Вероятно, это будет последняя книга. Вспоминаются бессмертные слова Александра III: «Пора бы и остановиться».

«КАК ХОРОШО МЫ ПЛОХО ЖИЛИ» (ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ)

Эти слова одного из самых интересных поэтов нашего времени Бориса Рыжего, покончившего с собой в 28 лет в начале путинской эпохи, в 2001 г., наверное, можно поставить эпиграфом к любым воспоминаниям, сколь бы пессимистично они ни выглядели. Природа человека такова, что он обычно недоволен всем, кроме самого себя. С другой стороны, вспоминая молодость, он склонен думать, что тогда все было лучше: трава зеленее, солнце теплее, девушки милее и даже грязь чище. В молодости мы, как правило, амбициозны. Верим, что перед нами открыты все пути и дороги и все будет так, как мы захотим. Чаще всего так не бывает. Нормальный человек со временем воспринимает это как должное и, заняв какую-то экологическую нишу, идет без завываний и причитаний по жизненному пути. Другие же превращаются в мизантропов и в своих несбывшихся ожиданиях винят родителей, учителей, школу, институт и, наконец, эпоху, не оценившую их уникальных способностей. Философское образование и длительная тренировка к критике всего и вся порой придает убедительность подобным сочинениям, которые имплицитно продиктованы стремлением рассчитаться за все подлинные и мнимые обиды. Надеюсь, я избежал подобных соблазнов, а если кого-то все-таки невольно обидел, приношу извинения, как и тем, кого я по разным причинам не упомянул.

Также прошу прощения за те страницы, которые, возможно, покажутся нескромными или даже самовосхвалением. На самом деле я критически отношусь и к себе, и к своему творчеству, так как, будучи историком науки, знаю, что такое подлинный успех в науке. Далеко не всегда я был прав и в жизненных ситуациях. Но слово «я», без которого не обойтись в воспоминаниях, непроизвольно играло злую шутку. Ещё раз повторяю, это не научный труд. Мне так вспоминается, а как было на самом деле, я точно сказать не могу. Если кто-то это знает лучше, я искренне ему завидую.

Так устроен человек, что в конце жизни встает вопрос: а для чего ты жил? Майским вечером 1970 г., накануне моей неудачной попытки самоубийства, я, измученный трехмесячной бессонницей, обсуждал извечный вопрос о смысле жизни с моим другом Борей Фетисенко на скамейке на набережной Малой Невки недалеко от Кировского (Каменноостровского) проспекта. У меня все было плохо, а у него, напротив, казалось, все удачно складывалось. И он мне сказал: счастливая или несчастливая твоя жизнь, можно определить только на крышке гроба. К сожалению, я его не послушался, но первое чувство, которое я испытал через сутки с чем-то, когда меня откачали, — это какая-то звериная радость по поводу того, что остался жив. Помню, врач и санитары были удивлены и даже спросили: если у меня столько оптимизма и юмора, то как я мог решиться на подобный шаг?

Ответить я не мог, но врача в больнице им. Скворцова-Степанова убедил, что я не псих, и, продержав меня около месяца без всякого лечения, она меня выпустила,

не поставив даже на учет. И я ей за это благодарен, так как в те времена это могло оказаться хуже, чем судимость. С тех пор я подобных экспериментов не повторял, усвоив в конечном счете, что смысл жизни в ней самой и в сакраментальной фразе: «Плодитесь и размножайтесь». С естественнонаучной точки зрения человек есть не что иное, как средство для надежной редупликации ДНК. Верующие наверняка со мной не согласятся и будут говорить что-то «об образе и подобии», о душе и т. д. Не буду спорить, рекомендую чаще смотреться в зеркало. Я же попытался воспринять жизнь такой, как она есть, без самокопания и саморефлексий в духе незабвенного Васисуалия Лоханкина. В самые трудные минуты моей жизни опорой стала мудрость моих университетских друзей Толи Михеева, Володи Носова и Игоря Шмерлинга.

Когда в перестроечные и постперестроечные годы я слышал жалобы на жизнь от какого-нибудь доктора наук, я обычно говорил: «Радуйся, что не родился в яранге и до ветру сейчас ходишь не в тундру». Конечно, я понимаю, что часть людей, претендующих на некую особую психоневрологическую организацию, склонна к стенаниям или к еврейской тоске, как сказала мне одна американка, содержащая своего мужа-эмигранта. Но ей подвержены и представители иных национальностей, в том числе вполне арийского происхождения. Одна из них в течение нескольких лет говорила мне, как ей тошно и хочется повеситься. Вначале я пытался уговорить ее взглянуть на жизнь более оптимистично. Но подобное нытье прекратилось только после вопроса: «Веревку сама достанешь? Или принести?»

Конечно, я не стал оптимистом. Но и не воспринимал свою прохудившуюся бочку как Всемирный потоп. Выходя на финишную прямую, вопреки суждению Фетисенко трудно все же понять, для чего прожил жизнь и был ли счастлив. Ретроспективно прошедшая жизнь, как и сама эволюция, кажутся выстроенными в цепь жестко предопределенных, закономерных событий. На самом же деле обе представляют собой совокупность множества случайных событий и после некоторых точек бифуркаций могли протекать совершенно иначе. Так и с моей дорогой в науку. Сейчас мне кажется, что и моя деятельность, и даже тематика исследований были предопределены с детства, но реализация всегда шла через его величество случай. Я мог стать железнодорожником, топографом, строителем и при этом наверняка тоже обрел бы себя.

Семейная жизнь также могла быть другой: с другой женой и другими детьми. В молодости я был влюбчив. Иногда мне отвечали взаимностью. Если этого не было, то я страдал недолго. Я не могу, подобно чеховскому Смирнову, сказать, сколько женщин бросил я и сколько бросили меня. В последних случаях я всегда руководствовался принципом: «Если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло». Со мной было нелегко, и кто-то уходил с обидой. Правда, не помню ни одного случая, чтобы она оставалась на всю жизнь. Обычно через много лет мы встречались как старые добрые друзья. Ретроспективно во всех случаях беру вину на себя и благодарен всем женщинам, встретившимся на моем пути. Хочу, чтобы они знали, что воспоминания о них всегда светлы в моей памяти.

Вот уже более 40 лет рядом со мной моя жена Наташа, с которой меня все годы связывает нечто большее, чем любовь. Она помогала мне в работе и была строгим, а порой и беспощадным критиком, особенно моих первых трудов. Но я трудился и был рад, когда она признала мои научные труды по эволюции, и, будучи

филологом-германистом, внимательно их прочитывала. И я очень благодарен ей за ее терпение и мудрость. Как и своим детям, давшим мне самые счастливые минуты жизни. Ну а мои три внука, конечно, же, самые замечательные в мире, и очень жаль, что еще так много детского горя на земле. Звание «трижды дед Российской Федерации» мне дороже все остальных степеней, наград и званий.

Мое детство выпало на послевоенное лихолетье, но оно не было столь тяжелым, как у других. Мы жили небогато, но нам и не нужно было много. Я не голодал, как многие мои друзья по университету, особенно выросшие в деревне. Я рос в семье, жил в неплохих по тем временам условиях. У меня были родители, бабушка, братья и сестра, и нам было весело и хорошо. Я учился в хорошей школе, большинство моих учителей были талантливыми педагогами и хорошими психологами. Мне посчастливилось учиться в Ленинградском университете, который в те годы на самом деле был одним из лучших в мире, а не числился где-то на 700-м месте. Университетом тогда руководили подлинные ученые — всемирно известный математик А. Д. Александров и геофизик К. Я. Кондратьев. Здесь учились тысячи студентов из разных стран, большинство из которых были благодарны советским профессорам и воспринимали СССР как великую страну. Как историк я понимаю, что совершенно безразлично, что и когда было создано, но летоисчисление моего университета с 1724 г. вызывает у меня чувство неловкости. Старое далеко не всегда означает лучшее. Для меня обидно, что студентов моей любимой альма-матер, которая для меня всегда была, есть и будет лучшей в мире, с юности приучают ко лжи. И никакой пользы от этого никому нет. Это ложь не во спасение, а во глупость.

В детстве и юности моя страна была в числе главных победителей во Второй мировой войне. С ней считались во всем мире. Ее успехи в науке и технике, особенно в освоении космоса, были общепризнанными. С позиций сегодняшнего дня многое кажется странным в той жизни и в устройстве того общества. Но мы выросли в нем, были плоть его от плоти и воспринимали строй как свой, со всеми его плюсами и недостатками. Нам не надо было приспособляться к этому строю, наши взгляды менялись вместе с ним, что не приводило к нравственным коллизиям и интеллектуальным метаниям.

Нашим дедам и родителям пришлось тяжелее. Сталинская диктатура была беспощадна. В наши годы режим карал лишь явных врагов. Я к их числу не относился, так как никогда не жаждал ни власти, ни денег, не возжелал ни жены, ни имущества ближнего, а значит, никому, по сути дела, не перебежал дорогу. Поэтому и начальство, и окружающие позволяли мне иметь свою точку зрения на все происходящее, а академическая среда, в которой я провел почти всю сознательную жизнь, позволяла это делать практически без опасений. Мне не пришлось иметь дело с правоохранительными органами, хотя поводы для этого в бесшабашные брежневские годы, когда спивалась вся страна во главе с ленинским Политбюро, бывали. Да кто застрахован от тюрьмы «в той стране голубиной, что делится тысячу лет на ментов и воров», если снова вспомнить Борю Рыжего? Жизнь также могла быть короче из-за ряда явно генетических заболеваний, но наша медицина не столь уж плоха, как принято считать. И думаю, что лет на десять по крайней мере врачи продлили мой онтогенез. К сожалению, я не могу их всех назвать, но для меня особенно важными оказались встречи с кардиологами Борисом Марковичем Липовецким и Мариной

Феликсовной Баллюзек, и особенно с хирургами Игорем Валерьевичем Михайловым и Александром Ивановичем Борисовым.

Жаль времени, потраченного в очередях, но это быстро забывается. За дефицитом я не гонялся, а большая часть жизни пришлось на годы, когда в магазине хоть что-то можно было купить, особенно в Ленинграде. Как тогда, так и сейчас я не понимаю страсти к тряпкам, машинам, навороченной технике и т. п.

СССР был большой страной. В юности я полностью удовлетворил свою страсть к путешествиям, побывав во всех климатических зонах, за исключением тропиков. Испытал себя и в горном туризме. Ходил в северных морях. Уже в новой России мне довелось около 80 раз быть за границей, в подавляющем большинстве случаев за счет принимающей стороны. Взамен я не мог ничего предложить, и это был явный минус во взаимоотношениях с учеными других стран, так как нарушался принцип взаимности. Но они с пониманием относились к тому, что профессура в нашей стране относится к числу низкооплачиваемых, порою и полуничих, служащих. И при этом правительство и законодательство выговаривает им за сдачу позиций и надеется поднять рейтинг за счет выстраивания над ними многоэтажной бюрократии, а также назначения лидерами научного сообщества всякого рода проходимцев. Помимо научных командировок я в последние пять лет посетил как турист Финляндию, Швецию, Израиль, Таиланд, Камбоджу, Голландию, Бельгию, Люксембург, Испанию, Италию. Реализовалась детская мечта о катании на слоне. Я даже правил им и выступал с ним на арене с опасным номером. Особо яркое впечатление осталось от великолепных испанских соборов Кордовы, Гранады, Толедо, Севильи и Валенсии, представляющих собой потрясающий синтез мусульманской и христианской средневековой культуры. Счастлив, что увидел великолепие музеев, храмов и дворцов Парижа, Лондона, Рима, Милана, Флоренции, Венеции, Пекина. И сейчас перед глазами стоит таинственный индуистский ансамбль храмов Агра в тропических лесах Камбоджи, как и жуткая нищета в стране, превосходящая порой и нищету «страны чудес» Индии. Пожалуй, я только в этих двух странах испытал «чувство гордости» за свою Родину, так как в большинстве других стран наше отставание от современной цивилизации очевидно. В то же время посещение мавзолея-музея Тадж-Махал в Индии также невозможно забыть.

За последние пятнадцать лет произошли существенные изменения в России, особенно в ее главных городах. И вряд ли кто-то хочет в прошлое. Выросли целые жилые кварталы, а чистотой улиц и их безопасностью от криминальных элементов Петербург пока может поспорить с прославленными столицами многих стран Европы. Народ стал лучше одеваться, успокоился. Я не буду говорить о политической жизни, которая отсутствует в подлинном смысле слова во всех сегментах общества. Выборы показали, что каждый народ достоин своего правительства, в том числе и такого, которое способствует откату страны в Средневековье. И посему бесполезно сетовать на коррупцию и притеснения. Если народ позволяет власти озоровать, то она и не церемонится. Особая вина лежит на интеллигенции, которая, как всегда, почти поголовно и безропотно легла под нынешнюю власть. Поэтому я предложил бы гимном российской интеллигенции сделать песню «Мы сами копали могилу себе».

Жаль, что правящая элита, а за ней и народ осознанно выбрала путь к отжившим формам социального устройства, видя в мифологизированном прошлом прекрасное

будущее. Но так бывало уже не раз, костры инквизиции неизбежно зажигались там, где гонениям подвергался разум, а от свободы отказывались во имя сытой похлебки. Один физик, которого считают главным вдохновителем ликвидации РАН, заявил: «Академия должна неминуемо погибнуть, как Римская империя». Он, видимо, не знал, что после ее гибели наступило Средневековье, когда подобных ему десятками тысяч жгли на кострах.

У великих правителей всегда в советниках были великие ученые: у Александра Македонского — Аристотель, у Петра I — Г. Ф. Лейбниц, Ф. Вольф и Л. Л. Блюментрост, у Екатерины II — Вольтер, Д. Дидро П. С. Паллас. Даже И. В. Сталин прислушивался к физикам С. И. Вавилову, П. Л. Капице, И. В. Курчатову. Называть фамилии советников нынешней власти по вопросам науки вряд ли имеет смысл. «Вы не поверите», как принято говорить на современных российских телеканалах, многие из которых сами стали символом лжи, непрофессионализма и глупости. Закономерны и нарастающая деградация нашего образования, и ликвидация академической вольницы. Страна, конечно, со временем дорого заплатит за выбранный путь. Но когда это время наступит, никто не знает.

Что касается философии, а затем эволюционной теории и истории науки, которыми я с удовольствием полвека занимался, то ничего нового я не узнал, кроме того, что «человек смертен; биосфера конечна; конечны и Солнечная система, как и, видимо, вся наша Вселенная». Но о последнем лучше знают астрофизики, рассказывающие о том, что было 15 миллиардов лет назад. Я этого не помню, так как в то время, как говорил Тимофеев-Ресовский, был маленьким. Я полагаю, что непознаваем не только мир — мы не способны познать себя. Разум для меня лишь побочный продукт приспособительной эволюции обезьяноподобных предков. Он играет с человечеством злую шутку, убеждая в возможности познать бесконечное. Ф. Ницше критиковали за то, что он сетовал: «Человеческое слишком человеческое». Сейчас и это звучит слишком возвышенно. Правильнее сказать: «Обезьянье слишком обезьянье», — возможно, в дальнейшем придется опуститься на еще более низкие этажи филогенеза.

Литературоведу Ю. М. Лотману — кумиру советской интеллигенции 1980–1990-х гг. — приписывают единицу измерения исторической близости людей: «Их разделяет одно пожатие руки». Мне приходилось слышать подобное от иностранных коллег, которые вряд ли читали Лотмана. Но суть отражена верно. На самом деле особой отдаленности нет. Если начинать с Б. М. Кедрова, сидевшего в детстве на коленях у В. И. Ленина, лишь одно рукопожатие руки меня отделяет от первых лиц СССР и России, а также от президентов Академии наук СССР, не считая тех, с кем мне лично пришлось общаться с 1974 г., как и со всеми главами Санкт-Петербурга. Более важно для меня, однако, что со всеми моими главными героями — выдающимися эволюционистами Германии, США и, конечно, России XX в. я связан целой сетью рукопожатий. Возможно, из-за этого для меня они все удивительно близки, а некоторых из них мне довелось знать лично. Тепло Н. И. Вавилова, В. И. Вернадского, Ф. Г. Добржанского, Дж. Г. Симпсона, Д. Н. Соболева, В. Н. Сукачева, Дж. Хаксли, О. Шиндевольфа, И. И. Шмальгаузена и многих других дошло до меня через рукопожатия учителей и старших коллег. Некоторые из них несли отпечаток их гения и гражданственности. Историк науки в чем-то подобен артисту. Прежде чем писать о ком-нибудь, он должен погрузиться в мир своего героя, иногда даже почувствовать его воплощение в себе.

Моя научная деятельность протекала в стенах тех библиотек, архивов, музеев, институтов и залов, где бывали практически все самые выдающиеся ученые России и где многое как будто сохраняет следы их присутствия. Однажды, открывая одну крупную международную конференцию по социологии, я сказал, что здесь за стеной был кабинет Н. И. Бухарина, которого во всем мире считают одним из создателей социальной истории науки. Иностранные гости в перерыве побежали фотографировать комнаты, в которых работал Бухарин. Большая же часть моей научной деятельности прошла в тех стенах, в которых трудились и дискутировали наиболее значимые для меня интеллектуалы России. Подобное чувство причастности к прошлому возникает обычно только в некоторых музеях, а для меня оно было нормальным рабочим фоном. Надеюсь, что мои ученики и младшие коллеги испытывают то же самое.

Как подарок судьбы я воспринимаю выпавший мне шанс трудиться в старинных зданиях Академии наук и быть частью этого удивительного научного сообщества. Именно его успехи прославили Россию. Благодаря ему Россия стала великой державой, а теперь стремительно катится в мировые аутсайдеры, а то и изгои, оказавшись неспособной сберечь Академию наук как «бесценный дар нашей истории». Мир интеллекта более связан и независим, чем это могут себе представить отъявленные реформаторы науки и их вдохновители. Всем придется ответить перед лицом истории, а может, и при жизни. И этот суд будет нелицеприятным. Хотя разве можно судить холуев и пигмеев, как и оставшихся анонимными авторов пресловутого закона о реформе РАН? Вряд ли они не ведали, что творили, но в любом случае каждому воздастся по делам его. Историки науки донесут их имена до следующих поколений, и их детям будет стыдно за них.

Ученые как тараканы — их уничтожить невозможно. Российская наука жила, живет и будет жить назло ее гонителям, рядящимся в шкуру реформаторов. Весь опыт интеллектуальной истории тому доказательство.

И последнее. Нас учили, что человек есть совокупность всех общественных отношений, в которых ему приходится жить и работать. Но на самом деле это не совсем так. Человек выбирает из них то, что ему больше подходит, хотя никто и никогда не узнает, кем и для чего это предопределено. Вот почему из массы книг, статей, стихов, картин, фильмов, шуток, фактов, формул я выбрал свое, хотя и сложил это в каком-то хаосе, из которого в непонятной последовательности выплывает то одно, то другое. Во мне звучат голоса давно ушедших родных и друзей, а также песни, стихи и остроты юности. «Семь бед, один ответ, такой уж наш Колчинский Эд», — сочинил Ваня Жиленов, мой рано погибший товарищ по калыму в Жешарте. Да, я жил и грешил, ведь, по словам Булата Окуджавы, одного из кумиров моей молодости, «безгрешных не знает природа». Другой кумир, Владимир Высоцкий, не жалел о том, что у него было «двести врагов». У меня они, конечно, тоже были, но, как правило, они обычно всегда оставались тайными. Но в любом случае друзей у меня было гораздо больше, и они меня не предавали. За это я благодарен судьбе. Все ж остальное — «суета и томление духа».

ПРИЛОЖЕНИЯ¹

---

¹ В приложения вошли разделы, подготовленные сотрудниками СПбФ ИИЕТ на основе Архива СПбФ ИИЕТ РАН, документов отдела кадров и канцелярии, документов ученого секретаря СПбФ ИИЕТ РАН. К сожалению, значительная часть документов, особенно за период 1978–1985 гг., находится в ИИЕТ в Москве и оказалась недоступной. Используются также материалы из книг: Эдуард Израилевич Колчинский (к 60-летию со дня рождения) / Сост. А. В. Полевой. Авт. вступ. ст. М. Б. Конашев, К. В. Манойленко. СПб.: Нестор-История, 2004. (Материалы к библиографии историков науки и техники. Вып. 3); *Колчинский Э. И.* Историко-научное сообщество в Ленинграде – Санкт-Петербурге в 1950–2010 годы. Люди, традиции, свершения (К 60-летию Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. СПб.: Нестор-История, 2013.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

- Родился 16 сентября 1944 г. в г. Карталы Челябинской области.
- **1959–1960 гг.** Председатель Совета Малой Южно-Уральской ж. д.
- **1961 г.** Окончил школу № 121 (Челябинск).
- **1961–1962 гг.** Рабочий-связист 9-й дистанции связи Южно-Уральской ж. д.
- **1962–1964 гг.** Рабочий-изыскатель, техник-изыскатель, старший техник-изыскатель Дорпроекта Южно-Уральской ж. д.
- **1964–1969 гг.** Студент философского факультета Ленинградского государственного университета — ЛГУ (теперь Санкт-Петербургский государственный университет — СПбГУ).
- **1967 г.** Рабочий геодезического поста на о. Макар и мысе Буор-Хая.
- **1969 г.** Окончил философский факультет Ленинградского государственного университета.
- **1969 г.** Младший научный сотрудник Института истории АН ЭССР.
- **1969–1972 гг.** Аспирант Института истории АН ЭССР, прикомандированный к Ленинградскому отделению Института истории естествознания и техники АН СССР — ЛО ИИЕТ (теперь Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН — СПбФ ИИЕТ РАН).
- **1973–1975 гг.** Младший научный сотрудник сектора истории и теории эволюционного учения ЛО ИИЕТ АН СССР.
- **1973 г.** Присуждена ученая степень кандидата философских наук за диссертацию по теме «Проблема изменчивости законов органической эволюции» в ЛГУ.
- **1973–1974 гг.** Ассистент (почасовик) кафедры генетики и селекции Ленинградского сельскохозяйственного института (г. Пушкин).
- **1973–1976 гг.** Руководитель методологического семинара в Зоологическом институте АН СССР.
- **1973–1980 гг.** Ассистент (почасовик) кафедры диалектического материализма философского факультета ЛГУ.
- **1975–1978 гг.** Младший научный сотрудник лаборатории истории и теории эволюционного учения Ботанического института им. В. Л. Комарова.
- **1976–1979 гг.** И. о. доцента (почасовик) курсов повышения квалификации профессоров и преподавателей дарвинизма в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена.
- **1977–1980 гг.** Руководитель общегородского семинара по истории и теории эволюционного учения.

---

¹ Раздел составлен А. В. Полевым.

- **1978–1981 гг.** Младший научный сотрудник сектора истории и теории эволюционного учения ЛО ИИЕТ АН СССР – СПбФ ИИЕТ РАН.
- **1979–1987 гг.** Внештатный экскурсовод Музея М. В. Ломоносова.
- **1980–1990 гг.** Подготовка рефератов для выпусков «Общие проблемы биологии» реферативного журнала «Биология».
- **1985 г.** Награжден почетным дипломом ВДНХ за книгу «Развитие эволюционной теории в СССР».
- **1981–1986 гг.** Старший научный сотрудник сектора истории и теории эволюционного учения ЛО ИИЕТ АН СССР.
- **1986–1992 гг.** Ведущий научный сотрудник сектора истории и теории эволюционного учения ЛО ИИЕТ АН СССР – СПбФ ИИЕТ РАН.
- **1986 г.** Присуждена ученая степень доктора философских наук за диссертацию по теме «Философско-методологический анализ проблемы “эволюция эволюции”» в ЛГУ.
- **1987 г.** Награжден медалью «Ветеран труда».
- **1989 г. — наст. вр.** Председатель Комиссии по методологическим аспектам теории эволюции и истории эволюционной биологии Научного совета по проблемам палеобиологии и эволюции органического мира РАН.
- **1991 г. — наст. вр.** Член Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора биологических наук при Институте истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН.
- **1991 г. — наст. вр.** Член правления (президиума, Ученого совета) Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей.
- **1991–2004 гг.** Руководитель Общегородского семинара по эволюционной биологии.
- **1992–1995 гг.** Главный научный сотрудник сектора истории и теории эволюционного учения СПбФ ИИЕТ РАН.
- **1993–1997 гг.** Доцент кафедры философии науки и техники философского факультета СПбГУ.
- **1993 г.** Стипендия Джорджа Сороса как победителю конкурса 1993–1994 гг. по проблеме «Биоразнообразии».
- **1994–1996 гг.** Государственная научная стипендия.
- **1995 г. — наст. вр.** Директор СПбФ ИИЕТ РАН.
- **1995 г.** Первая премия Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей на конкурсах научных работ за 1994 г. за книгу «Эволюция биосферы» (1990).
- **1995–1998 гг.** Член Экспертного совета «Социальная история науки» РГНФ.
- **1999–2003 гг.** Член редколлегии журнала «Науковедение».
- **1997–2003 гг.** Профессор кафедры философии науки и техники философского факультета СПбГУ.
- **1997–2010 гг.** Член Международного редакционного совета журнала «Вопросы истории естествознания и техники».
- **2010 г. — наст. вр.** Член редколлегии журнала «Вопросы истории естествознания и техники».
- **1998 г.** Присуждено ученое звание профессора.
- **1988–1991 гг.** Член Ленинградского отделения Комиссии по разработке научного наследия академика В. И. Вернадского.

- **1998 г. — наст. вр.** Заведующий сектором истории эволюционной теории и экологии СПбФ ИИЕТ РАН.
- **1998 г. — наст. вр.** Член Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук в СПбГУ.
- **1999 г.** Награжден медалью к ордену «За заслуги перед Отечеством» II степени в связи с 275-летием РАН.
- **1999 г.** Пленарный доклад на выездном заседании Президиума РАН, посвященном 275-летию РАН.
- **2009–2013 гг.** Эксперт РФФИ.
- **1999–2004 гг.** Член Секции «Культура и образование» Научно-технического совета при губернаторе Санкт-Петербурга.
- **2002 — наст. вр.** Член Совета по общей биологии СПбНЦ РАН.
- **2002 г. — наст. вр.** Член Гуманитарного совета по сохранению культурного наследия СПбНЦ РАН.
- **2003 г.** Медаль «В честь 300-летнего юбилея Санкт-Петербурга».
- **2003 г.** Награжден почетной грамотой президиума РАН.
- **2003 г.** Награжден почетной грамотой президиума СПбНЦ РАН.
- **2004 г.** Награжден почетной грамотой президиума СПбНЦ РАН.
- **2004 г.** Доклад на президиуме СПбНЦ РАН.
- **2005 г.** Первая премия Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей на конкурсах научных работ 2005 г. за книгу «Неокастрофизм или селекционизм: вечная дилемма или возможность синтеза?» (2002).
- **2005 г.** Доклад на международном симпозиуме с участием нобелевских лауреатов «Наука и общество» (Санкт-Петербург).
- **2005 г.** Доклад на XVI Международном конгрессе по истории науки в Пекине (Китай).
- **2005–2009 гг.** Участие в переподготовке профессорско-преподавательского состава по курсу истории и философии науки на философском факультете СПбГУ.
- **2005–2007 гг.** Участие в переподготовке профессорско-преподавательского состава по курсу истории и философии науки в Гуманитарном институте СПбГУ.
- **2006 г.** Награжден орденом Дружбы.
- **2008 г.** Избран почетным членом Сербского общества биологов.
- **2008 г.** Доклад на XVIII Международном конгрессе по истории науки и техники в Будапеште (Венгрия).
- **2008 г.** Большая литературная премия «Лучшая книга по гуманитарным наукам» 17-го конкурса за книгу «Летопись РАН» (СПб.: Наука, 2007. Т. 4).
- **2009 г. — наст. вр.** Главный редактор журнала «Историко-биологические исследования».
- **2010 г.** Избран членом Лондонского Линнеевского общества.
- **2010 г.** Избран почетным членом Сербского общества по истории науки.
- **2012 г.** Национальная премия «Лучшие книги и издательства года — 2011». Номинация «Издательские проекты» за Полное собрание сочинений М. В. Ломоносова в 10 томах (2012).
- **2012 г.** Избран членом-корреспондентом Международной академии по истории науки.

Приложения

- **2012 г.** Избран почетным членом Международного общества Г. В. Стеллера.
- **2013 г.** Доклад на заседании президиума СПбНЦ РАН.
- **2013 г.** Избран членом Британского общества по истории науки.
- **2013 г.** Премия имени Е. В. Тарле в области исторических наук правительства Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургского научного центра РАН.
- **2013 г.** Почетная грамота президиума СПбНЦ РАН.
- **2014 .** Доклад на заседании президиума СПбНЦ РАН.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ¹

1970

К истории катастрофизма и униформизма в биологии XIX века // Материалы годичной конференции Ленинградского отделения Советского национального объединения истории и философии естествознания и техники, декабрь 1970. Л.: ЛО ИИЕТ АН СССР, 1970. С. 118–120.

1971

Значение проблемы изменяемости факторов и законов эволюции // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. VI. Л.: ЛО ИИЕТ РАН, 1971. С. 165–169. [Совм. с К. М. Завадским.]

Об изменяемости законов эволюции // Методологические проблемы биологии. Л.: Наука, 1971. С. 20–25.

1972

Изменение законов эволюции с повышением уровня организации живых систем // Организация и эволюция живого. Л.: Наука, 1972. С. 196–199.

К вопросу об эволюционно-биологической формации // Организация и эволюция живого. Л.: Наука, 1972. С. 33–39. [Совм. с К. М. Завадским.]

К постановке проблемы эволюции закона борьбы за существование // Закономерности прогрессивной эволюции. Л.: Наука, 1972. С. 86–92. [Совм. с Я. М. Галлом.]

О некоторых особенностях разработки советскими биологами в 20-е гг. проблемы вымирания организмов // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. VII. Л.: ЛО ИИЕТ АН СССР, 1972. С. 47–50.

Эволюционно-биологическая формация (предварительное определение понятия) // Закономерности прогрессивной эволюции. Л.: Наука, 1972. С. 149–156. [Совм. с К. М. Завадским.]

1973

Гипотезы о радиоактивных причинах макроэволюции // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. VIII. Л.: ЛО ИИЕТ АН СССР, 1973. С. 161–164.

Об отношении теории Ч. Дарвина к униформизму // История и теория эволюционного учения. Вып. 1. Л.: ЛО ИИЕТ АН СССР, 1973. С. 48–56.

---

¹ Библиография составлена С.В. Ретунской.

Организация и эволюция живого // Природа. 1973. №6. С. 108–109. [Совм. с В. С. Вишаренко.]

Проблема изменяемости законов органической эволюции: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л.: ЛГУ, 1973. 22 с.

Является ли теория Ч. Дарвина униформистской? // Наука и техника: вопросы истории и теории. Вып. VIII. Л.: ЛО ИИЕТ АН СССР, 1973. С. 158–161. [Совм. с Н. В. Константиновой.]

[Рецензия] // История и теория эволюционного учения. Вып. 1. Л.: ЛО ИИЕТ АН СССР, 1973. С. 158–164. — Рец. на кн.: Проблемы эволюции. Т. II / Ред. Н. Н. Воронцов. Новосибирск: Наука, 1972. 298 с. 1974

Идеи И. И. Шмальгаузена об «эволюции эволюции» // История и теория эволюционного учения. Вып. 2. Л.: ЛО ИИЕТ АН СССР, 1974. С. 148–154.

1975

К философской оценке катастрофизма и униформизма XIX века // Метод моделирования и некоторые философские вопросы истории и методологии естествознания. Таллин: Институт истории АН ЭССР, 1975. С. 126–143.

Об одном неудачном пособии по философским проблемам биологии. Обсуждение книги А. Е. Фурмана «Диалектическая концепция развития в современной биологии» // Журнал общей биологии. 1975. Т. 36. № 6. С. 957–961. [Совм. с Т. М. Аверьяновой.]

О значении актуализма для эволюционной теории // История и теория эволюционного учения. Вып. 3. Л.: ЛО ИИЕТ АН СССР, 1975. С. 120–151. [Совм. с К. М. Завадским.]

[Рецензия] // История и теория эволюционного учения. Вып. 3. Л.: ЛО ИИЕТ АН СССР, 1975. С. 227–231. — Рец. на кн.: *Медников Б. М.* Дарвинизм в XX веке. М.: Советская Россия, 1975. 224 с. 1976

О значении актуализма как метода эволюционной теории // Взаимодействие методов естественных наук в познании жизни. М.: Наука, 1976. С. 247–259. [Совм. с К. М. Завадским.]

Основные тенденции в эволюции факторов и законов эволюции // *Folia Vaeriana*. Bd. II. Tallinn: Eesti NSV Teaduste Akadeemia, 1976. P. 86–103.

1977

Исследование эволюции генетических систем // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. IX. Ч. 1. Л.: ЛО ИИЕТ АН СССР, 1977. С. 102–104.

Эволюция эволюции. Историко-критические очерки проблемы. Л.: Наука, 1977. 236 с. [Совм. с К. М. Завадским.]

[Рецензия] // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1977. №4. С. 140–141. — Рец. на кн.: *Яблоков А. В., Юсуфов А. Г.* Эволюционное учение. М.: Высшая школа, 1976. 368 с. [Совм. с Я. М. Галлом.]

1978

Изучение основных тенденций в эволюции генетических систем // *Folia Vaeriana*. Bd. III. Бэр и развитие естествознания. Таллин: Валгус, 1978. С. 93–101.

Кирилл Михайлович Завадский (некролог) // *Вопросы философии*. 1978. № 2. С. 185. [Без подписи.]

Кирилл Михайлович Завадский (некролог) // *Философские науки*. 1978. № 4. С. 190. [Совм. с З. М. Рубцовой. Без подписи.]

К определению понятия «эволюция биосферы» // *Эволюционная теория и проблема «Человек и природа»*. Тарту: Изд-во ТГУ, 1978. С. 62–66.

Развитие представлений об изменяемости законов органической эволюции // *Историко-биологические исследования*. Вып. 7. М.: Наука, 1978. С. 25–45.

On the problem of evolution in natural selection // *Natural selection. Abstracts of the Communications*. Praha: Academia: Czechoslovak Academy of Science, 1978. P. 59.

1979

К. М. Завадский и развитие эволюционной теории // *Бюл. МОИП. Отд. биол.* 1979. № 2. С. 117–121. [Совм. с Я. М. Галлом.]

Проблема эволюции биосферы в трудах советских ученых // *Наука и техника: Вопросы истории и теории*. Вып. X. М.; Л.: ИИЕТ АН СССР, 1979. С. 93–97.

1980

Проблемы макроэволюции в учении В. И. Вернадского о биосфере // *Микро- и макроэволюция*. Тарту: АН ЭССР, 1980. С. 166–169.

Синтетические концепции эволюции и проблемы макроэволюции // *Микро- и макроэволюция*. Тарту: АН ЭССР, 1980. С. 12–17. [Совм. с Я. М. Галлом.]

1981

Значение трудов В. И. Вернадского для эволюционной теории // *Проблемы новейшей истории эволюционного учения*. Л.: Наука, 1981. С. 68–84.

К. М. Завадский как биолог-эволюционист // *Проблемы новейшей истории эволюционного учения*. Л.: Наука, 1981. С. 3–14. [Совм. с Я. М. Галлом.]

Развитие движущих сил органической эволюции // *Эволюция материи и ее структурные уровни. Тезисы III Всесоюзного совещания по философским проблемам естествознания*. Вып. 1. М.: Наука, 1981. С. 25–28.

Эволюция законов развития // *Материалистическая диалектика*. Т. 1. М.: Мысль, 1981. С. 254–265.

[Рецензия]. Выдающийся биолог-эволюционист А. С. Фаминцын // *Природа*. 1981. № 11. С. 120–122. — Рец. на кн.: Андрей Сергеевич Фаминцын. Жизнь и научная деятельность / Отв. ред. А. Л. Курсанов. Л., 1981. 223 с. 1982

Study of geochemical factors of biosphere evolution // Evolution and Environment: Proceedings of the International Symposium (Brno, 17–22 August 1981). Praha: Czechoslovak Academy of Sciences, 1982. P. 593–594.

The determination of concepts used in causal study of evolution // General questions of Evolution. Abstracts of Communications of the International Symposium. (24–28 August 1982). Liblice, 1982. P. 37.

[Рецензия] // Вопросы философии. 1982. №6. С. 167–168. — Рец. на кн.: А.М. Миклин, В.А. Подольский. Категория развития в марксистской диалектике. М.: Мысль, 1980. 165 с. [Совм. с Я.М. Галлом.]

1983

Введение // Развитие эволюционной теории в СССР. Л.: Наука, 1983. С. 3–7. [Совм. с Я.М. Галлом и А.Б. Георгиевским.]

Главные этапы развития эволюционной теории в СССР // Развитие эволюционной теории в СССР. Л.: Наука, 1983. С. 8–43. [Совм. с К.М. Завадским и М.Т. Ермоленко.]

Дарвинизм: история и современность // Биология в школе. 1983. № 1. С. 13–21. [Совм. с Я.М. Галлом и А.Б. Георгиевским.]

Общая характеристика развития эволюционной теории в СССР // Развитие эволюционной теории в СССР. Л.: Наука, 1983. С. 62–78. [Совм. с Я.М. Галлом.]

Проблемы эволюционной теории и глобальный эволюционизм // Диалектика в науках о природе и человеке. Труды III Всесоюзного совещания по философским вопросам современного естествознания. Кн. 2. Эволюция материи и ее структурные уровни. М.: Наука, 1983. С. 340–346.

Развитие эволюционной теории в СССР. Л.: Наука, 1983. 614 с. [Ред.-сост.]

Эволюция биосферы // Развитие эволюционной теории в СССР. Л.: Наука, 1983. С. 479–512.

Эволюция движущих сил эволюции // Развитие эволюционной теории в СССР. Л.: Наука, 1983. С. 277–295. [Совм. с Ю.И. Полянским.]

Evolution of natural selection // General questions of evolution. Proceedings of the International Working Colloquium (Liblice, 24–28 August, 1982). Praha: Czechoslovak Academy of Sciences, 1983. P. 53–60.

[Рецензия]. Biospheres of the geological past // Science in USSR. 1983. №3. P. 127–128. — Рец. на кн.: *Lapo A. V. Traces of Bygone Biospheres*. М.: Mir, 1982.

[Рецензия]. Биосферы геологического прошлого // Наука в СССР. 1983. №3. С. 127–128. — Рец. на кн.: *Lapo A. V. Traces of Bygone Biospheres*. М.: Mir, 1982.

1984

Геохимические факторы эволюции биосферы // Экология и эволюционная теория. М.: Наука, 1984. С. 166–183.

Исследования по эволюционной теории в СССР // ВИЕТ. 1984. № 1. С. 14–24. [Совм. с Я.М. Галлом.]

О выделении структурных компонентов в детерминации эволюции // Методологические проблемы эволюционной теории. Тезисы симпозиума (Кярярику, 4–7 сентября 1984 г.). Тарту: АН ЭССР, 1984. С. 57–60.

On the main tendencies in the evolution on the biosphere // Evolution and morphogenesis. Abstracts of Communications of the International Simposium (Plzen, 24–29 August 1984). Praha: Czechoslovak Academy of Sciences, 1984. P. 66.

1985

Дарвинизм и диалектический материализм // Философские науки. 1985. № 1. С. 36–43. [Совм. с А. Б. Георгиевским.]

Проблема развития органического мира // Философские проблемы естествознания (Учебное пособие для университетов). М.: Высшая школа, 1985. С. 304–319. [Совм. с А. Б. Георгиевским.]

Философско-методологический анализ проблемы «эволюция эволюции»: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. Л.: ЛГУ, 1985. 36 с.

On the main tendencies in the evolution of biosphere // Evolution and Morphogenesis. Proceedings of the International Symposium (Plzen, 1984). Praha: Czechoslovak Academy of Sciences, 1985. P. 771–778.

1986

Аллогенез // Биологический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1986. С. 18. [Без подписи.]

Анагенез // Биологический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1986. С. 25. [Без подписи.]

Антидарвинизм // Биологический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1986. С. 29–30. [Без подписи.]

Глобальный эволюционизм и проблема эволюции объективных законов // О современном статусе идеи глобального эволюционизма. М.: Институт философии АН СССР, 1986. С. 168–175.

Катагенез // Биологический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1986. С. 250. [Без подписи.]

Катаморфоз // Биологический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1986. С. 250. [Без подписи.]

Катастроф теория // Биологический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1986. С. 250. [Без подписи.]

Кладогенез // Биологический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1986. С. 259. [Без подписи.]

Креационизм // Биологический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1986. С. 292–293. [Без подписи.]

О реконструкции процессов формирования естественного отбора // Проблемы логики, методологии и философии науки. Тезисы докладов IX Всесоюзного совещания по логике, методологии и философии науки. 8–10 октября 1986 г. Киев: Ин-т математики, 1986. С. 33–34.

Неокатастрофизм // Биологический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1986. С. 401–402. [Без подписи.]

Прерывистое равновесие // Биологический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1986. С. 503–504. [Без подписи.]

Сальтации // Биологический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1986. С. 556. [Без подписи.]

Структурные компоненты каузальных основ эволюции и их определение // Методологические аспекты эволюционного учения. Киев: Наукова думка, 1986. С. 59–73.

Финализм // Биологический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1986. С. 673. [Без подписи.]

1987

Глобальный эволюционизм и проблема «эволюции эволюции» // Материалистическая диалектика и пути развития естествознания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. С. 73–89.

Идеи В. И. Вернадского об эволюции биосферы (К 125-летию со дня рождения). В помощь лектору. Л.: Общество «Знание» РСФСР, 1987. 17 с.

On the synthesis of evolutionary theory and the biosphere doctrine // Towards a New Synthesis in Evolutionary Biology. Proceedings of the International Symposium (Praha, 5–11 July 1987). Praha: Czechoslovak Academy of Sciences, 1987. P. 20–21.

The problem of «evolution of evolution» and the global evolutionism // 8-й Международный конгресс по логике, методологии и философии науки. Moscow, USSR. 17–22 August 1987. Abstracts. Vol. 5. Part 2. Moscow: Nauka, 1987. P. 207–210.

1988

Выступление на круглом столе «Страницы истории советской генетики в литературе последних лет» // ВИЕТ. 1988. № 1. С. 123–126.

В чем выражается эволюция биосферы? (Факты и гипотезы) // В. И. Вернадский и современная наука. Л.: Наука, 1988. С. 27–28.

Об одном из направлений в становлении теории макроэволюции // Дарвинизм: история и современность. Л.: Наука, 1988. С. 168–178. [Совм. с Д. Е. Любомировым.]

Об эволюции концентрационных геохимических функций биосферы // Исследования в области истории науки и техники. Л.: ЛО ИИЕТ АН СССР, 1988. С. 176–179.

Органическая эволюция в современной биосфере // Космическая антропология: техника и методы исследований. Материалы Второго Всесоюзного совещания по космической антропоэкологии (Ленинград, 1984). Л.: Наука, 1988. С. 413–416.

Предисловие // В. И. Вернадский и современная наука. Л.: Наука, 1988. С. 3–4.

Предисловие // Дарвинизм: история и современность. Л.: Наука, 1988. С. 3–4.

Organic Evolution in Modern Biosphere // Evolutionary Biology: Theory and Practice. Proceedings of the International Symposium. Plzen: Faculty of Medicine, 1988. P. 24.

1989

Вклад Дж. Симпсона в формирование и развитие СТЭ // Историко-биологические исследования. № 10. М.: Наука, 1989. С. 70–89. [Совм. с Д. Е. Любомировым.]

Глобальный эволюционизм и проблема становления естественного отбора // Самоорганизация в природе и обществе. Л.: Наука, 1989. С. 35–37.

Научное и социальное значение деятельности В. И. Вернадского. Л.: Наука, 1989. 414 с. [Ред.-сост., совм. с А. И. Мелуа.]

Несостоявшийся союз // Ленинградский ун-т. 1989. 27 октября. С. 8.

Об управляемой эволюции // Актуальные проблемы социальной экологии. Тезисы докладов на конференции (10–12 октября 1989 года). Хабаровск: Хабаровский пед. ин-т, 1989. С. 17–18.

О выделении основных тенденций в эволюции биосферы: историко-научные и методологические аспекты проблемы // Экосистемные исследования: историко-методологические аспекты. Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. С. 5–39.

Поиски путей к управлению эволюцией // Экология и культура. Ч. II. Луцк: Луцкий пед. ин-т, 1989. С. 56–58.

Развитие эволюционного подхода к явлениям живой природы // Научное и социальное значение деятельности В. И. Вернадского. Л.: Наука, 1989. С. 63–86.

1990

За одиннадцать дней до смерти. О последней встрече Н. И. Вавилова с закавказским сапожником // Ленинградский ун-т. 1990. 30 ноября. С. 5. [Совм. с Д. В. Лебедевым.]

Креационизм и эволюционизм // XI Всесоюзная конференция по логике, методологии и философии науки. Тезисы докладов и выступлений. Минск, 1990. С. 122–123.

Об интегральных характеристиках эволюции биосферы // Folia Baeriana. Bd. V. Системный подход в современном эволюционизме. Tallinn: Valgus, 1990. P. 27–35.

Провал лысенковщины в Ленинграде // Ленинградский ун-т. 1990. 14 декабря. С. 5; 21 декабря. С. 5.

Социальные и идеологические аспекты развития советской биологии // Материалы Международного (XIII Киевского) симпозиума по науковедению и научно-техническому прогнозированию «Современное науковедение и перестройка советской науки». Ч. 3. Проблемы истории науки и техники. Киев: Наукова думка, 1990. С. 68–70.

Философские проблемы биологии в СССР (1920–1960 гг.). Л.: ЛО ИИЕТ АН СССР, 1990. 97 с. [Совм. с С. А. Орловым.]

Эволюционный процесс в современной биосфере // Философские науки. 1990. № 1. С. 32–43.

Эволюция биосферы: Историко-критические очерки исследований в СССР. Л.: Наука, 1990. 236 с. 1991

Комиссия по истории эволюционной биологии // Информационные материалы о деятельности научного совета по программе «Проблемы палеобиологии и эволюции органического мира» в 1989 г. М.: Палеонтологический ин-т АН СССР, 1991. С. 37–42, 48. [Без подписи.]

Надо ли возвращаться к креационизму // Биология в школе. 1991. № 4. С. 7–18. [Совм. с Ю. И. Полянским и С. А. Орловым.]

Несостоявшийся «союз» философии и биологии (20–30-е гг.) // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. С. 34–70.

1992

Трудные годы науки глазами физиолога (Интервью с А.М. Уголевым) // Физиологический журнал им. И.М. Сеченова. 1992. № 8. С. 879–887.

Ученый и гражданин // Генетика. 1992. Т. 27. № 5. С. 647–650. [Совм. с Ю. И. Полянским.]

Evolution of the Biosphere. Facts and Hypothesis // Baer and Modern Biology. Abstracts of the International Conference held in Tartu (28.02–2.03, 1992). Tartu: University of Tartu, 1992. P. 68–70.

Von Baer and the 19-th Century Neocatastrophism // Baer and Modern Biology. Abstracts of the International Conference held in Tartu (28.02–02.03, 1992). Tartu: University of Tartu, 1992. P. 26–27. [Совм. с С. А. Орловым.]

1993

Академик Владимир Иванович Вернадский (1865–1945). Президент общества с 1930–1931 гг. // Тр. Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей, 1993. Т. 91. Вып. 1. С. 80–83.

Запоздалое признание (Интервью с В. С. Кирпичниковым) // Нева. 1993. № 12. С. 224–245.

История эволюционной биологии в королевстве кривых зеркал // ВИЕТ. 1993. № 2. С. 161–168. [Совм. с Д. В. Лебедевым и Ю. И. Полянским.]

О некоторых эволюционно-биологических школах города на Неве // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. Ч. 1. СПб.: Изд-во СПб ун-та экономики и финансов, 1993. С. 111–124.

Секция эволюционной биологии // Тр. Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. 1993. Т. 91. Вып. 1. С. 184–185.

Сотвори себе кумира, но достойного // Юный биолог. 1993. № 2. С. 3.

K.E. von Baer and the 19-th Century Neocatastrophism // Folia Baeriana. Bd. VI. Baer and Modern Biology. Proceedings of the International Conference in Tartu (29.02–03.03, 1992). Tartu: Estonia Academy of Sciences, 1993. P. 77–82. [Совм. с С. А. Орловым.]

[Рецензия] Покрытые кровью страницы // Отечественная геология. 1993. № 7. С. 111–113. — Рец. на кн.: Репрессированные геологи: биографические материалы. СПб., 1992. 152 с. [Совм. с А. В. Лапо.]

[Рецензия] // History and Philosophy of the Life Sciences. 1993. Vol. 15. № 2. P. 244–245. — Рец. на кн.: *Bailes K. E. Science and Russian Culture in an Age of Revolutions: V.I. Vernadsky and His Scientific School, 1963–1945.* Bloomington; Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1990. 238 p. [Совм. с А. В. Козулиной.]

1994

Взгляд из ректората на биологию в Ленинградском университете (Интервью с академиком А. Д. Александровым) // Репрессированная наука. Вып. II. СПб.: Наука, 1994. С. 169–175.

Глобальный эволюционизм и проблема реконструкции каузальных основ биопоза // Самоорганизация в природе и обществе: философско-методологические очерки. Л.: Наука, 1994. С. 39–45.

Коротко о событиях // ВИЕТ. 1994. № 3. С. 161. [Совм. с Е. Б. Музруковой.]

Лётер Р. Переписка И. И. Шмальгаузена с К. Ф. Вернером // Эволюционная биология. Тр. Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. 1994. Т. 90. Вып. 1. С. 81–82. [Перевод.]

Луи Агассис и эволюционизм // Эволюционная биология. Тр. Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. 1994. Т. 90. Вып. 1. С. 51–67.

Методологические аспекты теории эволюции и история эволюционной биологии // Информационные материалы о деятельности Научного совета по проблемам палеобиологии и эволюции органического мира в 1991, 1992 годах. М.: Палеонтологический ин-т РАН, 1994. С. 19–21, 48. [Без подписи.]

Он был по-юношески влюблен в науку // Эволюционная биология. Тр. Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. 1994. Т. 90. Вып. 1. С. 5–18.

Предисловие // Эволюционная биология. Тр. Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. 1994. Т. 90. Вып. 1. С. 3–4.

Последняя встреча Н. И. Вавилова с И. В. Сталиным (Интервью с Е. С. Якушевским) // Репрессированная наука. Вып. II. СПб.: Наука, 1994. С. 219–221. [Совм. с Д. В. Лебедевым.]

Репрессии и учебники (Интервью с Ф. И. Кричевской) // Репрессированная наука. Вып. II. СПб.: Наука, 1994. С. 222–227.

Рыцарь науки (Интервью с В. С. Кирпичниковым) // Репрессированная наука. Вып. II. СПб.: Наука, 1994. С. 228–238.

Трудные годы науки глазами одного физиолога (Интервью с академиком А. М. Уголевым) // Репрессированная наука. Вып. II. СПб.: Наука, 1994. С. 176–186.

Школа В. И. Вернадского и проблема эволюции биосферы // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. Ч. 2. Кн. 2. СПб.: Изд-во СПб ун-та экономики и финансов, 1994. С. 12–22.

1995

Значение русско-немецких контактов для формирования элиты биологов-эволюционистов в Санкт-Петербурге // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Вып. 9. Ч. 2. СПб.: СПб НЦ РАН, 1995. С. 40–45.

Д. Н. Соболев — автор первой концепции синтетического неокатастрофизма // ВИЕТ. 1995. № 3. С. 35–42.

История естествознания: когнитивные, социально-культурные и институциональные аспекты // Опыт внедрения в практику результатов историко-научных исследований. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1995. С. 25–33.

Креационизм и наука о живом: прошлое и настоящее // *Философия религии и религиозная философия. Россия — Запад — Восток.* СПб.: СПбГУ, 1995. С. 29–31. [Совм. с С. А. Орловым.]

Неокатастрофизм и проблема эволюционного синтеза в биологии // *История науки и техники: проблемы и перспективы.* М.: ИИЕТ РАН, 1995. С. 36–37.

Общегородской семинар по эволюционной биологии // *ВИЕТ.* 1995. № 1. С. 161–162. [Совм. с М. Б. Конашевым и С. А. Орловым.]

Попытка установить тоталитарный контроль в советской биологии в начале 30-х гг. По материалам Архива РАН // *Цензура в России: история и современность. Тезисы конференции 20–22 сентября 1995 г.* Санкт-Петербург. СПб.: РНБ, 1995. С. 25–26.

Установление контроля над научным сообществом как необходимое условие контроля над информацией // *На подступах к спецхрану.* СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1995. С. 43–55.

Философия и методология биологии // *Опыт внедрения в практику результатов историко-научных исследований.* СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1995. С. 19–25.

The Evolution of the Biosphere (the Facts and the Hypotheses in the Works by Russian Scientists) // *Jb. für Geschichte und Theorie der Biologie.* 1995. Bd. II. Berlin: VWB. S. 23–28.

1996

Биология в условиях формирующегося тоталитаризма // *Проблемы деятельности ученого и научных коллективов.* Вып. 10. СПб.: СПбНЦ РАН, 1996. С. 60–65.

Джордано Бруно XX века // *Выдающиеся отечественные биологи.* Вып. 1. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1996. С. 29–44. [Совм. с Д. В. Лебедевым.]

История эволюционной биологии // *Информационные материалы о деятельности Научного совета по проблемам палеобиологии и эволюции органического мира (1994–1995 гг.).* М.: Палеонтологический ин-т РАН, 1996. С. 67–68. [Без подписи.]

Опыт преподавания истории естествознания // *Мировые модели взаимодействия науки и высшего образования.* СПб.: Министерство науки и технической политики РФ, 1996. С. 129–130.

Петр Симон Паллас (1741–1811) // *Исторический лексикон.* Т. 8. М.: Знание, 1996. С. 511–515.

Предисловие // *Выдающиеся отечественные биологи.* Вып. 1. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1996. С. 3–4.

Предисловие // *Наука и техника: Вопросы истории и теории.* Вып. XII. СПб.: СПбНЦ РАН, 1996. С. 9–10.

Эволюционно-биологические исследования в Санкт-Петербурге // *Наука и техника: Вопросы истории и теории.* Вып. XII. СПб.: СПбНЦ РАН, 1996. С. 66.

Энциклопедист XVIII века // *Выдающиеся отечественные биологи.* Вып. 1. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1996. С. 5–12.

The Russian Bibliography of Steller // Ungeduld und Verzweigung: Georg Wilhelm Steller (1709–1746) und Erforschung von Sibirien und Alaska. Halle: Franckesche Stiftungen, 1996. S. 50.

1997

Вхождение биологии в тоталитарный режим: на биологическом «фронте» «культурной революции» // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1997. № 4. С. 100–109.

В центре биологических дискуссий: к 20-летию со дня смерти Кирилла Михайловича Завадского // Санкт-Петербургский университет. 1997. № 21 (3462). 30 октября. С. 32–33.

Диалектизация биологии (дискуссии и репрессии в 20-е — начале 30-х гг.) // ВИЕТ. 1997. № 1. С. 39–64.

Жизненный и творческий путь К. М. Завадского (5.01.1910–2.11.1977) // Ученый, учитель, гражданин. Памяти К. М. Завадского. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1997. С. 8–40.

Из архива К. М. Завадского // Ученый, учитель, гражданин. Памяти К. М. Завадского. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1997. С. 111–122. [Публ. и коммент. Совм. с С. А. Орловым.]

История естествознания в социально-культурном контексте // Программы по философии (обязательные курсы и специальные курсы по выбору) для нефилологических специальностей. СПб.: СПбГУ, 1997. С. 71–73.

Кирилл Михайлович Завадский — удивительный сплав ученого и учителя // Вестн. СПбГУ. 1997. Сер. 3. Вып 4. № 24. С. 3–12.

Ноогенез — миф или реальность // Человек. Философия. Гуманизм. Тезисы докладов и выступлений на Первом Российском философском конгрессе (4–7 июня 1997 г.). Т. 1. Философия в духовной жизни общества. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 364–365.

Предисловие // Наука и техника: вопросы истории и теории. Вып. XIII. СПб.: СПб НЦ РАН, 1997. С. 10–12.

Предисловие (вводные замечания) // На переломе. Вып. 1. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1997. С. 3–11.

Предисловие // Ученый, учитель, гражданин. Памяти К. М. Завадского. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1997. С. 6–7.

Программа курсу «История природознавства: когнітивні, соціально-культурні та інституціональні аспекти». Дніпропетровськ: Дніпропетровський державний університет, 1997. 19 с. [Совм. с О. Я. Пилипчуком и В. С. Савчуком.]

Стеллерiana в России. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1997. 49 с.

Biologists and the Ethics of Science during Early Stalinism // На переломе. Вып. 1. Советская биология в 20–30-х годах. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1997. С. 268–279.

Zur Rolle der deutscher Wissenschaftler bei der Entwicklung der Biologie in Russland // Europa in der Frühen Neuzeit. Fortschritt für Günter Mühlpfordt. Bd. 3. Aufbruch zur Moderne. Weimar, Köln, Wien: Böhlau Verlag, 1997. S. 293–312. [Совм. с Г. И. Смагиной.]

1998

Бремя выбора: Почему В. И. Вернадский вернулся в советскую Россию? // ВИЕТ. 1998. № 3. С. 3–25. [Совм. с А. В. Козулиной.]

Научные исследования и преподавание истории естествознания и техники в России (вместо предисловия) // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XIV. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1998. С. 9–13. [Совм. с Б. И. Ивановым.]

Нетерпение и отчаяние // Выдающиеся отечественные биологи. Вып. 2. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1998. С. 5–13.

Предисловие // Выдающиеся отечественные биологи. Вып. 2. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1998. С. 3–4.

Стеллериана в России // Немцы в России. Проблемы культурного взаимодействия. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 106–116.

СТЭ и внезапное видообразование // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XIV. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1998. С. 32.

Biologists and the Ethics of Science During Early Stalinism // Verhandlungen zur Geschichte und Theorie der Biologie. Bd. I. Ethik der Biowissenschaften. Berlin: VWB, 1998. S. 225–233.

Russia // The Role of History of Science in University Education. Draft Report of ALLEA (All European Academies Working Group). Strasburg. 25–26 June. Strasburg, 1998. P. 36–41.

1999

Академия наук в годы Гражданской войны (1918–1922) // Петербургская академия наук в истории академий мира. К 275-летию Академии наук. Материалы международной конференции. Т. IV. СПб.: СПбНЦ РАН, 1999. С. 277–293. [Совм. с А. В. Кольцовым.]

Академическая наука в Санкт-Петербурге и мировая культура // ВИЕТ. 1999. № 1. С. 14–46.

Возвращение В. И. Вернадского в Академию наук в 1926 г. // Петербургская академия наук в истории академий мира. К 275-летию Академии наук. Материалы международной конференции. Т. 1. СПб.: СПбНЦ РАН, 1999. С. 108–116.

Возникновение эволюционного катастрофизма // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XV. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1999. С. 42–43.

В поисках советского «союза» философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х – начале 30-х гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 274 с.

В поисках советского «союза» философии и биологии // Науковедение. 1999. № 1. С. 130–143.

Исай Израилевич Презент – герой своего времени // DAMU-Heft e Lomonosov. 1999. № 3. S. 17–29.

История науки в городе на Неве // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XV. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1999. С. 16–17.

Некоторые итоги дискуссий о градуализме Ч. Дарвина // Эволюционная биология: история и теория. Вып. 1. СПб.: Альманах, 1999. С. 28–36.

Немецкие ученые у истоков российской биологии // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 52–65.

Предисловие // Эволюционная биология: история и теория. Вып. 1. СПб.: Альманах, 1999. С. 4.

Предисловие // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XV. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1999. С. 11. [Совм. с Ю. А. Петросяном.]

«Принцип основателя» и становление академической биологии // Журнал общей биологии. 1999. Т. 60. № 5. С. 469–487. [Совм. с Г. И. Смагиной.]

Российская наука и кризисы в начале XX в. // На переломе. Вып. 2. Отечественная наука в первой половине XX века. СПб.: Альманах, 1999. С. 55–91. [Совм. с А. В. Кольцовым.]

Русско-немецкие связи в биологии: перспективы исследований // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XV. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1999. С. 163.

С Академией не озорвать // Поиск. 1999. 21 дек. С. 5. [Совм. с А. В. Кольцовым.]

Типология сальтационистских концепций эволюции // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция. 1999. М.: ИИЕТ РАН, 1999. С. 479–481.

Foundation of the Academy of Science and Formation of the First Scientific Collections // XVIII International Scientific Instrument Symposium. 20–25 September, 1999. Moscow – St. Petersburg. Abstracts and materials. Moscow, 1999. P. 13–14. [Совм. с В. П. Борисовым и В. М. Орлом.]

Russia // History of Science and Technology in Education and Training in Europe. Strasbourg. 25–26 June. Strasbourg: European Communities, 1999. P. 340–345.

Russian-German Links in Biology: Perspectives of Research // Russian-German Links in Biology and Medicine: 300-year Experience of Interactions. International Conference. September 14–16. 1999. Abstracts. SPb.: SPbV IHST RAS, 1999. P. 3.

[Рецензия] // ВИЕТ. 1999. № 3. С. 184–186. — Рец. на кн.: Verhandlungen zur Geschichte und Theorie der Biologie. Bd. 2. Die Entstehung der Synthetischen Theorie. Beiträge zur Geschichte der Evolutionsbiologie in Deutschland. 1930–1950 / Hrsg. T. Junker and E. M. Engels. Berlin: VWB, 1999. 381 S.

2000

Ковалевский Владимир Онуфриевич // Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия. <http://megabook.ru/article/1998-2014>. [Электронное издание.]

Конг Као. Наука и ученые во время культурной революции в Китае: 1966–1976 // Науковедение. 2000. № 4. С. 186–204. [Перевод, без подписи.]

Ламарк Жан Батист // Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия. <http://megabook.ru/article/1998-2014>. [Электронное издание.]

Наука и кризисы XX века. Россия, Германия и США между двумя войнами // Наука и безопасность России: историко-научные, методологические, историко-технические аспекты. М.: Наука, 2000. С. 288–325. [Совм. с Д. А. Александровым.]

Неоламаркизм // Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия. <http://megabook.ru/article/1998-2014>. [Электронное издание.]

Петербургская академия наук // Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия. <http://megabook.ru/article/1998-2014>. [Электронное издание.]

Предисловие // Science and Society. SPb: ИИЕТ РАН, 2000. P. 12–15.

Предисловие // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XVI. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2000. С. 12–13.

Приветствие // Русско-немецкие связи в биологии и медицине: опыт 300-летнего взаимодействия. СПбФ: ИИЕТ РАН, СПбСУ, 2000. С. 7–9.

Принцип «основателя» и становление российской биологии // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XVI. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2000. С. 19–20.

Протагонисты и главные научные труды по эволюционному синтезу в немецком языковом пространстве // ВИЕТ. 2000. № 1. С. 69–95. [Совм. с У. Хоссфельдом и Т. Юнкером.]

Пути и закономерности эволюции // Протисты. Ч. 1. Руководство по зоологии. СПб.: Наука, 2000. С. 29–85. [Совм. с А. В. Ивановым.]

Русско-немецкие связи в биологии: перспективы исследования // Русско-немецкие связи в биологии и медицине: опыт 300-летнего взаимодействия. СПб.: Санкт-Петербургский союз ученых, 2000. С. 16–21.

СТЭ и неокатастрофизм // Годичная конференция ИИЕТ РАН. 2000. М.: ИИЕТ РАН, 2000. С. 420–423.

Трудности этического выбора при тоталитарном режиме: случай с В. И. Вернадским // Science and Society. SPb., 2000. P. 17–24.

Учение Ч. Дарвина // Протисты. Ч. 1. Руководство по зоологии. СПб.: Наука, 2000. С. 18–19.

Чем закончилась попытка создать «пролетарскую биологию»? // Вестник РАН. 2000. Т. 70. № 12. С. 1077–1085.

Шмальгаузен Иван Иванович // Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия. <http://megabook.ru/article/1998-2014>. [Электронное издание.]

Ausgewählte Aspekte der Modernen Synthese im russischen Sprachraum zwischen 1920–1940 // Verhandlungen zur Geschichte und Theorie der Biologie. Bd. 4. Evolutionsbiologie von Darwin bis heute. Berlin, 2000. S. 197–210.

Dialektik als intellektueller Knöppel: Auf der Suche nach einer marxistischen Synthese zwischen Philosophie und Biologie // Im Dschungel der Macht: Intellektuelle Professionen unter Stalin und Hitler. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 2000. S. 84–105.

Kurzbiographie einiger Begründer der Evolutionssynthese in Russland (1920–1940) // Verhandlungen zur Geschichte und Theorie der Biologie. Bd. 4. Evolutionsbiologie von Darwin bis heute. Berlin, 2000. S. 211–229.

«Founder principle» and formation of Russian biology // Russian-German Links in Biology and Medicine. International Conference. 18–20 September 2000. Abstracts. SPb., 2000. P. 4.

2001

200-летний юбилей РАН и политика // Науковедение. 2001. № 1. С. 22–39. [Совм. с А. В. Кольцовым.]

Академическая наука на службе Отечеству и мировой культуре // Наука Санкт-Петербурга и морская мощь России. Т. I. СПб.: Наука, 2001. С. 286–334.

Амман Йоганн // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. Т. I. Осьмнадцатое столетие. Кн. 1. А–М. СПб., 2001. С. 51.

Анатомия и физиология // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. Т. I. Осьмнадцатое столетие. Кн. 1. А–М. СПб., 2001. С. 52.

Биологическая антропология // Философская антропология как интегративная форма знания. СПб.: Санкт-Петербургский союз ученых, 2001. С. 25–44.

Ботаника // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. Т. I. Осмнадцатое столетие. Кн. 1. А–М. СПб., 2001. С. 146–147.

Ботанические сады // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. Т. I. Осмнадцатое столетие. Кн. 1. А–М. СПб., 2001. С. 147–148.

Буксбаум Иоганн Христиан // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. Т. I. Осмнадцатое столетие. Кн. 1. А–М. СПб., 2003. С. 157.

В защиту дарвинизма // Научное наследие Л.Я. Бляхера и его развитие на современном этапе. К 100-летию со дня рождения. М.: ИИЕТ РАН, 2001. С. 48–66.

Вольф Каспар Фридрих // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. Т. I. Осмнадцатое столетие. Кн. 1. А–М. СПб., 2001. С. 201–202.

Гebenштрейт Иоганн Христиан // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. Т. I. Осмнадцатое столетие. Кн. 1. А–М. СПб., 2001. С. 234.

Георги Иоганн Готлиб // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. Т. I. Осмнадцатое столетие. Кн. 1. А–М. СПб., 2001. С. 239.

Гертнер Иосиф // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. Т. I. Осмнадцатое столетие. Кн. 1. А–М. СПб., 2001. С. 247.

Гмелин Иоганн Георг // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. Т. I. Осмнадцатое столетие. Кн. 1. А–М. СПб., 2001. С. 249. [Совм. с М. И. Максимовой.]

Гмелин Самуил Готлиб // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. Т. I. Осмнадцатое столетие. Кн. 1. А–М. СПб., 2001. С. 249.

Дювернуа Иоганн Георг // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. Т. I. Осмнадцатое столетие. Кн. 1. А–М. СПб., 2001. С. 327.

Зоология // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. Т. I. Осмнадцатое столетие. Кн. 1. А–М. СПб., 2001. С. 385.

Креационизм и трансформизм в российской биологии // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. Годичная научная конференция. 2001. М.: ИИЕТ РАН, 2001. С. 294–296.

Лаксман Эрик Густович // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. Т. I. Осмнадцатое столетие. Кн. 1. А–М. СПб., 2001. С. 528.

Мессершмидт Даниил Готлиб // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. Т. I. Осмнадцатое столетие. Кн. 1. А–М. СПб., 2001. С. 625.

Озерецковский Николай Яковлевич // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. Т. I. Осмнадцатое столетие. Кн. 2. Н–Я. СПб., 2001. С. 45–46.

Паллас Петр Симон // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. Т. I. Осмнадцатое столетие. Кн. 2. Н–Я. СПб., 2001. С. 51.

Послесловие редактора перевода статьи М. Уолкера «Наука при национал-социализме» // ВИЕТ. 2001. № 1. С. 26–29.

Предисловие // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XVII. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2001. С. 10.

«Принцип основателя» и становление российской биологии. Вместо предисловия // Русско-немецкие связи в биологии и медицине. СПб.: Борей Арт, 2001. С. 7–20.

Пролетарская и арийская биологии // Русско-немецкие связи в биологии и медицине. СПб.: Борей Арт, 2001. С. 41–43.

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова // Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук. СПб.: Наука, 2001. С. 104–105. [Без подписи.]

Севергин Василий Михайлович // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. Т. I. Осмнадцатое столетие. Кн. 2. Н–Я. СПб., 2001. С. 292.

Сигезбек Иоганн Георг // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. Т. I. Осмнадцатое столетие. Кн. 2. Н–Я. СПб., 2001. С. 307.

Стеллер Георг Вильгельм // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. Т. I. Осмнадцатое столетие. Кн. 2. Н–Я. СПб., 2001. С. 341.

St.-Petersburg Branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology // Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук. СПб.: Наука, 2001. С. 232–233. [Без подписи.]

Biology Between Science and Ideology // Russian-German Links in Biology and Medicine. Abstracts of International Conference. September 17–19, 2001. St.-Petersburg, SPb., 2001. P. 5–6.

Darwinismus und Marxismus in der Epoche des frühen Stalinismus // Verhandlungen zur Geschichte und Theorie der Biologie. Bd. 6. Darwinismus und/als Ideologie. Berlin: VWB, 2001. S. 157–166.

Dmitrij Nikolaevitsch Sobolev – Begründer der ersten Konzeption des synthetischen Neokatastrophismus in der Epoche des frühen Stalinismus // Verhandlungen zur Geschichte und Theorie der Biologie. Bd. 6. Darwinismus und/als Ideologie. Berlin: VWB, 2001. S. 168–178.

Nikolai Ivanovich Vavilov (1887–1943) // Darwin and C°. Eine Geschichte der Biologie in Portraits. Bd. II. München: Verlag C.H. Beck, 2001. S. 77–94.

[Рецензия] // ВИЕТ. 2001. № 1. С. 142–145. — Рец. на кн.: *Proctor R.* The Nazi War on Cancer. Princeton; New Jersey: Princeton Univ. Press, 1999. 380 p.

[Рецензия] // Науковедение. 2001. № 2. С. 218–221. — Рец. на кн.: Die Königlich Preussische Academie der Wissenschaften zu Berlin im Kaiserreich. Berlin: Akademie Verlag, 1999. 486 S.

[Рецензия] // Науковедение. 2001. № 2. С. 221–224. — Рец. на кн.: Die Preussische Academie der Wissenschaften zu Berlin. 1914–1945. Berlin: Akademie Verlag, 2000. 594 S.

[Рецензия] // Науковедение. 2001. № 3. С. 226–230. — Рец. на кн.: Kaufmann Doris (Hrsg.). Geschichte der Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft im Nationalismus. Bestandsaufnahme und Perspektiven der Forschung. Göttingen: Wallstein Verlag, 2000. Bd. 1–2. 367 S.

2002

Берендт Л.-Д. Институт красной профессуры: «кузница кадров» советской партийной интеллигенции (1921–1938) // За «железным занавесом». Мифы и реалии советской науки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 166–197. [Авторизированный перевод.]

В. И. Вернадский и большевики // За «железным занавесом». Мифы и реалии советской науки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 133–151.

Динамика биологии, власти, общества и идеологии в тоталитарных режимах // Русско-немецкие связи в биологии и медицине. Вып. 3. Между наукой и идеологией. СПб.: Борей Арт, 2002. С. 174–202.

За «железным занавесом». Мифы и реалии советской науки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 527 с. [Отв. ред. Совм. с М. Хайнеманном.]

Коллекции натурального кабинета Кунсткамеры и начало естественной истории в России // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XVIII. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2002. С. 12–14.

Научно-издательская деятельность Санкт-Петербургского филиала ИИЕТ РАН в 1997–2002 гг. // Научная книга. 2002. №3–4. С. 9–12.

Неокатастрофизм и селекционизм. Вечная дилемма или возможность синтеза? (Историко-критические очерки). СПб.: Наука, 2002. 554 с.

Попытки «советизации» биологии в Ленинграде в годы «культурной революции» (1929–1932) // За «железным занавесом». Мифы и реалии советской науки. СПб.: Дмитрий Буланин. 2002. С. 265–282.

Предисловие // За «железным занавесом». Мифы и реалии советской науки. СПб.: Дмитрий Буланин. 2002. С. 5–16.

Предисловие // У истоков академической генетики в Санкт-Петербурге. СПб.: Наука, 2002. С. 3. [Совм. с М. Б. Конашевым.]

Предисловие 1991 г. // У истоков академической генетики в Санкт-Петербурге. СПб.: Наука, 2002. С. 4–10. [Совм. с М. Б. Конашевым и Ю. И. Полянским.]

Предисловие // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XVIII. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2002. С. 8.

Foundation of the Russian Academy of Sciences and Formation of the First Scientific Collections in Russia // XVIII International Scientific Instrumental Symposium. Moscow – St. Petersburg, Russia. 20–25 September 1999. Proceedings. Moscow: Engineer, 2002. P. 5–11. [Совм. с В. П. Борисовым и В. М. Орлом.]

Il ruolo delle spedizioni russe del XVIII secolo e lo sviluppo della Storia Naturale // L'importanza dei viaggi per la conoscenza scientifica – Impact of Travels on Scientific Knowledge. Convegno internazionale, Novara, 31 maggio – 1 giugno 2002. Novara: Comune de Novara, 2002. P. 5.

The Role of Russian Expeditions of the XVIII century in the Development of Natural History // L'importanza dei viaggi per la conoscenza scientifica – Impact of Travels on Scientific Knowledge. Convegno internazionale, Novara, 31 maggio – 1 giugno 2002. Novara: Comune de Novara, 2002. P. 5.

On Creation of Evolutionary Synthesis in Germany and USSR // Russian-German Links in Biology and Medicine. International Conference, September 16–18. Abstracts. 2002, St.-Petersburg. SPb., 2002. P. 11–12.

2003

Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках. Исторические очерки. СПб.: Наука, 2003. 605 с. [Ред.-сост. Совм. с Э. А. Троппом.]

Академическая наука в Санкт-Петербурге и мировая культура // Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга. СПб.: Наука, 2003. С. 9–48. [Совм. с Ю. А. Петросяном.]

Академия наук и Первая мировая война // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция. 2003. М.: Диполь-Т, 2003. С. 168.

Академия наук и становление естественной истории в России // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках. Исторические очерки. СПб.: Наука, 2003. С. 83–116.

Библиографический указатель изданий СПбФ ИИЕТ за 1953–2003 гг. // Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (1953–2003). СПб.: Политехника, 2003. С. 96–123. [Совм. с Б. И. Ивановым, Т. Б. Ивановой, Е. И. Красиковой и др.]

Борьба за выживание Академии наук и Гражданская война // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках. Исторические очерки. СПб.: Наука, 2003. С. 361–398.

Введение // История биологии. Методические материалы для подготовки к кандидатскому экзамену. Вып. 1. М.: Янус-К, 2003. С. 5–18.

[Введения и заключения к разделам] // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 16–25, 335–345, 346–356, 665–669, 670–686, 818–823, 824–829, 976–990.

В поисках новых форм организации российской науки // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках. Исторические очерки. СПб.: Наука, 2003. С. 336–358.

История биологии. Методические материалы для подготовки к кандидатскому экзамену по истории и философии науки. Вып. 1. М.: Янус-К, 2003. 112 с. [Ред.-сост.]

История биологии. Методические материалы для подготовки к кандидатскому экзамену по истории и философии науки. Вып. 2. М.: Янус-К, 2003. 160 с. [Ред.-сост.]

История науки в городе на Неве // ВИЕТ. 2003. № 3. С. 3–45.

История науки в городе на Неве // Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (1953–2003). СПб.: Политехника, 2003. С. 7–95.

История науки – история умножения человеческой мощи // Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга. СПб.: Наука, 2003. С. 449–466.

Как и почему «Правда» учила «Ботанический журнал»? // ВИЕТ. 2003. № 4. С. 49–74. [Совм. с М. Б. Конашевым.]

Кирилл Михайлович Завадский. Ученый, учитель, гражданин // Русская наука в биографических очерках. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 150–162.

Конг Као. Наука и ученые во время Культурной революции в Китае // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 951–975. [Перевод.]

«Культурная революция» и становление советской науки // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 577–664.

Наука и Гражданская война // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 357–439.

Наука и консолидация советской системы в предвоенные годы // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 728–782.

Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 1039 с. [Ред.-сост.]

Наука и кризисы // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XIX / Отв. ред. Э. И. Колчинский и Э. А. Тропш. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2003. С. 95–109.

Наука и эмиграция: судьбы и цифры // Зарубежная Россия. 1917–1939. Кн. 2. СПб.: Лики России, 2003. С. 165–169.

Наука и эмиграция: судьбы, цифры и свершения // Науковедение. 2003. № 3. С. 202–219.

О формировании СТЭ в Германии и СССР // Русско-немецкие связи в биологии и медицине. Вып. IV. СПб.: Борей Арт, 2003. С. 75–88.

От естественной истории к современной биологии. Гл. 2.1, 2.2.5, 2.4, 2.5 // История биологии. Методические материалы для подготовки к кандидатскому экзамену. Вып. 1. М.: Янус-К, 2003. С. 63–67, 77–78, 87–103, 104–112.

От протознания к естественной истории. Гл. 1.1–1.4 // История биологии. Методические материалы для подготовки к кандидатскому экзамену. Вып. 1. М.: Янус-К, 2003. С. 26–46. [Совм. с М. Б. Конашевым.]

От протознания к естественной истории. Гл. 1.5–1.6 // История биологии. Методические материалы для подготовки к кандидатскому экзамену. Вып. 1. М.: Янус-К, 2003. С. 47–62. [Совм. с М. Б. Конашевым.]

Переезд Академии наук и ее ленинградские учреждения в 1930-е гг. // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках. Исторические очерки. СПб.: Наука, 2003. С. 457–481.

Послесловие редактора // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 991–1000.

Предисловие // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках. Исторические очерки. СПб.: Наука, 2003. С. 5–29. [Совм. с Ж. И. Алфёровым и Э. А. Тропшом.]

Предисловие редактора // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 5–15.

Программа кандидатского экзамена «История и философия науки». История биологии. Методические материалы для подготовки к кандидатскому экзамену. Вып. 1. М.: Янус-К, 2003. С. 19–25. [Без подписи.]

Российская наука и революционные кризисы в начале XX века // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 291–334. [Совм. с А. В. Кольцовым.]

Русская наука в биографических очерках XIX–XX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 556 с. [Отв. ред. Совм. с И. П. Медведевым.]

Русско-немецкие связи в биологии и медицине. Вып. 4. СПб.: Борей-Арт, 2003. 180 с. [Отв. ред.]

Санкт-Петербург историко-научный // Природа. 2003. № 9. С. 57–65.

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова // Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук. СПб.: Наука, 2003. С. 116–117. [Без подписи.]

St.-Petersburg Branch of S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology // Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук. СПб.: Наука, 2003. С. 254–255. [Без подписи.]

Советизация Академии наук (1928–1932) // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках. Исторические очерки. СПб.: Наука, 2003. С. 435–456.

Советизация науки в годы НЭПа (1922–1927): послереволюционный кризис и поиск форм сотрудничества // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 440–549.

Союз науки и труда: неравноправный брак по расчету // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках. Исторические очерки. СПб.: Наука, 2003. С. 399–434.

Становление и развитие основных направлений современной биологии. Гл. 3.1, 3.8.8, 3.10, 3.11 // История биологии. Методические материалы для подготовки к кандидатскому экзамену. Вып. 2. М.: Янус-К, 2003. С. 5–12, 119–120, 129–160.

Тематический анализ и другие проблемы истории эволюционной теории // Материалы круглых столов «Философия науки и техники». СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 68–73.

У истоков трансформизма в российской биологии // Эволюционная биология: история и теория. Вып. 2. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2003. С. 87–102.

Уолкер М. Наука при национал-социализме // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 701–727. [Перевод.]

Юрий Иванович Полянский. Беззаветная верность науке // Русская наука в биографических очерках. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 163–178.

2004

Академия наук накануне Первой мировой войны // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция. М.: Диполь-Т, 2004. С. 687–690.

Возраст зрелости // Вестник РАН. 2004. Т. 74. № 8. С. 727–735.

Естественная история в России (Очерки развития естествознания в России в XVIII веке). СПб.: Нестор-История, 2004. 240 с. [Совм. с А. К. Сытиным и Г. И. Смагиной.]

Краткий очерк научной и научно-организационной деятельности // Ксения Викторовна Манойленко. Материалы к биобиблиографии историков науки и техники. Вып. 2. СПб.: «Нестор-История» –СПБНИИ РАН, 2004. С. 5–19.

Наука // Большая российская энциклопедия. Т. «Россия». М.: Науч. изд-во «БРЭ», 2005. С. 602–676. [Совм. М. С. Бастраковой, Д. А. Баюком, М. В. Богуславским, В. П. Визгиным, Г. Д. Гловели, С. С. Демидовым, А. Б. Каменским, А. Н. Каштановым, А. В. Кессених, Г. В. Киселёвым, В. М. Котляковым, Ю. П. Лисицыным, А. В. Постниковым, А. Г. Рябухиным, Р. А. Симоновым, В. И. Теличенко, Д. Н. Трифоновым, К. И. Трубецким, В. А. Тумановым, К. В. Фроловым, Б. М. Шустовым, Я. Н. Шаповым.]

Начало эволюционного синтеза в Германии // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XX. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2004. С. 79–80.

Презентация книги «Наука и кризисы» // Науковедение научных исследований в России в переходный период. Материалы конференции (24–26 июня 2003 года, Санкт-Петербург). СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2004. С. 303–323.

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова: попытка науковедческого анализа // История науки и техники в Санкт-Петербурге (к 50-летию СПбФ ИИИЕТ РАН). СПб.: СПбФ ИИЕТ, 2004. С. 7–35.

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова: попытка науковедческого анализа // Науковедение. 2004. № 4. С. 155–178.

Творческое долголетие в науке // Природа. 2004. № 9. С. 71–73. [Совм. с М. Б. Конашевым.]

Proletarian Biology in 1920–1930's Soviet Union // Science & Culture Review. 2004. Vol. 1. № 2. P. 47–60. [На кит. яз.]

The Role of Eighteenth Century Russian Expeditions in Development of Natural History // Proceedings of the California Academy of Science. 2004. Vol. 55. Suppl. II. P. 106–116.

St. Petersburg Academy of Sciences and WWI // Science, Technology and Society during the First World War. Proceedings of International Conference. СПб.: Нестор-История, 2004. С. 28–29.

2005

Агассис Жан Луи Родольф // Большая российская энциклопедия. Т. I. М.: Науч. изд-во «БРЭ», 2005. С. 177–178.

Академия наук СССР и Вторая мировая война // Нестор. № 9. На переломе. Отечественная наука в конце XIX–XX вв. СПб.: Нестор-История, 2005. С. 313–328.

Вторая мировая война и мобилизация академической науки // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXI. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2005. С. 10–18.

Наука и кризисы // Наука и жизнь. Интернет Интервью. 15. 03. 2005. <http://www.nkj.ru/interview/23/>

Наука не может быть чистой от бизнеса, тем более что достойный бизнес не может ее запачкать // Конкуренция и рынок. 2005. № 2. С. 118–123. [Интервью.]

Недарвиновские синтетические теории эволюции в первой трети XX века // Эволюционная биология. Вып. 3. СПб.: Нестор-История, 2005. С. 109–127.

Предисловие // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXI. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2005. С. 8–9.

Путь Майра к эволюционному синтезу // Эволюционная биология. Вып. 3. СПб.: Нестор-История, 2005. С. 83–107.

ЦК, «Ботанический журнал» и другие. Архивные материалы о борьбе с лысенковщиной // Нестор. № 9. На переломе. Отечественная наука в конце XIX–XX вв. СПб.: Нестор-История, 2005. С. 33–58. [Совм. с М. Б. Конашевым.]

Эволюция эволюциониста. К вопросу об истоках взглядов Дж. Г. Симпсона // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXI. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2005. С. 79–81.

Laying the Foundation for Wartime Research: A Comparative Overview of Science Mobilization in National Socialist Germany, Japan, and the Soviet Union // Politics and Science in Wartime. Comparative International Perspectives on the Kaiser Wilhelm Institute. Osiris. 2005. Vol. 20. P. 79–106. [Совм. с В. Грюнденом, Я. Кавамурой, Х. Майер и М. Ямазаки.]

Science Mobilization in the Soviet Union // Science and War. Proceedings of the International Symposium (Chirosima, 1–2 October 2005). Chirosima, 2005. P. 10–15.

The Evolutionary Theory between Liberalism, Communism and National Socialism // XX International Congress of History of Science (Beijing 24–30 July 2005). Beijing, 2005. P. 8.

Zu den deutschen Vorläufern von Charles Darwin: Die Quellen des Transformismus in der russischen Biologie // Ingrid Köstner und Regine Pfrepper. Deutsche in Zarenreich und Russen in Deutschland: Naturforscher, Gelehrte, Ärzte und Wissenschaftler in 18. und 19. Jahrhundert. Aachen: Shachen Verlag, 2005. S. 273–286.

[Рецензия]. Малоизвестные жертвы Великой Отечественной войны // Российские немцы. Научно-информационный бюллетень. 2005. №3(43) (июль — сентябрь). С. 18–21. — Рец. на кн.: *Тряхов В. Н.* ГУЛАГ и война: жестокая правда документов. Пермь: Пушкин, 2005. 399 с.

[Рецензия] // Вестник РАН. 2005. Т. 75. №8. С. 754–759. — Рец. на кн.: *Киселев Л. Л., Левина Е. С.* Лев Александрович Зильбер (1894–1966). Жизнь в науке. М.: Наука, 2004. 599 с. 2006

Академия наук СССР и Вторая мировая война // Материалы Международной конференции «Наука и Вторая мировая война (Хиросима, 1–2 октября 2005). Токио, 2006. С. 159–175. [На яп. яз.]

Вейсман Август // Большая российская энциклопедия. Т. IV. М.: Науч. изд-во «БРЭ», 2006. С. 707.

Гальтон Френсис // Большая российская энциклопедия. Т. VI. М.: Науч. изд-во «БРЭ», 2006. С. 341–342.

Геккель Эрнст // Большая российская энциклопедия. Т. VI. М.: Науч. изд-во «БРЭ», 2006. С. 497–498.

Гексли (Хаксли) Томас // Большая российская энциклопедия. Т. VI. М.: Науч. изд-во «БРЭ», 2006. С. 500.

Наука и кризисы: некоторые результаты сравнительного анализа // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. СПб., 2006. С. 86–135.

Национал-социализм — биология в практике // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция. М.: Анонс Медиа, 2006. С. 60–67.

Немецкие биологи и Первая мировая война // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXII. СПб.: СПбНЦ РАН, 2006. С. 107–110.

Российская биология в XVIII веке // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXII. СПб.: СПбНЦ РАН, 2006. С. 44–46.

Эрнст Майр и современный эволюционный синтез. М.: Т-во научных изданий КМК, 2006. 149 с.

Science Mobilization in the Soviet Union // *Historia Scientiarum*. 2006. Vol. 16. № 1. P. 15–28.

Soviet Academy of Sciences and the War // Science and Technology during World War II and the Cold War. Tokyo, 2006. P. 159–175 (на яп. яз.).

2007

Академия наук и Первая мировая война // Наука, технология и общество в Первой мировой войне. СПб., 2007. С. 184–206.

Биология Германии и России — СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века: между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом. СПб.: Нестор-История, 2007. 637 с.

В. Циммерманн — протагонист и архитектор СТЭ в Германии // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXIII. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2007. С. 159–161.

Геснер Конрад // Большая российская энциклопедия. Т. VII. М.: Науч. изд-во «БРЭ», 2007. С. 29.

Даниил Готлиб Мессершмидт // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXIV. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2008. С. 145–147.

Дарвин Чарльз Роберт // Большая российская энциклопедия. Т. 8. М.: Науч. изд-во «БРЭ», 2007. С. 322–323.

Дарвин Эразм // Большая российская энциклопедия. Т. VIII. М.: Науч. изд-во «БРЭ», 2007. С. 323–324.

Дарвинизм // Большая российская энциклопедия. Т. VIII. М.: Науч. изд-во «БРЭ», 2007. С. 324–326.

Де Фриз Гуго // Большая российская энциклопедия. Т. VIII. М.: Науч. изд-во «БРЭ», 2007. С. 612–613.

Дорн Антон // Большая Российская энциклопедия. Т. IX. М.: Науч. изд-во «БРЭ», 2007. С. 284.

Естественный отбор // Большая российская энциклопедия. Т. VIII. М.: Науч. изд-во «БРЭ», 2007. С. 708–709.

История биологических исследований в Обществе Кайзера Вильгельма при национал-социализме (Обзор новейшей литературы) // ВИЕТ. 2007. № 2. С. 167–184.

Летопись Российской академии наук. Т. 4. (1901–1934). СПб.: Наука, 2007. 1051 с. [Сост. Совм. с К. Г. Большаковой, В. И. Васильевым, А. В. Кольцовым, Г. И. Смагиной, И. В. Черказьяновой и Т. В. Чумаковой. Отв. ред. Совм. с Г. И. Смагиной.]

Наука и глобальный кризис: 1917–1933 // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Международный ежегодник. Вып. XXIII. СПб., 2007. С. 22–42.

Наука и кризисы: некоторые результаты сравнительного анализа // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. СПб., 2006. С. 86–135.

Первая мировая война и некоторые векторы трансформации науки в Германии и России // Наука, технология и общество в Первой мировой войне. СПб., 2007. С. 9–24.

Предисловие // Леонард Эйлер и современная наука. Материалы международной научной конференции. СПб., 2007. С. 10–11. [Совм. с Э. А. Троппом.]

Предисловие // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXIII. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2007. С. 9–12.

«Пролетарская биология» в СССР и этика науки (1920–1930-е годы) // Наука и техника в первые десятилетия советской власти: социокультурное измерение (1917–1940). М., 2007. С. 139–158.

Становление науки в Санкт-Петербурге и экспедиции XVIII века // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная конференция, 2007. М., 2007. С. 147–149.

2008

Александр Михайлович Уголев // Деятели русской науки XIX и XX веков. Вып. 4. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 145–147.

«Великий антилысенковец» // Деятели русской науки XIX и XX веков. Вып. 4. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 717–747.

Завадский Кирилл Михайлович // Большая российская энциклопедия. Т. X. М.: Науч. изд-во «БРЭ». 2008. С. 152.

Значение идей А.М. Уголева для эволюционной теории // Механизмы функционирования висцеральных систем. VII Всероссийская конференция с международным участием, посвященная 50-летию открытия А.М. Уголевым мембранного пищеварения. Санкт-Петербург, 30 сентября – 2 октября. Тезисы докладов. СПб., 2008. С. 91–92.

Информационная изолированность – главная проблема // Академия. Ежедельник науки и образования Юга России. 2008. № 21 (377). С. 7 (интервью).

Иоганн Георг Гмелин // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXIV. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2008. С. 147–149.

Кирилл Михайлович Завадский. Материалы к биобиблиографии историков науки и техники. Вып. 8. СПб.: Нестор-История, 2008. 82 с. [Сост. Совм. с. А. В. Самокиш, К. В. Манойленко, Я. М. Галлом, А. А. Федотовой.]

Краткий очерк научной, научно-педагогической и организационной деятельности // Кирилл Михайлович Завадский. Материалы к биобиблиографии историков науки и техники. Вып. 8. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 8–60.

Наука, власть и общество в периоды кризисов: историко-сравнительный анализ // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. 15. № 1. С. 132–148.

Николай Яковлевич Данилевский // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXIV. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2008. С. 149–151.

Предисловие редактора-составителя // Научный Санкт-Петербург. Предварительные материалы к вып. II. Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2007. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 10–20.

Российские ученые в поисках путей переустройства российского общества в начале XX века // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Международный ежегодник. Вып. XXIV. СПб., 2007. С. 22–42

Самуил Готтлиб Гмелин // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXIV. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2008. С. 151–153.

Darwinism in the Divided World and its Peculiarities in Soviet Russia // 3rd International Conference of European Society for the History of Science (Vienna, September 10–12). Vienna, 2008. P. 101.

2009

Г. В. Стеллер и российская стеллериана // Стеллериана в России. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 6–35.

Забытые страницы институционализации биологической науки в Санкт-Петербурге // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXV. СПб.: Политехника-сервис, 2009. С. 53–56.

Катастрофизм // Большая российская энциклопедия. Т. XIII. М.: Науч. изд-во «БРЭ», 2009. С. 332–333. [Совм. с А. Г. Рябухиным.]

Кельрейтер Йозеф Готлиб // Большая российская энциклопедия. Т. XIII. М.: Науч. изд-во «БРЭ», 2009. С. 529.

Кирпичников Валентин Сергеевич // Большая российская энциклопедия. Т. XIV. М.: Науч. изд-во «БРЭ», 2009. С. 46.

Ковалевский Владимир Онуфриевич // Большая российская энциклопедия. Т. XIV. М.: Науч. изд-во «БРЭ», 2009. С. 374.

Предисловие // Русско-сербские связи в области науки и образования: XIX — первая половина XX века. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 3–4.

Предисловие // Чарльз Дарвин и современная наука. Сборник тезисов. СПб., 2009. С. 17–24. [Совм. с И. А. Горлинским и С. Г. Инге-Вечтомовым.]

Предисловие редактора // Стеллириана в России. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 4–5.

Обзор юбилейных публикаций дарвиновской тематики // Историко-биологические исследования. 2009. Т. 1. № 1. С. 166–173.

Основные юбилейные мероприятия дарвиновского года // Историко-биологические исследования. 2009. Т. 1. № 1. С. 181–194.

От главного редактора // Историко-биологические исследования. 2009. Т. 1. № 1. С. 11–14.

Стеллириана в России. Новейшая библиография о жизнедеятельности и трудах Г. В. Стеллера // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXV. СПб.: Политехника-сервис, 2009. С. 84–85.

Феномен В. И. Вернадского // Человек. 2009. № 6. С. 39–51.

Эволюция эволюционных взглядов // Эксперт. Специальный выпуск. 2009. № 29 (667). С. 80–85.

Юбилей Ч. Дарвина в Англии // ВИЕТ. 2009. № 4. С. 3–26.

Юбилей Ч. Дарвина в социально-культурных и когнитивных контекстах // Историко-биологические исследования. 2009. Т. 1. № 1. С. 15–48.

Юбилей Ч. Дарвина в социально-культурных и когнитивных контекстах // Чарльз Дарвин и современная наука. Сборник тезисов. СПб., 2009. С. 265–268.

Darwinism and Dialectical Materialism in Soviet Russia // The Reception of Charles Darwin in Europe. Vol. II / Ed. E. M. Engels & Th. F. Glick. London; New York: Continuum, 2009. P. 522–552; 602–609.

Liberalizing International Cooperation in History and Sociology of Science in Leningrad / St. Petersburg // Liberalizing Research in Science and Technology: Studies in Science Policy. Book of Abstracts. Kanpur: Indian Institute of Technology, 2009. P. 17–18.

Peculiarities of evolutionary synthesis in nazi Germany and Soviet Russia // Тезисы докладов российских участников XXIII Международного конгресса по истории науки и техники (Будапешт, 28 июля — 2 августа 2009 г.). М.: ИИЕТ РАН, 2009. С. 34.

Peculiarities of evolutionary synthesis in nazi Germany and Soviet Russia // XXIII International Congress of History of Science and Technology (28 July — 2 August 2009). Book of Abstracts. Budapest, 2009. P. 365.

2010

«...в США всей генетикой руководит русский» (переписка отечественных биологов с Ф. Г. Добржанским) // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 3. С. 116–141. [Сост., вступ. ст. и прим. Совм. с М. Б. Конашевым.]

В центре биологических дискуссий. К столетию со дня рождения К. М. Завадского // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 3. С. 32–61.

Воздействие идей Ж. Кювье и Ж. Б. Ламарка на развитие эволюционной теории в России // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXVI. СПб.: Политехника-сервис, 2010. С. 146–148.

Жизненный и творческий путь Ч. Дарвина // Чарльз Дарвин и современная биология. Труды Международной научной конференции (21–23 сентября 2009 г. Санкт-Петербург). СПб.: Нестор-История, 2010. С. 23–33.

Из архива К. М. Завадского // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 3. С. 95–115. [Подг. к публ., вступ. ст. и коммент.]

Кирилл Михайлович Завадский: От истории науки через эксперимент к теории биологии // ВИЕТ. 210. № 4. С. 68–99.

Креационизм в биологии // Большая российская энциклопедия. Т. XV. М.: Науч. изд-во «БРЭ», 2010. С. 662.

Кювье Жорж // Большая российская энциклопедия. Т. XVI. М.: Науч. изд-во «БРЭ», 2010. С. 524–525.

Ламарк Жан Батист // Большая российская энциклопедия. Т. XVI. М.: Науч. изд-во «БРЭ», 2010. С. 634–635.

Ламаркизм // Большая российская энциклопедия. Т. XVI. М.: Науч. изд-во «БРЭ», 2010. С. 635–636.

Лангсдорф Григорий Иванович // Большая российская энциклопедия. Т. XVI. М.: Науч. изд-во «БРЭ», 2010. С. 653.

Лепёхин Иван Иванович // Большая российская энциклопедия. Т. XVII. М.: Науч. изд-во «БРЭ», 2010. С. 293.

Предисловие // Чарльз Дарвин и современная биология. Труды Международной научной конференции (21–23 сентября 2009 г., Санкт-Петербург). СПб.: Нестор-История, 2010. С. 13–22.

Реформы науки в России (Историко-социологический анализ) // ВИЕТ. 2010. № 1. С. 95–119. [Совм. с Н. А. Ащеуловой.]

Ученый и власть. Материалы круглого стола с участием Э. И. Колчинского, А. П. Маркова, Б. Г. Юдина, М. А. Мануильского, В. П. Макаренко, А. С. Запесоцкого, И. С. Дмитриева и др. // Человек. 2010. № 3. С. 67–84.

Ученый и власть. Круглый стол. 12 ноября 2009 г. (стенограмма) // Дискуссионный клуб университета. Вып. 22. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2010. 103 с. [Совм. с А. С. Запесоцким, А. П. Марковым, Г. М. Бирженюком, М. А. Мануильским и др.]

Ученый и власть // Подвластная наука? Наука и советская власть / Ред. С. С. Неретина, А. П. Огурцов. М.: Голос, 2010. С. 703–736. [Совм. с Г. М. Бирженюком, И. С. Дмитриевым, А. С. Запесоцким и др.]

Феномен Вернадского // Человек. 2010. № 1. С. 99–113.

Юбилей Ч. Дарвина и эволюция дарвинизма (1909–2009) // Чарльз Дарвин и современная биология. Труды Международной научной конференции (21–23 сентября 2009 г., Санкт-Петербург). СПб.: Нестор-История, 2010. С. 542–560.

Developing of National Sciences in the Times of Political Crises // A Distant Accord. Russian-Serbian Links in the Fields of Science, Humanities and Education: the 19th – the first half of the 20th century. Vol. 13. Liceum, 2010. P. 17–19.

A German Trace in the Russian Evolutionism of the 19th Century // Science as a Medium of Communication between Germany and Russia in 19 century. Leipzig: Sächsische Akademie der Wissenschaften zu Leipzig; Karl-Sudhoff-Institut für Geschichte der Medizin und Naturwissenschaften. Leipzig, 2010. P. 40–41.

Institutionalizing Applied Research in Biology, Russia // 4th International Conference of the European Society for the History of Science. Barcelona, 18–20 November 2010. Book of Abstracts. Barcelona: Societat Catalana d'història de la ciència i de la tècnica, 2010. P. 96.

Liberalizing of International Cooperation in the History and Sociology of Science in Leningrad / St. Petersburg // Liberalising Research in Sciences and Technology. Studies in Science Policy. St. Petersburg: Politechnika, 2010. P. 31–47.

Liberalizing of International Cooperation in the History and Sociology of Science in Leningrad / St. Petersburg // Science and Kulture. 2010. Vol. 76. № 1–2. P. 14–21.

The Charles Darwin Anniversary, 2009 // Paleontological Journal. 2010. Vol. 44. № 12. P. 1467–1470.

2011

Абих Отто Вильгельм // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 17.

Аболин Роберт Иванович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 17–18.

Авдулов Николай Павлович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 18.

Агафонов Валерий Константинович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 19.

Адамс Иоганн Фридрих // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 20.

Академические известия // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 22.

Академические премии // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 22–24. [Совм. с М.Ф. Хартанович.]

Академия наук (РАН) // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 24–26.

Амман Иоганн // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 31.

Анатомический музей // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 32.

Антонович Максим Алексеевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 36–37.

Аптекарская канцелярия // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 37.

Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 39–41. [Совм. с А. В. Смирновым.]

Афанасьев Михаил Иванович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 42.

Базилевская Нина Александровна // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 43–44.

Бахтеев Фатих Хафизович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 46.

Берг Лев Семенович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 49–50. [Совм. с А. В. Балушкиным.]

Бехтерева Наталья Петровна // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 51–52.

Биогеохимическая лаборатория // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 51–52.

Биологическая лаборатория // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 55.

Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. [Отв. ред. и ред.-сост. Совм. с А. А. Федотовой.]

Биолого-почвенный факультет // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 56–57.

Ботанический сад Академии наук // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 66.

Ботанический сад Санкт-Петербургского государственного университета // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 67.

Брежнев Дмитрий Данилович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 70.

Бреслер Семен Ефимович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 71–72.

Броунов Петр Иванович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 72.

Бруновский Бруно Карлович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 72.

Будрин Петр Васильевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 73.

Будыко Михаил Иванович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 73.

Бухарин Николай Иванович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 75–76.

Бушмакин Николай Дмитриевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 77.

Быстров Алексей Петрович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 78.

Бюро по зоотехнике // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 80–81.

Вавилов Николай Иванович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 83–84.

Вагнер Владимир Александрович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 84.

Валуев Петр Александрович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 85.

Васильев Василий Лукьянович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 87.

Васильев Леонид Леонидович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 87.

Вейтбрехт Иосия // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 88.

Вереха Петр Николаевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 89–90.

Верещагин Николай Кузьмич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 90.

Вернадский Владимир Иванович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 91–92.

Веселовский Константин Степанович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 93.

Виноградов Александр Павлович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 97–98.

Вологдин Александр Григорьевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 106–107.

Вольф Каспар Фридрих // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 108.

Врангель Фердинанд Петрович фон // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 110–111.

Всеволодов Всеволод Иванович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 111–112.

Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А. П. Карпинского (ВСЕГЕИ) // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 112–113.

Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНТСО) // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 116.

Высочайше утвержденная Комиссия для исследования сельского хозяйства и сельской производительности в России // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 117–118.

Габлиц Карл Людвиг // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 119.

Гартман-Вейнберг Александра Паулиновна // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 120–121.

Гебенштрейт Иоганн Христиан // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 122.

Геккер Роман Федорович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор История, 2011. С. 122–123.

Геологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор История, 2011. С. 126–127.

Георги Иоганн Готлиб // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 127.

Гертнер Йозеф // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 129.

Гессен Борис Михайлович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 130.

Гильденштедт (Гюльденштедт) Иоганн Антон // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 131–132.

Гирголав Семен Семенович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 132–133.

Главная геофизическая обсерватория им. А.И. Воейкова // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 134–135.

Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 135–136.

Гмелин Иоганн Георг // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 139.

Гмелин Самуил Готлиб // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 139–140.

Говоров Леонид Ипатьевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 140–141.

Голлербах Максимилиан Максимилианович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 142.

Горный ученый комитет // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 144.

Гортер Давид де // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 145.

Горянинов Павел Федорович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 145–146.

Государственный гидрологический институт // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 150.

Государственный горный институт // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 150–151.

Государственный естественнонаучный институт // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 151–152.

Государственный институт опытной агрономии // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 152.

Государственный политехнический университет // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 154–155.

Гредескул Николай Андреевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 156.

Громов Валериан Иннокентьевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 157.

Данилевский Николай Яковлевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 163–164.

Демидовы // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 168. [Совм. с М. Ф. Хартанович.]

Департамент земледелия // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 168–169. [Совм. с А. А. Федотовой.]

Докучаевский почвенный комитет // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 174–175. [Совм. с А. А. Федотовой.]

Доппельмайр Георгий Георгиевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 177.

Дювернуа Иоганн Георг // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 179.

Ермолов Алексей Сергеевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 182–183.

Ерофеев Василий Гаврилович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 183.

Ефремов Иван Антонович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 183–184.

Жемчужников Юрий Аполлонович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 185.

Завадский Кирилл Михайлович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 188–189.

Загорский Петр Андреевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 190.

Зайцев Филипп Адамович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 190–191.

Залесский Михаил Дмитриевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 192.

Зейдлиц Карл Иоганн фон // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 195.

Зеленой Александр Алексеевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 195–196.

Земледельческая газета // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 196. [Совм. с А. А. Федотовой.]

Зильберминц Вениамин Аркадьевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 198.

Игнатъев Павел Николаевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 205–206.

Искуль фон Гильденбрандт Варвара Ивановна // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 209–210.

Иностранцев Александр Александрович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 212–213.

Институт естествознания // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 214–215.

Институт истории науки и техники АН СССР // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 215.

Институт марксизма // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 216.

Институт по изучению леса АН СССР // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 216–217.

Институт по изучению народов СССР АН СССР // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 217.

Институт прикладной зоологии и фитопатологии // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 217.

Институт физиологии им. И.П. Павлова // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 218–219.

Институционализация прикладных биологических исследований в Санкт-Петербурге // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXV. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2011. С. 124–125.

Календарь // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 224.

Камераз Абрам Яковлевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 225.

Камчатские экспедиции // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 225–226.

Кашкаров Даниил Николаевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 228–229.

Кёльрейтер Йозеф Готлиб // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 230–231.

Кепшен Федор Петрович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 230.

Керн Эдуард Эдуардович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 231.

Кирпичников Валентин Сергеевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 230–231.

Киселев Павел Дмитриевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 233–234.

Кичунов Николай Иванович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 234.

Княгичев Михаил Иванович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 235–236.

Ковалев Николай Васильевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 236.

Ковалевский Владимир Онуфриевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 237.

Ковалевский Евграф Петрович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 237–238.

Козлов Николай Илларионович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 238.

Комиссия по изучению озера Байкал // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 242–243.

Комитет по усовершенствованию земледелия в России // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 244.

Коммунистическая академия // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 245–246.

Коцебу Оттон Августович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 250–251.

Кравчинский Дмитрий Михайлович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 252.

Крашенинников Степан Петрович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 254.

Кулешов Николай Николаевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 259.

Лаксман Эрик Густав // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 267–268.

Лебедев Даниил Владимирович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 269–270.

Левинсон-Лессинг Франц Юльевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 271–272.

Лелёхин Иван Иванович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 273.

Лехнович Вадим Степанович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 278–279.

Лискун Ефимий (Ефим) Федотович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 281. (Совм. с А. А. Федотовой.)

Лихонос Федор Дмитриевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 282–283.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. Труды по физике и химии. 1738–1746. М.; СПб.: Наука, 2011. 462 с. [Примеч., вступ. статьи. Совм. с Э. П. Карпеевым и Э. А. Троппом. Ред. Совм. с Д. А. Варшаловичем, И. С. Дмитриевым, Э. П. Карпеевым, В. Г. Смирновым и Э. А. Троппом.]

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. Труды по физике и химии. 1747–1752. М.; СПб.: Наука, 2011. 367 с. [Вступ. ст. Примеч. Совм. с Э. П. Карпеевым, И. С. Дмитриевым. Ред. Совм. с Д. А. Варшаловичем, И. С. Дмитриевым, Э. П. Карпеевым, В. Г. Смирновым и Э. А. Троппом.]

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. 2-е изд., испр. и доп. Т. 3. Труды по физике. 1743–1765. М.; СПб.: Наука, 2011. 351 с. [Вступ. ст. Примеч. Совм. с Э. П. Карпеевым. Ред. Совм. с Д. А. Варшаловичем, И. С. Дмитриевым, Э. П. Карпеевым, В. Г. Смирновым и Э. А. Троппом.]

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. 2-е изд., испр. и доп. Т. 4. Труды по астрономии, теории корабля и приборостроению. 1744–1765. М.; СПб.: Наука, 2011. 415 с. [Вступ. ст. Совм. с Э.П. Карпеевым. Примеч. Совм. с Э.П. Карпеевым, В.М. Лоскутовым. Ред. Совм. с Д.А. Варшаловичем, Э.П. Карпеевым, В.М. Лоскутовым, В.Г. Смирновым и Э.А. Тропшом.]

Лоренц Конрад Захариас // Большая российская энциклопедия. Т. XVIII. М.: Науч. изд-во «БРЭ», 2011. С. 45–46.

Лукашевич Юзеф (Иосиф Дементьевич) // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 286.

Лункевич Валериан Викторович // Большая российская энциклопедия. Т. XVIII. М.: Науч. изд-во «БРЭ», 2011. С. 145.

Луппов Николай Павлович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 287.

Лутугин Леонид Иванович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 288.

Любищев Александр Александрович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 289–290.

Майр Эрнст Вальтер // Большая российская энциклопедия. Т. XVIII. М.: Науч. изд-во «БРЭ», 2011. С. 476.

Максимов Александр Александрович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 290–291.

Медицинский департамент // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 297–298.

Медицинский совет // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 298.

Меллер Валериан Иванович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 300.

Мессершмидт Даниил Готлиб // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 303–304.

Минералогический музей АН // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 307.

Министерство внутренних дел // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 308–309.

Министерство государственных имуществ // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 309–310. [Совм. с А.А. Федотовой.]

Министерство земледелия // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 310–311.

Министерство земледелия и государственных имуществ // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 311–312. [Совм. с А.А. Федотовой.]

Миронов Степан Ильич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 313.

Морозов Николай Александрович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 317.

Муравьев-Виленский Михаил Николаевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 320.

Надсон Георгий Адамович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 323. [Совм. с Г. Н. Панкратовой.]

Насонов Николай Викторович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 325.

Натуральный кабинет // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 325–327.

Научное общество марксистов // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 328.

Научно-исследовательский институт физиологии им. А. А. Ухтомского // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 333–334.

Негруль Александр Михайлович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 338–339.

Нехорошев Василий Петрович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 341.

Никитин Николай Николаевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 343.

Обручев Владимир Афанасьевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 347–348.

Общество биологов-марксистов // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 349.

Общество воинствующих материалистов-диалектиков // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 350.

Огиевский Василий Дмитриевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 354.

Одинцов Борис Николаевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 354.

Озерецковский Николай Яковлевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 354.

Орлов Михаил Михайлович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 358–359.

Орлов Юрий Александрович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 359–360.

Островский Михаил Николаевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 361.

От естественной истории к биологии // *Дмитриев И. С.* «Союз ума и фурий». Французское научное сообщество в эпоху революционного кризиса в конце XVIII столетия и Первой империи. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. С. 15–29.

От редакционной коллегии // *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. Труды по физике и химии. М.; СПб.: Наука. 2011. С. 376–378. [Без подписи].

От редакторов первого тома // *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. Труды по физике и химии. 1738–1746. М.; СПб.: Наука. 2011. С. 379–388.

От редакторов второго тома // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. Труды по физике и химии. 1747–1752. М.; СПб.: Наука, 2011. С. 287–299. (Совм. с Э.П. Карпеевым.)

От редакторов третьего тома // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. 2-е изд., испр. и доп. Т. 3. Труды по физике. 1753–1765. М.; СПб.: Наука, 2011. С. 266–274.

От редакторов четвертого тома // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. 2-е изд., испр. и доп. Т. 4. Труды по астрономии, теории корабля и приборостроению. 1744–1765. М.; СПб.: Наука, 2011. С. 330–333. [Совм. с Э.П. Карпеевым.]

От юбилея до юбилея: эволюционный синтез в социально-культурном и когнитивном пространствах за последние полвека // *Идея эволюции в биологии и культуре. К 70-летию профессора Игоря Константиновича Лисеева.* М.: Канон, 2011. С. 8–36.

Отдел бактериологии // *Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь.* СПб.: Нестор-История, 2011. С. 361.

Павлова Нина Михайловна // *Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь.* СПб.: Нестор-История, 2011. С. 366–367.

Паллас Петр Симон // *Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь.* СПб.: Нестор История, 2011. С. 369–370. [Совм. с А.К. Сытиным.]

П.С. Паллас: креационист или додарвиновский эволюционист? (Многолетний спор об эволюционных взглядах Палласа) // *Историко-биологические исследования.* 2011. Т. 3. № 3. С. 21–41.

Памяти выдающегося немецкого историка науки Ильзе Ян // *Историко-биологические исследования.* 2011. Т. 3. №. 1. С. 90–96. [Совм. с У. Хоссфельдом и Г. Левитом.]

Пандер Христиан Генрих // *Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь.* СПб.: Нестор-История, 2011. С. 371.

Петр Симон Паллас. Мемуар об изменчивости животных // *Историко-биологические исследования.* 2011. Т. 3. №. 3. С. 72–87. [Коммент. и примеч. Совм. с А.В. Самокиш.]

Перфильев Борис Васильевич // *Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь.* СПб.: Нестор-История, 2011. С. 377.

Перфильев Петр Павлович // *Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь.* СПб.: Нестор-История, 2011. С. 377.

Петерсон Егор Андреевич // *Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь.* СПб.: Нестор-История, 2011. С. 378.

Петров Иоаким Романович // *Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь.* СПб.: Нестор-История, 2011. С. 379.

Пирогов Николай Иванович // *Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь.* СПб.: Нестор-История, 2011. С. 380–381.

Писарев Дмитрий Иванович // *Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь.* СПб.: Нестор-История, 2011. С. 382.

Покровская Ирина Митрофановна // *Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь.* СПб.: Нестор-История, 2011. С. 383–384.

Польнов Борис Борисович // *Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь.* СПб.: Нестор-История, 2011. С. 385.

Полянский Юрий (Георгий) Иванович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 386–387.

Порчинский Иосиф Алоизиевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 389.

Поспелов Владимир Петрович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 389.

Прасолов Леонид Иванович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 391–392.

Предисловие // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 4–16.

Презент Исай (Исаак) Израилевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 393.

Примечания // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. 2-е изд, испр. и доп. Т. 1. Труды по физике и химии. 1738–1746. М.; СПб.: Наука, 2011. С. 389–444. [Испр., доп. и ред. Совм. с Э. П. Карпеевым и И. С. Дмитриевым.]

Примечания // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. Труды по физике и химии. 1747–1752. М.; СПб.: Наука, 2011. С. 300–352. [Испр., доп. и ред. Совм. с Э. П. Карпеевым и И. С. Дмитриевым.]

Примечания // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. 2-е изд., испр. и доп. Т. 3. Труды по физике. 1753–1765. М.; СПб.: Наука, 2011. С. 274–336. [Испр., доп. и ред. Совм. с Э. П. Карпеевым.]

Примечания // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. 2-е изд., испр. и доп. Т. 4. Труды по астрономии, теории корабля и приборостроению. 1744–1765. М.; СПб.: Наука, 2011. С. 334–402. [Испр., доп. и ред. Совм. с Э. П. Карпеевым и В. М. Лоскутовым.]

Природа природы и человека. Беседа с академиком РАЕН, профессором СПбГУ Э. И. Колчинским // Вода живая. 2011. 11 октября. С. 1.

Протасов Алексей Протасьевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 394.

Разумов Виктор Иванович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 397–398.

Разумовский Алексей Кириллович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 398.

Родендорф Борис Борисович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 405.

Розанова Мария Александровна // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор История, 2011. С. 407.

Романовский Сергей Иванович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 409.

Рудзский Александр Фелицианович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 416.

Рудольф Иоганн Генрих Фридрих // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 416–417.

Русское антропологическое общество // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 418–419.

Рухин Лев Борисович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 421.

Рыбин Владимир Алексеевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 421.

Садилов Владимир Сергеевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 423–424.

Сакс Владимир Николаевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 424–425.

Салазкин Сергей Сергеевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 425.

Санкт-Петербургский государственный университет // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 427–428.

Севастьянов Александр Федорович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 430–431.

Севергин Василий Михайлович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 431.

Сельскохозяйственный институт // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 433–434.

Сельскохозяйственный ученый комитет // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 434–435. [Совм. с А. А. Федотовой.]

Селянинов Георгий Тимофеевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 435.

Семенов Виктор Семенович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 435.

Сибириakov Иннокентий Михайлович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 439.

Сигезбек (Зигесбек) Иоганн Георг // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 439–440.

Силантьев Анатолий Алексеевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 440.

Симорин Александр Михайлович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 441.

Скрябин Константин Иванович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 443–444.

Смеловский Тимофей Андреевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 444.

Собичевский Василий Тарасович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 445.

Соболев Алексей Николаевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 445.

Советов Александр Васильевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 446.

Соколов Дмитрий Иванович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 447–448.

Соколов Никита Петрович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 448.

Соловьев Дмитрий Константинович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 450–451.

Стебут Иван Александрович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 453.

Стеллер (Штеллер) Георг Вильгельм // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 454.

Стефан (Штефан) Фридрих Христианович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 454.

Сукачев Владимир Николаевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 456–457. [Совм. с А. А. Федотовой.]

Суслова Надежда Прокофьевна // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 457–458.

Тарашкевич Аполлинарий Иванович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 459.

Тереховский Мартын Матвеевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 463.

Третьяков Николай Васильевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 469.

Тулайков Николай Максимович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 472.

Туманов Иван Иванович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 472–473.

Тымянский Григорий Самойлович (Самуилович) // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 474–475.

Уголев Александр Михайлович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 475–476.

Указатель имен // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. Труды по физике и химии. 1738–1746. М.; СПб.: Наука, 2011. С. 446–459. [Совм. с Э.П. Карпеевым и В.Г. Смирновым.]

Указатель имен // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. Труды по физике и химии. 1747–1752. М.; СПб.: Наука, 2011. С. 358–364.

Указатель имен // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. 2-е изд., испр. и доп. Т. 3. Труды по физике. 1753–1765. М.; СПб.: Наука, 2011. С. 339–349. [Совм. с И.Б. Соколовой и Т.Б. Фекловой.]

Указатель имен // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. 2-е изд., испр. и доп. Т. 4. Труды по астрономии, теории корабля и приборостроению. 1744–1765. М.; СПб.: Наука, 2011. С. 405–412. [Совм. с И.Б. Соколовой.]

Ухтомский Алексей Алексеевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 477–478.

Фадеева Елена Павловна // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 481.

Фальк Иоганн Петер // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 481–482.

Федоров Лев Николаевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 484–485.

Физиологическая лаборатория АН // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 488.

Фурсенко Александр Васильевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 494.

Хаджинов Михаил Иванович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 495.

Чесноков Павел Григорьевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 507.

Чинго-Чингас Константин Матвеевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 508.

Чистович Николай Яковлевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 509.

Чистович Федор Яковлевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 509.

Чистович Яков Алексеевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 509–510.

Шавловский Иван Эдуардович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 510.

Шварц Станислав Семёнович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 512.

Шевырёв Иван Яковлевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 513.

Ширшов Петр Петрович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 515–516.

Шульц Адольф (Вольф) Иосифович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 522–523.

Шумлянский Александр Михайлович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 524. [Совм. с Ю. В. Наточиным.]

Эйлер Леонард // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 524–525.

Эйхвальд Карл Эдуард фон // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 525.

Эйхвельд Иоганн Гансович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 525–526.

Эмме Елена (Хельми) Карловна // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 427.

Энгель Генрих Александрович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 527.

Эрисман Фридрих Гульдрейх // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 529.

Эссен Николай Карлович фон // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 529.

Якобсон Георгий Георгиевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 532.

Яксон Рудольф Эннович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 533–534.

Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 536.

German Trace in the Russian Evolutionism of the 19th Century / Hrsg. O. Riha and M. Fischer // Naturwissenschaft als Kommunikationsraum zwischen Deutschland und Russland im 19. Jahrhundert. International Tagung, Leipzig; 29.9.–1.10.2010. Aachen: Shaker, 2011. S. 406–421.

History of Science in Russia in the 20th century: St. Petersburg as a Case Study // Almagest. An International Interdisciplinary Journal. 2011. Vol. 2. № 1. P. 5–35.

Neue nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung Naturgeschichte und Ökonomie // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 537.

Proletarian Biology in 1920–1930's Soviet Union // Credo of Life, combining Science and Search for Truth. Collection of articles / Ed. Lu Dun. Beijing: Science Press, 2011. P. 63–75 (in Chinese).

[Рецензия] // ВИЕТ. 2011. № 2. С. 151–155. — Рец. на кн.: *Schmalgausem Ivan I. Die Evolutionsfaktoren. Eine Theorie der stabilisierenden Auslese* / U. Hoßfeld, I. Olson, G. Levit und O. Breidbach (Hrsg.). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2010. LIX, 434 S.

2012

Герхардт Геберер и эволюционный синтез в немецком языковом пространстве // Создатели современного эволюционного синтеза. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 465–501. [Совм. с У. Хоссфельдом.]

Дж. Г. Симпсон и учение о макроэволюции // Создатели современного эволюционного синтеза. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 502–556.

Д. Н. Соболев и синтетический неокатастрофизм // Создатели современного эволюционного синтеза. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 815–848.

И. М. Шмальгаузен: генетика, эмбриология, морфология, кибернетика и эволюционный синтез // Создатели современного эволюционного синтеза. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 262–320. [Совм. с Я. М. Галлом.]

К. М. Завадский и синтетическая теория эволюции в 1950–1970-х гг. // Создатели современного эволюционного синтеза. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 777–812.

Культурная революция в СССР (1929–1932) и первые атаки на школу Н. И. Вавилова // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2012. Т. 16. № 3. С. 502–538.

Марш Отниел Чарльз // Большая российская энциклопедия. Т. XIX. М.: Науч. изд-во «БРЭ», 2012. С. 248.

Международный симпозиум «Пересмотр “дела Лысенко”» // ВИЕТ. 2012. № 4. С. 199–202.

Мертенс Андрей Карлович // Большая российская энциклопедия. Т. XX. М.: Науч. изд-во «БРЭ», 2012. С. 41.

Начало скорбного пути Н. И. Вавилова (К 125-летию великого ученого) // Политическая концептология. 2012. № 4. С. 72–122.

Н. И. Вавилов как протагонист широкого эволюционного синтеза // Создатели современного эволюционного синтеза. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 165–202.

Памяти Линн Маргулис // ВИЕТ. 2012. № 4. С. 214–216. [Совм. с К. В. Манойленко и А. И. Ермолаевым.]

Пути интеграции Санкт-Петербургских историков науки в международные научные сети на рубеже двух тысячелетий // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXVIII. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2012. С. 36–43.

Синтетическая концепция макроэволюции О. Шиндевольфа // Создатели современного эволюционного синтеза. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 943–993.

Создатели современного эволюционного синтеза. СПб.: Нестор-История. 2012. 996 с. [Ред.-сост.]

Тимофеев-Ресовский и ландшафт эволюционной биологии // Создатели современного эволюционного синтеза. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 321–345. [Совм. с М. Д. Голубовским и А. И. Ермолаевым.]

Шестой континент Н. И. Вавилова // ВИЕТ. 2012. № 4. С. 16–50. [Совм. с С. В. Шалимовым.]

Эволюционный синтез: его создатели и оппоненты // Создатели современного эволюционного синтеза. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 7–42.

Editor's foreword // Russian-French Links in Biology and Medicine. SPb.: Nestor-Historia, 2012. P. 4–6. [With J.- G. Barbara, J. -C. Dupont and M. V. Loskutova.]

Forshenungreisende im 18. Jahrhundert als Erforscher der Sprachen der Volker Sibiriens und des Urals // Die Erforschung Sibiriens im 18. Jahrhundert. Beiträge der Deutsche-Russischen Bewegung in den Franckeschen Stiftungen. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen, 2012. S. 2. 35–47.

Francophone Catastrophism and Its Reception in Russia: 250 Years of Debate // Russian-French Links in Biology and Medicine. SPb.: Nestor-Historia, 2012. P. 9–22.

Peter Simon Pallas: From Collecting to Theorizing // Германия, и Россия: наука, общество и политика. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2012. С. 16–17.

The Cultural Revolution in the USSR (1929–1932) and the Beginning of the «Union' Isai I. Present and Trofim D. Lysenko» // «Reconsidering the Lysenko Affaire». Tokyo: Institute of Technology, 2012. P. 10–17. [На яп. яз.]

The Failed Synthesis: Eduard Kolchinsky on the Dangers of the Mixing Science and Politics // Scientific American. June 12. 2012. <http://blogs.scientificamerican.com/prime-diaries/2012/06.2>

The Institutionalization of Applied Biological Research in Russia: Biology at St. Petersburg // The Circulation of Science and Technology: Proceedings of the 4th International Conference of the ESHS, Barcelona, 18–20 November 2010. Barcelona: SCHCT-IES, 2012. P. 603–608.

2013

В круге первом. 1953–1967 // Сборник научных статей по материалам международной конференции «Миллеровские чтения: к 285-летию Архива РАН» (23–25 апреля 2013). СПб.: Нестор-История, 2013. С. 201–206.

В обществе должен быть культ науки (Интервью) // Социология науки и технологий. 2013. Т. 4. № 3. С. 138–153.

Владимир Иванович Вернадский // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. № 2. С. 90–93.

Все уже было, все еще будет. Как создать и разрушить научное сообщество. История вопроса // Новая газета. 2013. 15 июля. № 76 (2071). С. 14–15.

Все уже было, все еще будет // Политическая концептология. 2013. № 3. С. 28–35.

Историки-биологи СПбФ ИИЕТ РАН: 1953–2013 // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. № 2. С. 140–151.

Историко-научное сообщество в Ленинграде — Санкт-Петербурге в 1950–2010 годы. Люди, традиции, свершения (К 60-летию Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН). СПб.: Нестор-История, 2013. 448 с.

История биологии в Санкт-Петербурге: истоки, традиции и новации // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. № 2. С. 9–42.

История науки в городе на Неве // 80 лет Институту истории науки и техники. 1932–2012. История института в публикациях журнала «Вопросы истории естествознания и техники» / Под общ. ред. В. М. Орла. Ред. Д. А. Баюк и Н. М. Лозовская. М.: РТСофт, 2012. С. 206–235.

Кирилл Михайлович Завадский. 1910–1977. СПб.: Нестор-История, 2013. 319 с. (Серия «Научно-биографическая литература».)

Ж. Б. Ламарк и Ч. Дарвин в юбилейных мероприятиях 1957–1959 гг. в СССР // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция (2013). Т. 2. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 422–425.

Николай Иванович Вавилов // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. № 2. С. 85–89.

Николай Иванович Вавилов: единство теории, практики и политики // Научное наследие Н. И. Вавилова и современность. М.: Изд-во РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева, 2013. С. 69–78.

«Открытие природы» // Всемирная история. Т. 4. Мир в XVIII в. М.: Наука, 2013. С. 218–232. [Совм. с И. С. Дмитриевым.]

«Принцип основателя» и история Ленинградского отделения — Санкт-Петербургского филиала ИИЕТ РАН (1953–2013): Традиции и поиски: люди и свершения // ИИЕТ. 2013. № 3. С. 44–96.

Развитие идей В. И. Вернадского об эволюции биосферы в отечественной литературе: факты и гипотезы // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15. № 3. С. 9–16.

Сальтационизм и типология // Эволюционный синтез: границы, перспективы, альтернативы. СПб.: Роза ветров, 2013. С. 134–161.

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН: истоки и итоги (1953–2013) // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXIX. СПб.: Политехника, 2013. С. 21–27.

«То, что сейчас происходит, — это ликвидация». Интервью // Невское время. 2013. 29 августа. № 149 (5363). С. 1, 8.

«У нас в ВАСХНИЛ происходят бои за марксистскую методологию»: Партийная организация ВАСХНИЛ в 1930–1931 годах // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. № 1. С. 39–53.

Уважаемые читатели (Заметка редактора) // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. № 2. С. 8.

Эволюция взглядов В. И. Вернадского в контексте времени. К 150-летию со дня рождения ученого // Биология в школе. 2013. № 4. С. 19–22.

Exploratory Voyages in the Russian Empire and Their Role in the Formation of Animal Ecology // 24th International Congress of History of Science, Technology and Medicine. Book of Abstracts. Manchester, 2013. P. 74–75.

How Russian Science is Being Reconstructed? (the Historical-Sociological Analysis of Reforms for the Last 20 Years) // Sociology of Science & Technology. 2013. Vol. 4. № 1. P. 53–69.

The Cultural Revolution in the USSR (1929–1932) and the Beginning of the ‘Union’ Isai I. Present – Trofim D. Lysenko // The Japanese Journal of the History of Biology. 2013. Vol. 88. № 3. P. 23–35. [На яп. яз.]

2014

Из философии в историю биологии // ВИЕТ. 2014. №3. С. 129–157.

Историк физиологии и медицины // Почетный доктор Российской военно-медицинской академии Владимир Олегович Самойлов / Отв. ред. Г. Н. Пономаренко. СПб.: ВМедА, 2014. С. 104–110.

Как финансировать научный проект // Невское время. 24 января. 2014. № 12 (5461). С. 8.

Так вспоминается, или Еще одно лжесвидетельство // Политическая концептология: Журнал междисциплинарных исследований. 2014. № 1. С. 250–300.

Эволюция биосферы: факты и гипотезы // Материалы II Международной конференции «Современные проблемы биологической эволюции» 11–14 марта 2014 г. М.: Гос. Дарвиновский музей, 2014. С. 31–34.

Darwin’s jubilee in Russia // The Literary and Cultural Reception of Charles Darwin in Europe. Vol. 3. / Ed. Th. Glick and E. Shaffer. London; New Delhi; New York; Sydney: Bloomsbury, P. 278–305, 370–374.

Innovation and National Systems: Science Mobilisation in the Soviet Union // Socio Economic and Technological Innovation: Mechanisms and Institutions / eds. K. Mandal, N. Asheulova, S. G. Kirdina. Delhi: Narosa pub., 2014. P. 3–24.

Nikolai Vavilov in the years of Stalin’s ‘revolution from above’ (1929–1932) // Centaurus. 2014 (в печати).

Current attempts at exonerating ‘Lysenkoism’ and their causes // The Lysenko Controversy as a Global Phenomenon / eds W. deJong-Lambert and N. Kremontsov. New York: Palgrave Macmillan, 2014 (в печати).

2015

Единство эволюционной теории в разделенном мире: монография. СПб.: Нестор-История, 2015 (в печати).

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПОД РЕДАКЦИЕЙ Э.И. КОЛЧИНСКОГО¹

1973

История и теория эволюционного учения. Вып. 3. Л.: ИИЕТ АН СССР, 1975. 237 с. [Секретарь выпуска.]

1987

Бюллетень Комиссии по разработке научного наследия академика В. И. Вернадского. Вып. 1. М.: Наука, 1987. 70 с. [Ред.-сост. Совм. с А. В. Лапо и В. А. Росовым.]

Уголев А. М. Естественные технологии биологических систем. Л.: Наука, 1987. 317 с. [Отв. ред. Совм. с Н. Н. Иезуитовой.]

1988

Бюллетень Комиссии по разработке научного наследия академика В. И. Вернадского. Вып. 2. Л.: Наука, 1988. 49 с. [Ред.-сост. Совм. с А. В. Лапо, Н. С. Стеценко и Ф. Т. Яншиной.]

Бюллетень Комиссии по разработке научного наследия академика В. И. Вернадского. Вып. 4. Л.: Наука, 1988. 40 с. [Ред.-сост. Совм. с В. А. Росовым и Ф. Т. Яншиной.]

Бюллетень Комиссии по разработке научного наследия академика В. И. Вернадского. Вып. 5. Л.: Наука, 1988. 17 с. [Ред.-сост. Совм. с Э. Н. Елисеевым, А. В. Лапо, Н. С. Стеценко, Ф. Т. Яншиной.]

В. И. Вернадский и современная наука. Тезисы докладов международного симпозиума, посвященного 125-летию со дня рождения В. И. Вернадского (4 марта 1988 г.). Л.: Наука, 1988. 112 с. [Отв. ред.]

Владимир Иванович Вернадский. Каталог книжной выставки, организованной в Библиотеке АН СССР к 125-летию со дня рождения ученого. Л.: Библиотека АН СССР, 1988. 54 с. [Ред. Совм. с А. В. Пановой.]

Дарвинизм: история и современность. Л.: Наука, 1988. 232 с. [Отв. ред. Совм. с Ю. И. Полянским.]

1989

Экосистемные исследования: историко-методологические аспекты. Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. [Отв. ред. Совм. с А. И. Кафановым.]

---

¹ Список составлен С. В. Ретунской.

1994

Эволюционная биология. СПб., 1994. 115 с. (Тр. Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Т. 90. Вып. 1.) [Отв. ред.]

1996

Выдающиеся отечественные биологи. Вып. 1. СПб.: Фонд интеллектуального сотрудничества, 1996. 69 с. [Ред.-сост.]

Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XII. СПб.: СПбНЦ РАН, 1996. 119 с. [Отв. ред.]

1997

Кольцов А. В. Ленинградские учреждения Академии наук СССР в 1934–1945 гг. СПб.: Наука, 1997. 191 с. [Отв. ред.]

Концепции современного естествознания. Учебная программа для гуманитарных факультетов. Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1997. 40 с. [Отв. ред.]

Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XIII. СПб.: СПбНЦ РАН, 1997. 161 с. [Отв. ред.]

На переломе. Вып. 1. Советская биология в 20–30-х гг. СПб.: Альманах, 1997. 346 с. [Отв. ред.]

Ученый, учитель, гражданин. Памяти К. М. Завадского. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1997. 131 с. [Отв. ред.]

1998

Выдающиеся отечественные биологи. Вып. 2. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1998. 72 с. [Ред.-сост.]

Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XIV. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1998. 165 с. [Отв. ред.]

1999

Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XV. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1999. 184 с. [Отв. ред.]

На переломе. Вып. 2. Отечественная наука в первой половине XX века. СПб.: Альманах, 1999. 260 с. [Отв. ред.]

Эволюционная биология: история и теория. Вып. 1. СПб.: Альманах, 1999. 112 с. [Отв. ред.]

Russian-German Links in Biology and Medicine: 300-year Experience of Interactions. International Conference. September 14–16. 1999. Abstracts. St. Petersburg: Russian Academy of Sciences, 1999. 28 p. [Отв. ред. Совм. с Л. Я. Боркиным.]

2000

Во главе первенствующего ученого сословия. Очерки жизни и деятельности президентов Императорской Санкт-Петербургской академии наук. 1725–1917. СПб.: Наука, 206 с. [Отв. ред.]

Канаев И. И. Избранные труды по истории науки. СПб.: Алетейя, 2000. 493 с. [Ред.-сост. Совм. с М. Д. Голубовским и С. А. Орловым.]

Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XVI. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2000. 216 с. [Отв. ред.]

Русско-немецкие связи в биологии и медицине: опыт 300-летнего взаимодействия. СПб.: Санкт-Петербургский союз ученых, 2000. 203 с. [Ред. Совм. с Л. Я. Боркиным.]

Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. Материалы 11-й Международной конференции молодых ученых, 27–30 декабря 2000 г. СПб.: СПбГУ, 2000. 838 с. [Сопред. редкол. Совм. с В. Н. Трояном.]

3-я Всероссийская научно-практическая конференция «Современные проблемы экономической психологии и этики делового общения в трудовой, управленческой и предпринимательской деятельности» (23–26 октября 2000 г.). Материалы конференции. СПб.: СПбГУЭФ, 2000. 243 с. [Ред. Совм. с А. И. Муравьевым.]

Russian-German Links in Biology and Medicine: International Conference. September 18–20. 2000. Abstracts. СПб.: СПбФ ИИЕТ, 2000. 22 p. [Отв. ред.]

Science and Society. SPb: SPb ИЕТ RAS, 2000. 274 p. [Отв. ред. Совм с Дж. Бирксом.]

2001

Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XVII. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2001. 202 с. [Отв. ред.]

Наука Санкт-Петербурга и морская мощь России. Т. 1. СПб.: Наука, 2001. 532 с. [Зам. пред. редкол. Совм. с А. А. Родионовым.]

Русско-немецкие связи в биологии и медицине. СПб.: Борей Арт, 2001. 182 с. [Отв. ред.]

Советско-германские научные связи времени Веймарской республики. СПб.: Наука, 2001. 367 с. [Отв. ред.]

Экономическая психология: вопросы теории и практики. IV Всероссийская научно-практическая конференция. Материалы конференции. 29 октября – 1 ноября 2001, Санкт-Петербург. СПб.: СПбГУЭФ, 2001. 274 с. [Ред. Совм. с А. В. Муравьевым.]

Russian-German Links in Biology and Medicine: International Conference. September 17–19. 2001. Abstracts. SPb.: SPbV IHST RAS, 2001. 31 p. [Отв. ред.]

2002

Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XVIII. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2002. 158 с. [Отв. ред.]

Рассказы о великом бактериологе С. Н. Виноградском. СПб.: Росток, 2002. 318 с. [Зам. пред. редкол.]

Русско-немецкие связи в биологии и медицине. Вып. 3. Между наукой и идеологией. СПб.: Борей Арт, 2002. 244 с. [Отв. ред.]

У истоков академической генетики в Санкт-Петербурге. СПб.: Наука, 2002. 558 с. [Отв. ред.]

Бауэр Э.С. Теоретическая биология. Сер. «Фундаментальная наука». СПб.: Росток, 2002. 352 с. [Зам. пред. редкол.]

Russian-German Links in Biology and Medicine: International Conference. September 16–18, 2002. Abstracts. SPb.: SPbV IHST RAS, 2002. 37 p. [Ред.]

2003

Летопись Российской академии наук (1724–1934). CD-издание. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2003. [Гл. ред.]

Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XIX. СПб.: СПбНЦ РАН, 2003. 427 с. [Отв. ред. Совм. с Э. А. Троппом.]

Наука Санкт-Петербурга и морская мощь России. Т. 2. СПб.: Наука, 2002. 885 с. [Зам. пред. редкол. Совм. с А. А. Родионовым.]

Русская наука в биографических очерках. XIX–XX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 556 с. [Отв. ред. Совм. с И. П. Медведевым.]

Русско-немецкие связи в биологии и медицине. Вып. 4. СПб.: Борей-Арт, 2003. 180 с. [Отв. ред.]

Современные проблемы адаптации. СПб.: СПбГУЭФ, 2003. 240 с. [Ред. Совм. с С. Г. Ковалевым.]

Файнштейн М.Ш. Указатель конкурсов Императорской академии наук и художеств. 1751–1796. СПб.: СПбФА РАН; СПбФ ИИЕТ РАН, 2003. 95 с. [Отв. ред. Совм. с И. В. Тункиной.]

Эволюционная биология: История и теория. Вып. 2. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2003. 218 с. [Отв. ред.]

Science, Technology and Society during the First World War. Proceedings of International Conference. СПб.: Нестор-История, 2003. 38 с. [Ed. with D. Beyrau.]

2004

Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XX. СПб.: Политехника-сервис, 2004. [Отв. ред.]

2005

Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXI. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2005. 254 с. [Отв. ред.]

Нестор. №9. На переломе. Отечественная наука в конце XIX–XX вв. СПб.: Нестор-История, 2005. 420 с. [Ред. Совм. с М. Б. Конашевым.]

Российско-китайские научные связи: проблемы становления и развития. СПб.: Нестор-История, 2005. 207 с. [Отв. ред. Ред.-сост. Т. И. Юсупова.]

Эволюционная биология. Вып. 3. СПб.: Нестор-История, 2005. 271 с. [Отв. ред. Совм. с Я. М. Галлом.]

2006

Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXII. СПб.: СПбНЦ РАН, 2006. 265 с. [Отв. ред. Совм. с Б. И. Ивановым.]

2007

Леонард Эйлер и современная наука. Материалы международной научной конференции. СПб.: СПбНЦ РАН, 2007. 470 с. [Отв. ред. Совм. с Э.А. Троппом.]

Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXIII. СПбФ ИИЕТ, 2007. 254 с. [Отв. ред.]

Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб.: Нестор-История, 2007. 504 с. [Отв. ред. Совм. с Д. Байрау.]

2008

Деятели русской науки XIX и XX веков. Вып. 4. СПб.: Нестор-История, 2008. 782 с. [Отв. ред. Совм с. В. Н. Плешковым.]

Кирилл Михайлович Завадский. Материалы к биобиблиографии историков науки и техники. Вып. 8. СПб.: Нестор-История, 2008. 82 с. [Сост. Совм. с А. В. Самокиш, К. В. Манойленко, Я. М. Галлом и А. А. Федотовой.]

Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXIV. СПб.: Политехника-сервис, 2008. 411 с. [Отв. ред. Совм. с Б. И. Ивановым.]

Научный Санкт-Петербург. Предварительные материалы к вып. II. Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2007. СПб.: Нестор-История, 2008. 200 с. [Ред.-сост.]

2009

Историко-биологические исследования. 2009. Т. 1. № 1. 199 с. [Гл. ред.]

Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXIV. СПб.: Политехника-сервис, 2008. 411 с. [Отв. ред. Совм. с Б. И. Ивановым.]

Реформы науки и техники в РФ и КНР. Итоги и перспективы: Материалы международного форума. СПб.: Нестор-История, 2009. 354 с. [Ред. Совм. с Н. А. Ащеуловой и Бао Оу.]

Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX — первая половина XX в. СПб.: Нестор-История, 2009. 142 с. [Отв. ред. Совм. с А. Петрович.]

Стеллерiana в России. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.: Нестор-История, 2009. 76 с. [Отв. ред.]

Чарльз Дарвин и современная наука. Сборник тезисов международных конференций СПб.: Политехника-сервис, 2009. 417 с. [Отв. ред.]

2010

Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 1. 127 с. [Гл. ред.]

Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 2. 156 с. [Гл. ред.]

Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 3. 158 с. [Гл. ред.]

Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 4. 119 с. [Гл. ред.]

Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXVI. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2010. 435 с. [Отв. ред.]

Чарльз Дарвин и современная биология. Труды международной научной конференции (21–23 сентября 2009, Санкт-Петербург). СПб.: Нестор-История, 2010. 820 с. [Отв. ред.]

Чжан Байчунь, Яо Фан, Чжан Цзючунь, Цзян Лун. Передача технологий из Советского Союза в Китай. 1949–1966 / Пер. с кит. Е.И. Ганьшиной. Шаньдунское изд-во «Образование»; СПб.: Нестор-История, 2010. 232 с. [Ред. Совм. с Бао Оу, Хан Ихуа и В.М. Ломовицкой.]

A Distant Accord. Russian-Serbian Links in the Fields of Science, Humanities and Education: the 19th – the first half of the 20th century. Liceum. 2010. Vol. 2010. 197 p. [Ed. with A. Petrovich.]

Liberalizing Research in Sciences and Technology. Studies in Science Policy. St. Petersburg: Politechnika, 2010. 681 с. [Ed. with N. Asheulova, B. Pattnaik, G. Sandstrom.]

2011

Историко-биологические исследования. 2011. Т. 3. № 1. 125 с. [Гл. ред.]

Историко-биологические исследования. 2011. Т. 3. № 2. 143 с. [Гл. ред.]

Историко-биологические исследования. 2011. Т. 3. № 3. 172 с. [Гл. ред.]

Историко-биологические исследования. 2011. Т. 3. № 4. 160 с. [Гл. ред.]

Ломоносов. Сборник статей и материалов. Т. X. СПб.: Наука, 2011, 467 с. [Отв. ред. Совм. с Г.Ф. Терещенко.]

Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXV. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН. 2011. 391 с. [Отв. ред.]

2012

Историко-биологические исследования. 2012. Т. 4. № 1. 140 с. [Гл. ред.]

Историко-биологические исследования. 2012. Т. 4. № 2. 154 с. [Гл. ред.]

Историко-биологические исследования. 2012. Т. 4. № 3. 134 с. [Гл. ред.]

Историко-биологические исследования. 2012. Т. 4. № 4. 126 с. [Гл. ред.]

Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXVIII. СПб.: Политехника-сервис, 2012. 225 с. [Ред.-сост. Совм. с В.Г. Смирновым.]

Создатели современного эволюционного синтеза. СПб.: Нестор-История, 2012. 996 с. [Отв. ред.-сост. Ред. С.И. Зенкевич, А.В. Полевой.]

Russian-French Links in Biology and Medicine. St. Petersburg: Nestor-Historia, 2012. 204 p. [Eds. with J.-G. Barbara, J.-C. Dupont, M. V. Loskutova.]

2013

Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. № 1. 141 с. [Гл. ред.]

Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. № 2. 140 с. [Гл. ред.]

Историко-биологические исследования. 2012. Т. 5. № 3. 143 с. [Гл. ред.]

Историко-биологические исследования. 2012. Т. 5. № 4. 142 с. [Гл. ред.]

Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXIX. СПб.: Политехника-сервис, 2013. [Ред. Совм. с Н.А. Ащеуловой.]

Эволюционный синтез: границы, перспективы, альтернативы. СПб.: Роза ветров, 2013. 374 с. [Отв. ред.-сост. Совм. с Г. Левитом, У. Хоссфельдом, У. Кучерой, У. Олсоном.]

СПИСОК РЕЦЕНЗИЙ НА ТРУДЫ Э. И. КОЛЧИНСКОГО¹

Кефели И. Ф., Лисеев И. К. // Вопросы философии. 1977. №4. С. 75–77. — Рец. на кн.: Закономерности прогрессивной эволюции. Л., 1972. 172 с.; История и теория эволюционного учения. Вып. 1. Л., 1973. 172 с.; Вып. 2. Л., 1974. 191 с.; Вып. 3. Л., 1975. 237 с.

Полянский Ю. И. // Журнал общей биологии. 1978. Т. 39. №2. С. 312–314. — Рец. на кн.: *Завадский К.М., Колчинский Э.И.* Эволюция эволюции. Историко-критические очерки проблемы. Л.: Наука, 1977. 236 с.

Löther R., Peters G. Die Evolution der Evolution // Biologie in der Schule, 1978. Bd. 27. №9. S. 353–358. — Рец. на кн.: *Завадский К. М., Колчинский Э.И.* Эволюция эволюции. Историко-критические очерки проблемы. Л.: Наука, 1977. 236 с.

Карпинская Р. С., Цербаев Ч. Л. // Вопросы философии. 1979. № 1. С. 169–170. — Рец. на кн.: *Завадский К. М., Колчинский Э.И.* Эволюция эволюции. Историко-критические очерки проблемы. Л.: Наука, 1977. 236 с.

Константинов А. В. Эволюция эволюции // *Константинов А. В.* Основы эволюционной теории. Минск: Вышайшая школа, 1979. С. 315–324.

Lebedev D. V., Kaidanov L.Z. The Development of the Theory of Evolution in the USSR (1917–1970) // The Quarterly Review of Biology. 1985. Vol. 60. №3. P. 345–346. — Рец. на кн.: Развитие эволюционной теории в СССР / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. Л.: Наука, 1983. 613 с.

Peters G. Der Beitrag der sowjetischen Wissenschaft zum Ausbau der modernen Evolutionstheorie // Urania. Schriftreihe für den Referenten. 1985. Heft 10. 13 S. — Рец. на кн.: Развитие эволюционной теории в СССР / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. Л.: Наука, 1983. 613 с.

Даревский И. С., Назаров В. И. Книга о развитии эволюционной теории в СССР // Бюлл. МОИП. Отд. биол. 1988. Т. 93. Вып. 1. С. 124–127. — Рец. на кн.: Развитие эволюционной теории в СССР / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. Л.: Наука, 1983. 613 с.

Мамзин А. С. // Философские науки. 1991. № 7. С. 185–187. — Рец. на кн.: *Колчинский Э.И.* Эволюция биосферы. Историко-критические очерки исследований в СССР. Л.: Наука, 1990. 236 с.

Мирзоян Э. Н. // Вопросы истории естествознания и техники. 1991. №2. С. 147–148. — Рец. на кн.: *Колчинский Э.И.* Эволюция биосферы. Историко-критические очерки исследований в СССР. Л.: Наука, 1990. 236 с.

Полянский Ю. И. Идеи В.И. Вернадского в современном естествознании // Природа. 1991. № 2. С. 122. — Рец. на кн.: *Колчинский Э.И.* Эволюция биосферы. Историко-критические очерки исследований в СССР. Л.: Наука, 1990. 236 с.

---

¹ Список составлен С.В. Ретунской.

Kaidanov L.Z. Biosphere Evolution: Historical-Critical Essays in USSR Studies // The Quarterly Review of Biology. 1991. Vol. 66. № 4. P. 514–515. — Рец. на кн.: *Колчинский Э.И.* Эволюция биосферы. Историко-критические очерки исследований в СССР. Л.: Наука, 1990. 236 с.

Сладкие грезы о «новой породе» // Поиск. 1999. № 21(523). 28 мая. — Рец. на кн.: *Колчинский Э.И.* В поисках советского «союза» философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х — начале 30-х гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 274 с.

Козлов Б.И. // Науковедение. 2000. № 3. С. 225–230. — Рец. на кн.: *Колчинский Э.И.* В поисках советского «союза» философии и биологии (Дискуссии и репрессии в 20-х — начале 30-х гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 274 с.

Старостин Б.А. // Науковедение. 2001. № 1. С. 228–232. — Рец. на кн.: На переломе. Советская биология в 20–30-х годах / Отв. ред. Э.И. Колчинский. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1997. 346 с.; На переломе. Советская наука в первой половине XX века / Отв. ред. Э.И. Колчинский. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1999. 260 с.

Haigh E. V. // ISIS. 2002. Vol. 93. № 4. P. 726–727. — Рец. на кн.: *Колчинский Э.И.* В поисках советского «союза» философии и биологии (Дискуссии и репрессии в 20-х — начале 30-х гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 274 с.

Старостин Б.А. // Науковедение. 2002. № 4. С. 198–210. — Рец. на кн.: За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки / Ред. М. Хайнеманн, Э.И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 528 с.

Музрукова Е.Б., Белозеров О.П. // ВИЕТ. 2002. № 4. С. 797–800. — Рец. на кн.: *Колчинский Э.И.* В поисках советского «союза» философии и биологии (Дискуссии и репрессии в 20-х — начале 30-х гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 274 с.

Шуман Е. Мифы и реалии советской науки // Немецкая волна. 18.09.2002. <http://www.dw-world.de>. — Рец. на кн.: За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки / Ред. М. Хайнеманн, Э.И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 528 с.

Наточин Ю.В. // Вестник РАН. 2003. Т. 73. № 6. С. 555–564. — Рец. на кн.: *Колчинский Э.И.* Неокатастрофизм и селекционизм. Вечная дилемма или возможность синтеза? (Историко-критические очерки). СПб.: Наука, 2002. 554 с.

Онопrienко В.И., Митропольский А.Б. Вклад в разработку фундаментальной историко-методологической проблемы естествознания // Екологія довкілля та безпека життєв діяльності. 2003. № 4. С. 90–93. — Рец. на кн.: *Колчинский Э.И.* Неокатастрофизм и селекционизм. Вечная дилемма или возможность синтеза? (Историко-критические очерки). СПб.: Наука, 2002. 554 с.

Онопrienко В.И. // Науковедение. 2003. № 4. С. 219–224. — Рец. на кн.: *Колчинский Э.И.* Неокатастрофизм и селекционизм. Вечная дилемма или возможность синтеза? (Историко-критические очерки). СПб.: Наука, 2002. 554 с.

Gerovitch S. // ISIS. 2003. Vol. 94. № 1. P. 123–126. — Рец. на кн.: Во главе первенствующего сословия России: очерки жизни и деятельности президентов Императорской Санкт-Петербургской академии наук, 1725–1917 гг. / Отв. ред. Э.И. Колчинский. СПб.: Наука, 2000. 204 с.

Дмитриев А. // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2004. № 5 (37). С. 137–139. — Рец. на книги: Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках. Исторические очерки / Отв. ред. Ж.И. Алфёров. Ред.-сост. Э.И. Колчинский и Э.А. Тропп. СПб.: Наука. 605 с.; Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. СПб., Дмитрий Буланин, 2003. 1038 с.

Кривоносов Ю. И. // Вестник РАН. 2004. Т. 74. № 12. С. 1130–1132. — Рец. на кн.: Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э. И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 1039 с.

Кузнецова Н. И. Жестокий опыт истории: уроки «советизации» науки и высшего образования // Вестник РАН. 2004. Т. 74. № 2. С. 160–166. — Рец. на кн.: За «железным занавесом». Мифы и реалии советской науки / Ред. М. Хайнеманн и Э. И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 528 с.

Онопrienко В. И. Феномен советской науки: новые источники и новая их интерпретация // Наука и науковедение. 2004. № 2. С. 142–146. — Рец. на кн.: За «железным занавесом». Мифы и реалии советской науки / Ред. М. Хайнеманн и Э. И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 528 с.

Онопrienко В. И. // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 242–245. — Рец. на кн.: За «железным занавесом». Мифы и реалии советской науки / Ред. М. Хайнеманн и Э. И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 528 с.

Krementsov N. // ISIS. 2004. Vol. 95. № 4. P. 726–728. — Рец. на кн.: У истоков академической генетики в Санкт-Петербурге / Отв. ред. Э. И. Колчинский. СПб.: Наука, 2002. 558 с.

Sirotkina I. Za «zheleznyy zhanavesom»: Mify i realii sovetskoi nauki, and: Science in Russian Context, and: Vlast' i nauka. Uchenye i vlast': 1880-e — nachalo 20-kh godov. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo simposiuma-kollokviuma (review) // Kritika: Exploration in Russian and Eurasian History. 2004. Vol. 5. № 4. P. 811–818. — Рец. на кн.: За «железным занавесом». Мифы и реалии советской науки / Ред. М. Хайнеманн и Э. И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 528 с.

Макаренко В. П. Контекст социальной истории // Логос. 2005. № 5(51). С. 98–116. — Рец. на кн.: Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э. И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 1038 с.

Матвиевская Г. П. // ВИЕТ. 2005. № 3. С. 171–173. — Рец. на кн.: Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках. Исторические очерки / Ред.-сост. Э. И. Колчинский, Э. А. Тропп. СПб.: Наука, 2003. 605 с.

Чеснова Л. В., Соколов Д. Б. // ВИЕТ. 2005. № 2. С. 161–164. — Рец. на кн.: Колчинский Э. И. Неокатастрофизм и селекционизм. Вечная дилемма или возможность синтеза? (Историко-критические очерки). СПб.: Наука, 2002. 554 с.

Бабков В. В. // ВИЕТ. 2006. № 1. С. 174–179. — Рец. на кн.: У истоков академической генетики в Санкт-Петербурге / Ред. Э. И. Колчинский, К. В. Манойленко и М. Б. Конашев. СПб.: Наука, 2002. 558 с.

Макаренко В. П. // Правоведение. 2006. № 2. С. 207–236. — Рец. на кн.: Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э. И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 1038 с.

Макаренко В. П. Наука и власть. Контекст социальной истории науки // Філософія освіти. 2006. № 2(4). С. 111–137. — Рец. на кн.: Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э. И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 1038 с.

Levit G., Hossfeld U., Kolchinsky E. I. Ernst Mayr and the Modern Evolutionary Synthesis. Series: Outstanding evolutionary biologists // History and Philosophy of the Life Sciences. 2007. Vol. 29. № 1. P. 102–103. — Рец. на кн.: Эрнст Майр и современный эволюционный синтез. М.: Т-во научных изданий КМК, 2006. 149 с.

Levit G., Hossfeld U., Kolchnisky E.I. Biology in Germany and Russia-USSR // History and Philosophy of the Life Sciences. 2007. Vol. 29. № 1. P. 120–123. — Рец. на кн.: *Колчинский Э.И.* Биология в Германии и России — СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (Между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом). СПб.: Нестор-История, 2007. 638 с.

Биология и политика // Литературная газета. 2007. № 31 (6131). 1 августа. — Рец. на кн.: *Колчинский Э.И.* Биология в Германии и России — СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (Между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом). СПб.: Нестор-История, 2007. 638 с.

Бойко М. Добродейи и лиходеи // Независимая газета — Exlibris. 2007. 2 августа. — Рец. на кн.: *Колчинский Э.И.* Биология в Германии и России — СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (Между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом). СПб.: Нестор-История, 2007. 638 с.

Механик А. Наука — жертва и служанка // Эксперт. 2007. № 27 (568) 16 июля. — Рец. на кн.: *Колчинский Э.И.* Биология в Германии и России — СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (Между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом). СПб.: Нестор-История, 2007. 638 с.

Нитченко М. Битва за хромосомы: как ученые двух стран «выпальывали» друг друга // Независимая газета. 2007. 2 февраля. — Рец. на кн.: *Колчинский Э.И.* Биология в Германии и России — СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (Между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом). СПб.: Нестор-История, 2007. 638 с.

Дейниченко П. Генетический эксперимент // Словосфера. http://www.slovosfera.ru/bookreview/kolchinskiy_genetics.html — Рец. на кн.: *Колчинский Э.И.* Биология в Германии и России — СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (Между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом). СПб.: Нестор-История, 2007. 638 с.

Дейниченко П. Генетический эксперимент // Книжное обозрение. 2007. № 31/32. С. 12. — Рец. на кн.: *Колчинский Э.И.* Биология в Германии и России — СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (Между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом). СПб.: Нестор-История, 2007. 638 с.

Бабков В.В. Путевые письма и микроэволюция Ф. Добржанского // Бюллетень ВОГиС. 2007. Т. 12. № 2. С. 463–469. — Рец. на кн.: У истоков академической генетики в Санкт-Петербурге. СПб.: Наука, 2002. 556 с.

Наточин Ю.В. // Вестник РАН. 2008. № 1. С. 80–82. — Рец. на кн.: *Колчинский Э.И.* Биология в Германии и России — СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (Между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом). СПб.: Нестор-История, 2007. 638 с.

Новоженев Ю.И. // ВИЕТ. 2008. № 2. С. 170–172. — Рец. на кн.: *Колчинский Э.И.* Эрнст Майр и современный эволюционный синтез. М.: Т-во научных изданий КМК. 2006. 149 с.

Gordin M. Was There Ever a «Stalinist Sciences»? // Kritika: Exploration in Russian and Eurasian History. 2008. Vol. 9. № 3 (Summer). P. 625–639. — Рец. на кн.: *Колчинский Э.И.* Биология в Германии и России — СССР в условиях социально-политических

кризисов первой половины XX века (Между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом). СПб.: Нестор-История, 2007. 638 с.

Борзенков В. Г. // Человек. 2009. №5. С. 178–180. — Рец. на кн.: *Колчинский Э.И.* Биология в Германии и России — СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (Между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом). СПб.: Нестор-История, 2007. 638 с.

Юсуфов А. Г. // ВИЕТ. 2009. №1. С. 153–155. — Рец. на кн.: *Колчинский Э.И.* Биология в Германии и России — СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (Между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом). СПб.: Нестор-История, 2007. 638 с.

Levit G., Hossfeld U. Eduard I. Kolchinsky. Biology in St. Petersburg, 1703–2008 // History and Philosophy of the Life Sciences. 2012. Vol. 34. P. 484. — Рец. на кн.: Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Э.И. Колчинский. СПб.: Нестор-История, 2011. 568 с.

Галл Я.М. Энциклопедия по истории биологии в Санкт-Петербурге // Историко-биологические исследования. 2012. Т. 4. №3. С. 118–119. — Рец. на кн.: Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Э.И. Колчинский. СПб.: Нестор-История, 2011. 568 с.

Наточин Ю. В. // Вестник РАН. 2012. Т. 82. №8. С. 762–763. — Рец. на кн.: Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Э.И. Колчинский. СПб.: Нестор-История, 2011. 568 с.

Шалимов С.В. Три столетия биологии в Санкт-Петербурге // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2012. Т. 16. №2. С. 488–491. — Рец. на кн.: Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Э.И. Колчинский. СПб.: Нестор-История, 2011. 568 с.

Чеснова Л. В., Стриганова Б. Р. // ВИЕТ. 2013. №2. С. 163–167. — Рец. на кн.: Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Э.И. Колчинский. СПб.: Нестор-История, 2011. 568 с.

Соснов А. Диалектика разгрома. Попытка создать «пролетарскую» биологию обернулась трагедией // Поиск. 2012. №47.

Шевченко В. Я., Цыганова Т.А. Полное собрание сочинений М.В. Ломоносова в 10 томах. Изд. 2-е, испр. и доп. Гл. ред. Ю.С. Осипов. М.—СПб.: Наука, 2011–2012 // Вестник РАН. 2014. Т. 84. №2. С. 176–177.

Слепкова Н.В. История истории: Санкт-Петербургский филиал ИИЕТ отпраздновал 60-летие // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6. №3 (В печати). — Рец. на кн.: *Колчинский Э.И.* Историко-научное сообщество в Ленинграде–Санкт-Петербурге в 1950–2010 годы: Люди, традиции, свершения (2012).

СПИСОК ТРУДОВ ОБ Э.И. КОЛЧИНСКОМ¹

Колчинский Эдуард Израилевич // *Философы России XIX–XX столетий*. М., 1995. С. 288.

Эдуард Израилевич Колчинский / Сост. А. В. Полевой; Авт. вступ. ст. М. Б. Ко-нашев, К. В. Манойленко. СПб., 2004. 86 с. (Материалы к биобиблиографии истори-ков науки и техники. Вып. 3.)

К 60-летию со дня рождения Э.И. Колчинского // *ВИЕТ*. 2004. № 3. С. 179–182.

Пилипчук О. Я., Савчук В. С. Эдуард Израилевич Колчинский — известный био-лог-эволюционист, философ, историк науки. К 60-летию со дня рождения // *Вісник Дніпропетровського університету*. 2004. № 4. Серія «Історія і філософія науки і техніки». Вып. 11. С. 166–168.

Колчинский Эдуард Израилевич // *Профессора Санкт-Петербургского госу-дарственного университета*. СПб., 2004. С. 294.

Оноприенко В. Наука как призвание. Книга-интервью. Киев: Информационно-аналитическое агентство, 2011. С. 263–292.

---

¹ Список составлен С. В. Ретунской.

СПИСОК ДОКЛАДОВ Э.И. КОЛЧИНСКОГО¹

1970

«К истории катастрофизма и униформизма в биологии XIX века» на V годичной конференции Ленинградского отделения Советского национального объединения истории и философии естествознания и техники. 8 декабря. Ленинград.

1972

«Значение проблемы изменчивости факторов и законов эволюции» на VI годичной конференции ЛО СНОИФЕТ. 11 февраля. Ленинград. [Совм. с К. М. Завадским.]

«Изменение законов эволюции с повышением уровня организации живых систем» на Всесоюзной конференции «Организация и эволюция живого». Декабрь. Ленинград.

1973

«О некоторых особенностях разработки советскими биологами в 20-е гг. проблемы вымирания организмов» на симпозиуме «Первые шаги эволюционной теории в СССР». 21 февраля. Ленинград.

«Проблема изменчивости законов» на заседании Научного совета по диалектическому материализму Министерства высшего образования СССР. Июнь. Петергоф.

1974

«Значение актуалистического метода в эволюционной теории» на конференции молодых ученых Северо-Запада. Январь. Петрозаводск.

«Основные тенденции в эволюции факторов и законов эволюции» на Бэровских чтениях. 28 февраля. Тарту, ЭССР.

«Является ли учение Дарвина униформистской концепцией?» на VIII годичной конференции ЛО СНОИФЕТ. 16 апреля. Ленинград. [Совм. с Н. В. Константиновой.]

«Роль актуалистического метода в эволюционно-биологических исследованиях» на методологическом семинаре ЛО ИИЕТ. Апрель. Ленинград. [Совм. с К. М. Завадским.]

---

¹ Список составлен Т. И. Юсуповой и Т. Ю. Фекловой.

1975

«Проблема эволюции эволюции» на плодовоовощном факультете Ленинградского сельскохозяйственного института. Январь. Ленинград.

«Эволюция эволюции» на школе-семинаре биологов Карельского филиала АН СССР по теме «Современные проблемы эволюции». Март. Петрозаводск.

К современной оценке номогенеза» на методологическом семинаре ЗИН АН СССР. Апрель. Ленинград

«Метод актуализма в эволюционной теории» на конференции «Биология в современном научном познании». Май. Москва. [Совм. с К. М. Завадским.]

«Вклад членов отечественной Академии наук в развитие эволюционной теории» в Доме ученых им. М. Горького. Май. Ленинград.

«Эволюция эволюции и преобразование современной биосферы» на конференции «Методологические аспекты теории преобразования биосферы». 19 ноября. Свердловск.

1976

«Методологические аспекты построения синтетической теории эволюции» на 7-м Всесоюзном совещании по логике и методологии науки. Ноябрь. Киев, УССР. [Совм. с Я. М. Галлом.]

1978

«Вклад советских ученых в разработку проблемы эволюции биосферы» на конференции ЛО СНОИФЕТ. 2 февраля. Ленинград.

«Современные проблемы эволюционной теории» на методологическом семинаре Ботанического института. Январь. Ленинград.

«К определению понятия “эволюция биосферы”» на симпозиуме «Эволюционная теория и проблема “человек — природа”». 17 мая. Кярияку, ЭССР.

1979

«К. М. Завадский как биолог-эволюционист» на научном семинаре сектора истории и теории эволюционного учения. 26 января. Ленинград. [Совм. с Я. М. Галлом.]

1980

«Философско-методологические проблемы эволюционной теории» на объединенном заседании методологических семинаров Института физиологии им. И. П. Павлова АН СССР и Института эволюционной физиологии и биохимии им. И. М. Сеченова АН СССР. Май. Ленинград.

«Синтетические теории эволюции и проблемы макроэволюции» на конференции «Макро- и микроэволюция». 3 сентября. Кярияку, ЭССР. [Совм. с Я. М. Галлом.]

«Проблемы макроэволюции в учении В.И. Вернадского о биосфере» на конференции «Макро- и микроэволюция». 4 сентября. Кярияку, ЭССР.

1981

«Развитие движущих сил органической эволюции» на III Всесоюзном совещании по философским проблемам естествознания. 22 апреля. Москва.

1982

«О выделении основных тенденций в эволюции биосферы» на научном семинаре Института биологии моря ДВНЦ АН СССР. Декабрь. Владивосток.

1983

«Значение идей В. И. Вернадского для развития эволюционной теории» на конференции «Вернадский и современность». 4 апреля. Ленинград.

«К уточнению категориального аппарата современной эволюционной теории» на V Всесоюзном теоретическом семинаре «Мировоззрение и научное познание». 14 апреля. Симеиз, УССР.

1984

«Развитие дарвинизма в XX веке» на всесоюзной научной конференции «Современные проблемы дарвинизма». 26 января. Москва. [Совм. с Я. М. Галлом и А. Б. Георгиевским.]

«Вклад Ивана Ивановича Шмальгаузена в современную теорию эволюции» на международном симпозиуме, посвященном столетию со дня рождения И.И. Шмальгаузена. 26 августа. Пльзен, Чехословакия.

«О главных тенденциях в эволюции биосферы» на международном симпозиуме «Эволюция и морфогенез». 28 августа. Пльзен, Чехословакия.

«О выделении структурных компонентов в детерминации эволюции» на всесоюзной конференции «Методологические проблемы эволюционной теории». 5 сентября. Кяярику, ЭССР.

«Методологические принципы типологии каузальных основ эволюции» на VI Всесоюзном теоретическом семинаре «Мировоззрение и научное познание». 20 сентября. Белая Церковь, УССР.

1985

«Эволюционный процесс в современной биосфере» на VII Всесоюзном теоретическом семинаре «Мировоззрение и научное познание». 14 июня. Тернополь. УССР.

1986

«Методологические аспекты проблемы “эволюции эволюции”» на VIII Всесоюзном теоретическом семинаре. Май. Ялта, УССР.

1987

Выступление на круглом столе «Страницы истории советской генетики» в Доме литераторов. 29 мая. Москва.

«Проблема “эволюции эволюции” и глобальный эволюционизм» на 8-м Международном конгрессе по логике, методологии и философии науки. 20 августа. Москва.

1988

«Идеи В. И. Вернадского об эволюции биосферы» на конференции «Ноосфера». Сентябрь. Одесса, УССР.

«Глобальный эволюционизм и проблема становления естественного отбора» на всесоюзной конференции «Самоорганизация в природе и обществе». 27 ноября Ленинград.

1989

«В. И. Вернадский и современные проблемы эволюционной теории» на «Чтениях В. И. Вернадского». Середина марта. Ярославль.

«Эволюционный процесс в современной биосфере» на международном симпозиуме «Человек и биосфера: история и современность» 23 марта. Пушино.

1990

«Социальные и идеологические аспекты развития советской биологии» на XIII Международном симпозиуме по науковедению и научно-техническому прогнозированию «Современное науковедение и перестройка советской науки». 10–13 октября. Киев. УССР.

1991

«Об управляемой эволюции» на конференции «Актуальные проблемы социальной экологии». 10 октября. Хабаровск.

1992

«К.Э. фон Бэр и неокатастрофизм XIX в.» [совм. с С. А. Орловым] на международной конференции «Бэр и современная биология». 2 марта. Тарту, Эстония.

«Эволюция биосферы: факты и гипотезы» на международной конференции «Бэр и современная биология». 2 марта. Тарту, Эстония.

«Основные тенденции в эволюции биосферы» в Институте по истории медицины и естествознания им. К. Зюдхоффа Лейпцигского университета. 21 ноября. Лейпциг, Германия.

1994

«Стеллериана в России» на конференции «Георг Вильгельм Стеллер (1709–1746) и исследования Сибири». 15 марта. Галле, Германия.

«Развитие эволюционной биологии в СССР» на международной конференции «Дарвин и дарвинизм». 14 апреля. Дрезден, Германия.

«Эволюция биосферы: факты и гипотезы в трудах русских ученых» на III ежегодной конференции Немецкого общества теории и истории биологии. 25 июня. Кобленц, Германия.

1995

«Изучение жизни и трудов Г. В. Стеллера в России» на конференции «Немцы в России». 11 апреля. Ленинград.

«Попытка установить тотальный контроль в советской биологии в начале 30-х гг. (по материалам СПб Архива РАН)» на конференции «Цензура в России: история и современность». 21 сентября. Санкт-Петербург.

«Попытка установить контроль над биологией» на конференции «На подступах к спецхрану». 15 ноября. Екатеринбург.

1996

«Попытки “советизации” биологии в Ленинграде в годы “культурной революции” (1929–1932)» на конференции «Наука и власть: советизация научных учреждений и дисциплин в Восточной Европе». 17 мая. Галле, Германия.

«Стеллериана» на конференции «“Нетерпение и отчаяние”. Георг Вильгельм Стеллер (1709–1746) и исследование Сибири и Аляски». 9 ноября. Галле, Германия.

«Эволюционно-биологические школы Санкт-Петербурга» на XXVII годичной конференции СПбО РНК ИФНиТ «Санкт-Петербург как научный центр. К 275-летию Академии наук и 300-летию Санкт-Петербурга». 19 ноября. Санкт-Петербург.

1997

«Значение русско-немецких связей для развития эволюционной биологии в России» на VIII Международном семинаре «Немцы в России: Русско-немецкие научные и культурные связи». 3 апреля. Санкт-Петербург.

«Ноогенез — миф или реальность» на 1-м Российском философском конгрессе. 6 июня. Санкт-Петербург.

«Биологи и этика науки в период раннего сталинизма» на VI годичной конференции Немецкого общества по истории и теории биологии. 27 июня. Тюбинген, Германия.

«Диалектизация биологии в период становления сталинизма» на научном семинаре Института Восточной Европы Тюбингенского университета. 1 июля. Тюбинген, Германия.

Выступление по радио «О Санкт-Петербургском филиале Института истории естествознания и техники» в передаче «Разговор по душам». 13 октября. Санкт-Петербург.

«Академия наук и университет в жизни К. М. Завадского» на конференции «Памяти К. М. Завадского». 4 ноября. Санкт-Петербург.

«Вклад советских биологов в СТЭ» на международной конференции «Эволюционная теория от Ч. Дарвина до наших дней». 6 декабря. Гёттинген, Германия.

«В поисках советского “союза” биологии и философии» на конференции «Образованные слои при тоталитарных режимах». 10 декабря. Блаубойрен (Бавария), Германия.

1998

«СТЭ и внезапное видообразование» на XIX Годичной конференции СПбО РНК ИФНиТ «Санкт-Петербург как научный центр. К 275-летию Академии наук и 300-летию Санкт-Петербурга». 24 ноября. Санкт-Петербург.

1999

«Дарвинизм и марксизм в начальный период сталинизма» на конференции «Дарвинизм и / как идеология». 19 марта. Регенсбург (Бавария), Германия.

«Эволюция концепции биосферы и ноосферы в тоталитарную версию» на конференции Американского общества истории окружающей среды «Экологическая история через границы». 14 апреля. Туксон (Аризона), США.

«Что внедрение диалектического материализма означало для советской биологии в конце 20 — начале 30-х гг.» на семинаре в Аризонском университете. 20 апреля. Туксон (Аризона), США.

«Возвращение В. И. Вернадского в Академию наук» на международной конференции «Петербургская академия наук в истории академий мира». 29 июня. Санкт-Петербург.

«Русско-немецкие связи в биологии: перспективы исследования» на конференции «Русско-немецкие связи в биологии и медицине: опыт 300-летнего взаимодействия». 14 сентября. Санкт-Петербург.

«Академия наук в Гражданскую войну. 1918–1922 гг.» на выездном заседании президиума РАН, посвященном 275-летию РАН. 21 сентября. Санкт-Петербург. [Совм. с А. В. Кольцовым.]

«Этический выбор ученого при тоталитарном режиме на примере В. И. Вернадского» на международной конференции «Наука и общество». 22 июня. Санкт-Петербург.

«И. И. Презент — герой своего времени» на международном семинаре «Агробиология — пример идеологизированной науки». 5 ноября. Берлин, Германия

«Этика ученого и тоталитарный режим: случай В. И. Вернадского» на Годичной конференции Санкт-Петербургской философской ассоциации. 12 ноября. Санкт-Петербург.

«История науки в городе на Неве» на XX Годичной конференции СПбО РНК ИФНиТ «Санкт-Петербург как научный центр. К 275-летию академического и университетского образования в Санкт-Петербурге». 22 ноября. Санкт-Петербург.

2000

«Поиски союза биологии и философии в периоды кризисов» на заседании Отделения философии, социологии, психологии и права РАН. 23 апреля. Москва.

«Принцип основателя» и становление российской биологии» на 2-й конференции «Русско-немецкие связи в биологии и медицине». 18 сентября. Санкт-Петербург.

«Попытки гармонизировать диалектический материализм и биологию в эпоху раннего сталинизма» на семинаре Центра восточноевропейской культуры и общества. 5 октября. Тронхейм, Норвегия.

«Принцип основателя» и становление российской биологии» на XXI годичной конференции СПбО РНК ИФНиТ «Санкт-Петербург как научный центр: роль научного сообщества в контексте мирового межкультурного диалога». 20 ноября. Санкт-Петербург.

«В защиту дарвинизма» на конференции, посвящённой столетию со дня рождения Л.Я. Бляхера. 22 ноября. Москва.

2001

«Вернадский и большевики» на семинаре Центра истории современного образования и науки. 12 февраля. Ганновер, Германия.

«Восприятие учения Ч. Дарвина в социально-культурном контексте России в XIX веке» на конференции «Объяснительные модели в науке XIX в.». 9 сентября. Экстер, Великобритания.

«Биология между наукой и идеологией» на 3-й Международной конференции «Русско-немецкие связи в биологии и медицине». 17 сентября. Санкт-Петербург.

«Пролетарская и арийская биология» на XXII годичной конференции СПбО РНК ИФНиТ «Санкт-Петербург как научный центр (К 300-летию Санкт-Петербурга): вклад науки Петербурга в укрепление обороноспособности России». 6 ноября. Санкт-Петербург.

«Вклад А. М. Уголева в эволюционную биологию» на Школе эволюционной физиологии. 23 ноября. Санкт-Петербург, Репино.

«Сравнительный анализ ОКВ, АН СССР и РИКЕН, особенно в годы Второй мировой войны» на семинаре «Сравнительно-историческое исследование Общества Кайзера Вильгельма в эпоху национал-социализма». 8 декабря. Берлин, Германия. [Совм. с Г. Альбрехтом, В. Грундером, Ю. Кавамура и М. Ямадзак.]

2002

«Академия наук и Военно-морская академия» на юбилейной научно-практической конференции «Военно-морская академия на службе Отечеству (Посвящается 175-летию Военно-морской академии им. Н. Г. Кузнецова)». 9 февраля. Санкт-Петербург.

«СПбФ ИИЕТ — сложное десятилетие» на конференции, посвященной 10-летию сотрудничества российских историков науки с Франкеше Штифтунген в Галле. 26 апреля. Галле, Германия.

«Российские экспедиции XVIII в. и начало естественной истории» на международной конференции «Воздействие экспедиций на естествознание». 31 мая. Наварра, Италия.

«Русская эмиграция: судьбы и цифры» на III Международной научной конференции «Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1939 гг.». 4 сентября. Санкт-Петербург.

«О создании эволюционного синтеза в Германии и в СССР» на 4-й Международной конференции «Русско-немецкие связи в биологии и медицине: история и значение эволюционного синтеза». 16 сентября. Санкт-Петербург.

«Вопросы эволюции биосферы» на конференции «Современный эволюционизм». 2 октября. Санкт-Петербург.

«Тематический анализ и другие методологические проблемы истории эволюционной теории» на ежегодной конференции Санкт-Петербургского философского общества. 15 ноября. Санкт-Петербург.

«Коллекция Натурального кабинета Кунсткамеры и начало естественной истории в России» на XXIII годичной конференции СПбО РНК ИФНиТ «Санкт-Петербург как научный центр: значение академических коллекций для фундаментальной науки». 26 ноября. Санкт-Петербург.

2003

«Академия наук и Первая мировая война» на международной конференции «Наука, технология и общество в Первой мировой войне». 10 апреля. Санкт-Петербург.

«Наука и кризисы» на всероссийской конференции «Санкт-Петербург и мировая наука». 24 июня. Санкт-Петербург.

«Ученые-петербуржцы – эмигранты, “невозвращенцы” и “возвращенцы”» на IV Международной научной конференции «Культурное наследие русского зарубежья: 1917–1945 гг.». 3 сентября. Санкт-Петербург.

«Попытки создать пролетарскую биологию» в Институте истории естествознания АН КНР. 16 сентября. Пекин, КНР.

«Культурная революция и пролетарская биология» в университете Циньхуа. 22 сентября. Пекин, КНР.

«50 лет СПбФ ИИЕТ РАН» на заседании президиума СПб НЦ РАН. 18 декабря. Санкт-Петербург.

«Диалектизация биологии по материалам СПбФ Архива РАН» на конференции «Архив РАН и развитие научных исследований. К 275-летию Архива РАН». 18 декабря. Москва.

2004

«У истоков академической генетики» на заседании президиума СПб НЦ РАН. 12 февраля. Санкт-Петербург. [Совм. с М. Б. Конашевым.]

«К вопросу о немецких предшественниках Ч. Дарвина» на конференции «Немцы в Российской империи и русские в Германии: естествоиспытатели, врачи и ученые в XVIII и XIX столетиях». 27 августа. Лейпциг, Германия.

«Институционализация истории науки в КНР» на конференции «Российско-китайские контакты в области фундаментальной науки». 23 сентября. Санкт-Петербург. [Совм. с Лю Дуном.]

«Креационизм и трансформизм в российской биологии в первой половине XVIII в.» на конференции «Ботаника в России в первой половине XVIII в.». 9 ноября. Галле, Германия.

«История науки как орудие пропаганды и идеологии на примере мифа о немецких предшественниках Ч. Дарвина» на семинаре Центра современной истории науки и образования Ганноверского университета. 22 ноября. Ганновер, Германия.

«Начало эволюционного синтеза в Германии» на XXV годичной конференции СПбО РНК ИФНиТ «Академический Санкт-Петербург». 30 ноября. Санкт-Петербург.

«Мифы и история науки» на Всероссийском совещании о введении кандидатского экзамена по истории и философии науки. 4 декабря. Пушкин.

«Некоторые размышления о вхождении евреев в российскую науку» на встрече друзей Иерусалимского университета в Российском этнографическом музее. 16 декабря. Санкт-Петербург.

«Э. Майр и СТЭ» на Научном совете по общим проблемам биологии СПбНЦ РАН. 28 декабря. Санкт-Петербург.

2005

«Наука и кризисы» на международном симпозиуме с участием нобелевских лауреатов «Наука и общество». 12 марта. Санкт-Петербург.

«Почему В. И. Вернадский вернулся в Советскую Россию» в Физико-техническом колледже. 22 апреля. Санкт-Петербург.

«Историко-научная составляющая в подготовке кадров высшей квалификации» на Региональном совещании по проблемам подготовки и аттестации научных и научно-педагогических кадров. 17 мая. Ставрополь.

«История науки на берегах Невы» на Гуманитарном совете по сохранению культурного наследия СПбНЦ РАН. 23 мая. Санкт-Петербург.

«Эволюционная теория в разделенном мире» на XXII Международном конгрессе по истории науки и техники. 25 июня. Пекин, КНР.

«История науки в городе на Неве» на Русско-китайском круглом столе об укреплении сотрудничества между СПбФ ИИЕТ РАН и университетом Циньхуа в области истории и философии науки. 5 сентября. Санкт-Петербург.

«Мобилизация науки в СССР» на международном рабочем совещании «Наука и война». 1 октября. Хиросима, Япония.

«Академия наук СССР и война» на международном симпозиуме «Наука и Вторая мировая война». 2 октября. Хиросима. Япония.

«Реформы науки в Китае и России: сравнительный анализ» на международном симпозиуме «Реформы науки в России и в Китае» 17 октября. Пекин, КНР. [Совм. с Н. А. Ащеуловой.]

«Наука и кризисы XX века» в Институте истории естествознания АН КНР. 1 ноября. Пекин, КНР.

ПРИЛОЖЕНИЯ

«Наука и кризисы XX века» в Нанкинском экономическом университете. 3 ноября, Нанкин, КНР.

«Наука и кризисы XX века» в Нанкинском университете, 5 ноября, Нанкин, КНР.

«Вторая мировая война и мобилизация академической науки» на XXVI Годичной конференции. СПбО НК ИФНиТ «Научный Санкт-Петербург и Великая Отечественная война (К 60-летию Победы)». 21 ноября. Санкт-Петербург.

«Эволюция эволюциониста. К вопросу об истоках взглядов Дж. Симпсона» на заседании секции истории биологии на XXVI Международной годичной конференции. СПбО РНК ИФНиТ. 22 ноября. Санкт-Петербург.

«Наука и кризис: Веймарская республика, Советская Россия и США в 1918–1933 гг.» на международной конференции «Русско-немецкие научные связи 1921–1933 гг.». 28 ноября. Санкт-Петербург.

«Наука и власть» на международном симпозиуме «Наука и государство». 30 ноября. Ереван, Армения.

«Наука и кризисы XX века» на Пленарном заседании Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. 6 декабря. Санкт-Петербург.

«Методологическое значение концепции “Наука и кризисы”» на семинаре Центра современной истории образования и науки. 19 декабря. Ганновер, Германия.

2006

«Российская биология в XVIII в.» на XXVII Годичной конференции СПбО РНК ИФНиТ «Санкт-Петербург как научный центр: у истоков отечественной науки». 21 ноября. Санкт-Петербург.

2007

«Мобилизация академической науки» в Университете Циньхуа. 19 апреля. Пекин, КНР.

«Эволюционная теория в разделенном мире» в Институте истории естествознания АН КНР. 20 апреля. Пекин, КНР.

«Русская биобиблиография о Стеллере» на международной конференции «Книга как источник информации и результат русских сибирских экспедиций XVIII в.». 23 ноября. Галле, Германия.

«В. Циммерманн — протагонист и архитектор СТЭ в Германии» на XVIII Международной Годичной конференции СПбО РНК ИФНиТ. 27 ноября. Санкт-Петербург.

2008

«Наука и кризисы в XX веке: результаты сравнительного анализа СССР, Германии и США» на Ученом совете Университета Крагуеваца. 5 февраля. Крагуевац, Сербия.

«Сербско-русские научные контакты» (Дискуссия на телевидении). 5 февраля. Крагуевац, Сербия.

«Мобилизация академической науки» в Обществе «Знание». 7 февраля. Белград, Сербия.

«Наука и кризисы в XX веке: некоторые результаты сравнительного анализа» на международном симпозиуме «Наука и власть: социокультурные модели взаимодействия». 22 апреля. Ростов-на-Дону.

«Рыцарь науки» на конференции Цитологического института РАН, посвященной 100-летию со дня рождения В. С. Кирпичникова. Сентябрь. Санкт-Петербург.

«Развитие идей В. И. Вернадского об эволюции биосферы в отечественной литературе» на конференции «В. И. Вернадский и современность». 24 сентября. Санкт-Петербург.

«Академия наук — прошлое, настоящее и будущее». Интервью на Санкт-Петербургском телевидении, телеканал «ВОТ». 7 октября. Санкт-Петербург.

«Реорганизация науки в постсоветской России» на международном симпозиуме «Постсоветская бюрократия: генезис, структура, формы проявления» в Ростовском федеральном южном университете. 8 октября. Ростов-на-Дону.

«Реформы науки: состояние и перспективы». Интервью Ростовскому областному телевидению. Октябрь. Ростов-на-Дону.

«Путешественники — исследователи языков народов Сибири в энциклопедии “Научный Санкт-Петербург”» на конференции «Изучение языков во время российских экспедиций в 18-м столетии». 7 ноября. Галле, Германия.

2009

«СПбФ ИИЕТ РАН на переломе столетий» на Ученом совете ИИЕТ РАН. 30 января Москва.

«Либерализация международного сотрудничества в области истории и социологии науки в Ленинграде / Санкт-Петербурге» на международной научной конференции «Либерализация исследований в социологии и политике науки и техники». 3 февраля. Кампур, Индия.

«СПбФ ИИЕТ РАН: история и современность» на русско-индийском круглом столе в Национальном институте исследований научного и технологического развития. 8 февраля. Нью-Дели, Индия.

«Либерализация международного сотрудничества в области истории и социологии науки в Ленинграде / Санкт-Петербурге» на Ученом совете СПбФ ИИЕТ РАН. Апрель. Санкт-Петербург.

«Российские научные школы: их истоки и современность» в Университете Циньхуа. 18 мая. Пекин, КНР.

«Реформы науки глазами научного сообщества» в Университете Циньхуа. 19 мая. Пекин, Китай.

«Современные историко-научные исследования в Санкт-Петербурге» в Институте истории естествознания АН КНР. 22 мая. Пекин, КНР.

«Мобилизация науки в СССР» в Национальном университете оборонных технологий провинции Чанши. 25 мая. Чанши, КНР.

«Современные историко-научные исследования в Санкт-Петербурге» в Университете Циньхуа. 5 июня. Пекин, КНР.

«Особенности эволюционного синтеза в нацистской Германии и советской России» на XVIII Международном конгрессе по истории науки и техники. 30 июля. Будапешт, Венгрия.

«Юбилей Ч. Дарвина в когнитивном и социальном контекстах» на международной конференции «Чарльз Дарвин и современная наука». 21 сентября. Санкт-Петербург.

«Стеллериана в России. Новейшая библиография о жизнедеятельности и трудах Г.В. Стеллера» на международной конференции «Научный и исторический контекст изучения Сибири во времена Г. В. Стеллера и И. Г. Гмелина». 24 сентября. Галле, Германия.

«Вернадский и власть», выступление на круглом столе «Ученый и власть». 12 ноября. Санкт-Петербург.

«Стеллериана в России. Новейшая библиография о жизнедеятельности и трудах Г.В. Стеллера» на XXX Международной Годичной конференции СПбО РНК ИФНиТ. 23 ноября. Санкт-Петербург.

«Культурная революция и начало сотрудничества И. И. Презента и Т. Д. Лысенко» на международном семинаре «Лысенкоизм». 4 декабря. Нью-Йорк, США.

2010

«История науки в академическом Санкт-Петербурге (Институциональные, когнитивные, социально-культурные и антропологические аспекты)» на заседании президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН. 4 марта. Санкт-Петербург.

«Дарвиновские юбилеи в России» на международном симпозиуме «Восприятие Чарльза Дарвина в европейской культуре». 12 марта. Кембридж, Англия.

«Празднование дарвиновского юбилея в 2009 г.» на конференции «Происхождение мира и человека: научный и богословский взгляд». 30 апреля. Санкт-Петербург.

«К.М. Завадский: Жизненный и творческий путь (23.12.1909–02.11.1977)» на международном симпозиуме, посвященном 100-летию со дня рождения К.М. Завадского. 13 мая. Санкт-Петербург.

«Наука и кризисы в XX веке: некоторые результаты сравнительного анализа Германии, России и США» на научном семинаре в Институте древней истории Университета Циньхуа. 25 июня. Пекин, КНР.

«Динамика международных связей историков науки в Ленинграде / Санкт-Петербурге» на 12-й Международной конференции по истории науки в Китае. 29 июня. Пекин, КНР.

«История СПбФ ИИЕТ РАН» на семинаре Северо-Западного университета Сияня. 2 июля. Сиань, КНР.

«Наука и кризисы в XX веке: некоторые результаты сравнительного анализа Германии, России и США» на научном семинаре в Шанхайском университете Джо Тонга. 5 июля. Шанхай, КНР.

«Феномен В. И. Вернадского в динамике взаимоотношения: ученый и власть» на международном круглом столе по теме «Ученый и власть». 1 сентября. Ростов-на-Дону.

«Воздействие идей Жоржа Кювье и Жана Батиста Ламарка на развитие эволюционной теории в России в XIX–XX вв.» на международном симпозиуме

«Биологические науки во Франции и России: международные и научные взаимодействия». 15 сентября. Париж, Франция.

«Немецкий след в русском эволюционизме XIX в.» на международной конференции «Естественные науки как коммуникативное пространство между Германией и Россией». 1 октября. Лейпциг, Германия.

«Роль немецких ученых в становлении истории науки в России» на международной научной конференции «История русско-германских научных связей в XVIII веке». 2 октября. Галле, Германия.

«Восприятие идей Ж. Кювье и Ж. Б. Ламарка в России» на Научной сессии в рамках Годичной конференции ИИЕТ РАН. 9 ноября. Санкт-Петербург.

«Институционализация прикладной биологии» на 4-й Международной конференции Европейского общества по истории науки (ESHS). 19 ноября. Барселона, Испания.

2011

«Немецкий след в российском эволюционизме» на совместном заседании Центра истории науки им. Карла Бэра и Общества испытателей природы при Эстонской академии наук. 28 февраля. Тарту, Эстония. [Совм. с А. А. Федотовой.]

«Наука и религия в современном мире. Возможности диалога» на круглом столе «Модернизация России в постсекулярную эпоху». 24 мая. Санкт-Петербург.

«Франкоязычные катастрофисты и их восприятие в России: у истоков 250-летних дискуссий» на международной конференции «Русско-французские научные связи в области биологии и медицины». 13 сентября. Санкт-Петербург.

«Реформы в российской науке: историко-социологический анализ» на китайско-российской конференции «Сравнительный анализ истории РАН и КАН». 11 октября. Пекин, КНР. [Совм. с Н. А. Ащеуловой.]

«Научная мобилизация в Советском Союзе» на международной конференции «Социо-экономические и технологические инновации в глобализирующейся экономике». 3 ноября. Нью-Дели, Индия.

«Был ли Паллас эволюционистом?» на региональной конференции, посвященной 270-летию со дня рождения и 200-летию со дня смерти П. С. Палласа. 16 ноября. Санкт-Петербург.

«Институционализация прикладных биологических исследований в Санкт-Петербурге» на XXVII Международной Годичной конференции СПбО РНК ИФНиТ «Научный Санкт-Петербург как центр космических исследований». 29 ноября. Санкт-Петербург.

2012

«“Культурная революция” в СССР (1929–1932) и начало союза И. И. Презента и Т. Д. Лысенко» на международной конференции «Пересмотр “дела Лысенко”». 5 февраля. Токио, Япония.

«Мифы о сельскохозяйственных достижениях лысенкоизма» на научном семинаре по истории науки в Токийском технологическом университете. 7 февраля. Токио, Япония.

«Традиции и поиски, люди и свершения: СПбФ ИИЕТ РАН (1953–2012)» на Международной годичной конференции ИИЕТ РАН. 17 апреля. Москва.

«Франко-немецкий след в русском эволюционизме XIX в.» на международной конференции «Франко-немецко-русские взаимодействия в биологии». 14 июня. Санкт-Петербург.

«Современные попытки реабилитации лысенкоизма и их причины» на 2-й международной конференции «Лысенкоизм». 22 июня. Вена, Австрия.

«Петер Симон Паллас: от коллекций к теории» на международной конференции «Классификация и таксономия в зеркале научного наследия, архивов и коллекций». 19 октября. Галле, Германия.

«Николай Вавилов: единство теории, практики и политики. К 125-летию со дня рождения великого путешественника и биолога» на 5-й Международной конференции Европейского общества истории науки «Научный космополитизм и локальные культуры: религии, идеологии, общества». 3 ноября. Афины, Греция.

«Пути интеграции Санкт-Петербургских историков науки в международные научные сети на рубеже двух тысячелетий» на XXVIII Международной Годичной конференции СПбО РНК ИФНиТ «Российская Академия наук и международные связи в области науки и культуры. XIX — начало XXI века». 26 ноября. Санкт-Петербург.

«Николай Вавилов: Единство теории, практики и политики» на Всероссийской с международным участием научной конференции «Научное наследие Н. И. Вавилова и современность». 4 декабря. Москва.

2013

«Эволюция биосферы: факты и гипотезы в трудах отечественных исследователей» на Академических чтениях «Размышления натуралиста» в Волжском университете им. В. Н. Татищева. 13 марта. Тольятти.

«Эволюция биосферы: факты и гипотезы в трудах отечественных исследователей» на Академических чтениях Самарского государственного экономического университета. 14 марта. Самара.

«Эволюция В. И. Вернадского в контексте времени» на заседании Президиума СПбНЦ РАН. 28 марта. Санкт-Петербург.

«Идеи В. И. Вернадского об эволюции биосферы в трудах отечественных исследователей» на заседании Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию СПбНЦ РАН. 1 апреля. Санкт-Петербург.

«Идеи В. И. Вернадского об эволюции биосферы в трудах отечественных исследователей» на заседании Научного совета по общей биологии СПбНЦ РАН. 25 апреля. Санкт-Петербург.

«ЛО ИИЕТ АН СССР. В круге первом. 1953–1967» на «Миллеровских чтениях: к 285-летию Архива РАН». 25 апреля. Санкт-Петербург.

«Экспедиции в Сибирь и их роль в формировании экологии животных» на XXVI Международном конгрессе по истории науки, техники и медицины. 24 июля. Манчестер, Великобритания.

«Эволюция В. И. Вернадского в контексте времени» на Международной школе по истории науки. 1 октября. Санкт-Петербург.

«Экспедиции в Российской империи и их роль в формировании экологии животных» на конференции «Немецко-русские встречи — 2013. Выживание в Сибири». 18 октября. Галле, Германия.

«Идеи В. И. Вернадского об эволюции биосферы» на 5-м Экологическом конгрессе «Северная Пальмира». 19 ноября. Санкт-Петербург.

«Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН: истоки и итоги (1953–2013)» на XXIX Международной Годичной конференции СПБО РНК ИФНиТ «Историко-научный Санкт-Петербург (К 60-летию СПбФ ИИЕТ им. С. И. Вавилова)». 25 ноября. Санкт-Петербург.

2014

«Академия наук и Первая мировая война» на заседании президиума СПбНЦ РАН. 13 февраля. Санкт-Петербург.

«Трансформация Академии наук и Первая мировая война» на Годичной конференции ИИЕТ РАН. 18 февраля. Москва.

«Эволюция биосферы: факты и гипотезы» на 2-й Международной конференции «Современные проблемы биологической эволюции». 11 марта. Москва.

«Полевые исследования в России и их роль в становлении экологии животных» на русско-французской конференции «Философия и история экологии». 8 мая. Санкт-Петербург.

СПИСОК КУРСОВ ЛЕКЦИЙ Э.И. КОЛЧИНСКОГО¹

- **1973–1974 гг.** Эволюционная теория (Ленинградский сельскохозяйственный институт).
- **1976–1979 гг.** Избранные очерки эволюционной теории (Курсы повышения квалификации преподавателей дарвинизма при Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена).
- **1973–1980 гг.** История эволюционной теории (философский факультет Ленинградского государственного университета).
- **1975–1980 гг.** Генетика (философский факультет Ленинградского государственного университета).
- **1975–1980 гг.** Филогенетика (философский факультет Ленинградского государственного университета).
- **1993–2001 гг.** Философские вопросы биологии (философский факультет Санкт-Петербургского государственного университета).
- **1994–1999 гг.** История естествознания (геологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета).
- **1997–2000 гг.** Биология человека (философский факультет Санкт-Петербургского государственного университета).
- **1997–2003 гг.** Философия и методология науки (биолого-почвенный факультет Санкт-Петербургского государственного университета).
- **2001–2007 гг.** История науки в России в XVIII–XX вв. (приглашенный профессор, Ганноверский университет).
- **2002–2003 гг.** Философия и методология науки (философский факультет Санкт-Петербургского государственного университета).
- **2005, 2009 гг.** Реформы науки в России: результаты и перспективы; Наука и кризисы (Университет Циньхуа, Китай).
- **2005–2007 гг.** История науки (Гуманитарный институт Санкт-Петербургского государственного университета).
- **2006–2010 гг.** История биологии (биолого-почвенный факультет Санкт-Петербургского государственного университета).
- **2009 г.** Социальные аспекты истории науки (Международная школа для студентов и аспирантов по политологии и социологии Южного федерального университета).

---

¹ Список составлен Т. И. Юсуповой и А. А. Федотовой.

**НАУЧНОЕ РУКОВОДСТВО
КАНДИДАТСКИМИ ДИССЕРТАЦИЯМИ
ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ»¹**

Лайус Ю. А. (защита в 2004 г.): «Развитие рыбохозяйственных исследований Баренцева моря: взаимоотношения науки и промысла. 1898–1934», к. и. н.

Иванова Е. А. (защита в 2004 г.) «Санкт-Петербургский научный центр РАН: история создания и эволюция форм деятельности в 1979–2003 гг.», к. и. н. (Научный консультант)

Юсупова Т. И. (защита в 2004 г.) «Научно-организационная деятельность Академии наук по исследованию Монголии: 1923–1941», к. и. н. (Научный консультант)

Куприянов А. В. (защита в 2005 г.) «Развитие принципов систематики в XVII–XVIII вв.», к. б. н.

Слепкова Н. В. (защита в 2006 г.) «Развитие Зоологического музея Академии наук как центра исследований по систематике (1883–1932 гг.)», к. б. н.

Федотова А. А. (защита в 2012 г.) «Изучение степной растительности Европейской России (1850–1917): становление геоботаники», к. б. н.

Самокиш А. В. (защита в 2012 г.) «Воспоминания Б. Е. Райкова как источник по истории науки и образования в России и СССР в первой половине XX в.», к. и. н.

---

¹ Список составлен Т. И. Юсуповой.

СПИСОК МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЕКТОВ Э. И. КОЛЧИНСКОГО¹

- **1992 г. — наст. вр.** Участник проекта «Русско-немецкие связи в XVIII веке» с Франкеше Штифтунген, Институтом Макса Планка по этнологии и Международным обществом Г. В. Стеллера.
- **1992–1994 гг.** Консультант выставки по естественной истории и культуре в Немецком музее гигиены в Дрездене.
- **1994–2000 гг.** Участник немецко-русского проекта «Образованные слои в сталинской России и гитлеровской Германии», финансируемого «Фольксваген Штифтунген».
- **1997–2003 гг.** Руководитель международного проекта «Наука и кризисы», финансируемого Правительством РФ, Региональным фондом научно-технического развития Санкт-Петербурга и РГНФ.
- **1998–2000 гг.** Сопредседатель международного проекта «Наука и общество» с Государственным университетом Буффало (Нью-Йорк).
- **1998–2002 гг.** Соруководитель проекта по подготовке к изданию материалов конференций «Наука и власть: советизация научных учреждений и дисциплин в Восточной Европе» и «Холодная война: воспитание, образование и наука. Концептуализация и реализация в Восточно-Западном конфликте», финансируемого «Фольксваген Штифтунген».
- **1998–2000 гг.** Руководитель международного проекта «Русско-немецкие научные связи в биологии и медицине», финансируемого РФФИ.
- **2000 г. — наст. вр.** Участник международного проекта «Восприятие Ч. Дарвина в Европе», финансируемого Британской академией.
- **2001–2007 гг.** Соруководитель международного проекта «Наука, технология, общество и Первая мировая война», финансируемого РФФИ, РГНФ, Немецким исследовательским обществом и Немецким фондом Герды Хенкель.
- **2001–2005 гг.** Участник международного проекта «Общество Кайзера Вильгельма и аналогичные учреждения других стран в годы национал-социализма», финансируемого Обществом Макса Планка.
- **2002–2006 гг.** Участник Международного проекта «Экспедиции и естествознание», финансируемого Академией наук Калифорнии и Музеем естественной истории в Наварре.
- **2007 г. — наст. вр.** Научный руководитель изданий на русском языке публикаций китайских ученых по современной истории науки, осуществляемых по совместному проекту издательства «Нестор-История» и Шаньдунского издательства «Образование» (Китай).

---

¹ Список составлен Н. А. Ащеуловой и Т. И. Юсуповой.

- **2008–2012 гг.** Соруководитель проекта «Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX — первая половина XX в.» с Центром научных исследований Сербской академии наук и искусств и Университетом г. Крагуевац (Сербия).
- **2008 г. — наст. вр.** Участник международного проекта «Лысенкоизм» Колумбийского университета, финансируемого Национальным фондом США.
- **2009 г. — наст. вр.** Руководитель проекта «Архитекторы эволюционного синтеза» с Университетом Йены (Германия).
- **2009 г. — наст. вр.** Соруководитель проекта «Российско-французские связи в области биологии и медицины» с Университетом П. и М. Кюри (Париж, Франция). Финансируется Французским национальным исследовательским институтом.
- **2009–2012 гг.** Консультант проекта «Генеральный штаб науки: изучение истории РАН / АН СССР» Японского общества развития науки.
- **2009–2012 гг.** Соруководитель проекта «Организация науки в начале XXI века в России и Индии: сравнительный анализ» по Комплексной долгосрочной программе научно-технического сотрудничества между Россией и Индией (СПбФ ИИЕТ РАН с Национальным институтом исследований научного и технологического развития (Нью-Дели)).
- **2009 г. — наст. вр.** Участник международного проекта «Лысенкоизм» Колумбийского университета (США).
- **2010–2012 гг.** Участник проекта «Русско-немецкие связи в биологии, медицине и химии» с Лейпцигским университетом (Германия).
- **2010 г. — наст. вр.** Соруководитель проекта «Сравнительное исследование развития Российской академии наук и Китайской академии наук» с Институтом истории естествознания Китайской академии наук (Китай).
- **2010–2014 гг.** Соруководитель совместного проекта «Наука в России и в Китае: сравнительный анализ» с Центром науки, технологий и общества Института гуманитарных и общественных наук Университета Циньхуа (Пекин).
- **2010 г.** Соруководитель проекта «Президенты РАН» подпрограммы президенту-ма РАН «Информационное обеспечение деятельности РАН и взаимодействие со СМИ».
- **2010–2014 гг.** Соруководитель проекта «Эволюционная теория в разделенном мире» совместно с Университетом Йены (Германия).
- **2011 г. — наст. вр.** Участник проекта «Первая мировая война», финансируемого Национальным научным фондом США.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ КОНФЕРЕНЦИЙ¹

- 1971 г. 26–28 августа. Участвовал в организации и проведении международного симпозиума, посвященного 400-летию со дня рождения И. Кеплера. Ленинград.
- 1975 г. 3–10 июля. Участвовал в организации и проведении XII Международного ботанического конгресса. Ленинград.
- 1976 г. 29 сентября — 2 октября. Руководитель секции «Бэр и проблема направленного развития» на конференции «Бэр и естествознание». Тарту, ЭССР.
- 1978. 17–18 мая. Участвовал в подготовке симпозиума «Эволюционная теория и проблема “человек — природа”», посвященного памяти К. М. Завадского. Кярику, ЭССР.
- 1980 г. 1 февраля. Организатор конференции, посвященной 70-летию со дня рождения К. М. Завадского. Ленинград.
- 1983 г. 4 апреля. Сопредседатель оргкомитета по проведению конференции «В. И. Вернадский и современная наука». Ленинград.
- 1984 г. 19–21 ноября. Сопредседатель оргкомитета Всесоюзной конференции «Дарвинизм: история и современность». Ленинград.
- 1987 г. 13 октября. Организатор заседания, посвященного 10-летию со дня смерти К. М. Завадского. Ленинград.
- 1988 г. 2–13 марта. Участвовал в организации и проведении юбилейных мероприятий, посвященных 125-летию со дня рождения академика В. И. Вернадского. Ленинград, Киев и Москва.
- 1988. 27–29 ноября. Участвовал в организации и проведении конференции «Самоорганизация в природе и обществе». Ленинград.
- 1990 г. 17–19 сентября. Участвовал в организации и проведении международной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Ф. Г. Добржанского. Ленинград.
- 1992 г. 28 февраля — 3 марта. Участвовал в разработке программы и проведении международной конференции «Бэр и современная биология», посвященной 200-летию со дня рождения К. М. Бэра. Тарту, Эстония.
- 1996 г. 15–19 июля. Председатель Оргкомитета международной конференции «История организации науки: американская модель».
- 1996 г. 19–21 ноября. Организатор и руководитель XVII научной конференции СПбО РНК ИФНиТ «Санкт-Петербург как научный центр (К 275-летию Академии наук и 300-летию Санкт-Петербурга)». Санкт-Петербург.
- 1997 г. 4 ноября. Организатор научных чтений, посвященных памяти К. М. Завадского. Санкт-Петербург

---

¹ Список составлен Н. А. Ащеуловой, Т. И. Юсуповой и Т. Ю. Фекловой.

- 1997 г. 24–26 ноября. Сопредседатель XVIII Годичной конференции СПбО РНК ИФНиТ «Санкт-Петербург как научный центр. К 275-летию Академии наук и 300-летию Санкт-Петербурга». Санкт-Петербург.
- 1998 г. 6 октября. Организатор и руководитель немецко-российского рабочего совещания «Синтетическая теория эволюции между фашизмом, коммунизмом и либерализмом». Санкт-Петербург.
- 1998. 20–22 октября. Соруководитель чтений «Дни биологии и медицины в Санкт-Петербурге. Исторические аспекты взаимопонимания».
- 1998 г. 23–25 ноября. Сопредседатель XIX Годичной конференции СПбО РНК ИФНиТ «Санкт-Петербург как научный центр (К 275-летию Академии наук и 300-летию Санкт-Петербурга)». Санкт-Петербург.
- 1999 г. 21–25 июня Сопредседатель международной конференции «Наука и общество». Санкт-Петербург.
- 1999 г. 28 июня — 4 июля. Участвовал в организации и проведении международной конференции «Петербургская академия наук в истории академий мира». Санкт-Петербург.
- 1999 г. 14–16 сентября. Сопредседатель международной конференции «Русско-немецкие научные связи в биологии и медицине: опыт 300-летнего взаимодействия». Санкт-Петербург.
- 1999 г. 22–25 ноября. Сопредседатель Оргкомитета XX Годичной конференции СПО РНК ИФНиТ «Санкт-Петербург как научный центр. К 275-летию академической науки и университетского образования в Санкт-Петербурге». Санкт-Петербург.
- 2000 г. 18–20 сентября Соруководитель научной программы международной конференции «Русско-немецкие научные связи в биологии и медицине». Санкт-Петербург.
- 2000 г. 24–26 октября. Сопредседатель Оргкомитета III Всероссийской научно-практической конференции «Современные проблемы экономической психологии и этики делового общения в трудовой, управленческой и предпринимательской деятельности». Санкт-Петербург.
- 2000 г. 20–24 ноября. Сопредседатель Оргкомитета XXI Годичной конференции СПбО РНК ИФНиТ «Санкт-Петербург как научный центр. Роль научного сообщества в контексте мирового межкультурного диалога». Санкт-Петербург.
- 2001 г. 17–19 сентября. Соруководитель научной программы международной конференции «Русско-немецкие научные связи в биологии и медицине». Санкт-Петербург.
- 2001 г. 9–11 октября. Организатор и сопредседатель 1-й Всероссийской конференции «Науковедение и организация научных исследований в России в переходный период». Санкт-Петербург.
- 2001 г. 29 октября — 1 ноября. Заместитель председателя Оргкомитета IV Всероссийской научно-практической конференции «Современные проблемы экономической психологии и этики делового общения в трудовой, управленческой и предпринимательской деятельности». Санкт-Петербург.
- 2001 г. 5–6, 8–9 ноября. Сопредседатель Оргкомитета XXII Годичной конференции СПбО РНК ИФНиТ «Санкт-Петербург как научный центр: вклад науки Петербурга в укрепление обороноспособности России». Санкт-Петербург.

- 2001 г. 23 ноября. Руководитель круглого стола «Эволюционная теория и эволюционная физиология» на Школе эволюционной физиологии. 23 ноября. Репино (Санкт-Петербург).
- 2002 г. 4–6 сентября. Член Оргкомитета III Международной научной конференции «Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1939 гг.». Санкт-Петербург.
- 2002 г. 16–18 сентября. Соруководитель международной конференции «Русско-немецкие научные связи в биологии и медицине». Санкт-Петербург.
- 2002 г. 29 октября – 1 ноября. Зам. председателя Оргкомитета ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Экономическая психология: современные проблемы и перспективы развития». Санкт-Петербург
- 2002 г. 26–28 ноября. Сопредседатель Оргкомитета XXIII Годи́чной конференции СПбО РНК ИФНиТ «Значение академических коллекций для фундаментальной науки». Санкт-Петербург.
- 2003 г. 8–10 апреля. Сопредседатель Оргкомитета международной конференции «Наука, технология, общество и Первая мировая война». Санкт-Петербург.
- 2003 г. 24–26 июня. Сопредседатель Оргкомитета III Всероссийской конференции «Науковедение и организация научных исследований в России в переходный период». Санкт-Петербург.
- 2003 г. 23–27 июня. Сопредседатель Оргкомитета XXIV Всероссийской Годи́чной конференции СПбО РНК ИФНиТ «Санкт-Петербург и мировая наука». Санкт-Петербург.
- 2003 г. 3–5 сентября. Член Оргкомитета IV Международной научной конференции «Культура российского зарубежья. Петербуржцы-эмигранты. 1917–1939 гг.». Санкт-Петербург.
- 2003 г. 28–31 октября. Зам. председателя Оргкомитета Всероссийского форума по экономической психологии. Санкт-Петербург.
- 2003 г. 27–28 ноября. Сопредседатель Оргкомитета международной конференции «История науки и техники в Санкт-Петербурге». Санкт-Петербург.
- 2004 г. 23 марта. Сопредседатель и ведущий русско-японского круглого стола «Наука и война: 1939–1955. Сравнительные исследования». Санкт-Петербург.
- 2004 г. 28 июня. Сопредседатель русско-китайского совещания об установлении сотрудничества между СПбФ ИИЕТ РАН и Университетом Циньхуа. Санкт-Петербург.
- 2004 г. 23–25 сентября. Сопредседатель Оргкомитета международной конференции «Российско-китайские контакты в области фундаментальной науки и техники». Санкт-Петербург.
- 2004 г. 26–29 октября. Зам. председателя Оргкомитета ежегодной всероссийской научно-практической конференции «Экономическая психология: современные проблемы и перспективы развития». Санкт-Петербург.
- 2004 г. 29 ноября – 3 декабря. Председатель Оргкомитета XXV Годи́чной конференции СПбО РНК ИФНиТ «Академический Санкт-Петербург». Санкт-Петербург.
- 2005 г. 5 сентября. Сопредседатель русско-китайского круглого стола об укреплении сотрудничества между СПбФ ИИЕТ РАН и Университетом Циньхуа в области истории и философии науки. Санкт-Петербург.

- 2005 г. 21–25 ноября. Сопредседатель Оргкомитета XXVI Годи́чной конферен́ции СПбО РНК ИФНиТ «Научный Санкт-Петербург и Великая Отечественная война (К 60-летию победы)». Санкт-Петербург.
- 2005 г. 28–29 ноября. Председатель оргкомитета международной конференции «Русско-немецкие научные связи: 1921–1933 гг.».
- 2006 г. 21–24 ноября. Сопредседатель оргкомитета XXVII Годи́чной конферен́ции СПбО РНК ИФНиТ «Санкт-Петербург как научный центр: у истоков отечественной науки (К 265-летию П. С. Палласа, 295-летию М. В. Ломоносова, 300-летию Л. Эйлера)». Санкт-Петербург.
- 2007 г. 14–17 мая. Сопредседатель оргкомитета Международного комитета «Л. Эйлер и современная наука». Санкт-Петербург.
- 2007 г. Сопредседатель XXVII Международной Годи́чной конферен́ции СПбО РНК ИФНиТ «Санкт-Петербург как научный центр исследований в области космоса». Санкт-Петербург.
- 2008 г. 20 октября. Сопредседатель Оргкомитета международной научной конференции «Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX — первая половина XX в.». Санкт-Петербург.
- 2008 г. 26–28 ноября. Сопредседатель Оргкомитета XXVIII Международной Годи́чной конферен́ции СПбО НК ИФНиТ «Вызов неосвоенного пространства Российской империи: экспедиционная деятельность Академии наук XVIII–XIX вв.». Санкт-Петербург.
- 2009 г. 4–6 февраля. Сопредседатель Оргкомитета международной научной конференции «Либерализация исследований в науке и технологии». Канпур, Индия.
- 2009 г. 28 июля — 2 августа. Соорганизатор секции «Сравнение восприятия синтетической теории эволюции в Советском Союзе, Восточной и Центральной Европе» на XXIII Международном конгрессе по истории науки техники. Будапешт, Венгрия.
- 2009 г. 21–24 сентября. Сопредседатель оргкомитета международной научной конференции «Чарльз Дарвин и современная наука». Санкт-Петербург.
- 2009 г. 23–27 ноября. Сопредседатель оргкомитета XXIX Международной Годи́чной конферен́ции СПбО РНК ИФНиТ «Академический Санкт-Петербург (К 285-летию создания Императорской Академии наук)». Санкт-Петербург.
- 2010 г. 13 мая. Координатор Международных научных чтений памяти Кирилла Михайловича Завадского (к 100-летию со дня рождения). Санкт-Петербург.
- 2010 г. 18–20 ноября. Соорганизатор секции «Прикладная биология: практические задачи и фундаментальные исследования» на IV Международной конференции Европейского общества истории науки (ESHS) Барселона, Испания.
- 2010 г. 22–26 ноября. Сопредседатель Оргкомитета XXX Международной Годи́чной конферен́ции СПбО РНК ИФНиТ «Научный Санкт-Петербург и Великая Отечественная война (К 65-летию Победы)». Санкт-Петербург.
- 2011 г. 13–14 сентября. Сопредседатель международной конференции «Русско-французские научные связи в области биологии и медицины». Санкт-Петербург.
- 2011 г. Сопредседатель китайско-российской конференции «Сравнительный анализ истории РАН и КАН». Пекин, КНР.

Приложения

- 2011 г. Сопредседатель Международной конференции «Социоэкономические и технологические инновации в глобализирующейся экономике. Механизмы и институты». Нью-Дели, Индия.
- 2011 г. 28 ноября — 2 декабря. Сопредседатель XXXII Международной Годичной конференции СПбО РНК ИФНиТ «Санкт-Петербург как научный центр космических исследований». Санкт-Петербург.
- 2012 г. 14 июня. Сопредседатель оргкомитета международной конференции «Франко-немецко-русские связи в области эмбриологии, физиологии и медицины». Санкт-Петербург.
- 2012 г. 26–30 ноября. Сопредседатель оргкомитета XXXIII Международной Годичной научной конференции СПбО РНК ИФНиТ «Российская академия наук и международные связи в области науки и культуры. XIX — начало XXI века» Санкт-Петербург.
- 2013 г. 23 мая. Руководитель международной научной конференции «Расширяющийся эволюционный синтез: истоки, концепции, перспективы». Санкт-Петербург.
- 2013 г. 7–9 октября. Сопредседатель Российско-китайской научной конференции «Традиции и инновации в истории Академии наук России и Китая». Санкт-Петербург.
- 2013 г. 24–28 июля. Сопредседатель международного симпозиума «От естественной истории к экологии» в рамках XXIV Международного конгресса по истории науки, технологии и медицины. Манчестер, Англия.
- 2013 г. 25–29 ноября. Сопредседатель XXXIV Международной Годичной конференции СПбО РНК ИФИН «Историко-научный Санкт-Петербург (К 60-летию СПбФ ИИЕТ им. С. И. Вавилова)». Санкт-Петербург.

ЗАГРАНИЧНЫЕ КОМАНДИРОВКИ¹

- 1984 г. 19 августа — 3 сентября. Командировка в Чехословакию для участия в международном симпозиуме «Эволюция и морфогенезис» (24–29 августа) и переговорах о сотрудничестве с Эволюционной лабораторией АН ЧССР. Прага, Пльзен. Финансировалась АН ЧССР².
- 1992 г. 27 февраля — 4 марта. Командировка в Эстонию для участия в международной конференции «Бэр и современная биология». Тарту.
- 1992 г. 17 ноября — 2 декабря. Командировка в Германию для разработки совместных русско-немецких проектов по истории биологии. Галле, Лейпциг, Йена, Берлин. Финансировалась Лейпцигским университетом.
- 1994 г. 11–23 марта. Командировка в Германию для участия в конференции «Георг Вильгельм Стеллер (1709–1746) и исследования Сибири» и обсуждения хода работ по подготовке к 250-летию со дня смерти Г. В. Стеллера. Галле. Финансировалась Франкеше Штифтунген.
- 1994 г. 13–17 апреля. Командировка в Германию на конференцию «Дарвин и дарвинизм». Дрезден, Германия. Финансировалась Музеем гигиены.
- 1994 г. 23–27 июня. Командировка в Германию на 3-ю ежегодную конференцию Немецкого общества теории и истории биологии. Кобленц. Финансировалась Германской службой академических обменов.
- 1996 г. 15–19 мая. Командировка в Германию для участия в конференции «Наука и власть: советизация научных учреждений и дисциплин в Восточной Европе». Галле. Финансировалась «Фольксваген Штифтунген».
- 1996 г. 7–13 ноября. Командировка в Германию для участия в конференции «Нетерпение и отчаяние». Георг Вильгельм Стеллер (1709–1746) и исследование Сибири и Аляски». Финансировалась Франкеше Штифтунген.
- 1997 г. 25 июня — 2 июля. Командировка в Германию для участия в 7-й ежегодной конференции Немецкого общества теории и истории биологии и для доклада в Тюбингенском университете. Тюбинген. Финансировалась Тюбингенским университетом.

¹ Список составлен Н. А. Ащеуловой, Т. И. Юсуповой и Т. Ю. Фекловой.

² Здесь не приведены заграничные поездки, не оформленные как командировки: в Финляндию и Швецию 8–21 августа 2005 г.; во Францию 18 апреля — 2 мая 2009 г.; в Италию 13–20 февраля 2011 г.; в Таиланд 4–18 марта 2011 г.; Камбоджу 9–10 марта 2011 г.; Израиль 5–19 марта 2012 г.; Бельгию, Голландию, Люксембург, Германию, Швецию, Финляндию 27 апреля — 5 мая 1913 г.; Испанию 14–28 сентября 1913 г., Италию 17–24 мая 2014 г. Не даны сведения о многочисленных командировках и туристических поездках в Азербайджан, Белоруссию, Грузию, Казахстан, Латвию, Узбекистан, Украину, Туркмению, Эстонию, когда они входили в состав СССР.

- 1997 г. 4–13 декабря. Командировка в Германию для участия в конференции «Эволюционная теория от Дарвина до современности» и в симпозиуме «Образованные слои при тоталитаризме». Гёттинген, Блаубойрен. Финансировалась Гёттингенским университетом и «Фольксваген Штифтунген».
- 1998. 23–28 июня. Командировка во Францию для участия в конференции «Роль истории науки в университетском образовании». Страсбург. Финансировалась Союзом всех европейских академий.
- 1998 г. 9–16 августа. Командировка в США для участия в конференции «История наук о жизни. Америка и Россия». Филадельфия, Вашингтон. Финансировалась Национальным фондом США.
- 1999 г. 17–21 марта. Командировка в Германию для участия в конференции «Дарвинизм и / или идеология». Регенсбург. Финансировалась Немецким исследовательским обществом.
- 1999 г. 13–23 апреля. Командировка в США для участия в конференции Американского общества истории окружающей среды и лекции в Аризонском университете. Туксон. Финансировалась Американским обществом экологической истории.
- 1999 г. 4 ноября — 7 ноября. Командировка в Германию для участия в конференции «Агробиология Лысенко — пример идеологизированной науки» и переговоров с президентом Берлино-Бранденбургской академии о совместных проектах по случаю ее 300-летия. Финансировалась DAMU.
- 2000 г. 4–7 октября. Командировка в Норвегию для участия в семинаре Центра восточноевропейской культуры и общества. Тронхейм. Финансировалась ЕС.
- 2001 г. 20 января — 25 февраля. Командировка в Германию для редакторской подготовки совместной с Ганноверским университетом книги «“За железным занавесом”. Мифы и реалии советской науки». Ганновер. Финансировалась Германской службой академических обменов.
- 2001 г. 5–12 сентября. Командировка в Англию для участия в симпозиуме «Объяснительные модели в науке XIX в.» и обсуждения проекта «Восприятие Дарвина в Европе». Лондон, Экстер. Финансировалась Британской академией.
- 2001 г. 6–11 декабря. Командировка в Германию в рамках международного проекта «Общество Кайзера Вильгельма и аналогичные учреждения других стран в годы национал-социализма». Берлин. Финансировалась Обществом Макса Планка.
- 2002 г. 25–30 апреля. Командировка в Германию для участия в конференции «10 лет сотрудничества между Россией и Франкеше Штифтунген». Галле. Финансировалась Франкеше Штифтунген.
- 2002 г. 30 мая — 2 июня. Командировка в Италию на конференцию «Роль научных экспедиций в развитии естественной истории». Наварра. Финансировалась муниципалитетом Наварры.
- 2003 г. 9 февраля — 9 марта. Командировка в Германию для работы в совместном русско-немецком проекте «Наука и холодная война». Ганновер. Финансировалась Германской службой академических обменов.
- 2003 г. 11–25 сентября. Командировка в КНР для переговоров о совместных проектах с Институтом истории естествознания и техники КАН, Университетом

Циньхуа и Пекинским социологическим центром. Пекин. Финансировалась АН КАН.

- 2004 г. 25–29 августа. Командировка в Германию для участия в конференции «Немцы в Российской империи и русские в Германии: естествоиспытатели, врачи и ученые в XVIII и XIX столетиях». Лейпциг. Финансировалась Немецким исследовательским фондом.
- 2004 г. 17 октября — 28 ноября. Командировка в Германию для работы в рамках русско-немецкого проекта «Наука и холодная война» и для участия в конференции «Ботаника в России в первой половине XVIII в.». Ганновер, Галле. Финансировалась Германской службой академических обменов и Обществом Макса Планка.
- 2005. г. 23–30 июля. Командировка в КНР для участия в XXII Международном конгрессе по истории и техники. Пекин. Финансировалась РФФИ.
- 2005 г. 30 сентября — 4 октября. Командировка в Японию для участия в международном рабочем совещании «Наука и война» и в международном симпозиуме «Наука и Вторая мировая война». Хиросима, Киото. Финансировалась Японским обществом развития науки.
- 2005 г. 13 октября — 10 ноября. Командировка в КНР для участия в конференции «Реформы науки в Китае и России», а также чтения курса лекций в Университете Циньхуа и университетах Нанкина и Шанхая. Финансировалась РФФИ и Университетом Циньхуа.
- 2005 г. 29 ноября — 3 декабря Командировка в Армению для участия в международном симпозиуме «Наука и государство» (Ереван). Финансировалась ЕС.
- 2005 г. 11–25 декабря. Командировка в Германию для работы в рамках российско-германского проекта «Советская наука, Восточная Европа и холодная война». Ганновер. Финансировалась Германской службой академических обменов.
- 2006 г. 11 июля — 3 августа. Командировка в Германию для работы в рамках российско-германского проекта «Советская наука, Восточная Европа и холодная война». Ганновер. Финансировалась Германской службой академических обменов.
- 2006. 16–19 ноября. Командировка в Германию для участия в конференции «Естественнонаучные и этнологические коллекции из Сибири XVIII в. Финансировалась обществом Макса Планка и Франкеше Штифтунген.
- 2007 г. 20 января — 11 февраля. Командировка в Германию для работы в рамках российско-германского проекта «Советская наука, Восточная Европа и холодная война». Ганновер. Финансировалась Немецким фондом академических обменов.
- 2007 г. 19–26 апреля. Командировка в КНР для чтения лекции в Университете Циньхуа и в Институте истории естествознания, а также для переговоров об издании киг по истории китайской науки на русском языке. Пекин, Шаньдун. Финансировалась Шаньдунским книгоиздательством «Образование».
- 2007 г. 15 октября — 5 ноября. Командировка в Германию для работы в проекте «Динамика взаимодействия науки и власти в первые годы холодной войны» (Ганновер), для участия в международной конференции «Книга как источник информации и результат русских сибирских экспедиций XVIII в.», а также

для переговоров о сотрудничестве с Международной академией истории науки и Баварской академией наук. Ганновер, Галле, Берлин, Мюнхен. Финансировалась Германской службой академических обменов.

- 2008 г. 4–8 февраля. Командировка в Сербию в Университет Крагуеваца и Сербское общество по истории науки. Крагуевац, Белград. Финансировалась Университетом Крагуеваца.
- 2008 г. 6–9 ноября. Командировка в Германию для участия в международной конференции «Источники по истории Сибири и Аляски в российских архивах». Галле. Финансировалась Обществом Макса Планка.
- 2009 г. 2–10 февраля. Командировка в Индию для участия в международной научной конференции «Либерализация исследований в науке и технологии» и в круглом столе по перспективам сотрудничества в области истории и социологии науки в Национальном институте исследований науки, технологии и развития. Канпур, Нью-Дели. Финансировалась Технологическим университетом в Канпуре.
- 2009 г. 25 февраля — 4 марта. Командировка в Англию для участия в международной конференции «Восприятие Ч. Дарвина в Европе» и других юбилейных мероприятиях, посвященных 200-летию со дня рождения Ч. Дарвина. Кембридж, Лондон, Даун. Финансировалась РФФИ.
- 2009 г. 16 мая — 7 июня. Командировка в КНР для чтения цикла лекций по истории и современному состоянию русской науки в Университете Циньхуа и в Национальном университете оборонных технологий (Пекин, Чанша, Сиань). Финансировалась университетами Циньхуа и Чанши.
- 2009 г. 26 июля — 2 августа. Командировка в Венгрию для участия в XXIII Международном конгрессе по истории науки и техники. Будапешт. Финансировалась РФФИ.
- 2009 г. 22–25 октября Командировка в Германию для участия в международной конференции «Научный и исторический контекст изучения Сибири во времена Г.В. Стеллера и И.Г. Гмелина» и юбилейных мероприятиях, посвященных 300-летию со дня рождения Г.В. Стеллера. Галле, Бад-Виндсхайм. Финансировалась Франкеше Штифтунген.
- 2009 г. 2–20 декабря. Командировка в США для участия в международном семинаре «Лысенкоизм» и для работы в Бахметьевском архиве Колумбийского университета. Нью-Йорк. Финансировалась Национальным фондом США и Рокфеллеровским институтом.
- 2010 г. 9 марта — 15 марта 2010 г. Командировка в Англию для участия в рабочем коллоквиуме «Восприятие Ч. Дарвина в европейской культуре». Кембридж, Лондон. Финансировалась РФФИ.
- 2010 г. 22 июня — 7 июля. Командировка в КНР для участия в 12-й Международной конференции по истории науки в Китае и выступлений с лекциями в ведущих университетах. Пекин, Шанхай, Сиань. Финансировалась Китайским обществом истории науки.
- 2010 г. 11–18 сентября. Командировка в Париж для участия в международной конференции «Русско-французские связи в биологии и медицине». Финансировалась Национальным институтом Франции.
- 2010 г. 28 сентября — 4 октября. Командировка в Германию на международную научную конференцию «История русско-германских научных связей в XVIII

- веке» и для участия в заседании Международного общества Г.В. Стеллера. Лейпциг, Галле. Финансировалась Немецким исследовательским фондом.
- 2010 г. 17–22 ноября. Командировка в Барселону на 4-ю Международную конференцию Европейского общества по истории науки. Финансировалась РФФИ.
  - 2011 г. 10–16 октября. Командировка в КНР для участия в китайско-русской конференции «Сравнительный анализ истории РАН и КАН». Пекин. Финансировалась КАН.
  - 2011 г. 1–9 ноября. Командировка в Индию для участия в международной конференции «Социоэкономические и технологические инновации в глобализирующейся экономике. Механизмы и институты». Нью-Дели. Финансировалась Министерством науки Индии.
  - 2012 г. 3–12 февраля. Командировка в Японию для участия в международной конференции «Пересматривается дело Лысенко». Токио. Финансировалась Японским обществом развития науки.
  - 2012 г. 21–26 июня. Командировка в Австрию для участия в международной конференции «Лысенкоизм». Вена. Финансировалась Венским университетом.
  - 2012 г. 30 сентября — 14 октября. Командировка во Францию для обсуждения дальнейших планов русско-французского сотрудничества по истории биологии. Париж. Финансировалась Национальным институтом Франции.
  - 2012 г. 17–21 октября. Командировка в Германию на конференцию «Классификация и таксономия в зеркале научного наследия, архивов и коллекций». Галле. Финансировалась Франкеше Штифтунген.
  - 2012 г. 31 октября — 5 ноября. Командировка в Грецию на 5-ю Международную конференцию Европейского общества по истории науки «Научный космополитизм и местная культура: религия, идеология, общество». Афины.
  - 2013 г. 21–29 июля. Командировка в Англию для участия в XIV Международном конгрессе по истории науки, техники и медицины. Манчестер.
  - 2013 г. 17–20 октября. Командировка в Германию на конференцию «Выживание в Сибири». Галле. Частично финансировалась Международным обществом Г.В. Стеллера.
  - 2014 г. 1–28 августа. Командировка в Германию для работы в проекте «Юбилей в области эволюционной теории». Ганновер.
  - 2014 г. 3–9 сентября. Командировка в Португалию на 6-ю Международную конференцию Европейского общества по истории науки. Лиссабон. За счет гранта РГНФ.

НАУЧНЫЕ НАГРАДЫ¹

- **1971 г.** Памятная медаль в честь 400-летия рождения И. Кеплера АН СССР.
- **1974 г.** Благодарственная грамота общества «Знание» РСФСР.
- **1975 г.** Памятная плакетка в честь XII Международного ботанического конгресса АН СССР.
- **1986 г.** Юбилейная медаль М. В. Ломоносова АН СССР.
- **1988 г.** Почетный диплом Комиссии по разработке научного наследия академика В.И. Вернадского.
- **1988 г.** Юбилейная медаль В. И. Вернадского АН УССР.
- **1988 г.** Юбилейная медаль в честь 125-летия со дня рождения В. И. Вернадского АН СССР.
- **1990 г.** Памятная медаль к 100-летию Института экспериментальной медицины АМН СССР.
- **1990 г.** Памятная медаль к 100-летию В. Г. Хлопина АН СССР.
- **1992 г.** Памятная «Медаль К. Э. фон Бэра» АН Эстонии.
- **1995 г.** Первая Премия Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей на конкурсе научных работ за книгу «Эволюция биосферы» (Л., 1990).
- **2000 г.** Юбилейная серебряная медаль «Российской академии естественных наук 10 лет» президиума РАЕН.
- **2003 г.** Почетная грамота Президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН.
- **2003 г.** Почетная грамота Президиума РАН.
- **2004 г.** Почетная грамота Президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН
- **2005 г.** Первая Премия Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей на конкурсе научных работ 2005 г. «Неокатастрофизм или селекционизм. Вечная дилемма или возможность синтеза?» (2002).
- **2008 г.** Большая литературная премия за лучшую книгу по гуманитарным наукам за книгу «Летопись РАН». Т. 1–4. 2000–2007.
- **2012 г.** Юбилейная медаль Н. И. Вавилова Московского сельскохозяйственного университета.
- **2012 г.** Знак «За вклад в историю науки и техники» ИИЕТ РАН.
- **2012 г.** Национальная премия «Лучшие книги и издательства года — 2011». Номинация «Издательские проекты» за Полное собрание сочинений М. В. Ломоносова в 10 томах (2011–2012).
- **2013 г.** Медаль к 150-летию со дня рождения В. И. Вернадского Неправительственного экологического фонда им. В. И. Вернадского.
- **2013 г.** Премия имени Е. В. Тарле в области исторических наук Правительства Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургского научного центра
- **2013 г.** Почетная грамота Президиума Санкт-Петербургского научного центра.

---

¹ Список составлен А. В. Полевым.

ЧЛЕНСТВО В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВАХ И РЕДКОЛЛЕГИЯХ¹

- **1989 г. — наст. вр.** Член Ленинградского общества естествоиспытателей (ныне Санкт-Петербургского — СПбОЕ).
- **1989 г. — наст. вр.** Соучредитель и член Ленинградского (Санкт-Петербургского) союза ученых.
- **1989–1991 гг.** Член «Ленинградской трибуны» (общественно-политический клуб).
- **1990 г. — наст. вр.** Председатель секции эволюционной биологии СПбОЕ.
- **1991 г. — наст. вр.** Член правления (президиума, Ученого совета) СПбОЕ.
- **1991 г. — наст. вр.** Председатель Комиссии по методологическим аспектам теории эволюции и истории эволюционной биологии по проблемам палеобиологии и эволюции органического мира РАН.
- **1993–2013 гг.** Председатель конкурсной Комиссии по присуждению премий СПбОЕ.
- **1993 г. — наст. вр.** Член редколлегии «Трудов Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей».
- **1996 г. — наст. вр.** Заместитель председателя СПБО Российского национального комитета по истории и философии науки и техники
- **1997 г. — наст. вр.** Член редколлегии серии «Научно-биографическая литература» РАН.
- **1997–2010 гг.** Член Международного редакционного совета журнала «Вопросы истории естествознания и техники».
- **1997 г. — наст. вр.** Член-корреспондент, действительный член РАЕН по Отделению общей биологии и экологии.
- **1999–2004 гг.** Член редколлегии журнала «Науковедение».
- **2000 г. — наст. вр.** Ответственный редактор серии «Материалы к биобиблиографии историков науки и техники».
- **2002 г. — наст. вр.** Член Редакционного совета «Трудов Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию»
- **2000 г. — наст. вр.** Действительный член РАЕН по Отделению общей биологии и экологии.
- **2009 г. — наст. вр.** Главный редактор журнала «Историко-биологические исследования».
- **2010 г. — наст. вр.** Член редколлегии журнала «Вопросы истории естествознания и техники».
- **2012 г. — наст. вр.** Член Научного совета серии «Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки».

---

¹ Список составлен Н. А. Ащеуловой и Т. И. Юсуповой.

ЧЛЕНСТВО В ЗАРУБЕЖНЫХ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВАХ И РЕДКОЛЛЕГИЯХ¹

- **1994–2004 гг.** Член Немецкого общества теории и истории биологии.
- **1997 г. — наст. вр.** Член Общества социальной истории науки (США) (HSS).
- **1997 г.** Член Нью-Йоркской академии наук и искусств.
- **2003 г. — наст. вр.** Член редколлегии журнала «Gesnerus» (Швейцария).
- **2007 г. — наст. вр.** Член международного Стеллеровского общества.
- **2008 г. — наст. вр.** Почетный член Сербского общества биологов.
- **2010 г. — наст. вр.** Член Европейского общества по истории науки (ESHS).
- **2010 г. — наст. вр.** Член Линнеевского Лондонского общества.
- **2010 г. — наст. вр.** Почетный член Сербского общества истории науки.
- **2012 г. — наст. вр.** Член-корреспондент Международной академии по истории науки.
- **2012 г. — наст. вр.** Почетный член Международного общества Г. В. Стеллера (Германия).
- **2012 г. — наст. вр.** Член международного редакционного совета журнала «Acta Baltica Historiae et philosophiae Scientiarum» (Эстония).
- **2013 г.** Член Британского общества по истории науки.

---

¹ Список составлен Н. А. Ащеуловой.

РОССИЙСКИЕ ГРАНТЫ¹

Фонд Сороса

1993–1994 гг. Стипендия как победителю конкурса по проблеме «Биоразнообразии».

Президиум РАН

1994–1996 гг. Государственная научная стипендия.

Грант Министерства науки и научных технологий

1997–1998 гг. На подготовку монографии «Наука и кризисы».

Фонд регионального научно-технического развития Петербурга

1999 г. Подготовка коллективной монографии «Наука и кризисы».

Грант правительства Санкт-Петербурга

2007 г. Организация и проведение международной конференции «Леонард Эйлер и современная наука».

Российский фонд фундаментальных исследований

1995–1997 гг. «В поисках советского “союза” философии и биологии: дискуссии и репрессии 20–30-е гг.» Исследовательский проект. № 95-06-17409а. Руководитель.

1995 г. На поддержку научной школы. № 1-15Л / 316. Руководитель.

1996 г. На поддержку научной школы. № 96-48-15Л / 138. Руководитель.

1996 г. На развитие материально-технической базы СПбФ ИИЕТ РАН. № 96-06-810266.

1998–2000 гг. «Сальтационизм и градуализм: перспективы нового синтеза». Исследовательский проект. № 98-06-80109а. Руководитель.

1999 г. Организация и проведение конференции «Санкт-Петербург как научный центр (К 275-летию академической науки и университетского образования в Санкт-Петербурге)». № 99-06-85037.

---

¹ Список составлен А. В. Полевым и Т. И. Юсуповой.

2000 г. Организация и проведение международной конференции «Санкт-Петербург как научный центр. Роль научного сообщества в контексте межкультурного диалога». № 00-06-85058д. Руководитель.

2001 г. Организация и проведение конференции «Русско-немецкие связи в биологии и медицине: история и значение эволюционного синтеза». Сентябрь 2002 г. № 01-06-85081г. Соисполнитель.

2001 г. Организация и проведение международной конференции «Санкт-Петербург как научный центр. Вклад науки в обеспечение обороноспособности страны». № 01-06-85081г. Руководитель.

2001 г. «Неокатастрофизм или селекционизм — вечная дилемма или возможность синтеза?» Издательский проект. № 01-06-87086д. Руководитель.

2001–2003 гг. «“Принцип основателя” и становление российской биологии: от естественной истории к дифференцированному биологическому знанию». Исследовательский проект № 01-06-80193а. Руководитель.

2002 г. Организация и проведение международной конференции «Русско-немецкие связи в биологии и медицине: история и значение эволюционного синтеза». № 02-06-85077. Соисполнитель.

2003 г. Организация и проведение международной конференции «История науки и техники в Санкт-Петербурге (К 50-летию СПбФ ИИЕТ РАН)». № 03-06-85049г. Руководитель.

2003 г. Организация и проведение международной конференции «Наука, техника и общество в Первой мировой войне». № 03-06-85025г. Руководитель.

2003 г. Оказание экстренной помощи в создании комплекса множительной техники для оперативного тиражирования материалов по истории фундаментальной науки. № 03-06-810001б. Руководитель.

2004 г. Организация и проведение международной научной конференции «Окно в Европу: история контактов СССР и Китая в области фундаментальной науки и техники в 1950–1960 гг.». № 04-06-85069г. Руководитель.

2004 г. Организация и проведение конференции «Академический Санкт-Петербург», посвященной 280-летию основания Императорской академии наук. № 04-06-85072г. Руководитель.

2004–2006 гг. «В поисках эволюционного синтеза в 1930–1940-х гг.: историко-сравнительный анализ попыток создать синтетические концепции эволюции в Англии, Германии, СССР и США». Исследовательский проект. № 04-06-80437а.

2005–2007 гг. Энциклопедический справочник «Научный Санкт-Петербург». Электронное CD-издание. № 05-06-80263-а. Руководитель.

2005 г. Оказание материально-технической помощи по созданию информационно-исследовательского и консультативного центра по истории фундаментальной науки. № 05-06-81005б. Руководитель.

2005 г. Организация и проведение международной конференции «Научный Санкт-Петербург и Великая Отечественная война (К 60-летию Победы)». № 05-06-85069г. Руководитель.

2005 г. Организация и проведение международной научной конференции «Русско-немецкие научные связи периода Веймарской республики: 1921–1933 гг.». № 05-06-85072г. Руководитель.

2005 г. Участие в XXII Международном конгрессе по истории науки в Пекине. № 05-06-85515з.

2006 г. Развитие материально-технической базы для проведения исследований по области знаний 06. № 06-06-03011б. Руководитель.

2006 г. Организация и проведение научной конференции «Санкт-Петербург как научный центр: у истоков отечественной науки (К 265-летию П.С. Палласа, 295-летию М.В. Ломоносова, 300-летию Л. Эйлера)». № 06-06-85073г. Руководитель.

2007–2009 гг. «Биологическое сообщество Санкт-Петербурга. XVIII–XX вв. (Биобиблиографическая энциклопедическая база данных)». Электронное CD-издание. № 07-06-00141а. Руководитель.

2007 г. Оказание материально-технической помощи по созданию материально-технической базы электронной библиотеки по истории фундаментальной науки. № 07-06-05003б. Руководитель.

2007 г. Организация и проведение международной научной конференции «Л. Эйлер и современная наука». № 07-06-06024г. Руководитель.

2007 г. Организация и проведение научной конференции «Санкт-Петербург как научный центр исследований в области космоса (К 50-летию начала космической эры)». № 07-06-06093г. Руководитель.

2008 г. Организация и проведение международной научной конференции «Вызов неосвоенного пространства Российской империи: экспедиционная деятельность Академии наук XVIII–XIX вв. (К 275-летию с начала Второй Камчатской экспедиции)». № 08-06-06101г. Руководитель.

2009 г. Издание трудов международной научной конференции «Чарльз Дарвин и современная биология» (21–23 сентября 2009 г., Санкт-Петербург). № 09-04-02003д.

2009 г. Организация и проведение международной научной конференции «Теория эволюции: между наукой и идеологией. Историко-научные и философско-методологические проблемы эволюционизма» (В рамках конференции «Дарвин и современная наука»). № 09-06-06086-г. Руководитель.

2009 г. Издание энциклопедического справочника «Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008». № 09-06-07007д. Руководитель.

2009 г. Участие в XXIII Международном конгрессе по истории науки и техники «Идеи и инструменты в социальном контексте». Будапешт. № 09-06-08025з.

2010–2012 гг. «Становление фундаментальных биологических исследований в России: организация, финансирование, результаты. 1860–1920-е годы». Исследовательский проект. № 10-06-00093а. Руководитель.

2010 г. Организация и проведение международной научной конференции «Научный Санкт-Петербург и Великая Отечественная война (К 65-летию Победы)». № 10-06-06133г. Руководитель.

2010 г. Грант на поездку для участия в 4-й конференции Европейского общества истории, Барселона, Испания (18–20 ноября 2010 г.). № 10-06-08100з.

2011 г. Организация и проведение международной научной конференции «Российско-французские связи в биологии и медицине». № 11-06-06091г. Руководитель.

2011 г. «Создатели современного эволюционного синтеза». Издательский проект. № 11-06-07009д.

2013–2015 гг. «Организация и методология истории фундаментальных наук в Санкт-Петербурге в XX–XXI вв.: итоги и перспективы развития ее

институциональных форм, познавательных и социально-культурных функций». Исследовательский проект. № 13-06-00254а. Руководитель.

ИНТАС-РФФИ

1999–2001 гг. «Трансформация академического сообщества в переходный период». Исследовательский проект. № 1R-97-2043. Соруководитель.

Российский гуманитарный научный фонд

1997–1998 гг. «Вхождение биологии в тоталитарный режим». Исследовательский проект. № 97-04023, № 97-03-04087а. Руководитель.

1998–2000. гг. «Летопись РАН (1724–1860 гг.). Электронное издание». № 98-03-12012. Руководитель.

1998 г. «В поисках советского “союза” философии и биологии: дискуссии и репрессии. 20-е — начало 30-х гг.». Издательский грант. № 98-03-1657д. Руководитель.

1998 г. Организация и проведение научной конференции «Санкт-Петербург как научный центр». № 98-03-14040г. Руководитель.

1999–2000 гг. «Наука и кризис». Исследовательский грант. № 99-03-19623а. Руководитель.

2001 г. «Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки». Издательский проект. № 01-03-16103д. Руководитель.

2001–2003 гг. «Биология и социально-политический кризис в России и в Германии в первой половине XX в.». Исследовательский проект. № 01-03-354а. Руководитель.

2001 г. Организация и проведение научной конференции «Науковедение и организация науки в переходный период». № 01-03-14007г. Руководитель.

2002 г «Деятели русской науки. Т. 3». Издательский грант. № 02-03-16103д. Руководитель.

2003 г. Организация и проведение научной конференции «Науковедение и организация науки в переходный период». № 03-03-14019г. Руководитель.

2003 г. Грант на материально-техническое обеспечение Филиала. № 03-03-10002б. Руководитель.

2004–2006 гг. «Наука и Первая мировая война». Исследовательский проект. № 04-03-00067а. Руководитель.

2005 г. «Биология Германии и России — СССР в первой половине XX века». Издательский проект. № 05-03-16038д.

2009–2010 гг. «Единство эволюционной теории в разделенном мире XX века». Исследовательский проект. № 09-03-00166а. Руководитель.

2012–2014 гг. «Сравнительный анализ восприятия теории эволюции в меняющемся научном и социально-культурном контексте разных стран: празднование юбилеев основоположников эволюционной теории в конце XIX — начале XXI в.». Исследовательский проект. № 12-03-00239-а. Руководитель.

2014 г. «Единство эволюционной теории в разделенном мире XX века». Издательский проект. № 14-03-16007д.

Федеральная целевая программа «Интеграция фундаментальной науки и высшей школы»

1997–2001 гг. «Комплексные междисциплинарные исследования молодых ученых: интеграция высшего образования и фундаментальной науки»: № К-0347. Совм. с Санкт-Петербургским государственным университетом. Соруководитель.

1997–2000 гг. «Междисциплинарный учебно-научный центр поствузовской специализации в области истории идей». № А151-7. Соруководитель.

1997–2001 гг. «Современные проблемы экономической психологии и этика делового общения в трудовой, управленческой и предпринимательской деятельности». № К-0347. Совместно с Санкт-Петербургским государственным университетом экономики и финансов (СП ГУЭФ). Соруководитель.

1997–2000 гг. «Учебно-научный центр исследования проблем экономической психологии и деловой этики». № А-0149. Совм. с СПбГУЭФ. Соруководитель. 2002–2006 гг. «Парадигмы экономической психологии в России XXI века. Теория и методология. № 15-0063 / 707 по направлению 1.1 и 1.3. Совместно с СПбГУЭФ. Соруководитель.

2002–2006 гг. «Экономическая психология: современные проблемы и перспективы развития. № Т 1034 / 686 по направлению 2.7. Совм. с СПбГУЭФ. Соруководитель.

По программе Санкт-Петербургского научного центра РАН

2000–2003 гг. «Летопись РАН. 1724–1934». CD-издание. Руководитель.

2000–2002 гг. «Академия наук в Санкт-Петербурге. Очерки истории и деятельности. К 300-летию Санкт-Петербурга». Исследовательский проект. Соруководитель. Совм. с Э. А. Тропшом.

2002 г. На проведение конференции «Значение академических коллекций для фундаментальной науки». Ноябрь, 2002. № 02-06-85077. Соруководитель. Совм. с Ю. А. Петросяном.

2003 г. «Академия наук в истории культуры России в XVIII–XX вв. Исторические очерки». Соруководитель. Совм. с Ю. А. Петросяном.

2003 г. Организация и проведение конференции «История науки и техники в Санкт-Петербурге (к 50-летию СПбФ ИИЕТ РАН)». Руководитель.

2004–2008 гг. Энциклопедический справочник «Научный Санкт-Петербург», CD-издание Соруководитель. Совм. с Э. А. Тропшом.

2006 г. Подготовка к изданию материалов международного форума «Реформа науки и техники в КНР и РФ: теория и практика». Руководитель.

2006 г. Организация и проведение конференции «Санкт-Петербург как научный центр: у истоков отечественного естествознания». Руководитель.

2007 г. Организация и проведение научной конференции «Леонард Эйлер и современная наука». Соруководитель. Совм. с Э. А. Тропшом.

2007 г. Организация и проведение конференции «Санкт-Петербург как научный центр исследований в области космоса». Руководитель.

2007–2008 гг. Научный Санкт-Петербург (подготовка электронного издания). Соруководитель. Совм. с Э. А. Тропшом.

Приложения

2008 г. Организация и проведение конференции «Вызов неосвоенного пространства». Руководитель.

2009 г. Организация и проведение научной конференции «Дарвин и современная биология». Соруководитель. Совм. с С. Г. Инге-Вечтомовым.

2009 г. Организация и проведение научной конференции «Академический Санкт-Петербург (К 285-летию создания Императорской академии наук)». Соруководитель. Совм. с Э. А. Троппом.

2009–2011 гг. Подготовка и издание к 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова сборника статей и материалов «Ломоносов. Вып. 10». Соруководитель. Совм. с Г. Ф. Терещенко.

2010 г. Организация и проведение научной конференции «Научный Санкт-Петербург и Великая Отечественная война (К 65-летию Победы)». Соруководитель. Совм. с Э. А. Троппом.

2011 г. Организация и проведение научной конференции «Русско-французские связи в биологии и медицине». Руководитель.

2011 г. Организация и проведение научной конференции «Санкт-Петербург как научный центр космических исследований (К 50-летию полета Ю. А. Гагарина)». Руководитель.

Рид Фёдорович Брандесов
ВОСПОМИНАНИЯ¹

1941. Блокада

Начало первой блокадной зимы. У меня гость — Толя Соколов, мы учились с ним в Пушкине, он нашёл меня в Питере. Сидим в пальто и в шапках возле вокруг тусклого каганца, во мраке холодной комнаты, едим какое-то варево из клея, который случайно нашли, угощаем Толю. Он не похож на себя — всегда полный, рослый и обширный, сейчас тощ, мосласт и страшен. Себя я не вижу.

Толя развивает план ухода из Питера: становимся на лыжи, ночью переходим линию фронта и просачиваемся через блокадное кольцо. Глупо подыхать с голоду, ничего не предпринимая.

Идея Толи меня захватывает, хотя есть сомнения: лыжник я неопытный, силёнок осталось немного...

Но после этого визита Толя больше не появляется.

Рука голода всё более стискивает горло. Лыж у меня нет...

***

Умерла тётя. Я иду в поликлинику за справкой, участковый врач, молодая Красовская, когда приходила к тёте, держалась бодро, говорила, что мы ещё с ней потанцуем...

Сейчас она безучастна и, выслушав меня — я говорю о смерти тётки, — она равнодушно роняет: «И ты загнёшься».

Я воспринимаю это спокойно, с равнодушием и безразличием дистрофика, тем же тупым безразличием, которое и в ней, когда-то красивой и отзывчивой Красовской...

Иду по двору, бреду к своему подъезду. Меня окликает женщина, просит помочь поднять домой обессиленного мужа. Тащим совершенно неподвижного дядьку на шестой этаж. Дотащили. Женщина сует мне какую-то бумажку — деньги за помощь. Мне дико и страшно брать плату за такую услугу.

Артналёты (1941–1942 годы)

Артиллерийские обстрелы города — постоянный аккомпанемент блокады.

По периметру блокадного кольца немцы расположили дальнобойные орудия — «длинные Берты» — и методически били по городу в любое время дня.

В начале блокады — осенью и в начале зимы — я ходил в читальный зал Публичной библиотеки.

Иду через Чернышев мост — начинается обстрел мостов. Делается это так: недолёт, перелёт — и снаряд бьёт в мост. Смотрю в сторону Калинкина моста — возле

---

¹ Написаны в 2005 г. Печатаются с разрешения дочери, М. Р. Брандесовой.

него фонтаны воды. А вот уже удар и возле моего Чернышева мостика. И следующий снаряд в ограду моста. Осколок снаряда, шипя, падает возле меня. Беру его в руки — большой, горячий, с рваными краями — и следую дальше, на улицу Зодчего России.

А в читальном зале набрёл на «Голод» Кнута Гамсуна. Читать это голодному — невозможно, муки голода усиливаются до головокружения...

Зимой везу дрова на санках из Новой деревни, выхожу на площадь Льва Толстого — и начинается артналёт. Падаю в снег. В сумерках зимнего вечера ослепительно бьёт взрыв — снаряд угодил в крышу углового здания, в котором располагался кинотеатр «АРС». Встаю, подхватываю санки, на площади, слава богу, нет людей. Двигаюсь дальше — идти далеко, до Загородного проспекта. Или на следующий день перед уходом с работы на минуту задерживаюсь у проходной фабрики — и в этот момент возле проходной бьёт снаряд. Эта минутная задержка спасает жизнь.

Весной, когда пошли трамваи, хочу сесть на Невском проспекте в трамвай, почему-то пропускаю один вагон. И вот бьёт снаряд именно в тот вагон, в который я не сел.

Рассеивается дым, подбегаю к вагону — по ступеньке течёт алый густой ручей крови...

На площадке вагона умирает мужчина, пытается сказать свой адрес: «На улице Ма-Марата»... Артналёты неожиданны, внезапны, непредсказуемы.

Флот

В начале весны 1942 года я работал тележником в Ленхлебторге. И вот в одной из поездок за хлебом (я возил его в определённую булочную) такой же юный тележник, как я, Толя Комиссаров, сказал мне, что на Васильевском острове есть место, где записывают добровольцами во флот. И мы ринулись туда.

Действительно, там записывали на какие-то радиокурсы, совершенно пренебрегая нашим юным возрастом. Я беседовал с капитаном 3-го ранга Штейнбахом, который выяснял, кто я и откуда. В ходе беседы он внезапно спросил меня: «Танцуешь?» Мне этот вопрос показался странным для серьёзного разговора, и я зло ответил: «Пляшу!» Штейнбах внимательно посмотрел на меня и сказал: «Я тебя запишу, но, если что будет с дисциплиной, растерзаю!» Я был готов на любые жертвы, лишь бы попасть на флот! А записывали на радиокурсы Краснознамённого Балтфлота, и Штейнбах был командиром этих курсов. Так я попал на флот добровольцем, но только по достижении нужного возраста мы приняли присягу и стали полноценными матросами.

Балтийский флотский Экипаж — учреждение, где формируются морские части. Первые деньки военно-морской службы.

Ярким весенним мартовским днём нас, явившихся с ложкой и кружкой, старшина повёл к Экипажу. Несколько остановок проехали на трамвае. Какой-то дядька, взглянув на нас и на старшину, всё понял и назвал нас бравыми мичманами.

Подшли к воротам Экипажа, и когда, впустив нас, они стали медленно закрываться, старшина торжественно изрёк: «Вот так десять лет назад за мной закрылись эти ворота!» Мы поёжились, почувствовав нечто неотвратимое — судьбу.

Несмотря на будничность всего происходящего, дни, проведённые в Экипаже, переполнены впечатлениями, которые помнятся и поныне.

Нас встретили таблички на всех помещениях и переходах: «трап», «кубрик», «камбуз», «виадук» и др.

Поместились сначала в кубрик с голыми двухэтажными койками. Здесь до нас ещё были призывники. Грянул обычный арналёт — стены содрогаются от взрывной волны. Один из призывников, мужчина лёт тридцати, дрожит, как в лихорадке, и сквозь зубы успокаивает себя: «Спокойно, спокойно». Нам смешно, не знаю, потому ли, что у нас нервы крепче, потому ли, что мы привыкли, потому ли, что храбры, или просто глупее.

Начались баня, стрижка, получение обмундирования, многочисленные комиссии, перемещение из кубрика в кубрик.

В бане, остриженные «под нулёвку», облачились в форму, почти жесткую брезентовую робу. Шутники ставили штаны на пол и делали вид, что пытаются в них запрыгнуть. Смотрим друг на друга и не узнаём: все круглоголовые, все в тельняшках, все в робах, скрадывающих особенности фигуры, — все одинаковы!

Затем попадаем в кубрик, где до нас расположились бывалые матросы. Они взрослые, крепкие, против нас, блокадных заморышей, — богатыри. «Богатыри» заняты самообслуживанием: стирают в раковине гюйсы, гладят форменки, бреются, надраивают бляхи и пуговицы бушлатов.

Мы не дыша следим за каждым их движением и словом. Снисходя до нас, некоторые вступают с нами в общение. Сказанное ими о службе запечатлевается, как священные заповеди: «Непочтение к “родителям” — на флоте не грех», «“Родители” — флотское начальство!», «Знай как следует свою специальность, дело своё делай хорошо...». В столовой — большой бачок на шестерых, сидят люди разного возраста. Один пытается у разливающего (разводящего) взять пустой бачок, чтобы его облизать, и слышит: «Папаша, я и сам сумею это сделать».

Радиошкола разведывательного отдела штаба Краснознаменного Балтийского флота. Располагалась школа в здании бывшего Института благородных девиц — Смольного. Впоследствии в Латвии найду книгу эмигрантки Анны Петровны Лобовой, воспитанницы Смольного института, — «Проблема девственности» — и с интересом буду читать детальное описание дортуаров, бесчисленных коридоров девичьего общежития, так знакомых мне под названием «кубрики», «виадуки» и пр.

А когда после войны попаду снова в радиошколу на курсы старшин, то будет прямо-таки ощущение исторической причастности к жизни Петербурга, вписанности в эту жизнь и в её таинственный ход.

Ну а сейчас лето 1942 года, и мы выстраиваемся в одном из виадуков по дудке боцмана. В строю кроме нас, юного пополнения школы, курсанты более солидного возраста различных подразделений разведотдела. Есть и несколько девиц, их юбки и форменки идеально отглажены, причёски безукоризненны.

К строю подбегает несколько запоздавший круглолицый, с короткой стрижкой матрос, явно не мужского пола. «Разрешите», — говорит она, энергично протискиваясь в строй.

«Разрешайтесь как-нибудь сами», — острят мореманы. Это Юлия Мурзакова, впоследствии известная фигура на Балтике, ставшая катерницей и пулемётчицей. Девица-кавалерист, только во флотском варианте. Она принципиально носит

мужскую форму и короткую стрижку, курит и пытается быть наравне с бойцами мужского пола. Много лет спустя ленинградское радио посвятило передачу этой колоритной моей однополчанке.

Вахта — особое время одиночества, сосредоточенности и одновременно общения с таинственным и безграничным миром, живущим только в звучании, — эфиром. Ты один на один с зелёным глазком приёмника, а вокруг в невидимом четвёртом измерении кишит разнообразная жизнь — тысячи ритмических голосов, мелодических и не очень, громких и вкрадчивых, шумов, шорохов и неясных вздохов. Иногда ловишь себя на стремлении просто слушать эфир, как слушаешь музыку, — незаинтересованное удовольствие...

Однако нужно работать — различать в этой симфонии голоса, искать волну, отличать друг от друга станции немецкого военного флота, что есть что: эсминец, подводная лодка или сторожевой корабль. А так как они отчаянно маскируются — разговор идёт только шифром, позывных нет, безымянные станции прихотливо меняют волны и время работы, — надо искать, разгадывать и цепляться за невидимое, искать чисто тональные различия станций, уметь слышать неповторимость каждого радиоголоса.

Манера, почерк радиста всегда индивидуальны, как и человеческий голос, и можно было бы по манере узнать того, кого слушаешь и ловишь. Но педагогический шедевр немецкой флотской школы — у всех радистов почерк почти одинаков, точно размеренный темп передачи, длина знака одинаковая, будто работает не человек, а автомат. Остаётся только вслушиваться в то, что совершенно незаметно для нетренированного уха, отличие звучания каждого радиопередатчика отдельно взятого корабля: мягкость или резкость сигнала, всевозможные обертоны звука (звонкость или приглушённость, чистота сигнала, дополнительные шумовые характеристики).

И вот, чтобы твой сменщик на вахте различил тот же корабль, что и ты, пытаешься определить и записать для него те признаки, которые ты отличаешь в голосе корабля: удар в медный таз, удар в подушку, вквохтанье сигнала и т. п.

Если запись удачна, то станция узнаётся сразу же, а это значит, что корабль схвачен, определён. И если ещё будет взят приличный пеленг, т. е. направление на место корабля, то он обнаружен, как бы ни маскировался в бескрайних морских просторах.

Значит, работа радиста-разведчика сделана, и сделана хорошо. Тихая синяя балтийская ночь. Эфир пустынен настолько, что есть побуждение на втором приёмнике поискать джаз. Однако первый приёмник сторожит волну, на которой может, по моим предположениям, заговорить подводная лодка...

И вдруг быстро, почти невнятно, несколько шифрованных групп, три-четыре слова — и молчок. Ага! Этот голос мы со сменщиком называем «Лодка № 1». Записываю эти слова. И вот ещё... Что-то необычное — как правило, подлодки очень осторожны и часто «не высовываются».

Прибегает оперативный дежурный. Взволнован. Спрашивает: «Одна и та же лодка?» Утвердительно киваю, и тут опять короткая радиограмма. Снова прибегает дежурный, покрикивает, не ошибаюсь ли я. В работе и азарте забываешь, что пред тобой капитан-лейтенант, а ты — просто рядовой «Шульц», и отвечаешь не только утвердительно, но и резко: «Лодка одна и та же!»

Причину нервозности офицера узнаю несколько позже. Дело в том, что пеленг, который успели взять наши пеленгаторы, указывает в какую-то немислимую сторону, к самому Кронштадту, и дежурный сомневается, передавать ли эту ахиною в штаб флота. Наконец он решается и передаёт, а в штабе менее осмотнительные офицеры направляют самолёты в указанный квадрат, и те его бомбят. Впоследствии оказалось, что дерзкая лодка подобралась, минуя минные поля, к Кронштадту... И села на мель. Представляю, что могла натворить она в самом сердце нашей базы. Пират испугался, и его сигналы, которые я поймал, сообщали своему командованию о беде. Наши самолёты и «прищучили» лодку.

Через некоторое время в качестве трофеев в отряд привезли мокрую документацию с лодки (искали ключ к шифрам), и среди документов — личные фотографии немецких подводников, видимо, любительские снимки, сделанные на борту самой лодки. Бородатые и весёлые лица, шутливо воздетые бокалы с вином. На одной из фотографий — надпись: «Наша бравая лодка». Где-то шевельнулась даже жалость к этим бравым ребятам...

Вершину мастерства в обнаружении противника демонстрировал один из наших радистов — Игорь. Он слушал финнов. Невелик финский флот, однако замаскирован и зашифрован очень хорошо. Но каждый финский корабль определялся безошибочно по первому же сигналу его радиостанции. Игорь обладал уникальной способностью видеть звук в цвете, как Наташа Ростова видела внешность людей. Поэтому абсолютно точно мог определить корабль: серо-голубой — это работает рация броненосца «Илмаринен», желто-красный — это говорит второй броненосец «Вяйнемайнен».

Финны испытывали шок в ситуации, когда речь шла об окончании войны. Условия капитуляции передали на их секретной волне, используя секретные позывные. На вызов базовая станция сначала не ответила. Условия предложения были переданы открытым текстом. Оказывается, все их радиохитрости и шифры были разгаданы русскими!

Незабываемые впечатления... Привезли пленного немца, флотского радиста, ввели к нам в рубку, дали стул. Затем, усилив громкость, дали слушать работу корабельных немецких раций, уточняя наши интуитивные догадки: «Это сторожевик? А это тральщик?».

Не забыть отвисшей челюсти немца и его совершенно белесых глаз: бедняга не подозревал, что его слушает противник, да еще так дотошно.

Как-то из первого увольнения пришел Ким Племянников, ему удалось встретиться с отцом, и в ночь перед вахтой мы горячо говорили на нравственные темы.

Солдат в окопах, мы ему обязаны всем. То есть мы в рубках у радиоприемников и в относительной безопасности, а он, солдат, несет на себе всю тяжесть войны. Гены интеллигента в третьем поколении — вещь непреодолимая: вечное чувство вины перед всеми, кому тяжелее, чем тебе. В это время мы стали настойчиво бомбардировать начальство рапортами с просьбой списать нас в пехоту, в окопы. Командование было вынуждено пригласить на встречу с разведчиками адмирала Петрова, начальника штаба флота.

Адмирал высоко оценил наш патриотический порыв и привел убедительные данные о том, какие плоды приносит наша работа. Оказалось, что каждый из нас вносит такой же вклад в победу, сколько целый полк пехоты на фронте! После речи

адмирал вручил награды. Мне медаль за «мою лодку», потопленную по моим разведанным.

Мы начали осознавать свою роль в войне и больше не рвались из флота, а сражались своими средствами.

Илья Лозинский, дежурный техник (это был парень с высшим образованием), любил остановиться у моего поста и поговорить о жизни и литературе. Как-то принес на одну ночь только что напечатанный в блокадном Ленинграде сборник Симонова «С тобой и без тебя». За ночную вахту я этот сборник «проглотил», да так основательно, что до сих пор помню многие стихи наизусть. Естественно, что это всё нужно было обговорить с таким любителем литературы, как Илья.

Не помню всех тем наших бесед, помню только, как понравилась нам книжка Веры Пановой «Спутники», и помню его приговор моим первым стихам «Шампанское в гальюне». Строгий Илья имел в виду интересное содержание и безобразную форму моих опусов.

Помню историю его трагической любви. Он женился перед войной, и жена его, врач, была мобилизована и служила на Севере, где-то в районе Архангельска. И вот Илья получает письмо о том, что она перед ним виновата: так случилось, она ему изменила, больше писать ей нечего.

Его посылают в командировку на Большую землю — что-то связанное с техникой, — он Дорогой жизни выбирается из блокады, делает свои командировочные дела и умудряется ещё рвануть в Архангельск, чтобы увидеться с женой. За эту самоволку грозил военный трибунал, но начальство пожалело обманутого мужа и прекрасного специалиста, Илья отделался не очень строгим наказанием.

Так что жизнь и литература были вместе, и стихи Симонова о неверности В. Серовой воспринимались не как поэтический вымысел.

Наша группа ребят-добровольцев, пришедших на флот в марте 1942 г. из блокадного Ленинграда, была несколько необычной. Все юны — некоторым не было восемнадцати; все по тем временам образованны — не ниже восьми классов средней школы; все ленинградцы (а в городе, говорят, и витрины воспитывают), и их культурный уровень отличался от старослужащих, пришедших на флот до войны и не из Ленинграда. И как бы к этим ребятам ни относились, они влияли на общий фон флотской жизни, в чём-то повышая её тонус.

Эта группа любила флот — недаром пришли служить добровольно, всё-таки балтийцы, — и в отряде их ценили. Правда, после долгой, девятилетней службы торговли несколько увяли и на срочную службу остался только один. Служба поднадоела, и ребята ушли на гражданку, в родной Питер. Однако девять лет жизни были отданы флоту.

Прибалтика

Война продолжалась, и вместе с армией наш отряд двигался на запад, чтобы быть поближе к немецким кораблям. Два наших боевых поста находились в Латвии, во время войны — в Риге, после войны — в Виндаве. В Прибалтике как освободителей нас не воспринимали, даже как освободителей от немецкой оккупации. В те годы молодёжь русского почти не знала, зато люди среднего и старшего поколения русским владели все. Это были простые люди — рабочие, ремесленники, сфера обслуживания.

Я поражался тому, что они единодушно и неизменно говорили о том, что до войны жили хорошо и нас сюда решительно не звали. Я же, как и все мы, советские комсомольцы, искренне считал, что труженики при буржуях жили плохо, а мы братски освободили их от гнёта эксплуатации, к тому же ведь сам народ на многотысячных митингах заявлял о желании присоединиться к СССР!

Латвия входила в меня природой: своеобразие неизменно ровного ландшафта, какая-то особенная тишина, туманы, вечный негромкий аккомпанемент моря, песчаные дюны, наклонённые сосны...

Ночные туманы в Латвии фантастичны. Как будто плотные пепельно-жемчужные облака плывут по земле, и в этой вате, как и на море, не видишь ни зги и если идёшь, то ловишь себя на стремлении подвигать руками, словно плывёшь и раздвигаешь волны.

Палатка с радиостанцией (в Виндаве) стоит где-то на краю луга, за которым — покинутый хутор. Ночь. Сидишь в палатке, крутишь верньеры приёмников, слушаешь бормотание ночного эфира. Покой! И вдруг — выстрел. Рядом. И ещё. И ещё. Вылезаю из палатки. Туман. Хутор совершенно не виден. Стреляют оттуда. Судя по звуку, бьют из немецкой винтовки. Бьют явно в сторону моей палатки. Какая стрельба?! (К тому времени война уже закончилась). «Эй, кто там? Что стряслось?» В ответ выстрел. Ныряю в палатку, хватаю автомат, выползаю и даю очередь в сторону хутора. Молчание. Но вот со стороны луга кто-то идёт, посверкивая в тумане фонариком. Это военный патруль,двигающийся на выстрелы. Стоим за палаткой со стороны луга, говорю об обстановке. В этот момент ясно, как будто рядом, клацает винтовочный затвор — и снова выстрел. Тогда лейтенант загоняет меня жестом в палатку, и патруль атакует хутор.

Через какое-то время возвращается. На хуторе — никого, только в сарае нашли «немецкую шинель», «ещё тёплую», как выразился лейтенант. Кто стрелял?

А во время войны... Идём с товарищем по улице в Риге, проходим двор, и я случайно, боковым зрением, вижу во дворе прижавшегося к стене человека с пистолетом наизготовку.

Интуитивно дергаю «кореша» назад (он не понимает моего толчка), в этот момент гремит выстрел. Заглядываем во двор: там никого нет. Тут приятель поднимает меня на смех. И вдруг мы замечаем, что его погон на бушлате пробит пулей. Пришла очередь испугаться и ему. Пошли дальше. Немцы бы подняли тревогу, устроили облаву и нашли бы стрелка. А мы старательно забыли этот случай. Война не всегда оканчивается объявленным днём победы, в Прибалтике мы не раз столкнулись с этим.

Помню, в Виндаве, идя с вахты сквозь редкий соснячок, увидел под корнями сосны под слоем песка ящики и торчащие ручки фаустпатронов. И таких наскоро зарытых ям — множество. Пока среагировали — эти склады исчезли. Только задним умом поняли: работа «лесных братьев», спокойно под нашим носом добывающих то, что перепрятано немцами, при отступлении. Впрочем, куда было отступить из Курляндского котла, если доты были вырыты на самом берегу, в песке, с амбразами, обращенными к суше? Позади — море. Если уж отступать, то в прибрежные леса... Мы как будто неплохие ребята, но страх прибалтов перед оккупантами иногда эксплуатируем.

1944 г. На двух машинах несёмся к побережью Латвии, проскакивая и Литву, Эстонию. Останавливаемся у хуторов. Аккуратные, чистые домики с верандами,

опрятные каменные сараи, всё ухожено и культурно. Спрашиваем молока — самый дешёвый и распространённый продукт в Эстонии. Эстонцы молока не дают.

— Пима йола! — и весь сказ.

Тогда после нескольких попыток разжиться молочком, получив очередной отказ, наш матрос Сашка с досады даёт залп по воронам. Хозяин хутора бледнеет и ментально выносит кринку молока. Подобный шантаж вспоминал один из офицеров, после войны попавший к нам во флот из сухопутных частей.

Когда его полк вошёл в Польшу, в одном из домов, где на ночлег расположились офицеры, они попросили у хозяина выпивки и ужина. Хозяин развёл руками: «Ниц нима, вшиско герман забрал!!» Сообразительный майор (рассказчик) зовёт ординарца:

— Иван, носи бумагу, будем записывать хозяев в колхоз!

Хозяин немеет, молча лезет в подпол и суетливо достаёт самогон, сало и другие приятные угощения. В Риге, в доме банкира, где мы квартировали, была обширная библиотека, сплошь на иностранных языках. Мы пренебрегали ею, разве что брали одну-две книги на растопку печи. Как-то сидели у этой самой печки и курили с ребятами, которые проездом остановились у нас на часок: их путь дальше на запад.

Один из гостей перелистывает книгу, которая взята на растопку, и начинает дрожать: «Крошка Доррит»! Диккенс на английском, старинное прижизненное издание, 19-й век...

— Подари мне книгу! — обращается он ко мне.

— Бери! — великодушно заявляю я.

Чтобы понять эту сцену, надо знать, что гость мой — парень с высшим образованием, знающий английский, а я юный дикарь, который, в рассеянии глядя на книги банкира, как-то увидел брошюру из грубой, почти наждачной бумаги на русском языке со странным названием «Пощёчина общественному вкусу», остался равнодушным, изумившись ее неэстетическому виду...

Однако всё-таки в Риге кое-что почитывал, доставая эмигрантскую русскую литературу, открывающую совсем неизвестный мир «русскоязычного» искусства...

В 1944 г. на машинах везём свою аппаратуру к морю — несёмся вслед за передовой линией наступающего Прибалтийского флота через всю Прибалтику. Останавливаемся на ночлег в одном из литовских домов спящего городка.

Немцы здесь были совсем недавно, в комнатах их дух, запахи, оставшиеся вещи, валяющиеся бутылки, сигареты, журналы. Поднимаю с пола журнал — во весь разворот панорамная фотография Питера, и над соборами, мостами, дворцами — цифры артиллерийских прицелов. Здесь же фотографии дальнобойных орудий, обстреливающих Ленинград, — «длинные Берты» устрашающих размеров, суетящиеся вокруг них расчёты... Вспомнил артобстрелы города, и сердце сжал спазм ненависти...

За 9 лет флотской службы не видел и не слышал ни одного проявления национальной розни, шовинизма, юдофобии и других «фобий». А ребята служили разные — были и украинцы, и белорусы, и татары, и евреи, и кавказцы. Запомнилась мягкая шутка командира.

После войны поощрялся футбол, и вот во время одной из игр нашей команды с соседями (ребятами из другой военной части) на трибуне рядом с командиром сидели офицеры-соседи.

В нашей команде напористо и увлечённо играл страстный, темпераментный жгучий брюнет; и у командира спросили: «Этот центральный — грузин?» На что тот ответил: «Это Осип Гуревич. Надеюсь, это вам что-то говорит о его национальной принадлежности».

День победы

Ночная радиовахта с 8 на 9 мая. Отчаявшиеся немцы отбросили все шифры и радиоухищрения и шпарят на всех волнах открытым текстом. Нервно повторяют приказ всем кораблям флота идти на запад, в Киль.

Приказ подписан адмиралом Деницем. Моего восьмиклассного образования хватает, чтобы прочесть и понять эти радиограммы. Эфир весь звенит и гудит...

И сквозь это половодье морзянки пробивается голос Левитана, торжественно читающего приказ **о дне Победы**.

Звоною в отдел, выскакиваю из палатки. Но, видимо, я не первый и не единственный узнал эту потрясающую новость: весь ночной небосклон озарился залпами, бьют из всех видов оружия, фейерверком сверкают трассирующие пули, грохот и огонь сотрясают ночь. Я хватаю свой автомат и вписываю в этот залп свою ликующую очередь.

Победа! Наконец-то Победа!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Непреодолимая субъективность мемуаров (вместо предисловия)	4
--	---

ИСТОКИ И ВЗРОСЛЕНИЕ

Проблема начала или моя родословная	17
Челяба	26
«Опорный край державы»	42
Семейные гнезда	48
Поколение родителей	57
«Три танкиста, три любимых сына»	70
Двоюродные братья и сестры	81
«Школьные годы чудесные?»	90
Первая железнодорожная	97
Малая Южно-Уральская железная дорога	112
Попытка не пытка	116
«Мои университеты»	120

ВЫБОР ПУТИ

Философский факультет	137
«Как в студенческой нашей гульбе...»	148
«На севере диком»	162
Начинающееся прозрение	177
«Зачем мне эмпирически изучать червяка?»	183

ВХОЖДЕНИЕ В АКАДЕМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО

Несостоявшаяся эстонизация	193
ЛО ИИЕТ АН СССР: этос и быт	201
Люди и традиции	207
«Мы с тобой одной крови...»	212
Вступление в сообщество	222
Зарубежные связи	236
«Ученым можешь ты не быть, а кандидатом быть обязан»	244
Реорганизационные пертурбации	251
Калымы	261

ОГЛАВЛЕНИЕ

«В ОДНУ И ТУ ЖЕ РЕКУ НЕЛЬЗЯ ВОЙТИ ДВАЖДЫ»

Возвращение в недавнее прошлое	275
«Великий антилысенковец»	281
Король эволюционной теории	285
К новым рубежам	289
Вернадскоеведение	297
«Тайные враги — это еще не враги...»	302
Эволюционный семинар	308
Расширяющееся сообщество	311
Семейный тыл	341

В НОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ, ИДЕОЛОГО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ

«Хотели как лучше, а получилось как всегда»	352
«Это даже хорошо, что пока нам плохо»	357
Директорская суета	368
«Встречи и расставания»	376
Расширяющийся круг: от социальной истории к сравнительным исследованиям	386
Наука и кризисы	395
Академология	405
Биографии и энциклопедии	419
Страсти по Дарвину	422
Разнообразные связи	434
«Америка, Америка...»	443
Лебединая песня	453
«Как хорошо мы плохо жили» (вместо послесловия)	455

ПРИЛОЖЕНИЯ

Основные даты жизни и деятельности	463
Хронологический указатель трудов	467
Список работ, опубликованных под редакцией Э. И. Колчинского	511
Список рецензий на труды Э. И. Колчинского	517
Список трудов об Э. И. Колчинском	522
Список докладов Э. И. Колчинского	523
Список курсов лекций Э. И. Колчинского	538
Научное руководство кандидатскими диссертациями по специальности «История науки и техники»	539
Список международных проектов Э. И. Колчинского	540
Организация и проведение конференций	542
Заграничные командировки	547
Научные награды	552
Членство в отечественных научных обществах и редколлегиях	553
Членство в зарубежных научных обществах и редколлегиях	554
Российские гранты	555
<i>Рид Федорович Брандесов. Воспоминания</i>	561

Эдуард Израилевич Колчинский

ТАК ВСПОМИНАЕТСЯ...

Выпускающий редактор *М.В. Беглецова*
Корректор *Н.Ю. Сулейманова*
Оригинал-макет *Л.Е. Голод*
Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 00.00.2014. Формат 70×100^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 35,75
Тираж 1000 экз. Заказ № 3817

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)622-01-23